27

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ А 4 Шкафъ 27
Полка № 1.

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ А Шкафъ 27
По кн. 4 № 17

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
10 ОКТЯБРЬ 1889
1297
Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ 6 Шкафъ 4
Полка 3 № 3
А27 4/1

Памяти Михаила Николаевича Харузина *).

Мм. Гг.

Снова выпадаетъ мнѣ на долю печальная обязанность, при самомъ началѣ серіи нашихъ обычныхъ засѣданій, занести въ синодикъ Этнографическаго отдѣла еще одно дорогое для всѣхъ насъ имя. 25 Сентября скончался въ Ревелѣ послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, бывшій секретарь отдѣла непремѣнный членъ Михаилъ Николаевичъ Харузинъ. Первое извѣстіе о его болѣзни, полученное недѣли двѣ тому назадъ, не заключало, казалось, ничего устрашающаго. Было полное основаніе надѣяться, что молодой, крѣпкій организмъ выдержитъ борьбу съ недугомъ. Но уже черезъ три, четыре дня начали приходить телеграммы все болѣе и болѣе тревожнаго характера: молодыя силы видимо подтачивались со страшной быстротой, сопротивленіе организма ослабѣвало съ минуты на минуту, и роковый исходъ сталъ неизбѣженъ.

Не долго суждено было пользоваться жизнью нашему молодому сочлену. Онъ удалился изъ нея, пройдя лишь первые шаги. Почти вся эта недолгая жизнь была лишь приготовленіемъ къ жизни: изъ 29 лѣтъ 20 лѣтъ были посвящены ученію, ученію основательному, обширному, упорному. И вотъ, когда для полезной общественной дѣятельности, которой лишь два года тому назадъ отдался покойный, были приготовлены всѣ средства: основательное образованіе, спеціальная юридическая подготовка, дисциплинированный умъ, даровитое перо, юношеское увлеченіе, привычка къ труду, физическое здоровіе; когда, повидимому, успѣшное начало предрекало плодотворную и продолжительную дѣятельность,—внезапно подкравшійся недугъ въ нѣсколько дней обрываетъ всѣ надежды, разрушаетъ всѣ планы, кончаетъ всѣ расчеты съ жизнью. Припомнимъ въ краткихъ словахъ главныя черты дѣятельности М. Н-ча.

Еще студентомъ юридическаго факультета, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ своего учителя М. М. Ковалевскаго, М. Н. живо заинтересовался изученіемъ обычнаго права, какъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій народнаго духа. Не довольствуясь изученіемъ юридическаго быта путемъ книжнымъ, М. Н. старается ближе подойти къ народу, прислушаться къ его юридическимъ понятіямъ и собирать матеріалы изъ первыхъ рукъ. Онъ рѣшается въ 1882 году произвести рядъ разысканій въ различныхъ мѣстахъ Вятской губ., согласно съ требованіями, выраженными въ существовавшихъ въ то время въ нашей литературѣ программахъ для собиранія юридическихъ обычаевъ.

По неопытности молодого изслѣдованія, его широкіе планы исполнялись только отчасти. Не имѣя еще въ то время рекомендаціи ученыхъ обществъ, совершенно необходимой для подобнаго рода предпріятій, М. Н. скоро по появленіи своемъ въ Вятскую губ. навлекъ на себя подозрѣніе мѣстной полиціи, подвергся обыску и аресту и вынужденъ былъ прекратить свои занятія почти при самомъ ихъ началѣ. Однако все же поѣздка М. Н. не осталась безъ послѣдствій. То немногое, что ему удалось собрать, онъ обработалъ въ интересной статьѣ, напечатанной въ Юридич. Вѣстникѣ 1 Февраля 1883 г. подъ заглавіемъ: *Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.* . Въ этой небольшой работѣ уже можно подмѣтить тѣ черты, которыя характеризуютъ другіе труды М. Н. Его интересы не исчерпываются одной юридической стороной народной жизни. Онъ смотритъ на народъ съ любовью этнографа, наблюдая самыя разнообразныя проявленія народнаго духа, религіозныя вѣрованія, обряды, обычаи и т. п., и, сосредоточивая главное вниманіе на юридическихъ понятіяхъ, старается однако по возможности нарисовать полную картину всего склада народной жизни.

Предметомъ кратковременныхъ наблюденій М. Н-ча въ Сарапульскомъ уѣздѣ были разныя населяющія его народности: и русскіе, и вотяки, и черемисы, и татары и хотя свѣдѣнія,

*) Согласно опредѣленію Этнографическаго Отдѣла О. Л. Е. А. и Э., состоявшемуся въ засѣданіи 28 сентября 1888 г. къ IX-ой книгѣ „Трудовъ" прилагается портретъ бывшаго секретаря Отдѣла Михаила Николаевича Харузина († 25 сентября 1888 г.) и рѣчь Предсѣдателя Отдѣла, Поч. Члена В. Ѳ. Миллера, посвященная памяти покойнаго.

собранныя имъ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, являются недостаточно полными, но способъ ихъ группировки и пріемы изслѣдованія обнаруживаютъ въ молодомъ изслѣдователѣ знакомство съ научнымъ методомъ и съ требованіями этнографической науки. Неудача, испытанная въ первой этнографической поѣздкѣ, нисколько не охладила М. Н. Въ 1884 году, значительно пополнивъ свои свѣдѣнія въ обычномъ правѣ и познакомившись со всей литературой объ Области Войска Донскаго, онъ предпринимаетъ туда поѣздку, на этотъ разъ вполнѣ удачную, такъ какъ результатомъ ея является солидный научный трудъ (около 400 стр): *Сводныя о казацкихъ общинахъ на Дону, выпускъ I. Москва 1885 г.* Харузину удалось посѣтить всѣ типическія мѣста Области, извлечь изъ архивовъ до 2 тысячъ характерныхъ рѣшеній станичныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, и добыть массу разныхъ бытовыхъ свѣдѣній изъ устъ казаковъ. Но при всей основательности и детальности, книга М. Харузина является не сухимъ учебнымъ описаніемъ, а рядомъ живыхъ, полныхъ интереса очерковъ, доступныхъ не только спеціалисту, но всякому образованному читателю. Въ прекрасномъ литературномъ изложеніи передъ нами въ 1-ой главѣ развертывается картина постепеннаго заселенія донскихъ степей казацкими военными общинами, поземельныя отношенія временъ полнаго простора и приволья; затѣмъ первыя стѣсненія въ землѣ, пользованіе пахотью, сѣнокосами, лѣсами, рыбной ловлей, пастбищами. Далѣе авторъ рисуетъ намъ семейныя отношенія въ ихъ первобытной простотѣ и грубости, съ бракомъ на майданѣ и несложнымъ разводомъ, личныя и имущественныя отношенія супруговъ, положеніе жены и матери, отношеніе дѣтей къ родителямъ т. п., уясняетъ роль казацкаго круга, станичныхъ властей, типическія черты народнаго суда въ прежнія и новыя времена, уголовныя кары, и вообще правовые, порядки казацкихъ общинъ, не оставляя безъ вниманія ни повседневныхъ занятій казачества—общественныхъ работъ на артельныхъ началахъ,—ни общественныхъ пировъ и забавъ въ праздничные періоды года. Словомъ, называя скромно свои труды лишь матеріалами для обычнаго права, авторъ даетъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе книги, и представляетъ полную и всестороннюю картину быта Донскихъ казаковъ, основанную на богатыхъ матеріалахъ, тщательно провѣренныхъ и критически разработанныхъ. Притомъ въ его историческомъ изложеніи мы видимъ, какъ послѣдовательно складывались современныя черты этого быта, и находимъ объясненіе настоящаго въ условіяхъ прошлаго. Солидный трудъ М. Н. былъ принятъ факультетомъ какъ кандидатская диссертація и авторъ оставленъ при Университетѣ по каѳедрѣ Государственнаго права.

Съ окончанія курса въ Университетѣ М. Н. начинаетъ принимать живое участіе въ трудахъ этнографическаго отдѣла въ качествѣ секретаря. Я не стану перечислять эти труды, такъ какъ они у всѣхъ насъ свѣжи въ памяти. Напомню только, что, благодаря ему, Отдѣлъ могъ удовлетворить давно чувствовавшейся потребности въ изданіи программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. Приступивъ, по моему приглашенію, осенью 1886 года къ этой работѣ,—М. Н. отдался ей съ обычнымъ рвеніемъ и, будучи убѣжденъ, что выработка такой программы, требующая обширныхъ подготовительныхъ работъ, особенно затруднительныхъ вслѣдствіе разбросанности по періодическимъ изданіямъ громаднаго матеріала—не можетъ быть успѣшно выполнена однимъ лицомъ, обратился къ лицамъ, занимающимся обычнымъ правомъ, съ просьбой оказать содѣйствіе предпріятію Отдѣла присылкою вопросныхъ пунктовъ. На приглашеніе М. Н. откликнулись лишь немногіе (до 12 лицъ), но все же ихъ вопросы, въ связи съ матеріалами, которыми онъ раньше располагалъ, дали ему возможность составить обширную программу почти по всѣмъ отдѣламъ обычнаго права, содержащую болѣе 2200 вопросовъ, программу наиболѣе подробную изъ всѣхъ ранѣе имѣвшихся въ нашей литературѣ. Главный трудъ—распредѣленіе вопросовъ по отдѣламъ, сношенія съ сотрудниками, корректированіе и т. д.—всецѣло принадлежитъ нашему покойному секретарю, который взялъ на себя притомъ и матеріальные расходы печатанія. О полезности составленной М. Н. программы свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что, напечатанная въ прошломъ году въ количествѣ 1000 экземпляровъ, онаразошлась почти вся, такъ что въ настоящее время уже является вопросъ объ ея переизданіи.

Послѣ 3-хъ-лѣтняго съ перерывами завѣдыванія письменными сношеніями Отдѣла, веденія протоколовъ засѣданій и участвованія въ докладахъ, М. Н. долженъ былъ отказаться отъ занятій секретарскихъ, такъ какъ покинулъ Москву,—поступивъ на службу въ Ре-

вель, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Эстляндскомъ губернаторѣ.

Судить о новой общественной дѣятельности нашего покойнаго секретаря я могу только по отзывамъ, появлявшимся въ печати о его научно-литературныхъ трудахъ и по изрѣдка доходившимъ до меня извѣстіямъ отъ его родныхъ. И здѣсь я узнаю снова знакомыя черты, характеризующія М. Н-ча: горячую преданность дѣлу, неутомимую энергію, дѣятельность ради идеи, чуждую всякихъ практическихъ житейскихъ расчетовъ.

Увлекшись разработкою одного изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современной русской жизни, вопроса балтійскаго, и глубоко сочувствуя правительственной идеѣ установленія въ Балтійскомъ краѣ равновѣсія всѣхъ общественныхъ и національныхъ элементовъ населенія, равновѣсія, нарушаемаго средневѣковыми притязаніями нѣмецкаго дворянскаго меньшинства, подавляющаго другіе національные элементы, М. Н. изучаетъ исторію края, добываетъ архивные документы, которые печатаетъ въ редактируемыхъ имъ Эстляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, наблюдаетъ съ любовью этнографа бытовыя условія разныхъ національностей губерніи, предпринимаетъ съ этою цѣлью поѣздки, пишетъ статьи въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и издаетъ политическія брошюры.

О неутомимой, кипучей дѣятельности М. Н-ча свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что въ теченіе одного—1888 года, онъ издаетъ три работы, изъ которыхъ одна представляетъ объемистый томъ въ нѣсколько сотъ страницъ. Таковы: *Указатель хронологическій и систематическій законовъ для Прибалтійскихъ губерній съ 1704—по 1888 годъ; — Балтійская конституція—историко-юридическій очеркъ; — Пюхтица—святое мѣсто, бытовой очеркъ изъ Балтійской дѣйствительности.*

Я не беру на себя оцѣнки М. Н. какъ общественнаго дѣятеля и публициста, такъ какъ то и другое стоитъ вдали отъ моихъ наблюденій. Скажу только, что покойнымъ всегда руководили: чистое стремленіе къ истинѣ, симпатія этнографа къ слабымъ національностямъ (Эстамъ), подавляемымъ сильнымъ дворянскимъ нѣмецкимъ меньшинствомъ, и глубокое сочувствіе культурнаго человѣка къ реформамъ, имѣющимъ цѣлью внести свѣжую струю въ устарѣлыя средневѣковыя формы жизни, несоотвѣтствующія современнымъ намъ понятіямъ и бытовымъ условіямъ. Въ этомъ направленіи дѣятельности М. Харузинъ является послѣдователемъ Юрія Самарина, осудившаго притязанія балтійскихъ рыцарей новаго времени извѣстными словами: они «обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіей, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью.»

Чтобы докончить характеристику послѣднихъ 2-хъ лѣтъ дѣятельности М. Н-ча, я долженъ упомянуть, что его усидчивый, упорный трудъ не вознаграждался никакимъ жалованіемъ, что онъ былъ безкорыстенъ въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, и что единственнымъ вознагражденіемъ покойному служило сознаніе полезности его работы и нравственная поддержка небольшого сочувствующаго кружка.

Всегда печальнымъ диссонансомъ звучитъ для насъ извѣстіе о внезапномъ перерывѣ молодой, едва развернувшейся жизни, на которую можно было возлагать много надеждъ; но еще печальнѣе, когда это извѣстіе вызываетъ въ нашемъ воспоминаніи симпатическія черты хорошо знакомой намъ личности, а личность М. Н-ча была глубоко симпатична для всѣхъ знавшихъ его близко. Необыкновенная доброта, всегдашняя готовность быть всѣмъ полезнымъ, живое увлеченіе идеей, чуждое матеріальныхъ соображеній и каррьеризма, замѣчательная скромность въ оцѣнкѣ собственныхъ способностей—вотъ главныя черты, извѣстныя хорошо всѣмъ намъ, нашего покойнаго сочлена. Онъ не любилъ распространяться о своихъ планахъ и научныхъ предпріятіяхъ, всегда жаловался на то, что дѣлаетъ слишкомъ мало; а между тѣмъ работалъ неустанно, и появленіе того или другого труда его въ печати оказывалось какъ бы сюрпризомъ даже для близкихъ къ нему лицъ. Въ наше время каррьеризма и рекламы такіе типы встрѣчаются уже рѣдко: скромные труженники, не заявляющіе громко о себѣ, ускользаютъ отъ индифферентныхъ взоровъ общества, падкаго до всякой шумихи. Такимъ скромнымъ работникомъ представлялся и покойный, вслѣдствіе полнаго отсутствія желанія выдаваться и играть роль. Но всѣ, кто знали его близко и читали его труды, видѣли въ немъ не только работника, но мастера съ несомнѣнной печатью дарованія.

Всев. Миллеръ.

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

М. И. Харузинъ.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ LXI.

LXI — LXII.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

П-3766

КНИГА IX.

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи.

(Обычное право, обряды, вѣрованія и пр.).

ВЫПУСКЪ I.

ПО ПОРУЧЕНІЮ ОТДѢЛА

подъ редакціей члена Отдѣла Этнографіи Николая Харузина.

БИБЛИОТЕКА
Союза ССР

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ и К°, Петровка, Рахмановскій переулокъ, домъ Левенсонъ.
1889.

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ВЫПУСКЪ IX.

Печатано съ разрѣшенія Президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Ординарнаго Профессора **Всеволода Миллера**. 31 января 1889 года.

МОСКВА
1889

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Принимая на себя по порученію Отдѣла Этнографіи редактированіе Сборника свѣдѣній о бытѣ русскихъ крестьянъ, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ, вызвавшихъ изданіе его. Вслѣдствіе изданія Этнографическимъ Отдѣломъ О. Л. Е. А. и Э. „Программы для собиранія свѣдѣній объ юрид. Обычаяхъ“ и „Программы для собиранія Этнографическихъ Свѣдѣній“, въ Отдѣлъ сталъ стекаться болѣе обильный матеріалъ какъ по инородцамъ, такъ и по русскому крестьянскому населенію. Въ виду накопленія матеріала и явилась потребность изданія хотя бы нѣкоторой части его, тѣмъ болѣе, что кромѣ статей, которыми обогатился Отдѣлъ послѣ изданія „Программъ“,— въ архивахъ его находится еще запасъ свѣдѣній, присланныхъ разными лицами въ разное время и до изданія вопросныхъ пунктовъ.

Большинство статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ „Сборника“, основано на матеріалахъ, собранныхъ членами Отдѣла во время ихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ разныя мѣстности Россіи; прочія присланы лицами, откликнувшимися сочувственно на „Программы“. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ Сборника, который предполагается издавать по возможности *каждый годъ*, будутъ печатаемы какъ статьи уже имѣющіяся въ Отдѣлѣ, такъ и тѣ, которыя мѣстные жители пожелали бы предоставить въ его распоряженіе.

Вообще нельзя не пожелать, чтобы именно жители разныхъ мѣстностей Россіи употребляли часть своего времени на собираніе данныхъ, касающихся быта русскаго крестьянскаго населенія. Проѣзжій изслѣдователь, имѣя лишь немного времени въ запасѣ, въ большинствѣ случаевъ, въ состояніи лишь бѣгло узнать бытъ крестьянина, увидать лишь выдающіяся черты крестьянской жизни. Въ этомъ отношеніи мѣстный житель имѣетъ то преимущество передъ заѣзжимъ изслѣдователемъ, что онъ, сталкиваясь каждодневно съ крестьяниномъ, усматриваетъ не только крупные, выдающіеся факты его жизни, но имѣетъ возможность изучить ее во всѣхъ деталяхъ и представить точную, правдивую картину крестьянскаго быта.

Не касаясь общихъ правилъ, руководствоваться которыми является необходимымъ при собираніи свѣдѣній о бытѣ крестьянина, такъ какъ они изложены съ должной полнотой въ предисловіяхъ къ Программѣ для соб. юр. свѣдѣній, отмѣчу, что изученіе быта нашего крестьянина, не смотря на многочисленныя работы, появившіяся уже въ печати, представляется существенно необходимымъ въ виду того, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ прежнія формы быта нашего крестьянина рушатся подъ напоромъ т. наз. городской культуры, уничтожающей остатки древнихъ, вѣковыхъ устоевъ коестьянской жизни. Собрать остав-

шіеся обломки, могущіе освѣтить многія стороны древняго быта, существенно важно для науки.

Но и изученіе быта тѣхъ мѣстностей, гдѣ городская культура имѣетъ перевѣсъ, даже тѣхъ мѣстностей, гдѣ она уже успѣла заполонить, разрушить древній бытъ, далеко не лишено интереса, такъ какъ оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ ужились новые взгляды, новыя идеи съ прежнимъ бытомъ, какъ видоизмѣнились они на новой, чисто крестьянской почвѣ. Такое изученіе, не ограничиваясь исключительно *научнымъ интересомъ*, способствуетъ нашему общественному самопознанію, вѣрному сужденію о крестьянахъ Поэтому каковы-бы ни были данныя, освѣщающія крестьянскій бытъ, въ какой бы мѣстности они ни были собраны,—они съ благодарностью будутъ приняты Отдѣломъ, хотя бы присылаемыя свѣдѣнія содержали отвѣты лишь на одинъ вопросъ касающійся быта крестьянина, такъ какъ, какъ бы ни были отрывочны свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ,—они составятъ все-таки (хотя и небольшой) вкладъ въ общую сокровищницу науки. Поэтому пусть не стѣсняются желающіе работать ни скудостью матеріала, ни его кажущейся безъинтересностью, имѣя въ виду, что своей работой они приносятъ посильную дань изученію быта нашего крестьянина *).

*) Для руководства при собираніи свѣдѣній о бытѣ русскихъ крестьянъ изданы Отдѣломъ Этнографіи въ 1887 г. „Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“ и „Программа для собиранія Этнографическихъ Свѣдѣній“, высылаемыя безплатно обращающимся въ Отдѣлъ Этнографіи при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Оглавленіе.

Стр.

Памяти Михаила Николаевича Харузина *Всев. Миллера*. 1
Отъ редакціи I
Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. *П. М. Богаевскаго*. 1
О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. *В. Кандинскаго*. 13
О доказательствахъ на волостномъ судѣ. *А. Папне* 19
Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. *А. И. Звонкова* 24
Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. *П. И. Астрова* 49
По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). *Н. Янчука*. . . . 57

I. Предисловіе. Цѣль и условія поѣздки. Раскопки. Антропологическія наблюденія. Затруднительность изслѣдованій въ Бѣлоруссіи 57
II. Этнографическія наблюденія, характеръ страны; костюмъ, языкъ; экономическій бытъ; народное образованіе; вѣрованія; «прощи», «присвятки»; отношенія къ раскольникамъ и къ евреямъ; пьянство 68
III. Прибавленіе. Бѣлорусскія народныя пѣсни Минской губ. 84
Примѣчанія. 112

Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ *А. Кельсіева* . 113
Изъ русской народной космогоніи, передано *С. Я. Деруновымъ* 118
Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. *Николая Харузина* 122

Приложенія.

Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. *Вас. Тихонова*. 1
О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. *В. Н. Аршинова* 10
Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. 13
Ноты (бѣлорусскія пѣсни).

ЗАМѢТКИ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ БЫТѢ КРЕСТЬЯНЪ САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДА ВЯТСКОЙ ГУБ.

Сарапулъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ прикамскихъ городовъ: его хлѣбная торговля и кожевенное производство извѣстны во всемъ прикамскомъ краѣ. Будучи лишь уѣзднымъ городомъ Вятской губерніи, онъ и по количеству населенія и по промышленности первый городъ названной губерніи.

Мѣстные крестьяне, имѣя не мало случаевъ бывать въ городѣ и болѣе или менѣе близко знакомиться съ его жизнью, являются піонерами его культуры. Послѣдняя, въ силу неподготовленности и неразвитости населенія, воспринимается въ самой нежелательной формѣ. Эта „культура“ рушитъ завѣты старины, сложившіеся вѣками; воспринимая ее, крестьяне, особенно молодежь, начинаютъ презрительно относиться къ старымъ дѣдовскимъ обычаямъ, которые дали русскому народу и форму общежитія и вѣками выработали его міровоззрѣніе.

Не будучи въ состояніи понять этой культуры, крестьяне, лишь въ силу того, что ея источникомъ являются „господа“, бросаютъ все свое и обращаются къ ней. Въ результатѣ получается самая безотрадная картина. Семейное начало, столь родное русскому народу, съ каждымъ годомъ слабѣетъ все болѣе и болѣе; правовыя воззрѣнія, выработанныя и провѣренныя вѣками, забываются; свое родное міровоззрѣніе замѣняется совершенно чуждымъ, наноснымъ.

Лишь малѣйшее облегченіе сношеній глухаго уголка съ центромъ—сейчасъ же замѣчается паденіе нравовъ, паденіе всякаго уваженія къ старинѣ и стремленіе, хотя внѣшнимъ образомъ, походить на носителей т. н. „культуры“. Сарапульскій уѣздъ въ этомъ отношеніи находится въ крайне невыгодномъ положеніи: тамъ три центра, являющихся, по крайней мѣрѣ по своей внѣшности, недосягаемымъ для крестьянъ идеаломъ—это городъ Сарапулъ и заводы Воткинскій съ Ижевскимъ. На Воткинскомъ заводѣ, разспрашивая мѣстныхъ крестьянъ о свадебныхъ обычаяхъ, я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что на другой день послѣ свадьбы молодые дѣлаютъ „визиты“; но рядомъ съ этимъ совершается слѣдующій обрядъ, послѣдній отголосокъ на Воткинскомъ заводѣ времени похищенія невѣстъ. Къ молодымъ собирается вся родня, при чемъ каждый изъ родственниковъ захватываетъ часть невѣстинаго приданого, съ которымъ всѣ толпою отправляются разъѣзжать по заводу, распѣвая при этомъ самыя разнообразныя пѣсни. Тамъ же посидѣлки замѣнены „танцовальными вечерами“; подобную замѣну пришлось встрѣтить и въ с. Козловѣ, отстоящемъ отъ Сарапула на 20 верстъ. Но на ряду съ этими танцовальными вечерами въ Козловѣ, въ Великій Четвергъ, бабы, у которыхъ не клохчатъ куры, отправляются въ курятникъ и клохчатъ тамъ сами, столкнувъ куръ съ сѣдалъ. Тамъ же самымъ вѣрнымъ средствомъ пріучить скотину возвращаться съ поля домой считаютъ крикъ въ Вел. Четвергъ въ трубу: „Тпруте, матушка (при этомъ перебираютъ всякую скотину) поди домой; какъ бы заслонка стояла на шесткѣ, такъ бы и скотина дома бы находилась“.

Рѣдко можно услышать старую пѣсню—ее вытѣснили безграмотныя вирши московскихъ пѣсенниковъ. На просьбу сказать хорошую, старинную пѣсню, постоянно съ видимымъ удовольствіемъ поютъ или разсказываютъ самыя нелѣпыя, самыя безсмысленныя произведенія московскихъ пѣсенниковъ.

Вотъ, напримѣръ, любимая пѣсня, слышанная мною на протяженіи всего уѣзда, одинаково у раскольниковъ и православныхъ.

„Ахъ ты Ваня, разудала голова,
Сколь далече отъѣзжаешь отъ меня,
На кого же оставляешь здѣсь меня.
Ни на друга, ни на брата своего,
Ни на ближняго сусѣда своего.
Съ кѣмъ же буду зиму зимовать,
Красну весну весновать,
Тепло лѣтичко гулять?
Ой ты, Ваня, разудала голова,
Что ты сдѣлалъ надо мною,

Надсмѣялся надо мною,
Здѣсь оставилъ горе горькой сиротой,
Ни солдаткой, ни вдовой".

Впрочемъ, надо замѣтить, что это еще лучшая пѣсня, а то сплошь да рядомъ приходится слушать слѣдующія пожеланія:

„Кинареечка моя любезная,
Утѣшай съ горя меня.
Скорбь моя тебѣ извѣстна:
Позабылъ милой меня.
Растворю я птичкѣ клѣтку,
Лети къ дружку моему..."

Заканчивается она слѣдующими словами:

„Лучше съ миленькимъ разстанусь,
Вѣкъ знакомымъ не бывать".

Присутствуя на празднованіи Троицына дня, я убѣдился въ томъ, что ни одного стараго обряда не уцѣлѣло; ни одной старинной пѣсни не удалось мнѣ слышать въ этотъ день. Цѣлый день прошелъ въ хороводахъ съ пѣніемъ почти фабричныхъ пѣсенъ. Укажу лишь на одну изъ нихъ, являющуюся отголоскомъ стараго времени. Записана эта пѣсня со словъ старухи, утверждавшей, что поется она въ Троицынъ день.

„Не гуси, не лебеди со лузей подымалися,
Подымалися дѣвицы со дубовыя лавицы,
Выносили дѣвицы соловья по зарукавью,
Садили дѣвицы на часъ его на ракитовъ кустъ,
Соловеюшка высвистываетъ,
А красны дѣвицы возыгрываютъ,
А старыя бабы востуживаютъ,
А молодицы расплачутся.
Поиграйте дѣвицы, да поиграйте красныя,
Тогда вамъ будетъ не игрывати
И вамъ тогда будетъ не плясывати,
Не ровенъ чортъ навяжется,
Не ровенъ и накачается,
Либо младъ человѣкъ,
Либо пьяница пропоица мужикъ,
Тогда и не игрывати и не плясывати".

Изъ обрядовъ, совершаемыхъ въ этотъ день, по крайней мѣрѣ въ д. Елкиной, я не могу указать ни одного. Интересенъ лишь тотъ фактъ, что по окончаніи хороводовъ, водимыхъ дѣвушками окрестныхъ деревень, онѣ вступаютъ въ половое общеніе съ парнями, при чемъ парни каждой деревни строго оберегаютъ своихъ дѣвушекъ.

Стремленіе подражать городскому населенію не могло не отразиться и на юридическомъ бытѣ Сарапульскихъ крестьянъ, который въ общихъ своихъ чертахъ ничѣмъ не отличается отъ быта остальнаго русскаго населенія. Каждый годъ приноситъ за собою небольшое утрачиваніе народомъ своего собственнаго правовоззрѣнія, замѣняемаго обращеніемъ къ городу за помощью; а послѣдній даетъ ее въ лицѣ писарей съ Х-ымъ и другими томами въ рукахъ. Вотъ почему крайне важно изученіе въ настоящее время даже того немногаго, что осталось въ мѣстностяхъ, зараженныхъ подражаніемъ внѣшней культурѣ цивилизованнаго общества.

Съ каждымъ годомъ растетъ стремленіе крестьянъ вѣками выработанную форму общежитія, большую семью, замѣнить новою, которая даетъ и большій просторъ иниціативѣ отдѣльнаго лица и возможность самостоятельнаго, независимаго существованія, растетъ стремленіе замѣнить большую семью малою.

„Въ малой семьѣ, по словамъ одного крестьянина, по себѣ каждый зарабатываетъ, по себѣ и получаетъ; а коли семья большая, такъ онъ ничего себѣ самому не дождется". Часто приходится слышать жалобы крестьянъ на то, что „народъ нынѣ зубастый сталъ, всякому охота большому быть въ дому; оттого и ссоры происходятъ въ семьѣ", а послѣднія доводятъ сплошь да рядомъ до совершеннаго распаденія большой семьи. Какъ на одну изъ причинъ этихъ ссоръ всегда почти указываютъ на зависть другъ къ другу женскаго состава семьи, вызываемую чаще всего матеріальною неудовлетворенностью, а послѣдняя происходитъ, по мнѣнію крестьянъ, отъ недостатка въ землѣ. Недостатокъ этотъ настолько ощутителенъ, что за послѣднее время, какъ говорили мнѣ въ с. Нечкинѣ, боятся приступить къ ея дѣлежу, и ограничиваются лишь тѣмъ, что „если замѣчаютъ, что у кого лишняя земля, такъ ровняютъ". „Потому я отошелъ, говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, что у меня ребятъ много, а у братьевъ мало". Одежа дѣтей вызываетъ лишніе расходы, а эти послѣдніе даютъ поводъ къ попрекамъ. Другая причина частыхъ ссоръ заключается въ невозможности уравнять трудъ всѣхъ членовъ семьи: „одинъ говоритъ: ты много робишь, другой: ты меньше. Вотъ и пойдутъ къ раздѣлу. Это бываетъ, гдѣ домохозяинъ не можетъ вести порядокъ".

Въ настоящее время въ большихъ семьяхъ Сарапульскаго уѣзда рѣдко попадаются взрослые женатые племянники или внуки. „Все больше отцы съ сыновьями живутъ, да и послѣдніе норовятъ все въ раздѣлъ: работа то въ семьѣ казенная, такъ думаетъ уходящій,

буду лучше одинъ жить". Въ сел. Перевозномъ мнѣ указывали на то, что если дядя съ племянниками живетъ, „такъ уже развѣ только по сиротству". Тамъ же пришлось встрѣтить 6 совершенно отдѣльныхъ дворовъ, которые считаютъ, что они раздробились изъ одной большой семьи втеченіе 40 лѣтъ. Какъ очень рѣдкое явленіе, мнѣ пришлось встрѣтить въ с. Перевозномъ семью, живущую въ раздѣлѣ, но работающую вмѣстѣ. Подобный фактъ до нѣкоторой степени служитъ доказательствомъ тѣхъ объясненій крестьянами частыхъ дѣлежей, гдѣ они указываютъ, какъ на причину ихъ, стремленіе къ индивидуальности. На ряду съ постояннымъ распаденіемъ семьи нельзя не обратить вниманія на почти во всѣхъ деревняхъ широко практикуемый „пріемъ въ дѣти" и „въ зятья". Вызывается этотъ пріемъ, конечно, необходимостью въ сельскомъ хозяйствѣ рабочихъ рукъ. Въ то время какъ родные члены семьи стремятся зажить самостоятельнымъ хозяйствомъ, остающіеся лишаются работниковъ, выносящихъ на своихъ плечахъ все, даже незначительное, благосостояніе семьи, а потому волею неволею должны обращаться къ искусственному составленію семьи, что достигается пріемомъ къ себѣ въ домъ небогатыхъ крестьянъ частью въ качествѣ дѣтей, частью въ качествѣ зятьевъ. Не рѣдки случаи, когда въ домъ приходитъ цѣлое семейство и поступаетъ тамъ „въ дѣти", принося свое имущество, которое и соединяютъ съ имуществомъ принявшей ихъ семьи. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ о пріемѣ „въ дѣти" заявляютъ на сходѣ тогда, когда у принявшаго е ть родные, если же таковыхъ нѣтъ, не заявляютъ, и тогда по смерти домохозяина его имущество наслѣдуютъ пришельцы на томъ основаніи, что они заботились о немъ въ старости, а также всегда обращается вниманіе и на то, что они похоронили его.

Такимъ образомъ семьи сарапульскихъ крестьянъ можно раздѣлить на слѣдующіе 2 главные типа. I) Кровная семья, состоящая изъ кровныхъ родственниковъ; сюда же я отношу тѣ семьи, которыя въ числѣ прочихъ своихъ членовъ считаютъ принятыхъ зятьевъ.

II) Семья, не состоящая изъ близкихъ кровныхъ родственниковъ, какъ она была названа однимъ изъ крестьянъ, *сведеная семья*. Вотъ, по словамъ его, примѣръ такой семьи: „у хозяина родилась дочь, на которую онъ взялъ зятя. У послѣдней были двѣ дочери, обѣ выданныя замужъ. Мужъ одной изъ нихъ умеръ, тогда она пришла къ дѣду со своими двумя сыновьями. Кромѣ того къ этому домохозяину подбросили подкидыша, котораго онъ пожениль. Это будетъ сведеная семья, потому что она изъ разныхъ колѣнъ".

Важно слѣдующее замѣчаніе разсказчика: „въ сведеной семьѣ робятъ всѣ вмѣстѣ, такъ и дѣлятъ поровну". Это замѣчаніе, мнѣ кажется, рельефно характеризуетъ воззрѣніе народа на семейную работу. Если кровный родственникъ, то, какъ говоритъ мѣстная поговорка: „брата сколько ни обидь, паю не лишишь", а въ сведеной семьѣ на первый планъ выдвигается тотъ принципъ, что „робятъ вмѣстѣ, такъ и дѣлятъ поровну".

На ряду съ этими двумя видами, которые можно отнести къ разряду большихъ семей, укажу какъ на третій типъ, на малую семью, которая состоитъ лишь изъ мужа съ женою съ малолѣтними дѣтьми. Такая семья образуется немедленно по отдѣленіи отъ большой, и иногда вновь разрастается до болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ.

Если бѣдность въ землѣ является одною изъ причинъ дѣлежей, то она же иногда и препятствуетъ имъ, такъ какъ лишаетъ возможности обзавестись особымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ образуется еще видъ семьи, самый нежелательный: это родственники, которые живутъ въ одномъ домѣ, но ведутъ разное хозяйство.

Главою большой семьи или, какъ называютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кореннымъ хозяиномъ, большакомъ считаютъ чаще всего старшаго по лѣтамъ, хотя извѣстны случаи, когда для большака непремѣннымъ требованіемъ предъявляютъ умъ и опытность. „Старъ да молодъ, молодъ да старъ", говоритъ поговорка. „Большакомъ можетъ быть тотъ, кто порядокъ хорошо ведетъ", говорили крестьяне; „кто рѣзвѣе, тотъ и завѣдуетъ хозяйствомъ", „по дѣлу видно раньше, кому стать старшимъ". Впрочемъ, почти повсемѣстно добавляли, что хозяиномъ чаще всего становится старшій по лѣтамъ, что „мало по опытности выбираютъ, все же старшаго больше слушаютъ", что „все дѣло старики правятъ" и лишь если они начнутъ растрачивать имущество, „вступается общество и постановляетъ приговоръ на другого". Гдѣ въ семьѣ есть порядокъ, тамъ сынъ большакъ долженъ слушаться совѣтовъ вдовы матери. Женщина, хотя, если она ведетъ порядокъ хорошо, и можетъ быть самостоятельной большухой, но рѣдко бываетъ таковой при взрослыхъ мужчинахъ, членахъ семьи.

Какъ на очень рѣдкое исключеніе мнѣ указывали на случай въ д. Кварзѣ, „гдѣ дѣвушка, отцова сестра, всѣмъ дѣломъ править". Слѣ-

дующее выраженіе крестьянъ наглядно показываетъ, что они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаютъ самостоятельную большуху женщину. На вопросъ, можетъ ли мужъ завѣщать своей женѣ все имущество помимо сына, они отвѣчали: „Если есть сынъ, какъ-же онъ женѣ оставитъ? все же не жена будетъ распоряжаться“. Отвѣтъ до нѣкоторой степени характеризующій и взглядъ на цѣль завѣщанія. Бываютъ случаи, что большакъ устарѣвъ передаетъ свою власть сыну или другому члену семьи. „У Ѳоминыхъ, говорила мнѣ одна старуха, дѣдушка все сыну передалъ, а всетаки за большу голову считаютъ его“. Дѣлается это въ глубокой старости, когда не станетъ силъ больше работать. „Коли по крестьянски не можетъ отецъ работать, передаетъ все сыну“.

Большакъ распоряжается всѣми дѣлами семьи: онъ руководитъ работами, завѣдуетъ деньгами. Но надо различать большака брата и отца, такъ какъ на практикѣ власть того и другого различна. Крестьяне по идеѣ признаютъ, что всему воля большака, но въ жизни строго отличаютъ права большака брата и отца. Послѣдній можетъ сына, напримѣръ, побить, и тотъ не долженъ „обижаться“; но братъ не всегда можетъ прибѣгать къ этому средству, такъ какъ тотъ, по словамъ крестьянъ, можетъ „обидѣться“. „Братъ брату сусѣдъ“, добавляли они при этомъ. Лишь только большакъ, или какъ назвали его „уполномоченный“, можетъ „завѣщать, продавать и благословлять“.

Въ тоже время „кто хозяйствуетъ, – тотъ и отвѣтственъ за проступки семьи“.

Обыкновенно жена большака руководитъ работами женскаго состава семьи. Подобно тому какъ домохозяиномъ бываетъ иногда не старшій, но опытнѣйшій, бываетъ, что большухою выбирается умнѣйшая изъ снохъ. Главною обязанностью большухи въ иныхъ мѣстностяхъ является стряпня, тогда какъ снохи по очереди исполняютъ черную работу. „Во время страды большуха все больше передъ печкою, когда же снохи страдуютъ, она управляетъ всѣмъ домомъ“. Въ иныхъ большихъ семьяхъ на большухѣ лежитъ лишь руководство, тогда какъ пища готовится всѣми снохами по очереди, а также и „кормить скотину, каждая свой чередъ знаетъ“. Бываетъ, что старшія женщины управляютъ въ избѣ, а за скотиною смотритъ, кто помоложе. На обязанности каждой изъ женщинъ лежитъ обшиваніе своего мужа; вдоваго отца обшиваютъ дочери. Вотъ почему посѣянный ленъ бабы дѣлятъ между собою; поэтому же повсемѣстно слышишь, что „кудели бабы сѣютъ для себя“. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продажа огородныхъ овощей идетъ въ пользу бабъ, то въ несогласныхъ союзныхъ семьяхъ, таково названіе дается нѣкоторыми крестьянами большой семьѣ, обыкновенно огородъ раздѣляется между ними на грядки; деньги, вырученныя отъ продажи огородныхъ овощей, часто употребляются на покупку одежды. Тамъ, гдѣ овощи отъ огорода не идутъ на продажу, огородъ не дѣлятъ, „потому что тамъ всѣ сидятъ за однимъ припасомъ“. „Мужики пользуются хлѣбомъ, говорили мнѣ, а бабы льномъ и коноплею“, а эта послѣдняя идетъ на приготовленіе одежды, какъ мужу, такъ и себѣ съ дѣтьми. Вотъ почему крестьяне говорятъ, что „когда мужики пашутъ и сѣютъ, бабы ухаживаютъ за красами“. Но въ то же время женщина участвуетъ и въ полевыхъ работахъ всей семьи. На себя, мужа и дѣтей она работаетъ лишь зимой; когда окончится молотьба, тогда женщины начинаютъ прясть.

Такимъ образомъ личныя обязанности членовъ семьи сводятся къ тому, чтобы какъ женщины, такъ и мужчины постоянно употребляли свой трудъ и свою силу на обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія семьи. Послѣдніе добываютъ хлѣбъ и деньги, первыя помогаютъ имъ въ этомъ, заботясь въ то же время, каждая о своемъ мужѣ и неженатыхъ дѣтяхъ. Въ семьяхъ, живущихъ „по согласу“, „ничего безъ совѣту не дѣлается“.

Деньги, остающіяся у женщинъ отъ продажи кудели и овощей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и другихъ продуктовъ ихъ труда, остаются ихъ неприкосновенною собственностью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не употребляются на одежду для мужа и дѣтей. Помимо этого, отдѣльнымъ членамъ семьи принадлежатъ, какъ ихъ неприкосновенная собственность, всѣ деньги и вещи, заработанныя на сторонѣ въ т. н. праздничное время. Наконецъ, въ третьихъ, неприкосновенною собственностью снохи считается принесенное ею приданое, какъ платье, такъ и скотина; что касается до послѣдней, то тутъ можетъ возникнуть лишь вопросъ о приплодѣ, который, „коли несогласно живетъ семья“, присваивается ею. Хотя тутъ указывается на присвоеніе приплода въ случаѣ „несогласа“, мнѣ однако приходилось въ большинствѣ мѣстностей слышать, что приплодъ принадлежитъ семьѣ, такъ какъ его надо кормить, а „кормъ коня дороже“, говорили крестьяне. Нельзя не указать того факта, что на вопросъ, имѣютъ-ли члены большой семьи, мужчины, свое соб-

ственное имущество, постоянно указываютъ, какъ на таковое, на женино приданое, не смотря на то, что въ „хорошемъ семействѣ“ сноха почти безконтрольно распоряжается имъ. Въ то же время характерны слѣдующія указанія крестьянъ: „кудель бабій хлѣбъ“, но: „съ женою мужъ въ большей семьѣ наживаютъ имущество: ленъ сѣютъ, робятъ въ праздничные дни“, „кудели сѣютъ мужъ и жена“, „на свои деньги отъ кудели сынъ можетъ разводиться все болѣе и болѣе, даже можетъ домъ завести“. Какъ выразился одинъ крестьянинъ, „отецъ, изъ уваженія къ своимъ дѣтямъ, по праздникамъ отпускаетъ ихъ работать на себя“. Если заработанныя деньги или вещи употреблены на наживу и дадутъ прибыль, то послѣдняя идетъ въ пользу того лица, которое употребляетъ свое праздничное время на добываніе себѣ средствъ. „У моего сына, говорилъ крестьянинъ с. Мостоваго, пчелы на свои деньги заведены, такъ я въ нихъ не вмѣшиваюся. Если онъ хочетъ, еще заводи“. Безъ дозволенія домохозяина никто не можетъ наживать себѣ самъ, потому что „всѣ работаютъ въ артели“. Поэтому деньги, получаемыя за мелкія услуги идутъ домохозяину— „все же отъ отца идешь, такъ просишься“. Крайне характеренъ для опредѣленія крестьянскаго взгляда на семейное имущество слѣдующій примѣръ, приведенный мнѣ въ одной изъ деревень: „Если отецъ заложитъ, напримѣръ, тулупъ, а сынъ выкупитъ его, то онъ опять въ домъ идетъ, вѣдь тулупъ отецъ носитъ и сынъ тоже“.

Съ одной стороны, необходимость въ рабочихъ рукахъ, съ другой, желаніе каждаго члена семьи имѣть свою „хозяйку“, которая постоянно заботилась бы о немъ, заставляютъ крестьянъ при первой возможности женить своихъ дѣтей, племянниковъ и другихъ членовъ семьи. Доказательствомъ первой причины является то обстоятельство, что въ жены выбираютъ дѣвушку, старшую лѣтами. Въ прежнее время часто, по словамъ крестьянъ, встрѣчался 14-лѣтній мужъ и жена 20 лѣтъ, а теперь „стараются соединять годами, но все больше и теперь жены старше“. Что же касается до второй причины, то тутъ весьма характерны слѣдующія слова крестьянки с. Перевознаго: „мужику долженъ быть и обѣдъ приготовленъ и рубашка припасена, поэтому тотъ только не женатъ, кому не на что жить“. Такъ какъ новая сноха является работницею на всю семью, то поэтому передъ выборомъ ея собирается совѣтъ всей семьи; послѣдняя при этомъ несетъ и всѣ расходы по свадьбѣ: „вся семья даетъ (деньги, подарки) на свадьбу, да не то, что со всего дома и детъ, вс родня даетъ“. Изъ общаго семейнаго имущества платятся расходы по свадьбѣ, платится калымъ, тогда какъ приданое составляется нѣсколько инымъ способомъ. „У насъ изъ семей, говорили мнѣ, почти никогда не даютъ приданаго; коли есть дѣвочка, то мать съ самаго начала складываетъ ей платье, затѣмъ и сама дѣвушка заботится“. Что касается до калыма, то у русскихъ крестьянъ обычай платить его не является распространеннымъ. „Я внесъ за сноху, разсказывалъ крестьянинъ деревни Нарядовой, 28 рублей, трои сапоги: братамъ невѣсты, отцу, матери. Подарки противъ подарковъ. Эти деньги на моихъ глазахъ сдѣлались. Заплатилъ я 28 рублей за своего сына и сватъ дѣвай ихъ, куда хочешь, хоть себѣ, хоть дочери. Я сперва 25 рублей (условился) да затѣмъ мой сынъ запросилъ драповые шаровары, ну, сватъ и осердился, еще 3 рубля запросилъ“. Приходилось также слышать, что калымъ разсматриваютъ, какъ помощь невѣстиному отцу сдѣлать подарки роднѣ жениха. „Отецъ невѣсты можетъ сказать: 50 рублей дай мнѣ на убытки“. Впрочемъ за *хорошую* невѣсту часто требуютъ калымъ въ прямомъ его смыслѣ. Но, не смотря на издержки, которыя несетъ родня жениха (издержки на свадьбу, подарки, иногда на уплату калыма), приданое, приносимое невѣстою, составляетъ, какъ уже было указано выше, ея неотъемлемую собственность, владѣніе которой лишь до извѣстной степени ограничено волею мужа. „Жена безъ дозволенія мужа не можетъ продать своего приданаго“, говорили въ д. Нарядовой. Въ случаѣ смерти жены, ея приданое переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, идетъ обратно въ ея родъ; мужу повсемѣстно оставляется лишь одна постель. „Коли дѣти остались, приданое, обыкновенно состоящее изъ платья и скотины, подаренной невѣстѣ при выходѣ въ замужество ея семьею, все равно, какъ утонуло.“

Переходя къ свадебнымъ обрядамъ, я буду говорить о нихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, отобравъ типичнѣйшіе моменты свадьбы и наиболѣе интересные обряды, являющіеся переживаніемъ отдаленнаго отъ насъ времени. Послѣ того, какъ вопросъ о женитьбѣ рѣшенъ, а выборъ семьи остановился на какой либо дѣвушкѣ, къ ея родителямъ прежде всего посылаютъ „сусѣдей“; затѣмъ, сообразуясь съ ихъ отвѣтомъ, отправляются сами. Сватовство совершается совершенно такимъ же образомъ, какъ и почти повсемѣстно у русскихъ крестьянъ: тѣ же аллего-

рическія вступленія, тѣ же выраженія желанія породниться... Затѣмъ, заручившись согласіемъ родителей невѣсты, черезъ нѣсколько дней отправляются на „рукобитье“ или „взглядушки“. Въ этотъ день новый сватъ, по словамъ крестьянъ, обращаясь къ пришедшему отцу жениха, говоритъ: „если хочешь брать невѣсту, то давай столько-то денегъ, сапоговъ, рубашекъ“, а послѣдній въ свою очередь опредѣляетъ свои требованія относительно приданаго. По окончаніи этихъ расчетовъ обыкновенно называютъ невѣсту „пропитою“. Если бракъ впослѣдствіи разстроится, то женихова сторона должна возвратить семьѣ невѣсты за то, что „та на жениха скроилася“, а послѣдняя возвращаетъ первой то, „что поистратились на угощеніе“, такъ какъ вино при рукобитьѣ приносится отцомъ жениха. Черезъ нѣсколько времени послѣ рукобитья бываетъ свадьба, незадолго до которой совершается „обрученіе“. Описаніе послѣдняго я передамъ словами одной изъ крестьянокъ. „Отъ невѣсты къ жениху приглашать на обрученье“ посылаются сваты. Если женихъ живетъ въ другой деревнѣ, то незадолго до этого онъ пріѣзжаетъ въ деревню къ невѣстѣ и останавливается въ одной изъ сосѣднихъ избъ. Когда гости вмѣстѣ съ женихомъ придутъ къ невѣстѣ, всѣ садятся за столъ и послѣдняя идетъ за „подарушками“, которые раздаетъ и „своему роду и женихову“. Потомъ невѣста съ женихомъ садятся за столъ и всѣмъ, сколько есть „природы“, дѣвки поютъ пѣсни“.... Вотъ, напримѣръ, пѣсня, которая поется въ то время, какъ раздаются подарки:

„Ужь вы гуси, вы гуси,
Куда вы летѣли,
Чего видали, слыхали?
А мы видѣли, какъ (Катеринушка) плачетъ,

Ко даройкамъ причитаетъ:
Ужь я свекру то рубашечку,
Я свекровушкѣ другую,
Деверю платочекъ,
Золовушкѣ вѣночекъ“.

Слѣдующая пѣсня поется вину:

„Не гостинчики я приняла,
А тоску кручиночку
Со всего то міра бѣлаго,
Со всего то міра крещенаго“.

Послѣ „обрученья“, оканчивающагося благословеніемъ иконами, бываетъ самая свадьба. Передъ церковнымъ вѣнчаніемъ у невѣсты въ домѣ обѣдаютъ. Въ то время, какъ садиться за столъ, совершается извѣстный обрядъ выкупа косы. По окончаніи обѣда и во время него дѣвки поютъ величанія. „Кого величаютъ хорошо, тотъ имъ денегъ много кладетъ“. Дружкамъ онѣ поютъ:

„Ой вы дружки, да друженьки,
Соколы ясные.
Куда вы, дружки, ѣздили,
Кого вы, дружки, видѣли?
Ужь мы видѣли красну дѣвицу въ теремѣ

Привезли мы потерехоньку,
Потеряли русы косы“.

Матери невѣсты поютъ:

„Вы не пойте рано пѣтухи,
Не будите родную матушку:
Матушка старешенка была,
За пылиночку запнулася,
За травиночку заплеталася“.

Въ этомъ же родѣ величанія всѣмъ остальнымъ членамъ семьи. Въ церковь ѣдутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „дружки“ съ образомъ и „бояре“, женихъ съ „тысяцкимъ“, невѣста со свахою и „повозникомъ“. Въ церкви расплетается коса и вѣнчаютъ съ распущенными волосами. По окончаніи церковнаго обряда надѣваютъ косынку и повойникъ. Везутъ изъ церкви молодую сълицомъ закрытымъ покрываломъ, которое привозитъ женихова сваха. Пріѣхавшихъ молодыхъ встрѣчаютъ родители, которые ломаютъ надъ ними коровай хлѣба. На слѣдующій день гости производятъ нарочно безпорядокъ и новая хозяйка должна прибирать брошенный ими соръ. Какъ на особенно интересный обрядъ укажу на слѣдующій, нѣсколько напоминающій собою т. н. „утренній даръ“. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, молодая разуваетъ своего мужа, а послѣдній кладетъ въ сапогъ деньги, которыя вынимаются ею утромъ и идутъ въ ея пользу. Укажу еще на одинъ обычай, соблюдаемый русскимъ населеніемъ Сарапульскаго уѣзда. Молодая, первые дни послѣ свадьбы, всѣхъ приходящихъ къ ней въ домъ угощаетъ пивомъ; она одѣвается въ эти дни понарядиѣе, всякому подходящему подноситъ пива, которое тотъ, не говоря ни слова выпиваетъ, и затѣмъ цѣлуетъ молодую.

„Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Куда идти спроситися,
Отколь идти сказатися“.

Эти причитанія служатъ лучшею характеристикою положенія молодой въ новой семьѣ.

„Отдаютъ меня въ чужіе люди,
Въ чужіе люди, незнакомые,
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду племени,
Къ чужимъ кумушкамъ, подружкамъ,
Въ чужихъ людяхъ жить умѣючи, разумѣючи".

Какъ было указано выше, главныя заботы жены должны быть направлены на мужа: „жена должна мужу служить: вездѣ все мужской полъ первенствуетъ—напримѣръ, душа мужская ревизской считается, а женская нѣтъ". Но считая женщину ниже мужчины, крестьяне требуютъ отъ мужа нѣкотораго нравственнаго руководства женою. „Живетъ жена съ дурнымъ мужемъ, будетъ сама дурой и наоборотъ". „Жена мужемъ хороша" говоритъ пословица. Мужъ, какъ глава дома, встрѣчаетъ и принимаетъ гостей, тогда какъ жена имъ прислуживаетъ. Мужа своего жена зоветъ обыкновенно „хозяиномъ", иногда просто по имени. Одно изъ главныхъ требованій крестьянъ къ женѣ заключается въ требованіи отъ нея болѣе строгаго соблюденія правилъ половой нравственности, при чемъ оно формулируется слѣдующимъ образомъ: „Къ мущинѣ шашни не прилипаютъ, а къ женѣ больше, такъ какъ она всетаки домомъ живетъ". Потеря невинности для дѣвушки иногда много значитъ. „Если беременна дочь хорошаго отца, то она выходитъ замужъ за бѣднаго мужика". Въ прежнее время дѣвушки, выходившія замужъ невинными, клали въ напрестольное Евангеліе ленточку. Т. н. снохачество мало развито среди сарапульскихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, оно не представляется обычнымъ явленіемъ. Лишь изрѣдка, начитанные крестьяне, оправдываютъ его, ссылаясь на библію. Часто приходится слышать, распространенный по всей Россіи, разсказъ о томъ, какъ тянули колоколъ и до тѣхъ поръ не могли поднять его, пока не были удалены снохачи.

На обязанностяхъ женщины, между прочимъ, лежитъ и забота о своихъ дѣтяхъ. „Съ дѣтьми горе, а безъ дѣтей вдвое", говоритъ мѣстная поговорка. „Много дѣтей, говорили въ д. Нарядово, есть кому подъ старость шею наколотить". „Отецъ во всѣхъ дѣтяхъ властенъ. а мать по своему дѣлу, развѣ въ краснахъ укажетъ, но за то по секрету что сказать, такъ сынокъ всегда покалякаетъ съ матерью". „Я слыхалъ, говорилъ одинъ крестьянинъ, что отецъ не можетъ проклинать, а мать можетъ." Тѣмъ не менѣе, власть отца надъ дѣтьми очень велика. До сихъ поръ еще въ разговорномъ языкѣ сохранилось выраженіе: „отецъ заложилъ сына". „Отдалъ въ срочную работу, деньги взялъ впередъ, значитъ заложилъ сына". Къ числу правъ родителей, преимущественно отца, принадлежитъ право женить сыновей: „вѣдь отцы женятъ дѣтей". „Въ долгахъ отецъ за сына не отвѣтчикъ, только за подати и къ отцу причтутъ, вѣдь отецъ можетъ сына плохо надѣлить". „Неужто отецъ за сына платитъ", слышалъ я повсемѣстно. „А имѣніе у отца не продавать и съ него не требовать", читаемъ мы въ одномъ изъ рѣшеній мѣстнаго Волостнаго Суда. Нравственная и физическая связь родителей съ дѣтьми выразилась въ слѣдующихъ пословицахъ: „Отъ змѣя змѣенокъ, отъ свиньи поросенокъ", „куда иголка, туда и нитка". Забота родителей, ихъ нравственная поддержка много значитъ для дѣтей. Вотъ, напримѣръ, слова, которыми плачетъ круглая сирота, выходящая замужъ:

„Я иду то ли горе горькое, горемычное
По полечку, по дубовому,
Ищу то ли родимую мамоньку;
Дошло то ли горе горькое горемычное
До мамоньки, до родимыя,
Ты дайко мнѣ благословеньице
Твое-то благословеньице изо дна моря вынесетъ,
Отъ часта дождя покрышечка,
Отъ лихихъ людей оборонушка.
Я иду то ли горе горькое
По сѣничкамъ, по рѣшетчатымъ,
По лѣсенкамъ, мелкоступчатымъ,
По батюшку широку двору.
Свѣти ты, свѣтелъ мѣсяцъ,
На мою на русу косу,
На мою дѣвью красоту;
Просвѣти-ко мнѣ дороженьку
Ко батюшку теплу парушку,
Набѣги ка, туча грозная
Со восточныя сторонушки,
Выходи бѣлъ горючъ камень
На батюшки могилушку,
Расшиби ты мать сыру землю
И расколи-ко гробову доску,
И распахнитеся тонкіе саваны,
Разожмитеся бѣлыя рученьки,
Растворитесь уста сахарныя,
Промолви словечушко,
Оберпися вольной пташечкой,
Прилети къ широку двору,
Сядь ко на окошечко,
Послушай горькихъ пѣсенъ:
Отдаютъ меня во чужіе люди...
. . . . . .

Въ другомъ мѣстѣ, прося у отца благословенія, поетъ она тѣ же слова, которыми просить благословенія у матери.

Неимѣніе родныхъ дѣтей тяжело отражается на семьѣ. Некому будетъ подъ старость „поить и кормить отца и мать“, некому будетъ поддерживать и продолжать хозяйство. Вотъ почему въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ усыновленіямъ и, въ случаѣ, если есть дочери, принимаютъ на нихъ зятьевъ. „Брать въ дѣти согласнѣе маленькаго, а взрослый жить не станетъ“. Обыкновенно малолѣтнихъ берутъ въ дѣти, составляя на этотъ предметъ приговоръ сельскаго общества, который такимъ образомъ освобождаетъ ихъ отъ рекрутчины.

Для принятаго въ дѣти прекращаются всѣ права и обязанности по отношенію къ его прежней семьѣ. Если принявшій впослѣдствіи прогонитъ его, то за работу его онъ обязанъ дать ему либо надѣлъ, либо заплатить, какъ простому рабочему. Что касается до вопроса о женитьбѣ пріемыша на родной дочери, то тутъ существуютъ два мнѣнія: 1) „Принятаго въ дѣти нельзя женить на дочери, всетаки они будутъ, какъ братъ съ сестрой“. „Когда не изъ роду возьмешь сына, то вѣнчать можно, но грѣшно: вѣдь онъ отцемъ меня зоветъ и какъ братъ съ сестрой живетъ съ дочерью“. 2) „Женить можно, такъ какъ онъ не той крови, это часто бываетъ. Бываетъ, что и сынъ пріемный и жена на него пріемная“.

На ряду съ пріемными сыновьями, въ случаѣ нужды въ рабочихъ рукахъ, широко практикуется крестьянами пріемъ въ домъ зятьевъ на родныхъ дочерей или на снохъ. Но зятьевъ берутъ крайне неохотно, обыкновенно избѣгаютъ дѣлать это въ случаѣ, когда есть сыновья. „Если у меня есть дѣти, такъ зятя принять въ домъ разстройство будетъ“. „Хорошо бы взять (зятя) если бы онъ служилъ мнѣ, а то онъ потомъ все оттягаетъ отъ меня“. „Теперь, продолжалъ этотъ же крестьянинъ, замѣсто сына работникъ у меня. Видишь какъ дѣло ведетъ хорошо, такъ и повѣнчаешь на дочери, а раньше жилъ въ работникахъ 4 года“. „Если есть малолѣтній сынъ, берутъ зятьевъ на время изъ платы за работу“. „Когда послѣ зятя родится сынъ, то иногда зятя оставляютъ и послѣдній дѣлится съ сыномъ пополамъ“. Въ числѣ членовъ семьи иногда встрѣчаются подкидыши. Относительно этихъ послѣднихъ мнѣ говорили: „подкидышъ укореняется въ ту же фамилію, куда подкинутъ, такъ какъ онъ крестится въ ней. Къ семейству не подкидываютъ, а больше на одинокаго; если его не пожелаютъ взять, то отдаютъ въ то семейство, гдѣ нуждаются въ дѣтяхъ; когда подкидываютъ, смотрятъ, гдѣ нуждаются“. „Понятіе „пріемышъ“ въ Перевозинской волости мнѣ опредѣлили слѣдующимъ образомъ: „Если отецъ принялъ, а міръ не принялъ, то это будетъ пріемышъ“. Несмотря на то, что подкидыши и пріемныя дѣти считаются членами семьи, но постоянное преимущество отдается кровнымъ родственникамъ. „Которые и родственники, говорили мнѣ, и далѣе чужаго, а все же, коли придетъ чужой и свой придетъ просить взаймы, все своему скорѣе дашь: онъ какъ будто миляе“.

„Не верба ли въ избу склонялася:
Среди полу становилася, Богу молилася
(Имя), что же тебя долго не бывало?
За скупостью ли, за гордостью ли?
Шелъ бы ты поди всѣхъ поранѣе,
Сѣлъ же бы поди возлѣ роднаго батюшки,
Разговорилъ бы роднаго батюшку“,

поется на свадьбѣ дядѣ или теткѣ. Женщины передъ всѣми мущинами, а особенно передъ родными, не могутъ показываться съ непокрытою головою. „Если идетъ хоть сторонній мужикъ, надо сейчасъ голову покрыть“. Полная совокупность родственниковъ носитъ названіе „родство“, „родъ“; лица, находящіяся въ близкомъ родствѣ, говорятъ про себя: „мы одной природы“. „Дураку не отъ кого быть, говорилъ одинъ крестьянинъ про своего рабочаго, у него вся природа хорошая“ Употребительно выраженіе „мужская природа“. Про племя мнѣ говорили: „племень — это значитъ: отъ одного родства“. Свойственники считаются близкими родственниками. „Что свойство, то родство — все одно“. Большимъ почетомъ пользуются кумовья. „Кумовство роднѣе, говорятъ старики“. „Я кума лучше желаю, какъ брата“. „Кумовство большое родство“. „Дальнородство“ это то, которое „вышло изъ роду“ (дальше 4-го колѣна). Изъ названій, даваемыхъ родственникамъ, мнѣ пришлось слышать слѣдующія: сестренница — это значитъ двоюродная сестра, братенникъ — двоюродный братъ, сведена сестра — дочь мачихи или вотчима. „Если свекръ и свекровка берутъ невѣстку, то она при первыхъ вечерахъ называетъ ихъ „богоданнымъ батюшкою, богоданною матушкою“. „Свекра сноха все больше называетъ отцомъ, батюшкою, а то, развѣ, какая нибудь безстыдная назоветъ просто по имени“.

Побратимство не является распространеннымъ среди Сарапульскихъ крестьянъ, хотя

изрѣдка встрѣчается: „Вотъ у меня есть крестовый братъ: подружились съ нимъ, перемѣнились крестами и стали, какъ родные. Молились мы при этомъ Богу, поклонились другъ другу въ ноги и поцѣловались. Называемъ другъ друга все больше „крестовый“. Дѣлается это, чтобы дружбу имѣть. Подарковъ не дѣлаемъ другъ другу и жениться на сестрахъ не ловко“. По большей части этотъ обрядъ побратимства смѣшиваютъ съ кумовствомъ. „Кумъ мой крестовый братъ“. „Если чужому отдамъ крестъ, то онъ называетъ меня: „крестный“. Вотъ у насъ живетъ работникъ. У него нѣтъ креста, онъ и говоритъ мнѣ: подари крестъ, а я буду звать тебя крестнымъ“. Интересенъ слѣдующій обычай, о которомъ передавалъ мнѣ сельскій учитель Верещагинъ. Приходя къ сосѣду, крестьянинъ приноситъ коровай хлѣба, который раздѣляетъ съ нимъ, говоря: „я не буду искать ни въ чемъ на тебя, а ты не дѣлай этого на меня“.

Какъ уже было указано выше, съ каждымъ годомъ растетъ все большее и большее стремленіе крестьянъ къ дѣлежамъ. На какихъ же условіяхъ происходятъ они? Слѣдуетъ различать дѣлежи при жизни отца (большака) и послѣ его смерти. Въ первомъ случаѣ почти повсемѣстно указывали мнѣ на то, что въ полной волѣ отца произвести раздѣлъ между своими сыновьями на условіяхъ, которыя ему представляются необходимыми. „Жребій мало кидаютъ при отцѣ—это чаще бываетъ при братовьяхъ“. „Въ прежнее время хозяинъ могъ подѣлить только одного, а нынче, если и даетъ тому, кто помиляе, побольше, то и другому все-таки даетъ“. „Отецъ, какъ можетъ, такъ и подѣлитъ—это его дѣло“. „Отецъ даетъ какъ хочетъ, вѣдь онъ дѣлитъ по заслугѣ; при этомъ солдатъ считается за ½ сына, словно не ихней природы. При отцѣ никому жребія нѣтъ, а что скажетъ кому, то онъ тѣмъ и будь доволенъ“. „При отцѣ получаютъ, какъ заслужатъ“. Если раздѣлъ происходитъ послѣ смерти отца (большака), и дѣлящіеся не придутъ къ мирному соглашенію, то они прибѣгаютъ къ бросанію жребія, который „у хорошихъ людей“ кидается торжественнымъ образомъ. Приглашается священникъ, который служитъ молебенъ, и затѣмъ въ присутствіи родныхъ совершается бросаніе самого жребія. Доли имущества, оставшагося по смерти большака, распредѣляются обыкновенно слѣдующимъ образомъ. „Братья получаютъ поровну; внуки и племянники—отцовскій пай“, лица, не связанныя кровнымъ родствомъ съ главными наслѣдниками, получатъ „сколько дадутъ по ихъ работѣ“, „незаконнорожденный получитъ что-либо, лишь если началъ работать; „пріемышъ смотря по работѣ“. „Подкидышу противъ сына не дадутъ; но если хорошо работалъ, то что нибудь дадутъ: опять, вѣдь, держали вродѣ, какъ сына“. Внуки, обыкновенно, получаютъ отцовскій пай, но если они взрослые, то, „по чести“ за заслугу, можетъ быть, сколько нибудь лишку дадутъ“. За года, которые членъ семьи проработалъ, не посылая, вычтутъ при раздѣлѣ: „тамъ работалъ, тамъ и получай“. Такъ какъ сестра обыкновенно переходитъ на житье къ одному изъ братьевъ, то на нее ему „накидываютъ“. „Матери мало идетъ, иногда ничего. Поживетъ у одного, пойдетъ къ другому; затѣмъ опять назадъ возвратится“. Меньшой братъ обыкновенно остается въ старой избѣ: „меньшой братъ остается на старыхъ повыткахъ“. Но получаютъ братья, какъ меньшой, такъ и старшій, равныя части: „заслуги отца для всѣхъ одинаковы“. Что касается до вещей, которыя нельзя раздѣлить поровну, то тутъ прибѣгаютъ къ жребію; особенно часто пользуются имъ при дѣлежѣ земли. Раздѣлившіеся братья обыкновенно условливаются объ отмѣтинахъ, которыя уходящій сдѣлаетъ на родовомъ „пятнѣ“, которымъ обыкновенно мѣтятъ скотину. Тысяча домохозяевъ, говорили мнѣ, а пятно въ пятно не сходится, и, главнымъ образомъ, отъ того, что цѣлый рядъ этихъ домохозяевъ имѣетъ одно основное клеймо, видоизмѣненное лишь различными нарѣзками. У одного брата, напримѣръ, пятно заключается въ томъ, что онъ лѣвое ухо срѣжетъ и распоретъ посередкѣ, на правомъ ухѣ спереди рѣзка; у другого брата скотина мѣтится слѣдующимъ образомъ: рѣжетъ на косо и поретъ посередкѣ; 3-й братъ поретъ съ другой стороны. Пятна эти служатъ доказательствомъ принадлежности скотины данному семейству, а поэтому, пока шкура не выдѣлена, съ нея нельзя срѣзать уши.

Съ каждымъ годомъ становится все чувствительнѣе недостатокъ въ землѣ. Въ прежнее время, при обиліи лѣсовъ, въ сарапульскомъ уѣздѣ крестьяне какой либо деревни, чувствуя потребность въ землѣ, отправлялись на такъ называемый „починокъ“. Они брали извѣстный лѣсной участокъ, вырубали его, и основывали на расчищенномъ мѣстѣ поселеніе. Объ основаніи подобнаго починка выходцами изъ с. Козлова, носящаго названіе Пальникъ, мнѣ пришлось слышать слѣдующее. Переселившіеся лѣтъ 40 тому назадъ изъ села Козлова до своего новаго мѣстожительства ѣхали нѣсколько дней. Тамъ они рас-

чистили мѣсто изъ подъ лѣса и зазимовали. Весною одна изъ бабъ, выгоняя корову, вдругъ услыхала пѣніе пѣтуха. Она направилась по направленію этого пѣнія и скоро дошла до села Козлова, откуда ея семья ушла на починокъ. Такъ велико было въ то время обиліе лѣса, что, проплутавъ нѣсколько дней, переселяющіеся пріѣхали на починокъ, лежащій въ 3-хъ верстахъ отъ ихъ родного села. Не то въ настоящее время, когда свободныхъ земель совершенно не осталось. Вѣроятно подобнымъ способомъ основанія поселковъ можно объяснить массу встрѣчающихся въ одномъ и томъ же поселеніи однофамильцевъ, такъ какъ вѣроятнѣе всего, что на починки шли лишь родственныя семьи. Въ поч. Заборьѣ живутъ почти все Шадринцевы, которые идутъ отъ одного крестьянина, переселившагося сюда изъ деревни Шадрино заборъ. Оттого и починокъ носитъ названіе „Заборье.“ „Часто, говорили мнѣ крестьяне, въ нашей мѣстности деревни бываютъ по фамиліямъ“.

Въ заключеніе представлю краткій очеркъ правовоззрѣній крестьянъ на договоры и сдѣлки. Обыкновенно всякій договоръ санкціонируется рукобитьемъ „отъ котораго отступиться все равно, какъ совѣсть потерять“. За рукобитьемъ слѣдуетъ могарычъ, относительно котораго всегда бываетъ ряда. Должно замѣтить, что рука при рукобитьи всегда должна быть голой. Крѣпость ряды выразилась въ пословицѣ: „ряда города беретъ. „Послѣ рукобитья дается задатокъ. „Задатокъ данъ, всегда можно заставить дѣло сдѣлать“. Иногда обязующаяся сторона представляетъ за себя поручителей, которыхъ стараются „подвести“ нѣсколько человѣкъ, чтобы каждому изъ нихъ было легче отвѣчать. Относительно способовъ установленія правъ на имущество самое видное мѣсто занимаетъ купля. Тутъ соблюдаются слѣдующія правила. Если есть нѣсколько покупателей, то обыкновенно, чтобы не набивать цѣны, бросается жребій: кому достанется онъ, тотъ и является покупателемъ даннаго предмета. При покупкѣ лошади нѣсколькими покупателями, она достается тому, кто первый схватится за полу. Лошадь, обыкновенно, передается изъ полы въ полу, при чемъ покупатель и продавецъ называютъ другъ друга сватами, названіе, которое, въ случаѣ доброкачественности товара, остается иногда на всю жизнь. Продавецъ даетъ иногда покупателю задатокъ, для того, чтобы тотъ не покупалъ у другого.—

Право на имущество пріобрѣтается иногда находкою, хотя не всякая найденная вещь достается нашедшему. „За находку, по совѣсти, даетъ—такъ хорошо, а то и ничего не даютъ, чаще всего виномъ угощаютъ“. Находки должно различать: 1) такія, которыя можно за деньги купить 2) вещи, которыя добываются, достаются случайно. „Лѣсину можно купить за деньги, а пчелу ужь счастье; по совѣсти, такъ за лѣсину надо платить.“

Изъ договоровъ особенно распространенъ въ крестьянскомъ быту договоръ найма, предметомъ котораго могутъ быть недвижимые предметы и личныя услуги. Нанимающій часто беретъ съ нанимаемаго задатокъ, обезпечивающій правильное исполненіе взятаго на себя обязательства. „Двѣ котомки положили мнѣ для задатку, у тебя, молъ, жить будемъ.“ „Если хозяинъ держитъ работника не въ порядкѣ, то послѣдній уходитъ отъ него; впрочемъ, за плохую работу, и самъ хозяинъ можетъ отказать до срока. Разъ рабочему данъ задатокъ, то онъ во чтобы то ни стало долженъ окончить свою работу, такъ что, въ этомъ случаѣ, даже по смерти рабочаго, хозяинъ можетъ требовать исполненія взятаго имъ на себя обязательства съ его семейства. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ юридическій бытъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда.

Наиболѣе рельефно правовыя воззрѣнія народа высказываются при рѣшеніи всевозможныхъ споровъ волостнымъ судомъ. Какъ и большинство другихъ волостныхъ судовъ, эти учрежденія въ Сарапульскомъ уѣздѣ не избѣгаютъ упрековъ въ слишкомъ большей довѣрчивости къ писарямъ и, главное, упрековъ, обращенныхъ къ самимъ судьямъ, по большей части, не отличающимся добросовѣстностью. Мнѣ, во время присутствованія на засѣданіяхъ волостныхъ судовъ, неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, что, до начатія дѣла, крестьяне совѣтуются съ писаремъ и дѣйствуютъ сообразно съ его указаніями. „Что же ты Гр. Ф., обращался истецъ во время суда къ писарю, вѣдь я уже показывалъ тебѣ и ты обѣщался найти статью“. Незнаніе всевозможныхъ статей тяжело отражается на крестьянахъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ неоднократно обращались въ волостное правленіе съ цѣлью узнать „насчетъ судьбы законовъ“. Писарь—главное лицо въ волостномъ правленіи и отъ него зависитъ поставить дѣло такъ или иначе. „Писарь у насъ хорошій господинъ, онъ у насъ все правленіе исправитъ; теперь и пьянства нѣтъ и хорошо все идетъ“, говорили въ Козловской волости. Не смотря на такое сильное вліяніе писаря, проводника нашихъ формальныхъ законовъ, рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда представляютъ драгоцѣнный матеріалъ при изученіи обычнаго права. Тотъ или иной взглядъ

крестьянина почти всегда выскажется въ жалобѣ, подаваемой имъ; онъ выскажется и въ отвѣтахъ противника. Если рѣшенія зачастую несправедливы, постановляются подъ непосредственнымъ давленіемъ писаря, то въ то же время ихъ значеніе, какъ матеріала по обычному праву, нисколько не умаляется. Стоитъ лишь бѣгло просмотрѣть ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ни писарь, писавшій ихъ, ни судьи, подписавшіеся подъ ними, не въ состояніи отрѣшиться отъ воззрѣній, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь. Зачастую несправедливое рѣшеніе прямо бросается въ глаза, зачастую оно замаскировано показаніями подкупныхъ свидѣтелей, извращеніемъ ихъ показаній. Писарь, со своими многочисленными томами законовъ, лишь внушаетъ крестьянамъ понятіе о существованіи безчисленнаго въ ихъ глазахъ количества статей, посредствомъ которыхъ они могутъ получить то или иное право, но примѣнить къ нимъ эти статьи онъ не въ состояніи, уже отчасти потому, что самъ выросъ въ крестьянской же средѣ, воспитался на однихъ съ нею убѣжденіяхъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ к. н. крестьянинъ—я самъ былъ свидѣтелемъ этого—тщетно требуетъ примѣненія къ себѣ „152 статьи“, судьи рѣшаютъ его дѣло единственно на основаніи „принятыхъ въ крестьянскомъ быту обычаевъ“.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Сарапульскаго уѣзда должность судьи считается на столько доходною, что крестьяне домогаются попасть въ число судей, и ставятъ для этой цѣли вино; въ другихъ волостяхъ должность эта считается тяжелою повинностью. Повсемѣстно судьи не получаютъ вознагражденія, и имъ выдаются лишь деньги на проѣздъ изъ родной деревни въ село. Засѣданія происходятъ еженедѣльно или рѣже, смотря по количеству дѣлъ. Во время страды засѣданія волостнаго суда бываютъ крайне рѣдки. Обыкновенно засѣдаютъ трое судей; за однимъ столомъ съ ними сидитъ писарь, который, какъ мнѣ неоднократно приходилось замѣчать, часто вмѣшивается въ допросъ. Лишь на Воткинскомъ заводѣ судьи слушали дѣла безъ писаря, приглашаемаго по окончаніи каждаго дѣла для составленія рѣшенія по нему. Допросъ ведется тѣмъ изъ судей, который „побойчѣе“. Насколько пришлось замѣчать, присутствуя на засѣданіяхъ волостного суда, это самая слабая сторона народнаго суда, по крайней мѣрѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ. Допрашиваетъ, напримѣръ, староста относительно того, было ли подсыпано что-нибудь на дворъ крестьянина В., отчего у него поколѣли куры. Судья вполнѣ удовольствовался тѣмъ отвѣтомъ старосты, что „онъ лизалъ все мѣсто, куда, по мнѣнію В., была насыпана отрава, и не околѣлъ“. Нерѣдко судьи становятся въ тупикъ при вопросахъ, стоящихъ выше ихъ пониманія. Такъ, напримѣръ, въ Козловской волости долго не могли рѣшить вопроса, вмѣняема кликуша или нѣтъ, пока, наконецъ, не разрѣшили этого вопроса тѣмъ, что „она какъ будто не отъ ума дѣйствовала“. Что касается до вѣры различнымъ свидѣтелямъ, то тутъ практикуется, распространенное у всего русскаго народа, „глядя по человѣку“. Почти всякое уголовное дѣло, прежде чѣмъ быть обсуждаемо волостнымъ судомъ, разсматривается судомъ „стариковъ“, которые „обыкновенно наказываютъ виномъ“. „Меня общество, старики, приневолило мириться, чтобы до суда не доходить; я имъ $^1/_2$ в дра вина и $^1/_2$ ведра пива отдалъ“. Самосудъ, какъ обычное явленіе, почти исчезъ, и лишь слабымъ отголоскомъ его является вожденіе вора съ украденною вещью по деревнѣ.

Въ заключеніе укажу на слѣдующіе способы отысканія покраденныхъ вещей. Обыкновенно пострадавшій „гонитъ по слѣду“ и, въ присутствіи сельскаго начальства, производитъ обыскъ у заподозрѣннаго. Существуетъ повѣрье, что, если, зарывъ въ землю часть такого же предмета, какой былъ украденъ, отслужить надъ нею панихиду, воръ начнетъ чахнуть и умретъ.

Чтобы покончить съ предлагаемымъ очеркомъ, позволю себѣ привести два случая преній въ волостномъ судѣ, происходившихъ въ моемъ присутствіи.

Сарапульская волость 23 іюля.

Отвѣтчикъ, убійца свиньи, мальчикъ лѣтъ 10-ти, жмется къ матери.

Судья: (обращаясь къ свидѣтельницѣ). Ты что видѣла?

Свидѣтельница. Видѣла, камнемъ ударилъ свинью и стащилъ къ рѣкѣ.

Судья: Вы-ли, паренекъ, убили свинью?

Отвѣтчикъ плачетъ.

Писарь: Сколько она стоитъ?

Судья: Надо бы сперва освидѣтельствовать, а то можетъ она плоха была и могла сама пропасть.

Другой судья: Ну, такъ почто стащили въ рѣчку?

Истецъ: Свинья это тогда уже опоросилася.

Судья: Сколько предполагаете вѣсу въ ней? Хозяинъ твой (обращается къ матери мальчика) гдѣ?

Истецъ: Въ острогѣ.

Судья: Это Филиппъ, что лошадей уводилъ. Ладно, что посадили, а то бы и у меня мерина стащилъ.

Свидѣтельница: Я погляжу, какъ свинья лягается и какъ будто не вижу. Почто, спрашиваю, лягается. Да мы, говоритъ, камнемъ бросили.

Судья (къ матери отвѣтчика): А у васъ свиньи есть?

Мать отвѣтчика: Нѣтъ.

Судья: А то бы такъ, свинью за свинью отдать.

Пауза.

Судья: Такъ, поди, не стоитъ 10 рублей.

Истецъ: Рубля два уступлю.

Мать отвѣтч.: Много 8 рублей будетъ—и семи не стоитъ.

Судья: Такъ, можетъ, онъ кормилъ бы ее на подножномъ корму, такъ продалъ бы дороже. Вотъ на Ижу заводѣ баринъ самъ себя обсудилъ. Собака у него задавила утку и яица. Такъ за утку 1 руб., а за яичко по 50 копѣекъ заплатилъ.

Судья: Не поладитесь ли между собою; можетъ, теперь же заплатить, такъ онъ поменьше возьметъ.

Мать отвѣтч.: Да гдѣ же я возьму?

Постановляется рѣшеніе о взысканіи съ отвѣтчика 8 руб.

Истецъ Девятовъ отвѣтчику: Ты поряжался $7^1/_2$ возовъ вывозить. Вывозилъ М. 2 воза, Н. 3, осталось $1^1/_2$ Изъ послѣдняго воза продалъ.

Истецъ: Это я чурочки продалъ.

Девятовъ: Прибѣгаютъ ко мнѣ и говорятъ: твои дрова продали. Я прихожу и дѣйствительно такъ. Я говорю, ты зачѣмъ дрова продалъ? Айда со мною!

Писарь: Довольно объ этомъ: здѣсь дѣло другое.

Девятовъ: Да, вѣдь, я тащилъ его на мѣсто; онъ не пошелъ: я и толкнулъ его. Свидѣтелей его я не знаю. Ты коренныхъ жителей давай.

Истецъ: Я не знаю, послѣ того меня увезли въ больницу.

Девятовъ: А много ты тамъ дочерей моихъ материлъ? Еще солдатъ, а воровать?

Судья: Объ этомъ нечего говорить. Тебѣ бы надо старосту позвать, а горячку пороть нечего.

Истецъ: Отчего ты не приходилъ тогда на меня говорить?

Девятовъ: Я его тащилъ тогда. Айда говорю, иди со мною.

Писарь: Вы не били его?

Девятовъ: Нѣтъ, я его тащилъ.

Писарь: И рубль не должны:

Девятовъ: Рубль не додалъ, довези дрова и эти отдай: которые проданы.

Истецъ и Девятовъ спорятъ.

Свидѣтельница Пр.: Я вышла на крыльцо телку поить и вижу: этотъ мужчина лежитъ, а тотъ бьетъ, а я телку пою, а у меня телка такая, что не пьетъ безъ меня. Потомъ этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: больно.

Судья: Мальчика бы спросить.

Свидѣтель мальчикъ: Видѣлъ я, что онъ билъ ногами и за волосы таскалъ.

Свидѣтельница Пр.: Этотъ же Девятовъ былъ пьяный; если чего я видѣла, я за это присягу приму. Видѣла: билъ, а чего не знаю не говорю.

Судья (Девятову). Проси, дядя Тимоѳей, прощенія.

Девятовъ: Что же, если онъ у меня укралъ. Вы сами крестьяне, понимаете—свое собственное жалко. Рубль я долженъ ему за работу, такъ пускай онъ доставитъ дрова.

Судья: Да, вѣдь, о побояхъ дѣло.

Свидѣтельница Пр.: Я отроду въ свидѣтельницахъ не была, только пришла дѣвченка ихняя. Тебя какъ зовутъ? спрашиваетъ. Прасковья. А фамилія? Я и ее не сказала только дѣвченка имъ сказала.

По убѣжденію судей спорящіе помирились съ тѣмъ, чтобы Девятовъ заплатилъ истцу 1 руб. и поклонился ему въ ноги.

Судья: Ну, кланяйся въ ноги и айда въ кабакъ.

Засѣданіе волостнаго суда Сарапульской волости.

Карпъ: 9 р. 32 к. я взыскиваю съ троихъ, они мнѣ не заработали.

Судья: Вы что должны?

Всѣ отвѣтчики гуломъ: Онъ насъ оставилъ безъ работы, мы просидѣли 6 денъ. Мы два раза ходили къ сельскому старостѣ. (обращаясь къ истцу) Ты зачѣмъ товару не припасъ?

Происходитъ общій споръ.

Истецъ Карпъ: Вы хотѣли въ подать отдать, а сами въ кабакъ.

Рабочіе: У насъ сельскій староста свидѣтель.

Истецъ: Вы сельскому старостѣ четверть вина купили. У насъ сельскій староста безъ четверти не выѣзжаетъ. Сельскій староста безъ меня не можетъ свидѣтельствовать.

Рабочіе: Ты бы не уѣзжалъ.

Истецъ: Такъ я и буду цѣлую зиму сидѣть.

Волостной старшина, (сидящій въ сторонѣ). Тише, тише никто вашего разговору не понимаетъ.

Рабочіе: Мы вѣдь не зря ушли, насъ староста отпустилъ билетъ далъ.

Истецъ: Ты бы еще больше напоилъ его. Вы, какъ взяли задатокъ, пріѣхали: „хозяинъ, давай пива, давай четверть вина“. Этотъ (указываетъ на одного изъ рабочихъ) говоритъ: „Вы хоть-бы поработали“,—то-то они на него грызутся.

Рабочіе: Ты бы намъ давалъ работы, мы бы все равно работали.

Истецъ: Вы бы день работали, да три пировали.

Писарь (обращаясь къ рабочимъ): вы считаете себя должными?

Рабочіе: Нѣтъ.

Судья: Вы считаете, что не заработали, считаете за прогулъ?

Рабочіе: Да, за прогулъ.

Судья: По скольку вы зарабатывали?

Рабочіе: 60 коп. въ день.

Судья: 60 рѣдко кто въ день заработаетъ.

Рабочіе: Мы и то къ нему шли, намъ говорили, рѣдкій рабочій безъ слезъ уходитъ.

Одинъ изъ рабочихъ: И работы не даетъ, и отъ себя не пущаетъ.

Истецъ: Заработай сперва деньги.

Судья: А какъ пошли, работа осталась?

Рабочіе: Нисколько не осталось.

Судья къ истцу: Надо между ними счетъ свести, сколько они заработали. Они говорятъ: 6 денъ безъ работы жили. Гдѣ у васъ заявленіе отъ сельскаго старосты.

Писарь: Это ни къ чему. Развѣ правленіе знаетъ? Пришелъ кто либо заявить: я жилъ безъ работы. Ему и написали бы.

Истецъ: По нашей работѣ на каждый станокъ выдается книжка и для каждыхъ харчевъ выдается книжка. Они не предъявили ее.

Рабочіе: Ты намъ и билеты не даешь.

Истецъ: Заработайте, отдамъ.

Судья: У васъ условіе существуетъ: разсчетъ денегъ.—А билеты почто не отдаешь?

Рабочіе: Ты бы намъ книжки выдалъ.

Истецъ: Они и выданы, да вы ихъ бросили въ печь.

Судья: Ты бы хоть свою привезъ.

Другой судья: Да вѣдь въ книжкѣ написать онъ можетъ что хочетъ.

Судьи совѣтуются.

Одинъ изъ судей къ истцу: Послушай-ка, господинъ, и тебя хвалить нельзя: надо сперва выработать задатки, а затѣмъ хлѣбомъ давай, а денегъ не давай.

Истецъ: Что же мнѣ дѣлать? они какъ пріѣхали, такъ сейчасъ за пивомъ посылаютъ.

Судья: Ты за всѣми вообще считаешь?

Истецъ: За всѣми.

Судья: Такъ надо же указать, съ кого сколько

Истецъ: Да, вѣдь, условіе есть.

Условіе читается.

Рабочіе: Мы не отпираемся, кабы далъ работу, такъ мы бы и работали.

Судья: Такъ много ли сробили?

Рабочіе: 1300 кулей, кажись.

Судья: А ты сколько принялъ? а то одни не знаютъ, сколько сробили, а другой не знаетъ, сколько принялъ.

Другой судья: Это не важно: они признаютъ себя должными, а говорятъ, что прожили безъ работы.

Судья: Сколько ты принялъ?

Истецъ: Не помню.

Судья: По моему отказать и тѣмъ и другимъ.

Вотъ что, сдѣлайтесь добровольно.

Рабочіе: Нѣтъ, ужь мы наплакались отъ него.

Судья: Вѣдь вы же пили, ѣли отъ него.

Рабочіе: Это все къ намъ ставится. Онъ насъ однимъ хлѣбомъ кормилъ.

Истецъ: А рыбы не давалъ я вамъ?

Рабочіе: Рыбы? а кто сталъ ее ѣсть?

Истецъ: Вы бы и не брали.

Судъ постановляетъ отказать въ искѣ.

П. М. Богаевскій.

О НАКАЗАНІЯХЪ ПО РѢШЕНІЯМЪ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБ.

„Волостной Судъ властенъ приговаривать: къ обществ. работамъ—до 6 дней, или къ деж. штрафу—до 3р., или къ аресту—до 7дней, или, наконецъ, лицъ отъ тѣл. наказанія не изъятыхъ,—къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого Суда“ (ст. 102 Общ. Пол. о кр., выш. изъ кр. завис.).

Такъ гласитъ 102 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Она даетъ 4 мѣры наказанія. Обычай добавляетъ къ нимъ еще 2: 1) выговоръ и внушеніе и 2) оставленіе на замѣчаніи (иначе въ подозрѣніи). Собственно въ мѣрахъ наказанія обычай не имѣетъ широкаго поприща для созданія чего либо новаго, оригинальнаго. Законъ предоставляетъ Суду лишь выборъ между указанными мѣрами и больше ничего. Вотъ въ этомъ-то выборѣ и должно искать вліяніе обычая, въ этомъ выборѣ заключается вся его дѣятельность, сила и право. Поэтому на эту именно сторону и слѣдуетъ обратить все вниманіе.

Въ наказаніяхъ, практикуемыхъ Волостнымъ Судомъ, сильны 2 характерныя черты: 1) онѣ относительно постоянны въ смыслѣ выбора наказанія, т. е. за одно и тоже преступленіе налагается почти всегда одинаковое наказаніе и 2) въ нихъ глубоко живетъ еще, свойственное древнему и обычному праву, понятіе о преступленіи, какъ личной обидѣ, поэтому и самыя наказанія не носятъ на себѣ характера непремѣннаго слѣдствія каждаго преступленія.

Эта 2-я характерная черта рѣзко разграничиваетъ наказанія Волостнаго Суда отъ наказаній „по закону“ и по наукѣ уголовнаго права.

Для иллюстраціи этихъ 2-хъ чертъ необходимо прослѣдить всѣ мѣры наказанія въ отдѣльности. „Дѣло“ собственно разбирается на Волостномъ Судѣ такъ: выслушиваются стороны, затѣмъ свидѣтели; по удаленіи тѣхъ и другихъ Судьи обсуждаютъ дѣло и рѣшаютъ, кто правъ, кто виноватъ. Если приходится наложить на виновнаго наказаніе, то очень часто „Волостной Судъ принимаетъ во вниманіе, совершенъ-ли проступокъ въ 1-й разъ, или виновный часто попадался въ недобромъ дѣлѣ, *какой онъ вообще человѣкъ*, учинилъ-ли сознаніе или сдѣлалъ запирательство [1])“. Затѣмъ Судъ выбираетъ, смотря по преступленію, одну изъ упомянутыхъ мѣръ наказанія. (Въ нѣк. волостяхъ употребляются только законныя 4 мѣры; напр., въ Митинской Дмитровскаго у., [2]) читаемъ: „наказанія употребляются только перечисленныя въ положеніи“; тоже и въ наказаніяхъ другихъ: (волостяхъ Парфентьевской Коломенскаго у., [3])

[1]) 93 Зюз. в. Моск. у.
[2]) 501 стр.
[3]) 769 стр.

Михалевской Бронницкаго у., [1]) Сергіевской Клинскаго у. [2]) и др.).

Обратимся къ разсмотрѣнію приведенныхъ мѣръ наказанія и соотвѣтствующихъ имъ преступленій.

Тѣлесное наказаніе ограничено Общ. Положеніемъ 20-ю ударами. Въ рѣшеніяхъ Волостнаго Суда встрѣчается въ высшей степени разнообразное количество ударовъ: начиная съ 8 (меньше мнѣ встрѣчать не приходилось) и кончая 20-ю въ законныхъ границахъ; иногда Судъ превышаетъ свою власть и назначаетъ большее количество. Назначается эта мѣра, главнымъ образомъ, за слѣд. проступки: неплатежъ податей и накопленіе недоимокъ, пьянство съ расточительностью, нерадѣніе къ хозяйству, кражу, неподчиненіе или грубость начальству и родителямъ. Каждый изъ этихъ проступковъ влечетъ за собой не всегда одно и то-же количество ударовъ; напротивъ, рѣшенія до того разнообразны, что нѣтъ возможности уловить общій законъ въ присужденіяхъ. Здѣсь особенно силенъ принципъ наложенія наказанія „глядя по человѣку". Въ общемъ, неплатежъ податей и накопленіе недоимокъ влечетъ высшую мѣру, т. е. 20 ударовъ [3]). Въ опросахъ членовъ коммиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ, на каждомъ шагу наталкиваешься на замѣчательно характерныя мнѣнія крестьянъ: розги „считаются самымъ главнымъ наказаніемъ. Наказываютъ розгами неплательщиковъ податей": „для неплательщиковъ", по мнѣнію крестьянъ, „не придумаешь другаго болѣе подходящаго наказанія", [4]) „большинство дѣлъ о наплатежѣ кончается тѣл. наказаніемъ [5]). И, когда читаешь въ двухъ волостяхъ мнѣніе противное, даже странно станетъ, до того привыкаешь видѣть все одно и тоже. Въ этихъ 2-хъ волостяхъ [6]) тѣл. наказаніе не играетъ такой предопредѣленной роли неизбѣжнаго рока недоимщиковъ: напротивъ, въ нихъ крестьяне „наказываются болѣе штрафомъ; розги почти не употребляются. Неплательщики недоимокъ вообще къ Суду не привлекаются, а привлекаются только тѣ изъ нихъ, которые пьянствуютъ и безобразничаютъ. Однако Судьи не сѣкутъ и этихъ, а стращаютъ или заставляютъ работать на обществен. нужды". Назначается не всегда 20 ударовъ, а встрѣчаемъ и 19 [1]), 18 [2]), 15 [3]) и даже 10 [4]). Все зависитъ отъ того, какой человѣкъ—виновный. Буньков. в. прямо высказала такое правило: „розги самое тяжкое, посрамительное наказаніе, а потому Волостной Судъ совершившихъ въ 1-ый разъ проступокъ приговариваетъ къ аресту или денежному штрафу; за повтореніе же проступка наказываетъ розгами [5])".

Кража, какъ преступленіе влекущее тѣл. наказаніе, встрѣчается сравнительно рѣдко, за исключеніемъ нѣск. весьма немногихъ волостей, гдѣ тѣл. наказаніе назначается преимущественно за кражу и, конечно, неплатежъ податей [6]). Г. Якушкинъ, въ своемъ „Обычномъ правѣ", говоритъ: „къ ворамъ по ремеслу крестьяне относятся весьма строго. Волостные Суды за кражу приговариваютъ большею частью къ высшей мѣрѣ тѣл. наказанія, къ 20 ударамъ розгами" [7]). Этого замѣчанія нельзя отнести къ Моск. губерніи, гдѣ кража часто не влечетъ даже вовсе никакого наказанія. Преслѣдуется собственно очень жестоко конокрадство: назначается даже 200 ударовъ [8]). Равное съ кражей послѣдствіе влечетъ за собой укрывательство: принявшій краденую рожь крестьянинъ И. получилъ 15 ударовъ, а жена его просидѣла 3 сутокъ подъ арестомъ [9]).

Довольно трудно разобраться въ рѣшеніяхъ съ назначеніемъ тѣл. наказанія за оскорбленія. Подобнаго рода проступки распадаются на 3 группы: 1) оскорбленіе начальства словами и дѣйствіемъ, 2) оскорбленіе родителей (куда подходитъ и неповиновеніе) и 3) оскорбленія постороннихъ лицъ. Подъ 1-ю рубрику подходятъ иногда въ высшей степени курьезные проступки. Такъ, въ Ногатин. в. Мск. у. „за подачу жалобы на Старшину приговариваютъ къ тѣл. наказанію, признавая такое дѣйствіе оскорбленіемъ начальства" [10]). Одного крестьянина присудили къ 60 ударамъ розгами за 3 жалобы Миров. Посреднику на незаконныя дѣйствія Старшины,

---

[1]) 452 стр.
[2]) 579 стр.
[3]) 97. Зюз. в. Моск. у. и 101 стр.; 117. Троиц.-Гол. и 121 стр.; 140. Шалов. в. Богород. у.; 334. Бухалов. в. Волокол. у. и т. д.
[4]) 112. Тр.—Гол. в. Моск. у.
[5]) 134. Шалов. в. Богород. у.; 127. Пехор. в. Мск. у.
[6]) 389. Гжельская в. Бронницк. у. и 459. Сандырев. в. Колом. у.

[1]) 220 Глазов. в. Мнсск. у. и 231 стр.
[2]) 231 Глаз. в. „
[3]) 117. Троицко-Гол. в. Мск. у.
[4]) 131. Пехор. в. Мск. у.
[5]) 143 стр.
[6]) Нпр., 93. Зюз. в. Мск. у.
[7]) „Обыч. право" стр. XXXIV.
[8]) Тр. Ком. т. VI, стр. 455.
[9]) 336. Бухолов. в. Волокол. у.
[10]) 124 стр. Еще примѣры: 126 стр., 324 Серидин. в. Волокол. у.

при чемъ послѣдній еще „предлагалъ осужденному получить заразъ или въ 3 пріема“ [1]). И такихъ примѣровъ не мало [2]). Подъ понятіе начальства подходятъ даже сходчики. Въ Нагат. в. крестьянинъ 42 хъ лѣтъ былъ приговоренъ къ 20 ударамъ за то, что назвалъ сходчиковъ, людей „благонадежныхъ“, не сходчиками, а „ловчими“ [3]).

Тѣл. наказаніе, налагаемое за оскорбленіе родителямъ, можетъ служить двоякой цѣли: педагогической и чисто юридической. Это зависитъ отъ самаго характера проступка. Если онъ не болѣе, какъ неповиновеніе, то служитъ первой цѣли, педагогической. Здѣсь Судъ по просьбѣ отца „учитъ“ сына [4]). Если же сынъ грубитъ отцу и, кромѣ того, вообще, ведетъ жизнь неразумную, то наказаніе служитъ 2-ой цѣли, юридической [5]). Это дѣленіе очень характерно обрисовываетъ Волостной Судъ и отношеніе къ нему крестьянства.

Третья категорія — оскорбленія посторонних лицъ — встрѣчается гораздо чаще двухъ первыхъ. Она замѣчательна тѣмъ, что никогда не выдѣляетъ оскорбленій словами. Видимо, къ такимъ оскорбленіямъ слишкомъ привыкли, чтобы доводить ихъ до Суда. Если же брань и имѣетъ какое либо значеніе, то это лишь тогда, когда она происходитъ уже на самомъ Судѣ. Въ данномъ случаѣ она считается уже оскорбленіемъ Суда, а не лица, на которое она собственно направлена. Въ Пехор. в. Мск. у. крестьянинъ на Судѣ назвалъ бабу „старой вѣдьмой“, за что немедленно и поплатился 15-ю ударами розогъ [6]).

Что касается оскорбленій дѣйствіемъ, то онѣ преслѣдуются строго (20 [7]) 19 [8]) 15 [9]) ударовъ). Къ этому разряду слѣдуетъ отнести побои женѣ, которые преслѣдуются относительно слабѣе [10]), если они не соединены съ другими проступками [11]).

Кромѣ помянутыхъ проступковъ, розгами наказываются еще, встрѣчающіеся гораздо рѣже, „безписьменность“ и бродяжничество (20 ударовъ) [1]), отлученіе изъ деревни, нищенство и безпаспортное проживаніе (20 ударовъ) [2]), безписьменность съ накопленіемъ недоимокъ (19 удар.) [3]), нарушеніе тишины и спокойствія (19 удар.) [4]), нарушеніе сдѣлокъ (15 удар.) [5]), неявка въ Судъ (10 удар.) [6]), игра въ запрещенныя закономъ игры (14 удар.) [7]), явка въ Волостное Правленіе въ пьяномъ видѣ и произведеніе шума [8]), ложное показаніе [9]).

Въ заключеніе очерка о тѣлесныхъ наказаніяхъ приведу случай назначенія превышающаго законное количество числа ударовъ: въ Шаловской вол. Богород. у. «за оскорбленіе и нанесеніе родительницѣ своей побоевъ со знаками на тѣлѣ, что противно и закону Божію», виновный будетъ приговоренъ къ 50 ударамъ розогъ [10]).

Вторая мѣра наказанія, примѣняемая Волостнымъ Судомъ—арестъ до 7 дней—ясно обрисовывается въ отвѣтахъ членамъ коммиссіи крестьянъ и судей. Вся масса этихъ показаній легко распадается на 3 группы:

1) арестъ употребительнѣе всѣхъ другихъ наказаній [11]).

2) арестъ „послѣ розогъ самое употребительное наказаніе“ [12]) и

3) арестъ почти не употребляется [13]).

Арестъ примѣняется въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь къ женщинамъ, старикамъ и прочимъ лицамъ, изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія [14]). Лица же, неосвобожденныя отъ тѣлеснаго наказанія, рѣдко подвергаются аресту, какъ наказанію; напр., крестьяне Бухоловской вол. Волоколамскаго у. заявляли, что „подъ арестъ сажаютъ только пьяныхъ для вытрезвленія“ [15]). А если арестъ къ нимъ и примѣняется, какъ наказаніе, то весьма рѣдко, преимущественно за оскорбленія, за ослушаніе

---

1) 124 стр. Ног. в. Мск. у.
2) 354. Судник. в. Рузск. у.; 98 Зюз. в. Мск. у. и др.
3) 125 стр.
4) Н. Астыревъ „Въ вол. Писаряхъ“.
5) Примѣры: 253. Судник. в. Рузск. у.; 167. Кіясов. в. Српух. у.; 98. Зюз. в. Мск. у.; 146 Буньков. в. Богород. у.; 170, Кіясов. в.
6) 131 стр. Тоже стр. 355. Судник. в. Руз. у.; 137. Шалов. в.
7) 360 Судник. в. Руз. у., 100 Зюз. в. Мск. у.
8) 355 Судник. в. Руз. у.; 102 Зюзинск. в. Мск. у.; 231. Глазов. в. Мнск. у.
9) 232. Глазов. в. Мнск. у.
10) 140. Шалов. в. Богород. у.
11) 138. Шалов. в. Богор. у.

1) 121. Гр.-Гол. в. Моск. у.
2) 116. Тр.-Гол. в. Моск. у.
3) 230. Глазов. в. Можайск. у.
4) 354. Судник. в. Рузск. у.
5) 354. ibid.
6) 230. Глаз. в. Можайск. у.; 177. Хатун. в. Серп. у.
7) 138. Шилов. в. Богород. у.
8) 116. Тр.-Гол. в.
9) 166. Кіясов. в.
10) 136. стр.
11) 112. Тр.-Гол. в. Моск. у.; 93. Зюз. в.; 143. Буньков. вол. и др.
12) 123. Ногатин. в. Моск. у. и др.
13) 128. Пехор. в. Моск. у., 135. Шалов. в. Богор. у.; 156. Ямкин. в. Богород. у. и др.
14) 164. Кіясов. в., 178. Хатун. в.; 205. Высоцкая в.; 228. Глаз. в.; 255. Бухор. в.; 362. Судник. в.; 376. Добрят. вол.; 382. Дубров. в.; 385. Молод. в. и пр.
15) 330 стр.

родителямъ [1]), побои женѣ [2]), за неявку въ судъ отвѣтчика [3]), а иногда и свидѣтелей. Въ Нагат. в. Моск. у. крестьянинъ сказалъ сходчикамъ: „а чертъ васъ выбиралъ“, подсмѣивался, увѣряя, что одинъ изъ нихъ „служилъ не въ ратникахъ, а свиньяхъ“ (варіантъ „свиней пасъ“) и за эту вину просидѣлъ 5 сутокъ [4]).

Лица же, освобожденныя отъ розогъ, сидятъ подъ арестомъ за тѣ проступки, за которые не освобожденныхъ сѣкутъ. Эта параллель ясно доказывается дѣломъ въ Судниковскомъ Волостномъ Судѣ: виновный, за неприличное къ суду обращеніе, приговоренъ къ 15 ударамъ розогъ; дальше въ резолюціи Суда добавляется: „если же М. (виновный) по справкѣ окажется пользующимся изъятіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, то, въ такомъ случаѣ, заключить М. при Волостномъ Правленіи на 3-е сутокъ подъ арестъ“ [5]) Очевидное равенство между 3-мя сутками и 15-ю ударами; это-же положеніе подтверждается еще цѣлымъ рядомъ примѣровъ [6]).

Что касается спеціально женщинъ, то между ихъ проступками встрѣчаются замѣчательно интересные и оригинальные. По большей части они касаются жизни семейной, неурядицы съ мужемъ. Оскорбленіемъ мужа считается непочтеніе къ нему и „укрыватель ство себя отъ мужа *безъ всякой къ тому цѣли* и особыхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствъ“ [7]). Въ Шалов. в. Судъ приговариваетъ къ 2 суткамъ подъ арестъ крестьянку за то, что позволила себѣ драться съ мужемъ, хотя онъ-то ее билъ [8]). Въ Зюзин. в. подвергли аресту виновную въ томъ, что она грозила руки на себя наложить (мужъ ея—пьяница). Вообще въ семейныхъ дѣлахъ приходится встрѣчать не меньше удручающихъ душу фактовъ, тяжелыхъ фактовъ, чѣмъ и въ дѣлахъ о неплатежѣ податей; и отрадно встрѣтить даже такія мѣры, какія принимаетъ Пехорскій Судъ: „Вол. судъ *всегда заставляетъ* стороны смириться“ [9]). Не лишне сказать хотя нѣсколько словъ о тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ содержатся арестованные. Онѣ бываютъ 2-хъ родовъ: такъ называемыя „темныя“ [1]) и „свѣтлыя“ [2]). Эти комнаты представляютъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ „особыя тѣсныя и грязныя помѣщенія“ [3]); иногда нѣтъ даже и особыхъ помѣщеній, а арестованныхъ сажаютъ «въ небольшую, грязную комнату въ волостномъ правленіи, въ которой помѣщаются разсыльные» [4]); бываютъ и просто „темные чуланы“ [5]). Кормятъ арестованныхъ ихъ домашніе, „а если они не позаботятся, то содержащихся подъ арестомъ кормитъ старшина на свой счетъ“ [6]). Въ отношеніи этого кормленія арестъ можетъ быть простымъ и арестомъ на хлѣбѣ и водѣ [7]). Одинъ изъ изслѣдователей Волост. Судовъ, г. Чепурный [8]), объясняетъ это подраздѣленіе тѣмъ, что иногда арестованные—крестьяне не того села, въ которомъ находится Вол. Правленіе; поэтому домашніе не могутъ приносить своей пищи, и арестованныхъ кормятъ хлѣбомъ казеннымъ. Пр. Кистяковскій въ примѣчаніи къ этому объясненію говоритъ, что „просто арестъ простой и арестъ на хлѣбѣ и водѣ 2 степени одного и того же наказанія“.

Слѣдующей мѣрой наказанія является штрафъ. Его г. Чепурный подраздѣляетъ на штрафъ простой и на штрафъ играющій роль пени [9]). На Волостномъ Судѣ это дѣленіе дѣйствительно проводится. Первый идетъ въ пользу общества или церкви, а пеня въ пользу обиженной стороны. Первый видъ всегда взимается за неявку въ Судъ отвѣтчика [10]), иногда свидѣтелей [11]) и истца [12]). За всѣ другіе проступки взимается штрафъ, какъ пеня [13]). Въ нѣк. волостяхъ штрафъ назначается и за обиду [14]). Вообще же онъ далеко не распространенъ и примѣняется очень рѣдко [15]); лишь въ одной только Дубровицкой в. Подольскаго у. встрѣчается мнѣніе, что „слѣдовало бы увеличить размѣръ денежнаго наказанія“ мнѣніе, которое ставитъ положительно въ ту

---

1) 137. Шалов. в. Богор. у.
2) 100. Зюз. в. Моск. у.
3) 376. Добрят. в. Под. у.; и 381. Дубров. в. Под. у.
4) 125. стр. Подоб. рѣш. 100. Зюз. в. Моск. у.
5) 351. Судник. в.; 97. Зюз. вол. и 98; 154. Ямк. в.; 167. Кіясов. в. 117. Тр.-Гол.; 100 Зюз. в.; 138. Шалов. вол. Богород. у. 357. Судник. в.
6) 355 стр.
7) 348. Бухол. в. Волок. у.; 138. Шалов. в. Богор. у.
8) 140 стр.
9) 129. стр. Тоже въ Зюз. в.

1) 330. Бухол. в.; 385. Малодн. в.; 228. Глазов. в.
2) 164. Кіясов. в.; 143. Буньков. в.
3) 93. Зюз. в.; 128. Ногат. в.
4) 123. Ногат в.
5) 330 Бухолов. в.
6) 93. Зюз. в. Моск. у.
7) 103. Зюз. в.
8) „Сост. вол. юстиціи въ Тамбов. губ.“ Кіев. Устав. Изв. 1877 г. кн. 11-ая.
9) Jbidem.
10) 92 Зюз. 111 Тр.-Гол.; 128 Пехор.; 164 Кіясов.; 177 Хатун.; 362 Судник.
11) 204 Высоцкая.
12) 360—4 Судник. в. 97 Зюз. в.
13) 376 Добрят. в.
14) 124 Нагат. в.; 128 Пехор. в.; 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.
15) 382 стр.

никъ, такъ какъ Дубровицы—деревня завѣдомо бѣдная.

Еще рѣже штрафа практикуются приговоры къ общественнымъ работамъ. Во всѣхъ почти волостяхъ читаешь неизмѣнное: „никогда не употребляется по неимѣнію сего рода работъ“, „никогда не употребляются, потому что ихъ не имѣется“, „потому что ихъ нѣтъ“ и т. д. все въ томъ же лаконическомъ духѣ [1]). Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, волостяхъ къ общественнымъ работамъ приговариваютъ женщинъ „за распутство“. „Приговоренныхъ къ этой мѣрѣ наказанія заставляютъ мыть полы Волостнаго Правленія или мести улицу“ [2]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ общественнымъ работамъ приговариваетъ не Судъ, а Старшина и Староста [3]). Что касается оставленія въ подозрѣніи, то оно примѣняется рѣдко и служитъ какъ бы предупредительнымъ средствомъ противъ преступленій. Въ Судник. в. читаемъ такого рода дѣло: крестьянинъ И. жалуется на сына своего за неповиновеніе и непочтеніе. Отвѣтчикъ Ф. не сознается, при чемъ добавляетъ: „если я буду за то наказанъ розгами, то тамъ будетъ видно“. Судъ постановляетъ: „за непочтеніе своего родителя Ф. наказать розгами при Волостномъ Правленіи 10 ударами, *что же касается до произношенія угрозъ, оставить Ф. на замѣчаніи* и вмѣнить въ обязанность сельскому старостѣ о строгомъ наблюденіи за нравственностью Ф.“ [4]) Далѣе, самою слабою мѣрою наказанія служатъ выговоры и внушенія. Первые встрѣчаются самостоятельно [5]), а вторыя почти всегда въ совокупности съ тѣл. наказаніями [6]). Первые встрѣчаются рѣже вторыхъ. Иногда внушенія имѣютъ характеръ угрозъ; напр., въ Шалов. в., виновному въ неуплатѣ податей даютъ 20 ударовъ розгами и внушаютъ, что „лишится и всего своего имущества“ [7]).

Вотъ краткій очеркъ всѣхъ мѣръ наказанія Волостнаго Суда. Онѣ исчерпываютъ почти всѣ рѣшенія Суда, но остается еще 3 весьма интересныхъ, совершенно своеобразныхъ института, которые невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе своею оригинальностью. Это —„грѣхъ пополамъ“, рѣшенія обоюдной обиды и примиреніе.

Когда, при утратѣ или порчѣ чужаго имущества, нельзя опредѣлить степень вины отвѣтчика, Судъ руководствуется принципомъ „грѣхъ пополамъ“, „и присуждаетъ истцу $^1/_2$-у того, что онъ искалъ“ [1]). Случаи обоюдной обиды разсматриваются на Судѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Во 1-хъ, если обида разсматривается какъ личное оскорбленіе, то она и погашается обидою съ другой стороны [2]). Во 2-хъ, Судъ наказываетъ зачинщика [3]). Если же, въ 3-хъ, обида не считается только личной, то наказываются обѣ стороны, какъ совершившія проступокъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ примиренію, которое носитъ характеръ уже совершенно особый и не относится къ наказаніямъ непосредственно, слѣдуетъ сказать 2—3 слова о соотношеніи количества одновременныхъ наказаній съ одновременно совершенными проступками. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ виновный въ нѣсколькихъ проступкахъ наказывается за каждый проступокъ отдѣльно [4]). Въ другихъ наоборотъ въ подобныхъ случаяхъ налагается за всѣ проступки одно наказаніе, но „построже“ [5]). Часто же и почти во всѣхъ волостяхъ одинъ проступокъ влечетъ нѣсколько наказаній. Это бываетъ въ большинствѣ случаевъ при утратѣ или порчѣ чужаго имущества, при оскорбленіяхъ съ нанесеніемъ матеріальнаго ущерба. Въ такихъ случаяхъ Волостной Судъ взыскиваетъ извѣст. сумму, какъ возмѣщеніе ущерба и, кромѣ того, налагаетъ наказаніе за самый проступокъ [6]). Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ наказанія г. Чепурный [7]) добавляетъ „испрошеніе прощенія“. Но едвали это чисто случайное окончаніе дѣла можно отнести къ разряду мѣръ наказанія. Вѣдь Волостной Судъ не приговариваетъ виновнаго просить прощенія. Это случается само собой. Кромѣ того необходимо двустороннее примиреніе, и Судъ не принимаетъ мира во вниманіе, если обиженная сторона не прощаетъ. Но, не стотря на то, что примиреніе не есть наказаніе, оно представляетъ изъ

---

1) 112 Тр.-Гол. в.; 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.; 156 Ямкин. в.; 164 Кіясов. в.; 178 Хатун.; 352 Судник. в.; 384 Хотѣб. в.

2) 228 Глазов. в. 384 Модод. в.

3) 376 Добрят. в.; 382 Дтбров. в.

4) 353 стр. Въ выпискѣ помѣчено: „однород. рѣшенія № 11, 20, 36, 38“, но къ сожалѣнію эти дѣла не помѣщены въ Трудахъ Коммиссіи.

5) 117 Тр.-Гол. в. Моск. у.

6) 97 Зюз. в.; 230 Глаз. в.

7) 140 стр.

1) 97 Зюз. в.; 128 Пехор. в.; 134 Шалов. в.; 164 Кіясов. в.; 177 Хатунск. в.; 204 Высоц. в.; 228 Глаз. в.; 255 Кукарин. в.

2) 205 Высоц. в.; 382 Дубров. в.; 376 Добрят. в.

3) 323 Серединс. в.

4) 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.; 156 Ямцин. в.; 376 Добрят. в.; 382 Дубровиц. в.

5) 128 Пехорская в.; 178 Хатунск. в.; 323 Середин. в.; 413 Спасская в.

6) 116 Тр.-Голенищевская в.

7) „Сост. в. юст. Тамб. туб.“ Кіев. Унив. Изв. 74 г. кн. II-я.

П-3760

БИБЛИОТЕКА

себя интересный институтъ, который можетъ оставить преступника безнаказаннымъ или подвергнуть его подобающей карѣ. Миръ играетъ не маловажную роль въ веденіи исковъ, производствѣ самаго дѣла и, наконецъ, производитъ извѣстное давленіе на систему наказаній. Съ этой стороны его и слѣдуетъ разсмотрѣть. Миромъ можетъ кончиться всякое дѣло, безъ различія преступленія. Миромъ могли бы кончаться и дѣла о недоимкахъ, если бы истецъ (въ данномъ случаѣ—государство — лицо юридическое) простилъ виновнаго. Всѣ остальныя дѣла могутъ кончаться и часто кончаются миромъ, даже дѣла о кражѣ. Черта права весьма архаическая по своему происхожденію. Основаніе такого порядка вещей не вездѣ одинаково. Часто въ немъ кроется простой страхъ передъ обвиняемымъ, часто—принципъ личной обиды. Въ Кукар. в. Можайск. у. откровенно заявляется, что „мировыя допускаются даже въ дѣлахъ о кражѣ, увѣчьѣ, мошенничествѣ, *въ томъ вниманіи*, что Судьи *боятся* приговаривать виновныхъ къ наказанію изъ опасенія мести“ [1]). Иначе говоритъ Тр.-Гол. в.: „если воръ возвратитъ украденное, а хозяинъ его проститъ, то незачѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло Суду“ [2]). Очевидно, кража считается личной обидой, почему, разъ украденная вещь возвращена, хозяинъ ея прощаетъ, слѣд., обида заглажена, Суду не слѣдуетъ вмѣшиваться. Обоюдное примиреніе принимается во вниманіе Судомъ даже послѣ произнесенія приговора. Истецъ, поразмысливъ, является на засѣданіе Суда, вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ:

— Вамъ что?

— Да, вотъ, просимъ покорнѣйше нашъ судъ помарать, потому мы помирилися...

— На какихъ условіяхъ?

— Рублевку съ него беру. Что его обижать. Господь съ нимъ! [3])

„Болѣе $^1/_2$-ы дѣлъ кончается миромъ, говорятъ въ Бухоловской в., послѣ чего Волостные Судьи стараются всѣми средствами помирить стороны изъ боязни мести со стороны обвиняемаго“ [4]).

„При разборѣ дѣла главная цѣль Судей—помирить тяжущихся“, свидѣтельствуетъ Протопоповская в. Колом. у. [5]).

Нечего и говорить, что примиреніе имѣетъ свои хорошія стороны, но дѣло въ томъ, что оно обладаетъ также и дурными, которыя по своему количеству и силѣ превосходятъ первыя и дѣлаютъ изъ примиренія начало развращающее и нравы и юридическіе принципы. Дѣйствительно, будучи возможнымъ исходомъ всякаго дѣла, миръ оставляетъ проступки безнаказанными, подрываетъ все основаніе наказанія и отвѣтственности. Кромѣ того, невольно возбуждаетъ въ преступникѣ надежду на благопріятный исходъ и такимъ образомъ, если не порождаетъ, то развиваетъ, по крайней мѣрѣ, злую волю. Далѣе, переводитъ нравственную отвѣтственность на почву матеріальной выгоды, напримѣръ, въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ, которыя зачастую кончаются шкаликами водки или рублевкой. И, наконецъ, ставитъ рѣшеніе дѣла въ зависимость отъ воли, каприза или минутнаго настроенія истца. Всѣ эти доводы contra достаточно рельефно выставляютъ все дурное вліяніе мира на понятіе о наказуемости преступленія.

Для того, чтобы объяснить себѣ нѣкоторыя странности въ системѣ наказаній, какъ напримѣръ, такое ужасающее преобладаніе тѣлеснаго наказанія надъ другими, необходимо, въ заключеніе этого очерка, бросить хотя бѣглый взглядъ на тѣ причины, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе многихъ темныхъ сторонъ, которыя искажаютъ на первыхъ порахъ самое представленіе о Волостномъ Судѣ, его судьяхъ и наказаніяхъ, даютъ почву для ложнаго толкованія нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго Суда.

Это причины — экономическаго характера. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, какъ не поголовною бѣдностью, какъ не безконечной нуждой, поглощающей съ жадностью всѣ силы, все время крестьянъ, объяснить ту громаду ударовъ розгами, которые еженедѣльно сыплются на мужицкія тѣла? Въ Пехорской в. Мск. у. приговариваютъ къ розгамъ сразу по 50 и болѣе человѣкъ [1]).

Въ рѣдкой волости не слышится желанія, чтобы увеличили число ударовъ до 50-ти и болѣе [2]). Розги это самое распространенное наказаніе, другія мѣры въ загонѣ. „Арестъ и штрафъ употребляются въ равной мѣрѣ, но, примѣрно, *втрое* рѣже, чѣмъ розги“, это въ Митинской в., [3]) а въ Сергіевской „штрафъ примѣрно раза въ 4 рѣже розогъ“ [4]). Да почему же это? А потому что оно „считается

---

[1]) 255 стр.
[2]) 111 стр.
[3]) Н. Астыревъ „Въ вол. писаряхъ“ стр. 221.
[4]) 330 стр.
[5]) 470 стр.

[1]) 127 стр.
[2]) 228. Глазов. в. Мжск. у. 376. Добрят. в. и 382. Дубров. в- Подол. у.
[3]) Дмитр. у. 501 стр.
[4]) Клинск. у. 579 стр.

самымъ „вразумительнымъ“ и полезнымъ“, [1]) потому что „розогъ опасаются всѣ“, [2]) потому, наконецъ, и это самое главное, что „отъ розогъ *пытъ убытка* ни мужику, ни обществу“. [3]) Потому и выходитъ, что „безъ розогъ нельзя обойтись“ [4]). „Крестьяне сами предпочитаютъ розги, говорятъ въ Шалов. в., потому что арестъ лишаетъ мѣста на фабрикахъ“. Въ Пехор. в. тоже „народъ все фабричный, нетрезвый, *взять съ него нечего*, а подъ арестъ посадить, мѣста лишится, недоимку еще больше накопитъ и подъ арестомъ будетъ пьянствовать и безчинствовать“ [5]). Это въ фабричныхъ деревняхъ, но и въ другихъ тоже самое: вездѣ встрѣчаешь однообразный отвѣтъ „взять съ него нечего, у него ничего нѣтъ“, [1]) „и безъ штрафовъ нечѣмъ податей платить“ [2]) и „безъ продажи имущества (т. е. и окончательнаго раззоренія) съ крестьянъ бѣдныхъ, которые составляютъ большинство, взять ничего нельзя“ [3]). Причина не многосложна и ясно показываетъ, что негуманныя розги дѣйствуютъ на гуманныхъ основаніяхъ, но къ этимъ гуманнымъ основаніямъ примѣшивается, конечно, и доля эгоизма: судья самъ мужикъ и, кромѣ того, по принципу круговой поруки, всю тяжесть неплатежа понесетъ само же общество. Это давленіе экономическихъ условій кладетъ тяжелую печать на систему наказаній, практикуемыхъ Вол. Судомъ.

В. Кандинскій.

1) 501. Митин. в. Дмитр. у.
2) 167. Кіясов. Српух.; 204. Высоцкая, Српх.; 177. Хатунск. в. Српух. 255. Кукор. Мжск. 228. Глдов. Мжск. и т. д.
3) 135 Шалов. в. Богород. у.
4) 164. Кіясов. в. Српхв. у.
5) 128 стр.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ НА ВОЛОСТНОМЪ СУДѢ.

Предметомъ настоящаго очерка будутъ служить способы доказательства, употребляемые въ современномъ крестьянскомъ процессѣ. Не имѣя возможности разсмотрѣть здѣсь всю совокупность этихъ процессуальныхъ нормъ обычнаго права, мы ограничимся только четырьмя наиболѣе распространенными изъ нихъ, и имѣющими въ глазахъ народа наибольшее значеніе. Эти четыре способа доказательства — *самопризнаніе отвѣтчика*, *свидѣтельскія показанія*, *письменные документы* и *присяга*.

Сознаніе отвѣтчика играетъ очень видную роль въ крестьянскомъ процессѣ: оно является суррогатомъ всякаго другаго доказательства, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ трудахъ коммиссіи по преобразованію Волостныхъ судовъ мы видимъ массу рѣшеній, основанныхъ на одномъ только добровольномъ сознаніи отвѣтчика, на его „чистосердечномъ раскаяніи“, при полномъ отсутствіи какихъ либо доказательствъ со стороны истца. Особенно часто встрѣчается это въ гражданскихъ искахъ при взысканіи долговъ. При маломъ, сравнительно, распространеніи письменныхъ документовъ среди крестьянъ, такое значеніе сознанія является понятнымъ. Для примѣра возьмемъ рѣшеніе одной волости Московскаго уѣзда. Крестьянка взыскиваетъ 100 р. за проданный ею садъ, причемъ никакихъ доказательствъ она не представляетъ. Волостной судъ присуждаетъ отвѣтчика къ уплатѣ исковой суммы, руководясь единственно его сознаніемъ въ долгѣ, не смотря даже на то, что со времени заключенія сдѣлки прошло уже 25 лѣтъ [4]).

Другой примѣръ изъ практики одного волостнаго суда Ковровскаго у.: крестьянинъ просилъ судъ взыскать съ отвѣтчика должныя ему деньги 2 р. Волостной судъ, имѣя въ виду сознаніе отвѣтчика, постановилъ взыскать съ него долгъ [5]).

Значеніе сознанія выступаетъ еще рельефнѣе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что оно требуется даже и тогда, когда противъ отвѣтчика предъявлена долговая росписка.

Рѣшеній, въ которыхъ на ряду съ письмен-

1) 156. Ямкин. в. Богород. у.
2) 135. Шалов. в.
3) 164. Кіясов. в. Српух. у.; 204. Высоцкая, 177 Хатунск. в. и т. д.
4) II, 109 № 67.
5) II, 73 № 15; 72 № 4 и мн. друг.

нымъ документомъ принимается, какъ доказательство, еще и сознаніе въ долгѣ очень много [1]).

Нельзя не отмѣтить того факта, что отрицаніе долга и упорное молчаніе отвѣтчика въ томъ случаѣ, если истецъ не представляетъ доказательствъ, встрѣчается на Волостномъ судѣ крайне рѣдко. „На 100 такихъ случаевъ говоритъ г. Скоробогатый, придется не болѣе 10 случаевъ отрицанія долга“ [2]). „Долгъ взыскивается часто и безъ доказательствъ, показывали крестьяне одной волости Харьковской губ., ибо честные люди никогда не отказываются отъ своихъ долговъ“. Въ уголовныхъ дѣлахъ сознаніе въ совершенномъ проступкѣ также служитъ полнымъ доказательствомъ и ведетъ часто за собой смягченіе наказанія. Вотъ, одно изъ рѣшеній Ставровской волости Владимірскаго уѣзда по дѣлу о кражѣ. Волостной судъ постановилъ, „что, хотя бы и слѣдовало подвергнуть виновнаго въ кражѣ строгому наказанію, но, принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе его въ содѣянномъ проступкѣ, подвергнуть его аресту на 7 дней“ вмѣсто обычнаго наказанія розгами [3]).

Перейдемъ теперь къ самому важному и наиболѣе употребительному способу доказательства на волостномъ судѣ, именно къ *показаніямъ свидѣтелей.*

Изъ опросовъ крестьянъ и изъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что свидѣтельскія показанія составляютъ наиболѣе вѣское доказательство, къ которому прибѣгаютъ, какъ въ уголовныхъ дѣлахъ, такъ и въ гражданскихъ искахъ. Гдѣ въ развитомъ гражданскомъ оборотѣ за доказательство совершенной сдѣлки принимаются исключительно письменные документы, тамъ, на волостномъ судѣ, очень часто опираются только на показанія свидѣтелей. Изъ самаго бѣглаго обзора рѣшеній волостныхъ судовъ можно замѣтить, что взысканіе долга производится въ большинствѣ случаевъ на основаніи такого доказательства [4]). „Свидѣтелями, говорятъ крестьяне, можно доказывать всякое дѣло; даже долгъ взыщется, если удостовѣрятъ они“. Обычай заключенія договора займа передъ свидѣтелями и доказательство его показаніями послѣднихъ на судѣ принадлежитъ къ числу очень древнихъ. Мы находимъ его еще въ эпоху Русской Правды [5]).

1) II, 188 № 81, 181 № 38, 39 № 7, 371 № 4, 465 № 3 и друг.
2) Юр. В. 1883, II стр. 242.
3) II, 57 № 3; 55 № 4 и др.
4) II, 186 № 71, 393 № 7, 39 № 15 и мн. друг
5) Ст. 44. Кар.

Значеніе свидѣтелей на народномъ судѣ по настоящее время еще такъ велико, что имъ дается очень часто даже предпочтеніе передъ другими доказательствами и, въ особенности, передъ письменными документами. Причина этого очевидно — неграмотность нашего простаго народа.

(Когда мы будемъ говорить о письменныхъ документахъ, мы постараемся подробнѣе выяснить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между ними и свидѣтельскими показаніями).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, кто можетъ быть свидѣтелемъ по воззрѣніямъ крестьянъ? Точныхъ указаній о возрастѣ свидѣтелей мы не имѣемъ. Извѣстны какъ такіе случаи, когда волостной судъ принималъ показанія маленькихъ дѣтей, равно какъ и такіе, когда онъ не давалъ вѣры свидѣтелю, потому что ему было 70 лѣтъ [1]).

Болѣе точныя указанія мы имѣемъ относительно допущенія или недопущенія къ свидѣтельству человѣка, состоящаго въ родствѣ съ одной изъ сторонъ. Въ большинствѣ волостей Московской губ. свидѣтели устраняются по родству, кумовству, свойству или враждѣ [2]). Но иногда судъ не прибѣгаетъ къ отводу такихъ свидѣтелей: „имъ не вѣрятъ, даже если они и не устранены“ [3]). Такъ въ одной изъ волостей Московской губ. судъ, нашедши, что свидѣтели—всѣ родственники и всѣ изъ одного дома, не могъ допустить полнаго вѣроятія въ ихъ показаніяхъ [4]). Но есть мѣстности, гдѣ родство не служитъ препятствіемъ къ принятію показаній. На Дону, напр., принимаются показанія отца за и противъ дѣтей, братьевъ, супруговъ, дѣтей за и противъ родителей [5]).

Особенно большое вниманіе судьи—крестьяне обращаютъ на нравственное достоинство свидѣтелей. „Людямъ худымъ судъ не вѣритъ“ [6]). Иногда, какъ напр., въ Кіевской губ., если свидѣтель только одинъ, ему вѣрятъ въ томъ только случаѣ, если онъ человѣкъ хорошій [7]). Въ этомъ особенно ясно проглядываетъ характерная черта нашего народнаго суда — примѣнять рѣшеніе къ особенностямъ каждаго индивидуальнаго случая, извѣстный принципъ—судить „глядя по человѣку“.—Это же начало устраняетъ на крестьянскомъ судѣ

1) VI, 385. (Приведено у Птицына стр. 106.
2) II, 92, 111, 134, 429, 440, 470 и др.
3) II, 406, 429.
4) II, 13 № 86.
5) Михаилъ Харузинъ, ibid.
6) II, 429.
7) Пахманъ стр. 414.

возможность существованія формальныхъ доказательствъ. Опредѣленнаго числа свидѣтелей не требуется. Случаи, когда показаніе считается достовѣрнымъ, если оно дано, по крайней мѣрѣ, 2-мя или 3-мя свидѣтелями, крайне рѣдки. Извѣстенъ напр. даже такой случай, что волостной судъ приговорилъ обидчика къ 3-хъ рублевому штрафу въ пользу истца „по уваженію къ тому, что у отвѣтчика 3, а у истца 4 свидѣтеля“ [1]). Но подобные факты крайне рѣдки и число ихъ слишкомъ мало, чтобы можно было сдѣлать на основаніи ихъ какой либо выводъ о формальныхъ доказательствахъ въ крестьянскомъ процессѣ.

Относительно способа допроса свидѣтелей слѣдуетъ замѣтить, что они допрашиваются поодиночкѣ или всѣ вмѣстѣ, и притомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ въ присутствіи сторонъ, въ другихъ же наоборотъ. (Въ Московской и Владимірской губ. въ большинствѣ случаевъ допросъ происходитъ при сторонахъ. Изъ 15 вол., о которыхъ имѣются свѣдѣнія по этому вопросу, только въ 3-хъ истецъ и отвѣтчикъ должны удаляться при опросѣ свидѣтельскихъ показаній). Подобной мѣрой волостные судьи стараются, безъ сомнѣнія, предотвратить непріязнь, которая можетъ возникнуть между одной изъ сторонъ и свидѣтелями, если они будутъ показывать противъ нея. Но случаи такого удаленія сторонъ, какъ мы видѣли, сравнительно рѣдки. Напротивъ, гораздо чаще свидѣтели принимаютъ дѣятельное, живое участіе въ судоговореніи. Извѣстно, что они вставляютъ свои замѣчанія при дачѣ показаній, вступаютъ часто въ споръ съ истцомъ или отвѣтчикомъ. Вслѣдствіе этого допросъ свидѣтелей, по замѣчанію г. Скоробогатаго, представляетъ иногда не совсѣмъ привлекательную картину: среди шума и крика непривычному человѣку разобраться бываетъ довольно трудно. Но не смотря на это опросъ свидѣтелей въ присутствіи тяжущихся имѣетъ свою выгодную сторону, такъ какъ препирательства, возникающія между тѣми и другими, обыкновенно не мало содѣйствуютъ выясненію обстоятельствъ дѣла. Допрашиваются свидѣтели не всегда на судѣ. Очень часто допросъ производится на мѣстѣ волостнымъ старшиной или сельскимъ старостой, которые потомъ передаютъ судьямъ на словахъ или на письмѣ, что показали свидѣтели, причемъ эти послѣдніе обыкновенно въ судъ вторично не вызываются, такъ какъ „нѣтъ надобности ихъ вновь разспрашивать“ [2]). Свидѣтели обыкновенно не присягаютъ. Понятно, что при отсутствіи формализма въ нашемъ крестьянскомъ процессѣ и при указанномъ уже нами требованіи, чтобы свидѣтель былъ человѣкъ хорошій, формальная присяга eo ipso дѣлается излишней. Но, чтобы болѣе или менѣе обезпечить достовѣрность показаній свидѣтелей, судьи ограничиваются большей частью напоминаніемъ имъ показывать „всю правду“ [1]) „передъ Богомъ“ [2]), иногда же заставляютъ ихъ „перекреститься на Спасителя“ [3]). Но и послѣднее, какъ это видно изъ словъ крестьянъ, не считается ими присягой.

Въ случаѣ неявки на судъ свидѣтели обыкновенно подвергаются денежному штрафу или аресту [4]). Размѣръ штрафа опредѣляется „глядя по человѣку“ [5]); иногда же онъ колеблется между 25 коп. и 1 руб. Есть впрочемъ мѣстности, гдѣ за неявку никакого наказанія не полагается (напр. въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Мстерской волости [6]).

На свидѣтельство крестьяне смотрятъ, какъ на обоюдную услугу и потому, въ большинствѣ случаевъ, свидѣтели вознагражденія отъ тяжущихся не получаютъ. Такъ, изъ всѣхъ 54 обслѣдованныхъ волостей Московской и Владимірской губ., только въ 5 полагается имъ вознагражденіе на счетъ виновнаго за потерю времени. Вознаграждаются они, если только сами этого потребуютъ, и обыкновенно въ размѣрѣ деннаго заработка [7]). Но и требованіе это предъявляется, повидимому, не особенно часто. Такъ, въ одной волости Вязниковскаго уѣзда крестьяне заявили, что не случалось, чтобы свидѣтели требовали себѣ вознагражденія [8]). Причина этого, очевидно,—указанное воззрѣніе крестьянъ на свидѣтельствованіе, какъ на обоюдную послугу.

„Свидѣтели являются охотно, другъ друга поощряютъ, говорятъ крестьяне, а то и по ихъ дѣламъ станешь выставлять просителя свидѣтелемъ, а онъ не явится“ [9]).

При разнорѣчіи показаній, а также въ случаѣ отсутствія свидѣтелей, судьи часто обращаются къ показаніямъ сосѣдей и окольныхъ людей [10]).

---

[1]) VI. 389.—23 Ноября.

[1]) II, 412, 429, 458 и др. II, 470.

[1]) II, 463.

[2]) II, 64.

[3]) II. 70. („Допрашиваются свидѣтели безъ присяги, но имъ говорятъ, чтобы они перекрестились на Спасителя“).

[4]) II, 2, 23, 25 и проч.

[5]) II, 28. 31.

[6]) II, 46.

[7]) II, 59, 92, 375, 381, 382.

[8]) II, 46.

[9]) *Чепурный*. Волостн. юстиц. Тамбовской губ.

[10]) II, 228, 283: 52.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію третьяго способа доказательства — письменныхъ документовъ. Не смотря на то, что эти послѣдніе составляютъ въ глазахъ крестьянъ очень важное доказательство, однако, сравнительно съ свидѣтельскими показаніями, они встрѣчаются гораздо рѣже, что и понятно при незначительныхъ еще успѣхахъ грамотности среди крестьянъ [1]).

Что касается формальной стороны письменныхъ документовъ, то слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно они считаются безспорными, если засвидѣтельствованы въ волостномъ правленіи [2]) или сельскимъ старостой [3]); если же эта формальность не соблюдена, то необходимо, чтобы свидѣтели удостовѣрили подлинность документа въ случаѣ его спорности [4]). (Замѣтимъ однако, что въ числѣ рѣшеній Бронницкаго уѣзда есть такое, по которому волостной судъ не призналъ дѣйствительной росписку, хотя и удостовѣренную свидѣтелями, единственно потому, что она была совершена безъ вѣдома старосты) [5]).—Подписи за неграмотныхъ имѣютъ силу, если только онѣ не отрицаются лицомъ, противъ котораго предъявляется росписка [6]), или подтверждаются свидѣтелями. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно крестовъ, замѣняющихъ собой подписи [7]). Но есть мѣстности, гдѣ росписки, снабженныя крестами вмѣсто подписей, не составляютъ доказательства: „такъ писать всякій сумѣетъ“,—говорятъ крестьяне [8]).

Вотъ все, что можно сказать относительно внѣшней, формальной стороны письменныхъ документовъ. — Теперь представляется вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ ихъ доказательная сила къ доказательной силѣ свидѣтелей?

Сказать опредѣленно, какой изъ этихъ 2-хъ видовъ доказательства имѣетъ бо́льшую силу на волостномъ судѣ, при неполнотѣ существующихъ свѣдѣній, не представляется возможнымъ.— Есть мѣстности, гдѣ крестьяне считаютъ свидѣтельскія показанія важнѣй росписокъ, въ другихъ наоборотъ, послѣднимъ отдается предпочтеніе. Такъ, въ Зюзинской вол. Московскаго у. по заявленію крестьянъ, „если одна сторона представляетъ письменное доказательство, а другая свидѣтелей, то документъ считается поважнѣй“ [1]).

Въ другой волости того-же уѣзда документы считаются „самымъ вѣрнымъ доказательствомъ“ [2]). Равно какъ и въ Подольскомъ у. (Молодинской волости) „въ долговыхъ дѣлахъ свидѣтельскія показанія силы не имѣютъ“ [3]). Въ Дмитровскомъ же уѣздѣ, наоборотъ, „судьи всего болѣе обращаютъ вниманіе на показанія свидѣтелей“ [4]). Наконецъ, въ одной изъ волостей Харьковской губ. документы принимаются, если только нѣтъ другихъ доказательствъ [5]).

Уже эти немногіе факты, (всѣ факты, имѣющіеся у меня, я считаю лишнимъ приводить) показываютъ, что, то свидѣтелямъ отдается предпочтеніе передъ письменными документами, то этимъ послѣднимъ передъ свидѣтельскими показаніями; это и не позволяетъ дать опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. — Одной изъ причинъ такого неопредѣленнаго воззрѣнія на значеніе письменныхъ доказательствъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что документы, вслѣдствіе неграмотности нашего деревенскаго населенія составляютъ еще сравнительно новый способъ доказательства, еще не вполнѣ выработанный практикой народнаго суда. Невыработанность эта видна, между прочимъ, какъ изъ того, что дѣйствительность долговыхъ росписокъ ставится иногда въ зависимость отъ показаній свидѣтелей, какъ напримѣръ, въ одной волости Коломенскаго у. [6]), такъ, наконецъ, и изъ того, что въ однѣхъ мѣстностяхъ необходима явка документа у волостнаго начальства, въ другихъ же (напр. въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ на Дону [7]) это вовсе не требуется.

Намъ осталось разсмотрѣть послѣдній изъ намѣченныхъ способовъ доказательства—*присягу* или божбу, какъ ее называютъ крестьяне.

Хотя въ большинствѣ волостей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, присяга принимается за доказательство, но къ ней прибѣгаютъ только съ согласія сторонъ, она носитъ чисто договорный характеръ. Подобная форма присяги, какъ извѣстно, допускается и нашимъ законодательствомъ. Случаи же, когда она принимается за доказательство по пред-

---

1) II, 128, 389, 463.
2) II, 429, 440, 452.
3) II, 459.
4) II, 459.
5) II, 423 № 88.
6) II, 2, 41, 134, 433 № 9.
7) II, 463, 470.
8) II, 31.

1) II, 92.
2) II, 142.
3) II, 385.
4) II, 487.
5) IV, 280.
6) II, 479.
7) См. Михаилъ *Харузинъ*—Каз. Общ. стр. 323.

ложенію судей крайне рѣдки. Такъ, напр. изъ всѣхъ изслѣдованныхъ коммиссіей волостей Московской и Владимірской губ., только въ 3-хъ присяга является самостоятельнымъ способомъ доказательства. Въ Шуйскомъ у. напр., „Божба допускается въ томъ случаѣ, *когда нѣтъ другихъ доказательствъ*“ [1]). Въ другой волости „если отвѣтчикъ или истецъ крестъ на себя положатъ, прини ая грѣхъ на душу, то это составляетъ уже полное доказательство для волостнаго суда“ [2]). Обыкновенно это бываетъ при разногласіи свидѣтельскихъ показаній и невозможности добиться истины; тогда сторонамъ предлагается побожиться передъ образомъ [3]), Подобныя же свѣдѣнія мы имѣемъ напр. и относительно Приволжской вол. Костромскаго уѣзда [4]) „Въ сомнительныхъ случаяхъ, говорили тамъ крестьяне, дѣло рѣшается божбою „кто побожится, тотъ и правъ“. „(Отмѣтимъ здѣсь одну любопытную черту. Въ Ростовскомъ у. хотя и допускается, по словамъ крестьянъ, отдача на душу или присяга, однако преимущественно между женщинами“ [5]).

Но всѣ подобные случаи сравнительно рѣдки. Въ большинствѣ же мѣстностей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, присяга, какъ доказательство, вовсе не допускается или же носитъ договорный характеръ. Такъ, въ большинствѣ волостей Московской губ. божбѣ не вѣрятъ [6]), въ другихъ же судьи прямо запрещаютъ божиться [7]).—Относительно договорной присяги слѣдуетъ замѣтить, что она примѣняется, когда стороны хотятъ кончить ею дѣло. Истецъ говоритъ обыкновенно отвѣтчику: „побожись, такъ я тебя прощаю“, и если затѣмъ отвѣтчикъ побожится, то дѣло считается оконченнымъ [8]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Саратовской губ. для рѣшенія дѣла договорной присягой, кромѣ такого обоюднаго согласія на это сторонъ, требуется еще отсутствіе другихъ доказательствъ [9]).

Нельзя однако не замѣтить, что и этому послѣднему роду присяги не придается крестьянами часто никакого значенія. Иной разъ, по ихъ словамъ, бываетъ, что оба божатся и на образъ крестятся, какъ ихъ тогда разобрать [1]).—Но даже и тамъ, гдѣ допускается присяга на волостномъ судѣ божиться можетъ не всякій, а только „человѣкъ хорошій“ [2]). Слѣдовательно правило судить глядя по человѣку имѣетъ и здѣсь полную силу.

Относительно внѣшней, обрядовой стороны присяги мы не имѣемъ достаточно матеріала. (Въ Трудахъ коммиссіи о волостныхъ судахъ даже нѣтъ совсѣмъ свѣдѣній по этому вопросу). Тяжущимся не воспрещается, конечно, подкрѣплять свои показанія обыкновенными, общераспространенными въ народѣ способами божбы или клятвы (напр. „лопни глаза“, „на себѣ креста не видать“ и т. п.), но, какъ показывали крестьяне одной волости Шуйскаго у., такая божба „въ резонъ не принимается“ [3]). Есть однако, такъ называемыя, тяжкія клятвы, которымъ народъ придаетъ особое значеніе, напр., клятва своими дѣтьми у Донскихъ казаковъ или въ Саратовской губ.—По свидѣтельству г. Харузина „если человѣкъ уже началъ такимъ образомъ клясться, то и судьи вѣрятъ ему“ [4]).

Къ одной изъ самыхъ древнихъ клятвъ принадлежитъ клятва посредствомъ дерна при поземельныхъ спорахъ. Она совершается такимъ образомъ. Присягающій вырѣзываетъ кусокъ дерна, держитъ его надъ головой и говоритъ, что если спорный участокъ не принадлежитъ ему, „то пусть сама родная земля прикроетъ его на вѣки“ [5]) *). Болѣе употребительной клятвой является, такъ называемая, „снятіе иконы“, особенно въ дѣлахъ между родными или близкими сосѣдями напр. въ Пермской губ. [6]), Нижегородской [7]), въ землѣ Войска Донскаго [8]).—Мы не имѣемъ свѣдѣній, употребляются-ли эти виды присяги и другіе подобные имъ на волостныхъ судахъ; по крайней мѣрѣ въ Трудахъ коммиссіи объ этомъ ничего не говорится.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ присяги на волостныхъ судахъ, какъ это видно

---

1) II, 25.
2) II, 31.
3) II, 163.
4) III, 309.
5) III, 243.
6) II, 459, 463 и пр.
7) II, 501.
8) II, 60.
9) VI. 407. 418.

1) I, 14.
2) II, 440. 452. (См. также *За рудн.* зак. и жизнь стр. 153).
3) II, 31.
4) Казац. Общ. стр. 325.
5) *Макаровъ* Тр. О. И. и Д. Р. 1828, кн. I. стр. 197.

*) *Примѣчаніе:* При спорахъ о межѣ присягающій, взявъ кусокъ дерна на голову, проходитъ по межѣ, которую онъ считаетъ правильной. Клятва при помощи дерна, какъ извѣстно, замѣнилась клятвой при посредствѣ иконы: такъ въ спорахъ о межѣ на голову возлагается не кусокъ дерна а икона. *Примѣч. ред.*

6) *Успенскій.* Пермскій сборн. 1859, т. I, стр. 39.
7) *Борисовскій.* Нижегородскій сборн. 1870, т. III, стр. 218.
8) *Михаилъ Харузинъ.* 327.

изъ опросовъ крестьянъ, является божба передъ образомъ: „кто перекрестится передъ образомъ съ того уже нельзя ничего болѣе искать“ [1]).

Мы указали раньше на нѣкоторыя мѣстности, гдѣ божбѣ или присягѣ не придается большаго значенія, гдѣ ей не вѣрятъ. Утверждать положительно на основаніи только приведенныхъ фактовъ, что присяга въ настоящее время представляетъ вымирающій способъ доказательства и распространять этотъ выводъ на всѣ остальныя мѣстности Россіи,—не представляется, конечно, возможнымъ. Но съ другой стороны само существованіе подобныхъ фактовъ можетъ уже дать поводъ къ постановкѣ вопроса, не представляетъ ли присяга дѣйствительно вымирающаго доказательства въ крестьянскомъ процессѣ. Отвѣтить на этотъ вопросъ можно, разумѣется, опираясь только на гораздо бо́льшее количество фактовъ чѣмъ то, которое мы имѣли въ виду.

А. Наппе.

СОВРЕМЕННЫЕ БРАКЪ И СВАДЬБА СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ ТАМБОВСКОЙ ГУБ. ЕЛАТОМСКАГО УѢЗДА.

Большинствомъ ученыхъ спеціалистовъ по обычному русскому праву рѣзкими чертами проведены въ жизни крестьянина два начала: начало патріархальное и начало экономическое. Какъ продуктъ глубокой древности, начало патріархальное до сихъ поръ еще отражается на остаткахъ родоваго быта и упорно борется съ началомъ экономическимъ. Какъ сельскій житель я имѣлъ случай лично наблюдать этотъ интересный процессъ борьбы и провѣрить его на одномъ изъ глухихъ, но въ тоже время, типичныхъ уголковъ Тамбовской губ.—Елатомскомъ уѣздѣ. Болѣе рѣзкой и прозрачной стала эта борьба лишь за послѣднія 10, 12 лѣтъ. Какъ ни упорны и живучи патріархальныя формы жизни, какъ ни слабо поступательное движеніе крестьянъ,—успѣхъ борьбы однако слишкомъ замѣтно клонится на сторону экономическаго начала. Устарѣлыя соціальныя основы родоваго быта разбиваются о свѣжіе жизненные принципы трудоваго начала и уступаютъ мѣсто новымъ, болѣе содержательнымъ формамъ жизни. Въ сферѣ имущественныхъ отношеній болѣе всего замѣтно это явленіе, значительно менѣе — въ сферѣ личныхъ семейныхъ отношеній. Но и тутъ уцѣлѣла главнымъ образомъ форма, а менѣе всего содержаніе. Лучшій выразитель патріархальнаго начала—задруга (съ ея безусловнымъ обезличеніемъ и отсутствіемъ индивидуализаціи), теперь разложилась на естественныя свои единицы—малыя семьи, съ новымъ, болѣе или менѣе самостоятельнымъ характеромъ членовъ. Экономическій строй этой семьи оказалъ парализующее вліяніе на традиціонные взгляды, нещадно поломалъ старыя отношенія. Женщина поднялась изъ своего рабскаго приниженнаго состоянія, смѣло заявила о правахъ своихъ и глава семейства, прежде—гордый старѣйшина и безусловный повелитель рода, уступилъ теперь ея требованіямъ и началъ дѣлиться верховными правами. Для одной личности не стало физической возможности воплотить тѣ атрибуты власти, которые давили семью при родовомъ устройствѣ. Каждый работникъ въ семьѣ сталъ работникомъ съ извѣстной долей права и осязательной силы. Но чья власть удивительно возрасла—тихо, незамѣтно подъ шумъ перемѣны отношеній—это власть матери. Она отвоевала не только долю юридической свободы, но заставила подѣлиться мужа и верховными правами родительскими [1]). Въ полѣ она – работникъ, бокъ-о-бокъ съ мужемъ и вѣрный совѣтникъ его по дѣламъ хозяйства; придетъ домой—она мать, осязательный центръ семейства. А куда какъ сложна ея задача въ семьѣ! На ней лежитъ главная нравственная отвѣтственность за нее. Отецъ здѣсь глава развѣ юридически и распо-

[1]) III, 307. Костромской у.

[1]) Явленіе это объясняется не однимъ экономическимъ началомъ въ организаціи малой семьи, но и другими, чисто мѣстными пожалуй причинами, о коихъ будетъ сказано ниже.

лагаетъ только физической силой. Пожаловалась мать на сына—онъ побьетъ его, не пожаловалась—и слова худого не скажетъ. А что касается дочерей—тутъ ужъ совсѣмъ не воленъ отецъ. Забота, „глазъ“ за ними и вся будущая судьба ихъ почти всецѣло лежитъ на матери. Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пеньки, Савра—Мамышева и др.) мать удержала власть и надъ сыновьями. Сынъ тамъ, до 30, 35 ти лѣтъ приблизительно, не выходитъ изъ-подъ ея власти. За малѣйшую обиду она приказываетъ братьямъ или отцу связать его и сама расправляется съ виновнымъ. Нѣтъ семейной поддержки—обращается къ сходу, и мірской приговоръ всегда на сторонѣ матери.

И такъ, нравственная отвѣтственность въ семьѣ за дѣтей лежитъ главнымъ образомъ на матери. Нечего и говорить, что обязанности ея увеличиваются, по мѣрѣ того, какъ подростаютъ дочери и сыновья. Обязанность ея тѣмъ труднѣе, что она двоится между сухими, холодными требованіями отца и голосомъ души ея, всегда преисполненной любви къ дѣтямъ. Отъ отца ждутъ дѣти только работы, да грознаго слова,—отъ матери—ласки и удовольствій. Отецъ только приказываетъ, а мать является вѣрнымъ и точнымъ исполнителемъ ихъ собственныхъ желаній. Все еще держась за традиціи прежней власти главы семьи, отецъ потерялъ съ новымъ началомъ всякую юридическую почву, и никакъ не можетъ занять устойчиваго положенія, отыскать точку опоры для опредѣленной власти въ семьѣ. Онъ не понимаетъ новыхъ отношеній къ дѣтямъ, не понимаетъ отношеній къ женѣ, а между тѣмъ свѣжи въ памяти традиціи и, не имѣя другихъ средствъ, онъ старается осуществить ихъ голыми приказаніями, тономъ повелителя, иниціатора.

Къ порѣ физической зрѣлости дѣтей обязанность матери еще болѣе увеличивается. Самый характеръ ея становится строже, опредѣленнѣе. Судьей матери является тутъ не одинъ отецъ, а цѣлое общество. До сихъ поръ она „вспаивала-вскармливала“ дѣтей, теперь нужно выводить этихъ дѣтей въ люди, чтобъ семьѣ позору не было и „на улицѣ“ не смѣялись. А дѣти все чаще и чаще уходятъ съ глазъ матери. Пробуждается интересъ (хотя бы духовнаго) полового общенія и нѣтъ силъ противостоять ему. Въ каждой деревушкѣ организуются съ этой цѣлью „посидѣлки“, куда собираются дѣвушки подъ предлогомъ скромныхъ вечернихъ занятій, а парни—потѣхи ради. Крайній возрастъ молодыхъ людей того и другого пола 10 и 20 лѣтъ, средній — 16 — 18. Время проводится очень шумно; нескромныя остроты и шутки сыплются одинаково обильно какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Игры носятъ дикій характеръ. О какихъ нибудь „горѣлкахъ“ тутъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Парни даже не войдутъ никогда скромно на посидѣлки. Тихо собираются они обыкновенно кругомъ избы и разомъ врываются потомъ чрезъ двери и окна; тушатъ свѣчи и бросаются, кто на кого попалъ. Пискъ дѣвушекъ заглушается хохотомъ ребятъ; затѣмъ все оканчивается миромъ; обиженный полъ вознаграждается скудными гостинцами. Дѣвушки садятся за донца, но постоянныя объятія и пожиманія мѣшаютъ работамъ. Завязывается ссора; обѣ стороны вступаютъ въ состязаніе и обычные побѣдители-ребята утаскиваютъ, каждый свою жертву: кто на полати, кто на дворъ, кто въ сѣнцы. Игры, повторяю, носятъ характеръ дикій; въ основѣ ихъ лежитъ чувство полового общенія и чувство это слишкомъ обнаруживается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи молодыхъ людей. Взглянуть постороннему глазу на эту грубую картину сельской жизни—и легко составить себѣ неправильный взглядъ на нравственность крестьянина. Какъ и въ многихъ другихъ случаяхъ, невѣжество повліяло здѣсь на одну форму, не касаясь содержанія.

Случаи преступной связи здѣсь рѣдки. Религія и опытъ выработали для крестьянина самый строгій взглядъ на нравственность дѣвушки и жестоко карающъ виновниковъ ея потери. Правила эти держатся не одними стариками, они строго соблюдаются и молодымъ поколѣніемъ; послѣднее само ставитъ себя въ такія отношенія другъ съ другомъ, что преступленія прежде всего сдерживаются личной совѣстью каждаго.

Мы уже сказали, что средній возрастъ на посидѣлкахъ 16—18 лѣтъ,—возрастъ, наиболѣе совпадающій съ порой зрѣлости, когда молодые люди подумываютъ о женихахъ и невѣстахъ. У каждаго парня въ посидѣлкахъ есть своя „суженая“, почти каждая дѣвушка „держитъ на мысляхъ“ своего „милаго“, излюбленнаго. И парочки эти ревниво смотрятъ другъ за другомъ, ревниво оберегаютъ свои отношенія отъ вмѣшательства третьяго лица. Каждый парень знаетъ, кому изъ товарищей „люба“ извѣстная дѣвушка и не посмѣетъ обидѣть ее; тутъ сдерживаетъ его не одна боязнь расправы товарищей, не одна дружба съ ними, а нѣчто другое, болѣе сильное и дѣйствительное. Это „сильное“ есть суровый крестьянскій обычай, по которому „губитель дѣвичей красоты“ (невинности) навсегда лишается права же-

ниться на другой *дѣвушкѣ*. Обычай этотъ, изстари установившійся, до сихъ поръ твердо стоитъ среди крестьянъ и караетъ виновныхъ жестоко. Довольно слуховъ, что молодые люди „*любились*“ и что парень *бросилъ* дѣвушку; бросилъ ли онъ ее, добившись своихъ преступныхъ цѣлей или по чему другому — обычай никогда не освѣдомляется, опираясь на одни слухи. Слабой стороной его нерѣдко пользуются раздосадованныя матушки и дочки, и распускаютъ подобные слухи и тѣмъ навсегда изгоняютъ бѣдняка изъ дѣвичьяго общества. Какъ строгъ обычай къ парнямъ, такъ немилостивъ онъ и къ дѣвушкамъ. Замѣтили въ посидѣлкахъ, что какая либо дѣвушка любитъ „бросаться отъ одного на другого“,— мигомъ прослыветъ она „заблудящей“ и потеряетъ въ глазахъ молодежи все свое обаяніе; сами подруги отъ нея сторонятся, а ребята только смѣются, да подшучиваютъ. Полюбить такую „заблудящую“ совѣстно передъ товарищами, а жениться—стыдъ передъ родителями, зазоръ передъ міромъ. Нечего и говорить о тѣхъ, которыя далеко заходятъ въ отношеніяхъ къ парню; не возьметъ её онъ— не возьметъ и никто въ деревнѣ; даже вдовецъ побрезгуетъ такой дѣвушкой: она и мать плохая будетъ и хозяйка ненадежная. Отъ дѣвушекъ обычай требуетъ даже больше, чѣмъ отъ парней; точнѣе, онъ болѣе строгъ, болѣе взыскателенъ къ нимъ. При тѣхъ близкихъ, тѣсныхъ отношеніяхъ, какія бываютъ на посидѣлкахъ, отъ дѣвушки требуется много выдержки и разсудительности,—иначе не завидна будетъ ея доля. Даже отказъ женихамъ роняетъ ее въ глазахъ общества; „кто бракуетъ — тотъ гордъ, а гордую жену ни отецъ, ни мать не потерпитъ, да и сестры невзлюбятъ“. Такъ судятъ между собой разборчивые женихи, прислушиваясь къ голосу родителей.

Мы просмотрѣли вкратцѣ ходъ совмѣстной жизни молодежи и видѣли, что, въ періодъ физической зрѣлости, она почти всецѣло сосредоточена на посидѣлкахъ. Здѣсь дѣвушки присматриваются къ парнямъ; парни выбираютъ по сердцу дѣвушекъ: разглядываютъ ихъ характеръ и физическія достоинства; понравились другъ другу — сходятся, не понравились — сторонятся. Мнѣ казалось необходимымъ остановиться на посидѣлкахъ въ виду того прямаго отношенія, которое имѣютъ онѣ къ браку. Самые обряды, коими сопровождается бракъ, станутъ послѣ этого немного яснѣе и понятнѣе.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету нашей статьи постараемся отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ *сходятся* брачущіяся стороны: отцы и дѣти. На вторую половину вопроса мы почти отвѣтили, постараемся отвѣтить и на первую. При описаніи посидѣлокъ само собою можетъ возникнуть вопросъ, не обусловливается-ли воля родителей желаніемъ дѣтей, тѣмъ или другимъ вліяніемъ ихъ и воздѣйствіемъ? *Отчасти* да. Мнѣ хотѣлось бы отвѣтить категорически, но пока я не могу этого сдѣлать: юридически до сихъ поръ нѣтъ у дѣтей активной роли въ бракахъ: она существуетъ только *отчасти*, фактически. Объяснюсь точнѣе. Въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ до сихъ поръ еще живетъ и дѣйствуетъ въ вопросѣ о бракахъ принципъ невмѣшательства дѣтей въ распоряженіе ихъ судьбою. Для недальняго прошлаго это можно было утверждать *абсолютно*— теперь не то. Не разъ приводилось слышать мнѣ отъ знакомыхъ мужиковъ, какъ вѣнчали ихъ, бывало, (лѣтъ 10, 12 назадъ) съ „незнамой“ дѣвушкой, подсовывали кривыхъ, больныхъ и уродовъ. Теперь другое дѣло: и „хитрѣй сталъ молодой народъ: съ немилой и на канатѣ не введешь ихъ въ церковь“. Нельзя еще сказать, чтобъ молодое поколѣніе „вершило“ свои браки, не спрашивая воли родительской, но это время *близко*. Все болѣе и болѣе захватываетъ себѣ право сельская молодежь, а въ дѣлахъ брака особенно падаетъ авторитетъ родительскій. Сознательно или не сознательно, а старики уступаютъ тутъ молодежи, благосклоннѣе относятся къ ея личнымъ стремленіямъ и желаніямъ. Возьму одно изъ типичныхъ явленій, гдѣ проглядываетъ (фактически) активная роль жениха и невѣсты. Если выберетъ себѣ парень дѣвушку, сойдутся другъ съ другомъ, они сначала стараются воздѣйствовать на матушекъ (эти рѣдко проявляютъ серьозную оппозицію), а ужъ чрезъ этихъ послѣднихъ и на суровыхъ отцовъ своихъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло оканчивается побѣдой молодежи; но случается и такъ, что родители изъ одного упорства не соглашаются на бракъ дѣтей; отказываютъ въ благословеніи, а въ крайнемъ случаѣ грозятъ проклятіемъ за неисполненіе ихъ воли. Послѣдняя мѣра самая страшная и дѣйствительная; рѣдко прибѣгаютъ къ ней родители, еще рѣже случаи, когда бы устояли противъ нея дѣти. Дѣти жертвуютъ тутъ лучшими чувствами, готовы отказаться отъ всего дорогого въ мірѣ, лишь бы не вызвать жестокаго приговора; „проклятыхъ дѣтей счастіе бѣжитъ: ихъ и земля [1])

[1]) Между матерью родной и матерью—сырой землей въ понятіи крестьянина существуетъ какая то связь;

не принимаетъ"—говоритъ объ нихъ глубокорелигіозное убѣжденіе. Случаи эти, повторяю, слишкомъ рѣдки: къ мѣрамъ проклятія прибѣгаютъ только матери: за отцами не признается этого права. Благословеніе — и то не въ одинаковой мѣрѣ, сильно со стороны отца и матери: „материнское благословеніе отъ дурного человѣка спасаетъ, отъ вражей силы избавляетъ" [1]). Зачастую приходилось мнѣ слышать тутъ споры между отцомъ и матерью; нѣкоторыя женщины основываютъ свою силу на апокрифическихъ сказаніяхъ, а большинство прибѣгаетъ къ болѣе простымъ и дѣйствительнымъ доказательствамъ: мы-де въ страданіяхъ производили дѣтей, своею грудью кормили ихъ, въ постоянныхъ *заботахъ* ростили,—а, стало быть, и болѣе власти имѣемъ надъ ними. Какъ бы то ни было, а фактъ на-лицо: дѣти крѣпко убѣждены въ силѣ материнскаго проклятія и благословенія; за отцомъ же первой силы совсѣмъ не признаютъ, а благословеніе съ его стороны гораздо менѣе уважаютъ. Поступательное движеніе молодежи обусловливается прежде всего отхожими промыслами; эти послѣдніе развиваютъ мужика умственно, за то развращаютъ физически и нравственно. Женщина до сихъ поръ нераздѣльна съ домашнимъ очагомъ своимъ. Она отстала отъ мужчины въ умственномъ развитіи, за то крѣпче держится за старые принципы. Она выше его въ нравственномъ отношеніи и за послѣднее время все болѣе и болѣе сознаетъ за собой это достоинство. Сильная реакція эта не скрылась, разумѣется, и отъ дѣтей. Чрезъ каждые три двора встрѣтите вы теперь гуляку въ почтенной главѣ семейства и въ каждомъ семействѣ противоположный ему лагерь трезвыхъ: мать въ главѣ дѣтей своихъ. Мать и дѣти здѣсь столько же близки другъ къ другу, сколь далеки отъ главы семейства. Самые интересы ихъ разобщаются: отецъ несетъ изъ-дому, а дѣти въ домъ. Тутъ не только чувство уваженія и страха—чувство любви подчасъ теряется въ дѣтяхъ; на мать переносится весь почетъ и уваженіе, ей начинаетъ принадлежать иниціатива дѣлъ и всѣ привилегіи главы семейства [1]). Само собою разумѣется, что паденію авторитита отцовскаго не мало способствовали и общія причины — естественныя, такъ сказать, разница въ отношеніяхъ къ отцу и матери. Матеріальная связь, точнѣе зависимость, скорѣе замѣчается въ отношеніяхъ къ отцу. Въ отношеніяхъ къ матери рельефнѣе выдвигается связь духовная. Отношенія эти болѣе святы для дѣтей, они болѣе дорожатъ ими, болѣе страшатся попрать или оскорбить ихъ. Матеріальная связь между отцомъ и дѣтьми держалась безспорно крѣпче *до* начала отхожихъ промысловъ. Подушный надѣлъ крестьянъ все уменьшается; отцы семействъ видятъ, что одной сохой не прокормишь семейства и шлютъ дѣтей на заработки. Съ развитіемъ отхожихъ промысловъ развивается и новая сила у дѣтей; въ среднемъ она равна уже теперь половинной силѣ родителя, а иногда и превышаетъ ее.— Было время, вздыхаютъ старики, когда дѣтки во всемъ покорствовали, да прошло; теперь ужъ изъ ихъ рукъ смотри, ихъ приказанія слушай.

Мы прослѣдили бѣгло перемѣны въ семейныхъ отношеніяхъ, видѣли постепенный упадокъ родительскаго авторитета и усиленіе власти дѣтей, теперь легче отвѣтить на вопросъ: какъ сходятся отцы брачущихся сторонъ. Оффиціально сватовство всегда ведется родителями сторонъ: одна дѣлаетъ запросъ, другая даетъ тотъ или другой отвѣтъ на него; женихъ съ невѣстой какъ бы не существуютъ: они только предметы сдѣлокъ; для совершенія самихъ сдѣлокъ они еще „глупы", „неразумны". Въ большинствѣ случаевъ дѣти и не гонятся за этимъ: они напередъ знаютъ, какъ устроится судьба ихъ и не особенно безпокоятся за нее.

Сватовство бываетъ двухъ главныхъ видовъ, сообразно тому, *кто* ведетъ его: родители *жениха* или родители *невѣсты;* хоть и рѣдко, но все же бываетъ такъ, что родители невѣсты (не имѣя сыновей напр.) сами начинаютъ сватовство, желая „принять во дворъ" будущаго зятя. Другой видъ—самый обыкновенный и заурядный, когда невѣста идетъ въ домъ жениха. И тамъ, и тутъ наружная сторона дѣла не измѣняется, за то

отказываюсь объяснить, — какая именно. Думаю, что основаніемъ здѣсь—общность идей плодотворной силы. Отсюда проклятые *матерью* скорѣе не принимаются *землей*, чѣмъ проклятые отцомъ, лишеннымъ плодотворной силы.

[1]) Изъ апокрифическихъ сказаній (кои въ самыхъ ужаснѣйшихъ редакціяхъ водятся по нашимъ селамъ) крестьяне почерпнули преданіе о томъ, какъ *Матерь Божія* надѣлила всѣхъ матерей земныхъ благотворной силой благословенія и губительной силой проклятія.

[1]) Жена называла прежде мужа „отцомъ" (хотя бы въ присутствіи дѣтей), въ настоящее время это встрѣчается рѣже и рѣже: теперь она зоветъ его по имени: Ѳедока, Ванька, Гришка... Здѣсь видно сильно упавшее чувство уваженія къ мужу со стороны жены. Называя мужа отцомъ, она какъ бы *выдѣляла* его прежде изъ всего семейства, его одного считала главой, а себя и дѣтей—только покорными членами семьи.

существенно измѣняется характеръ сватовства: онъ всецѣло зависитъ отъ той или другой доли участія, которую принимаютъ отцы и дѣти брачущихся сторонъ. Идетъ женихъ „во-дворъ“, онъ безусловно имѣетъ рѣшающій голосъ въ семьѣ, *самъ* почти и *договаривается* рука объ руку съ матерью; за то невѣста его теряетъ долю активной роли: „не въ чужіе люди отдаетъ ее отецъ съ матерью: будетъ жить она *по-прежнему* — такъ нечего ее и спрашиваться, нечего потакать ея слезамъ дѣвичьимъ“. Беретъ женихъ невѣсту въ домъ отца—тутъ ужъ онъ не обладаетъ тѣмъ полномочіемъ, какъ въ первомъ случаѣ. Новый человѣкъ принимается въ семью; хорошъ-ли онъ, плохъ-ли, это живой интересъ цѣлой семьи жениха; гдѣ онъ—только одинъ изъ членовъ, гдѣ есть родители, которые прежде всѣхъ должны блюсти общій интересъ. Оказались они (родители) слабы или податливы, тогда, за общій интересъ семьи, вступится одинъ изъ братьевъ жениха и, подъ угрозой раздѣла, не позволитъ ввести нежеланную „молодицу“. Мы предположили два вида сватовства, но такое дѣленіе оказалось бы слишкомъ грубымъ, слишкомъ нецеремоннымъ для тѣхъ всевозможныхъ оттѣнковъ и разновидностей его, которыя существуютъ на самомъ дѣлѣ. Мы указали только на главные виды; эти виды имѣютъ свои подраздѣленія и развѣтвленія. Чтобъ не вдаваться въ мелочи и скучный разборъ ихъ, мы укажемъ только на главныя, опредѣляющія условія. Дѣло въ томъ, что характеръ сватовства, со всѣми его оттѣнками, всецѣло ставится въ зависимость отъ состава семей и ихъ матеріальныхъ отношеній. Сойдись бѣдный женихъ съ богатой невѣстой или наоборотъ, тутъ ужъ менѣе простора для ихъ активной роли: богатые родители не захотятъ породниться съ бѣдными и вліяніе молодежи оказывается въ большинствѣ случаевъ недѣйствительнымъ. Много значитъ и составъ семьи той и другой стороны; будь семья жениха большая — туда ужъ съ меньшей охотой идетъ невѣста и сами родители рѣдко насилуютъ ея волю въ такихъ случаяхъ: „тамъ тьма-тьмущая золовокъ со снохами: онѣ поѣдомъ съѣдятъ меня, горемычную“, вопитъ дѣвушка — и родители внимаютъ ея голосу: зачастую отказываютъ жениху. Подобный составъ семьи (со множествомъ снохъ и сестеръ) нерѣдко бываетъ причиной того, что женихъ рѣшается оставить родительскій домъ и идти „во-дворъ“ къ невѣстѣ: и „жизнь не въ жизнь будетъ ему, какъ съ женой станутъ грызться сестры, да снохи его“. Отъ семейнаго и матеріальнаго положенія сторонъ вполнѣ зависитъ то обстоятельство, кому принадлежитъ иниціатива брака: отцу, матери, жениху (невѣстѣ) или остальнымъ членамъ семьи; кому изъ нихъ будетъ принадлежать иниціатива брака—тому и опредѣляющее вліяніе на характеръ сватовства. Сообразно этимъ 4-мъ случаямъ распадаются и виды сватовства. Самый обыкновенный изъ нихъ тотъ, гдѣ иниціатива принадлежитъ матери. Въ большинствѣ случаевъ она первая поднимаетъ вопросъ о бракѣ дѣтей, первая и разрѣшаетъ его такъ или иначе. Для этого она и сильнѣе, и компетентнѣе всѣхъ въ семействѣ. Она наперечетъ знаетъ всѣхъ невѣстъ по деревнѣ, знакома почти съ каждой родословной; и всегда найдетъ причину забраковать чужимъ выборомъ. Мы уже говорили, что самыя отношенія ея къ дѣтямъ слишкомъ тѣсны, слишкомъ близки, что-бы не отвести ей больше права и вліянія надъ ними. Крестьяне давно привыкли къ этому, давно привыкли отчислять сватовство къ разряду „бабьихъ дѣлъ“ и рѣдко врываются въ ихъ компетенцію. Болѣе или менѣе однообразный матеріальный бытъ крестьянъ успѣлъ повліять на развитіе существенныхъ сторонъ брака. Тутъ нѣтъ причинъ заботиться главнымъ образомъ о матеріальной сторонѣ дѣла: „выкупъ“ за невѣсту и скудное приданое ея установлено обычаемъ: сдѣлокъ тутъ почти никакихъ не требуется. Рельефнѣе выступаютъ тутъ наоборотъ чисто нравственныя, духовныя стороны, и забота о нихъ лежитъ на той же матери. Она ближе ко всему этому не по однимъ только „бабьимъ“ познаніямъ, а потому что она выше мужчины въ нравственномъ отношеніи, болѣе развита его эстетически. Многое говоритъ вообще за иниціативу матери въ дѣлѣ браковъ: можно указать и на мотивы чисто практическіе. Домашній трудъ лежитъ, главнымъ образомъ, на женщинѣ; одновременно съ этимъ занимается она полевыми работами, не отстаетъ отъ „мужика“ и въ луговой уборкѣ сѣна. Все это требуетъ большой затраты силъ, и лишняя женщина въ семьѣ никогда не мѣшаетъ крестьянину. Недостатокъ этотъ сильнѣе всего ощущается хозяйкой дома и, какъ только подростаетъ сынъ, она начинаетъ ужъ наводить его на вопросъ о женитьбѣ, склоняетъ къ этому мужа и прочихъ членовъ семьи [1]). Практическіе доводы ея въ такихъ случаяхъ сильнѣе всякихъ нравственныхъ доводовъ и, всегда почти,

[1]) Если живъ дѣдъ въ семьѣ брачущагося, отецъ этого послѣдняго спрашиваетъ у него совѣта: дастъ согласіе дѣдъ—и отецъ дать не прочь, не дастъ—противъ его воли идти не ладно.

уважаются семейными. Второй видъ сватовства болѣе древній—это тотъ, когда всѣ сдѣлки учиняются исключительно между родителями. Отецъ невѣсты не просватываетъ, а „пропиваетъ“, какъ говорятъ, дочерей своихъ. И въ самомъ дѣлѣ: сдѣлки происходятъ тутъ обыкновенно по кабакамъ или шинкамъ, а результаты ихъ зависятъ болѣе отъ дружбы стариковъ, чѣмъ (не говоря уже о *взаимномъ* чувствѣ дѣтей) отъ *ихъ* сочувствія къ дѣтямъ [1]). Есть, положимъ, „всякіе отцы“: „дѣло вершатъ“ иногда лучше самихъ матерей,—но это ужъ будетъ исключеніе, а мы имѣемъ въ виду только типичныя явленія. Третій видъ сватовства, снаружи почти незамѣтный и блѣдный формами,—это тотъ, который обусловливается иниціативой дѣтей. Въ существѣ дѣла онъ чаще всѣхъ и тѣмъ дѣйствительнѣе, что совпадаетъ всегда съ первымъ видомъ, гдѣ иниціатива,—говорили мы—принадлежитъ матери. Мнѣ хотѣлось бы даже оговориться здѣсь, — назвать вообще вліяніе матери при бракахъ просто только юридическимъ, а за дѣтьми, въ томъ и другомъ (1-мъ и 3-мъ) случаѣ, признать практическую силу. Суть въ томъ, что мать рѣдко представляетъ тутъ серьозное препятствіе для дѣтей, рѣдко бываетъ открытымъ врагомъ ихъ желаній и вкусовъ; она, правда, часто противорѣчитъ имъ, добрыхъ сто разъ поругается съ ними до дня помолвки, но, въ концѣ концовъ, все-таки согласится, а мужу порой не подастъ и вида въ своемъ неудовольствіи. Къ силѣ дѣтей, выходитъ, тутъ присоединяется сила матери, а такой надежный союзъ всегда выигрываетъ въ семьѣ. Что касается 4-го вида сватовства, когда бракъ происходитъ въ интересахъ *цѣлой* семьи,—тутъ говорить много не приходится: явленіе это и рѣдко, и слишкомъ блѣдно, чтобъ заинтересовать наблюдателя.

Таковы виды сватовства, которые чаще всего встрѣчались мнѣ и показались наиболѣе типичными.

Читатель поинтересуется, можетъ быть, узнать, какими соображеніями руководятся крестьяне при выборѣ невѣстъ. Вкусы у нихъ болѣе] или менѣе однообразны. Женихи ищутъ живыхъ, сильныхъ дѣвушекъ, чтобъ бровь была черная, грудь высокая, лицо „кровь съ молокомъ“! Въ умъ и характеръ они рѣдко вглядываются: все основываютъ на наслѣдственности: хороши мать съ отцомъ—стало-быть, и дочка ихъ съ хорошими задатками, а разбирать эти задатки „добру-молодцу не пристало“. [1]) Нравственныя цѣли, повторяю, рѣдко преслѣдуетъ женихъ: всѣ его требованія въ этомъ случаѣ сводятся къ тому, чтобъ невѣста была „смирна“. Слово это, положимъ, употребляетъ крестьянинъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; сюда входитъ и понятіе покорности и здраваго разсудка и самой наконецъ добродѣтели смиренія. Женихъ съ своими вкусами, а мать его—съ своими; ему бы только красоту дѣвичью, а ей—побольше нравственныхъ достоинствъ: чтобъ не попалась въ снохи какое нибудь „веретено“, [2]) „сорока пустая“ [3]) иль „непочетница“, а была бы „покорна да податлива; была-бъ охоча до дѣтей маленькихъ, могла бъ утѣшить на старости свекровь свою богоданную“. Отецъ жениха рѣдко предъявляетъ свои требованія отъ будущей снохи.—„Не мнѣ съ ней жить, не мнѣ съ ней вѣкъ вѣковать“—такова ихъ обычная отговорка въ этомъ случаѣ. Иногда впрочемъ высказываютъ и они свои вкусы. Вкусы эти въ общихъ чертахъ сходны со вкусами свекрови, развѣ только погрубѣе и не такъ требовательны. Больше же всего пріятно имъ видѣть въ снохахъ рослыхъ и сильныхъ женщинъ; „чтобъ на всякую работу годилась: и щи вкусны варила и траву рядомъ съ мужемъ косила“. Въ этомъ ихъ гордость и слава передъ остальными свекрами на селѣ. Значительно строже другихъ къ невѣстѣ будущія золовки ея: сестры и невѣстки жениха. Онѣ всегда требуютъ отъ нея такое множество добродѣтелей, которыхъ едва-ли совмѣщалъ въ себѣ и самый совершеннѣйшій человѣкъ въ мірѣ. И добродѣтель и пороки — одинаково должны уживаться въ ней, если хочетъ „молодая“ прійтись по вкусу золовкамъ. Что бы ни „настряпали“ онѣ въ отсутствіе „мужиковъ“, — должна молчать, сдѣлали какое либо упущеніе „по домашности“ — пополняй этотъ хозяйственный пробѣлъ, а жаловаться не моги: иначе будутъ звать наушницей, подха-

---

[1]) Въ Пенькахъ, Жуковкѣ и др. захолустныхъ селахъ Елат. уѣз. такое явленіе — самое обыкновенное и заурядное. Въ деревняхъ, близкихъ къ городу или къ селеніямъ однодворцевъ, отцы встрѣчаютъ наоборотъ серьозную оппозицію со стороны дѣтей, и время ужъ успѣло научить ихъ уступать дѣтямъ.

[1]) Здѣсь, какъ нельзя болѣе, сквозятъ остатки родового быта, когда, при бракахъ своихъ членовъ, семья глядѣла только на родъ, совершенно игнорируя отдѣльную личность: „что родъ то и племя“, „хорошъ родъ, хорошо будетъ и отродье“.

[2]) Веретено, вертопрахъ — неустойчивый въ нравственномъ отношеніи; противоположное качество—нерасхожій разумъ.

[3]) „Сорока пустая“,—пустомеля, человѣкъ, любящій много болтать. Отъ невѣсты требуется больше молчанія; это лучшее выраженіе женской скромности.

лимомъ. О мужьяхъ ихъ должна собирать всякія свѣдѣнія и немедленно доносить обо всемъ; но попрекать тутъ чѣмъ нибудь,—Боже ее упаси! Глаза всѣ повыцарапаютъ, волосы повыдерутъ. Болѣе трезвыя требованія въ данномъ случаѣ сводятся къ тому, чтобъ „молодая“ была не горда, не заносчива, дружно жила бы только съ ними, въ одинаковой ненависти къ свекрови (свекровь и снохи рѣдко живутъ между собою въ согласіи); вмѣстѣ бы ее обманывала, за-одно проводила. Таковы требованія къ невѣстамъ 4-хъ главныхъ членовъ семьи, обладающихъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ инициативой брака. Но крестьянскія дѣвушки обладаютъ подчасъ замѣчательной выдержкой: легко могутъ обмануться тутъ въ своихъ расчетахъ и золовки, и свекрови. Дѣвушки рано угадываютъ жениховъ своихъ и коль полюбится парень,—понравиться его родственникамъ пустое дѣло! Вся сила вліянія на дѣтей въ порѣ зрѣлости какъ мы сказали, всецѣло переносится на мать. Она, главнымъ образомъ, наводитъ дѣтей на мысль о бракѣ, внушаетъ глубину и святость этого таинства, толкуетъ о его необходимости въ жизни; руководитъ иногда выборами ихъ, вліяетъ на тѣ или другіе вкусы. Началось сватовство—она главное оффиціальное лицо въ немъ, и дѣйствуетъ какъ лучшій повѣренный интересовъ жениха или невѣсты. Поладитъ дѣло — тутъ только вздохнетъ немного счастливая мать: отведетъ душу на вечерахъ у свата. Канунъ и день брака опять полны трудовъ и заботъ: надо ублажать дѣвокъ, ежеминутно утѣшать „горемычную“ дочку, „снаряжать“ и „отпускать“ ее къ „суду Божію“. Обрядовая сторона лежитъ на тѣхъ же матеряхъ: онѣ слѣдятъ за ходомъ ихъ и строго смотрятъ, чтобы не произошло какихъ либо упущеній и пробѣловъ въ ритуалѣ: тогда не будетъ ужъ такой „талики“ сынку иль дочкѣ ея. Всѣмъ руководитъ тутъ, повторяю, мать: свахи и дружки только помощники ея;—самъ супругъ подчасъ—простое орудіе ея воли.

Приступимъ теперь къ описанію свадьбы. Свадьбы въ нашей мѣстности двухъ типовъ: свадьба собственно крестьянская и однодворская. Тамъ, гдѣ живутъ тѣ или другіе отдѣльнымъ поселеніемъ – обряды ихъ чище, строже сохранили свою физіогномію и понятнѣе для наблюдателя. Тамъ, гдѣ однодворцы мѣшаются съ крестьянами или живутъ близко другъ къ другу—въ обрядахъ, какъ и во всемъ складѣ жизни ихъ, оказывается взаимодѣйствіе: каждый перенимаетъ у другого то, что болѣе нравится ему, болѣе приходится по вкусу и совпадаетъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ. Богатый крестьянинъ отталкиваетъ свои обычаи и идетъ занимать ихъ у однодворца; бѣдный однодворецъ часто не гонится за своими; все ставитъ на крестьянскую ногу: такъ будетъ проще и дешевле. Одновременно съ тѣмъ какъ богатые мужики брали смѣлость присватываться къ „политичнымъ“ однодворцамъ, бѣднѣйшіе изъ этихъ послѣднихъ перестали гнушаться предложеніями первыхъ. Такіе смѣшанные браки стали замѣтны въ нашей мѣстности лишь 7, 10 лѣтъ назадъ и особенно повліяли на смѣшеніе обрядовъ. Явленіе это нѣсколько затрудняетъ изслѣдователя, затемняетъ для него истинное происхожденіе тѣхъ или другихъ обычаевъ. Нужно знать хотя бы одну изъ группъ населеній,—чтобы отдѣлить отъ формъ ея жизни все чужое и наносное. Я, лично, мало знакомъ съ однодворцами, мало видѣлъ цѣльной эту группу населенія и не рѣшаюсь поэтому распространяться объ ихъ обрядахъ. (У насъ, наприм., въ Саверкахъ однодворцы живутъ вмѣстѣ съ обѣднѣвшими барскими семьями, много переняли отъ нихъ обычаевъ цѣной утраты своихъ собственныхъ.)

Сколько я знаю, однодворцевъ Елатомскаго уѣзда можно раздѣлить на слѣдующія группы: или они подходятъ къ городскому населенію (мѣщанамъ), или уподобляются крестьянамъ, или, наконецъ, представляютъ нѣчто среднее между тѣми и другими. Въ основѣ лежитъ вообще смѣсь разныхъ элементовъ—отсюда и смѣсь обычаевъ. Это даетъ мнѣ поводъ заключить, что бытъ населенія однодворцевъ вообще—крайне безъинтересный предметъ для изученія.

Такъ будемъ говорить лучше о средѣ чисто-крестьянской. Тутъ мужикъ крѣпче держится за традиціи, бережнѣе обходится съ завѣтомъ старины и сохраняетъ иногда въ цѣлости самые исконные русскіе обычаи.

Говоря о свадебныхъ обрядахъ, мы *наперед условимся имѣть въ виду свадьбы только крестьянскія.* На бракъ крестьянинъ смотритъ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ религіозной, нравственной и матеріальной; на каждую обращаетъ серьезное вниманіе. Слабѣе, сравнительно, дѣйствуютъ здѣсь взгляды религіозные. Бракъ—главное условіе порядочности человѣка, его матеріальнаго благосостоянія и вѣса въ обществѣ. Не женятся въ селахъ только физическіе и нравственные уроды, да „забубенныя головы“, кои „завертятся“ смолоду, забудутъ страхъ Божій и наставленія родительскія. Такихъ людей презираютъ въ обществѣ и клеймятъ самыми позорными именами; ни дѣвка, ни баба не упустятъ случая посмѣяться надъ нимъ. Прозы-

ваютъ вѣкоушей, вслухъ выражаютъ свои догадки о физическомъ уродствѣ. Такіе строгіе взгляды на безбрачіе обусловливаются экономическимъ бытомъ крестьянъ. Каждый изъ нихъ живетъ подушнымъ надѣломъ; чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ больше земли и шире хозяйство. Кто не женился—тотъ становится въ неопредѣленныя отношенія къ обществу. Это не только не подойдетъ подъ складъ обычной жизни крестьянина, а прямо идетъ въ разрѣзъ съ нимъ; подрываетъ самые принципы организаціи сельской общины, какъ-то рѣзко и непріятно диссонируетъ съ ними. Мужикъ привыкъ видѣть въ мужикѣ прежде всего домовитаго человѣка, живущаго своимъ домомъ и семействомъ. Разъ онъ не видитъ этого—онъ затрудняется даже назвать по-имени такое явленіе: до того непривычно-рѣзко рябитъ оно въ глазахъ его.

Экономическія невыгоды безбрачія сдѣлали его почти невозможнымъ въ глазахъ крестьянина; онъ не можетъ представить себѣ холостой жизни земледѣльца. „Въ нашемъ быту, говоритъ онъ, безъ бабы никакъ невозможно: хозяйства порядкомъ не заведешь, домъ пойдетъ прахомъ, чего добраго и самъ завертишься; да и какая то жизнь: сиди весь вѣкъ бобылемъ; никто тебѣ привѣтнаго слова не скажетъ, никто не присмотритъ на старости лѣтъ, а умрешь—и похоронить некому будетъ!“ Такова самодѣльная философія крестьянина. Среди другихъ мотивовъ тутъ слышится и желаніе чисто нравственной, духовной поддержки жены; безъ этой надежной подруги онъ боится вступить на жизненный путь свой, труситъ одиночества.

Браки въ селахъ совершаются въ очень раннемъ возрастѣ; рѣдко-рѣдко встрѣтишь невѣсту за 20, а жениха за 25 лѣтъ; сильный, полный здоровья и свѣжести крестьянинъ менѣе всего стѣсняется возрастомъ. Въ 15 лѣтъ дѣвушка „заневѣстилась“ — смѣло засылай къ ней сватовъ, а чрезъ годъ честнымъ пиркомъ и за свадебку. Парню тоже не резонъ засиживаться; погулялъ лѣтъ до 18 и довольно: время „законъ принять“, своей семейкой обзаводиться; не все ему за отцовской шеей жить, пора самому „за разумъ“ браться, снимать со старины заботы по хозяйству. У насъ нигдѣ не дожидаются даже узаконеннаго возраста, и, не смотря на увѣщанія, одолѣваютъ священниковъ просьбами о ходатайствѣ. На каждые 5 браковъ обыкновенныхъ всегда придется 1 бракъ не разрѣшенный, когда невѣстѣ или жениху не хватаетъ полгода до установленнаго возраста. Сватовство происходитъ обыкновенно за годъ и за полгода; иногда впрочемъ и раньше—года за $1^1/_2$, 2, если боятся упустить хорошаго жениха или невѣсту. Сватовство такое рѣдко бываетъ оффиціальнымъ и происходитъ все больше келейно, между одними родителями. Сойдутся хорошо два семейства, подберется добрая парочка молодыхъ людей—вотъ и „пошабашутъ“ дѣло взаимнымъ обѣщаніемъ породниться. Обѣщаніе держится крѣпко, оно нерушимо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ обѣднѣетъ или потерпитъ другое какое несчастіе. „Грѣшно будетъ нарушить слово, хоть люди его не слышали, за-то свидѣтелемъ Богъ: Онъ можетъ покарать гордыхъ родителей „не дать талики дѣтямъ“. Такіе сговоры особенно развиты въ сосѣднихъ намъ селахъ: Питалинѣ, и Мочалахъ. Тамъ сватанье происходитъ открыто. Всѣмъ становится извѣстнымъ, что такого-то двора 14 лѣтняя дѣвочка сговорена за такого-то 15 лѣтняго мальчика. Сзывается кругъ родныхъ невѣсты, тутъ и произносятся вслухъ взаимныя обѣщанія сторонъ. Никто этому особенно не удивляется: всѣ считаютъ ихъ съ этихъ поръ близкими семействами, а мальчугана съ дѣвочкой—женихомъ съ невѣстой. Сравнительно дольше удержался тамъ этотъ обычай потому, что въ составъ населенія вошли полуземледѣльческіе и полуремесленные крестьяне. Они живѣе ощущаютъ практическій интересъ связей и всегда спѣшатъ предупредить сватовство къ богатымъ родителямъ. Подтверждается это тѣмъ, что наряду съ такимъ раннимъ сватовствомъ частенько бываютъ тамъ и поздніе браки: явленіе обратное, но причины его тѣ же самыя—практическіе виды родителей. Не представляется выгоднаго брака—нечего и спѣшить имъ: надо выжидать болѣе благопріятнаго случая. Въ Мочалахъ и Питалинѣ — передавали мнѣ — не такъ еще давно (лѣтъ 15, 20) происходили и самые ранніе браки. Возрастъ брачущихся не превышалъ иногда 12, 13 лѣтъ. На этотъ счетъ сохранилось много разсказовъ: какъ живетъ мололая чета, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ родителямъ той и другой стороны и т. п... Молодая сохраняетъ почти прежнюю связь съ своимъ домомъ: ей носятъ куколъ, ублажаютъ гостинцами, мать даже ночуетъ постоянно у дочки въ сватьиномъ домѣ. Женихъ въ свою очередь сохраняетъ старыя отношенія къ отцу; никакихъ новыхъ правъ съ женитьбой онъ не пріобрѣтаетъ; родители все также треплютъ его за уши, не поцеремонятся наказать и розгой за крупную шалость. Невѣсты они

рѣдко касаются: *при ней своя* мать—столь же строгая и нецеремонная. Молодые сначала дичатся другъ друга, плачутъ даже первое время и живутъ страшными врагами. Потомъ мало по малу сходятся какъ дѣти: бѣгаютъ, играютъ вмѣстѣ. Въ зажиточныхъ семьяхъ къ нимъ приставлялась какая нибудь дальняя родственница—старушка; она была всегда неотлучна при молодой парочкѣ: затѣваетъ для нихъ игры, разсказываетъ сказки, миритъ при ссорахъ, разнимаетъ въ дракахъ. День молодые рѣзвятся — вечеромъ идутъ спать, каждый въ свою половину: молодая съ матерью (или со старушкой), женихъ съ своими родителями. Годикъ-другой ихъ разъединяютъ,—не кладутъ въ одной комнатѣ. Потомъ мало-по-малу начинаютъ снимать контроль старшихъ: старушка чаще и чаще оставляетъ ихъ однихъ; родители стараются быть къ нимъ благосклоннѣе: постепенно разъясняютъ имъ супружескія отношенія, стараются отвлечь отъ дѣтскихъ игръ и забавъ. Мать жениха внушаетъ своему сыну; мать невѣсты учитъ уму-разуму свое дѣтище. Когда доходило до щекотливыхъ вопросовъ—дѣло поручалось всегдашнему посреднику молодыхъ—старушкѣ. Что касается отношенія возрастовъ молодыхъ, то, въ большинствѣ разсказовъ на этотъ счетъ, выдается одинъ любопытный фактъ; отношенія эти какъ разъ обратны теперешнимъ. Невѣста бывала обыкновенно и развитѣе и старше жениха; за 13 лѣтняго мальчика часто выходила 16 и 17 лѣтняя дѣвушка. До сихъ поръ сохранились шутливые разсказы о томъ, какъ молодая жена носила въ передникѣ своего маленькаго супруга, отбивала отъ уличныхъ мальчишекъ и т. п. Не знаютъ только, что сказать объ ихъ отношеніяхъ: такъ же ли скромно слѣдятъ за молодыми старшіе: приставляютъ-ли къ нимъ разныхъ старушекъ или предоставляютъ имъ полную свободу, — сразу допускаютъ супружескія отношенія. По духу разсказовъ скорѣе можно склониться къ послѣднему; гарантія для родителей—достаточно зрѣлости одного изъ супруговъ, чтобъ не безпокоиться особенно за ихъ отношенія. Слабый контроль тутъ можетъ быть и существовалъ, но онъ все же не измѣнялъ самого характера отношенія (такихъ супруговъ)... Не много прошло съ тѣхъ поръ, а далеко ушло время и для крестьянина. Теперь такіе браки живутъ только въ разсказахъ, слышатся въ шутливыхъ бесѣдахъ о причудливой старушкѣ. Не нужна крестьянину переступившая время зрѣлость, плохая невѣста для него и слабая „глупенькая дѣвочка, не успѣвшая собраться съ умомъ-разумомъ“ раскинуться сѣлками. Она и работница плохая будетъ и жена ненадежная. „Изъ подъ вѣнца прямо въ хомутъ должна быть готова молодая, а не даромъ ѣсть хлѣбъ у свекра, служить одной потѣхой мужниной“. Земледѣльцу не надо мѣшкать женитьбою, не слѣдъ и спѣшить ею особенно; нечего бояться упустить ту или другую невѣсту; достатки у всѣхъ почти одинаковые; невѣстъ богатыхъ на селѣ не водится; упускать жениху тутъ, стало быть, нечего. Придетъ время найдутся и родители честные и дѣвка добрая: „не занимать-стать этого добра на селѣ“. Пошелъ парню 19-й годъ, тогда приспѣло время, надо свахъ засылать. Невѣсты рѣдко бываютъ старше 18, 19-ти лѣтъ, чаще всего 16-ти, 17-ти, иногда даже 15½; въ 20 лѣтъ дѣвушкой начинаютъ браковать: есть стало-быть недостатки, коль цѣлыхъ 4 года „сидитъ въ дѣвкахъ“; а переступитъ еще два года, тогда и калачомъ не заманешь парня: зазорно будетъ жениться на „перестаркѣ“, стыдъ на селѣ показаться съ ней. Незавидна бываетъ доля этихъ перестарокъ, хотя лѣтъ до 26—7-ми у нихъ не отнимается еще надежда выйти замужъ; на этотъ случай есть другіе женихи, въ свою очередь забракованные невѣстами. Сюда относятся парни плохаго рода, раззорившихся семействъ, слабые здоровьемъ или крайне безнравственные, прослывшіе на селѣ за „непутящихъ“. Такіе молодцы живутъ холостыми иногда до 28 и 30 лѣтъ и всегда готовы жениться на перестаркѣ. Есть и другой исходъ для перестарокъ — пойти за вдоваго. Эти уже навѣрняка не откажутся, за честь почтутъ жениться на дѣвушкѣ; но перестарки бракуютъ больше такими женихами; помимо другихъ причинъ тутъ мѣшаютъ дѣвушкамъ нѣкоторыя предубѣжденія, суевѣрія даже если хотите. Введу маленькое объясненіе. Случаи смертности въ молодыхъ годахъ болѣе чѣмъ рѣдки среди крестьянъ. Смерть привыкъ видѣть мужикъ только въ старости: „похитить“ человѣка въ молодости она можетъ только по особому насланію Божьему — въ какихъ нибудь несчастныхъ случаяхъ. Если ничего подобнаго нѣтъ и человѣкъ, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, умираетъ отъ невидимыхъ причинъ, крестьянинъ видитъ тутъ что-то „неладное“, „недоброе“. Онъ менѣе всего склоненъ объяснить дѣло физіологически и ищетъ тутъ присутствіе чего-то сверхъестественнаго, „вражьяго“; дѣло происходитъ не какъ „изволенно“ Божеству, а только по Его „попущенію“: работаетъ тутъ одна злая сила. Сила эта дѣйствуетъ или непосредственно въ лицѣ разныхъ домовыхъ и

кикиморъ или чрезъ злыхъ, подвластныхъ ей, людей. Люди эти колдуны, обладающіе *извѣстными* [1]) волшебными чарами, могущіе призывать къ себѣ самихъ злыхъ духовъ въ случаѣ надобности. Этой-то силѣ въ разныхъ проявленіяхъ ея приписываетъ крестьянинъ тѣ или другіе случаи смертности въ молодыхъ годахъ въ „недобромъ“. Если умерла невѣста въ семействѣ, родители оплакиваютъ тутъ двойное горе: потерю дочери и потерю стараго положенія въ обществѣ: на селѣ навѣрно пойдутъ всевозможные слухи и розсказни касательно несчастнаго семейства; тутъ услышите вы всевозможныя предположенія: и касательно „порчи“ покойной, и о „гнилости“ рода, предрасположенности его къ недугамъ и т. п. Остались сестры или братья покойной, — можно быть увѣреннымъ, что ни одна сваха не заглянетъ къ нимъ, не переступитъ порогъ злосчастнаго дома. Если дѣвушка вышла за-мужъ и чрезъ годъ-другой неизвѣстно отчего умерла—простора для суевѣрій еще больше. Чего только не наболтаютъ тутъ досужія бабы въ объясненіе такой быстрой смерти молодицы! Однѣ говорятъ: не ко двору пришлась,—домовой задушилъ [2]); другія во всемъ обвиняютъ супруга: мужъ нечистъ [3]),—онъ свелъ въ гробъ молодицу. Изъ боязни поминать лихомъ покойника большинство склоняется на сторону тѣхъ, кои видятъ корень зла въ мужѣ; всѣ наперерывъ стараются обвинять его и разносятъ по селу ужаснѣйшіе слухи: будто по ночамъ онъ страдалъ падучей, бѣсновался съ пѣной у рта, привязывалъ жену къ кровати, запиралъ въ подполъ и т. п. Для пущаго эффекта всѣ эти басни подкрѣпляютъ иногда обильными фактами, и не безъ успѣха; всѣ охотно вѣрятъ этимъ розсказнямъ и, въ свою очередь, передаютъ ихъ другимъ съ необходимыми дополненіями. Личность вдовца получаетъ такимъ образомъ подозрительный оттѣнокъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣвушки всегда брезгуютъ подобными женихами. Лучше остаться въ дѣвкахъ, чѣмъ занять мѣсто покойной молодицы: первую жену замучилъ—замучитъ и вторую. Вдовцы рѣдко и присваиваются къ дѣвушкамъ, особенно когда остались дѣти отъ первой жены: плохія онѣ матери чужимъ дѣтямъ. Въ 30, 35 лѣтъ бездѣтный вдовецъ рѣдко и женится: помимо другихъ грустныхъ мотивовъ, тутъ сдерживаетъ его извѣстное предубѣжденіе противъ святости 2-го брака. На 1-й бракъ крестьянинъ смотритъ какъ на глубокое таинство, какъ на освященную основу предсупружеской жизни; нарушилась эта основа, со смертью жены—такъ, стало быть, самому Господу было угодно, надо терпѣть несчастье и нести крестъ, указанный самимъ Провидѣніемъ. Пытается человѣкъ создать новую основу семейной жизни—этимъ онъ только доказываетъ свою слабость, робость передъ несчастьемъ; церковь соединитъ его новыми узами, но бракъ этотъ будетъ не отъ *Бога*, а отъ людей; не будетъ безусловно освященъ Его Святою Волей; Богъ только „попускаетъ“ этотъ „людской“ бракъ ради слабости человѣческой. Онъ отнималъ жену не для того, чтобъ дать другую, а ради того, чтобы несчастьемъ искупить грѣхи живого супруга, или испытать его. Только въ 1-мъ бракѣ видитъ онъ прямую волю Бога, во 2-мъ одно Его „попущеніе“, въ 3-мъ совсѣмъ какъ бы отрицаетъ присутствіе святыни, называетъ его бракомъ „отъ черта“. Оговорюсь нѣсколько; онъ не то чтобы отрицаетъ святое (церковный обрядъ онъ не можетъ не признавать), а видитъ тутъ человѣка еще болѣе слабымъ, болѣе грѣшнымъ предъ Богомъ. Смертью второй жены Господь какъ бы напоминаетъ ему о томъ пути, который раньше еще назначенъ ему Провидѣніемъ; если и тутъ онъ явится ослушникомъ, поддастся страстямъ своимъ, — онъ служитъ скорѣе врагу рода человѣческаго и самый бракъ называется бракомъ отъ черта. Изъ этого религіознаго предубѣжденія крестьянина само собой вытекаютъ взгляды его на счастье въ бракѣ. Въ 1-мъ бракѣ, какъ въ изволеніи Божіемъ, онъ видитъ и главный залогъ счастья; во 2-мъ бракѣ онъ совсѣмъ не видитъ дара свыше и самое большее, что предполагаетъ въ немъ, это достиженіе практическихъ цѣлей; въ 3-мъ бракѣ отрицается и это послѣднее; имъ безусловно выражается служеніе страстямъ и дьяволу (о счастьѣ говорить тутъ не мѣсто). Религіозное предубѣжденіе хотя и живетъ среди крестьянъ, но сдерживаетъ ихъ развѣ отчасти только. Мужикъ не признаетъ святости 2-го и 3-го брака только тогда, когда не отыскиваетъ въ душѣ ничего кромѣ одной страсти; если же и тамъ и тутъ преслѣдуется практическая цѣль—тогда бракъ является дѣломъ житейской необходимости и грѣха тутъ никакого особеннаго не будетъ. Практическая необходимость можетъ явиться напр., когда останутся дѣти отъ 1-й и 2 й жены; мужику надо работать, ему не время нянчиться съ ними:

---

[1]) Всѣми чарами обладаетъ только „самъ“.

[2]) Есть повѣрье, что людей и животныхъ „не ко двору“ домовой душитъ и всячески мучитъ по ночамъ.

[3]) Духовно и физически.

обзавестись „бабой“ первое дѣло въ его положеніи. Другое дѣло бездѣтный вдовецъ; для него нѣтъ уважительной причины къ браку; онъ если и женится, то развѣ для потѣхи собственной: это будетъ грѣшно, тутъ ужъ врагъ попуталъ человѣка. Отсюда понятно, почему избѣгаютъ вдовцы присватываться къ дѣвушкамъ: въ такомъ случаѣ сомнительнѣе всего цѣли жениха и само общество недовѣрчиво глядитъ на нихъ, неодобрительно встрѣчаетъ такіе браки. Особенныхъ упрековъ заслуживаютъ люди почтенныхъ возрастовъ: за 30 и 35 лѣтъ; тутъ нечѣмъ уже и оправдаться человѣку, коли „сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро“ [1]). Коли вдовецъ хорошій человѣкъ, онъ долженъ искать въ женѣ только хорошую хозяйку и добрую мать дѣтямъ; къ чему тутъ дѣвка? надо брать бабу опытную, разумную, вкусившую семейной жизни; вдовы самыя подходящія невѣсты въ такихъ случаяхъ, а бракъ съ ними—лучшее доказательство „степенности“ жениховъ.

При описаніи посидѣлокъ мы видѣли, какъ сходятся парни съ дѣвушками; — сами выбираютъ себѣ своихъ суженыхъ. Въ большинствѣ случаевъ такъ и начинается дѣло. Парень говоритъ объ этомъ матери, а та старается воздѣйствовать домашнимъ образомъ на отца. Нѣчто подобное, въ меньшей степени развѣ, происходитъ единовременно и въ домѣ будущей невѣсты. Родители довольствуются тутъ одной ролью опытныхъ руководителей, провѣряютъ выборъ дѣтей и указываютъ на тѣ или другіе его недостатки. Часто происходятъ тутъ несогласія, но и тутъ большею частью уступаютъ родители. За послѣднее время все болѣе и болѣе обозначаются границы ихъ дѣйствительной власти, при этомъ все яснѣе опредѣляются скудныя требованія родителей, коимъ не смѣютъ еще не удовлетворять дѣти. Требованія эти незначительны: будущій супругъ долженъ быть хорошаго роду, не близкій родственникъ, съ честнымъ хорошимъ именемъ на селѣ. Требованіямъ этимъ удовлетворить не трудно тѣмъ болѣе, что понятіе о хорошемъ родѣ весьма растяжимо для крестьянина и на этомъ пунктѣ легче всего примириться. Каковы дѣтки, впрочемъ. Нѣкоторые парни не дѣлаютъ и этой скудной уступки старинѣ. Объявляетъ прямо, что люба ему на селѣ только одна дѣвка—и дѣло съ концомъ: ни съ чѣмъ останутся тутъ и самые суровые родители. Гораздо труднѣе въ этомъ случаѣ положеніе дѣвушки. Въ умственномъ развитіи женщина вообще далеко отстала отъ мужчины, въ глазахъ его она попрежнему нѣчто въ родѣ дополненія къ нему и никогда не должна обладать одинаковыми правами. Многія дѣвушки не смѣютъ даже заикнуться предъ родителями о своемъ сердечномъ выборѣ и скромно отвѣчаютъ только на ихъ предложенія: „на все-де ваша родительская воля, а я *вольна* только покорствовать“. Слезы—единственный протестъ невѣсты, ея единственное нравственное орудіе противъ суроваго батюшки. Но эта юридическая слабость невѣстъ не исключаетъ однако нѣкоторой доли фактической силы ихъ; силу эту полагаютъ они въ женихахъ своихъ. Какъ жалки и слабы онѣ предъ родителями, такъ сильны и энергичны въ своемъ вліяніи на излюбленнаго парня. Въ этихъ отношеніяхъ всегда первенствующая роль принадлежитъ дѣвушкѣ; приглянись она хотя немного парню, она уже сумѣетъ его сдѣлать орудіемъ своихъ желаній, сумѣетъ добиться при его помощи самыхъ завѣтныхъ цѣлей. Она создастъ такую конструкцію отношеній той и другой стороны, что дѣло навѣрняка увѣнчается бракомъ. Хитрость не оставляетъ ее до конца дѣла: все постарается скрыть она отъ старшихъ; никому и въ умъ не придетъ, гдѣ лежитъ иниціатива брака. Сравнительно сильнѣе родительскій авторитетъ тамъ, гдѣ предстоитъ другого рода препятствіе къ браку—духовное или кровное родство брачущихся. Да и то впрочемъ *какъ гдѣ.* Въ Темиревѣ, Пенькахъ и Поселкахъ можно вѣнчать съ 4-го колѣна. Всѣхъ колѣнъ насчитывается 7, 8. (1-е колѣно — родные братъ съ сестрой 2-е—двоюродные и т. д...) Первыя три степени — сравнительно близкое родство, 4-е „изъ роду вонъ“: къ вѣнцу вези смѣло [1]). Дѣленіе до 7-го именно колѣна имѣетъ тотъ смыслъ, что цифра 7 здѣсь конечный предѣлъ такъ называемому „сродству“. Сродство—это кругъ родныхъ извѣстнаго *двора,* начиная съ самыхъ высшихъ и до низшихъ степеней родства. Происходятъ ли въ дому крестины, свадьба или другой какой нибудь торжественный случай, „сродство“ это сзывается въ полномъ составѣ и, чѣмъ больше оно, тѣмъ больше гордости у хозяевъ, составляющихъ въ данный моментъ, какъ бы

[1]) Не имѣетъ ли это выраженіе какой либо связи съ церковнымъ преданіемъ о сотвореніи первой жены?

[1]) 5 и 6 колѣно — „родня съ боку припеку“; 7 и 8 „нашей природы“. Тутъ замѣчается впрочемъ маленькое колебаніе; если родство идетъ по мужской линіи—избѣгаютъ вѣнчаться до 5-го колѣна, если по женской — можно и съ 3-мъ.

главный центръ обширнаго родственнаго круга. Въ селахъ впрочемъ различно дѣленіе, какъ различны самые предѣлы „близкаго“ и „дальняго“ родства. Въ Петелинѣ, напримѣръ, различается больше 5, 6 колѣнъ „сродства“; на случай брака вычеркиваются тамъ развѣ два первыя; троюродные братъ съ сестрой могутъ вѣнчаться, не погрѣшая противъ обычая. Въ Петелинѣ былъ случай замужества двоюродныхъ братьевъ съ родными сестрами [1]) и никто особенно не былъ возмущенъ этимъ. Въ объясненіе прошу припомнить сказанное раньше о составѣ и характерѣ тамошняго населенія: крестьянская среда въ Петелинѣ, какъ въ базарномъ селѣ, утратила чистый видъ крестьянской семейной общины и носитъ характеръ торгово-ремесленный. Въ такихъ селахъ слабѣетъ старина, быстро таютъ самые коренные обычаи; слабѣютъ и принципы нравственные, и принципы религіозные. Отсюда и эта нецеремонность въ различеніи степени родства при бракахъ. Въ Темиревѣ напримѣръ, (при чисто земледѣльческомъ характерѣ населенія) болѣе чѣмъ возмутились бы бракомъ родныхъ сестеръ съ двоюродными братьями, да никто никогда не согласился бы на него: жениться такимъ образомъ — значитъ стать врагомъ себѣ и будущимъ дѣтямъ. Не будутъ жить въ согласіи такіе супруги, прахомъ пройдетъ у нихъ все хозяйство, [2]) не пошлетъ Богъ талики и дѣтямъ. Впрочемъ и у насъ тутъ сказывается нѣкоторая двойственность во взглядахъ. Во 2-мъ и 3-мъ колѣнѣ жениться непростительный грѣхъ, а въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ поощряются браки самими стариками (хранителями старины). Если отецъ семейства имѣетъ въ виду женить сына на какой нибудь изъ двухъ дѣвушекъ на селѣ, то онъ остановится скорѣе на той, которая „ихъ природы“ — состоитъ въ родствѣ ихъ двору въ 7-мъ или 8-мъ колѣнѣ. Отказываюсь объяснять такую двойственность: можетъ быть это остатокъ родового быта, можетъ быть что и другое. Духовное родство различается для браковъ гораздо строже, чѣмъ кровное. Не говоря уже о кумѣ съ кумомъ, дѣти ихъ—братъ съ сестрой и не могутъ вѣнчаться другъ съ другомъ. Церковь тутъ церковью, а обычай—обычаемъ; бокъ-о-бокъ слѣдитъ онъ за этимъ и безусловно воспрещаетъ подобные браки. Преступная *связь* и *бракъ* тутъ различаются; строже бичуются послѣдніе: въ нихъ видятъ какъ бы двойной грѣхъ: грѣхъ кровной связи и новой духовной связи (брачной), совершенно уничтожающей прежнюю духовную связь предъ тѣмъ же алтаремъ. Человѣкъ будто шутитъ здѣсь святыми обрядами церкви, если дерзаетъ уничтожать ихъ другими. Этимъ можно объяснить отчасти и тотъ фактъ, что случай связи духовно-родныхъ гораздо чаще, чѣмъ браки въ тѣхъ же отношеніяхъ.

Продолжаемъ прерванное о брачныхъ обрядахъ. Мы замѣтили раньше, что родители возбуждаютъ сватовство и чинятъ браки дѣтей только формально: всему тутъ причиной сами женихъ и невѣста. Формальная сторона тамъ безусловно входитъ въ область родительскаго авторитета. Дѣло обсуждается двоякимъ образомъ, смотря по той или другой степени развитія семейныхъ отношеній. Чаще всего бываетъ такъ: послѣ совѣта съ отцомъ мать предлагаетъ сыну жениться, иногда указываетъ при этомъ на невѣсту. Сынъ большей частью не прочь отъ женитьбы, и, какъ бы вскользь, при этомъ пускаетъ фразу: такая-то дѣвка хорошей была бы *снохой* ей, она, дескать, и роду хорошаго и дурного про нее не слышешь. Не обойдется разумѣется безъ обычнаго спора между сыномъ и матерью; но послѣдняя всегда сдается и является предъ отцомъ его надежной ходатайницей. Подумаютъ старики день-другой, посовѣтуются, съ дѣдомъ жениха, поразспросятъ людей, а тамъ скоро готово и обычное рѣшеніе—засылать сватовъ къ избранной дѣвушкѣ. Другой видъ возбужденія браковъ по существу значительно разнится отъ перваго. Родители сами подыскиваютъ невѣсту и предлагаютъ ее сыну *одновременно* съ вопросомъ о женитьбѣ. Сынъ можетъ и согласиться и не согласиться (рѣдко дѣйствуютъ тутъ особымъ принужденіемъ), но за то не смѣетъ пикнуть о той дѣвушкѣ, которую облюбовалъ онъ гдѣ-нибудь на игрищахъ или посидѣлкахъ. Родители посердятся-посердятся, а все таки оставятъ въ покоѣ непокорнаго сына. Пройдетъ мѣсяцъ, другой—отецъ предлагаетъ новую невѣсту; если послѣдуетъ опять старый отвѣтъ — отецъ, что называется „отступается“ отъ сына и между ними возстановляются холодныя, почти враждебныя отношенія. Примирителемъ является всегдашній посредникъ — мать. Въ какіе нибудь полгода она уладитъ все дѣло и побѣда остается всегда на сторонѣ сына. Жаль только, что такіе браки

---

[1]) Тутъ различается родство по женской и по мужской линіи; родство по этой послѣдней гораздо ближе; отсюда роднымъ *сестрамъ* скорѣе простительно выйти за двоюродныхъ братьевъ чѣмъ на оборотъ.

[2]) Существуетъ повѣріе, что жена — родственница должна умереть отъ 1-хъ же родовъ.

рѣдко бываютъ счастливы. Примиряются отецъ съ сыномъ больше наружно, во имя необходимости, и затаенная вражда нерѣдко вспыхиваетъ послѣ брака. Введетъ сынъ нежеланную сноху и пойдутъ въ домѣ всевозможныя непріятности; хорошо еще, если мать за сына, а то бѣда: волей-неволей придется выйти молодымъ изъ родной хаты, да обзаводиться своей собственной. А съ этого момента пойдутъ, чего добраго, упреки молодой женѣ; изъ-за нея де приходится бросить родителей, терпѣть нужду и т. п. Непріятности, какъ водится, идутъ далѣе и легко могутъ породить новое несчастіе. Всѣ эти невыгоды жениться противъ воли родителей и поддерживаютъ отчасти старую власть родителей надъ дѣтьми. Не будь этой матеріальной зависимости, измѣнись хотя немного экономическій складъ крестьянской жизни — и вы увидѣли бы, какъ открыто и безцеремонно стали бы заявлять дѣти о своей свободѣ — требовать законныхъ правъ своихъ.

Когда порѣшатъ въ семействѣ вопросъ о выборѣ невѣсты, посылаютъ за какой нибудь родственницей - старушкой (чаще всего за теткой жениха) и сообща упрашиваютъ ее идти свахой. Потчуютъ и ублажаютъ ее тутъ до-нельзя. Она обыкновенно соглашается, и на другой же день, разрядившись въ пухъ и прахъ, бредетъ въ домъ невѣсты. Чинно переступаетъ она черезъ порогъ дома, чинно помолится Богу и откланяетя хозяевамъ. И по одеждѣ, и по особой важности въ разговорѣ и движеніяхъ сейчасъ же узнаютъ „откуда эта птица“ и съ какимъ порученіемъ „прилетѣла“. А кто не догадливъ—у бойкой свахи всегда держатся про запасъ особыя аллегоріи. Сейчасъ же, послѣ обычныхъ привѣтствій, произнесетъ иная многозначительно: „не было снѣга—не было слѣда; снѣгъ выпалъ и слѣдъ къ невѣстамъ выпалъ“. Тутъ поймутъ и самые недогадливые хозяева, на что намекаетъ баба. Мигомъ накрываютъ столъ, уставятъ его всевозможными яствами и часикъ-другой избѣгаютъ говорить прямо о дѣлѣ: все потчуютъ, да ублажаютъ сваху, чтобъ не было покору „столу хозяйскому“, нечѣмъ было бы попрекнуть ихъ гордой свахѣ; а первымъ заговорить—упаси Боже, никогда не позволятъ себѣ хозяева: таковъ ужъ характеръ вообще сельскаго гостепріимства; начнетъ сваха — тогда другое дѣло. А сваха все сидитъ, да кушаетъ, закидывая удочки и аллегоріи. Поѣстъ, какъ слѣдуетъ, чинно встанетъ и помолится Богу, чинно поблагодаритъ всѣхъ за угощеніе и тогда только приступаетъ къ дѣлу. Въ открытую однако не идетъ еще дѣло: самое предложеніе начинаетъ сваха съ аллегоріи: „изъ такого-то двора (точное указаніе его) пропала лебедь бѣлая, не къ вамъ ли на дворъ она сѣла хозяюшки?“ Если родители невѣсты имѣютъ какія либо причины отказать жениху — они прерываютъ сваху на ея фразѣ и довольно рѣзко спѣшатъ отвѣтить: „не знаемъ, *родная*, куда залетѣла лебедь ваша бѣлая, къ намъ не прилетала!“ Сваха спѣшитъ удалиться, наговоривъ при этомъ тысячу дерзостей, и дѣлается съ этихъ поръ открытымъ врагомъ гордому дому.

Если же родителямъ по-сердцу женихъ, мать невѣсты уклончиво отвѣчаетъ свахѣ ласковымъ тономъ: „не знаемъ, *сваха любезная*, можетъ быть и залетѣла къ намъ лебедь ваша бѣлая!“ Слѣдуетъ новый, уже болѣе прямой вопросъ со стороны свахи: не желаютъ ли *„родичи“* сдѣлаться. Мать отвѣчаетъ въ томъ же уклончивомъ духѣ: „такой родней мы не брезгуемъ, приходите завтра: я *невѣсты спрошусь*.“ Все дѣло тутъ происходитъ исключительно между свахой и матерью: отецъ въ большинствѣ случаевъ рѣдко и присутствуетъ, а если и присутствуетъ, то никакихъ полномочій не имѣетъ: добрая сваха и толковать съ мужикомъ не станетъ. Я говорилъ ранѣе, повторяю еще разъ, что сначала самого сватанья и до послѣдняго брачнаго обряда дѣтей, первенствующая роль вездѣ принадлежитъ одной матери; она напутствуетъ дѣтей къ таинству брака, даетъ нравственные и практическіе совѣты для предстоящей ихъ новой жизни. Ей всего лучше, наконецъ, знакома обрядовая сторона дѣла; она зорко глядитъ за ея ходомъ, точнымъ и строгимъ ея выполненіемъ. По уходѣ свахи наскоро посовѣтуются старики другъ съ другомъ, спросятъ своихъ родителей, буде они живы, и тогда только предлагаютъ дочери. Та разумѣется въ слезы, и съ этихъ поръ мать неотлучно при ней въ роли утѣшительницы; вмѣстѣ съ родными невѣста не пьетъ, не ѣстъ, рѣдко заговоритъ съ кѣмъ-либо изъ нихъ, а заговоритъ — глаза опуститъ, кумачемъ вспыхнетъ бѣло личико. Долго не дождется мать настоящаго отвѣта отъ дочки: только и слышно отъ нея: „загубили меня горькую головушку, съ молодыхъ годочковъ во чужи люди шлютъ“. Прямого отвѣта, впрочемъ, никогда и не дождешься отъ невѣсты. Не то забота не то стыдъ за собственныя чувства никогда не позволяетъ ей сказать прямо — да. Мать и не требуетъ этого: сама была въ дѣвкахъ, сама знаетъ, что тяжело раскрывать тутъ предъ людьми свою душу — нечего и на дочку ди-

виться. Для положительнаго отвѣта тутъ достаточно одного отсутствія отрицанія, достаточно того, что дочка не отмахивается отъ жениха и руками и ногами. Коли не по сердцу молодецъ, тутъ отъ ея крика хоть святыхъ вонъ выноси. Заголоситъ, заводитъ, да такъ „жалобно," такъ „бо́лѣзно", что не вытерпѣть тутъ родной матушкѣ; станетъ ублажать она свое дѣтище, станетъ утѣщать ее, что не выдастъ за парня немилаго. А попадется мать суровая иль мачиха „постылая," что будетъ грозить ей „плеткой отцовской",— на все можетъ рѣшиться дѣвушка бойкая. Убѣжитъ къ какимъ нибудь сосѣдямъ или въ посидѣлки, да такъ и не является домой по цѣлымъ недѣлямъ: пусть ждутъ ее свахи постылыя съ свекровью ненавистною. За косы приволочетъ отецъ непокорную дочку, „поучитъ" разикъ-другой плеткою, да строго-настрого закажетъ слѣдить за ней матери. А тутъ придетъ еще мать жениха немилаго, пойдетъ бражничанье, глядишь, и по рукамъ старухи ударили, подъ окномъ дѣвки запѣли.... Сидитъ горемычная невѣста въ чуланчикѣ, ни жива ни мертва, сидитъ и рѣкой разливается [1]): „выдаютъ ее безсчастную за немилаго, сговариваютъ за постылаго"..... Такъ и отдадутъ дѣвушку противъ ея воли: „стерпится слюбится"—говорятъ родители,— „глупа еще не разумна, нечего смотрѣть на ея слезы дѣвичьи: сама не понимаетъ, зачѣмъ плачетъ". Случаи такихъ насильственныхъ браковъ крайне рѣдки. У насъ они имѣютъ обыкновенно мѣсто только при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ: когда, напримѣръ, невѣста потеряла мать, отца или если онасовсѣмъ круглая сирота, подъ опекой неблагонадежныхъ родственниковъ; чаще всего, когда въ семействѣ невѣсты только злая мачиха да „смирный" отецъ. Тутъ рѣдко и спрашиваются дочери, „пропьютъ" ее, что называется, за перваго попавшагося жениха — и не моги сказать слова противнаго. Только и утѣхи дѣвушкѣ, что въ слезахъ; пойдетъ на могилку родной матери [2]), выплачетъ тамъ свое горе и легче будто станетъ ей: вернется домой со свѣжими силами. Рѣдко прибѣгаютъ тутъ къ послѣднему средству — заявить свою „неволю" предъ алтаремъ Божьимъ: изобьетъ тогда отецъ до полу-смерти, поберетъ все добро, съ позоромъ выгонитъ изъ родительскаго дома и выпадетъ ей жребій горше прежняго: надѣвать суму, да кормиться именемъ Божьимъ [1]). Есть тутъ и другіе мотивы. У дѣвушки смутны еще взгляды на свою свободу и власть отца; она смѣшиваетъ то и другое, и никакъ не можетъ провести тутъ границы для нормальныхъ отношеній (отцовъ къ дѣтямъ). Она и злится на родителей: упрекаетъ ихъ за что-то и одновременно шлетъ упреки себѣ за непокорность волѣ родительской. Крестьянская дѣвушка боится еще *измѣрять* глубину родительской власти, хоть и видитъ подъ часъ ея *чрезмѣрность*, грѣхомъ считаетъ открыть заявленіе своей свободы, хоть и дѣйствуетъ подъ часъ наперекоръ родительской волѣ. Это особенно проглядываетъ въ одномъ изъ захолустныхъ селъ Елатомскаго уѣзда Мамышевѣ. Тамъ сплошь и рядомъ выдаютъ дѣвушку за едва-едва знакомаго парня. Чаще всего тамъ, разумѣется, случаи насилія души человѣческой, но никто до сихъ поръ не осмѣлился тамъ назвать этотъ фактъ его настоящимъ именемъ, никто не дерзнулъ заявить хоть бы маленькаго протеста; на дѣвушку ложится главной тяжестью подобное явленіе, но она еще плохо *сознаетъ* его, она только *ощущаетъ* эту тяжесть и безропотно переноситъ ее, благо силъ хватаетъ. Возьмемъ наконецъ другія села (Темирево) съ ихъ относительно либеральнымъ женскимъ населеніемъ. Послушайте на посидѣлкахъ, какъ перетираютъ дѣвушки отцевъ и матерей своихъ. Тотъ пьяница, та безтолковая, тотъ „чистый разбойникъ" для дѣтей, та «хуже змѣи лютой». Наслушаешься такихъ вещей и сочтешь ихъ, чего добраго, прямымъ результатомъ мысли, объяснишь такую смѣлую критику дѣломъ прямого развитія крестьянской среды. А загляните вы поглубже въ души тѣхъ же бойкихъ, острыхъ дѣвушекъ—и увидите совсѣмъ другое. Въ веселомъ беззаботномъ кружкѣ своемъ онѣ *перебираютъ* только болѣе или менѣе крупные факты изъ крестьянской жизни, но только *перебираютъ*: тутъ нѣтъ ни строгой критики, ни анализа жизни. Одна дѣвушка плачется, что отецъ хочетъ отдать ее за рябого Гришку и обвиняетъ за это родителей—всѣ подружки горячо вступаются за дѣвичьи интересы, оттого и подхватываютъ ея обвиненіе; найдется бойкая дѣвка и посовѣтуетъ взять съ *нея примѣръ* — стать противъ воли родительской: пусть бьетъ, дескать, а ты знай свое: «не пойду и не пойду за постылаго». И дѣвушки часто *слушаютъ* эти совѣты: идутъ наперe-

---

[1]) Плакать тутъ всегда должна дѣвушка; идетъ ли охотой или неохотой: иначе „осудятъ добрые люди".

[2]) Невѣста-сирота всегда должна ходить на могилу родителей и просить благословенія.

[1]) Такихъ дѣвушекъ рѣдко берутъ на заработки по селу.

коръ родителямъ. Вы спросите, гдѣ же причины этого, какъ не въ развитіи дѣвушки, какъ не назвать этотъ смѣлый протестъ ея—сознательнымъ протестомъ, вытекающимъ изъ строгой критики семейныхъ отношеній? Мнѣ думается,—совсѣмъ нѣтъ. Я не хочу этимъ отрицать фактъ развитія крестьянской дѣвушки, но развитіе это слишкомъ еще мало, для того чтобъ брать его *за основаніе* въ данномъ случаѣ. Дѣвушки корятъ отцовъ за ихъ *видимые* недостатки и противятся родительской волѣ, когда самый близкій интересъ ихъ сталкивается лицомъ къ лицу съ этими недостатками и можетъ потерпѣть отъ этого. Но предъ глазами дѣвушки тутъ вовсе не «преступная чрезмѣрность родительской власти» передъ ней безусловно одинъ дѣвичій интересъ ея, и болѣзненный страхъ за него. Противится она не потому, что сознаетъ свое *право* и ясно различаетъ злоупотребленіе отца, а потому, что *слишкомъ* дорога ей утрата дѣвичьяго интереса своего. Пройдетъ время, „слетитъ горячка“, и она всегда найдетъ въ своей душѣ упрекъ за несправедливость противъ отца. Упрекъ этотъ выйдетъ изъ сознанія; его не было бы, еслибъ поступокъ съ отцомъ вытекалъ изъ глубокаго убѣжденія. Поставьте вы любой крестьянской дѣвушкѣ категорическій вопросъ: можно-ли въ *какихъ-бы то ни было случаяхъ* противиться волѣ родительской и, повѣрьте, она не задумается отвѣтить вамъ такъ-же категорически: „никогда не нужно ей противиться; отецъ властенъ надъ своими дѣтьми, власть его священна и преступать ее—великій грѣхъ дѣтямъ“. Какъ видится, у нея есть уже убѣжденіе, но тѣсное, совершенно несогласное съ поступками, диссонирующее и съ ея смѣлыми словами въ кругу подругъ. Во взглядахъ на отношенія родителей къ дѣтямъ крестьянская дѣвушка какъ бы отдѣляетъ *личные* недостатки отцовъ, совсѣмъ не принимаетъ ихъ въ разсчетъ, когда доходитъ до глубокаго размышленія объ ихъ власти — безусловно - священной. Все это можно подтвердить фактами. Матери невѣстъ также думали въ свое время, какъ ихъ теперешнія дочки, но какъ только появились свои дѣти, — мигомъ отлетѣли старыя „блажныя“ мысли ихъ дѣвичьи и установился твердый, строго - опредѣленный взглядъ на *безусловную* покорность дѣтей. Взглядъ этотъ не выработался бы такъ скоро, еслибъ онъ не таился въ душѣ ранѣе, насажденный традиціями старины. Такъ точно и всѣ эти шустрыя, бойкія дѣвушки теперешняго времени. Развитіе ихъ сказывается только въ томъ, что онѣ *смѣлѣе* наступаютъ подчасъ на родителей, сознательнѣе заявляютъ имъ *о чемъ то въ родѣ правъ своихъ*. Но въ жизнь онѣ глубоко не вдумываются, не разбираютъ строго отношеній, а только замѣчаютъ въ нихъ что то ненормальное, застарѣлое, ощущаютъ отъ нихъ какую-то тяжесть, и порой пытаются столкнуть эту тяжесть. Выйди онѣ за-мужъ—и чрезъ 2, 3 года вы увидите въ нихъ только суровыхъ крестьянскихъ матерей болѣе похожихъ на своихъ бабушекъ и прабабушекъ, чѣмъ на предполагаемое вами новое либеральное поколѣніе. Всему тутъ одна причина—слишкомъ медленное умственное движеніе крестьянъ. Дѣвушка чувствуетъ ненормальность окружающаго, кричитъ и мечется въ ней, какъ бы въ душной атмосферѣ, но нигдѣ не находитъ средствъ къ улучшенію: ни въ себѣ ни въ окружающихъ. Вотъ тутъ-то и кроется вся причина: время слишкомъ быстро ушло впередъ, а крестьянинъ слишкомъ далеко отсталъ отъ него, слишкомъ плохо подвигается. Впереди видно лучъ новой жизни, чувствуется легкая атмосфера ея, но трудно вылѣзть изъ смрадной ямы, трудно *вытащить самого* себя изъ ея тины.

Будемъ говорить дальше: мы начали о сватовствѣ и прервали на томъ случаѣ, когда родители невѣсты согласны принять предложеніе жениха. О добромъ результатѣ дѣла сообщаетъ сваха. Ее честь - честью угостятъ за хорошее начало и на другой же день мать жениха (иногда съ отцомъ) сама идетъ къ родителямъ невѣсты для окончательныхъ переговоровъ; тѣ радушно встрѣчаютъ ее, называютъ „свашенькой“; въ этой формѣ фактически выражается согласіе на предложеніе жениха. Тутъ происходитъ обыкновенно лада: что дастъ женихъ, что „понесетъ“ съ собой невѣста (послѣднее не всегда обязательно; эту часть вопроса возбуждаютъ больше сами матушки невѣстъ, чтобъ похвастаться добромъ дочки). Лада идетъ не долго, на этомъ пунктѣ мало бываетъ разногласія, хотя торгуются обѣ стороны нецеремонно, не упустятъ изъ виду послѣдней мелочи. Приданаго за невѣстой не полагается; она несетъ съ собою только холстъ да кое-какую одеженку; съ жениха напротивъ требуется полный годовой костюмъ [1]) невѣсты и 25 рублей денегъ. Явленіе это вполнѣ объяснимо, иначе и быть не можетъ въ крестьянской средѣ. Вмѣстѣ съ женой

[1]) Зимній и лѣтній: валенки, „коты“ (нѣчто въ родѣ кожанныхъ туфель), чулки (бѣлевые и шерстяные) „казинетъ“ (кафтанъ изъ казинета) и полусапожки.

парень беретъ въ домъ отца даровую безотвѣтную работницу, — къ чему-жъ тутъ приданое? Этого было бы слишкомъ много. Во время лады на столъ ставятъ двѣ бутылки вина и каравай хлѣба съ солоницею и брагу, покрытую 3-мя разными полотенцами. Конецъ лады и обоюдное согласіе сторонъ выражается торжественнымъ *рукобитіемъ*. Всѣ присутствующіе (и дѣвки за окномъ) встаютъ; *мать* невѣсты подходитъ къ отцу жениха и даетъ ему свою руку; этимъ дается и слово и торжественное обѣщаніе сдержать это слово. За окномъ уже давно собрались подружки невѣсты; слышатся шумъ и крики: „просватали“ „просватали“; всякій, кто только идетъ по улицѣ, останавливается и толпа все увеличивается. А въ хатѣ между тѣмъ зажигаютъ лампаду предъ образомъ: говоръ стихъ и началась общая молитва о счастіи брачущихся, мирѣ и согласіи семействъ ихъ. Все это время мать стоитъ съ караваемъ; затѣмъ торжественно поднимаетъ его кверху, срѣзаетъ горбушку и подаетъ за окно дѣвкамъ. Раздается плачъ невѣсты и жалобныя причитанія ея: „погубили меня, бѣдную головушку; съ молодыхъ лѣтъ въ чужіи люди шлютъ“... Все это время она сидѣла въ чуланчикѣ тихо-смирно, ни однимъ звукомъ не выдавая своего присутствія: обычай запрещаетъ дѣвушкѣ плакать до той минуты, какъ всѣ помолятся Богу и срѣжутъ горбушку съ каравая; только съ этого момента она *отрѣзанный ломоть* въ родномъ семействѣ, только *тогда она—просватанная дѣвушка*— станетъ оплакивать свою дѣвичью долюшку. Въ чуланѣ идетъ плачъ, а за перегородкой у старины веселый говоръ, да бражничанье: отецъ угощаетъ свата съ сватенькой—„пропиваетъ свою дочку родную“. Мать даритъ гостей отъ лица невѣсты: два большихъ полотенца свекру съ свекровьей, поменьше—сестрѣ жениха. Даритъ каждаго отдѣльно, въ поясъ кланяется имъ, проситъ не взыскать, „коли плохо сработала дочка“. Жениху шлютъ особые подарки съ матерью: платокъ и еще ч. н. Дѣвушки мало-по-малу набираются въ избу, начинаютъ утѣшать „горемычную“ невѣсту; однѣ утѣшаютъ, другія пуще разстраиваютъ. Приглашенныя подружки обнимаются съ ней и начинаютъ вторить ея рыданью и плачу. Горькія чувства выражаютъ тутъ въ причитаньяхъ по утратѣ дѣвичьей волюшки. Пора дѣвичья представляется сплошнымъ весельемъ, беззаботной жизнью подъ крыломъ матушки; жизнь замужняя — рядомъ заботъ по хозяйству, непосильныхъ работъ на свекра съ свекровью; мужъ рисуется въ самыхъ ужаснѣйшихъ видахъ: онъ и пьянъ и сердитъ, и немилостивъ; невѣстки попадутся „присудливы“, мужу станутъ шептать да наговаривать. Свекровь „строгая да взыскательная“ за каждую малость тому же мужу жалуется. Свекоръ-батюшка „строгій, непривѣтный“: никогда отъ него ласковаго слова не услышишь; бьетъ ее мужъ плеткой, а онъ только приговариваетъ: „прибавь, прибавь, сынокъ любезный: учи уму-разуму глупую бабу!“ Вся будущая обстановка, словомъ, рисуется діаметрально противоположной настоящей жизни ея въ кругу родныхъ. Вмѣсто отца снисходительнаго — свекоръ строгій, вмѣсто матери-баловницы—свекровь взыскательная, вмѣсто сестрицъ да братцевъ любезныхъ—деверья да невѣстки „присудливы“.

Такъ и идетъ плачъ кругомъ невѣсты; половина причитываетъ, половина утѣшаетъ. Заполночь разойдутся гости со сватьями, а невѣста все плачетъ — не унимается. Кое-какъ удастся утѣшить ее дѣвкамъ съ матерью. Въ родной семьѣ съ этого времени всѣ становятся къ ней ласковѣе, всячески ублажаютъ ее: отецъ каждый базаръ накупаетъ гостинцевъ, мать даритъ платками да бусами. На посидѣлкахъ положеніе просватанной измѣняется. Дѣвки относятся къ ней съ большимъ уваженіемъ, парни становятся дальше, не позволяютъ себѣ прежней свободы въ обращеніи; да и она отъ нихъ какъ-то сторонится: чего добраго, наговорятъ на нее чего злые люди, очернятъ въ глазахъ суженаго.... Другое дѣло женихъ: съ нимъ можно и побаловаться и слово лишнее сказать: свои почти люди, никто не осудитъ. Отъ сговора до свадьбы проходитъ обыкновенно годъ или полгода; все это время женихъ ходитъ на посидѣлки, просиживаетъ каждый разъ часовъ до 12 и позднѣе. Невѣста мудритъ надъ нимъ, елико возможно. Чего-чего только не дѣлаетъ она въ союзѣ съ подружками! Придетъ — его не пускаютъ, томятъ добрыхъ полчаса около двери; войдетъ—обольютъ водой иль сажей измажутъ. Попытается обнять невѣсту — подружки не пускаютъ: дай выкупъ, покажи принесъ ли гостинцевъ своей суженой. Только тогда пропустятъ его къ невѣстѣ, позволятъ сѣсть съ ней рядомъ, „заглянуть въ очи ясныя“. Тайные сердечные разговоры ведутся, гдѣ нибудь въ сѣнцахъ, на дворѣ иль на завалинѣ. Женихъ напередъ угощаетъ для этого товарищей; добромъ невѣста ни за что не выйдетъ да и дѣвки не пустятъ. Соберется человѣкъ 8, 10 парней, ворвутся дружно на посидѣлки и вытащутъ ему невѣсту: иди съ ней куда хочешь, дѣлай что угодно, никто

слова не скажетъ. Удалыя дѣвки сами наускаютъ подъ-часъ жениховъ на подобныя шутки; такъ выйти стыдно: дѣвки задразнятъ; вотъ она и подговариваетъ его набрать парней да и вытащить ее силою. Большинство дѣвушекъ, впрочемъ, избѣгаетъ этого; слишкомъ рискованно это для невѣсты. Женихи часто „отстаютъ“, [1]) тогда чего добраго и замужъ не выйдешь. Пойдетъ дурная слава: была де въ близкихъ отношеніяхъ къ жениху—чего добраго—„потеряла себя“. Каждый женихъ на селѣ ее обходитъ, каждый сомнѣвается въ ней и невольно бракуетъ.

Свадьбы бываютъ обыкновенно зимой съ Крещенія и осенью съ Покрова Пресвятой Богородицы. Лѣтомъ рѣдко: тутъ самый разгаръ дѣловой поры, „день годъ кормитъ“: не время заниматься пирами да свадьбами. Женихъ послѣ сговора нерѣдко уходитъ на заработки; посылаютъ больше родители, чтобы зашибъ лишнюю копѣйку на свадьбу; ходитъ и по своей охотѣ, когда отца нѣтъ иль хозяйство разстроено. Невѣста задолго до свадьбы (за мѣсяцъ или за 2 мѣсяца) отстаетъ отъ веселыхъ пѣсенъ, мало участвуетъ въ дѣвичьихъ играхъ; на посидѣлки ходитъ рѣже, чтобы, „повыть“ съ подружками,—подѣлиться своимъ горемъ-дѣвичьимъ. Начинаетъ обыкновенно съ обвиненія родителей: „родимый ты мой батюшка! накинулся ты на винную чарочку, на ласковы слова, на низкіи поклоны! — родимая ты, моя матушка! накинулась ты на *бражную* чашечку, на ласковы слова, на низки поклоны!“ Ей также „на голосъ“ отвѣчаютъ подружки; рисуютъ опять мрачные образы супружеской жизни: пьянаго мужа съ плеткой, холоднаго свекра, свекровь „подколодную“, золовокъ „причудливыхъ“. Въ конецъ разжалобятъ другъ-друга просватанныя дѣвушки, плачутъ, не унимаются; кое-то какъ удастся утѣшить ихъ остальнымъ дѣвкамъ. Придетъ парень съ заработковъ, надаритъ невѣстѣ платковъ да „вёрстокъ“, ну, уймется немного—попріутихнетъ.

Свадьбы назначаются обыкновенно по воскресеньямъ, вся недѣля передъ этимъ всецѣло почти проводится въ пирахъ, да вечеринкахъ. Пируютъ то у жениха, то у невѣсты, но вмѣстѣ они другъ съ другомъ не бываютъ; на посидѣлки не ходятъ и до самаго брака не видятся. Главныя „вечерушки“ начинаются съ четверга — дня за 3 до свадьбы. Замѣчу кстати, что всѣ пиры и самое свадебное гулянье устраивается на жениховъ счетъ; гости только приходятъ къ невѣстѣ, а „гулять“ она отправляетъ ихъ къ свекру. У родителей невѣсты бываетъ только обѣдъ на другой день свадьбы. Въ четвергъ невѣста шлетъ дѣвокъ къ свекру; тутъ ихъ поятъ виномъ, брагой, угощаютъ обѣдомъ и гостинцами. Въ пятницу опять собираются къ невѣстѣ на *дѣвичникъ*. Посидятъ у нея часокъ-другой — и опять къ жениху. Предводительствуетъ тутъ дѣвушками, такъ называемый, „кислый сватъ“; безъ него не обходится ни одного вечера, онъ—приближенное лицо невѣсты и на свадебныхъ вечерахъ. Кислый сватъ—обыкновенно мальчикъ лѣтъ 7—10-ти, выбирается изъ братьевъ невѣсты: двоюродныхъ или троюродныхъ; если не случится ихъ въ такомъ возрастѣ — выбираютъ иногда изъ родныхъ братьевъ, въ крайнемъ случаѣ—кого бы то ни было изъ сродства. Въ субботу дѣвушки собираются къ невѣстѣ на блины, а „гулять“ и ужинать опять къ жениху. Тамъ въ это время самое главное, самое широкое предсвадебное пиршество. За часъ или за два собираются ребята и близкія родственницы изъ бабъ; ихъ напоятъ обыкновенно пьяными и, въ качествѣ „позыватыхъ“, отправляютъ приглашать все женихово „сродство“. Шумной толпой выходятъ всѣ на улицу: бабы, обнявшись, рядами, сзади ихъ ребята и толпа зѣвакъ. Выходятъ сначала съ пѣснями, потомъ раздаются милые звуки гармоники, впередъ вылетаютъ двѣ три „ухарскихъ“ бабы и начинается пляска; такъ пройдутъ они чрезъ всѣ улицы, возвѣщая канунъ свадьбы. Усталъ игрокъ—его замѣнятъ игривые плясовые мотивы; подъ нихъ еще веселѣе пойдетъ пляска, еще лучше „заговорятъ молодые суставчики“. „Ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь“,—дробью разсыпается—потомъ, „Ахъ кости болятъ: лихой болѣсти хотятъ!“—подхватитъ какая-нибудь лихая бабенка и молодецки несется впереди толпы подъ свистъ и гиканье молодежи.

По дворамъ „сродственниковъ“ ходятъ ребята, стучатъ палками и зовутъ „хозяюшекъ“ на пиръ „за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя“. Къ вечеру потянутся званые гости, полна *изба* наберется у родителей жениха. Самъ женихъ сидитъ съ ребятами въ горницѣ иль у сосѣдей. Гостей встрѣчаютъ мать и „дружко“. Дружко такой-же шаферъ. Онъ выбирается обыкновенно въ тотъ же день утромъ изъ ближнихъ род-

[1]) Случаи эти нерѣдки. Потерпѣвшая сторона обращается всегда къ сельскому сходу или въ волостное правленіе; тамъ разбирается дѣло и съ виновныхъ присуждаютъ по 10 и 15 р. Когда потерпѣвшей является невѣста—рѣдко удовлетворяетъ ее судъ; сама де забаловалась съ кѣмъ ниб. изъ чужихъ парней. Жалоба жениха, напротивъ, всегда почти удовлетворяется.

ственниковъ, зрѣлыхъ лѣтъ (30 и 40); чаще всего изъ родныхъ или двоюродныхъ дядей жениха. Непремѣнно долженъ быть женатымъ [1]) кромѣ того веселымъ и „разбитнымъ“ мужикомъ; зналъ бы, какъ кого принять, какое кому слово сказать, гостей повеселить, завести бесѣду шутливую; онъ наперечетъ долженъ знать все „сродство“, чтобы не ошибиться, *кого куда* посадить, *кому когда* вина поднести. Дружкѣ должна быть знакома хорошо и обрядовая сторона дѣла: онъ главный менторъ жениха все время, какъ провожатая (сваха) у невѣсты, на каждомъ шагу учитъ его уму-разуму, наставляетъ въ дѣлахъ супружескихъ. Въ богатыхъ домахъ на подмогу дружкѣ выбирается еще „поддружка“, тоже изъ ближайшихъ женатыхъ родственниковъ. Выбираютъ того и другого родители жениха съ крестнымъ отцомъ его. Крестный отецъ послѣ родного — первое лицо въ свадебномъ ритуалѣ. На ряду съ роднымъ отцомъ онъ благословляетъ духовнаго сына, а въ церкви замѣняетъ ему обоихъ родителей. Если нѣтъ крестнаго, выбираютъ „посаженаго отца“ изъ почтенныхъ, непьющихъ, родственниковъ, чтобъ могъ замѣнить онъ въ церкви батюшку роднаго. Соберется сродство въ полномъ составѣ, дружко становится посреди хаты и торжественно испрашиваетъ у всѣхъ позволенія жениху посидѣть съ дѣвушками.

„Добрые люди!

Не всѣхъ я васъ прошу по имени,
Прошу я васъ челомъ всѣхъ:
(кланяется)
Благословите, батюшка и матушка,
Своего сына роднаго
На дѣвичій праздникъ посидѣть,
За столы дубовые, за скатерти браныя,
за яства сахарныя“:

(снова кланяется).

—Господь васъ благословитъ! говорятъ родители. Съ этими словами присоединяются къ дружкѣ, и вмѣстѣ съ крестными родителями идутъ къ жениху. Передъ дверью останавливаются; крестный отецъ произноситъ краткую молитву — „Господи Іисусе Христе“... женихъ отвѣчаетъ „аминь“ и всѣ входятъ въ горницу. Мать открываетъ коробки, вынимаетъ оттуда полный праздничный нарядъ сына и всѣ начинаютъ торжественно одѣвать его. Главная роль принадлежитъ матери. Обѣими руками беретъ она весь нарядъ жениха, три раза обводитъ имъ вокругъ головы сына, три раза творитъ въ это время молитву! „во имя Отца и Сына и Святаго духа!“ при словѣ „аминь“ плюнетъ каждый разъ въ сторону, какъ бы желая удалить этимъ все нечистое. Потомъ начинается самое обряжанье: прежде всего надѣваютъ сапоги; въ лѣвый мать кладетъ перья, чтобъ легче на работу былъ сынокъ; въ правый кладетъ отецъ деньги, чтобъ копѣйка лишняя водилась, — хозяйство шло въ порядкѣ. Въ рубашку мать крестная втыкаетъ протежъ (иглу безъ ушковъ), за пазуху поминанье: злой человѣкъ не испортитъ, нечистая сила будетъ сторониться. Обрядивъ такимъ образомъ жениха, всѣ ведутъ его (дружко съ крестной—подъ руку) въ избу къ гостямъ. Черезъ порогъ шагаютъ—всѣ молитву творятъ; до избы дойдутъ — опять остановятся, опять старая церемонія. Крестный отецъ произноситъ молитву: „Господи Іисусе Христе“... имъ отвѣчаютъ: „аминь“ и всѣ входятъ, произнося каждый: „Спаси, Господи, въ святыхъ Твоихъ молитвахъ раба (такого—то). Жениха проводятъ въ передній уголъ и сажаютъ между родителями. Въ это время набираются въ избу дѣвушки съ кислымъ сватомъ, а иногда и посторонніе люди. Посидятъ минутъ пять въ торжественномъ молчаніи, затѣмъ всѣ встаютъ по знаку дружка и молятся Богу. Поддружко въ это время держитъ дверь; никого нельзя пускать во время общей молитвы, какъ-бы чего *худого* не случилось, — злой человѣкъ не вошелъ — не смутилъ общей молитвы. По окончаніи молитвы жениха уводятъ въ горницу, за нимъ парни и дѣвки. Тутъ только начинается настоящее пиршество: и въ *избѣ*, и въ *горницѣ*. Дружко носится и туда и сюда, но сидитъ больше среди почетныхъ гостей въ *избѣ*, угощаетъ ихъ водкой, а захмелѣютъ особенно, уговариваетъ не шумѣть, не драться. Скандалы тутъ постоянные и каждому дружкѣ всегда уже выпадетъ на долю разнимать гостей, а чего добраго—поплатиться и своими боками. Другое дѣло въ горницѣ! Тамъ все тихо, скромно; водки пьютъ мало; дѣвки все больше гостинцами забавляются, щелкаютъ зернышки, пьютъ брагу медовую. Женихъ съ поддружкомъ сидитъ чинно среди стола; не пьетъ ни вина ни браги. Дѣвушки поютъ ему разныя пѣсни, въ коихъ искусно вставляются его имя и имя невѣсты. Содержаніе пѣсенъ самое простое и краткое. Въ нихъ указывается на „писанную красоту“ невѣсты, на „голубиную“ кротость ея и смиреніе.

[1]) Дружко при женихѣ—то же, что сваха при невѣстѣ: долженъ научать его уму-разуму *супружескому*. Отсюда ясно, почему и самъ онъ долженъ быть женатымъ.

Про достоинства жениха не говорится ни единаго слова. Въ пѣсняхъ стараются только ласкать его воображеніе заманчивыми картинами супружеской жизни. О самомъ женихѣ если и зайдетъ рѣчь у дѣвокъ, то весьма для него невыгодная; найдется поудалѣе дѣвка—такъ и законфузитъ его, бѣднаго: гдѣ, дескать, тебѣ, „чувашѣ неумытому“, дойти до „бѣлой лебеди“ нашей: сто разъ она тебя краше, сто разъ добрѣй! Тутъ ужъ спѣши поддружко угощать ихъ, а то наговорятъ такихъ вещей, что хоть изъ избы вонъ уходи... Поужинаютъ, парни распростятся съ женихомъ и идутъ къ невѣстѣ съ курникомъ; курникъ—это пирогъ съ запеченой курицей или серебрянымъ гривенникомъ въ мылѣ. Подойдутъ ребята къ невѣстиной хатѣ, произнесутъ молитву—ихъ впустятъ. (Дѣвки приходятъ обыкновенно раньше ребятъ). Угощеній тутъ никакихъ не бываетъ; происходятъ обыкновенно игры съ ребятами, мажутъ другъ друга сажей, наряжаются въ вывороченныя шубы и т. п... Невѣста сидитъ среди просватанныхъ дѣвушекъ да думаетъ думушку горькую: какъ-то будетъ жить она въ замужествѣ, не попался бы мужъ пьяница, да свекровь „змѣя подколодная“. Мрачныя мысли свои она выражаетъ опять въ причитаніяхъ; ей вторятъ попрежнему просватанныя дѣвушки. Такъ проголосятъ онѣ часовъ до 12-ти и лягутъ далеко за-полночь. По-утру раньше всѣхъ встанетъ невѣста и начинаетъ будить всѣхъ подругъ:

„Вставайте, мои подруженки!
Вставайте, мои любезныя:
Бѣлая заря занимается, —
Мои супостаты поднимаются!“

Затѣмъ обращается въ сторону брата:

„Родимый, мой братецъ!
Ты поди-ка во зеленую рощу:
Ты сруби-ка березу бѣлую:
Загороди моимъ супостатамъ дороженку!“

Съ этими словами невѣста начинаетъ рыдать... Дѣвки мало-по малу просыпаются, начинаютъ ее успокоивать. Скоро встаютъ всѣ въ домѣ, собираются родственницы невѣсты: замужнія сестры и тетки. Успокоившись невѣста обращается къ кому либо изъ нихъ:

„Любезная моя тетушка (или сестрица)!
Ты скажи мнѣ про чужи люди:
Какъ мнѣ съ чужими людьми быть,
Во чужихъ людяхъ жить?“

— Любезная, моя племянница! отвѣчаетъ тетка:

Не тебя пошлютъ, —
А ты догадывайся;
Не тебя скричатъ, —
А ты откликивайся:
Чужи люди мудрены,
Чужи люди присудливы“! [1]).

Тутъ приходятъ родители, начинаютъ обряжать невѣсту „къ суду Божію“. Одѣваніе невѣсты почти тождественно съ одѣваніемъ жениха. Мать беретъ въ кучку праздничный женскій костюмъ (запонъ, гашникъ, поньку и платокъ); также три раза обводитъ имъ вокругъ головы дочери, произнося каждый разъ молитву и сплевывая въ лѣвую сторону (есть повѣрье, что по правую сторону человѣка всегда ангелъ, по лѣвую—бѣсъ). Въ нѣкоторыхъ селахъ: Пенькахъ, Шинковѣ и др... сохранился интересный обычай—*послѣдней* дѣвичей пляски невѣсты. Какъ только обрядятъ ее, она съ напускнымъ весельемъ прыгаетъ на лавку, гикаетъ, скачетъ и пляшетъ по ней, приговаривая какія-то слова: „скачи, дочка, скачи!“ говоритъ ей мать—„хочу скачу, хочу не скачу!“ задорно отвѣчаетъ невѣста и оканчиваетъ эту оригинальную пляску. Обрядъ этотъ представляетъ значительный интересъ, но трудно объяснимъ, мнѣ кажется.

Въ большинствѣ селъ Елатомскаго уѣзда обрядъ пляски выводится, въ настоящее время Дѣвушку честь честью обрядятъ, дадутъ ей маленькій каравай за пазуху въ залогъ будущаго хозяйства и только! Не пляшетъ тутъ невѣста, а только пуще завопитъ, когда увидитъ себя въ бабьемъ нарядѣ. Вопятъ обыкновенно вмѣстѣ съ матерью Начинаетъ невѣста:

„Родимая, моя матушка!
Куда ты меня собираешь,
Куда ты меня, горькую, соряжаешь?
Аль на гульбу,
Аль на игры дѣвичьи,
Аль въ чужи люди
Собирать хочешь?“

Мать отвѣчаетъ ей также воплемъ:

„Дитятко мое милое!
Съ молодешенька тебя погубили:
Не дали тебѣ съ умомъ-разумомъ собраться,
На рѣзвыя ноженьки подняться, —

[1]) Присудливый—любящій осуждать.

Погубили твою буйную головушку!..
. . . . . .
Хорошо тебѣ—счастье завѣдуетъ,
Хорошо тебѣ—талика будетъ:
Съ плохой таликой тошно жить!“
. . . . . .

Мать смѣняется подъ-часъ крестной или тетушкой. Такъ провопитъ невѣста часовъ до 11, 12-ти. Къ этому времени всѣ собираются обѣдать. Невѣсту сажаютъ въ передній уголъ, между крестной и родной матерью; подъ ноги подстилаютъ платокъ. Она, разумѣется, ничего не ѣстъ; сначала сидитъ молча, потупивъ глаза, потомъ снова начинаетъ рыдать и проситъ прощенія у братьевъ, сестеръ и тетокъ:

„Родимый мой братецъ,
Не попомни моихъ досадъ:
Можетъ, я тебя чѣмъ обижала,
Глупымъ словомъ досаждала!“

Съ такими же словами обращается и ко всѣмъ прочимъ. У отца съ матерью испрашиваетъ прощеніе болѣе торжественно: при самомъ благословеніи. Послѣ обѣда невѣсту сажаютъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ; подружки заплетаютъ ей косу, оправляютъ нарядъ. Затѣмъ всѣ садятся кругомъ въ ожиданіи жениха съ поѣздомъ.

Перенесемся теперь въ хату жениха, посмотримъ что дѣлается тамъ. Съ утра заявляются тамъ вчерашніе гости опохмелиться и пообѣдать. Около полудня совершенно почти параллельная картина обѣда. Въ избу къ гостямъ съ старыми церемоніями приводятъ жениха, сажаютъ его въ переднемъ углу между родителями; подъ ноги подстилаютъ потникъ (войлокъ). По окончаніи обѣда поддружье беретъ потникъ и кладетъ его среди комнаты. Дружко подводитъ сюда жениха, становится рядомъ съ нимъ противъ родителей и испрашиваетъ у нихъ благословенія:

„Батюшка родный!
Благословите своего сына роднаго
Къ Суду Божію [1]) постоять,
Златъ вѣнецъ принять,
Животворящій Крестъ цѣловать!
. . . . . .
Какъ святые отцы принимали,
Такъ и намъ грѣшнымъ“.

— „Благослови, батюшка!“ добавляетъ женихъ и три раза кланяется ему въ ноги, испрашивая прощенія.

— „Богъ благословитъ!“ говоритъ отецъ, троекратно обнимаетъ его и вручаетъ ему благословленный образъ съ караваемъ. Затѣмъ женихъ становится противъ матери, дружко точно также проситъ ее благословить сына: женихъ проситъ у нея прощенія и получаетъ второй образъ съ караваемъ. Въ ряду благословляющихъ стоятъ еще духовные родители: крестные жениха. Женихъ и имъ кланяется по разу, цѣлуетъ и проситъ благословенія; образъ тутъ даютъ рѣдко. Присутствуютъ во время благословенія только близкіе родные въ 1-мъ колѣнѣ. Остальные родственники и всѣ званые гости расходятся тотчасъ послѣ обѣда, запрягаютъ каждый свою подводу, для свадебнаго поѣзда. Кончилось, благословеніе — они уже всѣ на дворѣ, заплетаютъ только гривы конямъ, да убираютъ ихъ разноцвѣтными ленточками. Еще разъ поцѣлуется со всѣми женихъ, еще разъ попроситъ у всѣхъ прощенія однимъ общимъ поклономъ и выходитъ на крыльцо. За нимъ (до самаго крыльца) идутъ родители съ молитвами и напутствованіями... Дружко, перевязанный черезъ плечо широкимъ краснымъ кушакомъ, 3 раза обходитъ съ образомъ весь поѣздъ; всѣ въ это время крестятся, читаютъ про себя молитвы. Затѣмъ всѣ разсаживаются и ѣдутъ: впереди женихъ съ дружкомъ и поддружьемъ, за ними крестные мать съ отцомъ, тетка, сестра и т. д., смотря по близости родства. На дугахъ развѣваются широкіе кушаки; визжатъ безчисленные колокольчики. Далеко услышатъ этотъ шумный поѣздъ у невѣсты и спѣшатъ запереть ворота: отдай прежде „выкупъ“ за невѣсту, тогда и въѣзжай на невѣстинъ дворъ. Дружко быстро слѣзаетъ съ повозки и идетъ въ калитку, за нимъ поддружіе съ деньгами и „вылаженнымъ“ платьемъ невѣсты. Передадутъ все это въ руки какой нибудь теткѣ ея, затѣмъ въѣзжаютъ на дворъ. Дружко подбѣгаетъ къ повозкѣ жениха, разстилаетъ передъ нимъ потникъ; кругомъ становятся: крестная мать съ отцомъ и поддружье. На крыльцо въ это время выходятъ почти тѣ же со стороны невѣсты: провожатые и отецъ съ крестной матерью; ка-

[1]) Обрядъ вѣнчанія—одно изъ самыхъ великихъ таинствъ для крестьянина. Онъ не только уважаетъ его, но и благоговѣйно готовится къ нему, со страхомъ встрѣчаетъ. Тутъ Богъ благословляетъ человѣка на новую жизнь, рѣшаетъ для нея счастье или несчастье. Былъ женихъ добрый, невѣста честная,—присудитъ Господь талику въ брачной жизни, нѣтъ—не пошлетъ Господь и радости. Моментъ таинства поэтому самый крупный и страшный въ жизни—моментъ исполненія предопредѣленія Божія. Отсюда и названіе таинства—Судомъ Божьимъ.

ждый выноситъ свою поставку браги и деревянную чашку. Всѣ поѣзжане подходятъ и угощаются. Происходитъ нѣчто въ родѣ торжественнаго выраженія согласія всего невѣстина родства породниться съ жениховымъ родомъ. Крестные жениха поднимаются на крыльцо и первыми идутъ въ хату; за ними женихъ между дружкой и поддружьемъ, а тамъ собирается мало по малу и все сродство [1]). Войдутъ—ихъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ солью родители и начинаютъ усаживать дорогихъ гостей. Всѣхъ усаживаютъ хозяева—одному жениху не даютъ мѣста: ему еще надо выкупить его у кислаго свата; грозный мальчуганъ съ мѣшалкой сидитъ около невѣсты и недружелюбно поглядываетъ на прибывшихъ гостей. Къ нему подходитъ дружко и шутливо—ласковымъ тономъ начинаетъ просить его уступить мѣсто жениху.—Не уходи, не уходи, держится за него невѣста, мнѣ кромѣ тебя никого не надо!“ И кислый сватъ не отходитъ, только крѣпче держится за мѣшалку. Дѣлать нечего: вынимаетъ дружко мелкую монету и отдаетъ ему выкупъ за сестру. Тогда только уйдетъ мальчуганъ кислый сватъ и уступитъ жениху свое мѣсто (около невѣсты).

Посидятъ всѣ минутъ пятокъ, затѣмъ встаютъ, отодвигаютъ столъ на средину и по-солонъ обводятъ кругомъ него три раза жениха съ невѣстой; впереди идетъ дружко. Затѣмъ снимаютъ кушакъ съ жениха и въ три узла связываютъ его вмѣстѣ съ невѣстой. Въ связываніи принимаетъ участіе и та и другая сторона: этимъ онѣ какъ бы уступаютъ молодыхъ сочленовъ своихъ другъ другу, во имя обоюдной любви ихъ и крѣпкой, неразрывной связи въ супружеской жизни. Затѣмъ всѣ поднимаются, начинается благословеніе невѣсты; дружко подводитъ ее къ родителямъ вмѣстѣ съ женихомъ и троекратно проситъ каждаго благословляющаго:

. . . . . .
— Благословите свое дѣтище родное
Къ суду Божію постоять,
Златъ вѣнецъ принять,
Животворящій крестъ цѣловать!“...

Женихъ съ невѣстой земно кланяются всѣмъ и цѣлуются. Благословляютъ также четверо: кровные и духовные родители невѣсты; иногда, впрочемъ, и старшій братъ. Невѣста обыкновенно *больше* кланяется, больше и цѣлуется съ родителями. О благословеніи, иногда проситъ сама:

Батюшка, ты мой родимый,
Благослови-ка меня въ чужи люди жить.

Также обращается и ко всѣмъ остальнымъ. Образа съ караваемъ передаетъ невѣста провожатой, а та обыкновенно — теткамъ невѣсты. Когда даетъ образъ крестный отецъ, невѣста даритъ его полотенцемъ своей работы; взамѣнъ получаетъ сейчасъ же полотенце отъ крестной матери.

Затѣмъ всѣ выходятъ на крыльцо и начинаютъ разсаживаться. Невѣста на своихъ лошадей съ провожатой и тетко , а женихъ на своихъ [1]) между обоими дружками. Весь поѣздъ 3 раза обходятъ съ образами дружки и сваха (провожатая). Затѣмъ всѣ крестятся, кланяются на всѣ 4 стороны и выѣзжаютъ. Впередъ ѣдетъ женихъ, но потомъ останавливается и пускаетъ невѣсту впередъ. Затѣмъ слѣзаетъ, догоняетъ ее и слегка ударяетъ три раза кнутомъ, приговаривая:

„Покинь волю батюшкину,
Отставай отъ нѣги матушкиной:
Привыкай къ обычаю мужнину;
Забудь красоту свою дѣвичью!“

(Тутъ уже перестаетъ плакать дѣвушка, обычай строго запрещаетъ это). Потомъ садится на повозку и возвращается звать родителей невѣсты на званный пиръ свадебный. Тѣ, обыкновенно, сейчасъ же отправляются въ домъ его родителей. Послѣ священнаго обряда [2]), всѣ поздравляютъ молодыхъ, уводятъ въ притворъ и сажаютъ тамъ на скамейку.

Обрядятъ невѣсту въ кокошникъ, (иногда въ рога), затѣмъ осыпаютъ ихъ обоихъ хмелемъ, чтобы подвижнѣе да легче были молодые, косу молодой расплетаютъ и выбиваютъ изъ платковъ. Выводитъ молодыхъ обыкновенно дружко, сажаетъ вмѣстѣ между провожаткой и замужней сестрой жениха. На разныхъ лошадяхъ молодые не ѣздятъ: съ этого момента они и сидятъ, и ходятъ тѣс-

[1]) Не всегда впрочемъ такъ бываетъ; иногда входятъ въ домъ невѣсты только женихъ, да крестный отецъ съ дружкой—и никто больше.

[1]) Ѣхать жениху или невѣстѣ на чужихъ лошадяхъ въ церковь страшный позоръ и стыдъ для ихъ „сродства“.

[2]) Во время вѣнчанія дружко все время нашептываетъ жениху разныя наставленія, когда поцѣловать руку у священника, когда свѣчу принять, когда погасить, какъ перекреститься и сколько разъ поклониться. А передъ началомъ таинства убѣждаетъ его впередъ стать на платокъ брачущихся: жена будетъ „смирнѣе да податливѣе“. То же самое дѣлаетъ и сваха — провожатая невѣсты.

нясь другъ къ другу, чтобъ злой духъ не поселился между ними, не произошло бы чего худого.

Изъ церкви поѣзжане обыкновенно обгоняются, пляшутъ на повозкахъ, поютъ пѣсни, играютъ на гармоникахъ. Первыми въѣзжаютъ на дворъ дружки съ крестными, затѣмъ молодые (невѣста покрыта большой шалью); ихъ берутъ подъ руки и ведутъ на крыльцо, гдѣ стоятъ уже родители съ хлѣбомъ и солью. Всѣ приступки крыльца устланы широкимъ бѣлымъ холстомъ, чтобъ, какъ холстъ, полна и ровна была жизнь молодыхъ [1]).

Подойдутъ близко къ родителямъ — земно поклонятся имъ, перекрестятся, цѣлуются и принимаютъ хлѣбъ съ солью. Тутъ ихъ опять посыпаютъ хмелемъ до самой двери На порогѣ кладутъ всегда запертой замокъ, чтобъ крѣпко —„въ замокъ“ молодые жили— не расходились. Впередъ входятъ родители и крестятся, за ними уже молодые, поддерживаемые свахой и дружкой. Переступаютъ черезъ порогъ,—за косяки не хватаются—и произносятъ молитву: „Господи Іисусе Христе“... А крестный: „Спаси, Господи, въ святыхъ твоихъ молитвахъ раба такого-то и такую-то“... Только что входятъ въ избу, какъ ихъ встрѣчаетъ съ кочергой какая нибудь старуха— родственница въ перевернутомъ полушубкѣ, съ закрытымъ лицомъ. Стучитъ, замахивается на молодую, произноситъ какую то безсвязную, строгую рѣчь. Этимъ олицетворяется суровая свекровь—совершенный контрастъ родной „матушки-потачницы,“ строго взыскивающая со снохи за каждую малость. Есть основаніе думать, что въ старину наряжались такимъ образомъ сами свекрови. Въ с. Пеньяхъ до сихъ поръ удержался этотъ обычай во всей цѣлости. На крыльцѣ она встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ, а затѣмъ быстро перебѣгаетъ въ избу, одѣвается въ заране перевернутый полушубокъ и встрѣчаетъ въ томъ видѣ молодыхъ.

Когда соберутся всѣ въ избу, дружко выступаетъ впередъ и, обращаясь къ родителямъ, спрашиваетъ:

„Ну, матушка—батушко,

Чѣмъ вы молодыхъ своихъ пожертвуете?..“

Отвѣчаетъ обыкновенно мать въ сторону снохи:

„Коровку съ рогами,
Лошадку съ ногами,
Одно одонье ржи,
А другое сама нажни“!

Тутъ молодые опять въ ноги кланяются родителямъ, а затѣмъ дѣлаютъ поклону на всѣ четыре стороны. Священникъ читаетъ молитву и всѣ начинаютъ усаживаться за столъ; молодая сидитъ все время закрытая, молчитъ, ничего не ѣстъ. Свекровь подходитъ къ ней съ сковородникомъ и поднимаетъ имъ длинную шаль ея со словами:

„Не крива-ли, не слѣпа-ли
Наша молодица“?..

Молодую скоро уводятъ „обряжаться“; за ней уходитъ и молодой въ горницу, а если нѣтъ ея—къ сосѣдямъ. Въ избѣ остаются одни гости. Какъ только уходитъ священникъ, посылаютъ обыкновенно за колдуномъ. Колдуновъ на селѣ боятся въ такихъ случаяхъ: долго ли испортить молодыхъ, насадить килъ или поселить между ними нечистую силу. Колдуны всегда наперечетъ извѣстны по селу: одни посильнѣе, другіе послабѣе. Задобришь „сильнаго“, не посмѣетъ тогда сдѣлать худого „слабый“. Въ каждомъ селѣ почти найдутся двое-трое такихъ молодцовъ. Обыкновенно это—пожилые, вдовые крестьяне, бездѣтные, отнюдь не земледѣльцы, а какіе-нибудь ремесленники: рыбаки, лѣсники или караульщики. Всегда при этомъ самая ужаснѣйшая наружность: некрасивые съ свирѣпымъ видомъ, длинными бровями, большой всклокоченной бородой и волосами. Колдуновъ создаетъ тутъ само общество, начиная съ суевѣрныхъ бабъ и глупыхъ ребятишекъ. Умерла у престарѣлаго крестьянина жена, захандрилъ онъ, оставшись бобылемъ, сталъ нелюдимъ въ міру— вотъ уже и первое подозрѣніе на него: не спроста, дескать, все это дѣлается, съ чертями знаться начинаетъ. А тамъ глядишь мало по-малу накопляются факты. Какой-нибудь паренекъ видѣлъ старика во ржахъ съ заколдованными травами, другой сообщаетъ, что „ѣхалъ съ лошадьми“ мимо кладбища, видѣлъ его по-поясъ въ могилѣ; разрывалъ ногтями землю, доставалъ оттуда кости человѣческія... Такія новости нарасхватъ принимаютъ крестьяне и скоро не только по этой деревнѣ, но и въ окружныхъ селахъ становится извѣстнымъ, что такой-то — колдунъ, знается съ нечистымъ духомъ, обладаетъ той, или другой силой. Вотъ и начинаютъ къ нему стекаться отовсюду бабы: одна проситъ приво-

[1]) Смотря по погодѣ въ день брака—существуютъ разныя примѣты у крестьянъ. Если дождь идетъ: вѣкъ плакаться молодымъ на своихъ родителей. Ясно — и жизнь ихъ будетъ ясная да веселая. Идетъ погода— богатымъ быть; пасмурно—и въ супружествѣ будетъ неладно.

рожить къ ней мужа, другая насадить килы какому нибудь ненавистному человѣку, третья разрѣшить ея безплодіе. За все это онъ наперед просить богатыя жертвы и обильныя возліянія. Каждая навѣрняка принесетъ полуштофчикъ водки, рубль-другой денегъ, да холста, аршинъ десятокъ. Какъ устоять тутъ бездомному старику, у котораго нѣтъ ни жены, ни дочерей, что бы „ухеталъ“ его: сшилъ лишнюю рубашку, справилъ кафтанъ къ празднику. Тутъ сами идутъ деньги, чего же отъ нихъ отказываться: коли даютъ, бери! Вотъ онъ и беретъ посильныя приношенія, ворожитъ за нихъ по планамъ изобрѣтательной фантазіи, придумываетъ различныя травы и нашептыванія. По долгомъ опытѣ ознакомляется онъ хорошо съ растительнымъ царствомъ: узнаетъ дѣйствія различныхъ травъ и настоекъ. Сначала профессія его носитъ характеръ самоучки-лѣкаря, потомъ уже онъ начинаетъ злоупотреблять своими знаніями: портитъ людей, нагоняетъ повальныя болѣзни на скотъ и становится заправскимъ колдуномъ. Онъ завоевалъ уже себѣ нужный кредитъ въ обществѣ, ему нѣтъ нужды зашибать копѣйку *лѣченіемъ*, онъ всегда возьметъ деньги и за то, что не *портитъ*. Не далеко отъ насъ есть сплошное почти село колдуновъ. Тамъ доброму человѣку, говорятъ крестьяне, и жить невозможно: не угостишь, не заплатишь хорошенько „первостатейнымъ“ колдунамъ — и не думай заводиться хозяйствомъ: овцы дохнутъ, лошади не ходятъ, у коровъ вымя сохнетъ. Призываетъ хозяинъ заглавнаго:—Ты сдѣлалъ? „Нѣтъ“.—Можешь поправить дѣло? „Могу, коли расчетъ будетъ“! Нечего дѣлать. Вынимаетъ хозяинъ 5 рублевую—идетъ опять наладъ хозяйство. Чѣмъ старше колдунъ, тѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ больше у него опытности въ нечистыхъ дѣлахъ. Крестьянинъ строго различаетъ тутъ „учениковъ“ отъ *настоящихъ* колдуновъ. Ученики эти—тоже какіе-нибудь сельскіе неудачники, рѣшающіеся „идти въ науку“ къ колдунамъ. Уроки эти преподаются обыкновенно въ нечистыхъ мѣстахъ: на чердакѣ, въ овинахъ или болотныхъ трущобахъ. Колдунъ сначала испытываетъ ученика, ужасаетъ его привидѣніями, погружаетъ въ воду по самую шею, зарываетъ въ могилахъ, заставляетъ прыгать черезъ костеръ и т. п... Когда выдержитъ ученикъ искусъ, тогда онъ открываетъ ему часть своихъ знаній и заповѣдуетъ строго держать ихъ втайнѣ; въ противномъ случаѣ онъ угрожаетъ самой ужасной смертью. Водятся по селамъ и колдуньи, коихъ создаетъ въ народѣ тотъ же факторъ—слѣпое невѣжество крестьянина. Колдуньи—тоже вдовы. Замѣчаются ночью, когда разсыпается надъ ея домомъ огненный змѣй [1]) въ искрахъ. Увидитъ какой-нибудь мальчишка и разнесетъ по всей деревнѣ. Вырабатываются точно также, какъ и колдуны; сначала онѣ простыя ворожеи: не портятъ, а только лѣчатъ. Станутъ постарѣе, заберутъ силы въ обществѣ—и изъ простой знахарки обращаются въ злую колдунью. Колдуньи гораздо слабѣе колдуновъ и далеко не такъ страшны для мужчины. Онѣ рѣдко портятъ людей; до полночи ворожатъ дѣвушкамъ, а съ полночи въ трубу вылетаютъ, оборотнями по селу ходятъ. Онѣ гораздо добрѣе колдуновъ: развѣ пошутятъ порой надъ запоздавшимъ пьянымъ человѣкомъ; оборотится свиньей да и пролетитъ между ногъ его, съ дикимъ визгомъ. Оборачивается вѣдьма у себя въ сѣняхъ: воткнетъ 12 ножей остріемъ кверху, перепрыгнетъ чрезъ нихъ—и станетъ любымъ оборотнемъ.

Колдуны люди нечистые; со смертію попадаютъ прямо въ адъ, но это не мѣшаетъ имъ безпокоить земныхъ враговъ своихъ. Они являются во снѣ, дѣлаютъ какіе то завѣты и произносятъ угрозы за неисполненіе ихъ. На каждомъ сельскомъ погостѣ увидите вы двѣ—три могилы съ осиновыми кольями: ихъ вбили на могилахъ колдуновъ, чтобъ они не выходили по ночамъ изъ могилъ, не смущали бы мира живущихъ. Нечистые люди колдуны, не надо знаться съ ними, но не слѣдъ и раздражать ихъ: случится ли праздникъ или какой-нибудь торжественный случай въ семьѣ—надо звать колдуна: какъ бы худого чего не случилось. Такъ и на свадьбѣ. Родители жениха всегда позаботятся объ этихъ гостяхъ и съ поклонами отправятъ къ нему поддружье. Колдунъ не отказывается, но приходитъ послѣ священника: не боится онъ его самого, да боится креста его съ Божіимъ распятіемъ. На всякій случай хозяева принимаютъ нѣкоторыя мѣры отъ порчи: осѣняютъ крестомъ комнату, пишутъ кресты на притолкахъ входной двери. Попадутся удалые сваха съ дружкой и настроятъ подъ-часъ самыхъ пренепріятныхъ вещей для колдуна. Заткнутъ подъ столъ ножикъ, воткнутъ топоръ на порогѣ или перевернутъ рогачи съ ухватами; тогла бѣда колдуну: замечется, запрыгаетъ по комнатѣ какъ бѣшеный и убѣжитъ домой безъ шапки. Ве-

[1]) Змѣй—одно изъ основныхъ представленій нашихъ крестьянъ. Онъ попускается Богомъ за непростительный грѣхъ—тоски по мертвымъ. Вдовѣ змѣй является въ образѣ мужа, дѣвушкѣ въ образѣ жениха ея: возбуждаетъ въ нихъ томительное чувство любви и „сушитъ“ въ преступной связи съ собою.

селы эти шутки, но рѣдко онѣ имѣютъ мѣсто при свадьбахъ: и свахѣ съ дружкой достанется отъ разобиженнаго колдуна и молодой не сдобровать: либо зачахнетъ, либо въ „покликушу“ [1]) обратится. Всегда поэтому избѣгаютъ раздражать колдуна, при свадьбахъ его особенно ублажаютъ: угощаютъ предпочтительно предъ всѣми. Долго онъ съ гостями не сидитъ, посидитъ часокъ, другой и распрощается съ хозяевами. Коли скажетъ на прощаніи: пусть, дескать, живутъ молодые въ *здоровьи* да въ *согласіи*, — все стало быть обойдется счастливо, а коли пойдетъ да покряхтитъ, только изъ подъ лобья взглянувъ на хозяйку, тутъ ужъ дѣло неладно: жди чего нибудь худого, почаще молебны служи.

По уходѣ колдуна самые гости чувствуютъ себя какъ-то свободнѣе. Пойдутъ шутливые, сердечные разговоры, тутъ уже почаще станутъ прикладываться и къ чарочкѣ: скажешь лишнее слово бояться особенно некого: ушелъ „злой человѣкъ“.

Часовъ до 3-хъ, до 4-хъ кутятъ обыкновенно гости званые; (потомъ начинаютъ расходиться). Называютъ всѣ другъ друга сватами, да сватьями; названіе это присвоивается сторонами брачующихся по отношенію другъ къ другу. Часамъ къ 5 начинаютъ расходиться; длинной вереницей потянутся ряды охмелѣвшихъ мужиковъ съ бабами; идутъ, кто съ кѣмъ попалъ, непремѣнно обнявшись и съ пѣснями. (Остались силы — пустятся въ плясъ). Шумно проводятся вообще крестьянскія свадьбы; много шума по домамъ, еще больше выносятъ его на улицу!

А молодые пируютъ отдѣльно: въ „сосѣдяхъ“ или въ горницѣ. Тутъ все больше дѣвки, да близкія родственницы. Къ вечеру всѣ начинаютъ расходиться. Уводятъ и жениха съ невѣстой въ кухню. Тутъ начинаютъ готовить имъ брачную постель. Постель всегда справляется невѣстой [2]), она состоитъ обыкновенно изъ потника, грубой вотолы и 2-хъ, 4-хъ жесткихъ подушекъ. Съ измалолѣтства не привыкаютъ крестьяне къ роскоши: вполнѣ довольствуются и такой спартанской обстановкой. Стелятъ постель обыкновенно сваха съ замужней сестрой молодого. Въ Богоявленіи и Шакуровѣ (Елат. уѣз.) ъ необходимо присутствуетъ еще поддружіе, смотритъ какъ бы тутъ не явилась попытка скрыть отсутствіе цѣломудрія молодой; случаи эти, говорятъ, бываютъ. Готова постель — на нее укладываются прежде всего, дружко со свахой; заигрываютъ обыкновенно другъ съ другомъ, отпускаютъ различныя нескромныя шуточки. Этотъ обычай обновленія новобрачной постели держится почти во всѣхъ нашихъ селахъ, но повсюду почти утратилъ старое содержаніе свое, всякій смыслъ для крестьянъ. Держится только потому, что нравится забавная форма, шутливая сторона дѣла. Приводятъ прежде молодую. Ее укладываетъ сваха въ присутствіи замужней сестры молодого; долго шепчется съ ней: учитъ ее уму разуму въ отношеніяхъ супружескихъ. Въ составъ этихъ оригинальныхъ наставленій входитъ между прочимъ совѣтъ: играть да „не заигрываться“ съ женихомъ; какъ бы не дошло до чего худого: грѣшно будетъ „худое дѣло“ до 3-хъ дней — до молебна [1]). Скоро приводятъ и жениха: та же сваха съ дружкой, укладываютъ и оставляютъ наконецъ молодыхъ съ шутливыми напутствованіями. Въ первые три дня отношенія молодыхъ сохраняются въ большинствѣ случаевъ чистыми. Невѣста особенно свято хранитъ этотъ обычай; въ крайнемъ случаѣ она нерѣдко бѣгаетъ отъ мужа и призываетъ на помощь свекровь съ дружкой. Въ селахъ, гдѣ замѣчается вліяніе однодворцевъ — обычай этотъ выходитъ изъ употребленія. Въ Шакуровѣ и Богоявленіи первая ночь для невѣсты носитъ почти обязательный характеръ. На другой день заявляются обыкновенно контролеры ея честности, дружко со свахой, и легко могутъ сдѣлать ее безъ вины виноватой,—опозорить въ глазахъ родителей. У насъ узнается все только на третій день; входитъ опять дружко со свахой и, если видятъ обоихъ въ хорошемъ расположеніи духа, тутъ стало-быть и толковать нечего: все обстоитъ благополучно. Золовка готовитъ ушатъ съ водой, сваха беретъ рубашку новобрачной и идутъ съ дружкой къ колодцу торжественно проливать ушатъ съ водою на виду всей деревни [2]). Невѣста даритъ тутъ золовкѣ поясъ. Обрядъ этотъ есть нѣчто въ родѣ публичнаго доказательства невинности

---

[1]) Покликуши—испорченныя, одержимыя злымъ духомъ женщины. Въ церковь ходятъ рѣдко, а если бываютъ за литургіею, нечистая сила сотрясаетъ больную и дважды (во время Херувимской пѣсни и чтенія Евангелія) вопитъ въ ней дикимъ потрясающимъ голосомъ. (Не разъ приходилось мнѣ самому быть очевидцемъ такихъ явленій).

[2]) За постелью посылаютъ передъ вечеромъ; выдаютъ дѣвушки послѣ выкупа мелкой монетой.

[1]) Иногда до недѣли.

[2]) Обрядъ имѣетъ очевидную связь съ представленіемъ народа о ключѣ, какъ источникѣ животворящей, плодотворной силы; ушатъ съ водой никогда не бываетъ заранѣе приготовленнымъ: воду достаютъ при самомъ обрядѣ и непремѣнно изъ *колодца*, гдѣ бьютъ водяныя жилы.

молодой и особенно имѣетъ мѣсто тогда, когда про невѣсту ходили по селу дурные слухи. Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пеньки, Абухово, отчасти и Темирево) обманувшійся супругъ наказываетъ свою молодую плетью. Входитъ сваха съ дружкой, а она стоитъ у него на колѣняхъ передъ кроватью, плачетъ и проситъ прощенія.

Дружко говоритъ обыкновенно: „прибавь, прибавь“! сваха заступается, старается умилостивить разгнѣваннаго супруга. На этотъ же день, если придутъ родители молодой, дружко выговариваетъ имъ за несоблюденіе чести дочкиной:

„Умѣли вы, родители любезные,
Вскормить-вспоить дочку родную,
А соблюсти не умѣли“!

Когда невѣста окажется честной, тотъ же дружко торжественно благодаритъ ихъ:

„Благодаримъ васъ, родители любезные,
Что умѣли вы вспоить-вскормить свою дочку родную,
Умѣли вскормить, — умѣли и добру научить“.

Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пателино, Хохловка) на утро послѣ первой ночи бьютъ горшки о двери горницы, а войдутъ молодые въ избу — посуду объ полъ. Среди чистыхъ крестьянъ обычай этотъ почти не встрѣчается. По идеѣ у крестьянъ есть уже однородный обычай — проливаніе воды у колодца, но онъ происходитъ обыкновенно на третій день только. Другой день свадьбы проводится у крестьянъ всегда чинно, безъ особаго шума. Новобрачные идутъ съ утра къ родителямъ молодой, за ними и всѣ близкіе родственники. Устраивается нѣчто въ родѣ завтрака. Молодыхъ кормитъ мать отдѣльно; угощенія подаетъ большія и изысканныя. Отсюда всѣ идутъ на обѣдъ къ родителямъ жениха. Молодыхъ усаживаютъ въ передній уголъ, заставляютъ постоянно цѣловаться, спрашиваютъ объ имени другъ-друга; мужъ назоветъ ее обыкновенно по имени и отчеству, но никогда не дождется этой чести отъ молодой супруги; либо скажетъ „никакъ“, либо назоветъ ругательно: какимъ нибудь Степкой или Яшкой [1]). За столомъ подводятъ къ молодой какого нибудь маленькаго *мальчика* и сажаютъ на колѣнки. Она цѣлуетъ его, даритъ гостинцами и „дѣвичьимъ поясомъ“. Обрядъ этотъ сильно распространенъ между нашими крестьянами и твердо хранится ими.

Цѣль тутъ по понятіямъ крестьянъ двоякая: расположить молодую женщину къ рожденію дѣтей и внушить любовь вообще къ маленькимъ дѣтямъ. Послѣднее доказываетъ молодая предъ всѣми своимъ цѣлованьемъ и ласками, а духовную расположенность свою къ рожденію дѣтей отдачей *дѣвственнаго* пояса. Освобожденіе дѣвичихъ чреслъ отъ пояса имѣетъ какъ бы нѣкоторую связь съ рожденіемъ дѣтей.

Послѣ обѣда гости пьютъ обыкновенно брагу. Золовка беретъ вѣникъ и 3 раза подметаетъ полъ; молодая даритъ ее платкомъ. Обычай этотъ имѣетъ цѣлью установить добрыя отношенія золовокъ къ молодой, чтобъ помогали другъ другу въ хозяйствѣ, не перекорялись бы изо всякихъ пустяковъ, изъ того, напр., кому подметать полъ, топить печку и т. п... Первые два дня послѣ свадьбы гуляютъ обыкновенно у молодыхъ, а затѣмъ уже сами молодые ходятъ по своимъ родственникамъ, всегда почти съ родителями и дружкой. Свадебный пиръ длится обыкновенно цѣлую недѣлю, а иногда и больше, смотря по времени и достаткамъ. Молодая сама догадывается, когда нужно браться за работу; иная съ 3-го 4-го дня начинаетъ присматриваться къ хозяйству и помогать свекрови съ золовками. Супружескія отношенія „молодыхъ“ создаются и укрѣпляются постепенно. Попадаются жены, что по году и по два не зовутъ даже своихъ мужей по имени; долгое время дичатся ихъ, избѣгаютъ оставаться наединѣ; обращаются съ ними грубо, какъ бы обиженныя иль раздраженныя чѣмъ либо.

Съ первыхъ же дней выбираютъ себѣ „подружекъ“ изъ сосѣднихъ „молодицъ“ иль изъ старыхъ близкихъ дѣвушекъ. Имъ повѣряютъ онѣ всѣ тайны, дѣлятся и горемъ и радостью супружеской жизни. Въ большинствѣ случаевъ подруженьки—замужнія молодыя женщины изъ такъ называемыхъ названныхъ сестръ. Въ нѣкоторыхъ селахъ сохранился еще обычай посестрія [1]), которое переходитъ съ замужествомъ сторонъ въ „подружіе“. Отно-

[1]) За обѣдомъ берутъ у невѣсты полотенца и кладутъ ей деньги.

[1]) Самый обыкновенный обрядъ посестрія слѣдующій: „Дѣвушки (болѣе или менѣе подходящаго возраста) зажигаютъ восковыя свѣчи, становятся передъ иконами молча и долго кладутъ земные поклоны. Затѣмъ становятся другъ противъ друга, произносятъ взаимныя обѣщанія вѣрной дружбы и троекратно цѣлуются (въ уста и плечи) со словами: „будь же ты моя названная старшая, (или—младшая, смотря по возрасту) сестра, милѣе братцевъ единоутробныхъ, милѣе батюшки роднаго!!!

шенія подружекъ крайне тѣсныя, мало будетъ назвать ихъ даже отношеніями сестеръ. Тайнъ у нихъ почти никакихъ не бываетъ, онѣ откровеннѣе и задушевнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ съ родителями и мужьями своими. При всякомъ удобномъ случаѣ помогаютъ другъ другу, справляютъ разныя хозяйственныя обязанности; вѣрныя ходатайницы и посредницы при ссорахъ и семейныхъ непріятностяхъ. За мужьями другъ друга слѣдятъ такъ же ревниво, какъ за своими собственными; замѣтитъ одна что нибудь недоброе за мужемъ другой, услышитъ какіе нибудь толки на этотъ счетъ и сейчасъ спѣшитъ повѣдать все горемычной подругѣ. Поплачутъ, поголосятъ вмѣстѣ надъ несчастьемъ, а потомъ начнутъ совѣтъ держать какъ помочь горю, возстановить старыя отношенія. У мужей на этотъ случай есть свои помощники—„товарищи“; они выбираются изъ взрослыхъ парней и служатъ такую же службу, какъ подружки другъ другу. Товарищество холостыхъ съ женатыми за послѣднее-время все увеличивается и увеличивается по мѣрѣ развитія отхожихъ промысловъ. Молодой супругъ не проживетъ иной разъ и году, какъ ужъ отецъ отправляетъ его на Волгу иль куда нибудь въ работники. Жена остается одна подъ слабымъ контролемъ свекрови и оставляетъ естественно тысячу опасеній за свою вѣрность. Хорошо еще есть въ семействѣ золовки да невѣстки, а если нѣтъ ихъ—тогда молодой женѣ и воля и доля: любись съ кѣмъ знаешь: кому нужно подсматривать грѣшки ея сердечные, да разсказывать о нихъ супругу „богоданному“? Печальные „грѣшки“ къ несчастью съ каждымъ годомъ все прибавляются и прибавляются. Все чаще и чаще можно встрѣтить среди крестьянъ случаи супружеской невѣрности. Виновны тутъ и отхожіе промыслы, и солдатчина: ранніе браки здѣсь положительно растлѣваютъ нравственность сельской молодежи, въ конецъ извращаютъ ее. За послѣднее время выбивается наружу болѣе грустное и оскорбительное явленіе „сноxачества“.

А. П. Звонковъ.

ОБЪ УЧАСТІИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ СИЛЫ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ КРЕСТЬЯНЪ ЕЛАТОМСКАГО УѢЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБ.

Одной изъ отличительныхъ чертъ древнѣйшаго процесса является безспорно та выдающаяся роль, которая принадлежала въ немъ Божеству. Судебная истина являлась въ глазахъ древняго человѣка одной изъ тѣхъ многочисленныхъ, недоступныхъ его пониманію тайнъ, которыя онъ считалъ исключительнымъ достояніемъ Божества и за раскрытіемъ которыхъ къ нему обращался. По характерному сравненію М. М. Ковалевскаго, древнѣйшее судебное разбирательство являлось скорѣе чѣмъ-то въ родѣ гаданія или вопрошанія оракула, а древнее судебное рѣшеніе не столько основывалось на холодной разсудочной дѣятельности человѣка, сколько являлось лишь выполненіемъ того или другого Божьяго внушенія *). Судебные поединки испытанія огнемъ и водой, бросаніе жребія, присяга истца, отвѣтчика, ихъ родственниковъ и другихъ лицъ и нѣкоторыя другія дѣйствія - вотъ тѣ способы, послѣ примѣненія которыхъ,—человѣчество вѣрило,—Божество въ той или другой формѣ обнаруживаетъ свою волю. Древнѣйшія законодательства наряду съ современнымъ обычнымъ правомъ многихъ некультурныхъ народностей въ обиліи сохранили намъ слѣды этого рода судебныхъ доказательствъ. Въ меньшемъ количествѣ, но все-атки находимъ мы ихъ и въ русскомъ обычномъ правѣ и притомъ по преимуществу въ

*) М. М. Ковалевскій: Современный Обычай и Древній Законъ, т. 2-й стр. 236.

правѣ тѣхъ мѣстностей, которыхъ наименѣе коснулось вліяніе новыхъ цивилизующихъ началъ, гдѣ въ бо̀льшей цѣлости сохранилось старинное религіозное міросозерцаніе, и гдѣ наряду съ оффиціальными волостными судами продолжаютъ существовать тѣ чисто народные, неоффиціальные суды родственниковъ, сосѣдей, схода и проч., въ практикѣ которыхъ обращеніе къ Божеству по премуществу сохранило свою силу. Но и здѣсь слѣды этой стороны старыхъ судебныхъ порядковъ сохранились лишь въ видѣ немногихъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ обломковъ. Лишь коегдѣ изрѣдка находимъ мы указаніе на рѣшеніе дѣла жребіемъ, на примѣнявшуюся когда-то ордалію, на выдающееся сравнительно съ закономъ значеніе присяги, на нѣкоторое юридическое значеніе божбы, на существованіе сверхъестественныхъ способовъ раскрытія виновнаго и отысканія краденой вещи еще до судебнаго разбирательства.

Одной изъ такихъ мѣстностей являются безспорно посѣщенные мною нынѣшнимъ лѣтомъ по порученію Отдѣла Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи—Ела́томскій и Темниковскій уѣзды Тамбовской губерніи. Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь свести воедино всѣ тѣ случаи вмѣшательства сверхъестественной силы въ судебное разбирательство, которые мнѣ удалось лично наблюсти въ этой мѣстности, или о которыхъ пришлось слышать. Одни изъ нихъ какъ присяга, божба, жребій и т. п. съ полной силой продолжаютъ примѣняться вплоть до настоящаго времени, разсказы объ другихъ, какъ объ ордаліяхъ, представляютъ собой только преданія о томъ, что имѣло здѣсь мѣсто когда-то, въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. Изложенное вмѣстѣ, это представитъ тотъ матеріалъ, который мнѣ удалось по данному вопросу извлечь изъ этой мѣстности.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ вмѣшательства Божества какъ въ судебномъ разбирательствѣ, такъ и въ обыденной жизни является тотъ способъ призыванія его въ свидѣтели истины, который обыкновенно называютъ божбою,—способъ, нечего и говорить, давно утративши́й всякое религіозное и юридическое значеніе. Еще во Второзаконіи находимъ мы извѣстное запрещеніе пользоваться имъ, какъ такимъ, въ которомъ имя Божіе упоминается не серьезно, при чемъ тотъ же памятникъ вполнѣ допускаетъ пользованіе клятвой въ важныхъ случаяхъ. Кромѣ обычныхъ формулъ божбы: „Ей Богу“, „вотъте Христосъ“ и т. п., крестьяне называютъ также божбою нѣкоторыя другія, на первый взглядъ не имѣющія съ божествомъ ничего общаго. Такъ „христіанской“ божбой называются выраженія „съ мѣста не сойти“, „глаза лопни“ и т. п. Названіе этой божбы христіанской по всей вѣроятности объясняятся тѣмъ, что слова „христіанскій“ и „крестьянскій“ у крестьянъ постоянно смѣшиваются и слова „христіанская божба“, по всей вѣроятности, равносильны словамъ „обычная, общеупотребительная божба, которою пользуются всѣ добрые люди“. Юридическаго значенія, какъ я уже сказалъ, божба не имѣетъ. „Не божиться, такъ и не воровать“ говорятъ крестьяне; „попался, такъ и божится, на божбу его не глядишь. Что же, что божится! я самъ видѣлъ!“ говорятъ крестьяне о тѣхъ, кто божится. Но въ видѣ исключенія, по обоюдному согласію сторонъ случается иногда, что судебное разбирательство кончается простою божбою. Одинъ изъ спорящихъ, не желая, какъ говорятъ крестьяне, „доходить изъ за малаго до большихъ дѣловъ“, предлагаетъ другому побожиться въ присутствіи родственниковъ или стариковъ схода (смотря по тому, гдѣ разбираетея дѣло), и, если тотъ побожится, считаетъ дѣло оконченнымъ. Трудно сказать, на чемъ больше основывается доказательная сила божбы въ этомъ случаѣ: на ея ли собственной внутренней силѣ или только на той обстановкѣ, въ которой она произносится. По всей вѣроятности послѣдняя играетъ въ этомъ случаѣ такую же, если если еще не болѣе важную роль, что и первая. Кромѣ обыкновенныхъ формъ божбы, въ этомъ случаѣ употребляется другая, болѣе страшная божба женой, дѣтьми и самимъ собой, формулъ которой я, къ сожалѣнію, не могъ узнать. Окончаніе дѣла божбой бываетъ по преимуществу въ спорахъ между родственниками и при томъ тогда, когда они разбираются на судѣ родственниковъ же или на судѣ сельскаго схода. „Бываетъ такъ“, говорятъ крестьяне, „спорятъ братъ съ братомъ; выйдутъ на сродство или на стариковъ. Кто жалуется, скажетъ: побожись дѣтьми или собою или такъ просто по христіански побожись: „вотъ съ мѣста не сойти“ или „не видать мнѣ ничего“. Тотъ побожится и дѣло кончаютъ; попа не тревожатъ. Братъ, который жаловался, скажетъ: „владѣй моимъ добромъ, коли ложно божбу принялъ! Богъ съ тобой, я не гонюсь“.

Совершенно иное значеніе имѣетъ присяга, какъ призываніе Бога въ свидѣтели истины, дѣлаемое въ особой торжественной формѣ, къ которому прибѣгаютъ только въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда нѣтъ возможности иными путями добраться до истины. Для людей присяга является тѣмъ крайнимъ средствомъ раскрытія истины, къ которому прибѣгаютъ, когда всѣ остальныя средства уже испробованы и не привели ни къ какимъ результатамъ. Присяга—это то средство, послѣ примѣненія котораго крестьяне вѣрятъ, что самъ Богъ раскроетъ истину людямъ. Крестьяне убѣждены, что тотъ, кто приметъ присягу, будетъ дѣйствительно говорить правду, подъ страхомъ въ противномъ случаѣ жестокаго Божья гнѣва и неминуемой жестокой Божьей кары. Увѣренность въ неминуемости этой послѣдней, какова бы она ни была,—точныхъ представленій объ ней мнѣ встрѣтить не удалось,— у крестьянъ такъ велика, такимъ невѣроятнымъ и исключительнымъ является одно предположеніе о возможности ложной присяги, что эта послѣдняя не теряетъ своей безусловной доказательной силы даже и тогда, когда завѣдомо она принята ложно. Будетъ сказана ложь,—все равно присягѣ вѣрятъ, пускай вся совокупность другихъ доказательствъ говоритъ противное. Другое дѣло ложно присягнувшій. Онъ творитъ страшный грѣхъ, за который въ той или иной формѣ, въ этой или будущей жизни, такъ или иначе, но ему придется жестоко платиться. Опредѣленныхъ представленій относительно того, въ какой именно формѣ обрушивается на него Божье наказаніе, я не встрѣчалъ. Тяжесть вины ложно присягнувшаго увеличивается еще тѣмъ, что кромѣ обмана Божества, онъ является виновникомъ постановки неправильнаго судебнаго рѣшенія, отвѣтственность за которое съ этого времени также, по понятіямъ крестьянъ, всею своей тяжестью ложится не на судей, а на него одного. Судьи, послѣ принятія обвиняемымъ присяги, свободны отъ всякаго нареканія общественнаго мнѣнія, отъ всякой отвѣтственности какъ нравственной, такъ и юридической. „Коли приметъ присягу, ей вѣрятъ,“ говорятъ крестьяне; „хоть онъ тамъ и согрѣшилъ, принялъ присягу — его дѣло. Присягу кто даетъ, пущай отвѣчаетъ за свои грѣхи самъ. Начальство все покрываетъ подъ присягу. Такъ божится — не вѣрятъ.“ Юридической отвѣтственности за ложную присягу, сколько мнѣ извѣстно, не бываетъ. Все то, чѣмъ могутъ наказать ложно присягнувшаго человѣческія власти, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ждетъ его отъ Бога. Ниже я приведу случай, гдѣ завѣдомо была принята ложная присяга. Немаловажнымъ обстоятельствомъ, укрѣпляющимъ въ глазахъ крестьянъ уваженіе къ присягѣ, является, по ихъ собственнымъ словамъ, то, что они знаютъ, что присяга признается и закономъ, и между прочимъ примѣняется, по ихъ взглядамъ, съ тѣмъ же значеніемъ, что и у нихъ, и въ такъ называемыхъ „большихъ“ т. е. окружныхъ судахъ.

По словамъ крестьянъ, къ присягѣ прибѣгаютъ въ практикѣ судовъ родственниковъ и въ практикѣ суда сельскаго схода. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она примѣняется крайне рѣдко. Говоря о случаяхъ обращенія къ ней на судѣ родственниковъ, я основываюсь только на словахъ нѣкоторыхъ крестьянъ, говорившихъ мнѣ, что, „какъ ни въ чемъ нельзя уличить, знамо присягу. Бываетъ, да рѣдко, и отъ сродниковъ присяга: все больше по большимъ судамъ.“ Лично я не знаю ни одного случая ея примѣненія у родственниковъ, что и неудивительно, такъ какъ вообще суду сосѣдей и родственниковъ подвѣдомственъ довольно узкій кругъ дѣлъ, и, если присяга въ нихъ и примѣняется, то, конечно, это бываетъ крайне рѣдко. Приведенныя слова во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что присяга у родственниковъ не является чѣмъ-то немыслимымъ, по крайней мѣрѣ по понятіямъ крестьянъ. Что касается до суда старостъ и стариковъ схода, то мнѣ лично извѣстенъ одинъ случай ея примѣненія, случай, къ которому я вернусь ниже. Относительно практики волостнаго суда я имѣю рядъ указаній на то, что по крайней мѣрѣ, въ названныхъ двухъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, къ ней не прибѣгаютъ. Что касается до того, для кого изъ тяжущихся допускается присяга, то мнѣ извѣстны только случаи приведенія къ ней отвѣтчика. На существованіе такъ называемой „дополнительной“ присяги т. е. той присяги, которая предоставляется истцу въ небольшихъ искахъ при отсутствіи другихъ доказательствъ, то мнѣ не пришлось встрѣтить указаній. Если она и допускается, то несомнѣнно, что это встрѣчается крайне рѣдко.

Какъ и присяга, приносимая отвѣтчикомъ, доказательную силу имѣетъ иногда и присяга, приносимая кѣмъ-нибудь изъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она освобождаетъ отъ преслѣдованія всѣхъ обвиняемыхъ, даже и главныхъ. Говоря это, я имѣю въ виду одинъ случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ селѣ Поляковскій Майданъ, Елатомскаго уѣзда. Два мужика совершили кражу у третьяго пьянаго: во время сна украли у послѣдняго деньги. Одна женщина, какъ всѣмъ было извѣстно, близко знала объ этомъ преступленіи, такъ какъ послѣ кражи мужики были

у нея. Свидѣтельницами кражи были двѣ дѣвушки. Женщина, о которой было сказано, приняла присягу и освободила обвиняемыхъ отъ преслѣдованія. Все село было убѣждено, что присяга была принята ложно, что подозрѣваемые дѣйствительно совершили кражу. Говорили о 5 рубляхъ, которые были обѣщаны женщинѣ обвиняемыми, (которые послѣ, не были ей отданы); „баба приняла присягу за грошъ“—говорили крестьяне. Тѣмъ не менѣе, присяга всетаки сохранила полную доказательную силу и освободила обвиняемыхъ отъ преслѣдованія, на основаніи того убѣжденія, что „начальство все покрываетъ подъ присягу“. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны подробности этого любопытнаго случая. Повидимому присяга принималась въ томъ, что не было совершено самаго факта воровства; неизвѣстнымъ, далѣе, является то, почему было рѣшено окончить дѣло присягой въ то время, какъ на лицо были свидѣтели преступленія, и при томъ свидѣтели „видоки“, которымъ крестьяне очень вѣрятъ, и показанія которыхъ пользуются предпочтеніемъ даже передъ письменными документами [1]); прибѣгли ли къ ней по требованію судей или по предложенію одной изъ сторонъ. Но несомнѣннымъ слѣдствіемъ этого факта, слѣдствіемъ подтверждаемымъ и другими показаніями крестьянъ, является то, что присяга имѣетъ болѣе доказательной силы, нежели свидѣтельскія показанія. Неудалось мнѣ также узнать, приводилась ли эта женщина къ присягѣ, какъ обвиняемая, или какъ свидѣтельница.

Иногда присягой кончаютъ дѣло, не доводя его до суда. Въ томъ же селѣ (Поляковскій Майданъ Елатомскаго уѣзда) былъ слѣдующій случай. У одной бабы была совершена кража. Потерпѣвшая подумала на сноху. Сноха и свекровь условились „не доходить до суда, кончить дѣло между собою“. Свекровь привела сноху въ церковь и заставила ее при священникѣ принять присягу. Присяга была принята, и сноха стала отъ подозрѣній свободна.

Говоря о присягѣ, я долженъ замѣтить, что описанное ея значеніе мнѣ пришлось встрѣтить далеко не во всѣхъ селахъ, а по преимуществу въ нѣкоторыхъ бывшихъ государственныхъ селахъ Елатомскаго уѣзда, гдѣ въ болѣе развитомъ видѣ сохранились суды родственниковъ, сосѣдей, схода и прочіе народные суды. Въ большинствѣ другихъ селъ мнѣ неоднократно заявляли, что „присягой дѣлъ не рѣшаютъ, что ей теперь вѣры нѣту“. Я не имѣлъ возможности провѣрить, на сколько въ этихъ послѣднихъ факты соотвѣтствуютъ показаніямъ крестьянъ.

Присяга принимается, какъ я уже сказалъ, въ церкви, въ присутствіи священника, передъ крестомъ и евангеліемъ.

Въ близкомъ отношеніи, по своей силѣ, къ присягѣ стоитъ особая извѣстная народная клятва, такъ же какъ и прочія, называемыя божбой, формула которой выражается словами „провались я сквозь землю“. Божба эта является одной изъ тѣхъ, которыми не злоупотребляютъ, и къ которымъ прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Послѣдствія произнесенія ея для подтвержденія неправды — на этомъ свѣтѣ сухотка и смерть, на томъ — почти тѣ же мученія, что ждутъ и ложно присягнувшаго.

Присяга—не единственный способъ, посредствомъ котораго слабое человѣчество обращалось въ старину къ Божеству и находило у него помощь въ разрѣшеніи темныхъ судебныхъ дѣлъ. Присягой человѣкъ призывалъ Божество ближе, если можно такъ выразиться, слѣдить за ходомъ дѣла и особенно за словами обвиняемаго и, какъ всевѣдущее и всемогущее, поразить его въ случаѣ ложнаго показанія. Вѣрованіе въ благосклонное участіе Божества въ судебномъ разбирательствѣ и до сихъ поръ, какъ мы видѣли, такъ крѣпко живетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что присяга и до сихъ поръ считается въ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, должна считаться, вполнѣ цѣлесообразнымъ средствомъ побудить подозрѣваемаго сказать правду. Случаи ложной присяги, хотя и бываютъ, но бываютъ, сравнительно, рѣдко. Но присяга, какъ я сказалъ, не единственный способъ, которымъ въ старину Божество призывалось на помощь при разбирательствѣ темныхъ судебныхъ дѣлъ. Кромѣ нея существовалъ другой путь, которымъ Божество приглашалось немедленно обнаружить свою волю, немедленно рѣшить дѣло въ ту или другую сторону, сообразно съ сокрытой отъ людей, но открытой его Божескому всевѣдѣнію и премудрости истиной, а не быть только его всемогущимъ, всевѣдущимъ и всеправеднымъ свидѣтелемъ. Тѣмъ болѣе основанія бывало для людей прибѣгать къ этому послѣднему способу рѣшенія дѣла, когда споръ шелъ о какомъ-нибудь предметѣ, имѣю-

[1]) Словомъ „видокъ“ крестьяне и до сихъ поръ обозначаютъ свидѣтелей очевидцевъ. Отъ свидѣтелей видоковъ крестьяне отличаютъ—послуховъ, подъ которыми разумѣютъ всѣхъ лицъ, тѣмъ или инымъ путемъ, послухомъ слышавшихъ о преступленіи. Показанія послѣднихъ не имѣютъ никакой силы. „Мало ли что мы—слышимъ, что люди говорятъ“! Первое слово и до сихъ поръ довольно часто употребляется крестьянами.

щемъ особое отношеніе къ Божеству. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время судовъ Божіихъ уже давно не существуетъ, тѣмъ не менѣе въ этой мѣстности и до сихъ поръ сохранились преданія объ обращеніи къ нимъ въ былое время. Мнѣ извѣстно одно изъ этихъ преданій, слышанное мною отъ многихъ крестьянъ села Чермныхъ, Темниковскаго уѣзда. Тонъ разсказчиковъ, ихъ убѣжденность въ полной цѣлесообразности того способа рѣшенія дѣла, о которомъ они разсказываютъ, наконецъ,—самая популярность, которой пользуется этотъ разсказъ въ данной мѣстности, не даютъ, повидимому, основаній сомнѣваться въ томъ, что, повторись старый случай опять, многіе, если не всѣ, не видѣли бы основанія, почему опять не прибѣгнуть къ старому способу его рѣшенія. Разсказъ этотъ слѣдующій. Нѣкогда, очень давно тому назадъ, разсказываютъ, крестьяне села Чермныхъ имѣли одну общую церковь съ крестьянами сосѣдняго села Котельни (Елатомскаго уѣзда). Церковь находилась по срединѣ между обѣими деревнями, приблизительно въ равномъ разстояніи отъ той и другой, и въ праздники крестьяне изъ обѣихъ деревень ходили туда къ обѣднѣ. Съ теченіемъ времени обнаружились неудобства этого положенія дѣлъ, и крестьяне рѣшили построить въ каждомъ селѣ свою особую церковь. Тогда возникъ споръ о томъ, кому строить у себя новую, кому воспользоваться старою церковью; и тѣмъ, и другимъ хотѣлось воспользоваться послѣдней. Послѣ долгихъ и безплодныхъ споровъ, въ которыхъ та и другая сторона всѣми способами старались доказать свое преимущественное право собственности на церковь было рѣшено переговоры прекратить и отдать дѣло на Божью волю. И Котельня и Чермные находятся на берегу рѣки Мокши. На берегу той же рѣки находилась и старая церковь; вверхъ отъ нея, противъ теченія были Чермные, внизъ—Котельня. Было рѣшено разобрать церковь по бревнамъ, пустить ихъ въ воду и смотрѣть, куда они поплывутъ; если бревна поплывутъ внизъ по теченію, церковь должна была принадлежать Котельнѣ, если вверхъ — Чермнымъ. Бревна поплыли вверхъ, противъ теченія. Крестьяне поняли Божью волю, и старая церковь была перенесена въ село Чермные, а въ Котельнѣ построили новую. Разсказъ объ этомъ чудѣ Божіемъ и до сихъ поръ хорошо извѣстенъ въ этой мѣстности; всякій Чермнскій крестьянинъ хорошо знаетъ, что его село владѣетъ церковью по особому Божьему изволенію. Безспорно, что случай этотъ не представляетъ собой въ полномъ видѣ того, что обыкновенно называютъ ордаліей. Несомнѣнными признаками, сближающими его съ этими послѣдними, являются существованіе спора между двумя сторонами, обращеніе къ Божеству за его разрѣшеніемъ и дѣйствительное (по воспоминаніямъ), сверхъестественное рѣшеніе этого послѣдняго. Но съ другой стороны является неяснымъ, по какому основанію Божество вынесло свой приговоръ. Въ ордаліи Божество своимъ приговоромъ обнаруживаетъ справедливость притязаній одной изъ сторонъ. Въ приведенномъ случаѣ рѣшеніе дѣла въ пользу крестьянъ села Чермныхъ не служитъ еще доказательствомъ правоты ихъ притязаній. Притязанія обѣихъ деревень могли быть одинаковы законны, такъ какъ церковь могла быть ихъ общею собственностью, и тогда рѣшеніе могло основываться только на томъ, что ему, по какимъ-нибудь непонятнымъ для людей соображеніямъ, могло быть угодно имѣть церковь именно на этомъ, а не на какомъ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ мы и имѣли бы здѣсь передъ собой одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ разсказовъ о томъ, какъ Богу или святому угоднику бывало желательно имѣть церковь на опредѣленномъ мѣстѣ [1]). Преданіе не даетъ основанія рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону. При допущеніи втораго предположенія въ разсказѣ всетаки остаются признаки, несомнѣнно дающіе возможность сближать его съ ордаліей: это именно обращеніе къ Божеству при рѣшеніи спорнаго дѣла и дѣйствительное сверхъестественное рѣшеніе имъ этого послѣдняго. Преданіе это несомнѣнно народное; духовенство знаетъ его отъ крестьянъ [2]).

Другимъ способомъ рѣшенія судебныхъ дѣлъ не обнаруживающимъ такъ осязательно непосредственнаго вмѣшательства Божества, но тѣмъ не менѣе находящимся въ тѣсной связи съ его сверхъестественной силой, его всевѣдѣніемъ и готовностью въ трудныхъ случаяхъ приходить на помощь людямъ, является рѣ-

[1]) Разсказы эти довольно распространены въ этой мѣстности Ср. разсказъ о построеніи церкви въ честь явленной иконы св. Николая Можайскаго въ с. Темиревѣ Елатомскаго уѣзда.

[2]) Близко напоминаетъ приведенную ордалію разсказъ о чудѣ Божіемъ бывшимъ со св. Іоанномъ, архіепископомъ Новгородскимъ, память котораго празднуется 7 сентября. Святый Іоаннъ, разсказываетъ житіе, путешествовалъ на бѣсѣ верхомъ въ Іерусалимъ. Впослѣдствіи святый не исполнилъ просьбы бѣса никому не говорить объ этомъ и поэтому подвергся его преслѣдованіямъ. По его наущенію Новгородцы заподозрили святаго въ безнравственной жизни и рѣшили изгнать его за это изъ города. Епископа привели къ мосту на Волховѣ, поставили его на плотъ и пустили внизъ по рѣкѣ.

шеніе темныхъ судебныхъ дѣлъ посредствомъ жребія. Кому извѣстный жребій достанется, тотъ и является тѣмъ лицомъ, по отношенію къ которому, согласно Божьему указанію, рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе той или другой своей стороной по разъ установленному значенію жребія. Въ гражданскихъ дѣлахъ жребіемъ опредѣлялся тотъ порядокъ, который долженъ былъ установиться, какъ наиболѣе правомѣрный. Случай при рѣшеніи дѣла жребіемъ не имѣлъ мѣста: то или другое рѣшеніе считалось прямымъ результатомъ непосредственнаго высшаго божескаго вмѣшательства и благосклоннаго раскрытія высшихъ божественныхъ предначертаній. Таково значеніе жребія въ его первоначальномъ видѣ, такова его древнѣйшая роль въ процессѣ, и такимъ мы находимъ его въ правѣ многихъ некультурныхъ народностей. Не совсѣмъ такимъ является его значеніе въ *русскомъ обычномъ правѣ*, имѣя въ настоящую минуту главнымъ образомъ въ виду обычное право крестьянъ Елатомскаго и Темниковскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи. Тамбовскому крестьянину уже не совсѣмъ ясно представляется мысль о непосредственномъ вмѣшательствѣ Божества въ рѣшеніе этимъ путемъ судебныхъ дѣлъ. „Жребіемъ рѣшаемъ, чтобы никому обидно не было“—вотъ то утилитарное основаніе, которое придается въ настоящее время жребію. Участіе Божества сводится къ принятію какой то простой непонятной сверхъестественной силы, которая какъ-нибудь рѣшаетъ дѣло и, какъ бы она ни рѣшила, является иногда желательной уже по одному тому, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть лицъ сознательно противъ кого ни-

---

„Но неповинность праведнаго“, повѣствуетъ житіе, „поспѣшествующей благодати Божіей, преможе и посрами врага: ибо святому на плотъ посаждену бывшу, поплове плотъ той вверхъ рѣки, противу великія быстрины водныя, яже есть у великаго мосту, никимже влекомый, точію силою Божіею, и пловяше къ монастырю святаго Георгія, отстоящему отъ града за три поприща. Людіе же видяше таковое чудо, ужасахуся, и премѣнишеся отъ злобы, растерзаху ризы своя, и рыдаху глаголюще: согрѣшихомъ и неправедное содѣяхомъ, овцы суще пастыря осудихомъ“. Новгородцы провожали святаго Іоанна вдоль берега и просили его вернуться назадъ. Святой внялъ ихъ просьбамъ и не доѣзжая полъ поприща отъ названнаго монастыря, приставъ къ берегу. „Народи же“, продолжаетъ житіе, „съ плачемъ припадающе къ нему прощенія просяху, и радовахуся, яко умолиша святаго, и *яко открыя Господь неповинное и чистое житіе его*“ (Четьи-Минеи изд. 1816 г. 7 сентября). Г. Звоцковъ сообщалъ мнѣ, что житіе св. Іоанна Новгородскаго извѣстно и крестьянамъ Елатомскаго уѣзда, при чемъ особенной популярностью пользуется разсказъ о путешествіи этого святаго на бѣсѣ въ Іерусалимъ

будь недовольныхъ за рѣшеніе. Какъ отголосокъ, впрочемъ, другихъ представленій о жребіи можно слышать иногда еще и теперь, хотя и не особенно часто, слова, что жребій—это судъ Божій, что это не случай, а обнаруженіе его святой воли, и что рѣшеніе, вынесенное на основаніи жребія, должно считаться особенно священнымъ. Такъ между прочимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, части, полученныя при раздѣлѣ жребіемъ, въ силу, между прочимъ, одного этого, на ряду съ другими основаніями, считаются неприкосновенными: „по суду Божію пришли,“ „Богъ опредѣлилъ,“ говорятъ крестьяне, „супротивъ Бога не пойдешь.“ Но представленія такого рода, какъ я уже сказалъ, являются только въ видѣ отживающихъ свой вѣкъ отголосковъ далекаго прошлаго, отголосковъ, лишь тамъ и сямъ заявляющихъ о своемъ существованіи, но на каждомъ шагу уступающихъ свое мѣсто другимъ, менѣе высокимъ, но за то болѣе соотвѣтствующимъ современному состоянію умственнаго и нравственнаго уровня крестьянъ представленіямъ о жребіи. Самое количество и характеръ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ прибѣгаютъ къ жребію, указываютъ на то невысокое значеніе въ судебномъ разбирательствѣ, которое въ настоящее время ему придается. Правда, обращаются къ нему лишь въ крайнихъ случаяхъ, лишь послѣ того, какъ безуспѣшно испробованы всѣ остальныя человѣческія средства примиренія, — черта, безспорно сближающая его съ прочими судами Божьими—но обращеніе это имѣетъ мѣсто, сколько мнѣ извѣстно, лишь въ судахъ родственниковъ, сосѣдей и схода, и при томъ лишь въ одномъ только случаѣ, именно въ дѣлахъ о раздѣлахъ, да и въ этомъ случаѣ люди стараются сдѣлать все зависящее отъ нихъ, чтобы сдѣлать могущее быть неправильнымъ т. н. Божье рѣшеніе въ этомъ случаѣ какъ можно менѣе ощутительнымъ для спорящихъ сторонъ. Задолго до бросанія жребія имущество съ заботливостью дѣлится на возможно равныя части и только какое нибудь неравенство въ мелочахъ предоставляется безобидному рѣшенію, когда то игравшей столь большую роль въ судебномъ разбирательствѣ Божьей воли. О рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ жребіемъ не можетъ быть и рѣчи; также не примѣняется онъ и въ другихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Жребій примѣняется, какъ я уже сказалъ, въ практикѣ судовъ родственниковъ, сосѣдей и сельскаго схода. Что касается до примѣненія его на волостномъ судѣ, то въ уѣздахъ, посѣщенныхъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ, мнѣ

неоднократно заявляли, что жребій на волостномъ судѣ здѣсь совсѣмъ не примѣняется. Бѣглый просмотръ рѣшеній волостныхъ судовъ, за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ подтвердилъ эти слова, за полную справедливость которыхъ я всетаки не могу поручиться. Что же касается до дѣлъ о раздѣлахъ, то по неоднократнымъ заявленіямъ крестьянъ, провѣреннымъ фактами, мнѣ извѣстно что они въ этой мѣстности до суда почти не доходятъ, а, если это когда нибудь и бываетъ, то, большею частью, снова возвращаются волостными судьями на разсмотрѣніе схода, или же судьи только подтверждаютъ старыя рѣшенія. „Какъ сходъ рѣшитъ, такъ волостные судьи поэтому и дѣлаютъ," говорятъ крестьяне. „Старики пуще всего знаютъ". Объ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о раздѣлахъ крестьяне говорятъ такъ: „Дѣлежъ если, сосѣдовъ, сродство кличутъ. Не довольны— качнется на сходъ. Не довольны — волостной судъ. Да старики пуще всего знаютъ. Онъ потѣшитъ себя, подастъ прошеніе, а оно опять на стариковъ вернется. Волостной судъ стариковъ не обходитъ: они лучше все знаютъ." „Знаютъ, и грѣшатъ немножко," прибавляютъ крестьяне, „да ихъ много: 12 человѣкъ. Сходъ нынче больше все на вино, да и волостной судъ тоже: мы, говорятъ, безъ жалованья." Въ другихъ извѣстныхъ мнѣ уѣздахъ Тамбовской губерніи (Шацкомъ и Моршанскомъ) дѣла о раздѣлахъ до суда доходятъ чаще, рѣшаются ли они тамъ жребіемъ—мнѣ неизвѣстно. Въ практикѣ схода и на судѣ родственниковъ жребій допускается и тамъ.

Есть разница въ характерѣ рѣшенія, основаннаго на жребіи, смотря по тому, брошенъ ли онъ на судѣ у родственниковъ, или на судѣ схода. Разница находящаяся въ тѣсной связи съ разницей въ общемъ характерѣ рѣшеній этихъ народныхъ судовъ, на которой я въ силу этого и принужденъ въ настоящую минуту въ короткихъ словахъ остановиться. Судъ сосѣдей не отдѣляется въ данной мѣстности отъ суда родственниковъ. И тѣ и другіе, безъ различія въ главномъ, одинаково призываются для рѣшенія большею частью маловажныхъ дѣлъ между родственниками. Если и является разница между сосѣдями и родственниками, какъ судьями, такъ это только въ томъ, что не ко всякому дѣлу между родственниками допускаются на ряду съ родственниками и сосѣди, а не на оборотъ. Какъ самостоятельнаго вида народныхъ судовъ, суда сосѣдей въ этой мѣстности не существуетъ. Что касается до тѣхъ взглядовъ, которые существуютъ у крестьянъ на сосѣдей, то они прекрасно выразятся въ разговорѣ каждаго объ этомъ предметѣ. Всякій скажетъ, что „сосѣдъ все видитъ, онъ тутъ близко, а родственникъ далѣе; сосѣда позовешь помочь справиться съ сыномъ; сосѣди первые придутъ мирить, если ссора въ домѣ случится, къ сосѣду, коли онъ хорошій, пойдешь въ бѣдѣ посовѣтоваться и т. п. Относительно „почитанія" сосѣдей существуютъ особыя правила, при томъ правила не вездѣ одинаковыя. Въ однихъ селахъ „почитаютъ" только сосѣдей „п'обочь", т. е. сосѣдей направо и налѣво отъ двора, въ другихъ кромѣ нихъ почитаютъ еще два двора насупротивъ. „Почитаніе" сосѣдей выражается обыкновенно въ приглашеніи ихъ гулять на свадьбы, крестины и праздники. Характерную черту этого суда родственниковъ, какъ я буду называть этотъ смѣшанный изъ родственниковъ и сосѣдей судъ, въ которомъ родственники являются всетаки преобладающимъ элементомъ, представляетъ то, что рѣшенія его, основывая свою силу исключительно на обоюдномъ согласіи сторонъ ему подчиниться, не имѣютъ никакой юридически обязательной силы, не снабжены никакими средствами принужденія. Отъ доброй воли лицъ, обратившихся къ суду родственниковъ, зависитъ, подчиниться его рѣшенію или не подчиниться. Но если нельзя говорить, по отношенію къ этимъ судамъ объ обязательности юридической, то рѣшенія ихъ являются безспорно нравственно обязательными для сторонъ, разъ рѣшившихся къ нимъ прибѣгнуть. Если бы, основываясь на его, такъ сказать, незаконности, кто-нибудь не захотѣлъ ему подчиниться, то онъ встрѣтилъ бы сильное нареканіе общественнаго мнѣнія. Судъ схода и волостной судъ являются по отношенію къ суду родственниковъ чѣмъ-то въ родѣ аппелляціонныхъ инстанцій, къ которымъ, если нельзя сказать, что должно и что всегда такъ бываетъ, то во всякомъ случаѣ къ которымъ, по мнѣнію крестьянъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ слѣдовало бы обращаться лишь въ случаѣ неудовлетворительнаго рѣшенія дѣла родственниками. Но и въ этомъ случаѣ съ рѣшеніемъ родственниковъ считаются, какъ съ настоящимъ судебнымъ рѣшеніемъ, и слова, „чего просите: вѣдь вы уже сошлись", будутъ первыя, которыя услышитъ тотъ, кто, недовольный родственниками, захотѣлъ бы, чтобы его дѣло разобрали старики на сходѣ. Дѣятельность этого суда родственниковъ также, какъ и всѣхъ народныхъ судовъ, извѣстна подъ названіемъ „мирить".—Что касается до суда сельскаго схода, то въ дѣлахъ о раздѣлахъ при-

говоры его имѣютъ обязательную силу. Рѣшеніе его постановляется старостой съ выборными стариками, которые, по назначенію схода, производятъ раздѣлъ на мѣстѣ. Такимъ образомъ, возвращаясь въ жребію, разница между жребіемъ, бросаемымъ при раздѣлѣ родственниками и сосѣдями съ одной стороны, и старостой со стариками съ другой—такова, что жребію, бросаемому первыми, стороны подчиняются только по обоюдному согласію подчиниться, жребій же, бросаемый вторыми, для нихъ обязателенъ, и не позволить его бросить или отказаться отъ повиновенія разъ брошенному—не въ ихъ волѣ. Выше были указаны тѣ соображенія, которыя придаютъ рѣшеніямъ судовъ родственниковъ больше чѣмъ простой факультативный характеръ.

Бросаніе жребія при раздѣлѣ совершался иногда въ особой торжественной обстановкѣ. Изба чисто выметается, столъ въ переднемъ углу накрывается бѣлымъ столешникомъ, приготовляется хлѣбъ-соль и благословенная икона, передъ иконами въ углу на т. н. „поличкѣ“ [1]) зажигаются свѣчи. Задолго до дѣлежа изба наполняется сосѣдями и родственниками, которые, кромѣ призванныхъ совершать дѣлежъ, приходятъ посмотрѣть, какъ другіе будутъ дѣлиться. Старики или родственники, производящіе дѣлежъ, дѣлятъ все имущество на заранѣе уже намѣченные, опредѣленные возможно равные паи; недостающее въ одномъ родѣ имущество вознаграждается соотвѣтственной прибавкой въ другомъ. Присутствующіе, по преимуществу родственники, высказываютъ иногда свое мнѣніе относительно той или другой доли, и дѣлящіе, слѣдуя ихъ указаніямъ, сдѣлаютъ иногда въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія. Когда все готово, дѣлящіе въ послѣдній разъ приглашаютъ спорящихъ подѣлиться миромъ и, получивъ отказъ, приступаютъ, наконецъ, къ бросанію жребія. Обрядъ заканчивается извѣстнымъ разрѣзаніемъ хлѣба и благословеніемъ иконою.

Говоря о жребіи въ практикѣ народныхъ судовъ, я ни слова не говорилъ объ его примѣненіи въ обыденной жизни. Сфера обращенія къ нему въ этомъ случаѣ гораздо обширнѣе обращенія къ нему на судѣ. Въ обыденной жизни жребіемъ рѣшаются разнообразные дѣла: жребіемъ опредѣляютъ, кому изъ братьевъ идти на заработки, если никто не хочетъ идти добровольно, жребій употребляется при полюбовныхъ семейныхъ дѣлежахъ и т. п. И здѣсь во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшителемъ недоумѣній является высшая человѣческой сверхъестественная сила, которая въ глазахъ большинства является непонятнымъ слѣпымъ случаемъ, по понятіямъ же меньшинства —Божьей волей. Набожные большею частію старики и старухи говорятъ: „Богъ далъ“; молодежь, а за нею все населеніе, говоритъ: „такъ знать судьба“, „такое твое счастье“!

Вотъ тѣ способы, которыми крестьяне призываютъ и призывали сверхъестественную силу на помощь при рѣшеніи темныхъ судебныхъ дѣлъ. Сверхъестественной силой во всѣхъ этихъ случаяхъ являлось Божество. Обращеній къ нечистой силѣ въ такихъ случаяхъ не бываетъ.

Въ заключеніе мнѣ остается въ короткихъ словахъ сказать о тѣхъ способахъ обращенія къ сверхъестественнымъ силамъ, къ которымъ заинтересованные прибѣгаютъ по собственному почину еще до судебнаго разбирательства. Эти обращенія къ сверхъестественной силѣ бываютъ по преимуществу въ дѣлахъ о кражахъ. Способы эти не представляютъ ничего характернаго, и поэтому я скажу о нихъ лишь въ самыхъ короткихъ словахъ. Въ противуположность судебному разбирательству, въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ не только къ Божеству, но и къ нечистой силѣ. Однимъ изъ средствъ найти краденую вещь и въ Тамбовской губерніи является такая популярная во всей Россіи т. н. „забидящая“ свѣча. Крестьяне вѣрятъ, что, послѣ того какъ она будетъ поставлена, воръ начнетъ сохнуть, чахнуть, и въ концѣ концовъ самъ принесетъ вещь назадъ или какъ-нибудь ее подброситъ. Ставится она передъ иконами св. Іоанна Воина или Обидящей Божьей Матери. Другимъ подобнымъ же средствомъ для достиженія этого являются молебны святому Іоанну Воину. (Святой этотъ имѣетъ особое отношеніе къ воровству). И тотъ и другой способъ не имѣютъ ни для Божьей Матери, ни для святаго обязательной силы; отъ послѣднихъ зависитъ, проявить свою силу или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне твердо вѣрятъ въ дѣйствительность этихъ средствъ, и случаи обращенія къ нимъ бываютъ довольно часто. Другимъ средствомъ отыскать вора и найти краденую вещь, какъ я уже сказалъ, является обращеніе черезъ посредство колдуна или ворожеи къ нечистой силѣ. Въ этомъ отношеніи никто изъ крестьянъ не сомнѣвается, что колдуны въ состояніи раскрыть искомую тайну; тѣмъ не менѣе не всякій рѣшается къ нимъ обратиться: грѣшно имѣть дѣло съ нечистой силой, да и страшно къ тому же: самъ поплатишься хоть и узнаешь, кто укралъ вещь, и гдѣ она

[1]) Мѣсто гдѣ стоятъ иконы.

находится. И сами колдуны необязательные люди: „не станетъ говорить. Тутъ того и гляди съ нимъ заспоришь, тамъ поссоришься. Отъ этого добра не будетъ: онъ надѣлаетъ тебѣ такихъ бѣдъ, что послѣ и не расхлебаешь. Лучше съ ними не связываться“. Опасенія эти наряду съ увѣренностью въ томъ, что не всякій колдунъ все знаетъ, отстраняютъ иногда крестьянъ отъ нихъ, и заставляютъ предпочитать имъ другіе болѣе чистые и святые, хотя и не всегда такіе вѣрные, способы раскрытія истины, каковы молебны, изобидящая свѣчка. Не смотря на это, колдуны и ворожеи, какъ указатели воровъ и краденыхъ вещей, пользуются большой популярностью, и нѣкоторые изъ нихъ именно этимъ составили себѣ имя. Среди смѣшаннаго русскаго, мордовскаго и татарскаго населенія Елатомскаго, Тешанковскаго и Спасскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи особенной славой пользуется въ этомъ отношеніи одна старуха—ворожея мордовка изъ Спасскаго уѣзда, къ которой обращается, въ случаѣ темныхъ кражъ, почти все окрестное и русское, и мордовское населеніе.

П. И. Астровъ.

ПО МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ (ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ 1886 Г.)

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ. ЦѢЛЬ И УСЛОВІЯ ПОѢЗДКИ. РАСКОПКИ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ. ЗАТРУДНИТЕЛЬНОСТЬ ИЗСЛѢДОВАНІЙ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Бѣлоруссія, эта настоящая падчерица въ семьѣ славянскихъ народностей, много потерпѣвшая отъ судьбы-мачехи, и до сихъ поръ остается какимъ-то забытымъ, заброшеннымъ краемъ, никого не интересующимъ и какъ будто не заслуживающимъ вниманія. Не говоримъ уже о вопросахъ, касающихся администраціи, экономическаго положенія бѣлорусскаго народа, судовъ, народнаго образованія и т. п.: это вопросы такого рода, что ими не всегда удобно заниматься. Но удивительно, что даже отвлеченная наука, свободная отъ всякихъ злобъ дня и не могущая никого обидѣть и задѣть за живое, сторонится этого края. Мы не знаемъ языка бѣлоруссовъ, не смотря на то, что чуть-ли не десятки молодыхъ лѣтъ тратимъ на изученіе лингвистическихъ тонкостей мертвыхъ языковъ и даже начинаемъ охотно изучать „всякіе волапюки“; мы не знаемъ міросозерцанія бѣлорусса, его религіозныхъ воззрѣній, его взглядовъ на семейныя и родовыя отношенія, хотя беремся широко трактовать о какой-то народной религіи, о народномъ правѣ, нерѣдко навязывая нашему народу такія мысли и взгляды, отъ которыхъ истинный представитель народа открещивался-бы обѣими руками.

Если весь народъ вообще представляется намъ, такимъ образомъ, какою-то жалкою единицею, которою всякій считаетъ себя въ правѣ помыкать, вовсе не зная ея, то еще болѣе незавидна роль отдѣльныхъ частей этого народа, отличающихся своими спеціальными особенностями быта, языка и характера. Теоретическія разглагольствованія людей, берущихся рѣшать общіе вопросы на народной подкладкѣ, къ сожалѣнію, мало помогаютъ дѣлу настоящаго изученія народной жизни какъ внѣшней, такъ и духовной, и самый этотъ народъ такъ и остается для насъ какою-то неопредѣленною величиною, какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ. А что касается въ частности Бѣлоруссіи, то мы, кажется, не далеко ушли отъ того времени, когда греки, эти носители цивилизаціи, были убѣждены, что всякій бѣлоруссъ обязательно долженъ одинъ разъ въ годъ пробѣгать извѣстное время по лѣсамъ въ видѣ волка. Мы и теперь готовы представлять себѣ бѣлорусса какимъ-то полудикаремъ, полузвѣремъ, живущимъ въ лѣсу, и только наука, только правильное, систематическое изученіе типа, характера и быта этого народа, а также самой страны, въ которой онъ живетъ, можетъ про-

лить истинный свѣтъ на эту темную страницу нашего народовѣдѣнія и позволитъ со временемъ сдѣлать какіе-нибудь общіе выводы и заключенія.

Но гдѣ-же эта наука и каковы ея силы? Силъ много, но наука въ этомъ смыслѣ покамѣсть только въ зародышѣ. При отсутствіи систематичности, силы эти дѣйствуютъ крайне разрозненно, а кромѣ того, такъ какъ нѣтъ вѣрнаго руководствующаго начала, нѣтъ основательнаго знакомства съ требованіями положительной науки, то почти каждый, кто-бы ни взялся трактовать о народности, осмѣливается считать только себя авторитетомъ въ разбираемомъ имъ вопросѣ, выставлять только свое мнѣніе справедливымъ. Бѣлоруссію изучаютъ и изучали давно и русскіе изслѣдователи, и польскіе, но всѣ эти труды такъ разбросаны, что́ рѣдко одинъ изслѣдователь знаетъ то, что сдѣлано другимъ въ той-же области, а человѣку, принимающемуся вновь за изученіе этого края, приходится тратить много времени на разысканіе этихъ крохъ, что притомъ не всегда оказывается возможнымъ. Кромѣ того, имѣющійся на лицо матеріалъ не всегда надеженъ, такъ какъ, во-первыхъ, собиратели его не всегда имѣли должную подготовку къ этому дѣлу, а во-вторыхъ, они часто приступали къ изученію этого края съ предвзятыми мыслями, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ партійныхъ взглядовъ, національныхъ предубѣжденій, вражды и шовинизма, который такъ не присталъ людямъ науки. Еще въ 1840 г. была издана, напримѣръ, интересная книжечка на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Białorus“, но авторъ ея, эмигрантъ А. Рыпинскій, такъ глубоко ненавидитъ все русское, что эта ненависть доходитъ иногда до смѣшного, и сквозь призму этой ненависти онъ представляетъ многое въ ложномъ свѣтѣ, глубоко вѣруя, что бѣлоруссъ и полякъ — одно, что Бѣлоруссія никогда не была русскимъ краемъ и не должна считаться таковымъ. Съ другой стороны, наши изслѣдователи доходятъ до противоположной крайности: когда дѣло коснется культурнаго вліянія Польши на Бѣлоруссію, они всегда стараются кстати или некстати выразить всю свою непримиримую ненависть и вражду ко всему польскому даже въ такихъ мелочахъ, которыя кажутся смѣшными, и, какъ будто желая вычеркнуть изъ исторіи Бѣлоруссіи цѣлые вѣка, стремятся представить бѣлоруссовъ не только болѣе русскими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, но даже болѣе, чѣмъ какими они могутъ быть. Однимъ словомъ, почти на всѣхъ трудахъ, касающихся изученія Бѣлоруссіи, лежитъ печать отрывочности, случайности, научной несостоятельности, или же, что еще хуже, печать тенденціозности, мѣшающей вѣрно смотрѣть на дѣло какъ самому автору, такъ и читателю.

Остается послѣдняя надежда на болѣе безпристрастные авторитеты, именно на ученыя общества; наступила ихъ очередь ввести порядокъ въ томъ хаосѣ, какой представляетъ собою нынѣшнее состояніе изученія того края, о которомъ мы говоримъ; имъ слѣдуетъ постараться поставить дѣло на должную почву и взять на себя руководство надъ разрозненными учеными силами. Мы не станемъ подробно говорить, въ чемъ должно состоять это вмѣшательство ученыхъ обществъ; необходимость этого вмѣшательства и тѣ пути, по какимъ должно идти настоящее научное изученіе народности, ясно указаны людьми авторитетными и болѣе насъ компетентными, напр. А. Н. Пыпинымъ въ его недавнихъ статьяхъ о задачахъ русской этнографіи [1]). Вы спросите: какія-же именно эти общества? Главный очагъ нашей этнографической науки—петербургское Русское Географическое Общество; его задача—изученіе отдѣльныхъ странъ Россіи въ физическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, надо признаться, что для изученія Бѣлоруссіи имъ сдѣлано весьма немного. Въ прежнее время появлялись довольно цѣнныя работы о Бѣлоруссіи въ изданіяхъ этого общества, напр. о Виленской и Гродненской губерніяхъ; но, на сколько извѣстно, въ этихъ трудахъ участвовала болѣе иниціатива частныхъ лицъ, принимавшихся за изученіе края, чѣмъ иниціатива самого общества. Въ послѣднее время труды П. В. Шейна тоже являются, такъ сказать, счастливою случайностью и результатомъ неутомимой личной энергіи собирателя. Изъ всего этого нельзя усмотрѣть, чтобы Геогр. Общ. задавалось какимъ-нибудь болѣе широкимъ планомъ всесторонняго изученія Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, если бы была снаряжена въ этотъ край ученая экспедиція, она убѣдила бы всѣхъ, что онъ представляется совершенно нетронутымъ наукою.

Есть еще въ Москвѣ младшее ученое Общество, состоящее при университетѣ; это Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Въ этомъ Обществѣ давно уже ясно сознавалась необходимость подвергнуть изученію обитателей Бѣлоруссіи съ антропологической и этнографической сторо-

[1]) Вѣстн. Евр. 1885 г. Апрѣль и Май.

ны. Но при всемъ искреннемъ желаніи пополнить сколько нибудь этотъ пробѣлъ въ отечественной наукѣ, Обществу не всегда оказывается возможнымъ приводить въ исполненіе свои планы въ виду скудости матеріальныхъ средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи; а всякія экспедиціи и экскурсіи сопряжены прежде всего съ большими денежными затратами: и есть кого послать, да не на что.

Въ 1886 году, благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ начинаніямъ Общества, ему оказалось возможнымъ сдѣлать попытку командировать двухъ своихъ членовъ, К. Н. Икова и меня, на лѣтнее время въ Бѣлоруссію.

Цѣль этой поѣздки была двоякая: антропологическая и этнографическая. Съ одной стороны, имѣлось въ виду изученіе типа бѣлорусской народности, ея особенностей въ физическомъ строеніи; съ другой стороны, хотѣлось при случаѣ пополнить запасъ свѣдѣній относительно народнаго быта бѣлоруссовъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, міровоззрѣнія, а также языка, что́ достигается личнымъ ознакомленіемъ съ разговорнымъ языкомъ, а равно какъ точнымъ записываніемъ пѣсенъ, повѣрій, суевѣрій, обычаевъ и т. п. Для первой цѣли нужно было, во-первыхъ, собрать сколько удастся антропометрическихъ свѣдѣній, иначе говоря, произвести подробныя измѣренія головы, лица и всего тѣла бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ и въ различныхъ мѣстностяхъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ можно было сдѣлать какіе-нибудь выводы касательно типа нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Но подобныя данныя, добытыя изъ наблюденій надъ современными жителями страны, не всегда позволяютъ заключать отъ настоящаго къ прошедшему. Мы не можемъ быть увѣрены, что современный типъ бѣлоруса есть его исконный типъ; скорѣе онъ представляетъ собою результатъ многихъ смѣшеній и перерожденій. Въ какой степени и какъ именно происходили послѣдовательныя измѣненія типа подъ вліяніемъ вѣковыхъ историческихъ и бытовыхъ условій,—объ этомъ могли бы намъ сказать только прежніе обитатели Бѣлоруссіи, но ихъ не вызовешь изъ могилы и не поставишь живьемъ подъ аршинъ или измѣрительный циркуль. Остались отъ нихъ только черепа и нѣкоторыя другія полусгнившія кости въ могилахъ и курганахъ, которые повсемѣстно въ Бѣлоруссіи встаютъ мрачно передъ нашими глазами, напоминая о быломъ. Наука осмѣливается заглянуть своимъ испытующимъ окомъ внутрь этихъ могилъ и потревожить покой ихъ обитателей. Черепа и костяки она подвергаетъ своему изслѣдованію, и хотя по мертвой головѣ нельзя судить ни о цвѣтѣ глазъ, ни о характерѣ и цвѣтѣ волосъ того, кому она принадлежала, что представляется первостепенною важностью при опредѣленіи типа, тѣмъ не менѣе измѣренія череповъ, добытыхъ изъ старыхъ кургановъ и изъ старинныхъ, завѣдомо бѣлорусскихъ кладбищъ, могутъ дать весьма важныя антропологическія свѣдѣнія относительно исторіи бѣлорусскаго типа, въ сравненіи съ типами другихъ народностей.

Для антропологической науки бѣлоруссъ представляется чрезвычайно важнымъ. Во первыхъ, является вопросъ: кто такіе бѣлоруссы въ самомъ своемъ основаніи? къ какому племени, къ какой народности принадлежали отдаленные предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, совсѣмъ исчезнувшіе съ лица земли? Высказывалось даже сомнѣніе, дѣйствительно-ли бѣлоруссы чистые славяне по своему происхожденію и нѣтъ-ли въ нихъ примѣси иноплеменной крови, сказывающейся и въ настоящее время въ косыхъ глазахъ и въ большихъ скулахъ. Кромѣ этого принципіальнаго вопроса, важно также историческое перерожденіе типа. Бѣлоруссы съ незапамятныхъ временъ поставлены судьбою на перепутьи между разными народностями: великоруссами, малоруссами, поляками, литовцами; отсюда понятно, что въ теченіе вѣковъ они претерпѣвали самыя разнообразныя вліянія и смѣшенія. Слѣдить за всѣми этими измѣненіями значитъ уяснять себѣ причины и условія образованія видоизмѣненныхъ, такъ сказать, вторичныхъ и третичныхъ типовъ и наблюдать законы примѣненія, приспособленія основнаго типа къ извѣстнымъ условіямъ, представляемымъ исторіею и культурою.

Безъ сомнѣнія, задача, изложенная нами, слишкомъ обширна и слишкомъ трудна, чтобы она могла быть легко и скоро рѣшена. Поэтому, благоразумный читатель не станетъ тотчасъ требовать отъ насъ отвѣта на затронутые нами вопросы. Для рѣшенія каждаго болѣе или менѣе сложнаго вопроса необходимо прежде всего возможно больше данныхъ, а ихъ-то у насъ и нѣтъ еще въ достаточномъ количествѣ. Для собиранія необходимаго матеріала нужно немало времени, а за собираніемъ данныхъ должна далѣе слѣдовать ихъ разработка, для которой тоже требуются не мѣсяцы, а годы и десятки лѣтъ. Для примѣра возьмемъ хоть вопросъ о языкѣ. Образцы бѣлорусской рѣчи стали записываться еще съ начала сороковыхъ годовъ, въ видѣ пѣсенъ, загадокъ и т. п., а между

тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ полныхъ основательныхъ изслѣдованій въ области этого языка. Недавно появился интересный трудъ г. Карскаго о бѣлорусскомъ нарѣчіи, но и этотъ опытъ, при всей его научности, далеко не исчерпываетъ вопроса. Этнографическихъ свѣдѣній точно также собиралось и записывалось довольно много въ Бѣлоруссіи, но всѣ они недостаточны для того, чтобы можно было по нимъ нарисовать полную картину народнаго быта, чѣмъ и объясняется отсутствіе такихъ общихъ очерковъ, касающихся всей Бѣлоруссіи. Можно развѣ упомянуть прекрасные очерки знатока этого края, покойнаго А. Киркора, помѣщенные въ „Живописной Россіи“ (т. 3), изящно изданной Вольфомъ; но они имѣютъ болѣе популярный, чѣмъ чисто научный характеръ, такъ какъ предназначались для болѣе широкаго круга читателей. Новѣйшіе „Матеріалы“ П. В. Шейна задуманы по довольно широкому плану, но въ программу этого изданія, повидимому не входитъ внѣшній бытъ бѣлоруссовъ. Археологія края также довольно усердно съ давнихъ поръ разрабатывается мѣстными учеными и любителями, и по этой части есть хорошія работы на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Археологическія разысканія продолжаются и до сихъ поръ, и съ результатами ихъ можно отчасти ознакомиться не только по ученымъ изслѣдованіямъ, но и по тѣмъ коллекціямъ, которыя имѣются у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а также въ разныхъ музеяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, какъ напр. при губернскихъ статистическихъ комитетахъ, въ особенности же въ виленскомъ музеѣ древностей. При всемъ томъ и въ этой области, можно сказать, сдѣлано только начало. Еще въ болѣе заброшенномъ состояніи находится антропологія бѣлоруссовъ, тѣмъ болѣе, что эта наука и вообще очень молода у насъ въ Россіи. Если по другимъ отраслямъ науки относительно Бѣлоруссіи дѣлаются даже попытки нѣкоторыхъ обобщеній, подведенія итоговъ собранныхъ данныхъ, то по части антропологіи не можетъ быть объ этомъ и рѣчи: не чему подводить итогъ. Всѣ данныя по вопросу о Бѣлоруссіи, какими располагаетъ антропологическій отдѣлъ московскаго Общества Любителей Естествознанія, ограничиваются чуть-ли не нѣсколькими десятками череповъ, добытыхъ двумя — тремя мѣстными изслѣдователями при археологическихъ раскопкахъ въ Минской губ. и присланныхъ гр. К. Тышкевичемъ и Р. Игнатьевымъ на бывшую въ Москвѣ въ 1879 г. антропологическую выставку. Въ нынѣшнемъ году Минскій Губернскій Статистическій Комитетъ предоставилъ въ распоряженіе Общества около 30 череповъ, добытыхъ при раскопкахъ въ послѣднее время Г. Татуромъ и другими. Благодаря этому, хотя нѣсколько пополнятся необходимыя данныя по краніологіи бѣлоруссовъ. Но краніологія непремѣнно должна идти рука объ руку съ антропометріею, т. е. съ точнымъ измѣреніемъ живыхъ субъектовъ, а въ этомъ отношеніи для Бѣлоруссіи до сихъ поръ ничего не было сдѣлано.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду крайней скудости свѣдѣній, касающихся бѣлорусскаго края и его обитателей, нужно дорожить всякими, даже самыми ничтожными свѣдѣніями, какія при удобныхъ обстоятельствахъ удается получить. Только подъ этимъ условіемъ я и рѣшаюсь говорить о своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ во время моей командировки, которая, замѣчу кстати, продолжалась весьма короткое время, всего одинъ мѣсяцъ.

Скажу прежде всего о произведенныхъ мною раскопкахъ. Первую болѣе продолжительную остановку я сдѣлалъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ Юревичской волости. Тамъ, на берегу рѣчки Усы, подъ лѣсомъ есть урочище подъ названіемъ Городище, а при немъ курганы. Оно представляетъ изъ себя довольно большой окопъ, съ одной стороны круто спускающійся къ рѣчкѣ, имѣющій въ своемъ валѣ два входа или въѣзда съ востока и запада и окруженный рвомъ. Внутренняя его площадь была нѣкогда заросшая лѣсомъ, но крестьяне, поселенные помѣщикомъ на Городищѣ, срубили лѣсъ, землю вспахали, въ валу настроили погребовъ; курганы также большею частью распаханы. При паханіи площади городища, по разсказамъ, находили нѣмецкія монеты первой половины XVIII в., большія, довольно оригинальныя стальныя шпоры, черепки посуды толщиною въ палецъ и притомъ иногда съ признаками лѣпки безъ помощи гончарнаго станка, наконецъ, много желѣзнаго нагара, по мѣстному „дзындры“, и еще какія-то вещицы — небольшіе, немного сплюснутые шарики изъ обожженной глины, въ родѣ огромныхъ бусъ, съ дырой посрединѣ. Изъ этого видно, что здѣсь остались слѣды разныхъ эпохъ, какъ болѣе древняго, такъ и болѣе поздняго времени. Въ особенности загадочны эти шарики. Ихъ находили изслѣдователи и въ другихъ частяхъ Бѣлоруссіи, напр. въ Витебской губ., и по поводу ихъ были высказываемы различныя мнѣнія: одни видѣли въ нихъ принадлежности рыболовныхъ сѣтей, что̀ врядъ-ли вѣроятно, такъ какъ шарики слишкомъ легки; другіе считали ихъ принадлежностью наряда

языческихъ жрецовъ, а можетъ быть и простыхъ смертныхъ, на подобіе того, какъ теперь цыгане увѣшиваютъ себя разными костяными, мѣдными, желѣзными шариками, бубенцами. Что-бы не захватывать слишкомъ отдаленныхъ временъ, во всякомъ случаѣ лучше предположимъ, что эти вещицы имѣли какое то назначеніе въ обыденномъ, домашнемъ быту; можетъ быть, ихъ вѣшали на шею животнымъ для украшенія или для отмѣтки; быть можетъ, подобные шарики разныхъ величинъ служили для счета. Какъ бы то ни было, разъ существовала довольно хлопотливая ихъ выдѣлка, они должны были составлять какой-то предметъ необходимости; при томъ, такъ какъ и старики-крестьяне не знаютъ и не помнятъ ихъ примѣненія, то эти вещи все-таки довольно древнія. Мѣстный священникъ, почтенный старичекъ, проживши едва ли не все время своего священства на этомъ приходѣ, настаиваетъ на томъ убѣжденіи, что, по народному преданію, на мѣстѣ Городища нѣкогда было языческое капище; то-же самое, вѣроятно, по догадкѣ батюшки, утверждаютъ и крестьяне. Впрочемъ, у нихъ есть и другое преданіе, повидимому, удачнѣе объясняющее происхожденіе и назначеніе Городища. Умершій лѣтъ 10 тому назадъ въ глубокой старости крестьянинъ Ковганъ разсказывалъ, что онъ слышалъ отъ своего дѣда, будто окопъ на Городищѣ устроенъ былъ какимъ-то княземъ *Мечéемъ*, который защищался въ немъ вмѣстѣ съ своею дружиною противъ другого князя, но не устоялъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Объ этомъ событіи прежде была извѣстна даже пѣсня, но теперь ея никто не знаетъ, и самъ Ковганъ помнилъ только ея начало:

„Якъ узяли Мечееньку
Коло Новой Нивы“....

Новая Нива—ближайшая деревня. Кто же такой этотъ Мечей и съ кѣмъ онъ воевалъ, достовѣрно нельзя сказать. Можетъ быть, онъ даже не былъ владѣтельнымъ княземъ, а только простымъ предводителемъ извѣстнаго отряда, превратившимся въ народномъ преданіи въ князя. Хотя, съ другой стороны, мало-ли было русскихъ и литовскихъ князей и князьковъ, имена которыхъ не записаны на страницахъ исторіи? Всѣ они когда то жили и дѣйствовали, воевали и мирились, а мы ничего не знаемъ о ихъ жизни. Жители мѣстностей, ознаменованныхъ ихъ дѣятельностью, хранили нѣкоторое время въ своемъ преданіи ихъ имена, но мало-по-малу и этотъ источникъ исторіи изсякъ, прежде чѣмъ какой-нибудь ученый успѣлъ имъ воспользоваться. И сколько такихъ преданій гибнетъ безвозвратно!... Съ своей стороны, я бы предложилъ догадку, не скрывается ли подъ Мечеемъ какой-нибудь Мечиславъ, или-же украинскій Нечай. Раскопки самаго Городища, можетъ быть, бросили-бы какой нибудь свѣтъ на этотъ темный вопросъ; но для этой работы у меня не было достаточно средствъ, и притомъ не хотѣлось вводить въ убытокъ крестьянъ, засѣявшихъ площадь Городища.

Я долженъ былъ ограничиться раскопкою вблизи лежащихъ кургановъ; три изъ нихъ были у самаго Городища, еще два—три—въ лѣсу, наконецъ, нѣкоторые совсѣмъ распаханы. Что они довольно стары, видно хотя-бы изъ того, что на нихъ уже успѣли отжить свой вѣкъ такія долголѣтнія деревья, какъ дубъ. Курганы были довольно большіе, съ опавшими вершинами: всѣ насыпаны изъ песку и окружены рвами. Интересно, какъ сами крестьяне объясняютъ происхожденіе кургановъ, или „копцóвъ“, какъ ихъ называютъ бѣлоруссы Минской губерніи. Большинство кургановъ, по мнѣнію народа, осталось отъ разныхъ войнъ, и въ нихъ зарыты тѣла убитыхъ воиновъ; но есть и такіе курганы, которые сыпались и въ мирное время надъ тѣлами отдѣльныхъ умершихъ. Въ старину, говорятъ крестьяне, когда наши прапрадѣды были еще некрещеные, если кто умиралъ, то при его похоронахъ каждый родственникъ былъ обязанъ принести на его могилу подолъ земли; потомъ, каждый годъ, когда совершались поминки, повторялось тоже самое, и такъ длилось черезъ нѣсколько поколѣній, пока память объ умершемъ не успѣла загладиться. Чѣмъ больше было у покойнаго родственниковъ, тѣмъ больше выходилъ курганъ; этимъ и объясняетъ народъ различіе въ величинѣ кургановъ. Когда умиралъ великій панъ или князь, то указанная обязанность лежала не только на родственникахъ, но и на всѣхъ ему подвластныхъ; отсюда, чѣмъ богаче и знатнѣе былъ умершій, тѣмъ большій курганъ насыпался на немъ, и въ этомъ другая причина различія въ величинѣ кургановъ. Во всемъ этомъ есть значительная доля правды; по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что почетныхъ и богатыхъ покойниковъ очень часто отличали большими курганами въ то время, когда эти насыпи были единственными памятниками славы предковъ. Что-же касается вышеупомянутаго обычая поминанія съ присыпаніемъ, то очень вѣроятно, что онъ также существовалъ въ той или другой формѣ, и этимъ, можетъ быть, объясняются въ иныхъ

случаяхъ разные слои земли въ могильныхъ насыпяхъ. И теперь бѣлоруссы черезъ годъ послѣ чьей-нибудь смерти совершаютъ такъ называемыя „прикладины“ т. е. кладутъ на могилу доску, иногда съ выгибомъ, чтобы она обхватывала могилу, какъ сѣдло, что̀, можетъ быть, находится въ связи съ предполагаемымъ обычаемъ присыпанія.

Всѣ эти разсказы о курганахъ и о самомъ Городищѣ еще болѣе подстрекали мое любопытство, и я разрылъ три кургана. Въ каждомъ изъ нихъ оказалось по одному человѣческому скелету, чему крестьяне не мало дивились: они были увѣрены, что это курганы отъ какой-нибудь войны и что въ каждомъ зарыто нѣсколько человѣкъ. Давность кургановъ доказывается уже тѣмъ, что при костяхъ не осталось и признаковъ одежды или амуниціи и даже самыя кости уже начали перегнивать; а кромѣ того на давность указываетъ и способъ погребенія. Всѣ покойники были, очевидно, положены прямо на землю безъ всякаго углубленія, головою къ юго-западу, и прикрыты досками, а за тѣмъ уже на нихъ насыпались курганы. Что доски были положены только сверху, ясно изъ того, что снизу къ костямъ прямо прилегалъ чистый песокъ, а сверху и между костями былъ рыжеватый слой отъ истлѣвшаго дерева и одежды. Всѣ кости оказались приблизительно въ одинаковомъ состояніи, и на основаніи этого можно бы заключить, что всѣ три покойника были погребены приблизительно въ одно время. Если это такъ, то скорѣе всего эти курганы остались отъ какой-нибудь битвы, и такъ какъ остальные курганы давно распаханы, — вѣроятно потому, что были меньшихъ размѣровъ,—то эти, оставшіеся въ цѣлости, должны бы обозначать могилы болѣе важныхъ лицъ, напр. полководцевъ. Странно только одно, что̀ въ курганахъ не оказалось никакого оружія, кромѣ остатка небольшого ножа съ костяной ручкой; кромѣ этого, изъ вещей было найдено только одно серебряное, плетеное, неспаянное колечко и больше ничего. Въ добытыхъ мною изъ этихъ кургановъ черепахъ бросается въ глаза одна особенность, которая вовсе не составляетъ отличительной черты нынѣшнихъ жителей этой мѣстности; это, именно, слишкомъ низкій и притомъ довольно покатый лобъ съ сильно выдавшимися впередъ бровными костями; врядъ-ли это бѣлорусскій лобъ.

Дальнѣйшимъ мѣстомъ моихъ раскопокъ было село Языль, Бобруйскаго уѣзда, Горковской волости, гдѣ мнѣ оказано было просвѣщенное вниманіе со стороны мѣстнаго священника, уважаемаго о. протоіерея І. Пигулевскаго. Село Языль довольно старинное, что̀ уже видно хотя бы изъ того, что въ немъ три кладбища. На одномъ изъ этихъ кладбищъ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ, часть площади занята курганами, которыхъ теперь только 10, но прежде, по разсказамъ, было больше; именно, за границею кладбища, гдѣ теперь пашня и гдѣ уцѣлѣлъ только одинъ курганъ у самой канавы, замѣняющей ограду кладбища, были еще курганы, но они распаханы. Интересно это кладбище въ историческомъ отношеніи, если вѣренъ тотъ взглядъ, какой я себѣ составилъ о немъ. Повидимому, здѣсь было нѣкогда языческое кладбище. Впослѣдствіи, изъ укоренившагося уваженія къ этому мѣсту, продолжали тутъ-же хоронить и христіанъ, вслѣдствіе чего размѣры кладбища увеличились въ одну сторону, и границы его измѣнились. Прежнее кладбище, вѣроятно, было исключительно курганное и не имѣло точно опредѣленной границы. По мѣрѣ того, какъ приростало христіанское кладбище, старые курганы осѣдали, и со временемъ часть прежняго кладбища обращена подъ пашню; вокругъ кладбища сдѣлана канава, при чемъ въ чертѣ нынѣшняго кладбища оказались и всѣ оставшіеся курганы, кромѣ одного. Замѣчательно то, что въ той части кладбища, гдѣ находятся курганы, теперь почему-то избѣгаютъ хоронить, не смотря на то, что мѣста свободнаго около кургановъ и между ними много, въ остальной-же части кладбища могилы чрезвычайно скучены. Изъ кургановъ два очень малы, остальные же размѣрами гораздо больше юревичскихъ. Всѣ они имѣютъ круглую форму, точно также съ осѣвшими вершинами; около кургановъ замѣтны канавы, откуда брали для нихъ землю. При мнѣ раскопано шесть большихъ кургановъ, въ томъ числѣ и находившійся за чертою кладбища, а также одинъ маленькій. Въ послѣднемъ ничего не оказалось, кромѣ весьма малаго количества угольевъ и остатковъ сожженныхъ костей, которые были не на днѣ кургана, а недалеко отъ поверхности и при томъ какъ-то съ боку. Въ бѣлорусскихъ и литовскихъ курганахъ не рѣдко находили ясные признаки древнѣйшаго погребальнаго обычая, именно сожиганія мертвыхъ: отрывали даже остатки костра съ обожженными костями, или же сосуды съ пепломъ отъ сожженнаго трупа и т. д. Но въ данномъ случаѣ трудно усматривать подобные признаки, и вотъ почему. Во всѣхъ остальныхъ, тутъ-же находящихся курганахъ, оказалось по одному скелету, при томъ въ нѣкоторыхъ, приблизи-

тельно на половинѣ высоты, показывалась также сажа. Поэтому надо думать, что въ маленькомъ курганѣ также былъ скелетъ, но онъ успѣлъ совершенно истлѣть и превратиться въ прахъ, потому-ли, что этотъ курганъ древнѣе прочихъ, или потому, что въ немъ былъ зарытъ ребенокъ, чѣмъ можно объяснить и меньшую величину кургана. Что-же касается обгорѣлыхъ косточекъ, угольковъ и чернаго пепла не далеко отъ поверхности кургана, то все это, можетъ быть, остатокъ поминальныхъ тризнъ. Положеніе покойниковъ было такое-же, какъ и въ юревичскихъ курганахъ; только у двухъ черепа были повернуты вправо, на бокъ, что́ могло случиться и отъ напора земли; кости точно также почти на столько же истлѣли, какъ и въ юревичскихъ курганахъ, такъ что на основаніи этого можно отнести тѣ и другіе курганы приблизительно къ одному времени. Изъ вещей здѣсь точно также найдено весьма немного. Въ курганѣ, находившемся за чертою кладбища, была, очевидно, похоронена женщина богатой семьи: на рукахъ у нея было нѣсколько колецъ, хотя и плохого серебра; на шеѣ—шнурокъ бусъ не дурной работы: однѣ серебряныя, другія стеклянныя, съ позолотою внутри между двумя слоями стекла. Эти бусы никакъ не мѣстнаго приготовленія, а очевидно привозныя. Съ юга и съ сѣвера черезъ Балтійское море, этого товару въ древнія времена шло много къ латышамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ, какъ это показали раскопки. Кромѣ этихъ вещей, въ одномъ курганѣ былъ еще найденъ перержавѣвшій ножъ, подобный тому, какой найденъ въ одномъ изъ юревичскихъ кургановъ. Они оба имѣютъ величину и форму нынѣшнихъ охотничьихъ ножей, если только дѣйствительно ихъ можно принимать за ножи; это могутъ быть и наконечники копій или остатки другихъ орудій: за ржавчиной нельзя сказать опредѣленно. Никакихъ преданій о языльскихъ курганахъ я не слышалъ; только одна старуха разсказывала, что кому-то изъ сосѣдей снилось, будто въ одномъ изъ этихъ кургановъ зарыты деньги, а въ другомъ-крайнемъ — рукавицы, хотя и никто не могъ объяснить значенія этихъ рукавицъ; можетъ быть, по народному представленію, онѣ служатъ символами рукъ, оберегающихъ кладъ. Когда въ маленькомъ курганѣ, одномъ изъ крайнихъ, ничего не было найдено, то крестьяне рѣшили, что въ немъ-то и были рукавицы, но сгнили; а относительно клада они убѣждены, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ трехъ кургановъ, которые остались не раскопаны, хотя въ каждомъ изъ нихъ, очевидно, зарыты покойники, такъ какъ всѣ они имѣютъ впалыя вершины.

Въ той-же Горковской волости, но уже въ другой мѣстности, именно въ урочищѣ Нижеровкѣ, въ лѣсу, въ 4 верстахъ отъ м. Урѣчья, былъ раскопанъ мною еще одинъ большой курганъ, носящій названіе „князевой могилы.“ Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ какимъ-то неизвѣстнымъ княземъ, при томъ, какъ увидимъ, довольно древнимъ; значительная величина кургана указываетъ на его знатность, или славу. Есть еще и другіе курганы въ томъ-же лѣсу, но всѣ они меньше; кромѣ того, въ разстояніи полуверсты на полѣ, поросшемъ теперь лѣсомъ, разсѣяно болѣе 80 маленькихъ кургановъ, оставшихся, несомнѣнно, отъ войны и не очень древнихъ. „Князева могила“ стоитъ особнякомъ у рѣчки Нижеровки въ глухомъ лѣсу; на немъ росла когда-то вѣковая ель, но она срублена. Надъ могилой князя, или около нея, по преданію, висѣла стальная сабля, принадлежавшая ему; но потомъ она пропала и была замѣнена деревянной, которая тоже лѣтъ 40 тому назадъ неизвѣстно куда дѣвалась. Въ курганѣ отрытъ мною мужской скелетъ, сильно сгнившій. Покойникъ былъ положенъ прямо на землѣ головой къ западу; у лѣваго бока была у него сѣкира или бердышь, древко котораго совершенно сгнило, а на ржавчинѣ самаго бердыша видны слѣды ткани одежды, отъ которой найдены также куски пряжекъ, или застежекъ. Въ ногахъ покойника былъ поставленъ большой горшокъ съ поминальной кашей, которая обратилась въ сѣрый, бѣловатый пепелъ. Этотъ то именно погребальный обычай и указываетъ на значительную древность. Горшокъ, ко сожалѣнію, оказался раздавленнымъ отъ напора земли; онъ, очевидно, имѣлъ форму широкой, осадистой кубышки, съ довольно тонкими стѣнками, безъ ручекъ, безъ поливы, сдѣланъ при помощи станка; никакихъ изображеній, ни мѣтокъ на черепкахъ не оказалось.

Тѣмъ и закончились мои раскопки на этотъ разъ. Разумѣется, это была только попытка, одна капля въ морѣ, особенно въ виду того безчисленнаго множества кургановъ и городищъ, которыми переполнена Минская губернія, какъ и вся Бѣлоруссія съ Литвою. Всѣ эти археологическіе и историческіе памятники ждутъ еще систематическаго изученія. На первыхъ порахъ хорошо было бы покрайней мѣрѣ привести ихъ всѣ въ точную извѣстность путемъ описанія и перечисленія. По Минской губерніи въ этомъ отношеніи уже сдѣлано доброе начало по иниціативѣ Губерн-

скаго Статистическаго Комитета. Въ 1876 г. тогдашнимъ губернаторомъ Чернышевымъ былъ розосланъ по волостямъ циркуляръ, предписывавшій доставить въ Комитетъ подробныя свѣдѣнія о находящихся въ губерніи курганахъ, городищахъ и другихъ памятникахъ этого рода съ описаніемъ ихъ по особой программѣ. Результатомъ этого распоряженія явились довольно значительные матеріалы, которые окажутъ изслѣдователю незамѣнимую помощь. Однимъ изъ членовъ Комитета, г. Генр. Христ. Татуромъ, сдѣлана также попытка распредѣленія собранныхъ свѣдѣній на картѣ, которая хранится въ Комитетѣ. Будемъ надѣяться, что начатое дѣло найдетъ продолжателей.

Въ ближайшей и непосредственной связи съ раскопками, имѣющими цѣлью разысканіе останковъ представителей прежнихъ поколѣній бѣлорусской народности, должны быть поставлены изслѣдованія надъ живыми субъектами, какъ представителями современнаго типа, нынѣшняго поколѣнія. Я разумѣю изслѣдованія, производимыя путемъ точныхъ измѣреній всего корпуса, головы, конечностей.

Антропометрія и краніометрія—наука новая, молодая не только у насъ въ Россіи, но и заграницею. Появленіе ея можно отчасти приравнять къ появленію статистики, какъ науки. Было время, когда разные финансовые, экономическіе и многіе другіе вопросы рѣшались на основаніи общихъ данныхъ, поверхностныхъ наблюденій, неправильныхъ обобщеній отдѣльныхъ случаевъ и т. д. Съ развитіемъ болѣе строгихъ и серьезныхъ пріемовъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и науки потребовалась провѣрка общепринятыхъ выводовъ при помощи точныхъ цифровыхъ данныхъ и таблицъ, воплощающихъ въ себѣ группировку фактовъ изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Точно также антропологи нѣкогда довольствовались общими разсужденіями о расахъ, о типахъ, о народностяхъ, основывая эти разсужденія на поверхностныхъ наблюденіяхъ, довѣряясь, такъ сказать, глазу. Но когда это оказалось недостаточнымъ для серьезнаго обоснованія научныхъ выводовъ, касающихся человѣчества вообще и разныхъ племенъ въ отдѣльности, на помощь наукѣ явились цифры, таблицы съ ихъ итогами, пропорціональными и процентными отношеніями и т. д.; явилась, однимъ словомъ, своего рода статистика, безъ которой въ настоящее время немыслима и сама наука о человѣкѣ.

Эти цифровыя данныя, необходимыя для антропологическихъ выводовъ, добываются постепенно путемъ измѣреній. У насъ починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Императорскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ, и благодаря такимъ даровитымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, какъ нынѣшній президентъ этого Общества, профессоръ Анатолій Петровичъ Богдановъ и нѣкоторые другіе, это дѣло поставлено на должную высоту, и заслуги русскихъ антропологовъ признаны и оцѣнены по достоинству и заграничными учеными. Прежде всего, конечно, Обществомъ обращено было вниманіе на главное племя — великорусское, и антропометрическимъ изслѣдованіямъ подвергались жители центральныхъ губерній; а такъ какъ, по установившемуся общему мнѣнію, на типъ великоруссовъ оказали не малое вліяніе разные инородцы, какъ то: татары, финны, монголы и др., то для, уясненія степени этого вліянія, подвергнуты изслѣдованію и инородцы, населяющіе Россію *). Затѣмъ, наступила очередь малоруссовъ и, наконецъ, бѣлоруссовъ, которыхъ и мнѣ пришлось измѣрять въ эту поѣздку.

Измѣренія эти для начала производились мною, такъ сказать, между прочимъ, и кромѣ того, имѣя въ виду непродолжительность срока и другія занятія, пришлось ограничиться лишь измѣреніями головъ бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ; при этомъ также отмѣчался цвѣтъ волосъ и глазъ и другіе наружные признаки, наконецъ мѣсто рожденія, лѣта, происхожденіе, родъ занятій, мѣсто и время наблюденія. Эти краніометрическія и другія данныя собраны мною въ разныхъ волостяхъ четырехъ уѣздовъ Минской губерніи: Минскаго, Игуменскаго, Слуцкаго и Бобруйскаго, причемъ, конечно, попадалось также немало уроженцевъ и другихъ уѣздовъ и волостей. Въ теченіе іюня мѣсяца, при постоянныхъ переѣздахъ, мнѣ удалось измѣрить такимъ образомъ 160 человѣкъ, въ числѣ которыхъ попалось также 8 евреевъ, 5 поляковъ, 1 великоруссъ, 1 татаринъ и 1 цыганъ, остальные же 134 мѣстные бѣлоруссы, которые главнымъ образомъ и имѣлись въ виду при поѣздкѣ. Цифра эта, конечно, слишкомъ недостаточна для общихъ выводовъ; эти данныя имѣютъ значеніе только въ совокупности съ другими, какъ имѣющими еще быть собранными въ будущемъ, такъ и уже отчасти собранными въ томъ же году К. Н. Иковымъ, посѣтившимъ

*) Въ этомъ отношеніи не мала заслуга и другихъ ученыхъ обществъ, напр. Казанскаго Общ. Естествоиспытателей.

почти одновременно со мною нѣкоторыя части Бѣлоруссіи исключительно съ этою цѣлью. Покамѣстъ я могу только слегка коснуться вопроса о бѣлорусскомъ типѣ, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и надѣясь въ будущемъ при случаѣ пополнить эти свѣдѣнія новыми данными.

Человѣческое племя, какъ извѣстно, раздѣляется на нѣсколько расъ, при чемъ въ основаніе этой классификаціи кладутся чисто внѣшніе признаки, каковы: цвѣтъ кожи, цвѣтъ волосъ и ихъ характеръ, форма и цвѣтъ глазъ, форма черепа и еще нѣкоторые признаки. О цвѣтѣ кожи бѣлоруссовъ говорить нечего, такъ какъ въ этомъ отношеніи бѣлоруссъ не отличается отъ великорусса или малорусса. Въ цвѣтѣ волосъ уже можетъ быть больше различія, такъ какъ извѣстно, что народы живущіе въ сѣверныхъ странахъ отличаются болѣе свѣтлыми волосами, чѣмъ живущіе на югѣ, хотя бы и тѣ и другіе принадлежали къ одному и тому же племени. У бѣлоруссовъ преобладаютъ русые волосы, при чемъ свѣтлорусыхъ больше, чѣмъ темно-русыхъ, приближающихся къ чернымъ, такъ что вообще у нихъ замѣтна сильная склонность къ свѣтловолосости, и между тѣмъ, какъ настоящіе брюнеты почти не встрѣчаются среди чистыхъ бѣлоруссовъ, блондиновъ довольно много. Это преобладаніе свѣтлаго элемента въ цвѣтѣ волосъ, а также глазъ и даже одежды бѣлоруссовъ служитъ, по мнѣнію ученыхъ, нѣкоторымъ объясненіемъ самаго названія „бѣлоруссъ“ въ противоположность, напримѣръ, чернороссамъ, у которыхъ замѣчается большая склонность къ темному цвѣту. Рыжеволосыхъ бѣлоруссовъ почти не встрѣчается, хотя на первый взглядъ казалось бы, что рыжій цвѣтъ близокъ къ бѣлому и долженъ бы во всякомъ случаѣ считаться свѣтлымъ. Но дѣло въ томъ, что рыжеволосость имѣетъ свое особое значеніе: рыжіе волосы, особенно вмѣстѣ съ темными глазами, по изслѣдованіямъ ученыхъ, указываютъ на примѣсь финской крови, которую въ бѣлоруссахъ врядъ-ли можно допустить. Что-же касается характера волосъ, то они у бѣлоруссовъ почти всегда прямые, не вьющіеся, иногда слегка волнистые и довольно мягкіе.

Глаза у бѣлоруссовъ, какъ я уже замѣтилъ, точно также преобладаютъ свѣтлые: голубые, сѣрые и голубоватые. Но очень много и сложныхъ глазъ, являющихся слѣдствіемъ смѣшеній, скрещиваній болѣе чистыхъ представителей типа; таковы глаза съ сѣрымъ или голубымъ полемъ, по которому идутъ желтые или каріе штрихи или пятнышки, что̀ издали нерѣдко придаетъ глазамъ зеленоватый цвѣтъ; но настоящіе зеленые глаза почти не встрѣчаются у бѣлоруссовъ. Карихъ глазъ довольно много, настоящихъ-же черныхъ почти не бываетъ, а если и бываютъ то очень рѣдко. По своей формѣ глаза у бѣлоруссовъ чаще бываютъ узкіе и какъ бы вдавленные, рѣже круглые, широкіе и открытые. Г. Сементовскій указывалъ даже именно въ этомъ рѣзкое отличіе бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ *). Надо еще прибавить, что у бѣлоруссовъ нерѣдко замѣчается прорѣзъ глазъ не горизонтальный, а приподнятый наружными углами нѣсколько кверху. Узкіе глаза вмѣстѣ съ приподнятыми наружными углами ученые привыкли считать характеристичными чертами монгольскаго типа; но ничѣмъ не доказано, чтобы эти черты не могли появиться и независимо отъ расовыхъ смѣшеній, такъ что на основаніи этихъ чертъ еще рисковано было бы утверждать въ бѣлоруссахъ присутствіе монголизма, примѣсь монгольской крови.

Несомнѣнно, что часть типическихъ чертъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ нужно отнести на долю того народа, который нѣкогда обиталъ въ мѣстахъ, заселенныхъ впослѣдствіи бѣлоруссами, и слился мало-помалу съ послѣдними; но какой это именно былъ народъ и вообще съ какими народцами приходилось еще въ доисторическое время сталкиваться и смѣшиваться той славянской отрасли, изъ которой произошелъ бѣлорусскій народъ, этого опредѣленно сказать нельзя, и потому единичныя черты монголизма такъ и остаются пока единичными, мало говорящими. Можно, впрочемъ, и еще кое-что къ этому прибавить. Такъ, напримѣръ, скуластость также считается признакомъ монголизма, а у бѣлоруссовъ очень часто попадаются выдающіяся скулы, пожалуй чаще, чѣмъ у великоруссовъ; при этомъ скулы нерѣдко выдаются именно въ бока, такъ что характеристическою чертою бѣлорусскаго лица является значительная ширина его у скулъ, т. е. посрединѣ, съ замѣтнымъ суженіемъ книзу. Но тутъ можетъ явиться вопросъ, не есть ли эта скулатость слѣдствіе вліянія польскаго типа, въ которомъ эта черта также замѣчается, хотя тамъ она не такъ ярко выступаетъ при сравнительно болѣе короткомъ лицѣ поляка. Далѣе, въ характерѣ лица не маловажную роль играетъ переносица, т. е. вѣрнѣе разстояніе между глазами, или такъ называемое межглазнич-

*) Сборникъ въ память 1-го статист. съѣзда въ 1870 г., т. I (статья; „Этногр. обзоръ Витеб. губ.“).

ное пространство. Чѣмъ шире пространство между глазами, чѣмъ дальше глаза удалены одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе это придаетъ лицу какое-то татарское выраженіе. Несоразмѣрная же ширина межглазничнаго пространства особенно тогда бросается намъ въ глаза, когда она очень приближается къ ширинѣ носа въ его нижней части, или даже превосходитъ ее. При сравненіи ширины носа съ шириною межглазничнаго пространства у изслѣдованныхъ мною бѣлоруссовъ оказалось, что не рѣдки случаи, когда эти величины равны между собою, а еще чаще вторая больше первой, хотя въ большинствѣ случаевъ все-таки ширина носа больше, чѣмъ разстояніе между глазами. Интересно, что у дѣтей въ этомъ отношеніи замѣчается меньшее колебаніе, чѣмъ у взрослыхъ.

По формѣ черепа, среди бѣлоруссовъ въ числѣ моихъ наблюденій оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство короткоголовыхъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но значительный процентъ приходится также и на долю длинноголовыхъ и еще болѣе среднеголовыхъ. Между дѣтьми, которыхъ впрочемъ измѣрено мною немного, длинноголовыхъ я вовсе не встрѣчалъ. Такимъ образомъ, бѣлоруссы, при громадной склонности къ короткоголовости, все-таки представляютъ довольно большое разнообразіе относительно формы головы. Замѣтимъ кстати, что такое же разнообразіе въ этомъ отношеніи замѣчено и среди малоруссовъ, напримѣръ, въ Кобелякскомъ уѣз. Полтавск. губ. *).

Чтобы не утруждать читателя сухими выкладками, я не буду останавливаться на другихъ измѣреніяхъ, касающихся лица, лба, носа и пр., такъ какъ эти данныя для неспеціалиста представляютъ меньше интереса. Взамѣнъ этого скажу нѣсколько словъ о тѣхъ затрудненіяхъ, на которыя придется наталкиваться всякому, кто будетъ имѣть дѣло съ бѣлоруссами. Во-первыхъ, иногда немалую трудность представляетъ опредѣлить, дѣйствительно-ли изслѣдуемый субъектъ есть бѣлоруссъ, тѣмъ болѣе, что названіе „бѣлоруссъ“ — книжное, сочиненное, а сами бѣлоруссы никогда не называютъ себя бѣлоруссами. Въ народѣ существуетъ только подраздѣленіе на русскихъ и поляковъ; но не слѣдуетъ думать, что это различіе дѣйствительно основано на національности: это—дѣленіе по вѣроисповѣданію. Народъ отожествляетъ вѣроисповѣданіе съ происхожденіемъ, и всякій бѣлоруссъ, считающійся католикомъ, считается уже, благодаря этому, полякомъ, и наоборотъ, исповѣдующій православіе считается уже русскимъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ.

Правда, иногда и изслѣдователи склонны къ такому неправильному отожествленію. Такъ, напримѣръ, Р. Ф. Эркертъ, издавшій „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“ (сначала на франц. яз. 1863 г., а потомъ на русскомъ. Спб. 1864 г.), замѣчаетъ: „Ничто въ западныхъ губерніяхъ Россіи не опредѣляетъ черты, отдѣляющей русскую народность отъ польской такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій.“ Но, зная исторію тамошняго края, конечно, смѣшно было бы признавать всякаго православнаго бѣлоруссомъ, хотя бы онъ былъ и коренной мѣстный житель, а всякаго католика считать полякомъ. Поэтому при вопросѣ о національности нерѣдко приходится выспрашивать всю родословную лица, чтобы составить себѣ хоть приблизительно вѣрное понятіе о томъ, кто такое оно по народности, и всетаки не всегда можно быть увѣреннымъ въ безошибочности, особенно, когда имѣешь дѣло съ городскимъ населеніемъ. Языкъ, какимъ говорятъ дома, въ семьѣ, можетъ иногда помочь въ этомъ вопросѣ, хотя и этому указанію не всегда слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе, такъ какъ съ одной стороны, напримѣръ бѣлоруссы-мѣщане большею частью говорятъ по-польски, съ другой стороны, мелкая польская шляхта, живущая среди крестьянъ-бѣлоруссовъ, говоритъ очень часто по-бѣлорусски.

Другое затрудненіе происходитъ оттого, что на мѣстномъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на польскомъ, нерѣдко смѣшиваются въ названіи Бѣлоруссія и Литва, бѣлорусскій языкъ и литовскій, т. е. по старинной памяти о тѣхъ временахъ, когда Бѣлоруссія и Литва составляли одно цѣлое, все бѣлорусское называется литовскимъ. Спросите вы, напримѣръ, какую-нибудь мѣщанку, кто она такая? — Polka, отвѣтитъ она вамъ. —Откуда родомъ?—Z Litwy. —Какъ говорятъ дома?—Po litewsku. Между тѣмъ, по наведеніи болѣе точныхъ справокъ оказывается, что ни сама она, ни ея родные ни слова не понимаютъ по-литовски, а исключительно говорятъ по бѣлорусски. Такъ и за Бугомъ, напр. въ Сѣдлецкой губ., бѣлорусса иначе не назовутъ, какъ литвиномъ. Слишкомъ довѣрчиваго изслѣдователя подобные случаи очень легко могутъ вводить въ обманъ.

Точное опредѣленіе возраста также иногда затруднительно, какъ это бываетъ вообще,

*) В. Эмме, Антропологія и Медицина Полтава, 1882.

когда имѣешь дѣло съ простымъ народомъ. Приходится опредѣлять приблизительно, или же, по крайней мѣрѣ, въ очень сомнительныхъ случаяхъ, справляться съ метрическими записями, паспортами, что не всегда удобно, а иногда и невозможно. Между тѣмъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ антропологическія, лѣта имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ организмъ въ разныхъ фазисахъ своего развитія можетъ представлять тѣ или другія особенности.

Но всего болѣе затрудненій встрѣчаетъ изслѣдователь вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія народа къ нему. На всѣхъ такихъ господъ, посѣщающихъ деревни съ научною цѣлью или по дѣлу службы, деревенскій людъ смотритъ съ большимъ подозрѣніемъ, и, сколько бы вы ни объясняли настоящую цѣль вашего пріѣзда, народъ всегда подозрѣваетъ другое. Въ данномъ случаѣ и объяснять то было не особенно легко. Какъ растолковать въ самомъ дѣлѣ крестьянину цѣль и значеніе этнографическихъ, а тѣмъ болѣе антропометричесоихъ изслѣдованій? Приходилось измышлять сколько-нибудь понятныя и подходящія объясненія въ родѣ, того, напримѣръ, что измѣренія нужны для докторовъ, чтобы они могли успѣшнѣе лѣчить людей, когда изучатъ побольше разнородныхъ формъ человѣческаго тѣла. Такъ какъ это былъ первый опытъ измѣреній среди бѣлоруссовъ, то самая новизна дѣло какъ-то запугивала ихъ и заставляла ихъ ожидать для себя какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій, какъ напримѣръ, новыхъ налоговъ, выселеній и т. п. Такъ, въ одной волости распространилась легенда, что Царь хочетъ заселить какую-то дикую страну, а для того, чтобы народъ тамъ былъ одноколиберный, выберутъ всѣхъ, у кого мѣрки сходятся, и поселятъ въ одномъ мѣстѣ, притомъ свѣтловолосыхъ особо, а темноволосыхъ особо, или же голубоглазыхъ отдѣльно отъ черноглазыхъ и т. д. Я пересталъ записывать имена и фамиліи измѣряемыхъ, говоря, что если бы и захотѣли кого нибудь выселить, то не найдутъ; на это мнѣ замѣтили, что по мѣркѣ всегда разыщутъ кого надо и безъ фамиліи. Проѣзжая черэзъ г. Слуцкъ, я обратился къ г. смотрителю мѣстнаго тюремнаго замка съ просьбою позволить мнѣ производить измѣренія надъ арестантами. Это была очень счастливая мысль, потому что въ тюрьмѣ оказалось, конечно, не мало бѣлоруссовъ и притомъ, изъ разныхъ мѣстностей губерніи, такъ что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было брать для себя матеріалъ отовсюду, чѣмъ я и воспользовался, благодаря любезности смотрителя. И вотъ тутъ-то особенно ясно сказалось, какое значеніе придавалъ народъ моему пріѣзду. Каждый арестантъ, котораго я измѣрялъ, былъ увѣренъ, что съ этимъ связана какая-то перемѣна въ его судьбѣ. Каждый считалъ своею обязанностью разсказать мнѣ исторію своей жизни, хотя его объ этомъ и не спрашивали, объяснить, за что онъ арестованъ, и выставить себя совершенно невиновнымъ. Всѣ эти бытовыя картинки чрезвычайно интересы, но мнѣ, къ сожалѣнію, некогда было все это выслушивать съ должнымъ вниманіемъ. Охотнѣе всего измѣрялись тѣ, которые присуждены къ ссылкѣ, каторгѣ и т. п.: все равно, дескать, хуже не будетъ. Иной мужичекъ, оторванный отъ семьи, отъ хозяйства и тяготящійся болѣе другихъ бездѣльемъ, тоже становится подъ мѣрку, махнувъ рукой: „одно изъ двухъ, говоритъ, или выпустятъ, или повѣсятъ, — все же лучше, чѣмъ тутъ томиться“. На другой день я узналъ, что иные со слезами на глазахъ просили смотрителя вычеркнуть ихъ изъ числа измѣренныхъ.

Существуетъ еще въ народѣ одно суевѣріе, которое также заставляетъ его бояться измѣреній: измѣренный человѣкъ, по мнѣнію бѣлорусса, или заболѣетъ или даже умретъ. Снятіе мѣрки съ человѣка сближается въ этомъ случаѣ со снятіемъ его портрета, а по исконному народному вѣрованію, все, что ни дѣлается надъ изображеніемъ человѣка или его тѣнью, все это испытываетъ онъ самъ, какъ будто это производилось надъ нимъ самимъ. Поэтому, напримѣръ, въ средніе вѣка существовалъ преоригинальный юридическій обычай подвергать наказанію не самого виновнаго (особенно, если это было знатное лицо), а только его тѣнь. На этомъ же основаны многія чары, заговоры, заклинанія, которыя производятся или надъ полнымъ изображеніемъ человѣка въ видѣ куклы, рисунка, тѣни, или же только надъ его частью, напр. надъ слѣдомъ, т. е. оттискомъ, изображеніемъ ноги на землѣ. Страхъ передъ чарами, колдовствомъ до сихъ поръ такъ великъ въ народѣ, что уже одно сниманіе мѣрки, хотя бы и съ самою невинною цѣлью, наводитъ суевѣрнаго человѣка на мысль о болѣзни и смерти. — Одинъ старикъ отказался отъ измѣреній, и всѣ свои доводы онъ выразилъ въ одной лаконической фразѣ: „Якъ умру, тагды и безъ васъ помѣряюць“. Смыслъ тотъ, что только мертвыхъ мѣряютъ, когда нужно сдѣлать гробъ, и слѣдовательно измѣряющійся заживо какъ бы заранѣе обрекается на смерть. Женщины не даютъ измѣрять дѣтей еще и потому, что

боятся, чтобы не прекратился ихъ ростъ. Былъ со мною, впрочемъ, и такой случай, что баба сама просила измѣрить ея больного сына, не будетъ-ли онъ послѣ этого здоровѣе. Однимъ словомъ, приходится безпрестанно наталкиваться на самыя курьезныя неожиданности, которыя иногда даже не знаешь, какъ устранить. Опытъ показалъ, что лучше всего начинать изслѣдованія съ лицъ, имѣющихъ въ деревнѣ особое значеніе, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, напр. старшинъ, священниковъ, писарей, урядниковъ. Содѣйствію этихъ лицъ я много обязанъ. Вниманіе, оказанное мнѣ во время поѣздки разными лицами и учрежденіями, конечно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что у меня былъ открытый листъ отъ г. губернатора. Поэтому, прежде всего я приношу мою глубокую благодарность Его Сіятельству Князю Николаю Николаевичу Трубецкому за оказанную помощь; затѣмъ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе словомъ или дѣломъ.

II.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ: ХАРАКТЕРЪ СТРАНЫ; КОСТЮМЪ; ЯЗЫКЪ; ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ; НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ; ВѢРОВАНІЯ; „ПРОЩИ“, „ПРИСВЯТКИ“; ОТНОШЕНІЯ КЪ РАСКОЛЬНИКАМЪ И КЪ ЕВРЕЯМЪ; ПЬЯНСТВО.

Наблюдатель-этнографъ обыкновенно находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ антропологъ: уже одно то, что онъ можетъ собирать свой этнографическій матеріалъ, такъ сказать, издали, со стороны, не подвергая никакимъ особеннымъ манипуляціямъ изслѣдуемыхъ субъектовъ, очень облегчаетъ ему дѣло. За то у него есть свои трудности. Антропологъ, куда бы ни направился, вездѣ для него найдется живой матеріалъ; этнографъ же долженъ изыскивать для себя матеріалъ; ему нужно умѣніе и особенная наблюдательность въ подмѣчаніи фактовъ и явленій, которыя легко могутъ ускользнуть отъ его наблюденія; ему часто приходится подолгу выжидать удобный случай, чтобы быть свидѣтелемъ того или другого интереснаго явленія въ народной жизни; ему, однимъ словомъ, нужно время при его изслѣдованіяхъ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было систематичности въ наблюденіяхъ,— что̀ и сказалось во время моей поѣздки.

Двойственность задачи, которую я имѣлъ въ виду, не мало мѣшала мнѣ въ болѣе или менѣе успѣшномъ ея выполненіи. Именно, для того чтобы собрать побольше антропологическихъ свѣдѣній, мнѣ хотѣлось захватить пошире районъ для наблюденій, такъ какъ въ антропологическомъ отношеніи одна отдѣльная мѣстность, казалось мнѣ, представляетъ менѣе интереса, чѣмъ отдѣльные уголки разныхъ мѣстностей, хотя бы взятые на удачу. Въ виду этого я не могъ засиживаться долго въ одномъ мѣстѣ, но долженъ былъ дѣлать частые переѣзды. Между тѣмъ, для этнографическихъ наблюденій этотъ способъ менѣе всего удобный. Чтобы присмотрѣться къ нравамъ, обычаямъ и быту народа, необходимо подольше пожить въ одной мѣстности, потомъ въ другой и т. д., потому что, только сжившись до извѣстной степени съ той или другой мѣстностью, можно вѣрно подмѣтить ея этнографическія особенности; при частыхъ же переѣздахъ наблюдатель принужденъ ограничиться одними отрывочными случайными свѣдѣніями, краткими замѣчаніями, по которымъ очень трудно составить сколько-нибудь полную и интересную картину народной жизни съ ея отличительными особенностями.

Это общее правило приложимо ко всѣмъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ какихъ бы странахъ они ни производились; но для Бѣлоруссіи оно въ особенности важно, такъ какъ эта страна чрезвычайно разнохарактерна. Разнохарактерность же эта, быть можетъ, всего рѣзче выступаетъ именно въ Минской губерніи. Уже по своей обширности эта губернія не можетъ отличаться однообразіемъ;

если же мы обратимъ вниманіе на ея физическое устройство и природу, то еще болѣе убѣдимся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сѣверная и сѣверо-восточная ея часть занята лѣсами, среди которыхъ не мало находится болотъ; къ серединѣ лѣса̀ рѣдѣютъ, почва становится суше, возвышеннѣе; къ югу опять больше лѣсовъ, а ужъ болота тутъ непроходимыя. Здѣсь-то, въ котловинѣ Припети, обитаетъ таинственный полѣшукъ, не признающій себя даже за человѣка. Существуетъ такой анекдотъ: когда полѣшука спросили, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „а какой я человѣкъ? я полѣшукъ!“ Каждая изъ этихъ трехъ полосъ имѣетъ свои отличительныя черты, во многомъ обусловливаемыя именно природою: „въ лѣсу“ вы увидите иное, чѣмъ „на полѣ“ или „на болотѣ“. Привыкшій жить въ лѣсу, положимъ, игуменецъ или борисовецъ, выскажетъ вамъ даже съ убѣжденіемъ такой парадоксъ, что только въ лѣсу и можно жить безопасно, потому что тамъ никого нѣтъ, кромѣ звѣря, а звѣрь не подожжетъ, не ограбитъ; отъ звѣря можно защититься оружіемъ, а отъ злого человѣка — ничѣмъ. Напротивъ, живущій „на полѣ“ случанинъ или новогрудецъ какъ будто боится лѣса и весь привязанъ къ землѣ. Пинчукъ, въ свою очередь, не можетъ представить себѣ, какъ можно жить безъ воды и болота, гдѣ такое раздолье въ отношеніи рыбы и дичи: многія озера не замерзаютъ, и дичь живетъ на нихъ круглый годъ.

Кромѣ различія въ характерѣ, даже и относительно внѣшности существуютъ коренныя отличія у бѣлоруссовъ разныхъ мѣстностей. На сѣверѣ и с.-востокѣ Минской губерніи вы видите, напримѣръ, характерную для бѣлорусса бѣлую одежду, свиты изъ бѣлаго сукна, шапки зимой изъ бѣлаго барашка, и если вы спросите, почему тамъ держатъ почти исключительно бѣлыхъ овецъ, вамъ прямо скажутъ, что черныя здѣсь не ведутся. Удаляетесь вы къ югу и замѣчаете, что этотъ бѣлый цвѣтъ постепенно темнѣетъ, переходитъ въ сѣрый и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, замѣняясь чернымъ и красноватымъ. Такъ и видите постепенный переходъ отъ Бѣлой Руси къ Черной и Красной или Червоной. Само собою разумѣется, что точно также мѣняется по мѣстностямъ и покрой платья, и форма головныхъ уборовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и пр., но объ этомъ говорить подробнѣе мы здѣсь не станемъ.

Что касается языка, то въ этомъ отношеніи также нѣтъ какого-нибудь единства даже и въ той небольшой области, которую я ближе наблюдалъ. Такъ, напримѣръ „дзѐканье“, т. е. произношеніе мягкихъ *д* и *т*, какъ *дзь* и *ць*, повидимому, слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ Могилевской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ эти звуки, какъ мнѣ извѣстно, выговариваются уже, какъ въ великорусскомъ. Особенность, которую мнѣ впервые случилось здѣсь подмѣтить и которой я не зналъ по записямъ другихъ собирателей, касается произношенія ударяемаго *ѣ*, *о*, *ё*, какъ *іе*, *уо*, *юо*, съ удареніемъ на первый изъ каждыхъ этихъ двухъ гласныхъ, напр. *сі̀ено* (сѣно), *вуолъ* (волъ), *мюодъ* (медъ). Эта черта для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно важна, потому что она связываетъ минскій говоръ съ однимъ малорусскимъ говоромъ въ Польшѣ, который я имѣлъ случай характеризовать при изданіи пѣсенъ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго уѣзда *). Такое произношеніе въ Минской губ. я слышалъ въ уѣздахъ: Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ; но опять-таки я долженъ замѣтить, что къ сѣверу, къ востоку и отчасти къ ю.-востоку эта особенность постепенно исчезаетъ, и даже очень легко подмѣтить, какимъ образомъ происходитъ этотъ переходъ. Именно, въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда и въ восточной и ю.-восточной Бобруйскаго удареніе въ названныхъ дифтонгахъ, или двугласныхъ, ставится уже не на первой, а на второй части: *сі̀ено, вуол, мюод*, и такимъ образомъ дается перевѣсъ первоначальной, основной гласной, между тѣмъ, какъ первая часть дифтонга остается только въ видѣ слабаго призвука; еще далѣе — и этотъ призвукъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ что, напримѣръ, въ Борисовскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, а также на восточной окраинѣ Бобруйскаго уѣзда слышится уже прямо *ѣ* (*е*), *о*, *ё*. Что касается „а̀канья“, т. е. произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, то въ этомъ отношеніи трудно установить какія нибудь обобщенія. Какъ-то очень неаккуратно произносятъ бѣлоруссы этотъ звукъ *о*, когда на немъ нѣтъ ударенія. Достаточно того, что одинъ и тотъ-же субъектъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же или аналогичномъ случаѣ произноситъ то *о*, то *а*; большею же частью слышится нѣчто среднее между *о* и *а*. Но во всякомъ случаѣ *а* вмѣсто *о* рѣзче выступаетъ по сосѣдству съ настоящей Бѣлоруссіею. Еще на одну характерную особенность я обратилъ

*) Въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Любит. Естествознанія Антр. и Этногр.“ т. 48 и отдѣльный оттискъ: „Малорусская свадьба въ Константиновск. уѣзд. Сѣдлецкой губ.“ Москва, 1886 г.

вниманіе, именно на употребленіе твердаго *л* вмѣсто *ль* въ Игуменскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ; тамъ говорятъ, напримѣръ: *силно, болно, палцы* и т. п., хотя, впрочемъ такое произношеніе не составляетъ общаго правила даже и для этихъ мѣстностей. Въ этой особенности какъ будто замѣтно стремленіе къ нѣкоторому уравновѣшиванію звуковъ: твердое *л* во многихъ случаяхъ въ устахъ бѣлорусса перешло въ полугласное *ў* или даже въ *в* (*воўкъ пашоў* — волкъ, пошелъ и т. п.), и чтобы пополнить образовавшійся пробѣлъ, бѣлоруссъ дѣлаетъ твердое *л* изъ *ль*, хотя опять-таки только въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы это было не въ ущербъ мягкому *л*, которое все-таки употребительно у бѣлоруссовъ. Въ какихъ случаяхъ эта замѣна возможна, этого я здѣсь касаться не стану, потому что это сцеціально-филологическій вопросъ. Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губерніи, въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго. Въ рѣчицкихъ говорахъ я знаю одну интересную особенность, которая на первыхъ порахъ можетъ показаться странною; это именно употребленіе *у* вмѣсто *ы*, на пр. *му, сунъ, букъ, буйстрый* — мы, сынъ, быкъ, быстрый и т. п. Это можно объяснить филологически родствомъ этихъ звуковъ (*у* и *ы*), такъ какъ, напримѣръ, наше слово *сынъ*=санскритск. sûnus и проч. Но какъ понять самое это родство? Конечно, причина его чисто физіологическая и прослѣдить ее весьма легко на иностранцахъ. Заставьте, напримѣръ, француза сказать *быкъ*: онъ или скажетъ *бикъ*, или, понатужившись, произнесетъ *буикъ*, т. е чтобы произнести трудный для него звукъ *ы*, онъ прибѣгаетъ къ хитрости, именно, начинаетъ какъ будто произносить *у* вмѣсто *ы*, а затѣмъ быстро сворачиваетъ на *и*; это мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать надъ иностранцами. Можетъ быть въ вышеприведенномъ словѣ *буйстрый* такъ и объясняется двугласная *уй*, хотя вставка *й* въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснена и трудною для произношенія группою согласныхъ *стр.*, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, напр. *войстрый* — вострый (Могилевской губ.). Но вмѣсто того, чтобы утомлять читателя теоретическими объясненіями, я лучше сошлюсь на подлинные образцы языка бѣлоруссовъ Минской губ., именно на пѣсни, записанныя мною въ эту поѣздку и приложенныя въ концѣ этой статьи.

Понятное дѣло, что пѣсни не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для изученія языка, потому что съ одной стороны онѣ удерживаютъ многія традиціонныя формы, слова и выраженія, не употребляемыя въ настоящее время, но твердо сохраняющіяся въ пѣсняхъ, по пословицѣ: „изъ пѣсни слова не выкинешь“; съ другой стороны, пѣсни не передаютъ всѣхъ особенностей и тонкостей обыденной рѣчи. Самую вѣрную характеристику живого народнаго языка можно составить только на основаніи разговорной рѣчи, и въ этомъ случаѣ могутъ быть болѣе полезны другіе памятники народнаго творчества, какъ напр. сказки, преданія, легенды, и т. п., записываемыя прямо со словъ народа, въ которыхъ разсказчикъ не стѣсненъ традиціонными формами и болѣе придерживается языка разговорнаго. Говоря о языкѣ бѣлоруссовъ, необходимо еще отличать языкъ чисто народный отъ языка тѣхъ бѣлоруссовъ, которые, хотя и очень близко стоятъ къ народу и большею частью сами вышли изъ народа, однако уже, такъ сказать, нѣсколько вкусили плодовъ, хотя и мнимой, цивилизаціи. Во всѣ времена и у каждаго народа языкъ людей полуобразованныхъ составлялъ и составляетъ нѣчто среднее между языкомъ литературнымъ и чисто-народнымъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отожествляемъ съ послѣднимъ. Когда мы теперь читаемъ, напримѣръ, старинные акты или грамоты, писанныя, по общепринятому выраженію, на бѣлорусскомъ языкѣ, то мы не должны думать, что и весь бѣлорусскій народъ того времени говорилъ именно такимъ языкомъ. Это было бы ошибочно по отношенію къ далекому прошлому, какъ и по отношенію къ настоящему. Кто бывалъ въ Бѣлоруссіи, тотъ вѣроятно имѣлъ случай прислушаться, какимъ языкомъ говорятъ писаря, старшины, помѣщичьи управляющіе, экономы и т. п. *)

*) Для характеристики этого особаго типа бѣлорусскаго языка я приведу одинъ интереснѣйшій документъ, который кстати, можетъ быть, нѣсколько развеселитъ того, кто имѣетъ терпѣніе читать мою сухую статью. Это, именно, письмо влюбленнаго помощника волостного писаря къ своей возлюбленной, дочери фельдшера. Такъ какъ это письмо досталось мнѣ черезъ третьи руки, то я не стану упоминать фамилій; въ остальномъ же точно послѣдую оригиналу, который относится къ 1876 г. и хранится у меня. „Милая Юлька! Скучно! скучно! не только на сердцу, но и всюдую. Поглядите на надворье, наветъ и тое скучае по васъ, солнце зайшло за горку, помнице за тую, что кала церкви и пойшовъ такій великій снѣгъ што не можно изъ хаты

Конечно, это языкъ не народный и не литературный а нѣчто среднее; но въ то же время это языкъ разговорный, употребляемый извѣстнымъ классомъ людей въ обыденной рѣчи.

Итакъ, съ какой бы мы стороны ни взглянули на Бѣлоруссію, намъ представится картина пестроты и разнообразія. И только одна черта въ этой картинѣ повторяется повсемѣстно, это—бѣдность населенія, доходящая до нищеты, и невѣжество. Очень невзрачно смотрятъ бѣлорусскія хижины. Почти всѣ онѣ очень маленькія, въ видѣ квадрата, съ маленькими окошечками; большая часть изъ нихъ и до сихъ поръ не имѣетъ трубъ; сложены онѣ кое-какъ, драньнавалена на крышу часто въ безпорядкѣ и даже не приколочена гвоздями. И страннымъ кажется, что тамъ, гдѣ больше лѣсу, тамъ избы гораздо хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ его меньше или совсѣмъ нѣтъ. Но это понятно. Во-первыхъ, гдѣ мало лѣсу, тамъ крестьянинъ привыкъ дорожить каждой щепкой, и уже при постройкѣ дома онъ, конечно, употребитъ все стараніе, чтобы домъ вышелъ прочнѣе; притомъ, у него и средствъ къ этому больше, потому что „на полѣ“ живется крестьянину лучше, такъ какъ земли больше и она лучше. Въ лѣсистыхъ же мѣстахъ лѣсъ не имѣетъ никакой цѣны; его жгутъ цѣлыми участками, лишь бы только раздѣлать лишній клочекъ земли подъ пашню. Собственный лѣсъ крестьяне большею частью уже давно извели такимъ образомъ, и теперь они снимаютъ въ аренду или покупаютъ участки лѣса вмѣстѣ съ землей у помѣщиковъ, которые иногда не прочь воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ крестьянъ при ихъ малоземельности. Если крестьянинъ пожелаетъ арендовать нѣсколько десятинъ готовой пашни, то съ него требуется вдвое большая плата, чѣмъ за такой же участокъ, поросшій лѣсомъ. Понятное дѣло, что крестьянинъ возьметъ лѣсной участокъ: ему важнѣе всего, чтобы отдавать меньше денегъ, а сколько онъ положитъ труда на разчистку и распашку, этого онъ въ счетъ не ставитъ; бѣлоруссъ до сихъ поръ не привыкъ цѣнить свой личный трудъ на деньги. То-же самое бываетъ и при покупкѣ земли въ собственность. Заплативъ 40—60 руб. за десятину, поросшую лѣсомъ, крестьянинъ, только на второй или на третій годъ получаетъ плоды своихъ трудовъ; а готовая пашня цѣнится опять вдвое дороже и доходитъ до 80 руб. за десятину и болѣе.

Бывшія казенныя деревни смотрятъ болѣе приглядно: домики исправнѣе, выстроены въ линію, а не разбросаны; на крышахъ виднѣются трубы, большею частью желѣзныя. Но жалобы на безземелье вездѣ повторяются. Семейные раздѣлы, раздробленія надѣловъ на мелкіе участки между сыновьями по мѣрѣ ихъ наростанія еще болѣе усиливаютъ это бѣдственное положеніе. Понятно поэтому, что малѣйшая хотя бы и ложная надежда на улучшеніе экономическаго быта можетъ произвести броженіе среди мѣстныхъ крестьянъ. Неудивительно, что, напр., въ Игуменскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился какой-то бродяга, выдававшій себя за тайнаго посла отъ Царя и приглашавшій всѣхъ желающихъ получить землю записываться у него съ извѣстной платой. Много народа онъ смутилъ: иные, какъ передаютъ, поспѣшили даже продать свое имущество въ надеждѣ скораго переселенія на Амуръ.

При такихъ условіяхъ жизни гдѣ уже тутъ думать бѣлоруссу объ образованіи, задаваться какими-нибудь отвлеченными вопросами. Умъ его до сихъ поръ продолжаетъ питаться обломками старинныхъ воззрѣній, остатками отъ древней системы вѣрованій. Школа пока только начинаетъ давать утѣшительные результаты. На духовенство тоже нельзя много разсчитывать. Трудность сообщеній не мало мѣшаетъ въ этомъ отношеніи. Иной крестьянинъ по мѣсяцамъ не можетъ посѣщать церковь, находящуюся за нѣсколько верстъ. Какъ же можно ожидать исправнаго посѣщенія школы маленькими дѣтьми? Болѣе дѣятельные священники многаго

вылесци. Нетое было у Заболоцьи, коли вы были у насъ, Слонце всегда такъ весело играло на небѣ, а я на гармонику, а якъ пойшли вы скакаць польку, такъ было радостно глядѣть якъ вевіорочка (*бѣлочка*) скикъ скикъ, помнице тогды якъ пріѣхали отъ N и коли говорили што выпили три бутельки вина и тогды на другій дзень написали на цыгарной попѣрцѣ што любице менѣ, яжъ тую попѣрку сховавъ собѣ напамяць у штаны въ кишеню, не думайце кабъ я вздумавъ кампузоваць (*конфузить*) васъ сохраны Богъ, я ее такъ счира люблю што ни коли не закуру еѣ. А якъ успомню вашъ взглядъ якій хорошенькій такъ и пронизвае менѣ, стрѣлки вашихъ миленькихъ очекъ (и) упились въ мои грудзи. Богъ свидзѣцель якъ яны мнѣ боляць и скажу вамъ!.. коли не буду васъ довга бачиць такъ умру. Горизетъ (*горизонтъ*) пашъ цеперь пахмурный што васъ нима, а може не знаеце што такое гаризетъ, ета Мардафара (*метафора*) ?.. такъ выражаютца только разумные людзи и я думаю што колись буду разумный человѣкъ.

Съ исциннымъ почитаніемъ вашего добродушія остаюсь поклонникъ вашего благоутробія и целуя ваши малиновые уста Искрѣнейшій другъ и доброжелатель NN.

Хоть ето письмо написавъ не даштыху (*нескладно*), Алешъ смѣшна. N. (postscriptum самого же автора)“.

ожидаютъ отъ церковно-приходскихъ школъ, и онѣ дѣйствительно принесли бы здѣсь громадную пользу, если-бы ихъ программа не была такъ узка. Но и священниковъ такихъ, правду сказать, не много. Бѣлорусскій батюшка часто самъ раздѣляетъ съ народомъ всѣ его предразсудки или же, который по смышленѣе, не прочь извлечь изъ нихъ кое-какую выгоду для себя. Положимъ, на полѣ крестьянина во ржи злой человѣкъ сдѣлалъ завитку или залому. Чтобы избѣжать бѣдствія, которое ему грозитъ отъ этой козни, онъ немедленно приглашаетъ священника, который за извѣстную плату читаетъ извѣстную молитву противъ бѣсовскаго навожденія, торжественно вырываетъ завитку и предаетъ сожженію. Впрочемъ, священники не могутъ похвастать, что они одни властны въ этомъ. И до сихъ поръ часто крестьянинъ предпочитаетъ призвать знахаря, который къ тому-же разгадаетъ, съ какою цѣлью сдѣлана была завитка: на скотъ, на поле, или на самого хозяина, или его дѣтей, чего священникъ, конечно, не въ состояніи сказать; а иногда знахарь укажетъ даже виновника злого умысла, и тогда онъ беретъ завитку и переноситъ тайкомъ на поле этого виновника со всею бѣдою, какая должна произойти отъ завитки; конечно, это дѣлается съ тою мыслью, что другой тоже пригласитъ того-же знахаря и заплатитъ за развивку завитки. Иногда приглашаютъ сначала знахаря, колдуна для разъясненія завитки, а потомъ уже священника для ея уничтоженія, такъ что здѣсь вы видите уже маленькое превосходство христіанскаго элемента надъ языческимъ, хотя оба они, такъ сказать, уживаются еще рядомъ.

Такъ какъ я заговорилъ объ остаткахъ язычества, то прибавлю еще кое-что въ этомъ родѣ и, прежде всего, упомяну о такъ называемыхъ „прощахъ“.

Прощa — собственно моленіе о прощеніи грѣховъ съ приношеніемъ пожертвованій въ какомъ нибудь святомъ или чудесномъ мѣстѣ. Но въ обыденной рѣчи прощею называется самое это мѣсто, прославившее почему-нибудь въ народѣ, который въ опредѣленные дни стекается туда въ большомъ числѣ на богомолье. Итти на прощу, значитъ итти на богомолье. Такими прощами бываютъ ключи, источники, особенные камни, горки, наконецъ старинные кресты и т. п. Съ каждою изъ такихъ прощъ связано преданіе о какомъ-нибудь необыкновенномъ событіи или совершившемся здѣсь чудѣ, въ которое народъ вѣритъ безусловно. Эти прощи открываются и до сихъ поръ по поводу разныхъ случаевъ. Представьте себѣ, напримѣръ, деревенскую бабу, у которой тяжелое горе на душѣ; вотъ она, пася скотъ, заснула на пригоркѣ и видитъ во снѣ исполненіе всѣхъ ея мечтаній, видитъ, что горе ея прошло, и ей даже представляется, что сама Богородица явилась возвѣстить ей эту радость. Какъ только сонъ сбудется, хотя бы черезъ годъ или черезъ два, баба спѣшитъ на пригорокъ съ приношеніями, кладетъ на мѣстѣ видѣнія деньги, свѣчи, воскъ, лѣнъ, полотно, молится, наконецъ, оповѣщаетъ объ этомъ сосѣдокъ, мѣсто огораживается — и прощa готова. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ этотъ день, а также одинъ разъ въ мѣсяцъ и во всякіе богородичные дни, сюда стекается народъ, и каждый разъ все въ большемъ количествѣ; они молятся, приносятъ, „офіеры“ (офіера, польск. ofiara—приношеніе). Эти приношенія потомъ раздаются нищимъ или собираются въ ближайшій монастырь или церковь. Въ концѣ концовъ духовенство принимаетъ такую прощу подъ свое покровительство; тогда вмѣсто ограды или навѣса строится часовенька, мѣсто освящается, служатся въ извѣстные дни молебны, а мелкіе торговцы къ этимъ днямъ привозятъ туда разный товаръ: пряности, игрушки, посуду и пр., и открывается нѣчто въ родѣ ярмарки. Если мѣстный священникъ вздумаетъ останавливать это поклоненіе, то онъ самъ рискуетъ потерять уваженіе у прихожанъ, и если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то ее тотчасъ объясняютъ наказаніемъ Божьимъ за его противодѣйствіе Божьей волѣ. Такой случай былъ, напр., въ д. Евличахъ, около Ивани, гдѣ священникъ скоропостижно умеръ, будто бы за то, что не хотѣлъ признать новой прощи на горкѣ, гдѣ дѣвушка видѣла сонъ на счетъ урожая и своей судьбы, который вскорѣ исполнился. Замѣчательно, что всего усерднѣе посѣщаются прощи въ каждое первое воскресеніе послѣ новолунія. Вообще, эти новолунныя воскресенія въ большомъ уваженіи у бѣлоруссовъ. Считается большимъ грѣхомъ не быть за обѣдней въ такое воскресеніе; иные старики даже считаютъ долгомъ въ этотъ день исповѣдываться и причаститься. Думаютъ объяснять почитаніе новолунныхъ воскресеній вліяніемъ католичества, которое совершало въ эти дни крестные ходы, или же вліяніемъ іудейства; но эти объясненія несостоятельны: культъ луны былъ, конечно, извѣстенъ и древнимъ обитателямъ Бѣлоруссіи и онъ достаточно ясно выступаетъ въ другихъ обрядахъ и пѣсняхъ, напр. свадебныхъ, гдѣ этихъ вліяній нельзя подозрѣвать. Надо замѣтить еще, что отъ новолуній бѣлоруссы ожидаютъ атмо-

сферическихъ перемѣнъ: хорошей погоды послѣ дождя, дождя послѣ засухи, и дѣйствительныя измѣненія погоды по четвертямъ мѣсяца еще болѣе поддерживаютъ уваженіе къ лунѣ. Когда бѣлоруссъ долго ожидаетъ перемѣны погоды, онъ возлагаетъ послѣднюю надежду на молодой мѣсяцъ: „увидзимъ, што маладзикъ покаже“, говоритъ онъ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ. Завидѣвъ впервые серпокъ молодика, онъ крестится и говоритъ вполголоса: „Маладзичокъ маладый, рогъ залатый, великій князь, поздаравляй насъ; дай намъ способъ и раду до жиця, сабіе на прибытокъ а намъ на спасене“, а затѣмъ читаетъ „Отче нашъ“ и другія молитвы. Однимъ словомъ, культъ луны, проявляющійся въ прощахъ и въ другихъ случаяхъ жизни бѣлорусса, это древнѣйшій культъ, который въ Бѣлоруссіи опять-таки замѣчательнымъ образомъ уживается съ христіанскими догматами.

Кстати, въ параллель къ только что приведенной молитвѣ я позволю себѣ привести здѣсь еще одну такую же апокрифическую молитву „на сонъ грядущи“, хотя это и будетъ маленькимъ отступленіемъ. Одна старуха, которой теперь болѣе 90 лѣтъ, ложась спать и осѣняя крестнымъ знаменіемъ постель, себя и все кругомъ, говоритъ: „Лажуся спаць; Пречистая, придзи ка мніе начеваць зъ дванадцацью ангѣлами, съ тринадцатымъ апостоломъ. Ангѣлы майіе (мои), старожи майіе, сцережиця душу маю до поўночи, Пречистая до свіета, апостолъ до конанія вѣка, пакуль будзе маѣ павѣданѣ. Самъ Гасподь знае, дзѣ маю душу падзіеци“. Надо замѣтить, что старуха эта вывезена еще въ молодости, при крѣпостномъ правѣ, изъ Румыніи и совсѣмъ обрусѣла, хотя свой языкъ нѣсколько помнитъ, и если очень разсердится, то начинаетъ бормотать по своему. Неизвѣстно, гдѣ она научилась этой молитвѣ, но во всякомъ случаѣ можно спросить себя, не есть ли эта молитва переложеніе или переводъ какой нибудь румынской молитвы. Это очень интересно было бы знать, потому что, какъ извѣстно, въ Румыніи была нѣкогда сильно распространена богомильская ересь (первые ея послѣдователи, впрочемъ, отвергали почитаніе Богородицы), подъ вліяніемъ которой явилось тамъ много ложныхъ молитвъ и цѣлыхъ книгъ и сочиненій, которыя, между прочимъ, не остались безъ вліянія и на нашу апокрифическую или отреченную литературу, особенно черезъ посредство болгарской. Впрочемъ, и среди коренныхъ бѣлоруссовъ есть не мало подобныхъ молитвъ, прямо сочиненныхъ или представляющихъ только искаженія общеизвѣстныхъ. Измѣряя одного парня, которому предстояло итти на призывъ и который хвасталъ передо мною, что онъ учился въ школѣ, я спросилъ у него изъ любопытства, знаетъ ли онъ „Отче Нашъ“.

— Чамужъ ня знаць? отвѣчалъ онъ, нѣсколько обиженный: „Отче нашъ, иже вездѣ сый и вся исполняй...“

— А „Царю небесный“?

— А Царю небесный — такъ само-жъ, только починаетца трохи ня такъ. — Вотъ вамъ примѣръ искаженія молитвы.

Но вернемся еще къ прощамъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ прощъ, извѣстныхъ мнѣ, упомяну прежде всего Марыну горку въ Игуменскомъ уѣздѣ. Проѣзжая по Либаво-Роменской жел. д., вы видите здѣсь, на 3-й станціи отъ Минска, прекрасную каменную церковь на пригоркѣ, среди рощи. Эта церковь вся построена на приношенія богомольцевъ и еще часть оставшихся суммъ пошло на устройство здѣсь-же прекраснаго ремесленнаго училища. Предметомъ поклоненія теперь здѣсь служитъ икона Божьей Матери, но по преданію тутъ была прощa на холмѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около мѣстечка Смиловичи того-же уѣзда, есть Святая горка; тамъ находится камень со знакомъ, похожимъ на человѣческій слѣдъ. Этотъ камень долго служилъ предметомъ поклоненія, а теперь тамъ церковь. Преданіе гласитъ, что шли нѣкогда три Богородицы, ища себѣ мѣста, гдѣ бы объявиться. Одна пошла въ Дудичи, другая въ Новоселки, а третья въ Ляды (въ поименованныхъ мѣстахъ теперь находятся чудотворныя иконы Богородицы). Послѣдняя, т. е. Ляданская, остановилась отдыхать на горкѣ между Смиловичами и Лядами, гдѣ и оставила свой слѣдъ на камнѣ. Первымъ чудомъ ея здѣсь было исцѣленіе помѣщика, случайно ослѣпшаго. Онъ спалъ на этой горкѣ и видѣлъ во снѣ, будто къ нему подошла Богородица, коснулась его глазъ, и онъ проснулся зрячимъ. Увѣряютъ, что это неожиданное исцѣленіе — фактъ дѣйствительный и не особенно давній. — Подобнымъ уваженіемъ пользуется камень, находящійся около Новогрудка, съ изображеніемъ какихъ то слѣдовъ, какъ будто пятки и пальцевъ. Пальцы — это, по народному вѣрованію, слѣдъ Богородицы, а пятка — слѣдъ чорта, который гнался за нею, но не могъ догнать: она скрылась въ ближайшій монастырь, гдѣ стала оказывать чудеса. Къ этому камню также стекаются крестьяне на поклоненіе, кладутъ деньги, воскъ, лѣнъ и т. п., молятся и цѣлуютъ слѣдъ Богоматери, а на слѣдъ чорта плюютъ, при

чемъ нерѣдко происходятъ ошибки: гдѣ нужно цѣловать, туда плюютъ, и наоборотъ. Другіе иначе объясняютъ знаки на этомъ камнѣ: будто во время нашествія шведовъ передовой шведскій отрядъ оставилъ этотъ знакъ, чтобы послѣдующіе отряды знали, куда направились шведы. Камень съ подобіемъ человѣческаго слѣда есть еще на полдорогѣ изъ г. Слуцка въ мѣстечко Грозовъ. Увѣряютъ, что это слѣдъ св. Николая, который, шелъ въ ближайшую церковь, чтобы тамъ творить чудеса.

Въ разныхъ мѣстахъ западной окраины, въ особенности въ Виленской губерніи, существуютъ подобные камни съ болѣе или менѣе явственными знаками, похожими на оттискъ человѣческой ноги, чаще всего принимаемый народомъ за слѣдъ Богородицы; напримѣръ: въ Ошмянскомъ у., при большой дорогѣ изъ Трокъ въ Ольшаны, въ Лидскомъ у. при д. Мейры, въ Трокскомъ у. въ имѣніи Микишки на правомъ берегу Виліи, въ Виленск. у. Эти камни были когда-то описаны А. Киркоромъ въ его этнографическомъ описаніи Виленской губ. (Этнографич. Сборникъ, изд. Имп. Рус. Географич. Общества, вып. 3. Спб. 1858). Были случаи, что эти камни разбивались на куски по приказанію властей, но народъ опять ихъ складывалъ, или же приписывалъ каждому обломку такую же чудесную силу.

Немалымъ уваженіемъ и почитаніемъ пользуются также камни съ надписями, въ особенности если надпись непонятна для народа. Такіе памятники называются „писанными камнями“. Мнѣ встрѣтился такой камень по дорогѣ изъ г. Слуцка въ Бобруйскъ въ Новодорожской волости, близь деревни Пастовичи. Онъ довольно большихъ размѣровъ и кругомъ покрытъ высѣченными надписями, которыя никому до сихъ поръ, равно какъ и мнѣ, не удалось прочесть. Около него крестъ, на камнѣ икона.

Кромѣ камней, большимъ почитаніемъ пользуются еще ключи, источники.

По дорогѣ изъ Бобруйска въ Могилевъ при р. Алѣ, въ урочищѣ Вольскъ, Качеричскаго прихода, есть приписная церковь съ мѣстночудотворной иконой Божьей Матери. Преданіе говоритъ, что жили два брата Кондрата по прозванію Сокоры; младшій былъ тяжко боленъ. Во снѣ ему Богородица указала ключъ (крыницу), отъ котораго онъ получилъ исцѣленіе, въ память чего и поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ. Открылась прòща, посыпались приношенія, и въ 63 г. выстроена здѣсь большая церковь на одни эти пожертвованія. Въ Минскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Ракова, есть прòща-ключъ. Слѣпой старикъ нашелъ его по тайному голосу Богородицы и исцѣлился отъ него. Въ Слуцкомъ у., около села Доросина, находится прòща-колодецъ. Два раза въ годъ, 1-го авг. (Маккавей) и въ Преполовеніе, здѣсь бываетъ громадное стеченіе народа, совершается служба съ водосвятіемъ, и каждый беретъ себѣ запасъ цѣлебной воды. Можетъ быть, дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ ключей, почитающихся святыми, имѣютъ цѣлебныя свойства, такъ-же какъ и нѣкоторыя озера, напр. оз. Свитязь въ Новогрудскомъ уѣз., воспѣтое Мицкевичемъ, куда привозятъ больныхъ для купанія, иногда даже въ холодную пору. Нѣтъ возможности перечислить всѣ подобныя мѣста; если бы имъ составить списокъ по всей губерніи, то ихъ навѣрно оказались бы десятки, если не сотни.

Рядомъ съ этимъ множествомъ мнимо святыхъ мѣстъ существуетъ въ Бѣлоруссіи такое-же множество мнимо-святыхъ дней, въ которые считается грѣхомъ работать, несмотря на то, что эти дни не освящены церковью и называются „присвятками“, т. е. полупраздниками при большихъ праздникахъ; въ иные же дни, какъ напр. въ середу и пятницу послѣ новолунія, не приступаютъ только къ особенно важнымъ дѣламъ. Вообще эти празднованія больше всего выпадаютъ на долю середы и пятницы, слѣдующихъ за большими праздниками. Такъ, напримѣръ, на Святой празднуется „градовая“ середа и пятница (иначе ледоватый день), чтобы лѣтомъ поля не страдали отъ градобитія.

Еще празднуются пятницы: 1) послѣ Рождества Хр., 2) на масляницѣ, 3) послѣ Троицы—среда и пятница, такъ называемая „сему́ха“, 4) на 10-й недѣлѣ послѣ Пасхи, т. н. „дзесяту́ха“, также отъ града. Іезуиты сумѣли примѣнить къ этому послѣднему народному празднику свое главное церковное торжество въ честь sanctissimi cordis Jezu, и этимъ еще болѣе упрочилось уваженіе народа къ этому дню, къ „дзесяту́хѣ“. Нѣчто подобное сдѣлала наша церковь, примѣнивъ къ народному празднованію девятаго четверга, или „дзевятника“, церковное торжество въ память воссоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковью. „Дзевятникъ“ — важный праздникъ еще и потому, что въ этотъ день народъ приноситъ въ церковь травы и вѣнки для освященія къ Ивану-Купалѣ. Католики и уніаты праздновали девятникъ въ честь тѣла Господня и совершали крестные ходы съ большими церемоніями. Празднуется также и десятый четвергъ по Пасхѣ—„дзесятникъ“.

Среда и пятница, какъ дни, посвященные

воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковью, и народомъ. Но у народа это почитаніе уже съ давнихъ поръ имѣло нѣкоторый нехристіанскій оттѣнокъ. По пятницамъ, по народному повѣрью, не должно ни прясть, ни пахать, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пескомъ. Здѣсь видимъ олицетвореніе пятницы, о чемъ будетъ сказано еще ниже. Въ „Регламентѣ“ указывается на существовавшій обычай „водить простоволосую жонку, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары“. Во времена Грознаго, какъ видно изъ Стоглава, ходили „по погостамъ и по селомъ и по волостемъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія (съ греч. воскресеніе) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ кануны завѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменья (камина) не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзскіе дѣла творити“. Соборъ предалъ проклятію всѣхъ этихъ лжепророковъ, но почитаніе дня пятницы этимъ не прекратилось, да и не могло быть прекращено.

По рукамъ старинныхъ грамотныхъ людей ходило множество списковъ такъ называемаго преданія о 12 пятницахъ. Въ этомъ апокрифическомъ писаніи перечислялись 12 пятницъ въ году, въ которыя будто бы не слѣдуетъ работать подъ страхомъ тяжкаго грѣха; это именно пятницы: 1) 6-го марта, 2) предъ Благовѣщеньемъ, 3) на Страстной недѣлѣ, 4) предъ Вознесеніемъ, 5) предъ Пятидесятницей, 6) предъ Петровымъднемъ, 7) предъ Успеньемъ, 8) предъ Усѣкновеніемъ главы Предтечи, 9) предъ Воздвиженіемъ, 10) предъ днемъ Михаила Архангела, 11) предъ Рождествомъ Христ., 12) по Рождествѣ. Съ каждою изъ этихъ пятницъ соединяется какое-нибудь воспоминаніе преимущественно о ветхозавѣтномъ событіи, и въ этомъ нельзя не видѣть слабаго отголоска іудейства; между прочимъ, имя Параскевы-Пятницы объясняется также тѣмъ, что Параскева по гречески значитъ „приготовленіе“, а у іудеевъ пятница есть именно приготовленіе къ празднованію субботы. Перечисленныя пятницы, по словамъ того-же ложнаго писанія, „подобаетъ блюсти постомъ и молитвою и пѣніемъ, единою днемъ хлѣба вкусити, аще мощно, то и милостыню творити убогымъ. А отъ плотскыхъ похотій грѣховныхъ сохранитися; аще ли кто въ ты пятницы зачнется, нездравъ бываетъ: любо хромъ, любо слѣпъ, или иною вещію прокаженъ, или тать, или разбойникъ, злу начальникъ“ и пр. Въ настоящее время особенно въ ходу такіе листки у раскольниковъ, при чемъ тамъ указывается цѣль празднованія каждой пятницы отдѣльно. Вотъ какія могутъ быть самыя разнообразныя причины, обусловливающія то или другое явленіе въ духовной жизни народа.

Интересно то, что, по понятіямъ народа, большинство присвятковъ имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ, къ пашнѣ; работая на ней въ праздникъ, можно накликать на нее бѣду въ видѣ неурожая, градобитія, засухи и т. п. Но при этомъ имѣется въ виду только земля, принадлежащая христіанину. Работать на собственной землѣ въ неважный полупраздникъ нельзя, но на еврейской можно. Если на землѣ, принадлежащей христіанину, но арендованной евреемъ, работаютъ въ христіанскій праздникъ, хотя бы только сами евреи, то это все таки можетъ навлечь гнѣвъ Божій на собственника земли. До того доходитъ иногда это уваженіе къ землѣ, что, напримѣръ, католики, поселившіеся на землѣ, принадлежавшей русскимъ, считаютъ долгомъ совѣсти хранить, хотя отчасти, русскіе праздники и посты, а равно и давать въ церковь на поминовеніе прежнихъ владѣльцевъ, обливавшихъ своимъ потомъ ихъ землю; православные, осѣвшіе, такъ сказать, на католическомъ грунтѣ, поминаютъ прежнихъ его собственниковъ въ костелѣ. Это бывало особенно часто въ прежнее время, когда въ Бѣлоруссіи было больше костеловъ и вообще польское вліяніе было сильнѣе.

Въ числѣ наказаній за несоблюденіе праздниковъ самое страшное — это обращеніе виновнаго въ камень. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Житина въ Осиповичи, около с. Кринки указываютъ камень, называемый „волами“. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ вышелъ пахать въ Свѣтлый праздникъ и обратился въ камень вмѣстѣ съ волами и сохой. Впрочемъ этотъ разсказъ варьируется на разные лады. Въ безформенномъ камнѣ народъ усматриваетъ фигуру пахаря, воловъ и т. д. Указываютъ тутъ-же и другіе камни, имѣющіе какъ будто форму птицъ, напр. утки, и считающіеся таинственными, обладающими какою-то силой. Разсказовъ и преданій объ окаменѣніи за ослушаніе волѣ Божьей живетъ не мало среди бѣлоруссовъ и всѣ они, безъ сомнѣнія, составляютъ отголосокъ далекой старины, такъ какъ этотъ мотивъ мы

знаемъ и изъ ветхаго завѣта, изъ окаменѣнія жены Лота. Слѣдуетъ замѣтить еще, что по понятіямъ бѣлоруссовъ, не столько Богъ наказываетъ за ослушаніе его волѣ, сколько мститъ самый праздникъ за неуваженіе къ нему. Каждый праздникъ и даже дни недѣли бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ олицетворенномъ видѣ. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ, который мнѣ случилось услышать отъ одной старухи. Шли три женщины: св. Пятница, св. Суббота и св. Недѣля. Самая красивая, нарядная и веселая изъ нихъ была именно Суббота, между тѣмъ, какъ двѣ другія были грустны, заплаканы и отрепаны; Пятница была вся въ ранахъ, истыкана, исцарапана, а о Недѣлѣ ужъ и говорить нечего: на ней живого мѣста не оставалось,—одни раны и синяки, а платье все въ клочкахъ. Всему этому причиною люди; они не чтятъ, какъ слѣдуетъ, пятницы и воскресенья и этимъ заставляютъ страдать свв. Пятницу и Недѣлю. Шьетъ-ли баба въ пятницу; она колетъ св. Пятницу; работаетъ-ли крестьянинъ топоромъ въ воскресенье или заводитъ драку въ пьяномъ видѣ — онъ наноситъ раны и побои св. Недѣлѣ. Одна только св. Суббота живетъ весело и спокойно, потому что евреи во всей строгости хранятъ посвященный ей день.

Кромѣ обращенія въ камень есть еще и другіе способы наказанія за несоблюденіе праздниковъ. Болѣзнь и смерть—это второй послѣ окаменѣнія самый страшный родъ наказанія ослушниковъ воли Божьей; иногда эти наказанія распространяются даже на все семейство виновнаго и на скотъ. И вообще это самое обычное, по понятіямъ бѣлорусса, наказаніе за всякое тяжкое преступленіе. Такъ, напр., если кто украдетъ съ поля соху у сосѣда или другое хозяйственное оружіе, то у виновнаго подохнутъ волы, не будетъ вестись скотъ въ теченіе семи лѣтъ и наконецъ самъ онъ заболѣетъ или умретъ. Поэтому-то такъ рѣдки случаи воровства среди бѣлоруссовъ: ульи въ лѣсахъ стоятъ безопасно, хлѣба въ копнахъ никто не тронетъ подъ страхомъ смерти, лошади спокойно остаются ночью на дворѣ. Конечно нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было кражъ; еслибъ не было такихъ случаевъ, то не за чѣмъ было бы придумывать бѣлоруссу такое страшное наказаніе ворамъ. Добрые старые обычаи и патріархальныя отношенія начинаютъ сильно рушиться и въ глухой Бѣлоруссіи.

Въ послѣднее время особенно часто слышатся жалобы на старовѣровъ, въ особенности въ Игуменскомъ у., гдѣ ихъ поселилъ на своей землѣ б. рижскій губернаторъ, генералъ Шевичъ. Они очень часто попадаются въ дерзкихъ кражахъ и грабительствахъ, и крестьяне-бѣлоруссы ненавидятъ ихъ до глубины души. Когда встрѣчается старовѣръ, котораго они тотчасъ узнаютъ по длиннополой одеждѣ и бородѣ, они пальцами въ него тыкаютъ и ругаютъ въ голосъ „кацапомъ“ и другими бранными словами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Кояловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлоруссіи высказывалъ какъ-то жалобы на уменьшеніе великорусскаго элемента среди населенія этого края. Если рѣчь идетъ о выселеніи оттуда старовѣровъ, то объ уменьшеніи этого вреднаго элемента сожалѣть нечего. Не думайте, однако, чтобы я хотѣлъ представлять самого бѣлорусса безпорочнымъ, хотя бы даже относительно воровства. Онъ, конечно, не пойдетъ въ домъ красть деньги, не взломаетъ амбаръ, не уведетъ лошадь, развѣ за рѣдкими исключеніями; но, напримѣръ, чужое дерево, если оно не загорожено, трава чужая, особенно въ лѣсу, не считаются неприкосновенными, и въ этомъ отношеніи нерѣдко нарушаются права собственности; въ особенности помѣщики часто жалуются на кражи крестьянами строеваго лѣса и дровъ изъ лѣсу, также на потраву луговъ. Нерѣдко крестьяне высказываютъ ту мысль, что вся земля должна принадлежать народу, и потому еще болѣе считаютъ себя вправѣ присвоивать себѣ собственность помѣщиковъ и казны. Впрочемъ, большею частью это дѣлается по необходимости. За скудостью собственнаго надѣла, крестьянину часто некуда дѣваться со скотомъ, и онъ пасетъ его на чужомъ участкѣ; вслѣдствіе расчистки лѣса подъ пашню, ему иногда не изъ чего возвести самую пустячную постройку, и онъ тащитъ потихоньку лѣсъ отъ помѣщика или отъ казны. Случаются иногда и бунты крестьянъ въ Бѣлоруссіи подъ вліяніемъ разныхъ подстрекателей. И не удивительно. Приведенный выше случай изъ Игуменскаго уѣзда служитъ иллюстраціей къ этому. Всякій пройдоха можетъ безъ труда провести и эксплоатировать легковѣрнаго, безграмотнаго бѣлорусса, и онъ же еще будетъ защищать предъ вами своего эксплоататора. Заговорите вы съ нимъ, напр., про какого-нибудь фактора-еврея, у котораго онъ весь въ рукахъ; онъ вамъ скажетъ: „да вѣдь еврей еще бѣднѣе меня; если бы евреи тянули съ мужиковъ деньги, то они и были бы у нихъ; а какія у еврея деньги? Иной, можетъ быть, два дня не ѣвши бѣгаетъ, а ужъ оборваны всѣ—тѣло видно! А вотъ, что

жидъ во всякой бѣдѣ поможетъ,—это правда; недаромъ говорится: якъ бѣда, то до жида". Такое разсужденіе мнѣ пришлось услышать самому отъ крестьянина въ Слуцкѣ, на ярмаркѣ.

Итакъ, пусть не удивляется читатель, если я нахожу возможнымъ, на основаніи личныхъ наблюденій, сказать прямо, что простой бѣлорусскій народъ очень рѣдко высказываетъ жалобы на то, что онъ терпитъ отъ евреевъ зло. Сознаетъ ли онъ это зло или нѣтъ,—это другой вопросъ; но мнѣ кажется, что общая нужда, постоянная борьба изъ-за насущнаго хлѣба, гнетущія экономическія условія, въ какихъ приходится жить и крестьянину, и простому еврею,—все это какъ то приводитъ всѣхъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, заглушаетъ всякіе другіе вопросы какъ религіозные, такъ и національные. Присматриваясь лично къ взаимнымъ отношеніямъ бѣлорусскаго народа и евреевъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ крестьянъ о евреяхъ, вы не замѣтите той непримиримой вражды, того антагонизма, о которомъ вы такъ часто привыкли слышать отъ другихъ.

Ни одинъ крестьянинъ, конечно, не станетъ отрицать отдѣльныхъ случаевъ грубаго нахальства, дерзости, обмана, явнаго обирательства со стороны евреевъ, какъ класса преимущественно торговаго; но это не мѣшаетъ добродушному бѣлоруссу миролюбиво и даже черезъ-чуръ довѣрчиво относиться къ евреямъ вообще. Чтобы вѣрнѣе судить объ этихъ отношеніяхъ, не надо упускать изъ виду еще одну очень характерную черту бѣлорусскаго народа. Бѣлоруссъ, какъ и малоруссъ, очень скептически и неодобрительно относится къ занятію торговлею вообще. Всю жизнь копаясь въ землѣ и изъ нея добывая себѣ пропитаніе въ потѣ лица, онъ смотритъ на торговлю, какъ на барышничество, и никакъ не можетъ одобрить такого занятія, при которомъ приходится жить исключительно „выручкою" съ другого. И согласно съ этимъ, нельзя не замѣтить, что недовольство бѣлоруссовъ скорѣе всего могутъ возбудить евреи, занимающіеся мелкою торговлею. Напротивъ, разъ еврей занимается какимъ нибудь другимъ, по понятіямъ народа, болѣе благороднымъ промысломъ, бѣлоруссъ ничего противъ него не имѣетъ и всегда отдаетъ справедливость при оцѣнкѣ честнаго труда еврея. Ремесленный классъ евреевъ, составляющій также не малый процентъ сравнительно съ торговымъ, всегда пользуется бо́льшимъ уваженіемъ со стороны бѣлоруссовъ.

Но что всего болѣе можетъ удивить посторонняго наблюдателя, мало знакомаго съ жизнью западнаго края, это—необыкновенная довѣрчивость народа къ евреямъ. Мнѣ случалось встрѣчать лицъ, которыя, по назначеніи на службу въ Бѣлоруссію, ѣхали туда впервые ни болѣе ни менѣе, какъ съ тою мыслью, чтобы спасать бѣлоруссовъ отъ жидовства и заранѣе приготовляли, такъ сказать, свои уши и нервы, чтобы быть въ состояніи выносить народные стоны и вопли подъ заѣдающею еврейскою массою. И каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что тотъ самый мужикъ, которому они желали протянуть руку помощи, относится къ нимъ съ какимъ-то подозрѣніемъ, бѣжитъ отъ нихъ и всегда охотнѣе обратится за совѣтомъ и за помощью къ знакомому еврею, чѣмъ къ какому бы то ни было „пану". Такъ или иначе, а приходится сознаться, что къ лапсердаку мужикъ до сихъ поръ имѣетъ больше довѣрія, чѣмъ къ сюртуку, подъ которымъ онъ скорѣе склоненъ подозрѣвать своего тайнаго врага. И это недовѣріе и нерасположеніе замѣчается не только къ людямъ пріѣзжимъ, чиновнымъ, оффиціальнымъ, но и къ частнымъ и притомъ хорошо знакомымъ, напр. къ помѣщикамъ, хотя бы они желали добра народу. И замѣчательно, что именно еврей служитъ большею частью для мужика какимъ то авторитетомъ. Если крестьянину придется выслушать отъ помѣщика или чиновника какой-нибудь полезный совѣтъ, услышать какую-нибудь важную новость, для провѣрки всего этого онъ отправится прежде всего къ какому-нибудь знакомому шинкарю-еврею. Если помѣщикъ будетъ самъ нанимать подводы для возки дерева, то крестьяне потребуютъ съ него рубля по полтора; если же наемъ будетъ производиться черезъ шинкаря или другого фактора-еврея, то они согласятся взять не болѣе какихъ-нибудь 75 копеекъ. Такіе факты происходили, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Еврей угоститъ мужиковъ водкой, пообѣщаетъ кое кому вычеркнуть какой-нибудь ничтожный долгъ или позволитъ повременить его уплатою, посулитъ впередъ помогать имъ, стоять за нихъ горой передъ помѣщикомъ и т. д., и они готовы исполнить за полцѣны ту-же работу, за которую желали получить вдвое больше; другая половина или хоть часть этой платы въ томъ или иномъ видѣ идетъ, конечно, въ пользу фактора, въ видѣ награды отъ помѣщика.

Во всѣхъ подобныхъ сдѣлкахъ всемогущимъ двигателемъ является водка. Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастье бѣлорусса, его разоръ! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой гибельной слабостью бѣлорусса

для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, по пословицѣ: „свои люди—сочтемся“, дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги, такъ какъ деньгами бѣлоруссъ не въ состояніи платить: ихъ у него нѣтъ и въ поминѣ, и продукты хлѣбопашества составляютъ для него единственно-возможный способъ расчета.

Кому случалось быть на ярмаркѣ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ, тотъ особенно наглядно можетъ представить себѣ, какъ сильно вкоренилась въ бѣлорусскомъ народѣ склонность къ пьянству и какъ гибельно отзывается этотъ порокъ на народномъ благосостояніи. Въ эту мою поѣздку мнѣ пришлось наблюдать въ одномъ мѣстечкѣ много печальныхъ ярмарочныхъ сценъ, которыя закончились прискорбной картиною. Была ярмарка наканунѣ шабаша, и вотъ, съ наступленіемъ захода солнца, евреи засуетились еще пуще, стали запирать лавченки; проползъ по площади старикъ, зовущій визгливымъ голосомъ въ синагогу, и ярмарка прекратилась. Я былъ за городомъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ изъ мѣстечка въ видѣ радіусовъ къ деревнямъ, потянулись крестьянскія телѣги и группы пѣшеходовъ. Въ каждой телѣгѣ вы видите пьянаго мужика, который уже не въ состояніи удержать вожжей; баба правитъ лошадью и заливается слезами отъ побоевъ и оскорбленій пьянаго мужа или отца, или оттого, что онъ пропилъ всѣ деньги, которыя предназначались на подать или хозяйственныя необходимости. Рядомъ ѣдетъ телѣга, нагруженная цѣлой кучею мужиковъ и бабъ; всѣ они пьяны до крайности, орутъ всевозможныя срамныя пѣсни, бранятся, ругаются и наконецъ дерутся. Присматриваетесь къ кучкѣ пѣшеходовъ и видите то-же самое: пьяные ведутъ подъ руки одни другихъ, сопровождая свое шествіе такимъ-же аккомпанементомъ, или же сваливаются въ канаву, гдѣ спятъ до утра; и это еще лучшій исходъ: по крайней мѣрѣ, домашніе спасены отъ буйства, которымъ всегда сопровождается возвращеніе съ ярмарки.

Я вошелъ въ центръ города, и тутъ опять тѣ же сцены: бабы подымаютъ съ мостовой пьяныхъ мужиковъ, или плачутъ, убиваясь надъ лошадьми; пьяные бредутъ спотыкаясь, сами не зная куда, а въ вертепахъ пьянства — трактирахъ, которые остаются незакрытыми и въ шабашъ съ наемной христіанской прислугой, идетъ неустанный гомонъ, пѣсни, брань, драка, пока наконецъ всѣхъ пьяныхъ не вытолкаютъ оттуда на улицу, хотя бы и деньги не были заплачены: онѣ не пропадутъ, шинкарь въ томъ увѣренъ. И какъ больно и тяжело на душѣ, когда рядомъ съ этимъ развратомъ видишь, какъ трезвые евреи съ книгами и своими пестрыми покрывалами подъ мышкой чинно, молча направляются вереницами въ синагогу, старые и малые, начинаютъ тамъ молиться во весь голосъ, какъ бы стараясь заглушить своимъ благочестивымъ крикомъ оргіи близлежащихъ трактировъ. И вотъ они возвращаются домой, окна освѣщаются, начинается трапеза со всею чинностью и скромностью, въ полномъ составѣ семьи и съ гордымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, своей правоты и благочестія.

— „Что-же дѣлается теперь въ тѣхъ мрачныхъ деревенскихъ избенкахъ, куда возвратились съ ярмарки пьяные члены семьи?“ думалось мнѣ, когда я въ сумерки проходилъ по улицамъ городка, освѣщаемымъ изъ оконъ шабашевыми огнями. Грубая брань, драка, плачъ испуганныхъ дѣтей, ломка и битье всего, что ни попадется подъ руку,—вотъ эпилогъ печальной драмы, разыгрывающійся уже въ избѣ, въ семьѣ. А тамъ болѣзни, какъ послѣдствія пьянства, поврежденія, нанесенныя себѣ и другимъ въ нетрезвомъ видѣ; еще далѣе—судебные процессы, наконецъ разореніе, нищенство, голоданіе...

Подъ впечатлѣніемъ всего этого невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели славянская натура бѣлорусса, не смотря на поддержку высокихъ христіанскихъ началъ, настолько все-таки дрябла и слаба, что не можетъ противостоять деморализаціи, не можетъ дать отпора заѣдающей ее средѣ? Вѣдь низшій классъ еврейства находится никакъ не въ лучшихъ, если не въ худшихъ, экономическихъ условіяхъ, чѣмъ нашъ мужикъ, и точно такъ-же непросвѣщенъ; а между тѣмъ бѣдность и нищета не погружаютъ его въ развратъ и не убиваютъ въ немъ энергіи и бодрости. Еврей, въ какихъ бы трудныхъ условіяхъ ему ни приходилось жить, остается вѣчно дѣятельнымъ и не только не даетъ себя забрать въ руки другому, особенно мужику, но самъ сумѣетъ при удобномъ случаѣ взять надъ нимъ верхъ и вертѣть имъ, какъ ему заблагоразсудится.

Главное преимущество еврея предъ мужикомъ это—твердое и неуклонное исполненіе своихъ правилъ и предписаній, а затѣмъ, что еще важнѣе, житейская опытность и умѣнье

пользоваться обстоятельствами. Круглый день еврей, подобно древнему греку, живетъ на площади своего мѣстечка, трется между людьми всякаго званія и состоянія и этимъ путемъ достигаетъ такой практичности и опытности, которая ему вполнѣ замѣняетъ образованіе и до которой деревенскому мужику никогда не дойти. Онъ болѣе или менѣе знаетъ всякія правила, постановленія и законы, знаетъ, какъ приступить къ какому человѣку, будетъ-ли то частное лицо или начальникъ, или чиновникъ, знаетъ чѣмъ на него подѣйствовать, и въ случаѣ возникновенія какого нибудь дѣла сумѣетъ его скорѣе выиграть при помощи своихъ многочисленныхъ друзей, изъ которыхъ каждый представляетъ собою ходячую энциклопедію свѣдѣній относительно всѣхъ и каждаго. Поэтому то такой силою пользуются въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ бѣлорусскихъ разные ходатаи по дѣламъ и „адвокаты“, большею частью изъ евреевъ. Это люди, часто получившіе только начальное образованіе, люди пытавшіеся было выбиться изъ мелкой торгашеской среды, но почему-нибудь оборвавшіеся и не имѣющіе ходу. Не смотря на свой низкій образовательный цензъ, они все-таки ведутъ дѣла, выступаютъ весьма дѣятельными и иногда полезными помощниками въ мелкихъ процессахъ, и этимъ кормятся и живутъ. Есть между ними люди болѣе или менѣе честные. Но за то, сколько же и обманщиковъ, продѣлки которыхъ даютъ матеріалъ для цѣлыхъ страницъ мѣстной ежедневной прессы, въ видѣ судебной хроники или частныхъ извѣстій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, бѣлоруссъ остается совершенно безпомощнымъ, безсильнымъ въ борбѣ съ неблагопріятными условіями жизни. Это общее впечатлѣніе, какое оставляетъ въ наблюдателѣ этотъ несчастный край,- впечатлѣніе далеко не выгодное. И какова должна быть живучесть этого народа, если вся эта совокупность отрицательныхъ условій не въ состояніи еще убить бѣлорусса, стереть его съ лица земли! Очевидно, что при всей своей нравственной дряблости, бѣлоруссъ обладаетъ достаточнымъ количествомъ просто силы животной, которая поддерживаетъ его существованіе и даетъ надежду на возможность совершенствованія. Кабы намъ хоть въ этомъ отношеніи помочь бѣлоруссу, постараться сохранить его физическую бодрость разумными заботами о народномъ здравіи. Я говорю именно о разумныхъ заботахъ, потому что до сихъ поръ наши старанія по части сельской медицины въ этомъ краѣ доводили часто до того, что народъ въ одинъ голосъ кричалъ на сельскомъ сходѣ: „Не надо намъ доктора! не надо больницы!“ И больницы закрывались, а вмѣсто докторовъ въ нихъ поселялись урядники и пр. Примѣры подобнаго рода печальныхъ фактовъ можетъ представить, напримѣръ, Игуменскій уѣздъ. Значитъ-ли это, что народъ не понимаетъ пользы медицинскаго лѣченія, какъ обыкновенно думаютъ? Нѣтъ, это значитъ только, что содержаніе докторовъ, фельдшеровъ и больницъ повело за собою лишніе расходы для крестьянскихъ обществъ, а всякій новый налогъ, хотя бы самый ничтожный, является для бездольнаго бѣлорусса лишнимъ ударомъ по головѣ. Лучшія доказательства въ пользу этого могли бы дать тѣ молодые медики, которые, оканчивая медицинскій факультетъ, пробуютъ на каникулахъ въ деревнѣ заниматься практикой для собственнаго упражненія безъ всякаго вознагражденія: ихъ крестьяне, что называется, рвутъ на части, приглашая на перерывъ къ больнымъ или привозя больныхъ къ нимъ на-домъ. Увѣрить бѣлорусса, какъ и всякаго крестьянина, въ пользѣ медицины очень не трудно: два-три случая удачнаго излѣченія совершенно достаточны, чтобы докторъ не имѣлъ отбоя отъ больныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ все-таки долго будутъ держаться и разныя домашнія, симпатическія, знахарскія средства, которыя вкоренились въ народѣ, именно благодаря отсутствію дѣйствительной медицинской помощи. Употребленіе ихъ тѣмъ труднѣе можетъ быть прекращено, что оно во многихъ случаяхъ тѣсно связано съ народными вѣрованіями, съ извѣстными представленіями о болѣзняхъ, и облечено таинственностью, которая невольно поражаетъ воображеніе простого, необразованнаго крестьянина. Мы должны здѣсь считаться волей неволей съ вѣковыми традиціями, и современный медикъ, вооруженный положительнымъ знаніемъ не станетъ требовать внезапнаго искорененія этихъ традицій, помня, что даже такой великій переворотъ въ умственной и нравственной жизни народа, какъ введеніе христіанства, не могъ сразу изгладить въ народной памяти все прошлое и заставить забыть все съ чѣмъ народъ сжился. Въ понятіяхъ бѣлорусса, какъ мы видѣли, священникъ и до сихъ поръ иногда замѣняетъ знахаря, и кто знаетъ, не тѣ-ли-же полуязыческіе взгляды и убѣжденія заставляютъ бѣлорусса и въ разныхъ болѣзняхъ прибѣгать подъ охрану церкви, къ помощи священника или даже внѣшнихъ аттрибутовъ его сана

такъ какъ и вообще религію онъ понимаетъ почти исключительно во внѣшнемъ, вещественномъ, осязательномъ смыслѣ. Болитъ ли у него рука или нога, онъ жертвуетъ тому или другому святому слѣпокъ, рѣзное или шитое изображеніе болящаго члена; падаетъ ли скотъ, онъ вѣшаетъ въ церкви изображеніе коровы и т. п. Разные священные и церковные предметы въ особенности имѣютъ для бѣлорусса цѣлительное значеніе. Такъ, во время большого выхода съ дарами, страдающіе глазами стараются протереть ихъ епитрахилью; даже прикосновеніе къ ризѣ считается часто предохраняющимъ отъ болѣзней, — обычай, явившійся, конечно, уже подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи кровоточивой. Не мало есть курьезныхъ способовъ лѣченія, такъ или иначе связанныхъ съ церковью. Такъ, напримѣръ, въ предупрежденіе разныхъ болѣзней бѣлоруссъ при выходѣ крестнаго хода изъ церкви ложится у церковныхъ дверей для того, чтобы священникъ перешагнулъ черезъ него; въ великій четвергъ во время чтенія евангелій онъ завязываетъ 12 узелковъ на суровой ниткѣ и опоясывается ею отъ лихорадки. Нельзя однако не замѣтить, что постепенное исчезновеніе старинныхъ народныхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ же быстро, какъ и паденіе другихъ обычаевъ старины. Школа и духовенство имѣютъ въ данномъ случаѣ самое сильное вліяніе на народные умы. Церковь вмѣняетъ въ обязанность пастырямъ искоренять всякіе отголоски язычества въ народѣ, и многіе священники дѣйствительно могутъ похвастать тѣмъ, что они вполнѣ успѣли въ этомъ; хотя съ другой стороны этотъ успѣхъ часто бываетъ только кажущійся, чисто внѣшній.

Въ видѣ небольшого отступленія приведу здѣсь мой разговоръ съ однимъ бѣлорусскимъ батюшкой по этому вопросу. Спросилъ я вообще, нѣтъ-ли у мѣстныхъ прихожанъ какихъ-нибудь особенныхъ обычаевъ. Вопросъ показался подозрительнымъ, и отвѣтъ былъ отрицательный. Батюшка, очевидно, готовъ былъ видѣть во мнѣ опаснаго человѣка, пріѣхавшаго поразвѣдать, насколько духовенство рачительно къ своей паствѣ, и донести куда слѣдуетъ.

— Нѣтъ-ли какихъ-нибудь остатковъ язычества?—пытаюсь я еще спросить.

— Язычества? переспросилъ батюшка съ нѣкоторымъ испугомъ. Неужели вы, пріѣхавши изъ столицы въ напе захолустье, думаете, что ужъ мы тутъ и истиннаго Бога забыли и покланяемся какому нибудь Перуну? Нѣтъ, господинъ добрый, мы помнимъ о Богѣ и вѣруемъ въ Него по простотѣ душевной; а язычники тѣ, которые мнятъ себя очень умными и говорятъ, что нѣтъ Бога. У насъ, слава Богу, такихъ нѣтъ.

— Да вы, батюшка, не такъ меня поняли. Вѣдь, знаете, есть въ народѣ вездѣ, не только здѣсь, много такихъ обрядовъ, которые, очевидно, остались отъ очень давняго времени и которые никакъ не могутъ быть признаваемы христіанскими, хотя бы, напримѣръ, празднованіе Ивана Купалы съ обрядовыми огнями и пр.

— Иванъ Купала? Такъ это просто обычай необразованнаго народа, а не язычество. Какое-же тутъ язычество? Вы, господинъ добрый, пожалуй поѣдете тамъ куда нибудь да наговорите или напишите, чего у насъ вовсе нѣтъ, а потомъ къ намъ будутъ летѣть циркуляры съ вопросами: „какіе у васъ тамъ развелись язычники?“

— Помилуйте, батюшка, за кого же вы меня принимаете?

— Да я не про васъ собственно; а только ничего у насъ этого нѣтъ. Можетъ быть, тамъ по другимъ приходамъ и есть что-нибудь такое, не знаю; но въ моемъ приходѣ этого нѣтъ: я стараюсь все искоренить, если что такое заведется. Я вѣдь не даромъ живу на приходѣ и жалованіе получаю. Я вотъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ и, слава Богу, свои обязанности знаю, ничего такого не позволю въ своемъ приходѣ.

— А значитъ все-таки и вамъ, батюшка, приходится вести нѣкоторую борьбу?

— Да, знаете, были въ прежнее время и здѣсь разные такіе обычаи или обряды, какъ вы ихъ называете. Теперь, конечно, нѣтъ, но были, и мнѣ приходилось съ ними воевать.

— Это очень любопытно. Въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, только строгостью и можно чего-нибудь достигнуть,—стараюсь я поддѣлаться къ батюшкѣ.

— Да, истинно. Съ простымъ народомъ, знаете, иначе нельзя; а поприжать немножко, онъ и оставитъ свои дурныя привычки. Вотъ вы вспомнили про Купала. У насъ тоже все это было, и огни, и купанье, и пѣсни. Такъ вотъ бывало узнаешь, что какая-нибудь дѣвушка прыгала съ парнемъ черезъ огонь,— и не станешь ихъ вѣнчать, когда вздумаютъ жениться: другимъ наука. А то еще, напримѣръ, у насъ Рождество называли всегда Колядою: все Коляда, да Коляда, а по-христіански никто и не назоветъ. Я, знаете, и въ проповѣди и въ разговорахъ объяснялъ, что нѣтъ у насъ такого святого, чтобы Коля-

дою назывался, — ничего не помогло; а какъ я не допустилъ одного-другого къ причастію за это самое названіе, такъ и стали всѣ называть Рождествомъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ боятся вспоминать Коляду.

Я хотѣлъ замѣтить, что изгнать изъ употребленія названіе обычая еще не значитъ искоренить самый обычай, но счелъ за лучшее воздержаться и продолжалъ слушать батюшку. Онъ разсказалъ еще, сколько труда ему стоило отучить своихъ прихожанъ надѣвать на умершихъ мужчинъ шапки. Теперь они по крайней мѣрѣ въ церковь не вносятъ покойниковъ въ шапкѣ, а только кладутъ ее сбоку.

Бесѣда наша была прервана приходомъ крестьянина, съ которымъ батюшка началъ говорить о какихъ то дѣлахъ и горячился. Крестьянинъ, повидимому, требовалъ отъ батюшки какого то противозаконнаго поступка (впослѣдствіи оказалось, что онъ хотѣлъ женить сына, которому еще не вышли года). Въ концѣ концовъ батюшка прочиталъ ему строгую нотацію и посовѣтовалъ лучше не доводить его до злости. Крестьянинъ предобродушно замѣтилъ на это, что ему нѣтъ никакого расчета ссориться съ батюшкой и что не даромъ говорится пословица: „Бога не гнѣви, а чорта не дразни“... Это мудрое житейское правило, примѣненное такъ некстати, готово было вызвать бурю. Но тутъ я вмѣшался въ разговоръ и, между прочимъ, замѣтивъ, что у крестьянина какой то очень болѣзненный видъ, сталъ разспрашивать его о здоровьѣ, при чемъ узналъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о взглядахъ народа на нѣкоторыя болѣзни. Оказалось, что крестьянинъ страдаетъ изнурительной хронической лихорадкой, и что именно его болѣзненность и заставила его думать о ранней женитьбѣ сына, хотя его хлопоты по этому дѣлу остались тщетными.

Въ вопросѣ о взглядахъ бѣлорусса на разныя болѣзни интереснымъ является олицетвореніе ихъ. Очень многія болѣзни бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ человѣческомъ образѣ, и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ, напримѣръ, желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею или, наконецъ, запугать ее. Лихорадку, напримѣръ, бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы или наоборотъ въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходитъ изъ подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на кого-нибудь спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Если это ей удастся, то она подкрадется къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не разстанется съ нимъ. Проснувшись, онъ чувствуетъ, что спалъ особенно сладко, и только впослѣдствіи непрошенная гостья начинаетъ заявлять свои права. Поэтому заботливыя матери, выводя своихъ дѣтей весною на солнце, предостерегаютъ ихъ главнымъ образомъ, чтобы они не заснули. Тутъ уже, безъ сомнѣнія, сказывается не одно только суевѣріе бѣлорусса, но и практическій опытъ. Нѣтъ ничего обманчивѣе первыхъ теплыхъ лучей весенняго солнышка, когда выглянетъ наружу изъ-подъ снѣга земля, протекутъ говорливые ручьи вешней воды, начнетъ показываться травка, въ воздухѣ раздастся веселая трель жаворонка. Сколько опьяняющаго въ этомъ возвращеніи весны! Такъ и клонитъ васъ ко сну подъ ласкающими лучами солнца. Вы готовы повалиться на ожившую мать-сыру землю, прильнуть своею полно-дышащею грудью къ ея груди и забыться въ сладкомъ упоеніи. И дѣйствительно вы засыпаете; солнышко, какъ бы подкрадываясь къ вамъ, нѣжно лобзаетъ васъ своими лучами, но эти лобзанія предательскія; они заставляютъ васъ забыть, что подъ вами земля, еще полная вредныхъ испареній, еще недостаточно осушенная отъ излишней сырости, и тогда-то къ вамъ незамѣтно, потихоньку прильнетъ страшное порожденіе этой земли, прикинувшись красавицей - незнакомкой. Такая лихорадка всего страшнѣе. Конечно, она можетъ пристать и при другихъ обстоятельствахъ, но самая неотвязчивая она бываетъ тогда, когда вы ее „приспите“ и какъ-бы признаете своею. „Приспать“ болѣзнь, по западно-русскому повѣрью, вообще очень опасно. Поэтому часто бываетъ, что когда кто начинаетъ жаловаться на недомоганіе, на головную боль и т. п., то стараются не дать ему заснуть не въ урочное время, авось скорѣе переможется.

Поселившись въ человѣкѣ, лихорадка очень неохотно оставляетъ его. Для того чтобъ ее выжить, употребляются разныя внутреннія средства, отличающіяся особенною горечью или противнымъ вкусомъ. Пьютъ, напримѣръ, крѣпкій настой полыни на спирту, настой изъ воробьинаго помета и т. п. Внутреннія средства употребляются именно въ томъ убѣжденіи, что лихорадка сидитъ внутри человѣка. Но есть и наружныя средства, напримѣръ, упомянутая выше нитка съ 12 узлами, служащая впрочемъ болѣе предохранительнымъ талисманомъ. Совѣтуютъ также носить

на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не засохнетъ; вмѣсто него употребляется также первое яйцо, снесенное насѣдкою послѣ того, какъ она бросила своихъ цыплятъ. Двѣнадцать узловъ на ниткѣ, конечно, стоятъ въ непосредственной связи съ народнымъ вѣрованіемъ въ существованіе 12-ти сестеръ-лихорадокъ, именуемыхъ дочерями царя Ирода, который и самъ представляется трясущимся, въ пословицѣ: „трасетца, якъ тэй Иродъ“; такъ говорятъ объ очень сердитомъ человѣкѣ, а также о скрягѣ. Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ паціента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Разсказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась. Другой сыгралъ съ нею еще лучшую штуку. Ко времени ея возвращенія онъ забрался подъ квашню, перевернутую вверхъ дномъ, а сверху на дно велѣлъ налить воды. Вдругъ слышится стукъ у двери — пришла. Домашніе кричатъ въ окно: „его нѣтъ дома“; но она все-таки вошла въ избу и окликаетъ старика. Онъ отзывается подъ квашней то съ одной стороны, то съ другой, а потомъ и затихъ. Лихорадка ходила—ходила кругомъ, ища его, наконецъ посмотрѣла сверху, видитъ—вода: утонулъ значитъ, бѣдняга. Такъ и ушла, оставивъ старика на всегда въ покоѣ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что теткѣ-лихорадкѣ съ родни, должно быть, родимчикъ, который мучитъ дѣтей: его тоже легко надуть. Когда онъ является въ гости, ребенокъ начинаетъ кричать, а ему это и любо. Тогда нужно поскорѣе высадить ребенка за окно. Родимчикъ, услышавъ за окномъ его крикъ, пойдетъ его искать, а пока онъ будетъ выходить въ дверь, ребенка слѣдуетъ взять обратно и закрыть окно. Родимчикъ и будетъ его все искать на дворѣ, потомъ пойдетъ по другимъ избамъ, пока не облюбуетъ себѣ другого. У великороссовъ вмѣсто этого накрываютъ ребенка въ такомъ случаѣ съ головою скатертью со стола, можетъ быть, тоже съ цѣлью спрятать его отъ родимчика, или „крикая,“ какъ его называютъ иначе. Скатерть тутъ могла получить особенную силу и отъ хлѣба, считающагося святымъ; такую-же силу получилъ и столъ, который, напримѣръ, играетъ важную роль въ лѣченіи отъ коклюша: нужно больному проспать по одной ночи подъ всѣми столами, какіе имѣются въ домѣ, и кашель пройдетъ, коли совсѣмъ не задушитъ. Высаживаніе кричащихъ дѣтей за окно напоминаетъ намъ еще одно суевѣрное средство, къ какому прибѣгаютъ крестьяне гродненской и сѣдлецкой губ. въ томъ случаѣ, когда ребенокъ кричитъ съ—перепугу. Тогда отодвигаютъ отъ стѣны „лаву“, т. е. скамью, приподнимаютъ немного тотъ ея конецъ, который прилегаетъ къ окну, и высаживаютъ подъ нею три раза ребенка противъ окна, чмокая каждый разъ губами и сплевывая въ сторону. Предпочитаютъ производить это поближе къ камину, такъ что здѣсь можно еще усматривать остатокъ почитанія домашняго очага, какъ хранилища огня, считавшагося и считающагося до сихъ поръ священнымъ и очистительнымъ. Бѣлоруссъ и теперь не позволитъ себѣ непочтительно отозваться объ огнѣ; плевать въ него или производить надъ нимъ какое бы то ни было безчинство также считается великимъ грѣхомъ.

Но вернемся еще къ лихорадкѣ. При всей своей глупости, она къ тому же еще большая трусиха. Она, напримѣръ, боится ружейнаго выстрѣла хуже всякой женщины. Какъ только почувствуется холодъ вслѣдствіе ея приближенія, стоитъ только неожиданно выстрѣлить такъ, чтобы самого больного передернуло, и она уйдетъ и больше не вернется. Вмѣсто ружья можетъ быть употреблено и другое подобнаго рода запугивающее средство, напримѣръ: стукъ, крикъ и т. п. Кромѣ указаннаго взгляда, что лихорадка сидитъ внутри человѣка, есть у бѣлоруссовъ и другой взглядъ, по которому она будто бы живетъ подъ ногтями; по крайней мѣрѣ, она прежде всего забирается туда, вслѣдствіе чего при наступленіи лихорадки первымъ дѣломъ синѣютъ ногти. Когда она заберется туда, ее никакъ нельзя выжить, развѣ что ногти остричь при самомъ тѣлѣ; да и то все-таки найдется тамъ такой уголочекъ, въ которомъ она притаится, а потомъ и начнетъ подергивать все дальше да больше; отъ ногтей она разойдется потихоньку по всему тѣлу, и какъ доберется до нутра, тутъ и начнется трясъ.

По мѣстному повѣрію, и морозъ тоже забирается подъ ногти, и у кого они велики, у того скорѣе зябнутъ ноги и руки, начиная съ кончиковъ пальцевъ. Большіе ногти очень удобная защита для лихорадки, и потому великоруссы совѣтуютъ для устраненія этой болѣзни остричь ногти и сжечь ихъ. Но бѣло-

руссъ, конечно, жечь ихъ не станетъ, потому что онъ знаетъ, что на томъ свѣтѣ спросятъ даже про самую малѣйшую частицу тѣла, и если чего не будетъ доставать, то пошлютъ разыскивать. А гдѣ-же тогда найдешь сожженные ногти? Такъ и будешь бродить весь свой загробный вѣкъ, разыскивая свои собственные ногти, словно древній грекъ или римлянинъ, умершій безъ погребенія. Поэтому, обстригая ногти, необходимо ихъ завертывать въ тряпочку и складывать въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, подъ печкою: когда понадобится, пришелъ и взялъ, какъ свое.

Такъ-же слѣдуетъ поступать и съ выпавшими или выдернутыми зубами. Впрочемъ зубы не всегда сберегаются. Часто ребенка, у котораго выпалъ зубъ, подводятъ къ печкѣ, велятъ ему бросить свой зубъ подъ печь, приговаривая: „Мышка, мышка, на табѣ косцяный, дай мнѣ зелѣзный!“ Это дѣлается для того, чтобы выросъ новый зубъ, болѣе крѣпкій, не уступающій мышиному. Такъ какъ мышь въ состояніи разгрызть почти все, что угодно, то зубамъ ея приписывается необыкновенная крѣпость и здоровье. Поэтому даже мышинымъ огрызкамъ придается нѣкоторое цѣлительное и предохранительное свойство: нужно съѣсть, не брезгуя, то мѣсто въ хлѣбѣ или въ чемъ нибудь еще, гдѣ надгрызла мышь, и зубы не будутъ болѣть.

По поводу зубовъ мнѣ вспоминается одинъ курьезъ. При раскопкахъ кургановъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, мнѣ удалось вырыть нѣсколько человѣческихъ череповъ съ прекрасно сохранившимися зубами. Я взялъ эти черепа и велѣлъ одному парню отнести ихъ на мою квартиру. Парень отказался, и когда я самъ поклалъ ему въ полу эти головы, онъ даже заплакалъ отъ страха. А другіе еще его пугаютъ:

— Сцяражись, Ясюкъ, кабъ яны къ табѣ у начи ня пришли по гэты головы; тагды яны и табѣ галаву знимуць.

Я успокоилъ парня, что отвѣтственность падетъ на меня, и мы кое-какъ принесли эти головы домой. Спустя нѣсколько минутъ, являются ко мнѣ бабы и именно желаютъ видѣть черепа. Меня удивила такая смѣлость. Но мало того: осмотрѣвъ черепа, онѣ начали меня упрашивать, чтобы я имъ далъ хоть по зубочку.

— Зачѣмъ вамъ мертвецкіе зубы? спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Барыньку, яны-жъ дужа помоцны: кажуць, якъ у каго зубы баляць, то поцярець гэтымъ зубомъ, такъ и занѣмѣюць“. Дѣлать нечего, пришлось пожертвовать нѣсколькими зубами, пускай трутъ. Хотя я и старался увѣрить бабъ, что это вздоръ, но мои убѣжденія, конечно, не подѣйствовали.

Какими умозаключеніями дошелъ народъ до этого симпатическаго средства, это ясно изъ слѣдующихъ малорусскихъ заговоровъ противъ зубной боли, вѣроятно извѣстныхъ и въ Бѣлоруссіи, въ томъ или иномъ видѣ: 1) „Мисяць у неби, *Мертвець у гроби*, камень у мори: якъ три браты до купы зберутця и будуть бенкетъ робыты, тоды у мене зубы будутъ болиты“. 2) „Ты мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болять? — *У мертвого зубы николы не болять*: кости здубилы, зубы занимилы, николы не будуть болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нароженого, молытвенного, крещоного *(имя)* зубы занимилы, николы не болилы!“ Стало быть: какъ мертвецъ не можетъ встать изъ гроба, такъ пусть никогда не болятъ мои зубы; какъ у мертвеца задубѣвшіе и занѣмѣвшіе зубы не могутъ болѣть, такъ пусть не болятъ и у меня Эти эпическія сравненія и подали поводъ къ дѣйствительному употребленію зубовъ мертвеца противъ зубной боли.

Еще въ той-же болѣзни, говорятъ, помогаетъ „громничная“ (срѣтенская), страстная и вообще освященная свѣча: нужно ее кусать больнымъ зубомъ, и боль утихнетъ. Когда понадобится кусочекъ воску отъ святой свѣчки (напр. для писанія яицъ), то никогда ее не рѣжутъ, а всегда откусываютъ, сколько надо. Концы такихъ свѣчей, имѣющихся въ каждомъ домѣ, всегда изгрызены. Эти слѣды зубовъ на святыхъ свѣчахъ бываютъ, впрочемъ, иногда совсѣмъ иного происхожденія. Дѣло въ томъ, что эти свѣчи вѣшаютъ также въ хлѣвахъ для предохраненія скота, особенно коровъ и лошадей, отъ вѣдьмъ и домовыхъ. Завидѣвъ такую свѣчу въ хлѣву, вѣдьма со злостью бросается на нее и грызетъ, не для того, конечно, чтобы полѣчить зубы, а потому, что освященный предметъ служитъ ей помѣхой при выдаиваніи коровъ и т. п. Причину зубной боли приписываютъ маленькому червячку, который точитъ зубъ.

Другія болѣзни приносятся вѣтромъ съ моря или изъ за моря, изъ горъ, изъ лѣсовъ по волѣ Божьей или же по насланію колдуновъ и чаровницъ. Съ вѣтромъ приходятъ, кажется, только эпидемическія болѣзни, почему народъ и называетъ ихъ „повѣтріемъ“; таковы: моръ, чума, холера, оспа, и т. п. Эти болѣзни являются въ деревню въ видѣ женщинъ, которыхъ однако рѣдко кому случится видѣть. Прики-

нувшись красавицей, такая болѣзнь обыкновенно останавливается за селомъ на кладбищѣ и оттуда въ сумерки и предъ восходомъ солнца помахиваетъ на село краснымъ или чернымъ платочкомъ, и отъ этихъ взмаховъ люди мрутъ, какъ мухи; ночью она въ томъ или иномъ видѣ ходитъ и по домамъ, хотя иногда бѣжитъ отъ собакъ. Въ одномъ селѣ Бобруйскаго уѣзда во время послѣдней холеры по всѣмъ избамъ умирали, а у батюшки всѣ были здоровы: это потому, что сердитыя собаки не пустили холеру къ священнику во дворъ. Село это раздѣлено на двѣ слободы рѣчкою. Разсказываютъ, что холера началась въ одной слободѣ и долго не перебиралась черезъ рѣчку. Крестьяне будто бы рѣшили и совсѣмъ не пустить ее въ другую слободу и устроили на мосту караулъ. Въ одну темную ночь видятъ они, пробирается черезъ мостикъ холера въ видѣ черной коровы; они налетѣли на нее съ дубьемъ и убили. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, холера прекратилась; другіе-же утверждаютъ напротивъ, что и въ другой слободѣ послѣ этого начали умирать, потому что крестьяне по ошибкѣ убили настоящую корову вмѣсто холеры и, успокоившись на этомъ, сняли карантинъ. Приведу здѣсь кстати слѣдующій весьма интересный случай, хотя онъ имѣлъ мѣсто уже въ другой губерніи. Появилась холера въ одномъ селѣ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго у. Чего-чего только не придумывали мѣстные малоруссы, чтобы ее изгнать, ничто не дѣйствуетъ. Наконецъ, кто-то надоумилъ сдѣлать вотъ что: бросить одного изъ умершихъ въ могилу, не опрятывая, не одѣвая, безъ гроба, безъ отпѣванія, да еще лицомъ книзу, и засыпать землею. Такъ и сдѣлали. Была въ этомъ селѣ какая-то шляхтянка безъ роду, безъ племени, притомъ, кажется, старая дѣвушка. Жила она въ церковномъ домѣ, занималась шитьемъ покрововъ для аналоевъ, вышиваніемъ ликовъ для хоругвей, починкой ризъ, дѣланіемъ искусственныхъ цвѣтовъ для иконъ и т. п. Умираетъ эта женщина отъ холеры, и ее-то обрекли міромъ какъ бы принести въ жертву холерѣ: бросили въ яму, какъ попало, не посмотрѣли даже на ея добродѣтельную и благочестивую жизнь, зарыли, — и холера прекратилась: этой жертвы, стало быть, ей только и нужно было. Въ древнія, болѣе грубыя времена холера, можетъ быть, захотѣла бы живой жертвы, и тогда эту женщину, вѣроятно, зарыли бы живьемъ въ землю; теперь нравы стали далеко мягче, и человѣческія жертвы вышли изъ употребленія... Да вышли ли?.. Посмотрите въ наши захолустья, хотя бы въ Бѣлоруссіи: сколько тамъ здоровыхъ силъ, сколько жизней уноситъ смерть ежедневно! Какъ иначе назовемъ мы этихъ несчастныхъ, если не невинными, напрасными человѣческими жертвами? Оставленные безъ медицинской помощи на произволъ судьбы эти захолустные жители мечтаютъ о томъ, чтобы хоть собаками или дубинами прогнать отъ себя болѣзни. Это не смѣшно, а грустно и больно . . . . . .

Прерывая на этомъ наши бѣглые очерки, мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Основанные на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ подобные выводы были бы, съ одной стороны, слишкомъ скороспѣлыми, а съ другой стороны, можетъ быть, не представили бы ничего новаго.

III (*прибавленіе*).

Бѣлорусскія народныя пѣсни Минск. губ.

Въ видѣ сырого, необработаннаго научно матеріала предлагаю народныя пѣсни Минской губ., отчасти записанныя мною лично, отчасти собранныя при посредствѣ другихъ лицъ, изъ которыхъ считаю должнымъ назвать здѣсь двухъ съ выраженіемъ моей искренней признательности: 1) Петръ Александровичъ Гарднеръ, казенный лѣсничій, нынѣ умершій, прислалъ мнѣ 22 пѣсни, записанныя имъ въ Любоничахъ Бобруйскаго уѣзда въ 1882-83 гг. 2) Маркъ Ѳедоровичъ Давидовскій, народный учитель въ м. Городкѣ Бобруйскаго уѣзда доставилъ мнѣ въ 1886 г. 60 пѣсенъ [1]) изъ м. Городка, въ томъ числѣ 21 съ напѣвами. Имена этихъ собирателей обозначены въ своихъ мѣстахъ подъ пѣснями буквами Г и Д. Остальныя пѣсни записаны мною въ 1886—87 гг. въ разныхъ мѣстахъ Минской губ. съ образцами нотъ; онѣ обозначены буквою Я съ указаніемъ мѣста записи. Что касается точности записей со стороны языка, то я лично старался по возможности сохранять особенности говора; тексты же, доставленные другими, я не счелъ себя въ правѣ измѣнять, исключая нѣкоторыя явныя неточности и ошибки, которыми въ особенности погрѣшилъ П. Гарднеръ, какъ великороссъ, не вполнѣ освоившійся съ бѣлорусскимъ языкомъ. Обѣ упомянутыя рукописи, доставленныя изъ Бобруйскаго уѣзда, не различаютъ дифтонговъ *іе* (=ѣ, е, и,), *у̀о*(=о), *ю̀о*

---

[1]) Двѣ изъ нихъ не печатаются, какъ совершенно сходныя съ великорусскими (*Сизенькій голубчикъ сидѣлъ на дубочкѣ* и *Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить*).

= ё) подъ удареніемъ, между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ этого уѣзда эти дифтонги слышатся довольно ясно. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною, буквы *ѣ, е, и, о, ё*, произносимыя въ качествѣ указанныхъ дифтонговъ, отмѣчены курсивомъ, причемъ надо замѣтить, что дифтонгъ *іе* въ началѣ слова и послѣ гласной произносится какъ jіе; буква *у*, стоящая на мѣстѣ *л* и *в*, произносится въ ползвука.

Ноты прилагаемыя особо въ количествѣ 39 номеровъ *) (для 45 пѣсенъ), надѣемся, будутъ имѣть свою цѣну хотя бы въ виду того, что въ печати этого матеріала до сихъ поръ появилось очень мало. Отдѣльные бѣлорусскіе мотивы можно найти только въ сборникѣ г-жи З. Радченко, въ „Матеріалахъ“ П. В. Шейна, да кое-что у г. Славянскаго. Другіе собиратели пренебрегаютъ этой частью, забывая, что пѣсня безъ музыки все равно, что тѣло безъ души. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ музыкантовъ имѣютъ собранія бѣлорусскихъ мотивовъ, напримѣръ, обыватель Минскаго уѣзда Михаилъ Ельскій; будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти лица познакомятъ насъ со своими матеріалами и тѣмъ помогутъ спасти бѣлорусскую музыку отъ забвенія и отъ пренебреженія къ ней.

Подъ вліяніемъ искусственной музыки въ нашемъ образованномъ обществѣ установился далеко невыгодный взглядъ на народную музыку вообще: она обыкновенно представляется намъ скучною, а величественные обрядовые мотивы считаются монотонными, однообразными, томительными. И бѣлорусская народная музыка едва-ли не болѣе всего подвергается этимъ упрекамъ. А между тѣмъ сколько въ ней можно найти красоты, силы, граціи! Вслушайтесь, напримѣръ, въ какую угодно весеннюю пѣсню, которую молодая бѣлорусская дѣвушка поетъ гдѣ нибудь въ полѣ, среди разцвѣтающей природы: это сплошное ликованіе, неудержимо льющееся изъ груди, полной радости, любви и нѣги; это дѣйствительно гимнъ веснѣ, къ которому вамъ такъ и хочется присоединить свой слабый голосъ, если бы не боязнь внести дисгармонію въ эти веселые, полные жизни и силы звуки.

И эта настоящая непосредственная поэзія изсякаетъ, гибнетъ годъ отъ году непризнанная нами. Ее замѣняетъ поэзія пошлаго пошиба, проникающая даже въ самые глухіе закоулки черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, отставныхъ солдатъ, лицъ отправляющихся на заработки и т. д. И не удивляйтесь если въ какой-нибудь бѣлорусской деревушкѣ вы услышите варіантъ подмосковной фабричной пѣсни (напр. „Нидзѣ дружка я не вижу“=„Кто повѣритъ моей скукѣ“). Отъ городскаго населенія и къ простому народу переходитъ тотъ уродливый взглядъ, что старинныя народныя пѣсни смѣшны, некрасивы, и пѣть ихъ при другихъ стыдно. Когда я спросилъ однажды своего ямщика, не знаетъ ли онъ какихъ нибудь пѣсенъ, онъ отказался спѣть что-нибудь, говоря, что я самъ буду смѣяться надъ ихъ пѣснями, а то еще, пожалуй, завезу куда нибудь къ „панамъ“, и они будутъ насмѣхаться надъ глупыми пѣснями и надъ тѣми, кто ихъ поетъ. Мало того, поинтересовавшись, зачѣмъ я записываю простыя пѣсни, онъ высказалъ даже предположеніе, что, должно быть, за нихъ наложатъ штрафъ и не велятъ пѣть. Впрочемъ, и безъ того, прибавилъ онъ, ихъ уже мало поютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Да и до пѣнія ли тутъ, когда ѣсть нечего и на душѣ скребетъ...

---

1. Свадебныя пѣсни. *)

а) Изъ с. Языля, Бобр. уѣзда.

1. Прилецѣли гусочки а зъ раю,
Ци уже караваю посаджали?
Ци уже караваю посаджали?
Чаму насъ гусочекъ не звали?
Мы бъ вамъ караваю посаджали
Да своими лапками пописали.

(Я.)

2. Откуль каравайницы, 2.
Ци зъ Мира, ци зъ Несьвижа?
Ци зъ Мира, ци зъ Несьвижа, 2.
Ци зъ Языльского села?
Откуль да воду брали, 2.
Каравай расчиняли?
Ни зъ Мира, ни зъ Несьвижа, 2.
Но зъ Языльского села.
Съ калодзязя да воду брали, 2.
Каравай расчиняли

(Я.)

3. Да съ суботоньки на недзѣленьку гадзина.
Зъѣжджалася Марцинкова радзина.
Звязли, знясли двѣ бочки муки на каравай.
Хвалиць Бога, вяликъ будзе нашъ каравай.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли кваску масла на каравай.

*) № 36 записанъ въ Сѣдлецк. губ. (съ малор. словами) и помѣщенъ здѣсь кстати потому, что слова сходны, а мотивъ къ нимъ изъ Минск. г. мнѣ неизвѣстенъ.

*) Сравнительныя примѣчанія см. въ концѣ.

Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли два вясы соли на каравай.
Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли яецъ три копь на каравай.
(Я.)

4. Черезъ поле да широкее,
Черезъ мьсто да великее,
Туды бъ ишли каравайницы,
А слуцкіе мѣщаночки.
Нясли муку пшаничную,
Ены йдучи да гаварили:
Станьмо мы да паслухаймо,
Дзѣ музыченьки играюць,
Тамъ аны каравай пякуць
Ручками да бяленькими,
Перстнями залаценькими.
(Я.)

5. Чія бъ жана каравай мясила,
Каравай мясила да Бога прасила:
Ой дай же Боже што дзень, то сьвята,
Што нядзьлю, то вясьля.
Кобъ я малада канапель не брала,
Кобъ мае личенько да пыломъ не упало,
Да пыломъ не упало, не упылилося,
Кобъ я малада не утамилася.
(Я.)

6. Въ садзѣ гальé висиць,
Тамъ Марцинковъ каравай мьсяць,
Боярье избы топяць,
Шоуковые да дымы йдуць,
Съ Кіева купцы ьдуць,
Залаты обручъ вязуць;
Залаты обручъ вязуць,
Да на нашъ каравай кладуць.
(Я.)

7. Добре табь, Марцинка,
Што твой баценько багаты,
Да родзиць пшаница въ навинь,
Да каравайко на сталь;
Сталовыя ножки пагнутца,
Да людзи караваю дзивятца.
Сталовыя ножки згибнули,
Да людзи караваю здзивили.
(Я.)

8. Злеталиса пташечки
На чирвону калину,
На салодку малину,
Не сядзьце, пташечки, не сядзьце,
Озьмьце малиночку, обламьце.
Озьмьце малиночку, обламьце,
Сабь ягодки обярьце.
Да збирауса родъ къ роду,
Да старыя бабки на параду,
Маладые молодочки къ караваю.
Не сядзьце, молодочки, не сядзьце,
Озьмьце каравай усадзьце,
Сабь гарьлочки зарабьце.
(Я.)

9. Нихто не угадае,
Што у нашумъ караваю.
Лучиночка (*или* свьчечка) погасиласа,
Целя съ хвастомъ умясилоса.
Целя было не лапóе (=малое)
Да на льто на другое;
Целя было куртате (=куцее)
Да на льто на пяте;
Целя было бесхвосте
Да на льто на шосте.
(Я.)

10. Хадзьмъ же мы до коваля,
А скуймо мы да востры мечъ,
Порубаймо мы камяную печъ,
Откуль каравайка убираци,
Съ печечки да у вьчечко,
Да й поставимъ на жицѣ,
Дай Боже маладымъ на жице.
(Я.)

11. Да хвалиць цябе, Боже,
Усё дзьло зрабила,
Уже каравай усадзила
Ручками да бяленькими,
Перстнями залаценькими.
(Я.)

12. Ѣхала Кацяринка до вѣнца,
Зламала бярозку съ коренца;
Росьци, мая бярозка, безъ верха,
Бо уже я малада безъ вѣнка. *)
(Я.)

13. Ѣхау Марцинко рѣкою,
Обняу Кацяринку рукою:
Сѣдзи, мая Кацяринка, не дрижи,
Я твой Марцинко, не чужи.
Прошу цябе, конику, подбьсьци,
Дамъ табь аброку подъьсьци.
Добре табѣ, Марцинко, ьхаци,
Якаво мнь конику бъгаци.
Добре табь, Марцинко, подъѣжджаць,
Што ты будзешъ у сьцилка начеваць,
Да й за новою скамнею,
Съ Кацяринкою сваею.
(Я.)

14. Выйдзи 2. мая матко, съ сьвичами,
Мы твае дзицятко звинчали
Да съ тымъ чалавькомъ, што учора буу,

*) Поется и въ м. Урѣчьѣ, Бобр. у.

А сягодня рано пріѣхау 2.
Привёзъ госьцинцы—арѣхоу.
Да не бяри-жъ, Кацяринка, арѣхоу,
Бо тые цябе арѣшки сподманяць,
Отъ роднои матухны отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.
(*Я.*)

15. Ой знаци, знаци, што чужая маци:
Вывернула кажуха, хоче спужаци.
(*Я.*)

16. Ой попе, попе, гардзѣю,
Не звони раненько у недзѣлю,
Зазвони раненько у суботу,
Кабъ кидали дзѣвочки работу.
Одна наша Кацяринка пышна была,
Да кинула гребенецъ подъ столецъ,
Да кинула гребенецъ подъ столецъ,
Сама ена пошла подъ вѣнецъ.
Верниса, Марцинко, по гребенецъ!
Я табѣ, Кацяринка, да не маладзецъ,
Я табѣ, Кацяринка, да не маладзецъ,
Кобъ я табѣ варочауса по гребенецъ.
Есьць у цебе дружечка—служечка.
Ена табѣ вернетца по гребенецъ.
Ена табѣ вернетца по гребенецъ,
Расчесаць кусочки подъ вянецъ.
(*Я.*)

17. Завивала ее дзядзинка да не жалослива,
А сястрица якъ узяласа,
Такъ слёзками облиласа.
(*Я.*)

18. Не давайса, Кацяринка,
Русое косы расплетаць.
Рада бъ же я да не даласа,
Да скубуць да нибо мясо.
(*Я.*)

19. На дварѣ сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка праводзиць
За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный.
Верниса, Кацяринка, верниса,
На травѣ росочка роситца,
На цябе бацюхна грозитца.
Я жъ тую росочку отрошу (отрушу?),
Я своего бацюхна упрашу. (2)
Таки своего Марцинка проведу.
За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный
(*Я.*)

20. Не жалосливы жъ бацюхна,
Што процивъ ночи вонъ жене,
Мнѣ проводничка не дае,
А ни самъ со мною не ѣдзе.
Пошлабъ же я сама—боюся,
Дарога вялика—утомлюся;
Да на той дарозѣ сторожи,
Тые-жъ мене сторожи сцоймаюць, (2)
По русой касѣ познаюць;
Отъ роднаго бацюхна отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.
Дзѣ мнѣ маладзѣ ночъ ночеваци:
Ци мнѣ-жъ маладзѣ на вадзѣ;
Ци на поповуй синожаци,
Ци у Марцинковуй караваци?
Да не на поповуй синожаци,
Да у Марцинковуй караваци.
(*Я.*)

21. Да казала маци: не збуду дзицяци,
Ажно мое дзицятко да само збулоса.
Въ суботу зъ-вечера да не вечерало,
А въ недзѣльку рано да не абѣдало;
А яжъ думала, што волы погнало,
Ажно мое дзицятко да на вѣкъ забрано.
А яжъ думала, што коруки доиць,
А маи коровы да стояць въ обори.
(*Я.*)

22. Цябе повязуць, а я тутъ буду,
Цябе по...ць, а я такъ буду.
Цябе повязли, отъ и конь пристау,
Мене по..ли, отъ и х..не встау.
(*Я.*)

23. Выйду я замужъ да подумаю:
Кали добре будзе, я замужемъ буду,
А кали не добре—я назадъ вернуса...
(*Я.*)

24. Гуляйце, братцы, гуляйце,
Моего сорома не знайце;
Ще я сорома не дойшла,
Сличною панною къ вамъ пришла;
Да на ложу упала дзявою,
А зъ ложи устала жаною.
(*Я.*)

25. Стояла Кацяринка на ганку,
Кроила чирвону китайку
И послала бацюхну подарку:
Ѣдзь, мой бацюхна, не бойса,
Въ чирвоные чоботки обуйса,
Сядзь сабѣ, бацюхна, на куцѣ,
Будзе табѣ гарѣлочка у сыцѣ.
(*Я.*)

26. Што зъ лугу, зъ лугу да хмарочка встала,
Наша Кацяринка зъ Марцинкомъ спала;
Ена думала, што соромъ будзе,
Ажъ на ёй сорома да никольки нема.
Ее бацюхна да на покуць вядуць,

Да на покуць вядуць, червонцы кладуць,
Да виномъ частуюць, словцемъ шануюць,
Виномъзелененькимъ, словцемъвѣрненькимъ.
Дзякую, бацюхна, за твое дзицятко,
Хоць ано маленьке, абы ано добреньке;
Хоць ано не величке, абы румяне личко.
Ци на нашуй улицы рабятъ не было?
Да были рабята, да усё хлопята;
Стояли москали, къ ёй не пристали;
Стояли жоунеры, къ ёй не посьмѣли;
Якъ пришла пора, то й сама дала.

(Я.)

27. Зъ виннаго да калодзязя
Тамъ Кацяринка да воду брала,
Въ свой край да позирала:
Ци не ѣдзе мой бацюхна,
Ци не вязе мнѣ госьцинчика,
Госьцинчика—моего кубличка.
Я не рада госьцинчику,
Тульки рада своему бацюхнѣ.
Ѣдзь, (2) мой бацюхна,
Бо я тутъ не знаюса,
Кажному поклонюса,
И старому, и малому,
И своему Марцинкови маладому.
Кацяринко, дзицятко,
Старому поклониса,
Маладому не схисниса,
Бо стареньки похвалиць,
Маладзеньки сподманиць.

(Я.)

28. Чiибъ тые да приданочки блудзили,
Въ чистумъ поли да дорожечку згубили,
Да пыталиса славнаго села Языля.
Съ подъ нового двора да вышло паненя:
Да сюды, сюды, маи приданочки, до двора;
Это-жъ тое подворье, што вамъ быць,
Это-жъ тое застолейко, што медъ – вино пьюць.

(Я.)

б) Изъ с. Юревичъ, Игум. у.

29. Ходзиць рай по улицѣ,—раю мой,
А за раемъ Иванкова мамочка,—раю мой,
За раемъ ходзиць и Бога просиць,—раю мой:
Ко мнѣ, раю, ко мнѣ, Божи, ко мнѣ у дворъ!
Я сына женю и Бога хвалю,—раю мой,
Веселейко на дубейко, (?) раю мой.

(Я.)

30. Тадорчина матка 2.
По улицы ходзиць,
По улицы ходзиць 2.
Да сусѣдочекъ просиць:
Сусѣдочки мои, 2.
А ходзице-жъ вы ко мнѣ 3.
А не ко мнѣ—къ дзицяци 3.
Коровай учиняци.
Ручками бяленькими, 2.
Персценьками золоценькими.
Милые сусѣдочки. 2.
Чи вы дзѣтокъ не маце, 3.
Што ко мнѣ не бываце?
Кобы вы дзѣтки мѣли, 2.
Вы бы ко мнѣ присьпѣли.

(Я.)

31. Ишла дзѣвочка на посадъ,
Махнула хустою напередъ:
Встаньце, бояра, усѣ у радъ,
Будзе ици Марулька на посадъ,
Будзе шукаць батьку мижъ бояръ,
Низенько галовочку клонючи
Свого батьку ищучи.
Усѣ бояре перейшла,
Родного батька не нашла;
Вся моя голова у квѣци,
Нема мого таточка на сьвѣци.

(Я.)

в) Изъ с. Любовичъ, Бобр. у.

32. Забращали кованы возы на дварѣ,
Зазвонили кубки, талерки на сталѣ,
Защебетали два салавейки на окнѣ,
Да забили маладые свахи у долони,
Заплакала маладая дзѣвочка у комори.
Не отдай 2, мой таточка, отъ себе,
Останетца мая руточка у цебе.
Да и вставай мой таточка раненько,
Паливай мою руточку часценько;
Не паливай маеи руточки водою,
Да паливай маю руточку сытою:
Отъ воды мая руточка желцѣе,
А отъ сыты мая руточка зеленѣе.

(Г.)

33. А паѣдземъ мы, браточка, да дому,
Да повеземъ невольницу съ собою,
Пусцимъ ее въ своёмъ домѣ по волѣ,
Дадзимъ ей золотый ключъ отъ каморы,
Да будзе ана поцихусеньку хадзици,
Да будзе ана аццу й матоццѣ гадзици.
Да вставайце, пышные бояре, уже свѣтъ,
Паѣдземъ у каралевщину на привѣтъ.
Будземъ ѣхаць чатыри мили борами,
А пятую цихусенькимъ Дунаемъ.
На томъ Дунаѣ дзѣвочка хусты бѣлила;
Она бѣлила, вѣрненько Бога прасила:
Принеси, Боже, таго паничка, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

34. Умненькій да разумненькій дзѣцина!
Привязау каня къ зелёному явору,
Самъ пошоу сивой зязюли слухаци.
Мнѣ здаетца, сива зязюля кукуя,
Мая дзѣвочка хусточку рубитъ, спѣвая:
Принеси, Боже, того панича, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.
(Г.)

35. Да по мору, по синему озеру
Малады дзѣцинка на лебёдочку стрѣляя,
Да правымъ очкомъ на дзѣвочку взирая.
Да по комъ же ты, мая дзѣвочка, удаласа,
У старое золото у ковалёвъ *) поясъ увиласа.
Пусцила сваю касу по кованому поясу:
Нехай косочка зъ буйными вѣтрами лялѣе,
Нехай мамочка по маей косѣ жалѣе.
Да годзи, годзи маей косонцѣ лялѣци,
Годзи матонцѣ по маей косѣ жалѣци.
(Г.)

36. Постаяла староженька у браду,
Да и сама сѣла у вишнёвому саду.
Да аткель ясенъ мѣсяцъ изыйдзе?
Да аткель-же маладый дзѣцинка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяцъ зъ зорами,
Пріѣхау маладый дзѣцинка съ сестрами.
(Г.)

37. Ты кланяйса, мае дзиця, не пыжися,
Пашлюць цебе къ цихаму Дунаю по воду
И скажуць людзи: разумныя маточки, наученыя бацюшки...
(Г.)

38. На дворѣ дощъ, мяцелица, пляхота,
Нашему дзѣцинкѣ жанитца ѣхаць ахвота.
Его бацюшко въ варатахъ стаиць—не вялиць:
Не ѣдзь 2, мой сыночокъ жанитца!
Ты сваи вараны кони потопишь,
Да ты сваи дарагія шубы помочишь,
Да не журися, мой таточка, обо мнѣ:
Есць у моего сцилухны (тестя) зелёный яворъ на дварѣ.
Я подъ яворомъ вараныя кони напасу,
А на яворѣ дарагія шубы посушу.
(Г.)

39. На гарѣ два браценька ячмень жнуць,
Да у далинѣ двѣ Кацярины пшаницу.
Дзѣвочка умна, вышла изъ гумна, гукнула:
Принеси, Боже, панича, што люблю,
Дарую ему хусточку, што рублю.
(Г.)

*) =кованый?

40. Зажуриуса дзѣцинка у дорозѣ,
Што не коване его коникъ у возѣ.
Да зачула тое дзѣвчинка:
Да не журися, дзѣцинка.
Есьць у мене залатыя персценьки,
Будуць тваему конику подковки,
Есць у мене маладыя (?) плёточки,
Будуць тваему конику вожжечки.
(Г.)

41. Ударили лютые марозы на дварѣ,
Замарозили маладую дзѣцинку на канѣ;
Да выходзила его дзѣвочка съ черема,
Вынасила кубочекъ вина, мёду два.
Напейса, развеселиса.
Ты самъ маленькій, твой конь старенькій,
Дакъ ты и замёрзъ.
Не журися, дзѣвочка, не правда твая:
Я самъ маладый, конь мой вараный—
Я не замёрзъ.
(Г.)

42. Разгарѣласа калина,
Да у цёмнумъ лѣсѣ стоючи.
Тушиу вѣтричекъ—не утушиу,
А больше искры разнасиу.
Я цебе, калина, не утушу,
Да утушитъ цебе добры (=дробны?) дощъ.
Расплакаласа дзѣвочка
Предъ сваимъ бацюшкомъ родненькимъ:
Сунимау бацюшко, да не суняу,
Большей жалосци ей поддау:
Я цебе, дзицятко, не суйму,
Да униме цебе канчучокъ,
Да утре слёзочки ручничокъ.
(Г.)

43. Гдзѣ наши очечки глядзѣли,
Што свае дзиця утопили
Да у это село дурное,
За эты мужики-дураки,
Што мѣняюць коней безъ цаны,
Да бьюць жонокъ безъ вины.
По самыя вороты—болоты
А по качережникъ—березникъ
Братки маи родные,
Берице тапорики острые,
Прорубице, братки, шире дворъ, (=боръ?)
Штобъ обачила бацьковъ дворъ.
(Г.)

г) Изъ д. Строчицъ, Минскаго уѣзда
(отъ гг. Срочинскихъ).

44. Да ляцѣли гусачки циразъ садъ,
Крикнули, гукнули на уесь садъ: (2)
Пара табѣ, Кацяринка, на пасадъ.

Да што-же вамъ, гусачки, да таго?
Есьць у мяне панойцы для таго.
Яны у мяне да шлюбу выправяць.
Братко мяне на пасадъ пасадзяць.
(*Я*)

45. Памажи Боже вянки виць,
Дай Боже маладымъ доуга жиць.
Ня стой же Боже подъ акномъ,
Да идзи Боже у хату.
Сядзь сабѣ Боже на куцѣ,
Дай Боже долю сираць.
Да я и у сѣнцахъ пастаю,
Сирацину доляй надзялю.
(*Я.*)

46. Отъ табѣ, Кацяринка, уся надзѣя.
Што твой Марцинка да рабиць ня умѣя,
Ни ораць, ни сямѣнька сѣяць,
Да тольки у карчомцѣ кватерки мѣраць
(*Я.*)

47. Отъ табѣ, Марцинка, уся надзѣя,
Што твоя Кацяринка да робиць ня умѣя,
Ни шиць, ни прасьци, ни красенкоу ткаци,
Да тольки па улицѣ зъ малаццами гуляци.
(*Я.*)

48. Сьцерва свацця, сьцерва,
На што касу сцерла,
Змяла, счесала,
Подъ чапецъ схавала.
(*Я.*)

2. Родинныя и крестинныя.

Изъ Городка, Бобр. упз.

49. Хто у насъ, хто у насъ повночи ходзиць?
Иванка голубчикъ повночи ходзиць,
Ёнъ своей бабочки хорошенько просиць:
Бабочка, голубочка, ходзи ты ко мнѣ.
Иванка, голубчикъ, чаго-жъ я пайду?
Бабочка, голубочка, жена-жъ моя да недужа.
Иванка, унучекъ, чаго жъ ена да недужа?
Бабочка, голубочка, животочекъ болиць.
Иванка, унучекъ, помолимся Богу и Духу Святому,
Дасць намъ сына, ци дочухну.
Коли сынъ—господаръ будзе,
Коли дочка голубочка—госцина моя.
(*Д.*)

50. Учора зъ-вечера на родзинкахъ была,
А сегодня поранесенько на хрисцинки пришла.
Закладзице, запражице двананцаць верабьёу,
Отвезице отправацьце бабусю дамой.
Ницъ не поможе, (2) двананцаць верабьёу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе бабуся дамой.

Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице двананцаць паръ волоу,
Отвезице, отправацьце кумусю дамой.
Ницъ не поможе, (2) двананцаць паръ волоу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе кумуся дамой.

Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице вороного коня,
Отвезице, отправацьце молодого кума,
Ницъ не поможе, (2) вороненькій конь:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе мой кумочекъ дамой.
(*Д.*)

3. Посидѣлочныя *).

Изъ с. Язылл, Бобруйскаго уѣзда.

51. Сѣдзѣла Рында да на печищи—Рында, 2.
Задрала ноги да на градзище—Рында, 2.
Пришли къ Рындзѣ женихи, взяли Рынду ворухи—Рында 2.
Ой пошла ана по сусѣдочкахъ—Рында 2.
Да сусѣдочки, маи матушки—Рында 2.
Ой дайце мнѣ по сарочеццѣ—Рында 2.
По сарочеццѣ, по наметоццѣ—Рында 2.
Не спаць було Рындзѣ Пилиповой ночи—Рында 2.
Продзираць було дзеркачемъ вочи—Рында 2.
Чортъ-же васъ бери, маи сусѣдочки—Рында 2.
У маего бацька да берозъ много—Рында 2.
Да здзеру-же я бересьциночку—Рында 2.
Да пошію-жъ я хвартушиночку—Рында 2.
Пазьдзёрочкомъ подпережуса—Рында 2.
Передъ сваимъ женишкомъ якъ наражуса—Рында 2.
Накрыюса я мѣшкомъ, не мнѣ соромъ—женишкомъ—Рында 2.
(*Я.*)

52.**) Запрагу я бугая, куды людзи, туды й я,
Да гаю, гаю,—куды людзи, туды й я. ***).
Да насѣку жъ я да вазокъ пруцья.
Загараджу агародъ на чатыри углы.
Да у первумъ углѣ посью я моркву,
А у другумъ углѣ да посью бурака,

*) «Пяюць у Пилипоуки, сѣдзячи на кудзели».
**) „Дзѣучата хлопцамъ".
***) Такъ повторяется половина каждаго стиха.

А у трецюмъ углѣ да посѣю постернякъ,
А у чецьвёртумъ углѣ да посаджу рѣпу,
Серодъ агароду—чирвоную рожу.
Кому тая морковъ? Да Марцинку морковъ.
И у хату йдзе—скребетца, и съ хаты йдзе—
скребетца.
Кому той бурачокъ? Да Пилипу бурачокъ.
И у хату йдзе чирвоны, и съ хаты йдзе чирвоны.
Кому той постернякъ? Да Ехиму постернякъ.
И у хату йдзе—постаиць, и съ хаты йдзе—
постаиць.
Кому тая рѣпа? Да Павлюку рѣпа.
И у хату йдзе лупитца, и съ хаты йдзе—
лупитца.
Кому тая рожа? Да Ивану рожа,
Кабъ я яму была да дзѣвочка гожа,
Да гаю, гаю,—да дзѣвочка гожа.
(*Я*.)

---

4. Колядки и щедровки.

а) Юревичи, Игум. у.

53. А у поли, у поли зялёная елочка,
Сьвятый вечёръ *)—зялёная елочка.
Подъ тою елочкою—зялёная далинка,
А на той далинцѣ вараны конь ходзиць,
А на томъ кони—залатое сядзелце,
А на томъ сядзелцы—залатое стременце,
А на томъ стременцы—маладый паничикъ.
А на томъ паничику вишнёвая шапочка,
А на той шапоццѣ—чирвоная квѣточка,
А на той квѣтоццѣ—яровая пчолочка.
То-жъ ня квѣточка—его дзѣвочка,
То-жъ ня пчолочка—его жоночка.
Мнѣ съ квѣточкою только дзень быци,
А зъ жоночкою треба вѣкъ жици,
Святый вечоръ—треба вѣкъ жици.
(*Я*)

54. Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
Сввятый вечоръ *)—чоуночокъ плыве.
А у томъ чоуночку—малады паничикъ.
Приплывае ёнъ къ царскому двару.
Выносяць яму полмисокъ грошей.
Вонъ шапки ня зняу и грошей ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—малады паничикъ;
Приплывае ёнъ къ панскому двару.
Выводзяць яму вараного каня.
Ёнъ шапки ня зняу и коня ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—маладый паничикъ;
Приплывае ёнъ къ сьцёвому двару:
Выводзяць яму маладую панну.
Ёнъ и шапку зняу, и панну, собѣ узяу.
Сьвятый вечоръ,—панну собѣ узяу.
(*Я*)

*) Послѣ каждаго стиха.

б) С. Горки, Бобр. у.

55. Щодры вечеръ добрымъ людзямъ,
Ци дома дома самъ панъ господаръ?
Ой дома дома самъ панъ господаръ:
Сѣдить онъ собѣ у конца стола.
Позвольте (ци позволять) нашему козлу погуляць...
Ну-ну-ну, козёлъ, поворочайся
Да и на ножечки, да и на рожечки,
На копыцики на золотые.
Тыжъ гаспадынька не будь такая,
Якъ тая была барабаниха.
А будь ласкава, запали скѣпочку,
Запали скѣпочку, да падзи у клѣточку,
Да набери мачку на тарилочку.
Нашему козлу не много треба:
Семъ печъ перяпечъ, решето овса,
Решето овса, на верхъ колбаса,
На ресьцѣ мачку хоць на тарелочку,
Було-бъ намъ маладзёнамъ на гарелочку.
Судзи тобѣ Боже сынки женици,
Сынки женици, дочки оддаваци, (2)
Да й насъ молодыхъ на веселе ваци.
(*Я*)

в) С. Языль, Бобр. у.

56. Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечерище 2.
Да усимъ дзѣукамъ по казаку,
А мнѣ овчарничка 2.
Да й погнау мой овчарничка
Да у поле овечки 2.
Да й загубиу овчарничка
Малое ягнятко 2.
Была у мене жуковинка
Съ трема каменцами 2.
Нема моего овчарничка
Исъ поля съ овцами 2.
Кали-бъ же я щука-рыба,
То-бъ я помырнула 2.
Таки-бъ же я своего овчарничка
Къ серцу пригорнула 2.
Кали-бъ же я крыла мала,
То бъ я палецѣла 2.
Таки-бъ же я своему овчарничку
Въ очки поглядзѣла 2.
(*Я*)

57. При дарозѣ дзьвѣ берозѣ;
Сарока зависла 2.
Кличе маци вечераци,
Вечера покисла 2.
Да вже-жъ бо мнѣ, моя матка,
Вечера не мила 2.
Не бачила, моя матка,
Съ кимъ я говорила 2.
Якъ бачила у середу,
Жануча череду 2.
Якъ бачила у вувторокъ,
То уже недзѣль сорокъ 2.
Да выйду я на улочку,
Рассыплю я карты 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе жарты 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я иглы 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе игры 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я рѣшки 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе сьмѣшки 2.

(*Я*)

5. Масляничныя.

Юревичи, Игуменск. упъда

58. Я маладзенька не угадала,
Цы было лѣто, цы не было.
Мамка на вулку не пускала,
Въ каморочку замыкала,
А въ каморощы—окенечко,
А на окенечку—кватерочка.
А я выбью вокенечко,
Зярну, гляну на вулечку:
На вулеццы дзѣуки ходзяць;
Дзѣуки ходзяць и гуляюць, (2)
А мой нелюбый передъ водзиць.
А бодай ёнъ таночку не зводзиу,
Якъ я вѣночка не зносила.

(*Я.*)

59. Кароука мыче, вясну кличе;
Воликъ бушуе—вясну чуе.
(Курка кудахче—ѣсьци хоче);
Дзѣвочка плаче—замужъ хоче.
Не мычъ, кароука, намычисся,
Не бушуй воликъ, набушуесся (2)
Не плачъ, дзѣвочка, наживесся

(*Я.*)

6. Великодныя

а) Юревичи, Игуменск. упъда.

60. А на рыночку проти ганочку,
Зялёны яворъ, зялёны. (прип.)
Тамъ сядзѣла да паненочка,
Да паненочка—молода Ходорка.
У правой руцѣ да кубокъ несе,
А у лѣвой руцѣ—уциральничекъ.
А тудой ишоу купецкій сынъ,
Проситъ кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Ни дала кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Хоць купецки сынъ, да не роуня мнѣ.
А на рыночку... и пр.
Тудою ишоу мужицкій сынъ
Проситъ кубка... и пр.
Хоць мужицкій сынъ, да ты роуня мнѣ.
Дала кубочка умывацися,
Уциральничка уцирацися.

(*Я.*)

61. У гародзи за клѣткою,
Росла рожа исъ квѣткою.
Хтожъ тую рожу щипаць будзе?
Молода паненка защипала,
Защипавши у рукавецъ клала,
Зъ рукавца брала, къ лицу ровновала:
Кобъ мое лицо да такое было,
Не пошла бъ я за богатого,
А пошла бъ я за сенатора,
Што съ коника не ссѣдае,
Меча съ плеча не скидае,
Пуховой шапки не знимае.

(*Я.*)

б) Новыя Дороги, Бобр. у.

62. У городчичку на трасочничку
Да не макъ—рожа расцвѣтала,
Христосъ воскросъ на увесь сьвѣтъ!
(прип.)
Вышла—выцекла красна паненка,
Красна паненка, молода Кацеринка,
Тую рожу сощипала,
Къ своему лицу ровновала:
Кобъ маё лицо таково было,
Не вышла бъ я ни за селянина,
Ни за селянина, ни за дворанина,
А вышла бъ я за такого пана,
Што съ коника не ссѣдае,
Съ стременъ ножекъ не выймае.

(*Я.*)

7. Весеннія.

а) С. Языль, Бобр. у.

63. Волъ бушуе, весну чуе;
Воронъ краче, сыра хоче;
Дзѣука плаче, замужъ хоче.
Не бушуй, воликъ, найоресса;
Не крачъ, воронъ, нажересса;
Не плачъ, дзѣука, наживесса.
Волъ бушуе, найоравшиса;
Воронъ краче, нажравшиса;
Дзѣука плаче, сына мѣуши.

(*Я.*)

64. На муравѣ на туравѣ
Лежитъ цѣло, якъ дзень бѣло.
Прилецѣло три пташеки...
Одна сѣла у головочкахъ;
А другая блиско серца,
А трецяя у ножечкахъ.
Што у головкахъ—матка яго,
Блиско серца—сестра яго,
А у ножкахъ—жена яго.
Матка плаче вѣкъ одъ вѣку,
Сестра плаче годъ одъ году,
Жена плаче до й-обѣду.
По й-обѣдзѣ други ѣдзе:
Якъ гай, дакъ гай наймилѣйши,
Цебе у голоу, у мене лѣпши.

(*Я.*)

---

8. Купальскія

М. Городокъ, Бобр. уѣзда.

65. Ой мала ночка Петровочка,
Ня выспалася молодочка,
Да сукала шнуры шоуковы
Да на черевички замшовы,
Сяму таму запродала,
А своему милому й такъ оддала.

(*Я.*)

66. Да плавау чоуночокъ по рѣчеццы,
Да плакау Донатко по дзѣвоццы;
Содрау лычечко съ крапивочки:
Хоць задавѣце безъ дзѣвочки.

(*Я.*)

67. Да на Купалья ночка мала,
Ой яжъ молодзенька не доспала,
Да сукала шнуры шоуковые,
Да рубила хусты рипсовые,
Да сему гому продавала,
Молодому Гардзѣйку даромъ давала.

(*Д.*)

---

9. Жнивныя и покосныя.

Строчище, Минск. уѣзда.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

68. Я думала—зажалася,
Ажъ зноу съ хвастомъ засталася;
Я думала—скрипки йграюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ вядуць;
Я думала—пирогъ даюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ лаюць.

(*Я.*)

69. Да я у полѣ жита жала,
Ажъ мянѣ у дому бяда стала:
Звалилася сьвякроу съ тыну,
Да у жижкую крапиву.
Ня шкода жъ мнѣ сьвякровачки,
А шкода жъ мнѣ крапивачки.
Бо сьвякроу сама зноу устане,
А крапиука зноу завяне.

(*Я.*)

70. Кациуся вянокъ съ поля,
Да прасиуся ёнъ да пакоя:
Пусьци мяне, панокъ, да пакоя,
Да ужо жъ я у полѣ настаяуся,
Да мяне вѣтрикъ намахауся,
Да мяне дощикъ накрапляуся.

(*Я.*)

б) Юревичи, Игумен. уѣзда.

71. Ишоу Богъ дарогою 2.
А за Богомъ нашъ паночокъ:
Ка мнѣ, Боже, ка мнѣ, 2.
До маёго гуменца,
Маё гумно вяликое 2.
Азяроды высокіе.
Маё гумно великое 2.
Переплёты широкіе.
Есьць дзѣ азяредзиць,
Е дзѣ копы класьци.

(*Я.*)

72. Пора домоу, пора,
Сьцюдзёная раса пала.
А першая Боговая,
А другая дождковая, 2.
А трецяя снѣговая.
Мы першую будземъ пици,
А другою лицо мыци, 2.
А трецюю топтаць будземъ.
Боговую будземъ пици,
Дождковою лицо мыци 2.
Снѣговую топтаць будземъ.

(*Я.*)

73. Пойду я дарогою,
Пущу голосъ дубровою;
Нехай голосъ голосуе.
Нехай же мой татка чуе,
Нехай же мой татка чуе,
Дзѣ мое дзиця ночуе.
Колижъ мое дзиця пѣе,
Нехай воно домоу идзе;
Коли вона невѣхночка,
Нехай болѣ пожинае,
Мого поля повидае,
Къ моему полю привыкае,
(Къ моёй ячной лусьци,
Къ нясолоный капусьци),
Къ моему полю далёкому
Къ моёй нивѣ да широкуй.
Мое поле далёкое,
Моя нива широкая.

(*Я.*)

в) с. Языль, Бобр. уѣз.

74. Нашъ панъ баранъ, баранъ, 2.
Не пускае домоу зарань.
Наша пани овечая, 2.
Дзержитъ жнеекъ до вечера.
Пусьци, пани, до дому 2.
Старыхъ бабокъ ручки зябнуць,
Молодочекъ дзѣтки плачуць, 2.
На дзѣвочкахъ вѣнки вяноуць.

(*Я.*)

75. Говорила гарѣлочка 2.
Да на своихъ пивоварувъ:
Коли мене не уварице, 2.
То вы мене не удзержице
Ни у дубовыхъ бочечкахъ, 2
Ни у залѣзныхъ обручикахъ.
Говориу же Марцинка 2.
На своего бацюхна:
Коли жъ мене не женице, 2.
То вы мене не удзержице
Ни у цёмнуй цямницы, 2.
Ни у сьвѣтлуй сьвѣтлицы.

(*Я.*)

76. Да вишенька цярашенька
На дворъ налягае,
А съ-пудъ тое вишеньки
Сивы конь убѣгае;
Не самъ же ёнъ убѣгае,
Да паничикъ уѣжджае.
На ёмъ кудры маюць,
Да на ёмъ шубы зяюць.
Паничикъ молодзеньки,
Хто кошулю вышывау?
Шила матка старенька,
А сестрица маленька:
Шила матка, вышивала,
Сестрица злотомъ укладала, 2.
Да на мене ускладала.

(*Я.*)

г) с. Любоничи, Бобр. у.

77. Великъ нашъ боръ, великъ
Надо усѣми борами,
Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надо усѣми панами.
Нема таки пана дома,
Поѣхау онъ у въ Шклово
Чарочекъ покупаци,
Жнеечекъ частоваци.
Наши жнейки маладые,
И(ихъ?) серпочки залатые,
По мѣсячку жито жали
И серпочки поламали.

(*Г.*)

78. Лѣтомъ, дзѣвочка хороша,
Я улюбиуса у цебе.
Я улюбиуса у нещасье,
Намъ съ табою не владаць.
Не имѣу нидзѣ я щасцья,
Сизы бъ крылушки сабѣ:
Стрепенууса, полецѣу бы
У размашистъ, зелёный садъ;
Сѣу бы, пау бы я Машенькѣ,
Сѣу бы на правое плечо,
Посмотриу бы я Машенькѣ
Во румяное лицо.
— О чёмъ, о чёмъ, раз-Машенька,
У лицѣ худа и блѣдна?
— О томъ, о томъ, разголубчикъ,
Тосковала о табѣ.

(*Г.*)

79. Жена мужа пробовала,
На попари припинала.
Ой мой мужу татарину,
Да ѣшь траву попарину,
Да пи воду луговую,
Люби мене молодую.

(*Д.*)

80. Коля коля рѣчки
Да ходзила паненочка,
Да сѣяла руту—мяту.
Росци, росци, рута мята,
И тонкая, й высокая,
Съ кореньейка глубокая.
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Такъ я цебе свинямъ порву;
Якъ у свойго татки буду,
Такъ я цебе полоць буду;
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Нехай цебе кони стопчуць,

Да коники гарцуючи,
Молойчики танцуючи. (Д.)

10. Лѣтнія *).

Изъ м. Городка, Бобр. у.

81. Зелёная дубровочка,
Чаго рано зашумѣла,
Жоутымъ листомъ зажауцѣла?
Ой якъ же мнѣ не шумѣци,
Жоутымъ листомъ не жауцѣци?
Черезъ мене дубровочку
Да битая дорожечка:
Да што дзень купцы ѣдуць,
На коники дубцы рѣжуць,
На кореняхъ огни кладуць,
Съ—подъ каменя воду беруць,
Везуць соби волыночку,
Молодую украиночку;
Да за ею погонъ идзе—
Ее родный ойченько.
Вернися, волыночка,
Вернися, дзиця моё!
Вернися, мой ойченько,
Вернися, не томися:
Ты мене не догонишь,
Только ножки потомишь.
Да кали мнѣ добро будзе,
То я къ табѣ листы пришлю,
А кали мнѣ лихо будзе,
То я къ табѣ саму приду,
У виръ, дзиця, галавою,
А не ко мнѣ удавою! (Д)

82. Да гула пчолка, гула, (2)
По бору летаючи,
Да медокъ збераючи:
Горки мой медочку
Да безъ цебе, мой бортничку.
Да плакала удовочка,
Да по двору ходзячи,
Да дровца збираючи,
Да обѣдъ готуючи:
Горкій мой обѣдзе
Да безъ цебе, мой миленькій.
Сама сяду на покуци,
А дзѣтками осаджуся,
Слёзками оболюся.
Дзѣтки жъ мои маленькія,
Слёзки мои дробненькія;
Дзѣтки мои побольшали,
Слёзки мои погоршали.
(Д)

*) Такъ значится въ рукописи г. Давидовскаго.

11. Историческія.

а) Изъ Слуцкаго уѣзд.

(по рукописи гимназиста г. Н. Береснева)

83. Изъ—за Слуцка, изъ - за Клецка
Будзе дружба молодзецка,
Отъ княжати мѣста Пинска,
Мѣста Пинска воевати, (2)
Отъ ляховъ обороняти.
Хоть пришли, не дали рады,
Погинули уси одъ здрады.
А я пойду у постъ велики
До Турова до владыки,
Щобъ молебень отслужити,
Да й покаюсь за грѣхи.
День и ночъ буду молити,
День и ночъ буду просити,
Щобы згинули ляхи.
(Я)

б) Изъ м. Городка, Бобр. уѣзда.

84. Ой мяцежница Варшава,
Бунтовщица издавна.
Збунтовалися поляки,
Черци стары оборваны,
Всѣ косцёлы поламали,
Хресты, звоны познимали, 2.
Саби пушки поуливали,
Якъ поуливали саби пушки,
Пошли всякій дзень пирушки...
(Д.)

12. Разныя *).

а) Изъ д. Строчицъ, Минск. уѣз.

(Отъ гг. Срочицскихъ).

85. Парасла крапива выше гарадзища,
Кабъ не наши паничи, не былобъ игрища.
Пагарѣли хамуты, пагарѣли лямцы,
Пагалѣли дзѣцюки, не съ кимъ исьци у танцы.
А я тыхъ хамутоу тушици ня буду,
А я тыхъ блазноу просици ня буду.
Чи я у маци не дочка, чи я не дачушка,
Руса коса да пояса, червоная устужка.
У гародзѣ на градзѣ три каливы мяты,
А хто мене пацалуе, не вылѣзе съ хаты.
У гародзѣ на градзѣ три каливы бобу,
А хто мене пацалуе, не выбудзе году.
Сѣю руту, сѣю мяту, рута зеляненька,
Еще замужъ не пайду, еще маладзенька.

*) Поются, когда угодно; нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно рекрутскія и солдатскія.

А я той руцѣ-мяцѣ вяршки посьцинаю,
Еще замужъ не пайду, еще пагуляю.
Еще сабѣ пагуляю, якъ рыбачка па Дунаю,
Туды-сюды повярнусь и никого не баюсь.
(*Я*)

б) Изъ г. Минска.

(отъ г. Г—га).

86. Ишоу Тодоръ и съ Тадорой,
Знайшоу лапоць и зъ аборой:
Ой ты Тодоръ, я Тадора,
Табѣ лапоць, мнѣ абора.
(*Я.*)

87. Ишли дзѣуки баразною,
Нашли х . . зъ барадою.
Адна каже: рѣжмо!
Друга каже: *т*жмо!
Третця каже: ня псуймо,
Да па разу усуньмо!
(*Я.*)

88. Нашъ татулька упиуся,
На матульку узбиуся;
А матулька лихая,
Татулька спыхае.
(*Я.*)

89. А што жъ гэто за Лявониха была!
Не салёную капусту дала,
Не салёную, не вареную,
Толька трошки перяпареную.
А дзѣ-жъ тые кавалёчики,
Што куюць тапарочики. . . . .
(*Я.*)

Изъ с. Юревичъ, Игум. уѣз.

90. Ай на морѣ волма бье,
Салдатъ на войну идзе;
Дзѣука плаче а рыдае,
Хустой слёзы уцирае.
Ня плачь, дзѣука, не рыдай,
Хустой слёзы не уцирай;
Тогда, дзѣука, заплачешъ,
Якъ на войнѣ обачишъ.
Ай салдацкая ѣда—
Сухари да вода,
А салдацкая посьцель—
Мундирикъ да шинель.
Мундирикъ подъ бочокъ,
Шинеликомъ обкрыуся, 2.
Слёзками облиуся.
Вы слёзки мои гарачіе,
Откацицеся отъ мене,
Я на чужой старанѣ,
Прикацицеся къ тому,
Хто зъ жаною у дому.
Да пріѣхау бѣлый царъ,
Нашъ бацюшка государъ.
— Харашо вамъ, ребята,
На страженіи стаяць?
Ай харашо, харашо,
Нашъ бацюшка государъ:
По капыты у крывѣ,
По калѣни у трупѣ.
А царица, наша маць
Стала ребятъ абучаць:
Ой вы, дзѣтушки маи,
Вы рабятушки маи,
Мы у крѣпосьць забяромся,
Тогда съ туркамъ подзяромся.
Наши кулюшки идуць,
Та-дыкъ (такъ какъ) пчолушки гудуць.
Салдатъ идзе на Капкасъ,
Мужикъ ѣдзе на кирмашъ;
Салдатъ идзе съ Капкасу,
Мужикъ ѣдзе съ кирмашу.
Салдатъ празника дажжотца,
Серце кроую оболлётца;
Мужикъ празника дожжотца,
Какъ сьвинья водки нажротца;
Закотитца за жану,
Какъ за камянну сьцяну.
Салдатъ идзе *на восьци*, *)
Мужикъ ѣдзе у госьци;
Салдатъ идзе зъ восьцей,
Мужикъ ѣдзе зъ госьцей;
Мужикъ ѣдзе пахаць,
Салдатъ жонку у караваць.
(*Я.*)

91. За Дунаемъ за рѣкой,
Тамъ малойчикъ гуляу,
Полынь-трóвушку зрывау,
На конюшню брасау,
Своего коня напасау...
(*Я.*)

г) Изъ с. Язылл, Бобр. у.

92. Ляжиць камень надъ (*sic*) водою, 2.
Енъ не разобьецца;
Стоиць милый съ чужой жаной 2.
Енъ не разойдзецца.
Яжъ молода коло ихъ ишла, 2.
Яжъ ихъ ни чипала;
Только тяжко моёму серцу, 2.
Што я присягала.
(*Я.*)

---

*) „Въ калавуръ“, пояснилъ пѣвецъ (отставной солдатъ). Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть, *осець* овинъ? Есть еще *осци,-сей* (острога), которое больше подходило бы по формѣ, но меньше по смыслу.

93. Оддау мене бацько замужъ молодую,
Ой дау же мнѣ Го́спудъ долечку лихую.
Была у мене коса, коса до пояса,
Вырвау яе милый усю до волоса.
Ой уу поли у поли стаитъ садъ зелёны,
А у томъ садочку дзѣучина гуляла,
Проколола ножку на калючу розку.
Балиць моя ножка, балиць оченъ болно,
Нагуляуся баринъ зъ дзѣукою доволно.
Запражице яму да новые санки,
Поѣдзе нашъ баринъ до свае коханки;
Запражице яму да новый вазочокъ,
Поѣдзе нашъ баринъ у новый гарадочокъ.
А за имъ дзѣучина, за имъ у слѣдочокъ;
Гнала ена гнала, никакъ не догнала:
Заболѣли еи воченъ болно ножки,
Стала ночоваци ена упоудорожки.
Ѣхали казаки яны съ украины,
Стали пробужаци прекрасной дзѣучины:
Уставай, дзѣучина, устань и ѣдзь изъ нами,
Устань и ѣдзь изъ нами, зъ нами казаками.
Дзѣучиночка устала, цяженько здыхнула,
Цяженько здыхнула, жалко заплакала.

(*Я.*)

д) Горки, Бобр. уѣзда.

94. Выхадзила дзѣучиночка за новыя ворота,
За новыя, кляновыя, за решетистыя,
Вынимала исъ кармана тонкой бѣленькой платокъ,
Воцерала любезному свему горкія слёзы.
А уцёрши горки слёзы, на крутую пошла горушку,
А на тую гору крутую, дзѣ скончаласа любовъ.
Наша любовъ не большая, вотъ разлука цяжела,
Разлучила насъ неволя, чужедальня сторона.

(*Я.*)

е) Новыя Дороги, Бобр. уѣзда.

95. Соловейко маленьки,
Твой голосокъ тоненьки,
Леци у нашу старану,
Накажи роду моему,
Што я бѣдна сирота,
Што у мене роду нема,
Тольки адзинъ дзядзько,
Якъ родны мой бацько.

(*Я.*)

96. И сёгодня не быу, и учора не быу:
Видно мой милы на мене забыу.
О, не забыу, хиба забуду,
Якъ поѣду, семъ годъ не буду.
О, есьць у мене муляри свои,
Отмулюю я милого къ собѣ,
Отмулюю его хоць на дощеццѣ,
Да й поставлю его у концы стола,
Поставлю его у концы стола,
Да й буду смотрить, якъ на сокола.
Ой зачимъ соколъ смуценъ не весёлъ?
Ой якъ-же мнѣ весёлому быци:
Учора зъ-вечора уточка была,
А сёгодня разстрѣляная.
Не жаль бы було, кабъ ее на водзѣ,
А то у лузѣ, у черецѣ.
Ой чому козакъ смуценъ, не весёлъ?
А якъ-же мнѣ весёлому быци:
Што учора зъ—вечора дзѣвочка была,
А сёгодня засватана.
Не жаль бы мнѣ было, кабъ ена далёко,
А то за сусѣдочку:
У клѣць идзе, добраночъ дае,
Исъ клѣци йдзе, добрыдзень дае.

(*Я.*)

ж) Городокъ, Бобр. уѣзда.

97. Эхъ, не могу я зъ гора разгуляцца,
Эй да тоски, скуки свае разогнаць.
Пойду зъ гора на быструю рѣчку,
Ой да сама сяду на крутъ бережка.
Ни одна тутъ я здзѣси на рѣццѣ:
Эхъ виджу—бачу свой цѣнь на водзѣ.
(Цѣнь пустая, цѣнь холодная,—да,
Эхъ цѣнь не грѣе мене ничово;
Цѣнь не грѣе мене ничово,
Эхъ, при мнѣ здзѣси нѣту никово).
А съ—пудъ лѣсу ой да поцихеньку,
Ой бачу ѣдзе милый на кони.
Здраствуй, милая моя красаука (забаука)!
Ахъ я нарочно просьцитца зайшоу.
Езьли дасьць Богъ—назадъ повернуса,
Эхъ, три подарки тобѣ привезу:
Первый подарокъ, ты моя красаука,
Ой на голову да шалёвый платокъ;
Други подарокъ, ты-жъ моя забаука,
Ой да на шіечку замша—замшушка;
А треци подарокъ, ты-жъ моя красаука,
Ой да на ручечку злоты персьценёкъ.

(*Я.*)

98. Была я у бацьки на выгодзѣ,
Сѣяла орѣшки въ огородзи;
Росцице орѣшки выше плоту,
Отдау мене бацька за блазноту.
Чужіе молойцы пьюць, гуляюць
А моей блазноты не примаюць.
Бодай вамъ, молойцы, лиха у грудзи,
А зъ моей блазноты будуць людзи.

(*Д.*)

99. Якъ мнѣ тошненько, якъ мнѣ нудненько,
Сама не знаю чего.
Эй, ой пойдзице-жъ вы, приведзице мнѣ,
Кого я вѣрно люблю: *)
Эй, черномазаго, черноглазаго,
Русы кудзерки у его.
Эй, ёнъ чау (-чесау) кудри, ёнъ чау русы,
До барыни поспѣшау.
Эй, черезъ рѣченьку, черезъ быструю
Мостовинушка лежиць;
Эй, о по той же да мостовинушкѣ
Другъ любезный проходилъ;
Эй, мостовинушка возыбнулася,
Другъ сердечный утонулъ.
Эй, о пойду же я молодёшенька
Всё й по крутымъ бережкамъ,
Эй, ци не сустрѣну, ци не споткаю
Рыбалойцау молойцоу.
Эй, вы молойчики рыбалоуники,
Закидайце невода!
Эй, ци не зловице, не споймаеце
Мойго милаго дружка.
Эй, коли зловице и споймаеце,
Буду рѣчку вспоминаць;
Эй, якъ не зловице, не споймаеце,
Буду рѣчку проклинаць:
Эй, да бода рѣчка, да бодай быстра
Жоутымъ пескомъ заплыла,
Эй, якъ же ты мойго милаго дружка
Въ цихій Дунай занесла.

(*Д.*)

100. Ой скучно мнѣ, скучно,
Якъ былинцы въ поли,
Нихтожъ не разважиць
Мене молодои.
Яжъ тую развагу
Я й сама разважу,
Посцелю посцельку,
Сама спаци лягу.
Посцелька бѣленька,
Сама молодзенька,
Подушка пухова,
Сама черноброва.
Устану раненько,
Умыюся бѣленько,
Сяду подъ оконце,
Навсходъ ясна сонца.
Ёще ясенъ мѣсяцъ,
Ёще не заходзиць,
Да уже мой миленьки
По рыночку ходзиць, (2)
Молодушекъ водзиць.
Ахъ, мой ты миленьки,
Якій не вѣрненьки!
Гардуешь ты мною,
Якъ вѣцеръ горою, (2)
Туманъ долиною,
Такъ и ты да мною,
Мною молодою.

(*Д.*)

101. Была саби удова,
Породзила сыны два;
Породзила повила,
Въ колыбелюшку вшила, (2)
Въ цихій Дунай пусцила.
Ты, Дунайчику мой,
Ты досматривай ихъ.
А вы, цихія волны,
Покалыхивайце!
А вы, ницыя лозы,
Содзѣвайце вы ихъ!
А вы, жоутые пески,
Накармляйце вы ихъ!
На пятнадцатомъ году
Пошла удова по воду,
Стала удова воду браць,
Стау каребчикъ приплываць,
А на томъ же карабцы
Два удалые молойцы:
Одзинъ сѣдзиць на брусу,
Чеше русую косу;
Другій сѣдзиць на долу,
Поглядая на удову.
Ой, ты, удова молода,
Да ци любишь ты мене, (2)
Да ци пойдзешь за мене!
Я за цебе пойду,
За другого дочь отдамъ.
Штобъ же ты така маць
Наскрозь землю прошла,
Штобъ за роднаго сына
Сама замужъ пошла.

(*Д.*)

102. Калина—малина
У лузи стояла,
У лузи стояла,
Стоячи совяла.
Ци вѣтру боишься,
Ци дожджу жадаешь?
Вѣтру не боюся,
Дожджу не жадаю.
Дзѣучина—рыбнина,
Чаго смутна ходзишь?
Ци свѣтъ у неволи,
Ци горкая доля?
Мнѣ свѣтъ не у неволи,
Ни горкая доля.
Не дай же мнѣ, Боже,
Заслужнаго хлѣба.

---

*) Для слѣдующаго куплета повторяется 2-я половина предыдущаго (безъ *эй*): *Ой пойдзице и т. д.*

Бо хлѣбъ той заслужный,
Вельми ёнъ потужный:
Якъ я стану кроиць,
Пани гордо мовиць;
Якъ я его укушу,
Заплакаци мушу.
Ой тамъ да на горѣ
Церковка стояла,
Тамъ же любезная
Зъ нелюбымъ шлюбъ брала;
Брала-жъ ена брала,
Да у шлюба пытала:
Ой шлюбе мой, шлюбе,
Скажи щиру прауду!
Ци горы копаци,
Ци зъ немилымъ шлюбъ браци?
Горы копаючи,
Водзицы напьешься,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Слезьми обольешься;
Горы копаючи,
Сядешь, сопочинешь,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Навѣки загинешь.

(*Д.*)

103. Прилецѣла галка,
Чужая землянка,
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ;
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ,
Да на сухой соснѣ,
Спѣвая жалосне:
„Не хилися, сосна,
Бо мнѣ вельма тошно,
Што я въ чужомъ краю
Дармо пропадаю,
Безъ ойца, безъ матки,
Безъ роднаго братки.
Пріѣдзь, братка, въ госци,
Пріѣдзь голубочекъ!
Пріѣдзь, голубочекъ,
Хоць разъ у годочекъ;
Пріѣдзь, пріѣдзь, братка,
Хоць не умывавшися;
Хоць не вмывавшися,
Хоць не вциравшися:
У мене водзица
Съ подъ саду крыницы;
Вода у кубочку,
Ручникъ на колочку:
Возьми, братка, умыйся,
Ручничкомъ утрися;
Ручничкомъ утрися,
Богу помолися,
Богу помолися,
Да й спаци ложися!
А вы, соловейки,
Вы не пѣйце рано,
Вы не пѣйце рано,
Не будзице пана!
Нашъ панъ маладзенькій,
Мой братка родненькій,
Учора зъ—вечора
Позденько пріѣхау,
А сегодня рано
Да уже отъѣжжая,
Мене молодую
Одну покидая.

(*Д.*)

104. Ой у поли, поли
Вѣцеръ калину колыша,
А братъ до сестрички
Часто листы пиша.
Ци привыкла, сестра,
На чужой сторонцы?
Я хоць не привыкла,
Треба привыкаци,
Треба тое знаци,
Што чужая маци.
Матка-жъ моя, матка!
Дзѣ мнѣ цебе узяци?
Ци мнѣ заслужици,
Ци мнѣ заробици, (2)
Да й матку купици?
Моляры молюють,
Матку одмалюють,
Да все не такую,
Якъ матку родную.
Моляры молюють,
На личко бѣленько,
Да не одмалюють
На словцо вѣрненько.
Моляры молюють
Съ черными бровами,
Да не одмалюють
Вѣрными словами.

(*Д.*).

105. Жалко было вечерочка,
Што не была учора; (2)
А змѣнився голосочекъ,
Якъ цихая мова.
Голосочекъ у лѣсочекъ,
Циха мова розна. (2)
Не гнѣвайся, мой миленькій,
Што я хожу позно.
Я хожу, гуляю,
Добрый розумъ маю; (2)
Коля рѣчки, коля гаю
Коня наповаю.
Конь вороный воды не пье,
Ёнъ дорожку чуя, (2)

Ой Богъ зная, Богъ вѣдая,
Дзѣ милый ночуя.
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Ночуй, обдымайся! (2)
Жена твоя молодая
Слезьми обливайся.
Ци всѣ тые сады цвили,
Што мы поливали? (2)
Ци всѣ тые вѣнчалися,
Што залецалися?
Половина саду цвице,
Половина вяне; (2)
Половина свѣту скаче,
А другая плаче.

(*Д.*)

106. Не знала дзѣучина,
Што ёй будзе лиха,
Пусцила жаунѣра
Въ каморочку циха.
Жаунѣръ тамъ побыуши,
Причину зробиуши,
Коника сѣдлая,
Зъ двора выѣжжая;
Зъ двора выѣжжая,
Дзѣучина рыдая;
Дзѣучина остается,
Слезьми обольется.
Не плачь ты, дзѣучина,
Годуй мойго сына!
Назадъ ворочуся,
Съ тобой оженюся.

(*Д.*)

107. Ой, калина—малина,
Да што цебе ссушило?
Ссушили мене буйные вѣтры
И лютые морозы.
Ой, казаче—бурлаче,
Да што цебе ссушило?
Ссушила мене тая дзѣучина,
Што съ чорными очима.
Ты, дзѣучиночка моя,
Да й сухотонька моя,
Выйдзи, дѣвчина, серце, рыбчина,
Поговоримъ съ тобою.
Ой рада бъ я выходзици
И съ тобою говорици,
Лежиць немилый на правой ручицы,
Я боюся пробудзици.
Ты боишься пробудзици,
Я его мушу забици.
Да ци забьешь, ци не забьешь,
Только зъ свѣту изведзешь;
Бери коня, зъѣжжай зъ двора:
Ты не мой, я не твоя.

(*Д.*)

108. Бѣлая береза похилилися,
Жена по мужу зажурилася,
По зелёномъ саду похожаючи,
Свойго милаго побуждаючи:
Устань, миленькій, уже свѣтъ бѣленькій;
Ой по подворку пѣтушки пѣюць,
Да по городахъ барабаны бьюць,
Мойго милаго у пріёмъ ведуць;
Хоць его ведуць, его не здадуць,
Его не здадуць, ему кару дадуць.
Пойду я молода на высоку гору,
Зирну я молода зъ горы у далину;
Ажно у далинѣ да сивый конь стоиць,
Подъ тымъ коникомъ мой братка лежиць,
Надъ имъ сестрица родная стоиць.
Ци я не казала, да мой брацочка:
Не бери жены съ чужой стороны,
Ой возьми жену у своёмъ селѣ,
У своёмъ селѣ хоць сусѣдочку,
Хоць сусѣдочку сироциночку.

(*Д.*)

109. Прилецѣли два сизые голубы,
Сѣли, пали у удовушки на дворѣ,
Крыльячками подворьечка подмели,
Очечками свѣцёлышку свѣцили,
Голосами удовушку будзили:
Устань, устань, молодая удова,
Да послухай, да ци шумиць дуброва,
Да ци стогне широкая дорога,
Да ци ѣдуць козаченьки изъ войны.
Шумиць, шумиць зелёная дуброва,
Стогне, стогне широкая дорога,
Ѣдуць, ѣдуць козаченьки изъ войны,
Ведуць, ведуць миленькаго на кони:
Рубашечка вся же кровью излита
И пулями вся же она избита.
Вотъ цеперь же я на вѣки удова,
Дѣтки-жъ мои да на вѣки сироты.

(*Д*)

110. Ой выйду я на гору, (2)
Посмотру я на рѣку.
Ой на быстрой на рѣцѣ (2)
Нова лодочка стоиць,
Ой у той же лодоццѣ (2)
Страшна смертхуна сѣдзиць.
Ой ты смерць ты моя, смерць, (2)
Приплыви къ моему дому, (3)
Замори мою жену.
Яжъ такъ даромъ не хочу, (2)
Сребромъ золотомъ заплачу.
Не поспѣла ена умерци, (2)
Полотномъ вочи накрыу, (3)
Самъ до дзѣвушекъ пошоу.
Усѣ дзѣуки хороши, (2)
Одна дзѣука лутше всѣхъ,

Што зачесана коса,
Што заплаканы глаза,
То моей жены сестра.

(Д)

111. Чимъ дубъ не зелёный?
Ци туча побила?
Козакъ не весёлый,
Лихая годзина.
Якъ мнѣ молодому
Весёлому быци?
Я любиу дзѣучину,
Не могу забыци, 2.
Бо сватали людзи:
Знаць мнѣ молодому
Паренъки не будзе;
Только всее пары,
Што воченьки кары,
Только всей любови,
Што чорныя бровы.
Чорны бровы маю,
Да не оженюся,
Ой пойду я зъ жалю
Въ рѣчку утоплюся.
Не топись, козаче,
Марне душу сгубишь;
Пойдземъ звѣнчаемся,
Кали вѣрне любишь.
Ѣдземъ же мы поле,
Ѣдземъ и другое,
На трейцее поле
Стау конь спотыкаться,
Вернемся, дзѣучина,
Ни будземъ вѣнчаться
Вернемся, дзѣучина,
Нема попа въ дому:
Ци твое нещасце,
Ци моя недоля.

(Д)

112. Охъ, не спится, не дремится
И сонъ мене не бероць;
Пошоу бы я до дзѣучины,
Самъ, не знаю дзѣ живець;
Да спрасиу бы товариша,
Пущай мене заведзе,
Такъ товаришъ краснѣй мене,
Ёнъ дзѣвушку отобье.
Ночью дзѣвушка уснула,
Видзѣла дружка во снѣ;
Я уснула, воздыхнула,
Закипѣла кровь во мнѣ.
Чимъ я цебе огорчила,
Скажи миленькій мой мнѣ.
Коли вѣрно не любила.
Отправляй мене домой;
А не хочешь отправляци,
зьми у ручки пистолетъ.
Узяуши у ручки пистолецикъ,
Разстрѣляй же грудзь мою,
То я буду тымъ довольна,
Што ты укончилъ жисць мою.

(Д.)

113. На гуляньи у канпани
Барынь дзѣвушку обняу,
А дзѣучонкѣ стыдно стало,
Покацились слёзы зъ глазъ,
А мальчишку жалко стало,
Стау дзѣучонку унимаць:
Полно, полно, дзѣучоночка,
Табѣ плакаць и рыдаць.
Заболѣло мое сердце,
Возьму замужъ за себе.
Ты богатый, а я бѣдна,
Не пойду я за цебе.
Хоць ты бѣдна, я богатый,
Не покину я цебе.

(Д.)

114. Маць моя, маци,
Маць моя родима,
Не оддай мене за рудаго,
Бо я чорнобрыва.
Отдай мене за того,
Што чорные очи;
Ёнъ вочима заморгая,
А я засмѣюся.
Маць мене не слушала,
Отдала за рудаго,
Еще ена приказала
Шановаци его.
Я-жъ его не люблю,
Шановаць не мушу,
Ой Боже мой, Боже,
Прими его душу.
. . . . . .
Черезъ боръ да въ контору
За писара пошла.
Бодай тому писару
Три болячки въ лысину,
Кабъ ёнъ письма писау
И болячки чесау.
Ой тамъ за горою
Цыгане стояли,
Ой тамъ за другою
Шацёръ напинали.
Охъ у той шацёръ
Дѣвокъ зазывали
. . . . . .
Охъ у сади, у сади
Трава зеленѣя,
За хорошимъ человѣкомъ
Жена молодзѣя.

Охъ у сади, у сади
Трава посыхая,
За поганымъ человѣкомъ
Жена пропадая.
Въ огородзи мята,
За городомъ мята,
На улицы гарны хлопцы,
Молоды дзѣучата.

(*Д.*).

115. Въ рѣцѣ вода лялѣя,
Писаръ гуси гоняя.
Эй, эй, о—хо—хо,
Писаръ гуси гоняя. *)
Писаръ гуси гоняя,
На дзѣвушекъ моргая.
Вы дзѣвушки—красотушки,
Накажице паненцы,
Накажице паненцы,
Што въ чирвоной сукенцы,
Пущай мене не жде,
Пущай замужъ иде,
Нехай мене не любиць
Своихъ лѣцеу не губиць.
Дзѣука тое зачула,
Въ вишнёвый садъ скочила,
Накопала коренья
Съ—подъ бѣлаго каменя,
Перемыла у рѣцѣ,
Приставила въ молоцѣ,
Присунула до жару,
Кипи корень помалу.
Еще корень не укипѣу,
Писаръ къ дзѣуцы прилецѣу.
А чего-жъ ты прилецѣу?
А ты-жъ мене не хацѣу.
А што цебе принесло,
О ци човенъ, ци весло?
Мене привёзъ сивый конь
Къ красной дзѣвушкѣ въ покой.

(*Д.*)

116. Ой да не спится не дремится,
Голова моя болиць,
Ой никого мнѣ не жалко,
Жалко тройки вороной;
Жалко тройки воли вороной,
Молодого ямщика.
Ямщикъ у доми не бывая,
По Россіи поѣжжая.
Всю Россіюшку Ваня проѣхау,
Лутшей Маши не нашоу.
Ёнъ зъ Россіи вороциуся,
Живой Маши не застау.
Лежиць Маша у свѣтлицы,
У свѣтлицы подъ окномъ:
Вся головушка у цвѣты убрана,
Грудзь накрыта китаёмъ.
Я китаечку открыю,
Хоць на Машу посмотру,
Въ ручки, въ ножки поцѣлую,
Въ ея бѣлое лицо,
Пущай Маша не жалкуя,
Што быу Ваня подлецомъ.

(*Д.*)

117. Да усѣ хмарочки да по парочки,
Одна хмара розна.
Да свариць мене моя мамочка,
Што я хожу позно.
О хоць ты свари, о хоць не свари,
Ты мене не научишь.
Кого вѣрно люблю,
Ты мене не разлучишь.

(*Д.*)

118. Росла, росла трава зеленая,
Расцилалась по земли,
Расцилалась по земельцы,
По круценькимъ бережкамъ.
Нихто травушки ни косиць,
Нихто ее не сожнець;
Нихто дѣвушки не любиць,
Нихто замужъ не берець.
Якъ я была у малыхъ лѣтахъ,
Зъ ойцомъ, зъ матушкой спала,
А цеперь я пребольшая,
Пожалуйце молойца...
Хмары цёмны, тучи грозны
Всё й подъ небесахъ идуць,
Хороши наши ребята—
На ученье сами йдуць;
Ены идуць машерующь,
Сами съ собой говораць:
Трудно, трудно намъ, ребята,
Пребольшой городъ узяць,
Еще-жъ было потруднѣй-же,
Якъ подъ пушки подбѣжаць.
Якъ подъ пушки подбѣжали,
Разкричалися мы вразъ.
Михаилъ нашъ князь великій
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Вы палице, братцы, не робѣйце,
За морами знаюць насъ!
Окаянные пранцузы,
Покарицеся вы намъ!
Якъ не будзеце карится,
Мы порубимъ васъ, побьёмъ;
Мы порубимъ васъ, побьёмъ,
У Россію жиць сошлёмъ.

(*Д.*)

*) Припѣвъ къ каждой строфѣ съ повтореніемъ 2-го стиха.

119. Поглядзице, братцы, за моремъ погодушка,
За моремъ погодушка, сильна безуремене.
Уже намъ, братцы, горе надокучило,
Жоутые пески зъ мора вытаскаючи,
Крутые береги, братцы, выроуняючи.
Тамъ да гуляла красная дѣвушка,
Красная дѣвушка—душа Палагеюшка.
Ена гуляла, ена умывалася,
Лицу свойму бѣлому дзивовалася:
Кому-жъ, мое личико, кому-жъ призастанешься?
Ой ци тому ся, братцы, полковничку,
Ой ци тому ся, братцы, невольничку,
Што сѣдзиць въ корчмѣ, сѣдзиць напивается,
Придзе до дому, со мной разбивается,
Своимъ родомъ выхваляется:
Ой мой родзе съ панами ѣдзе,
А твой родзе съ старцами ходзиць.

(*Д.*)

120. Сторона моя, старонка,
Развесёла сторона,
Што по табѣ по старонцы
Росли зелены лужка.
Што по тыхъ же лужочкахъ
Разливалася вода,
Разливалась, напоунялась
Ровно съ крутымъ бережкомъ.
Зроблю я нову лодку,
Переѣду я къ милой
Переѣхауши къ милой,
Устрою церемъ цесовой;
Устроиуши цесовъ церемъ,
По садочку похожу;
Походзиуши по садочку,
Разны цвѣты разсажу;
Разсадзиуши разны цвѣты,
Русы волосъ расчешу;
Расчесауши русы волосъ,
Вижу дѣвушку въ глаза.
Здраствуй, здраствуй, красавица,
Давно я цебе видалъ,
Якъ думау я женицися,
Намѣронъ я васъ узяць, 2.
Не посмѣю вамъ сказаць.
Женись, козакъ, женись, бурлакъ,
Женись, удалый молодецъ.
Вотъ не може тому статься,
Штобъ я была за тобой.
Якъ я была въ малыхъ лѣтахъ,
Насмѣуяся ты зъ мене;
Якъ цеперь же уразумѣла.
Отыдзи прочь отъ мене.

(*Д.*)

121. Граю, граю на гитары,
Граю, граю, веселюсь.
Нихто горесци не зная,
Якъ я зъ милымъ разстаюсь.
Запалю я лампу—свѣчку
На всю млода цёмну ночь.
Гари, гари, лампа—свѣчка,
Гари, гари, не згасай,
Ты жъ, мой дружокъ любезный,
Часто въ госци заѣжжай;
Накажи мойму батюшку,
Што я въ горесци живу
За сцѣною каменною,
За рѣшоткой драцяной.
Ой вы, ракитовы кусточки,
Прихилицеся къ земли;
Вы, звѣри мои, соболёчки,
Выходзице вы ко мнѣ,
Расцерзайце цѣло бѣло
По ракитовымъ кустамъ,
Разолице кровъ гарачу
Всё по жоуценькимъ пескамъ,
Положице моё серце
На серебранный подносъ,
Занесице моё серце
Къ мойму милому дружку.

(*Д.*)

122. Унадзиуся, унадзиуся, унадзиуся
Да соколъ до чайки,
Да што у ее горѣлки ни чарки.
Гэта табѣ, чаечка, за тое,
Да што твое крыльейко рябое,
Гэта табѣ, чаечка, заплата,
Да што твоя голоука чубата.
Ой тамъ дзѣука, ой тамъ дзѣука
Пшениченьку жала
И къ зелёному дубу позирала.
Яжъ думала, яжъ думала,
Што дубъ зелененькій,
Ажно вышоу козакъ молодзенькій.
Козаченьку, козаченьку, козаченьку,
Господъ Богъ съ тобою,
Выведзь мене млоду на дорогу.
Коли будзешь вѣрнымъ дружкомъ зваци,
Велю хлопцамъ дорогу указаци.
Хоць я буду у лузи ночеваци,
А не буду вѣрнымъ дружкомъ зваци.
Помолюся я святому Богу,
Ци не выйду сама на дорогу,
Поклянуся я святой Миколи,
Што не пойду по грибцы николи.
Бодай тые грибцы не родзили,
Кабъ дзѣучата по ихъ не ходзили,
Да по цёмныхъ лужкахъ не блудзили.

(*Д.*)

123. Не шуми дуброва,
Не шуми зелёна,

Не задавай серцу жалю,
Што я у чужомъ краю.
Ой я у чужомъ краю,
Якъ на пожаринѣ,
Нихто жъ мене не жалѣя
При лихой годзинѣ.
Нихто мене не жалѣя,
Ни оцецъ, ни маци,
Только-жъ мене той жалѣя,
Хто захоче узяци.
Плыви, плыви, сѣра утка,
Процивъ воды хутко,
Да не кажи мойму роду,
Што я тутъ горую,
Да скажи ты мойму роду,
Што я тутъ паную:
Мое пановань'е—
Цяжкое вздыханье.
Выжъ мои раскошечки—
Дробныя слёзочки.
Да говораць людзи,
Што я не журуся:
Якъ выйду я за ворота,
Такъ зъ вѣтру валюся.
Да говораць людзи,
Што я не плачу,
А якъ выйду на улицу,
Сцежечки не бачу.

(Д.)

124. Береза, береза, зелёная, кудрава,
Што цебе, береза, сѣкуць да рубаюць?
Мене молодую хто хоче ругая.
Ой нудно мнѣ, тошно да на моемъ серцу,
Што мой миленькій со мной не говориць;
Со мной не говориць, по вечоркахъ ходзиць,
И къ бѣлому свѣту да дому приходзиць.
Ёнъ ложится спаци вперокъ коровaци,
На хату вочима, а къ сцѣнѣ плечима.
Устань, устань, милый, я цебе раззую,
Я цебе раззую, въ личко поцѣлую.
Оступися, жонка, оступися, шельма,
Я не съ такими ночку пересѣдзяу,
Ночку пересѣдзяу, на ихъ перегледзяу.
Хоць у цебе, милый, и три и четыры,
Но я старшѣйшая надъ ими усими:
Я съ тобою, милый, въ косцели стояла,
Въ косцели стояла, персцёнки мѣняла,
Персцёнки мѣняла Богу присягала.

(Д).

125. Горе горе, пребольшое:
Зъ гора ноженьки не ходзяць,
Ручки дзѣленька не робяць,
Сонъ головушку хиляя,
Мене милый покидая,
Самъ на войну уѣжжая,
Мене въ гори покидая
Всё зъ дробными дзѣточками.
Дзѣтки мои дробненькіе,
Служки мои вѣрненькіе,
Безъ поры мене ссушили,
Серце мое выкрушили,
Красоту зъ лица змѣнили.
Красота моя прекрасна,
Только доленька нещасна.
Выйду млода за ворота.
Ажно леціць воронъ чорный,
Воронъ чорный, бѣлокрылый,
Пытается: дзѣ твой милый?
О, мой милый у забоци,
У государа на рабоци:
У дзень ходзиць—ружьё носиць.
Въ ночи ходзиць—калауриць,
Калауриць, люльку куриць.
Люлька моя золотая,
Жонка моя молодая,
Я покинуу цебе у гори,
Якъ уточку у синемъ мори.

(Д.)

126. Ой што-жъ кому да за дзѣла,
Што я зъ милымъ сѣла.
Вотъ я сѣла посидзѣла,
Пѣсеньку запѣла:
Развивайся, клёнъ дзиравый,
На четыре листы,
Любиу барынь трохъ дѣвчонокъ,
Ёнъ не мѣу корысци.
Одна пошла зимой замужъ,
А другая у лѣтку,
А трейцея черноброва
У лѣсъ по чернушку.
Чернушечки не набрала,
Ой Боже-жъ мой милый,
Што у той же дзеревенцы
Казакъ чернобривый.
Его шапочка боброва,
Голоука съ кудрами,
Его личинько бѣленько,
Сапожки сафьяны.

(Д.)

127. Доня моя милая,
На што глупа здзѣлала?
Любила Ваню, бросила.
Матка моя родная,
Якъ же мнѣ его любиць,
Коли мое серце не церпиць.
Што дзень вижу пьянаго:
Ёнъ за столикомъ сидзиць,
Зелёное вино пье,
Молодая жонка йдзе.
Ступай, пьяница, домой!
Пропиу мое имячко,
Пропиу бѣлое личко,

Изъ головушки платокъ,
Съ правой руки персценёкъ.

(*Д.*)

128. Цёмна ночка да не видная,
Головочка моя бѣдная!
Дзѣжъ я буду да ночеваци,
Што я буду да вечераци?
Вечерацьму да щуку—рыбу,
Щуку—рыбу да й осетрину.
Коня пущу да на долину,
А самъ лягу да й отпочину.
Ой тамъ дзѣука да жита жала,
Жита жала да пшениченьку,
Меня будзиць да пьяниченьку:
Устань, милый, бо татары йдуць,
Татары йдуць, коня возьмуць.
Коня возьмуць, конь другій будзе,
Цебе забьюць, то намъ жаль будзе.
Ой дзѣучина, серце, рыбчина,
Ци ты мене да такъ вѣрно любишъ,
Што ты мене да заране будзишъ?
Штобъ я цебе да не любила,
То бъ я цебе да не будзила.

(*Д.*)

129. О, ты поле, поле чистое,
Поле чистое, неуродливое,
Только породзило кустъ ракитовый.
Ой на кусцику—соловеюшко,
А подъ кусцикомъ—салдатъ молодой.
Посцелька его—шоукова трава,
Въ головахъ у его—шляпа чорная,
У грудзи его—пуля быстрая,
А при боку его—шабля вострая,
Въ головахъ стоиць сивый конь его.
Ой, ты конь мой, конь, ты товаришъ мой,
Отвези жъ ты поклонъ къ ойцу мацери моей
Не кажи жъ ты, коню, што я убитый лежу.
Да скажи ты, коню, што я въ войску служу,
Што я въ войску служу, я жениться хочу
Оженила мене куля быстрая,
Одружила мене шабля вострая.

(*Д.*)

130. Выйду, выйду за ворота,
Покачу ведзерце.
Выйдзи, выйдзи, душа радосць,
Да поцѣшь мое серце.
Да мое серце вельма мляво,
Лучше-бъ я его не знала.
Да коля луга, да коля цёмна
Сизъ голубъ летая;
Ёнъ летая, ёнъ пытая,
Да голубки шукая:
Да сизые два голубчики,
Ци не видзѣли да мае голубки?
Да скажи, скажи, да голубчику,
Якая твоя голубка?
Да сама сиза, да бѣлы крылья,
А личко, якъ калина.
Полецѣла да твоя голубка
У чистое поле;
Сѣла, пала да голубочка,
Коля синяго мора.
Да вмывается да голубочка
Морскою водою,
Да уцирается да голубочка
Русою косою.
Расци, коса, до пояса,
Я буду чесаци.
Да любиу барынь дзѣуку,
Да стау покидаци,
Да любиу три годы й недзѣльку,
Якъ пришлося браци,
Такъ стау покидаци.

(*Д.*)

131. Коля луга хожу, свойго друга гляжу.
Ой, друже мой, друже, любилися дуже;
Любилися дуже да четыре года,
А не бачилися четыре недзѣльки,
А въ одну недзѣлю разомъ заболѣли.
Казаченько лежиць у зелёной дубрави,
Дзѣучиночка лежиць у новой каморы.
Дзѣучиноццы носяць ѣсци, пици досыць,
Казаченько лежиць, зимной воды просиць:
Земля моя земля, дай воды напиться,
Ци ни покинуу бы по дзѣучинѣ журыться.
Да у недзѣлю рано звоны зазвонили,
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Послухай, матка, ци усѣ звоны звоняць.
Коли усѣ звоняць, казака хороняць;
Коли у половинѣ, будзе й по дзѣучинѣ.
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Поховай насъ, матка, да въ одной могилѣ,
Положи насъ, матка, впоручъ головами,
Штобъ была размова на томъ свѣцѣ зъ нами.

(*Д.*)

132. У поли калина
Зъ вѣтромъ говорила:
Повѣнь вѣцеръ, повѣнь буйны,
Штобъ я не совяла.
У поли дубочекъ
Зродзиу желудочекъ,
Якъ не вижу миленькаго,
Болиць животочекъ.
Ой у поли хвойка
Изломила голька.
Якъ не вижу миленькаго,
Такъ болиць голоука.
Ой у поли жито
Зелёное збито,
Подъ бѣлою берозою

Казаченько убитый.
Ой убитый, убитый,
Да укинутый у жито,
Чирвоною хустынькою
Очеиьки накрыты.
Ой пришла дзѣучина
Съ черными очима,
Да подняла хустыночку
Да й заголосила.
Ой пришла другая,
Совсѣмъ не такая,
Да подняла хустыночку
Да й поцѣловала,
Неживому казаченьку
Всю правду сказала:
Ой устань, казаче,
Устань, молодзенькій,
Ходзиць, блудзиць по дубровѣ
Твой конь вороненькій.
Ой нехай ёнъ ходзиць,
Хоць и заночуя;
Ёнъ до маи миленькои
Дороженьку чуя.
Ой нехай ёнъ ходзиць,
Покуль напасется;
Нехай моей миленькой
Лёгонько икнется.
(Д.)

133. Пошла дзѣука къ цёмному броду по воду,
Приблудзила къ цихому Дунаю и къ бору,
А жъ тамъ звощикъ, перевощикъ молодой.
Ой ты звощикъ, перевощикъ молодой,
Перевези да й да матушки родной,
То я табѣ за перевозъ заплачу.
Дамъ я табѣ всё й ядбабненькій платокъ,
Еще къ тому атласовый поясокъ.
Не хочу твойго ядбабнаго платка,
Не хочу твойго й атласна пояска,
Только хочу съ тобой подъ шлюбомъ стояць
И серебранны персцёнки помѣняць.
Лутше буду я у мори потопаць,
Якъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць:
Лутше буду кременны горы копаць,
Чимъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць.
(Д.)

134. Малолѣтна дѣвчоночка
Научилася страдаць.
Страдай, страдай дѣвчоночка,
Еще въ лѣтахъ молода.
Въ гэтыхъ лѣтахъ будзешь вѣдаць
Всѣ любовныя дѣла.
Мнѣ подружки говорили,
Што милого очень жаль,
А я свойго миленькаго
Запросила ночеваць:
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Хотя ночку у меня.
Ой радъ бы я, моя мила,
И двѣ ночи ночеваць,
Да боюся, моя мила,
Штобъ до свѣту не проспаць.
Не бойсь, не бойсь, мой миленькій,
Я сама рано встаю,
Я сама рано встаю,
Цебе дружка обужу.
Й обудзила, проводзила,
Дзѣ сканчалася любовъ.
Дзѣ сканчалась, распрощалась,
Такъ тамъ рѣчка процекла.
Молодая дѣвчоночка
Пала грудзью на воду:
Празъ цебе я, мой миленькій,
Празъ цебе я утону.
(Д.)

135. Вечеръ цёмный, (2)
А ночка видная;
Бацька добрый, (2)
А матка лихая,
Не пущая на улицу,
Што я молодая.
Пусци, маци, (2)
Я не забаулюся,
Только хлопцамъ добраночъ дамъ,
И назадъ вернуся.
Да расчесау барынь кудри,
А дѣвчина косу,
Да пожану сивы волы,
На раннюю росу.
Пасицеся, сивы волы,
Не бойцеся воука,
А я пойду до дѣвчины,
Бо болиць голоука.
Напасвились сивы волы
И усѣ у радъ постали:
Да дзѣ тые оратые,
Што нами орали?
Пошли наши оратые,
Пошли у косарину,
Покосили руту—мяту,
Погребли на сѣно.
Бодай сѣно коломъ сѣло,
Коса зломилася,
Якъ у мойго миленькаго
Ручка утомилася.
(Д.)

136. Ой, волы мои все й половые,
Чаму сами не ореце?
Ой лѣта мои молодзенькіе,
Чаго марно йдзеце?
Ой я на волы повью поводы,
А на коники пута.

О кали бъ не ты, серце дѣвчина,
То бъ не быубы я тута.
Ой взыдзи, взыдзи, ясенъ мѣсячикъ,
Якъ млиновое коло.
Ой выдзи, выдзи, серце дѣвчина,
Поговоримъ мы съ тобою.
Ой рада бъ я выйць, рада бъ говориць,
Объ насъ людзи говораць.
Ой нехай судзяць, нехай говораць
Хоць по цѣлому свѣту.
Я цебе любиу и цюбиць буду,
Мой ты дороги квѣту.
Мала пташечка маленькая
По былиноццы скаче,
Дурна дѣвчина неразумная,
По казаченьку плаче.
Ой я не плачу, я и не тужу,
Сами слёзоньки льются,
Што отъ милаго листочка нема,
Отъ немилаго шлются.
Ой кали бъ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣда за бѣдою,
То бъ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Хоць я й за водою.
Ой калибъ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣдонька докучила,
Тобъ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Штобъ я тутъ не скучила.

(*Д.*)

137. Зъѣздзиу коня, зъѣздзиу вороного,
Да скажи, серце, правду,
Да ци будзе што съ того,
Да ци будзе, да ци не,
Да не суши серца мнѣ.
Да покинь, дѣвка, годзи жартоваци,
Да пойдземъ до косцёла
Съ тобою шлюбъ браци.
Да свяжуць намъ ручки стулою,
Да будземъ жици съ тобою.
Да цеперъ ты кажешъ, што зоронька ясна,
А потымъ ты скажешъ: долечка нещасна.
Да цеперъ берешъ и дужу й здорову,
Самъ же ты видишъ по очкахъ весёлу,
А бронь Боже недуги,
То ты помыслишъ о другихъ.
Скарай мене Боже на души, на цѣли,
Коли я помыслю объ иншихъ цебе.
Скарай мене Боже найвысшій,
Коли я помыслю объ иншихъ.
Да не скажешъ ты, то маци:
Было мене бѣдной не браци,
Бо у мене посагу не было й не будзе,
Бо у мене посагу я сама,
Якъ на небѣ ясная зара.

(*Д.*)

138. За моремъ далёкимъ,
Межъ горъ высокихъ,
Гдѣ моя любезная Машенька живець,
Ой съ той стороны воздухъ пріятный несець.
Ой радъ бы я засцигнуць, правды распытаць.
Когда любишъ вѣрно, люби ты мене;
А когда не любишъ, убью самъ себе,
Самъ себе убью, въ сыру землю йду.
Пущай людзи скажуць, што я боленъ быу;
А того не знаюць, што серце скрушиу.
Бо старые людзи не разсудливы:
Знаць ены молодыми знаць не бывали,
Знаць ены любови знаць ены не знали;
Только ены знаюць, што я веселиуся,
А того не знаюць, што серцемъ скрушиуся.

(*Д.*)

139. Быу у матки одзинъ сынъ.
Да й той матки не слухау,
Да на войну поѣхау.
Матка сына провела
И зъ жалосци прокляла:
Бодай сынокъ яворомъ,
А коничекъ каменемъ,
А шапочка купинкой,
А хусточка рѣченькой,
А поясокъ сцежечкой!
Тудой ишла дзѣвочка...
Ой явору, явору,
Я съ тобою говору:
Будзе на цебе дробный дождж,
Еще къ тому зъ вѣтрикомъ,
Твойго голья надломиць,
Твое лисцья обгониць.
Ой дзѣвочка, дзѣвочка,
Цеперъ же ты у бацюшки,
Цеперъ же ты молода,
Цеперъ же ты хороша;
А якъ пойдзешъ ты замужъ,
Будзе табѣ лихій мужъ:
Твое личко надобье,
Твоихъ косокъ надорве,
Твоихъ слёзокъ надолье.

(*Д.*)

140. Долина (3) широкая,
По табѣ, долинушка,
Туманъ разсцилается,
Сонце выкатается,
Зара занимается.
У недзѣлю раненько
Выйду я на улицу,
Стану, подумаю,
Кого я любиць буду.
Любила бъ я женатаго,
Жена будзе сердится;
Любила бъ холостого,
Холостой оженится,
Любощъ перемѣнится.

Буду любиць прежняго,
Солдата военнаго.
Солдатъ будзе у войску служиць,
А я буду здзѣся жиць;
Солдатъ будзе воеваци,
А я буду гореваци;
Солдатъ будзе съ пушекъ биць,
А я буду слёзы лиць.

(*Д.*)

141. Ой крапива, ты крапивица,
Чаго рано позаивлевала?
Ни сцежечки, ни дорожечки,
Нима миленькому проходочки.
Мой милый су походу йдзе,
За собою пару лошадей ведзе.
Конь буланый попереду йдзе,
Помижи ножекъ буйну голову несе.
Коню, конь буланый мой,
Чимъ на табѣ я цежело сѣджу?
Не сами вы цежелы,
Цежела мнѣ муница ваша.

(*Д.*)

142. Ходзиу, блудзиу молодой молодчикъ по крутой горы,
Расчесая русы кудзерки по всей головѣ,
Русые кудзерки расчесаючи,
На чужія на хорошія заглядаючи.
Што чужія да хорошія, якъ рожевый цвѣтъ,
Процивъ мои невдашечки въ бѣломъ свѣци нѣтъ.
Возьму я невдашечку за бѣлу руку,
Поведу невдашечку на круту гору,
Кину, брошу невдашечку у виръ головой,
Еще трошка почекауши и самъ за тобой.
Остается конь вороненьки, сѣдзелышко,
Только сѣсци да поѣхаць икъ сцю на совѣтъ.
Дзень добрый, мой цесцюхно, да й на добрый дзень.
Здоровъ, здоровъ, мой зяцюхно, да й на довги вѣкъ.
Отдау дочку да невдашечку только на семъ лѣтъ.
Трудно, трудно, мой цесцюхно, безъ невдашечки,
Десятая да недзѣлечка безъ рубашечки.
Бодай же ты, мой зяцюхна, семъ лѣтъ не дабыу,
Якъ ты мою паненочку изъ свѣту згубиу.

(*Д.*)

143. Возлѣ рѣчки, возлѣ гаю,
Возлѣ цихаго Дунаю,
Берёза кудрявая
Надъ рѣчкою стояла.
Тожъ не берёза, *прип.*
Тожъ не кудрява
Надъ рѣчкою стояла.

Ой тамъ казакъ, ой тамъ млоды
Стаду коней наповау. Береза и т. д.
Стаду коней наповау,
На красну дѣвку моргау. Береза...
Поможи, поможи, красна дѣвка,
Стаду коней мнѣ загнаць. Береза...
Ой рада бъ я помощи,
Да боюся бацюшки. Береза...
И боюся бацюшки,
И худой славушки. Береза...
Мене бацюшка не пабьёць,
Худа слава такъ пройдёць. Береза...
Худа слава такъ пройдёць,
Нихто замужъ ни возьмёць. Береза...

(*Д.*)

144. Скука мнѣ, досада,
На улицу не йду.
Ёнъ шельма не зная,
Што я его люблю. 2.
Не любиць зломучицель,
Чаго мнѣ больше ждаць?
Кацицеся, горки слёзы,
Кацицеся изъ глазъ. 2.
Напрасно я страдаю,
Журу сама себе;
Я про гэта знаю,
Не любиць ёнъ мене. 2.
Якъ у поли вѣцеръ
Всё одно цвердиць,
Такъ ёнъ зъ моей доли
Смѣется и шуциць. 2.
Смѣйся ты, безсовѣсный,
Смѣйся надо мной,
Богъ цебе накаже
Нещасною судьбой. 2.
Нещасною судьбой,
Невѣрною дружбой,
Невѣрною дружбой,
Нелюбою женой. 2.

(*Д.*)

145. Нихто того не вознау,
Да хто у мене ночевау;
Ночевау же папоу сынъ,
Даровау же коней семъ.
Дурна была не брала:
Шесцёркою катала-бъ,
А семаго продала-бъ,
Да звощика наняла-бъ.
Звощикъ, баринъ молодой,
Ведзи коня да й напой,
Дзѣ криничная вода,
Тамъ дзѣучина молода.
Ой, дзѣучина молода,
Люби мене молойца.
Хозь я хаты не маю,
Женицися думаю.

Роби хату зъ лебеды,
Да у чужую не ходзи:
Чужа хата не своя,
Гоняць съ хаты гультая.
Вѣцеръ дуба хиляя,
Дзѣука воду цягая, (2)
Баринъ дзѣуки пытая:
Не пытай ты мене,
Не кохау ты мене;
Кохау мене татка
И родная матка.
Давелося дураку
Руки поцираци.
Поцирай, негодзяй,
Коли давелося,
А мнѣ млодзѣ—молодзѣ
Такъ и осталося.

(*Д.*)

146. Охъ ты моя бражечка зелёная,
А хто жъ цебе бражечку будзе пици?
Поѣхау Иванечка въ городочекъ
На малое времячко, на часочекъ,
За имъ, за имъ Машечка во слѣдочекъ.
Гнала, гнала Машечка, не догнала,
Въ вишнёвый садочекъ забѣжала.
Въ вишнёвумъ садочку вишня зелёная,
На вищанцы яблачко чирвоное.
Гнула, гнула Машенька, не нагнула,
Пріѣхавъ Иваночка, дакъ не чула.
Устань, устань, Машенька, пробудзися,
На мою колясочку подзивися,
Што моя колясочка не простая,
Што моя колясочка золотая.

(*Д.*)

147. Дѣвушка моя прекрасна,
Лицомъ бѣла и хороша.
Жисць наша съ тобой нещасна,
Што влюбиуся я въ цебя;
Улюбиуся, укахауся
Въ твое бѣлое лицо.
Колько съ тобой я не знауся,
Знаць тобою не владзѣць.
Не мѣу бы я лѣпшаго щасця—
Сизы крылушки у себе:
Встрепенувся, полецѣу бы
У вишнёвый садъ гуляць.
У вишнёвумъ садочку
Дѣвушки гуляли,
Распрекрасну, расхорошу
Пѣсеньку играли.
Сѣу бы я, посѣдзѣу бы
На твое право плечо,
Посѣдзѣу бы, посмотрѣу бы
На твоё бѣло лицо.
Посѣдзѣуши, распросиу бы
Про здоровье про твоё,
Ци жива и здорова,
Ци весёленько живешъ,
Когда мене, любезная,
Къ сабѣ въ госци зазовешъ.
Я дужа и здорова,
И весёленька живу;
Когда придзе часъ—уремя,
Тогда въ госци зазову.

(*Д.*)

148. Ой лецѣла пава,
Середъ двора пала,
Траву разгортала,
Сокола шукала.
Соколе мой ясный—
Молодецъ прекрасный,
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
—„Пошла моя донька
Пшениченьку жаци“.
Козакъ до пшеницы,
Не нашоу дѣвицы;
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
—„Пошла моя донька,
Пошла до коморы,
Пошла до коморы
Посцель бѣлу слаци“.
Козакъ до коморы
И знашоу дзѣвицу:
„Дзѣвица сиротка,
Не сцели широка!
Посцели узенько,
Полягамъ близенько.
Будземъ говорици,
Якъ на свѣцѣ жици,
Будамъ размовляци,
Якъ ночъ коротаци“.

(*Д.*)

з) Любоничи, Бобр. уѣзда.

149. Бѣлая березочка голья опусцила,
Чаго мене молодую замужъ покруцила!
Я у своего татуля не упила, не уѣла,
Я не упила, не уѣла, хорошо не походзила,
Только лѣты молодые свае потрацила.
Ой выду я молодая за вороты,
Покочу я два тарали (=талера) по дорозѣ
Одзинъ тараль покациуся, другий призостауся,
Гдѣ мой милый, другъ любезный зъ другой распознауся.
Што мене молодой милый очурауся.

(*Г.*)

150. Да выду я за вороты,
Ажно луги да болоты;
Да выду я за другіе,
Ажно мое серце ные,
Ано ные, понывае,
Любиць милый, покидае.
Да на дворѣ снѣгъ бѣленькій,
Ѣдзе, ѣдзе мой миленькій.....
Яка дзѣука чорноброука
У вороцяхъ стояла?
Охъ ты дзѣука—гордовница,
Не гордуй ты мною,
Будзе твоя руса коса
Подъ моей нагою,
Будзе твоя бѣла посцель
Въ моей новой камори. ....
Будзе твоя посцель слатца,
Да слёзы ко мнѣ вливатца.
Будзешъ мои ножки мыць,
Да тую воду будзешъ пиць.
(*Г.*)

151. Гориць серце, разгарае,
Любиць милый, покидае,
Не могу я жиць,
Безъ милаго быць.
Милый по улицы йдзе,
Зъ гора пѣсенку пѣе.
Выхадзила свѣтъ—надзежа
Да изъ новаго двора,
За ручку взяла,
У горницу увяла.
Посадзила на кроваць,
Стала его спрашиваць:
Цы ты будешь со мной, милый,
Ночку ночеваць?
Онъ ничово не говоритъ,
Посцель слаць не велитъ.
Только говоритъ
Его проводзиць.
Я съ таго свѣта не устану,
Проводзиць цебе не стану,
Боюся цебе,
Обманешъ мене.
Ты же мене молода обманешъ,
Маю родню осмѣешъ.
Нельзя варациць
Къ атцу, къ матушкѣ.
Любилъ, любилъ — не буду,
За полчаса позабуду.
(*Г.*)

152. Сынку мой, Иване,
Серце мое кохане,
Ти мнѣ тебе жаниць,
Ти мнѣ тебе въ войско подаць?
Якъ я тебе ожаню,
Сама себе узвеселю;
Якъ я тебе въ войско оддамъ,
Сама сабѣ жалю поддамъ.
Выкупи мнѣ, мамонька,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Чецьвёрту золотую.
У перву трубу затрублю,
Коника сѣдлаючи;
У другу трубу затрублю,
Зъ двора выѣжджаючи;
А у трецюю затрублю,
Серодъ войска стоючи;
У золотую затрублю,
Салдатоу воюючи,
Галауки сцинаючи,
У поле брасаючи.
(*Г.*)

153. Ходзиць Маша по дубровѣ,
Разчорныя у Маши брови.
Сама Маша говорила,
Пастушка дружка манила:
„Сюда, сюда, пастушочекъ,
Сюда, миленькій дружочекъ,
Не спокинь мене сирацины
При широкой при далинѣ (*)
Въ лужку однае“.....
За частые куспики хоронилася.
Пущай мужъ прійдзець....
Не сцерпѣлося сердзечко,
Я промолвила словечко:
Я Машенька здзѣсь.
Онъ началъ зваць.....
Онъ цалуе, размилуе,
Сваей женой называе:
Ты жена жъ моя, жонушка,
Жена, вѣрная служанка,
Не жджи ночеваць;
Не жджи мене порою,
Да вечернею зарею,
Я къ тебѣ приду, усю правду скажу.
Что жъ, Маша, что жъ ты, хороша,
Ты Ванюшу любишъ, мене кинула?
Ваня часто разчасценько ходзиць,
Да госцинчики мнѣ носиць,
А ты никогда.
(*Г.*)

154. Журуся, журуся, не знаю чаго;
Съ миленькимъ разлука, очень цижало.
Разлучила судьба, судьба далеко,
Судьба далеко, далеко и высоко.
Оттуль вѣтричокъ дуе, пріятно дуець,
Дзѣ моя кралечка, кралечка живець.
Когда будуць слыхи, слыхи про нее,
Возьму ее замужъ, замужъ за себе,
А слыховъ не будзе, забью самъ себе;

*) Дальнѣйшіе стихи сильно испорчены.

Я самъ себе забью, у сыру землю пойду.
Пущай людзи судзяць, што я боленъ быу;
А того не знаюць, што вѣрно любиу.
Пущай людзи судзяць, што сестра была,
А того не знаюць, якъ жена была;
Пущай людзи судзяць, што рожоная;
А того не вѣдзяць, што сужоная.
(*Г*).

155. Соловейка мой размалюсенькій,
Голосочекъ твой растонюсенькій;
Ты не щебячи, угору летучи,
Не обивай росы, згоры летучи.
Буду щебятаць, сестрица моя,
Обобью росу сестрица моя.
Ти есць у цебе хлѣбъ, ти купляетца?
Ти есць у цебе родъ, ти признаетца?
Есць у мене хлѣбъ, онъ купляетца;
Есць у мене родъ—не признаетца.
(*Г*.)

и) Борисовск. у.

(отъ свящ. Павла Вуколовича**).

156. Ахъ вы сотнички, полковнички,
Вы чините свою волю, што я вамъ позволю.
Выведите коня вороного и усю его збрую,
Ти не заржеть конь вороной хоть разъ надо мною.
Ти ни услышить отецъ мати съ каменной палаты...
Ти ня той же конь вороной по полю гуляить?
Ти ня той же казаченько, што роду ни маить?
Померъ, померъ казаченька у воскресенье рано...
Положили казаченьку у сьвѣтлицѣ на лауцѣ,
Прилетѣла кукушечка, стала куковати:
Устань, устань, казаченька, устань, мой миленькій!
Ой радъ бы, радъ бы я устати, — голоуки ни узняти.
Дубовыя да усё дошки притиснули ножки,
А жаутые усё пясочки притиснули животочка.
(*Я*.)

157. Ай рѣка, рѣка, рѣка быстрая,
Отчаго жъ рѣка такъ смутна стала?
Чаму жъ мнѣ рѣцѣ не смутитися?
Надо мной рѣкой три роты стоить.
А у первой роти сивый конь иржеть,
Сивый конь иржеть, дарожку чуить.
А у другой роти малайцы пяють,
Малайцы пяють, у паходъ идуть.
А у третей роти шабельки зьвинять,
Шабельки зьвинять голоуки стинать,
Дявица плачить: у палонъ беруть.
Не плачъ, дѣвица, не плачъ, молода;
Коли жъ буду я да и женитися,
Возьму жъ я тябе за жану свою".
(*Я*.)

158. Якъ паѣхау Данилушка во на Русь на войну, *)
Мати яго родитялка листъ па листу писала:
„Твоя жана Катярина свою волю узяла:
„Коній твоихъ вороненькихъ позаганивала,
„Мяды тваи салодкіе пораспаивала,
„Сукни тваи бялёвыя позанашивала,
„Служакъ тваихъ вярнюсенькихъ позымѣнивала,
„Дѣтокъ твоихъ драбнюсенькихъ пораскидывала".
Вотъ вярнууся жъ Данилушка во со русской войны,
Жонка яго маладая пала у ноги яму.
Вотъ вынуу же Данилушка свой сувострусенькій мечъ,
Ды й сняу же имъ Катяринѣ головушку съ плечъ.
Якъ пашау же Данилушка во да стаенки сваей,
Ажъ кони яго вороные пазастаивали.
Якъ пашоу же Данилушка во да клѣти своей.
Ажъ мяды яго салодкіе пазаплѣсьнивали 2.
Сукни яго бялёвыя пазапыливали.
Якъ пашоу же Данилушка да пакоевъ сваихъ,
Ажъ служки яго вярнюсеньки усѣ тихонька сидять 2.
Да на ручкахъ драбнюсенькихъ дѣточекъ диржать.
Богъ-дай тябе, моя мати, сыра зямля убила,
Якъ ты маю жонку Катярину со сьвѣту згубила.
(*Я*.)

*) 2 раза каждый стихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Нѣкоторые варіанты къ напечатаннымъ здѣсь пѣснямъ находимъ въ сборникахъ: 1) *Шейна*, Бѣлор. пѣсни, С.-Пб. 1870 (въ сокращеніи—Ш.); 2) *Шейна*, Матеріалы для изуч. быта и яз. рус. населенія зап. края, С.-Пб. 1887 (въ сокр.—Ш. Мат.); 3) *Безсонова*, Бѣлор. пѣс. (Бзс.); 4) *Романова*, Бѣлор. сборникъ, I, вып. 1 и 2 (Рм.); 5) *Czczota*, Piosnki Wiesniacze, Wilno, 1846, и др.

Ограничиваемся указаніемъ главнымъ образомъ бѣлорусскихъ параллелей, хотя можно было бы привести и множество другихъ, въ особенности малорусскихъ.

№ 3. Ш. стр. 292 и 340, № 611. — **№ 5.** Ш. № 616. — **№ 14.** Рм. 342, № 21. — **№ 16.** Ш. 290 и 464, № 37. — **№ 29.** Ср. жнивныя, № 71. — **№ 30.** Ш. № 610. — **№ 33.** Ср. ниже, № 39. — **№ 48.** Рм. 341, № 14.—**№ 50.** Ш. Мат. № 18 — 20.—**№ 51.** Рында—прозвище лѣнивой, нерадивой, неумѣлой женщины, какъ и у Ш. Мат. № 135; не можемъ утверждать навѣрное, то-ли же это слово, что и въ малорус. загадкѣ: „скунда скаче, рында рые“ (ворона и свинья). *Сементовскій*, Малор. заг. 1872, № 342, и *Закревскій*, Старосвѣтск. бандуристъ, 232, № 19. — **№ 52.** Ш. № 252.—**№ 53.** Бзс. 152, № 164.—**№ 54.** Ш. № 149 и 155. Бзс. 13, № 15.—**№ 55.** Поется, когда ходятъ съ козою. Существуетъ выраженіе: „пѣць козла“=щедровать — **№ 56.** Ср. отчасти Малор. у *Лисенка*, Збирникъ II, № 31; ср. ниже № 126. — **№ 57.** Ш. № 426. Ш. Мат. № 350. Ср. мою „Малор. свадьбу“ № 7 и примѣч. *).—**№ 58.** Бзс 56, № 99; 157, № 170.—**№ 59.** Поется и какъ веснянка. Ср. № 63 — **№ 61.** Ср. № 62; Ш. № 165; Бзс. 15, № 20 — 1 и 59, № 105.—**№ 62** Ср. предыд. — **№ 63.** Ср. № 59.—**№ 64.** Ср. литовск. у *Куршата*, Grammatik der Lit. Sprache, 454, № 7 и примѣч. ib. 463, § 1672. Ш. Мат. № 379; Чечотъ 59, № 96, и друг. — **№ 65.** Ср. ниже, № 67. Ш. № 269, 270. Ш. Мат. № 204. Бзс. 49, № 89 и 90; начало ср. у Ш. № 241. — **№ 66.** Ш. № 127. — **№ 67.** Ср. № 65. — **№ 69.** Ш. № 305. Рм. 280, № 1.—**№ 70.** Ш. Мат. № 314.—**№ 71.** Ср. выше свад. № 29. Ш. № 357 — 362. Ш. Мат. № 301 — 309. — **№ 72.** Рм. 284, № 15.—**№ 73.** Ш № 316, 352. Ш. Мат. № 283. Рм. 443, № 40.—**№ 75.** Ш. № 100 и 377.—**№ 77.** Ш. № 381—385. Ш. Мат. № 316—318, 326. Рм. 286, № 24.—**№ 78.** Покосная. Ср. ниже № 147 —**№ 79.** Ш. Мат. № 289, 534—6. Рм. 18, № 34.—**№ 80** Ш. № 32?. Ш. Мат. № 269, 274. — **№ 81.** Рм. 87, № 40. Ш. Мат. № 173, 220, 263; начало ср. ниже № 124 и у Бзс. 58, № 103.—**№ 82.** Ш. № 312, 448, 451. Ш. Мат. № 505.—**№ 84.** Неоконч. Содержаніе напоминаетъ стихи о повстаньи; ср. у М. Дмитріева, Собр. пѣс., сказ., обряд. и обыч. крест. с.-зап. края, 113, Вильна 1869. **№ 85.** Рм. 244, № 165 и 251, № 208.—**№ 86.** Ш. № 543. — **№ 89.** Ш. № 486. — **№ 90.** Рм. 82, № 30. — **№ 91.** Рм. 84, № 34. — **№ 94.** Рм. 130, № 76. — **№ 95.** Ср. начало ниже, № 155 и у Рм. 40, № 75 —**№ 96.** Ш № 253 и мног. малор., напр. Чубин. V, 242.—**№ 99.** Ср. нач. въ моей „Малорус. свадьбѣ“, пѣс. 115, 171 и примѣч.; конецъ ср. у Рм. 122, № 57 и 420 № 162.—**№ 100.** Окончъ. малор., ср. мою „Малор. свадьбу“, примѣч. къ п. 76.—**№ 101.** Ш. № 452. Ш Мат. № 507. Рм. 13, № 26.—**№ 102.** Ш. Мат. № 364. Бзс. 148, № 157.—**№ 103.** Ш. Мат. № 451—2. Малор. ср. напр. Лисенка II, № 37. — **№ 104.** Малор., ср Чубин., 474, № 59. См. Потебня, Объясн. малор. и сродн. пѣс. II, 209.—**№ 105.** Малор., ср. начало и мотивъ у Лисен III, № 20; окончъ. ср. въ моей „Малор. свадьбѣ, примѣч. къ п. 257 и у Ш. Мат. № 401, 415. — **№ 106.** Ш. Мат. № 424. Малор. ср. у Лисен. II, № 25.—**№ 107.** Ш. Мат. № 173, 220, 263. Рм. 5, № 13. Ср. ниже № 111.— **№ 109.** Ш. Мат. № 591, 598 — **№ 110.** Ш. № 445. Ш Мат. № 463—4. — **№ 111.** Ш. Мат. № 522. Малор. ср. у Чуб. V. 1208 и въ моей „Малор. свад.“, прим. къ п. 296 Ср. выше № 107. — **№ 112.** Рм. 416, № 156; нач. ib. 154, № 126. Малор., напр. у Чуб. V, 248. Великор. извѣстная: „Пошелъ бы я къ Сашѣ въ гости“.—**№ 114.** Отрывки изъ нѣсколькихъ пѣс. Малор. у Лисен. I, № 20, III, № 36. и друг.—**№ 115.** Ш. Мат. № 366. —**№ 118.** Первые 12 стих. изъ другой пѣс. См. мою „Малор. свад.“, прим. къ п. 167 (косить-любить) и къ п. 18.—**№ 121** Рм. 67, № 7.—**№ 122.** Ш. Мат. № 287, 419, 425. Ср. Чуб. V. 160, 346—7; Kolberg, Pokucie II, № 194, 237; Zbiór wiad. do antrop. kraj. (Краковъ), II. 3, стр. 261, № 3; VII. 3, 190, № 16; VIII. 3, 12, № 19; Жегота Паули. II. 118; Kollár I. 322, № 10.—**№ 123.** Отдѣльные отрывки по-малор. у Лисен. IV. № 27; I. № 18, 9.—**№ 124.** Ш. Мат. № 473—4; нач. ср. выше № 81.—**№ 125.** Ш. Мат. № 498.—**№ 126.** Нач. ср. у Рм. 67, № 8; продолж. малор. у Лисен. II. № 31; ср. выше № 56—**№ 128** Ш. Мат. № 387, 398.—**№ 129.** Чечотъ, 25, № 42; есть масса варіантовъ на другихъ языкахъ.—**№ 132.** Ш. № 397.—**№ 136.** Малор.; ср. Чубинск. V, 275, № 540 и 184 № 373; Максимовича, 1834 г., 169; Головац. I. 256; Вацл. зъ Ол. 201 и 434; Лисен. II. № 34. Ср. мою „Малор. свад.“, примѣч. къ п. 61.—**№ 137.** Ш. № 398. Малор. у Голов. I, 383.—**№ 138.** ср. № 154. — **№ 139.** Для оконч. см. мою „Малор. свад.“, прим. къ п. 76 и 269. — **№ 141.** Рм. 136, № 87.—**№ 142.** Рм. 19, № 36.—**№ 143.** Рм. 341, № 13.—**№ 145.** Ср. отчасти Рм. 258, № 268; Ш. Мат № 441. Малор. у Закревск., 95.—**№ 147.** Ср. выше № 78.—**№ 149.** Ш. № 431. Ср. Лисенка II. № 35. — **№ 154.** Ср. № 138.—**№ 157.** Три роты, ср. у Потебни, Малорус. пѣсня по спис. XVI в., Ворон. 1876 г., 33; Ш. Мат № 602. **№ 158.** Ш. Мат. № 533. Рм. 375, № 113; 400, № 161. Чечотъ, 49, № 85.

Ноты прилагаются для слѣд. пѣсенъ: 1, 2, 3, 44 — 47, 51—2, 56—7, 63, 66—9, 74—5, 85, 97—113, 128, 135—7, 144, 148, 156—8.

Н. Янчукъ.

Москва.

31 дек. 1888 г.

*) Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этнограф., т. 48, в. 1.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ БАЛАГАННЫЯ ПРИБАУТКИ

Записанныя В. И. Кельсіевымъ.

Печатаемыя здѣсь прибаутки записаны моимъ покойнымъ братомъ Вас. Ив. Кельсіевымъ въ Петербургѣ, весною 1871 года, за полтора года до кончины, и вмѣстѣ съ прочими его бумагами перешли ко мнѣ.

Обычныя въ Петербургѣ народныя гулянья на масляной и на святой недѣлѣ происходили тогда на Адмиралтейской площади; нынѣ они переведены на Марсово поле. Закостюмированныя дѣйствующія лица даваемыхъ въ балаганахъ представленій выходятъ во время антрактовъ на наружный балкончикъ и стоятъ молча. Чтобы гуляющій народъ замѣтилъ ихъ и столпился къ балагану, вмѣстѣ съ ними выходитъ, такъ называемый, *старикъ*, нарочно для сего нанимаемый балагуръ, знающій присказки. Старикъ одѣтъ русскимъ мужикомъ въ лаптяхъ и армякѣ; на головѣ у него большой парикъ, накладные усы и борода, сдѣланные изъ чесанаго льна,—за пазухой полуштофъ. Старикъ съ разными смѣшными тѣлодвиженіями обращается съ балкона съ рѣчью къ публикѣ, по возможности громко произнося свои шутки. Его каждый возгласъ обыкновенно прерывается взрывами хохота слушателей.

Покойный братъ мой предполагалъ записать эти прибаутки въ Петербургѣ и по другимъ мѣстностямъ Россіи и издать ихъ вмѣстѣ съ біографіями балагуровъ и существующими свѣдѣніями объ ихъ учителяхъ цѣлымъ сборникомъ. Онъ успѣлъ записать прибаутки только отъ двухъ, выступавшихъ въ роли *стариковъ*, отставныхъ еще бравыхъ солдатъ: Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева. Они оба приходили къ брату и диктовали ему все, чѣмъ умѣли съ балкона потѣшать публику. Въ печатаемомъ въ текстѣ Ивану Евграфову принадлежатъ номера: 6, 12, 13, 14, 16 и частію 19, всѣ прочіе записаны отъ Казанцева. Старики, повидимому, вносятъ въ рѣчь мало собственнаго вымысла, а только собираютъ, запоминаютъ и, сообразно случаямъ, группируютъ ходячія простонародныя остроты. Дѣйствительно, прибаутки эти имѣютъ всѣ признаки народнаго творчества. Мимолетность вниманія гуляющей толпы и трудность громкой рѣчи на холодѣ, при шумѣ, заставляютъ стариковъ быть сжатыми, что придаетъ языку ихъ шутокъ большую силу. Покойный братъ мой смотрѣлъ на эти прибаутки, какъ на остатки балагурствъ старинныхъ русскихъ скомороховъ и потѣшниковъ.

Печатаемый матеріалъ имѣетъ конечно петербургскій колоритъ. Разбирать его можно было бы только сравнительно съ прибаутками другихъ городовъ. Но, сколько извѣстно, даже въ Москвѣ подобныхъ записей еще не дѣлалось, что очень жаль, такъ-какъ народныя гулянья, отъ перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто и отъ возникновенія многихъ народо-просвѣтительныхъ учрежденій, утрачиваютъ свои былыя краски. Московскіе зазыватели, напримѣръ, имѣютъ большое отличіе отъ петербургскаго *старика* уже потому, что всегда выходятъ по двое, одинъ одѣтый *русскимъ дуракомъ*, а другой, съ палкой, его *учителемъ нѣмцемъ*.

Я точно скопировалъ записные листы моего брата, въ двухъ-трехъ листахъ смягчилъ слова, опустилъ повторенія, расположилъ тексты въ порядкѣ содержанія, перенумеровалъ и озаглавилъ ихъ, придерживаясь помѣтокъ на оригиналѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ нумеровъ неудобныхъ къ печатанію, здѣсь все, что я нашелъ въ рукописяхъ брата. Орѳографическія неправильности должны быть отнесены къ произношенію.

Александръ Кельсіевъ.

1. Книга.

Вотъ что, милые друзья, я пріѣхалъ изъ Москвы сюда, изъ гостиннаго двора — наниматься въ повара; только не рябчиковъ жарить, а съ рыжимъ по карманамъ шарить.

Вотъ моя книга раздвига. Въ этой книгѣ есть много чего, хотя не видно ничего. Тутъ есть диковинная птичка, не снигирь и не синичка, не пѣтухъ, не воробей, не щеголъ, не соловей, — тутъ есть портретъ жены моей. Вотъ я про ее разскажу и портретъ вамъ покажу. Отъ прелести – лести — сяду я на этомъ мѣстѣ.

Вы, господа, на меня глядите а отъ рыжаго карманы берегите.

2. Свадьба.

Задумалъ я жениться, не было гдѣ деньгами разжиться. У меня семь бураковъ мѣдныхъ пятаковъ, лежатъ подъ кокорой, самъ не знаю подъ которой.

Присваталась ко мнѣ невѣста, свѣтъ—Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромонога — кривая, лепетунья и заика. Сама ростомъ не велика, лицо узко какъ лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Когда я посватался къ ней, какая она была щеголиха, притомъ-же франтиха. Зовутъ ее Ненила, которая юбки не мыла. Какія у ней ножки, чистыя какъ у кошки. На рукахъ носитъ браслеты, кушаетъ всегда котлеты. На шеѣ два фермуара, чтобы шляпку не сдувало. Сарафанъ у ней французское пике и рожа въ мукѣ.

Какъ задумалъ жениться, мнѣ и ночь не спится. Мнѣ стало сниться, будто я съ невѣстой на балѣ; а какъ проснулся, очутился въ углу въ подвалѣ. Съ испугу не могъ молчать, началъ караулъ кричать. Тутъ сейчасъ прибѣжали, меня связали, невѣстѣ сказали, такъ меня связаннаго и вѣнчали.

Вѣнчали насъ у Флора, противъ гостиннаго двора, гдѣ висятъ три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишняго. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денегъ не давали. Невѣсту въ телѣгу вворотили; а меня, добраго молодца, посадили къ мерину на хвостъ и повезли прямо подъ Тючковъ мостъ. Тамъ была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всѣхъ волостей. Былъ Герасимъ, который у насъ крыши красилъ. Былъ еще важный франтъ, сапоги въ рантъ, на высокихъ каблукахъ, и поганое ведро въ рукахъ. Я думалъ, что придворный поваръ, а онъ былъ французъ Тельдантъ, собачій комендантъ. Еще были на свадьбѣ тараканъ и паукъ, заморской пѣтухъ, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лѣсная лисица, да стараго попа кобылица.

Была на свадьбѣ чудная мадера, новаго манера. Взялъ я бочку воды, да полфунта лебеды, ломоточекъ красной свеклы утащилъ у тетки Ѳеклы; толокна два стакана въ воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести, да березовымъ полѣномъ по затылку оплести—право на ногахъ не устоишь.

3. Жена.

У меня жена красавица. Подъ носомъ румянецъ, во всю щеку сопля. Какъ по Невскому прокатитъ, только грязь изъ подъ ногъ летитъ.

Зовутъ ее Софья, которая три года на печкѣ сохла. Съ печки то я ее снялъ, она мнѣ и поклонилась, да на трое и развалилась. Что мнѣ дѣлать? Я взялъ мочалу, сшилъ, да еще три года съ нею жилъ.

Послалъ ее къ рынку, купить изъ подъ хвоста грудинку, хрящикъ, самый-то ящикъ. Тамъ фурманщики ее убили, такъ мнѣ досадили, даже слезы покатились, только назадъ воротились. Съ головы вошь свалилась, да съ трёмъ курамъ драться схватилась; я насилу рознялъ.

Пошелъ на Сѣнную, купилъ за грошъ жену другую, да и съ кошкой. Кошка-то въ грошѣ, да жена-то въ барышѣ, что ни дай такъ поѣстъ.

4. Жена.

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, съ недѣлю ростомъ и два дни загнувши. Ужъ признаться сказать, какъ бывало въ красный сарафанъ нарядится, да на Невскій проспектъ покажется—даже извощики ругаются, очень лошади пугаются. Какъ поклонится, такъ три фунта грязи отломится.

5. Жена.

У меня, голова, жена красавица. Глаза-то у ней по булавочкѣ, а подъ носомъ двѣ табачныя лавочки. У ней, голова, рожа на мой лапоть похожа. Она у меня, голова, тужа, гдѣ постоитъ тамъ и лужа. И хорошаго, голова, поведенья — изъ Полторацкаго заведенья. Была въ магазинѣ, плела, голова, корзины. Еще, голова, по домашнему я что скажу: щи варитъ, жаркое жаритъ, пироги печь, али на печь лечь—и то умѣетъ. Я, голова, недалеко скажу: вчера она, г., полъ мыла, грязьто, г., и соскоблила, въ кучу собрала, да мнѣ блиновъ напекла. Вотъ, г., какъ она мнѣ щи варитъ, въ одномъ горшкѣ два кушанья.

У ней горшокъ съ перекладиной. Въ одной половинѣ щи болтаетъ, въ другую помои выливаетъ. Я разъ и хлебнулъ, такъ руками и ногами и дрыгнулъ. Жаркое жарилъ въ двухъплошкахъ, а только все изъ тараканьихъ ножковъ.

Вотъ, голова, жена у меня мальчика родила сегодня, лѣтъ шести весь въ шерсти. Послѣ родовъ и захворала. Я, голова, къ дохтуру; я, г., къ другому. Вотъ, г., одинъ прохожій, вотъ эдакій толсторожій, онъ меня и научилъ, а ужъ я раньше рубли полтора пролѣчилъ. Дай ей, г., порошокъ, который дается до самыхъ кишокъ. Я, г., пришелъ домой и женѣ, г., сказалъ. Она, голова, у меня порошокъ то и приняла, такъ меня рукамъ и ногамъ и обняла.

6. Жена стряпаетъ.

Мастерица моя жена варить, въ каждомъ горшкѣ по два кушанья. Кашу варитъ: крупу всыпаетъ, не мѣшаетъ, — такъ въ печь и пихаетъ. Потомъ вынимаетъ, меня старика-то ѣсть и заставляетъ. Со старости не разберу, все съ горшкомъ и уберу.

Мастерица печь пироги и короваи, пекетъ всегда въ сараѣ. Готовитъ, въ кухнѣ, чтобы

больше пухли, съ начинкой, съ телячьей овчинкой, съ лукомъ, съ перцемъ, съ селедочными головками, съ яичной скорлупой, съ собачьей требухой—во какой! Съ одного конца разорвалося, по всей деревнѣ раздалося. А ѣсть только свиньѣ удалося. Рыжій облизывается, вѣрно попробовалъ.

Мастерица хлѣбы печь. Становитъ съ вечера на дрождяхъ, утромъ подымаетъ на вожжахъ. Сажаетъ на лопатѣ, вытаскиваетъ на ухватѣ. Сажаетъ два, а вытащитъ тридцать два. Да что и за хлѣбы! Снизу подопрѣло, сверху подгорѣло, съ краевъ-то прѣсно, въ серединѣ-то тѣсто. Не рѣжь ножичкомъ, а черпай ложечкой. Я со свиньей перебиралъ, да рыло все перемаралъ.

7. Обѣдъ.

Что случилось со мной намедни, когда бабушка ушла къ обѣдни. Зажегъ я свѣчку, полѣзъ съ Акулькой на печку. Мнѣ не спится и не лежится, на брюхѣ ничего не вертится; я на тотъ бокъ, на другой бокъ, все не спится. Думалъ—думалъ: отчего? Какъ на брюхото погляжу, а я не ѣвши лежу. Съ печки то я соскочилъ, да три хлѣбца и обточилъ.

Проклятой женѣ что то и не понравилось. Она меня голоднаго увидала, какъ сабакѣ въ чашку говядину накидала, и къ этому припасу налила рѣпнаго квасу. Это все хорошо, только ложка была узка, таскала по три куска. Надо бы ее пошире развести, чтобъ таскала кусковъ по шести. Поѣлъ то я слегка, раздуло какъ телка. Ни Богу помолиться, ни къ стѣнкѣ прислониться. Живъ-то-живъ,—а если я умру, на тебя, рыжій, столько чертямъ навру. Ты думаешь, буду я въ аду, а я и тамъ буду съ чертями въ ладу. На томъ свѣту соломенную шляпу тебѣ, рыжій, сплету.

8. Домъ.

Вотъ я, голова, семь лѣтъ дома не бывалъ и оброка не плачивалъ. Пріѣхалъ домой, свой домъ поправилъ, четыре синяка сосѣду подставилъ. Мой домъ каменный, на соломенномъ фундаментѣ. Труба еловая, печка сосновая, заслонка не благословленная, глиняная. Въ домѣ окна большія, буравомъ наверченныя. Черная собака за хвостъ палкой привязана; хвостомъ лаетъ, головой качаетъ, ничего не чаетъ. Четверо воротъ, и всѣ въ огородъ. Кто мимо меня ѣдетъ, ко мнѣ заворачиваетъ, я карманъ выворачиваю. Такъ угощаю, чуть живыхъ отпущаю.

Былъ я тогда портнымъ. Иголочка у меня язовенькая, только безъ ушка—выдержитъ ли башка? Какъ разъ стегну, такъ кафтанъ-шубу и сошью. Я и разбогатѣлъ. У меня на Невскомъ лавки свои: по правой сторонѣ это не мое, а по лѣвой вовсе чужія. Прежде я былъ купцомъ, торговалъ кирпичемъ и остался ни причемъ. Теперь живу день въ водѣ, день въ дровахъ и камень въ головахъ.

9. Звѣринецъ.

Былъ я въ звѣринцѣ. Ну ужъ тамъ удивленье, со звѣрями представленье. Тамъ медвѣдь боролся съ козой. Коза не выдавала, медвѣдю въ зубы поддавала. Вотъ на что поддалась она—въ помочь привели слона.

Тамъ много было народу, смотрѣли на урода,—и я взялъ мысли такія, посмотрѣть какъ и другіе. Я смотрѣлъ не одинъ, былъ съ невѣстой, какъ господинъ. Мы смотрѣли больше на слона.

Вотъ какъ слонъ съ медвѣдемъ началъ бить, ся—коза бросилась топиться. Я вижу, что намъ не мѣсто: пойдемъ домой, невѣста. Она захлопотала: посидимъ покуда. А насъ и выгнали оттуда.

10. Баня.

Я по Невскому шолъ, четвертака искалъ, да въ чужомъ карманѣ рубль нашелъ, едва и самъ ушелъ. Потомъ иду да подумываю.

Вдругъ навернулся купецъ знакомый да нездоровый, только очень толсторожій. Я спросилъ: Дядюшка, въ которой сторонѣ деревня? А онъ мнѣ сказалъ: у насъ деревни нѣтъ, а все лѣсъ. А я къ нему въ карманъ и влѣзъ. Онъ меня взялъ да въ баню и пригласилъ. А я этого дѣла не раскусилъ: я на доровщинку и самъ не свой.

Приходимъ мы въ баню. Баня-то баня—высокая. У воротъ стоитъ два часовыхъ въ мѣдныхъ шапкахъ. Какъ я въ баню-то вошелъ, да глазомъ-то окинулъ, то небо и увидѣлъ. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полокъ, на которомъ чертъ орѣхи толокъ. Вотъ, голова, привели двоихъ парильщиковъ, да четверыхъ держальщиковъ. Какъ положили меня дружка не на лавочку, а на скамеечку, какъ начали парить съ обѣихъ сторонъ гладить. Вотъ тутъ я вертѣлся, вертѣлся, насилу согрѣлся. Не сдержалъ, караулъ закричалъ. Баньщикъ то добрый, денегъ непроситъ, охапками вѣники такъ и носитъ.

Какъ съ этой бани сорвался, у воротъ съ часовымъ подрался.

11. Баня.

Вотъ, голова, я сегодня, наканунѣ Обухова мосту, двѣ недѣли въ сторону, не доходя,

прошедши, на уголку въ Семеновскомъ полку осклизнулся, голова, да упалъ—а рыжій за меня въ карманы попалъ. А городовой меня, г., къ мировому отправлялъ. А мировой то меня зналъ, что я бани на смерть не люблю, лучше раньше умру. Онъ меня, г., осудилъ, въ баню и сводилъ. А какая, г., баня-то! безъ крышки безъ дна, только скамейка одна. Какъ, г., меня привели, на меня, г., парильщики то и глядятъ, точно сейчасъ съѣдятъ. Какъ меня, добраго молодца, шесть человѣкъ положили: двое парильщиковъ, четверо держальщиковъ. Разъ, г., отпустили и другой, г., отпустили; какъ я, г., третій порошокъ то принялъ, такъ, г., скамейку руками и ногами обнялъ. Потомъ, г., я оттудова бѣжать да бѣжать споткнулся да упалъ, да къ приставу прямо въ карманъ и попалъ. Онъ, г., меня и благодарилъ, на косушку 12 к. подарилъ.

12. Часы.

У васъ, господа, есть часы? У меня часы есть. Два вершка пятнадцатаго.

Позвольте, господа, у васъ повѣрить, или мнѣ аршиномъ помѣрить. Если мнѣ мои часы заводить, такъ надо за Нарвскую заставу выходить. У насъ таперича здѣсь неразрѣшено, и въ публикѣ не заведено. Мои часы, господа, трещатъ, а рыжіе изъ чужаго кармана тащатъ.

13. Лотерея.

Вотъ, господа, я къ вамъ пришелъ, съ масляницей васъ проздравить да ваши карманы ошарить.

Вотъ, господа, я сегодня сюды шолъ, въ одномъ карманѣ четвертакъ и нашолъ. Потомъ, г., дальше пошолъ, въ другомъ карманѣ полтинникъ нашелъ. Потомъ, г., попадается мнѣ прохожій. Я къ нему, спотыкнулся да упалъ, прямо на шесть рублей въ карманъ и попалъ. Онъ, г., меня такъ благодарилъ, чуть-чуть до смерти не убилъ.

Теперь, г., я съ несчастья розыграю лоторею. По пятачку билетъ, а разыграется черезъ сто лѣтъ.

Розыгрывается у меня, г., лоторея: подержаный жидъ, два заячьихъ филея.

Еще, г., двѣ шинели безъ фланели, да подкладка отъ сертука, старый замокъ отъ сундука.

Постой, г., я сбился, не пересчитать. Разъ два, три—а ты, Марѳа, съ носу утри.

Еще, г., розыгрываются у меня двѣ дамы, которыя вынуты вчерась изъ помойной ямы. Я, г., ихъ перемылъ — переполоскалъ, да зубамъ на карусель перетаскалъ.

Еще, г., подсвѣчникъ аплике, и тотъ заложенъ въ Полторацкомъ кабакѣ. А ты, рыжій, свѣчку погаси, а подсвѣчникъ въ Апраксинъ продать снеси.

Еще, г., самоваръ накладнаго серебра, безъ трубы, безъ дна, только крышка одна.

Еще, г., полдюжины марокъ, да дюжина старыхъ кухарокъ.

Еще, г., тулупъ новый, крытый, только не шитый. Дубовый воротникъ, сосновая подкладка, а на верху 91 заплатка.

Еще, г., кровать объ трехъ ногахъ и березовое полѣно въ головахъ.

Еще, г., часы на 13 камняхъ, которые возятся шестерней на дровняхъ. Они, г., глухіе и въ срединѣ пустые. На масляницѣ блины пеку, да здѣшнихъ мазуриковъ кормлю.

Еще, г., салопъ женинъ атласный, только портной нечаянно пришилъ воротникъ красный.

Еще, г., кольцо золотое, даже заказное, у Берта отлитое, полтора пуда вѣсомъ.

Еще, г., имѣнье, въ гавани два воза каменья, а только не простое, все булыжное.

Еще, г., полдюжины платковъ изъ моихъ синихъ портковъ.

Еще, г., шубка безъ ватки, безъ подкладки, а на верху 73 заплатки.

Господа, на лоторею давайте сюда. Я съ лотореей то прощусь, а съ карманомъ съ вашимъ подѣлюсь. Не всѣ, не всѣ! Лучше отдохните, сразу по полтинѣ махните.

14. Лотерея.

Розыгрывается лоторея: киса стараго бородобрѣя, въ Апраксиномъ рынкѣ въ галереѣ. Вещи можно видѣть на балѣ, у огородника въ подвалѣ.

Въ лотореѣ будутъ раздавать билеты два еврея; будутъ розыгрываться воловій хвостъ и два филея.

Чайникъ безъ крышки, безъ дна, только ручка одна.

Изъ чистаго бѣлья два фунта тряпья; одѣяло, покрывало, двухъ подушекъ вовсе не бывало.

Серьги золотыя, у Берта на заводѣ изъ мѣди литыя, безо всякаго подмѣсу, девять пудовъ вѣсу.

Бурнусъ вороньяго цвѣту, переднихъ половинокъ совсѣмъ нѣту. Взади есть мѣшокъ, кисточки на вершокъ. Берестой наставленъ, а задъ то на Невскомъ проспектѣ за бутылку пива оставленъ.

Французскіе платки, да мои старые портки, мало ношеные, только были въ помойную яму брошеные. Каждый день на меня надѣваются, а кто выиграетъ—назадъ отбираются.

Двѣнадцать подсвѣчниковъ изъ воловьихъ хвостовъ, чтобы рыжіе не забывали великихъ постовъ.

Будетъ розыгрываться золотая булавка, — а у этой кухарки подъ носомъ табачная лавка.

Перина ежоваго пуха, разбиваютъ кажное утро въ три обуха.

Шляпка изъ навознаго пуха, носить дамамъ для духа.

Сорокъ кадушекъ соленыхъ лягушекъ.

Матерія мареморъ съ воробьиныхъ горъ.

Шкапъ краснаго дерева, и тотъ въ закладѣ у повѣреннаго.

Краснаго дерева диванъ, на которомъ околѣвалъ дядюшка Иванъ.

Два ухвата, да четыре поганыхъ ушата.

Пять козъ, да мусору возъ.

Салопъ на лисьемъ мѣху, объѣли крысы для смѣху. Атласный, весь красный, съ бахрамой лиловаго цвѣту, воротника и капишона совсѣмъ нѣту.

Будетъ розыгрываться великимъ постомъ подъ Воскресенскимъ мостомъ, гдѣ меня бабушка крестила, на всю зиму въ прорубь опустила. Ледъ-то раздался, я такой чудакъ и остался.

15. Прохожій

Вижу, голова, я нынче на Рождествѣ — прохожій, вотъ на этого рыжаго похожій. Онъ меня, голова, и позвалъ Христа славить, въ чужихъ домахъ по стѣнамъ шарить. Мы, голова, и прославили, шубу съ бобровымъ воротникомъ сгладили.

Потомъ, голова, въ Свѣтло Христово Воскресенье мнѣ онъ попался у заутрени. Священникъ сказалъ: Христосъ-Воскресъ, а онъ къ купцу прямо въ карманъ и влѣзъ.

Онь, г., хорошій мастеровой: кузнецъ, слесарь, токарь, столяръ, а еще плотникъ, по чужимъ карманамъ лазить охотникъ. Еще, г., литейщикъ, башмачникъ, сапожникъ, портной—только онъ г., за Московской заставой съ вязовой иголкой стоялъ. Разъ г., стегнулъ, енотовую шубу сразу и махнулъ.

16. Кухарка.

Кухарка съ Бертова завода—сегодня только пустилъ въ моду. Готовитъ разные макароны, изъ которыхъ вьютъ гнѣзда вороны. Варитъ супъ изъ разныхъ крупъ, которыми мостовую посыпаютъ. Вѣрно была въ пассажѣ—замарала носикъ въ сажѣ. Кофей-то варила, меня не напоила, Богъ покаралъ, послѣ въ сажѣ замаралъ. Забыла мою хлѣбъ-соль, какъ я у тебя обѣдалъ.

17. Цырульникъ.

Былъ я цырульникомъ на большой Московской дорогѣ. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцомъ поставить, а нѣтъ, такъ и совсѣмъ безъ головы оставить. Кого я ни бривалъ, тотъ дома никогда не бывалъ. Эту цырульню мнѣ запретили.

18. Рыболовъ.

Я записался рыболовомъ. Купилъ 50 саженъ веревокъ, у Берта на заводѣ заказалъ крючокъ. На крючокъ посадилъ курицу-цыцарку и бросилъ съ Николаевскаго моста въ Неву, подъ арку. Вижу—идутъ два налима, только мимо. Одинъ налимъ одумался да воротился, за курицу схватился. За налима схватилась щука, за щуку два карася, за карасей два окуня, за окуней два сига, за сиговъ два ерша, за ершей два язя — тащить то и нельзя.

Рыжій, подсоби тащить, что стоишь да пожимаешься? Сразу опѣшилъ — вѣрно усталъ, еще изъ кармановъ не досталъ.

19. Публика.

Рыжій, помнишь великій постъ, какъ теленка тащилъ за хвостъ. Теленокъ кричитъ *ме*, а онъ говоритъ пойдемъ на праздникъ ко мнѣ.

У кого есть въ карманѣ рублей двѣсти, у рыжаго сердце не на мѣстѣ. Признаться сказать, у кого волосы чёрны, и тѣ на эти дѣла задорны. Въ особенности рыжіе, да плѣшивые самые люди фальшивые. Кому лапоть сплесть, кому въ карманъ влѣзть—и то умѣютъ.

А вишь и русый не даетъ чужому карману трусу. Какъ увидитъ, такъ и затрясетъ, въ свой карманъ понесетъ.

Вотъ этотъ капралъ у меня два хлѣба укралъ.

А вотъ дикій баринъ дрожавши спотѣлъ, купаться захотѣлъ.

Господа, вамъ фокусъ покажу: что вы дадите, я въ свой карманъ положу.

Вотъ что я, вамъ, господа, скажу. У меня сегодня несчастье случилось, въ пустой кор-

зинкѣ кошка утопилась. Осталось семеро котятъ на молочко-то, господа, давайте сюда.

А я вотъ что, господа, скажу: пряники да орѣхъ кидать великій грѣхъ. Лучше отдохните, да копѣекъ по шести мнѣ махните.

Дай тебѣ Богъ полну пазуху блохъ, четверть вшей, огородъ чертей. Нова хата провались, а старая загорись.

ИЗЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КОСМОГОНІИ*).

Пошехонскій уѣздъ—самый глухой и сѣверный уѣздъ Ярославской губерніи; онъ занимаетъ площадь въ 5.165 кв. верстъ, населенную 94 тыс. жителей. Совершенно отрѣзанный отъ всѣхъ торговыхъ путей, исключая небольшаго пространства, прилегающаго своей западной частью къ Шекснѣ, онъ представляетъ мѣстность почти исключительно земледѣльческую: ни большихъ торговыхъ селъ, ни заводовъ, ни фабрикъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ не встрѣчается; изъ отхожихъ промысловъ, какъ наиболѣе развитой, можно указать только на портняжничество; грамотность между жителями стоитъ на самой низкой степени развитія: во всемъ уѣздѣ существуетъ всего пять школъ.

Суровъ и непривѣтливъ этотъ сѣверный край Ярославской губерніи. Какимъ-то унынiемъ и тоской вѣетъ на свѣжаго человѣка, при взглядѣ на эти поля, съ убогими нивами, на эти топи и непроходимыя болота, на эти дремучіе лѣса, то глухо шумящіе, то угрюмо и глубоко молчаливые, словно заколдованные. Не надъ чѣмъ здѣсь остановиться, ничто не приласкаетъ вашъ взоръ и не обрадуетъ: печально все и дико вокругъ. Изрѣдка кое-гдѣ на встрѣчу попадется забытая Богомъ деревнишка, выглянетъ изъ-за лѣса полусгнившій крестъ бѣдной сельской колокольни—и только; а тамъ пойдутъ опять болота, валуны и лѣсъ, безконечный лѣсъ...

Здѣсь, въ этой мрачной сторонѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе люди ведутъ упорную борьбу съ природой, воюютъ съ враждебными стихіями, непрерывно бьются за свое существованіе.

Не трудно объяснить, почему въ мѣстномъ населеніи, не смотря на принадлежность послѣдняго къ вѣроисповѣданію православному, такъ крѣпко еще держатся языческія вѣрованія. Весь міръ, по народному представленію, населенъ добрыми и злыми существами, но злыми больше, чѣмъ добрыми. Къ покровительству и защитѣ первыхъ народъ прибѣгаетъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ, къ нимъ-же онъ обращается за помощью во всѣхъ бѣдахъ, неразлучныхъ спутниковъ его трудовой жизни. Здѣсь, мы встрѣчаемся еще съ поклоненіемъ деревьямъ, ключамъ и камнямъ; находимъ заговоры и молитвы отъ болѣзней, порчи колдуновъ, нечистой силы, начальниковъ и недобрыхъ людей. Деревья, рощи и колодцы считаются святыми съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ постоянно стекаются цѣлыя массы больныхъ и несчастныхъ, которые приносятъ съ собою полотенца, крестики и пояски, развѣшивая ихъ на деревьяхъ и колодцахъ. Точно также большимъ почетомъ со стороны народа пользуются и святые камни, къ которымъ богомольцы приходятъ за нѣсколько десятковъ верстъ. Еще недавно при святыхъ березахъ и рощахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, служили молебны и были къ нимъ крестные ходы. Нѣкоторыя изъ деревьевъ избавляютъ отъ болѣзни, другія подаютъ исцѣленія испорченнымъ и т. п. Святыя деревья большею частію съ отверстіями, черезъ которыя пролѣзаютъ больные. Когда пролѣзаютъ, то говорятъ: „сосна, тебѣ на стояніе, а мнѣ рабу Божію, на здоровье“.

Послѣднее обстоятельство указываетъ какъ много придаетъ народъ значенія слову, нашептываньямъ и разнымъ заговорамъ, безъ которыхъ, даже при всей своей увѣренности въ цѣлебныхъ свойствахъ деревьевъ, обойтись не можетъ. Заговоры и молитвы, хотя многіе изъ нихъ ничего въ себѣ *божескаго* и не заключаютъ, имѣютъ широкое распростра-

*) Передано крестьяниномъ с. Козмодемьянска, Пошехонскаго уѣзда, С. Я. Деруновымъ.

неніе въ народѣ и занимаютъ первенствующее мѣсто въ исторіи народныхъ суевѣрій. Они встрѣчаютъ человѣка съ момента появленія его на свѣтъ и провожаютъ его до самой могилы. Едва ребенокъ родится, бабка-повитуха, произноситъ надъ нимъ уже молитву, моетъ его, потомъ завертываетъ въ подолъ и по три зари выноситъ его изъ избы, приговаривая: „заря-зарница, красная дѣвица, Крикса, Фокса, возьми свой крикъ, подай младенцу (имрекъ) сонъ“. Случится ли у младенца родимецъ, его парятъ, продѣваютъ сквозь лѣстницу и говорятъ: „Тихонькій, тихонькій, тихонькій, не ломайся надъ младенцемъ (имя), ломайся надъ лѣстницею“. Отправляются женихъ съ невѣстой въ церковь, на паперти они должны взяться за скобу и сказать: „пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ“. Если женщина страдаетъ ломотою въ спинѣ, больная ходитъ шесть зорь къ отвореннымъ воротамъ и, наклонившись подъ запоръ, говоритъ три раза: „запоръ, запоръ, возьми и мой упоръ отъ рабы Божіей (имя) во вѣки вѣковъ. Аминь“. Вздумаетъ крестьянинъ пойти на охоту, онъ точно также произноситъ заговоръ: „встану я, рабъ (имя). не умоюся, не помолюся, одѣнуся и обуюсь, не перекрещуся, выйду я не изъ дверей—въ окошко, не въ ворота—въ подворотню, пойду я не на востокъ солнца краснаго,—въ ночную, темную сторонушку, не помоляся на всѣ четыре стороны. Приду я рабъ (имя) ко всѣмъ своимъ ставушкамъ, ловушкамъ, ко булатнымъ клепамъ; стану я сзывать, кликать всѣхъ своихъ слугъ, сторожей; приговорю я всѣ къ нимъ призывы, привороты; заставлю всѣхъ стражей, загонщиковъ и пригонщиковъ, водяныхъ, лѣсныхъ, болотныхъ боровъ и поддорожныхъ, большеухихъ, малоухихъ, рогатыхъ и косолапыхъ, хвостатыхъ и шерстнатыхъ загонять въ мои ставушки, ловушки и въ булатные клепы“... Далѣе, перечисляются всѣ животныя, находящіяся въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Заговоръ оканчивается словами: „пусть имъ кажется по сторону огонь, по другую — стѣна, сзади—калена стрѣла; пусть будутъ по моимъ приговорамъ и заговорамъ бѣгать—ходить въ каждомъ днѣ и часу, ночью и за полночь утромъ въ утреннюю зорюшку, вечеромъ при звѣздахъ и мѣсяцѣ, во всякую пору, отнынѣ и до вѣка. Аминь. Кои слова не договорлъ — позади, кои переговорилъ — впереди“ *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, житель сѣвера ведетъ непрестанную борьбу съ природою съ одной стороны и нечистой силою, чертовщиною съ другой стороны. Въ этой двойной и страшной борьбѣ проходитъ вся жизнь народа. Но таковы ужъ видно свойства человѣческой натуры, что, подъ вліяніемъ какихъ-бы гнетущихъ условій ни слагалась жизнь народа, умъ человѣка не откажется отъ пытливости и станетъ доискиваться разрѣшенія тайнъ. Какъ произошелъ міръ? Кто создалъ землю и небо? Откуда взялся человѣкъ? задаетъ себѣ вопросы народъ. Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ сказаніяхъ русскаго народа, легендахъ его, сказкахъ и памятникахъ литературы, названной отреченною.

Въ основѣ большинства подобнаго рода произведеній, какъ извѣстно, лежитъ дуализмъ. Слѣды этого дуализма видны и въ народномъ сказаніи Пошехонскаго края. Нужно замѣтить, что это сказаніе, обращаясь среди народа въ живомъ разсказѣ, называется теперь сказкою; только въ немногихъ спискахъ, которые иногда попадаются, осталось названіе—сказаніе.

Къ нему теперь мы и перейдемъ.

Чтобы показать—какое отношеніе имѣетъ наше сказаніе къ другимъ уже извѣстнымъ и чѣмъ оно отъ нихъ отличается, приведемъ отрывки изъ „Свитка божественныхъ книгъ“ и „Сѣверныхъ сказаній о Лембояхъ и Удѣльницахъ“.

„Свитокъ“ начинаетъ разсказъ еще до сотворенія міра и затѣмъ переходитъ къ исторіи мірозданія и человѣка. По слову Божію являются небо, заря, облака, звѣзды и т. д.; за ними слѣдуетъ созданіе тьмы столповъ на воздухѣ, „а на томъ столпѣ камень неподвиженъ“; далѣе — твореніе земли и ада: на землѣ является „море Тиверіадское, а береговъ у него не было“.

„И сниде Господь на море по воздуху... и видѣ на морѣ *гоголя* плавающа, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанаилу, яки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? — И рече ему Сатана: азъ есмь богъ. —А меня како нарещи?—Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ богомъ и Господь господемъ. — Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ-же-бы Господь его сокрушилъ въ морѣ Тиверіадскомъ“.

Богъ велитъ Сатанаилу нырнуть въ море и

---

*) См. Труды Ярославскаго Губернскаго Статист. Ком. 1869 г. Статьи Е. И. Якушкина: „Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ уѣздѣ“ и С. Я. Дерунова: „Крестьянская свадьба въ Пошехонскомъ уѣздѣ“.

вынести оттуда песку и кремень. Сатанаилъ безпрепятственно выноситъ. Изъ песку Богъ создаетъ землю, а изъ одной половины кремня — ангеловъ. Сатанаилъ тоже проявляетъ силу творчества: посредствомъ другой половины кремня онъ создаетъ своихъ ангеловъ. Богъ дѣлаетъ Сатанаила начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими; послѣдній возгордился и захотѣлъ быть подобнымъ Богу. Богъ повелѣлъ архангелу низвергнуть Сатану; но тотъ воротился не исполнивъ повелѣнія. За ослушаніе архангелъ былъ постриженъ въ чернецы и названъ Михаиломъ. Богъ послалъ его во второй разъ; Михаилъ ударилъ скипетромъ силу Сатанину и она пала на землю, какъ дождь. *).

По другому народному сказанію,—сказанію о Лембояхъ, — дѣло творенія происходило нѣсколько иначе. Была одна вода. Спустился Саваоѳъ на землю и спросилъ: *кто здѣ е?*—И откликнулся Сатана и рекъ: *я здѣ е?*—И спросилъ Саваоѳъ Сатану: есть-ли гдѣ земля, не видалъ-ли? — Есть на днѣ моря,—отвѣчалъ Сатана. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о ныряніи Сатаны, но земли онъ не досталъ. Саваоѳъ его укоряетъ и говоритъ: *„немощенъ, братъ, ты.* — Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону— дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли". Сатана сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваоѳъ и принесъ земли. За твореніемъ земли послѣдовало твореніе ангеловъ: Сатана, по повелѣнію Саваоѳа, беретъ молотъ и бьетъ имъ въ каменную гору правою рукой — изъ камня вылетаютъ свѣтлые воины и кланяются на востокъ Богу. Сатана попробовалъ бить лѣвой рукой — стали выскакивать черти и кланяться молотобойцу. Саваоѳъ увидалъ это и скорѣе зааминилъ. Саваоѳъ строитъ небо, а Сатана—другое; оба сдѣлали по семи небесъ, а Сатана все выше забирается. Саваоѳъ зааминилъ и велѣлъ Михаилу архангелу столкнуть Сатану со всѣми его небесами. Два раза прогонялъ Сатана архангела; но въ третій разъ, при помощи иконы, дѣвы съ младенцемъ, Михаилу удалось побѣдить Сатану **).

Пошехонское сказаніе о сотвореніи земли разсказываетъ такъ:

„Когда не видно было ни неба ни земли, по всюду носилась тьма и вода: ни звѣзды, ни солнце, ни луна не выглядывали съ небесъ. Господь въ это время носился во тьмѣ и водѣ, за нимъ всюду шествовали всѣ силы небесныя: архистратиги, архангелы, ангелы, херувимы и серафимы.

Въ одно время Господь и надумалъ сотворить землю; надумалъ и подозвалъ къ себѣ перваго и любимѣйшаго своего архистратига Сатанайла. Говоритъ ему:

— „Любимѣйшій мой духъ, Сатанайле, опустись ты въ воды глубины неизмѣримыя, за тридевять поприщъ, въ тридесятомъ возьми на днѣ водномъ земли пригоршни, вынеси ю на поверхность воды: посѣю — да будетъ твердь земная"!

Выслушалъ Сатанайлъ слова Господни. Взвился надъ бездною водной, — поднялся отъ шума вихрь великій, яко громъ небесный; нырилъ въ воду, — водныя брызги летятъ, какъ дождь и градъ, клокочутъ точно въ котлѣ. Все успокоилось, вынирилъ Сатанайлъ, глядь на пригоршни, а въ нихъ земли— ни зернышка: выполоскало водой до чиста! Взвился Сатанайлъ пуще прежняго, пуще перваго вода всколыхалася, пуще перваго пошелъ рокотъ по околицѣ; нырилъ во второй разъ. Погодя вынирилъ Сатанайлъ, глядь, а въ пригоршняхъ земли ни зернышка: всю выполоскало до чиста! Паче прежняго поднялся шумъ отъ взмаховъ Сатанайла. Тутъ ему Господь и рыкнулъ гласомъ велимъ:

— „Остановись"!

Сатанайлъ остановился. Господь ему и говоритъ:

— „Сатанайле, духъ мой возлюбленный, приди ко мнѣ, попроси со смиреніемъ и кротостію у меня благословенія на такое дѣло великое. Съ нимъ достанешь и вынесешь землю на поверхность водную".

Подошелъ Сатанайлъ къ Господу, преклонилъ выю ниже яресла Господня. Возложи на него Господь руцѣ своя, благословилъ.

Смиренно и кротко нырилъ Сатанайлъ: не возшумѣлося окрестъ, не взбрызгалися воды глубокія. Скоро вынирилъ Сатанайлъ и вынесъ земли пригоршни, подалъ ю ко Господу.

Господь трижды бралъ земли сырой, трижды леталъ съ ею въ даль незримую, разсѣвая о десную и о шую руку; за нимъ летали сонмы небесныхъ силъ: архистратиговъ, архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ; всѣ они славили мудрость Господню. За полетами Господними возставала твердь земная и дѣлалась прекрасною, ровною равниною; засинѣла голубая твердь небесная; засіяло солнце, засверкали звѣзды, заходили тучи и заблистала молонья. Увидавъ Господь великолѣпіе земли, возрадовался; шибко воз-

*) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

**) Труды Этнограф. отд. кн. 3, вып. 1. Ст. Ѳ. В. Барсова: „Сѣверныя сказанія о Лембояхъ и Удѣльницахъ".

радовались съ нимъ и всѣ силы небесныя, лики ихъ сдѣлались, ровно заря ясная, пѣли онѣ передъ Господомъ пѣсни чудныя радости веліей, приносили хвалу Господу. Одинъ изъ силъ небесныхъ, Сатанайлъ, стоялъ поодаль отъ Господа, какъ туча черная, нахмуривъ чело, не приносилъ хвалу Господу. Господь и возговоритъ къ Сатанайлу:

— „Сатанайле, духъ нашъ возлюбленный, что не возрадуешься съ нами, не воздашь хвалы намъ?“

Съ гордостью великой говоритъ Сатанайлъ Господу:

— „Мнѣ за сіе придите и воздайте хвалы: мои труды!“

Сатанайлъ указалъ на сіяющую красой землю.

Трижды Господь призывалъ къ себѣ на поклоненіе Сатанайла; трижды Сатанайлъ отрекался и призывалъ къ себѣ на поклоненіе Господа воздать ему славословіе и почести. Тогда Господь съ гнѣвомъ сказалъ:

— „Отойди отъ меня, Сатана гордый“!

Взвился Сатанайлъ выше облака ходячаго, рыкнулъ голосомъ страшнымъ:

— „За мной, мнѣ вѣрные духи“!

„Сдѣлался шумъ ужасный, небеса потряслися, звѣзды попадали и померкли, солнце и луна потемнѣли; всѣ силы небесныя шумѣли, отъ шума земля колебалася, вихри крутилися, даль незримая тьмой покрылася.

Долго-ль коротко ль — стихло.

Осмотрѣлъ Господь свои вѣрныя силы небесныя, увидалъ, что отъ него отошла девятая часть на сторону Сатанайла.

Тучей темной чернѣлась сила Сатанайлова въ дали необозримой. Опять рыкнулъ Сатанайлъ къ своей силѣ темной:

— „За мной, на дѣло, втопчемъ землю въ глубь водную“!

Зашумѣла темная сила Сатанайлова, полетѣла. Гдѣ пролетитъ да хлопнетъ крылами, — дѣлаются на землѣ провалы, выступаютъ моря водныя; гдѣ пуститъ изъ себя воду, — тамъ бѣгутъ рѣки и ручьи; гдѣ крошитъ изъ себя калъ, — тамъ дѣлаются камни; гдѣ топнетъ ногой, — тамъ выдвигаются горы; гдѣ пуститъ изъ себя дыханіе, — тамъ изъ земли пышетъ поломя.

Господь видитъ такія каверзы Сатанайла и его темной силы, подзываетъ къ себѣ юнаго духа Миха, говоритъ ему:

— „Юный и любимый мой духъ Миха, благословляю тебя на брань съ Сатаною! Отнынѣ ты имѣй силу и именуйся Михайломъ архистратигомъ, воеводою всѣхъ небесныхъ воинствъ. Иди и свергни Сатану въ преисподнюю земли“.

Проговоривъ такія слова, Господь подалъ юному архистратигу Михаилу огненное копье, мечъ кладенецъ, броню булатную, на головушку надѣлъ шлемъ духовный съ перьями изъ павлина и благословилъ его правою рукою. Припалъ юный архистратигъ Михаилъ къ стопамъ Господнимъ, всталъ, потрясъ копьемъ и полетѣлъ; за нимъ полетѣли всѣ силы небесныя, въ ризахъ, яко снѣгъ бѣлыхъ, съ лаврами на головушкахъ, сотворити брань съ Сатаною и съ его темною силой.

Произошла битва великая, тряслася земля и небо, крутились вихри буйные, слышался рокотъ лютый, солнце было какъ уголь черное, луны и звѣздъ не видно было во тьмѣ. Трижды три дня стояла тьма и была ночь, слышалось рокотанье отъ побоища. И побѣдилъ юный архистратигъ Михаилъ Сатану и всю силу его, сверзилъ въ треисподнюю земли.

Возвратился юный архистратигъ предъ очи Господни со всѣми силами небесными, словословили всѣ силу и крѣпость Господню, принося хвалу каждочасно отъ нынѣ и до вѣка“.

Таково сказаніе или сказка пошехонцевъ о сотвореніи земли. Это сказаніе весьма живо обращается въ мѣстномъ населеніи и является такимъ образомъ, какъ бы проводникомъ извѣстной группы знаній, потому что многіе ему вѣрятъ и крѣпко убѣждены, что дѣло именно происходило такъ, какъ въ сказкѣ разсказывается.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ СОБРАННЫХЪ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ ПУДОЖСКАГО УѢЗДА ОЛОНЕЦ. ГУБ.

Пудожскій уѣздъ являлся до сихъ поръ, если такъ позволено выразиться, пасынкомъ изслѣдователей Олонецкой губерніи. Большинство изъ нихъ направлялось въ дебри Повѣнецкаго уѣзда, въ уѣзды Каргопольскій, Петрозаводскій и другіе и лишь сравнительно очень немногіе заѣзжали и въ Пудожскій уѣздъ, да и то нѣкоторые изъ нихъ лишь мимоѣздомъ. Эта нелюбовь изслѣдователей къ Пудожскому краю объясняется тѣмъ, что онъ рѣзко отличается во многихъ отношеніяхъ отъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ. Въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ губерніи, благодаря разнымъ условіямъ, населеніе сохранило въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ цѣлый рядъ архаизмовъ, сохранило много слѣдовъ своего стариннаго быта — крестьяне Пудожскіе на первый взглядъ мало чѣмъ отличаются отъ крестьянъ нашихъ среднихъ губерній. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними приходится лишь убѣждаться, что это первое впечатлѣніе касательно общихъ чертъ быта не было ошибочнымъ. Въ ихъ правовыхъ воззрѣніяхъ мало найдешь оригинальнаго, своеобразнаго, архаическаго: всюду видишь ломку прежнихъ устоевъ, ломку, прогрессирующую съ поразительной быстротой. И какой бы отдѣлъ права ни взялись вы изслѣдовать — всюду васъ поразитъ какая-то бѣдность, неопредѣленность данныхъ, всюду вы замѣтите усилившееся вліяніе волостныхъ писарей, успѣвшихъ замѣнить въ умѣ крестьянина его прадѣдовскіе обычаи — взглядами на дѣло статей нашего Свода Законовъ.

Еще недавно преобладающимъ типомъ семьи была, такъ называемая, большая семья, — теперь большія семьи даже въ болѣе глухихъ углахъ уѣзда встрѣчаются лишь рѣдкими оазисами среди распадающихся все больше и больше семей. Еще недавно большинство селеній уѣзда были, по выраженію мѣстныхъ жителей, *„загна́но мѣсто“*, гдѣ не было въ употребленіи ни чаю ни кофе — это время помнятъ еще не очень пожилые люди; — теперь не только самовары встрѣчаются во всякой семьѣ, но и употребленіе кофе распространено до того, что нѣкоторыя бѣдныя семьи ходятъ подъ окнами, собираютъ подаяніе и, собравъ копѣекъ 60—80, удовлетворяютъ прежде всего своей потребности въ кофе. Нѣкоторые даже просто просятъ: „подайте ради Христа на кофе“ и т. д.

Прислушаетесь вы къ пѣснямъ — ясно слышите въ нихъ заводское и кабацкое вліяніе, — пойдете на бесѣду — увидите крестьянъ, танцующихъ „кандрель“ и „ланцьетъ“. Итакъ начиная съ крупныхъ сторонъ быта, кончая такими мелочами — вы всюду увидите, что, такъ называемая, городская культура сказывается съ чрезвычайной силой. Но это лишь одна сторона дѣла. Въ деревнѣ, гдѣ постоянно вы слышите заводскія пѣсни, гдѣ молодежь поетъ даже „По синимъ волнамъ океана“ и извѣстное всѣмъ „Казъ-Булатъ удалой“ — оказывается, живетъ пѣвецъ былинъ или сказитель сказокъ, знающій старину. Подобно тому какъ среди разрозненныхъ семей вы встрѣтите еще, какъ рѣдкое исключеніе, большую семью, живущую по устоямъ завѣщаннымъ дѣдами — можете вы увидѣть и среди обучавшейся въ школахъ молодежи еще старика грамотнаго, начитаннаго въ апокрифическихъ книгахъ, драгоцѣннаго для него наслѣдія его предковъ-раскольниковъ и т. д. и т. д.

Такія явленія, какъ пѣвецъ былинъ, сказитель сказокъ, начитанный въ старыхъ книгахъ человѣкъ — лишь рѣдкія исключенія, одинокіе столбы, не поддавшіеся еще общему теченію, охватившему молодежь и людей среднихъ лѣтъ. Все представляетъ какое-то хаотическое состояніе, какое-то ниспроверженіе стараго и поспѣшную замѣну новымъ, схватываемымъ безъ разбора; все смотритъ какъ будто недодѣланнымъ, неоконченнымъ,

* Примѣчаніе: Нижеслѣдующее есть лишь нѣсколько распространенный рефератъ, читанный мною въ Отдѣлѣ Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (въ 1888 г.). Будучи лѣтомъ 1887 г. командированъ Обществомъ для собиранія этнографическихъ данныхъ о бытѣ населенія въ Олонецкой губерніи, — я, по невозможности познакомиться со всѣми уѣздами губерніи, выбралъ райономъ своихъ изслѣдованій Пудожскій уѣздъ, причемъ, главнымъ образомъ ту часть его, которая лежитъ къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города, какъ часть уѣзда наиболѣе глухую. Знакомясь главнымъ образомъ съ юридическимъ бытомъ крестьянъ, я имѣлъ лишь немного времени для ознакомленія своего съ вѣрованіями населенія. Вотъ почему свѣдѣнія, сообщаемыя мною, страдаютъ подчасъ и неполнотою, и отрывочностью. Что касается собранныхъ мною данныхъ о юридическомъ бытѣ населенія, то они составятъ содержаніе особаго изданія. Въ настоящемъ сообщеніи я имѣлъ въ виду представить лишь общую характеристику быта крестьянъ Пудожскаго уѣзда и то, что являлось болѣе интереснымъ въ ихъ вѣрованіяхъ. Собранныя мною свѣдѣнія я дополнилъ свѣдѣніями, собранными моей сестрой и спутницей В. Н. Харузиной, за доставленіе которыхъ приношу ей свою благодарность.

сколоченнымъ наспѣхъ. Видно, что съ сравнительно недавняго времени произошла эта рѣзкая перемѣна въ умахъ, что, разрушивши старый строй, не успѣли его еще замѣнить прочнымъ новымъ, выработать себѣ, въ замѣнъ старыхъ устоевъ, новое, трезвое міровоззрѣніе.

Не буду подробно касаться на этотъ разъ причинъ, вызвавшихъ такое смѣшеніе въ умахъ Пудожскихъ крестьянъ, укажу лишь на нѣкоторыя изъ этихъ причинъ, приводимыхъ самими крестьянами въ объясненіе этого факта. Это—удобства сообщенія съ Петербургомъ, благодаря недавно проложеннымъ земствомъ дорогамъ въ глухія мѣста уѣзда, (куда еще лѣтъ 10—12 вела лишь тропинка изъ Пудожа, по которой съ трудомъ можно было проѣхать даже верхомъ) и пароходное сообщеніе, сближающее Олонецкую губернію съ Петербургомъ, уничтожающимъ такія препятствія, какъ Онежское и Ладожское озера. Это улучшеніе путей сообщенія и сближеніе съ Петербургомъ, полезно отразившееся на экономическомъ состояніи крестьянъ, считается ими одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ разрушеніе быта.

Далѣе къ числу причинъ относятъ крестьяне еще отхожіе промыслы. Каждую зиму въ лѣсахъ, окружающихъ деревни Пудожскихъ крестьянъ, рубится лѣсъ, который затѣмъ весной сплавляется по теченію рѣкъ къ Онежскому озеру и дальше идетъ на Петербургъ. Насмотрѣвшись въ Петербургѣ разныхъ чудесъ, познакомившись съ трактирной жизнью, крестьянинъ приноситъ съ собой въ свое „загна́но мѣсто“ и новыя пѣсни, и новыя прихоти въ костюмѣ и пищѣ, и новые взгляды. Наконецъ, въ третьихъ, причиной, разрушающей древній бытъ, считается воинская повинность, когда парень, проживъ нѣсколько лѣтъ далеко отъ дома, въ совершенно новой для него сферѣ, возвращается по окончаніи срока службы совершенно новымъ человѣкомъ, авторитетомъ для своей семьи и подчасъ для всей деревни. Другихъ причинъ пока я касаться не буду. Если мнѣнія крестьянъ о причинахъ, рушащихъ ихъ бытъ вѣрны, если они не ошибаются, сопоставляя въ причинную связь эти явленія, то эта ломка быта должна была наступить лишь въ очень недавнее время, такъ какъ пароходство появилось недавно на нашихъ сѣверныхъ озерахъ; воинская повинность—также явленіе недавнее.

Разъ же признать, что ломка быта началась сравнительно недавно, то a priori уже можно заключить, что въ средѣ крестьянъ Пудожскаго уѣзда должны сохраниться слѣды прошлаго ихъ быта, которые не успѣли еще стереться и забыться подъ напоромъ новыхъ идей, что за этимъ слоемъ новыхъ взглядовъ, новой внѣшней оболочки, должны таиться взгляды, вѣрованія, воззрѣнія болѣе старинныя, воспоминаніе эпохи предшествующей современному крушенію прежнихъ устоевъ крестьянской жизни.

Къ таковымъ относятся похищеніе невѣстъ и обычай катанья свата на боронѣ

Что касается похищенія невѣстъ, то этотъ обычай сохранился въ полной силѣ на Кенозерѣ. Если парень полюбитъ дѣвушку — онъ посылаетъ сначала къ родителямъ ея сватовъ. Если родители невѣсты не соглашаются на бракъ, то парень, сговорившись съ ней и 2—3 товарищами, увозитъ ее къ себѣ въ деревню и передаетъ ее на руки какой-нибудь бабѣ, которая въ данномъ случаѣ и называется „сватья“. Дѣвушки обыкновенно знаютъ о предполагаемомъ похищеніи своей подруги и провожаютъ ее съ особенной пѣснью торжественно за ворота. Иногда родители дѣвушки, прослышавъ про похищеніе своей дочери, гонятся за похитителемъ и отбиваютъ ее у него. Похититель, славъ дѣвушку на руки сватьи, не долженъ съ нею вступать въ сожительство, до тѣхъ поръ, пока не помирится съ ея родителями: онъ посылаетъ къ нимъ либо крестнаго, либо родного отца или идетъ самъ „мириться“.

Если родители дѣвушки не помирятся, то похититель *обязанъ* вернуть дѣвушку. Даже фактъ вступленія съ ней до примиренія въ сожительство не обязываетъ родителей ея выдать свою дочь за-мужъ за него. Лишь послѣ „примиренія“, вѣнчаются и изъ церкви отправляются къ родителямъ молодой „прощаться“, то есть, просить прощенія.

Интереснымъ также является обычай свата, не имѣвшаго успѣха въ своемъ сватовствѣ, катать на боронѣ по деревнѣ. Этотъ обычай, сохранившійся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ деревняхъ уѣзда, встрѣчается до послѣдняго времени и среди мѣщанъ города Пудожа. Послѣдній извѣстный мнѣ случай этого рода былъ въ городѣ года 2—3 тому назадъ, когда несчастнаго свата прокатили на боронѣ по всѣмъ главнымъ улицамъ города.

Если подобныхъ архаизмовъ мы мало и очень мало находимъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ населенія, въ его внѣшней обстановкѣ и бытѣ, то въ области вѣрованій это не такъ. Легче было разрушить правовое воззрѣніе, измѣнить бытъ, костюмъ, пищу, ввести въ языкъ массу чуждыхъ населенію словъ, чѣмъ поко-

лебать, ниспровергнуть вѣрованія, которыми жила, дышала такъ много вѣковъ Пудожская земля.

Молодое поколѣніе многимъ изъ отцовскихъ вѣрованій не придаетъ значенія; затемняются вѣрованія подчасъ въ головахъ и у среднихъ лѣтъ мужиковъ, но они живы еще и въ полной силѣ среди женскаго населенія уѣзда. Женщины, болѣе консервативныя и въ своей одеждѣ, и въ своихъ пѣсняхъ, оказались таковыми же по отношенію и къ вѣрованіямъ. И теперь еще въ праздничные дни крестьянка надѣваетъ парчевую душегрѣйку на шелковый сарафанъ, украшаетъ голову повязкой унизанной жемчугомъ, на шею нацѣпляетъ прабабушкины жемчужныя нитки, а въ уши вдѣваетъ жемчужныя серьги. Женщина-пудожанка сохранила и древнія вѣрованія подобно тому, какъ она сохранила свой древній костюмъ и въ настоящее время является по-преимуществу носительницей прежняго культа. Этимъ и объясняется, почему большинство свѣдѣній о вѣрованіяхъ мы слышали отъ крестьянокъ. Мужское населеніе уѣзда мало ихъ умѣло передать намъ.

Религіозныя вѣрованія Пудожскихъ крестьянъ, взятыя въ общихъ чертахъ, мало чѣмъ отличаются отъ вѣрованій большинства населенія великорусскаго племени. Оригинальныхъ, характерныхъ фактовъ — мы здѣсь не встрѣтимъ. Тѣ же великорусскіе домовые населяютъ дома, тотъ же водяной живетъ въ глубинѣ озеръ, тотъ же лѣшій пугаетъ и заводитъ путника въ дремучихъ пудожскихъ лѣсахъ. Мало оригинальнаго имѣютъ въ себѣ и представленія о молніи; затемнилось, какъ это мы видимъ почти повсюду, воззрѣніе на свѣтила. Бѣдно и какъ-то невидно празднуется тутъ Иванова ночь; въ иныхъ мѣстахъ на Иванову ночь не происходитъ никакого праздника и т. д. Однимъ словомъ, повторяю, эти вѣрованія, взятыя *въ общихъ чертахъ*, мало дадутъ намъ новыхъ данныхъ, — данныхъ, которыя обогатили-бы наши свѣдѣнія о вѣрованіяхъ великоруссовъ.

Но и тутъ по нѣкоторымъ остаткамъ мы увидимъ, что это лишь обломки нѣкогда развитыхъ религіозныхъ представленій, узнаемъ въ нихъ остатки прежняго развитаго культа. Эти робкія переживанія сохранились въ народѣ такъ долго, устояли лучше другихъ въ общей ломкѣ, не поддались напору могучей волны новыхъ идей — главнымъ образомъ потому, что они приноровлены къ быту пудожанина, относятся къ тѣмъ божествамъ и святымъ, которые явились населяющими и правящими въ той природѣ, среди которой приходилось преимущественно жить крестьянину этого уѣзда, бороться для охраненія собственной жизни.

Естественно, что и въ древнія времена культъ именно этихъ святыхъ и божествъ долженъ былъ болѣе всего развиться, запечатлѣться въ умахъ пудожанъ и, разъ запечатлѣвшись, устоять, сохраниться все-таки цѣльнѣе, чѣмъ другія религіозныя воззрѣнія, не имѣющія такой тѣсной связи съ природой и съ главными средствами существованія пудожанина.

Пудожскій уѣздъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ своихъ, покрытъ лѣсомъ, выросшимъ преимущественно на болотистыхъ низинахъ и отчасти по вершинамъ и склонамъ горъ, песчаная почва которыхъ благопріятствуетъ развитію хвойныхъ деревьевъ. Среди этихъ дремучихъ лѣсовъ, растянувшихся подчасъ на десятки и сотни верстъ, раскинуты, словно зеркала, озера, разнящіяся какъ размѣрами, такъ и глубиной. По берегамъ болѣе или менѣе значительныхъ озеръ стоятъ деревни, окаймляющія ихъ словно изгороди.

Если не большинство, то многія изъ этихъ деревень (какъ и урощищъ, лежащихъ на всемъ протяженіи уѣзда) сохранили несомнѣнно финскія имена, какъ напр.: Кулъ-наволокъ, Конза-наволокъ и т. д. Въ именахъ рѣкъ и озеръ, мы также встрѣчаемъ явные слѣды финскаго языка, напр. Водло зеро съ рѣкой Водла, рѣка Шала, Саръ-озеро, Тягъ-озеро и т. п.

Въ иныхъ мѣстахъ и самые мѣстные жители помнятъ, хотя и смутно, свое финское происхожденіе; такъ напр. на Водлозерѣ они сами говорятъ, что однѣ деревни происходятъ отъ Шведовъ (шведами называютъ здѣсь финляндцевъ), другія отъ Чуди, а нѣкоторыя были заселены бѣглецами „ворами и разбойниками“ русскими и положили тѣмъ основаніе русской колонизаціи. Жители дер. Гость-Наволокъ происходятъ, по словамъ крестьянъ, отъ купцовъ, гостей, которые приходили торговать сюда и впослѣдствіи остались здѣсь жить. Другія деревни имѣютъ чисто русское происхожденіе. Къ такимъ относится большинство деревень и поселковъ, лежащихъ по берегамъ Купецкаго озера, такъ наприм.: дер. Авдѣевская, Алексѣевская, Воробьевка и т. п.

Интересно то, что даже для человѣка, не занимающагося антропологіей, бросается въ глаза, что въ большинствѣ селеній, носящихъ финскія имена, типъ населенія носитъ явные признаки финской расы (такъ напр.,

рѣдкость бороды, небольшой ростъ, бѣлокурость и т. д.) и наоборотъ въ тѣхъ деревняхъ, которыя носятъ русскія названія, типъ у жителей совершенно другой. Это по преимуществу люди высокаго роста, съ густой бородой, цвѣтъ волосъ преимущественно темно-русый или черный. Особенно бросается это въ глаза, когда направляешься къ Купецкому озеру.

Не доѣзжая 15 верстъ до послѣдняго, вы проѣзжаете Сарозеро съ деревней того же имени. Еслибъ не русскій языкъ, которымъ говорятъ сарозеры, можно было-бы ихъ принять за несомнѣнныхъ финновъ, пріѣзжаете въ дер. Авдѣевскую и вы чувствуете себя въ другой мѣстности. Типъ крестьянъ похожъ въ общемъ на типъ жителей бѣломорскаго побережья.

Загнанный въ свои лѣса и дебри пудожанинъ поддерживаетъ свое существованіе рыболовствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Значеніе двухъ первыхъ изъ этихъ занятій колеблется по мѣстностямъ. Въ иныхъ мѣстахъ главное занятіе крестьянина рыболовство, и хлѣбопашество отходитъ до извѣстной степени на *второй* планъ; въ другихъ наоборотъ, хлѣбопашество является главнымъ занятіемъ, и рыболовство имѣетъ лишь субсидіарное значеніе. Что всегда идетъ параллельно—это хлѣбопашество и скотоводство.

Гдѣ болѣе развито хлѣбопашество, тамъ развивается и скотоводство. Это и понятно: земля у пудожанина очень плоха, она даже при хорошемъ удобреніи не можетъ обезпечить крестьянина на годъ, а безъ удобренія почти что ничего не даетъ. Этой неплодородностью и объясняется необходимость имѣть больше скота, чтобы какъ ни-какъ а обрабатывать землю. Неплодородностью земли объясняется также необходимость обращаться къ такъ называемому лядинному, подсѣчному хозяйству, которое, доставляя мѣстнымъ жителямъ много трудовъ и лишеній, которыя являются подчасъ невыносимыми даже для привыкшаго ко многимъ невзгодамъ пудожанина, даетъ ему все-таки возможность обезпечить себя хлѣбомъ на круглый годъ.

Итакъ, борьба съ лѣсомъ, съ бурными озерами поглощаетъ главнымъ образомъ дѣятельность крестьянина.

Неудивительно поэтому, что изъ разрушившихся вѣрованій наиболѣе уцѣлѣли тѣ, которыя стоятъ въ связи съ лѣсомъ, съ озерами и со скотоводствомъ, какъ главнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянина.

Начну съ описанія вѣрованій, связанныхъ съ лѣсомъ; вѣрованія эти наиболѣе цѣльно сохранились до сихъ поръ, такъ какъ все-таки подсѣчное хозяйство встрѣчается въ разныхъ степеняхъ на *всемъ* протяженіи уѣзда.

Лѣсовикъ, обитатель лѣса, представляется не одинаково. Обыкновенно, впрочемъ, онъ представляется ростомъ съ дерево, является людямъ то въ видѣ военнаго, то въ видѣ плохо одѣтаго старика. У лѣсовика свои собачки, маленькія, пестрыя, которыхъ, однако, увидѣть не легко. Въ народномъ представленіи онъ является то добрымъ, то злымъ. То онъ заводитъ людей въ чащахъ, держа ихъ у себя по нѣсколько дней, то наоборотъ оказываетъ заблудившимся благодѣянія. Повстрѣчаться съ лѣсовиковой свадьбой обыкновенно считается опаснымъ. Такъ, разсказываютъ въ Авдѣевской, что одинъ мужикъ, повстрѣчавъ лѣсовикову свадьбу, сдѣлался, по выраженію крестьянъ „глупенькимъ“... „Цѣлый вечеръ, прости Господи, просмѣялись надъ нимъ, передавала разскащица: говоритъ, Богъ знаетъ что: Я въ окошко пойду, да на Вытегру попаду“. Но по мнѣнію другихъ, „лѣсовикъ праведный, такъ безъ причины не подшутитъ“. И если кто будетъ имѣть несчастіе повстрѣчаться съ его свадьбой, того онъ оборонитъ. Вотъ разсказъ одной крестьянки о томъ, какъ дѣвушка повстрѣчала лѣсовикову свадьбу, поѣхавъ въ лѣсъ.

„Ѣдетъ ихъ много, много, какъ люди точно, только что почернѣе нашихъ будутъ. Старикъ одинъ соскочилъ и отвелъ ея лошадь въ сторону. Такъ и держалъ все—а они ѣхали. Кто помоложе изъ нихъ зашучивалъ даже съ дѣвушкой-то,—теребятъ ее. А какъ проѣхали всѣ, вывелъ старикъ ея лошадь на дорогу и уѣхалъ самъ.“ Вотъ это то представленіе о лѣсовикѣ, какъ о существѣ благодѣтельномъ, получаетъ полное развитіе и ясность въ представленіи о лѣсномъ царѣ. Лѣсной царь—есть глава и управитель лѣсомъ; онъ съ своей женой, лѣсной царицей, правитъ въ своемъ царствѣ и ему повинуются всѣ остальные духи (лѣсовики, боровики и моховики *). Этотъ лѣсной царь является по существу своему добрымъ, но согрѣшившихъ по отношенію къ нему онъ караетъ. Его, однако, можно смягчить просьбами и жертвами.

Вотъ что передавала одна баба изъ собственной жизни (Купецкое оз.): въ жаркій лѣтній день, утомившись въ лѣсу отъ работы по приготовленію мѣста для лядины, эта баба выкупалась въ лѣсномъ прудикѣ, отъ чего она скоро заболѣла. За помощью она обращалась и къ мѣстному фельдшеру и къ знахаркѣ; но ни лѣкарства, даваемыя фельдшеромъ, ни тай-

ныя слова, произносимыя знахаркой, нисколько ей не помогали. Знахарка, наконецъ, убѣдила больную идти къ прудику, гдѣ послѣдняя выкупалась, „прощаться“ т. е. просить прощенія. Придя къ прудику, знахарка велѣла разскащицѣ повторить громко за нею слѣдующія слова: „Царь лѣсовый и царица лѣсовая и лѣсовыя малыя дѣтушки, простите меня въ чемъ я согрѣшила.“ Она повторила эти слова три раза и послѣ каждаго раза онѣ клали по земному поклону. Послѣ третьяго раза послышался около нихъ шумъ, словно выстрѣлъ. Обѣ вернулись домой. Знахарка стала лѣчить больную и въ скоромъ времени ей удалось вылѣчить ее.

Это лишь частный случай. Но разскащица не представляла исключенія изъ общаго уровня бабъ и мужиковъ. Очень часто, если кто захвораетъ въ лѣсу, то, приписывая болѣзнь лѣсовику, больная отправляется въ лѣсъ. Она несетъ яйцо и, ставъ на перекресткѣ, кладетъ яйцо на лѣвую руку и въ лѣсу произноситъ слѣдующую молитву: **)

„Кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ—тотъ даръ возмите, а меня простите во всѣхъ грѣхахъ и во всѣхъ винахъ, сдѣлайте здраву и здорову, чтобы никакое мѣсто не шумѣло, не болѣло.“ Яйцо оставляется на перекресткѣ. Если лѣсовикъ услышитъ эту мольбу—болѣзнь пройдетъ.

Но будучи по существу добрымъ, этотъ лѣсной царь наноситъ не мало вреда мѣстнымъ жителямъ, похищая у нихъ скотъ, либо самъ для себя, либо насылая дикаго медвѣдя на стадо. Иногда порученіе похитить скотину у мужика лѣсной царь передаетъ одному изъ подчиненныхъ ему духовъ. Взявъ къ себѣ скотину, онъ однако поддается извѣстнымъ просьбамъ потерпѣвшихъ и иногда возвращаетъ взятое имъ. Для этого нужно рано утромъ на зарѣ пойти къ лѣсу и на перекресткѣ принести жертву, о которой я скажу ниже, для того чтобы лѣсовой царь вернулъ похищенную у крестьянина скотину. Хотя, по убѣжденію населенія, идти къ лѣсу съ этой цѣлью тяжкій грѣхъ, хотя ему и становится страшно при принесеніи такой жертвы, такъ какъ лѣсной царь не всегда является милостивымъ къ просителю, тѣмъ не менѣе рѣдкій крестьянинъ, изъ неутратившихъ еще прадѣдовскія вѣрованія, способенъ противостоять искушенію. Скотина ему слишкомъ дорога, слишкомъ большое подспорье въ его хозяйствѣ, требующемъ отъ него такъ много хлопотъ и жертвъ, чтобы не рѣшиться совершить ради нахожденія ея и грѣхъ, чтобы не побороть свой страхъ, который онъ испытываетъ, подходя къ лѣсу, съ цѣлью жертвоприношенія лѣсному царю.

Понятіе о лѣсномъ царѣ очень часто смѣшивается съ понятіемъ о простомъ лѣсовикѣ; вотъ почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣсто лѣснаго царя занимаетъ лѣсовикъ — жертвоприношеніе совершается этому послѣднему. Во всякомъ случаѣ этотъ видъ отношенія крестьянина къ лѣсовику или лѣсному царю заслуживаетъ вниманія оттого, что это одинъ изъ рѣдкихъ остатковъ, прежде быть можетъ и болѣе развитаго культа.

Да и въ настоящее время, когда христіанство заставило поблѣднѣть прежнія представленія о духахъ, населяющихъ лѣсную чащу, крестьянинъ все-таки относится къ лѣсовику съ прежнимъ суевѣрнымъ страхомъ своихъ отдаленныхъ предковъ: это жертвоприношеніе *не* является, такъ сказать, симпатическимъ средствомъ, способствующимъ нахожденію скотины, обрядомъ, перешедшимъ отъ далекихъ временъ, значеніе котораго не вполнѣ ясно крестьянину. Напротивъ того онъ вѣруетъ въ дѣйствіе этой жертвы также сильно, также убѣжденно, какъ вѣровали его, быть можетъ, не просвѣщенные христіанствомъ предки.

Какъ ни могущественъ лѣсной царь или лѣсовикъ, но противъ козней его существуютъ средства, которыми можно его сдѣлать безсильнымъ. Это особый заговоръ. Каждый хорошій пастухъ знаетъ его. И одно изъ условій, которое предъявляютъ крестьяне при наймѣ пастуха—это знаніе заговора. Когда около Николина дня отпускаютъ скотъ на пастбище, пастухъ три раза обходитъ скотъ съ заговоромъ. Этотъ заговоръ называется „отпускомъ.“

Если онъ не грамотенъ, то достаточно

---

*) Примѣчаніе: Дѣятельность этихъ божествъ почти тожественна; представленія о нихъ у крестьянъ обыкновенно смѣшиваются, разнятся они другъ отъ друга лишь ростомъ: лѣсовики самые большіе, моховики самые маленькіе.

**) Примѣчаніе. Считаю долгомъ отмѣтить, что упомянутое обращеніе къ лѣсовику самими крестьянами называется молитвой. Дѣло въ томъ, что населеніе въ обращеніи своемъ къ духамъ, населяющимъ природу, дѣлаетъ рѣзкое различіе между молитвой и заговоромъ, который называется просто „слова.“ Послѣдній имѣетъ обязательную силу: заговоръ, произнесенный безъ ошибокъ, *обязываетъ* къ совершенію или несовершенію извѣстныхъ дѣйствій духа, къ которому заговоръ относится. Молитва имѣетъ лишь просительное значеніе. Къ такимъ относится и воззваніе къ лѣсовику. Оно не обязываетъ лѣсовика ничѣмъ: онъ воленъ или неволенъ исполнить просьбу просителя. Этого отдѣленія заговора отъ молитвы, установленнаго самими крестьянами, я буду придерживаться и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

молча обойти съ отпускомъ стадо. Послѣ этого звѣрь не тронетъ скота. Приведу заговоръ, который намъ удалось достать въ уѣздѣ: „Выйду въ чистое поле, въ широко раздолье, обойду около широкаго двора и обнесу свой приданный образъ и свою зажженную свѣчу воскòвую около своего широкаго двора, около своей милой береженной скотинушки, около любимыхъ конюшекъ, около своихъ дойныхъ коровушекъ, около своихъ маленькихъ овечушекъ, чтобы черные медвѣди и сѣрые волки, злыя россомахи, чтобы они на мою милую боженую скотинушку, чтобы они глазомъ не глядѣли и ухомъ не слышали, вонью не воняли, носомъ не слышали; около моей скотинушки будь огненна рѣка и каменна стѣна и желѣзный тынъ и Миколинъ замòкъ, чтобы эта скотинушка была бы цѣла и сохранна, а вы, черные медвѣди и сѣрые волки и злыя россомахи, идите къ синему морю, у синяго моря бейте и копайте черный сонотливый пень и черную глиную колоду и отъ нынѣ бы и до вѣку и отъ вѣку и до по вѣку. Аминь.“

Другой заговоръ, оказывающій то же дѣйствіе, гласитъ такъ: „Стану я, рабъ Божій, благословясь, выйду я, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ сѣней воротами, въ чистое поле, принимая милый скотъ, крестьянскій животъ, на свои на бѣлыя руки и пойду около своего скоту и около своего стада и за тотъ ли желѣзный тынъ, замкну тридевять замками, тридевять ключами и снесу эти ключи Пречистой Божіей Матушкѣ.—Пречистая Божія Матушка, Пресвятая Богородица, закрой своей ризой нетлѣнною мой милый скотъ и крестьянскій животъ отъ звиря широколапаго и кажись мой милый скотъ, крестьянскій животъ, дубьемъ-колодьемъ и сѣрымъ каменьемъ, и какъ народъ сходится, сбирается въ одну Божію Апостольскую Церковь, такъ солнце пойди на западъ, какъ весь милый скотъ и крестьянскій животъ, сходись, сбирайся къ своему двору и кто буде завидовать, осужать переговаривать, и тому лѣсы считать и съ лѣсъ хвоя вырубать и въ морѣ воду вынимать и около моря песокъ вызубать.“

Позволю себѣ привести еще одинъ видъ заговора скота, доставленный мнѣ учителемъ Водлозерскаго училища, при Ильинскомъ погостѣ, М. С. Стратонниковымъ, и найденный имъ у Водлозеровъ. Это старинная рукопись, находящаяся въ большомъ употребленіи у мѣстныхъ жителей. Заговоръ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды раскольничьяго вліянія. Привожу заговоръ буквально: слова, которыя за ветхостью рукописи нельзя было разобрать, отмѣчены точками.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, пастырь (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, отцомъ своимъ прощенъ и матерью благословенъ, выду на бѣлый свѣтъ, стану на мать сырую землю на востокъ лицемъ и на западъ хребтомъ, помолюсь я, рабъ Божій пастырь (имя рекъ), Господу Богу Саваофу Исусу Христу Сыну Божію и Приснодѣвы Маріи, Іоанну Предтечу Крестителю Христову, Михаилу Архангелу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Петру и Павлу, верховнымъ апостоламъ, и святому Николаю Чудотворцу, преподобнымъ отцамъ Зосимѣ и Савватію, соловецкимъ чудотворцамъ, и святому великому мученику Георгію храброму и святому священномученику Власію, епископу Севастинскому и всѣмъ небеснымъ силамъ со умиленіемъ припадаю молюся Вамъ, Господи, пособите и помогите и благословите и на путь спроводите меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), съ моимъ милымъ скотомъ, съ крестьянскимъ животомъ, съ коровьимъ стадомъ почти..... во все теплое лѣто и до бѣлое снѣгу, закройте и защитите и заградите и закрѣпите святыми своими божественными ризами ходячи волови по скотинѣ посеку по тропамъ и поухожамъ моимъ меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), и мой милой скотъ крестьянской животъ, коровъ и быковъ, кладенныхъ и не кладенныхъ ..... и малыхъ и подтелковъ комолыхъ и рогатыхъ, домокормленыхъ и новоприведенныхъ, бѣлыхъ и черныхъ, бурыхъ и красныхъ, и пестрыхъ и всякую разношерстную скотину, отъ чернаго звиря и отъ бураго звиря широколапаго мидведя, отъ опрокидня отъ пакостнаго отъ перехожалаго отъ волка и отъ волчицы рыскучей и отъ всякой зміи скорпіи и отъ всякаго злого и лихого человѣка пытощика и порченника, отъ пострѣлу ..... и повѣтрія и отъ всякаго ..... силы дьявольскаго нечистаго духа отъ ..... тущаго отъ постигающаго ..... видящаго отъ пола отъ старца отъ мужа отъ жены отъ парня отъ дѣвки отъ черноволоса отъ бѣловолоса отъ всякаго разнаго чина людей и отъ всякаго дьявольскаго нечистаго духа, и закрѣплю я, рабъ Божій ..... (имя рекъ), и заговорю свое вышеписанное коровье стадо, сколь крѣпко и твердо основаніе земное и ничто съ мѣста двинути не можетъ и коль крѣпко гробъ Господень на воздусе во святомъ градѣ Іерусалимѣ и сколь крѣпокъ и жестокъ синій камень въ окіянѣ морѣ не крошится и не колется и не родится и не котится и не ро-

дится и столь крѣпокъ и жестокъ сей мой буде вышеписанный заговоръ кругомъ моего вышеписаннаго коровья стада вѣкъ по вѣку. Аминь, аминь, аминемъ заключается, о пречистая госпоже Богородице Мати Христова, какъ заграждала закрывала сына своего господа Исусо Христа въ граде Виѳліемѣ Іудейстемъ отъ Ироды .... безбожнаго и такъ закрой и защите и загради и закрѣпи Святой Своей ризою нетлѣнною меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), и мой милый скотъ, крестьянскій животъ, любимое мое коровье стадо коровъ и быковъ и не телей и малыхъ подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ кладенныхъ и не кладенныхъ, домокормленныхъ и недомокормленныхъ и новоприведенныхъ, бурыхъ и красныхъ и пестрыхъ и всякую ..... ходячи въ мірѣ и по скотамъ и тропамъ и по ухожамъ моимъ отъ чернаго звиря отъ бѣлаго звиря широколапаго мидведя ..... пакостника переходня и отъ волка и отъ волчицы рыскучей и отъ всякой зміи скорпіи и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка .... и отъ всякаго дьявольскаго нечистаго духа .... по вѣку Аминь Аминемъ залѣчуся ..... О пречистый царь Господи, сошли, Господи, съ небесъ святаго пророка Божія Илію на огненной колесницѣ съ громомъ и молніею и со стрѣлою кременною, чтобы жгло и ранило и стрѣлою отстрѣливало изъ моей поскотины, и отъ моего вышеписаннаго коровья стада черным и дивным и разным разношерстным звѣрямъ и мидведямъ моего вышеписаннаго коровья стада вѣкъ по вѣку не видать. Аминь, Аминь Аминемъ заключается. О пресвятый царь Господи, нашли, Господи, злыхъ лютыхъ тридевять мяеденскихъ кобелей—съ вострыми ногтями съ желѣзными зубами чтобъ прогоняли ..... отъ скотины и осеку отъ моего ..... коровья стадо старожили .... и разныхъ разносильныхъ и разношерстныхъ звѣрей и мидведей .... синемъ морѣ на дикой лѣсъ тамо ..... зеленую туръку ..... болотную воду сломайте и ворочайте пенье ..... и дикое каменье, а у меня, раба Божія пастыря имя рекъ, въ моей поскотинѣ и осеку нѣтъ вамъ килатую кидяры вѣкъ по вѣку а кажись мой милый скотъ ..... вышеписанное мое коровье стадо въ моей поскотинѣ и осеку по тропамъ и по ухожамъ моимъ чернымъ и дикимъ и различнымъ звѣрямъ и мидведямъ ..... лѣсомъ, при горѣ горой, при камени каменемъ, при травѣ травой, при водѣ водой, при грязи грязь вѣкъ ..... Аминь Аминь Аминемъ заключается. Сбирайся, милъ народъ православный, къ звону колокольному къ пѣнью церковному, къ отцу духовному и какъ собираются муравьевы дѣти со всѣ четыре стороны къ всякой ночи къ Царю своему Муравью, служатъ ему и слушаютъ его всегда, и какъ летаются медовые пчелы по гнѣздамъ своимъ и къ дѣтямъ ко всякой ночи и гнѣздъ своихъ не забываютъ и дѣтей своихъ не покидаютъ и какъ стекаются ..... источники со всей святой русской земли въ одно синее море и такъ бы мой вышеписанный скотъ любимый мое коровье стадо ..... меня раба Божія пастыря имя рекъ шли-бъ ..... и въ одно мѣсто стекалися ..... и на трусья ..... изъ лѣсовъ, изъ мховъ, изъ болотъ и рѣкъ, изъ ручьевъ .... черныхъ грязей .... вковце въ ветхъ въ переходное мѣсяца и въ меженные дни и во всякое время шли-бъ дружка отъ дружку не останаючись безопасно .... ко всякой ночи къ домамъ, къ хозяевымъ и къ дѣткамъ своимъ, вѣкъ по вѣку аминь, аминь, аминемъ заключается. Да будетъ на меня, раба Божія пастыря имя рекъ, и на мой милый скотъ, крестьянскій животъ, любимое мое коровье стадо какой злой и лихой человѣкъ подумаетъ зло лихо ..... или какое врождевное и у того бы порченика ..... языкъ воротило, жилы со лба спрыгнулибъ и подколѣнное жилье рвало, чтобы ему супостату порченнику и пытащику въ день покоя а въ ночь усыпу не было и до смертнаго его часу буди, Господи, во вѣки вѣковъ аминь, аминь, аминьемъ заключается, о пресвятый Господи ..... съ умиленіемъ припадаю ..... постави, Господи, меня, раба Божія пастыря имя рекъ, и около моей поскотинѣ и около моего милаго вышеписаннаго коровья стада и коровъ и быковъ и нетелей и малыхъ подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ и домокормленныхъ и новоприведенныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, бурыхъ и красныхъ и пестрыхъ и около всякой разношерстной скотины и около всего моего вышеписаннаго закрѣпною ..... вору ..... постави еси стѣну каменную глубиною три сажени въ землю а вышиною до небеси а кругомъ стѣны завали, Господи, землею матерью а кругомъ валу землянаго проведи, Господи, рѣку огненную глубиною ..... и повели, Господи, тѣ вышеписанныя ..... и стѣну каменную и замкнуть заложить стѣну ..... Петру златыми его ключами да нести ..... ключи къ самому Господу Исусу Христу Сыну Божію на престолъ, подъ святую его нетлѣнную одежду и какъ сего замки ..... люди не видятъ въ моей поскотинѣ и осеку моего вышеписаннаго ко-

ровья стада чернымъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Этотъ обычай обходить скотину съ отпускомъ очень распространенъ среди крестьянъ Олон. губ., не только Пудожскаго, но и другихъ уѣздовъ. Такъ, въ уѣздѣ Вытегорскомъ, по словамъ В. Реброва *), пастухи покупаютъ отпускъ и тщательно хранятъ его, чтобы чужія руки не коснулись этой рукописи: вслѣдствіе такого прикосновенія отпускъ можетъ потерять свою силу. Они прячутъ его либо въ своей свирѣли, либо въ фуражкѣ, либо въ глубинѣ дремучаго лѣса, вмѣстѣ съ шерстью отъ каждой головы пасомаго ими скота.

Само чтеніе этого отпуска сопровождается еще лишнимъ обрядомъ: скотъ окропляютъ водой, взятой изъ трехъ ключей. Если пастухъ безграмотенъ, то въ Вытегорскомъ уѣздѣ приглашается для этого грамотный, который и обходитъ стадо, читая заговоръ, и окропляетъ скотъ. „По прочтеніи молитвы **) и окропленіи стада, пастухъ принимаетъ остатки воды и рукопись отъ чтеца и въ свою очередь тоже кропитъ его водою, боясь, чтобы онъ чего-либо не похитилъ изъ молитвы, удаляется въ лѣсъ и тамъ прячетъ принадлежащую ему молитву, гдѣ вздумается; остатки же воды или выпиваетъ, или же изливаетъ на землю подъ камень“.

Этихъ интересныхъ подробностей мнѣ не удалось узнать въ Пудожскомъ уѣздѣ. И обычай окропленія скота водой, взятой изъ трехъ ключей, и боязнь, что чтецъ, не окропленный той же водой, какъ и обойденный имъ скотъ, можетъ похитить часть силы молитвы, дышатъ такой отдаленной эпохой, такими свѣжими воспоминаніями того времени, когда вода считалась священной, что какъ-то невольно переносишься въ гораздо болѣе отдаленныя отъ насъ времена; эти обряды рисуютъ случайно сохранившееся переживаніе очень далекаго отъ насъ быта и я поэтому позволилъ себѣ подробнѣе остановиться на нихъ.

Въ Пудожскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ его частяхъ, по крайней мѣрѣ, соблюдаются при обходѣ скота слѣдующіе обряды: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ читается первый изъ приведенныхъ мною заговоровъ, наблюдаются при обходѣ скота слѣдующія формальности: скотъ загоняютъ во дворъ или въ загородку и съ иконой и зажженной восковой свѣчей въ рукахъ обходятъ скотъ по солнцу 3 раза. Затѣмъ изъ свѣчи дѣлаютъ три шарика и, по прочтеніи заговора, приклеиваютъ изъ за воротъ, затѣмъ бросаютъ.

Тамъ, гдѣ употребителенъ второй заговоръ, пастухъ также дѣлаетъ три шарика изъ воска и приклеиваетъ ихъ къ иконѣ; за иконой же хранится и отпускъ. Въ иныхъ случаяхъ каждая домохозяйка дѣлаетъ это для себя и своего скота. Въ шарики закатывается подчасъ немного шерсти, срѣзанной отъ каждой выгоняемой на пастьбу коровы. Эти восковые шарики домохозяйки хранятъ за иконами и, по окончаніи пастьбы, спускаютъ либо въ рѣку, либо въ озеро. Тамъ, гдѣ шарики катаетъ самъ пастухъ, спусканіе шариковъ въ воду производится имъ самимъ по окончаніи пастьбы.

Когда читаютъ третій видъ заговора, то, по словамъ рукописи, слѣдуетъ при прочтеніи отпуска „взять отъ всякой скотины изъ уха сѣры въ чистый воскъ закатать да ключъ съ замкомъ, да съ муравейника земли, съ которой четыре дороги, и около скота... да кругомъ обойти... трижды по солнцу на все на то наговаривать трижды; воску положить на обѣ стороны воротъ, ключъ на сторону: на другую—замокъ, на обѣ стороны воротъ земли положить: на сторону воротъ; на другую ножикъ ... (конецъ рукописи испорченъ).

Хотя въ этихъ обрядахъ мы и не видимъ тѣхъ архаизмовъ, какъ въ обрядахъ, употребляемыхъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, такъ какъ здѣсь вліяніе христіанства повидимому отразилось сильнѣе на измѣненіи суевѣрныхъ обрядовъ населенія, тѣмъ не менѣе и здѣсь мы замѣчаемъ также остатокъ мышленія первобытнаго человѣка: вѣра въ то, что собранная часть шерсти, закатанная въ шарики изъ воска и сберегаемая за иконой, спасаетъ все стадо, что отданная подъ непосредственное покровительство иконы pars pro toto, что шарики и шерсть, сберегаемые и отъ дурного глаза и вліянія злого человѣка самой иконой сохраняетъ достояніе крестьянина,—дышитъ такимъ архаизмомъ, такой далекой эпохой, что какъ-то странно встрѣтить его среди сравнительно развитого населенія Пудожскаго уѣзда.

Какъ отдаленное воспоминаніе культа воды, сохранился обрядъ бросанія этихъ шариковъ, по окончаніи пастьбы, въ воду. Это можетъ быть, впрочемъ, объяснено двумя способами: либо какъ вещь священную, лежавшую за иконами, шарикъ нельзя выбросить просто на улицу и во дворъ, гдѣ его могутъ попирать

*) „Олонецкій Сборн.“, вып. 1886 г.

**) В. Ребровъ не дѣлаетъ различія между заговоромъ и молитвой.

ногами; либо эти шарики являются предметомъ, съ которымъ связано какое-либо суевѣрное представленіе. Взглядъ, что вещь священную нужно уничтожить либо посредствомъ огня, либо воды, либо погребенія въ землю, однимъ словомъ, при помощи такъ назыв. „чистыхъ стихій“, какъ извѣстно, очень распространенъ въ народѣ. Извѣстно, что, напримѣръ, испортившіяся иконы не бросаютъ, а либо сожигаютъ, либо погребаютъ, либо спускаютъ въ воду.

Объ обычаѣ пускать старую ненужную икону упоминаютъ и древніе писатели о Россіи. Въ самой Москвѣ этотъ обычай сохранился до послѣдняго времени. Тоже дѣлаютъ съ просфорой, высохшей и неудобосъѣдаемой: ее даже въ Москвѣ до послѣдняго времени бросали въ колодцы. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ обрядахъ сохранилось, какъ переживаніе, темное воспоминаніе о водѣ, которая наиболѣе достойна принять священный предметъ, такъ, быть можетъ, это же воззрѣніе лежитъ въ основаніи обряда бросанья упомянутыхъ восковыхъ шариковъ въ озеро.

Быть можетъ и другое соображеніе обусловливаетъ вышеупомянутый обрядъ: извѣстно по народнымъ повѣріямъ, что для того, чтобы „испортить“, погубить человѣка или животное, нужно, чтобы желающій погубить имѣлъ въ своихъ рукахъ кусокъ одежды обрекаемой на погибель жертвы, или вообще что-нибудь, что составляло-бы необходимую принадлежность данной личности или животнаго. Естественно, что человѣкъ, находящійся на низкой степени развитія, боится, что, если шерсть животнаго или кусокъ одежды или часть волосъ кого-либо, порчи котораго онъ не желаетъ, попадется въ руки человѣка, могущаго „навести порчу“, что такимъ образомъ все его достояніе, самое дорогое изъ всего его имущества, даже, онъ самъ, можетъ подвергнуться опасности быть испорченнымъ. Отсюда и обычай сожигать или бросать въ воду, напр. срѣзанные волосы, ногти и т. д.

Будучи брошены въ воду, они затериваются и для колдуна, для человѣка злого нѣтъ возможности получить ихъ. Этимъ, быть можетъ также объясненъ обычай бросать шарики съ шерстью отъ коровъ въ воду, чтобы никто не могъ ихъ найти и заклятіями и заговорами надъ ними, причинить вредъ находящемуся въ домѣ скоту.

Какъ-бы то ни было, но ни молитва, которой начинается „отпускъ“, ни такія предосторожности, какъ положеніе отпуска и шариковъ за иконы не считаются жителями Пудожскаго уѣзда достаточными, чтобы „оберечь“ свой скотъ отъ лѣсовика или лѣсного царя. Маленькая упущенная формальность, случайно невѣрно произнесенное слово можетъ уничтожить всю силу заговора, и лѣсной царь, гнѣваясь на лицъ, желавшихъ силой заговора и обрядовъ ограничить его власть надъ скотомъ, нашлетъ намѣренно больше дикихъ звѣрей на стадо и большее количество коровъ заведетъ въ глубину лѣса, къ себѣ. Поэтому-то лучше дружить съ лѣснымъ божествомъ. Благодаря этому, пастухи предпочитаютъ заключать договоръ съ лѣсовикомъ, по которому ему предоставляется право взять къ себѣ извѣстную часть скота (обыкновенно, впрочемъ, не больше одной, двухъ коровъ).

За это лѣсовикъ обязанъ оберегать стадо. Этотъ договоръ съ лѣсовикомъ считается очень грѣховнымъ, но и на него соглашаются крестьяне, лишь бы ихъ стадо оставалось цѣлымъ. Договоръ заключается при посредствѣ строго опредѣленной формулы—заговора, изъ котораго нельзя выкидывать ни слова.

Дѣйствительно не всѣ пастухи знаютъ какъ это сдѣлать; а тѣ, которые знаютъ, хранятъ эту тайну и не всегда рѣшаются говорить объ этомъ односельчанамъ. Нѣкоторые крестьяне также знаютъ слова заговора, но боятся разсказывать его. Этимъ-то страхомъ сообщить вещь, которая считается столь грѣховной, и объясняется, что до сихъ поръ этотъ заговоръ не проникалъ въ печать; этимъ-же объясняется, что крестьяне, сообщавшіе намъ объ этомъ договорѣ съ лѣсовикомъ, всѣ, поголовно, отзывались незнаніемъ словъ заговора, ни за что не соглашались открыть намъ слова его.

Въ виду возможности заключить съ лѣсовикомъ подобный договоръ и является существенно необходимымъ при пропажѣ скота изъ стада узнать, пропала-ли она по „шалости“ лѣсовика или была пропавшая скотина ему завѣщана. Чтобы узнать это, обращаются къ лицамъ, которыя, по мнѣнію населенія, „знаются съ лѣсовикомъ“,—„есть такіе люди“, прибавляютъ обыкновенно при этомъ.

Эти люди обыкновенно отправляются въ лѣсъ, становятся на перекресткѣ и свищутъ. Лѣсовикъ приходитъ на свистъ. „Человѣкъ, который знается съ лѣсовикомъ“, спрашиваетъ его, что пропавшая скотина была ему завѣщана или нѣтъ. Если она была завѣщана, то хозяину пропавшей скотины остается лишь примириться съ своимъ горемъ: ничто не можетъ помочь ему вернуть скотины (корову или лошадь), уведенную лѣсовикомъ. Другое дѣло, когда лѣсовикъ по

хитить у него скотину ему не завѣщанную.

Потерпѣвшій узнавъ отъ того, „кто съ лѣсовикомъ знается“, что онъ можетъ вернуть пропавшую скотину, такъ какъ она лѣсовику завѣщанной не была, совершаетъ то жертво приношеніе, о которомъ я уже говорилъ выше. Хозяинъ пропавшей скотины, взявъ завернутое въ тряпку или бумажку яйцо, отправляется въ лѣсъ на перекрестокъ и, положивъ на лѣвую руку яйцо (иногда и ржаныя лепешки), произноситъ слѣдующія слова: „ Кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ тотъ возьмите даръ, возьмите и домой скотинку спустите, нигдѣ не задержите, не за рѣками, и не за ручьями, и не за водами“; онъ оставляетъ яйцо на перекресткѣ для лѣсного царя. Скотина послѣ этого должна найтись.

Таковъ въ общихъ чертахъ культъ лѣсного божества. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ чертахъ лѣсовика, которыя мы можемъ встрѣтить почти во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великорусскимъ племенемъ, отмѣчу лишь то, что въ наиболѣе развитой формѣ этотъ культъ является среди жителей, населяющихъ берега оз. Купецкаго и въ близъ лежащихъ отъ него деревняхъ. Этотъ культъ сохранился здѣсь наиболѣе цѣльнымъ не оттого, что лѣса, окружающіе это озеро, болѣе дремучи, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ уѣзда, не оттого, что городская культура здѣсь оказала меньшее дѣйствіе, чѣмъ въ другихъ деревняхъ. Напротивъ того, во многихъ частяхъ уѣзда лѣсъ заполонилъ большее пространство земли, болѣе дремучимъ растянулся онъ по берегамъ озеръ и по кряжамъ горъ. Городская культура болѣе чѣмъ въ большинствѣ другихъ частяхъ уѣзда оказала свое дѣйствіе. Вѣрнѣе будетъ искать причину сохраненія культа лѣсовика въ самой жизни крестьянина, поселившагося издревле на Купецкомъ озерѣ.

Главное занятіе его хлѣбопашество; рыболовство уступаетъ ему первенство, такъ какъ само Купецкое озеро съ прилежащимъ къ нему Тягозеромъ не велики (первое 4—5 в. шир. и приблизительно такой-же длины; второе 6—7 вер. длины) и не въ состояніи обезпечить жителей рыбой. Хлѣбопашество, какъ я уже сказалъ, требуетъ отъ мѣстнаго крестьянина усиленной борьбы съ лѣсомъ. Проводя почти все лѣто въ лѣсу, крестьянинъ невольно сживается съ нимъ. Дѣло въ томъ, что въ виду того, что лядины отстоятъ иногда верстъ за 15 — 20 отъ деревни, крестьяне, запасшись провизіей на недѣлю, отправляются утромъ рано въ понедѣльникъ, пробываютъ въ лѣсу цѣлую недѣлю и лишь въ субботу вечеромъ возвращаются домой. И такъ почти все лѣто.

Неудивительно поэтому, что лѣсъ долженъ былъ оказать наиболѣе сильное вліяніе на воображеніе крестьянина данной мѣстности, что изъ духовъ, населяющихъ, по вѣрованіямъ крестьянъ землю,—лѣсовикъ, какъ наиболѣе близкій, долженъ былъ пользоваться и наибольшимъ почетомъ, что культъ его наиболѣе развился.

Понятно поэтому также, что въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ рыболовство занимаетъ первое мѣсто въ экономическомъ быту крестьянина, гдѣ ему приходится не столько проводить время въ лѣсу, сколько на волнахъ озеръ, что въ такихъ мѣстностяхъ культъ лѣсного духа долженъ былъ отойти на второй планъ.

Къ такимъ относятся жители береговъ оз. Водлозера. Близость этого послѣдняго, имѣющаго 60 в. длины и 40 в. шир., изобилующаго при этомъ рыбой, должно было повліять на занятія мѣстныхъ жителей, которые и являются съ давнихъ временъ рыболовами, и лишь отчасти хлѣбопашцами. Поэтому естественно, что культъ духа лѣсного не могъ здѣсь развиться, но за то также естественно, что именно здѣсь, гдѣ большая часть дня крестьянина проходитъ на озерѣ, которое, какъ и всѣ озера сѣвера, крайне непостоянно, долженъ былъ развиться культъ вѣтра и духа воды. То стоитъ тишь и ловъ идетъ удачно, то вдругъ подуетъ сѣверикъ и рыбы не станетъ. „Сѣверикъ подуетъ—изъ котла рыбку повынетъ“, говорятъ водлозёры, желая указать зависимость главнаго источника ихъ дохода отъ случайныхъ перемѣнъ вѣтра.

Поэтому здѣсь, на Водлозерѣ, является антропоморфизація вѣтровъ, если и не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, главнаго и самаго опаснаго для крестьянина-сѣверика. Это старикъ, и старикъ суровый. Вѣтры то помогаютъ, то препятствуютъ плавающему на озерѣ рыболову. Они ѣдутъ на тройкахъ и дуютъ, поднимая то попутный, то встрѣчный вѣтеръ. Употребительно у водлозёровъ заклинаніе вѣтра, которое мнѣ не приходилось встрѣчать въ другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда. Если вѣтеръ попутный, но дуетъ слишкомъ вяло, такъ что парусъ не надувается, водлозёры произносятъ слѣдующее заклинаніе:

Сивушки-бурушки,
Вѣщіе вороняюшки
Пособите, дружки,
Помогите.
Какъ моего дѣдушку слухали,

Какъ моего батюшку слухали
Послужите и мнѣ
Вѣрою-правдою, силою крѣпкою.

Если попутный вѣтеръ дуетъ слишкомъ сильно, то начинаютъ его просить дуть потише: „перестань, ишь разгулялся: что ты! потише!“ Снимаютъ шапку, просятъ и, если вѣтеръ случайно не ослабѣетъ, грозятъ ему кулакомъ и грозно прибавляютъ: „Говорятъ тебѣ перестань! не смѣй!“

Но гораздо страшнѣе для водлозёра водяной. Въ отношеніяхъ къ божествамъ воды слѣдуетъ также отличать водяного царя отъ простого водяного. Этотъ послѣдній стоитъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ царю водяному, какъ простой лѣсовикъ къ лѣсному царю. Онъ также подвѣдомственъ ему. Но понятіе о лѣсномъ царѣ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ представленіе о царѣ водяномъ. Первый господствуетъ надъ лѣсомъ, окружающемъ селеніе, водяной же менѣе опредѣленъ. То онъ является главнымъ начальникомъ и управителемъ озера, которому служатъ и котораго слушаются водяные рѣкъ и ручьевъ, втекающихъ въ это озеро, и водяные мелкихъ озеръ, сообщающихся посредствомъ рѣкъ съ большимъ озеромъ. То въ одномъ озерѣ ихъ оказывается нѣсколько. Нечего и говорить, что понятіе о водяномъ царѣ подчасъ смѣшивается съ понятіемъ о простомъ водяномъ. Простыхъ водяныхъ часто видаютъ: они выходятъ на берегъ, гдѣ сидя у воды расчесываютъ себѣ волосы. При появленіи человѣка они обыкновенно бросаются въ воду.

Въ общихъ чертахъ водяной, царь водяной, въ отношеніи своей дѣятельности, въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ мало чѣмъ отличается отъ водяного нашихъ среднихъ губерній. Въ виду этого, я на немъ останавливаться не буду. Отмѣчу лишь тотъ фактъ, что въ Водлозёрѣ живутъ, по преданію, два водяныхъ: одинъ у Пречистенскаго погоста, другой у Ильинскаго.

Дѣло въ томъ, что все населеніе, осѣвшееся по берегамъ и островамъ Водлозёра, дѣлится въ церковномъ отношеніи на два прихода: Пречистенскій (ближе къ южному берегу озера) и Ильинскій въ 15 верстахъ отъ перваго (по озеру), ближе къ сѣверному берегу. О построеніи церквей въ томъ и другомъ погостѣ ходятъ у жителей сказочныя преданія, впрочемъ того характера, который очень распространенъ по всѣмъ мѣстностямъ Россіи. Разсказываютъ, что Ильинскую церковь хотѣли прежде построить на другомъ мѣстѣ и привезли для этой цѣли лѣсъ на мѣсто, предназначенное для постройки церкви. Невидимая сила снесла его на островъ; лѣсъ снова привезли на мѣсто, предназначенное для постройки; но невидимая сила вернула лѣсъ снова на тотъ островъ, гдѣ онъ былъ найденъ послѣ перваго раза. И такъ нѣсколько разъ. Послѣ этого жители рѣшили, что самъ Богъ назначаетъ мѣсто, угодное Ему для постройки храма. И церковь во имя Св. Ильи была воздвигнута на томъ островѣ, гдѣ она стоитъ до сихъ поръ. Такое же преданіе, съ незначительнымъ лишь варіантомъ, ходитъ и о построеніи церкви въ погостѣ Пречистенскомъ.

Хотя этого рода преданія очень распространены въ народѣ, но на этотъ разъ, касаясь положенія водлозерскихъ церквей, они останавливаютъ на себѣ вниманіе. Дѣло въ томъ, что тотъ и другой погостъ расположены на островахъ, причемъ узкій проливъ отдѣляетъ Пречистенскій погостъ отъ материка, а Ильинскій погостъ отдѣляется узкимъ проливомъ отъ другого острова. Въ проливахъ, по преданію жителей, помѣщаются водяные.

Впрочемъ для Пречистенскаго погоста водяной иногда помѣщается и въ другомъ проливѣ, отстоящемъ отъ погоста въ нѣсколькихъ верстахъ и называемаго желѣзными воротами. Одинъ водяной называется поэтому пречистенскимъ, а другой—ильинскимъ. Это обстоятельство, именно что мѣстожительство водяныхъ означается около погостовъ, заставляетъ думать, что сами церкви построены на мѣстахъ, на которыхъ въ давнія времена, быть можетъ, стояли священныя рощи, остатки которыхъ сохранились и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Пудожскаго уѣзда; о нихъ я буду имѣть случай говорить ниже.

Какъ бы то ни было, но на мой взглядъ, сближеніе жилища водяного съ мѣстомъ нахожденія церкви едва-ли случайное. Вѣроятнѣе, во всякомъ случаѣ, что христіанская святыня лишь замѣнила собой языческую, и освятила своимъ присутствіемъ мѣсто, гдѣ прежде, быть можетъ, приносились жертвы языческимъ божествамъ; что мѣста, на которыхъ въ настоящее время стоятъ церкви были прежде языческими святилищами, и вновь прибывшее христіанство лишь замѣнило божество языческое храмомъ Св. Или, измѣнило, такъ сказать, предметъ, но не мѣсто поклоненія... Во всякомъ случаѣ можно предположить, что культъ водяного здѣсь очень древенъ и, быть можетъ, даже унаслѣдованъ русскими отъ финновъ. Постройка же церквей на этихъ мѣстахъ тѣмъ болѣе вѣ-

роятна, что, какъ извѣстно, вообще постройка церквей на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ и урочищахъ, съ которыми соединялись древнія религіозныя представленія населенія — была въ большомъ ходу въ древней Россіи, такъ напр., городище подъ Москвой въ Кунцевѣ, называемое обыкновенно проклятымъ мѣстомъ. Окрестные жители, какъ извѣстно, и теперь еще питаютъ къ этому мѣсту суевѣрное уваженіе и бросаніе въ рѣку вѣнковъ въ семикъ производится именно противъ городища, хотя многимъ деревнямъ приходится для этого идти нѣсколько верстъ. На этомъ мѣстѣ стояла нѣкогда церковь, упраздненная по свѣдѣніямъ И. Е. Забѣлина въ XVII столѣтіи.

Въ настоящее время, когда оба эти проливы освящены присутствіемъ церквей, мѣсто жительство водяныхъ все-таки указывается именно около нихъ. Ни сила православнаго креста, ни близость церкви не были въ состояніи изгнать, по преданію живущаго именно здѣсь, водяного; онъ только утратилъ часть своей силы, но все-таки остался и не убоялся креста. Это можетъ объясняться отчасти консерватизмомъ народныхъ представленій, отчасти и тѣмъ, что по понятіямъ водлозеровъ водяной и не особенно злой духъ.

Онъ дѣйствительно подчасъ и утащитъ человѣка къ себѣ, но въ общемъ онъ не золъ: мирно сидитъ онъ себѣ въ своемъ проливѣ и рѣдко безъ нужды вредитъ людямъ. Видъ его опредѣляется различно: по однимъ—онъ является совсѣмъ схожимъ съ человѣкомъ; по другимъ,—онъ похожъ на человѣка, лишь, какъ и лѣсовикъ, *„почерпье нашихъ будетъ“*; третьи, наконецъ, рисуютъ его снабженнымъ гусиными руками и ногами. Всѣ эти представленія сходны въ одномъ—водяной старецъ. Объяснить то обстоятельство, что въ то время какъ въ другихъ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ каждое озеро находится подъ управленіемъ одного водяного или водяного царя—на Водлозерѣ ихъ два—я не рѣшаюсь. Но въ качествѣ предположенія можно было-бы объяснить это слѣдующей причиной. Тутъ, на Водлозерѣ столкнулись два племени или, быть можетъ, два рода, быть можетъ еще до заселенія края русскими.

За рѣдкими исключеніями всѣ деревни на Водлозерѣ носятъ финскія названія, какъ и само озеро и вытекающая изъ него рѣка Водла. Нѣтъ невѣроятнаго, что два племени или два рода, быть можетъ, еще финскіе столкнулись здѣсь: одно, шедшее съ сѣвера къ югу, другое, направляющееся съ юга на сѣверъ; причемъ каждое изъ этихъ племенъ имѣло свое святилище: одно въ современномъ Пречистенскомъ погостѣ, другое въ современномъ Ильинскомъ погостѣ. Быть можетъ, что рода, изъ которыхъ одинъ былъ оттѣсненъ другимъ дальше на сѣверъ, или наоборотъ къ югу *перенесъ* свое святилище и обособилъ свой культъ. Не вдаваясь въ догадки, укажу лишь на то, что смутное преданіе о происходившей здѣсь на Водлозерѣ борьбѣ сохранилось до сихъ поръ среди водлозеровъ.

Какъ я указалъ уже выше среди жителей сохранилось довольно ясное воспоминаніе о своемъ происхожденіи: одни называютъ себя потомками шведовъ (т. е. финляндцевъ), другіе—русскихъ насельникахъ, третьи — Чуди. Сохранилось на ряду съ этимъ и преданіе о панахъ, которые приходили и къ берегамъ Водлозера, причемъ у деревни Конза-наволокъ происходила большая битва съ ними, и нѣкоторыя семьи считаются потомками пановъ; наконецъ, разсказываютъ, что одинъ Каргопольскій князь, отправившись за данью на Водлозеро изъ Повѣнца, приказалъ для проѣзда въ лодкахъ зимой пропешить ледъ, но, благодаря непогодѣ, потонулъ въ озерѣ со всей дружиною.

Какъ видно изъ этого у мѣстныхъ жителей лучше, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, сохранились воспоминанія о прошлой ихъ исторической жизни: въ памяти ихъ сохранились не только упомянутыя воспоминанія о своемъ происхожденіи и принадлежности, какъ данниковъ къ Каргопольскому княженію, но даже и воспоминанія о сраженіяхъ и спорахъ, бывшихъ въ давнее время у жителей разныхъ селеній между собою. Эта-то живучесть воспоминаній объ историческомъ прошломъ и заставляетъ съ бо́льшимъ довѣріемъ относиться къ сохранившимся среди Водлозеровъ преданіямъ о населявшей нѣкогда берега и острова озера—Чуди, съ которой предки ихъ вели жестокую борьбу.

До сихъ поръ показываютъ Кингъ-островъ, на которомъ, по преданію, были уничтожены остатки разбитой Чуди, спасшейся на этотъ островъ; тутъ и легла вся Чудь *).

---

*) Что касается названія Чудь, то позволю себѣ замѣтить, въ виду сказочнаго значенія, которое ей придается очень часто самимъ народомъ, что въ данномъ случаѣ это названіе племени нѣкогда здѣсь жившаго, быть можетъ имѣетъ за собой историческое основаніе. Извѣстно, что кромѣ названія Эстовъ Чудью и финскихъ насельниковъ Заволочья—заволоцкой Чудью—этимъ названіемъ означается еще финское племя Вепсовъ (Wepsälaiset), населяющихъ частью Новгородскую губернію, частью Олонецкую, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, на югъ отъ Онежскаго озера, на истокахъ рѣки Ояти. Это и въ настоящее время довольно многочисленное племя (около 20,000 душъ), быть можетъ нѣкогда засе-

Этотъ островъ считается священнымъ: онъ поросъ лѣсомъ и рубить этотъ лѣсъ считалось грѣховнымъ и опаснымъ, такъ какъ, если сама убитая Чудь и не вступится непосредственно за свои права, то она впослѣдствіи такъ или иначе должна была отомстить оскорбившему ея святыню. Какъ ни украшено это преданіе о Чуди поэтическими арабесками, все-таки, за рядомъ вымысловъ, мы можемъ замѣтить, что основаніемъ этого разсказа послужило воспоминаніе о бывшей здѣсь нѣкогда битвѣ, и вѣроятно битвѣ съ народомъ мало знакомымъ съ предками современныхъ водлозеровъ, такъ какъ остальныя воспоминанія о битвахъ деревни съ деревней или союза нѣсколькихъ деревень съ другимъ подобнымъ же союзомъ ярко запечатлѣлись въ памяти жителей.

Какъ бы то ни было оба водяные являются совершенно самостоятельными господами, каждый въ своей части озера. Они то дружатъ другъ съ другомъ, то враждуютъ. Въ настоящее время оба водяные породнились. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ преданіе: у водяного ильинскаго была дочь; за ней сватались водяной пречистенскій и водяной,— владѣлецъ Кенозера, которое въ ту отдаленную эпоху было соединено съ Водлозеромъ. Какъ пречистенскій, такъ и кенозерскій водяные часто навѣщали ильинскаго. Кенозерскій водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затѣмъ пречистенскій водяной и старикъ — ильинскій отдалъ за него свою дочь. Кенозерскій разсердился, ушелъ къ себѣ въ озеро и, чтобы никогда не ходить больше въ Водлозеро, засыпалъ большими каменьями дорогу; съ тѣхъ поръ Кенозеро не сообщается больше съ Водлозеромъ. Отправляя свою дочь къ зятю, къ пречистенскому погосту, ильинскій водяной далъ ей въ приданое много золота и драгоцѣнностей и, наконецъ, цѣлый островъ изъ своихъ владѣній послалъ вмѣстѣ съ дочерью въ ея новое жилище. Этотъ островъ лежалъ прежде недалеко отъ рѣки Илексы и, ведомый пѣтухомъ, прибылъ къ деревнѣ Большой Кулъ-Наволокъ, недалеко отъ которой онъ остановился. Вѣщій пѣтухъ затѣмъ улетѣлъ, а островъ стоитъ до сихъ поръ и прозванъ въ памятъ того, что его привезъ пѣтухъ, Пѣтуньимъ островомъ.

Кстати замѣтить, что понятіе о пѣтухѣ какъ о птицѣ вѣщей, сохранилось у народа, на протяженіи всего Пудожскаго уѣзда, до вольно ясно. Онъ, между прочимъ, помѣщается въ рязрядъ птицъ, ѣсть которыхъ грѣшно.

Что касается жертвоприношеній водяному, то мнѣ не удалось открыть ихъ; но не безъинтересенъ тотъ фактъ, что водлозёры, проѣзжая черезъ проливы, въ которыхъ живутъ водяные, отвѣшиваютъ глубокіе поклоны водяному царю, снимая шапку. Большинство проѣзжаетъ съ суевѣрнымъ страхомъ и радостно крестится, когда проѣздъ совершился благополучно.

Но указывая и оттѣняя, что водяной особенно чтится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь жителя тѣсно связана съ этой стихіей, а культъ лѣсовика, тамъ, гдѣ подсѣчное хозяйство является *главнымъ* подспорьемъ въ жизни крестьянина, я отнюдь не хочу сказать, что культъ водяного отсутствуетъ у послѣдней категоріи крестьянъ, а культъ лѣсовика у крестьянъ первой категоріи. И то и другое божество чтится повсемѣстно, но въ разныхъ степеняхъ.

Такъ, на Водлозерѣ, гдѣ развитъ особенно культъ водяного, чтится и лѣсовикъ. Послѣднему также какъ и на озерѣ Купецкомъ приносятъ жертвоприношенія въ случаѣ пропажи скота. Это понятно: водлозёры также занимаются хлѣбопашествомъ въ лѣсахъ и до послѣдняго времени оно являлось все-таки важнымъ подспорьемъ въ ихъ хозяйствѣ. За нѣсколько лѣтъ жители стали обращаться главнымъ образомъ къ рыболовству. Поэтому культъ лѣсовика не исчезъ, но онъ отступилъ лишь на второй планъ; культъ же водяного занимаетъ первое мѣсто въ вѣрованіяхъ крестьянъ, поэтому - то водяной пользуется меньшимъ почетомъ у жителей озера Купецкаго, чѣмъ у водлозёровъ и наоборотъ, водлозёры меньше почитаютъ лѣсовика, чѣмъ обитатели Купецкаго озера.

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что даже на Купецкомъ озерѣ, гдѣ роль водяного низведена до **minimum'a** — воспоминаніе о водяномъ царѣ все-таки очень сильно, служитъ слѣдующая молитва, которую читаютъ всякій разъ, когда берутъ воду для лѣченія ею больного.

„Бережокъ батюшка, водушка матушка, *царь водяной и царица водяная съ малыми дѣтьми, съ приходящими гостями*, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божію“. На Водлозерѣ, гдѣ культъ лѣсовика стоитъ сравнительно съ озеромъ Купецкимъ очень низко, молитва, которую читаютъ при черпаніи воды для больного гласитъ такъ:

„Царь земной и царица земная и царь во-

ляло и весь современный Пудожскій уѣздъ и было вытѣснено новыми пришельцами быть можетъ также финскаго или русскаго происхожденія.

дяной и царь лѣсной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости, для добраго здоровья раба Божія". Обѣ эти молитвы важны, какъ доказательства того, что въ общемъ божества у всѣхъ жителей уѣзда одинаковы, лишь степень поклоненія каждаго изъ нихъ зависитъ отъ условій быта. Поэтому, хотя въ молитвѣ, читаемой на Купецкомъ озерѣ и не поминается царь лѣсной, а въ той, которая читается на Волдозерѣ, онъ поминается, — все-таки культъ водяного занимаетъ главное мѣсто у водлозёровъ, а культъ лѣсовика на Купецкомъ озерѣ. Приведенныя выше слова молитвы интересны для насъ еще тѣмъ, что здѣсь встрѣчается упоминаніе о земномъ царѣ и земной царицѣ. Понятіе объ этихъ двухъ божествахъ земли, объ ихъ дѣятельности и отношеніи къ людямъ, у крестьянъ тѣхъ мѣстностей по крайней мѣрѣ, гдѣ эти молитвы записаны, намъ не удалось открыть.

Повидимому, въ настоящее время эти представленія о божествахъ земли совершенно исчезли изъ народной памяти и лишь въ видѣ переживанія ихъ имена сохранились въ молитвахъ, свидѣтельствуя о древности ихъ также, какъ это дѣлаютъ и олицетворенія берега и воды, встрѣчающіяся въ этой молитвѣ („бережокъ-батюшка, водупка-матушка"). Что касается этихъ послѣднихъ олицетвореній, то и они для современнаго пудожанина утратили истинное свое значеніе и служатъ въ настоящее время лишь формой, значеніе которой крестьяне не понимаютъ. Но безспорно, что въ тѣ отдаленныя времена, когда культъ языческихъ божествъ былъ еще крѣпокъ, эти олицетворенія имѣли для крестьянина свое буквальное значеніе.

Не останавливаясь болѣе на водяномъ, перейду теперь къ тѣмъ божествамъ и духамъ, которые связаны съ жилищемъ пудожанина какъ съ его очагомъ, такъ и постройками, такъ или иначе необходимыми ему въ его хозяйствѣ; къ этимъ духамъ относятся: дворовой, подполянникъ, запеченникъ, жихарь, овинянникъ, хлѣвный и баенникъ. Изъ нихъ четыре первые живутъ въ домѣ; хлѣвный—въ хлѣвѣ, овинянникъ—въ овинѣ, и баенникъ – въ банѣ. Подробно на этихъ домашнихъ духахъ я останавливаться не буду какъ по малому количеству данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, такъ и благодаря безъинтересности этого культа у подожанъ. Всѣ домашніе духи, какъ дворовой (иногда назыв. домовымъ), подполянникъ и запечникъ имѣютъ, какъ извѣстно, въ своемъ происхожденіи связь съ домашнимъ очагомъ, но эта связь въ настоящее время утратилась и утратилась при томъ на столько, что мы почти-что лишь по аналогіи можемъ судить, что современныя вѣрованія въ этихъ домашнихъ духахъ — не болѣе, какъ слабые слѣды древняго поклоненія предковъ. Дворовыхъ поселяютъ въ подпольѣ. Ихъ число бываетъ равно числу членовъ семьи; они управляются большакомъ; есть у нихъ большуха, есть и дѣти. Дворовые живутъ, какъ обыкновенные люди: они ѣдятъ, пьютъ, женятся. Однимъ словомъ, проводятъ въ своемъ подпольѣ время также, какъ крестьянинъ въ избѣ. Большакъ-дворовой обыкновенно называемый „избенный большакъ" пользуется въ своей подпольной семьѣ такимъ-же объемомъ власти, какъ и крестьянскій большакъ: „что онъ прикажетъ дѣлать, то и дѣлаютъ".

Дворовой является людямъ, и видъ его описывается либо какъ обыкновенный человѣческій, либо также „почернѣе" обыкновенныхъ людей. Съ нимъ можно вступать и въ разговоръ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ одной крестьянки, деревни Авдѣевской: „мужикъ разъ лежитъ себѣ ночью. Видитъ вдругъ вошла баба съ зыбкою. Повѣсила зыбку, а сама у печки грѣться стала: А-а-а! говоритъ, холодно! а сама зыбку качаетъ. Испугался мужикъ, взялъ да и зажегъ спичку. Она сейчасъ въ дверь и зыбку съ собой взяла. Потушилъ мужикъ огонь—лежитъ. Взошелъ самъ-то дворовой—говоритъ: „жалко тебѣ избы стало, что-ли? не пустилъ бабу обогрѣться" Онъ мужъ ея былъ, знать. Мужикъ опять зажегъ спичку и тотъ въ ходъ пустился". Этотъ разсказъ, ярко рисующій намъ дворового, интересенъ между прочимъ тѣмъ, что и онъ и его жена какъ-бы боятся свѣта, словно они не совсѣмъ „чисты" и какъ духи нечистые отъ зажиганія огня мгновенно удаляются.

Но это представленіе о дворовыхъ, какъ о существахъ не совсѣмъ чистыхъ, является лишь обезображеніемъ древнихъ вѣрованій, обезображеніемъ, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ въ отношеніи къ домашнимъ духамъ почти повсемѣстно въ Великороссіи, гдѣ домовой также чаще представляется злымъ, чѣмъ добрымъ. Но въ другихъ мѣстахъ Пудожскаго уѣзда, какъ напримѣръ, на Кенозерѣ, дворовой является скорѣе духомъ свѣтлымъ, котораго боится нечистая сила. Тамъ, какъ впрочемъ и во многихъ мѣстахъ уѣзда, при входѣ въ лѣсную избушку для ночевки считается необходимымъ произнести слѣдующую молитву, какъ сами крестьяне называютъ это обращеніе къ дворовому лѣсной избы:

„Большачекъ и большушка, благословите

ночевать и постоять раба Божія (имя рекъ)". Уже то, что при обращеніи къ дворовому употребляются слова «рабъ Божій» доказывает, что дворовой не считается мѣстнымъ населеніемъ въ числѣ, такъ называемой, „нечистой силы". Кромѣ того существуютъ и разсказы, изъ которыхъ явствуетъ, что онъ, дворовой, охраняетъ отдавшихся подъ его покровительство лицъ отъ вторженія нечистой силы и наоборотъ отказываетъ въ покровительствѣ тѣмъ, которые упомянутой молитвы не читаютъ.

Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ разсказовъ: „Мужикъ одинъ вошелъ въ избушку лѣсную ночевать, да не благословясь. Лежитъ онъ себѣ, а въ углу у печки видитъ стоитъ себѣ лѣшій—большой такой, согнулся въ избушкѣ, грѣется: „А-а а". Мужикъ, знать, печку-то не благословясь затопилъ. Вѣдь, какъ никого нѣтъ въ избушкѣ то, такъ они и на лѣзутъ туда, нечисть-то". Изъ этого разсказа слѣдуетъ, что благословись мужикъ, т. е. прочитай онъ упомянутую молитву дворовому, тотъ оградилъ-бы его отъ вторженія въ избу лѣшаго, который въ мѣстности, гдѣ записанъ этотъ разсказъ, именно Кенозеро, дер. Вершинино, считается въ разрядѣ нечистой силы. И такъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ, хотя и отдаленное воспоминаніе о дворовомъ, какъ о благодѣтельномъ духѣ, покровителѣ жилища—воспоминаніе, которое въ большинствѣ мѣстностей уѣзда окончательно уступило мѣсто другому воззрѣнію на дворового, какъ на духа суроваго, на духа не совсѣмъ „чистаго".

Кстати, отмѣтить при этомъ извѣстную странность. Между тѣмъ какъ въ лѣсной избушкѣ живетъ, повидимому, одинъ дворовой съ женой—въ избахъ населенныхъ ихъ столько, сколько членовъ семьи, хотя крестьянамъ и неизвѣстно, умираетъ-ли дворовой по смерти одного изъ членовъ семьи.

Объясненія соотношенія числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи также нѣтъ никакого. Вообще въ этомъ представленіи царствуетъ какая-то неопредѣленность, какое-то смѣшеніе понятій. Мнѣ кажется, что въ видѣ гипотезы, это соотношеніе числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи, въ виду ея неопредѣленности, могло-бы быть объяснено слѣдующимъ путемъ: вѣра въ дворовыхъ, какъ они являются повсюду, произошла, какъ извѣстно, отъ вѣрованія, что души умершихъ предковъ продолжаютъ жить въ домѣ; чѣмъ больше предковъ умершихъ, тѣмъ больше и дворовыхъ; предокъ, основатель рода и является въ такомъ случаѣ большакомъ своихъ, пришедшихъ къ нему послѣ смерти потомковъ.

Таково первоначальное вѣрованіе и, быть можетъ, впослѣдствіи, когда вѣра въ предковъ утратилась, явилось необъяснимымъ для крестьянина произвольное и не одинаковое у всѣхъ домохозяевъ число дворовыхъ и онъ, стремясь выйти изъ этого затрудненія, опредѣлилъ число дворовыхъ равнымъ числу членовъ семьи, такъ что каждый изъ членовъ семьи имѣетъ своего покровителя *).

Лишь съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ христіанства, дворового стали считать силой „нечистой", „черной". Если кто пожелаетъ увидѣть дворового стóитъ ему лишь надѣть хомутъ на себя, причемъ этимъ способомъ можно узнать о будущемъ. Вотъ разсказъ одной крестьянки о томъ, какъ лицо ей знакомое, видѣло дворового. Передаю ея разсказъ вкратцѣ. Одна изъ двухъ подругъ-дѣвушекъ сѣла въ большой уголъ, между тѣмъ какъ другая влѣзла на печку и стала смотрѣть сквозь хомутъ. Вдругъ она увидѣла двухъ страшныхъ „черныхъ" мужиковъ, которые несли гробъ: они поставили гробъ въ большой уголъ. Это и были дворовые. Дѣвушка такъ испугалась, что упала съ печки. „А та дѣвушка, прибавила разскащица, что въ большомъ углу сидѣла, въ тотъ годъ умерла".

Болѣе интереснымъ является другой способъ увидѣть дворового: надо спуститься на 3-ю ступень внутренней лѣстницы, ведущей въ хлѣвъ и нагнувшись посмотрѣть промежъ ногъ. Дѣвушки дѣлаютъ это обыкновенно на святкахъ, чтобы въ лицѣ дворового увидѣть своего суженнаго. При помощи этого же способа можно увидѣть и подполянника, съ которымъ очень часто смѣшиваютъ дворового. Онъ также живетъ въ подполье; ихъ также нѣсколько въ домѣ и подпольная жизнь ихъ ничѣмъ не отличается отъ жизни крестьян-

*) *Примѣч.* Не безъинтересенъ слѣдующій фактъ, сообщенный мнѣ П. М. Богаевскимъ, касающійся собственно Сарапульскихъ Вотяковъ, но могущій до извѣстной степени подтвердить только что высказанное мною предположеніе: Когда Вотяки устраиваютъ поминки, они увѣрены, что покойники ихъ присутствуютъ на пиршествѣ; послѣ пиршества Вотяки приглашаютъ ихъ гулять, въ баню и т. д. *Во время поминальнаго пиршества* каждый изъ присутствующихъ живыхъ родственниковъ находится подъ особымъ покровительствомъ одного изъ умершихъ предковъ, слѣдовательно, они полагаютъ, что присутствующихъ родственниковъ-покойниковъ столько, сколько родственниковъ живыхъ принимаютъ участіе въ пиршествѣ. Вѣрованіе, которое можетъ до извѣстной степени освѣтить вѣрованіе пудожскихъ крестьянъ о соотношеніи числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи.

ской семьи. Это сходство подполянника съ дворовымъ невольно наводитъ на мысль, не являются-ли оба домашніе духа тождественными и лишь обозначаемыми разными именами. Въ разсказахъ крестьянъ они часто смѣшиваются, хотя подполяннику, когда говорятъ о немъ собственно, приписываютъ больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ чертъ. Онъ вообще не добръ. Какъ примѣръ смѣшенія дворовыхъ съ подполянниками, позволю себѣ указать, что крестьянка, передававшая о томъ способѣ, которымъ можно видѣть *дворового*, въ доказательство правды своихъ словъ привела слѣдующій разсказъ: „Мать свою дочь прокляла. *Подполянникъ* и затащилъ ее къ себѣ въ подполье. Такъ она тамъ и замужъ выйти успѣла и стала ужъ сына женить, да и пришла къ матери просить сыта:

„Матушка, говоритъ, коли хочешь видѣть какъ я живу, сойди три ступени въ подполье (именно по лѣстницѣ, ведущей въ хлѣвъ) и гляди промежъ ногъ своихъ“. Ну и увидѣла ихъ, мать-то. Сидятъ они всѣ, какъ наши мужики. Такъ она и сыта принесла дочкѣ и рубашку“.

Средство смотрѣнья съ третьей ступени промежъ своихъ ногъ, чтобы увидѣть дворового или подполянника, — обратившееся въ настоящее время въ простое повѣрье, быть можетъ, имѣетъ въ своемъ основаніи связь съ глубокой древностью, когда умершихъ предковъ хоронили подъ очагомъ, подъ порогами, подъ поломъ. Быть можетъ то, что въ настоящее время пудожанки продѣлываютъ изъ любопытства увидать своего суженаго или узнать знакомый имъ лишь по разсказамъ бытъ подпольныхъ обитателей родительскаго дома, —ихъ прабабушки-язычницы дѣлали съ цѣлью увидѣть дѣйствительно похороненныхъ здѣсь прежде своихъ предковъ...

Къ числу домашнихъ духовъ принадлежатъ еще: хлѣвный, жихарь и запеченникъ. Про этихъ духовъ крестьяне немного умѣютъ разсказать. Первый живетъ въ хлѣвѣ, отличается своей добротой, помогаетъ содержать хлѣвы.

Второй—жихарь—злой духъ; гдѣ въ домѣ онъ живетъ, въ точности неизвѣстно, но онъ опасный для матери сосѣдъ: въ отсутствіи матерей онъ крадетъ дѣтей изъ зыбки, но въ присутствіи матери онъ сдѣлать это не рѣшается. Если мать бываетъ вынуждена уйти изъ избы, то для предохраненія отъ покушеній жихаря украсть ребенка въ отсутствіе матери, принимаются слѣдующія мѣры: мать кладетъ въ зыбку ножницы и веретяной камень, а подъ зыбку, на полъ, кладутъ старый вѣникъ. Если принять эти мѣры предосторожности—жихарь оказывается безсильнымъ. Наконецъ, запеченникъ, живущій за печкой, духъ веселый, любящій шутить. Пропадетъ-ли у хозяйки ухватъ, разобьется-ли внезапно посуда—все это шутки запеченника.

Наконецъ, чтобъ покончить съ домашними духами, скажу еще нѣсколько словъ объ овинянникѣ и баенникѣ. Какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ, даже среднихъ губерній Россіи, наиболѣе упорно, наиболѣе живуче сохранился культъ духа-покровителя овина, которому даже до настоящаго времени приносятъ въ опредѣленные дни жертвоприношенія. Но въ Пудожскомъ уѣздѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя намъ удалось узнать, культъ именно этого духа развитъ до крайности слабо и лишь блѣдные отблески древнихъ вѣрованій мы встрѣчаемъ здѣсь у крестьянъ. Дѣйствительно овинъ служитъ жилищемъ овинянника, отличающемуся, по мнѣнію крестьянъ, большимъ ростомъ. Крестьяне знаютъ, что овинянникъ духъ добрый, „милосливый“. „Онъ, батюшка, говорятъ про него крестьяне, чужому не выдастъ, только помолиться ему“. Ночевать въ овинѣ можно совершенно безопасно, если только произнести слѣдующую молитву: „Овинный батюшко, побереги, постереги отъ всякаго зла, отъ всякаго супостата раба Божія“. И такъ, на основаніи этихъ малочисленныхъ данныхъ можно лишь вывести то, что овинянникъ принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ духовъ, что онъ является покровителемъ своихъ, если они къ нему обращаются съ молитвой, защитникомъ ихъ отъ нечистой силы какъ и дворовой, въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда по крайней мѣрѣ. Больше подробностей объ этомъ духѣ мнѣ открыть не удалось. Ходитъ только рядъ разсказовъ о добротѣ „овиннаго батюшки“ „достовѣрныя исторіи“ о случаяхъ, гдѣ эта доброта проявлялась. Позволю себѣ привести одинъ изъ такихъ разсказовъ: „сошлась разъ бесѣда (мѣстное названіе для посидѣлокъ). А тутъ какъ разъ старуха передъ этимъ помри. И стали холостые (т. е. молодые люди) дразнить одного парня: явится ему старуха. А онъ всѣ смѣялся. Вышелъ онъ съ бесѣды, старуха и пристань къ нему. Такъ онъ бѣжать отъ нея, а она за нимъ. Взмолился онъ тутъ овинянникуу. Такъ онъ, батюшка, вышелъ, да со старухой до самыхъ пѣтуховъ дрался, а парня сберегъ“.

Что касается баенника или баеннаго, то это въ противоположность овинянникуу, духъ злой, отъ котораго добра ждать нечего. Ночевать въ банѣ никто, даже изъ самыхъ храбрыхъ

пудожанъ, ни за что не рѣшится. Даже днемъ страшно идти въ баню одному, и женщина или дѣвушка, посланная впередъ, чтобы приготовить баню, идетъ туда съ замираніемъ сердца. Въ баняхъ не вѣшаютъ образовъ и съ груднымъ крестомъ въ неё не входятъ. Подробностей объ этомъ духѣ узнать не пришлось, но достовѣрно то что онъ считается „нечистымъ“. Чтобы уяснить себѣ хоть сколько нибудь значеніе баенника, позволю себѣ отмѣтить, что обыкновенно каждая семья имѣетъ свою баню и рѣже встрѣчаются, что двѣ, три семьи складываются вмѣстѣ для постройки бани: поэтому каждый баенникъ является духомъ, имѣющимъ отношеніе главнымъ образомъ лишь къ той семьѣ, которой баня принадлежитъ: онъ является также, какъ и упомянутые выше домашніе духи — духомъ семейнымъ, домашнимъ.

Эта обособленность баенниковъ для каждой отдѣльной семьи является интересной и невольно рождается вопросъ: не имѣетъ ли представленіе о баенникѣ какой нибудь связи съ культомъ предковъ, быть можетъ тамъ похороненныхъ. Вопросъ, который я разрѣшить не берусь.

Таковы домашніе духи пудожанъ. Какъ видно культъ ихъ почти что изгладился вовсе, оставивъ за собой лишь блѣдные слѣды. Новаго онъ ничего не даетъ намъ: мы не обогатимъ благодаря этимъ остаткамъ, нашихъ свѣдѣній о древнихъ вѣрованіяхъ русскаго народа. Тѣмъ не менѣе, я счелъ невозможнымъ обойти его молчаніемъ: эти домашніе духи все-таки слишкомъ близки пудожанину, слишкомъ тѣсно связаны съ его жизнію, и даже въ этомъ разбитомъ видѣ составляютъ слишкомъ видный отдѣлъ въ представленіяхъ населенія, чтобы не изложить ихъ здѣсь, хотя бы вкратцѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Перейду теперь къ нѣкоторымъ повѣрьямъ, связаннымъ съ представителями животнаго міра. У пудожанъ, какъ и повсюду, существуетъ дѣленіе животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ. Но кромѣ этого дѣленія изъ числа животныхъ и птицъ чистыхъ, выдѣляются нѣкоторыя, убивать и ѣсть которыя считается грѣхомъ и не оттого, что это „запрещено Богомъ“, какъ это по отношенію, къ такъ называемымъ, нечистымъ животнымъ, но по совершенно особымъ соображеніямъ, привести которыя крестьяне подчасъ сами не умѣютъ. Къ такимъ относятся между прочимъ свиньи, пѣтухи и лебедь. Послѣднихъ особенно много въ озерахъ, гдѣ они въ плесахъ гдѣ нибудь у пустыннаго острова проводятъ все лѣто, собираясь иногда въ довольно значительныя стаи. Свиней не ѣдятъ, считая это просто грѣхомъ. Этимъ соображеніемъ крестьяне и объясняютъ, почему почти никто изъ нихъ не держитъ свиней *).

Что касается пѣтуховъ, то быть можетъ то обстоятельство, что ѣсть его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда, считается грѣховнымъ—объясняется переживаніемъ древняго воззрѣнія на пѣтуха, какъ на птицу вѣщую. Кромѣ распространеннаго по всей Россіи повѣрья, что нечистая сила разбѣгается отъ пѣнія пѣтуха, мы встрѣчаемъ здѣсь пѣтуха въ разсказѣ о водлозерскихъ водяныхъ, который я привелъ выше. Тотъ пѣтухъ, который, исполняя порученіе ильинскаго водяного, привелъ островъ, былъ не простой: онъ является какимъ-то полусказочнымъ, одареннымъ большою силой, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, „божественною птицей“. Далѣе существуетъ повѣрье, имѣющее связь съ понятіемъ о пѣтухѣ, какъ о птицѣ, прогоняющей своимъ пѣніемъ нечистую силу — именно когда рвутъ чертополохъ—растеніе, имѣ-

*) *Примѣч.* Обычай не употреблять свиней въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ является трудно объяснимымъ. Въ то время, какъ у славянскихъ и германскихъ племенъ свинья является символомъ плодородія и составляетъ лакомое блюдо—этотъ обычай неупотребленія свинаго мяса какъ-то странно поражаетъ среди пудожанъ, въ большомъ числѣ происходящихъ отъ древнихъ новгородцевъ насельниковъ. Свиная голова, окорокъ, поросенокъ, выставлялись и во многихъ мѣстахъ выставляются и по настоящее время въ праздники солнцеворота, какъ символъ счастья, обилія на предстоящій годъ. Этотъ обычай, употребляемый и во многихъ мѣстностяхъ внутреннихъ губерній Россіи, естественно не можетъ встрѣчаться у пудожанъ. Быть можетъ въ этомъ обычаѣ неупотребленія въ пищу свинаго мяса, должно видѣть до извѣстной степени вліяніе закона Моисея, хранимый нѣкоторыми раскольниками при посредствѣ которыхъ этотъ обычай неупотребленія свиней въ пищу могъ передаться и остальному населенію. Не могу не указать, что интереснымъ является то, что финны очень поздно познакомились съ разведеніемъ свиней, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ этому могло благопріятствовать земледѣльческій бытъ населенія. Какъ извѣстно, финны познакомились съ разведеніемъ свиней и домашней птицы отъ своихъ сосѣдей, чѣмъ и объясняется, что у финновъ нѣтъ для обозначенія свиней (какъ и для домашней птицы) своихъ коренныхъ словъ. Лѣтъ сто тому назадъ, въ самой Финляндіи не разводили свиней и домашнюю птицу вовсе, такъ что бродячіе цыгане показывали своихъ куръ и свиней какъ „какихъ нибудь невиданныхъ животныхъ“. (Изложеніе по Алквисту: Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1877. іюнь, стр. 276). Быть можетъ жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ настоящее время въ уѣздѣ не употребляютъ въ пищу свиней, либо ихъ вовсе не знали, либо бросили ихъ разведеніе подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей, коренныхъ финновъ не разводившихъ свиней, и лишь впослѣдствіи, подыскивая объясненіе этому факту, стали объяснять, что употребленіе свиньи въ пищу—грѣхъ.

ющее и здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи миѳическое значеніе, нужно сорвать его такъ, чтобы не было слышно пѣнія пѣтуха, иначе чертополохъ потеряетъ свою чудодѣйственную силу. Чертополохъ вѣшаютъ въ хлѣвѣ, чтобы хлѣвный не дѣлалъ вреда скотинѣ. Не повліяло ли такое воззрѣніе на пѣтуха, воззрѣніе слабые, полузабытые остатки котораго мы видимъ въ настоящее время, на запрещеніе употреблять его въ пищу?

Что касается лебедя, то не только грѣшно употреблять его въ пищу, но даже и стрѣлять его считается грѣхомъ. Къ лебедю народъ питаетъ особенное благоговѣніе.

На вопросы почему лебедя нельзя стрѣлять, мы не получали удовлетворительнаго отвѣта; обыкновенно отвѣтъ былъ подобенъ нижеслѣдующему, который намъ сообщилъ одинъ крестьянинъ, житель деревни Лядинной (недалеко отъ оз. Купецкаго): „Лебедь ужъ такая птица, она и яйца кладетъ-то какъ: всё вдвоемъ плаваетъ; одна яйца кладетъ, а другая всё около плаваетъ. И какъ одна умретъ, то къ другой уже не пойдетъ. Опять таки, какъ она поетъ“. Таково было обыденное объясненіе. Удалось намъ узнать еще, что стрѣляніе лебедя не проходитъ безнаказанно: провинившійся по отношенію лебедя охотникъ, наказывается падежомъ скота или другимъ несчастіемъ для него и его семьи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось услыхать, что лебедь похожъ на женщину, но въ чемъ это сходство выражается, намъ точно объяснить не могли: можнобыло лишь понять, что, по мнѣнію крестьянъ, лебедь носитъ яйца 9 мѣсяцевъ, какъ женщина ребенка. Г. И. Куликовскій любезно предоставившій мнѣ въ рукописи свое сообщеніе («Общественный пиръ въ Обонежьѣ» читанный имъ въ Отд. Этнографіи Имп. Общ. Любит. Естествознанія) сообщаетъ слѣдующее объясненіе грѣховности убивать лебедя: „крестьяне говорятъ, что если одного изъ пары убить, то другой три года летаетъ на то-же мѣсто и наконецъ умираетъ съ горя по убитому; поэтому убить лебедя большой грѣхъ“. Эта хотя и очень неясная связь лебедя съ женщиной, которую можно было усмотрѣть изъ отвѣтовъ крестьянъ можетъ до извѣстной степени пролить свѣтъ на запрещеніе его стрѣлять. Извѣстно, что не только у славянъ, но вообще у всѣхъ арійцевъ, лебедь является не простой птицей и въ миѳологіяхъ почти всѣхъ арійцевъ, то боги и богини превращаются въ лебедь, то божества привозятся и отвозятся лебедями. Въ нашихъ сказкахъ эти вѣрованія въ лебедь сказались въ рядѣ эпизодовъ, гдѣ царевна обращается въ лебедь. Въ виду извѣстности этихъ взглядовъ на лебедь и разсказовъ о ней, я не считаю нужнымъ останавливаться на нихъ. Быть можетъ это-то воззрѣніе далеко ушедшаго отъ насъ времени, нашло себѣ отголосокъ у пудожанъ въ ихъ отношеніяхъ къ лебедю, быть можетъ это есть безсознательно сохранившееся переживаніе, въ значеніи котораго не могутъ себѣ дать отчета сами жители, свято хранящіе завѣтъ своихъ предковъ и до сихъ поръ съ суевѣрнымъ страхомъ относящіеся къ лебедю.

Запрещеніе употреблять лебедя въ пищу встрѣчается не въ одной Олонецкой губерніи; въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.“, собранныя П. С. Ефименкомъ *) читаемъ: „животныя въ нашей мѣстности, (въ Шенкурскомъ уѣздѣ) не употребляются въ пищу тѣ, же, которыхъ не позволяетъ употреблять и Моисей... Законъ Моисеевъ о неупотребленіи въ пищу животныхъ... строго содержится преимущественно раскольниками, чрезъ которыхъ распространяется и на прочій народъ“. Законъ Моисеевъ запрещаетъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, употреблять въ пищу и лебедя. Мнѣ кажется, что видѣть вліяніе закона Моисея на запрещеніе употреблять лебедя въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ по крайней мѣрѣ, не вполнѣ основательно уже потому, что нѣкоторыя птицы, запрещенныя Моисеемъ, пудожанами въ пищу употребляются. Второзаконіе (гл. XIV, 11—18) гласитъ: „всякую птицу ѣште. Но сихъ не должно вамъ ѣсть изъ нихъ: орла, грифа, и морскаго орла и коршуна и сокола и кречета съ породой ихъ, и всякаго ворона съ породою его и страуса и совы и чайки и ястреба съ породою его, и филина и ибиса и *лебедя* и сипа и рыболова и цапли и зуя съ породой его и удода и нетопыря“. Чаекъ и зуевъ въ Пудожскомъ уѣздѣ употребляютъ въ пищу, хотя и рѣдко, но это послѣднѣе происходитъ по словамъ крестьянъ лишь благодаря плохому вкусу мяса этихъ птицъ. Изъ остальныхъ птицъ, перечисленныхъ во Второзаконіи однѣ не встрѣчаются вовсе на сѣверѣ, другія нигдѣ (ни въ Россіи, ни въ извѣстныхъ мнѣ странахъ Зап. Европы и Азіи) въ пищу народомъ не употребляются, какъ напримѣръ филины, совы и др., и по всѣмъ вѣроятіямъ едва ли подъ вліяніемъ закона Моисея, такъ какъ вѣроятнѣе предположить, что обычай неупотреблять въ пищу филиновъ, совъ, ястребовъ и др. развился параллельно у многихъ народовъ, безъ взаимнаго, въ этомъ отношеніи воздѣйствія.

*) Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. т. XXX, стр. 188.

Но не отрицая даже вполнѣ возможности воздѣйствія закона Моисея черезъ посредство раскольниковъ, на запрещеніе употреблять лебедей въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ— все-таки останется неразрѣшеннымъ вопросъ, почему запрещено *не только ѣсть лебедей*, но *считается грѣховнымъ даже стрѣляніе ихъ*, все равно будетъ ли слѣдствіемъ этого смерть лебедя или только пораненіе его: между тѣмъ стрѣляніе другихъ птицъ и животныхъ, которыхъ въ пищу не употребляютъ, грѣхомъ не считается. Какъ напр. зайцевъ, бѣлокъ и другихъ нечистыхъ животныхъ, а изъ запрещенныхъ Моисеемъ птицъ —напр. ястребовъ и совъ.

Далѣе стрѣляніе лебедей запрещается обычаемъ или считается грѣховнымъ въ Россіи не только на сѣверѣ. Такъ Аѳанасьевъ, ссылаясь на Оренбургск. Г. В. сообщаетъ, что стрѣлять лебедя считаютъ грѣхомъ и что существуетъ повѣрье, по которому, если убитаго лебедя показать дѣтямъ, то они всѣ помрутъ *). Въ Тульской губ., Крапивенскаго у., д. Малынки, гдѣ въ настоящее время лебедей не встрѣчается болѣе, все-таки, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, ѣсть лебедя грѣхъ. Въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., **) крестьяне не рѣшаются стрѣлять лебедя, считая его „благородной птицей". На Уралѣ***) лебедей не бьютъ, „такъ какъ это считается большимъ грѣхомъ". Въ Оренбургской губ., (Челябинскаго у., с. Птичье) среди русскаго населенія (но не у казаковъ) мы встрѣчаемся съ повѣрьемъ о лебеди, схожимъ съ тѣмъ, какое мы видимъ и въ Каргопольскомъ у.: убивать лебедя грѣхъ, такъ какъ если убить одного изъ пары, то другой тоже умираетъ: онъ съ крикомъ поднимается надъ тѣломъ убитаго и исчезаетъ навсегда. Кромѣ того въ этой-же мѣстности существуетъ интересное повѣрье, что, если убить лебедя-самца, то въ скоромъ времени долженъ умереть отецъ убившаго, если-же убить лебедь самку, то смерть постигнетъ мать убившаго. Сопоставляя эти свѣдѣнія съ повѣрьемъ, встрѣчающимся у пудожанъ, что лебедь похожъ на женщину и съ тѣми вѣрованіями у различныхъ арійскихъ народовъ, въ которыхъ лебедь является вѣщей птицей какъ у индусовъ, грековъ (у которыхъ между прочимъ лебедь былъ посвященъ Апполону, и употреблялся при гаданіи) германцевъ и славянъ — трудно объяснять это разбросанное въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи почитаніе лебедя вліяніемъ Моисеева закона; вѣроятнѣе объяснить это миѳическими представленіями о лебеди, выразившимися въ огромномъ количествѣ сказокъ и пѣсень нашей древней народной литературы. Слабые отголоски этихъ представленій могли устоять и въ Пудожскомъ уѣздѣ, хотя-бы въ видѣ смутнаго представленія о сходствѣ лебедя съ женщиной. Однако если мы и встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи почитаніе лебедя, то на ряду съ этимъ можемъ мы найти и рядъ мѣстностей, гдѣ этого почитанія лебедя не встрѣчается. Часто встрѣчающійся въ нашпхъ былинахъ стихъ: „бѣлую лебедь рушати" — заставляетъ думать, что уже въ древней Руси къ лебедямъ не относились какъ птицамъ священнымъ. Выраженіе: „бѣлый лебедь на блюдѣ не быкъ, ножемъ не рушенъ, а всякъ его кушалъ" *) подтверждаетъ это. Въ XVII в. 3 мъ блюдомъ на боярской свадьбѣ былъ обыкновенно лебедь (Костомаровъ т. XIX. стр. 245) Бѣлоруссы Могилевской губерніи, Мстиславскаго уѣзда повидимому не считаютъ грѣховнымъ употребленіе лебедей въ пищу **): жители Темрюка и нѣкоторыхъ частей Вологодской губерніи охотятся на лебедя и нисколько не считаютъ грѣхомъ его стрѣлять.

Быть можетъ древнія вѣрованія по отношенію къ лебедю успѣли уже разрушиться, быть можетъ это разрушеніе произошло въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи еще въ незапамятныя времена; въ другихъ же частяхъ Россіи они случайно сохранились; между прочимъ и на сѣверѣ Россіи сдѣлавшимся благодаря разнымъ условіямъ, лучшимъ хранилищемъ старины, былинъ и древне-русскихъ повѣрій.

Быть можетъ также, что древніе славянскія вѣрованія нашли себѣ удобную почву у первоначальныхъ насельниковъ инородцевъ, быть можетъ смѣшались съ ними и развились подъ вліяніемъ представленій своихъ сосѣдей—инородцевъ, вслѣдствіе чего и удержались на сѣверѣ лучше чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. По крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ мы встрѣчаемся также съ представленіемъ о лебеди, какъ о птицѣ вѣщей. Такъ наприм. лебедь, по словамъ нѣкоторыхъ вотяковъ, ***)

*) Аѳанасьевъ: Поэт. воззр. Сл. на природу. I. 542.

**) Сообщено А. П. Звонковымъ.

***) Сѣв Вѣстн. 1888 года, №10. Областной судъ въ стр. 61.

*) Аѳанасьевъ: III, стр. 187.

**) Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. XXVIII, ст. В. и А. Зенковичей, стр. 28 Лебедь не помѣщенъ въ спискѣ животныхъ и птицъ, которыхъ употреблять въ пищу запрещается.

***) Свѣдѣнія, касающіяся вотяковъ, сообщены мнѣ П. М. Богаевскимъ.

птица священная. Существуетъ между прочимъ племя Юсь (лебедь), а племенное названіе первоначально совпадаетъ у вотяковъ съ названіемъ воршуда, родоваго божества. Далѣе у вотяковъ существуетъ слѣдующее преданіе: перваго человѣка звали Зерпаломъ; у него было 7 сыновей. Однажды Инмаръ (божество) спрашиваетъ его: сколько у тебя сыновей. Нѣтъ у меня сыновей, отвѣчаетъ Зерпалъ. Инмаръ повторилъ свой вопросъ до трехъ разъ и получивъ тотъ же отвѣтъ—обратилъ одного изъ сыновей Зерпала въ медвѣдя, другого—въ *лебедя*, третьяго въ воршуда, четвертаго—въ мудора и т. д.; одного оставилъ человѣкомъ. И сказалъ Инмаръ: ты хотѣлъ отъ меня скрыть, но я все знаю и накажу тебя за твою скрытность тѣмъ, что изъ твоего потомства произведу враговъ, хранителей и потомство. Г. Верещагинъ *) сообщаетъ, что убить лебедя считаютъ великимъ грѣхомъ, за которымъ слѣдуетъ Божіе наказаніе—несчастіе Не особенный грѣхъ убить пару лебедей, но если убить только самца или самку, то наказаніе становится неизбѣжнымъ, „потому что жалобы лебедей сильны передъ Создателемъ и вопіютъ объ отмщеніи. Одинъ вотякъ, продолжаетъ г. Верещагинъ, передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ: однажды охотникъ увидѣлъ на рѣкѣ весною двухъ лебедей—самку и самца и вотъ, зарядивъ ружье, застрѣлилъ самку на повалъ. Видя самку убитою, самецъ закричалъ жалобнымъ тономъ и, поднявшись высоко на воздухъ, стремглавъ спустился внизъ подобно камню и, ударившись о землю убился. Охотникъ, который убилъ лебедку, вскорѣ потомъ запился водкой“. У маньзовъ Аясъ-торумъ имѣетъ способность обращаться въ лебедя **). „Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, гласитъ преданіе маньзовъ, но затѣмъ во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить нуми превратить его въ птицу; желаніе его было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служитъ то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе... Царемъ птицъ прежде былъ сдѣланъ *мірь-сусне-хумъ* лебедь, а княземъ—орелъ; но затѣмъ на мѣсто перваго онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣетъ во время кричать“ ***).

*) Вотяки Сосновскаго края. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. XIV. 82.

**) Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. стр. 57 Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. т. XLVIII, вып. 2

***) Ibid, стр. 172.

Встрѣчая подобныя данныя у маньзовъ и вотяковъ, невольно рождается вопросъ, не заимствовали ли пудожане своего почитанія лебедя отъ своихъ сосѣдей инородцевъ, съ которыми новые колонизаторы края столкнулись и у которыхъ повидимому заимствовали многое изъ своихъ вѣрованій. Конечно, фактъ простаго сходства, даже тожественности вѣрованій и преданій разныхъ народовъ, неродственныхъ, еще не можетъ служить доказательствомъ заимствованія однимъ народомъ у другого. Фактъ, что обще-арійскія вѣрованія въ лебедь, какъ птицу вѣщую, сближеніе и даже отожествленіе его съ женщиной такъ распространено, такъ много оставило по себѣ слѣдовъ въ разныхъ повѣрьяхъ и эпосѣ арійскихъ народовъ и въ томъ числѣ у славянъ, наконецъ, самъ фактъ распространенія представленія о грѣховности убиванія лебедя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, не даетъ права видѣть вліянія хотя бы финновъ въ почитаніи лебедя русскими. Но многія древнія вѣрованія русскаго населенія сложились внѣ всякаго сомнѣнія подъ вліяніемъ сосѣдей инородцевъ и въ томъ числѣ финновъ; заимствованія эти, сдѣланныя русскими въ незапамятныя времена, являются подчасъ, при современной скудости данныхъ, невозможнымъ прослѣдить и сказать положительно, что почитаніе лебедя, есть древне-славянское, что вліяніе сосѣдей-инородцевъ не имѣло при этомъ мѣста, а также и наоборотъ—невозможно. Во всякомъ случаѣ, будемъ ли мы склоняться къ мысли, что почитаніе лебедя— переживаніе древне-славянской миѳологіи, или что это финское вѣрованіе, заимствованное русскими, или наконецъ, что миѳологическія представленія двухъ разныхъ народностей, развившись самостоятельно столкнулись и смѣшались въ одно на сѣверѣ Руси—намъ все-таки придется отрицать, что почитаніе лебедя, запрещеніе его *не только пить, но и стрѣлять*, могло возникнуть подъ вліяніемъ закона Моисея, передаваемомъ раскольниками мѣст ному населенію. Самое большее, что могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи раскольникъ, это поддержать уже существовавшее у населенія вѣрованіе, сохранить его отъ уничтоженія.

Позволю себѣ коснуться еще отношеній къ медвѣдю: лѣса пудожскіе изобилуютъ имъ; не мало вреда наноситъ медвѣдь и стадамъ жителей и тѣмъ смѣльчакамъ, которые рѣшаются выступить противъ него. Масса разсказовъ ходящихъ въ уѣздѣ о случаяхъ, бывшихъ во время охоты на медвѣдя, анекдоты о хитрости или добродушіи медвѣдя, доказываютъ, что не легко дается пудожанину

эта борьба. Но отношеніе къ медвѣдю не вездѣ одинаково: въ однихъ мѣстахъ его считаютъ нечистымъ; жители къ нему относятся крайне враждебно; награждаютъ его эпитетомъ „окаянный“. Такое отношеніе къ медвѣдю встрѣтили мы у Купецкаго озера. Совсѣмъ другое говорили намъ на Кенозерѣ: „медвѣдь отъ Бога“ сообщали намъ крестьяне деревни Вершинина. Почти во всѣхъ мѣстностяхъ уѣзда вы услышите, распространенный во многихъ варіантахъ въ Россіи, разсказъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкомъ и обращенъ въ медвѣдей вмѣстѣ съ своей женой, по приказанію которой онъ слишкомъ надоѣдалъ просьбами чудодѣйственной липѣ, которую онъ не сталъ рубить, уступивъ ея просьбѣ; за это липа обѣщала ему исполнять его желанія. Но пожелавъ по настоянію жены, чтобы всѣ люди ихъ боялись, старикъ и жена его были обращены въ медвѣдей. Вообще въ отношеніяхъ къ медвѣдю проскальзываетъ, не смотря на различіе отношеній къ нему крестьянъ уѣзда, какое то смутное представленіе о его сверхестественной силѣ, о томъ, что онъ звѣрь не простой. Медвѣжьяго мяса не ѣдятъ и, обыкновенно, снявъ съ него шкуру, закапываютъ его. „Даже страшно ѣсть“ говорили намъ разскащицы; существуетъ также мнѣніе, что „если медвѣдь и возьметъ скотину, то ему Богъ позволилъ“, что медвѣдь все дѣлаетъ по особому разрѣшенію отъ Бога.

На Водлозерѣ передавали намъ слѣдующее преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ людей: „У моря люди живутъ, говорили крестьяне; они такъ то ничего себѣ, да вдругъ зло и сдѣлаютъ. Свадьба разъ была, они и обратили всю свадьбу въ медвѣдей. Оттого медвѣди и пошли“. (Отношеніямъ къ медвѣдю, который, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда по крайней мѣрѣ, считается отъ Бога, совершенно противоположно отношеніе къ волку, другому сильному врагу крестьянъ: волкъ „витряный“, такъ какъ онъ не спрашиваетъ ни у кого позволенія зарѣзать скотину.)

Въ этихъ отношеніяхъ къ медвѣдю нельзя не усмотрѣть робкаго переживанія древняго культа медвѣдя столь распространеннаго у многихъ народовъ и, повидимому, бывшаго также и у пудожанъ. Какое то смутное чувство говоритъ мѣстному жителю, что медвѣдь не чета прочимъ звѣрямъ и, не помня происхожденія этого вѣрованія, онъ таитъ его у себя, и безсознательно повинуется давно навѣяннымъ ему убѣжденіямъ и хранитъ и этотъ обломокъ стараго культа, какъ онъ хранитъ и обломки культа водянаго и лѣсного царей.

Не менѣе интереснымъ переживаніемъ древнихъ вѣрованій въ средѣ пудожанъ являются и священныя рощи. Дѣло въ томъ, что церквей въ уѣздѣ, сравнительно съ тѣмъ пространствомъ, которое онъ занимаетъ очень мало, вслѣдствіе этого въ большинствѣ деревень, отстоящихъ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ церкви, стоятъ часовни во имя того или иного Святаго. Въ эти часовни, по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, собираются крестьяне, не имѣющіе возможности или желанія отправляться за нѣсколько верстъ въ церковь, зажигаютъ свѣчки передъ иконами и заставляютъ кого нибудь изъ своихъ грамотныхъ односельчанъ читать Псалтирь и Евангеліе; по окончаніи чтенія всѣ расходятся. Эти часовни, замѣняющія крестьянамъ церкви, можно подраздѣлить на два разряда: однѣ, стоящія на открытыхъ мѣстахъ; другія, стоящія среди лѣса или вѣрнѣе сказать среди рощи. Что касается этихъ послѣднихъ, то рощи, окружающія часовни, считаются населеніемъ священными. Это не просто мѣста, пользующіяся благоговѣйнымъ почетомъ окрестнаго населенія, подобно кладбищамъ напримѣръ. Напротивъ того это въ самомъ полномъ и истинномъ значеніи этого слова — рощи священныя, къ которымъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, считая ихъ за рощи принадлежащія тому угоднику, въ честь котораго въ рощѣ выстроена часовня. Въ виду того, что сами часовни стоятъ обыкновенно на горѣ, то рощи спускаются по скатамъ ея. Оригинальное впечатлѣніе оставляютъ эти кучки деревьевъ, словно оазисы брошенные среди запаханныхъ полей. Подчасъ и нуждается крестьянинъ въ землѣ, подчасъ онъ и былъ бы радъ срубить и запахать нѣсколько лишнихъ десятинъ земли, но страхъ наказанія удерживаетъ его отъ этого святотатства. Мало того, если роща съ теченіемъ времени разростается и отвоевываетъ себѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше земли, распространяя свое господство на запаханные уже участки, то у крестьянина все-таки не хватаетъ смѣлости срубить новые побѣги и молодыя деревца; онъ уступаетъ имъ мѣсто и уходитъ съ своими запашками все дальше, и дальше. Краснорѣчивымъ примѣромъ этого можетъ служить между прочимъ роща, окружающая часовню, выстроенную во имя Тихвинской иконы Божіей Матери, на берегу Кенозера, недалеко отъ деревни Вершинина: проходя чрезъ нее замѣчаешь слѣды пахатныхъ участковъ, которые нѣкогда тянулись вверхъ по склону горы, на которой выстроена

часовня; теперь, ввиду усиливающагося роста лѣса, крестьяне отступаютъ все дальше и дальше и никто не рѣшится съ топоромъ проникнуть въ рощу. Рубить деревья, брать изъ рощи хворостъ считается тяжкимъ грѣхомъ; мало того даже ломать деревья и вѣтви, растущихъ въ рощѣ деревьевъ грѣховно по понятіямъ крестьянъ. Среди населенія ходитъ цѣлый рядъ разсказовъ, что такой то или такая то хотѣли срубить дерево или взять изъ рощи хворостъ, но что либо невидимая сила воспрепятствовала имъ сдѣлать это, либо, совершивъ святотатство, они были наказаны или слѣпотой, или отнятіемъ рукъ и ногъ. Нѣтъ почти ни одной рощи, о которой бы не ходили въ огромномъ количествѣ подобные разсказы.

Что касается взгляда самихъ крестьянъ на происхожденіе этой святыни, то они объясняютъ это тѣмъ, что рощи принадлежатъ тому угоднику, во имя котораго построена часовня, что роща является его собственностью, которую онъ оберегаетъ и охраняетъ ревниво отъ всякаго насильственнаго вторженія посторонняго лица; даже тотъ фактъ, что роща на данномъ мѣстѣ существуетъ, что она продолжаетъ расти — приписывается особому благоволенію Святаго. Неудивительно поэтому, что крестьянинъ боится похищать собственность Святаго, ожидая отъ него за это скорой, неминуемой кары; неудивительно, что онъ предпочитаетъ, скорѣе дать мѣсто рощѣ, которой распространяться велитъ самъ Угодникъ, чѣмъ раздражать святаго и грознаго владѣльца рощи.

По своему происхожденію, эти священныя рощи могутъ быть подраздѣлены на 2 разряда: однѣ происхожденія недавняго, посажены при отцахъ, дѣдахъ современныхъ крестьянъ; другія стоятъ уже такъ давно, что никто и не запомнитъ, какъ и когда эти рощи выросли на этомъ мѣстѣ.

Что касается первой категоріи священныхъ лѣсовъ, то необходимо оговориться, что и до сихъ поръ у пудожскихъ крестьянъ сохранилась тенденція обсаживать вновь строемыя часовни деревьями; если деревья принимаются то значитъ Угодникъ желаетъ, чтобы его храмъ стоялъ въ тѣни посаженныхъ деревьевъ. Если деревья не примутся или будутъ уничтожены вѣтромъ или бурею, или другимъ какимъ либо способомъ, то крестьяне нѣсколько разъ повторяютъ свой опытъ и, если онъ оканчивается попрежнему неудачей, считаютъ это несомнѣннымъ признакомъ того, что Святой тѣни не желаетъ и часовню оставляютъ стоять безъ деревьевъ. Къ такимъ, между прочимъ, относится другая часовня, стоящая у деревни Вершинина, на горѣ, поднимающейся тотчасъ за деревней; часовня посвящена Св. Николаю. Крестьяне неоднократно сажали подлѣ нея деревья, но они либо не принимались, либо уничтожались бурею; вслѣдствіе этого, часовня стоитъ безъ тѣни, такъ какъ крестьяне не рѣшаются раздражать угодника своею настойчивостью. Не лишенъ интереса и тотъ фактъ, что въ томъ случаѣ, если лѣсъ не растетъ около часовни, земля ее окружающая считается все-таки достояніемъ святаго и мѣстные жители остерегаются ее запахивать.

Что-же касается тѣхъ рощъ, времени происхожденія которыхъ крестьяне не запомнятъ, то онѣ невольно наводятъ на вопросъ, не составляютъ-ли онѣ остатокъ священныхъ языческихъ лѣсовъ, въ которыхъ приносились жертвы другимъ народомъ, народомъ язычникомъ, жившимъ здѣсь задолго, быть можетъ, до прихода сюда русскихъ, которые на ряду со многими суевѣріми, унаслѣдовали и это почитаніе рощъ. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ числѣ священныхъ рощъ, до сихъ поръ встрѣчаются еще такія, которыя не освящены присутствіемъ въ ихъ глубинѣ христіанской святыни: ни часовень, ни храмовъ, ни даже простыхъ деревянныхъ крестовъ. Къ такимъ, имѣющимъ несомнѣнно очень древнее происхожденіе рощамъ, относится между прочимъ и тотъ священный лѣсъ на о. Кингъ — островѣ, лежащемъ на Водлозерѣ, — лѣсъ, который считается священнымъ оттого, что въ ней легли костьми остатки Чуди,' впослѣдствіи сказочно опоэтизированной. Признавая преданіе о бывшей здѣсь упорной битвѣ съ Чудью, допустивъ даже, что битва была рѣшительной, уничтожившей послѣднихъ чудиновъ, — все-таки окажется страннымъ почему и самъ островъ и лѣсъ его покрывающій, считаются священными и при томъ настолько, что когда одинъ изъ богатыхъ водлозеровъ пожелалъ его срубить, то онъ не скоро, даже за очень возвышенную плату, могъ найти рабочихъ, рѣшившихся побороть въ себѣ суевѣрный страхъ. Вѣроятнѣе предположить, что на этомъ островѣ было древнее святилище, хотя бы сказочной Чуди, которая, быть можетъ, именно здѣсь и была уничтожена новыми насельниками и что, не смотря на то, что вѣка прошли съ того времени, это святилище осталось священнымъ у новыхъ мѣстныхъ жителей, которые теперь, утративъ въ него вѣру, все-таки продолжаютъ его бояться. Другой подобный священный лѣсъ находится на Иламъ островѣ (Вод-

лозеро); рубка этого лѣса также до послѣдняго времени считалась грѣховной. Этотъ островъ интересенъ своимъ каменнымъ укрѣпленіемъ, растянувшимся вдоль острова по сѣверо-восточному берегу его. Укрѣпленіе представляетъ огромную стѣну, циклопической постройки, сложенной изъ совершенно неотесанныхъ каменныхъ глыбъ, безъ всякихъ признаковъ скрѣпляющаго вещества между глыбами (цемента, извести или глины). Въ тѣхъ частяхъ стѣны, которыя сохранились еще довольно хорошо и не пострадали отъ ежегоднаго наводненія, попортившаго во многихъ мѣстахъ стѣну, можно замѣтить, что камни плотно приложены другъ къ другу, и если межлу нѣсколькими глыбами круглой формы образуется дыра, то въ нее вставляли глыбу стоймя Длина всего укрѣпленія около 220 шаговъ, причемъ стѣна направляется (съ уклоненіемъ) отъ SO къ NW. Изгибы же, которые она дѣлаетъ, располагаются такъ: 100 шаговъ на NW; 13—на W; 37—NW; 25—на N; 16—на NO и 29—на SO. Такимъ образомъ стѣна образуетъ два острыхъ угла къ озеру. За стѣной замѣчается земляное возвышеніе, плоское по направленію отъ WNW къ N. Признаковъ жилья открыть не удалось. За стѣной видны слѣды нѣсколькихъ могилъ, направляющихся отъ SW къ NO, приблизительно длиной до 3 аршинъ и шириной до 21 вершка, обставленныя мелкимъ камнемъ. Такого же рода могилы мнѣ пришлось видѣть около дер. Большой Кулъ-Наволокъ, на берегу Волдозера, подъ склономъ горы, на вершинѣ которой выстроена часовня. Размѣры и направленіе могилъ въ Б. Кулъ-Наволокѣ тожественны съ могилами на Иламъ-островѣ. Мѣсто, гдѣ расположены могилы въ Кулъ-Наволокѣ носитъ названіе могильника и никто изъ мѣстныхъ жителей не знаетъ кто здѣсь похороненъ, и эти могилы жители деревни за свои не признаютъ. Что касается стѣны на Иламъ-островѣ, то точно никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ объяснить, кому принадлежитъ постройка этой стѣны; дѣйствительно нѣкоторые приписывали постройку Чуди, другіе „панамъ“, но большинство отзывалось незнаніемъ. Камни, изъ которыхъ стѣна сложена, повидимому привезены съ берега, такъ какъ Иламъ-островъ невеликъ и не могъ доставить такое количество камней; кромѣ того онъ очень низменъ и болотистъ. Что касается могилъ, то ихъ можно приписать болѣе позднимъ насельникамъ, хотя конечно лишь раскопки могли бы дать что нибудь болѣе положительное. Дѣло въ томъ, что мѣстность, на которой въ настоящее время расположена д. Кулъ-Наволокъ, принадлежала, по мѣстному преданію, нѣкогда даниловцамъ, и лишь по уходѣ ихъ образовались на этомъ мѣстѣ двѣ деревни Большой и Малый Кулъ-Наволокъ. Съ другой стороны извѣстно крестьянамъ, что между прочимъ подтвердилъ и священникъ Ильинскаго погоста о. Іоаннъ, что недавно еще ходили раскольничьи собиратели пожертвованій, прося на устроеніе Иламостровской обители, въ то время какъ Иламъ-островъ былъ уже пустъ. Слѣдовательно можно предположить, что на этомъ островѣ обитель нѣкогда существовала, или что раскольники на этомъ островѣ спасались отъ гоненій. Быть можетъ что и могилы могутъ принадлежать раскольникамъ, какъ на Иламъ-островѣ (гдѣ ихъ очень немного), такъ и въ д. Б. Кулъ-Наволокъ. Вѣроятно раскольники воспользовались уже готовымъ сооруженіемъ на островѣ, сооруженіемъ, требовавшимъ многолѣтняго труда и едва-ли бывшему подъ силу бѣглецамъ-раскольникамъ, никогда не бывшимъ многочисленными въ этомъ краю. Какъ бы то ни было, но сопоставляя фактъ существованія циклопическаго укрѣпленія съ почитаніемъ лѣса на Иламъ островѣ святымъ (тогда какъ другіе лѣса и мѣстности, гдѣ жили нѣкогда раскольники, священными не считаются) невольно рождается вопросъ, не составляетъ ли и укрѣпленіе и лѣсъ остатки древняго святилища или города, обитателей-язычниковъ Волдозера, почитаніе котораго унаслѣдовано и современными жителями

Такова далѣе роща на Пѣтуньемъ островѣ, который какъ я сообщилъ выше, былъ по преданію привезенъ пѣтухомъ въ приданое за дочерью Ильинскаго водяного, при выдачѣ ее замужъ за Пречистенскаго водяного царя. Этотъ небольшой островъ былъ покрытъ сплошь лѣсомъ, рубить который считалось тяжкимъ грѣхомъ. Принимая во вниманіе преданіе о привозѣ острова вѣщимъ пѣтухомъ, о связи его съ преданіемъ о свадьбѣ водяной царевны, мнѣ кажется не будетъ не вѣроятнымъ, видѣть въ этомъ островѣ и въ рощѣ, его покрывавшей, мѣсто бывшаго святилища эпохи языческой. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, Василій Кузнецовъ, рѣшился срубить лѣсъ, за что, по словамъ крестьянъ, онъ былъ наказанъ отнятіемъ рукъ.

Интересенъ и тотъ фактъ, что около часовень, если и не всѣхъ, то очень многихъ, происходятъ игрища: напримѣръ на Иванову ночь, (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта ночь празднуется). Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ относительно тѣхъ часовень, гдѣ эти игрища происходятъ, что онѣ построены на мѣстахъ, къ которымъ такъ или иначе при-

соединялись языческія вѣрованія. Къ числу такихъ относится напримѣръ, часовня св. Николая на Кенозерѣ у деревни Вершинина и роща около д. Авдѣевской на оз. Купецкомъ. Какъ бы то ни было и каково бы ни было происхожденіе священныхъ рощъ въ Пудожскомъ уѣздѣ, во всѣхъ нихъ, какъ въ тѣхъ, которыя уже стоятъ вѣка, такъ и въ тѣхъ, которыя посажены сравнительно недавно, кроется несомнѣнная языческая подкладка далекаго отъ насъ цикла вѣрованій, взглядъ на Святаго далеко отстоящій отъ взгляда христіанскаго. Поэтому, если та или иная роща и не является, быть можетъ, непосредственнымъ потомкомъ лѣснаго святилища языческихъ насельниковъ уѣзда, все-таки въ основаніи своемъ она имѣетъ одинаковое съ языческими рощами происхожденіе, родственна съ ними, если такъ можно выразиться, по духу, по той идеѣ, которая кроется въ фактѣ существованія этихъ священныхъ рощъ. Это, впрочемъ, едва ли можетъ насъ удивлять въ странѣ, гдѣ приносятся до сихъ поръ еще жертвоприношенія лѣсовику, гдѣ шлютъ поклоны водяному царю, гдѣ молятся вѣтрамъ и домашнимъ духамъ.

Священныхъ деревьевъ въ Пудожскомъ уѣздѣ намъ встрѣтить не удалось, но какъ переживаніе культа священныхъ деревьевъ можно указать на сосну, теперь на-половину высохшую, у деревни Ананьево (Купецкое оз.). Объ этой соснѣ ходитъ слѣдующій разсказъ: На мѣстѣ сосны была похоронена „панская сестра“ и изъ косы ея выросла эта сосна; „пробовали ее рубить, да не смогли“. Подъ этой сосной устраиваются „гулянки“ на Петровъ день.

Вообще, что касается христіанства, то оно, не смотря на свое давнее существованіе въ уѣздѣ, все-таки хранится жителями, главнымъ образомъ съ его обрядовой, формальной стороны и лишь немногими, встрѣчающимися, какъ рѣдкое и очень рѣдкое исключеніе, лицами, оно исповѣдуется какъ религія духовная, смыслъ которой является яснымъ только этимъ немногимъ избраннымъ. Въ понятіяхъ же большинства крестьянъ уѣзда оно до того смѣшано съ языческими вѣрованіями, обрядами и культомъ, что поднасъ можно забыть, что не находишься въ странѣ, населенной инородческимъ племенемъ, недавно лишь просвѣщеннымъ христіанствомъ.

Я не буду останавливаться на многихъ обрядахъ, связанныхъ съ христіанскими праздниками, на народномъ календарѣ, на колдунахъ и колдуньяхъ и т. п., что завело бы насъ за предѣлы бѣглаго очерка. Отмѣчу лишь какъ небезъинтересное переживаніе слѣдующій обычай. Извѣстно, что скотъ въ средней полосѣ Россіи выгоняется въ первый разъ на пастбище обыкновенно 23 Апрѣля. Въ Пудожскомъ уѣздѣ это является невозможнымъ, благодаря холоду, который стоитъ еще въ это время, почему выгонъ скота на пастбище производится около Николина дня (9 Мая). Но въ качествѣ переживанія сохранился у мѣстныхъ жителей обычай, все-таки въ Егорьевъ день (23 Апрѣля) выгонять скотъ, освященной вербой, хотя на нѣсколько минутъ изъ стойла на улицу.

Переживаніе это наглядно доказываетъ живучесть народныхъ вѣрованій и обрядовъ, даже въ томъ случаѣ, если эти обряды перенесены на почву и въ климатъ, совершенно несхожіе съ тѣми, въ которыхъ эти обряды возникли и развились.

Не касаясь подробностей, скажу въ общихъ чертахъ еще объ остаткахъ общественныхъ пировъ, сохранившихся въ уѣздѣ, и носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды языческихъ жертвоприношеній. Нужно замѣтить, что каждая, болѣе или менѣе значительная деревня имѣетъ своего Святаго, память котораго она только и чтитъ. Это—память того Святаго, во имя котораго построена въ данной деревнѣ часовня. О происхожденіи этого крестьяне разсказываютъ такъ: всякій разъ, когда въ деревнѣ случится падежъ скота, неурожай или повальная болѣзнь, — крестьяне даютъ обѣтъ—„завичаніе“ чтить память какого нибудь Святаго. Въ день памяти этого Святаго, даже если нѣтъ ему часовни, все-таки вся деревня служитъ общій молебенъ и не работаетъ въ этотъ день. Это, такъ называемые, „заповѣдные“ праздники. Въ эти же праздники обыкновенно купаются въ озерахъ. Эти праздничные дни имѣютъ чисто мѣстный характеръ: такъ напримѣръ деревня Авдѣевская празднуетъ Ильинскую пятницу. Девевня же Бураково (въ которой находится и церковь приходская для деревни Авдѣевской, отстоящая отъ дерев. Авдѣевской въ 1-й верстѣ по озеру) празднуетъ день памяти св. Флора и Лавра и Петровскую пятницу.

Кромѣ этихъ чисто мѣстныхъ праздниковъ, существуютъ еще общіе для всей волости. Это—праздники тѣхъ Святыхъ, которые не являются покровителями одной какой либо деревни или мѣстности, но имѣющихъ одинаковое отношеніе ко всѣмъ крестьянамъ, безъ различія деревень и урочищъ. Въ такіе дни или совершаются цѣлою волостью крестные ходы и служатся молебны, либо даются пиры и приносятся у часовни то, что крестьяне

называютъ „жертвой“. Послѣднее совершается въ дни памяти св. Ильи пророка, свв. апостоловъ Петра и Павла, св. Макарія и др. Впрочемъ, что касается „жертвы“ въ день памяти свв. апостоловъ Петра и Павла, то, на сколько мнѣ извѣстно, это перешло теперь въ разсказы о прошломъ, хотя и очень недавнемъ прошломъ.

Какъ извѣстно эти общественные пиры, въ корнѣ своемъ происходящіе отъ древнихъ родовыхъ или племенныхъ жертвоприношеній, встрѣчались еще и въ древней Руси, да и въ настоящее время не составляютъ рѣдкости ни среди русскаго населенія, живущаго въ Олонецкой и Архангельской губ., какъ они не составляютъ рѣдкости и у многихъ инородцевъ, населяющихъ Россію. Въ древнемъ Новгородѣ эти общественные пиры-братчины были повидимому въ особенномъ ходу.

Въ Новгородѣ для пиршества соединялись улицы. Эти братчины устраивались на храмовые праздники, откуда и произошли ихъ названія „никольщина, покровщина“ *) и т. п. „Каждый участникъ давалъ отъ себя „ссыпь“ т. е. извѣстную, причитающуюся на его долю часть съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для приготовленія напитковъ; впослѣдствіи ссыпщики давали свою часть деньгами. Братчина изъ среды себя избирала пироваго старосту, который распоряжался вкладами членовъ братчины и устраивалъ пиръ“ **).

Обычай составлять складчины, хотя и въ гораздо менѣе развитой формѣ, новгородцы колонисты перенесли съ собой и въ современныя Архангельскую и Олонецкую губерніи. Этотъ обычай до сего времени свято чтится въ народѣ, хотя въ разныхъ мѣстахъ и ни въ одинаковой степени. Что касается Пудожскаго уѣзда, то онъ и въ этомъ отношеніи представляетъ лишь остатки, прежде, повидимому сильно развитаго обычая, сохранившагося въ гораздо болѣе чистой формѣ до сихъ поръ и въ Архангельской губерніи, въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ по крайней мѣрѣ, и въ уѣздѣ Каргопольскомъ Волна новыхъ идей дала себя чувствовать и здѣсь.

То, что сохранилось въ относительной цѣлости въ другихъ уѣздахъ, здѣсь, въ уѣздѣ Пудожскомъ, представляетъ лишь жалкіе обломки прежняго культа.

Изъ этихъ общественныхъ пировъ, которые встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, въ болѣе или менѣе развитой формѣ, останавливаютъ на себѣ особое вниманіе „жертва“ въ Ильинъ день на Корбозерѣ и жертва въ день св. Макарія на оз. Купецкомъ.

Что касается св. Ильи, то онъ является и въ Пудожскомъ уѣздѣ распорядителемъ грозы и молніи. Громъ происходитъ оттого, что Илья ѣдетъ въ это время по небу „въ таратайкѣ“. Молнію называютъ „Божьей милостью“; „загорѣлось отъ Божьей милости“, говорятъ въ случаѣ пожара отъ молніи и тушить такой пожаръ слѣдуетъ прѣснымъ, т. е. сырымъ молокомъ. Болѣе оригинальнымъ является вѣрованіе, что Илья даетъ хлѣбъ, что можетъ быть стоитъ въ связи съ вѣрованіемъ, распространеннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. у жителей Тарусинскаго у. Калужской губ.) что хлѣбъ зрѣетъ на только отъ солнца, но и отъ „молніи“ — ночной зарницы. Интересна и молитва, которую читаютъ во время грозы: «Илья пророкъ многомилостивый, дай, Господи, тихую росу смиренную—частаго, мелкаго дождичку, сохрани и помилуй, Господи, на синемъ морѣ, въ темныхъ лѣсахъ, крещеныхъ на работѣ, милую скотинку, крестьянскую животинку отъ всякаго врага и супостата». Среди населенія существуетъ вѣра и въ громовыя стрѣлы. Эта стрѣла должна быть каменная и послѣ удара молніи ее тщательно ищутъ, прокапывая землю подчасъ довольно глубоко. На Кенозерѣ, гдѣ часто находятъ орудія каменнаго вѣка, какъ на берегу озера, такъ и въ поляхъ—эти каменныя орудія считаются за громовыя стрѣлы: ихъ хранятъ какъ „Божью милость“, и сохраненіе ихъ дома даетъ счастіе. Въ случаѣ колотья въ бокахъ, ихъ обливаютъ водой и эту воду даютъ пить больному. Громовыя стрѣлы кладутъ также въ рѣпное сѣмя, чтобы оно не портилось. Неудивительно поэтому, что, разъ св. Илья пользуется особымъ передъ прочими святыми почетомъ, — что большинство общественныхъ пировъ приноровлено къ его празднеству. Наиболѣе типичнымъ представителемъ общественнаго пиршества въ день празднованія св. Ильи для Пудожскаго уѣзда является общественный пиръ на Корбозерѣ.

На Корбозерѣ сохранился обычай рѣзать быка въ день памяти св. Ильи пророка. За нѣсколько дней до праздника, крестьяне-корбозеры устраиваютъ складчину деньгами; на эту сумму покупаютъ у кого нибудь изъ сосѣдей быка. Наканунѣ праздника Корбозеры выбираютъ нѣсколько человѣкъ изъ своей среды, на обязанности которыхъ лежитъ зарѣзать быка и раздѣлить мясо на каждый дворъ, по числу душъ въ дворѣ. На слѣ-

*) Сб. мат. объ артеляхъ въ Россіи, вып. 2, 1876. стр. 170.

**) ibid стр. 173

дующее утро, въ день праздника, всѣ отправляются къ обѣдни, а послѣ обѣдни остаются около церкви, гдѣ распорядители пиршества уже приготовили доски, долженствующія служить столами. Каждый домохозяинъ приноситъ кромѣ того съ собой рыбы, хлѣба и все вообще, что онъ считаетъ нужнымъ для своего обѣда и сдаетъ все это еще до обѣдни, въ продолженіе которой мясо и рыба варятся. Когда обѣдня кончается, каждая семья подходитъ къ своему котлу и обѣдаетъ, причемъ угощаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, приходящихъ всегда къ празднеству изъ сосѣднихъ деревень. Священникъ и причтъ не принимаютъ вполнѣ участія въ этомъ общественномъ пиршествѣ: они обѣдаютъ особо отъ остальныхъ присутствующихъ, но тѣмъ же жертвеннымъ мясомъ, которое для нихъ оставляется особо и отдѣльно варится. *) Что касается шкуры быка, то она идетъ въ пользу того хозяина, у котораго быкъ былъ купленъ, причемъ стоимость ея вычитается изъ платы за быка.

Объ общественномъ пивоваренiи, практикуемомъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились общественные пиры въ Пудожскомъ уѣздѣ нѣтъ и помину: всякій приноситъ либо водки, либо квасу и пирующіе ограничиваются взаимнымъ угощеніемъ. Таково въ общихъ чертахъ общественное пиршество на Корзбозерѣ въ день памяти св. Ильи. Какъ видно оно въ главномъ мало чѣмъ отличается отъ древненовгородскихъ братчинъ.

Въ настоящее время пиршество въ день памяти св. Ильи пророка, въ томъ сравнительно полномъ видѣ, какъ на Корбозерѣ, нигдѣ въ уѣздѣ, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается болѣе. Встрѣчающіеся остатки пиршествъ въ этотъ день представляютъ лишь болѣе или менѣе значительныя переживанія нѣкогда болѣе развитыхъ, болѣе широко праздноуемыхъ общественныхъ пиршествъ. Да и само Корбозерское пиршество, въ свою очередь, лишь болѣе хорошо и цѣло сохранившееся переживаніе братчинъ, сравнительно съ тѣми, которыя устраиваются въ Каргопольскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи. Этотъ обычай устройства общественнаго пиршества произошелъ, какъ мною было уже указано, изъ древнихъ родовыхъ и племенныхъ жертвоприношеній *), быть можетъ, громовнику, съ принятіемъ христіанства приноровленный къ празднику св. Ильи, замѣстившаго въ народномъ представленіи языческаго бога громовника. Этотъ языческій характеръ современнаго пиршества, иллюстрируется слѣдующимъ, уже извѣстнымъ впрочемъ въ литературѣ, народнымъ преданіемъ: въ древнее время, гласитъ это преданіе, къ мѣсту, куда собирались для общественнаго пира, прибѣгалъ олень иногда и лось, котораго и рѣзали. Однажды когда всѣ уже собрались, олень все не прибѣгалъ: тогда не дождавшись оленя жители рѣшили зарѣзать по однимъ быка, по другимъ барана, смотря по тому, которое изъ двухъ животныхъ рѣжется въ этотъ день. Въ это самое время прибѣжалъ олень и, увидавъ, что его не дождались, убѣжалъ и ужъ больше не являлся **).

*) *Примѣчаніе.* Интересно, что въ большинствѣ мѣстностей, въ которыхъ сохраняются еще общественныя моленья, священники обѣдаютъ всегда отдѣльно, хотя также жертвеннымъ мясомъ, что, можетъ быть, объясняется уваженіемъ къ священническому сану. У народовъ-язычниковъ и полуязычниковъ мы встрѣчаемъ совершенно аналогичное явленіе, такъ напр. у Вотяковъ, Черемисъ и Ингушей, насколько мнѣ извѣстно, по сожженіи извѣстныхъ частей жертваннаго животнаго или соблюденія того или другого жертваннаго ритуала устраивается также пиръ, на которомъ присутствуютъ и жрецы причемъ также каждая семья обосабливается, а жрецы обѣдаютъ отдѣльно. Этотъ распространенный обычай, что жрецы, замѣнившіе собою родовыхъ старѣйшинъ, обѣдаютъ отдѣльно, невольно наводитъ на мысль, что обычай, давать причту отдѣльно кушанье, произошелъ отъ того, что священники заняли мѣсто языческихъ жрецовъ, которые въ свою очередь, какъ я только что сказалъ, замѣнили собой родовыхъ старѣйшинъ. Это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ происхожденіи современныхъ общественныхъ пировъ отъ языческихъ жертвоприношеній.

*) Лишнимъ доказательствомъ подтверждающимъ происхожденіе общественныхъ пиршествъ изъ древнихъ родовыхъ жертвоприношеній — можетъ служить и то обстоятельство, сообщаемое Г. И. Куликовскимъ (рефератъ „Общественный пиръ въ Обонежьѣ"), что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда женщины къ участію въ трапезѣ не допускаются; въ одной изъ мѣстностей поименованнаго уѣзда „говорятъ даже, что когда разъ кто-то далъ женѣ своей косточку, такъ и то медвѣдь много бѣдъ натворилъ".

**) *Примѣчаніе.* Преданіе о томъ, что къ жертвоприношенію прибѣгалъ олень, котораго и приносили въ жертву, столь распространенное почти во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великороссами, гдѣ сохранились еще общественные пиры, встрѣчается и у зырянъ. Такъ по свѣдѣніямъ 1848 года (Вол. Г. Вѣд. № 10—12) извѣстно, что на Вышерѣ ходитъ совершенно такое же преданіе о жертвоприношеніи оленя, котораго также какъ-то разъ не дождались и приступили къ закланію домашняго животнаго. „Послѣ богослуженія, прибѣгаетъ жертвенное животное, и, видя что оно замѣнено другимъ, падаетъ тутъ же мертвымъ. Съ тѣхъ поръ таинственный олень болѣе не являлся... При входѣ въ церковь показываютъ обломокъ оленьяго рога... его считаютъ свидѣтельствомъ преданія о давно минувшемъ. Ижемцы, въ проѣздъ по здѣшнему селенію, всегда стараются пріобрѣсти хотя маленькій кусочекъ, который у нихъ почитается талисманомъ для умноженія своихъ стадъ... Ижемцы занимаются оленеводствомъ „(Кл. Поповъ: Зыряне и

Въ одной изъ мѣстностей уѣзда, въ Задней Дубровѣ, по словамъ г. Полякова, существуетъ анологичное преданіе, гдѣ мѣсто оленя заступаетъ лебедь.

Съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ обычай устраивать общественныя пиршества, но преданіе о нихъ, тѣмъ не менѣе, живо еще; это и понятно, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ они прекратились лишь очень недавно. Ходятъ разсказы о прежнихъ общественныхъ пирахъ въ день св. Ильи и свв. Петра и Павла и въ Ильинскомъ погостѣ, а въ деревнѣ Конза-наволокъ разсказывали намъ, что 20 Іюля, завичали петёлку; на пречистенскомъ погостѣ — завичали на Петровъ день. По словамъ Г. И. Куликовскаго на Отовозерѣ приносится въ Ильинъ день въ жертву нехолощеный быкъ *непремѣнно краснаго цвѣта*, для того чтобы пр. Илья далъ хорошую, ясную погоду для сѣнокоса и уборки хлѣба.

Перейду теперь къ другому общественному пиру, носящему характеръ сильно отличный отъ вышеописаннаго, именно къ пиру, устраиваемому на озерѣ Купецкомъ у часовни св. Макарія. Этотъ видъ общественнаго пиршества также какъ и предыдущій напоминаетъ намъ о жертвоприношеніи чисто языческаго характера. Если въ Корбозерскомъ и ему подобныхъ пирахъ можно видѣть переживаніе родовыхъ или племенныхъ жертвоприношеній, то въ пиршествѣ, устраиваемомъ въ день памяти св. Макарія, который, кстати сказать, считается здѣсь покровителемъ стадъ—ясны слѣды жертвоприношенія по обѣту отдѣльныхъ семействъ. Если случится съ кѣмъ либо болѣзнь или другое какое нибудь несчастіе, падающее либо на одного изъ членовъ семьи, либо на всю семью, то страдающіе обѣщаютъ „завичаютъ“ св. Макарію барана. Этотъ баранъ выбирается изъ стада, получаетъ особую отмѣтку: ему либо навязываютъ ленту на шею или рога, либо мѣтятъ особо отъ прочихъ уши, чтобы не спутать его съ остальными; „завиченнаго“ барана откармливаютъ. Въ день памяти св. Макарія послѣ обѣдни, священникъ пріѣзжаетъ въ часовню, служитъ въ ней молебенъ; завищавшіе еще раньше рѣжутъ барановъ и варятъ ихъ мясо въ котлахъ. По окончаніи молебна священникъ окроплять святой водой „жертву“, какъ сами крестьяне называютъ въ данномъ случаѣ это мясо; послѣ этого начинается пиршество, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ желающіе; завищавшіе всѣхъ угощаютъ. Принимаютъ участіе и священникъ и причтъ. Что же касается до шкуры зарѣзанныхъ барановъ, то онѣ продаются, и деньги, вырученныя отъ продажи, идутъ въ пользу часовни. Крестьяне очень дорожатъ благословеніемъ „жертвы“, т. е. окропленіемъ ея священникомъ святой водою. Когда однажды мѣстный священникъ, желая искоренить этотъ обрядъ, отказался окропить жертвенное мясо святой водою и послѣ молебна тотчасъ уѣхалъ, крестьяне долго не, рѣшались приступить къ пиршеству неблагословеннаго мяса; они нѣсколько разъ посылали къ священнику просить его пріѣхать, но тотъ оставался непреклоннымъ. Лишь послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ склонить священника крестьяне рѣшились, скрѣпя сердце,

---

Зырянскій край: въ Извѣст. Имп. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XIII, вып. 2-й. 1874 г., стр. 19. Примѣч.). Не вдаваясь въ объясненіе этого преданія и преданій съ нимъ аналогичныхъ, позволю себѣ указать, что олень вообще въ представленіяхъ многихъ народовъ является животнымъ, такъ сказать, „полубожественнымъ“. Не останавливаясь на значеніи оленя въ христіанскомъ искусствѣ, позволю себѣ отмѣтить, что вообще, даже въ древне-христіанскомъ искусствѣ, заимствовавшемъ много мотивовъ изъ языческой культуры, олень занимаетъ важное мѣсто въ символикѣ: Іисусъ Христосъ, Апостолы, Евангелисты, Святые, кающіеся нерѣдко изображаются въ видѣ оленя. (Martigny: Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes p. 158). Много ходитъ преданій и легендъ о явленіи иконъ на рогахъ оленя, какъ напр. Ченстоховская икона Божіей Матери; кромѣ того, въ житіи св. Евстафія Плакиды также является олень, который заводитъ Святаго въ уединенное мѣсто, гдѣ ему является Спаситель; по другимъ варіантамъ олень заводящій Плакиду имѣетъ между рогами крестъ. Въ легендѣ о св. Губертѣ олень также является съ распятіемъ между рогами, а у румынъ разсказывается, что олень, въ котораго охотники намѣреваются стрѣлять, оказывается Іоанномъ Крестителемъ, котораго въ гнѣвѣ закляла мать. (А. Потебня: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень; стр. 325). Въ миѳологіяхъ многихъ арійскихъ народовъ вспоминается олень: такъ напр. чудесная лань Артемиды у Грековъ. Въ германской миѳологіи поминается также олень, „съ роговъ котораго падаютъ капли, стекающія въ источникъ у одного изъ корней ясеня Иггдрасилле, откуда вытекаютъ многія рѣки“. (А. Потебня ibid.). Въ нашихъ народныхъ сказкахъ является нерѣдкоолень-золотые рога, оказывающій то или иное вліяніе на судьбу героевъ сказки. Въ „Объясненіяхъ малор. и сродн. народн. пѣсень“ (стр. 319—339) приводится цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ выступаетъ чудодѣйственный олень, „ланья бурая, съ оленьятами“, которая говоритъ человѣческимъ языкомъ; олень то доставляетъ добру-молодцу невѣсту, то подаетъ ему счастье въ его семейной жизни. Въ чешской пѣснѣ „молодецъ пасетъ оленей, посылаетъ одного къ дѣвицѣ; олень приноситъ на рогу яблоко; изъ раскроеннаго яблока, вылетаетъ птица, это не птица, а дѣвица“. Не касаясь больше многочисленныхъ примѣровъ объ упоминаніи оленя, позволю себѣ отмѣтить, что уже тотъ фактъ, что олень такъ часто и въ столькихъ мѣстностяхъ, выступаетъ въ своей сказочной миѳической роли, заставляетъ думать, что въ основаніи преданія о прибѣганіи оленя къ жертвоприношенію, лежитъ вѣрованіе, утратившееся въ настоящее время у пудожанъ, но вѣрованіе, имѣвшее тѣсную связь съ религіозными представленіями ихъ прапредковъ-язычниковъ.

приступить къ пиршеству, которое въ тотъ разъ, по словамъ крестьянъ, прошло очень вяло. Такого же рода завичанья барановъ употребительны у крестьянъ и по отношенію къ другимъ святымъ, напримѣръ св. Пахомію. Какъ переживаніе этого древняго жертвоприношенія, мы встрѣчаемъ слѣдующій обычай у Пудожанъ: завичаютъ кромѣ овецъ, быковъ и телятъ также шерсть, полотно и масло; все это, смотря потому, куда и какому святому это было завѣщано, сносятъ либо въ Муромскій монастырь св. Лазаря на праздникъ св. Іоанна Крестителя (24 Іюля), либо въ Кенскій монастырь въ день памяти св. Пахомію (8 Сентября), либо въ Макарьевскій монастырь. Какъ скотъ, такъ и принесенныя шерсть, полотно, масло поступаютъ въ монастырь, который ихъ отъ себя и продаетъ.

Жертва св. Макарію на Купецкомъ озерѣ является не менѣе интереснымъ переживаніемъ древнихъ вѣрованій, чѣмъ общественное пиршество въ Ильинъ день: оно сохранило также много признаковъ древняго жертвоприношенія, также рельефно отразило на себѣ прежнія религіозныя воззрѣнія населенія. Этотъ обрядъ „завичать“ св. Макарію сохраняется крѣпче среди крестьянъ, чѣмъ общественный пиръ въ Ильинъ день, и, въ то время, какъ послѣдній съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ и становится все рѣже,—жертва „завиченныхъ“ животныхъ св. Макарію продолжаетъ жить и, насколько мнѣ извѣстно, не идетъ такъ быстро къ разрушенію. Это быть можетъ объясняется тѣмъ, что и само „завичаніе“ *отдѣльными семьями* жертвенныхъ животныхъ — есть слѣдствіе разрушенія принциповъ родового быта, причемъ жертвоприношеніе цѣлымъ родомъ-племенемъ замѣнилось жертвоприношеніемъ отдѣльной семьей; какъ явленіе болѣе недавнее оно должно было оказаться и болѣе живучимъ.

Этимъ бѣглымъ очеркомъ я полагаю закончить мое сообщеніе. Считаю однако необходимымъ въ заключеніе оговориться, что каковы бы ни были переживанія древнихъ вѣрованій среди пудожанъ, какъ бы ни сильны были въ нихъ воспоминанія о прошломъ культѣ ихъ предковъ-язычниковъ, не нужно все-таки забывать, что они хранятся преимущественно лишь среди женскаго населенія уѣзда, что въ средѣ мужскаго населенія эти воспоминанія гораздо слабѣе. Не слѣдуетъ и забывать того, что эти остатки прадѣдовскихъ вѣрованій лишь обломки, сохранившіеся, благодаря тѣмъ или инымъ условіямъ, среди общей ломки и крушенія всего стараго быта, что это лишь одинокіе острова среди волнъ новыхъ идей. Общая ломка прежнихъ устоевъ настолько сильна, настолько отразилась на всѣхъ другихъ сторонахъ быта, что, занимаясь изученіемъ юридическаго быта крестьянина Пудожскаго уѣзда и его домашней обстановки, трудно представить себѣ, что такіе драгоцѣнные остатки старины онъ хранитъ въ себѣ подъ этой внѣшней оболочкой „петербургской культуры“.

Николай Харузинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.

Всѣ игрушки и игры дѣтей въ селѣ Мазунинѣ можно раздѣлить на двѣ главныя группы 1) на подражательныя и 2) на чисто-дѣтскія.

Къ первой группѣ я отношу всѣ игрушки и игры, которыя выработались у дѣтей чрезъ подражаніе ихъ старшимъ въ ежедневныхъ занятіяхъ этихъ послѣднихъ и чрезъ подражаніе неразлучнымъ съ этими занятіями различнымъ орудіямъ и дѣйствіямъ, при которыхъ эти орудія употребляются.

Ко второй группѣ я отношу всѣ тѣ игрушки и игры, которыя выработались, по моему мнѣнію, у дѣтей самобытно испоконъ вѣковъ ихъ непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ.

Описывая тотъ и другой родъ игрушекъ и игръ, я имѣю въ виду только тѣ изъ нихъ, которыя исполняются дѣтьми безъ всякой инициативы со стороны старшихъ, или если она, эта инициатива и является гдѣ нибудь, то въ такомъ незначительномъ видѣ, что не имѣетъ никакого рѣшающаго вліянія на свободную волю дѣтей: сами дѣти дѣлаютъ себѣ игрушки, сами изобрѣтаютъ для себя игры и сами-же установляютъ тѣ законы, по которымъ должны совершаться эти игры. Здѣсь все предоставлено собственной волѣ дѣтей, ихъ вкусамъ и наклонностямъ.

1.

Игрушки подражательныя.

Такъ какъ бытъ Мазунинскихъ жителей — бытъ земледѣльческій, то и игрушки этого рода относятся всѣ къ этому быту. Этотъ отдѣлъ игрушекъ составляютъ: а) соха, б) борона, в) мельница — водяная и вѣтряная и г) телѣжка.

а) *Соха и борона.* Эти игрушки представляютъ изъ себя совершенное подобіе названныхъ земледѣльческихъ орудій. Дѣлаютъ ихъ сами дѣти и дѣлаютъ на столько хорошо, что не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣнность работы и ея достоинство увеличиваются еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что все дѣлается только съ помощію топора и ножа и, рѣдко, къ этимъ двумъ инструментамъ присоединяется еще долото или буравчикъ.

б) *Мельница вѣтряная и водяная.* На конецъ длиннаго шеста укрѣпляютъ поперекъ палку съ полъаршина длиною такъ, чтобы палка эта свободно вращалась вокругъ шеста, затѣмъ изъ досчечекъ выстрагиваютъ отъ 2-хъ до 6-ти крыльевъ, на подобіе крыльевъ вѣтряной мельницы. Крылья эти скрѣпляютъ между собою, провертываютъ посреди ихъ отверстіе и затѣмъ чрезъ это отверстіе прикрѣпляютъ ихъ гвоздемъ къ палочкѣ, поперечной длинному шесту, такъ, что крылья свободно могутъ вращаться на этомъ гвоздѣ. Чтобы крылья мельницы вращались постоянно, когда дуетъ вѣтеръ, въ другой конецъ палки, на которой укрѣплены крылья, вставляютъ перпендикулярно широкую тоненькую досчечку или лубочекъ, такъ что получается вмѣстѣ и флюгеръ и мельница. Вѣтеръ, ударяя въ эту досчечку, поворачиваетъ мельницу крыльями себѣ навстрѣчу, и онѣ начинаютъ вертѣться.

Водяная мельница по своему устройству еще менѣе замысловата, чѣмъ вѣтряная. Берутъ кругленькую палочку въ полъаршина длины, средину этой палочки надкалываютъ со всѣхъ сторонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, соотвѣтственно предполагаемому числу крыльевъ. Для крыльевъ обстрагиваютъ ножемъ нѣсколько лучинокъ, дѣлаютъ ихъ всѣ равной длины и ширины. Затѣмъ обстроганныя и выровненныя такимъ образомъ лучинки вколачиваютъ въ надколы вала — и водяная мельница готова. Эту мельницу несутъ куда нибудь или на дождевой ручеекъ, или на ключъ, струящійся гдѣ нибудь съ горы (а такихъ ключей здѣсь множество) и концы валика укрѣпляютъ въ берега, такъ, чтобы валикъ свободно могъ вращаться. Вода, протекая, задѣваетъ крылышки и заставляетъ валикъ вертѣться.

г) *Телѣжка.* Телѣжки дѣлаютъ двухъ родовъ—въ четыре колеса и въ два. Тѣлежка въ четыре колеса представляетъ изъ себя совершенное подобіе большой телѣги съ тѣмъ-же устройствомъ всѣхъ ея деталей, за исключеніемъ колесъ и желѣзныхъ частей. Колеса большею частью дѣлаются пиленыя и рѣдко-точеныя. Пиленыя колеса дѣлаются изъ бревенъ вершка въ 3—4 толщиною и дѣлаются весьма просто: отпилятъ отъ дерева кружокъ въ вершокъ толщиною, въ центрѣ кружка провертятъ или продолбятъ круглое отверстіе— и колесо готово. Точеныя колеса вытачиваютъ на токарныхъ станкахъ, которые здѣсь водятся у крестьянъ, занимающихся выдѣлкою настоящихъ колесъ. Телѣжка о двухъ колесахъ состоитъ изъ одной только оси, на которую и насажены оба колеса, а по срединѣ этой оси провертывается отверстіе и въ него вставляется рукоятка, за которую возятъ телѣжку. Чтобы колеса не спадали съ оси, по концамъ оси вбиваютъ гвоздики. —

Игры подражательныя.

Эти игры, какъ самыя игрушки, которыя мы только что разсматривали, представляютъ изъ себя полное подражаніе старшимъ. Главное время этихъ игръ – лѣто и не потому только, что лѣтомъ тепло и вездѣ просторно играть - этосправедливо только съ одной стороны. Съ другой, – что собственно вызываетъ эти игры — это то, что лѣто – пора рабочая въ крестьянскомъ быту. Общія впечатлѣнія дѣтей, которыя они получаютъ во все это время, впечатлѣнія труда во всѣхъ его видахъ. Да и сами они нерѣдко становятся участниками въ этомъ трудѣ старшихъ. Не мудрено, что эти-же элементы труда входятъ и въ ихъ игры и придаютъ ихъ забавамъ дѣловую окраску.

Сбираются нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ на удобное для игры мѣсто и здѣсь начинаютъ прежде всего строить домъ. Дома дѣлаютъ или въ видѣ шалашей и покрываютъ ихъ соломой или травою, или-же чаще просто изъ рядовъ вбитыхъ въ землю колышковъ, которыми они отгораживаютъ себѣ воображаемыя жилища. Но за то чего-чего только не нагородятъ они себѣ изъ этихъ колышковъ! Тутъ и стряпущая изба, и горница, куда принимаютъ гостей, и сѣни, и хлѣвы, и сараи—все есть. Устроивъ такимъ образомъ жилище, дѣти начинаютъ игры. Мальчики отправляются на работы, дѣвочки остаются дома. Вотъ двое мальчиковъ берутъ соху и везутъ ее куда нибудь на такое мѣсто, гдѣ земля по мягче или гдѣ песокъ – и начинается игра. Одинъ впрягается въ соху; другой берется за рогачъ—и пашутъ выбранное мѣсто. Двое другихъ привозятъ туда-же борону и начинаютъ оборанивать вспаханное товарищами пространство. Тамъ двое запряглись въ телѣжку, третій сѣлъ на нее— и поѣхали. Пріѣзжаютъ они на лугъ и начинаютъ сѣно косить. Нарвали руками травы, наложили ее рядами и поѣхали домой. Минуту спустя изъ дома выходятъ дѣвочки; онѣ идутъ тоже на лугъ - переворачивать только что скошенное сѣно и метать его въ стога. Другая партія дѣвочекъ идетъ на другую часть луга, и здѣсь начинается жнитво. Онѣ рвутъ руками все ту-же траву и вяжутъ ее въ снопы. Пріѣзжаютъ съ телѣжкой мальчики, складываютъ эти снопы на телѣжку и везутъ ихъ домой молотить. Однѣ работы кончены - много еще остается другихъ. Вотъ на ту же телѣжку кладутъ навозу, везутъ его на только что распаханное поле, и разбрасываютъ его здѣсь. Поле готово, остается его засѣять. Не далеко пилятъ тесъ. Съ той-же телѣжкой мальчики ѣдутъ за опилками, привозятъ ихъ на свою распаханную и удобренную полосу и разсѣваютъ ихъ по ней. Бороноволоки оборанивають тотчасъ же посѣвъ. Полевыя работы кончены. Надо запасти дровъ, — и вотъ все съ той-же телѣжкой мальчики отправляются куда нибудь въ высокій репейникъ,—воображаемый лѣсъ.— Здѣсь они надергиваютъ съ корнемъ или наламываютъ этого репейника и везутъ его въ свое игрушечное жилище. Это—запасъ дровъ на зиму. А въ домѣ? Здѣсь пока въ отсутствіи мальчиковъ господствуетъ дѣвичій міръ. Одна вырыла въ землѣ ямку, и наложила въ нее нѣсколько кусочковъ глины; другая взяла черепокъ и пошла съ нимъ на рѣчку за водой. Принесла она воды и вылила ее на глину. Затѣмъ онѣ обѣ принялись мѣсить эту глину. Это онѣ мѣсятъ хлѣбъ. Рядомъ другія дѣвочки ведутъ самую разнообразную стряпню — готовятъ рабочимъ ужинъ. Одна дѣвочка сидитъ въ уголкѣ и убаюкиваетъ куклу—ребенка. Поодаль другая сбираетъ тряпки, кладетъ ихъ на концы палки и, положивъ палку на плеча, важно несетъ тряпки на рѣку—полоскать бѣлье. Третья возится въ „стаѣ“—убираетъ воображаемую скотину. Но вотъ работы кончены. Мальчики возвращаются, садятся всѣ за свой ужинъ. Послѣ ужина принимаются всѣ за забавы; вотъ собрались на катанье; двое-трое впрягаются въ телѣжку, столько же садятся на нее, и импровизированная пара или тройка несетъ своихъ сѣдоковъ—только стукъ колесъ да скринъ ихъ далеко несется по улицѣ. Словомъ въ этихъ играхъ предъ вами развертывается полная обстановка крестьянскаго житья-бытья, проносится полная до мельчайшихъ подробностей картина крестьянской трудовой жизни. Что не достаетъ въ этой игрушечной обстановкѣ противъ дѣйствительности, то дополняетъ подвижное дѣтское воображеніе, богатое всевозможными вымыслами и способностью одухотворять все. Безъ сомнѣнія въ этихъ играхъ заключаются первые уроки того дѣла, за которое возьмется впослѣдствіи будущій земледѣлецъ.

Но не всегда игры дѣтей остаются играми,—иногда эти игры выходятъ изъ своихъ рамокъ и переходятъ прямо въ настоящую работу. Такъ, напримѣръ, по два года я наблюдалъ здѣсь игры—работы дѣтей обоего пола отъ 7 до 13 лѣтъ, состоявшія въ запруживаніи рѣки, которая протекаетъ по серединѣ села. Рѣка эта лѣтомъ, въ жаркое время, дѣлается обыкновенно весьма мелководной («курица перейдетъ въ любомъ мѣстѣ» – по мѣстному выраженію). Когда въ серединѣ лѣта прошлаго года рѣка такимъ образомъ обмелѣла, человѣкъ 15 дѣтей обоего пола, по своей собственной иниціативѣ, безъ всякаго принужденія со стороны старшихъ, явились на рѣку: кто съ топоромъ, кто съ лопатой, кто съ колотушками—и работа закипѣла. Живо нанесены были колья, кусты, солома, навозъ. Кто тешетъ колья: кто вколачиваетъ ихъ въ дно рѣки, кто заплетаетъ вколоченные колья кустами, кто прудитъ,— и въ день — дна плотина была готова да еще такая, что цѣлое лѣто противостояла всѣмъ напорамъ воды. Выше плотины образовалось довольно порядочное озеро, въ которомъ свободно могли купаться и сами строители и ихъ товарищи и подруги, а на поверхности его—плавать гуси и утки. По-ниже же плотины наденемъ воды такъ расчистило русло рѣки, что этимъ мѣстомъ стали пользоваться и взрослые и для купанья, и для полосканья бѣлья. Такая же работа была произведена и этимъ лѣтомъ.

2.

Игрушки чисто дѣтскія.

Объ игрушкахъ покупныхъ я не считаю нужнымъ говорить, такъ какъ эти игрушки едва-ли не одинаковы для всѣхъ мѣстностей. По крайней мѣрѣ здѣсь я вижу въ продажѣ такія же, какія я видѣлъ и въ Казани. Игрушки мѣстнаго производства и притомъ производства дѣтей здѣсь слѣдующія: а) свистулька, б) мячъ, в) шаръ, г) барабанъ, д) пузырь, е) солдатъ съ саблей, ж) волчекъ, з) лукъ со стрѣлою, и) трещетка и і) московка (змѣй). За безъинтересностью устройства этихъ игрушекъ остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Мячи. Мячи дѣлаютъ изъ тряпокъ или кожи, изъ клубковъ пряденой старой шерсти и изъ непряденой-новой. (Покупаютъ—резиновые). Изъ одной непряденой шерсти мячи дѣлаютъ такимъ образомъ: берутъ клокъ шерсти и катаютъ его кругообразно въ рукахъ. Когда шерсть значительно укатается, бросаютъ ее въ

кипятокъ и оставляютъ ее тамъ приблизительно на полчаса. Потомъ шерсть просушивается и превращается въ плотный упругій шаръ—мячъ. Мячи изъ шерсти и въ особенности мячъ послѣдняго рода—самые лучшіе мячи, такъ какъ упругостью они иногда не уступаютъ резиновымъ.

Солдатъ съ саблей. Вырѣзаютъ изъ дерева статую человѣка. Въ плечахъ этой статуи провертываютъ круглое отверстіе, а въ отверстіе вставляютъ палочку, которая могла-бы свободно вращаться въ этомъ отверстіи. Къ концамъ палочки прикрѣпляютъ руки. Затѣмъ къ пальцамъ правой руки такой статуи прикрѣпляютъ деревянную же саблю, а къ лѣвой гусиное перо. (Руки располагаютъ такъ, что въ то время, когда правая бываетъ поднята вверхъ, лѣвая опускается внизъ). Статую эту укрѣпляютъ на длинномъ шестѣ. Когда подуетъ вѣтеръ, онъ задѣваетъ за перо и руки начинаютъ дѣлать круговращательныя движенія, какъ будто солдатъ машетъ своею саблею.

Трещетка. Выстрагиваютъ два четыреугольныхъ брусочка длиною въ полъаршина. Въ каждомъ изъ этихъ брусочковъ дѣлаютъ по три отверстія — одно противъ другого. Два отверстія дѣлаютъ по краямъ брусочковъ, третье—по срединѣ. Одно изъ крайнихъ отверстій на каждомъ брусочкѣ дѣлаютъ круглое. Въ четыреугольныя отверстія плотно вставляютъ двѣ поперечины, а въ круглыя — валикъ. Этотъ валикъ вставляется такъ, чтобы вокругъ него могла свободно вращаться составленная изъ брусочковъ рамка. На той части валика, которая вставлена въ рамку, нарѣзаютъ вокругъ него продольные рубчики; оканчивается валъ круглой рукояткой. По срединѣ рамки вставляютъ тоненькую досточку вдоль всей рамки, перегибая ее черезъ оба брусочка рамки, упирая концомъ въ зубчики валика. Когда такимъ образомъ трещетка устроена, берутъ трещетку за рукоятку валика и дѣлаютъ круговращательныя движенія рукою. Отъ этихъ движеній рамка трещетки вертится вокругъ валика, а поперечная перекладина задѣваетъ за зубцы валика и производитъ трескъ.

Игры чисто дѣтскія.

Игры этого отдѣла здѣсь существуютъ слѣдующія: а) игры съ движеніями, б) игры съ мячемъ, в) игры съ шаромъ, г) игры кружками, палками, деревяшками и т. п. д) игры съ веревкою, е) игры съ завязанными глазами, ж) игры въ прятки, и з) символическія игры.

а) Игры съ движеніями.

Игры съ движеніями здѣсь слѣдующія: 1) въ лошадки, 2) катанье съ горъ, 3) качели, 4) ходули, 5) въ перескачки, 6) въ горѣлки, 7) въ колышки, 8) въ смольники, 9) въ кругъ, 10) съ лѣса на лѣсъ.

1) *Катанье съ горъ.* Во время катанья съ горъ никакихъ собственно игръ не происходитъ. Катанье производится или съ нарочно для этого устроенныхъ изъ снѣга горъ, или-же съ высокаго пологаго берега рѣки. Мѣсто катанья—гору или берегъ рѣки,—обыкновенно равняютъ лопатами и поливаютъ водою. Съ такихъ горъ катаются на санкахъ, лоткахъ, на соломѣ или просто безъ всего. Санки у здѣшнихъ дѣтей представляютъ изъ себя совершенное подобіе обыкновенныхъ крестьянскихъ дровней—и большею частью покупныя. Лотки дѣлаютъ сами мальчики. Лотокъ представляетъ изъ себя нѣчто подобное скамьѣ съ двумя перевернутыми вверхъ ножками. Эти ножки вставляются какъ разъ по срединѣ лотка. Передній конецъ лотка обыкновенно заостряютъ съ боковъ и съ нижней стороны стесываютъ. Катаются на лоткахъ или стоя, становясь позади ножекъ и держась за нихъ руками, или сидя, садясь на поперечинку ножекъ.

2) *Качели.* Качели устраиваются обыкновенно на нарочно для того устроенныхъ изъ жердей козлахъ. Жерди связываются веревками по три и представляются въ видѣ треножниковъ. На верхъ обоихъ треножниковъ кладутъ перекладину и къ ней привязываютъ одну или двѣ веревки. Если привязана одна веревка, то внизу на нее кладутъ доску, длиною въ ¾ — 1 арш., на которую поперекъ и садится желающій качаться. Если-же повѣшены двѣ веревки, то берутъ длинную доску и привязываютъ ее за концы повѣшенными веревками. Съ каждаго конца встаютъ по одному качальщику, которые и раскачиваютъ качель, а на средину доски садятся тѣ, кого качаютъ, сколько ихъ помѣстится.

3) *Въ перескачки.* Играющіе ложатся всѣ по прямой линіи, поперекъ этой прямой, головами въ одну сторону. Промежутки между лежащими—саженн 2—3. Самый крайній изъ лежащихъ встаетъ и начинаетъ скакать чрезъ всѣхъ лежащихъ, начиная съ своего сосѣда. Когда онъ перескочитъ черезъ послѣдняго, то ложится рядомъ съ этимъ послѣднимъ, на одинаковомъ разстояніи съ остальными. Затѣмъ встаетъ слѣдующій и дѣлаетъ то же и т. д. перескакиваютъ всѣ до послѣдняго.

4) *Въ Колышки.* Преобладающіе участники въ этой игрѣ—дѣвочки, иногда впрочемъ и мальчики. По окружности круга—около трехъ и болѣе саженей въ діаметрѣ садятся играющіе. Эти посаженные называются колышками. Возлѣ каждаго колышка становится его хозяинъ. Такъ располагаются всѣ попарно, кромѣ одного, играющаго—покупателя колышковъ. Покупателемъ колышковъ становится кто-нибудь по желанію. Покупатель подходитъ къ кому-нибудь изъ хозяевъ и проситъ у него продать колышекъ. Хозяинъ соглашается. Тогда оба и хозяинъ, и покупатель — каждый прикасается одновременно рукою къ головѣ колышка и оба пускаются бѣжать по внѣшней окружности круга, образуемаго колышками и ихъ хозяевами, въ направленіи каждый противуположномъ одинъ другому. Кто изъ нихъ прежде прибѣжитъ къ продающемуся колышку, въ собственность того и переходитъ колышекъ, а оставшійся безъ колышка идетъ покупать къ слѣдующему хозяину.

5) *Въ смольники.* Выбираютъ какую нибудь яму или оврагъ. По жребію избираютъ, кому стоять въ ямѣ—смолить. Остальные играющіе перебѣгаютъ взадъ и впередъ по ямѣ и кричатъ: „смольникъ, смольникъ, смолочку-то у тебя украли“! Смольникъ ловитъ бѣгающихъ по ямѣ и, кого поймаетъ, тому и смолить, а самъ присоединяется къ остальнымъ играющимъ.

6) *Въ кругъ.* Берутъ другъ друга за руки и начинаютъ быстро бѣгать кругомъ. Усталый бѣгунъ отрывается отъ общаго круга и летитъ далеко въ сторону. Кругъ снова смыкается и снова всѣ начинаютъ быстро бѣгать, теряя одного за другимъ. Это кружженіе происходитъ до тѣхъ поръ, пока не растеряютъ большей половины игроковъ, и пока остальные не опустятся отъ изнеможенія на землю.

7) *Съ лѣса на лѣсъ.* Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ много положено лѣса—бревенъ или досокъ. По желанію кто нибудь одинъ становится на землю ловить; осталь-

ные всѣ размѣщаются по лѣсу. Затѣмъ стоящіе на лѣсѣ сбѣгаютъ на землю и перебѣгаютъ съ одной лѣсины на другую. Въ то время, когда кто-нибудь изъ стоящихъ на лѣсѣ станетъ на землю, ловецъ старается схватить его. Кого ловецъ поймаетъ, тотъ и долженъ ловить, а самъ онъ становится вмѣстѣ съ другими на лѣсъ.

б) Игры съ мячемъ.

Игръ съ мячемъ здѣсь существуютъ шесть: 1) билъ — бѣгалъ (лапта), 2) изъ круга, 3) въ лунки, 4) въ столбъ, 5) билъ-бѣгалъ объ одномъ шарильщикѣ и 6) объ стѣнку.

1. *Въ столбъ.* Выбираютъ какой нибудь столбъ, (напримѣръ—воротній) и по желанію кого нибудь ставятъ одного изъ играющихъ съ мячемъ у назначеннаго столба—спиною къ этому столбу. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: стоящій у столба подбрасываетъ мячъ на небольшую высоту кверху и потомъ рукой отбиваетъ его по направленію къ стоящимъ «въ полѣ». Тѣ ловятъ летящій мячъ, стараясь схватить его прежде, чѣмъ онъ упалъ на землю. Поймавшій мячъ бросаетъ имъ въ столбъ. Тотъ, кто попадетъ въ столбъ, идетъ къ столбу ударять мячъ, а ударявшій прежде присоединяется къ остальнымъ ловить; сдѣлавшій промахъ остается въ прежнемъ положеніи. Ударъ въ столбъ только тогда считается дѣйствительнымъ, когда мячъ ударяется въ него непосредственно изъ руки бросившаго. Ударъ, произведенный отраженіемъ мяча отъ земли не считается. Иногда ставятъ условіемъ, что поймавшій непосредственно въ руки брошеный отъ столба мячъ считается какъ бы попавшимъ имъ въ столбъ и идетъ ударять мячъ.

2. *Билъ-бѣгалъ объ одномъ шарилѣ.* Два упрощенія лапты:

а) Въ этой игрѣ матокъ не избираютъ. Бросаютъ жребій, кому подавать мячъ. Мячъ бьютъ рукой. Бьютъ въ вертикальномъ направленіи. Каждый бьющій, ударивъ по мячу, долженъ тотчасъ-же непремѣнно бѣжать до другого сала и обратно. Въ это время подающій долженъ или поймать мячъ при паденіи послѣдняго внизъ, или, если ему это не удалось, схватить его съ земли и попасть имъ въ перебѣгающаго въ это время отъ сала до сала пробившаго. Удача въ томъ и другомъ случаѣ переводитъ шарилку въ бьющіе, и только что пробившаго въ шарилы. При неудачѣ въ обоихъ случаяхъ шарила остается при своей обязанности.

б) Эта игра—еще большее упрощеніе предъидущей: здѣсь не перебѣгаютъ отъ сала до сала и не бросаютъ мячемъ въ бѣгущаго. Такимъ образомъ при обстановкѣ, одинаковой съ предъидущей, вся эта игра заключается лишь только въ томъ, что одинъ подаетъ мячъ, другой бьетъ, а всѣ остальные ловятъ мячъ. Кто поймаетъ, тотъ и ударяетъ мячъ; подаетъ-же желающій.

3. *Объ стѣнку.* Эта игра происходитъ большею частью въ домѣ, но не исключительно. Она состоитъ изъ 11 различныхъ фигуръ, требующихъ болѣе или менѣе ловкости со стороны играющихъ. Всѣ фигуры составляются изъ бросаній мячемъ извѣстнымъ образомъ. Нормальное число бросаній мяча въ каждой фигурѣ иногда 3 раза, иногда 5. Главное условіе всей игры—не выронить изъ рукъ мячъ. Если мячъ будетъ выроненъ изъ рукъ, то играющій долженъ передать его другому, а самъ ожидать слѣдующей своей очереди. Дождавшись очереди, онъ начинаетъ игру съ той самой фигуры, во время исполненія которой онъ выронилъ мячъ. Не исполнившій окончательно всѣхъ фигуръ, подвергается, какъ увидимъ ниже, наказаніямъ.

Фигура первая. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну на 1—2 аршина выше головы подъ острымъ угломъ и, стоя прямо, лицомъ къ стѣнѣ, ловитъ его одной или обѣими руками.

Фигура вторая. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну, какъ и въ предъидущей фигурѣ, но не ловитъ его, а отбиваетъ рукою по тому же приблизительно направленію, по какому падаетъ мячъ, такъ что мячъ здѣсь непрерывно перелетаетъ отъ стѣны къ рукѣ и отъ руки къ стѣнѣ.

Фигура третья. Галки. Пученье глазъ. Играющій становится къ стѣнѣ спиною и сгибаетъ назадъ голову такимъ образомъ, что темя его головы упирается въ стѣну. Уставившись такъ, онъ бросаетъ надъ своимъ лицомъ мячъ, какъ въ первой фигурѣ.

Фигура четвертая. Чрезъ ногу. Эта фигура только для мальчиковъ. Играющій становится на одну правую ногу, а лѣвой упирается въ стѣну перпендикулярно этой послѣдней, т. е. такъ, чтобы вся ступня его согнутой въ колѣнѣ лѣвой ноги лежала на стѣнѣ. Затѣмъ онъ бросаетъ мячъ такъ, чтобы онъ, облетая пролеталъ подъ лѣвую ногу, и ловитъ его по другую сторону ноги.

Фигура пятая. Играющій становится лицомъ къ стѣнѣ и, вытянувъ лѣвую ногу, упирается кистью ея въ стѣну. Правую руку онъ просовываетъ подъ лѣвую и бросаетъ мячъ такимъ-же образомъ, какъ и въ предъидущей фигурѣ.

Фигура шестая. Хамы. Играющій бросаетъ мячъ отвѣсно къ полу и на лету сверху ловитъ его, не допуская упасть на полъ.

Фигура седьмая. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи и, въ то время, когда мячъ летитъ вверхъ, перевертываетъ кисть руки ладонью книзу, принимаетъ ударъ мяча на руку и, не перемѣняя положенія руки, снова подбрасываетъ мячъ кверху, затѣмъ, во время этого полета мяча, оборачиваетъ кисть руки ладонью кверху, принимаетъ ударъ мяча и снова подбрасываетъ его вверхъ. Потомъ снова оборачиваетъ руку ладонью книзу, и т. д.

Фигура восьмая. Земляники. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи, даетъ ему упасть на полъ и, когда мячъ отскочитъ отъ пола, ловятъ его.

Фигура девятая. Клюшки прямыя. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи, даетъ ему упасть на полъ и, когда мячъ отскочитъ отъ пола, ловитъ его.

Фигура десятая. Клюшки косыя. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну такъ, что мячъ ударяется объ стѣну, падаетъ на полъ и отскакиваетъ. Тогда играющій ловитъ его.

Фигура одиннадцатая. Бычки. Играющій бросаетъ мячъ въ полъ такъ, что онъ, отскочивъ отъ пола, ударяется въ стѣну и отскакиваетъ отъ стѣны. Въ это время играющій ловитъ его.

Окончаніе игры бываетъ различное, смотря потому, какъ условятся между собою играющіе.

а) Исполнившій всѣ эти фигуры считается вышедшимъ, т. е. кончившимъ свою игру.

б) Для окончательнаго выхода назначаютъ еще фигуру 12-ю: играющій долженъ бросить мячъ въ стѣну, затѣмъ, когда мячъ будетъ падать, принять его на темя своей головы и отбить такъ, чтобы мячъ упалъ позади его. Исполнивъ эту фигуру, играющій считается вышедшимъ. Въ случаѣ-же промаха, онъ долженъ испол-

нить снова эту 12-ю фигуру. Такъ онъ повторяетъ эту фигуру до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ ее удачно.

в) При исполненіи фигуры двѣнадцатой остальные участвующіе въ игрѣ стараются схватить мячъ въ то время, когда послѣдній падаетъ съ головы бросившаго его. Если имъ это удастся, то бросающій мячъ долженъ снова исполнить сейчасъ-же всѣ двѣнадцать фигуръ, — или постолько-же бросаній въ каждой фигурѣ или на одно меньше, т. е. вмѣсто 3-хъ по 2, вмѣсто 5-ти по 4. Если товарищи снова схватятъ у него мячъ при исполненіи имъ 12-й фигуры, то онъ долженъ снова исполнить всѣ 12 фигуръ, но уже число бросаній удваивается въ каждой фигурѣ противъ предъидущаго, т. е. вмѣсто 2-хъ бросаютъ 4 раза, вмѣсто 4 хъ 8 разъ и т. д. при каждомъ новомъ исполненіи удваиваютъ число бросаній предъидущаго исполненія. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока ему наконецъ удастся отбить мячъ головою такъ, что товарищи не поймаютъ уже его, или-же обезсиленный, онъ выронитъ мячъ и игра переходитъ къ другому.

г) Окончаніе то-же самое, но послѣ того, какъ поймаютъ мячъ съ головы играющаго, этотъ послѣдній дѣлаетъ въ каждой фигурѣ прежнее-же число бросаній, т. е. 3 или 5.

д) Остальные игроки не ловятъ мяча, но исполняющему послѣднюю фигуру дается право дѣлать ее одинъ только разъ. Въ случаѣ промаха онъ снова исполняетъ всѣ 12 фигуръ съ тѣмъ-же числомъ ударовъ въ каждой, какъ и въ первый разъ.

е) Когда выходить останется только одному игроку, то онъ можетъ сдѣлать при этомъ только опредѣленное число промаховъ — именно равное числу всѣхъ играющихъ. Если, сдѣлавъ столько промаховъ, онъ не кончитъ игры, то ему уже не дается право продолжать ее.

Нужно замѣтить, что не при каждой игрѣ исполняются всѣ эти 12 фигуръ. Это обусловливается иногда и качествомъ мяча: съ упругимъ мячемъ всѣ эти фигуры не представляютъ труда для исполненія. Если-же мячъ не упругій, то изъ всей игры исполняются только слѣдующія фигуры: 1, 3, 4, и 5-я. Иногда 6-ю и 7-ю фигуры соединяютъ въ одну такимъ образомъ: бросаютъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи и, въ то время, когда мячъ падаетъ на землю, переворачиваютъ руку ладонью книзу, принимаютъ на руку ударъ мяча, затѣмъ отнимаютъ руку, мячъ летитъ внизъ и тогда ловятъ его, не допуская упасть на землю.

Самыя наказанія для тѣхъ, которые не исполнили этой игры, бываютъ различныя, смотря по-тому, какъ договорятся играющіе:

1) *Кормить овсомъ.* Заслужившаго наказаніе ставятъ лицомъ къ стѣнѣ. Наказующій подходитъ къ нему съ мячемъ, бросаетъ мячъ вертикально кверху и въ то время, пока мячъ совершаетъ свой полетъ, ударяетъ ладонью въ спину наказуемаго, затѣмъ ловитъ мячъ. Поймавъ мячъ, онъ снова повторяетъ то-же. Такъ онъ дѣлаетъ до тѣхъ поръ, пока не выронитъ какимъ нибудь образомъ изъ рукъ мячъ, послѣ чего право наказывать переходитъ къ другому. Этимъ правомъ пользуются всѣ вышедшіе участники игры.

2) Заслужившему наказаніе предоставляется право самому намѣтить разстояніе, съ котораго въ него будутъ бросать мячемъ. Однако, чтобы разстояніе это не вышло слишкомъ значительно, онъ долженъ измѣрить его такимъ образомъ: лѣвою рукою онъ беретъ себя за правое ухо, правую свою руку просовываетъ въ образующееся отъ этого изъ руки кольцо и бросаетъ мячъ. Каждый наказывающій становится на то мѣсто, гдѣ упалъ мячъ и съ него бросаетъ имъ въ наказываемаго Промаховъ въ этомъ случаѣ со стороны наказывающаго не допускается. Если-же наказывающій промахнется, то наказываемый имѣетъ право поставить промахнувшагося на свое мѣсто и ударить его самого мячемъ.

3) Наказывающіе отмѣриваютъ какое нибудь разстояніе и заставляютъ по нему бѣгать взадъ и впередъ наказываемаго. При каждомъ бѣгѣ по разу въ него бросаютъ поочереди мячемъ.

4) Это наказаніе назначается въ связи съ условіемъ въ окончанія игры. Все число промаховъ, которое сдѣлаетъ играющій, оканчивая игру одинъ, ставится ему въ вину. За каждый промахъ онъ долженъ получить ударъ мячемъ. Для этого наказываемаго ставятъ къ стѣнѣ; отмѣриваютъ отъ него разстояніе шагами, по одному шагу за каждый промахъ. Становясь на этомъ разстояніи, каждый играющій бросаетъ въ наказываемаго мячемъ одинъ разъ. Если производящій наказаніе не попадетъ въ подвергнутаго наказанію, то этотъ послѣдній можетъ его поставить на свое мѣсто и ударить мячемъ. Если играющій сдѣлаетъ промаховъ меньше числа всѣхъ участниковъ игры, то послѣдніе бросаютъ между собою жребій, кому достанется наказывать.

г) Игры съ шаромъ.

Игръ съ шаромъ здѣсь бываетъ шесть родовъ: 1) жаровка. 2) въ буй, 3) въ котелъ, 4) въ бабки, 5) въ стѣнку, 6) въ катовки.

1) *Жаровка.* Игра начинается выборомъ матокъ и подборомъ партій. Затѣмъ дѣлаютъ рядъ лунокъ по числу играющихъ въ партіи. Лунки дѣлаютъ по прямой линіи на разстояніи саженн одна отъ другой. Матки бросаютъ жребій между собою, которой партіи идти въ поле, которой бить. Бить долженъ каждый съ своей лунки. Бьютъ шаръ палками въ $^3/_4$—$1^1/_2$ аршина длиною. Эти палки называются козлинками. Козлинокъ набираютъ столько, сколько человѣкъ въ партіи: стоящіе въ полѣ ихъ не имѣютъ. Тѣ, которымъ достанется въ полѣ стоять, отходятъ отъ лунокъ саженъ на 15 — 20, а матка ихъ остается при лункахъ. И здѣсь ея обязанность подавать безсмѣнно шаръ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ: матка той партіи, которая стоитъ въ полѣ, бросаетъ шаръ кверху вертикально, и тотъ, чья очередь бить (очередь и здѣсь начинается съ матки) бросаетъ въ шаръ козлинкой въ то время, когда брошенный шаръ падаетъ къ низу. Если бьющій попадетъ въ шаръ, то шаръ отлетаетъ въ ту сторону, гдѣ находятся стоящіе въ полѣ. Послѣдніе ловятъ шаръ и бросаютъ его къ своей маткѣ. А бьющій, бросивъ своей козлинкой въ шаръ, бѣжитъ къ своей козлинкѣ, схватываетъ ее и бѣжитъ къ своей лункѣ. Судьба каждой партіи зависитъ отъ того, кто прежде дотронется — „замакнетъ“ — какъ выражаются здѣсь—до лунки пробившаго, самъ-ли хозяинъ ея своей козлинкой, или матка партіи, стоящей въ полѣ. Если замакнетъ прежде самъ хозяинъ своей козлинкой въ лунку, то каждая партія остается на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Если-же въ лунку пробившаго замакнетъ прежде матка шаромъ, то стоящіе въ полѣ идутъ бить, а бьющіе переходятъ въ поле. Для того, чтобы „выбѣжать“ пробившему за козлинкой и обратно въ этой игрѣ существуетъ одно изъ слѣдующихъ трехъ условій.

а) Пробившій тотчасъ, послѣ того какъ бросилъ своей козлинкой въ шаръ, долженъ бѣжать за ней и взять ее въ руки. Въ это время матка не имѣетъ права замакать шаромъ въ лунку пробившаго. Поэтому пробившій можетъ стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ упала его козлинка, даже подвинуться нѣсколько къ своей лункѣ (шага на 2—3) и ждать удобнаго случая, до бѣжать до своей лунки, сколько ему угодно. Только въ то время, когда онъ побѣжитъ къ лункѣ, матка противной партіи имѣетъ право замакнуть шаромъ въ его лунку. Вслѣдствіе этого, чтобы перебѣжать обратно отъ мѣста, гдѣ упала его козлинка, до своей лунки, пробившій выбираетъ такое время, когда шара еще не будетъ въ рукахъ матки противной партіи, т. е. того времени, когда пробьетъ кто нибудь изъ его товарищей и на столько удачно, что шаръ улетитъ далеко въ поле и долго не можетъ попасть въ руки матки противной партіи.

б) Пробившій только тогда можетъ бѣжать за своей козлинкой, когда еще шаръ не переданъ подающей маткѣ. При этомъ матка, подающая шаръ, можетъ замакать шаромъ въ лунку пробившаго даже и тогда, когда этотъ послѣдній только хоть немного сошелъ съ своей лунки. Поэтому пробившій долженъ всегда стоять на своей лункѣ, не сходя съ нея, или если сойдетъ, то уже долженъ сбѣгать за козлинкой и обратно, какъ можно скорѣе.

в. Пробившій можетъ бѣжать къ тому мѣсту, гдѣ упадетъ его козлинка. Но самой козлинки въ руки онъ брать не долженъ. Если-же онъ возьметъ въ руки козлинку, то матка противной партіи имѣетъ право замакать шаромъ въ лунку пробившаго.

2. *Въ буй.* Въ этой игрѣ матокъ не выбираютъ Въ полѣ стоятъ или одинъ, или двое по жребію; стоящій въ полѣ называется шарильщикомъ. И ра происходитъ такимъ образомъ: кладутъ на землю жердь въ видѣ барьера. Эта жердь называется буемъ. Шарильщикъ становится съ шаромъ у буя. Остальные отходятъ отъ буя сажени на 4 — 5 и бросаютъ козлинками къ бую, такъ чтобы козлинки летѣли къ бую не прямо, какъ стрѣла, а дѣлали круговращательныя движенія, ударяясь концами въ землю — „копыляли“, какъ выражаются здѣсь. При этомъ однако не соблюдается, чтобы всѣ бросали непремѣнно съ одного и того-же разстоянія; необходимо только одно, чтобы козлинки перелетали чрезъ буй. У кого-же козлинка падетъ предъ буемъ, тотъ долженъ идти снова копылять. Когда всѣ прокопыляютъ, шарильщикъ смотритъ, въ какую козлинку ему всего удобнѣе будетъ „калить“ т. е. бросить шаромъ. Намѣтивъ себѣ козлинку, онъ бросаетъ въ нее шаромъ. Попавъ шаромъ въ чью нибудь козлинку, шарильщикъ схватываетъ эту козлинку и бѣжитъ съ нею къ бую. Остальные игроки тоже берутъ каждый свою козлинку и всѣ бѣгутъ къ бую. А тотъ, въ чью козлинку шарильщикъ попалъ шаромъ, бѣжитъ за шаромъ и, схватя его, бросаетъ имъ въ буй. Остальные игроки стараются не допустить его до этого, отбивая бросаемыми козлинками шаръ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока шарильщикъ не попадетъ въ буй, тогда всѣ снова идутъ копылять. Если-же первый шарильщикъ не попадетъ ни въ чью козлинку, то онъ долженъ самъ бѣжать за шаромъ и затѣмъ стараться попасть имъ въ буй. Если ему это удастся, то игра начинается снова. Когда шарильщиковъ двое, то игра ведется точно такъ же: сначала одинъ шарильщикъ бросаетъ шаромъ въ одну козлинку; потомъ шаръ подается другому и тотъ бросаетъ имъ въ другую козлинку. Послѣ того, какъ они сдѣлаютъ это, одинъ изъ тѣхъ, въ чьи козлинки они попали шаромъ, бѣжитъ за шаромъ, а другой становится у буя. Шарильщикъ, стоящій въ полѣ, бросаетъ шаромъ въ буй, а стоящій у буя, въ случаѣ, если товарищъ его броситъ шаръ неудачно, ловитъ его, или бросаетъ снова своему стоящему въ полѣ товарищу, или-же самъ бросаетъ шаръ въ буй, смотря потому, что болѣе удобно.

3) *Въ котелъ.* Вырываютъ въ землѣ котлообразную яму въ $^1/_4$—$^1/_2$ аршина глубины и $^1/_2$—1 арш. въ діаметрѣ. Яма эта называется котломъ. Отъ котла, какъ отъ центра, проводятъ кругъ приблизительно 1 — $1^1/_2$ сажени въ радіусѣ и по окружности этого круга вырываютъ рядъ лунокъ — числомъ на одну меньше числа всѣхъ участвующихъ въ игрѣ. Всѣ играющіе берутъ въ руки палки — длиною отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ аршинъ, смотря по возрасту каждаго. Игра начинается тѣмъ, что бросаютъ жребій, кому достанется „водить“ шаръ: становятся всѣ въ рядъ, ставятъ палки тонкими концами перпендикулярно на пальцы правой ноги и, затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько размаховъ ногою, каждый бросаетъ свою палку такъ, чтобы она летѣла прямо, какъ стрѣла, разсѣкая воздухъ. При этомъ палка, предъ тѣмъ, какъ упасть окончательно на землю и остановиться, дѣлаетъ нѣсколько круговращательныхъ движеній, ударяясь въ землю то однимъ своимъ концомъ, то другимъ. Чья палка упадетъ ближе всѣхъ, тому и водить шаръ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ: шарильщикъ старается ввести палкой шаръ въ котелъ, а остальные играющіе не допускаютъ его до этого, отбивая шаръ отъ котла дальше въ поле. Ударивъ по шару палкой, каждый стоящій на лункахъ спѣшитъ какъ можно скорѣе замакнуть палкой въ свою лунку, чтобы предупредить въ этомъ шарильщика. Если-же шарильщикъ макнетъ въ лунку раньше хозяина этой послѣдней, то онъ дѣлается ея хозяиномъ и становится на лункѣ отбивать шаръ, а прежній хозяинъ идетъ шарить. Впрочемъ, и не прикасаясь къ шару, стоящій на лункѣ все-таки долженъ остерегаться, чтобы не прозѣвать своей лунки; иногда дѣлаютъ такъ: если хозяинъ лунки вынетъ свою палку изъ лунки, его лунку занимаетъ другой его товарищъ, а свою оставляетъ не занятою. Тогда зазѣвавшійся игрокъ долженъ занимать уже эту не занятую лунку товарища, иначе ее займетъ шарильщикъ, и тогда ему нужно будетъ идти шарить. Когда шарильщику наконецъ удастся ввести шаръ въ котелъ, то или игра начинается сначала, т. е. всѣ идутъ вновь бросать палки, какъ въ началѣ игры, или же всѣ перемѣняются своими лунками, и кто останется безъ лунки, тотъ долженъ идти шарить.

д) Игры кружками, палками, деревяшками и т. п.

Всѣхъ игръ этого отдѣла здѣсь существуетъ одиннадцать: 1) кружками, 2) въ шашки, 3) въ бабки и шишки съ салкой, 4) то-же съ пономъ, 5) то-же въ сачкѣ, 6) то-же въ гнѣзда, 7) то-же въ тройки, 11) то-же въ пятерки.

1) *Кружками.* Сходятся два мальчика, берутъ колесо отъ своей дѣтской телѣжки, выходятъ на дорогу и начинаютъ игру. Игра состоитъ въ томъ, кто кого „угонитъ“, какъ выражаются они. Одинъ становится на мѣстѣ и катитъ вдоль улицы колесо. Другой бѣжитъ за колесомъ и, гдѣ остановилось колесо, катитъ его оттуда обратно къ своему товарищу. Тотъ въ свою очередь тоже бѣжитъ за колесомъ и, также, гдѣ колесо остановилось, оттуда катитъ его къ своему

товарищу. Разумѣется угонитъ тотъ, кто дальше прокатитъ колесо. Иногда подобнымъ образомъ игроки проходятъ всю улицу изъ конца въ конецъ, гоня другъ друга колесомъ.

2) *Въ шашки.* Напилятъ круглыхъ шашекъ длиною въ $^1/_2$ вершка и расколятъ каждую шашку пополамъ. Для игры ихъ дѣлаютъ десятка два—три. Шашки дѣлятся по-ровну между всѣми играющими; игроки садятся вокругъ стола и игра начинается. Каждый игрокъ беретъ въ пригоршни всѣ свои шашки и подбрасываетъ ихъ на столъ такъ, чтобы онѣ покатились по столу. Затѣмъ всѣ считаютъ, сколько шашекъ у бросившаго упало „сакой", сколько „бокой". То-же дѣлаютъ и остальные игроки съ своими шашками. (Сакой въ этой игрѣ называется то положеніе шашки, когда она упадетъ полукругомъ кверху, — а остальныя всѣ положенія ея называются бокой). У кого сакъ окажется всѣхъ больше, тому остальные игроки отдаютъ всѣ свои шашки. Онъ откладываетъ свои собственныя въ сторону, а шашки товарищей сдвигаетъ въ одну кучу и катаетъ ихъ по столу, какъ и въ началѣ, пригоршнями. Прокативъ всѣ шашки, онъ смотритъ, сколько шашекъ станетъ прямо (попами), сколько ляжетъ одна на другую (колодъ). Всѣ попы и колоды онъ беретъ себѣ, а остальныя шашки начинаетъ бить щелчками такъ, чтобы шашка ударила въ другую шашку. Всѣ выбитыя такимъ образомъ шашки онъ также беретъ себѣ. Такъ игрокъ отбираетъ шашку за шашкой до тѣхъ поръ, пока или не переберетъ всѣ шашки, или не сдѣлаетъ промахъ, или не щелкнетъ въ шашку такъ, что она ударитъ вмѣсто одной — въ двѣ сразу. При двухъ послѣднихъ условіяхъ ему уже болѣе не даютъ бить, и его право переходитъ къ слѣдующему, у кого сакъ было всѣхъ болѣе послѣ него. Тотъ снова сбираетъ всѣ шашки, включая сюда и отложенныя въ сторону шашки перваго бившаго (за исключеніемъ выигранныхъ этимъ послѣднимъ, которыя остаются собственностью выигравшаго), снова катитъ ихъ, какъ и первый. Прокативъ всѣ шашки, онъ поступаетъ точно такимъ-же образомъ, какъ и первый, т. е. отбираетъ всѣ попы и колоды, а остальныя шашки бьетъ щелчками. Если второй выбьетъ всѣ шашки, то игра на немъ и кончается; если-же онъ лишится права бить, то это право переходитъ къ третьему, слѣдующему за нимъ по количеству сакъ и т. д. до послѣдняго. Кончивъ игру, т. е. разыгравъ всѣ шашки, игроки начинаютъ считать, у кого сколько ихъ стало. Тотъ, у кого ихъ окажется больше всѣхъ, получаетъ право наказать щелчками тѣхъ, у кого ихъ не достанетъ сколько нибудь до первоначальнаго количества. Каждому онъ щелкаетъ въ лобъ по столько разъ, по сколько у каждаго не достаетъ шашекъ.

3) *Въ бабки и шишки съ салкой.* Для бабокъ и шишекъ игры одинаковы. Когда есть бабки, играютъ въ нихъ, а за не имѣніемъ бабокъ играютъ въ шишки. Шишками называются шашки, величиною отъ $^1/_2$ до 1 вершка, напиленныя изъ круглыхъ палокъ. Въ этой игрѣ каждый играющій ставитъ на конъ по двѣ бабки. На кону бабки кладутъ спинками кверху въ одну непрерывную прямую линію. Всѣ играющіе становятся за конемъ, возлѣ него, и бросаютъ панками чрезъ конъ вдаль (Панкомъ называется бабка, которой бьютъ). Перебросавъ всѣ панки, игроки идутъ къ нимъ, чтобы бить ими въ конъ. Первымъ бьетъ тотъ, у кого панокъ упалъ всѣхъ дальше. Пробивъ въ конъ, онъ беретъ столько бабокъ, сколько выбьетъ изъ прямой линіи ихъ. Если онъ выбьетъ всѣ, то остальные сбираютъ свои панки; снова всѣ ставятъ на конъ по двѣ бабки, не исключая и пробившаго, и снова идутъ бросать. Если же первый выбьетъ не всѣ бабки, то послѣ него бьетъ второй, у кого панокъ послѣ перваго упалъ всѣхъ дальше отъ кона и т. д. на сколькихъ хватитъ бабокъ въ кону. Если очередь бить въ конъ дойдетъ до самаго послѣдняго, у котораго панокъ упалъ всѣхъ ближе къ кону, то первый пробившій, предъ тѣмъ, какъ бить послѣднему, ставитъ, если хочетъ, на конъ одну бабку; эта бабка называется салкой. Поставивъ салку, первый этимъ покупаетъ себѣ право бить въ оставшіяся послѣ него на кону бабки. Послѣдній бьетъ, и если онъ выбьетъ всѣ бабки изъ кона, то игра начинается снова. Если-же и послѣ послѣдняго останется на кону сколько нибудь бабокъ, то бьетъ первый, съ какого ему угодно разстоянія. Но предъ тѣмъ, какъ и ему бить, слѣдующій по-очереди можетъ ставить на конъ ему салку, чтобы тоже воспользоваться правомъ бить въ оставшіяся послѣ него на кону бабки, и такъ игра идетъ до тѣхъ поръ, пока на кону не останется ни одной бабки. Тогда игра начинается снова. Если-же предъ тѣмъ, какъ бить послѣднему, первый не поставитъ на конъ салки, то послѣдній имѣетъ право взять безъ боя всѣ оставшіяся на кону бабки.

4) *Тоже съ попомъ.* Самая игра происходитъ точно также, какъ и предъидущая. Разница этой игры отъ предъидущей заключается въ томъ, что здѣсь не ставятъ салки, а вмѣсто нея ставятъ на конъ панокъ, который называется попомъ. Когда всѣ перебрасаютъ чрезъ конъ свои панки, то тотъ, у кого панокъ ближе всѣхъ къ кону, долженъ „попить", т. е. ставить свой панокъ на конъ. Попъ ставится на конъ предъ тѣмъ, какъ начинаютъ бить. Поставивъ панокъ, попильщикъ становится въ сторонѣ и ждетъ, когда пробьютъ всѣ, но самъ не бьетъ. Если, послѣ того, какъ пробьютъ всѣ, на кону останется сколько нибудь бабокъ, то эти бабки дѣлаются собственностью попильщика. Если же бабки всѣ будутъ выбиты, то попильщикъ беретъ одинъ свой панокъ, и игра начинается снова.

5) *Тоже въ сачки съ салкой.* Игра исключительно въ бабки. Бабки ставятъ на конъ также какъ и въ предъидущей игрѣ. Затѣмъ всѣ игроки подходятъ къ кону и бросаютъ отъ кона панки такимъ образомъ, чтобы панокъ, вылетѣвъ изъ руки, сдѣлалъ сколько нибудь оборотовъ. Бьютъ въ конъ сообразно тому, какое положеніе приметъ панокъ, когда упадетъ на землю. Если панокъ упадетъ на землю спинкой кверху, то это положеніе панка называется „сакой", а всѣ остальныя положенія „бокой". Первымъ бьетъ тотъ, у кого панокъ ляжетъ сакой, послѣднимъ тотъ у кого панокъ ляжетъ бокой. Если нѣсколько панковъ упадутъ сакой, то преимущество бить первымъ дается тому, у кого панокъ ляжетъ далѣе отъ кона; точно такой-же порядокъ битья соблюдается и при нѣсколькихъ бокахъ. Если очередь бить дойдетъ до послѣдняго, то предъ тѣмъ, какъ бить этому послѣднему, первый ставитъ на конъ салку, и игра идетъ въ томъ-же самомъ порядкѣ, какъ простая игра съ салкой.

6) *Въ гнѣзда.* Каждый играющій ставитъ на конъ по двѣ бабки. Бабки въ этой игрѣ ставятся стоймя на $^1/_4$ аршина одна отъ другой и въ двѣ параллельныхъ линіи на $^1/_4$ аршина линія отъ линіи. Каждый играющій ставитъ одну бабку въ одну линію, а другую въ другую. Панки бросаютъ также, какъ и въ первой игрѣ, но только вдоль кона. Въ остальномъ вся игра

ведется такъ-же, какъ игра съ салкой, но только салятъ не одной бабкой, а парой *).

7. *Въ тройки.* Эта игра происходитъ между двумя игроками. Одинъ ставитъ бабки, а другой бьетъ. Бабки ставятся стоймя и по три врядъ. Ставятся онѣ въ видѣ равнобедреннаго треугольника, такъ что неравныя стороны его въ вершокъ, а равныя—вершка въ полтора, и треугольникъ этотъ лежитъ вершиною въ ту сторону, откуда бьютъ. Поставившій бабки отмѣриваетъ разстояніе, съ котораго его товарищъ долженъ бить, такимъ образомъ: сначала онъ отъ вершины треугольника отмѣриваетъ три ступни („три лапы" говорятъ здѣсь), ставя пятку одной ноги къ пальцамъ другой; потомъ отъ конца третьей ступни дѣлаетъ одинъ шагъ. Съ этого разстоянія бьющій и долженъ бросать панкомъ въ бабки, бросать безъ пришага. Если бьющій дастъ промахъ по всѣмъ тремъ бабкамъ, то бабка, которой онъ бросилъ въ поставленныя бабки переходитъ въ собственность поставившаго. Если бьющій собьетъ одну изъ трехъ поставленныхъ бабокъ, то онъ беретъ себѣ и сбитую бабку и ту, которой сбилъ. Если же онъ собьетъ двѣ сразу, то платитъ двѣ, а ту, которой сбилъ, беретъ обратно. Если же онъ попадетъ во всѣ три сразу, то беретъ себѣ всю тройку вмѣстѣ съ той бабкой, которой сбилъ эту тройку. Послѣ того очередь ставить—ему. Онъ ставитъ на конъ три бабки, а ставившій прежде идетъ бить, и игра начинается снова.

8. *Въ пятерки.* Игра происходитъ также между двумя игроками. Одинъ ставитъ бабки; другой бьетъ въ конъ. Ставятъ на конъ въ этой игрѣ по пяти бабокъ. Четыре бабки ставятся въ видѣ правильнаго четыреугольника, двѣ параллельныя стороны котораго въ вершокъ, а другія двѣ—вершка въ полтора. Пятая бабка занимаетъ центръ этого четыреугольника. Разстояніе отмѣриваетъ, какъ и въ предъидущей игрѣ, тотъ, чьи бабки поставлены, такимъ образомъ: сначала отмѣриваетъ пять ступней, а потомъ дѣлаетъ одинъ шагъ. Если бьющій сдѣлаетъ промахъ по всей пятеркѣ, то бабка, которой онъ бросилъ въ эту пятерку, дѣлается собственностію поставившаго. Если онъ собьетъ бабку изъ пятерки, то беретъ ее себѣ, равно какъ и ту, которой пробилъ. Если выбьетъ двѣ, то платитъ поставившему своихъ двѣ, а ту, которой пробилъ, беретъ обратно. Если выбьетъ три, то беретъ всѣ себѣ. Если выбьетъ четверку, то платитъ поставившему своихъ четверку. Если выбьетъ однимъ ударомъ всю пятерку, то беретъ себѣ всѣ бабки, равно какъ и ту, которой пробилъ.

д) Игры съ веревкою.

Игра жгутомъ. Вколачиваютъ въ землю колъ, въ аршинъ приблизительно длиною выставляющійся изъ земли. Къ колу привязываютъ веревку такъ, чтобы оба конца веревки были одинаковой длины и чтобы веревка могла свободно вращаться вокругъ кола. Концами веревокъ обвязываютъ по поясу двоихъ игроковъ, по одному каждымъ концомъ. Одному изъ игроковъ плотно завязываютъ глаза и даютъ въ руки жгутъ (пояску, свитую веревкой, или веревку), а другому оставляютъ глаза открытыми и даютъ въ руки двѣ палочки. Эти двое привязанныхъ начинаютъ бѣгать вокругъ,—съ открытыми глазами бѣжитъ впереди и постукиваетъ палочкой о палочку, а съ завязанными глазами старается догнать его. Если послѣднему удастся догнать перваго, то онъ бьетъ того жгутомъ.

е) Игры съ завязанными глазами.

Этого рода игръ здѣсь существуетъ двѣ: 1) жмурки, 2) въ слѣпыя Олёны.

Въ слѣпыя Олёны. Святочная игра. Игра начинается жеребьевкой. Кому достанется ловить, тому завязываютъ глаза—это и есть слѣпая Олёна. Слѣпую Олёну ставятъ къ стамику (столбъ у печи) спиною къ остальнымъ играющимъ и подлѣ нея остается одинъ изъ играющихъ. Остальные играющіе всѣ расходятся по избѣ и садятся на лавки. Оставшійся возлѣ слѣпой Олёны вырываетъ кого нибудь изъ играющихъ, называя его какимъ нибудь вымышленнымъ именемъ. Вызванный подходитъ къ слѣпой Олёнѣ и ударяетъ ее ладонью по спинѣ. Стоящій возлѣ слѣпой Олёны спрашиваетъ ее, кто ее ударилъ. Слѣпая Олёна должна назвать ударившаго по имени. Если слѣпая Олёна отгадаетъ, кто ее ударилъ, то ударившему завязываютъ глаза, и онъ становится слѣпой Олёной.

Эта-же игра происходитъ такимъ образомъ: слѣпую Олёну вмѣсто того, чтобы ставить къ столбу, одинъ изъ играющихъ водитъ мимо всѣхъ и остальныхъ играющихъ, которые сидятъ въ это время на лавкахъ, и сажаетъ ее то къ одному, то къ другому на колѣни. Слѣпая Олёна должна назвать того, на чьи колѣни ее посадили. Если слѣпая Олёна назоветъ по имени того, на чьи колѣни ее посадили, то тому завязываютъ глаза, и онъ дѣлается слѣпой Олёной.

ж) Игры въ прятки.

Этого рода игръ здѣсь существуетъ одна: прятанцы съ палочкой.

1. *Прятанцы съ палочкой.* Искальщика сажаютъ на стулъ такъ, чтобы онъ не могъ видѣть, кто куда будетъ прятаться, и возлѣ него кладутъ палочку. По данному знаку, искальщикъ идетъ розыскивать спрятавшихся. Когда онъ найдетъ кого нибудь, то тотъ, кого онъ найдетъ, и самъ искальщикъ — оба вмѣстѣ бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ положена палочка. Кто изъ нихъ первый постучитъ палочкой, тому и искать въ слѣдующую игру.

з) Символическія игры.

Символическихъ игръ здѣсь существуетъ три: 1) въ коршуны, 2) въ крипки и 3) въ овечки.

1. *Въ коршуны.* Избираютъ прежде всего коршуна и хозяина. Выборы происходятъ или по жребію или по общему согласію. Всѣ играющіе, за исключеніемъ хозяина, становятся цѣпью одинъ сзади другого, держа другъ друга сзади за одежду. Впереди всѣхъ становится коршунъ. Установившись такимъ образомъ, всѣ начинаютъ ходить кругомъ, а хозяинъ садится на землю въ центрѣ этого круга, беретъ въ руки палочку и начинаетъ ею копать землю. Между коршуномъ и хозяиномъ происходитъ слѣдующій разговоръ: „что дѣлаешь?" спрашиваетъ коршунъ. „Ямочку копаю", отвѣчаетъ хозяинъ. „На что тебѣ ямочка?" „Денежку ищу". „А на что тебѣ денежка?" „Иголочку купить". „А на

*) Во всѣхъ этихъ четырехъ играхъ бьютъ панками съ пришагомъ, т. е. предъ тѣмъ какъ бросить панокъ въ конъ, дѣлаютъ шагъ къ кону отъ того мѣста, гдѣ упалъ панокъ.

что тебѣ иголочка?“ „Мѣшечки шить“. „А на что тебѣ мѣшечки?“ „Камешки класть“. „А на что тебѣ камешки?“ „Твоихъ дѣтей побивать“. „А за что ты ихъ станешь бить?“ „За то, что они у меня садъ погубили“. „А какой у тебя садъ былъ – большой или маленькій?“ Хозяинъ, не вставая съ мѣста, показываетъ рукой, какой вышины былъ у него садъ. Затѣмъ хозяинъ встаетъ и кидается ловить дѣтей коршуна. Коршунъ защищаетъ своихъ дѣтей. Онъ налетаетъ на хозяина, загораживаетъ ему дорогу, махая предъ нимъ руками, и дѣти прячутся позади коршуна. Наконецъ, улуча моментъ, хозяинъ схватываетъ самаго задняго дѣтеныша у коршуна, отводитъ его куда нибудь въ сторону, оставляетъ его тамъ и снова идетъ ловить другого дѣтеныша. Такъ одного по одному онъ переловитъ ихъ всѣхъ. Когда хозяинъ поймаетъ послѣдняго дѣтеныша у коршуна, то коршунъ бросается въ средину своихъ дѣтей, и дѣти тотчасъ образуютъ вокругъ него сплошной плотный кругъ. Хозяинъ подходитъ къ этому кругу и спрашиваетъ у дѣтей: „дѣтки, дѣтки, гдѣ ваша мать?“ „По коней ушла“, отвѣчаютъ дѣти. „Здѣсь ваши кони, — а гдѣ-же мать?“ спрашиваетъ снова хозяинъ. Дѣти называютъ другую какую нибудь скотину, за которой будто бы ушла ихъ мать. Но хозяинъ каждый разъ уличаетъ ихъ въ обманѣ, показывая на названную скотину, которая будто бы находится тутъ, возлѣ него. Когда такимъ образомъ дѣти перечислятъ весь скотъ и птицъ, какія только водятся у крестьянина, и хозяинъ уличитъ ихъ окончательно въ обманѣ, коршунъ выскакиваетъ изъ круга своихъ дѣтей и пускается бѣжать. Хозяинъ бѣжитъ за нимъ и ловитъ его. Поймавъ коршуна, хозяинъ ведетъ его обратно къ дѣтямъ. Дѣти берутъ длинный рычагъ, сажаютъ на него коршуна и несутъ его въ баню парить. Принеся коршуна куда нибудь къ стѣнѣ, дѣти опускаютъ его на землю и начинаютъ колотить его кулаками въ спину. Когда эти колотушки надоѣдятъ коршуну, онъ вскакиваетъ съ мѣста и пускается бѣжать, крича во все горло: „ой лягушки, лягушки!“ или: „ой мушки, мушки!“ Тѣмъ игра и кончается.

2) *Въ кринки.* Играющіе садятся всѣ, кромѣ двоихъ, по прямой линіи на разстояніи 1—$^1/_2$ аршина одинъ отъ другого. На головы сидящимъ кладутъ по щепочкѣ, подражая тому, какъ закрываютъ кринки. Эти всѣ сидящіе представляютъ кринки. Изъ остальныхъ двоихъ играющихъ — одинъ принимаетъ на себя роль хозяйки, другой — кота этой хозяйки. Хозяйка уходитъ куда нибудь поодаль, какъ будто уходитъ домой. Котъ, пользуясь уходомъ хозяйки, бросается на кринки, сбиваетъ съ нихъ крышки и наваливаетъ ихъ, по мѣстному выраженію, т. е. опрокидываетъ на землю. Хозяйка, увидя проказы кота, схватываетъ палку, бѣжитъ къ кринкамъ и начинаетъ ловить кота. Котъ, увидя хозяйку, обращается въ бѣгство. Если хозяйкѣ удастся поймать кота, она бьетъ его по ногамъ палкой, какъ-бы ломая ему ноги. Затѣмъ она ставитъ кринки, покрываетъ ихъ и игра идетъ въ томъ-же порядкѣ.

3) *Въ овечки.* Отдѣляются двое отъ играющихъ, остальные всѣ садятся на землю въ рядъ, одинъ подлѣ другого. Сидящіе представляютъ изъ себя овецъ. Одинъ изъ оставшихся играетъ пастуха этихъ овецъ, другой — черта — вора овецъ. Пастухъ ходитъ предъ овцами и приговариваетъ: „пасу, пасу овечекъ, пасу день и вечеръ, а какъ ночь придетъ, чертъ придетъ и украдетъ овечекъ“. Чертъ въ это время стоитъ гдѣ нибудь въ сторонѣ. Когда пастухъ кончитъ причитать, чертъ подходитъ къ нему и говоритъ: „пастухъ, ступай домой тебѣ мать обнову купила“. Пастухъ вѣритъ черту и идетъ домой. Придя домой, онъ спрашиваетъ у матери, что она ему купила. Мать сердится на пастуха и начинаетъ бранить его, говоря при этомъ: „что я могла купить тебѣ“? Въ то время, пока пастухъ ходитъ къ матери, чертъ уноситъ у него одну или двѣ овечки. Пастухъ возвращается отъ матери, подходитъ къ овцамъ, начинаетъ считать ихъ — оказывается недочетъ, но матери онъ боится сказать объ этомъ — бранить будетъ. Снова начинаетъ онъ пасти овецъ, ходя предъ ними взадъ и впередъ и говоря тоже причитаніе, что и прежде. Снова является чертъ, и такъ-же, какъ и прежде, уговариваетъ его идти домой. Пастухъ снова даетъ черту убѣдить себя и идетъ къ матери. Чертъ снова воруетъ у него одну — двѣ овцы. Такъ ведется вся игра, и чертъ въ концѣ концовъ перетаскаетъ у пастуха всѣхъ овецъ. Тогда пастухъ идетъ къ матери и объявляетъ ей о пропажѣ овецъ. Мать, вмѣстѣ съ пастухомъ, идутъ отыскивать пропажу. Подходя куда нибудь къ стѣнѣ, они стучатъ въ стѣну и ведутъ сами съ собой разговоръ за себя и за воображаемыхъ хозяевъ: „нѣтъ-ли пришлыхъ овецъ“? „Нѣтъ“. Такъ они дѣлаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и наконецъ доходятъ до того мѣста, гдѣ сидитъ чертъ съ своими краденными овцами. И черту они предлагаютъ тотъ-же вопросъ. Чертъ отвѣчаетъ отрицательно. Овечки въ это время начинаютъ блеять. „Зачѣмъ-же ты обманываешь?“ кричатъ ищущіе черту. Чертъ отвѣчаетъ: „я не знаю, откуда онѣ попали“. Тогда мать съ пастухомъ дѣлаютъ вороты: они становятся одинъ противъ другого и, соединивъ руки, поднимаютъ ихъ кверху. Овцы проходятъ въ эти ворота, а чертъ убѣгаетъ. Этимъ игра и кончается.

Вас. Тихоновъ.

О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ.

Наблюденія мои производились между русскимъ населеніемъ центральной и сѣверной части Казанскаго уѣзда.

Лѣченіе въ этой мѣстности находится исключительно въ рукахъ женщинъ, большею частію старухъ—бобылокъ. Молодыя рѣдко берутся за это дѣло. Роль мужчины въ дѣлѣ лѣченія ограничивается „заговариваніемъ“ и дерганьемъ зубовъ.

Старухи-лѣкарки, по большей части, совмѣщаютъ въ своей особѣ повитуху и ворожею.

Народъ относится къ нимъ весьма довѣрчиво, и рѣдко къ врачу или фельдшеру явится за совѣтомъ больной, не побывавши прежде у мѣстной лѣкарки.

Матеріаломъ для лѣкарствъ служатъ: полевыя и лѣсныя растенія, которыя найдутся въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ и, наконецъ, различныя снадобья, разносимыя по деревнямъ татарами — разнощиками, у которыхъ, вмѣстѣ съ пуговицами, иголками и поясами, можно купить: киновари, крѣпкой водки, ртути *), синьки, мѣднаго купороса, громовыхъ стрѣлокъ **) чертова пальца, сѣры, сусальнаго золота, скипидару и мелкихъ раковинъ. Всѣ эти предметы продаются и на большихъ базарахъ.

Лѣкарка, призванная къ больному, прежде чѣмъ назначить то или другое средство противъ болѣзни, опредѣляетъ причину ея.

Причины всѣхъ заболѣваній сводятся, на сколько мнѣ приходилось замѣтить, къ слѣдующимъ девяти:

1) „*Отъ Бога*“ (Врожденныя болѣзни и такія, которыя нельзя объяснить ни одной изъ послѣдующихъ причинъ).

2) „*Съ глазу*“ (Лихорадочное состояніе, общее недомоганіе и проч.).

3) „*Съ притки*“ (Болѣзни, въ зависимости отъ случайностей: ушибъ, ожегъ, „тарарыкъ“, „смѣшеніе цвѣту“ и друг.)

4) „*Съ порчи*“ („Кликаніе“, меланхолія) ***).

5) „*Съ думы*“ (Нѣкоторыя душевныя болѣзни, головныя боли и паразиты головы).

6) „*Отъ слезъ*“ (Нѣкоторыя глазныя болѣзни).

7) „*Съ натуги*“ (Боли въ животѣ и поясницѣ и проч.).

8) „*Съ вѣтру*“ („Простуда“, „переломъ“, „свиная заушница“ и друг.).

9) „*Присталыя*“ (Чесотка и друг.).

Сказавши о причинахъ болѣзней, я перейду къ способамъ ихъ лѣченія.

„*Ревуны*“. Лѣкарка выдергиваетъ у больного нѣсколько волосковъ изъ головы, выбирая „жесткіе“. Эти волоски, носящіе то-же названіе, какъ и болѣзнь, служатъ, по повѣрью крестьянъ, непосредственной ея причиной, по удаленіи которой и болѣзнь оставляетъ человѣка.

Чтобы избавить отъ „*чемера*“, характеризующагося головной болью, шумомъ въ ушахъ и темнотой въ глазахъ, лѣкарка черезъ платокъ кусаетъ брови больного.

Больныхъ, „*Кликотой*“ продѣваютъ три раза сквозь только что снятый съ лошади потный хомутъ.

Страдающихъ „*Надучкой*“ осыпаютъ во время припадка гречневой крупой и накрываютъ скатертью.

При трудномъ прорѣзываніи зубовъ надѣваютъ ребенку на крестъ маленькую раковинку.

При *Насморкѣ* нюхаютъ конецъ опаленнаго кошачьяго хвоста.

Отъ *Колотья* въ боку и груди покалываютъ больного или громовой стрѣлкой, или поочередно ложкой, хлѣбной лопатой и мутовкой, приговаривая: „Не первой, не другой, не третій“ и т. д. до 9-ти. Затѣмъ три раза плюютъ. Всю эту операцію продѣлываютъ три раза.

При *удушьѣ* пьютъ отваръ солодковаго корня или отваръ старой соломы, надерганной изъ повѣти.

„*Собачья глотка*“ лѣчится такимъ образомъ: больной встаетъ у окна, смотритъ вдоль улицы и говоритъ: „одну избу пройду, другу проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ другую избу пройду, другу проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ; третью избу пройду и тебя, изба, проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ“!

При этомъ больной долженъ 3 раза глотнуть слюну.

При „*Свиной заушницѣ*“ больному прикладываютъ за ушами нагрѣтую свиную челюсть.

Отъ *Зубной боли* слѣдуетъ живого таракана завернуть въ тряпочку и положить на зубъ, остерегаясь, чтобы его не раздавить. Тараканъ заговоритъ зубъ.

Положить за щеку, на сторону больного зуба, „встрѣшную щепочку“ *).

Полезно также класть на больной зубъ: кусокъ корня „*коробокъ*“ **); нюхательнаго табаку, свѣжаго excrementi humani въ тряпочкѣ; заговоренной соли ***).

Когда „животъ выпадетъ“, (выпаденіе recti), у младенца—встряхиваютъ его за ноги, головою внизъ, надъ твориломъ погреба. Животъ посыпаютъ солодомъ, взятымъ изъ шести дворокъ.

Если женщина въ періодѣ менструаціи, вздумаетъ мыться въ банѣ вмѣстѣ съ другими, то она неизбѣжно должна предупредить ихъ объ этомъ, иначе въ банѣ можетъ встрѣтиться другая женщина въ такомъ-же періодѣ и тогда у одной изъ нихъ можетъ произойти «смѣшеніе цвѣту». Послѣ-же предупрежденія одной изъ женщинъ, другія, находящіяся въ такомъ-же періодѣ, завязываютъ узломъ правый рукавъ своей одежды и тогда уже нечего бояться опасности. Подобная болѣзнь можетъ произойти и отъ того, что въ одномъ корытѣ стирается бѣлье двухъ женщинъ, находящихся въ періодѣ менструаціи. „*Смѣшеніе цвѣта*“ лѣчится такимъ образомъ: въ лаковомъ горшкѣ, не двигая его въ печи, надо кипятить 9 желѣзныхъ ключей, и когда вода остынетъ, то пить ее въ теченіи трехъ дней. Послѣ этого надо самой больной выстирать свое бѣлье, а послѣ стирки отливать воду пригоршнями изъ ко-

---

*) Ртуть продается въ гусиныхъ перышкахъ, такъ называемыхъ, костышахъ. Капля съ горошинку—2 коп.

**) Белемниты.

***) Меланхолію иные объясняютъ „порчей“, а другіе „глазомъ“.

*) Щепочка, разъединяющая въ растрескавшемся деревѣ стѣны двѣ, наискось идущія, щели.

**) Лѣсное растеніе.

***) Заговариваютъ соль не въ присутствіи больного. Заговоръ мнѣ не удалось слышать.

рыта на правую и на лѣвую сторону, приговаривая три раза. «Это мое, это чужое!»

При *укушеніи бѣшенымъ животнымъ*, больного надо кормить 40 кусками хлѣба, набраннаго по міру, посыпавъ его пережженной шерстью того животнаго, которое укусило больного.

При *укушеніи змѣей*, надо укушенную часть тѣла перетянуть выше ранки поясомъ, пить топленое молоко отъ черной коровы, пѣнки же прикладывать къ ранѣ.

Отъ *лихорадки* существуетъ наибольшее число средствъ: во время пароксизма пустить подъ рубаху больного лягушку, привязанную лапой къ веревочкѣ. Больной пугается, болѣзнь—тоже и оставляетъ больного. Пьютъ полынь; ее собираютъ въ мартѣ.

Во время пароксизма, рубаху, штаны, поясъ и крестъ больного кладутъ подъ ступу, гдѣ толкутъ кудель и говорятъ: «Марья Идровна *), отпусти его, не то я тебя подъ ступой заморю; коли ты не оставишь, и я тебя не выпущу!» Больному даютъ пить воду послѣ стирки его намокшей отъ пота, рубахи.

Пьютъ отваръ изъ кусочковъ 12 разныхъ деревъ, какихъ угодно. Подпоясываютъ новымъ поясомъ березу и говорятъ: «отпусти его, Марья Идровна, тогда и я тебя отпущу!» Если лихорадка оставитъ больного, то поясъ съ березы снимается. Если кто другой сниметъ поясъ, то лихорадка, оставивъ перваго больного, перейдетъ на снявшаго. Больной бросаетъ платокъ или ленту на перекресткѣ: болѣзнь переходитъ къ поднявшему. Цѣлуютъ черезъ платокъ три раза «коровье согласіе» **) и кланяются коровѣ въ поясъ. Пьютъ настой нюхательнаго табаку въ квасу. Пьютъ отваръ изъ шишекъ дурмана.

Отъ *золотухи* кормятъ сусальнымъ золотомъ; золотушныя страданія кожи лѣчатся: прикладываніемъ медовыхъ лепешекъ и еще слѣдующимъ образомъ: къ больному мѣсту приставляютъ гребень, на которомъ при пряденіи находится ленъ; къ гребню подносится зажженная березовая лучина и лѣкарка брызгаетъ изорта водою черезъ огонь и гребенку на больного.

„Куриная слѣпота“ проходитъ, если больной будетъ глядѣть въ деготь, или умоется три раза подъ куринымъ насѣстомъ, или будетъ ѣсть сырую, теплую, только что вынутую изъ курицы, печенку, запивая ее водкой Вмѣсто куриной, можно ѣсть печень и другихъ животныхъ, но только вареную. Во время ѣды, больной долженъ глядѣть въ горшокъ, къ которомъ варилась печень, держа лицо не въ далекомъ отъ него разстояніи.

«Собачья старость» (Rachitis) лѣчится разно: ребенка парятъ въ банѣ вмѣстѣ со щенкомъ, ударяя вѣникомъ, поочередно, то по одному, то по другому. При этомъ приговаривается: «собака, собака, возьми съ ребенка собачью старость!» Лицо ребенка замазывается тѣстомъ, остаются открытыми только носъ и ротъ, самъ онъ привязывается къ хлѣбной лопатѣ и, послѣ того, какъ посадятъ хлѣбы въ печь, туда-же на нѣсколько мгновеній суютъ и ребенка три раза. При этомъ приговариваютъ: «собачья старость, припекись въ печи!» Этотъ способъ лѣченья называется «запеканьемъ». Ребенка сажаютъ подъ квашню, приговаривая: «какъ тѣсто всходитъ, такъ на младенцѣ тѣло всходило-бы!»

При лѣченіи *рожи* больное мѣсто намазываютъ землей, (взятой изъ ящика, гдѣ сажаютъ разсаду), смѣшанной со скоромнымъ масломъ. Прикладываютъ также мѣлъ на красномъ сукнѣ.

Къ нарывамъ прикладываютъ: жеванаго хлѣба съ солью, листья бѣлены.

Сучье вымя примачиваютъ уриной, прикладываютъ къ нарывамъ теплыя ржаныя лепешки, которыя затѣмъ и отдаются собакѣ: бѣлой—если больной блондинъ и черной—если онъ брюнетъ.

Для излѣченія отъ *чирьевъ*, ихъ мажутъ разведенной синькой. Сучекъ въ бревнѣ стѣны три раза обводятъ безъимяннымъ пальцемъ, затѣмъ имъ тыкаютъ въ него и столько-же разъ обводятъ этимъ пальцемъ каждый чирій. Ѣдятъ сѣру съ хлѣбомъ.

Для предупрежденія чирьевъ, находятъ на улицѣ веревочку, сушатъ ее на печи, подпоясываются ею, приговаривая: „какъ веревочка суха, такъ червобоинки на мнѣ были-бы сухи, никогда-бы ихъ и не было у меня“!

Чтобы избавиться отъ *бородавокъ*, надо спрясть нитку, вращая веретено не въ правую сторону, какъ обыкновенно, а въ лѣвую, завязать на ниткѣ столько узловъ, сколько у больного бородавокъ и зарыть со въ сырое мѣсто, приговаривая: „какъ нитка сгніетъ, такъ и бородавки на мнѣ сгинули бы!“

Для того, чтобы прошли *заусенцы*, надо украсть у сосѣдки судомойку, потереть ею руки и положить на прежнее мѣсто.

Если *трескаются губы*, находятъ лошадиное копыто, цѣлуютъ его три раза и кладутъ на то же мѣсто.

Отъ *чесотки* лѣчатся такимъ образомъ: берутъ сору изъ бани, сушатъ его, перетираютъ, смѣшиваютъ со скоромнымъ масломъ, намазываютъ больное мѣсто и даютъ собакѣ лизать.

Для того чтобы прошелъ *ячмень* на глазу, надо къ нему три раза прикасаться кукишемъ и послѣ каждаго раза говорить: „ячмень, ячмень, на-те кукишъ-чего хочешь купишь; купи себѣ топорикъ, сруби себѣ головку, по саму маковку!“ Или другой приговоръ: „не первой, не другой, не третій“... и т. д. до девяти; при этомъ надо три раза плюнуть.

Переломъ бываетъ съ „вѣтру“. Чтобы избавиться отъ него, надо исполнить слѣдующее: когда затопишь печь и изъ нея покажется первый дымокъ, сунь туда голову три раза и говори: „переломъ, переломъ, я тебя переломлю!“ Можно также прикладывать къ больному глазу конецъ нагрѣтаго въ печи коромысла, обмакнутый въ масло.

Для *сведенія бѣльма*, сыпать въ глазъ порошекъ каменной соли, или сахаръ толченый. Трутъ глазъ змѣиной шкуркой, пускаютъ въ глазъ по каплямъ уришу (непремѣнно отъ мальчика), табачную настойку, примачиваютъ водой, въ которой вымыты красные земляные черви.

Недугъ изъ ушей. (Катарръ наружнаго слуховаго прохода) проходитъ, если поцѣловать ладонь и приложить ее потуже къ уху 3 раза.

Средства отъ *грыжи*: привязываютъ въ тряпочкѣ давленыхъ мокрицъ, рака живого толкутъ въ ступѣ и пьютъ его сокъ.

Мать или лѣкарка грызетъ зубами ребенку грыжу, на томъ, именно, мѣстѣ, гдѣ ребенокъ былъ рожденъ,

При этомъ приговариваютъ «грыжа, грыжа, не ты перегрызешь, а я тебя перегрызу!» Конецъ пуповины, отпавшій послѣ ея перевязки, сушатъ, смѣшиваютъ съ гречневой кашей, мать или лѣкарка ждутъ эту смѣсь и жевку даетъ больному.

Вдѣваютъ въ ухо сережку.

*) Продовна.
**) Половые органы коровы.

Даютъ ребенку въ теченіи 3-хъ дней соску изъ тертой свеклы.

Когда у кого нибудь случится *мышиное гнѣздо* (нарывъ на затылкѣ), надо поймать мышь, разорвать ее за заднія ноги, одну изъ половинокъ приложить на остриженное больное мѣсто и не снимать до тѣхъ поръ, пока она не высохнетъ.

При *вывихѣ* натираютъ мыломъ овечью шерсть и прикладываютъ съ солью къ сочлененію.

При *ожогѣ* овечьи exсrement'ы сушатъ на сковородѣ, смѣшиваютъ съ конопляннымъ масломъ и мажутъ больное мѣсто.

Чтобы *остановить кровь*, надо посыпать рану землей, взятой изъ-подъ ногъ.

Присыпать рану толчеными корнями и листьями папоротника.

Чтобы вылѣчить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать отъ чьего *глазу* заболѣлъ данный субъектъ, надо взять изъ трехъ бань, такихъ, „чтобы баня баню не видѣла», три камешка на женскій, на мужской и на дѣвичій «глазъ». Бросать эти камешки въ чашку съ водой, почерпнутой вдоль рѣки по теченію и приговаривать: «коли ты сглазилъ, зашипи"... Камешекъ своимъ шипѣньемъ укажетъ, сглазилъ-ли больного мущина, женщина, или дѣвушка.

Затѣмъ эту воду даютъ пить больному, читая молитву „Богородице"... и т. д., и, наконецъ, опрыскиваютъ его.

Отъ „глазу" помогаетъ также питье воды, которой обмыты дверныя ручки.

Чтобы выгнать «простуду» изъ больного, его надо сажать «на пары», что дѣлается такимъ образомъ: въ корчагу кладутъ раскаленный камень, засыпаютъ его овсомъ и поливаютъ затѣмъ водой. Поперегъ корчаги кладется палка, на которую, закутанный въ шубу, больной ставитъ обнаженныя ноги.

Роды. Родятъ въ избѣ, клѣти и банѣ, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ; лежа или стоя, держась за полотенце, привязанное къ матицѣ. Во время схватокъ пьютъ спорынью въ порошкѣ (щепоть на чашку воды) и деревянное масло. При трудныхъ родахъ раздражаютъ глотку родильницы, вводя туда концы ея волосъ, заплетенныхъ въ косы. Для усиленія потугъ, даютъ также пить цитварное сѣмя, или водятъ родильницу по избѣ, чрезъ ноги мужа, сидящаго на полу.

Для этой же цѣли мужъ даетъ родильницѣ пить воду изъ своего рта.

Употребляется также въ этихъ случаяхъ „щепанье лучины".

Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что мужъ становится съ родильницей спина съ спиной, беретъ её подъ локтовые сгибы и, нагибаясь, три раза приподнимаетъ къ себѣ на спину.

Если послѣ родовъ, послѣдъ долго не выходитъ, то роженицу кормятъ давленными головными паразитами съ хлѣбомъ, или привязываютъ къ пуповинѣ мужнинъ лапоть и водятъ роженицу по избѣ.

Дѣтей слабыхъ, не кричащихъ при рожденіи и показывающихъ мало признаковъ жизни, окуриваютъ клиномъ крашенины, вырѣзаннымъ изъ сарафана матери и опрыскиваютъ холодной водой. Напротивъ, если ребенокъ безъ видимой для лѣкарки болѣзненной причины безпрестанно плачетъ, то его рано утромъ выносятъ къ воротамъ, стукаютъ легонько головой о воротный столбъ три раза и приговариваютъ: „Воротный скрипъ, возьми съ младенца крикъ. Отпусти и прости, мать сыра земля, голубина"!

Можно также въ этомъ случаѣ ребенка три раза сунуть въ окно овина, приговаривая: „овинный скрипъ, возьми..." и т. д.

Въ заключеніе я долженъ констатировать тотъ фактъ, что близость школы и врачебныхъ пунктовъ еще мало имѣетъ вліянія на характеръ народнаго лѣченія, и въ селѣ, гдѣ находятся и училище и больница, между крестьянами практикуются тѣ-же средства, что и на окраинахъ, удаленныхъ отъ врача и школы на 30 - 40 верстъ.

Примѣчаніе. Для желающихъ прилагаю здѣсь нѣкоторыя цифровыя данныя, касающіяся школьнаго и врачебнаго дѣла въ Казанскомъ уѣздѣ *) въ 1887 году.

Пространство, занимаемое Казанскимъ уѣздомъ 5001 кв. верстъ **).

Число жителей обоего пола 214945;

Учащихся 3349;

Школъ (Земскихъ, городскихъ, общественныхъ и другихъ)=97;

Уѣздъ раздѣленъ на шесть медицинскихъ участковъ; по одному врачу въ каждомъ. Трата Земства на народное образованіе въ 1871 году 5370 руб.; въ 1887 году 32874 руб. 77 коп.

Трата Земства на народное здравіе въ 1871 году 6800 руб.; въ 1887 году=35238 руб. 98 коп.

Одна школа приходится на 51,55 кв. верстъ.
Одинъ врачъ „ „ 833,5 „ „
Одна школа приходится на 2215.93 жителей.
Одинъ учащійся „ „ 64,18 жителей (1,36 на 100).
Одинъ врачъ „ „ 35824,17 жителей.

Изъ тратъ Земства на школу приходилось въ годъ на 1 жителя въ 1871 г.—2,50 коп., въ 1887 г.—15,29 коп.

Изъ тратъ Земства на медицину приходилось въ годъ на 1 жителя въ 1871 г.=3,16 коп., въ 1887 году=16,39 коп.

В. Н. Аршиновъ.

---

*) Справочный отдѣлъ календаря, Волжскаго вѣстника на 1888 г. стр. 51, 53, 60 и 61.

**) Географическо-Стастистическій словарь Россійской Имперіи П. Семенова т. II вып, 3 стр. 423.

Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго у. Вятской губ.

1.

Крестьянская жена деревни Ш., А. В. К. жалуется суду, что сынъ ея Я. И. К безъ ея позволенія продалъ сѣни. Въ свидѣтели указала по себѣ Ф. П. К., Д. Ф. и Г. С.; проситъ присудить обратно ей сѣни. Крестьяне деревни Ш., Ф. П., Д Ф., Я. А., Е. А., Е. М. и Л. А. показали суду, что А. К. жалуется напрасно на сына Я., потому, что отецъ его дряхлый и калѣка, за котораго хозяйствуетъ Я. И., сѣни онъ отдалъ за работу, т. е. за поправку избы, которая валилась и жить въ ней было опасно. изъ за чего хотѣло общество изъ нея вывести семейство. Предложено имъ помириться, на что они не согласились. На основаніи свидѣтельскихъ показаній Волостной Судъ приговорилъ: крестьянской женкѣ А. В. К. въ искѣ на сына Я. отказать. О чемъ и объявить имъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія. (Нечкинская волость 1887 г.).

2.

Крестьянинъ деревни Д., О. Н. С. жалуется, что сватъ его крестьянинъ дер. Д. В. Т. П., не смотря на рѣшеніе Волостнаго Суда, состоявшееся 31 іюля сего года, продержалъ у себя въ страднее время сноху его, жену сына Ег. Осип. М. В., а ему дочь; рѣшеніемъ тѣмъ присуждено не держать ее, а водворить къ мужу, также возвратить и увезенный его сундукъ съ имуществомъ, а потому проситъ взыскать съ П. за продержаніе дочери его снохи М. въ рабочее время въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ по 8 руб. въ мѣсяцъ, всего 24 руб. и обязать снова П. водвореніемъ дочери къ мужу. При разборѣ настоящаго дѣла проситель Ос. Н. С. заявленіе свое подтвердилъ безъ дополненія. Отвѣтчикъ В. Т. П. объяснилъ, что онъ дочь свою М. сноху С. собственно для работъ не приглашалъ, а она М. живетъ у него по стѣсненію ее мужемъ, свекромъ и свекровью, уплатить ему С. взыскиваемыхъ за проживаніе М. денегъ не согласенъ, такъ какъ она довольствовалась содержаніемъ. На рѣшеніи Волостнаго Суда за 31 іюля объявлено имъ неудовольствіе, но не обжаловано по его невѣденію, а отъ имени М. о жестокомъ обращеніи съ нею мужемъ и другими. Подано подлежащему мировому судьѣ прошеніе. Разсматривая объясненіе просителя и отвѣтчика, имъ предложена была мировая сдѣлка, но таковой между ними не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: взыскать съ отвѣтчика П. въ пользу просителя С. за продержаніе у себя въ рабочее время снохи С. 20 р., притомъ внушить П., чтобы онъ дочь свою М. выпроводилъ къ мужу и не продерживалъ у себя. (Сарапульская волость 1883 г.).

*) *Примѣчаніе.* Нижеслѣдующія рѣшенія составляютъ дополненіе къ моей статьѣ „Замѣтки о юр. бытѣ крестьянъ Сарапульскаго у. Вятск. губ“, составленной исключительно на основаніи *личныхъ* разспросовъ. Рѣшенія напечатаны безъ измѣненія стиля—въ томъ видѣ, какъ они записаны волостными писарями, ведущими протоколы засѣданій волостныхъ судовъ. *П. Б.*

3.

Крестьянская вдова поч. П. М. С. М. заявила, что она желаетъ продать свой пай въ овинѣ, построенномъ ею самой — свекромъ ея П. С. М. и крестьянами М. М. и В. М., но свекоръ П. М. не допускаетъ ее до этого, отказывая какъ ей, такъ и пайщикамъ отъ овина. Свидѣтели М. М. и В. М. Просительница М. М. подтвердила свой искъ. Отвѣтчикъ П. С. М. объявилъ, что онъ не препятствуетъ просительницѣ М. М. продавать свой пай въ овинѣ съ тѣмъ, чтобы судъ установилъ, сколько каждый пайщикъ имѣетъ въ овинѣ. На предложеніе о примиреніи согласія не состоялось. Волостной Судъ, выслушавъ пререканія тяжущихся и показанія пайщиковъ М. М. и В. М., постановилъ: въ овинѣ сдѣлать 6 паевъ, изъ коихъ одинъ пай предоставить просительницѣ М. М. съ правомъ продажи, отвѣтчику 2 пая, М. М. 1 пай и В. М. 2 пая. (Козловская волость 1887 г.).

4.

Солдатская вдова дер. М. А. С. Ж. жалуется Волостному Суду, что она, прожила у своего свекра, крестьянина д. М. К. Л. Ж. 6 лѣтъ, но нынѣ мужъ ея померъ въ военной службѣ и свекоръ ее изъ дому разогналъ, а потому проситъ приговорить ей отъ свекра 8 р. Спрошенный Волостнымъ Судомъ К. Л. Ж. объяснилъ, что онъ сноху свою А. С. Ж изъ дому не выгонялъ, она ушла добровольно, но такъ какъ она, живши у него, работала, то онъ согласенъ дать ей 5 р. На предложеніе тяжущимся 107 ст. Общ. Пол. мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: взыскать съ крестьянина К. Л. Ж. 5 р., которыми удовлетворить просительницу А. С. Ж. (Сарапульская волость 1883 г.).

5.

Солдатка д. С. У. А. П., явясь въ волостное правленіе, объявила, что она, проживая у деверя своего А. П. Н., гдѣ и пострадовала, но нынѣ неизвѣстно за что выгоняетъ се изъ дому и не даетъ за страду никакого в помоществованія, что могутъ удостовѣрить отецъ и мать, почему проситъ передать деверя А. П. на обсужденіе Волостному Суду. Волостные судьи спрашивали по сему дѣлу прикосновенныхъ лицъ и показали, а именно: 1) Истица У. П. явку свою подтвердила, 2) Отвѣтчикъ А. И П. показалъ, что онъ солдатку У. А. дѣйствительно выгонялъ за распутное ея поведеніе. 3) Свидѣтели со стороны просительницы У. А. 1) свекоръ ея, а отвѣтчику родной отецъ П. В. Н. показалъ, что сынъ его А., живущій врозь, солдатку А. дѣйствительно выгналъ, но за что не знаетъ, 2) жена его, а ей свекровка А. Т. показали тоже самое, что и мужъ ея П. В. А. Потому мы В. С., соображаясь съ обстоятельствами сего дѣла, находимъ такъ какъ мужъ солдатки У. А., В. Пв. П. поступилъ

по-очереди въ рекруты за братьетъ своихъ и деверья ея А. И. и Ѳ. И. Н—вы, по закону обязаны пропитывать означенную солдатку У. Ан., а потому постановилъ: выстроить солдаткѣ Анд. новый домъ-совокупный братьевъ, а покуда выстраивается домъ, деверя А. Н—ва обязать, чтобы онъ солдатку А—ву пропитывалъ и ничѣмъ не стѣснялъ, въ чемъ и отобрать у него подписку. (Сарапульская волость 1870 г.).

6.

Крестьянская вдова д. Д. Е. Г. П. проситъ учинить раздѣлъ имуществу, оставшемуся послѣ смерти въ мартѣ 1884 г. крестьянина д. Д. Г. А. П., между дочерьми тестя его П. А. Б., умершаго назадъ тому четвертый годъ, у коего онъ Г. жилъ въ видѣ сына болѣе 20 лѣтъ, находящимся въ замужествѣ въ деревнѣ Ш. М. П. Г—ой въ д. А. П. П. Б—ой, въ селѣ М. А. П. С—ой. причемъ она, Е. Г., объяснила, что она за Г. жила въ замужествѣ 4 года, у него же жилъ приведенный ея сынъ съ 13 лѣтъ П. П. С., на каторago при раздѣлѣ проситъ положить плату за проживаніе у вотчима за 4 года 85 р., разсчитавъ 70 к. въ такомъ количествѣ: за 1 й годъ 15 р., за второй 20 р., а за 3 й и 4-й по 25 р., равно выдѣлить часть и ей самой П—ой. Въ Волостномъ Судѣ спрошенныя лица показали, что просительница Е. Г. П. заявленіе свое подтвердила, представивъ притомъ опись имуществу съ оцѣнкой умершаго: крестьянъ, свекра ея П. А. Б. и мужа ея Г. А. П., произведенную 22 ноября 1884 г. сельскимъ старостой Дуб. Общ. А. Ш., изъ которой видно, что имущества движимаго и недвижимаго въ настоящее время состоитъ на 53 р.—дополнила, что на умершемъ состоитъ долгъ въ запасной магазинъ хлѣба 14 ч. и еще она же Е. П. уплатила денежный долгъ въ сельскій банкъ 27 р. 50 к. Если помянутыя наслѣдницы добровольно согласяться получить съ нея деньгими, на каждую по 3 р. и имущество оставить въ распоряженіе ея и сына П., то она принимаетъ весь хлѣбный долгъ на себя съ отвѣтственностью внести оный въ магазинъ 2) наслѣдницы, дочери умершаго П. А. Б.—М. П. Г. и П. П. Б. отозвались, что онѣ никакихъ разсчетовъ по долгамъ покойнаго отца ихъ П. Б. принять на себя не согласны, а согласны получить отъ Е. Г. по 3 р. 33 к., затѣмъ все имущество оставить во владѣніи Е— вы П—ой и ея сына П. Третья ихъ сестра А. П. на судъ не явилась. При предложеніи вышепоименованнымъ лицамъ 107 ст. они между собою о наслѣдственномъ имуществѣ, за исключеніемъ одной изъ нихъ небывшей на судѣ А. П., добровольно согласились оставить все имущество покойныхъ Б. и П.—во владѣніе жены послѣдняго Е. Г. П. и сына ея П. съ тѣмъ, чтобы имъ отъ П. получить вышесказанное количество денегъ по 3 р. 33 к., на каждую, при этомъ просили заплатить эту миролюбивую сдѣлку безъ дальнихъ разбирательствъ. (Сарапульская волость 1874 г.).

7.

Крестьянинъ д. С. П. А. М. Волостному Суду словесно жаловался, что 11-го іюля сынъ его И. И. М. самовольно отъ него ушелъ, при этомъ захватилъ зипунъ, полушубокъ, топоръ, солоду и шерсти, а потому проситъ судъ возвратить ему одежду и его, просителя, удовлетворить. Вызванный въ Волостной Судъ отвѣтчикъ, крестьянинъ И. И. М. на спросѣ объяснилъ, что онъ ушелъ отъ отца по притѣсненію его мачихой, а что же касается одежды, онъ взялъ свою, а болѣе отъ него ничего не бралъ. Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика И. И. М. возвратить новый зипунъ отцу своему И. А. М., а взамѣнъ отъ отца получить старый зипунъ, въ полушубкѣ просителю, отцу его, отказать, предоставить таковой въ пользованіе сына его И. И. М., въ прочемъ же искѣ, какъ по бездоказательности крестьянина И. А. М., отказать. (Сарапульская волость 1883 г.).

8.

Крестьянинъ д. Д. П. И. Г. заявилъ, что сынъ его Н. П. завладѣлъ его избой (нынѣ уже перестроенной имъ же Н. безъ всякаго его приказанія) и въ пользованіи таковой ему, П. Г—у, отказываетъ, почему проситъ разбора Волостнаго Суда. Въ Волостномъ Судѣ проситель жалобу свою подтвердилъ. Отвѣтчикъ, сынъ его Н. П. объяснилъ, что онъ въ сказанную избу вступательства никакого не дѣлаетъ, а предоставляетъ въ полное распоряженіе своего отца, означеннаго просителя П. Г., съ тѣмъ, чтобы она, какъ перестроенная имъ, не могла быть продана или передана отцомъ его въ посторонніе какія-либо другія руки, а собственно была бы предоставлена имъ кому ему будетъ угодно по смерти его. На что и проситъ П. Г. изъявить свое согласіе. А потому Судъ постановилъ: изъявленное согласіе участвующими лицами записать въ сію книгу и считать его оконченнымъ. (Сарапульская волость 1885 г.).

9.

Крестьянинъ п. М. Д. П. М. заявилъ, что, оставшееся послѣ смерти отца его Г. П. имущество, сноха его Н. А. присвоила себѣ все и не даетъ ему никакого надѣла, а потому и проситъ удѣлить ему изъ имѣнія отца хлѣвъ и ворота, причемъ добавилъ, что сноха его живетъ въ домѣ зятя своего, крестьянина п. М. А. К. Ч. Вызываемая на судъ въ качествѣ отвѣтчицы Н. А. М. не явилась, а за нее, по ея родственному довѣрію, явился зять А. К. Ч., который и объяснилъ, что теща его проживаетъ у него на его содержаніи и тесть, т. е. (братъ)? просителя умеръ и похороненъ имъ Ч—ымъ, почему и скудное ихъ наслѣдство должно поступить въ его, Ч., распоряженіе, что предоставляетъ и теща его, которая должна жить до смерти у него Ч—а. Волостнымъ Судомъ дознано, что тесть умеръ и похороненъ зятемъ А. Ч. и теща проживаетъ у него и что сынъ, проситель Д. П. М—въ въ отдѣлѣ былъ отъ нихъ 20 лѣтъ и пособія умершимъ отцу и матери не давалъ, то, принимая во вниманіе 10 л. давность, просителю отказать, предоставивъ право наслѣдія Н. А. М. и зятю ея А. Ч. (Мостовинская волость 1881 г.).

10.

Крестьянинъ д. Д. П. И. Т. жалуется, что послѣ смерти отца его осталось ржанаго хлѣба и яроваго, частью котораго онъ долженъ воспользоваться, но мачиха его П. К. нисколько ему не даетъ, а потому проситъ хлѣбъ раздѣлить между ними по равной части. Спрошенная Волостнымъ Судомъ П. К. Т. объяснила, что хлѣба, оставшагося послѣ смерти мужа ея, она сыну отдать не согласна, потому что онъ не пособ-

лялъ ей страдовать. По предложеніи тяжущимся 107 ст. Общ. П. мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, разсматривая настоящее дѣло и примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ, постановилъ: оставшееся послѣ смерти крестьянина П. Д. ржаной и яровой хлѣбъ, около двухъ овиновъ на сумму 35 р., раздѣлить между П. Прок. и П. К. по равной части. (Сарапульская волость 1883 г.).

11.

Крестьянинъ д. М. С. Ф. К. заявилъ Волостному Суду, что назадъ тому 3 года послѣ смерти отца его Ф. И. К. оставшееся имущество, а именно: лошадь, стоющая 37 р., тарантасъ 20 р., сбрую 3 р., корову 14 р., самоваръ 10 р., сани съ подполозками 2 р. сѣна 6 возовъ на 12 р., верховое сѣдло 1 р., а всего на сумму 99 р., увезъ дядя мой Д. П. К. домой, а между тѣмъ имущество это по наслѣдству принадлежитъ мнѣ, какъ единственному наслѣднику послѣ смерти отца, а потому просилъ взыскать съ К. или возвратить имущество, означенное выше. Вызванный на судъ истецъ жалобу свою подтвердилъ и дополнилъ, что мать послѣ смерти отца вышла въ замужество во второе и право наслѣдства потеряла по закону. Отвѣтчикъ крестьянинъ Д. И. К. показалъ, что онъ дѣйствительно по приказанію отца своего И. К. взялъ оставшеся послѣ смерти брата своего Ф. К. отца Сав., прописанное въ заявленіи С. на Ф. К., имущество, но только сѣна не 6 возовъ, а 3, и считаетъ это принадлежностью отца своего И. К. на томъ основаніи, что С. оттяжался отъ своего отца Ф. и что онъ не есть наслѣдникъ отцовскаго имущества, а за самоваръ и тарантасъ онъ Д., К.; уплатилъ С. 25 р. и нынѣ употребилъ на женитьбу С. 18 р. И. Н. К. показалъ, что онъ дѣйствительно послѣ смерти сына Ф. К. имѣніе прописанное въ заявленіе С. внука моего приказывалъ младшему моему сыну Д. отобрать такъ какъ таковое надѣлялъ онъ самъ Ф. и считаетъ принадлежностью своею. На основаніи 107. ст. предложена была мировая сдѣлка, но не состоялась причемъ С. дополнилъ, что за женитьбу онъ дѣйствительно считаетъ себя должнымъ Д. 18 р. Волостной Судъ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, постановилъ: такъ какъ Д К. увезъ объясненное здѣсь имущество по приказанію отца своего И. К. и таковое находится въ дому И. К. то обязать И. Н. К а также совмѣстно съ нимъ живущаго сына его Д. обратить С. Ф. К. тарантасъ, сбрую, корову, самоваръ, сани съ подполозками, сѣна 3 воза и верховое сѣдло, а съ С. Ф. К взыскать въ пользу И. К. и сына его Д. 18 р., а въ случаѣ невозвращенія сего имущества взыскать съ И. К. и сына его Д. въ пользу С. Ф. К. за вычетомъ 18 р. всего 75 р. (Сарапульская волость 1879 г.).

12.

Крестьянинъ д. Е. С. К., поданнымъ въ Волостное Правленіе объявленіемъ отъ 10-го сего Ф. жалуется, что послѣ покойнаго его отца, крестьянина С. Н. К., осталось слѣдующее имущество: изба, 3 конюшни, погребъ и баня съ огородкою кругомъ, двѣ лошади, 2 коровы и 5 овецъ, имуществу этому онъ есть единственный наслѣдникъ, кромѣ его хотя послѣ смерти отца и осталась жена, но она не должна быть наслѣдницею по случаю второго брака съ его отцомъ, но онъ, какъ по непроживанію въ своемъ жительствѣ, сказанное имущество оставилъ въ пользованіе мачихи своей В. Я., которая въ настоящее время находится въ замужествѣ уже за третьимъ крестьяниномъ П. И. К. съ которымъ изъ имущества, оставленнаго на храненіе, продали конюшню и баню, двѣ конюшни употребили на дрова, лошадей, коровъ и овецъ также продали, и деньги употребили въ свою пользу, нынѣ изъ означеннаго имущества осталось только одна изба и погребъ, которые крестьянинъ П. И. въ пользованіе не даетъ и вовсе отказываетъ, почему просимъ дѣло это разобрать Волостнымъ Судомъ. Вызванные сего числа на Волостной Судъ: 1) проситель крестьянинъ Е. С. К. жалобу свою вполнѣ подтвердилъ, что сказанное имущество имъ принадлежало съ роднымъ братомъ В. С. К. 2) Отвѣтчикъ кр. П. И. К. противъ жалобы просителя Е. С. К. показалъ, что оставшееся послѣ смерти его отца Ст. К, имущество должно было поступить женѣ В. Я., а не просителю Е. К. съ братомъ В., кромѣ того имущества растрачено никакого не было и какое осталось все находится на лицо и въ цѣлости 3) В. Я. К. показала, что послѣ смерти перваго мужа С. Н. К. дѣйствительно оставалось имущество, которое и должно перейти въ ея владѣніе по наслѣдству, а не кр. Е. К. съ братомъ В., но данныхъ о наслѣдствѣ никакихъ не представила. 4) Общ. крестьяне д. К. И. С., А. П., Ѳ. А., П. К. Г. П., М. К., И К., С. К. и Ф. П. показали, что имущество, оставшееся послѣ смерти кр. С. К. принадлежитъ сыновьямъ его Е. и В. Ст-ымъ К, а не женѣ его В. Я., потому что она за нимъ была вторая жена и жила не долго. 5) Предложена была мировая сдѣлка, но таковой не состоялось. 6) Волостной Судъ, принимая въ соображеніе обстоятельства настоящаго дѣла и на основаніи 102 ст. общ. п. 14 ф. 1861 г. постановилъ: изъ числа состоящаго на лицо имущества, принадлежащаго крестьянину С. К — у, находящагося въ распоряженіи П. И. и В. Я. К-ыхъ, заднюю избу предоставить въ пользу Е. и В. С. К. какъ роднымъ сыновьямъ, а остальное имущество оставить попрежнему въ пользованіи П. И. и В. Я. К. (Козловская волость 1876).

13.

Крестьянская дѣвица, поч. А. П., А. П. заявила Волостному Суду, что родной ея братъ Е. А. П. выгналъ ее изъ отцовскаго дома, а также и захватилъ ей выдѣленное умершимъ отцомъ имущество, а именно: лошадь мерина шерстью саврасою, стоющую 30 р., жилую избу, стоющую 40 р. 1 овцу съ 2 ягненками, стоющихъ 5 р. 20 к., риси на 10 р., а всего на сумму 85 р., что и могутъ подтвердить братъ же Филиппъ, А. П., А. А. П. и С. С., а потому проситъ поступить съ ними по закону. Вызванная на Волостной Судъ просительница заявленіе свое подтвердила. Отвѣтчикъ Е. П. на спросъ показалъ, что онъ сестру свою П. изъ дома вовсе не выгонялъ, а она ушла изъ дома сама и увезла съ собою разное имущество, именно 3 тулупа, 4 полушубка, три зипуна, 2 войлока, 5 подушекъ, 2 куля кудели, 3 пары валенокъ, 1 сундукъ, 2 коробки съ холстами, понитокъ (?), 1 корову, такъ что изъ имѣнія, кромѣ скота и строеній, увезла чуть ли не половину, что же касается просимаго ею надѣла, то онъ отдать ей таковаго не можетъ въ виду того, что по отдачѣ всего просимаго совершенно разстроится его хозяйство. Свидѣтели со стороны просительницы показали: Ф. П. и С. У. показали, что упомянутое отвѣтчикомъ выше имущество дѣйствительно просительница отъ брата своего увезла. Волостной

Судъ предложилъ мировую сдѣлку, но таковой не состоялось, а потому постановилъ: предоставить въ пользованіе просительницы П. П. изъ наслѣдственнаго имущества отъ брата ея Ек. одну малую избу, крытую тесомъ съ тѣмъ, чтобы она, просительница могла по своему усмотрѣнію въ цей распоряжаться, въ остальномъ же искѣ, какъ несправедливомъ и уже за полученіемъ полнаго надѣла отказать. (Гальянинская волость 1875.).

14.

Крестьянка деревни У. Н. Ф. Д. Ч. жалуется Волостному Суду, что падчерица П. Р. Ч. отбираетъ у нея ржаной посѣвъ половину переѣзда, а между тѣмъ у нея на рукахъ четыре малолѣтнихъ дѣтенка, есть податныя недоимки въ продовольственный капиталъ въ земство. Проситъ отказать Н. отъ вступательства въ хлѣбъ. Предложено сторонамъ помириться и жить вмѣстѣ въ одномъ дому и работать, платить подати и всякіе недоимки; но П. Р. не согласилась. Она имѣетъ отъ роду 17 лѣтъ, которая объясняетъ, что мачиха Ф. Ч. не кормитъ; поэтому она половину переѣзда и желаетъ получить посѣва ржи. По справкѣ оказалось, что за вдовой Ф. Ч. дѣйствительно состоитъ недоимка въ подати и продовольственный капиталъ, у нея четверо на рукахъ дѣтей, а П. можетъ находиться въ работницахъ и тѣмъ себя пропитаетъ. А потому приговорилъ: дѣвицѣ П. Р. Ч. отъ вступательства въ хлѣбъ отказать, о чемъ и объявить имъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія. (Нечкинская волость 1887 годъ).

15.

Крестьянка вдова деревни П. К. Г. Ц. заявила, что со смертью мужа ея и сына, сноха ея А. Г. Ц. вступила во владѣніе всѣмъ хозяйствомъ и ей К. никакой части не выдаетъ. Почему К. проситъ отобрать отъ снохи ея Анны и передать ей, просительницѣ: жеребца игреняго, стоющаго 20 р., одну овцу, стоющую 3 р., переѣздъ ржанаго посѣва на 25 р. и срубы въ 8 рядовъ, стоющіе 10 р.; всѣ эти вещи мужъ просительницы при смерти благословлялъ. Просительница К. Ц подтвердила свой искъ. Отвѣтчица А. Ц. объяснила, что она не согласна выдать просительницѣ требуемаго ею имущества, такъ какъ у ней, отвѣтчицы, есть три малолѣтнихъ сына, прямые наслѣдники на все имущество, оставшееся послѣ смерти свекра и мужа ея, отвѣтчицы. На предложеніе о примиреніи соглашенія не состоялось. Волостной Судъ, въ видахъ предупрежденія растраты хозяйства Ц. постановилъ: домогательство просительницы К. Г. Ц., оставить безъ послѣдствія, а отвѣтчицу А. Ц. обязать содержать просительницу К. Ц. на своемъ пропитаніи. (Козловская волость 1885 г.).

16.

Крестьянка д. С. С. в. У. С. З., по первомъ мужѣ С., заявила, что послѣ умершаго мужа ея, солдата К. П. С., осталась въ вѣдѣніи свекра ея П. С. слѣдующее имущество: изба съ сѣнями, крытая драньемъ, новая конюшня некрытая, въ 15 рядовъ, 3 с., 9 бревенъ сложены въ грудѣ, двѣ телѣги съ одними передками, пятистѣнный хлѣвъ, соха, 2 бороны, хлѣба ржанаго 1 кладь, 2 коровы, моя 1/4 часть выстроенной мельницы, всего на сумму 85 р., хотя надъ имуществомъ сиротъ учреждена опека, между тѣмъ свекръ ея П. И. С. дѣлаетъ растрату имущества, что могутъ подтвердить опекуны: Г. С. Ш., Ѳ. Ф. С. и А. В. С. Поэтому проситъ принадлежащее сиротамъ ея дочерямъ: Л. и А. имущество на сумму 85 р. отобрать отъ П. С. или взыскать съ него деньгами 85 р. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ П. И. С. объяснилъ, что хотя сынъ К. П. и жилъ отъ него отдѣльнымъ хозяйствомъ, но такъ какъ онъ былъ ему отецъ, потому и считаетъ себя наслѣдникомъ. Вызванные на Волостной Судъ въ качествѣ свидѣтелей опекуны крестьяне с. Ч. Г. С. Ш. Ѳ. Ф. С. и А. В. С. показали: означенное имущество дѣйствительно нажито сыномъ отвѣтчика П. С-а, солдатомъ К., т. е. мужемъ просительницы и имущество это онъ, Петръ, уже истрачиваетъ. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось А потому Волостной Судъ постановилъ: имущество на сумму 85 р. раздѣлить слѣдующимъ порядкомъ: обязать П. И. С., чтобы онъ выдалъ снохѣ своей. У. С. З. наличными деньгами, на каждую ея дочь Л. и А. по 30 р.—60 р., оставивъ на свою часть 25 р. (Мостовинская волость 1881 г.).

17.

Крестьянка д. У. С. У. В. проситъ Волостной Судъ сдѣлать между нею и ея сыновьями движимому и недвижимому имуществу разчѣлъ, такъ какъ согласія въ сожитіи не стало по смерти ея мужа, а равно и послѣ, въ семъ году. Волостной Судъ, выѣзжая на мѣсто въ д. У. С., гдѣ при обществѣ крестьянъ деревни той оказалось, что изъ семьи В. оказывается три личныхъ наслѣдника, пасынокъ В. Л. и Н. изъ которыхъ первый сданъ въ рекруты и родной сынъ М., почему, съ согласія просительницы и желанія ея получить выдѣлъ вмѣстѣ съ роднымъ сыномъ Матв. на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, постановили: выдѣлить М. съ матерью У. В. переднюю избу, стоящую въ улицу, новую конюшню, амбаръ въ 30 р. крышу на столбахъ, лошадь мерина шерстью рыжаго и таковую же чалую съ жеребенкомъ, 1 телку 1 года, мѣдный самоваръ; затѣмъ Н. съ солдатомъ Л. задній домъ, двѣ конюшни съ крышей и сараемъ, корову черно шерстную и причитающіеся отъ проданой мельницы противъ выдѣленнаго амбара 40 р. с., годоваго мерина и вороную кобылу, двухъ теленковъ, мѣдный для воды сосудъ и гнѣдую кобылу. изъ которыхъ солдату вороную кобылу. Напольный какъ озимовый, такъ и яровой на надѣльныхъ земляхъ выдѣлить матери съ Матв. на 1½, а Ник. на 2 души, а на арендной пополамъ, а что же касается до долговаго хлѣба, то изъ числа 5 четв. ржи заплатить просительницѣ 1 ч. 5 чк. и изъ 12 ч. 4 чк. овса 4 ч. 1 чк., а остальное доплатить Н. Затѣмъ изъ оставшихся за мельницу денегъ 12 р. 50 к. выдать просительницѣ 4 р. 17 к., а остальное Ник. (Сарапульская волость 1877 г.)

18.

Крестьянка поч. Г. А. г. А. Б. заявила, что послѣ смерти мужа ея Н. Б. осталось слѣдующее имущество: изба, амбаръ, погребъ, мякинница, 5 заплотовъ, ворота, 8 овечекъ, 5 свиней, корова съ теленкомъ, лошадь, двѣ телѣги, 1 соха и борона желѣзная, трои дровни, 1 хомутъ, хлѣба 6 возовъ и 60 деревъ лѣсу. Изъ этого имущества пасынокъ ея С. Н. Б. кое-что уже продаетъ и деньги пропиваетъ, почему проситъ имущество это раздѣлить по частямъ. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, к. С Н. Б.

объяснилъ, что онъ изъ сказаннаго имущества мачихѣ своей А. Б. ничего не отдастъ. Мировой сдѣлки между ними не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: обязать крестьянина С. Н. Б. отдать своей мачихѣ А. А. изъ оставшагося послѣ смерти мужа ея Н. Б. имущества слѣдующее: избу, погребъ, три заплота и ворота, 4-хъ овечекъ, 2-хъ свиней, корову, одну телку, борону одну, дровни и хлѣба 3 воза, а остальнымъ имуществомъ: лошадью, мякинницею, двумя заплотами, 4-мя овечками, 3-мя свиньями, теленкомъ, телѣгой, двоими дровнями, хомутомъ и 3-мя возами хлѣба, и 60 бревнами лѣса предоставить воспользоваться ему С. Н. Б-у, а за пьянство и растрату имущества подвергнуть его Сем. Б. аресту при Волостномъ Присутствіи на трои сутокъ (Мостовинская волость 1881 г.).

19.

Крестьянская вдова г. М. В. П. А., проживающая въ д. Ш. у родного сына Я. С. М., заявила, что назадъ тому уже 13 лѣтъ, какъ она выходила вторично въ замужество за крестьянина въ с. М. Д. К. А. и жила съ нимъ лѣтъ 10 (дѣтей отъ него не имѣетъ), который, т. е. мужъ ея, умеръ въ 1879 г. и послѣ смерти его она тправилась опять въ д. Ш. къ родному сыну своему М., у котораго и теперь проживаетъ, но назадъ тому уже второй годъ пасынокъ ея Н. Д. А. (сынъ второго мужа ея) умеръ, оставивъ послѣ себя жену А. В. и дочь А-гу 7 л. Нынѣ эта вдова—(жена пасынка ея Н.) А. В. вышла во второе замужество за солдата д. Б. В. Л., поэтому она В. П. А. проситъ выдѣлить ей изъ имущества пасынка ея Н. Д. А. клѣть, т. е. избу не жилую. Вызванная въ качествѣ отвѣтчицы, бывшая крестьянская вдова А, а нынѣ солдатская жена А. В, объяснила, что свекръ ея Д. К. А., умирая, говорилъ женѣ своей В: „живи въ домѣ, будешь хозяйка, а если уйдешь, ничего не возьмешь“. Между тѣмъ она взяла у нея 20 пудовъ ржи и отправилась на жительство въ д. Ш. къ родному сыну ея М. Если она желаетъ жить у нея, то она Аг. не препятствуетъ этому, а изъ имущества ничего не даетъ. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей крестьяне В. Т. и С. С. А. показали, что мужъ просительницы Д. К. А., умирая, въ присутствіи ихъ сказалъ женѣ своей В. П. А-ой: „живи здѣсь, Вас., уголъ твой, сынъ тебя не изобидитъ“, но ничего не говорилъ, чтобы ей что-нибудь изъ имущества отдать. Мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ приговорилъ: крестьянской вдовѣ В. П. А. въ искѣ о выдачѣ ей имущества отъ снохи ея А. В. А. по бездоказательности отказать. (Мостовинская волость 1883 г.).

20.

Крестьянка с. А. А. Л. по второму мужу М. проситъ отъ деверя покойнаго перваго мужа, М. М. М.—И. М. опредѣлить часть домовняго строенія въ пользу оставшихся послѣ смерти перваго мужа М. малолѣтнихъ дѣтей-сыновей: Петра 9, Ѳеодора 7 и Якова 4 лѣтъ. Вызванный въ Волостной Судъ крестьянинъ И. М. объяснилъ, что братъ его М. М. нынѣ умершій, еще при жизни покойнаго отца ихъ, былъ отданъ послѣднимъ въ видѣ усыновленія односеленцу С. И. М.. у котораго Мих. былъ женатъ на просительницѣ, гдѣ проживъ $7^1/_2$ лѣтъ, прижилъ означенныхъ въ заявленіи А. дѣтей, и назадъ тому четвертый годъ померъ, а А. вышла во второе замужество. Поэтому онъ, отвѣтчикъ, выдѣлить часть домовняго строенія на племянниковъ не считаетъ себя обязаннымъ, такъ какъ покойный М. хозяйствомъ занимался у С. И. Спрошенный противъ отзыва И. М. крестьянинъ С. И. показаніе И. вполнѣ подтвердилъ и дополнилъ, что изъ числа оставшихся послѣ проживавшаго у него въ дѣтяхъ М. М. сыновей—П. и по настоящее время находится у него на воспитаніи, и онъ С. по достиженіи всѣхъ троихъ сиротъ дѣтей М. обязывается выдѣлить имъ двѣ избы въ наслѣдство. Приведенныхъ Михайломъ жеребенка, теленка и 2-хъ овецъ Анна увела обратно. По предложеніи тяжущимся сторонамъ 107 ст. общ. пол. мировой сдѣлки между ними не послѣдовало. А потому Волостной Судъ, признавая отзывъ отвѣтчика справедливымъ, а данное обязательство С. И. для сиротъ достаточнымъ, постановилъ: въ искѣ просительницѣ отказать. (Козловская волость 1881 г.).

21.

Явясь въ Волостной судъ, крестьянинъ деревни Д. Ст. М. Н. объявилъ, что въ пред тоящій мясоѣдъ просваталъ въ замужество за крестьянина здѣшней-же волости д. О. Ив. Т. дочь свою, и послѣ просватанія таковой продолжалось времени 7 дней, въ теченіе которыхъ находились на его содержаніи дѣвицы для шитья, приготовилъ потребныя для свадебныхъ столовъ припасы, каковыхъ столовъ уже и было 2, сверхъ того накупилъ для подарка жениху и его родственниковъ товару, что стоитъ ему въ сложности 30 руб. 75 к. Между тѣмъ отецъ жениха Т. К. отъ взятія за его сына дочери моей отказался, почему Н. проситъ за отказомъ Т. К. отъ дочери его взыскать съ него понесенные имъ убытки въ количествѣ 30 р. 75 к. и таковыми удовлетворить его. Волостной Судъ П. Г., Я. Ч. и Ив. Т. дѣлали между крестьянами С. М. и Т. К. о понесенныхъ первымъ убыткахъ отъ отказа послѣдняго взять за сына своего въ замужество просватанную дочь перваго—разборъ, причемъ оказалось крестьянинъ Т. К добровольно согласился заплатить С. М. понесенные имъ убытки и купленный товаръ деньги 30 р. 75 к. каковыя тогда же и заплатилъ, а купленный К. товаръ, а именно 7 франц. платьевъ, полубуденную рубаху, 13 бумажныхъ платковъ, 2 пестрыхъ рубахи, 4 синепестрядинныхъ штановъ, 16 арш. ситцу и 20 арш. холста получилъ себѣ. Постановили: за добровольною сдѣлкою и миролюбивымъ примиреніемъ тяжущихся настоящее рѣшеніе по В. С. считать окончательно рѣшеннымъ. (Сарапульская волость 1870 г.).

22.

Крестьянинъ с. К., Е. Е. М. заявилъ Волостному Суду, что онъ просваталъ нынѣшнимъ мясоястіемъ дочь свою, Анну, за сына крестьянина д. П. Ѳ. Я. К., который невѣсту за себя не беретъ за старостью будтобы ея лѣтъ, между тѣмъ было рукобитіе, отданы свату-отцу жениха Ѳ. Я. К-у подарки и было даже выпито вино; посему М. проситъ Волостной Судъ разобрать его претензію. Вызванныя на Волостной Судъ лица показали: 1) проситель С. М. свою жалобу подтвердилъ. 2) Отвѣтчикъ Ѳ. Я. К. показалъ, что онъ невѣсту А. Спир. взамужъ за сына не беретъ за старостью ея лѣтъ. 3) Онъ же, отецъ жениха, крестьянинъ д. П. Ѳ. Як. показалъ, что онъ, за несогласіемъ сына его К., взять сказанную А. Сп.—не можетъ принудить его къ браку; и что онъ взятыя отъ невѣсты

заверстываетъ за вино (водку) употребленную при рукобитіи, 4) была предложена тяжущимся сторонамъ 107 статья Общ. Пол. о примиреніи, но обѣ стороны, поговоря не малое время между собой, примириться не согласились. Вслѣдствіе чего Волостной Судъ. находя жалобу крестьянина с. К., С. М. заслуживающею уваженія, постановилъ: взыскать съ крестьянина д. П. Ѳ. Як.—отца жениха, въ пользу М. 5 руб. за безчестіе и убытки съ возвращеніемъ подарковъ, такъ какъ послѣдній зналъ кого сваталъ и предварительно долженъ былъ навести справку о лѣтахъ невѣсты, а не заводить пиръ; это рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ. (Козловская волость 1877 г.).

23.

Крестьянинъ д. Ш., Н. П. Т. заявилъ, что онъ засваталъ въ селѣ К. крестьянскую вдову Е. Д. Ч—у, живущую нераздѣльно со свекромъ И. К. Ч—мъ. Вдова Е. Ч. на выходъ въ замужество за него была согласна, но въ настоящее время отказалась, вслѣдствіе чего онъ, Т., потерпѣлъ убытки до 16 р. с., которые и проситъ взыскать со свекра невѣсты его И. Г. Вызванный на Волостной судъ въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ с. К., И. К. Ч. объяснилъ, что онъ почти такое же количество денегъ издержалъ на расходы по просватыванію за крестьянина Н. Т. своей снохи Е., въ какомъ ищется проситель Н. Т., а потому и не считаетъ себя обязаннымъ платить деньги 16 руб. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: крестьянину Н. Т. въ искѣ противъ крестьянина П. Ч. о взысканіи денегъ 16 р. отказать за бездоказательностью. (Мостовинская волость 1881 г.).

24.

Крестьянская вдова д. Г., Ф. М. С. заявила, что она, имѣя намѣреніе вступить въ замужество за крестьянина Р. М. В. поч. Ил., прибыла къ нему въ домъ 10 мая сего года и прожила до 10 августа, рассорились и она ушла. С. проситъ всыскать съ В. за свою работу въ его домѣ у него 42 руб. Свидѣтель Е. П. М. Въ засѣданіи Волостнаго Суда просительница подтвердила свой искъ и проситъ удовлетворить ея жалобу. Отвѣтчикъ объяснилъ, что просительница, хотя и прожила у него съ 10 мая по 10 августа сего года въ качествѣ жены, почти не работала и ушла отъ него безъ его согласія на то, и безъ всякаго повода, поэтому не намѣренъ выдавать ей деньги 42 р. На предложеніе о примиреніи 107 ст. Общ. Пол. между ними согласія не послѣдовало. Свидѣтели М.... показали, что просительница С. мало работала у В, жила у него въ качествѣ жены, а не работницы и ушла безъ его согласія. Волостной судъ, имѣя въ виду, что просительница С. жила у отвѣтчика, какъ жена, а не какъ работница и ушла отъ него безъ согласія, постановилъ: отказать просительницѣ въ искѣ. (Козловская волость 1881 г.).

25.

Отставной рядовой Ершовской волости, Осинскаго уѣзда, Ф. Ф. Б. заявилъ Волостному Суду, что 4 года тому назадъ онъ выдалъ въ замужество за крестьянина деревни Д., Ив. Мих. П. дочь свою А., которой далъ въ приданое постель, стоющую 9 р., самоваръ съ приборомъ, стоющій 9 р., котелъ 1 р. 40 коп., соху 3 р., телѣгу 3 р., корову 30 р., хлѣба на 10 р. 50 к., а всего на 65 р. 90 к., но такъ какъ дочь А нынѣ отъ И. П., вслѣдствіе жестокихъ съ нею обращеній со стороны мужа,—П. ушла, поэтому проситъ взыскать съ Ив. П. 65 р. 90 к. за вещи выше поименованныя, данныя въ приданое. Свидѣтель поэтому дѣлу П. В. и Д. сельскій староста. Спрошенный на судѣ Б. заявленіе свое подтвердилъ. Крестьянинъ И. М. П. объявилъ, что онъ отъ тестя Ф. Ф. Б. въ приданое за дочерью получилъ только слѣдующее: постель, самоваръ, котелъ, соху, телѣгу, корову и хлѣба на 4 р. 20 к., а всего на 59 р. 60 к., а не на 65 р. 90 к. но все вышеписанное до сихъ поръ не возвращаетъ потому, что онъ у тестя Бал. жилъ $1\frac{1}{2}$ года съ женою, не получая никакого за это вознагражденія. На предложеніе 107 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, примиренія между тяжущимися не состоялось. Волостной судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: такъ какъ Ив. Поп. дѣйствительно, какъ то утвердилось на судѣ, проживалъ у просителя Б. $1\frac{1}{2}$ года, не получая за то вознагражденія, послѣдняго не отрицаетъ и Б., а потому въ искѣ Ф. Ф. Бал. отказать, о чемъ тяжущимся объявить, съ правомъ обжалованія, въ случаѣ неудовольствія, въ 30-дневный срокъ въ Уѣздномъ Присутствіи. (Сарапульская волость 1882 г.).

26.

Волостные судьи, собравшись въ присутствіе, слушали заявленія крестьянина д. Ш. В. Д. Б—а о томъ, что назадъ тому 5 лѣтъ онъ выдавалъ въ замужество свою дочь Ѳеклу за одножителя своего П. Е. Б, между тѣмъ дочь его Ѳ. около 4 хъ лѣтъ умерла и послѣ нея дѣтей никого не осталось; изъ имущества осталось, а именно: женскій тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, стоющій 14 р., а также и красно 1 р., который ему не возвращался, потому и проситъ сдѣлать объ этомъ законное распоряженіе. Вызванный въ Волостной Судъ по повѣсткѣ въ качествѣ отвѣтчика П. Е. Б. неизвѣстно почему изъ суда самовольно отлучился, не давъ противъ жалобы никакого объясненія, а потому Волостной Судъ постановилъ: означенныя вещи женскій тулупъ и красно всего 15 р. отобрать отъ крестьянина П. Б. и таковыми удовлетворить просителя В. Б. (Мостовинская волость 1883).

27.

Крестьянская жена д. Д. Х. Е. Р. заявила Волостному Суду, что вслѣдствіе жестокихъ обращеній съ ней мужа ея П. Т. Р., она съ нимъ около полоторыхъ лѣтъ не живетъ, а живетъ у разныхъ лицъ, мужъ ея не отдаетъ принадлежащія ей вещи, принесенныя ею при выходѣ въ замужество, а именно: тулупъ, крытый сукномъ въ 15 р., полушубокъ въ 4 р. тулупъ овчинный въ 5 р., гарусная шаль въ 2 р., сатиновая шаль въ 1 р. 50 к. и шаль (прохоровская) 1 р. 50 к., три сарафана и 2 юбки 9 р., холста 2 конца въ 2 р., сундукъ 2 р. и три женскія рубаки 1 р., всего на 43 р., а потому проситъ судъ истребовать отъ ея мужа П. Р. означенныя вещи и удовлетворить ее, а въ случаѣ утраты ихъ, взыскать съ него въ пользу ея означенную сумму. Въ собственности этихъ вещей ея, Р, могутъ подтвердить крестьяне Е. Н. Ф. и Е. С. Волостной Судъ спрашивалъ нижеозначенныхъ лицъ, которыя и показали; просительница заявленіе свое подтвердила. Отвѣтчикъ П. Т. Р.

въ удержаніи заявленныхъ женою его вещей виноватымъ себя призналъ, а выдать ихъ не соглашается. Свидѣтели Е. Ф. и Е. С. показали, что заявленныя Х. Р. вещи дѣйствительно принесены ею изъ дѣвицъ. На основаніи 107 ст. общ. пол. о примиреніи мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. Волостной Судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: истребовать отъ рядоваго П. Р. вещи: 2 тулупа, полушубокъ, три шали, три сарафана и 2 юбки; холстъ, сундукъ и 3 рубахи, которыя и выдать просительницѣ Х. Р., а въ случаѣ утраты которыхъ вещей,—взыскать съ Р. стоимость ихъ по заявленной просительницей цѣнѣ. (Сарапульская волость 1887 г.).

28.

Крестьянинъ Сар. в. д. Д. Е. О. С. заявилъ В. С. что назадъ тому 7 лѣтъ онъ взялъ въ замужество дочь крестьянина д. Д. В. Т. П.—М. В., съ которой, проживъ до 6 лѣтъ, прижили дѣтей - сына Д, имѣющаго отъ роду 6 лѣтъ, и жена его въ нынѣшнемъ году умерла. Послѣднее время онъ, С. въ теченіе 8 м. жилъ у тестя, а потомъ отошелъ въ рознь, оставивъ у тестя имущество, оставшееся послѣ смерти жены, принадлежащее какъ ей, такъ и мнѣ: шерстяной сарафанъ 5 р. 50 к. платокъ въ 1 р. 70 к. суконный тулупъ въ 7 р. войлокъ и подушку въ 9 р., а всего на сумму 22 р. 20 к. Вещи эти въ настоящее время В. П. не возвращаетъ, почему и проситъ присудить возвратить эти вещи или взыскать по стоимости деньгами. Явившись въ Волостной Судъ, проситель Е. С. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ В. П. объяснилъ, что дѣйствительно, когда ушелъ отъ нихъ зять Е. С., осталось у него шерстяной сарафанъ, платокъ, суконный тулупъ, войлокъ и подушка, которые онъ признаетъ принадлежностью не зятя Е. С., а скорѣе покойной его дочери М. В. По предложеніи мировой сдѣлки, оная не состоялась. Волостной Судъ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла и руководствуясь мѣстными обычаями, постановилъ: оставшееся послѣ смерти жены Е. С и дочери В. П. имущество, именно: шерстяной сарафанъ въ 4 р. 50 к., платокъ въ 1 р. 70 к., суконный тулупъ въ 7 р., войлокъ и подушку въ 4 р., а всего на сумму 22 р. 20 к. предоставить въ пользованіе малолѣтняго сына просителя С. 6 лѣтъ, а въ случаѣ утраты тѣхъ вещей взыскать съ В. П. по стоимости деньгами. (Сарапульская волость 1885 г.).

29.

Крестьянинъ д. Ш. С. Д. Т. заявилъ, что въ 1878 г. онъ, Т.. выдалъ свою двоюродную сестру С. Е. въ замужество за крестьянина д. Ѳ. В. Д. Г., который далъ въ приданое слѣдующее: тулупъ, стоющій 9 р., шубу, крытую синимъ холстомъ, 4 р., ситцевый сарафанъ 1 р. 60 к,, кисейный сарафанъ 1 р. 50 к., шелковую косынку 50 к., муслиделевую шаль 1 р., 2 ситцевыхъ рубашки 1 р. 50 к., 3 полотенца 1 р., 2 скатерти 1 р. 70 к., 2 ситцевыхъ фартука 60 к., и двѣ юбки бѣлаго холста 1 р., а всего на сумму 24 р. 85 к. Нынѣ сестреннпца Ст. умерла, оставивъ по смерти своей сына И., который вскорѣ затѣмъ тоже умеръ, а потому проситъ оставшееся у крестьянина В. Д. Г. означенное имѣніе отобрать и возвратить ему. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика В. Д. Г. объяснилъ, что онъ означенное въ заявленіи имѣніе отдавалъ С-ту Т-у обратно, но только съ тѣмъ, если онъ, Т., возьметъ ребенка къ себѣ, который еще былъ тогда живъ, но Т. ребенка не взялъ, а просилъ только возвратить ему имѣніе, а такъ какъ онъ, Г., нанималъ для ухаживанія за ребенкомъ няньку, которой заплатилъ за это 1 р., то посему и не желаетъ отдать оставшееся послѣ смерти жены его, Ст., имущество. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. Волостной Судъ постановилъ: оставшееся послѣ смерти жены В. Г. имущество, а именно: сундукъ, сарафанъ ситцевый, шелковую косынку, 2 ситцевыхъ рубашки, 3 полотенца, поясъ, 2 скатерти, 2 ситцевыхъ фартука и двѣ бѣлыя юбки возвратить просителю С-у Т., а остальное какъ-то: тулупъ, шубу, кисейный сарафанъ, муследеленовую шаль оставить у В. Г. за присмотръ ребенка (Мостовинская волость 1881 г.).

30.

Крестьянская жена с. К. Т. З. М. заявила, что мужъ ея того же села П. И. М. постоянно билъ ее и въ концѣ концовъ выгналъ ее изъ дому, почему она принуждена уйти къ своей матери въ поч. П., но одежды мужъ ея никакой не далъ. Вслѣдствіе сего она проситъ отобрать отъ ея мужа принадлежащіе ей: 6 ситцевыхъ сарафановъ, 9 ситцевыхъ женскихъ рубахъ, 6 ситцевыхъ запоновъ, 3 шали: одну сатиновую, другую муслиновую, а третью бумажную, двѣ портяныя скатерки, 4 полотенца, 3 платка, полушубокъ овечьихъ овчинъ, крытый кизинетомъ, стяженая кизинетомъ кофта, полныя кафтаки (?) двои новые ботинки и 5 арш. бѣлаго холста. Въ засѣданіи Волостнаго Суда просительница подтвердила свой искъ. Отвѣтчикъ объяснилъ, что никогда не билъ свою жену, а она ушла отъ него потому, что не захотѣлось ей работать; перечисленныя ею вещи хранятся у него въ цѣлости, но выдать ихъ женѣ не согласенъ, а желаетъ чтобы она перешла къ нему для совмѣстнаго сожительства. На предложеніе о примиреніи согласіе не состоялось. Волостной Судъ, допросивъ нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей (сосѣдей отвѣтчика), между прочими Т. М. и К. С., убѣдился, что поведеніемъ отвѣтчика жена его была вынуждена уклониться отъ сожительства съ нимъ, потому Волостной Судъ постановилъ: отобрать отъ отвѣтчика означенныя вещи въ заявленіи просительницы и выдать ихъ женѣ отвѣтчика. А отвѣтчику предоставить возможность возбудить ходатайство о водвореніи въ его домѣ его жены (Козловская волость 1881 г.).

31.

Крестьянка поч. П. П. П. Н. заявила, что она, при выдачѣ взамужество назадъ тому 8 й годъ своей дочери М. Н. за крестьянина однодеревенца П. О. Ц., дала въ приданое; корову, свинью, 3 куриць и 1 овцу, но нынѣ свекоръ дочери О. Ч. дочь ея выгоняетъ и данное въ приданое оставляетъ въ свою пользу, почему и проситъ о возвратѣ означеннаго приданаго, кромѣ овцы. Вызванная на Волостной Судъ просительница заявленіе свое подтвердила вполнѣ. Отвѣтчикъ Ц. въ данномъ въ приданое имуществѣ сознался, а также къ выгону спохи доказательствъ, препятствующихъ къ тому, не представилъ. По предложеніи 107 ст. Общ. Пол. между тяжущимися сторонами согласной сдѣлки не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика возвратить просительницѣ данное ею въ приданое за дочь имущество: ко-

рову, свинью и куриц, которыми онъ можетъ воспользоваться тогда лишь, когда приметъ въ свой домъ сноху М. и будетъ содержать ее, какъ слѣдуетъ. (Козловская волость 1886 годъ).

32.

Крестьянинъ села Е. И. М. П. заявилъ, что его 3 года тому назадъ крестьянинъ д. Л. Д. А. К. взялъ его въ усыновленіе и продержалъ 3 года, затѣмъ нынѣ отъ житья отказалъ, не заплативъ ему за прожитое время, ничего, почему проситъ взыскать съ К. 75 р. черезъ разборъ и рѣшеніе Волостнаго Суда. Въ Волостномъ Судѣ И. П. жалобу свою подтвердилъ. Крестьянинъ Д. К. объяснилъ, что онъ отъ житья П не отказывалъ, который прожилъ у него всего 2 года и ушелъ по своему желанію, за прожитые годы платить себя нисколько обязаннымъ не считаетъ, потому что онъ пришелъ къ нему 15-лѣтній и, во время проживанія, заводилъ ему одежду, какъ верхнюю, равно и нижнюю. Предложено тяжущимся помириться, но они на это не согласились. Судъ, соображаясь съ обстоятельствомъ сего дѣла и, принимая во вниманіе, что П. во время нахожденія у К. былъ несовершеннолѣтнимъ, не могъ управлять за полнаго работника и къ тому же пользовался отъ К одеждою, а потому постановилъ взыскать съ крестьянина Д. К. въ пользу П. за прожитые 2 года, полагая въ каждый годъ по 5 р., всего 10 р. (Гальянинская волость 1885.).

33.

Крестьянинъ поч. П. Р. П. М. заявилъ, что назадъ тому года 2 онъ уходилъ въ дѣти къ дядѣ своему, крестьянину п. П. И. Г. М., прожилъ у него зиму, но Ив. выгналъ его и не далъ ему нисколько за то, что онъ работалъ. Свидѣтели Д. М. и В. К. Проситель Р. М. подтвердилъ свое заявленіе и просилъ за смертію И. Г. М. взыскать съ жены его А. Ф. М. 50 р. за работу. Отвѣтчица А. Ф. М. объяснила, что платить просителю за работу она не согласна, такъ какъ онъ при жизни покойнаго мужа ея не предъявлялъ этого требованія. Жилъ Р. у нихъ зимой, работы тогда не было, а къ лѣту ушелъ,—не захотѣлъ работать. Свидѣтели Г. Д., В. В. и Е. Г., Е. П. На предъявленіе о примиреніи соглашенія не состоялось. Отвѣтчица А. М. предъявила духовное завѣщаніе покойнаго мужа ея Ив. Г. М. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ все имущество отказано ей, отвѣтчицѣ. На второе предложеніе о примиреніи А. М. согласилась дать Р. М., ради его бѣдности, 3 р. Но Р. на это не согласился. Свидѣтели со стороны просителя подтвердили основательность его иска, а свидѣтели, указанные отвѣтчикомъ, показываютъ, что Р. несправедливо ищетъ. Волостной Судъ приговорилъ: взыскать просителю Р. М. съ отвѣтчицы А. Ѳ. М. деньгами 3 р. (Козловская волость 1886 г.).

34.

Крестьянинъ поч. М. Т. Д. К. заявилъ, что передъ Пасхой нынѣшняго года онъ былъ принятъ на проживаніе крестьяниномъ того же поч. Ив. В. Л., причемъ К. принесъ съ собой все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы Л. до смерти пропитывалъ его К., а послѣ смерти могъ воспользоваться всѣмъ имуществомъ послѣдняго. Во время этого совмѣстнаго проживанія К. засѣялъ яроваго хлѣба. Нынѣ Л. выгналъ К. изъ дому, захватилъ все его имущество и яровой хлѣбъ въ свою пользу, почему К. проситъ постановить рѣшеніе объ отобраніи принадлежащаго ему имущества по предоставленіи ему посѣяннаго яроваго хлѣба. Имущество осталось у И. Л. слѣдующее: 8 бѣлыхъ холстовъ, стоющихъ 16 р., 3 овечьихъ овчины, стоющихъ 3 р., овчинный крытый парчей полушубокъ, стоющій 3 р., женскихъ и мужскихъ рубахъ въ сундукѣ до 20 штукъ, стоющихъ 15 р., желѣзныя ведра, стоющія 1 р., деревянная квашня и 3 кадцы, стоющія 2 руб, куриныхъ яицъ 100 на 1 р. и скоромнаго масла на 3 р. 50 к., луку въ огородѣ 3 гряды, стоющія 3 руб., 2 ношенныхъ зипуна и полушубокъ старый поношенный, стоющіе 5 р., пять холщевыхъ мѣшковъ и 1 пологъ 3 р., портяныхъ онучь 5 паръ, стоющихъ 1 р., женское бѣлье 40 к., желѣзный пазникъ 40 к., сковорода 20 к., короткихъ портянокъ 30 к.; всего имущества на сумму 57 р. 80 к. Свидѣтели Е. Ѳ. Л., Е. М. Л., А. Ф. Л. и П. Т. Ш. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Т. Д. К. подтвердилъ свой искъ и просилъ удовлетворить его требованіе, при семъ К. дополнилъ, что у И. Л., кромѣ перечисленнаго въ заявленіи имущества, осталось: овечьей шерсти, принадлежащей ему, просителю, 6 фунтовъ на 1 р. 50 к. Отвѣтчикъ И. Л. объявилъ, что онъ дѣйствительно бралъ просителя Т. К. къ себѣ на пропитаніе до его смерти, но Т. не сталъ жить и ушелъ, перечисленное въ его заявленіи имущество осталось у него отвѣтчика и таковое онъ не согласенъ возвратить, пока Т. не заплатитъ ему за прокормленіе его въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, всего 9 р. Что же касается хлѣба, то Т. К. приносилъ въ домъ его, отвѣтчика, только полбы пудовъ 8, которые и посѣяны, овса же ни одного зерна не приносилъ. Посѣвъ полбы И. Л. также не согласился возвратить Т. до расплаты за пропитаніе. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Свидѣтели Е. Ф. Л., Е. М. Л. и П. Т. Ш. показали, что имъ извѣстно, что Т. К. ушелъ отъ И. Л. изъ за ссоры, которая начата семействомъ послѣдняго. Во время проживанія у И. Л. Т. К. работалъ. Волостной Судъ постановилъ: отобрать отъ отвѣтчика И В. Л. все принадлежащее Т. К. имущество: 2) по встрѣчному иску И. Л. взыскать въ его пользу съ Т. К. 5 р.; 3) яровой посѣвъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто полбы, посѣянной Т. К. на землѣ И. Л. предоставить выжать изъ посѣва овса Л. на землѣ его, К. одинъ переѣздъ, остальной осесъ И. Л. раздѣлить между ними пополамъ; и 4) такъ какъ при заключительномъ рѣшеніи дѣла выяснилось, что яйца и скоромное масло Т. К. употреблены и ихъ въ наличности нѣтъ, но съ И. Л. не взыскивать. (Козловская волость 1883 г.).

35.

Крестьянинъ поч. М. Т. Д. К. заявилъ, что передъ Пасхой нынѣшняго года онъ былъ принятъ на проживаніе крестьяниномъ того-же поч. Ив. В. Л., причемъ К. принесъ съ собой все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы Л. до смерти пропитывалъ его, К., а послѣ смерти могъ воспользоваться всѣмъ имуществомъ послѣдняго. Во время этого совмѣстнаго проживанія К. засѣялъ яроваго хлѣба. Нынѣ Л. выгналъ К. изъ дому, захватилъ все его имущество и яровой хлѣбъ въ свою пользу, почему К. проситъ постановить рѣшеніе объ отобраніи принадлежащаго ему имущества и о предоставленіи ему посѣяннаго яроваго хлѣба. Имущество осталось у И. Л. слѣдующее: 8 бѣлыхъ холстовъ стоющихъ, 16 р. 3 овечьихъ овчины, стоющихъ 3 р., овчинный, крытый парчей полушубокъ, стоющій 3 р., женскихъ и мужскихъ рубахъ въ сундукѣ до 20 штукъ, стоющихъ 15 р. желѣзныя ведра, стоющія 1 р., дере-

вянная квашня и 3 кадцы, стоющія 2 р., куриныхъ яицъ 100 на 1 рубль и скоромнаго масла на 3 р. 50 к., луку въ огородѣ 3 гряды, стоющія 3 р. 2 пошенныхъ зипуна и полушубокъ старый, поношенный, стоющіе 5 р., пять холщевыхъ мѣшковъ и 1 пологъ 3 р. портяныхъ онучь 5 паръ, стоющихъ 1 р., женскаго бѣлья 40 к., желѣзный назникъ 40 к., сковорода 20 к., короткихъ портянокъ 30 к. всего имущества на сумму 57 р. 80 к. Свидѣтели: Е, Ѳ. Л., Е. М. Л., А. Ф. Л., и П. Т. Ш. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Т. Д. К. подтвердилъ свой искъ и просилъ удовлетворить его требованіе; при семъ К. дополнилъ, что у И. Л., кромѣ перечисленнаго въ заявленіи имущества осталось овечьей шерсти, принадлежащей ему, просителю, 6 фунтовъ на 1 р. 50 к. Отвѣтчикъ И. В. Л. объявилъ, что онъ дѣйствительно бралъ просителя Т. К. къ себѣ на пропитаніе до его смерти но Т. не сталъ жить и ушелъ, перечисленое въ его заявленіи имущество осталось у него отвѣтчика и таковое онъ не согласенъ возвратить, пока Т. не заплатитъ ему за прокормленіе его въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, всего 9 руб. Что же касается хлѣба, то Т. К приносилъ въ домъ его, отвѣтчика, только полбы пудовъ 8, которые и посѣяны, овса же ни одного зерна не приносилъ. Посѣвъ полбы И. Л. также не согласился возвратить Т. до расплаты за пропитаніе. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Свидѣтели Е. Ф. Л., Е М. Л. и П. Т. Ш. показали, что имъ извѣстно, что Т. К. ушелъ отъ И. Л. изъ за ссоры, которая начата семействомъ послѣдняго. Во время проживанія у И. Л., Т. К. работалъ. Волостной Судъ постановилъ: 1) отобрать отъ отвѣтчика И. Л. все принадлежащее Т. К. имущество; 2) по встрѣчному иску И. Л. взыскать въ его пользу съ Т. К 5 р., 3) яровой посѣвъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто полбы, посѣянной Т. К. на землѣ И. Л. предоставить выжать изъ посѣва овса Л. на землѣ его, К., одинъ переѣздъ, остальной овесъ И. Л. раздѣлить между ними пополамъ; и 4) такъ какъ при заключительномъ рѣшеніи дѣла выяснилось, что яйца и скоромное масло Т. К. употреблены и ихъ въ наличности нѣтъ, то съ И. Л. не взыскивать. (Козловская волость 1883 г.).

36.

Отставной рядовой поч. Подгоръ К. С. М. жалуется, что 10 м. 1880 г онъ вступилъ въ усыновленіе къ крестьянину поч. Подгоръ Ив. Дм. Ч. вмѣстѣ съ своею женою А. Л. съ тѣмъ, чтобы у послѣдняго работать и по смерти его воспользоваться его имуществомъ, какъ наслѣднику; съ собою привезъ къ Ч. собственнаго сѣна 5 возовъ, ржаной муки 4 пуда, ячменя $3^1/_2$ кул. 30 пуд. и 28 ведеръ картофеля и кое-какую посуду, а между тѣмъ нынѣ Ч. его, Молчанова, выгналъ и ничего не даетъ, а потому М. проситъ, какъ за житье, такъ и за хлѣбъ, картофель и сѣно взыскать ту сумму, какая будетъ причитаться и удовлетворить его. Въ докащики представилъ кр. п. П. В. В.; К. Н.; П. Л.; И. З.; В. В.; а также проситъ раздѣлить посѣвъ пополамъ. Отвѣтчикъ кр. Ив. Д. Ч. на прочитанное ему заявленіе К. М. объяснилъ, что К. С. М. пришелъ къ нему на житье въ домъ, въ маѣ мѣсяцѣ, прошлаго 1880 года и съ собою привезъ 4 воза сѣна, 4 пуда ржаной муки, 8 п. ячменя и 28 ведеръ картофеля, по онъ пришелъ не одинъ, а съ двумя малолѣтними дѣтьми и женою, то онъ привезенное употребилъ на продовольствіе своего семейства, а хотя К. М. и жилъ времени съ годъ, но ничего въ домѣ отъ его работы не прибыло, кромѣ лишь того, что посѣяно 3 переѣзда озимоваго хлѣба и два яроваго. Свидѣтели кр. В. В.; К. Н.; П. В.; И. З. и В. В. Ч. объяснили, что когда К. М. входилъ на житье въ домъ Ив. Ч., то у него сѣно и хлѣбъ былъ, но сколько не знаютъ, а также имъ неизвѣстно и того были ли деньги у М. Предложено имъ добровольно сдѣлаться, но они не согласились. Истецъ К. С. М. къ заявленію своему дополнилъ, что онъ съ собою принесъ денегъ 6 р, которые и употребилъ по дому Ив. Ч. Отвѣтчикъ И Ч.; К. М. добровольно отдаетъ овцу и свинью. Волостной Судъ, по выслушаніи спорящихъ сторонъ и свидѣтельскихъ показаній, приговорилъ: озимовый хлѣбъ (послѣ) раздѣлить между И. Ч. и К. М. пополамъ. Изъ числа яроваго посѣва, сдѣланнаго однимъ Ив. Ч. предоставить К. М. $^1/_2$ пер. и сверхъ того одну овцу и свинью. (Сарапульская волость 1881 г.).

37.

Крестьянинъ д. Д. А. Н. К. заявилъ суду, что 15-го января сего года по приглашенію однодеревенца Е. Е. Т., по неимѣнію у него родныхъ дѣтей, проживалъ вмѣстѣ съ своею женою въ домѣ его, Т., занимаясь по дому всѣми крестьянскими работами, привезъ съ собою ржи 40 пудовъ, но нынѣ 27-го іюня Т. изъ дому его выгналъ, не давъ никакого вознагражденія за его трудъ, почему и проситъ взыскать съ него, Т., за каждый прожитый мѣсяцъ по 4 руб. и утраченную рожь 30 р. всего 52 р. Въ Волостномъ Судѣ проситель А. К. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ Е. Е. Т. объяснилъ, что проситель А. К. по приглашенію дѣйствительно проживалъ въ его домѣ и занимался по хозяйству всѣми крестьянскими работами съ 15-го января по 27-е іюня сего года, но по вышедшимъ между ними непріятностямъ К. отказалъ и добавилъ, что К. дѣйствительно было привезено ржи 40 пудовъ, но вознагражденіе за прожитое врэмя дать К. не соглашается, потому что во 1 хъ, за него уплачено податей 8 р., отдано за сапоги 3 р., за арендную землю 2 р. 50 к., за покупку сохи 1 р., за муку 40 к., 30 к. уплачено за перевозъ черезъ Каму 15 к. всего 15 р. 35 к. Вслѣдствіе чего Волостной Судъ, принимая во вниманіе то, что проситель А. К. во время пребыванія у Е. Т. (какъ неспособнаго къ работѣ), занимался какъ слѣдуетъ всѣми крестьянскими работами, однимъ словомъ, велъ все хозяйство, не приводя таковое въ упадокъ, почему заявленіе просителя нашли заслуживающимъ уваженія, постановилъ, за сдѣланный изъ 52 р. вычетомъ 15 р. 35 к. остальное количество 36 р. 60 к. довзыскать съ Е. Т. (Сарапульская волость 1878).

38.

Крестьянинъ С. уѣз., деревни С. П. Л. заявилъ Волостному Суду, что крестьянинъ, однодворецъ И. П. съ женою принятъ былъ *въ дѣти* и прожилъ 2 мѣсяца 23 дня и ушелъ, а потому проситъ взыскать съ И. за содержаніе его десять рублей. Проситель, крестьянинъ П. Л. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ, крестьянинъ И. П. показалъ, что у него Л. дѣйствительно жила жена и работала, самъ онъ былъ въ работникахъ и Л. самъ ихъ выгналъ, поэтому онъ должнымъ себя не считаетъ. Волостнымъ Судомъ было предложено тяжущимся настоящее дѣло покончить добровольной сдѣлкой, но между ними таковой не со-

стоялось. Волостной Судъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, находитъ искъ Л. недоказаннымъ и кромѣ того, имѣя въ виду, если жена П. жила у Лобанова въ видѣ пріемныхъ дѣтей, въ такомъ случаѣ и работала на Л., на основаніи чего и постановилъ въ искѣ Лобанова отказать, о чемъ и объявить тяжущимся съ правомъ обжалованія, въ случаѣ неудовольствія, въ 30 дневный срокъ, въ Сарапульскомъ Уѣздномъ по Крестьянскимъ Дѣламъ Присутствіи. (Сарапульская волость 1887 г.).

39.

Крестьянинъ И. Н. Т. заявилъ, что родной братъ его Г. Н. Т. вступается въ оставшееся послѣ смерти брата его солдата А. Т. имущество, всего на сумму 87 руб., жена котораго вышла въ замужество за крестьянина А. волости, З. Н., тогда какъ имущество это было нажито имъ вообще съ братомъ Ал., братъ же Гр. былъ отданъ 4-хъ мѣсяцевъ въ дѣти къ крестьянину д. Б., В. Л. Г—у, имуществомъ коего и воспользовался, потому просимъ брату его Г. въ пользованіи имуществомъ умершаго брата, солдата А. отказать. Вызванные Волостнымъ Судомъ, явились Г. И. Т. и сноха его, бывшая солдатка, вдова М. Ѳ. Т., которымъ было предложено объ окончаніи дѣла миромъ, на что они и согласились: И. И. Т. обязался уплатить снохѣ М. Ѳ. деньгами 12 р. и брату своему Г. добровольно уступилъ подъѣздную крышу на сумму 2 р. съ тѣмъ, чтобы остальнымъ имуществомъ пользоваться ему И. Т., на что братъ его Г. и сноха М. Ѳ. вполнѣ согласились, а потому Волостной Судъ постановилъ: условіе мировой сдѣлки записать въ книгу. (Мостовинская волость 1883 г.).

40.

Крестьянская дѣвица деревни К., Н. А. К. заявила Волостному Суду, что она съ дѣтства была принята въ дѣти крестьяниномъ одной съ нею деревни Е. Ф. Л., который продержалъ до 18 лѣтняго возраста, нынѣ онъ Е. Л. сталъ наносить ей побои и, наконецъ, выгналъ изъ дому, не давъ ей никакого движимаго имущества т. е., принадлежащаго ей, а именно: 1 шаль, стоющую 3 р., сундукъ, стоющій 1 р., 3 холщевыхъ скатерти, стоющихъ 3 р., $7\frac{1}{2}$ дубленыхъ овчинъ. стоющихъ 4 р. 90 к., всего на сумму 11 р. 90 к., почему проситъ поступить съ нимъ по закому. Вызванная въ Волостномъ Судѣ просительница жалобу свою подтвердила и добавила, что еще остается у Е. Л. изъ принадлежащаго ей имущества, нитяный дубленый тулупъ, $1\frac{1}{2}$ пуда шерсти и войлокъ, которые проситъ предоставить ей. Отвѣтчикъ Е. Л. показалъ, что онъ, изъ числа просимаго имущества, не отдастъ Н. только шаль и дубленый полушубокъ, такъ какъ таковые принадлежатъ мнѣ, а не ей, и что таковыми она уже воспользовалась. Волостной Судъ склонялъ тяжущихся къ примиренію, на что стороны и согласились; такъ Е. Л. обязался отдать просительницѣ просимое: шаль, сундукъ, 3 скатерти, $7\frac{1}{2}$ овчинъ и $\frac{1}{2}$ пуда овечьей шерсти, а просительница искъ къ дубленому тулупу прекратила. (Гальянинская волость 1887 г.).

41.

Запасный рядовой Н. А. Ш. заявилъ, что въ 1873 г. онъ, женившись на дочери крестьянина поч. М. Як. Л. Б., ушелъ на житіе къ нему въ домъ; нынѣ тесть его Б. выдворилъ его изъ дому, не вполнѣ надѣливъ имуществомъ. Послѣднее обстоятельство вынуждаетъ Ш. просить Волостной Судъ обязать Б. выдѣлить ему еще баню и навоженный у дома Б. лѣсъ—послѣднихъ 20 штукъ. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Н. Ш. подтвердилъ свое ходатайство. Отвѣтчикъ Б. объявилъ, что зятя своего Н. Ш. онъ надѣлилъ слѣдующимъ съ него имуществомъ, а теперь выдѣлять еще баню и лѣсъ—не согласенъ. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Изъ преній сторонъ выяснилось, что лѣсъ заготовленъ Б—ву Ш—мъ, имъ же построена и баня. На это Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика Як. Б. отдать просителю Н. Ш., состоящую на его усадьбѣ баню, искъ же о выдѣлѣ лѣса оставить безъ послѣдствій. (Козловская волость 1881 г.).

42.

Крестьянинъ д. Ш., Я. Е. Ш. заявилъ, что онъ бралъ въ домъ на житье зятя своего Ег. Ю. и, прожившій 5 лѣтъ онъ прижилъ съ зятемъ своимъ Е. Ю. избу, и кромѣ того еще онъ посѣялъ вмѣстѣ хлѣба 3 десятины и гороху 1, все это имущество раздѣлить съ нимъ зять его Ю. не желаетъ. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, уволенный въ запасъ отставной рядовой, Е. Ю. объяснилъ, что онъ отъ избы тестю своему не отдастъ никакой части, потому что избу онъ перевезъ отцовскую, изъ хлѣба рожь и горохъ отвѣтчикъ желаетъ раздѣлить съ просителемъ по равной части. Проситель Я. Ш. противъ того возразилъ, что онъ желаетъ взять себѣ 2 части какъ гороху, такъ и ржи, потому что земля въ количествѣ 3-хъ десятинъ съ половиною на 2 души принадлежитъ ему, просителю Ш—у, и подати за 2 души онъ платитъ самъ. Если зять его Е. Ю. удѣлитъ частью, но изъ избы, то тогда онъ Ш. отдастъ ему часть хлѣба гороху и ржи. Миролюбивой сдѣлки между тяжущимися не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: рядового Е. Ю. обязать надѣлить тестя своего хлѣбомъ двумя частями, какъ горохомъ, такъ и рожью, а остальную часть хлѣбовъ предоставилъ право воспользоваться отвѣтчику Ю., а также пользоваться коровой съ теленкомъ, двумя овечками и 3 свиньями, остальныхъ двухъ быковъ и 3-хъ овечекъ обязать его, Ю., отдать просителю Ш. (Мостовинская волость 1881 г.).

43.

Крестьянинъ д. Т., Д. К. М. Волостному Суду словесно заявилъ, что принятый имъ въ домъ зять, по женитьбѣ на дочери, крестьянинъ той же деревни К. К. Т., проживъ $\frac{1}{2}$ года ушелъ и взятую въ замужество дочь его Ѳеклу увелъ въ домъ брата своего Д. К. между тѣмъ онъ употребилъ на его женитьбу 30 р., отдано за вѣнчанье 5 р. и уплатилъ въ подати въ его душу 6 р., итого 41 р. почему проситъ сдѣлать разбирательство Волостной Судъ. Вызванные сего числа въ Волостной Судъ прикосновенные къ дѣлу сему лица показали: 1) проситель Д. К. заявленіе свое подтвердилъ вполнѣ безъ дополненія, 2) отвѣтчикъ К. Т., что онъ отъ тестя Д. Д. ушелъ потому, что не давалъ ему полнаго управленія въ домѣ. По выше приведенному обстоятельству дѣла оказывается, что М. принявъ въ домъ зятя К. Т., употребилъ на свадьбу 30 р. за вѣнчанье 5 р. и на плату податей 6 р., Т. же, проживъ у М. 6 мѣсяцевъ, самовольно ушелъ, принимая во вниманіе то, что Т. въ теченіе $\frac{1}{2}$ года нахо-

дился у М. въ видѣ работника, вмѣстѣ съ женой, полагая въ годъ 1-у 40 р. а послѣдней 20 р., что и составитъ къ исключенію 30 р., остальныхъ затѣмъ 11 р. признать должнымъ Т. уплатить М. П. на основаніи ст. 101, 103 и 96 приговорили: взыскать съ К. Т. деньги 11 р. и онымъ удовлетворить М. (Козловская волость 1876 г.).

44.

Крестьянинъ д. Т. С. К. Ш. заявляетъ, что отецъ его К. Т. выходилъ на жену А. Я. М. въ ея домъ и приносилъ съ собой разное имущество. К. умеръ четыре года до этого, а его, просителя, А. выдворила изъ дома и теперь онъ живетъ отдѣльно, потому проситъ по рѣшеніи отобрать отъ А. М. отъ имущества отца: 4 звена заплота, погребъ, сѣни и тулупъ овчинный, крытый. Свидѣтели: М. В. Т. Ф. В. Т. и А. Е. М. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель подтвердилъ свой искъ. Отвѣтчица А. М. объяснила, что она отдаетъ пасынку просителя С. Т. изъ заплотныхъ три звена и погребъ а сѣни, тулупъ и одно звено заплотовъ не даетъ, такъ какъ это не принадлежало умершему мужу ея — его отцу К. Т. Примиренія на предложеніе не состоялось. Свидѣтели М. и Ѳ. Т. и А. М. подтвердили справедливость иска просителя. Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчицу А. М. выдать пасынку ея С. Т. изъ имущества умершаго мужа ея: погребъ, 4 звена заплотовъ и тулупъ овчинный, въ домогательствѣ же о сѣняхъ отказать, такъ какъ таковыя находятся въ связи съ большимъ домомъ А. (Козловская волость 1883 г.).

45. *)

Крестьянинъ д. Ш. И. С. К. заявилъ Волостному Суду, что крестьяне однодеревенцы его М. и И. Ф. и Р-ы убили принадлежащую ему свинью, стоющую 10 р., что выдала крестьянка М. И. Б., а потому проситъ взыскать означенную сумму. На судѣ проситель заявленіе свое подтвердилъ и добавилъ, что онъ желаетъ взыскать только 7 р. Отвѣтчики кр. М. Ф. на судъ не явились и И. Ф. Р. показалъ, что они бросили въ свинью камнемъ и убили. Свидѣтельница крестьянка М. И. Б. показала что она видѣла какъ крестьянинъ М. И. Ф. убилъ свинью крестьянина И. К. Предложили 107 ст., но мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, вслѣдствіе сознанія отвѣтчика и показанія свидѣтельницы, постановилъ: взыскать съ крестьянъ М. и И. Ф. Р. 7 рублей въ удовлетвореніе И. К. (Сарапульская волость 1887 г.).

46.

Крестьянинъ Осин. уѣзда М. в. д. И. К. Л. С. заявилъ Волостному Суду, что крестьяне С. в. д. Ш. И. Л. Р. К. П. К. и солдатъ А. П. Р. порядились у него сдѣлать 2000 мочальныхъ сторожекъ и за работу забрали деньги впередъ, наконецъ съ работы сбѣжали, не доработавъ 9 р. 32 к. что можетъ подтвердить кр. д. К. К. Л. К., а потому проситъ взыскать съ поименованныхъ лицъ. На судѣ крестьянинъ К. С. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчики кр. д. Ш. И. Л. Р. К. П. К. и А. П. Р. должниками себя не признали, хотя деньги и не заработаны ими, потому что у С. небыло матеріала для работы. Свидѣтель крестьянинъ К. Л. К. на судъ не явился. Предложена была 107 ст., но мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, находитъ, что крестьяне И. Р. К. К. и А. Р. хотя и не заработали 9 р. 32 к. у крестьянина К. С. но собственно по причинѣ С., такъ какъ у него не было матеріала для работы, а потому постановилъ въ искѣ крестьянину К. С. отказать. (Сарапульская волость 1887 г.).

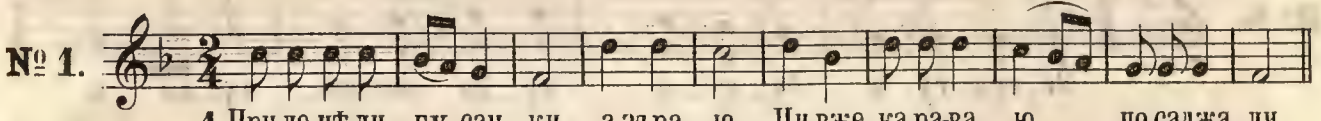
*) *Примѣчаніе.* №№ 45 и 46 являются протоколами засѣданія Сарапульскаго суда, по дѣламъ, судоговореніе по которымъ напечатано въ „Зам. о юр. бытѣ крестьянъ С. у.“.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ

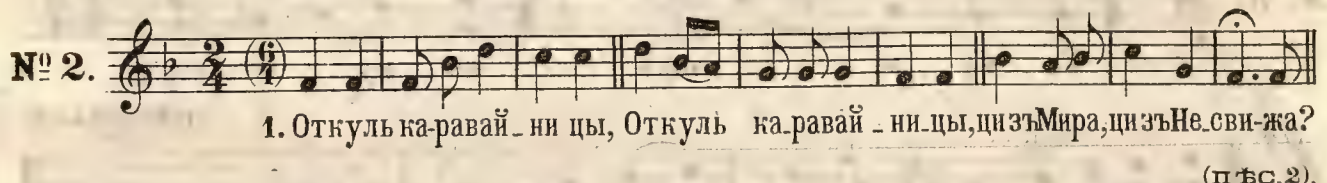
Минской губ.

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ Н.ЯНЧУКА.)

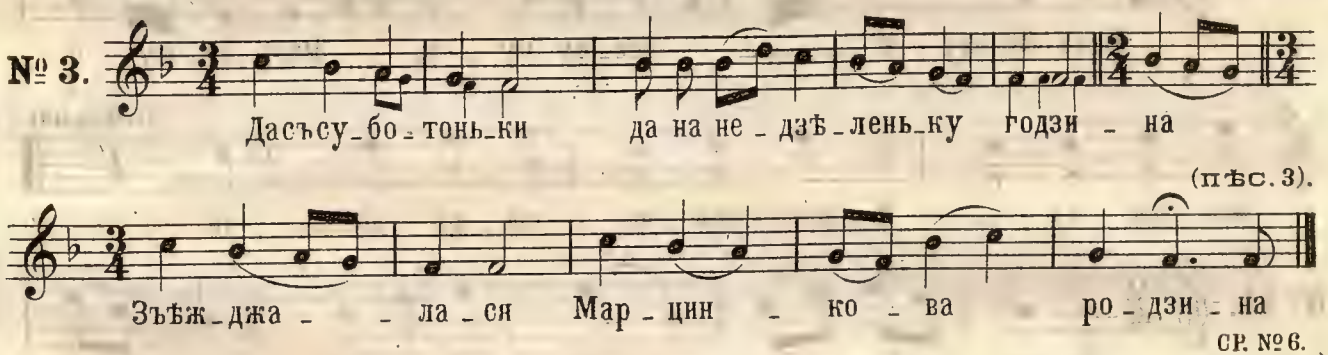
№ 1.



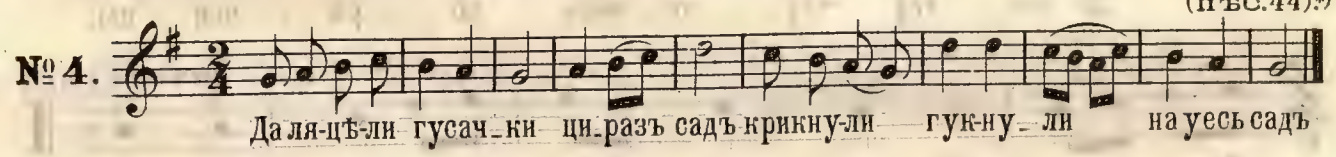
№ 2.



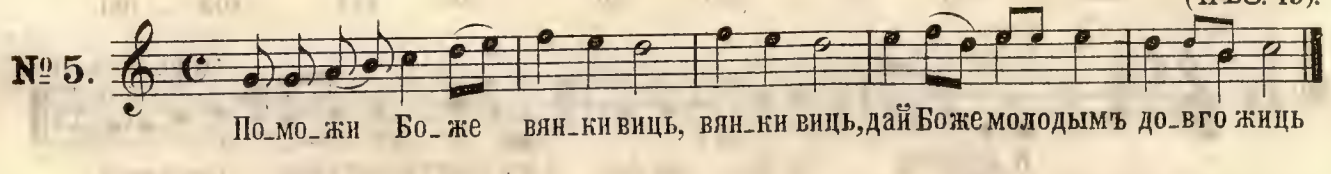
№ 3.



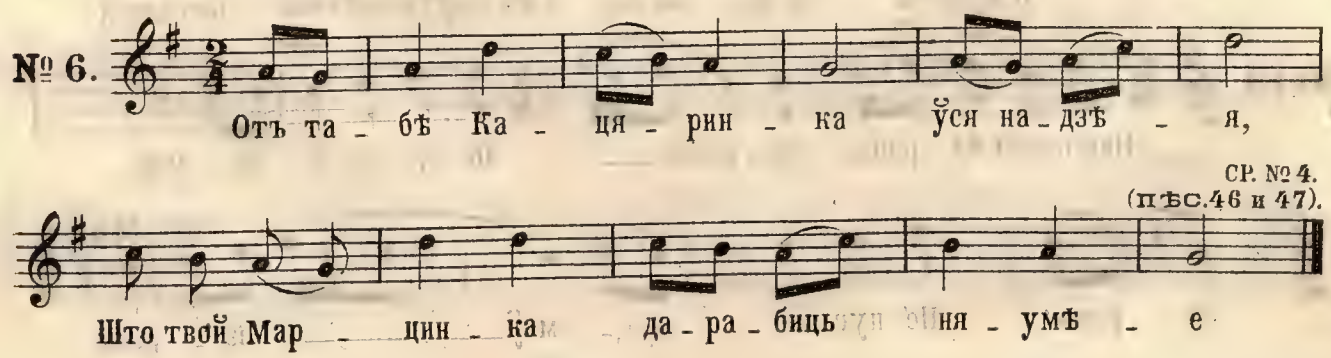
№ 4.



№ 5.



№ 6.



*) Для начала дальнѣйшихъ куплетовъ берутся также послѣдніе 3 такта вм. первыхъ 3хъ.

(пѣс.51).

№ 7.

Сѣ-дзѣ-ла Рын-да да на-пе-чи щи, Рын-да, Рын-да

№ 8.

За-пра-гу я бу-га-я, ку-ды лю-дзи, ту-ды я.

(пѣс.52).

Да га-ю, га-ю, ку-ды лю-дзи, ту-ды я

№ 9.

Ко-му ве-черъ, ко-му ве-черъ,

(пѣс. 56 и 57).

а мнѣ ве-че-ро-чекъ, а мнѣ ве-че-ро-чекъ

№ 10.

Волъ бу-шу-е весну чу-е, Волъ бу-шу-е,

(пѣс.63).

весну чу-е, Воронъ кря-че, сы-ра хо-че

№ 11.

Да пла-ваў чоў-но-чокъ по рѣ-чец-цы,

(пѣс.66 и 67).

Да-пла-каў до-нат-ко по-дзѣ-воц-цы

(пѣс.68 и 69).

№ 12.

Я дума-ла за-жа-ла-ся, Ажъ зноусъхвастомъ засталася

№ 13.

Нашъ панъ ба-ранъ, ба-ранъ: Не пус-ка-е да-моў

(пѣс.74 и 75).

за-рань, Не пус-ка-е да-моў за-рань

№14.

Па-рас-ла кра-пи-ва вы-ше га-ра-дзи-ща,

(пѣс. 85).

кабъ не на-ши па-ни-чи, не бы-лобъ нг-ри-ща

№15.

1. Ой да эхъ не мо-гу я зъго-ра раз-гу-ли-тца, ой да то-ски ску-ки

Припѣвъ.

сва-іе ра-зо-гнаць тас-ку ра-зо-гнаць ой да. Пой-ду зъго-ра

(пѣс. 97).

на быстру-ю рѣ-чку ой да са-ма ся-ду на крутъбе-ре-жка

(пѣс. 98).

№16.

Была я убацьки на вы-го-дзѣ, Сѣ-я-ла о-рѣшки въо-го-ро-дзѣ

№17.

Якъмнѣтош-нень-ко, якъмнѣ нуд-нень-ко, са-ма не зна-ю отъче-го

(пѣс. 99).

Эхъ ой пой-дзи-цежъвы, при-ви-дзи-це мнѣ ко-го я вѣр-но люб-лю

№18.

Ой скуч-но мнѣ скуч-но, якъ бы-лин-цы въпо-ли,

(пѣс. 100).

Них-тожъ не раз-ва-жиць ме-не мо-ло-дои

№19.

Бы-ла са-би у-до-ва по-ро-дзи-ла сы-ны два,

Ускор.

(пѣс. 101).

по-ро-дзи-ла, по-ви-ла въ ко-лы-бель-ку вло-жи-ла

№20.

Ка_ли_на ма_ли_на у лу_зи сто_я_ла,

(пѣс.102)

у лу_зи сто_я_ла, сто_я_чи со_вя_ла

№21.

При_ле_цѣ_ла гал_ка, чу_жа_я зем_лян_ка,

(пѣс.103).

сѣ_ла е_на па_ла да на су_хой сос_нѣ

№22.

Ой у по_ли у по_ли вѣ_церъ ка_ли_ну ко_лы_ше,

(пѣс.104).

а братъ до сес_трич_ки час_ты лис_ты пи_ше

№23.

Жал_ко бы_ло ве_че_роч_ку, што не бы_ла вчо_ра

(пѣс.105).

што не бы_ла вчо_ра, а змѣ_ни_вся го_ло_сочекъ, якъ ци_ха_я мо_ва

№24.

Не зна_ла дзѣ_вчи_на, што ёй бу_дзе ли_ха,

(пѣс.106).

пу_сци_ла жау_нѣ_ра въ ка_мо_роч_ку ци_ха

№25.

Ой ка_ли_на ма_ли_на, да што це_бе ссу_ши_ло?

(пѣс.107).

Ссу_ши_ли ме_не буй_ны_е вѣ_тры и лю_ты_е мо_ро_зы

(пѣс. 108).

№ 26.

Бѣ-ла-я бе-ро-за по-хи-ли-ла-ся, даже-на по му-жу за жу-ри-ла-ся

№ 27.

При - ле - цѣ - - ли два си - зы - е го - лу-бы,

(пѣс. 109).

сѣ - ли, па - ли у - вдо - вуш - ки на ——— дво - рѣ

№ 28.

Ой вый - ду я на го - ру ой вый-ду я

(пѣс. 110).

на го - ру, по смо-тру я на ——— рѣ - ку

№ 29.

Чимъ дубъ не зе - лё - ный, ци ту-ча по би - ла?

(пѣс. 111).

Ка-закъ не ве - се - лый, ли - ха - я го - дзи - на

№ 30.

Ой не спит-ся не дре - мит - ся и сонъ ме-не не бе - рець;

(пѣс. 112 и 113).

по - шоў - бы я до дзѣ-ў - чи - ны, самъ не зна-ю, дзѣ жи - вець

(пѣс. 128).

№ 31.

Цём-на ноч-ка, да не вид-на - я, го-ло-воч-ка мо-я бѣд-на - я

№ 32.

Ве-черъ цём-ный ве - черъ цём-ный, а ноч - ка вид-на - я,

(пѣс. 135).

баць-ка доб - рый, баць-ка доб - рый, а ма-ци ли - ха - я.

№ 33.

Ой во_лы мо_и всей по_ло_вы_е ча_му са_мы не о_

(пѣс. 136).

_ре_це? Ой лѣ_та мо_и мо_ло_дзень_кі_е, ча_го мар_но йдзе_це?

(пѣс. 144).

№ 34.

Скука мнѣ до са_да, на у_ли_цу нейду ёнъ шельма не зна_е, што я е_голюб_лю

(пѣс. 148).

№ 35.

Ой ле_цѣ_ла па_ва, се_редъ двора па_ла, се_редъ дво_ра па_ла

№ 36.

Вы_из_дзивъ ко_ни_ка, вы_из_дзивъ дру_го_го, Ой чи що бу_де
Пы_та_ю, див чи но, чи що бу_дезъто_го,

(см. пѣс. 137).

а чи не, не ро_би за_хо_ду со_бѣ й мнѣ *)

№ 37.

Ахъ вы сот_нич_ки пол_ков_нич_ки, и што я вамъ по_зво_лю.
Ой чи_ни_тежъ сво_ю во_лю

(пѣс. 156).

Ой чи_ни_тежъ сво_ю во_лю и што я вамъ по_зво_лю

(пѣс. 157).

№ 38.

Ой рѣ_ка, рѣ_ка, рѣ_ка быстра_я, отъче_гожъ рѣ_ка такъ смутна ста_ла

(пѣс. 158).

№ 39.

Якъ па_ѣ_хавъ Да_ни_луш_ка во_на Русь на вой_ну, 2.

*) Слова малорусскія изъ Сѣдлецк. губ.; мотивъ оттуда-же.

Извѣстія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Томъ LXII, выпускъ I. / 2

МОСКОВСКІЙ МУЗЕЙ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Библіотека
Императорск
Русск. го Географичес
Общества
Залъ Е. Шкаф
Полка 3. № 3.

ВОСКРЕСНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ

КОЛЛЕКЦІЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ).

(1888—89 ГОДЪ).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Секретаря Комитета Музея

В. Д. Левинскаго.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
21 АПРѢЛЬ 1890
676

МОСКВА.
„Русская“ типо-литографія, Тверская д. Гинцбургъ.
1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Президентъ Общества, ординарный профессоръ, *Всеволодъ Миллеръ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
1.	Гнѣзда и норы птицъ и звѣрей. **А. А. Тихомировъ**	1
2.	Какъ развивается цыпленокъ въ яйцѣ. **А. А. Тихомирова**	5
3.	Замѣчательныя рыбы. **А. А. Тихомирова.**	8
4.	О рыбахъ, которыя могутъ быть разводимы въ средней Россіи. **Н. Ю. Зографа**	13
5.	Животныя, обитающія въ открытыхъ моряхъ. **Н. Ю. Зографа**	15
6.	О ловчихъ звѣряхъ и птицахъ. **А. П. Корчагина.**	18
7.	О нѣкоторыхъ промысловыхъ птицахъ. **В. А. Вагнера**	22
8.	О почтовыхъ голубяхъ. **А. Н. Корчагина**	29
9.	О сусликахъ и полевыхъ мышахъ. **А. Н. Корчагина**	33
10.	Объясненіе коллекцій по Аэростатикѣ. **А. Х. Репманъ.**	38
11.	Объясненіе явленій, вызываемыхъ теплотою. **Н. П. Леонова**	40
12.	Что такое воздухъ и каковы его свойства. **Н. П. Леонова**	43
13.	Объясненіе коллекцій по электротехникѣ. **А. Х. Репманъ**	45
14.	Кукуруза. **А. П. Адріановскаго**	47
15.	О выборѣ молочной коровы. **Н. В. Петрова**	50
16.	О русскихъ грубошерстныхъ породахъ овецъ. **Н. В. Петрова**	52
17.	Сборъ и сохраненіе лѣсныхъ сѣмянъ. **Я. Ѳ. Хрущова**	55
18.	О добываніи золота. **К. И. Тумскаго.**	57
19.	О добываніи и обработкѣ подольскихъ строительныхъ матеріаловъ. **Е. Т. Покровскаго**	60
20.	Школьные столы. **Я. Я. Никитинскаго.**	67
21.	О дыханіи. **Д-ра Е. М. Дементьева.**	71
22.	Отопленіе и вентиляція жилищъ. **Д-ра Е. М. Дементьева**	74
23.	Объясненіе коллекцій по гигіенѣ. **С. Я. Тимоховича**	79
24.	Южный берегъ Крыма **И. В. Юркевича**	81

I.

Гнѣзда и норы птицъ и звѣрей.

А. А. Тихомирова.

Были выставлены коллекціи гнѣздъ и норъ.

Предметами нашей бесѣды будутъ гнѣзда и норы нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей. Я говорю: только нѣкоторыхъ, потому что птицъ и звѣрей такъ много, ихъ норы и гнѣзда бываютъ построены такъ различно, что нечего и думать перечислять ихъ всѣ. Да это намъ и ненужно; я началъ сегодня говорить о гнѣздахъ и норахъ, имѣя такую цѣль: показать какъ каждое животное умѣетъ воспользоваться той обстановкой (пищей, климатомъ, свойствомъ почвы и т. п.), въ которой оно живетъ и какъ въ тоже время обстановка эта, какъ говорятъ, кладетъ свою печать на самое животное. Въ самомъ дѣлѣ изъ тѣхъ примѣровъ, которые я сегодня приведу, мы увидимъ, что каждое животное имѣетъ свои привычки, свою повадку, какъ говорятъ, какъ разъ подходящія къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ оно живетъ, да еще такъ подходящія, что на нашъ взглядъ лучше и придумать нельзя; намъ даже можетъ показаться, что иногда животное поступаетъ такъ ловко, скажемъ, такъ умно, что человѣку не только не удается сдѣлать ничего лучше, но даже и такъ—что сдѣлать будетъ часто не подъ силу. Присмотрѣвшись къ дѣлу ближе, мы увидимъ, однако, при этомъ почти всегда, что эта сказанная ловкость, умѣнье сдѣлать то, что имъ нужно, у птицъ и звѣрей, а также и у всѣхъ животныхъ происходитъ не такъ отъ ихъ ума, какъ отъ того, что тѣло ихъ такъ устроено, — что они дѣлаютъ что-нибудь хорошо и себѣ на пользу не потому, чтобы они такъ хотѣли, а потому, что они иначе и сдѣлать не могутъ. Чтобы видѣть, что это такъ, посмотримъ на тѣ немногіе примѣры, о которыхъ здѣсь будетъ рѣчь.

Пусть первымъ примѣромъ намъ послужитъ пестрый дятелъ. Это весьма извѣстная птица, которую лѣтомъ можно легко видѣть и на опушкѣ и въ чащѣ лѣса, осенью и зимой, также и въ садахъ. Пищей ему служатъ всякаго рода насѣкомыя, ихъ яйца, личинки, куколки; въ случаѣ нужды онъ ѣстъ, однако, орѣхи и ягоды; но врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что тѣ жучки, которые живутъ подъ корой деревьевъ и которые вслѣдствіе этого называются короѣдами, составляютъ его лакомое блюдо; этими жучками, говорю, я, питается онъ всего охотнѣе, ими же кормитъ онъ и своихъ дѣтенышей. Въ погонѣ за этими жучками дятелъ лазитъ по стволамъ и сучьямъ деревьевъ, стучитъ по нимъ своимъ крѣпкимъ клювомъ и тѣмъ выгоняетъ изъ подъ коры робкихъ жучковъ, которые, думая спастись отъ зловѣщаго стука, вылѣзаютъ наружу и тутъ же попадаютъ въ клювъ дятла. Не удается ему это, не выгналъ онъ ни одного жука, дятелъ раскалываетъ клювомъ кору, далеко всовываетъ въ ея расщелину свой длинный, зазубренный на концѣ языкъ и какъ удочкой вылавливаетъ несчастныхъ жучковъ. Когда мы смотримъ, какъ дятелъ производитъ свою охоту, насъ удивляетъ его ловкость: мы видимъ, что онъ можетъ прямо держаться на стволѣ дерева; хочетъ онъ подняться выше, онъ дѣлаетъ прыжокъ вверхъ и опять держится на стволѣ какъ бы пригвожденный къ нему. Наблюдая за птицей внимательно, мы скоро убѣдимся, что, если дятелъ легко лазитъ по отвѣснымъ стволамъ вверхъ, то наоборотъ онъ никогда не лазитъ по стволамъ головой внизъ. Если бы мы спросили, почему это такъ, то получили бы отвѣтъ, что птицѣ нашей очень легко лазать вверхъ, что именно устройство ея хвоста облегчаетъ это лазанье вверхъ: у дятла его хвостовыя перья (именно такъ наз. *рулевыя*) имѣютъ

очень крѣпкій стволъ и птица наша, лазая вверхъ по деревьямъ, опирается, можно сказать, на свой хвостъ, какъ на палку. Другое, что насъ удивляетъ, это—какъ далеко можетъ дятелъ высовывать свой языкъ. Удивительнымъ намъ это кажется однако только до тѣхъ поръ, пока мы не познакомимся съ его устройствомъ. Сдѣлаемъ мы это и узнаемъ, что та кость на которой у дятла, какъ и у другихъ птицъ (а также у звѣрей и въ нашемъ собственномъ тѣлѣ) укрѣпленъ языкъ и которая потому зовется подъязычной костью, имѣетъ сзади два такихъ длинныхъ рожка, что они подымаются къ затытку и идутъ дальше подъ кожей чрезъ темя и лобъ, вплоть до корня клюва, гдѣ и прикрѣпляется; на этихъ рожкахъ, какъ на пружинахъ, языкъ дятла выкидывается далеко впередъ.

Мы видѣли слѣдовательно, что крѣпкій клювъ дятла служитъ ему уже и при доставленіи пищи, но гораздо большую работу задаетъ дятелъ своему клюву въ другихъ обстоятельствахъ, именно: когда строитъ свое жилье или гнѣздо. Послѣднее ему нужно, какъ для вывода своихъ дѣтенышей, такъ и для ночнаго отдыхновенія: онъ спитъ въ своемъ гнѣздѣ. Это послѣднее дятелъ выдалбиваетъ себѣ всегда самъ въ деревѣ. Хотя, конечно, всякій, взглянувъ на клювъ нашей птицы можетъ удостовѣриться, что онъ очень крѣпокъ, тѣмъ не менѣе сразу можетъ показаться страннымъ, какъ дятелъ въ состояніи выдолбить свое гнѣздо; дѣло объясняется просто тѣмъ, что дятлы устраиваютъ свои гнѣзда въ деревьяхъ съ мягкой древесиной, да къ тому же еще и въ деревьяхъ больныхъ, съ разрыхленной сердцевиной. Сейчасъ было упомянуто, что дятлы строятъ свои гнѣзда не только для вывода дѣтей, но также и для ночнаго отдыха. Вотъ это то послѣднее обстоятельство и приводитъ къ тому, что каждый дятелъ строитъ не одно, а нѣсколько гнѣздъ въ годъ. Считаютъ, что среднимъ числомъ каждый дятелъ строитъ себѣ въ годъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать гнѣздъ. Эти послѣднія устроены весьма просто: каждое имѣетъ ведущее снаружи круглое отверстіе, такой величины, что птица легко можетъ пройдти въ него; если это гнѣздо предназначается для вывода дѣтей, то дно его болѣе или менѣе тщательно устлано выдолбленной древесиной, служащей мягкой подстилкой для 4—6 блестяще—бѣлыхъ яицъ, которыя кладетъ самка (замѣтимъ, что яйца эти попеременно высиживаетъ и самецъ, и самка). Разъ мы заговорили о дятлахъ, нельзя не коснуться здѣсь вопроса: полезная эта птица, или нѣтъ, слѣдуетъ ее поддерживать или слѣдуетъ истреблять. Не мало спорили объ этомъ ученые; большинство однако было того мнѣнія, что дятелъ птица полезная, потому что истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Нѣкоторые утверждали, что дятелъ во 1) вмѣстѣ съ вредными насѣкомыми истребляетъ также и полезныхъ и во 2) что они портятъ деревья; полагали даже при этомъ, что на дятловъ прямо нужно смотрѣть, какъ на птицу вредную и что ее слѣдуетъ, гдѣ только можно, истреблять. Однако же это несомнѣнно не справедливо, такъ какъ во 1) дятелъ истребляетъ самыхъ вредныхъ для лѣса насѣкомыхъ, во 2) онъ устраиваетъ гнѣзда только въ больныхъ деревьяхъ, въ 3) гнѣзда, которыя онъ, какъ мы видѣли, устраиваетъ всегда себѣ въ большомъ количествѣ, служатъ для привлеченья въ лѣсъ и другихъ птицъ, устраивающихъ себѣ гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ и истребляющихъ въ большомъ количествѣ вредныхъ насѣкомыхъ.

Другой примѣръ выставленныхъ здѣсь сегодня гнѣздъ представляютъ гнѣзда бѣлокъ. Бѣлка всѣмъ извѣстное животное, которымъ каждый охотно любуется, видитъ ли ее на волѣ или въ клѣткѣ, представляетъ собою на самомъ дѣлѣ животное вредное: въ лѣсу она истребляетъ огромное количество сѣмянъ полезныхъ древесныхъ породъ (здѣсь ея лакомый плодъ составляютъ сѣмена сосновыхъ и еловыхъ шишекъ, лѣсные орѣхи и т. д.) и приноситъ большой вредъ еще тѣмъ, что не упускаетъ ни одного случая полакомиться яйцами птицъ или даже и вылупившимися уже птенцами; въ саду она приноситъ вредъ тѣмъ, что, пренебрегая мясомъ грушъ и яблоковъ, пожираетъ сѣмена этихъ плодовъ и т. п. Словомъ, бѣлка, пока жива, приноситъ только вредъ и полезна только послѣ своей смерти, ибо извѣстно, что шкурка ея доставляетъ, хоть и не очень теплый, но за то красивый и мягкій мѣхъ, составляющій предметъ довольно обширной торговли. Быть можетъ ни къ кому такъ, какъ къ бѣлкѣ не приложима поговорка, что наружность обманчива: всѣ готовы ее считать за невинное животное, а между тѣмъ ближайшее знакомство съ ней учитъ насъ, что она прямо кровожадный звѣрекъ, недающій спуска никому, съ кѣмъ только она можетъ совладать; достаточно сказать, что видали, какъ она нападаетъ на такихъ большихъ птицъ, какъ дроздъ; одинъ изслѣдователь нашелъ даже въ гнѣздѣ бѣлки задавленнаго крота. Гнѣзда бѣлокъ чрезвычайно любопытны: по своему внѣшнему виду онѣ скорѣе напоминаютъ гнѣздо птицы, чѣмъ звѣря. Гнѣзда эти сплетены изъ сухихъ вѣточекъ, мха, иногда и травы и имѣютъ форму продолговатаго мѣшка съ отверстіемъ вверху. Это послѣднее обыкновенно такъ мало, что животное едва въ него проходитъ. Любопытно, что бѣлки устраиваютъ себѣ по нѣскольку гнѣздъ; при чемъ эти послѣднія служатъ ей для разныхъ цѣлей: для временнаго отдыха втеченіе дня, особенно въ жаркіе часы или въ непогоду; главное же назначеніе гнѣздъ, пока

бѣлка не вздумаетъ выводить дѣтенышей,—ночной отдыхъ. Гнѣзда свои бѣлки помѣщаютъ всего чаще, гдѣ-нибудь высоко на стволѣ дерева, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отходитъ большой сукъ, могущій служить хорошей опорой для гнѣзда. Хотя бѣлки и въ такъ помѣщенныхъ гнѣздахъ выводятъ своихъ дѣтенышей, но по большей части для этого дѣла онѣ употребляютъ свои гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ и къ тому же выкладываютъ тщательно такое гнѣздо внутри мхомъ и листьями. Помимо своего гнѣздостроенія бѣлки интересны еще тѣмъ, что собираютъ на зиму значительные запасы сѣмянъ, орѣховъ и т. п., запасы, которые должны имъ служить подспорьемъ въ осеннюю и зимнюю пору. Запасы эти они складываютъ въ дуплахъ деревьевъ, подъ корнями и т. п. или же прямо въ свои гнѣзда. Не всегда однако эти запасы имъ помогаютъ: то ненастная осень заставитъ истребить бѣлку свои запасы еще раньше, чѣмъ наступитъ зима, то высокій снѣгъ заградитъ бѣлкѣ путь къ устроенному ей самой амбару; вотъ почему бѣдному звѣрку, не смотря на лѣтнюю экономію, приходится иногда зимою умирать съ голоду.

Третій примѣръ гнѣзда, здѣсь выставленнаго, представляетъ гнѣздо мыши малютки. Кто его никогда не видалъ, тотъ, увидавъ его въ первый разъ, вѣроятно готовъ будетъ принять его скорѣе за птичье гнѣздо. Врядъ-ли найдется хоть одинъ другой звѣрь, который такъ искусно устраиваетъ свое гнѣздо, какъ эта маленькая мышка. Листъ осоки сплошь и рядомъ служитъ для нея главнымъ матерьяломъ. Желая сдѣлать матерьялъ этотъ удобнымъ для своей постройки, она каждый листочекъ разрѣзываетъ своими острыми передними зубами на 6—8 маленькихъ пластинокъ, и уже послѣ того плететъ изъ этого тонкаго матерьяла свое гнѣздо. Послѣднее всегда имѣетъ отверстіе сбоку и бываетъ прикрѣплено или между 20—30 стеблями осоки, или же подвѣшено на кустъ. Свой воздушный дворецъ мышь—малютка употребляетъ исключительно для вывода дѣтей, и такъ какъ этотъ послѣдній требуетъ очень мало времени, то и пользованіе дворцомъ очень кратковременно.

Присматриваясь къ различнымъ другимъ формамъ гнѣздостроенія мы часто бываемъ поражены не такъ искусствомъ животнаго, какъ его сметкой; намъ кажется часто при этомъ, что животное въ дѣлѣ пониманія своей пользы превосходитъ самого человѣка, намъ кажется, говорю, что животное догадывается тамъ, гдѣ человѣкъ сталъ бы въ тупикъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, вспомнимъ бѣлаго медвѣдя. Какъ извѣстно, медвѣдь этотъ живетъ на крайнемъ сѣверѣ. Никто не знаетъ, какъ далеко заходитъ на сѣверъ въ самыя холодныя страны этотъ медвѣдь; вѣрно только то, что какъ бы далеко не проникала здѣсь нога человѣка, онъ всюду встрѣчаетъ бѣлаго медвѣдя. У насъ въ Россіи главное мѣсто обитанія бѣлаго медвѣдя Новая Земля, тотъ островъ, гдѣ не каждый день смѣняется ночью, а гдѣ за нѣсколькими мѣсяцами сплошнаго дня наступаетъ долгая, многомѣсячная ночь. Хотя мѣсто это намъ кажется не приглядным, даже страшнымъ, тѣмъ не менѣе бѣлому медвѣдю живется тамъ привольно. Одѣтъ онъ очень тепло: мягкій и густой мѣхъ покрываетъ все его тѣло; только глаза, кончикъ носа да когти торчатъ у него изъ мѣха; даже подошвы его ногъ—и тѣ—покрыты шерстью. Можно подумать, что въ такихъ мѣстахъ онъ долженъ голодать, что ему нечѣмъ поживиться. И то нѣтъ: если бы онъ вздумалъ охотиться на землѣ, тамъ пожива была бы плохая; но медвѣдь туда рѣдко заглядываетъ; всю почти свою жизнь проводитъ онъ въ морѣ, плаваетъ и ныряетъ отлично, какъ въ открытомъ морѣ, такъ и подо-льдомъ, гдѣ преслѣдуетъ безъ устали свою главную добычу—тюленей. Гоняясь за ними, медвѣдь этотъ прямо неутомимъ; говорятъ, онъ легко уплываетъ 5 верстъ и болѣе въ часъ, при чемъ его часто находятъ за сотни верстъ отъ берега въ открытомъ морѣ. Конечно, совершая такія далекія путешествія, медвѣдь плыветъ не безъ отдыха; здѣсь ему постоянно встрѣчаются плавающія льдины; устанетъ онъ, взберется на одну изъ нихъ и плыветъ на ней сколько хочетъ, какъ на лодкѣ. Конечно, и бѣлому медвѣдю приходится иногда голодать; но всетаки живется ему не дурно. Однако же является у насъ самъ собой вопросъ: какъ живутъ только что родившіеся медвѣжата? мѣхъ у нихъ не можетъ быть большой; имъ нужно слѣдовательно теплое помѣщеніе, а гдѣ они его найдутъ въ этихъ холодныхъ странахъ. Вотъ здѣсь то мы и видимъ примѣръ того, какъ просто и хорошо можетъ устроиться животное даже въ такомъ случаѣ, который человѣку кажется затруднительнымъ. Скажемъ здѣсь впередъ, что, какъ ни холодно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ бѣлые медвѣди, ихъ самки приносятъ своихъ дѣтенышей въ самые холодные мѣсяцы. Въ это время сытая, накопившая въ своемъ тѣлѣ много жира, медвѣдица отыскиваетъ подходящее мѣсто и устраиваетъ себѣ логово въ разрытомъ лапами промерзшемъ снѣгу и мало заботится о томъ, что съ ней будетъ дальше. Мало по малу ея заноситъ все болѣе вновь выпадающимъ снѣгомъ; вьюги помогаютъ дѣлу и вершокъ за вершкомъ снѣжная крыша дѣлается надъ ней все толще и толще. Чѣмъ толще дѣлается слой снѣга надъ медвѣдицей, тѣмъ ей теплѣй и теплѣй, потому что теперь тѣло ея покрыто не только мѣхомъ, но еще и толстымъ слоемъ снѣга; и тотъ, и другой дѣлаютъ одно и тоже дѣло: не даютъ уходить теплу ея тѣла наружу, что только и нужно всякому животному,

чтобы ему было тепло. Извѣстно вѣдь, что человѣкъ, каждый звѣрь и каждая птица имѣютъ свое собственное тепло и, въ сущности говоря, если мы надѣваемъ такъ называемую теплую одежду, то это значитъ, что мы надѣваемъ такую одежду, которая не выпускаетъ наружу собственной нашей теплоты. Вотъ такой-то теплой, да къ тому же еще и очень теплой одеждой можетъ служить и снѣгъ. Вотъ въ этой то теплой, хотя и снѣжной, сверху даже покрытой часто ледяною корою берлогѣ, бѣлая медвѣдица и приноситъ своихъ 2-хъ, рѣдко 3-хъ дѣтенышей, которыхъ и не выводитъ наружу до тѣхъ поръ, пока они не могутъ слѣдовать за нею безъ всякаго вреда для своего здоровья.

Возьмемъ еще два любопытныхъ примѣра, гдѣ животныя представляются намъ чрезвычайно искусными въ томъ дѣлѣ, которое они дѣлаютъ. Первымъ примѣромъ пусть намъ послужитъ кротъ. Кто видитъ это животное, когда оно случайно вылѣзетъ изъ земли, тому оно кажется какимъ-то несчастнымъ и неуклюжимъ: глазъ и ушей у него не видно, шея очень короткая, лапы въ родѣ лопатъ, вывернуты назадъ и наружу; онѣ служатъ кроту очень плохую службу, когда онъ ходитъ по землѣ. Но спросите тѣхъ, кто знаетъ, какъ живетъ кротъ въ землѣ и что онъ тамъ дѣлаетъ, и они скажутъ вамъ, что тамъ въ землѣ кротъ одно изъ самыхъ ловкихъ животныхъ, что онъ хоть и не видитъ, за то отлично чуетъ тѣхъ червей и насѣкомыхъ, которые ему служатъ пищей. Вы узнаете, что кротъ подъ землей строитъ себѣ широкіе корридоры, въ родѣ охотничьяго парка, по которому кротъ бѣгаетъ также ловко и скоро, какъ ловко и скоро плаваетъ щука въ водѣ, гоняясь за своей добычей. Спросимъ дальше и узнаемъ, что гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ своего подземнаго парка кротъ строитъ себѣ также и очень хитрый дворецъ, который состоитъ изъ логова, соединяющаго многими ходами, какъ съ охотничьимъ паркомъ, такъ и еще съ двумя круговыми галлереями, вѣроятно устроенными для того, чтобы въ случаѣ нападенія какого нибудь врага можно было незамѣтно скрыться. Всего этого мало однако, оказывается къ тому еще, что кроты устраиваютъ себѣ подъ землей также и особые стоки для воды, имѣютъ такимъ образомъ свои подземные колодцы. Глядя на всѣ эти сооруженія, мы невольно удивляемся ловкости крота; но, взглянувъ на него самого, мы видимъ, что это ему обходится не дорогомъ: на нашъ взглядъ кротъ сдѣлался уродомъ для того, чтобы стать ловкимъ въ своемъ дѣлѣ.

Кротъ представляетъ не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Посмотрите еще на одно животное очень интересное въ этомъ отношеніи. Я подразумѣваю живущихъ въ Америкѣ броненосцевъ. Свое названіе звѣри эти получили оттого, что тѣло ихъ покрыто, какъ щитомъ, твердой броней. Эта броня состоитъ изъ костяныхъ бляшекъ сверху покрытыхъ рогомъ въ родѣ нашихъ ногтей и служитъ хорошей защитой для этихъ неуклюжихъ звѣрей. Не только своей броней замѣчательны они, но еще и — страшно развитыми на переднихъ ногахъ когтями, которые служатъ этимъ звѣрямъ исключительно для копанія земли. Пищей имъ служатъ насѣкомыя и всякаго рода падаль. Могилы людей привлекаютъ ихъ къ себѣ; они ихъ разрываютъ своими крѣпкими когтями и пожираютъ трупы. Кто видѣлъ этихъ звѣрей живыми, тотъ не могъ не удивиться, глядя на нихъ, и, смотря на ихъ неуклюжее тѣло, невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могутъ защищаться эти животныя отъ нападающихъ на нихъ враговъ? Здѣсь-то вотъ и оказываютъ имъ незамѣнимую услугу ихъ страшные когти. Броненосцы живутъ подъ землей, въ норахъ, которыя вырываютъ себѣ сами и только ночью выходятъ на добычу. Однако же въ случаѣ, если броненосца застанетъ опасность наверху, нора ему не поможетъ: при своей неуклюжести онъ никогда не успѣетъ до нея добѣжать, да это ему и не нужно: съ помощью своихъ сильныхъ ногъ и крѣпкихъ когтей, онъ можетъ въ нѣсколько минутъ зарыться въ землю и такимъ образомъ укрыться отъ угрожающей ему опасности.

Я съ намѣреніемъ привелъ два послѣдніе примѣра: крота и броненосца, чтобы показать какъ дорого обходится животнымъ ихъ искусство. Кротъ очень ловко движется подъ землей и ловко строитъ тамъ свое жилище; броненосецъ обладаетъ замѣчательной способностью зарываться въ землю. Но и тотъ и другой, чтобы выработать въ себѣ эту способность, должны были, по сравненію съ другими животными, обратиться въ уродовъ. Здѣсь, какъ нельзя лучше выступаетъ различіе между искусствомъ человѣка и искусствомъ животныхъ: человѣкъ для своихъ нуждъ изобрѣтаетъ разнаго рода машины; животныя же для той же цѣли сами должны обращаться въ машины.

II.

Какъ развивается цыпленокъ въ яйцѣ.

А. А. Тихомирова.

Были показаны коллекція микрофотографій.

Съ незапамятныхъ временъ знаютъ люди, что птицы подобно многимъ другимъ животнымъ выводятъ своихъ дѣтенышей изъ яицъ. Извѣстно также, что цыплята выводятся не просто, а что яйца должны быть для этого насижены, т. е. что курица или другая птица, которая выводитъ своихъ птенцовъ должна долгое время накрывать ихъ своимъ тѣломъ. Давно стало извѣстно также, что птицы, насиживая свои яйца, ничего особаго съ ними не дѣлаетъ кромѣ того, что согрѣваютъ ихъ. А если это такъ, то отсюда понятно, что для того, чтобы изъ яйца вышелъ цыпленокъ нужно только, чтобы яйцо согрѣвалось ни больше, ни меньше того, на сколько его согрѣваетъ насѣдка. Вотъ почему изъ яицъ можно выводить цыплятъ и безъ насѣдки: стоитъ только положить ихъ въ достаточно теплое мѣсто. Объ этомъ люди узнали уже давно и пользовались этимъ знаніемъ для своихъ нуждъ: такъ древніе Египтяне уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашего времени въ особо устроенныхъ печахъ выводили цыплятъ; въ настоящее же время придуманы самые различные аппараты для вывода цыплятъ безъ насѣдки, и этими аппаратами пользуются для того, чтобы выводить цыплятъ въ любое время года, т. е. не только весной и лѣтомъ, какъ это дѣлаютъ сами насѣдки, но также осенью и зимой. Аппараты эти устроены довольно различно, но главнымъ образомъ устройство ихъ сводится къ тому, чтобы яйца со всѣхъ сторонъ были окружены тепломъ, чтобы тепло это было равномѣрно и равнялось бы приблизительно тому теплу, которое даетъ своимъ тѣломъ насѣдка, т. е. около 32° по обыкновенному термометру (Реомюра). Достигаютъ такого устройства этихъ, такъ наз. инкубаціонныхъ, аппаратовъ тѣмъ, что дѣлаютъ аппаратъ въ видѣ ящика съ двойными стѣнками, между которыми поливается теплая вода; въ аппаратахъ попроще теплота этой воды поддерживается такъ, что черезъ извѣстное время остывшая вода сливается, а вмѣсто нея подбавляется болѣе теплая вода; въ другихъ же аппаратахъ пристраивается небольшая лампочка, которой управляютъ такъ, чтобы она постоянно прибавляла теплоты столько, сколько вода въ ящикѣ теряетъ ея отъ охлажденія.

Если такимъ образомъ уже очень давно стало извѣстно, какъ можно просто поступать съ яйцами, чтобы изъ нихъ выводились цыплята, то напротивъ еще сравнительно очень недавно стало извѣстно, благодаря трудамъ ученыхъ, что именно происходитъ въ яйцѣ въ то время, когда въ немъ развивается цыпленокъ. Еще съ небольшимъ лѣтъ сто тому назадъ даже ученые ничего не знали здѣсь порядкомъ: большинство было увѣрено, что внутри яйца гдѣ-то лежитъ совсѣмъ готовый цыпленокъ, но только очень маленькій, простому глазу не видный и скрытый еще подъ многими оболочками. Такъ разсуждали ученые и думали, что пока яйцо лежитъ подъ насѣдкой, оболочка за оболочкой спадаютъ, а самъ цыпленокъ растетъ и мало по малу становится замѣтенъ и для нашихъ глазъ. Вѣрны ли были эти гаданья ученыхъ, жившихъ, какъ я сказалъ, болѣе ста лѣтъ тому назадъ? Конечно нѣтъ, и первый, кто это доказалъ былъ знаменитый нѣмецкій ученый по фамиліи Вольфъ, родившійся въ Берлинѣ въ 1733 году и умершій въ 1794 году въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ академикомъ. Вольфъ справедливо думалъ, что для того, чтобы рѣшить, что дѣлается въ яйцѣ, нужно не фантазировать, а прямо смотрѣть, что же дѣйсвительно тамъ происходитъ?

Но спросятъ, какъ же можно наблюдать за яй-

цомъ во время его развитія? что можно въ немъ видѣть сквозь его скорлупу? Конечно, если бы мы стали изслѣдовать яйцо неповрежденнымъ, мы увидали бы мало. Чтобы разсмотрѣть, что дѣлается внутри яйца, когда оно развивается, его нужно разбить, конечно, осторожно и затѣмъ разсматривать. Всякій, знаетъ, что сырое яйцо жидко, а потому, если бы мы выпустили яйцо изъ скорлупы просто на тарелку, въ чашку и т. п. то оно сейчасъ приняло бы неестественную форму и намъ трудно было бы что нибудь разсмотрѣть; но, если мы сдѣлаемъ наше дѣло съ предосторожностями, напримѣръ выпустимъ яйцо въ соленую воду, то увудимъ много любопытнаго. Именно мы будемъ въ состояніи разсмотрѣть, что какъ бы мы не выпускали яицо, лишь только оно успокоится, желтокъ всегда занимаетъ въ немъ средину, при чемъ онъ не просто лежитъ въ бѣлкѣ, а покоится въ немъ поддержанный двумя бѣловатыми шнурами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что шнуры эти состоятъ тоже изъ бѣлка, но только изъ болѣе плотнаго и потому болѣе крѣпкаго; ученые называютъ эти шкуры *халазами*. Слѣдовательно на этихъ халазахъ покоится въ бѣлкѣ желтокъ, какъ экипажъ на рессорахъ или какъ люлька на своей подвѣскѣ. Запомнимъ это и пойдемъ дальше. Всмотрѣвшись внимательно въ желтокъ мы всегда найдемъ на немъ бѣлый кружокъ, который какъ бѣлый рубчикъ выступаетъ на желтомъ желткѣ. Скажемъ впередъ, что этотъ рубчикъ и есть то мѣсто, на которомъ современемъ разовьется зародышъ. Что же такое этотъ зародышъ? Есть ли это, какъ думали прежде, совсѣмъ готовый цыпленокъ съ головой, ногами, перьями и т. п. снаружи и съ различными органами внутри, или нѣтъ? Какъ это узнать? Конечно, всего проще—взять и смотрѣть внимательно. Если мы будемъ смотрѣть безъ микроскопа, то увидимъ мало, но тѣмъ не менѣе все-таки кое что достойное вниманія, замѣтимъ. Именно, если мы выпустимъ въ соленую воду яйцо только-что снесенное курицей, то увидимъ, что бѣлый рубчикъ малъ и состоитъ изъ немного болѣе прозрачной средины и изъ прозрачаго ободка. Затѣмъ, если мы будемъ изо-дня въ день, изъ часа въ часъ разсматривать яйца, которыя насиживаютъ (все равно курицей или въ аппаратѣ), то замѣтимъ, что чѣмъ болѣе насижено яйцо, тѣмъ больше его рубчикъ; мы видѣли, что въ ненасиженномъ яицѣ онъ очень малъ; затѣмъ увидѣли бы, что въ концѣ перваго дня онъ разростается приблизительно въ величину серебрянаго пятачка; въ концѣ втораго дня—уже болѣе двугривеннаго, въ концѣ 4-го рубчикъ закрываетъ уже половину желтка, а въ концѣ 6-го обростаетъ весь желтокъ. Уже на третій день пасиживанія мы могли бы разсмотрѣть простымъ глазомъ, что посрединѣ нашего рубчика лежитъ и зародышъ; въ немъ бьется наполненное красной кровью сердце и отъ сердца по рубчику бѣгутъ наполненныя кровью жилки, т. е. кровеносные сосуды. Изъ сказаннаго слѣдовательно видно, что рубчикъ, дающій начало зародышу, находится на желткѣ сверху и что здѣсь рубчикъ этотъ растетъ. Отсюда, слѣдовательно, видно также, что самая важная часть яйца есть желтокъ и именно та его часть, гдѣ находится рубчикъ, такъ какъ именно въ срединѣ этого послѣдняго развивается зародышъ. Вотъ что можно видѣть простымъ глазамъ. Однако же это мало удовлетворяетъ наше любопытство; мы все-таки не узнали, какъ именно появляется зародышъ: лежитъ ли онъ въ рубчикѣ совсѣмъ готовый, какъ думали прежде, и только растетъ потомъ или же его тѣло складывается понемногу. На это можетъ отвѣтить только тотъ, кто слѣдилъ за развитіемъ цыпленка подъ микроскопомъ. Но опять, пожалуй спросятъ, какъ же можно разсматривать яйцо подъ микроскопомъ? Этого и не нужно: подъ микроскопомъ для нашей цѣли достаточно разсматривать только тотъ рубчикъ, который, какъ мы видѣли, во время развитія яйца разростается по желтку и на прозрачной срединѣ котораго, на т. наз. свѣтломъ полѣ развивается зародышъ. Вотъ слѣдовательно это-то свѣтлое поле рубчика намъ и нужно разсматривать подъ микроскопомъ, чтобы разрѣшить интересующій насъ вопросъ; срѣзать же ножницами рубчикъ, положить его на стекло и разсматривать подъ микроскопомъ—дѣло, конечно, не хитрое, какъ это всякій пойметъ. Вотъ, если бы мы стали разсматривать рубчикъ снятый съ ненасиженнаго яйца, то даже и подъ микроскопомъ не усмотрѣли бы ничего любопытнаго: мы увидали бы зернистую, совершенно гладкую пленку и больше ничего. Но дадимъ яйцу полежать подъ курицей часовъ 12—15 и срѣжемъ рубчикъ; мы увидимъ тогда подъ микроскопомъ, что время прошло не даромъ, что на свѣтломъ полѣ рубчика появилось нѣчто, чего прежде не было: мы увидимъ теперь ясно что на срединѣ этого поля видна какая то темная полоса, на ней щель и впереди этой полосы и щели какой то темный тяжъ. Что же это: готовый зародышъ, который растетъ на нашихъ глазахъ или только его часть? Если бы это былъ готовый зародышъ, то онъ уже такъ великъ, что мы должны были бы разсмотрѣть его голову, ноги и т. п. Однако же ничего этого не видно. Значитъ, вѣрнѣе думать, что это только какая то часть зародыша. Посмотримъ, что будетъ дальше. Если снимемъ рубчикъ съ яйца, пролежавшаго подъ насѣдкой часовъ 20, то увидимъ, что появились на свѣтломъ полѣ еще и новыя части, которыхъ прежде не было; а именно мы увидимъ, что впереди щели, о которой мы говорили

появились два высокихъ выступа, двѣ складки, которыя наклонены другъ къ другу. (Уже и того, что мы видѣли достаточно, чтобы теперь съ увѣренностью предположить, что зародышъ появляется не сразу готовымъ, а по частямъ). Посмотримъ, что будетъ дальше и взглянемъ на зародышъ, взятый съ яйца, которое пролежало подъ насѣдкой около сутокъ; теперь мы видимъ, что сейчасъ упомянутыя складки стали выше и длиннѣй; справа и слѣва отъ нихъ появились какіе то темныя четырехъ угольники. Возьмемъ яйцо постарше и увидимъ, что складки стали еще длиннѣй и еще больше сблизились другъ съ другомъ. Взяли бы мы яйцо еще старше, то замѣтили бы, что названныя складки совсѣмъ сблизились и даже срослись другъ съ другомъ, такъ что они образовали въ концѣ концовъ длинную трубку, которой передній конецъ расширенъ, задній съуженъ, Если бы мы имѣли время и терпѣніе, каждый день вскрывать яйца и слѣдить, что выйдетъ изъ этой трубки, то увидали бы, что трубка эта есть не что иное какъ мозгъ цыпленка; передняя расширенная часть есть головной мозгъ, задняя, съуженная—спинной мозгъ.. И такъ мы видимъ, что не только въ яйцѣ сначала его развитія нѣтъ готоваго зародыша и что онъ, т. е. зародышъ, не только получаетъ свое начало по частямъ, но что даже и части эти появляются не вдругъ, а только постепенно. Подобно тому какъ мы прослѣдили развитіе мозга мы могли бы прослѣдить развитіе и другихъ частей или органовъ, какъ говорятъ ученые; но на это у насъ теперь нѣтъ времени; къ тому же мы уже достигли главнаго—мы знаемъ теперь, гдѣ и какъ развивается зародышъ, и можемъ теперь перейдти къ другимъ не менѣе любопытнымъ вопросамъ, какъ напримѣръ: къ чему въ яйцѣ такъ много желтка и зачѣмъ въ немъ бѣлокъ? Изъ того, что было уже выше сказано, можно было бы подумать, что пожалуй не только бѣлокъ, но и желтокъ въ яйцѣ лишній; въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли выше, что зародышъ во время своего развитія лежитъ на желткѣ сверху, слѣдовательно между бѣлкомъ и желткомъ. Спрашивается, для чего же нужны бѣлокъ и желтокъ? Служатъ ли они въ родѣ подушекъ между которыми покоится зародышъ или же они служатъ для другой какой нибудь цѣли? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ мы, конечно, должны прослѣдить какую судьбу претерпѣваютъ бѣлокъ и желтокъ во время развитія яйца. До 7-го дня насиживанія нельзя замѣтить никакихъ измѣненій въ расположеніи бѣлка и желтка, но, начиная съ этого дня легко видѣть, что количество бѣлка въ яйцѣ постепенно уменьшается; какъ будто онъ куда то улетаетъ; въ тоже время желтокъ становится все больше и вмѣстѣ съ тѣмъ становится жиже; на 16-й день бѣлокъ, наконецъ, вовсе исчезаетъ. Очевидно значитъ, что въ это время желтокъ всасываетъ въ себя бѣлокъ. Еще ранѣе того, а именно съ 10-го дня начинаетъ по немногу исчезать и разжиженный желтокъ. Куда же онъ дѣвается. Легко догадаться что онъ идетъ на пищу зародыша, который въ это время ростетъ очень быстро. Но какъ же можетъ въ это время питаться зародышъ? Такъ ли, какъ питается цыпленокъ уже вышедшій изъ яйца и какъ питаются вообще окружающія насъ животныя, т. е. принимая пищу черезъ ротъ? Оказывается, что нѣтъ; оказывается, что цыпленокъ не способенъ принимать въ ротъ пищи до тѣхъ поръ, пока не выклюнется изъ яйца. Какъ же можетъ въ такомъ случаѣ зародышъ питаться желткомъ? Чтобы это понять мы должны вспомнить то, о чемъ говорили раньше. Было сказано уже, что на 3-й, 4-й день около зародыша можно видѣть наполненныя кровью сосуды, которые идутъ къ сердцу зародыша; подъ микроскопомъ можно убѣдиться также, что и въ самомъ тѣлѣ зародыша есть тоже кровеносные сосуды. Можно видѣть также не только подъ микроскопомъ, но даже и простымъ глазомъ, что сердце зародыша бьется въ это время совершенно правильно; слѣдовательно кровь находится постоянно въ движеніи. Подъ микроскопомъ можно видѣть также, что желтокъ просачивается черезъ стѣнки тѣхъ кровеносныхъ сосудовъ, которые идутъ по свѣтлому полю къ сердцу зародыша; желтокъ въ этихъ сосудахъ измѣняется и затѣмъ, смѣшавшись съ кровью, несется въ сердце зародыша, а оттуда разносится по его тѣлу. Не должно удивляться, что, въ то время какъ взрослыя животныя питаются черезъ ротъ, ихъ зародышъ питается черезъ свои кровеносные сосуды. Въ самомъ дѣлѣ, если мы прослѣдимъ внимательно какова судьба пищи, которую мы сами каждый день принимаемъ, то намъ вовсе не покажется удивительнымъ то, что мы сейчасъ сказали о питаніи зародыша. Въ самомъ дѣлѣ посмотримъ, какъ питаемся мы сами: если мы, напримѣръ, взяли въ ротъ кусочекъ мяса, мы его затѣмъ жуемъ, т. е перерѣзаемъ мелко зубами, затѣмъ проглатываемъ, т. е. спускаемъ изо рта въ желудокъ; здѣсь проглоченное мясо обливается сокомъ, который выдѣляютъ стѣнки желудка; сокъ этотъ имѣетъ способность растворять мясо, т. е. превращать его въ жидкость; слѣдовательно мясо поступившее въ желудокъ въ видѣ кашицы, выходитъ изъ него въ кишки въ видѣ мяснаго сока; здѣсь въ кишкахъ сокъ этотъ всасывается *) такъ наз. ворсинками, т. е. выростами стѣнки кишки и просачивается въ особые сосуды, которые называются млечными сосудами; эти послѣдніе въ концѣ концовъ соединяются въ одинъ

*) Конечно, часть этого сока, какъ и всякой другой пищи бываетъ лишней и гонится по кишкамъ наружу, какъ ненужная.

протокъ, который впадаетъ въ кровеносный сосудъ, идущій къ сердцу. Значитъ мы видимъ, что и въ насъ самихъ то, что нами съѣдено, разносится по нашему тѣлу кровеносными сосудами.

Такимъ образомъ мы узнали какъ развивается зародышъ въ яйцѣ, для чего служитъ бѣлокъ и желтокъ. Скажемъ теперь въ заключеніе о томъ сколько времени продолжается у разныхъ птицъ насиживанье яйца. У нашихъ куръ это длиться какъ извѣстно отъ 19 до 21 дня. У мелкихъ птицъ около двухъ недѣль. Вообще должно замѣтить, что время насиживанья почти всегда соотвѣтствуетъ величинѣ яйца. Такъ калибри, самыя маленькія птицы, кладутъ яйца иногда немногимъ крупнѣй горошины и насиживаютъ ихъ съ небольшимъ недѣлю. Наоборотъ, страусъ, который кладетъ яйца, вѣсящія около 3 фунтовъ съ половиной, насиживаетъ около 2 мѣсяцевъ.

III.

Замѣчательныя рыбы.

А. А. Тихомирова

Были выставлены коллекціи рыбъ.

Рыбы представляютъ собою весьма обширный классъ животныхъ; въ настоящее время насчитываютъ до 10.000 видовъ рыбъ, изъ которыхъ многія составляютъ собою въ высшей степени полезныхъ для человѣка животныхъ, ибо служатъ для него пищей. Милліоны людей живутъ ловлей и продажей рыбы. Достаточно сказать здѣсь, что одной изъ самыхъ невкусныхъ рыбъ, треской, живутъ около 200.000 промышленниковъ и что въ одной Америкѣ вылавливается этой рыбы приблизительно на 20.000.000 рублей въ годъ. Рыбъ, служащихъ для человѣка пищей, очень много; нѣтъ того моря, нѣтъ той рѣки, въ которой бы не водились съѣдобныя рыбы. Но не о нихъ намѣрены говорить мы сегодня: мы поведемъ нашу бесѣду о рыбахъ, замѣчательныхъ въ другихъ отношеніяхъ, а именно: о рыбахъ замѣчательныхъ или своимъ ростомъ, или формой своего тѣла, или привычками, несвойственными другимъ рыбамъ, или, наконецъ, такими свойствами ихъ тѣла, которыя рѣдко встрѣчаются между другими животными. Такимъ образомъ, скажемъ сегодня сначала о рыбахъ достигающихъ очень большой величины, затѣмъ о рыбахъ уродливыхъ по своей формѣ, затѣмъ о летающихъ рыбахъ, наконецъ, объ электрическихъ и свѣтящихся рыбахъ.

Прежде однако, чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ замѣчательныхъ рыбъ, мы должны сказать хоть нѣсколько словъ о строеніи тѣла рыбъ вообще и объ ихъ жизни. Рыбы вмѣстѣ со звѣрями, птицами и гадами относятся уже къ высшимъ животнымъ, къ такъ называемымъ животнымъ позвоночнымъ. Отъ всѣхъ этихъ животныхъ, однако, рыбы отличаются сейчасъ же тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ногъ; вмѣсто нихъ мы находимъ у рыбъ плавники, съ помощью которыхъ онѣ и плаваютъ въ водѣ. Можно различать здѣсь два рода плавниковъ, а именно: парные, по бокамъ тѣла сидящіе и непарные. Парные плавники, которыхъ никогда не бываетъ у рыбъ больше 2 паръ, ученые сравниваютъ съ ногами другихъ животныхъ и не называютъ ихъ ногами только потому, что на нихъ никогда не бываетъ пальцевъ. На взглядъ плавники эти мало отличаются отъ непарныхъ и состоятъ снаружи изъ кожи, которая, какъ зонтикъ на палочкахъ, натянута на особыхъ такъ называемыхъ лучахъ, по большей части костяныхъ. Парныхъ плавниковъ, какъ уже сказано, никогда не бываетъ больше 2 паръ. Если обѣ эти пары на лицо, то одна изъ нихъ всегда находится на груди,—откуда и названіе—грудные плавники,—другая же пара, хотя и называется брюшными плавниками, можетъ помѣщаться или дѣйствительно на брюхѣ, или на груди (подъ грудными плавниками), или же даже на горлѣ, Непарные плавники располагаются такъ, что можно отличать одинъ, два или нѣсколько спинныхъ, одинъ хвостовой (составляющій оторочку хвоста) и одинъ, два или нѣсколько такъ называемый подхвостовыхъ (расположенныхъ впереди хвостоваго плавника на брюхѣ). Глядя на плавующую передъ нами рыбу мы скоро убѣдимся, что ни одинъ изъ ея плавниковъ не созданъ даромъ:

всѣ они играютъ роль при плаваніи; однако роль эта не одинакова у каждаго изъ нихъ. Наблюденія показываютъ, что впередъ рыба движется главнымъ образомъ своимъ хвостовымъ плавникомъ, который дѣйствуетъ какъ кормовое весло или какъ пароходный винтъ. На первый взглядъ могло бы показаться, что рыба движется въ водѣ главнымъ образомъ своими парными плавниками, что она гребетъ ими, какъ гребцы въ четырехъ—или двухвесельной лодкѣ. Оказывается однако, что это не такъ; оказывается, что главную роль, какъ сказано, здѣсь играетъ хвостовой плавникъ; парные же плавники только помогаютъ хвостовому при поворотахъ, а также съ ихъ помощью рыба плыветъ, хотя и медленно, назадъ. Однако же главное назначеніе парныхъ плавниковъ иное — именно: они, какъ говорятъ, поддерживаютъ равновѣсіе, т. е. не даютъ рыбѣ падать на бокъ или поворачиваться брюхомъ кверху. Въ самомъ дѣлѣ, прямые опыты показали, что если обрѣзать рыбѣ парные плавники одной стороны, то она уже не можетъ держаться въ вертикальномъ положеніи, т. е спиной кверху, брюхомъ книзу, а падаетъ на сторону; если ей обрѣзать всѣ парные плавники, она, какъ всякая мертвая рыба, поворачивается брюхомъ кверху; это происходитъ отъ того, что спина у нея тяжелѣе брюха. Остается еще прибавить къ этому, что и тѣ плавники, которые находятся на срединной линіи спины и брюха (т. е. спинной и подхвостовой) тоже даны рыбѣ не даромъ: если ихъ обрѣзать, то рыба отъ постоянныхъ ударовъ хвоста вправо и влѣво тоже будетъ вертѣться то въ ту, то въ другую сторону и не будетъ плыть прямо. Плавники, или такъ называемыя перья рыбъ было первое, о чемъ нужно было сказать здѣсь. Другое, о чемъ здѣсь нужно сказать, это жабры. Всякій знаетъ, что каждому животному нужно дышать, т. е. вбирать въ себя воздухъ и потомъ его выпускать. Рыбы, которыхъ мы видимъ передъ собою, каждый день, то же дышатъ, но только для этого они вбираютъ въ себя и потомъ выпускаютъ не воздухъ, а воду (на самомъ дѣлѣ и онѣ дышатъ воздухомъ, но только тѣмъ, который содержится въ водѣ); вбираютъ они при дыханіи воду, какъ мы воздухъ, черезъ ротъ, но выпускаютъ ее опять не черезъ ротъ, а черезъ одно или нѣсколько отверстій, находящихся позади головы; отверстія эти называются жаберными, потому, что впереди ихъ находятся у всякой рыбы тоненькіе, нѣжные, у живой рыбы всегда красные отъ крови, складки или лепесточки, которые и представляютъ собою жабры, или органъ дыханія рыбы, какъ выражаются ученые.

Уже изъ сказаннаго видно, что рыбамъ необходимо жить въ водѣ. Дѣйствительно, хотя нѣкоторыя рыбы и могутъ безъ вреда для себя на время выходить изъ воды, тѣмъ не менѣе ни одна изъ нихъ совсѣмъ безъ воды жить не можетъ. Огромное же большинство ихъ ни на минуту не покидаетъ воды, въ ней рыбы родятся, въ ней умираютъ, въ ней отыскиваютъ себѣ пищу, въ ней же, какъ само собой понятно, выводятъ и свое потомство. Вотъ почему почти повсюду, гдѣ только есть вода, будутъ ли то озера, рѣки, моря,—мы въ ней находимъ и рыбу. При этомъ многія рыбы живутъ или только въ моряхъ, т. е. въ соленой водѣ, или только въ прѣсной водѣ, другія напротивъ живутъ какъ въ той, такъ и въ другой; при чемъ многія часть года живутъ въ морѣ, другую часть года въ рѣкахъ и озерахъ, куда онѣ приходятъ метать свою икру, какъ это напримѣръ дѣлаетъ наша бѣлуга, осетръ, севрюга и др., словомъ вся, такъ называемая, красная рыба. Замѣтимъ при этомъ, что изъ рыбъ, живущихъ въ моряхъ, нѣкоторыя спускаются на страшную глубину; въ послѣднее время были пойманы рыбы на глубинѣ 2.500 саженъ, т. е. на 5 верстной глубинѣ.

Послѣ того, какъ мы, хоть въ краткихъ чертахъ познакомились съ строеніемъ и жизнью рыбъ вобще, перейдемъ къ разсмотрѣнію особо замѣчательныхъ рыбъ, и прежде всего скажемъ о рыбахъ, замѣчательныхъ по своей величинѣ. Самыя большія рыбы встрѣчаются въ моряхъ, затѣмъ очень большія рыбы встрѣчаются также и въ числѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ часть года въ морѣ, часть въ прѣсной водѣ, однако же можно сказать гигантскія рыбы встрѣчаются также и между такими, которыя подобно нашимъ карасямъ, линямъ и т. п. живутъ только въ рѣкахъ и озерахъ. Такъ напр въ рѣкахъ Ю. Америки живетъ такъ наз. „арапаима“, или „тураруку“ (*Arapaima gigas*), скорѣе всего похожая на нашихъ сельдей. Рыба эта достигаетъ въ длину болѣе двухъ саженъ и вѣсомъ болѣе 10 пудовъ; мясо ее идетъ въ пищу, хотя и не особенно вкусно, особенно въ томъ видѣ какъ оно употребляется, т. е. плохо посоленое и плохо высушенное. Повторяемъ, что эта рыба есть только самая большая изъ тѣхъ, которыя живутъ всю свою жизнь въ прѣсной водѣ. Уже гораздо болѣе крупныхъ рыбъ встрѣчаемъ мы между тѣми, которыя, хотя и встрѣчаются въ рѣкахъ, но приходятъ сюда только для того, чтобы выметать свою икру. На первомъ мѣстѣ мы должны здѣсь поставить бѣлугу. Въ самомъ дѣлѣ извѣстны случаи, что въ Волгѣ ловили бѣлугъ до 70 пудовъ вѣса; одной икры изъ такой бѣлуги вынимаютъ до 25 пудовъ. Люди знающіе говорятъ однако, что старыя бѣлуги, которыя икры не мечутъ, а потому изъ моря въ рѣки не уходятъ, достигаютъ еще большей величины и вѣса, а именно доходятъ до 100 пудовъ вѣса и даже больше. Какъ ни велики кажутся намъ размѣры такихъ бѣлугъ, тѣмъ не менѣе встрѣчаются рыбы еще гораздо большихъ

размѣровъ. Такихъ мы находимъ между чисто морскими рыбами и именно между такъ наз. акулами. Акулы встрѣчаются въ моряхъ повсюду, и, такъ какъ онѣ по большей части хищны, т. е. питаются другими животными и въ тоже время очень прожорливы, то многія изъ нихъ опасны даже для человѣка. Акулъ легко отличить ужь и по внѣшному виду отъ другихъ рыбъ: у нихъ ротъ не спереди головы, а снизу ея; жаберныхъ отверстій не одно, а нѣсколько по бокамъ головы; хвостовой плавникъ состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ; наконецъ, ихъ кожа покрыта не чешуей, а усажена мелкими острыми косточками, дѣлающими ея на ощупь шероховатой. Любопытны также и ихъ яйца; это не мелкая икра, а дѣйствительно крупныя яйца, одѣтыя роговой на видъ оболочкой, которая вытягивается въ длинныя закрученныя нити, захлестывающіяся около подводныхъ предметовъ. Одна изъ самыхъ опасныхъ для человѣка акулъ есть такъ наз. голубая, или бѣлая акула (*Carcharias glaucus*), которая обыкновенно гоняется за всѣмъ, что только видно на морѣ, по нѣскольку дней плыветъ за тѣмъ или другимъ кораблемъ, ожидая съ него какой нибудь себѣ подачки и нерѣдко неосторожный матросъ, вздумавшій не во время покупаться, попадаетъ ей въ зубы, которые такъ крѣпки, что акула однимъ взмахомъ челюстей можетъ перекусить несчастнаго. Недолжно думать, чтобы акулы эти были охочи до человѣческаго мяса; нѣтъ, онѣ особенно такъ прожорливы, что хватаютъ все, что имъ попадется на глаза. Разсказываютъ, что изъ желудка одной такой убитой акулы были вынуты за разъ окорокъ ветчины, половина барана, дохлая собака, холщевой мѣшокъ и корабельная щетка. Голубая акула достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ, и нерѣдки здѣсь экземпляры длиною въ 2 сажени и болѣе. Но все-таки это далеко еще не самыя большія: нѣкоторыя виды акулъ достигаютъ такой величины, что голубая акула передъ ними кажется карликомъ. Безусловно самой страшной акулой должна считаться такъ наз. Ронделлетова акула (*Carchoradon Rondeletti*), которая достигаетъ размѣровъ въ 40 футъ длиною, т. е. едва не 6 саженъ. Любопытно, что на днѣ моря (въ Тихомъ океанѣ) въ послѣднее время нашли зубы Ронделлетовой акулы по величинѣ вдвое больше, чѣмъ зубы самыхъ большихъ пойманныхъ въ морѣ Ронделлетовыхъ акулъ; отсюда слѣдовательно мы должны заключить, что если теперь уже этого и не бываетъ, то очень еще недавно жили въ морѣ акулы этого вида, достигавшіе быть можетъ 12 саж. въ длину, т. е. слѣдовательно, неуступавшія по своей величинѣ киту.

Ознакомившись съ рыбами, замѣчательными по своей величинѣ, посмотримъ теперь на такихъ рыбъ, которыя интересны тѣмъ, что онѣ по формѣ своего тѣла или по формѣ своихъ плавниковъ не похожи на другихъ рыбъ.

Огромное большинство рыбъ по формѣ своего тѣла могутъ быть уподоблены сжатому съ боковъ веретену. Легко себѣ представить, что такая форма тѣла полезна для рыбы въ томъ отношеніи, что облегчаетъ ей плаванье въ водѣ: рыба, можно сказать, легко рѣжетъ воду своимъ тѣломъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, огромное большинство рыбъ представляются намъ сжатыми, плоскими съ боковъ, т. е., слѣдовательно у нихъ бока сплюснуты, а спина остра и высока. Наоборотъ однако есть и такія рыбы, которыя сплюснуты сверху внизъ, т. е. имѣютъ широкую и плоскую спину. Понятно, что такимъ рыбамъ плавать гораздо труднѣй, и если рыбу съ обыновенной формой тѣла можно уподобить легкой лодкѣ, то плоскую рыбу можно сравнить съ неуклюжимъ, тяжелымъ плотомъ. Легко догадаться, что такія плоскія рыбы плохо плаваютъ; а разъ это такъ, то невольно у насъ является вопросъ: какъ же добываютъ они свою пищу? очевидно, что ужъ имъ за ней гоняться не приходится, и дѣйствительно это такъ и есть. Чтобы познакомиться, какъ живутъ эти рыбы и, въ частности какъ они добываютъ свою пищу, лучше всего хоть вкратцѣ ознакомиться съ жизнью такъ наз. „морскаго чорта“ или „рыболова“ (*Lophius piscatorius*). Первое изъ этихъ названій рыба получаетъ за свой на первый взглядъ дѣйствительно страшный видъ. Большая голова, составляющая чуть не половину всего тѣла, широкая пасть, вооруженная сильными зубами и смотрящіе прямо вверхъ сравнительно большіе глаза придаютъ этой рыбѣ, если не страшной, то во всякомъ случаѣ, удивительный видъ. Рыба эта кажется еще удивительнѣй отъ того, что на ея спинѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ у другихъ рыбъ находится такъ наз. спинной плавникъ, сидятъ нѣсколько отдѣльныхъ нитей, которыми морской чортъ двигаетъ по своему произволу; изъ этихъ нитей особенное значеніе имѣетъ первая: мы видимъ, что она не просто утончена къ своему концу, а кончается кожистой лопастью, которая вслѣдствіе движенія нити постоянно играетъ въ водѣ. Что же оказывается? эта играющая въ водѣ лопасть служитъ приманкой для другихъ рыбъ; онѣ принимаютъ ее за играющаго червяка и бросаются на нее; но вмѣсто того, чтобы схватить ее, онѣ, раньше чѣмъ успѣютъ это сдѣлать, сами попадаютъ въ ротъ морскому чорту, у котораго, какъ мы видѣли выше, ротъ очень широкій и глаза прямо смотрятъ вверхъ; вотъ почему ему очень легко слѣдить за всѣмъ, что идетъ на его приманку. По этой причинѣ морской чортъ зовется также рыболовомъ: природа наградила его такимъ широкимъ тѣломъ, что плавать ему въ водѣ ужь

затруднительно и гоняться за быстро плавающей добычей ему ужь и вовсе невозможно; но таже природа устроила ему на спинѣ приманку, дала смотрящіе вверхъ глаза и широкій ротъ,—всего этого совершенно достаточно, чтобы морской чортъ, почти не двигаясь съ мѣста, могъ ловить рыбы столько, сколько ему нужно.

Морскій чортъ представилъ намъ собою примѣръ рыбы, которая по своей формѣ почти вовсе потеряла способность плавать и потому почти всю свою жизнь проводитъ, лежа на морскомъ днѣ. Нѣчто совсѣмъ обратное представляютъ собою такъ наз. „летучія рыбы“. Въ водѣ онѣ также хорошо плаваютъ какъ и другія рыбы, но онѣ отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что обладаютъ способностью летать. Объ этихъ летучихъ рыбахъ разсказывали и писали много, и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не мало и прибавляли; такъ, между прочимъ, утверждали въ свое время, что будто онѣ вылетаютъ изъ воды съ тѣмъ чтобы ловить насѣкомыхъ. Ничего подобнаго какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія на самомъ дѣлѣ не бываетъ: летучіе рыбы оставляютъ воду и летятъ по воздуху обыкновенно только въ томъ случаѣ, если онѣ уходятъ отъ преслѣдующаго ихъ въ водѣ врага, т. е. гоняющихся за ними хищныхъ рыбъ или же, когда онѣ вообще бываютъ чѣмъ-нибудь испуганы. Не должно думать, чтобы у летучихъ рыбъ были какія-нибудь особыя крылья, въ родѣ, напримѣръ крыльевъ летучихъ мышей или птицъ: на самомъ дѣлѣ здѣсь крыльями служатъ тѣ же грудные плавники, которыми снабжены и другія рыбы, съ тою только разницею, что плавники эти здѣсь очень длинны, иногда они доходятъ своими задними крыльями до самаго хвоста (рыбы съ такими длинными плавниками представляютъ собою особо хорошихъ летуновъ), у другихъ короче. Не должно также думать, чтобы „летучія рыбы“ летали въ полномъ смыслѣ этого слова; объ ихъ полетѣ нужно прямо сказать. что онѣ просто выпрыгиваютъ изъ воды и съ силой ударивъ объ ея поверхность грудными плавниками, дѣлаютъ надъ водой только одинъ прыжекъ; но правда, что прыжекъ этотъ похожъ на полетъ, потому что иногда достигаетъ гигантскихъ размѣровъ, такъ замѣчено, что „летучія рыбы“, могутъ перепрыгивать надъ водой разстояніе приблизительно около 70 саж. (такъ какъ при этомъ вѣтеръ шевелитъ ихъ распущенными грудными плавниками, то сразу можетъ показаться, какъ это прежде и думали, что рыба дѣйствительно летитъ въ полномъ смыслѣ этого слова); при чемъ они иногда подымаются такъ высоко надъ водой, что падаютъ на проходящіе мимо корабли.

Къ числу замѣчательныхъ рыбъ нельзя не отнести также и такъ наз. электрическихъ рыбъ, т. е. рыбъ, которыя способны давать электрическій ударъ. Это нужно объяснить: рыбы эти замѣчательны тѣмъ именно, что если мы прикоснемся къ нимъ въ опредѣленномъ мѣстѣ (именно тамъ, гдѣ у нихъ лежатъ такъ наз. электрическіе органы) двумя руками, то рыбы эти могутъ, если захотятъ поразить насъ совершенно такимъ же ударомъ, какой мы получимъ, если будемъ держаться за обѣ проволоки, или, какъ говорятъ, за оба проводника заряженной электрической машины. Здѣсь, конечно, не мѣсто объяснять, что такое электрическая машина; скажемъ только, что ее можно сдѣлать такой сильной, что если человѣку дать въ обѣ руки проволоки отъ нея и пустить машину въ-ходъ то, смотря по силѣ машины, можно этому человѣку причинить въ тѣлѣ или только боль, или (когда машина сильнѣй) оглушить его, или, если машина еще сильнѣй, даже убить его. Прибавимъ еще, что дѣйствіе на человѣка такой машины совершенно таково же, какъ дѣйствіе молніи. Такъ вотъ весьма любопытно, что есть и такія рыбы, которыя дѣйствуютъ совершенно также, какъ сейчасъ названныя электрическія машины. Такихъ рыбъ впрочемъ немного и между ними самая замѣчательная есть т. наз. электрическій угорь (*Gymnotus elektricus*), который живетъ въ Америкѣ. Рыба эта достигаетъ около одной саженя въ длину и свыше пуда вѣса. По тѣмъ ударамъ, которыми электрическій угорь можетъ поражать другихъ животныхъ онъ считается самой сильной электрической рыбой; разсказываютъ, что электрическій угорь можетъ, прикоснувшись къ лошади, если не убить, то оглушить ее. Легко догадаться, зачѣмъ нужна элекрическимъ рыбамъ ихъ способность давать ударъ; конечно для того, чтобы оглушать или убивать тѣхъ животныхъ, которыми они питаются. Несомнѣнно, впрочемъ и то, что способность эта служитъ нашимъ рыбамъ также и для защиты отъ враговъ.

Быть можетъ изъ всѣхъ рыбъ всего замѣчательнѣе свѣтящіяся рыбы. О томъ, что нѣкоторыя рыбы могутъ свѣтится, т. е, испускать изъ себя свѣтъ, узнали только очень недавно. Такъ какъ свѣтятся всего болѣе тѣ рыбы, которыя живутъ въ морѣ на значительной глубинѣ, то мы и должны здѣсь сказать сначала нѣсколько словъ вообще о рыбахъ, живущихъ на большой глубинѣ.

Выше было уже сказано, что въ настоящее время извѣстны уже и такія рыбы, которыя живутъ на страшной глубинѣ, а именно на такой, гдѣ дно морское ниже берега на 5 верстъ. Легко себѣ представить, что жизнь должна быть не одинакова на обыкновенныхъ глубинахъ и на такой страшной глубинѣ какъ та, о которой мы говоримъ. Не будемъ останавливаться на большихъ подробностяхъ, но укажемъ только на слѣдующее. Всякій знаетъ,

что черезъ воду хуже видно, чѣмъ—если смотрѣть прямо на свѣтъ. Что-же оказывается? уже на глубинѣ 200 саженъ свѣтъ въ воду сверху вовсе не проникаетъ; такъ что даже на такой сравнительно небольшой глубинѣ постоянная ночь. Затѣмъ, далѣе ученыя изслѣдованія показали, что приблизительно на 1000 саженъ солнечное тепло уже чрезъ воду не доходитъ; такъ что вода на такой глубинѣ и лѣто, и зиму всегда бываетъ одинаково холодна; правда, она здѣсь не замерзаетъ, но бываетъ немного того теплѣй, т. е. слѣдовательно и лѣтомъ, и зимой бываетъ также холодна, какъ вода въ нашихъ рѣкахъ и озерахъ подо льдомъ. Такъ что для рыбъ на большой глубинѣ не бываетъ весны, лѣта и осени, а только—вѣчная зима. Въ третьихъ, на большой глубинѣ растенія существовать уже не могутъ и рыбы здѣсь живущія, питаются или другъ другомъ, или тѣмъ, что дохнетъ на верху и падаетъ на дно морское. На конецъ, на большой глубинѣ вода всегда спокойна; чтобы ни дѣлалось на верху, какой бы вѣтеръ не бушевалъ, какія бы волны онъ не вздымалъ, внизу всегда тихо и спокойно. Есть еще и другія различія; между ними нѣкоторыя, какъ напримѣръ вѣсъ самой воды, очень важны; но и сказаннаго довольно, чтобы понять, что жизнь для рыбъ, живущихъ въ верхнихъ слояхъ моря, и тѣхъ, которыя живутъ на большой глубинѣ совсѣмъ не одинакова. Вотъ это различіе и приводитъ къ тому, что нигдѣ, какъ здѣсь, не видимъ мы такихъ удивительныхъ рыбъ. Такъ, напримѣръ, между обыкновенными рыбами мы встрѣчаемъ такихъ, которыхъ тѣло очень вытянуто въ длину; но только здѣсь, на большихъ глубинахъ, мы находимъ рыбъ буквально вытянутыхъ въ ниточку и т. п. Но, повторяемъ, самыя интересныя изъ рыбъ живущихъ на большихъ глубинахъ суть свѣтящіяся рыбы. Было уже выше сказано, что дневной свѣтъ не заходитъ на большую глубину. Вотъ, вѣроятно, потому на значительныхъ, хотя и не очень большихъ глубинахъ, мы встрѣчаемъ рыбъ съ очень большими глазами. Очевидно, что этими большими глазами, хотя и при плохомъ свѣтѣ, при вѣчныхъ сумеркахъ, онѣ видятъ хорошо. Но, какъ сказано, на большихъ глубинахъ уже не сумерки, а вѣчная ночь. Нельзя однако сказать, чтобы здѣсь была полная темнота; немного свѣта есть и здѣсь. Откуда же берется онъ? Во-первыхъ, здѣсь очень многія животныя свѣтятся, т. е. испускаютъ изъ себя свѣтъ въ родѣ того, какъ у насъ свѣтится въ темнотѣ Ивановъ червячекъ, а во 2-хъ) что для насъ особенно интересно, и сами рыбы свѣтятся, да при томъ еще такъ свѣтятся, что сами пользуются своимъ свѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только немногія рыбы свѣтятся всѣмъ своимъ тѣломъ (полагаютъ, что здѣсь свѣтится, покрывающая все ихъ тѣло слизь); у многихъ же рыбъ наоборотъ, свѣтятся только опредѣленныя части тѣла, которыя потому и называются ихъ органами свѣченія. Всего любопытнѣй тѣ случаи, когда эти органы помѣщаются прямо передъ глазами и въ буквальномъ смыслѣ слова служатъ для рыбы фонарями, освѣщающими ей путь, какъ напр. мы это находимъ у толсторотаго мелкозуба (*Pachystomias microdon*), живущаго на глубинѣ свыше 2 верстъ.

Любопытны также и тѣ случаи, когда органы свѣченія служатъ приманкой для другихъ рыбъ. Мы знаемъ, что почти всѣ животныя въ темнотѣ идутъ на огонь; самымъ лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ, конечно, насѣкомыя; точно также на огонь ловятъ и рыбу. Оказывается, что нѣкоторыя живущія на глубинѣ рыбы собственнымъ огнемъ приманиваютъ къ себѣ другихъ рыбъ. Мы выше видѣли какъ приманиваетъ рыбу „морской чортъ“. Точно тоже дѣлаютъ и нѣкоторыя рыбы, живущія на глубинѣ (напр. *Ceratias bispinosus*). Здѣсь точно также приманкой служитъ движущійся по волѣ животнаго, сидящій на головѣ нитеводный выростъ, который въ темнотѣ на своемъ концѣ свѣтится, и рыбы эти точно также играютъ въ водѣ этимъ своимъ природнымъ фонарикомъ, какъ „морской чортъ“ играетъ служащей ему приманкой головной лопастью, о которой мы говорили выше.

Изъ всего, о чемъ мы говорили сегодня, быть можетъ всего болѣе замѣчательно электрическія рыбы и свѣтящіяся рыбы. Въ самомъ дѣлѣ давно ли мы, люди, придумали электрическія машины и давно ли мы стали освѣщать свои улицы электрическимъ свѣтомъ; а между тѣмъ оказывается изъ нашей бесѣды, что нѣкоторыя рыбы пользуются тоже электричествомъ и даже освѣщаютъ имъ подводную темноту. Но здѣсь то и сказывается великая разница между животными и человѣкомъ, о чемъ уже было разъ говорено: рыба пользуется своимъ природнымъ электричествомъ, какъ оно ей дано, человѣкъ пользуется тѣмъ электричествомъ, которое онъ самъ открылъ и пользуется имъ въ той формѣ, какъ самъ хочетъ.

IV.

О рыбахъ, которыя могутъ быть разводимы въ средней Россіи.

Н. Ю. Зографа.

Были выставлены: модели по рыбоводству и показаны картины.

На большихъ рыбныхъ заводахъ, равно какъ и въ маленькихъ рыбоводныхъ хозяйствахъ, обыкновенно обращаютъ особое вниманіе на то, чтобы разводить рыбъ тѣхъ семействъ, которыя называются лососевыми и сиговыми, предпочтительно предъ остальными рыбами. Чѣмъ обусловливается подобное желаніе? Отчего такія рыбы предпочитаются остальнымъ? На это даютъ отвѣтъ самыя простыя разсужденія: во первыхъ, лососевыя и сиговыя рыбы считаются самыми вкусными, и, стало быть, и самыми дорогими, во вторыхъ, ихъ икринки столь крупны, что за ними легче ходить и, слѣдовательно, легче и выводить ихъ.

У насъ, въ Россіи, еще не много рыбныхъ заводовъ, и тѣ, которые у насъ заведены, выводятъ главнымъ образомъ форель, лососей и сиговъ, которые пригодны только для тѣхъ водъ, гдѣ очень много ключей, или которыя очень холодны. Эти рыбы прекрасно выживаютъ въ холодныхъ водахъ Новгородскихъ и Петербургскихъ озеръ и рѣчекъ, но совсѣмъ не приспособляются къ тѣмъ водамъ, которыхъ очень много въ средней Россіи, то есть къ нашимъ тихо текущимъ, теплымъ ручьямъ и рѣкамъ, которыя особенно нуждаются въ рыбномъ населеніи, и населеніи такомъ, которое было бы выгодно для разводящихъ.

Какія же рыбы могли бы быть выгодно введены въ нашихъ тихихъ водахъ? На это можно отвѣтить что, къ сожалѣнію, этотъ вопросъ еще не разработанъ съ точки зрѣнія опыта, но что, разсуждая теоретически, можно дать приблизительно цѣлый списокъ такихъ выгодныхъ для разведенія формъ рыбъ. Эти рыбы могутъ быть избраны, какъ изъ среды нашего рыбнаго населенія, такъ и изъ среды чуждыхъ, привозимыхъ къ намъ рыбъ.

Конечно если у владѣльца, желающаго развести на своей землѣ цѣнныхъ рыбъ, есть такіе обильные ключи, какъ напримѣръ въ имѣніи графа Орлова Давыдова—Отрадѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, то онъ можетъ не стѣсняясь, развести у себя самые капризные виды сиговъ и форели; но мы предполагаемъ такой случай, когда владѣлецъ имѣетъ или слабые источники, или же слабо проточные, запруженные пруды. Въ такомъ случаѣ приходится приступить къ опыту и попробовать вывести болѣе выносливыя породы.

Изъ нашихъ, Русскихъ породъ, въ нашихъ прудахъ, смотря по ихъ чистотѣ, величинѣ и глубинѣ, могутъ быть разведены многія рыбы: карпы, лещи, караси, лини, даже судаки и иныя рыбы. Всего легче изъ этихъ рыбъ выводятся караси, лини, карпіи; особенно хорошо ведутся послѣднія, но, къ сожалѣнію, ихъ мясо, весьма цѣнное за границей, не имѣетъ значенія на русскомъ рынкѣ, и если хозяинъ не довольствуется выводомъ рыбы для своего стола, то разведеніе карпіи не дастъ ему барышей. Караси и лини представляютъ уже порядочный барышъ, особливо, если разведеніе ихъ ведется правильно, съ правильнымъ отборомъ и воспитаніемъ икры, съ правильнымъ уловомъ и продажей. Но наиболѣе выгоднымъ явилось бы разведеніе лещей и судаковъ, очень любимыхъ и цѣнныхъ въ средней Россіи въ свѣжемъ видѣ. Такое разведеніе возможно только въ томъ случаѣ, если пруды на столько громадны, какъ, напримѣръ, пруды села Царицына, гдѣ судаки прекрасно множатся; эти пруды имѣютъ до 2 верстъ въ длину и до $^1/_3$ версты въ ширину. Если такіе пруды, въ добавокъ, имѣютъ въ днѣ еще и порядочные ключи, то въ такіе пруды можно было бы безъ большаго риска пустить болѣе выносливыхъ сиговъ

въ родѣ, напримѣръ,того сига, который ловится въ Переяславскомъ или Плещеевомъ озерѣ подъ именемъ Переяславской сельди и который извѣстенъ подъ Петербургомъ подъ именемъ ряпушки (Coregonus albula). Но въ настоящее время, въ западной Европѣ введены нѣсколько рыбъ, вывезенныхъ изъ Сѣверной Америки, и нѣкоторыя изъ этихъ рыбъ отличаются столь большой неприхотливостью, что при нѣкоторомъ трудѣ и настойчивости со стороны русскихъ хозяевъ могли бы населить наши воды и дать Россіи новый прекрасный пищевой матеріалъ. Изъ этихъ рыбъ особенно подходящи къ намъ радужная форель и черные и форелевыя окуни.

Радужная форель (Salmo irideus) живетъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ западной Калифорніи и получила свое прозвище отъ того, что ея красивая чешуя переливаетъ всѣми цвѣтами радуги. Тогда какъ остальныя форели жительницы исключительно холодныхъ водъ, радужная форель легко переноситъ температуру очень высокую, т. е. до 23—24° по Реомюру, такую до которой почти никогда не поднимаются воды нашихъ среднерусскихъ рѣкъ и проточныхъ прудовъ. Но кромѣ этого цѣннаго качества радужной форели, послѣдняя обладаетъ еще болѣе цѣннымъ для насъ достоинствомъ. Какъ извѣстно, европейскія и большая часть американскихъ форелей мечутъ икру поздней осенью, такъ что молодь выводится къ ранней веснѣ, къ концу февраля, или началу марта, когда на югѣ и западѣ Европы природа оживаетъ, а у насъ еще на половину покрыта снѣжнымъ покровомъ. Молодая рыбешка форели требуетъ пищи, состоящей изъ массы мелкихъ рачковъ, инфузорій, вообще микроскопическаго населенія стоячей воды. У насъ, ко времени вывода форели, новая жизнь еще не успѣла народиться, а старая уже давно прикончилась, и потому рыбоводъ или долженъ искуственно задерживать развитіе рыбешки, или съ грустью присутствовать при гибели отъ голода чуть не всего своего выводка. Кромѣ того, молодь обыкновенной форели въ первый годъ своей жизни не выдерживаетъ температуры выше 12° по Реомюру, что обусловливаетъ нахожденіе хорошихъ ключей въ имѣніи. Радужная форель мечетъ икру весной, и къ маю мѣсяцу изъ икры выходитъ рыбешка, находящая себѣ сейчасъ и пищу и пріютъ, такъ какъ молодь радужной форели требуетъ только проточной, холодной воды. Кромѣ того, радужная форель прекрасно привыкаетъ къ пищѣ, состоящей изъ конины и такъ скоро растетъ, что тогда, какъ обыкновенная форель достигаетъ порціональнаго размѣра лишь къ концу третьяго года, радужная форель достигаетъ той же величины уже къ срединѣ втораго года. Радужная форель особенно разводится, вмѣстѣ съ другими американскими форелями во Франціи, въ рѣкахъ которыхъ эти рыбы попадаются теперь и на удочку и въ сѣти.

Другая цѣнная рыба, которая могла бы также найти распространеніе въ Россіи, это такъ называемые американскіе окуни—черный (Black bass) и форелевый (Truit-bass). Оба окуня принадлежатъ одному и тому же роду Micropterus Dolomieui, второй — Micropterus salmonoides. Оба эти окуня очень похожи другъ на друга и отличаются тѣмъ, что форелевый окунь нѣсколько крупнѣе, свѣтлѣе окраской и имѣетъ гораздо меньшее отверстіе рта, отчего онъ и цѣнится болѣе рыбоводами, такъ какъ не можетъ хватать рыбокъ, а питается лишь улитками, главками и червяками.

Черный и форелевый окунь удивительно неприхотливы; они прекрасно живутъ и мечутъ икру и въ рѣкахъ, и въ ручьяхъ, и въ прудахъ и озерахъ. Выносливость ихъ такъ велика, что они прекрасно выживаютъ и даже плодятся въ аквaріумахъ, и поэтому ихъ можно видѣть въ Москвѣ у многихъ любителей въ акваріумахъ. На волѣ эти окуни очень быстры, ловки и сильны, почему считаются у Американцевъ любителей рыболововъ самой интересной рыбой для уженья. На родинѣ они достигаютъ довольно большой величины, почти съ средняго судака, и тамъ мясо ихъ цѣнится весьма дорого.

Черныхъ окуней теперь очень много разведено въ Германіи. Нѣмецкіе хозяева говорятъ, что мясо этой рыбы очень вкусно: оно напоминаетъ одновременно и судака и форель, и составляетъ теперь лакомое блюдо на самыхъ лучшихъ званыхъ обѣдахъ.

Такимъ образомъ, и помимо трудно разводимыхъ хваленыхъ сиговъ и форелей, есть породы не менѣе цѣнныя и вкусныя, которыя можно было бы развести успѣшно въ нашихъ средне-русскихъ водахъ. Требуется только любовь и охота къ дѣлу, да та непремѣнная настойчивость, съ которой заводятъ въ своихъ хозяйствахъ новыхъ рыбъ наши западныя сосѣди Французы, Нѣмцы и Англичане.

V.

Животныя, обитающія въ открытыхъ моряхъ.

Н. Ю. Зографа.

Были показаны тѣневыя картины, изображающія морскія теченія и обитающихъ въ нихъ животныхъ.

Всякому хорошо извѣстно, что въ стоячей, прудовой или озерной водѣ животныя не таковы, какъ въ водѣ текущей, холодной или рѣчной; всякій прекрасно знаетъ, что если ему надо поймать карася, то слѣдуетъ закинуть сѣть или удочку въ небольшой, тинистый прудъ, а что судака можно поймать только въ быстрой, рѣчной водѣ. Что замѣчается въ нашей прѣсной водѣ, то еще болѣе рѣзко замѣтно и въ моряхъ, гдѣ жизнь тѣхъ мѣстъ, которыя спокойны, близки къ берегамъ или окружены камнями, островами, значительно разнится отъ тѣхъ мѣстъ моря, въ которыхъ проходятъ такъ называемыя морскія теченія, несущія воду изъ открытаго, далекаго моря.

Морскія теченія происходятъ, главнымъ образомъ отъ того, что вода моря не одинаково нагрѣвается въ разныхъ мѣстахъ, отчего холодныя ея частицы стремятся на мѣсто теплыхъ и наоборотъ. Морскія теченія иногда бываютъ очень обширны и полоса текущей воды достигаетъ ширины до 300—400 верстъ, таково теченіе гольфъштрёмъ, несущееся отъ Мексиканскаго залива черезъ Атлантическій океанъ къ берегамъ Европы; таковы экваторіальныя теченія Атлантическаго и Тихаго океана. Но такія обширныя теченія и очень величественны и очень отдалены отъ удобныхъ для наблюденія мѣстъ, почему лицу, которое пожелало бы ознакомиться съ дивнымъ міромъ, не лелѣющимъ текущую морскую воду, можно посовѣтывать изучать эту природу, быть, можетъ и не въ столь грандіозныхъ ея проявленіяхъ, но за то при бо́льшихъ удобствахъ. Такія удобныя мѣста для наблюденій сосредоточиваются ими въ узкихъ проливахъ, соединяющихъ два моря, какъ напримѣръ Гибралтарскій проливъ, проливы Мессинскій и Св. Бонифація, или въ такихъ бухтахъ, какъ напримѣръ бухта Виллафранки близъ Ниццы, куда устремляется теченіе изъ открытаго моря, и гдѣ оно оказывается удобнымъ для изслѣдованія.

Жизнь морскаго теченія такъ рѣзко отличается отъ нашего обыденнаго представленія о животной жизни, что лицо, въ первый разъ видящее это своеобразное населеніе, недоумѣваетъ, гдѣ-же собственно находятся животныя, населяющія открытое море. Если въ свѣтлый, солнечный день, выѣхать въ лодкѣ въ струю теченія и стать смотрѣть въ прозрачную, чистую воду открытаго моря, то глазамъ представятся своеобразныя, прозрачныя какъ хрусталь, самыя причудливыя по своей формѣ и величинѣ фигуры. Однѣ изъ нихъ круглы, какъ дискъ, другія округлы, какъ шаръ, третьи изгибаются, какъ громадные пояса, четвертые представляются длинными, безчисленными цѣпями, пятые напоминаютъ собою брошенный въ воду хрустальный колоколъ, однимъ словомъ, самая прихотливая, самая разстроенная фантазія не могла бы издать болѣе чудныхъ, болѣе фантастическихъ представленій. Если добавить, что всѣ эти странныя созданія прозрачны какъ хрусталь и кое-гдѣ испещрены блестящими, какъ драгоцѣнные цвѣтные камни, пятнами самыхъ разнообразныхъ и яркихъ цвѣтовъ, то впечатлѣніе, которое получается новичкомъ, видящимъ въ первый разъ жизнь морскаго теченія, станетъ понятнымъ всякому, и никто не удивится, если новичекъ назоветъ это впечатлѣніе волшебнымъ.

Но что за странныя животныя, населяющія морскія теченія и имѣющія такія причудливыя формы? Имѣютъ ли онѣ что либо общее съ болѣе обыденными и болѣе намъ извѣстными формами? Да, конечно имѣютъ, хотя, впрочемъ, большая часть ихъ принадлежатъ къ такимъ формамъ, которыя почти отсутствуютъ на сушѣ или въ прѣсной водѣ и которыя, поэтому, не упоминаются ни въ нашихъ

учебникахъ, ни въ нашихъ школахъ. Мы опишемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и начнемъ съ самыхъ извѣстныхъ формъ—съ рыбъ.

Рыбъ въ морскихъ теченіяхъ немного; онѣ требуютъ болѣе солидной пищи, чѣмъ полужидкіе обитатели морскихъ теченій, и поэтому попадаютъ въ теченія большею частью случайно. Чаще другихъ рыбъ въ морскихъ теченіяхъ попадается тоненькая, желтоватая, прозрачная рыбка—узкоголовка (Leptocephalus); эта рыбка никогда не встрѣчается въ взросломъ состояніи, почему ее и считаютъ за личинку какого либо прибрежнаго угря или мурелы, она питается крошечными рачками морскихъ теченій (Sapphirhina), обладающими свойствомъ очень хорошо свѣтиться ночью зеленымъ, фосфорическимъ блескомъ.

Довольно много жителей морскихъ теченій принадлежатъ къ классу оболочниковъ или туникамъ (Tunicata); такое названіе оболочники получили оттого, что тѣло ихъ одѣто толстой прозрачной или матовой оболочкой, въ которой помѣщается весь организмъ животнаго. Эти оболочники особенно интересны по многихъ своеобразностямъ въ жизни. Тѣ изъ нихъ, которые называются сальпами, живутъ двоякими поколѣніями; однѣ поколѣнія ихъ на всю жизнь неразрывно связаны въ длинныя, общія цѣпи, и отъ этихъ несвободныхъ. скованныхъ на всю жизнь вмѣстѣ поколѣній родятся самые свободныя, какъ вѣтеръ, которыя въ свою очередь даютъ вновь связанныя, несвободныя поколѣнія. Каждая сальпа имѣетъ внутри своего прозрачнаго, какъ хрусталь, тѣла, темнокоричневый шаръ внутренностей, такъ называемый нуклеусъ и общая картина длинной, хрустальной цѣпи, внутри которой помѣщены на извѣстномъ разстояніи темные правильные шары, производитъ очень пріятное впечатлѣніе.

Не менѣе интересны и другіе оболочники—Doliolum, имѣющіе видъ хрустальныхъ боченочковъ, а особенно морскія свѣчи или пирозомы (Pyrosoma). Послѣднія имѣютъ видъ большихъ, полыхъ, полупрозрачныхъ цилиндровъ, состоящихъ изъ небольшихъ отдѣльныхъ соедальницъ, которыхъ въ каждомъ цилиндрѣ помѣщается до нѣсколькихъ тысячъ. Весь этотъ общій, колоніальный цилиндръ обладаетъ способностью слабаго передвиженія, а составляющія его животныя сидятъ неподвижно въ своей общей оболочкѣ. Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ животныхъ имѣетъ особый органъ свѣченія, и если общій организмъ пирозомы чѣмъ либо раздраженъ или растревоженъ, то она загорается столькими огоньками, сколько животныхъ входятъ въ ея колоніальное тѣло.

Классъ слизняковъ имѣетъ тоже своихъ представителей въ населеніи морскихъ теченій. Слизняки открытаго моря, бо́льшей частью тоже прозрачны и также имѣютъ своеобразныя формы. Такъ, одни изъ нихъ, такъ называемые крылоногіе слизняки (Pteropoda) имѣютъ вмѣсто той подошвообразной ноги, на которой ползаютъ наши улитки, два крылообразныхъ придатка, которыми они порхаютъ по водѣ, какъ бабочки по воздуху, другіе, такъ называемые киленогіе (Heteropoda) имѣютъ ногу въ видѣ находящагося подъ срединной линіей тѣла киля, помощью быстрыхъ, повторныхъ движеній котораго животное довольно быстро плаваетъ въ прямомъ направленіи. Особенно интересны среди слизняковъ открытыхъ водъ два—Ianthina, носящаяся по поверхности водъ помощью своей раздутой, пузыреобразной ноги и извѣстный аргонавтъ. Аргонавтъ (Argonauta argo) принадлежитъ къ такъ называемымъ головоногимъ слизнякамъ (Cephalopoda), у которыхъ на головѣ, кругомъ рта, расположены щупальцы, покрытыя присосками, которыми аргонавты присасываются къ окружающимъ предметамъ. Двое изъ щупалецъ расширены парусообразно, и помощью этихъ выставляемыхъ изъ водъ парусовъ аргонавтъ несется по поверхности моря, гонимый легкимъ морскимъ вѣтромъ. Самки аргонавта сидятъ въ прелестныхъ, совсѣмъ фарфоровыхъ раковинкахъ; самцы, которые очень рѣдки, раковинъ не имѣютъ. Кожа аргонавта заключаетъ въ своей толщѣ большое количество особыхъ клѣточекъ, заключающихъ окрашивающее вещество—пигментъ; эти клѣточки, называемыя въ наукѣ хроматофорами, обладаютъ свойствомъ измѣнять окраску кожи аргонавта, сообразно съ обстоятельствами. И дѣйствительно, въ случаѣ яснаго, лазуревaго неба и такого же моря—аргонавтъ принимаетъ такой же лазуревый цвѣтъ, переходящій въ свинцовый при наступленіи бури или грязнозеленый при прослѣдованіи черезъ отлогую мель или въ близости берега.

Если за аргонавтомъ гонится врагъ, то аргонавтъ выпрыскиваетъ изъ особаго органа черную, мутную чернильную жидкость, подобную краскѣ сепіи, приготовляемой изъ чернильнаго органа другаго головоногаго слизняка—сепіи (Sepia officinalis) и спасается среди этой грязной, мутной среды.

Ракообразные представлены въ открытыхъ моряхъ громадными массами своихъ личинокъ или самыхъ нисшихъ и мелкихъ представителей. Количества мелкихъ нисшихъ ракообразныхъ бываютъ въ нѣкоторыхъ моряхъ иногда такъ громадны, что ихъ вмѣстѣ съ крошечными крылоногими слизняками хватаетъ для питанія гигантовъ животнаго царства китообразныхъ; такъ, киты Норвежскаго моря питаются, кромѣ сельдей, неимовѣрными массами крылоногихъ слизняковъ Clio borealis и крошечныхъ рачковъ, имѣющихъ даже названіе „китовая

пища"—Cetochilus septentrionalis. Многія личинки ракообразныхъ, плавающія въ открытыхъ водахъ, въ зрѣломъ возрастѣ живутъ на днѣ морей или близъ береговъ; таковы, напримѣръ вкусныя, громадныя лангусты, личинки которыхъ, имѣющія видъ оригинальныхъ, листообразныхъ, плоскихъ животныхъ, встрѣчаются въ открытыхъ моряхъ подъ названіемъ листобрюхихъ рачковъ (Phyllosoma), или таковы различные краббы, личинки которыхъ, извѣстныя подъ названіемъ зоей (Zoëa), плаваютъ въ числѣ другихъ обитателей морскихъ теченій.

Изъ другихъ отдѣловъ животнаго царства, въ открытыхъ моряхъ, встрѣчается много червей, безкишечныхъ, простѣйшихъ и множество личинокъ иглокожихъ.

Изъ червей особенно интересны и своеобразны крошечныя прозрачныя стрѣлки или щетинночелюстные черви (Sagittae или Chaetognathi) и длинныя прозрачныя съ рубиновокрасными глазами алціопы (Alcyope). Первыя—обыкновенно спокойныя, изрѣдка проносятся передъ глазами словно пущенныя искусною рукою стрѣлы, вторыя, граціозно изгибая свое прозрачное тѣло переливается всѣми цвѣтами радуги на жгучемъ солнцѣ Средиземнаго моря.

Но наибольшее обиліе представителей въ населеніи морскихъ теченій имѣетъ отдѣлъ безкишечныхъ животныхъ (Coeleneterata). Въ прѣсныхъ водахъ изъ этого отдѣла живетъ только одинъ представитель—наша крошечная гидра; другой прѣсноводный представитель этого отдѣла—полиподій (Polypodium hydriforme) такой же малый, какъ гидра, и живетъ въ икринкахъ стерляди. Въ моряхъ—безкишечныхъ, прозванныхъ такъ за то, что ихъ тѣло имѣемъ только одну полость, играющую роль и пищеварительной и разносящей соки, очень много. Къ нимъ принадлежатъ и красивыя морскія цвѣты—актиніи, и благородные красные кораллы, и тѣ коралловые полипы, которые строятъ цѣлые острова и рифы и громадная масса животныхъ открытаго моря. Эти животныя представляютъ самыя причудливыя и оригинальныя формы. Одни изъ нихъ, такъ называемыя медузы, или акалефы, имѣютъ видъ полупрозрачныхъ, мясистыхъ колоколовъ, къ которымъ подвѣшены большіе хватательные органы, которыми животное хватаетъ добычу, движенія происходятъ расширеніемъ или сжатіемъ стѣнки колокола, и иногда бываютъ довольно сильными; другія формы, такъ называемые ребровики (Ctenophora) представляются прозрачными, переливающими всѣми цвѣтами радуги шарами, овалами или длинными лентами; особенно красивы послѣднія, лентообразныя формы; ихъ прозвали за ихъ красоту поясами Венеры (Cestum Veneris), не менѣе изящны такъ же прозрачныя, напоминающія своими формами вычурныя вазы стиля рококо плейобрахіи (Pleurobrachiae) или розоватые морскіе огурцы (Beroë ovatus).

Но наиболѣе интересными среди этихъ животныхъ являются такъ называемые трубчатники или сифонофоры. Эти животныя живутъ колоніями на одномъ общемъ стеблѣ, поддерживаемомъ на поверхности воды особымъ, плавательнымъ пузыремъ. Отдѣльныя особы, сидящія на общемъ стеблѣ всѣ соединяются своими внутреностными полостями съ каналомъ, проходящимъ внутри стебля, и такимъ образомъ имѣютъ сообщеніе между собою; вслѣдствіи этого, если одна изъ особей, напримѣръ, имѣетъ излишекъ пищи, то этотъ излишекъ проходитъ въ общій каналъ и распредѣляется между другими, не питавшимися особями. Такое общеніе организмовъ разныхъ особей повело къ тому, что каждая особь приспособилась только къ одному, какому либо дѣлу; такъ, напримѣръ, особи ближнія къ плавательному пузырю, приспособились къ произведенію движенія и двигаютъ всю колонію, изъ другихъ особей однѣ служатъ для хватанія добычи, другія для ея переваренія, третьи для защиты всей колоніи отъ нападенія, четвертыя только для произведенія потомства. Такія колоніи, состоящія изъ маленькихъ особей, иногда достигаютъ громадныхъ саженныхъ размѣровъ, напримѣръ у сифонифоры виноградной (Apolemia uvaria), а нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ такую сильную и страшную защиту въ лицѣ своихъ снабженныхъ ядоотдѣлительными спускательными органами защитительныхъ особей, что встрѣча съ ними бываетъ смертельно опасна даже для человѣка, таковъ, напримѣръ пресловутый Атлантическій морской пузырь (Physalia atlantica) обжоги котораго наносили не разъ неосторожнымъ купавшимся матросамъ смертельныя увѣчья.

Среди нисшихъ животныхъ въ открытыхъ моряхъ встрѣчается особенно много такъ называемыхъ лучевиковъ (Radiolaria). Эти микроскопически малыя созданія сотоящія изъ комочка живущаго вещества, пронзеннаго очень тонкимъ скелетомъ, бо́льшей частью составленнымъ изъ кремнезема. Эти скелеты такъ разнообразны и, въ то же время такъ правильны, что по этимъ скелетамъ различаютъ въ настоящее время болѣе 3,000 видовъ различныхъ лучевиковъ. Скелеты эти имѣютъ видъ шариковъ, звѣздочекъ, дисковъ, шапочекъ, шлемовъ, и всѣ эти шары, шлемы, диски, составлены изъ такихъ тонкихъ сплетеній, такихъ крошечныхъ палочекъ и иголочекъ, что остается только дивиться тѣмъ великимъ законамъ природы, по которымъ мельчайшія частицы слагаются въ такія правильныя, дивныя и красивыя сооруженія.

Не смотря на то, что мы уже знаемъ довольно

много о томъ, что живетъ въ водахъ открытаго моря, каждый годъ приноситъ намъ изъ этой области новыя знанія и открытія. Особенно много стали мы познавать населеніе открытыхъ морей съ того времени, какъ около мѣстъ, удобныхъ для наблюденій надъ теченіями, стали селиться ученые или стали основываться спеціальныя учрежденія, напримѣръ, такъ называемыя зоологическія станціи. Особенно послѣднія учрежденія собираютъ такъ много матеріала и столько новыхъ наблюденій, что, вѣроятно, черезъ десятокъ, другой лѣтъ наши познанія о жизни открытаго моря будутъ и гораздо подробнѣе и еще интереснѣе, чѣмъ наши современныя познанія по этому вопросу.

VI.

О ловчихъ звѣряхъ и птицахъ.

А. Н. Корчагина.

Были выставлены: чучела и рисунки охотничьихъ собакъ, гепарда, ихневмона, реморы, баклана, секретаря и охотничьихъ соколовъ.

Въ центральной Россіи охота за звѣремъ есть не болѣе какъ дорого стоющая забава. Въ сѣверной же части нашего отечества охота напротивъ составляетъ главнѣйшій и часто единственный зимній промыселъ крестьянъ и инородцевъ. Короткое и холодное лѣто вовсе не обезпечиваетъ крестьянина, заработка на сторонѣ достать негдѣ. До большихъ городовъ, до Петербурга, до Москвы далеко, фабрикъ и заводовъ въ краѣ мало, за то много еще осталось дремучихъ сѣверныхъ боровъ, гдѣ на привольѣ во множествѣ гнѣздится всякая лѣсная куриная птица, неотлетающая отъ насъ на зиму. Не рѣдкость до сего времени наткнуться на лѣснаго господина, косолапаго медвѣдя, или на лося; много лисицъ, куницъ, хорьковъ. Русскій крестьянинъ поневолѣ обращается въ охотника, поневолѣ начинаетъ промышлять всякаго звѣря и птицу. Съ незапамятныхъ временъ идетъ здѣсь охотничій промыселъ. Самое завоеваніе Вятки и Перми, покореніе зырянъ и заселеніе Архангельскаго края было вызвано стремленіемъ Новгородцевъ занять новыя мѣста для звѣринаго промысла. Они строили городки для скупки пушнаго товара, покоряли окрестныхъ инородцевъ и облагали ихъ данью опять таки звѣриными шкурами. И теперь изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну переходитъ мелкопульная винтовка, и передается устройство разныхъ поставушекъ, западней и самострѣловъ. Сотни тысячъ паръ тетеревей и рябчиковъ, получаемыхъ каждую зиму въ Москвѣ и Петербургѣ, добываются этими охотниками. Сотни тысячъ бѣлокъ ежегодно привозится на Ирбитскую ярмарку и тысячи шкурокъ соболей,—звѣрка, помѣщеннаго на гербѣ Сибири. За соболемъ шли русскіе промышленники за Уралъ, и это движеніе вызвало наконецъ покореніе Сибири Ермакомъ Тимоѳеевичемъ, обложившемъ покоренныхъ сибиряковъ данью или ясакомъ пушными звѣрями. И до сихъ поръ, для сибирскихъ инородцевъ охота за звѣремъ и рыбная ловля — единственный промыселъ, часто единственное средство къ жизни. До сихъ поръ еще сибирскіе инородцы платятъ подати и ясакъ звѣриными шкурами. Не тронутые еще стоятъ дремучіе сибирскіе лѣса, хотя дорогой звѣрь сталъ уже во многихъ мѣстахъ убывать.

Подобно нашимъ инородцамъ въ другихъ частяхъ свѣта есть племена исключительно живущія охотой или рыбной ловлей. Это такъ называемые дикари, которые еще не додумались ни до хлѣбопашества, ни до скотоводства, которые живутъ тамъ, гдѣ вѣчное лѣто, гдѣ природа безъ всякаго труда со стороны человѣка доставляетъ ему все необходимое. Или это несчастныя племена, загнанныя на далекій сѣверъ, гдѣ напротивъ зима стоитъ 9 мѣсяцевъ, а лѣтомъ земля оттаиваетъ только на аршинъ, ниже же лежитъ вѣчный ледъ; гдѣ въ зимнее время царитъ вѣчная ночь и солнце полгода вовсе не показывается на небѣ. Если же мы обратимся къ давно прошедшимъ временамъ, то увидимъ, что всякій народъ проходилъ слѣдующія ступени. Въ началѣ это былъ народъ охотниковъ-звѣролововъ, затѣмъ постепенно перешелъ къ скотоводству въ обширныхъ степныхъ равнинахъ, а въ лѣсистыхъ и горныхъ мѣстахъ началъ по немногу переходить къ хлѣбопашеству и селиться осѣдло. Съ хлѣбопашествомъ лѣса стали быстро рѣдѣть, звѣрь и птица стали уходить дальше и дальше отъ жилья, стали прятаться въ глушь и крѣпь. Но

охота совсѣмъ не бросалась, она только начала отступать на второй планъ. Суровые зимніе холода заставляютъ насъ до сихъ поръ одѣваться въ звѣриныя шкуры, а борьба съ волками и медвѣдями, при разведеніи домашняго скота, стала существенно необходимою. Но если дикій человѣкъ, напримѣръ житель Южной Америки, проводящій всю жизнь въ лѣсу, никогда не потеряетъ въ густой травѣ или въ дремучемъ лѣсу слѣда звѣря, то человѣкъ нѣсколько цивилизованный уже утратилъ прежній зоркій глазъ и чуткое ухо, а между тѣмъ всюду преслѣдуемые звѣри и птицы стали много осторожнѣе и недоступнѣе для охотника. Охота стала много труднѣе, и вотъ человѣкъ на помощь себѣ придумалъ новое средство. Онъ покорилъ своей власти и приручилъ хищныхъ животныхъ, т. е. такихъ, которые питаются другими животными и, слѣдовательно, охотятся за ними. Эту природную способность, эту кровожадность хищнаго звѣря и птицы, человѣкъ обратилъ въ свою пользу и завелъ себѣ ловчихъ звѣрей и птицъ. Онъ воспользовался невѣроятнымъ чутьемъ собаки, которая за 200 шаговъ чуетъ сѣвшую птицу, а по слѣду найдетъ и за версту; воспользовался быстротой собаки, ея зубами, воспользовался острымъ глазомъ и быстрымъ полетомъ сокола и силой слона. Не смотря однако на всю выгоду такой постановки дѣла ловчихъ животныхъ приручено немного.

Первымъ домашнимъ животнымъ была собака и до сихъ поръ она лучшій и незамѣнимый товарищъ на всякой охотѣ. Природныя свойства собаки дѣлаютъ ее такой. Чтобы лучше уяснить себѣ это, мы посмотримъ, какой образъ жизни ведетъ дикая собака, или близкій родичъ ея—волкъ и лисица. Дикая собака или волкъ обладаетъ отличнымъ чутьемъ, хорошимъ слухомъ. Она дневное животное и ночью, въ противоположность кошкѣ, видитъ плохо. Особой быстротой на бѣгу не отличается, но за то можетъ бѣжать долго, не уставая. Настигать добычу прыжками, какъ дикая кошка, онъ не можетъ. Какъ же охотится дикая собака или волкъ? Птицъ она не трогаетъ, развѣ та сама подвернется, но нападаетъ на звѣрей и преимущественно на большихъ травоядныхъ. Не умѣя дѣлать прыжковъ, не надѣясь на свою быстроту и силу, животныя эти должны по неволѣ соединиться въ стаи и добывать себѣ пищу при взаимной поддержкѣ. И дѣйствительно, дикія собаки всегда промышляютъ стаями: выслѣдивъ какого-нибудь звѣря, бросаются всей стаей за нимъ, гонятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не утомится и упадетъ. Настигнувъ оленя или одинокаго быка, они бросаются на него и давятъ не силой, но числомъ, при чемъ каждая отдѣльная собака о себѣ не заботится, и часто двѣ или три изъ нихъ остаются на мѣстѣ убитыми. Также промышляютъ и волки. Лисица, та по чутью находитъ мелкаго звѣря, а чаще птицу и, тихонько подкрадываясь къ ней, ловитъ. Вотъ этими-то качествами и воспользовался человѣкъ, и развилъ въ домашней собакѣ качества волка и лисицы. Охотничьихъ собакъ много, а всего породъ собакъ болѣе 200. Такъ гибка порода собаки, что человѣкъ, чуть не на каждаго звѣря создалъ особую породу, въ которой развилъ то или другое полезное качество. Охотничьи собаки извѣстны всѣмъ, я только напомню о нѣкоторыхъ.

Самая древняя порода—*гончая* собака. Это почти таже дикая собака. Мало дрессированная, мало послушная, она также по слѣду находитъ звѣря и гонитъ его, пока онъ не попадетъ на охотника. Существуютъ гончія оленьи, кабаньи, лисьи и другія. Были прежде такъ называемыя *испанскія кровавые* собаки, приученныя къ охотѣ за человѣкомъ. До половины нынѣшняго столѣтія существовалъ торгъ людьми, именно неграми. Ихъ ловили или покупали въ ихъ отечествѣ въ Африкѣ, и перевозили въ Америку, гдѣ заставляли работать на поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ или сахарнымъ тростникомъ, гдѣ подъ палящимъ солнцемъ южнаго неба бѣлый человѣкъ не можетъ работать. Съ ними обращались очень жестоко, и невольники бѣгали при первой возможности. Въ богатыхъ лѣсистыхъ мѣстахъ Америки стоило уйти только съ версту, и негръ былъ на свободѣ. Найти его никто не могъ, а прокормиться ему всегда было чѣмъ. Но стоило бѣглецу оставить что нибудь изъ своей одежды,—онъ пропалъ; эту вещь давали понюхать кровавой собакѣ и пускали по слѣду. Куда бы не скрылся негръ, если только онъ не плылъ по водѣ, собаки найдутъ и лаемъ дадутъ знать, гдѣ онъ спрятался; если же его настигнутъ, то разорвутъ. Но, слава Богу теперь рабство ужъ вездѣ уничтожено, нѣтъ болѣе и кровавыхъ собакъ.

Въ другихъ породахъ развиты другія драгоцѣнныя качества. *Борзыя* собаки бѣгаютъ съ быстротой вѣтра, но плохо видятъ и чуютъ. *Бульдоги* и медвѣжьи собаки отличаются своей злобностью, которая заставляетъ ихъ забывать все окружающее. Если бульдогъ схватилъ что нибудь зубами, то уже такъ и замираетъ, не разжимая рта. Охотникъ, напустивъ такую стаю на медвѣдя, находится въ полной безопасности. Всѣмъ извѣстно, что медвѣдь защищается передними лапами, а для того, чтобы онѣ были свободны, онъ долженъ встать на заднія. Когда онъ съ ревомъ поднимается на охотника, собаки хватаютъ его за задъ. Достаточно двухъ такихъ собаченокъ, чтобы окончательно сбить медвѣдя. Онѣ не даютъ ему сдѣлать ни шагу, кусаютъ его за ноги, и ловко отвертываются отъ ударовъ переднихъ лапъ. Разсвирѣпѣвшій медвѣдь садится и начинаетъ отби-

ваться отъ нихъ. Охотникъ въ 20 шагахъ спокойно цѣлится и стрѣляетъ, какъ въ цѣль. Если же онъ промахнулся и медвѣдь бросается на него, собаки опять останавливаютъ звѣря и держатъ его, пока его не убьютъ.—Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще о *таксѣ*, собакѣ съ длиннымъ тѣломъ и короткими кривыми ногами. Она плохо бѣгаетъ, но прекрасно врывается въ норы, что дѣлаетъ таксу неоцѣнимой при охотѣ на хорьковъ и кроликовъ.

Высшаго искусства человѣкъ достигъ въ *лягавой* собакѣ, въ понтерѣ. Вопреки своей природѣ, понтеръ охотится не за звѣремъ, а за птицей и чуетъ ее не только по слѣду, но и верхомъ. Подойдя къ самой птицѣ, онъ не беретъ ее, а стоитъ надъ ней, указывая охотнику; потомъ подаетъ застрѣленную. И на столько извращена природа хищнаго звѣря, что породистая лягавая не ѣстъ ни сырую, ни жареную птицу, которую она незадолго передъ тѣмъ съ такой горячностью выслѣживала.

И такъ собака сдѣлалась душою охоты, преимущественно за звѣремъ; но какъ было добыть птицу, въ особенности хорошаго летуна, въ то время, когда еще не умѣли приготовлять пороха и не было ружей. Съ лягавой собакой можно охотиться только съ ружьемъ, и то при этомъ надо стрѣлять отлично и быстро. Что же было дѣлать лѣтъ 300—350 тому назадъ, когда еще не знали огнестрѣльнаго оружія и стрѣляли стрѣлами изъ луковъ? Попадать въ птицу на лету было весьма трудно, а въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ бекаса, совсѣмъ невозможно. Человѣкъ тогда, на птицу пріучилъ птицу, подобно тому какъ на звѣря пріучилъ звѣря. Къ охотѣ пріучали хищныхъ птицъ, преимущественно соколовъ, отчего и самая охота получила названіе *соколиной*. Соколиная охота одна изъ самыхъ завлекательныхъ. Соколъ очень красивая птица. Гордая осанка, ясный взглядъ, отвага и смѣлость невольно привлекаютъ къ нему общее расположеніе и лучшіе соколы, именно кречеты получили названіе благородныхъ. Кромѣ кречетовъ пріучали обыкновенныхъ соколовъ, дербниковъ, чеглоковъ, ястребовъ и орловъ. Соколиная охота вошла въ такую моду, что сдѣлалась любимымъ развлеченіемъ королей, князей, и барановъ. Въ западной Европѣ было даже запрещено не дворянину охотиться съ соколами. Для поимки хорошихъ кречетовъ, водящихся на сѣверѣ, снаряжали особые корабли, и короли дарили другъ друга соколами. Московскіе цари также очень любили соколиную охоту, въ особенности Иванъ Васильевичъ Грозный и отецъ Петра Великаго Алексѣй Михайловичъ, оставившій намъ цѣлую книгу „Урядникъ Сокольничья пути“. Сокольницкій паркъ подъ Москвой на вѣки будетъ памятникомъ этой царской потѣхи. Цѣлый штатъ служителей, царскихъ сокольничьихъ, сопровождалъ государя на охоту. Сокольничій ѣхалъ верхомъ, на рукѣ у него одѣтой въ рукавицу, расшитую шелками и жемчугомъ, сидѣлъ соколъ съ колпачкомъ, надѣтымъ на голову, закрывающимъ глаза птицѣ, чтобы она не слетѣла раньше времени. Дичь, обыкновенно утокъ или гусей, выгоняли изъ болота или загонщики, или собаки. Вслѣдъ за вылѣтевшей птицей пускали сокола, снявъ предварительно колпачекъ. Соколъ сначала забиралъ кверху, затѣмъ оттуда билъ птицу, не только утку или гуся, но даже лебедя и цаплю; затѣмъ спускался съ нею на землю, гдѣ къ нему подскакивалъ верховой охотникъ и, отманивая сокола свѣжимъ крылышкомъ, бралъ изъ подъ него птицу. Затѣмъ сокола спускали на другую, на третью дичь. Никогда не давали соколу наклеваться вдоволь, только лакомили его крылышкомъ, какъ борзую собаку—лапками зайца, ибо звѣрь и птица охотятся только тогда, когда голодны. Рѣдкая птица можетъ уйти отъ сокола. Онъ самый лучшій летунъ изъ всѣхъ птицъ. Бьетъ птицу всегда сверху. Ястребъ уступаетъ ему въ этомъ отношеніи и беретъ птицу *въ угонъ*. Въ настоящее время соколиная охота почти совсѣмъ оставлена въ Европѣ, но наши степняки, киргизы и татары, до сихъ поръ ярые охотники. Точно также любятъ соколиную охоту арабскіе князья. Они травятъ соколами не только птицъ, но и антилопъ. Какъ не быстра борзая собака—ей не нагнать антилопу. Но не уйти послѣдней отъ соколовъ. Они быстро настигаютъ газель и бьютъ ее по глазамъ крыльями, задерживаютъ этимъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ борзые и не повалятъ газели.—Наши киргизы вынашиваютъ также орловъ, съ которыми охотятся на волка, на лисицу. Орелъ, поднявшись къ верху, складываетъ крылья и камнемъ падаетъ на бѣгущаго звѣря и вцѣпляется ему въ спину когтями. Лисица тотчасъ умираетъ, а волка принимаютъ охотники. Кромѣ хищныхъ птицъ вынашивали еще сорокопутовъ, небольшую птичку, замѣчательную тѣмъ, что она не ѣстъ ни жука, ни мыши, не посадивъ ее предварительно на шипъ или гвоздь. Вотъ и всѣ обыкновенныя ловчія животныя. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ употребляютъ *гепарда* (Filis jubata), изъ породы кошекъ; только когти у него не втяжные, какъ у кошки, и вслѣдствіи этого болѣе тупые. Охота съ гепардами ведется также, какъ и соколиная. Гепарда возятъ съ кожанымъ колпакомъ на головѣ въ двухколесной крытой телѣжкѣ, или охотникъ сажаетъ его сзади себя на лошадь. Подъѣхавъ, сколько можно ближе къ стаду газелей, съ гепарда снимаютъ колпакъ и указываетъ на дичь. Звѣрь тотчасъ же начинаетъ ползкомъ приближаться къ стаду и, подползя ша-

говъ на 200, вдругъ бросается, дѣлая огромные прыжки. Поваливъ газель, онъ прокусываетъ ей шею и пьетъ кровь. Верховой охотникъ отманиваетъ звѣря, накидываетъ ему на голову колпакъ и охота начинается снова.

Изъ другихъ хищниковъ приручаютъ африканскаго *хорька* (Putorius furo), именно для того, чтобъ выгонять изъ норъ кроликовъ. Затѣмъ, но уже гораздо рѣже, болѣе для забавы, пріучали *выдру* (Lutra vulgaris), мѣхъ которой извѣстенъ у насъ подъ названіемъ *польскаго бобра*. Съ помощью выдры ловятъ уже не звѣрей, а рыбу, чаще всего форель въ горныхъ ручьяхъ, гдѣ сѣтью ловить неудобно. Китайцы для ловли рыбы пріучили *бакла-на* (Phalacrocorax), птицу, по образцу жизни похожую на нашихъ чаекъ-рыбалокъ и питающуюся исключительно рыбой. Чтобы бакланъ не могъ проглотить пойманной рыбы, ему надѣваютъ на шею кольцо. При помощи баклана уловъ бываетъ весьма хорошій. Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ ловчемъ животномъ, именно о ловчей рыбѣ, называемой *ремора*. Рыба эта имѣетъ на головѣ присоску, съ помощью которой она можетъ крѣпко приставать къ подводнымъ предметамъ. Съ реморой ловятъ большихъ черепахъ, идущихъ въ пищу. Къ хвосту аршинной рыбы прикрѣпляютъ веревку и пускаютъ въ то мѣсто, гдѣ есть морскія черепахи. Желая спастись, ремора присасывается къ черепахѣ такъ крѣпко, что послѣднюю вмѣстѣ съ рыбой вытаскиваютъ по веревкѣ въ лодку. При помощи реморы можно поднять до 100 фунтовъ вѣсу; такова сила удивительной рыбы.

И такъ мы видѣли, что человѣкъ отлично воспользовался прирожденными качествами дикихъ животныхъ, обратилъ къ своей выгодѣ ихъ способности истреблять другъ друга; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріучилъ также однихъ животныхъ охранять отъ другихъ свое имущество и самого себя. Вѣрный другъ его собака служитъ для той и другой цѣли.

Мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ, если я назову еще трехъ животныхъ, которыхъ приручаютъ для охраны въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ собака не пригодна. Такова, напримѣръ, *паламедеи* (Palamedea), птица, живущая въ дикомъ состояніи по берегамъ рѣкъ Южной Америки. Характерную особенность паламедеи составляетъ то обстоятельство, что она на каждомъ крылѣ имѣетъ по двѣ длинныхъ шпоры, какія бываютъ у пѣтуха на ногахъ. Птица эта ростомъ съ индѣйку, только на ногахъ повыше. Принявъ это во вниманіе, а также еще то, что всякая птица можетъ очень сильно бить крыльями —вспомните, какъ сильно бьетъ гусь,—и вы легко можете представить себѣ, какіе удары наноситъ паламедеа своими крыльями, которыя вдобавокъ еще со шпорами. Всякая кошка, всякая лисица убѣгаетъ послѣ первой стшибки. Паламедею пріучаютъ пасти домашнюю птицу. Она быстро водворяетъ порядокъ въ стаѣ и держитъ свое стадо, какъ овчарка отару.

Подъ жаркимъ южнымъ солнцемъ, тамъ гдѣ природа такъ богата, гдѣ ничтожный трудъ человѣка окупается сторицей, тамъ человѣкъ окруженъ многочисленными и весьма опасными врагами. Изъ лапъ медвѣдя, изъ когтей тигра можетъ еще выручить мѣткій выстрѣлъ товарища, но горе тому, кого только оцарапалъ тонкій, какъ игла и полый внутри ядовитый зубъ *гремучей змѣи* (Crotalus horridus), или *копье-змѣи* (Trigonocephalus lanceolatus). Ядъ черезъ зубной каналъ быстро проникаетъ въ кровь, и, если не принять тотчасъ же мѣръ, смерть неизбѣжна. Представьте себѣ положеніе бѣдныхъ босыхъ негровъ, работающихъ на сахарныхъ плантаціяхъ Антильскихъ острововъ. Какъ убережешься въ густой травѣ, достигающей роста человѣка? Что дѣлать въ этомъ случаѣ? Самому до змѣи не добраться, собака безсильна. Для борьбы съ этими страшными врагами вывезли изъ Африки и разселили исконныхъ враговъ змѣй, звѣря и птицу. Въ Африкѣ живетъ одинъ хищникъ давно извѣстный, какъ истребитель змѣй и ихъ яицъ, лучше сказать яицъ всякихъ гадовъ. Его называютъ *ихневмонъ* (Herpestes) или *фараонова мышь*, хотя онъ на мышь вовсе не похожъ и ростомъ болѣе кошки. Древніе Египтяне—язычники его боготворили, а послѣ смерти хоронили нерѣдко съ большимъ почетомъ. Вотъ этого—то ихнемона и переселили теперь для уничтоженія змѣй. Еще раньше для этой же цѣли перевезли на Антильскіе острова также изъ Африки птицу, называемую *секретаремъ* (Serpentarius africanus) по той причинѣ, что негустой хохолокъ на ея головѣ издали напоминаетъ то гусиное перо, которое старинные писари клали себѣ за ухо. Секретарь принадлежитъ къ хищнымъ птицамъ, но онъ плохой летунъ и такъ высокъ на ногахъ, что скорѣе напоминаетъ журавля. Очень любопытно секретарь ловитъ змѣй. Онъ не летаетъ, не высматриваетъ сверху, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, коршунъ, а все время ходитъ въ густой травѣ, высматривая добычу. „Завидѣвъ змѣю, говоритъ нѣмецкій естествоиспытатель Гартвигъ, секретарь заскакиваетъ впередъ, не давая ей уползти, и когда змѣя, внѣ себя отъ гнѣва, поднимаетъ голову, готовясь броситься на дерзкую птицу, секретарь, закрывшись однимъ крыломъ, какъ щитомъ, другимъ бьетъ гада, пока не оглушитъ. Затѣмъ схватываетъ потерявшую сознаніе змѣю въ когти, поднимается въ высь и бросаетъ оттуда гада, послѣ чего уже спокойно садится ѣсть разбившееся отъ паденія пресмыкающееся“.

Ла Вальянъ нашелъ въ желудкѣ одной такой птицы одинадцать черепахъ, трехъ змѣй въ руку длиной, да сверхъ того еще множество саранчи и жуковъ.

VII.

О нѣкоторыхъ промысловыхъ птицахъ.

В. А. Вагнера.

Были выставлены: чучела птицъ.

Птицы продаются и покупаются съ различными цѣлями. Однѣ—для стола, какъ рябчики, тетерева, куропатки, вальдшнепы, дупеля, бекасы, и пр.; другія — частью для стола, частью для украшенія садовъ и птичниковъ, какъ фазаны, нѣкорыя утки и гуси; третьи—только для украшенія, или забавы любителей, какъ многочисленные попугаи ярко окрашенныя пташки тропиковъ и наши мѣстныя, или привозныя пѣвчія птицы; четвертыя—для охоты за звѣрями и птицами, какъ ястреба, соколы и беркуты; наконецъ птицы служатъ предметомъ промысла, благодаря ихъ перьямъ, или пухъ. 1) Главный предметъ промысла составляютъ, разумѣется, птицы, которыя служатъ человѣку пищей. Каждому изъ васъ конечно приходилось видѣть въ Охотномъ ряду и другихъ торговыхъ пунктахъ Москвы цѣлыя груды битой дикой птицы, но не всѣмъ вамъ извѣстно какъ живутъ, какъ добываются эти птицы, составляющія предметъ промысла многихъ людей и откуда онѣ намъ доставляются. Сегодня я разскажу вамъ кое что о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вся идущая для стола промысловая дичь можетъ быть раздѣлена на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна представляетъ собою предметъ правильно организованной торговли, другая носитъ на себѣ характеръ скорѣе случайной торговли, чѣмъ правильно организованной. Первая группа включаетъ въ себя только три вида птицъ: рябчиковъ, тетеревовъ и куропатокъ; но число убиваемыхъ изъ нихъ и поступающихъ въ продажу особей считается сотнями тысячъ, милліонами. Вторая группа включаетъ въ себя гораздо большее число видовъ; сюда относятся вальдшнепы, дупеля, бекасы, гаршнепы, перепела, утки, гуси и проч.; но число поступающихъ въ продажу, напримѣръ, въ Москвѣ не для всѣхъ изъ нихъ считается даже тысячами. Зависитъ это во 1-хъ отъ того, что птицы первой группы ведутъ осѣдлый образъ жизни; онѣ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, не перелетаютъ на большія разстоянія и держатся разъ избраннаго мѣста, тогда какъ птицы второй группы перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, иногда на огромныя разстоянія, причемъ число особей данной мѣстности настолько не постоянно даже въ извѣстныя времена года, что не можетъ вызвать опредѣленныхъ къ нимъ со стороны жителей отношеній; охота за ними не представляетъ ничего вѣрнаго и является занятіемъ между дѣломъ, — случайнымъ. Во 2-хъ, охота на птицъ первой группы можетъ производиться и производится главнымъ образомъ зимой, то-есть въ такое время года, когда птица и легко сохраняется, не подвергаясь порчѣ, и легко перевозится въ замороженномъ состояніи; тогда какъ охота на птицъ 2-й группы производится главнымъ образомъ весной и осенью, когда ни сохранять ее долго, ни перевозить на далекія разстоянія неудобно. Само собою понятно, что пароходство и желѣзныя дороги оказываютъ огромное вліяніе на промыселъ дичью. Уничтоженіе лѣсовъ, засѣленіе мѣстъ влечетъ за собою паденіе въ промыслѣ дичью первой группы, которая и сильнѣе истребляется и вытѣсняется изъ этихъ мѣстъ въ другія. На промыселъ дичью второй группы эти факторы иногда оказываютъ совершенно противуположное вліяніе; возможность ускоренной перевозки позволяетъ доставлять дичь въ теплое время изъ такихъ мѣстъ, откуда до этого нечего было и думать о ея перевозкѣ.

На первомъ мѣстѣ привозной дичи по количеству безспорно стоитъ *рябчикъ*. Каждый годъ сотни тысячъ, чуть не милліоны паръ, на сотни тысячъ

рублей привозятся не только изъ сѣверныхъ губ. Россіи, но даже изъ Сибири и развозятся во всѣ города южныхъ и западныхъ губерній; а изъ Петербурга—за-границу. Вообще по количеству выручаемыхъ отъ продажи рябчиковъ денегъ—можно сказать, что птица эта превосходитъ всѣ другія породы дичи.

Настоящее коренное мѣстопребываніе рябчика—лѣса равнинъ сѣверной Россіи и Сибири. Прежде они водились гораздо южнѣе, но съ уничтоженіемъ лѣсовъ все болѣе отодвигались на сѣверъ и теперешнею границею рябчика можно считать границу распространенія ели.

Самецъ рябчикъ почти не отличается отъ самки; сѣренькое опереніе ихъ вѣроятно всѣмъ знакомо, а потому я скажу о немъ только нѣсколько словъ. Рябчики, водящіеся въ чернолѣсьѣ, темнѣе, чѣмъ живущіе въ хвойныхъ лѣсахъ Самый темный рябчикъ привозится съ Урала и въ торговлѣ извѣстенъ подъ названіемъ *Сибирскаго*. Очень рѣдко попадаются рябчики бѣлаго цвѣта — выродки, или какъ ихъ называютъ, князьки; изъ многихъ сотенъ тысячъ рябчиковъ, привозимыхъ въ Москву, такіе князьки въ нѣкоторыя зимы не попадаются вовсе. Рябчики съ бѣлыми пятнами по тѣлу встрѣчаются чаще князьковъ, но тоже составляютъ большую рѣдкость. Живетъ рябчикъ постоянно въ лѣсахъ и есть чисто лѣсная птица; разъ избравъ себѣ мѣстопребываніе, рябчикъ живетъ въ немъ попарно, семьями, или по одиночкѣ и почти никогда не совершаетъ значительныхъ перелетовъ. Истребивъ рябчиковъ въ какомъ нибудь районѣ,—ихъ долго не замѣчаютъ въ этой мѣстности. Короткія крылья рябчика служатъ отчасти причиною этого; полетъ его, хоть и довольно быстръ, но не продолжителенъ, кромѣ того еще, изъ опасенія хищниковъ, онъ очень рѣдко подымается выше лѣса. Даже на дерево взлетаетъ онъ не охотно, проводя большую часть дня на землѣ, на которой строитъ и гнѣздо свое.

Пища рябчика очень разнообразна: поздней осенью и зимой онъ питается почками деревьевъ; весной—мухами и другими насѣкомыми; лѣтомъ—ягодами, изъ которыхъ особенно любитъ бруснику и рябину.

Въ концѣ мая и даже въ началѣ іюня у рябчиковъ появляются молодые 8—10 штукъ, иногда даже 15; самецъ помогаетъ самкѣ ихъ выкармливать и охранять; а въ случаѣ ея смерти, вполнѣ ее замѣняетъ По выходѣ изъ яйца цыплята подбираются подъ крылья матери и, обсохнувъ, начинаютъ бѣгать; дней черезъ 7 — 10 они уже взлетываютъ и на ночь садятся на деревья. Въ началѣ августа молодые рябчики линяютъ, а въ сентябрѣ, или началѣ октября, разлетаются врозь, хоть и не далеко отъ мѣста вывода; когда же снѣгъ покроетъ землю, они собираются снова иногда полными выводками.

Помѣси рябчика встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ у тетеревовъ. Въ Петербургѣ, въ Академіи Наукъ, есть чучело помѣси рябчика съ тетеревомъ; извѣстны помѣси рябчика съ бѣлой куропаткой, которыя попадались въ Олонецкой губерніи—вотъ и все, что пока извѣстно съ достовѣрностью.

Изъ разновидностей стоитъ упомянуть о водящейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Амурскаго края, на островѣ Сахалинѣ и вѣроятно въ многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Сибири,—такъ называемая *Дикуша*.

Интересна эта птица не столько особенностями въ своемъ строеніи и опереніи, (этимъ она мало отличается отъ обыкновеннаго рябчика,) сколько своимъ характеромъ и отношеніемъ къ человѣку. Какъ и всѣ птицы странъ не заселеныхъ человѣкомъ, и имъ не посѣщаемыхъ, дикуша оказывается столь довѣрчивой, что ее снимаютъ съ деревьевъ помощью простыхъ, прикрѣпленныхъ къ пруту, петель; случается при этомъ, что ремешекъ петли расходится, птица освобождается и не только не улетаетъ, но садится на то-же самое дерево и снова даетъ накинуть на себя ту же петлю.

Добывается рябчикъ исключительно или на манку, или посредствомъ петель, силковъ и другихъ снарядовъ ловли, и потому давленные рябчики многочисленнѣе стрѣляныхъ. Охота съ лягавой собакой почти невозможна въ той чащѣ, въ которуй обитаетъ рябчикъ; лѣтомъ-же, когда онъ держится по опушкамъ, собака не приноситъ большой пользы, потому что, поднявшись сразу, выводокъ разсаживается по деревьямъ и долго не спускается на землю. Гораздо болѣе занимателенъ способъ охоты на рябчиковъ съ такъ называемой лайкой—собакой, которая употребляется для подлаиванья сидящей на деревѣ птицы. Въ Сѣверной Россіи и Сибири—лайка самая обыкновенная порода собакъ. Лѣтомъ охотникъ съ такою собакою идетъ въ лѣсъ; отыскавъ выводокъ, собака начинаетъ лаять, упершись передними ногами на то дерево, на которомъ помѣстился рябчикъ, не подозрѣвающій опасности въ лицѣ приближающаго охотника. Этотъ способъ однако не особенно прибыленъ, потому что рябчикъ очень трусливъ и не долго сидитъ на томъ деревѣ, на которомъ его замѣтила собака, особенно если она громко лаетъ. Въ виду этого лаекъ дресируютъ на рябчиковъ особеннымъ образомъ, пріучая ихъ, выслѣдивъ рябчика, не лаять, а напримѣръ кататься по землѣ. Такой способъ охоты на рябчиковъ не очень распространенъ—даже на сѣверѣ, гдѣ онъ только и практикуется. Своеобразный способъ охоты на рябчиковъ практикуется въ Польшѣ: охота съ загонщиками. Она заключается въ томъ, что стрѣлки становятся въ линію гдѣ нибудь въ лѣсу, въ

которомъ водятся рябчики, а 10–15 загонщиковъ на нѣкоторомъ отъ стрѣлковъ разстояніи вытягиваются въ другую линію и двигаются къ стрѣлкамъ шагахъ въ 30 другъ отъ друга, постукивая по деревьямъ, перекликаясь и вообще производя шумъ. Рябчики отлетаютъ понемногу и, направляемые загонщикомъ, подвигаются къ линіи стрѣлковъ, гдѣ и попадаютъ подъ выстрѣлы

Употребительнѣе ружейный способъ охоты съ *пищикомъ*, основанный на подражаніи голосу рябчика. Въ извѣстное время года весной, когда рябчики разбились на пары, или осенью—выводками, птица скоро отзывается на приманку и подлетаетъ къ охотнику, который бьетъ ее почти всегда сидячую. Въ этой охотѣ убиваютъ гораздо болѣе самцовъ чѣмъ самокъ.

Всѣ перечисленные нами способы ружейной охоты сравнительно мало прибыльны и для промысла употребляются другіе пріемы: ловушки и силки; ими добывается почти $^2/_3$ всей той птицы, которую мы видимъ въ продажѣ. Эти способы добыванія птицы и привели къ тому, что годъ отъ году ее становится все меньше и меньше. Ружьемъ не каждаго убьешь. да и не всѣхъ увидишь; отъ силковъ же, особенно если ихъ много—не уйдутъ, А ихъ ставятъ очень много: есть мѣста, въ которыхъ на 1 десятину приходится по два силка. Отъ этого, по словамъ тѣхъ же охотниковъ, съ силками не добывается теперь и $^1/_5$ части того, что добывалось прежде; и что всего хуже въ этомъ способѣ истребленіе птицы—такъ это то, что имъ работаютъ далеко не на однихъ только ловцевъ и покупателей дичи, а еще и на медвѣдей, воронъ и кукшъ... Часто случается что, охотнику отъ поставленныхъ силковъ ничего не остается: все съѣдено хищными птицами и звѣрями. Къ этому надо еще присоединить, что ловленный рябчикъ на треть дешевле стрѣлянаго; понятно поэтому какое огромное зло составляютъ подобные способы добыванія птицы. Способы истребленія рябчиковъ, или „снасти“, какъ говорятъ торговцы, которыми ихъ ловятъ, весьма различны. Въ Сибири, напримѣръ, крестьяне-ребятишки ловятъ рябчиковъ *пастушками*: такъ называется яма узкая снаружи и разширяющаяся по мѣрѣ углубленія; на нее кладутся ягоды рябины, или другая приманка; рябчикъ проваливается въ яму и не можетъ уже вылетѣть. Другой способъ: къ круглому обручу прикрѣпляется крѣпкая сѣтка въ видѣ колпака; такой колпакъ привѣшивается къ дереву невысоко надъ землею. Внутрь колпака на надобіе языка въ колоколъ привѣшиваетск кисть рябины такимъ образомъ, что если дернуть ее, то колпакъ отрывается отъ привязки и падаетъ на добычу. Рябчикъ охотно подбѣгаетъ подъ такіе колпаки и легко попадается на приманку.

Въ Зырянскомъ уѣздѣ употребляютъ иной способъ. Кромѣ колпака употребляютъ еще слонцы и давушки, какъ на тетеревовъ. Объ этихъ способахъ скажу ниже. Здѣсь упомяну еще о наиболѣе распространенномъ способѣ ловли пружками и силками. Пружкомъ называется усовершенствованный силокъ, т. е. силокъ, соединенный съ насторожкой; птица, попадая въ силокъ, задѣваетъ его большею частью ногой, насторожка соскакиваетъ, пригнутое высокое деревцо быстро распрямляется и пойманная птица виситъ въ воздухѣ. Для приманки употребляется, какъ и въ первомъ случаѣ,—рябина. Настоящіе силки плетутся изъ конскаго волоса. Такими силками ловятъ птицу на землѣ, употребляя для приманки песокъ, въ которомъ рябчики такъ любятъ купаться. Такіе же силки ставятъ и на деревьяхъ, употребляя здѣсь для приманки рябину.

Приручить рябчиковъ удавалось, но держать въ неволѣ и получить приплодъ—не удалось ни одному изъ любителей, что конечно отнюдь не доказываетъ невозможности этаго дѣла; напротивъ, попытки одомашнить птицъ, которыя прежде считались для этого совершенно неспособными, даетъ основаніе полагать, что попытки одомашнить рябчика не удавалось лишь потому, что за дѣло брались не съ надлежащей стороны.

Второе мѣсто за рябчикомъ въ торговлѣ занимаетъ тетеревъ—полевой, косачь и лѣсной, или глухарь. Первый изъ нихъ извѣстенъ гораздо болѣе, чѣмъ послѣдній, а потому я остановлюсь только на глухарѣ.

Весьма не многіе изъ васъ видѣли глухаря—этого царя лѣсной дичи живымъ на волѣ; зависитъ это не отъ того, что онъ очень рѣдокъ, а отъ того, что мѣста, въ которыхъ онъ живетъ составляютъ самую глушь крупнаго краснаго, или большаго смѣшаннаго лѣса, рѣдко посѣщаемую людьми. Отсюда и самое названіе птицы—глухарь. Дремучій лѣсъ—отдаленный отъ жилья—необходимое условіе для тетерева-глухаря. Питаются тетерева весной попреимуществу еловой хвоею; когда сойдетъ снѣгъ, то—прошлогодними ягодами брусники и клюквы; лѣтомъ пища ихъ дѣлается разнообразнѣе: они ѣдятъ свѣжую траву, цвѣты, осину-ольху и разныхъ насѣкомыхъ; наконецъ зимой они питаются хвоею и главнымъ образомъ почками деревьевъ.

Охотники, помимо помѣси глухаря съ косачемъ такъ называемаго тетерева межняка—считаютъ двѣ породы глухарей—большую: *роменные глухари* и малую—*шарховые*. Самецъ первой вѣситъ иногда 30 фунтовъ, тогда какъ второй рѣдко достигаетъ 12 фунтовъ. Какъ и между рябчиками, такъ и среди тетеревовъ попадаются выродки-князьки бѣлаго цвѣта, тогда какъ обыкновенное опереніе глухаря темно-

сѣрое. Такіе князьки, особенно среди глухарей, очень рѣдки; такъ въ Охотномъ ряду за 25 лѣтъ попалось только 2 бѣлыхъ глухаря. Какъ и рябчикъ—тетеревъ глухарь, разъ избравши мѣстопребываніе, рѣдко его покидаетъ; только въ суровую зиму онъ спускается съ горъ на Уралѣ въ долины; большую часть дня зимою онъ проводитъ на хвойныхъ деревьяхъ, на которыхъ и ночуетъ; начиная съ конца апрѣля и начала мая онъ проводить дни на землѣ и все рѣже садится на деревья до конца августа и начала сентября, когда опять показывается на деревьяхъ.

Птица эта очень осторожна. Она отлично видитъ и слышитъ даже во время токованія, за исключеніемъ двухнедѣльнаго періода токованія, о которыхъ будетъ сказано ниже; летаетъ не дурно, хотя и тяжело. Далеко никогда не улетаетъ; на землѣ бываетъ довольно проворна, однако уступаетъ въ этомъ куропаткѣ. Самцы съ сентябрѣ живутъ по одиночкѣ и далеко другъ отъ друга; даже осенью они не собираются въ большія стаи, такъ какъ очень драчливы; каждый изъ нихъ садится на особое дерево, и потому небольшая стая занимаетъ очень большое мѣсто. Въ февралѣ сначала самцы, а потомъ самки, приближаются къ мѣстамъ тока, которыя у глухарей очень постоянны. Только вырубка лѣса можетъ ихъ заставить перемѣнить избранное разъ для тока мѣсто. Это обыкновенно окраины моховыхъ болотъ, поросшихъ рѣдкими соснами и окруженныхъ дремучимъ лѣсомъ. Моховыя болота составляютъ вообще излюбленное мѣсто глухарей и птицу эту нерѣдко называютъ моховымъ тетеревомъ или мошникомъ. Здѣсь обыкновенно на широко раскинувшейся соснѣ начинаетъ токовать глухарь—тетеревъ, когда снѣгъ еще лежитъ почти въ цѣлости; но настоящій токъ начинается только въ 20-хъ числахъ марта мѣсяца и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и охота. Токованіе продолжается 6 недѣль, но главный періодъ охоты длится не болѣе 15 дней, такъ какъ первыя и послѣднія двѣ недѣли тока самцы бываютъ очень осторожны и подходить къ нимъ становится дѣломъ чрезвычайно труднымъ. За то въ періодъ 15 дней охота на глухарей можетъ быть очень прибыльною, такъ какъ въ это время они рѣшительно пренебрегаютъ всякою опасностью. Извѣстно за достовѣрное, что въ это время глухари выдерживаютъ по нѣсколько выстрѣловъ и продолжаютъ токовать иногда не смотря на рану при первомъ выстрѣлѣ. Бывали случаи, что глухари не только не обращали вниманія на охотника, но даже садились на него. Вотъ причина, по которой самцевъ глухарей, которыхъ такъ легко убиваютъ во время токованія, гораздо меньше, чѣмъ самокъ (иногда на одного самца приходится по 5—6 самокъ).

Способъ охоты весной съ ружьемъ только одинъ—съ подхода; онъ основанъ на томъ, что токующій самецъ плохо видитъ, такъ какъ закатываетъ глаза и плохо слышитъ, такъ какъ очень кричитъ самъ. Дѣло происходитъ такъ: съ вечера приходятъ въ лѣсъ и ночуютъ не далеко отъ тока; съ первыми признаками утра охотникъ подходитъ къ самому центру тока и ждетъ перваго щелканія; потомъ по немногу подходитъ; когда самецъ „распоется“, какъ говорятъ промышленники,—къ нему подходятъ и стрѣляютъ. Иногда подходятъ, неся передъ собою развѣсистую елку и такимъ образомъ обманываютъ даже осторжнаго глухаря. Во всякомъ случаѣ тутъ надо много навыка въ томъ, чтобы производить свои движенія какъ разъ въ тѣ секунды, въ которые кричитъ глухарь и прекращать ихъ не позднѣе, чѣмъ этотъ крикъ прекратится.

Гнѣзда свои глухари дѣлаютъ большею частью прямо на землѣ въ хвойныхъ, или смѣшанныхъ лѣсахъ. Сидитъ на гнѣздѣ одна самка и такъ крѣпко, что передъ выходомъ молодыхъ ее удавалось иногда снимать съ гнѣзда руками и снова сажать на мѣсто. Молодые выходятъ по прошествіи 4-хъ недѣль и, достигнувъ величины перепела, начинаютъ летать; до этого же времени они бѣгаютъ какъ цыплята нашихъ домашнихъ куръ. Охота на молодыхъ тетеревовъ съ ружьемъ изъ подъ собаки начинается съ середины іюля; она ведетъ къ истребленію огромнаго числа птицы, такъ какъ молодые послѣ смерти матери, которую охотникъ часто убиваетъ въ самомъ началѣ, оказываются совершенно безпомощными и, если не застрѣливаются охотниками, то истребляются многочисленными врагами: хищными звѣрями и птицами, а иногда такъ и околѣваютъ съ голоду.

Нѣкоторые изъ этихъ враговъ истребляютъ впрочемъ не однихъ только молодыхъ: взрослые также нерѣдко бываютъ ихъ добычею. Интересенъ способъ охоты на глухаря—горностаемъ, этотъ маленькій звѣрокъ бросается на токующаго тетерева самца во время токованія; столбомъ взлетаетъ птица высоко надъ землею и падаетъ оттуда съ перекушеннымъ горломъ. Нападаютъ на глухарей куницы и соболя.

Въ августѣ молодые оканчиваютъ свою послѣднюю линьку и начинаютъ жить „въ разнобой“, т. е. по одиночкѣ. Въ это время они кормятся клюквой; тамъ, гдѣ въ лѣсахъ попадаются пашни, глухари кормятся на овсяныхъ жнивахъ, а иногда, если близко къ лѣсу складываются скирды хлѣба, то летаютъ сюда кормиться и зимою. Питаются они въ это время также засохшими осиновыми листьями, желудями и вялой хвоей лиственницы, которую очень любятъ зимой—мозжевелывыми ягодами; въ сѣверномъ Уралѣ—кедровыми орѣхами; но главнымъ образомъ хвоей и почками елей, пихтъ и сосенъ.

Кромѣ охоты на молодыхъ глухарей съ лягавой собакой, за ними охотятся съ лайками, о которыхъ я уже упоминалъ выше и съ такою же цѣлью: отвлечь вниманіе птицъ отъ охотника. Лайками пользуются и для охоты за выросшими тетеревами.

Зимой глухарей ловятъ силками, ловушками, капканами, и пр. и пр. Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ добыванія дичи—глухарей гибнетъ множество безъ всякой пользы для промышленника: пойманные истребляются и звѣрями, и птицами и заносятся снѣгомъ. Полагаютъ, что приблизительно $^1/_3$ часть попавшихся птицъ, какъ говорятъ „*завѣтривается*“ и гибнетъ безъ всякой пользы. Главный способъ ловли глухарей—это посредствомъ давушъ. Въ мѣстахъ, гдѣ зимою держатся глухари, устраиваются еще съ осени эти „снасти“, которыхъ сущность заключается въ томъ, что тронувши приманку, тетеревъ заставляетъ соскакивать насторожку и на него падаетъ доска своею тяжестью прихлопывающая его къ землѣ; а для того, чтобы онъ не успѣлъ своевременно ускользнуть въ сторону, по бокамъ вдѣлываются колья такимъ образомъ, что доска падаетъ между ними, не оставляя мѣста для выхода.

Количество добываемыхъ глухарей меньше не только количества добываемыхъ рябчиковъ, но и тетеревовъ—косачей. Такъ, въ зиму 1874—75 года въ Москву было доставлено: 750,000 паръ рябчиковъ, 550,000 тетеревовъ-косачей и лишь 3000 п. глухарей.

Одомашненіе тетеревовъ оказывается дѣломъ совершенно возможнымъ; удавалось получить въ неволѣ нѣсколько поколѣній

Прирученіе куропатокъ представляется дѣломъ—при надлежащемъ съ нимъ знакомствѣ, вовсе не труднымъ. Объ охотѣ на куропатокъ я говорить не стану, какъ потому, что въ общихъ чертахъ это дѣло большинству извѣстно, такъ и потому, что нѣкоторые изъ способовъ ловли этихъ птицъ общи съ тѣми, которые употребляются для ловли рябчиковъ и тетеревовъ и иногда лишь нѣсколько видоизмѣнены. Такъ, напримѣръ, плетеные колпаки на обручахъ съ приманкою изъ ягодъ, о которыхъ я говорилъ выше, приготовляются такъ же на куропатокъ, какъ и на рябчиковъ и т. д.

Всѣ *промысловыя птицы второй группы* – представляютъ съ точки зрѣнія торговаго ихъ значенія гораздо меньшій интересъ, а потому я буду говорить о нихъ гораздо менѣе подробно. На первомъ планѣ этой группы по своему достоинству стоитъ, разумѣется, такъ называемая, красная дичь: вальдшнепъ, дупель, бекасъ и гаршнепъ. Всѣ эти птицы родственны другъ другу, имѣя много общихъ чертъ строенія и характеризуются трудной для описанія пестротой оперенія, происходящей отъ сочетанія трехъ главныхъ цвѣтовъ: темно-бураго, краснаго и сѣраго. Начнемъ съ дупеля.

Среди красной дичи одинъ *дупель* имѣетъ несомнѣнное значеніе для промышленниковъ и доставляетъ матерьялъ для заработка сотнямъ лицъ. Остальная дичь этого рода служитъ главнымъ образомъ забавой охотниковъ.

По внѣшности самецъ и самка не отличаются другъ отъ друга; но извѣстны 2 породы дупеля: большая и малая, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ болѣе рыжеватый оттѣнокъ; птицы этой породы извѣстны подъ названіемъ „бѣгуновъ“, такъ какъ онѣ не взлетаютъ изъ подъ собаки, а бѣгутъ отъ нея. Географическое распространеніе дупеля очень велико; онъ встрѣчается во всей средней полосѣ Россіи и Азіи. Любимымъ мѣстопребываніемъ его служатъ долины большихъ рѣкъ Въ Западной Европѣ онъ все болѣе рѣдѣетъ, какъ по причинѣ осушенія болотъ, такъ и вслѣдствіе слишкомъ густаго народонаселенія,—два условія, при которыхъ немыслимо существованіе этого обитателя привольныхъ равнинъ нашей родины. Уцѣлѣвшія истребляются охотниками.

Въ половинѣ мая самка устраиваетъ себѣ гнѣздо недалеко отъ того мѣста, гдѣ происходило токованіе. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ ранѣе выводятся дѣтеныши: такъ на югѣ, гдѣ жары наступаютъ раньше, въ концѣ мая можно видѣть уже множество выводовъ; у насъ же въ средней полосѣ они появляются не ранѣе начала, или первой трети іюня. Главное условіе гнѣзда — отсутствіе болотистой мокроты; она состоитъ изъ ямки съ сухой травой и до такой степени подходитъ къ оперенію дупеля, что его трудно замѣтить; но разъ увидавши, можно снять его руками: онъ сидитъ такъ усердно, что при опасности не покидаетъ своего гнѣзда. Вообще онъ заботливо охраняетъ яица и, сходя съ гнѣзда, прикрываетъ ихъ травою. Самецъ не принимаетъ участія въ насиживаніи. Молодые нѣкоторое время держатся около гнѣзда и не покидаютъ матери; черезъ 2—3 недѣли могутъ уже летать. Пищу ихъ въ началѣ составляютъ насѣкомыя; въ іюлѣ же, когда могутъ запускать клювъ въ землю, питаются корешками растеній.

По окончаніи періода токованія самцы линяютъ въ крѣпяхъ; самки линяютъ позднѣе: по выводѣ своего потомства; но къ августу старики окончательно перелиняли. Къ этому времени успѣли окрѣпнуть молодые и вотъ начинается стаденіе; появляются пролетные дупеля, которые сначала летятъ нѣкоторое время парами, а уже къ 1-му сентябрю идетъ валовой прилетъ, дающій обильную жатву, какъ промышленникамъ, такъ и охотникамъ; но періодъ этотъ весьма коротокъ, такъ какъ въ половинѣ сентября отлетъ совершенно кончается.

Весною дупель прилетаетъ позже всѣхъ прилетныхъ птицъ и въ средней полосѣ у насъ появ-

ляется только въ половинѣ апрѣля; на югѣ — раньше. Онъ летитъ сразу „высыпами“ и тянется по луговымъ долинамъ большихъ рѣкъ цѣлыми массами; отдѣльныхъ особей, предшествующихъ этому валовому прилету, не наблюдается. Основавшись на излюбленныхъ мѣстахъ, они разбѣгаются и начинается повсемѣстное токованіе, которое сначала идетъ довольно вяло; но мало по малу самцы становятся все энергичнѣе и драчливѣе, такъ что драки ихъ продолжаются отъ вечерней зари до утренней. Самки держатся сначала въ сторонѣ, потомъ выбѣгаютъ на токъ. Мѣстомъ для этого послѣдняго служатъ полянки среди кочковатаго болота, окруженныя кустами ракитника. Непремѣннымъ же условіемъ для *тока* должна быть *некось* (нескошенная трава) (условіе одинаково важно и для тетеровъ), такъ какъ такія мѣста представляютъ болѣе безопасности. Однажды выбранное мѣсто посѣщается цѣлые годы подъ рядъ, пока какія нибудь новыя неподходящія условія не вытѣсняютъ ихъ оттуда обычныхъ пришельцевъ. Токованіе дупеля имѣетъ много общаго съ токованіемъ тетерева: тѣ же звуки, тѣ же безконечныя драки. Днемъ птица держится далеко отъ токовищъ и если этихъ послѣднихъ нѣсколько по сосѣдству, то выбирается ближайшій. Періодъ токованія кончается въ половинѣ мая и тогда самка садится на яица, а самецъ начинаетъ линять и идетъ въ крѣпъ.

Весенняя охота—главнымъ образомъ *промысловая*, самая истребительная и, къ сожалѣнію, самая распространенная; производится на токахъ съ помощью ружья, силковъ и сѣтей. Въ сущности ее нельзя даже назвать охотой, такъ какъ здѣсь не требуется ни искусства, ни ловкости, а только одна грубая сила надъ беззащитной птицей, находящейся въ ненормальномъ состояніи. Кромѣ того масса ея уходитъ исколѣченной и пропадаетъ совершенно безполезно для человѣка. Начинается она въ началѣ мая (10-го) когда періодъ браковъ въ полномъ разгарѣ. Препятствій никакихъ она представлять не можетъ, такъ какъ мѣста токовищъ и старыя, и новыя заранѣе извѣстны вслѣдствіе помятой некоси и разбросанныхъ перьевъ. Стоитъ только сѣсть за кустъ, могущій служить прикрытіемъ, или въ случаѣ отсутствія таковаго, сдѣлать искусственное прикрытіе въ видѣ шалаша, или деревяннаго щита; ночная темнота довершаетъ дѣло. Чтобы оно шло успѣшно, нужно приходить пораньше, т. е. за нѣкоторое время до захода солнца, когда птица еще не появлялась для обычнаго токованія, иначе ее можно распугать.

Снасти, употребляемыя для ловли суть: 1) *сѣть* изъ тонкихъ, но крѣпкихъ нитокъ съ большими ячеями. Величина ея должна нѣсколько превышать центръ тока, но не слишкомъ, потому что это доставитъ много хлопотъ и возни. Сѣть насторожаютъ до заката солнца; послѣ слета дупелей спускаютъ насторожку, берутъ птицъ и прикалываютъ ихъ, потомъ опять настораживаютъ и т. д., и т. д. Дупеля почти не обращаютъ вниманія на сѣть и уцѣлѣвшіе опять сбѣгаются, чтобы попасться въ руки охотниковъ. Слѣдующую охоту производятъ однако на другомъ току, такъ какъ сильное уменьшеніе дупелей ими наконецъ замѣчается. Въ удачные годы такой промыселъ даетъ до 600 паръ на одного охотника.

2) *Силья и поножи*, употребляемыя въ Костромской, Оренбургской губерніяхъ и въ Юго Западномъ краѣ. О первыхъ говорить не стану; они всѣмъ извѣстны. Что касается до *поножъ*, то это тѣ же силья, только вплетенныя въ одну веревку на $^1/_2$ арш. разстоянія другъ отъ отъ друга и привязанныя къ камнямъ. Обыкновенно, какъ только одинъ дупель попалъ въ силокъ, другіе бросаются его бить и сами попадаются въ силки.

3) *Стрѣльба на токахъ.* Способъ этотъ мало добычливъ, но не менѣе вреденъ, потому что стрѣляя въ кучу, убьешь не многихъ, а ранишь многихъ, которые охотнику не достанутся, а погибнутъ неминуемо безъ всякой пользы. Далѣе хотя въ это время, какъ говорится „заря съ зарей сходятся“, тѣмъ не менѣе однако прицѣла не видно и бить можно только съ накидки и въ кучу и то при очень хорошемъ зрѣніи, иначе убьешь развѣ „дуромъ“ по выраженію охотниковъ. Выстрѣлы мало замѣчаются дупелями, потому что прекращенный на минуту токъ, скоро возобновляется до новаго выстрѣла. Убитыхъ подбираютъ съ разсвѣтомъ, когда кончается токъ. Но кромѣ указанныхъ причинъ такая охота должна быть признана вредною потому, что ею кромѣ самцевъ истребляются и самки, а стало-быть и яйца. На тетеревиномъ току самки попадаются какъ исключеніе; на дупелиномъ наоборотъ: съ полуночи на току является множество самокъ, а къ разсвѣту — когда тамъ много и самцовъ и самокъ — происходитъ самая добычливая охота. Само собою разумѣется, что постоянныя охоты на дупелей сокращаютъ все болѣе, болѣе количество ихъ, такъ что огромныя болота, прежде богато заселенныя этой птицей, теперь опустѣли. Рядомъ съ этимъ и другія условія способствуютъ къ постоянному уменьшенію дичи вообще; таковы — осушеніе болотъ и вырубка лѣсовъ.

Лѣтняя охота на дупеля производится съ помощью ружья и собаки; иногда для выгона дичи употребляется бичева, толщиною съ шомполъ. Бичеву эту двое охотниковъ привязываютъ къ погѣ или поясу; иногда даютъ тянуть ее другимъ; но это опасно.

Промыселъ красной дичью вообще могъ бы быть

весьма прибыленъ, если бы была правильная охота; а эта послѣдняя можетъ быть только при правильномъ сбытѣ, котораго нѣтъ. Распространенъ, какъ сказано, только дупленный промыселъ; напримѣръ въ Ярославской губ. ихъ добывается масса (весною 600 паръ на охотника). Въ Москвѣ въ Охотномъ ряду осенью продается отъ 800 до 1500 паръ дупелей при средней цѣнѣ 80 к. за пару.

Вальдшнепъ. По величинѣ птица эта равняется приблизительно обыкновенному голубю; однако, особи меньшей величины, причемъ разница эта такъ постоянна, что какъ натуралисты, такъ и охотники принимаютъ существованіе двухъ породъ вальдшнепа: *большаго* и *малаго*.

Вообще говоря—вальдшнепъ представляетъ огромное число выродковъ; встрѣчаются среди нихъ между прочимъ и *бѣлые*, какъ и среди рябчиковъ, но еще рѣже; попадаются вольдшнепы съ бѣлыми крыльями и бѣлымъ хвостомъ, и т. д. Мѣста обитаемыя вальдшнепомъ—тѣнистые, старые лѣса. Здѣсь онъ живетъ, гнѣздится, выращиваетъ молодыхъ и перелетаетъ на югъ съ наступленіемъ холодовъ для того, чтобы весной снова вернуться на свою родину.

Величина лѣса и близость человѣка не играютъ большаго значенія въ выборѣ мѣста; въ этомъ отношеніи вальдшнепъ гораздо ближе къ рябчику, чѣмъ къ глухарю. Пища вальдшнепа не подвергается большимъ измѣненіямъ по временамъ года; обыкновенно ее составляютъ разныя насѣкомыя и особенно ихъ личинки.

Растительную пищу онъ употребляетъ очень рѣдко и только по нуждѣ, причемъ ею чаще являются корни, чѣмъ плоды растеній.

Гнѣздится вольдшнепъ весной; въ половинѣ мая самка садится на гнѣздо и перестаетъ посѣщать тяги. Гнѣздо устраивается въ томъ лѣсу, гдѣ бываетъ тяга, оно отлично скрыто—обыкновенно у подножья дерева, или среди кустарника. Сидитъ самка около $2^1/_2$ недѣль такъ крѣпко, что ее можно трогать руками и она не слетаетъ съ гнѣзда.

Молодые начинаютъ бѣгать тотчасъ же, какъ только обсохнуть, то есть такъ-же, какъ и молодые косачи и глухари. Интересно, что въ случаѣ крайней опасности самка переноситъ своихъ дѣтенышей, схвативъ ихъ когтями, на подобіе хищной птицы. Самцы не принимаютъ никакого участія ни въ выводѣ, ни въ выхаживаніи молодыхъ.

Въ концѣ, или серединѣ августа молодые съ своими матками перебираются къ опушкамъ лѣсовъ, къ озимымъ полямъ, гдѣ кормъ ихъ, до сего времени животный, дѣлается смѣшанныхъ.

Въ началѣ сентября наблюдается такъ называемая осенняя тяга, вовсе не похожая, конечно, на тягу весеннюю. Птицы летятъ молча, имѣя цѣлью перелета посѣщеніе мѣстъ кормежки.

Въ концѣ сентября начинается отлетъ.

Въ противуположность промысловымъ птицамъ, на которыхъ охота производится въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, главная охота—стрѣльба на высыпки вальдшнеповъ—происходитъ въ мѣстахъ, гдѣ они попадаются во время прилета. Впрочемъ вальдшнепъ принадлежитъ къ числу птицъ, которыя въ промысловомъ отношеніи играютъ самую ничтожную роль. Наиболѣе цѣнною охотою на вальдшнепа считается такъ называемая охота на тягѣ.

Весною, когда только начинаетъ оживать природа, надъ просѣками и лѣсными дорогами по вечернимъ и утреннимъ зарямъ начинаютъ тянуть, т, е. летѣть, издавая крики, вальдшнепы. Тяга представляетъ собою явленіе, совершенно аналогичное току тетеревовъ, или дупелей. Разница лишь въ томъ, что тетерева и дупеля токуютъ на одномъ мѣстѣ, а вальдшнепы тянутъ надъ извѣстнымъ участкомъ, который величиною превосходитъ площадь тетеревинаго тока. Впрочемъ, площадь тока у глухаря занимаетъ также огромное пространство. Въ остальномъ сходство тяги и тока—весьма значительно: и то, и другое въ сущности представляетъ собою мѣсто состязанія самцевъ, на голосъ которыхъ прилетаютъ самки; и тяга, и токъ находятся въ одинаковой зависимости отъ состоянія погоды: безвѣтрія, дождя, пониженія, или повышенія температуры. Тѣ же драки самцевъ изъ за обладанія самками; то же увлеченіе, которое доходитъ до полнаго забвенія опасности; тѣ же случаи какъ во время токованія, такъ и во время тяги, что вальдшнепъ садится на человѣка. На тягу, какъ и на токъ, прилетаютъ самки, съ тою разницей, что онѣ не остаются долго на мѣстѣ, какъ это бываетъ на току у тетеревовъ, а уводятъ съ собою самцевъ.

Съ разсвѣтомъ тяга прекращается; самка удаляется къ своему гнѣзду, самецъ забирается въ чащу, а вечеромъ и тотъ, и другая опять летятъ на тягу. Совсѣмъ прекращается тяга въ началѣ іюля.

Стрѣльба вальдшнеповъ въ это время представляется очень не легкой и требуетъ большаго навыка; затрудненія происходятъ отъ того, во 1-хъ, что опредѣлить при вечернемъ освѣщеніи разстояніе птицы такъ трудно, что и самый опытный охотникъ всегда можетъ дѣлать ошибки въ этомъ отношеніи; во 2-хъ, отъ того, что птица часто показывается вовсе не оттуда, откуда ее ждешь.

Стрѣлки промышленники употребляютъ разные пріемы, облегчающіе стрѣльбу. Такъ они, чтобы подманить далеко тянущаго вальдшнепа, подбрасываютъ вверхъ какой нибудь предметъ, который могъ бы быть замѣтенъ вальдшнепомъ. Увидавъ подброшенную вещь, птица измѣняетъ направленіе и иногда налетаетъ очень близко.

Подманиваютъ вальдшнеповъ, подражая голосу самки; разводятъ также съ этой цѣлью костры, на огонь которыхъ летитъ вальдшнепъ, какъ и всякая ночная птица.

Въ заключеніе о стрѣльбѣ вальдшнеповъ на тягѣ остается сказать, что такая охота должна быть отнесена къ числу самыхъ истребительныхъ, такъ какъ нѣтъ возможности отличить самца отъ самки даже при желаніи это сдѣлать и потому приходится убивать такихъ самокъ, которыя слетали съ гнѣздъ для нагула послѣдняго—четвертаго яйца; другими словами—губить однимъ выстрѣломъ цѣлый выводокъ. Безвредною тяга является лишь въ первый ея періодъ, когда тянутъ мѣстные и прилетные самцы, что продолжается первые 7—10 дней тяги.

Стрѣльба вальдшнеповъ по высыпкамъ начинается одновременно съ валовымъ прилетомъ. Собака на такой охотѣ оказываетъ существенную помощь. Такая охота гораздо прибыльнѣе, чѣмъ охота на тягѣ.

Охота на вальдшнеповъ осенью съ загонщиками носитъ у насъ настолько случайный характеръ, что о ней распространяться я не буду вовсе. Такъ же случайна и не добычлива ловля вальдшнеповъ силками.

VIII.

О почтовыхъ голубяхъ.

А. Н. Корчагина.

Были выставлены: чучела почтовыхъ и др. домашнихъ породъ голубей; образчики депешъ и принадлежностей голубиной почты.

Голубь—любимая птица русскаго человѣка. Почти во всей Россіи онъ пользуется покровительствомъ и, не смотря на замѣчательный вкусъ голубинаго мяса, голубь очень рѣдко составляетъ предметъ охоты. Стрѣляютъ обыкновенно только лѣсныхъ голубей: горлинокъ, витютней и вихорей, но эта дичь никогда не бываетъ предметомъ промысла и никогда не появляется въ мясныхъ лавкахъ. Если же застрѣлишь обыкновеннаго сизаго голубя, то во многихъ мѣстахъ навлечешь на себя весьма крупное неудовольствіе, хотя голубей, кромѣ породистыхъ, никто не разводитъ, и они не приносятъ никакой пользы, напротивъ даже, голубь, какъ зерноядная птица, бываетъ существенно вреденъ для посѣвовъ, когда размножится въ значительномъ количествѣ —Чѣмъ же объяснить такое покровительство? Только тѣмъ, что голубь, какъ смирная, ласковая птица, полюбился русскому человѣку за свой тихій нравъ, свою общественность, свое нѣжное, нѣсколько грустное воркованіе. Дикій сродичъ нашего голубя еще и до сего времени встрѣчается и гнѣздится на приморскихъ скалахъ Италіи и Южной Франціи, но у насъ въ Россіи онъ несомнѣнно прирученъ, а не самъ поселился съ человѣкомъ, какъ напримѣръ воробей, который самъ одомашнился, прижился близъ запасовъ, не для него собранныхъ, и воровски добываетъ себѣ содержаніе. Въ настоящее время и голубь не званный, не прошенный самъ селится подъ сосѣдней крышей и становится такимъ же воромъ, какъ и воробей, даже еще хуже: онъ питается исключительно зерномъ и сильно портитъ посѣвы, особенно когда очень размножится; воробей, напротивъ, приноситъ большую пользу: онъ истребляетъ множество вредныхъ насѣкомыхъ. Съ этой цѣлью недавно англичане искусственно развели воробьевъ въ Австріи. Но люди несправедливы: одинъ получилъ воровское прозвище: „воръ—воробей“, другой пользуется покровительствомъ и названіе „голубь, голубчикъ“ сдѣлались ласкательными именами Не въ одной только Россіи голуби пользуются покровительствомъ. Ихъ любятъ и берегутъ почти всюду, въ особенности на Востокѣ. Съ незапамятныхъ временъ голубь сталъ домашней птицей. Самое древнее извѣстіе о голубяхъ, дошедшее до насъ, записано въ Египтѣ за 3.000 лѣтъ до Р. Х. Въ книгахъ Моисея также указываются голуби, которыхъ евреи употребляли въ пищу и приносили въ жертву Богу. Съ того времени и до сихъ поръ голубей разводятъ по всѣму свѣту и при томъ преимущественно для забавы. Поэтому не удивительно, что мы имѣемъ теперь очень много разныхъ породъ, весьма не похожихъ другъ на друга ни по наружному виду, ни по свойствамъ. Каждая порода имѣетъ какія нибудь только ей свойственныя качества. Одни неимовѣрно раздуваютъ зобъ,

другіе имѣютъ въ хвостѣ вмѣсто 12 до 40 перьевъ и держатъ его всегда стоймя, третьи кувыркаются на воздухѣ, иногда до обморока, такъ что падаютъ и разбиваются до смерти. Иные имѣютъ совсѣмъ особенный голосъ и называются поэтому трубачи, хохотуны и такъ далѣе. Но всѣ эти породы выведены искусственнымъ подборомъ, всѣ происходятъ отъ обыкновеннаго дикаго голубя и разводятся только для потѣхи. Однако существуетъ одна порода домашнихъ голубей, которая служитъ людямъ весьма важную службу и именно въ то время, когда какъ говорятъ—кромѣ ихъ и „взяться нечѣмъ“. Это *почтовые голуби*. Почтовые голуби употребляются для пересылки депешъ. Они очень надежные и быстрые почтальоны. Пущенный съ депешей, онъ летитъ, не останавливаясь, несмотря ни на какую погоду, ни на дождь, ни на снѣгъ, летитъ черезъ лѣса, горы и рѣки, обыкновенно не пивши, не ѣвши, и, доставивъ посылку на домъ, падаетъ отъ изнеможенія, если разстояніе было очень велико, т. е. велико для почтовыхъ голубей, которые вообще разстояніемъ не стѣсняются. Несвѣдующій человѣкъ можетъ быть подумаетъ, что если голубь доставитъ депешу, ну за 5, за 10 верстъ, это и то много.—Но на самомъ дѣлѣ голуби проходятъ разстоянія по истиннѣ громадныя, да притомъ съ невѣроятною скоростью. Что вы скажете о гонцѣ, котораго вы отправили отсюда съ письмомъ, напримѣръ, къ Троицѣ, и онъ доставитъ его черезъ часъ. Или, напримѣръ, послали сегодня рано утромъ голубя-гонца въ Петербургъ, и сегодня же къ ночи депеша будетъ получена. Послали въ Самару (1020 верстъ).—Депеша получается въ Самарѣ менѣе, чѣмъ черезъ полтора сутокъ. Это быстрѣе даже экстреннаго желѣзнодорожняго поѣзда. При этомъ еще надо имѣть въ виду, что голубь ночью не летитъ, онъ въ темнотѣ ничего не видитъ и долженъ поэтому гдѣ-нибудь переночевать. Но и съ ночевкой онъ можетъ пройти 1000 верстъ менѣе, чѣмъ въ полтора сутокъ Конечно, это можетъ сдѣлать только отличный голубь и при хорошей погодѣ, но во всякомъ случаѣ такіе полеты вовсе не рѣдкость. Обыкновенно же среднимъ числомъ голубь-гонецъ пролетаетъ версту въ минуту и въ день 400 верстъ безъ всякаго труда. Однако скорость полета доходитъ до 95 верстъ въ часъ, а разстояніе болѣе 1000 верстъ. Въ настоящее время, слѣдовательно, только телеграфъ можетъ опередить такого гонца; но если принять во вниманіе то обстоятольство, что голубиная почта возникла тогда, когда не было не только телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, но и никакой почты, то важное значеніе голубей гонцовъ становится ясно. Въ настоящея время имѣетъ ли значеніе голубиная почта? Или, послѣ изобрѣтенія телеграфовъ, ея время прошло? Нѣтъ не прошло и голубиная почта въ наше время имѣетъ весьма большое значеніе. Начать съ того, что телеграфъ существуетъ не вездѣ, а быстро переслать извѣстіе домой часто весьма важно, въ особенности, если нужно сохранить секретъ, чего на телеграфѣ сдѣлать нельзя. Такихъ случаевъ можетъ быть очень много. Для примѣра я укажу два изъ заграничной практики. Въ Бельгіи крестьяне, отправляясь выпимать жребіи въ солдаты, берутъ съ собой голубей, и, какъ только рѣшится, годенъ или нѣтъ, тотчасъ же отправляютъ домой вѣсточку. Понятно, что родные всѣ глаза проглядятъ, ожидая голубя. Другой случай изъ газетной практики. Всѣмъ извѣстно, что газеты тѣмъ болѣе расходятся, чѣмъ повѣе въ ней извѣстія; та газета, которая раньше другихъ помѣститъ описаніе какого нибудь важнаго событія, разойдется быстрѣе другихъ. Многіе изъ васъ вѣроятно помнятъ, какъ во время послѣдней войны часто появлялись и расходились въ огромномъ количествѣ отдѣльные листочки съ телеграммами, которые продавались на улицахъ. Въ Англіи такія телеграммы продаются постоянно. Отправляясь, въ какое-нибудь общественное собраніе газетный корреспондентъ беретъ съ собой корзинку съ голубями. И любопытно видѣть, какъ голубь за голубемъ летитъ черезъ форточку въ редакцію съ депешами. Тамъ летокъ въ голубятню устроенъ такъ, что какъ голубь входитъ, внизу въ конторѣ раздается электрическій звонокъ,—знакъ, что депеша пришла. Ее сейчасъ же печатаютъ и пускаютъ съ разсыльнымъ въ продажу.

Кромѣ этихъ и другихъ подобныхъ случаевъ, въ настоящее время обстоятельства могутъ сложиться такъ, что нельзя пользоваться ни почтой, ни желѣзными дорогами, ни телеграфами. Таковые случаи бываютъ во время войны. Во время послѣдней Франкопрусской войны, нѣмцы осадили Парижъ, столицу Франціи, окружили весь городъ кольцомъ своихъ войскъ. Само собой разумѣется, что всякое сообщеніе по желѣзной дорогѣ и телеграфу было прервано; нельзя было не выйти, не проникнуть въ Парижъ ни одному человѣку. Столица была отрѣзана отъ всего государства, а вмѣстѣ съ нею и всѣ главные правители. Что было дѣлать? Придумали спускать воздушные шары. Но шары летаютъ только по вѣтру и при томъ большіе шары такъ замѣтны, что многіе изъ нихъ были прострѣлены и попались въ руки непріятеля. Весьма важное неудобство заключалось также въ томъ, что въ шарѣ можно было вылетѣть изъ Парижа, но нельзя уже было никакимъ способомъ вернуться обратно. Долго не знали что дѣлать, пока не пришло въ голову воспользоваться почтовыми голубями, которыхъ для забавы разводили голубятники. Попытка увѣнчалась успѣхомъ и съ ,этого времени во всѣхъ государствахъ стали раз-

водить почтовыхъ голубей для военной почты.

Начало голубиной почты скрыто во мракѣ отдаленнаго прошлаго. Достовѣрно извѣстно, что эти голуби употреблялись римлянами и греками задолго до Р. Х. Извѣстно, что въ 45 году до Р. Х. римскій полководецъ Гирціусъ посылалъ депеши съ голубями въ осажденную Модену. Мало по малу однако эта почта въ Европѣ заглохла и о ней вновь узнали только во время Крестовыхъ походовъ, когда голубь, преслѣдуемый ястребомъ, упалъ въ лагерь христіанъ. На немъ была депеша султана Саладина. Но наибольшаго развитія голубиная почта достигла на Востокѣ въ царствованіе могущественнаго Халифа Нуреддина (1146—1173). Этотъ государь покорилъ Египетъ и окружающія страны. По всѣмъ его владѣніямъ по Египту и Сиріи были съ 1167 года устроены станціи съ голубями-гонцами и со всѣхъ концовъ государства извѣстія быстро собирались въ Багдадъ. Послѣ завоеванія Багдада монголами, почта пришла въ упадокъ, однако она долго еще сохранялась въ Египтѣ и, говорятъ, дожила до нашихъ дней въ Персіи. Въ Европѣ до 16 столѣтія исчезли всякіе слѣды голубиной почты и о ней снова появляются извѣстія въ 1572 году во время войны Испаніи съ Голландіей. Первый опытъ посылки голубей на значительное разстояніе было сдѣлано въ 1818 году въ Бельгіи. Затѣмъ въ 1820 году голубь-гонецъ прилетѣлъ изъ Бельгіи въ Парижъ. Удивленіе было такъ велико, что голубя съ музыкой носили по улицамъ.—Въ то время телеграфа еще не было. Европейскіе банкиры взяли на свою службу голубей, чтобы ежедневно знать о положеніи курса на главнѣйшихъ биржахъ.

Знаменитый лондонскій богачъ Ротшильдъ въ значительной степени обязанъ своимъ богатствомъ почтовымъ голубямъ. Во время безпрерывныхъ войнъ Наполеона I, Ротшильдъ вдругъ сдѣлался страстнымъ любителемъ голубей, и не безъ причины. Его агенты евреи, ѣздившіе за всѣми арміями, сообщали ему о всѣхъ побѣдахъ и пораженіяхъ Наполеона. Такъ извѣстіе о пораженіи Наполеона при Ватерлоо, Ротшильдъ получилъ на 3 дня раньше англійскаго правительства, что дало ему возможность скупить огромное количество процентныхъ бумагъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Примѣромъ банкировъ воспользовалось извѣстное теперь телеграфное агентство Рейтера, обязанно своей всемірной славѣ—голубиной почтѣ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія почтовымъ голубямъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ, отъ котораго чуть было не перевелась эта драгоцѣнная порода. Былъ изобрѣтенъ телеграфъ и всюду сообщенія стали передаваться быстрѣе и надежнѣе. Голубиную почту всѣ оставили. Порода голубей-гонцовъ сохранилась только у бельгійскихъ охотниковъ, пока въ 1870 году осада Парижа не показала, какое громадное значеніе въ военное время имѣетъ голубиная почта. Одинъ изъ воздушныхъ шаровъ, отправляющійся изъ Парижа, былъ прострѣленъ пруссаками и достался въ ихъ руки При немъ оказалась корзина съ голубями. Эти голуби были отправлены въ Германію и послужили началомъ нѣмецкой военной голубиной почты.

Въ настоящее время эта военная почта введена во Франціи, Бельгіи, Германіи, Испаніи, Австріи, Италіи, Турціи и у насъ въ Россіи. Кромѣ того существуетъ за границей множество охотничьихъ обществъ, гдѣ голубей-гонцовъ содержатъ для призовыхъ состязаній. Особенно эта охота развита въ Бельгіи, гдѣ нѣтъ почти ни одного городка, ни одного селенія, гдѣ-бы не держали голубей-гонцовъ. Каждое воскресенье бываютъ состязанія, при чемъ голубей спускаютъ тысячами.

Въ 1874 году голубиныхъ обществъ въ Бельгіи было 1,200. Призовыхъ состязаній было 1,340. Призовъ разыграно на 732,480 франковъ, участвовали 244,160 голубей. Каждое воскресенье здѣсь ходятъ особые экстренные поѣзда, предназначенные для перевозки голубей. 26 мая 1875 года были отправлены изъ Люттиха въ Намюръ два поѣзда по 46 вагоновъ, которые содержали 46,000 голубей,

Для охраненія голубей въ Бельгіи изданъ законъ, по которому каждый убившій какимъ-либо способомъ голубя, какой бы онъ ни былъ породы, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 1—6 мѣсяцевъ. Если же виновному было извѣстно, что голубь несъ депешу или вообще былъ гонцомъ, то тюремное заключеніе увеличивается до 2—3 лѣтъ.

Очень развита голубиная охота и во Франціи; въ другихъ государствахъ значительно менѣе. У насъ въ Россіи такихъ охотничьихъ обществъ не существуетъ вовсе, хотя конечно отдѣльныя лица держатъ гонцовъ. Военная же голубиная почта существуетъ и у насъ; еще недавно былъ изданъ законъ, воспрещающій стрѣлять и вообще убивать всякихъ безъ исключенія голубей по всей Россіи.

На чемъ же основано примѣненіе для почты именно голубей, а не другихъ какихъ птицъ? Основою для этого служатъ три причины: 1) голубь чрезвычайно привязанъ къ той голубятнѣ, гдѣ онъ родился и выросъ. Если его унести куда нибудь, онъ непремѣнно вернется домой; 2) голуби обладаютъ рѣдкою памятью и способностію находить дорогу. Я уже указывалъ, что были случаи спуска голубей за 1000 верстъ и болѣе. Были, напримѣръ, спущены 180 голубей въ Римѣ, черезъ полмѣсяца семь изъ нихъ вернулись домой въ Люттихъ, пролетѣвъ разстояніе въ 1050 верстъ черезъ море и Альпійскія горы, черезъ препятствія почти неодолимыя. Трудно объяснить эту способность. На близкихъ

разстояніяхъ конечно имѣетъ большое значеніе запоминаніе мѣстности. Спущенный голубь никогда не полетитъ очертя голову. Онъ всегда быстро поднимается въ высь, дѣлаетъ нѣсколько большихъ круговъ и, завидя знакомыя мѣста, устремляется ужъ прямо. Но понятно, что на большихъ разстояніяхъ глазъ уже не можетъ служить. Наконецъ третье обстоятельство—быстрота и неутомимость въ полетѣ. Всѣ голуби въ извѣстной степени обладаютъ этими качествами; каждый голубь годится быть гонцомъ на малое разстояніе. Но у почтовыхъ голубей эти качества развиваются воспитаніемъ и подборомъ породы до невѣроятной степени.

Въ настоящее время употребляется въ дѣло нѣсколько породъ; всѣ онѣ отличаются большимъ бѣлымъ ободкомъ около глазъ и бѣлой восковицей. Цвѣтъ пера весьма разнообразный. Лучшія породы слѣдующія:

Англійскій голубь или *карьеръ*. Онъ очень великъ, имѣетъ необыкновенно щеголеватый видъ и смѣлую осанку. Основаніе клюва снизу и сверху съ большими наростами, глаза съ широкимъ бѣлымъ ободкомъ. Длина отъ конца клюва до конца хвоста 16 дюймовъ, вѣсъ слишкомъ 2 фунта. Цѣна хорошей пары въ Англіи 120 рублей. Онъ очень пугливъ и чутокъ, летитъ быстрѣе другихъ голубей, хорошо находится и очень смѣтливъ.

Брюссельскій голубь меньше карьера, но самый большой изъ бельгійскихъ голубей. Отличительные признаки этой породы еще не установились и ихъ слѣдовательно въ короткихъ словахъ охарактеризовать трудно.

Антверпенскій голубь отличается длиннымъ и узкимъ клювомъ, плоской головой и длинной красивой шеей. Это лучшій изъ бельгійскихъ голубей; чрезвычайно выносливъ, смѣтливъ, привязанъ къ дому, хорошій летунъ и прекрасиво сложенъ. Очень невзыскателенъ и болѣе всего подходитъ къ нашему климату.

Люттихскій голубь самый маленькій, отличается кудрявой манишкой на груди. Онъ очень красивъ и пользуется любовью охотниковъ.

И такъ, очень сильный и лучшій летунъ *карьеръ*, но онъ очень дорогъ, нѣженъ и быстро жирѣетъ. Очень большія восковицы мѣшаютъ ему подъ старость видѣть, такъ что даже старыхъ голубей приходится кормить изъ рукъ *Антверпенскій* не слишкомъ быстръ, но очень выносливъ и уже на третьемъ году годенъ для самыхъ дальнихъ посылокъ; *брюссельскій* — отличается прекрасными качествами, очень легокъ, быстръ, памятливъ, но нѣженъ и достигаетъ полнаго развитія только на 4 мъ году. *Люттихскій* — самый маленькій. самый красивый и лучшій голубь для охотниковъ.

Для пересылки депешъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Голубей, выведенныхъ въ Москвѣ отсылаютъ въ корзинѣ, напримѣръ, въ Коломну и тамъ держатъ въ голубятнѣ, не выпуская на волю. Когда нужно переслать извѣстіе, привязываютъ депешу голубю и пускаютъ его. Голубь вздымаетъ къ верху, быстро осматривается и летитъ прямо домой въ свою голубятню Здѣсь его принимаютъ и снимаютъ посылку. Если же нужно послать отвѣтъ, то того же голубя въ Коломну послать нельзя: онъ все будетъ возвращаться домой. Надо для этого здѣсь въ Москвѣ держать Коломенскихъ голубей и ихъ уже отправлять съ депешей домой. Слѣдовательно для безпрерывной переписки нужно постоянно обмѣниваться голубями, хотя на малыхъ разстояніяхъ можно употреблять однихъ и тѣхъ же на оба конца. Можно напримѣръ посылать два раза въ день изъ Москвы въ Подольскъ, словомъ не далѣе 30 — 40 верстъ, однихъ и тѣхъ же голубей, дрессированныхъ такимъ образомъ, чтобъ они привыкли ѣсть въ Москвѣ, а ночевать въ Подольскѣ. Только это не надежно. Для большей вѣрности голубей сначала дрессируютъ т. е. пріучаютъ летать по одному направленію, съ каждымъ разомъ все увеличивая разстояніе. Напримѣръ, отправимъ голубей по Николаевской желѣзной дорогѣ. Первый разъ спустимъ ихъ въ Крюковѣ; когда они воротятся въ Москву, свеземъ ихъ въ Клинъ и тамъ выпустимъ; какъ только они доберутся до Крюкова, дорога будетъ знакомая и они смѣло, не путаясь, не теряя времени пойдутъ къ Москвѣ. Затѣмъ спустимъ изъ Твери, изъ Вышняго-Волочка, изъ Волховской станціи наконецъ изъ Петербурга. Если не будемъ употреблять этихъ голубей на другіе концы, то они быстро будутъ летать по знакомой дорогѣ изъ Петербурга—сюда. Такъ дрессируютъ военныхъ голубей въ Россіи изъ одной крѣпости въ другую, причемъ никогда не спускаютъ гонцовъ на огромное разстояніе. Для военныхъ цѣлей большія разстоянія вовсе не нужны; напротивъ важно, чтобъ голубь прилетѣлъ скорѣе и навѣрно доставилъ бы депешу, а не путался, отыскивая дорогу, ежечасно рискуя наткнуться на непріятельскихъ стрѣлковъ Поэтому военныхъ голубей дрессируютъ на 200—300 верстъ не болѣе,— но за-то отъ военнаго голубя требуется, чтобъ онъ былъ быстръ, хорошо помнилъ дорогу, выносилъ бы всякую погоду и не боялся ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни пушечной пальбы. Посмотримъ теперь, какъ приготовляется и прикрѣпляется депеша. Прежде всего надо сказать, что голубя клеймятъ, кладутъ на перья штемпель съ обозначеніемъ станціи и номера голубя. Затѣмъ, отправляя его въ путь, привѣшиваютъ депешу. Само собой разумѣется, что обыкновеннаго письма съ голубемъ послать нельзя. Оно слишкомъ тяжело для него, затѣмъ оно будетъ стѣснять полетъ и вообще без-

покоить голубя. Надо, слѣдовательно, устроить такъ, чтобъ депеша была легка, чтобъ ея было удобно привязать, чтобъ она была незамѣтна, если голубь сядетъ отдохнуть, и чтобъ она не портилась отъ дождя. Для этого прежде поступали такимъ образомъ: писали на тонкой бумажкѣ депешу, свертывали ее въ трубочку, покрывали лакомъ отъ сырости и вѣшали на шею, или на ногу, или подъ крыло. Но всѣ эти способы оказались нехороши, потому что депеша была очень замѣтна и мѣшала полету; наконецъ голубь могъ склевать ее. Поэтому придумали привязывать на среднее перо хвоста съ нижней стороны. Это дѣйствительно самое удобное мѣсто: закрыто и не мѣшаетъ.

Одинъ изъ лучшихъ способовъ закрѣпленія такой: на перо надѣвается обрѣзанное другое перо и между ними какъ клинъ задвигалась депеша. Вѣсъ депеши не долженъ превышать 1 грамма. На такой бумагѣ многаго не напишешь, что и было большимъ препятствіемъ для успѣха дѣла. Во время осады Парижа Дагрономъ былъ предложенъ такой способъ. Всѣ депеши помѣщаются одна подлѣ другой, образуя такимъ образомъ листъ величиной въ половину Московскихъ Вѣдомостей (24 18 дюймовъ) съ него снимаютъ въ уменьшенномъ видѣ фотографическій снимокъ, такъ называемый негативъ, величиной $1\frac{1}{2}$ и 1 дюймъ. На приготовленіе негатива требуется 10 минутъ. Затѣмъ на негативъ кладется стекло, подобное тому, которое вставлялось въ фотографическую камеру, и оба выставляютъ на свѣтъ. Черезъ 10 секундъ на этомъ второмъ стеклѣ получается настоящее изображеніе. На него накладываютъ особую депешу такъ называемую пеликюль, слегка надавливаютъ, и со стекла, вмѣстѣ съ пеликюлемъ, снимаютъ, приставшій къ нему, коллодіальный слой, съ изображеніемъ. Самый пеликюль приготовляется такъ: на стекло наливаютъ слой коллодіума, (смѣсь коллодія съ нѣкоторыми солями) а затѣмъ растворъ желатина съ квасцами. Этой смѣси даютъ высохнуть въ продолженіи 3—4 часовъ, послѣ чего ножичкомъ снимаютъ образовавшуюся пленку, имѣющую видъ нѣжной, желтенькой пластиночки, почти не имѣющей вида. Это и есть пеликюль, изобрѣтенный Дагрономъ.

У насъ въ Россіи въ настоящее время этими пеликюлями не пользуются; вмѣсто нихъ употребляются другія, имѣющія то преимущество, что въ водѣ не растворяются и отличаются крайней дешевизной и быстротой приготовленія. Каждая пластинка стоитъ не болѣе 1 коп.; 100 пластинокъ можно сдѣлать въ 2 часа.

Когда такія депеши получаются, ихъ вставляютъ, въ волшебный фонарь, отражаютъ на экранъ, такимъ же точно образомъ, какъ мы здѣсь показываемъ картины. На экранѣ уже легко читать всей публикѣ въ залѣ, такъ какъ изображеніе можно увеличить какъ угодно.

На Парижскихъ пеликюляхъ (имѣющихъ размѣръ въ $1\frac{1}{2} \times 1$ дюйм.) помѣщается болѣе 25,000 буквъ, уменьшенныхъ въ $\frac{8}{100}$ противъ натуральной величины. Другими словами на каждой пеликюлѣ помѣстится до 3000 депешъ. Каждый голубь несетъ по 18 пеликюль, слѣдовательно болѣе 50,000 депешъ. Вѣсъ ихъ нѣсколько менѣе 1 грамма. Въ самое тяжелое время осады Парижа (Декабрь и Январь 1870—71) голуби перенесли до 500,000 депешъ, а за все время было отправлено изъ Парижа 115,000 пеликюль *).

25000 буквъ
=
300 депешъ.

*) Всѣ числовыя данныя взяты изъ: Вестенрикъ, Почтовый голубь. Варшава, 1877 г.

IX.

О сусликахъ и полевыхъ мышахъ.

А. Н. Корчагина.

Были выставлены: чучела всѣхъ породъ сусликовъ, водящихся въ Россіи, рисунки ихъ норъ и чертежи приборовъ для ихъ истребленія.

На нашихъ поляхъ, на нивахъ водится много различныхъ породъ полевыхъ мышей, по наружному виду весьма похожихъ на обыкновенную домашнюю мышь, только побольше ростомъ и цвѣтъ шерсти ихъ порыжѣе. Безъ сомнѣнія многіе изъ васъ видали ихъ въ лѣтнее время на поляхъ и дорогахъ, но едвали многіе обращали на нихъ много вниманія. Да и стоитъ-ли вниманія такой ничтожный звѣрокъ, какъ полевая мышь? На первый взглядъ можетъ показаться, что и разговора заво-

дить о немъ не стоитъ, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, окажется, что ничтожная мышь заслуживаетъ большаго вниманія со стороны всякаго сельскаго хозяина, а въ иные годы вопросъ о нихъ является вопросомъ государственной важности, наравнѣ съ вопросомъ объ истребленіи саранчи. Почему же мышь заслуживаетъ такого вниманія? А потому что онѣ могутъ принести и дѣйствительно приносятъ въ иные годы весьма значительный вредъ хлѣбопашеству. Полевая мышь питается сочными стеблями растеній и ихъ сѣменами и потому охотно поселяется на нивахъ, гдѣ находитъ для себя полное раздолье. Сначала, пока хлѣба молодые, ей не зачѣмъ далеко бѣгать отъ гнѣзда за сочными стеблями: зеленя окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ хлѣба начинаютъ колоситься, колосъ начинаетъ наливаться, зерно мало по малу зрѣетъ, и мышь цѣлое лѣто живетъ на всемъ на готовомъ; да кромѣ того она совсѣмъ закрыта отъ враговъ, она живетъ въ полной безопасности. Болѣе половины лѣта, вплоть до жатвы, никто по нивамъ не ходитъ, не ѣздитъ; густая стѣна хлѣба закрываетъ мышь отъ ея смертельныхъ враговъ, мелкихъ соколовъ и совъ. Она въ совершенной безопасности мечетъ и выкармливаетъ своихъ дѣтенышей или въ норкѣ, или въ гнѣздѣ, сдѣланномъ высоко надъ землею, на нѣсколькихъ соломинкахъ, куда не долѣзть ни хорьку, ни ласкѣ. Когда хлѣба созрѣютъ и начнется жатва, мышь еще ранѣе человѣка начинаетъ готовить себѣ запасъ на позднюю осень и раннюю весну. Она устраиваетъ подъ землею нѣсколько кладовыхъ, куда и складываетъ запасъ колосьевъ и кореньевъ, тщательно сортируя ихъ, и укладывая по сортамъ. При этомъ мышь не снимаетъ ближайшихъ колосьевъ безъ разбору, но всегда отбираетъ самые наливные, самые тяжеловѣсные. Но много-ли за лѣто съѣстъ мышь и много-ли запрячетъ въ свои амбары? Судя по ея величинѣ, количество зерна должно быть ничтожно и вовсе не замѣтно въ хозяйствѣ человѣка. Но на самомъ дѣлѣ далеко не такъ. Возьмемъ для примѣра такъ называемую мышь-экономку. Изъ одной кладовой у ней доставали до 10 фунтовъ колосьевъ, а такихъ кладовыхъ бываетъ по 3 и по 4 въ каждомъ гнѣздѣ. Не разъ случалось находить, что пара мышей заготовляла на осень до 3 пудовъ провизіи, а въ одномъ гнѣздѣ нашли разъ 6 пудовъ 32 фунта колосьевъ и корпей, запасенныхъ 4 мышами! Кромѣ того, при оцѣнкѣ вреда, наносимаго человѣку мелкими животными, надо имѣть въ виду главнымъ образомъ, не то, сколько можетъ истребить одинъ звѣрокъ, а въ какомъ количествѣ появляются наши враги. Саранча, хлѣбный жукъ, еще менѣе мыши, а гессенская муха и вовсе едва замѣтна, однако убытки, приносимые ими, неисчислимы, такъ какъ эти мелкія твари появляются въ несмѣтныхъ количествахъ и чѣмъ мельче они, тѣмъ труднѣе съ ними бороться. Если пара мышей уноситъ до 4 пудовъ колосьевъ, то чтоже будетъ, если мыши появляются тысячами. А онѣ размножаются невѣроятно быстро. Одна пара полевыхъ мышей мечетъ по 6 –10 дѣтенышей 5 разъ въ годъ. Сколько же расплодится къ концу года отъ одной пары? Попробуемъ высчитать:

Одна пара 5 разъ въ годъ даетъ		30	дѣтенышей
25 паръ въ 4 помета	„	360	„
180 паръ въ 3 помета	„	3,240	„
1620 паръ въ 2 помета	„	19,440	
		Всего=23,070	дѣтенышей

И такъ предполагая, что изъ одного помета дастъ потомство только половина, мы получимъ отъ одной пары 23,070 мышей. Считая по $1\frac{1}{2}$ пуда запасовъ, мы найдемъ, что одна пара съ потомствомъ унесла къ осени 25,750 пудовъ колосьевъ.

Этой хозяйственной способностью мышей часто пользуются люди, въ особенности тамъ, гдѣ мало засѣвается хлѣба. Буряты Забайкальской области (въ Восточной Сибири) каждую осень отправляются *урандчить*, т. е. разрывать гнѣзда полевокъ и выбирать ихъ запасы, состоящіе изъ разныхъ съѣдобныхъ кореньевъ, преимущественно сарана и мякира, по вкусу похожихъ на вареный картофель. Командиръ казачьей бригады, стоявшей въ послѣднюю Турецкую войну въ Добруджѣ, описываетъ, что по осени мѣстные татары и четыре казачьи полка изо дня въ день копали запасные магазины мышей и доставали оттуда ячмень. Изъ каждой норки добывали до полумѣры. По всѣмъ полкамъ молотьба шла безъ перерыва.

Но такихъ случаевъ, конечно, немного, и небольшая польза совершенно закрывается вредномъ, наносимымъ мышами нашему хозяйству.

Въ болѣе южныхъ нашихъ губерніяхъ, начиная съ Курской, Воронежской, Кіевской, встрѣчаются въ поляхъ кромѣ мышей еще болѣе крупные звѣрки—суслики. Они водятся по всѣмъ степнымъ мѣстамъ, по всему южному краю Россіи отъ Дуная до Камчатки, и притомъ чѣмъ мы ближе подвигаемся къ Сибири, тѣмъ суслики заходятъ сѣвернѣе Много породъ сусликовъ водится въ Россіи. Въ западныхъ губерніяхъ въ Бессарабіи и Подоліи водится *пятнистый сусликъ* (Spermophilus guttatus) въ Польшѣ живетъ *польскій сусликъ* (Sp. citillus), въ Харьковской, Екатеринославской, Херсонской губерніяхъ и въ землѣ Войска-Донскаго *сѣрый сусликъ* (Sp. mugosaricus) котораго называютъ *овражкомъ*; въ приуральскихъ степяхъ держится *карбышъ*, (Sp. fulvus) самый большой сусликъ чисто желтаго цвѣта, въ Казанской губерніи живетъ сусликъ *рыжеватый* (Sp. rufescens); далѣе, въ Сибири попадается *краснощекій* (Sp. erythrogenys), *соловый* (Sp. lep-

todactylus) и *Эверсманова* (Sp. Eversmanni). Всѣ они, равно какъ и мыши, принадлежатъ къ породѣ грызуновъ, которая характеризуется главнымъ образомъ зубами. Зубы бываютъ только двухъ родовъ: коренные и рѣзцы, отдѣленные другъ отъ друга большимъ промежуткомъ. Клыковъ не бываетъ никогда. Рѣзцовъ обыкновенно по два, какъ въ верхней, такъ и въ нижней челюсти. Эти зубы (рѣзцы) имѣютъ ту особенность, что покрыты твердой эмалью только съ наружной стороны, и растутъ всю жизнь. Они имѣютъ долотообразную форму и приспособлены для разгрызенія твердыхъ частей растеній. Всякій грызунъ долженъ упражнять ихъ, стачивать; если же, напримѣръ, бѣлку посадить въ клѣтку и кормить ее только мягкой пищей, то зубы ея отростутъ на столько, что она не будетъ въ состояніи закрыть рта.

Отъ мышей суслики отличаются тѣмъ, что у нихъ есть защечные мѣшки, куда звѣрокъ можетъ набирать цѣлый запасъ зеренъ, чтобы отнести его въ нору. Суслики также не прочь поживиться насчетъ трудовъ человѣка, а такъ какъ они больше мыши, размножаются также быстро, то и вредъ отъ нихъ еще болѣе значительный, и для хозяевъ южныхъ губерній, т. е. тѣхъ губерній, которыя составляютъ житницу Россіи и кромѣ того производятъ массу пшеницы, главнаго предмета нашей заграничной торговли, для нихъ вопросъ объ средствахъ истребленія сусликовъ — вопросъ первой важности. Министерство Государственныхъ Имуществъ не разъ назначало преміи за лучшее средство истребленія этихъ грызуновъ, и не разъ сельскихъ жителей облагали повинностью, вмѣстѣ съ податями доставлять извѣстное число шкурокъ сусликовъ. Было предположено очень много средствъ для борьбы съ сусликами, но всѣ они давали мало хорошихъ результатовъ; жителямъ было мало извѣстны образъ жизни и нравы сусликовъ, а потому умѣло приняться за дѣло они не могли.

Познакомимся же въ короткихъ словахъ съ этимъ звѣркомъ. Суслик живетъ преимущественно въ сухихъ, степныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ свои норы обыкновенно на мѣстахъ не паханныхъ, съ твердой, плотной почвой. Норы онъ роетъ въ землѣ. Сначала дѣлаетъ отвѣсный или наклонный ходъ внизъ, гдѣ-нибудь на холмѣ или курганѣ, вообще на возвышенномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ боится воды. Ходъ этотъ, шириною въ вершокъ или въ полтора, тянется на большую или меньшую глубину, смотря по породѣ суслика. Овражокъ дѣлаетъ самую короткую нору $1^3/_4$ до $2^1/_2$ аршинъ, карбышъ — до 5 аршинъ. Отъ этого отвѣснаго хода идетъ другой горизонтальный, дѣлающій уголъ съ отвѣснымъ; этотъ второй ходъ рѣдко прямой, чаще всего изогнутый. На концѣ его дѣлается камера, шириною до полуаршина и вышиною нѣсколько вершковъ. Здѣсь и живетъ суслик; здѣсь спитъ зимою. Кромѣ того, направо и налѣво отъ этого входа, онъ дѣлаетъ кладовыя, куда собираетъ запасы на осень и раннюю весну. Зимой онъ лежитъ въ спячкѣ и ничего не ѣстъ. Каждый суслик имѣетъ отдѣльную нору и послѣ восхода солнца, когда роса успѣла обсохнуть (часу въ седьмомъ) онъ выходитъ изъ норы; сначала выставляетъ только голову, осматривается кругомъ, и, если все благополучно, вылѣзаетъ весь, салится на заднія лапки, вытягиваетъ переднія по бокамъ тѣла и громко свиститъ. Осмотрѣвшись и убѣдившись, что опасности нѣтъ, онъ идетъ кормиться. Ѣстъ стебли, зерна, кузнечиковъ, мышей, если поймаетъ. Онъ очень остороженъ и никогда не уходитъ изъ норы далѣе 200 шаговъ. При малѣйшемъ шорохѣ, суслик стремглавъ бѣжитъ къ своей норѣ и, сѣвъ возлѣ, осматривается. Если опасность приближается, онъ моментально пропадаетъ въ норкѣ, тотчасъ перевертывается тамъ и опять выставляетъ голову. Но если кто потревожилъ его норку, онъ долго не показывается изъ нея. Обыкновенно гуляетъ онъ до полудня. Въ полдень спитъ, и выходитъ опять часа въ четыре. Съ закатомъ солнца онъ опять въ норѣ. Ходъ въ нору всегда одинъ и стѣнки его гладко выглажены. На зиму суслик уходитъ въ нору очень жирный, забиваетъ землей старый ходъ и дѣлаетъ новый, но не доводитъ его до поверхности земли. Весною, вскорѣ послѣ того, какъ сойдетъ снѣгъ, суслик просыпается и прорываетъ ходъ наружу. Въ это время онъ очень слабъ и безсиленъ. Тѣмъ не менѣе ранней весной суслики спариваются, и самка мечетъ одинъ разъ въ годъ отъ 6 до 8 дѣтенышей, живущихъ съ матерью до 2 мѣсяцевъ. Затѣмъ молодые расходятся, дѣлаютъ себѣ новыя норки, при чемъ часто мѣняютъ ихъ, бросая не оконченными. При благопріятныхъ условіяхъ молодые въ тотъ же годъ могутъ дать потомство. Предположимъ, что весной родились 3 самки; онѣ дадутъ къ осени по 6 молодыхъ; всего, слѣдовательно, отъ одной пары будутъ 24 къ концу года. Отъ 50 паръ будетъ 1200, а на второй годъ мы будемъ имѣть уже 15,000 штукъ.

Ясно, что суслики размножались бы въ страшномъ количествѣ, если бы у нихъ не было столькихъ враговъ. Ихъ безпощадно преслѣдуютъ: ястреба, соколы, орлы, лисицы, хорьки, ласки, горностаи, но самый опасный его врагъ человѣкъ. Было придумано много средствъ для истребленія сусликовъ. Мы разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ.

Самое распространенное средство—*выливаніе водой*. Суслик очень боится воды, но не оставитъ норы, пока совершенно не выбьется изъ силъ и тогда уже выходитъ едва живой, такъ что его легко схватить, или убить палкой. Выливаніе во-

дой есть самое простое и надежное средство, если только позволяетъ почва и если начать во время. Дѣло въ томъ, что выливаніе надо дѣлать ранней весной, когда земля еще не высохла, когда она еще пропитана водой. Весной и сусликъ слабъ, и не успѣлъ еще выкормить потомства.

Въ это время достаточно на нору $^1/_2$ ведра воды. Но обыкновенно весной сусликовъ не такъ видно, хлѣбовъ они не трогаютъ, такъ какъ травы вездѣ много. На нихъ никто и не обращаетъ вниманія. Лѣтомъ же, когда травы посохнутъ, сусликъ перебирается въ хлѣба. Тутъ то и начинается съ ними борьба. Но къ этому времени въ степи вода рѣдкость; высохшая подпочва, часто известковая, жадно впитываетъ воду; въ нору приходится лить ведеръ по 10. Понятно, что тогда выливать суслика трудно, тѣмъ болѣе, что онъ борется до послѣдней возможности. Какъ только вода показалася въ норѣ, онъ бросается къ выходу, обертывается задомъ и старается туловищемъ загородить ходъ. Если же этого не удается, вода начинаетъ проникать черезъ него, сусликъ спускается въ глубь и оттуда чрезвычайно быстро роетъ новый ходъ кверху и такимъ образомъ спасается, не выходя на поверхность.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто холодной воды выливаютъ горячей. Это конечно лучше, только имѣть достаточный запасъ горячей воды не легко.

Другой способъ истребленія—*задушеніе посредствомъ дыма отъ пороховыхъ патроновъ*—состоитъ въ томъ, что особо устроенный патронъ, набитый порохомъ низкаго качества, вдвигаютъ въ нору, предварительно зажегши запалъ; ходъ же послѣ этого быстро забиваютъ. Образующіеся при взрывѣ газы, если ходъ хорошо забитъ, спускаются въ глубь и душатъ суслика. Способъ этотъ имѣетъ много дурныхъ сторонъ. Самое употребленіе взрывчатаго вещества, въ рукахъ неопытныхъ деревенскихъ работниковъ ведетъ нерѣдко къ несчастнымъ послѣдствіямъ, избѣжать которыхъ тѣмъ болѣе трудно, что при работѣ необходимо вкладывать въ нору патронъ съ зажженнымъ фитилемъ и потомъ тотчасъ забивать ходъ. Успѣхъ зависитъ отъ того, чѣмъ быстрѣе и крѣпче будетъ произведено забиваніе. Ясно, что при этихъ условіяхъ, съ одной стороны, при большой поспѣшности, можно загасить фитиль и тогда вся работа пропала, съ другой—несчастіе неизбѣжно, если патронъ вспыхнетъ прежде времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что другой способъ выкуриванія при помощи *вдуванія мѣхами дыма въ нору* считается болѣе пригоднымъ. Снарядъ, приспособленный для этого, дѣлается изъ желѣза или глины и состоитъ изъ ведра, къ верху котораго придѣлываютъ мѣхъ, а къ низу также желѣзный или глиняный конусъ Въ ведро кладутъ зажженный навозъ или сѣру, вставляютъ отверстіе конуса въ нору и мѣхами нагоняютъ туда дыму, сколько желательно. Снарядъ дѣйствуетъ недурно и довольно дешевъ, около 40 коп. за штуку.

Мы имѣетъ затѣмъ цѣлый рядъ *ловушекъ, западней, самострѣловъ,* придуманныхъ на суслика разными лицами, но останавливаться на описаніи ихъ мы не будемъ; можемъ только сказать, что вообще устройство ихъ основано на томъ, что сусликъ, вылѣзая изъ норы, непремѣнно долженъ сдвинуть особый сторожокъ, вслѣдствіи чего ловушка захлопывается и придавливаетъ звѣрка. Надо сказать, что вообще этотъ способъ очень хорошій и въ рукахъ деревенскихъ ребятъ, ничѣмъ не занятыхъ, приноситъ достаточную пользу, въ особенности на первыхъ порахъ, на молодыхъ сусликовъ. Но сусликъ звѣрокъ очень смышленный: разъ ему удалось вырваться изъ ловушки, онъ уже никогда въ нее не пойдетъ; кромѣ того, ловушка ставится какъ разъ надъ входомъ; осторожный звѣрокъ никогда не выйдетъ, не осмотрѣвшись предварительно, и потому, завидя надъ собой что-то необычное, онъ скорѣе сдѣлаетъ новый ходъ въ сторону, чѣмъ полѣзетъ черезъ небывалую преграду. Такимъ образомъ большинство избѣгаетъ западни, и ловля ловушками никогда не даетъ результатовъ особенно выдающихся.

Наконецъ сусликовъ отравляютъ всякими способами, смѣшивая съ хлѣбнымъ тѣстомъ мышьякъ, чилибуху или фосфоръ; но не надо думать, чтобы много сусликовъ попалось на отраву; сусликъ привыкъ ѣсть свѣжую зелень или зерна, хлѣбомъ его не взманишь, фосфоръ же притомъ отгоняетъ своимъ запахомъ.

И такъ мы видѣли, что придумано много способовъ для истребленія этихъ неустанныхъ враговъ южнаго земледѣльца, но ни одинъ изъ нихъ не даетъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, особенно если принять во вниманіе, сколько требуется времени и рабочихъ рукъ для каждаго. Невольно является вопросъ, что же дѣлать въ данномъ случаѣ?—Отвѣтъ на это можетъ быть такого рода: надо прежде всего подробнѣе ознакомиться съ образомъ жизни животнаго, узнать, что для него полезно, что вредно. Отъ какихъ условій зависитъ необычное иногда размноженіе сусликовъ, и отчего въ другой годъ число ихъ значительно убываетъ. Тогда мы увидимъ, что сама природа ставитъ предѣлъ чрезмѣрному размноженію животныхъ, что всегда въ томъ случаѣ, когда сусликовъ появляется весьма много, увеличивается также и число тѣхъ хищниковъ, птицъ и звѣрей, которые ими питаются. Намъ только остается узнать, какіе именно эти хищники, и всѣми средствами оберегать ихъ, помогая этимъ природѣ. Надо щадить и оберегать орловъ, совъ, коршуновъ, ястребовъ,

въ особенности лисицъ и хорьковъ, и не сѣтовать на то, если придется поплатиться двумя, тремя курами.

Истребленіе ими суслика все окупитъ. Нашъ извѣстный натуралистъ Симашко пишетъ, что для одного семейства хорьковъ недостаточно для прокормленія себя въ теченіи года сусликовъ, поселившихся на 5, даже на 15 десятинахъ. Вспомните еще, что хорекъ заѣдаетъ за разъ не столько, сколько ему нужно, а сколько можетъ поймать, и лакомится только мозгомъ, и вамъ станетъ ясно, какое опустошеніе производитъ семейка хорьковъ, если поселится среди сусликовъ. И такъ надо щадить и оберегать хищниковъ.

Въ самое послѣднее время, однако, найдено наконецъ одно средство, при помощи котораго непосредственная борьба съ сусликами можетъ быть ведена съ большимъ успѣхомъ. Это отравленіе сусликовъ въ норахъ при помощи *сѣрнистаго углерода*.

Сѣрнистый углеродъ (CS_2) получается при пропусканіи паровъ сѣры черезъ раскаленный уголь. Это безцвѣтная, сильно блестящая жидкость, очень тяжелая и легко превращающаяся въ пары (при 47°). Запахъ ея очень силенъ и удушливъ. Мелкія животныя быстро задыхаются отъ нея, а у человѣка дѣлается сильное головокруженіе. Послѣднее свойство, а также и то, что сѣрнистый водородъ при лѣтней жарѣ быстро испаряется и можетъ поэтому произвести взрывъ, долгое время затрудняли распространеніе этого средства для истребленія сусликовъ. Нужно было пріобрѣтать особые снаряды, для безопаснаго вспрыскиванія сѣрнистаго углерода въ норы. Наконецъ къ 1887 году Ф. М. Ржондковскій опубликовалъ имъ изобрѣтенный способъ, вполнѣ безопасный и очень дешевый, который я изложу здѣсь въ короткихъ словахъ. Предварительно я долженъ обратить ваше вниманіе на слѣдующее.

Сущность всякаго способа отравленія сѣрнистымъ углеродомъ состоитъ въ томъ, что требуется найти сусличью норку, налить туда ядовитой жидкости и скорѣе забить входъ. Но, какъ я указывалъ раньше, не всѣ норки постоянно обитаемы. Сусликъ, особенно молодой, часто начинаетъ одинъ, другой ходъ, но до конца не доводитъ и бросаетъ; наконецъ въ полѣ всегда много норокъ старыхъ и уже заброшенныхъ. Недостаточно также только отравить нору, нужно убѣдиться—умеръ-ли сусликъ, не пропала-ли работа даромъ. Все это сильно тормозитъ дѣло, если за него взяться не какъ слѣдуетъ. Если мы будемъ ходить съ сѣрнистымъ углеродомъ да разыскивать норки, то навѣрное можно сказать, что много норокъ пропустимъ, а то такъ пальемъ отравы въ норки пустыя, гдѣ уже никто не живетъ. Вмѣсто пользы выйдетъ пустая трата времени и денегъ: сѣрнистый углеродъ не дешевъ, пудъ стоитъ около 12 рублей.

Г. Ржондковскій повелъ дѣло такъ. Рабочіе, обыкновенно дѣти-подростки, разбиваются на партіи отъ 10 — 15 человѣкъ съ однимъ взрослымъ. Каждому давалось опредѣленное число камышинокъ. Рабочихъ разстанавливаютъ въ линію, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы сусличьи норы въ промежуткахъ между ними были ясно замѣтны. Затѣмъ вся партія идетъ вдоль полосы, до указанной границы, втыкаетъ у каждой норки по тычинкѣ, а ходъ забиваетъ ногой. Дойдя до конца полосы, партія переходитъ на сосѣднюю и двигается уже обратно, забивая норки и отмѣчая ихъ камышинками. Такимъ образомъ очень быстро отмѣчаютъ всѣ норки, а по числу истраченныхъ тычинокъ опредѣляютъ ихъ количество. Послѣ этого работа на данномъ участкѣ прекращается на день, чтобы дать возможность сусликамъ раскопать ходъ и тѣмъ показать, какія норки обитаемы, какія пустыя. Черезъ день партія опять обходитъ поле и вынимаетъ тычинки у тѣхъ норокъ, которыя остались закрытыми, то есть у пустыхъ. Этимъ отмѣчаются норки занятыя сусликами, а съ другой стороны, если мы вычтемъ число вынутыхъ тычинокъ изъ всего числа израсходованныхъ раньше, то узнаемъ сколько на полѣ живетъ сусликовъ, сколько, слѣдовательно, нужно отравы, сколько нужно отрядить рабочихъ. Для того, чтобъ сѣрнистый углеродъ не могъ взорвать отъ жары, и чтобъ на каждую норку его пришлось достаточное количество, ни больше, ни меньше, его не носятъ въ бутыляхъ, а сначала наливаютъ въ плотно закрывающуюся банку, куда наложены небольшіе куски нарѣзаннаго стебля одного болотнаго растенія *палочника* или *рогозы* (Typha). Куски при этомъ сильно пропитываются ядомъ. Съ такой банкой идетъ рабочій отъ тычинки къ тычинкѣ, кидаетъ въ каждую норку по куску палочника съ отравой и забиваетъ ходъ ногой. Сѣрнистый углеродъ, вслѣдствіи своей тяжести, спускается внизъ въ норку и душитъ притаившаго суслика. Нѣкоторое время спустя, поле обходитъ контролеръ и смотритъ, всѣ-ли норки у воткнутыхъ тычинокъ (слѣдовательно всѣ-ли затравленныя) забиты; если норка окажется открытой, сусликъ значитъ не околѣлъ, а выскочилъ. Такія норки затравляются снова. Третій разъ уже этого дѣлать не приходится.

При такомъ веденіи дѣла съ 1-го апрѣля по 1 августа 1886 года было найдено въ Бендерскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи норъ 483,406; затравлено 382,833 норы; изъ нихъ вновь открытыми оказалось только 7538.

Каждая нора обошлась 0,31 копѣйки. (Сѣроугле-

рода 16 пудовъ — 203 р. 20 к. Распорядители: — 390 рублей. Рабочіе: взрослые 619 человѣкъ по 40 к., дѣти 6127 по 10 коп.: — 859 р. Всего 1,501 рублей).

Этотъ разсчетъ показываетъ, что сѣрнистый углеродъ — средство не только дѣйствительное, но и очень дешевое. Въ самомъ дѣлѣ: 483,406 норъ обошлось Бендерскому земству въ 1,501 р. 9 к., тогда какъ напр. Херсонское земство въ томъ же году платило за 4 лапки суслика по 2 коп. и израсходовало на это дѣло 130,670 рублей.

Но стоитъ ли суслікъ затраты сотни тысячъ рублей? На самомъ ли дѣлѣ вредъ ихъ на столько великъ, чтобы можно было расходовать на ихъ уничтоженіе такія суммы? Попробуемъ въ отвѣтъ на это высчитать, конечно приблизительно, во что обходятся суслики. Каждый изъ нихъ, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, съѣдаетъ въ годъ, кромѣ травы до 8 гарнцевъ зеренъ;—полагая, по крайней мѣрѣ, на каждаго суслика въ годъ 1по гарнцу, мы найдемъ, что 5 милліоновъ сусликовъ истребятъ въ годъ до 160,000 четвертей хлѣба, что составитъ продовольствіе 100,000 жителей. Если будемъ платить за убитаго звѣря $^1/_4$ или $^1/_2$ коп., то за 5000,000 заплатимъ отъ 17,000 до 25,000 рублей, и затратой этой суммы сохранимъ 160,000 р., если будемъ считать четверть пшеницы по 1 рублю (на самомъ же дѣлѣ она гораздо дороже).

X.

Объясненіе коллекцій по Аэростатикѣ.

А. Х. Репманъ.

Выставлены были: воздушный насосъ, Магдебургскія полушарія, сифоны, фонтаны, Героновъ фонтанъ, ртутный барометръ, воздушные шары и т. п.

Если бы я кого нибудь изъ васъ спросилъ о томъ, что находится въ этомъ сосудѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, получилъ бы въ отвѣтъ: — ничего, онъ пустой. Но въ доказательство того, что онъ не пустой, хотя глазъ и не видитъ въ немъ ничего, стоитъ мнѣ только наклонить его надъ пламенемъ, и пламя тухнетъ. (Опытъ) А вотъ вамъ другой сосудъ, также, повидимому, пустой; однако и онъ не пустой, и находящееся въ немъ вещество не только не тушитъ горящаго тѣла, а, напротивъ того, воспламеняетъ едва тлѣющую лучинку, какъ вы это сейчасъ увидите. (Опытъ). Въ обоихъ этихъ сосудахъ находились вещества, невидимыя и неосязаемыя для насъ, но, какъ вы могли замѣтить, различныя между собою. Подобныя вещества называются газами. Всѣмъ вамъ извѣстный воздухъ, окружающій насъ и которымъ мы дышимъ, состоитъ также главнымъ образомъ изъ двухъ газовъ: кислорода, того самаго газа, который находился въ сосудѣ, гдѣ воспламенялась лучинка, и азота, въ которомъ тухнетъ всякое горящее тѣло. Въ воздухѣ эти газы смѣшаны не поровну. На 5 частей воздуха приходится, приблизительно, 4 части азота и 1 часть кислорода. Мы сказали, что газы невидимы глазамъ. Это не совсѣмъ вѣрно: газъ, взятый въ большомъ количествѣ, имѣетъ цвѣтъ; вотъ почему небо кажется намъ голубымъ. А нѣкоторые газы имѣютъ цвѣтъ и въ небольшомъ количествѣ; напримѣръ хлоръ, которымъ бѣлятъ полотна, бумагу и проч., имѣетъ желтоватый цвѣтъ. Что же такое газъ? Да это такое же вещество, какъ и всѣ другія видимыя и осязаемыя вещества, но газы отличаются отъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ тѣмъ, что имѣютъ стремленіе расширяться, расходиться. Но если это такъ, если воздухъ дѣйствительно—вещество, то онъ долженъ имѣть вѣсъ, тяжесть; его можно, значитъ, перенести съ мѣста на мѣсто; можно, такъ сказать, вынуть его изъ сосуда. Дѣйствительно, если я въ сосудъ налью ртути или масла, то воздуха уже тамъ не будетъ, но за то и сосудъ будетъ не пустой; а коль скоро я вылью жидкость,—воздухъ снова войдетъ въ сосудъ. Всѣмъ вамъ извѣстно, что если опустить открытую трубку въ сосудъ съ водою и ртомъ или поршнемъ вытягивать изъ нея воздухъ, то вода будетъ подниматься въ ней. Еще въ началѣ XVII вѣка думали, что это зависитъ отъ того, что природа боится пустоты. Но странный случай привелъ къ изслѣдованію этого дѣла и къ выясненію истинной причины этого явленія. Въ одномъ изъ городовъ Италіи понадобилось поднять воду на весьма значительную высоту Устроили обыкновенный колодезь съ поршнемъ внутри, и когда начали качать, вода поднялась на 32 фута (около $4^1/_2$ саж.) и выше не поднималась, сколько ни качали, оставляя пустое пространство между поршнемъ и водой. Осматривали поршень,—воздухъ нигдѣ не проходилъ; никакъ не могли себѣ объяснить

этого явленія. Тогда обратились къ извѣстному ученому математику того времени, Торричелли. Торричелли объяснилъ это явленіе тѣмъ, что когда мы въ трубкѣ поднимаемъ поршень, то вода стремится въ трубку не потому, что природа боится пустоты, а потому, что воздухъ, лежащій на поверхности воды, окружающей трубку, давитъ на эту воду, и такъ какъ, съ поднятіемъ поршня, надъ водою внутри трубки давленіе воздуха прекращается, то наружное давленіе и вдавливаетъ, такъ сказать, воду внутрь трубки. Но съ поднятіемъ поршня выше $4^1/_2$ саж. столбъ воды внутри трубки становится такъ тяжелъ, что уравновѣшиваетъ внѣшнее давленіе, и вода болѣе не стремится въ трубку. Далѣе Торричелли разсуждаетъ такъ. Если воду замѣнить ртутью, которая въ $13^1/_2$ разъ тяжелѣе воды, то столбъ поднимающейся за поршнемъ ртути будетъ не выше 30 дюймовъ (т. е. около 1 аршина съ вершкомъ). Опытъ вполнѣ подтвердилъ правильность его взгляда. Дѣйствительно, если мы возьмемъ трубку длиннѣе 1 арш. съ вершкомъ, запаянную съ одного конца, какъ вы видите здѣсь, и, наполнивъ ртутью, опрокинемъ ее надъ сосудомъ съ ртутью, то увидимъ, что верхняя часть трубки будетъ пуста; ртуть опустилась до высоты 30 дюймовъ; воздуха тамъ быть не могло, слѣдовательно тамъ — пустота, которая и называется Торричеллевой пустотою.

И такъ, мы сказали, что воздухъ, который покрываетъ всю поверхность земли и называется атмосферою, поднимаетъ своею тяжестью ртуть на высоту 30 дюймовъ и что, стало быть, вѣсъ столба ртути въ 30 дюймовъ вышины будетъ равенъ вѣсу атмосфернаго столба, имѣющаго то же основаніе. Такъ напримѣръ, атмосферный воздухъ давитъ на этотъ столъ съ такой же силой, съ какой давилъ бы слой ртути, покрывшій весь столъ на 30 дюймовъ высоты. Но такой слой ртути составитъ громадный вѣсъ въ десятки тысячъ пудовъ, потому что на каждый квадратный дюймъ атмосфера давитъ съ силою, равною 15 фунтамъ. По вычисленію выходитъ, что каждый изъ насъ претерпѣваетъ давленіе, близкое къ 1000 пудамъ. Мыслимое ли это дѣло? скажите вы; да никто изъ насъ не выдержитъ давленія и 100 пудовъ! На это я отвѣчу вамъ слѣдующимъ вопросомъ: Выдержитъ ли кто изъ васъ ушатъ воды? А между тѣмъ, когда вы нырнете въ глубину, надъ вашимъ тѣломъ будетъ находиться не одинъ ушатъ воды, давящей на тѣло, а между тѣмъ вы этого даже и не чувствуете? Дѣло въ томъ, что всѣ ткани нашего тѣла имѣютъ упругость, соотвѣтственную атмосферному давленію; вотъ почему мы и не выносимъ значительно уменьшеннаго давленія. Восходя, напримѣръ, на высокія горы, мы чувствуемъ утомленіе, изнеможенность, являются обмороки и дальше извѣстной высоты мы подняться не можемъ. Мы знаемъ нѣкоторыхъ рыбъ, которыя могутъ жить только на весьма большой глубинѣ въ морѣ; когда же ихъ извлечь на поверхность, то у нихъ лопаются внутренности, потому что давленіе внутри ихъ тѣла соотвѣтствовало давленію не только атмосферы, но и громаднаго слоя морской воды, находящейся надъ ними. Мы сейчасъ сказали, что давленіе атмосферы уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности. Это давленіе уменьшается не только потому, что толщина атмосфернаго слоя уменьшается, но еще и потому свойству газовъ, по которому, какъ мы уже сказали, частицы стремятся расшириться, если на нихъ не производить давленія, если ихъ не сгущать. Такъ какъ на нижніе слои воздуха больше давленія, то они и плотнѣе выше лежащихъ слоевъ. Вотъ на этомъ свойствѣ газовъ расширяться одинъ ученый, Отто фонъ Герике основалъ снарядъ, который называется воздушнымъ насосомъ. (Демонстрація насоса). Этимъ насосомъ мы можемъ произвести цѣлый рядъ не лишенныхъ интереса опытовъ. Мы можемъ, прежде всего, наглядно показать, что воздухъ имѣетъ вѣсъ. Возьмемъ стеклянный шаръ, къ которому придѣлана трубка съ краномъ. Черезъ эту трубку, открывши кранъ, мы выкачаемъ, насколько можемъ, воздухъ. (Надо замѣтить, что вполнѣ выкачать воздухъ нельзя этимъ путемъ); затѣмъ закроемъ кранъ и положимъ пустой шаръ на одну изъ чашекъ вѣсовъ, а на другую чашку будемъ сыпать песокъ до тѣхъ поръ, пока вѣсы придутъ въ равновѣсіе. (Опытъ). Теперь откроемъ кранъ нашего шара; вы можете слышать, какъ стремительно входитъ воздухъ внутрь шара, и теперь шаръ перевѣшиваетъ (опытъ). Сдѣлаемъ другой опытъ. Длинный стеклянный сосудъ, закрытый сверху, имѣетъ внизу придѣланную мѣдную трубку съ краномъ. Трубочка оканчивается внутрь сосуда на подобіе кончика фонтана. Выкачавши изъ сосуда воздухъ, опустимъ въ воду наружный конецъ трубки и откроемъ кранъ. Давленіемъ атмосфернаго воздуха вода съ такою силою вдавливается внутрь, что бьетъ фонтаномъ до самаго дна сосуда. (Опытъ). Вода перестала входить въ сосудъ, ненаполнивши его вполнѣ. Эта незначительная часть сосуда наполнена тѣмъ воздухомъ, который мы не могли выкачать. Вотъ еще опытъ. Вливаемъ ртуть въ этотъ деревянный сосудъ. Ртуть не просачивается черезъ дерево, хотя оно и имѣетъ маленькія скважины, называемыя порами. Но стоитъ намъ помѣстить этотъ сосудъ такъ, чтобы уничтожить давленіе атмосферы на наружную часть дна сосуда, и давленіемъ атмосферы на поверхность ртути, мы заставимъ ее просачиваться черезъ дно. (Опытъ). А вотъ еще болѣе поразительный опытъ. Вотъ стеклянный сосудъ съ широкимъ верхнимъ отверстіемъ, надъ которымъ натянутъ бы-

чачій пузырь на подобіе барабана. Вамъ извѣстно, что по такому барабану можно довольно сильно бить палкой, не разрывая его. Какъ скоро мы выкачаемъ воздухъ изъ сосуда, то давленіе атмосферы прорветъ пузырь. (Опытъ). Теперь сдѣлаемъ еще одинъ опытъ. Беремъ два мѣдныхъ полушарія, какъ видите—съ ручками на концахъ. Полушарія эти пришлифованы между собою такъ, что, когда мы ихъ сложимъ, то образуется какъ бы шаръ. Чрезъ узкое отверстіе, сдѣланное въ одной изъ рукоятокъ, можно выкачать изъ полости этого шара воздухъ. Тогда внѣшнимъ давленіемъ атмосфернаго воздуха эти полушарія будутъ такъ прижаты другъ къ другу, что ихъ не разнимешь двумя, тремя и болѣе пудами. (Опытъ). Чѣмъ больше эти полушарія, тѣмъ большую силу надо употребить, чтобы ихъ разнять. Отто фонъ Герике взялъ для своего опыта такія большія полушарія, что 12 лошадей, запряженныхъ по 6 на каждое полушаріе, не могли разнять ихъ. Опытъ производился въ г. Магдебургѣ, вотъ почему и снарядъ этотъ названъ Магдебургскими полушаріями. Если бы мы тѣ же полушарія подняли на значительную высоту, то, само собою разумѣется, и разнять ихъ было бы значительно легче.

Давленіе атмосферы измѣняется не только отъ высоты ея слоя, но и отъ другихъ причинъ, напр. отъ нагрѣванія воздуха, при сильномъ вѣтрѣ и т. п. Поэтому и ртуть въ трубкѣ измѣняетъ высоту своего столба. На этомъ основано устройство такъ называемыхъ барометровъ. Слѣдовательно барометры показываютъ давленіе атмосферы; а такъ какъ погода стоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ этого давленія, то барометръ и служитъ въ общежитіи нѣкотораго рода предсказателемъ погоды, хотя и не вполнѣ вѣрнымъ.

Насколько воздухъ становится легче отъ нагрѣванія, вы увидите изъ слѣдующаго опыта. Вотъ бумажный шаръ; въ немъ, кромѣ воздуха, ничего нѣтъ. Снизу онъ открытъ. Введемъ въ него зажженный газовый рожокъ и шаръ поднимается кверху (Опытъ). На этомъ были основаны первые воздушные шары. Въ послѣдствіи нагрѣтый воздухъ стали замѣнять газомъ, называемымъ водородомъ. Водородъ въ 14 разъ легче воздуха и слѣдовательно шары, наполненные имъ, тоже должны подниматься, какъ вы сейчасъ увидите (Опытъ)

Такіе шары, сдѣланные въ большихъ размѣрахъ, поднимаютъ не только себя, но и нѣкоторую постороннюю тяжесть, напр. лодочку съ 1, 2, 3 и даже больше пассажирами. Обрадовались люди! Ну, молъ, полетимъ мы теперь за облака и узнаемъ сокровенныя тайны природы! Не тутъ-то было! Природа позаботилась о томъ, чтобы открывать свои тайны человѣку только по стольку, посколько ему полезно.

Мы уже упомянули, что человѣкъ, поднявшись на извѣстную высоту, вслѣдствіе уменьшеннаго давленія атмосферы, претерпѣваетъ недомоганія, обмороки и даже умереть можетъ. Вотъ и выходитъ по пословицѣ: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ!

XI.

Объясненіе явленій, вызываемыхъ теплотою.

Н. Н. Леонова.

Были выставлены: шаръ Гравезанда, приборы для расширенія жидкостей и газовъ, и проч.

Послѣ долгой и скучной зимы, когда солнце только изрѣдка, да и то на нѣсколько минутъ, показывается на небѣ, и косые лучи его почти вовсе не грѣютъ, наступаетъ наконецъ благодатная весна, и, подъ вліяніемъ теплоты и свѣта солнечныхъ лучей, вся природа быстро пробуждается къ жизни отъ того мертваго сна, къ который она была погружена втеченіи полугода. Какая же это чудесная сила вызываетъ такое пробужденіе? Эта сила—теплота.

Сегодня я желалъ бы ознакомить васъ, при помощи нѣкоторыхъ простыхъ опытовъ, съ нѣкоторыми важнѣйшими свойствами этой силы; я не могу для указанной цѣли воспользоваться теплотою солнечныхъ лучей, но мнѣ и нѣтъ въ этомъ надобности. Для меня будетъ достаточно теплоты, выдѣляемой пламенемъ спиртовой лампы или газоваго рожка.

Всякому, я думаю, не разъ приходилось на собственномъ опытѣ убѣждаться въ томъ, что отъ теплоты предметы расширяются; мы едва можемъ надѣть на разгоряченную, вспотѣвшую ногу даже довольно свободную обувь; съ пальца теплой руки гораздо труднѣе снять кольцо, чѣмъ съ холодной.

Но я могу вамъ показать тоже самое еще нагляднѣе.

Вотъ металлическое кольцо, сквозь которое довольно легко проходитъ мѣдный шаръ. Если я нагрѣю его на огнѣ и затѣмъ положу на кольцо, то шаръ уже не будетъ сквозь него проходить; это потому, что отъ теплоты шаръ расширился. Пройдетъ нѣсколько времени, пока шаръ охладится; тогда онъ сожмется и вновь будетъ проходить сквозь кольцо. Я могъ бы оставить шаръ въ покоѣ и охладить кольцо, а явленіе отъ этого нисколько не измѣнилось-бы; вся разница заключалась бы только въ томъ, что нагрѣваніе шара замѣнилось бы охлажденіемъ кольца, а расширеніе шара—сжатіемъ кольца. Изъ этого, между прочимъ, вы можете заключить, что холодъ не есть что либо, отличное отъ теплоты; это есть просто потеря теплоты, недостаточное ея количество; чѣмъ больше нагрѣваемъ тѣло, тѣмъ болѣе оно расширяется и тѣмъ теплѣе кажется; чѣмъ болѣе теплоты предметъ теряетъ, тѣмъ сильнѣе онъ сжимается и тѣмъ будетъ холоднѣе. Сжатіемъ при охлажденіи пользуются часто на практикѣ; такъ напр.: желѣзныя шины накладываются на колеса горячими; охлаждаясь, онѣ сильно сжимаются и плотно обхватываютъ колесо. Вы видѣли, что отъ теплоты расширяются твердые предметы или тѣла; теперь я покажу вамъ, какъ можно убѣдиться въ расширеніи жидкостей при нагрѣваніи. Вотъ стеклянный сосудъ, наполненный до верху подкрашенною водой; онъ плотно закупоренъ пробкою и въ пробку вставлена стеклянная трубка, налитая приблизительно до половины тою же жидкостью. Я опускаю сосудъ въ горячую воду, и вы видите, что столбикъ воды въ трубкѣ замѣтно повышается; жидкость въ сосудѣ отъ теплоты расширилась, и уровень ея повысился. Кромѣ жидкостей существуетъ еще третій видъ тѣлъ, называющихся газами: образчикомъ ихъ можетъ служить воздухъ.

Газы еще сильнѣе расширяются отъ теплоты и сжимаются отъ холода, чѣмъ тѣла твердыя и жидкія. Я взялъ сосудъ, закупоренный пробкою, сквозь которую пропущена колѣнчатая трубка; сосудъ наполненъ обыкновеннымъ воздухомъ, а въ колѣнѣ трубки налито немного подкрашенной воды. Охватываю сосудъ рукою, и вы видите, какъ воздухъ, расширяясь, гонитъ воду по трубкѣ къ верху. Если же я стану охлаждать сосудъ снѣгомъ, то вода быстро двинется внутрь трубки. Итакъ, отъ теплоты всѣ тѣла расширяются а отъ холода сжимаются. На расширеніи жидкостей основано устройство прибора, называющагося градусникомъ или термометромъ. Онъ состоитъ изъ тонкой стеклянной трубочки, оканчивающейся шарикомъ и до половины наполненной ртутью. При охлажденіи ртуть сжимается и опускается книзу; при нагрѣваніи бываетъ наоборотъ. Трубка раздѣлена на дѣленія, называющіяся градусами, и, судя по высотѣ ртути, мы узнаемъ, въ какой степени холодно или тепло, или, какъ говорятъ, узнаемъ температуру. Что касается до расширенія газовъ, то оно имѣетъ огромное значеніе при отопленіи. Накладывая въ печь дрова или уголь и зажигая ихъ, мы нагрѣваемъ воздухъ въ печи, который, расширяясь и дѣлаясь поэтому легче, устремляется по трубѣ кверху; на мѣсто ушедшаго воздуха притекаетъ изъ комнаты новый, и, такимъ образомъ, испорченный воздухъ уходитъ и замѣняется свѣжимъ.

Вы можете отсюда заключить, что отопленіе весьма важно не только для нагрѣванія, но и для очищенія воздуха.

Нагрѣваніемъ и расширеніемъ воздуха отъ теплоты объясняется также и происхожденіе вѣтра. Солнце нагрѣваетъ не всѣ мѣста земной поверхности въ равной степени; въ южныхъ странахъ отвѣсные солнечные лучи грѣютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ; сильно нагрѣтый воздухъ подымается кверху, а на мѣсто его притекаетъ холодный потокъ воздуха изъ сѣверныхъ странъ; такимъ образомъ образуется сѣверный вѣтеръ, теплый же воздухъ движется къ сѣверу на мѣсто холоднаго и образуетъ южный вѣтеръ.

Вы знаете уже теперь, что отъ теплоты тѣла расширяются. Но теплота передается не сразу всему предмету, а сначала нагрѣваются только ближайшія къ огню его части, а затѣмъ уже отъ этихъ частей она передается и далѣе, отъ одной частички къ другой. Чтобы наглядно представить вамъ, какъ это дѣлается, я употреблю такое сравненіе: представьте себѣ, что въ этой залѣ стоятъ тѣсные ряды слушателей, и что, вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ, весь первый рядъ получилъ сильный толчекъ назадъ; этотъ толчекъ заставитъ его отшатнуться и толкнуть слѣдующій, второй рядъ, который въ свою очередь толкнетъ третій и т. д. до послѣдняго ряда; судя по силѣ этого толчка, движеніе будетъ передаваться съ большею или меньшею быстротою. Тоже самое совершается приблизительно при нагрѣваніи всякаго тѣла: первый рядъ частицъ, прикоснувшись къ огню, начнетъ расширяться, раздаваться во всѣ стороны, толкнетъ слѣдующій, 3-й, 4-й и т. д., пока не придутъ въ колебательное состояніе всѣ частицы тѣла. Чѣмъ больше будемъ нагрѣвать тѣло, тѣмъ дальше стремятся частички его составляющія, разойтись, отодвинуться другъ отъ друга; онѣ могутъ наконецъ такъ расшататься, что тѣло потеряетъ всякую твердость и сдѣлается мягкимъ или даже жидкимъ. Дѣйствительно, нагрѣвая воскъ, вы замѣчаете, что онъ сначала размягчается, а затѣмъ и вовсе расплавляется и обращается въ жидкость. Тоже самое

происходитъ съ большинствомъ другихъ тѣлъ, даже такихъ твердыхъ, какъ серебро, золото, желѣзо, сталь и т п. Продолжая нагрѣваніе, мы можемъ такъ расширить тѣло, что частички его уже вовсе разъединяются и стремятся разлетѣться въ разныя стороны. Кипятя, напр., воду, мы видимъ, что она, нагрѣваясь, обращается въ паръ, частички котораго разсѣеваются въ воздухѣ. Вы можете, думаю, изъ этого вывести, что теплота есть такого рода сила, которая приводитъ всѣ частички тѣла въ движеніе и стремится ихъ отодвинуть другъ отъ друга. Не во всѣхъ тѣлахъ, однако, одинаково легко разрушить связь между частичками: одни поддаются дѣйствію теплоты медленнѣе, другіе быстрѣе; другими словами, въ однихъ предметахъ теплота распространяется не такъ скоро, какъ въ другихъ. Вотъ, напримѣръ, деревянная лучинка: я подношу одинъ конецъ ея къ газовому рожку, и этотъ конецъ, черезъ незначительный промежутокъ времени, нагрѣвается такъ сильно, что частички его вовсе отпадаютъ другъ отъ друга и обращаются въ газъ, который воспламеняется и горитъ яркимъ пламенемъ, а между тѣмъ остальныя частички дерева еще на столько холодны, т е. теплота такъ мало еще расшатала ихъ, что я, безъ всякаго опасенія обжечь себѣ руку, могу держать лучину за другой конецъ. Но если бы я вздумалъ вмѣсто лучины ввести однимъ концомъ въ пламя какую нибудь металлическую, напримѣръ желѣзную, мѣдную или еще лучше серебряную палочку, то, взявшись за другой конецъ, почти мгновенно почувствовалъ бы обжогъ; это показываетъ, что теплота успѣла уже дойти до этого конца. Значитъ, въ разныхъ предметахъ теплота распространяется съ различною быстротою. Быстрѣе всего проводитъ теплоту серебро, затѣмъ мѣдь, желѣзо и другіе металлы. Поэтому, желая охладить предметъ, лучше всего окружить его металлическою оболочкою. Съ этой цѣлью, напр., употребляются у насъ серебряные подстаканники, ложки и т. п. предметы, которые содѣйствуютъ скорому охлажденію налитой въ сосудъ жидкости. Желѣзныя печи, по той же причинѣ, крайне быстро распространяютъ въ воздухѣ теплоту и нагрѣваютъ воздухъ, хотя нельзя сказать, чтобы это было полезно для здоровья, такъ какъ послѣ быстраго и сильнаго нагрѣванія наступаетъ такое же быстрое охлажденіе. Пылающій уголь, брошенный на металлическую поверхность очень быстро потухаетъ, а на деревянной доскѣ онъ будетъ еще долго тлѣть. Это показываетъ, что дерево не можетъ такъ быстро увести теплоту угля, какъ металлъ. Вотъ вамъ еще примѣръ различнаго отношенія дерева и металла къ теплотѣ: я беру цилиндръ, сдѣланный на половину изъ дерева, а на половину изъ мѣди, обертываю его полотномъ и держу нѣсколько времени надъ газовымъ рожкомъ; вынимаю теперь, и вы замѣчаете, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ полотно прикасалось къ дереву, оно обуглилось и даже прогорѣло, а та половина, гдѣ находилась мѣдь, осталась совершенно бѣлой. Это объясняется тѣмъ, что теплота огня скопляется вся тамъ, гдѣ было дерево, мѣшающее ея распространенію, и потому полотно такъ сильно нагрѣлось, что сгорѣло; наоборотъ, мѣдь тотчасъ же распредѣляетъ получаемую теплоту по всей своей поверхности и массѣ, отчего другая половина полотна нагрѣвается далеко не такъ сильно. Дурной теплопроводностью дерева пользуются на практикѣ для того, чтобы предохранить нѣкоторые предметы отъ вліянія теплоты, отъ которой они портятся: такъ напримѣръ, съ этою цѣлью виноградъ и другіе фрукты, портящіеся отъ дѣйствія жара, при перевозкѣ и сохраненіи обсыпаютъ опилками. Жидкости очень дурно проводятъ теплоту, хотя на первый взглядъ можетъ показаться, что это не такъ; дѣйствительно, кипятя воду, мы замѣчаемъ, что она довольно скоро нагрѣвается; но при этомъ не теплота передается черезъ жидкость, а сами частички жидкости, согрѣваясь и дѣлаясь поэтому легче, подымаются со дна кверху, унося вмѣстѣ съ собою и теплоту. Если же нагрѣвать воду не снизу, а сверху, такъ чтобы нагрѣтыя частицы не двигались бы, а оставались на мѣстѣ, то мы замѣтимъ, что сверху вода закипитъ, внизу же останется совершенно холодной, такъ что можно держать дно сосуда во время такого кипяченія рукою; это показываетъ, что теплота не распространяется сквозь жидкость, если только эта жидкость не перемѣшивается, а остается неподвижной. Что касается до газообразныхъ тѣлъ, напр. воздуха, то они при такихъ же условіяхъ какъ и жидкости, т. е. если остаются, неподвижными, еще хуже, нежели жидкости, проводятъ теплоту. Мнѣ не нужно даже производить опыта, чтобы убѣдить васъ въ этомъ. Вы сами пользуетесь этою способностью воздуха, какъ и большей части другихъ газовъ, дурно проводить теплоту; вы знаете, что вставляя на зиму двойныя рамы, между ними оставляютъ промежутокъ, наполненный только воздухомъ, и этого небольшаго слоя воздуха достаточно для того, чтобы тепло изъ комнаты не уходило наружу. Такого рода предметы, какъ пухъ, шерсть вата, рыхлый снѣгъ, и т. п. заключаютъ въ промежуткахъ между отдѣльными частицами очень много воздуха, и это дѣлаетъ ихъ дурными проводниками теплоты. Достаточно обернуть кусокъ льда фланелью или сукномъ, чтобы онъ въ теплой даже комнатѣ долго не таялъ.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ можно воспользоваться теплотою, какъ силою.

Въ этомъ отношеніи главное значеніе имѣетъ свойство тѣлъ расширяться при дѣйствіи на нихъ теплоты; какъ велико это расширеніе, вы можете, напримѣръ, судить потому, что фунтъ воды, обратившись въ паръ, занимаетъ объемъ въ 1200 разъ большій. Если же воду кипятить въ закрытомъ сосудѣ, то образующіеся пары будутъ давить съ большою силою на стѣнки; вотъ напр. небольшой круглый котелъ, до половины наполненный водою; въ верху въ немъ сдѣлано отверстіе, въ которое я ввинчиваю трубку, доходящую почти до самаго дна и запирающуюся краномъ; я запираю кранъ и начинаю кипятить воду; если я теперь открою кранъ, то вода брызнетъ изъ трубки фонтаномъ. Понятно, что этимъ давленіемъ можно произвести и всякую другую работу. Вы знаете, какое огромное значеніе получили теперь паровыя машины. Я не стану подробно вдаваться въ описаніе того, какъ это дѣлается, такъ какъ это не входило въ мои намѣренія. Для того, чтобы ознакомиться со всѣми свойствами и приложеніями силы, которую мы называемъ теплотою, потребовалось бы гораздо больше времени.

Я буду считать себя вполнѣ довольнымъ, если мнѣ удалось объяснить вамъ тѣ немногія ея свойства, которыя я избралъ предметомъ настоящаго чтенія.

XII.

Что такое воздухъ и каковы его свойства.

Н. П. Леонова.

Были выставлены: воздушный насосъ, водяные насосы, ливеръ, Героновъ шаръ, модель аэронавта и проч.

Что такое воздухъ? Каковы его свойства? Какое вліяніе онъ оказываетъ на насъ и на окружающіе насъ предметы? Не имѣетъ-ли онъ такихъ свойствъ, которыя-бы могли быть съ выгодою примѣнены къ жизни и которыми намъ, однако, до сихъ поръ не удалось еще воспользоваться! Вотъ вопросы, на которые я постараюсь отвѣтить, и для этого попрошу васъ обратить ваше вниманіе на нѣкоторые весьма простые опыты. Долгое время сомнѣвались, имѣетъ ли воздухъ вѣсъ; дѣйствительно, легкость воздуха вошла почти въ пословицу; мы часто употребляемъ выраженія: „легокъ, какъ воздухъ; воздушный“. Однако, какъ бы то ни было, но можно доказать, что воздухъ имѣетъ вѣсъ. Для этого берутъ обыкновенно стеклянный шаръ съ придѣланною къ нему металлическою трубкою, запирающеюся краномъ; если кранъ отпереть и при помощи особаго прибора, носящаго названіе воздушнаго насоса, выкачать изъ шара воздухъ, затѣмъ закрыть кранъ, положить шаръ на вѣсы и уравновѣсить гирями, то, отворяя кранъ, мы замѣтимъ, что равновѣсіе нарушается, и шаръ перетягиваетъ; стало быть, вошедшій туда воздухъ сдѣлалъ его тяжеле, т. е. воздухъ имѣетъ вѣсъ. Изъ такихъ опытовъ вычислили, что кубическій футъ воздуха вѣситъ около $8\frac{1}{2}$ золотниковъ. Вы знаете, что всякій предметъ, имѣющій хотя бы и малый вѣсъ, давитъ на тѣла, подъ нимъ находящіяся. На первый взглядъ можетъ показаться, что, при такой легкости, воздухъ не производитъ никакого почти давленія на всѣ предметы; однако это далеко не такъ; воздухъ не только давитъ на нихъ, но еще притомъ со страшною силою. Самый простой опытъ, доказывающій существованіе этого давленія, заключается въ слѣдующемъ: берутъ сосудъ, наполненный до краевъ водою, и, прикрывъ бумагою, осторожно перевертываютъ кверху дномъ; при этомъ вода не выливается; значитъ воздухъ давитъ снизу на бумагу съ такою силою, что, несмотря на свою тяжесть, вода не можетъ вылиться. Вы, быть можетъ, не повѣрите мнѣ, если я скажу, что, если бы сосудъ имѣлъ въ вышину даже $4\frac{1}{2}$ сажени, то и тогда вода не вылилась бы; а, между тѣмъ, это такъ, и, если я не могу подтвердить свои слова опытомъ, то только потому, что опытъ занялъ бы много времени, и его даже нельзя было бы произвести въ этой комнатѣ. Но вотъ другой опытъ, немного отличающійся отъ предыдущаго и подтверждающій сказанное о воздушномъ или, какъ его называютъ, атмосферномъ давленіи. Я беру длинную стеклянную трубку, запаянную съ одного конца, и, наполнивъ ее водою, закрываю пальцемъ и опускаю открытымъ концомъ внизъ въ сосудъ съ водою; отнимаю палецъ, и вы видите, что вода изъ трубки не выливается, причина этого—воздухъ: онъ давитъ на воду, налитую въ сосудѣ, и это давленіе поддерживаетъ жидкость внутри трубки, не позволяя ей выливаться. Вотъ еще болѣе сложный приборъ для до-

казательства того же самаго: два мѣдныхъ полушарія, пустыхъ внутри, прикладываются плотно одно къ другому такъ, чтобы туда не могъ пройти снаружи воздухъ. При помощи воздушнаго насоса, о которомъ я уже говорилъ, и который имѣетъ почти такое же устройство, какъ и водяные насосы, съ тою разницею, что выкачиваютъ имъ воздухъ, а не воду, мы вытянемъ воздухъ извнутри этихъ полушарій; послѣ этого ихъ будетъ крайне трудно оторвать другъ отъ друга; укрѣпивъ одно изъ нихъ за придѣланную къ нему ручку, къ другому можно будетъ прицѣпить значительный грузъ, и оно не отпадетъ; стоитъ только открыть кранъ, чтобы внутрь вошелъ воздухъ, какъ полушарія тотчасъ же распадаются; это происходитъ оттого, что давленіе снаружи и извнутри дѣлается одинаковымъ, и потому воздухъ уже не въ состояніи удержать грузъ и полушаріе отъ паденія. Вотъ еще одинъ опытъ: стеклянная трубка закрывается сверху плотно деревянною пробкою, въ которой выдолблено углубленіе; въ это углубленіе наливаютъ ртути и, поставивъ трубку на тарелку насоса, выкачиваютъ извнутри ея воздухъ; тогда извнутри давленія воздуха уже не будетъ, а наружный воздухъ давитъ на ртуть сверху съ такою силою, что заставляетъ ее проникать сквозь плотное дерево и падать въ трубку въ видѣ дождя.

Если верхнюю часть той же трубки мы затянемъ пузыремъ и выкачаемъ изъ подъ него воздухъ, то наружный воздухъ заставитъ пузырь при выкачиваніи натянуться такъ сильно, что онъ, наконецъ, не выдержитъ этого давленія и лопнетъ. Покажу еще одинъ опытъ, объясняемый давленіемъ воздуха: изъ подъ стекляннаго колокола заранѣе вытянутъ воздухъ; я ставлю его въ чашку съ водою и открываю кранъ, зипирающій трубку, одинъ конецъ которой входитъ внутрь колокола, а другой находится подъ водою; извнутри давленія никакого нѣтъ, а между тѣмъ наружный воздухъ давитъ на воду въ чашкѣ, какъ вы, надѣюсь, уже убѣдились изъ предыдущихъ опытовъ, съ огромною силою; поэтому вода устремляется внутрь и бьетъ сильною струею въ видѣ фонтана; изъ такихъ и подобныхъ опытовъ было найдено, что давленіе воздуха на каждый квадратный дюймъ такое-же, какое произвела бы гиря въ 16 фунтовъ. Можетъ показаться страннымъ, какъ такое легкое тѣло, какъ воздухъ, можетъ давить съ такою огромною силою; чтобы разъяснить это кажущееся противорѣчіе, я приведу слѣдующее сравненіе: вообразите себѣ, что на моей рукѣ лежитъ кубикъ, склеенный изъ бумаги и вѣсящій $8^1/_2$ золотниковъ; понятно, что его давленіе будетъ такъ ничтожно, что не окажетъ никакого вліянія на руку; но, если такіе кубики поставить одинъ на другой и взять ихъ, положимъ, тысячу, тогда давленіе будетъ уже весьма значительно; оно будетъ больше двухъ пудовъ. Тоже самое должно сказать и относительно воздуха; хотя онъ очень легокъ, но высота воздушнаго столба, опирающагося на какую нибудь площадь, напримѣръ на площадь этого столба, очень значительна; по нѣкоторымъ вычисленіямъ, высота воздушнаго слоя, считая отъ поверхности земли, достигаетъ отъ 200 до 300 верстъ. Понятно, поэтому, отчего воздухъ давитъ на всѣ предметы съ такою силою.

Однимъ изъ практическихъ приложеній давленія воздуха служитъ устройство ливера; этотъ инструментъ состоитъ изъ трубки, посрединѣ расширенной и служащей для переливанія жидкостей изъ одного сосуда въ другой; для этого опускаютъ ливеръ нижнимъ концомъ въ переливаемую жидкость и чрезъ другой вытягиваютъ воздухъ; тогда наружный воздухъ вгоняетъ жидкость въ ливеръ; закрывъ верхнее отверстіе, мы можемъ ливеръ вынуть изъ жидкости, и она не выльется, такъ какъ воздухъ поддерживаетъ ее снизу своимъ давленіемъ. Другое практическое приложеніе представляютъ водяные насосы. Одинъ изъ такихъ водяныхъ насосовъ, называющійся всасывающимъ, имѣетъ слѣдующее устройство: въ трубкѣ движется пригнанная плотно къ ея стѣнкамъ пробка, такъ называемый поршень. Если мы опустимъ нижній конецъ трубки въ воду и подымемъ поршень, то подъ нимъ образуется пустота, и наружный воздухъ тотчасъ же вгонитъ въ эту пустоту воду изъ сосуда; въ поршнѣ дѣлается отрверстіе, закрываемое клапаномъ, т. е. дверкою, которая можетъ открываться только къ верху. Если станемъ опускать поршень, то отъ давленія воды, подъ нимъ находящейся, клапанъ откроется, и вода войдетъ въ пространство надъ этимъ поршнемъ; когда подымаемъ поршень вторично, то клапанъ вѣсомъ воды закроется, и вода подымется вмѣстѣ съ поршнемъ. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ и другіе насосы.

Попрошу васъ теперь обратить вниманіе на другой приборъ, весьма часто употребляющійся въ жизни и носящій названіе барометра. Онъ имѣетъ весьма разнообразное устройство, но самое простое таково: берутъ стеклянную трубку, длиною аршина въ $1^1/_2$, съ одного конца запаянную, и наполняютъ ее всю ртутью; затѣмъ, закрывъ пальцемъ, опрокидываютъ и опускаютъ незапаяннымъ концомъ въ сосудъ со ртутью; тогда ртуть въ трубкѣ немного опустится и установится на высотѣ около 30 дюймовъ; вы знаете уже, что этотъ столбъ ртути поддерживается давленіемъ воздуха. Но воздухъ не всегда давитъ съ одинаковою силою: сѣверные и сѣверо восточные вѣтры, дующіе съ Бѣлаго моря и изъ Сибири, приносятъ съ собою хо-

лодный и плотный воздухъ, который вслѣдствіе своей значительной тяжести заставляетъ ртуть въ барометрѣ подниматься; наоборотъ, южные и юго-западные вѣтры, дующіе изъ теплыхъ странъ, приносятъ съ собою воздухъ легкій, давленіе на ртуть уменьшается, и потому ртуть въ барометрѣ опускается. Вслѣдствіе такого совпаденія высоты ртути въ барометрѣ съ погодою, на немъ, обыкновенно, дѣлаются слѣдующія надписи: буря, дождь, перемѣнно, хорошая погода, великая сушь, и т. п.; но эти указанія не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительному состоянію погоды; если ртуть въ барометрѣ подымается или опускается медленно, тогда показанія его обыкновенно бываютъ вѣрны; быстрыя же измѣненія уровня служатъ предвѣстниками бури. Упомяну, наконецъ, еще объ одномъ аппаратѣ, имѣющемъ отношеніе къ воздуху, а именно объ аэростатѣ или воздушномъ шарѣ. Изобрѣтеніе аэростатовъ принадлежитъ французскимъ писчебумажнымъ фабрикантамъ маленькаго городка д'Аннонэ, гдѣ былъ произведенъ первый опытъ 5-го іюня 1783 года. Первый ими пущенный шаръ имѣлъ въ окружности до 17 саж. и вѣсилъ 15 пуд.

Черезъ нижнюю открытую часть онъ наполнялся теплымъ воздухомъ посредствомъ сжиганія подъ ней веществъ, дающихъ много дыму, какъ то: бумаги, мокрой шерсти, соломы, и т. д. Въ томъ же году 27 августа Шарль парижскій профессоръ физики, замѣнилъ нагрѣтый воздухъ водородомъ, газомъ, который въ $14^1/_2$ разъ легче воздуха, и шаръ поднялся на довольно значительную восоту. Послѣ того воздухоплаваніе перестало быть рѣдкостью, и воздухоплаватели постоянно совершали свои полеты. Шаръ обыкновеннаго размѣра, поднимающій весьма легко трехъ человѣкъ, имѣетъ 7 сажень въ вышину и 5 сажень въ діаметрѣ; общій вѣсъ доходитъ пудовъ до 10-ти. Въ настоящее время шары наполняются не водородомъ, а свѣтильнымъ газомъ, который, хотя гораздо тяжеле, но за то и дешевле много. До сихъ поръ аэростаты не получили особенно важныхъ приложеній; причина этого заключается главнымъ образомъ въ невозможности давать аэростатамъ желаемое направленіе. Можно, однако, надѣяться, что новыя попытки относительно усовершенствованія аэростатовъ дадутъ наконецъ возможность человѣку овладѣть и послѣднею, пока не поддающеюся его усиліямъ, стихіею

XIII.

Объясненіе коллекцій по электротехникѣ.

А. Х. Репманъ.

Были выставлены: Машина Гольца. Снарядъ для очищенія воздуха. Батарея Лейденскихъ банокъ. Разрядники. Вольтовъ пистолетъ. Гальваническая батарея Бюксенмейстера. Моторъ и динамо-машина, его же. Электромагнитъ. Телеграфъ. Электрическія лампочки и гальванопластическія произведенія.

„Отъ искры Москва сгорѣла", говоритъ пословица. Что же означаетъ эта пословица?—это значитъ, что ничтожныя причины могутъ повлечь за собою очень серьезныя послѣдствія. Казалось бы, не велика провинность человѣка, который полѣнился затушить выкуренную папироску и бросилъ ее куда попало; а глядишь,—сгорѣла цѣлая деревня! Съ другой стороны, внимательное отношеніе къ самымъ ничтожнымъ явленіямъ можетъ повлечь за собою цѣлый рядъ полезныхъ открытій. Такъ напримѣръ: уже много столѣтій было извѣстно людямъ, что если натереть сургучъ, янтарь или стекло сукномъ или мѣхомъ, то они притягиваютъ къ себѣ легкія тѣла, вродѣ кусочковъ бумаги или бузинныхъ шариковъ (опытъ). Десятки столѣтій никто не подозрѣвалъ, что изслѣдованіе этого повидимому ничтожнаго явленія можетъ спасти имущество и жизнь тысячамъ людей; и только въ относительно недавнее время, лѣтъ 200 тому назадъ, одинъ ученый, Отто фонъ-Герике, задался мыслію получить эту притягательную силу въ большихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлью онъ взялъ сѣрный шаръ, укрѣпилъ его на оси и вообще устроилъ такъ, чтобы, вращая его, можно было постоянно тереть шаръ о сукно или шерсть. Такъ получилась первая электрическая машина. Впослѣдствіи шаръ былъ замѣненъ стекляннымъ кругомъ; а въ настоящее время эти машины усовершенствованы настолько, что даже машина малыхъ размѣровъ даетъ огромное количество электричества; мы, между прочимъ, видимъ, что получаемая отъ машины искра, при извѣстныхъ условіяхъ, чрезвычайно напоминаетъ намъ молнію. Приближая къ машинѣ металлическій шаръ, мы получаемъ ударяющую въ него искру; если же вмѣсто шара мы приблизимъ металлическое остроконечіе, напримѣръ иглу,

проволоку, то искры не получается, а замѣчается только какъ бы истеченіе электричества изъ остроконечія (опытъ). Это подало поводъ предположить, что если молнія дѣйствительно есть такое же явленіе электричества, какое мы получаемъ отъ машины, только въ большихъ размѣрахъ, то, устроивши металлическія остроконечія, тоже въ большихъ размѣрахъ, мы въ состояніи будемъ предупредить удары молніи, проводя электричество изъ тучи безвреднымъ путемъ въ землю. И вотъ появились громоотводы. Какъ видите, мы были въ правѣ сказать, что если бы люди раньше обратили вниманіе на ничтожное явленіе притяженія легкихъ тѣлъ сургучемъ, были бы спасены тысячи людскихъ имуществъ и жизней. Этотъ родъ электричества, называемый статическимъ, пока не имѣетъ еще другого практическаго примѣненія къ жизни; но я вамъ покажу опытъ, который впослѣдствіи, быть можетъ, и будетъ приложенъ къ дѣлу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Вотъ стеклянный колпакъ, внутри котораго расположены другъ противъ друга двѣ металлическихъ грабли. Если наполнить этотъ колпакъ табачнымъ дымомъ и пропустить электричество чрезъ эти грабли, то черезъ нѣсколько секундъ весь дымъ исчезнетъ. (Опытъ). Мы сейчасъ укажемъ вамъ еще на одинъ примѣръ, къ чему можетъ повести внимательное отношеніе къ ничтожнымъ явленіямъ. Сто лѣтъ тому назадъ докторъ Гальвани привѣсилъ на мѣдныхъ крючкахъ къ чугуннымъ периламъ своего балкона нѣсколько отрѣзанныхъ заднихъ лягушечьихъ лапокъ. Надо вамъ сказать, что за границей заднія лапки лягушекъ употребляются въ пищу; онъ замѣтилъ, что каждый разъ какъ лапки коснутся, вслѣдствіе вѣтра, къ чугуннымъ периламъ, онѣ дрыгали, какъ бы прыгая. Несомнѣнно, что тысячи людей не обратили бы ни малѣйшаго вниманія на столь ничтожное явленіе; но не такъ поступилъ Гальвани. Онъ тщательно изслѣдовалъ причины этого дрыганія, и послѣдствіемъ его изслѣдованій, а равно и изслѣдованій его учениковъ, было открытіе такъ называемаго гальваническаго тока. Прежде всего Вольта, ученикъ Гальвани, нашелъ, что если взять цинковую и мѣдную пластинку и разъединить ихъ между собою кускомъ сукна, смоченнаго растворомъ соли или кислоты, то при каждомъ прикосновеніи концами этихъ металловъ къ лягушечьимъ отрѣзаннымъ лапкамъ, въ лапкахъ получается еще большее сокращеніе. Затѣмъ онъ придумалъ взять вмѣсто одной пары металловъ нѣсколько паръ и помѣстить ихъ другъ надъ другомъ и получилъ такимъ образомъ еще болѣе сильный гальваническій токъ. Этотъ снарядъ названъ по его имени Вольтовымъ столбомъ или Вольтовой батареей. Впослѣдствіи было придумано много снарядовъ, дающихъ тотъ же гальваническій токъ. Сначала усовершенствовали батареи, которыя состоятъ изъ отдѣльныхъ банокъ, или такъ называемыхъ элементовъ; элементы эти стали составлять изъ различныхъ металловъ, съ различными жидкостями, и такимъ образомъ стали получать уже токъ значительной силы. Пропуская токъ чрезъ различныя тѣла, замѣтили, что этотъ токъ проводится нѣкоторыми тѣлами лучше, другими хуже, а нѣкоторыми, повидимому, совсѣмъ не проводится. Явилось раздѣленіе тѣлъ на хорошіе, средніе и дурные проводники. При этомъ замѣтили, что если пропускать токъ чрезъ воду, то она разлагается на свои составныя части, то есть на водородъ и на кислородъ. Произведемъ этотъ опытъ. (Опытъ). Если мы теперь смѣшаемъ полученные газы, то образуется такъ называемый гремучій газъ, который, будучи зажженъ, производитъ взрывъ. Вотъ въ эту металлическую трубку, имѣющую форму пистолета, напустимъ этого газа и закупоримъ его пробкой. Снарядъ этотъ называется Вольтовымъ пистолетомъ и устроенъ такъ, что внутрь его можетъ быть пропущена электрическая искра. Коснувшись куркомъ къ электрической машинѣ, мы получимъ взрывъ (Опытъ). Естественно, что люди задали себѣ вопросъ: что произойдетъ, если мы растворимъ различныя соли въ водѣ и пропустимъ чрезъ нихъ токъ? Солями въ химіи называютъ соединеніе кислотъ съ металлами. Желѣзный купоросъ есть соединеніе желѣза съ сѣрной кислотой или купоросным масломъ; мѣдный купоросъ есть соединененіе мѣди съ сѣрной кислотой, и т. п. Вотъ, если какую либо изъ этихъ солей распустить въ водѣ и потомъ пропустить чрезъ этотъ растворъ гальваническій токъ, то окажется, что эта соль разложится снова на металлъ и кислоту, изъ которыхъ она составлена, и при этомъ металлъ будетъ отлагаться всегда на одномъ концѣ, а кислоты на другомъ. На этомъ свойствѣ основано серебреніе и золоченіе гальваническимъ путемъ, а также и покрытіе различныхъ предметовъ желѣзомъ, мѣдью, никкелемъ и пр., то, что мы называемъ гальванопластикой. На сколько полезно это изобрѣтеніе, всѣмъ вамъ извѣстно; но я укажу вамъ только на два—три примѣра. Вотъ деревянная балясина, покрытая толстымъ слоемъ мѣди; вотъ тутъ вы видите стеклянную трубку, а рядомъ съ нею стеклянный графинъ, настолько покрытые мѣдью, что ихъ довольно трудно разбить; а между тѣмъ никакимъ другимъ способомъ, кромѣ гальваническаго нельзя было бы оковать стекло металломъ; а вотъ типографическая пластинка, сдѣланная гальваническимъ путемъ, и рядомъ съ нею экземпляръ оттиска, полученнаго съ нея. (Демонстрація всѣхъ названныхъ предметовъ).

Пропуская токъ чрезъ тонкія проволоки, замѣтили, что онѣ при сильномъ токѣ раскалива-

ются, причемъ накаливаніе можетъ быть такъ сильно, что издаетъ свѣтъ. Отсюда явилась мысль освѣщать электричествомъ. Вмѣсто проволоки стали употреблять тонкій уголекъ; а чтобы онъ не сгоралъ, помѣщали его въ безвоздушномъ пространствѣ; и вотъ явились тѣ лампочки, которыя вы здѣсь видите (Демонстрація). Мы не станемъ останавливаться на описаніи различныхъ лампъ; упомячемъ только, что накаливаніе ихъ обыкновенно производится не батареей, а особою машиною, названной динамо-машиной, которую вы видите здѣсь. (Демонстрація). Само собою разумѣется, что въ общежитіи машины эти вращаютъ не рукою, а паровой машиной; а это только модель, тѣмъ не менѣе, какъ видите, она въ состояніи отъ движенія одной рукою жечь пять лампъ, изъ которыхъ каждая силою въ шесть стеариновыхъ свѣчей. Далѣе замѣтили, что электрическій токъ дѣйствуетъ не только на тѣ тѣла, чрезъ которыя проходитъ но и на тѣ, около которыхъ онъ проходитъ; замѣтили, напримѣръ, что, проходя близъ магнитной стрѣлки, электрическій токъ отклоняетъ ее; а проходя близъ желѣза, онъ его намагничиваетъ. Попробовали обмотать кусокъ желѣза мѣдною проволокою и пропустить токъ чрезъ проволоку. Оказалось, что желѣзо настолько намагничивалось, что начинало притягивать сильнѣе всякаго магнита; но лишь только токъ прекращали, желѣзо теряло свою магнитную силу. Такіе магниты, въ отличіе обыкновенныхъ, называютъ электромагнитами. Вотъ маленькая желѣзная подковка, къ концамъ которой приложенъ кусокъ желѣза, называемый якоремъ. Если замкнуть токъ, то якорь такъ сильно притянется, что поднимаетъ нѣсколько пудовъ; онъ, какъ видите, сдерживаетъ даже взрослаго человѣка (опытъ). Если прерывать и снова пускать токъ, то якорь будетъ притягиваться и отпадать, причемъ батарея можетъ быть удалена отъ электромагнита на любое разстояніе. Это повело къ открытію телеграфа. Вотъ модель телеграфа (Демонстрація съ опытомъ). Это же повело къ изобрѣтенію такъ называемыхъ электродвигательныхъ машинъ, то есть движенія посредствомъ тока. Вотъ маленькая модель такого двигателя, который будетъ вращать намъ колесо электрической машины, когда мы соединимъ этотъ электродвигатель или моторъ съ батареей (Опытъ). Какъ видите, онъ, вращаясь, вертитъ колесо и машина даетъ намъ электрическія искры. Не странно ли, что химическое дѣйствіе, которое происходитъ въ батареѣ, проявляетъ электрическій токъ; этотъ токъ переходитъ въ движеніе и вращаетъ колесо электрической машины, а это движеніе снова проявляетъ намъ электрическую искру?! Вамъ, конечно, всѣмъ извѣстно, что примѣненіе электричества въ настоящее время въ техникѣ играетъ огромную роль. Въ послѣднее время стали даже паять электричествомъ. И вспомнимъ теперь, какому ничтожному обстоятельству обязаны мы всѣми этими изобрѣтеніями и усовершенствованіями! Думалъ ли Гальвани, изучая какое-то дрыганіе лягушечьихъ лапокъ, что оно происходитъ отъ той же силы, благодаря которой мы съ неимовѣрной быстротою можемъ передавать свои мысли по телеграфу; на далекомъ разстояніи слышать другъ друга въ телефонѣ; освѣщать наши площади и пассажи и тому подобное? Будемъ же помнить всегда, что часто малыя причины влекутъ за собою неожиданныя и часто весьма серьезныя послѣдствія!

XIV.

Кукуруза.

А. П. Адріановскаго.

Были выставлены: кукуруза „конскій зубъ“—цѣлое растеніе; початки различныхъ сортовъ; модель цвѣтка пшеницы; анализъ кукурузы, картофеля, свеклы; маисовая бумага; модели различныхъ способовъ приготовленія силосованнаго корма; стѣнные рисунки кукурузныхъ сажалокъ; двѣ ручныхъ кукурузныхъ молотилки, которыя были приведены въ дѣйствіе.

Лѣтъ 400 тому назадъ европейцы въ первый разъ переплыли океанъ и попали на берега Америки. Здѣсь они встрѣтили такихъ животныхъ и такія растенія, которыхъ до тѣхъ поръ никто изъ нихъ никогда на своей родинѣ не встрѣчалъ и даже не слыхалъ о нихъ. Многія изъ этихъ растеній съ незапамятныхъ временъ воздѣлывались въ Америкѣ тамошними жителями, употреблялись въ томъ или иномъ видѣ въ пищу и имѣли для нихъ такое же важное значеніе, какое для насъ имѣютъ рожь, пшеница, овесъ, ячмень и т. п. Вновь прибывшіе въ Америку европейцы обратили вниманіе на эти растенія, вслѣдствіе чего и перевезли сѣмена ихъ на свою родину—въ Европу. Въ Европѣ амери-

канскія растенія принялись хорошо и, благодаря своей выносливости, большой урожайности и многообразной пользѣ, доставляемой ими человѣку, распространились весьма быстро. Къ числу такихъ растеній, вывезенныхъ изъ Америки относятся, между прочимъ, картофель, табакъ, растенія всѣмъ извѣстныя и весьма у насъ распространенныя. Сегодня я буду вести бесѣду объ одномъ американскомъ растеніи, хотя и не такъ распространенномъ, какъ картофель, но которое, по своей урожайности и по своему разнообразному употребленію, имѣетъ весьма важное значеніе для человѣка. Растеніе это — *кукуруза* (по засушенному экземпляру кукурузы было сдѣлано подробное описаніе растенія, указано на сходство кукурузы съ злаковыми хлѣбами, а по моделямъ цвѣтковъ было указано на различіе этихъ органовъ у кукурузы и у пшеницы).

Кукуруза—растеніе весьма полезное для человѣка. Всѣ части этого растенія, за исключеніемъ корней, могутъ быть использованы человѣкомъ для различныхъ цѣлей. Самую цѣнную часть растенія несомнѣнно представляютъ зерна, заключенныя въ початкахъ. Въ пищу употребляютъ не только вполнѣ созрѣвшія зерна, а даже и недозрѣлые початки. Такъ въ Малороссіи, напр., недозрѣвшіе початки обламываются, вмѣстѣ съ оберточными листьями варятся и, облитые масломъ, въ тепломъ видѣ подаются на столъ. Въ Америкѣ, отечествѣ кукурузы, вполнѣ созрѣвшія зерна размачиваютъ въ водѣ, къ которой прибавляютъ немного поташа, и затѣмъ ѣдятъ съ масломъ. Но въ такомъ видѣ зерна кукурузы употребляются, сравнительно въ небольшихъ количествахъ, а идутъ же онѣ, главнымъ образомъ, на приготовленіе муки и крупы. Крупныя и очень твердыя зерна кукурузы не каждый жерновъ можетъ сразу перемолоть въ муку, и потому приходится пропускать чрезъ жернова два раза. Въ Бессарабіи и на Кавказѣ изъ муки приготовляютъ особое кушанье — *мамалыгу*. Для этого въ котелокъ съ кипящей водой сыплютъ по немногу кукурузной муки, хорошо перемѣшиваютъ и еще нѣсколько подогрѣваютъ. Образуется родъ не очень густаго тѣста, которое ѣдятъ въ тепломъ видѣ, обливши предварительно масломъ. Какъ извѣстно, такое же кушанье можно приготовлять и изъ ржаной муки. Кромѣ того мука идетъ на приготовленіе хлѣба, но такъ какъ тѣсто изъ одной кукурузной муки слишкомъ слабо, то къ ней обыкновенно примѣшивается нѣкоторое количество муки ржаной или пшеничной. Кукурузный хлѣбъ вкусенъ, рыхлъ и не скоро черствѣетъ. Тамъ, гдѣ кукуруза воздѣлывается въ большихъ количествахъ, кукурузный хлѣбъ также распространенъ, какъ у насъ ржаной. Изъ крупы приготовляется каша. Зерна кукурузы хороши также для откармливанія скота, особенно свиней.

Изъ кукурузы приготовляется крахмалъ, котораго въ зернахъ находится очень много (въ 1 фунтѣ—60—80 золотниковъ). Для этого зерна размачиваютъ, раздавливаютъ между жерновами и изъ раздавленной массы вымываютъ крахмалъ водою. Кукуруза, по количеству крахмала, содержащагося въ ея зернахъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ въ рисѣ находится 70%, въ кукурузѣ 60%, въ пшеницѣ 50%, въ картофелѣ до 20%. Кукурузный же крахмалъ по своимъ качествамъ считается лучше картофельнаго. Благодаря своему богатству крахмаломъ, кукуруза давно уже употребляется на винокуренныхъ заводахъ для выгонки спирта. Изъ того количества кукурузы, которое получается съ одной десятины, можно выгнать 50—60 ведеръ чистаго спирта. Кромѣ того изъ зеренъ кукурузы иногда приготовляютъ масло, а изъ сока стеблей добываютъ сахаръ, но для этого кукуруза не такъ пригодна, какъ многія другія растенія, болѣе богатыя масломъ и сахаромъ. Въ фунтѣ зеренъ кукурузы находится всего 7—9 зол. масла, а въ фунтѣ сока, выжатаго изъ стеблей, 7 — 8 золотниковъ сахара. Между тѣмъ какъ въ фунтѣ сѣмянъ подсолнечника содержится масла 25 зол., конопли 34—зол., льна 35—зол. Въ фунтѣ сока, выжатаго изъ сахарной свекловицы содержится сахара – отъ 10 до 12 зол. Вслѣдствіе этого, кукуруза съ поименованными растеніями въ маслобойномъ и сахарномъ производствахъ спорить не можетъ. Итакъ, зерна кукурузы идутъ главнымъ образомъ на приготовленіе муки, крупы, спирта, крахмала и на откормъ животныхъ. Но этимъ не ограничивается та польза, которую это растеніе доставляетъ человѣку. Послѣ сбора початковъ въ хозяйствѣ остается солома. Кукуруза — растеніе высокорослое и толстостебельное, а потому и соломы получается много. Хотя на кормъ кукурузная солома не особенно пригодна, но за то она служитъ хорошимъ матеріаломъ для топлива, а мѣстами ее прямо пережигаютъ на золу и изъ золы приготовляютъ поташъ.

Кукурузные початки обыкновенно бываютъ окружены такъ называемыми покровными листьями или чехломъ. Этотъ чехолъ, довольно мягкій и упругій также употребляется въ дѣло: ими набиваютъ тюфяки и приготовляютъ изъ нихъ очень тонкую папиросную, такъ называемую маисовую бумагу.

Кукуруза воздѣлывается человѣкомъ не только для зерна, но и для полученія травы, идущей въ кормъ скоту. Для этого не дожидаются созрѣванія початковъ, а убираютъ кукурузу съ поля въ то время, когда она выброситъ метелку мужскихъ цвѣтовъ—султанъ. Въ это время всѣ листья у кукурузы уже развились, листья и стебли сочны и мягки и скотъ поэтому охотно поѣдаетъ ее. Если бы уборку стали производить позже, то листья и

стебли сдѣлались бы тверже, и скотъ уже не такъ бы охотно ихъ поѣдалъ. Изъ кукурузы нельзя приготовить сѣна, подобно тому, какъ это мы дѣлаемъ изъ обыкновенной травы: толстые, сочные стебли кукурузы не могутъ скоро просохнуть въ открытомъ полѣ. Поэтому ихъ обыкновенно скармливаютъ въ свѣжемъ, въ зеленомъ видѣ. Для этого ежедневно накашиваютъ кукурузы столько, сколько можно скормить скоту въ теченіе одного дня. Можно стебли и листья кукурузы заготовлять на кормъ и въ прокъ. Съ этою цѣлію изъ нея приготовляютъ такъ называемый квашенный, или силосованный кормъ *).

Познакомившись съ разнообразнымъ употребленіемъ описываемаго растенія, посмотримъ теперь, гдѣ его можно воздѣлывать и какіе способы и пріемы необходимо примѣнять при его воздѣлываніи.

Наши обыкновенныя хлѣбныя растенія, какъ извѣстно, подраздѣляются на многочисленные сорта. Такъ, различаютъ напр. рожь *простую*, *кустовую*, пшеницу *твердую* (*бѣлотурка*, *арнаутка*) и *мягкую* (*гирки*, *усатки*) и проч. Точно также и кукуруза подраздѣляется на весьма большое число сортовъ, часто рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Многочисленные сорта кукурузы можно подраздѣлить на двѣ большія группы: *высокорослую*, которая воздѣлывается преимущественно для корма, такъ какъ даетъ много стеблей и листьевъ и *низкорослую*, которая воздѣлывается преимущественно для полученія зерна. Изъ высокорослыхъ сортовъ въ Россіи пользуется извѣстностью кукуруза — *конскій зубъ*, названная такъ потому, что зерна ея, имѣя вдавленія на вершинѣ, дѣйствительно нѣсколько напоминаютъ собой конскіе зубы (демонстративное описаніе початка и зеренъ *конскаго зуба*). Полное созрѣваніе конскаго зуба происходитъ въ 180 — 190 дней, т. е. въ полгода. Понятно, что въ Россіи онъ вызрѣвать не можетъ, п. ч. у насъ лѣто продолжается всего 3—4 мѣсяца, т. е. 90—120 дней. Но тѣмъ не менѣе этотъ сортъ у насъ воздѣлывается въ Россіи въ значительныхъ количествахъ, воздѣлывается онъ даже у насъ здѣсь подъ Москвой прямо на поляхъ. Посѣянный въ половинѣ мая, онъ выбрасываетъ метелку въ августѣ. Въ это время его ссѣкаютъ и частію задаютъ въ кормъ скоту въ зеленомъ видѣ, частію же заквашиваютъ въ ямахъ. Такимъ образомъ конскій зубъ у насъ можетъ воздѣлываться только для стеблей и листьевъ, идущихъ къ кормъ скоту, а сѣмена для посѣва приходится каждый годъ выписывать изъ Америки. Съ десятины кукуруза—*конскій зубъ* можетъ дать 6—10000 пуд. сырыхъ стеблей и листьевъ. Низкорослые сорта кукурузы (демонстративное описаніе растенія и початковъ) созрѣваютъ уже несравненно быстрѣе (отъ 110 до 140 дней) и поэтому ихъ въ южныхъ и даже въ среднихъ губерніяхъ Россіи можно воздѣлывать для полученія зерна и, дѣйствительно, они тамъ и воздѣлываются.

Особенно много воздѣлывается кукурузы у насъ въ Бессарабіи, которая лежитъ по сосѣдству съ Румыніей и Турціей. Здѣсь выведены даже свои собственные сорта (*бессарабская*, *ганганъ*, *перчаточная*—демонстрація). Но кукуруза на зерно воздѣлывается у насъ и въ болѣе сѣверныхъ губерніяхъ, хотя и въ небольшихъ количествахъ: воздѣлываютъ кукурузу въ Воронежской губерніи, въ Орловской; пробовали разводить её на зерно и въ болѣе сѣверныхъ губерніяхъ, и пробы эти оказались весьма удачными. Нужно только подобрать подходящій сортъ. Кукуруза хороша еще и тѣмъ, что не боится засухъ. Къ почвѣ кукуруза не требовательна: почти всякая почва для нея хороша, лишь бы только она была достаточно глубока, такъ какъ корни кукурузы уходятъ на значительную глубину; по этой же самой причинѣ и обработывать почву подъ кукурузу нужно глубоко (4 — 6 вершковъ). Обработку плужную, какъ и подъ наши хлѣба лучше производить съ осени, а весной пустить только борону. Удобреніе навозомъ для кукурузы весьма полезно. Посѣвъ производится весною, по окончаніи заморозковъ, рядами или гнѣздами. Гнѣздовой посѣвъ производится такъ: по выровненному полю проводятъ маркеромъ черты вдоль и поперекъ; въ мѣстахъ перекрещиванія бороздокъ дѣлаютъ ямки въ которые и кладутъ 3—5 зеренъ; можно посѣвъ производить конными рядовыми и гнѣздовыми сѣялками *). Для посѣва кукурузы имѣются также спеціальныя сѣялки и сажалки (показаны на рисункѣ кукурузныя сажалки). Чтобы всходы скорѣе появились, необходимо передъ посѣвомъ сѣмена размочить.

Если до всходовъ на поверхности поля образовалась кора, то необходимо пробороновать поле. Всходамъ сильно вредятъ грачи, которые, общипывая листъ, выдергиваютъ кукурузу съ корнемъ. Самое вѣрное средство избавиться отъ грачей—это поставить сторожа. Когда кукуруза достигнетъ вершковъ 3-хъ вышины, то между всходами производится мотыженіе на вершковую глубину, затѣмъ черезъ нѣсколько времени дѣлается второе, болѣе глубокое мотыженіе. Когда же кукуруза поднимется на 1—1½ фута,—производится окучиваніе разъ или два. Второе окучиваніе должно

*) Подробности приготовленія силосованнаго корма см. въ „Воскресныхъ объясненіяхъ коллекцій Политехническаго Музея“ за 1884—85 г. стр. 47.

*) Описаніе сѣяльныхъ машинъ см. въ „Воскресн. Объясненія коллекцій Политехническаго музея“ за 1882—83 г.

быть болѣе глубокимъ. Если разстояніе между растеніями не менѣе 18 дюймовъ, то окучиваніе и мотыженіе можно производить конными орудіями. Если посѣвъ былъ произведенъ густо, то лишнія растенія срубаются, отчего оставшіеся экземпляры развиваются лучше. Въ жаркихъ, сухихъ климатахъ, при нѣсколько влажной погодѣ, кукуруза кустится, образуя боковые побѣги, которые обламываются (пасынкованіе). Послѣ завязи початковъ, ихъ оставляютъ не болѣе 3-хъ на каждомъ стеблѣ, а остальные срѣзаютъ. Срѣзанные стебли и початки идутъ въ кормъ скоту.

Нерѣдко кукуруза поражается головней (Ustilago Maydis). Болѣзнь обнаруживается на растеніи большими вздутіями, внутри которыхъ находится масса черныхъ споръ этого грибка. Для предупрежденія зараженія можно протравливать зерна предъ посѣвомъ въ известковой водѣ или мѣдномъ купоросѣ, а также не слѣдуетъ возвращать кукурузу на прежнее мѣсто ранѣе 4—6 лѣтъ. Повреждается кукуруза также насѣкомыми и между прочимъ гусеницей *просяной метлицы* (Pyralis granaria).

На кормъ кукурузу слѣдуетъ убирать въ періодъ выбрасыванія мужскихъ цвѣтовъ; къ уборкѣ же зерновой кукурузы приступаютъ тогда, когда покровные листья завянутъ и когда затвердѣютъ зерна. Уборкой можно не спѣшить, такъ какъ кукуруза осыпкѣ не подвержена. Уборка состоитъ въ обламываніи початковъ, которые въ небольшихъ хозяйствахъ связываются покровными листьями, по нѣсколько штукъ вмѣстѣ и развѣшиваются гдѣ нибудь для просушки, или разбрасываются по полу въ хорошо провѣтриваемомъ мѣстѣ и часто переворачиваются. Въ большихъ же хозяйствахъ выгодно устраивать для этого особаго рода сушильни съ сѣтчатыми стѣнками. Оболочки отдѣляются отъ початковъ или просто руками, или же при помощи спеціально устроенныхъ для этой цѣли полуперчатокъ.

Изъ высушенныхъ початковъ зерна выдѣляются тупымъ ножемъ, или тяжелыми цѣпами, или же спеціально устроенными для этого молотилками. Средній валовой урожай зерна у насъ на югѣ— 7—10 четвертей (70—100 пуд.); урожай въ 15—25 четв. (самъ 70—100) считается отличнымъ, хотя въ другихъ странахъ нерѣдко получается урожай (самъ 300—800). Соломы получается 200—400 п. При воздѣлываніи на кормъ, смотря по сорту и условіямъ воздѣлыванія, получается 2—10000 пудовъ сырой растительной массы; каждые 100 пудовъ соотвѣтствуютъ приблизительно 20 пуд. хорошаго луговаго сѣна.

XV.

О выборѣ молочной коровы.

Н. В. Петрова.

Были выставлены: модели молочныхъ коровъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что не всѣ коровы даютъ одинаковое количество молока: одна даетъ его много, другая мало; поэтому, если приходится покупать корову, то при одинаковой цѣнѣ, выгоднѣе купить такую, которая даетъ молока больше, и въ настоящей бесѣдѣ я разскажу вамъ, какъ можно узнать молочную корову. При покупкѣ коровы слѣдуетъ обращать вниманіе на слѣдующія части тѣла: 1) на развитіе скелета или костяка; 2) на кожу; 3) на вымя и 4) на молочныя жилы.

Здѣсь (рисунокъ) вы видите изображеніе двухъ коровъ, изъ которыхъ одна молочная, другая не молочная. Если вы вглядитесь въ нихъ, то увидите, что эта корова гораздо грубѣе, *кости у ней сильно развиты*; ноги толстыя, также какъ и хвостъ; голова тяжелая, напоминающая скорѣе голову быка, чѣмъ коровы. Эта корова принадлежитъ къ швейцарской породѣ и напоминаетъ собою сѣрый украинскій скотъ. Я не имѣю возможности показать вамъ послѣдняго, но вмѣсто него здѣсь вы видите изображеніе подоловенгерскаго скота (модель), очень близко стоящаго къ украинскому скоту, но отличающемуся отъ этого нѣсколько меньшимъ ростомъ и очень длинными рогами. Украинскій или сѣрый скотъ употребляется у насъ на югѣ для различныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ; на немъ пашутъ и боронятъ. Вслѣдствіе этого молочныя качества въ немъ подавлены, и напротивъ онъ хорошо приспособленъ для тяжелыхъ полевыхъ работъ. Поэтому коровъ украинской породы не доятъ, а оставляютъ подъ ними телятъ, которые и употребляютъ все имѣющееся у матерей молоко.

Здѣсь изображенная корова (картина) представ-

ляетъ совершенную противоположность первой. *Кости* у ней *тонкія*, хвостъ тоже тонкій, голова красивая и легкая. Эта корова принадлежитъ къ англійской, такъ называемой, джерзейской породѣ, и напоминаетъ собою очень хорошихъ нашихъ ярославскихъ коровъ, которыхъ, правда, немного, но онѣ всетаки встрѣчаются по деревнямъ и селамъ, расположеннымъ на Окѣ, тамъ, гдѣ существуютъ поемные луга, заливаемые вешней водой. На такихъ лугахъ растетъ прекрасная, сочная трава, которая сѣномъ иногда даетъ до 400—600 пудовъ съ десятины.

Я сравнивалъ животныхъ различныхъ породъ и вы можете подумать, что весь складъ, сложеніе коровы, а слѣдовательно молочность будетъ зависѣть только отъ одной породы. Но среди животныхъ одной и той же породы встрѣчаются какъ грубыя, такъ и нѣжныя коровы, слѣдоват. какъ маломолочныя, такъ и многомолочныя.

На этихъ моделяхъ (модели ярославской молочной и коровы грубой) вы можете яснѣе видѣть, чѣмъ на картинкахъ, то различіе въ строеніи, о которомъ я вамъ говорилъ, хотя эти коровы и принадлежатъ къ одной и той же породѣ.

Слѣдующій признакъ, по которому опредѣляется молочность коровы, это *кожа*. Свойства кожи узнаются ощупываньемъ ея на опредѣленныхъ мѣстахъ, обыкновенно на послѣднихъ ребрахъ, около паховъ. Если вы будете ощупывать кожу у коровы швейцарской или украинской породы, то убѣдитесь въ томъ, что кожа у ней жесткая, толстая и плотная. Складку такая кожа даетъ не легко, т. е. такую кожу бываетъ трудно оттянуть. Обыкновенно рядомъ съ этимъ у коровы бываетъ сильно развиты рога и копыта, а волосъ, покрывающій кожу, рѣдокъ и жестокъ Ощупывая же кожу у коровы молочной, какъ джерзейская или ярославская, вы легко замѣтите, что кожа у ней тонкая, хотя точно также плотная. Такая кожа дастъ легко складку, а волосъ, покрывающій ее, рѣдкій, но тонкій и блестящій. Обыкновенно у молочныхъ животныхъ кожа на шеѣ даетъ много мелкихъ складокъ. Англичане считаютъ кожу за самый важный признакъ молочности и при выборѣ коровы прежде всего обращаютъ вниманіе на нее.

Теперь я перехожу къ точно также очень важному указателю молочности — къ *вымени*, и предварительно скажу вамъ, какъ оно устроено. Органы, которые выдѣляютъ въ тѣлѣ животнаго различные соки, какъ напр. во рту слюну, въ желудкѣ желудочный сокъ и желчь, на кожѣ жиръ и потъ и т. д., называются железами. Вымя, которое выдѣляетъ молоко, будетъ по этому точно также железой. Оно раздѣляется перегородкой на двѣ совершенно несообщающіяся между собою половины; правую и лѣвую. Здѣсь вы видите изображеніе одной изъ половинъ вымени (модель продольнаго разрѣза вымени); вслѣдствіе присутствія этой перегородки, если смотрѣть на вымя сзаду или снизу, на немъ замѣчается борозда, которая особенно ясно видна у молочныхъ коровъ. Какъ правая, такъ и лѣвая половина вымени устроены совершенно одинаково. Кромѣ того каждая половина вымени въ свою очередь кажется какъ бы раздѣленной на двѣ неравныя части (передняя меньше задней), снабженныя переднимъ и заднимъ соскомъ. Внутренность вымени состоитъ изъ молочныхъ железокъ, соединительной и жировой ткани. *Молочныя железки*— это очень маленькіе, видимые только черезъ увеличительное стекло, кругленькіе пузырьки, въ которыхъ приготовляется молоко. Эти пузырьки соединяются вмѣстѣ и открываются протоками въ общій сосудъ, называемый *цистерной*, которая соединяется съ соскомъ. Молоко собирается преимущественно въ цистернѣ и въ протокахъ, ведущихъ въ нее. Все вымя покрыто кожею, которая называется *запасомъ*. Запасъ происходитъ отъ того, что когда въ вымени находится молоко, то вымя бываетъ сильно раздуто; послѣ же доенія и въ сухостой, когда корову передъ отеломъ перестаютъ доить, вымя спадается, кожа образуетъ много морщинъ и какъ бы виситъ подъ брюхомъ или сзади вымени. Запасъ раздѣляется на *передній* и *задній*. При опредѣленіи качества запаса должно обращать вниманіе на тонину его, величину и способность отставать отъ железы (чистота). Чѣмъ вымя спалось больше, чѣмъ слѣдовательно запасъ больше, тѣмъ корова молочнѣе; кромѣ того у молочной коровы запасъ долженъ быть тонкій и плотный и легко отставать отъ вымени. Волосъ, покрывающій вымя такой коровы, коротокъ, рѣдокъ и нѣженъ, но никогда не бываетъ онъ жесткимъ, какъ напр. у коровъ украинской породы. Затѣмъ, чѣмъ вымя больше, тѣмъ корова молочнѣе. Но бываетъ, что и съ большимъ вымянемъ, корова даетъ мало молока. Это обозначаетъ, *что вымя жировое* и такое вымя послѣ доенія мало спадается, т. е. запасъ у него малъ. Большею частью кожа такого вымени обильно смачивается жиромъ, который, застывая на поверхности, образуетъ какъ бы слой чешуекъ.

Обыкновенно у коровы бываетъ *двѣ пары сосковъ*, но встрѣчаются коровы и съ тремя парами сосковъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это признакъ большой молочности, на самомъ же дѣлѣ эти соски молока почти не даютъ, такъ какъ соотвѣтствующія имъ молочныя железки, о которыхъ я раньше упоминалъ, находятся въ зачаточномъ состояніи. Практика показываетъ, что присутствіе третьей пары сосковъ наблюдается у породъ, не отличающихся высокою производительностью, а у породъ

молочныхъ встрѣчается рѣдко; коровъ съ тремя парами сосковъ слѣдуетъ браковать.

Соски должны имѣть одинаковую величину и быть широко разставленными, если же соски сближены, то это указываетъ на жировое вымя и такую корову покупать не должно. Здѣсь вы видите изображеніе (картина) вымени, какимъ оно должно быть; остальныя четыре вымени представляются порочными; одно изъ нихъ потому, что не вполнѣ развито; другое вслѣдствіе очень большой сближенности сосковъ, что составляетъ неудобство при доеніи; у третьяго вымени соски направлены въ сторону, отчего при доеніи молоко вмѣсто ведра можетъ попадать на землю или на доильщицу; наконецъ у четвертаго вымени соски на столько малы, что ихъ трудно захватывать рукою.

Послѣднимъ признакомъ молочности служатъ *молочныя жилы*, которыя проходятъ впереди вымени и черезъ брюхо входятъ внутрь тѣла. Это мѣсто окружено кольцомъ мускуловъ и носитъ названіе *колодца*. Сначала кровь поступаетъ въ вымя черезъ два кровеносныхъ сосуда, называемыхъ брюшною и срамною артеріями; а затѣмъ, послѣ того, какъ изъ крови выработалось молоко, кровь уносится обратно черезъ брюшную и срамную вены, которыя на языкѣ скотоводовъ называются просто молочными жилами. Сильная, толстая и хорошо развѣтвленная жила указываетъ на большой отокъ крови изъ вымени, а слѣдовательно и на большой притокъ въ него крови; а такъ какъ молоко вырабатывается, какъ я сказалъ, изъ крови, то чѣмъ больше послѣдней, тѣмъ больше и молока. Но иногда толщина кожи можетъ сдѣлать жилу мало замѣтной, и тогда нужно кромѣ того изслѣдовать величину колодца; если въ него входятъ одинъ или два пальца, то корову можно считать молочной. Однако нужно замѣтить, что у нетелей молочныя жилы развиты меньше, чѣмъ у коровъ телившихся, и что послѣ отела жилы бываютъ больше, чѣмъ до отела.

Разумѣется вы знаете, какое преимущество имѣетъ молочная корова передъ коровой маломолочной; первая корова не только дастъ больше молока, но на одно и тоже количество молока она будетъ съѣдать и меньше корма. Поэтому за молочную корову выгоднѣе заплатить нѣсколькими рублями дороже, потому что эти рубли вернутся обратно въ карманъ хозяина и кромѣ того онъ получитъ еще значительный барышъ.

XVI.

О русскихъ грубошерстныхъ породахъ овецъ.

Н. В. Петрова.

Были выставлены: чучела овецъ, шкурки разныхъ овецъ, картины.

Въ настоящей недѣлѣ я намѣренъ разсказать о простыхъ, грубошерстныхъ породахъ овецъ, разводимыхъ въ Россіи. Но прежде, чѣмъ описывать эти породы, посмотримъ сколько такихъ овецъ находится у насъ и сколько приходится ихъ на долю каждаго человѣка.

Вѣроятно, многимъ изъ васъ извѣстно, что населеніе Россіи около 100 мил. жителей; количество же овецъ около 46½ мил.; слѣдоват. на человѣка приходится приблизительно ½ овцы. Но кромѣ того вы знаете, что не всѣ жители имѣютъ овецъ: горожане, напр., ихъ вовсе не разводятъ; занимаются же овцеводствомъ главнымъ образомъ крестьяне. Поэтому если изъ 100 мил. мы исключимъ число городскихъ жителей, то тогда на долю сельскаго населенія овецъ будетъ приходиться нѣсколько больше, именно на 100 человѣкъ 67 овецъ. Но не по всей Россіи овцы распредѣлены равномѣрно; тамъ, гдѣ у крестьянъ есть хорошія пастбища, гдѣ имъ достались большіе надѣлы земли, тамъ и овецъ больше. Такъ у крестьянъ Таврической губ. на 100 человѣкъ приходится 503 овцы, въ Московской же губерніи всего 17 овецъ.

Изъ одной только этой огромной цифры 46 мил. вы видите, насколько важно овцеводство для благостоянія сельскаго населенія. Однако, большинству городскихъ жителей, которымъ очень рѣдко приходится имѣть въ своемъ хозяйствѣ овцу, можетъ показаться не совсѣмъ понятнымъ, почему именно овца такъ распространена у крестьянъ, почему она пользуется ихъ особенною любовью?

Сейчасъ я объясню вамъ это.

Дѣйствительно, едва ли найдется какое-либо другое животное, которое доставляло бы столько разнообразныхъ продуктовъ, какъ овца. Хозяинъ получаетъ отъ нея шерсть, изъ которой выдѣлы-

ваются валенцы, войлоки и грубыя сукна; затѣмъ мясо, смушки и овчину, идущіе на приготовленіе зимней одежды и наконецъ молоко, которое непосредственно потребляется въ пищу, или перерабатывается въ масло и сыръ. Кромѣ того до меньшаго распространенія керосина, овечій жиръ въ крестьянскихъ хозяйствахъ употреблялся для освѣщенія. Овечій же навозъ въ однихъ мѣстахъ идетъ на удобреніе полей, въ другихъ—изъ него дѣлаютъ, такъ называемый кизякъ, который сжигается какъ топливо. Кромѣ того овца крайне вынослива такъ что въ этомъ отношеніи съ ней не можетъ сравняться ни одно животное.

Теперь, послѣ того какъ вы узнали, что овца даетъ пищу, одежду, освѣщеніе и отопленіе, вы не станете удивляться, что она является необходимымъ и неотъемлемымъ членомъ крестьянской семьи.

Однако вы въ правѣ сдѣлать слѣдующій вопросъ: неужели каждая порода овецъ способна давать и вкусное мясо и много молока, хорошую овчину и много жиру? На это я долженъ отвѣтить: нѣтъ не каждая. Въ Россіи много различныхъ породъ овецъ и каждая изъ нихъ отличается въ особенности какимъ нибудь однимъ качествомъ; такъ напримѣръ одна даетъ хорошую овчину, другая много молока, третья хорошіе смушки и т. д. Теперь я и намѣренъ сообщить вамъ, какая изъ породъ наиболѣе пригодна для той или для другой цѣли.

Начну прежде всего съ той породы, которая даетъ лучшую овчину, именно съ породы *сѣверной короткохвостой*, имѣющей хвостъ не длиннѣе 3 вер. Эта порода разводится въ губерніяхъ сѣверныхъ и среднихъ не черноземныхъ и между прочимъ и въ Московской губ. Овецъ этой породы вы всѣ знаете, но только подъ другимъ названіемъ, именно подъ названіемъ овецъ *романовскихъ*. Раіонъ разведенія собственно послѣдняго рода овецъ весьма ограниченъ; онъ захватываетъ узкую полосу вдоль береговъ Волги, которая лежитъ на протяженіи 25 верстъ выше и 15 верстъ ниже г. Романова, находящагося въ Романовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Романовская овца отличается весьма немногимъ отъ остальныхъ своихъ собратій. Кромѣ болѣе нѣжной бѣлой шерсти, которая составляетъ такъ называемый пухъ, достигающій у романовскихъ овецъ значительной длины и волнистости, нѣтъ признаковъ, которыхъ нельзя было бы замѣтить и на всякой другой короткохвостой овцѣ.

Шерсть настоящихъ романовскихъ овецъ свѣтло-сѣрая, съ большимъ количествомъ мягкаго пуха, но на брюхѣ, ногахъ и головѣ шерсть другаго свойства—жесткая и блестящая. Въ хозяйствѣ крестьянъ разводятся и черныя овцы, которыя даютъ болѣе цѣнную шерсть, тогда какъ сѣрая овца даетъ болѣе дорогую овчину. Но кромѣ того качество шерсти измѣняется какъ съ возрастомъ животнаго, такъ и со временемъ года. Чѣмъ старше овца, тѣмъ шерсть становится грубѣе, что зависитъ отъ болѣе сильнаго развитія грубыхъ черныхъ волосъ, называемыхъ „песигою“ (песій волосъ), которая перерастаетъ мягкую бѣлую шерсть и овчина получаетъ темный видъ. По времени года лучшая овчина бываетъ лѣтомъ и осенью. Лѣтнія или *петровскія* овчины получаются съ ягнятъ, которыхъ колютъ около Петрова дня, слѣдоват. съ ягнятъ, родившихся въ томъ же году въ январѣ и февралѣ. Овчины такихъ ягнятъ состоятъ почти изъ одного пуха, чѣмъ и объясняется вся слава романовскихъ полушубковъ. Осеннія или *успенскія* овчины получаются съ овецъ, колотыхъ въ августѣ или сентябрѣ, при чемъ, въ это время бьютъ взрослыхъ ягнятъ, матокъ и барановъ. Успенскія овчины цѣнятся дешевле, такъ какъ ихъ шерсть грубѣе. Худшими овчинами считаются зимняя и весенняя. Главнымъ мѣстомъ овчинной торговли служитъ г. Романово-Борисоглѣбскъ, гдѣ собирается ежегодно до 10 тысячъ мѣстныхъ овчинъ и куда кромѣ того привозятъ овчины изъ сосѣднихъ губерній, такъ что въ Романовѣ всего стекается до 200 тысячъ овчинъ, которыя продаются по цѣнамъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за штуку. Торгъ овчинами начинается съ 15 августа и продолжается до января.

Кромѣ того отъ романовскихъ овецъ получается шерсть и мясо. Шерсти отъ овецъ получается отъ 4 ф. до 6 ф., продаваемой по 25—45 к. Мясо романовскихъ овецъ довольно вкусно и мягко; овцы даютъ мяса различное количество, смотря по возрасту, отъ 60 ф. до 80 ф. и кромѣ того сала отъ 5 ф. до 20 ф.

Теперь я разскажу вамъ о другой группѣ овецъ, о такъ называемыхъ *смушковыхъ* овцахъ. Сюда относятся овцы: рѣшетиловская, сокольская и каракульская.

Овцы *рѣшетиловская* и *сокольская* разводятся въ Полтавской губ. и главнымъ образомъ въ уѣздахъ Миргородскомъ, Кобелякскомъ и Зиньковскомъ. Это такія же простыя овцы, какія встрѣчаются во всей Полтавской губ., но только улучшенныя хорошимъ кормленіемъ и умѣлымъ подборомъ. Рѣшетиловскими и сокольскими эти овцы названы потому, что главнымъ мѣстомъ сбыта смушекъ этихъ овецъ, а также и центромъ ихъ сосредоточія являются мѣстечки Рѣшетиловка и Соколка. Какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по наружному виду эти овцы очень напоминаютъ собою романовскихъ овецъ, но отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что шерсть ихъ болѣе груба и содержитъ меньше пуха. Кромѣ того, эти овцы принадлежатъ къ *длиннохвостой* породѣ, хвостъ которой $3\frac{1}{2}$ в. – 4 в. длиною.

Главную доходную статью этихъ овецъ представляютъ смушки. *Смушкомъ* называется шкура ягненка, зарѣзаннаго въ возрастѣ отъ 3 дней до 3 недѣль. Ягнята рѣшетиловской овцы имѣютъ смушекъ съ черными, блестящими, не линяющими ни отъ дождя, ни отъ солнца, нераскручивающимися завитками. Смушекъ сокольской овцы свѣтлопепельнаго цвѣта и съ такими же завитками.

По роду завитковъ тѣ и другіе смушки раздѣляются на 3 сорта: *филястые* (волнистые), имѣющіе крупные завитки, расположенные правильными рядами; 2) *бобастые*, (отъ слова бобъ), имѣющіе также крупные завитки, но расположенные не рядами, а лежащіе въ различныхъ направленіяхъ; 3) наконецъ самые дорогіе—*горошковатые* съ очень мелкими и болѣе высокими завитками, чѣмъ два первые сорта. Такъ что цѣна этого смушка доходитъ до 2 р. Смушки этихъ овецъ слывутъ у насъ подъ названіемъ *хивинокъ*. Вамъ, конечно, извѣстно, что смушки за послѣднее время сильно вошли въ моду. Кромѣ того нѣсколько лѣтъ тому назадъ смушковыя шапки были введены и въ армію. Въ виду всего этого начали изыскивать породу, которая была бы въ состояніи улучшать смушекъ овецъ, разводимой въ Полтавской и смежныхъ съ нею губерніяхъ. Пригодной для этой цѣли оказалась овца *каракульская*. Она распространена въ Туркестанѣ и принадлежитъ къ *жирнохвостой* породѣ, потому что главный ея признакъ составляетъ длинный обросшій жиромъ хвостъ, длиною до 8 вер., изъ которыхъ на жировой наростъ приходится 5 вер. Шерсть каракульской овцы различнаго цвѣта — чернаго, рыжаго, рыже-чернаго; но это только у взрослыхъ животныхъ; у молодыхъ же ягнятъ черная, блестящая. Эти овцы даютъ лучшіе въ мірѣ смушки, которые отличаются большею густотою шерсти, большей прочностью завитка, красотою рисунка и большимъ блескомъ шерсти, при чемъ они и цѣнятся дороже—отъ 4 р. до 8 р. за штуку. Въ 1881 г. Министерство Государственныхъ Имуществъ въ первый разъ выписало каракулей въ Полтавскую губ. для улучшенія мѣстныхъ овецъ. Надежды Министерства оправдались, такъ какъ отъ смѣшенія съ каракульскими баранами смушекъ у приплода получился лучше. Разумѣется, кромѣ ягнятъ, которые рѣжутся на смушки, взрослыя овцы даютъ шерсть и молоко. Но это составляетъ второстепенный доходъ и о немъ я говорить не стану.

Теперь, если мы передвинемся еще нѣсколько южнѣе, въ Бессарабію, то здѣсь мы встрѣтимъ *цигайскую* породу, принадлежащую къ длиннохвостымъ овцамъ, также какъ и рѣшетиловская. Эта овца, по мнѣнію однихъ, происходитъ отъ смѣшенія съ испанскою мериносовою овцою; по мнѣнію же другихъ она переведена къ намъ изъ Австріи болгарами. Послѣднее мнѣніе вѣрнѣе, потому что австрійскіе цигаи ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ. Главное, чѣмъ отличаются и для чего разводятся цигаи—это шерсть, мягкая въ $1^1/_2$ или 2 вер. длиною, состоящая изъ одного пуха, подобно шерсти испанскихъ овецъ, но только нѣсколько грубѣе. Такой шерсти овецъ на кругъ даютъ до $8^1/_2$ ф. Кромѣ того шерсть цигаевъ отличается *правильною извитостью* по длинѣ волоса, чего вы не видѣли въ шерстяхъ описанныхъ породъ. Шерсть обыкновенно желтаго цвѣта, со значительнымъ количествомъ жирнаго пота. Кромѣ того цигаи даютъ очень вкусное мясо и легко откармливаются. Нужно полагать, что число цигайскихъ овецъ въ Россіи доходитъ до $1^1/_2$ мил. головъ.

Далѣе я разскажу вамъ о самой молочной породѣ овецъ, какая только у насъ есть, о такъ называемой *чушкѣ*, разводимой въ Бессарабіи. Эти овцы относятся также къ породѣ *длиннохвостыхъ* овецъ, какъ и рѣшетиловская. Цвѣтъ шерсти этихъ породъ различный, но черныя животныя предпочитаются, такъ какъ онѣ болѣе молочны. Главную доходную статью составляетъ молоко; чушка доится 3 раза въ день и въ теченіи всего пастбищнаго времени, отъ марта до октября, даетъ около 30 ф. сыра — *брынзы*, — который изготовляется заквашиваньемъ свѣжаго молока сычугомъ. Когда сырная масса осядетъ, она отнимается, тщательно перетирается руками, смѣшивается съ солью и сохраняется въ закрытыхъ кадкахъ. Кромѣ того чушка даетъ порядочные смушки и около 5 ф. шерсти. Чушка отличается замѣчательною выносливостью и потому мѣстными помѣщиками предпочитается испанской овцѣ.

Я не имѣю возможности показать вамъ рисунокъ чушки, но покажу вмѣсто нея такъ называемую *пырную* овцу, которая разводится въ Подольской губ. и считается точно также молочной породой, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи чушкѣ.

Теперь я перейду къ мяснымъ породамъ овецъ и изъ нихъ сообщу вамъ прежде всего о *курдючной* овцѣ, которую вамъ, вѣроятно, всѣмъ приходилось видѣть. Разводятся эти овцы въ Россіи преимущественно въ Крыму. Главное отличіе этой овцы заключается въ очень короткомъ хвостѣ, по бокамъ котораго отлагается жиръ въ видѣ подушекъ или курдюковъ. Обыкновенный курдюкъ вѣситъ 10—12 ф., когда же овца находится въ откормленномъ состояніи, то вѣсъ его доходитъ до 30 ф. Прежде думали, что курдюкъ сохраняется у овецъ только при содержаніи ихъ въ степяхъ; но впослѣдствіи убѣдились, что курдюкъ сохраняется и при содержаніи овецъ въ стойлѣ. Теперь ученыя того мнѣнія, что этотъ курдюкъ выработанъ у овецъ путемъ подбора. Овцы этой породы обладаютъ очень

крѣпкими и длинными ногами, что указываетъ на способность овцы переходить большія растоянія. Шерсть курдючныхъ овецъ состоитъ главнымъ образомъ изъ нѣжнаго мягкаго пуха и даетъ хорошій войлокъ. Туша взрослыхъ овецъ вѣситъ до 2 пд. и мясо ихъ на московскомъ рынкѣ предпочитается мясу другихъ породъ овецъ.

Къ мяснымъ породамъ слѣдуетъ отнести также породу *маличъ*, разводимую почти исключительно въ Крыму и въ Таврической губ. Эта овца, подобно каракульской, принадлежитъ къ *жирнохвостной* породѣ. Масть шерсти черная, сѣрая и бѣлая. Стадо маличей уже съ давнихъ поръ существуетъ въ одномъ имѣніи въ Тульской губерніи, куда оно было переведено изъ Ѳеодосіи. Это указываетъ на то, что возможно разводить маличей гораздо сѣвернѣе ихъ настоящаго распространенія, что было бы очень желательно въ виду прекраснаго мяса маличей, хорожихъ смушекъ и тонкой шелковистой шерсти.

XVIII.

Сборъ и сохраненіе лѣсныхъ сѣмянъ.

Я. Ѳ. Хрущова.

Были выставлены: образцы сѣмянъ древесныхъ породъ, орудія сбора и модели сѣмяносушилокъ.

Имѣть хорошія, всхожія сѣмяна составляетъ для каждаго хозяина предметъ первой важности. Лучше всего собирать ихъ въ собственномъ хозяйствѣ, не прибѣгая къ сѣмяноторговцамъ. Въ полеводствѣ это легко достигается: стоитъ только отдѣлить лучшую часть сѣмянъ урожая нынѣшняго года для высѣва на слѣдующій—и дѣло съ концомъ. Не то въ лѣсномъ хозяйствѣ (конечно, при условіи искусственнаго лѣсоразведенія); тутъ время спѣлости главнѣйшаго продукта—древесины почти никогда не совпадаетъ со временемъ созрѣванія сѣмянъ, поэтому мнѣ кажется яснымъ, что умѣнье сбирать и сохранять древесныя сѣмена необходимо всякому желающему разводить лѣсъ.

Разсмотримъ сначала строеніе сѣмени. Для примѣра возьмемъ всѣмъ извѣстное сѣмя дуба—желудь и разрѣжемъ его вдоль; разсмотрѣвъ внимательно простымъ глазомъ или съ помощью увеличительнаго стекла, увидимъ маленькое продолговатое тѣльце съ зачаточнымъ корешкомъ и листочками, защемленное между двумя мясистыми половинками. Это маленькое тѣльце есть зародышъ когда нибудь можетъ быть могучаго дуба, мясистыя же половинки называются сѣмянодолями и служатъ зародышу во все время жизни его подъ землею кладовыми, изъ которыхъ онъ черпаетъ себѣ пищу. Сѣмянодоли, выходя вмѣстѣ съ росткомъ наружу, (чего впрочемъ у нѣкоторыхъ породъ, какъ напримѣръ у того же дуба, не бываетъ), служатъ молодому растеньицу, какъ листья, дѣлаясь тогда зелеными. У другихъ сѣмянъ, какъ напримѣръ у ржи, мясистыя половинки не суть сѣмянодоли, а вещество, богатое, смотря по породѣ сѣмени, то крахмаломъ, то масломъ, носящее названіе бѣлка. Бѣлокъ служитъ также для питанія сѣмени во время его подземной жизни; но никогда уже не выходитъ наружу и не исполняетъ обязанности листьевъ.

Какъ общее правило для сбора всѣхъ лѣсныхъ сѣмянъ, можно предложить слѣдующее: не собирать сѣмянъ съ деревъ слишкомъ молодыхъ и слишкомъ старыхъ, такъ какъ тѣ и другія даютъ не всхожія сѣмяна. Лучшія сѣмяна даютъ деревья средняго возраста, выросшія не въ слишкомъ частомъ лѣсу и безусловно здоровыя.

Сборъ сѣмянъ въ маленькомъ хозяйствѣ, гдѣ ихъ не требуется много, удобнѣе всего производить съ срубленныхъ деревъ. Въ большихъ-же хозяйствахъ, гдѣ для удовлетворенія своей нуждѣ на сѣмена приходилось бы срубать слишкомъ много лѣсу, поневолѣ приходится сбирать ихъ со стоящихъ на корню деревьевъ. При сборѣ со стоящихъ деревьевъ слѣдуетъ принять за правило не пригибать вѣтвей внизъ, такъ какъ онѣ такимъ образомъ легко ломаются, а взлѣзши на вершину дерева, пригибать ихъ къ стволу помощью желѣзнаго крючка, насаженнаго на длинный шестъ, и тогда уже обрывать сѣмена или шишки; изломъ въ этомъ случаѣ представляетъ мало вѣроятности. Для взлѣзанія на деревья никогда не слѣдуетъ пользоваться такъ часто употребляемымя въ Германіи и у насъ въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ когтями, надѣваемыми на ноги на подобіе шпоръ. Острые шипы ихъ, впиваясь въ кору, иногда даже проникая до самой древесины, наносятъ дереву трудно заживаемыя раны.

Сборъ всѣхъ вообще сѣмянъ древесныхъ породъ нужно производить въ сухую и безвѣтренную погоду, такъ какъ сѣмена, даже едва-едва смоченныя росою, слеживаются, легко загниваютъ и быстро теряютъ свою всхожесть; сборъ-же легкихъ сѣмянъ въ вѣтреную погоду почти не мыслимъ, такъ какъ онѣ легко уносятся вѣтромъ и пропадаютъ даромъ для хозяина

Особенности сбора сѣмянъ нѣкоторыхъ древесныхъ породъ.

1. Сосновыя, еловыя, пихтовыя и лиственничныя сѣмена собираютъ, обрывая шишки позднею осенью или зимою. Для полученія сѣмянъ изъ шишекъ ихъ подвергаютъ или дѣйствію солнечной теплоты, или дѣйствію жара печи, для чего устраиваются, какъ солнечныя, такъ и огнедѣйствующія сѣмяносушилки. Солнечная сѣмяносушильня состоитъ изъ ящика на четырехъ ножкахъ съ крышкою, которую можно установить подъ любымъ угломъ; сторона крышки, обращенная къ ящику, выкрашена бѣлою краскою для усиленія дѣйствія солнца. Дно ящика состоитъ изъ планокъ, расположенныхъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга; подъ этимъ дномъ находится еще другое изъ холста, свободно прикрѣпленное и образующее родъ мѣшка. Въ это-то второе дно и собираются сѣмена, выпавшія изъ шишекъ. Ящикъ ставятъ на южной сторонѣ какого нибудь зданія, открываютъ крышку, насыпаютъ въ него шишки, которыя во все время продолженія сушки переворачиваютъ граблями.

Простѣйшую огнедѣйствующую сѣмяносушильню можно устроить въ любой избѣ, подвѣсивъ мѣшки съ шишками къ потолку [1]). Огнедѣйствующихъ сѣмяносушиленъ очень многого родовъ. Опишу подробно одну изъ нихъ, находящуюся подъ Москвой. Она состоитъ изъ трехъ этажей:—верхній—чердакъ служитъ для храненія шишекъ; оттуда идутъ во второй этажъ холщевые рукава, по которымъ спускаютъ шишки въ ящики, или барабаны, въ которыхъ и производится сушка. Второй этажъ представляетъ изъ себя двѣ камеры, раздѣленныя небольшимъ корридоромъ. Въ одной изъ нихъ находятся барабаны съ сквозными стѣнками изъ планокъ или изъ металлической сѣтки, въ другой расположены нѣсколько рядовъ ящиковъ съ рѣшетчатымъ дномъ, поставленныхъ другъ на друга; какъ ящики, такъ и барабаны снабжены ручками для сотрясенія сѣмянъ во время сушки. Тутъ-же находятся градусники для наблюденія за температурой. Въ нижнемъ этажѣ находится печь и также два отдѣленія, расположенныя подъ находящимся во второмъ этажѣ, куда на холодный кирпичный полъ падаютъ высыпающіяся сѣмена.

Во время сушки необходимо черезъ каждые полчаса поворачивать барабаны и встряхивать ящики для болѣе равномѣрнаго высыханія. Передъ наполненіемъ ящиковъ шишками необходимо отбирать ихъ отъ хвои и разнаго сору, а еловыя сверхъ того полезно слегка просушивать, разсыпая на ночь по полу въ той же сушильнѣ. Температура, наиболѣе благопріятная для сушки сосновыхъ сѣмянъ первые два три часа 50°, далѣе 40°; пихтовыхъ—15°, для еловыхъ 25°—30°,—тоже самое для лиственницы сибирской; шишки же лиственницы европейской не раскрываются при помощи высокой температуры,—для извлеченія изъ нихъ сѣмянъ ихъ насыпаютъ уже при обыкновенной комнатной температурѣ въ барабаны, снабженные планками съ острыми ребрами или гвоздями и вертятъ барабаны безостановочно часовъ шесть,—чешуйки шишекъ перетираются и сѣмена выпадаютъ. Сушка производится около сутокъ. Собранныя сѣмена необходимо еще очистить отъ крылышекъ, служащихъ имъ при естественномъ лѣсовозобновленіи для передвиженія. Это достигается, ссыпая сѣмена въ мѣшки, молотя и отвѣивая ихъ, или же слегка смачивая водою, послѣ чего крылышки сами отстаютъ. 1 фунтъ сѣмянъ получается изъ $2^1/_2$ мѣръ сосновыхъ и 1 мѣры еловыхъ шишекъ.

2. Сѣмена нашего сибирскаго кедра почти совсѣмъ не собираютъ съ цѣлью лѣсоразведенія. Шишки собираютъ зимою, взлѣзая на дерево съ помощью когтей или, что еще хуже, безпощадно рубя кедровники. Собранныя шишки разсыпаются на рогожи и изрѣдка переворачиваются граблями; здѣсь онѣ отъ солнечной теплоты раскрываются. Сѣмена идутъ въ продажу, какъ лакомство, и носятъ въ общежитіи названіе кедровыхъ орѣшковъ. Въ отличіе отъ сѣмянъ другихъ нашихъ хвойныхъ сѣмя кедра безкрылое.

3. Дубовые желуди и буковые орѣшки сидятъ въ плюскѣ—у дуба по одному, у бука по два. Плюска дуба круглая, въ видѣ чашечки, буковая четырехстворчатая. Желуди и буковые орѣшки созрѣваютъ позднею осенью и падаютъ тотчасъ на землю, гдѣ ихъ и собираютъ граблями. Ихъ лучше всего сѣять тотчасъ же; если же это почему-либо неудобно, то можно сохранять ихъ до слѣдующей весны въ кучахъ или ямахъ переслоенными сухими листьями, пескомъ хвоей и т. п. Дубовые и буковые сѣмена хорошо сохраняются также въ угольной набойкѣ.

4. Ясеневый плодъ представляетъ изъ себя сѣмя, окруженное язычкообразной крылаткой. Плоды сидятъ пучками на самыхъ концахъ вѣтвей и долго остаются на деревѣ. Срываютъ ихъ взлѣзая на дерево вскорѣ послѣ опаденія листвы.

---

1) Никогда не слѣдуетъ класть шишекъ на плиту, такъ какъ сѣмена при этомъ легко перегораютъ и теряютъ свою всхожесть.

5. Плоды клена состоятъ изъ двухъ сросшихся своими основаніями крылатокъ; у основанія каждой крылатки сидитъ по ярко зеленому сѣмени. Пучки кленовыхъ плодовъ срываютъ осенью послѣ вызрѣванія.

Плоды ильмовыхъ породъ (ильма, вяза, береста) тоже собраны въ пучки и каждое сѣмячко окружено круглою крылаткой, различною у разныхъ видовъ. Созрѣваютъ они въ концѣ іюня и въ іюлѣ; при сборѣ ихъ нужно ощупывать плоды, чтобы по напрасну не набрать пустыхъ.

7. Березовыя сѣмена созрѣваютъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Они заключены въ сережкахъ, за каждой чешуйкой которой сидитъ по маленькому сѣмячку, снабженному двумя усиками и окруженному крылышкомъ. Сборъ березовыхъ сѣмянъ производится такъ: когда сережки слегка побурѣютъ, ихъ срываютъ съ растущаго или срубленнаго дерева, связываютъ въ вѣники и вѣшаютъ въ теплое мѣсто для окончательнаго дозрѣванія. Едва сережки начнутъ раскрываться, вѣники снимаютъ и молотятъ на рогожахъ. Собранныя сѣмена разстилаются затѣмъ тонкимъ слоемъ на чердакахъ для просушки.

8. Ольховыя сѣмена очень мелки Они опадаютъ съ середины зимы до весны, шишечки же, въ которыхъ они заключены, остаются еще нѣкоторое время на деревьяхъ. Лучше всего собирать шишечки позднею осенью и вѣшать ихъ пучками на чердакахъ, гдѣ онѣ при температурѣ 15° уже раскрываются и выпускаютъ сѣмя.

Всѣ вообще сѣмена сохраняютъ свою всхожесть недолго; дольше всего сохраняютъ её еловыя сѣмена—лѣтъ 5. Хранить собранныя сѣмена (кромѣ буковыхъ и дубовыхъ, (о сохраненіи которыхъ сказано выше) слѣдуетъ въ сухихъ и теплыхъ подвалахъ и чердакахъ; или въ ящикахъ смѣшанными съ сухими листьями, мхомъ, хвоею и т. п., или же въ мѣшкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку; послѣднее удобнѣе въ виду того, что мыши всегда не прочь полакомиться свѣжими сѣменами.

Какимъ бы путемъ ни были пріобрѣтены сѣмена—куплены-ли онѣ у сѣмяноторговцевъ или собраны въ своемъ хозяйствѣ, передъ посѣвомъ необходимо убѣдиться въ ихъ годности. Это достигается отчасти по внѣшнему виду и качествамъ какъ то: вкусу, запаху и т. д., всего же лучше проращиваніемъ ихъ *). Проращиваніе ведется или въ горшкахъ съ землею, при чемъ сѣмена сверху слегка притрушиваются этою послѣднею, или на фланели, слегка смоченной водою. Иногда для проращиванія сѣмянъ употребляютъ дощечки изъ пористой глины съ отверстіями, куда кладутъ сѣмена. Такіе приборы весьма удобны. Хорошія сѣмена начинаютъ проростать при комнатной температурѣ обыкновенно дней черезъ 5—6. Нормальный средній процентъ всхожести колеблется у сѣмянъ различныхъ древесныхъ породъ. Наибольшая всхожесть бываетъ: у дуба и бука 90%, у сосны и ели 80—85%, у пихты и лиственницы 65—70%, у ольхи 25% у березы и ильмовъ 10—15%.

*) Проращивать, конечно, возможно только тѣ породы, которыя всходятъ тотчасъ, какъ-то: сосну, ель, пихту, лиственницу, кедръ, дубъ, букъ, ильмъ, березу и ольху. Для опредѣленія годности остальныхъ по неволѣ приходится довольствоваться внѣшнимъ видомъ.

XVIII.

О добываніи золота.

К. И. Тумскаго.

Были выставлены: золотопромыват. машина, толчея и проч.

Золото находятъ въ природѣ уже въ готовомъ видѣ, какъ говорятъ: въ самородномъ состояніи, обыкновенно въ болѣе или менѣе плотныхъ глинистыхъ пескахъ, называемыхъ розсыпями. Рѣже золото попадается вросшимъ въ какомъ нибудь каменистомъ веществѣ, чаще всего въ кварцѣ, образуя жилы и прослойки такъ называемаго жильнаго золота. Въ золотоносномъ пескѣ частички золота лежатъ свободно и ихъ сравнительно легко выдѣлить Другое дѣло когда золото является вросшимъ въ камень, здѣсь нужно предварительно затратить много механической силы на размельченіе, сортировку и пр. вслѣдствіе чего обработка жильнаго золота обходится много дороже. Да наконецъ оно и встрѣчается рѣже, такъ что, вообще говоря, золото добывается почти вездѣ преимущественно изъ розсыпей Частицы золота въ пескахъ бываютъ обыкновенно небольшихъ размѣровъ, часто въ видѣ металлической пыли или небольшихъ листочковъ и только изрѣдка попадаются болѣе или

менѣе крупные куски, именуемые самородками. Величайшій изъ самородковъ настоящее чудо природы былъ найденъ на знаменитыхъ золотыхъ пріискахъ въ Австраліи. Глыба золота вѣсила 4 пуда и 4 съ лишкомъ фунта и чистаго золота изъ нея получено 3 пуда 33 фун. Другой замѣчательный самородокъ въ 2 пуда и безъ малаго 8 фун. найденъ былъ въ 1837 г. у насъ въ Сибири на Міасскихъ золотыхъ промыслахъ въ Златоустовскомъ округѣ. Самородокъ этотъ хранится въ Петербургскомъ Горномъ Институтѣ въ желѣзномъ ящикѣ подъ ключемъ и печатями. Маленькіе самородки до 1 фунта не составляютъ рѣдкости. Самородное золото все таки никогда не бываетъ совершенно чисто. Въ немъ всегда есть примѣси нѣкоторыхъ другихъ металловъ и больше всего серебра. Золотой песокъ состоитъ изъ крупныхъ и мелкихъ камешковъ, желѣзистаго песку, глины, листочковъ золота, иногда частицъ желѣзной руды напр. магнитнаго желѣзняка.

Содержаніе золота бываетъ самое разнообразное. На Уралѣ напр. и въ Сибири съ выгодой разрабатываются пріиски, содержащіе отъ 15 долей до $^1/_4$ и $^1/_2$ золотника во 100 пудахъ песку. По расчету 1 куб. саж такого песку вѣсомъ 1200 пуд. содержитъ отъ 3 до 6 золотниковъ металла. Пески съ 1 и болѣе золотниковъ во 100 пудахъ встрѣчаются рѣдко. Богатѣйшіе изъ извѣстныхъ золотыхъ розсыпей находятся въ Австраліи и Калифорніи, и тамъ столь бѣдные пески какъ на Уралѣ и въ Сибири совсѣмъ не разрабатываются. Самое добываніе золота изъ песковъ крайне просто, гораздо проще, чѣмъ добываніе какого бы то ни было другаго металла. Золото въ розсыпяхъ находится уже въ готовомъ видѣ и вся сущность работы заключается въ томъ, чтобы отдѣлить болѣе крупные камни, обмыть ихъ хорошенько и получить мутную жидкость, въ которой висятъ мелкія частицы желѣзистаго песку, глины и золота. Если пустить теперь эту муть на наклонные неподвижные или сотрясающіеся столы, то на нихъ прежде всего въ верхней части отсядутъ болѣе тяжелыя частицы золота, а болѣе легкія глина и песокъ будутъ унесены водою далѣе. Здѣсь, какъ видно, не нужно совсѣмъ дорогихъ, сложнаго устройства, печей и разныхъ другихъ приспособленій, какія употребляются при выплавкѣ другихъ металловъ. Для того, чтобы получить золото достаточно промыть песокъ водою. Промывка эта дѣлается болѣе или менѣе тщательно, смотря по богатству песковъ. Чаще всего это дѣлается при помощи самыхъ простыхъ приспособленій, прямо руками рабочихъ. Песокъ кладутъ напр. въ большую чугунную чашу съ крупными отверстіями въ днѣ и съ мѣшалкой, снабженной чугунными лапами, бѣгающими по дну чаши. На песокъ пускаютъ струю воды и онъ перетирается съ нею посредствомъ чугунныхъ лапъ. Образовавшаяся муть поступаетъ затѣмъ въ другую подобную же чашу съ болѣе мелкими отверстіями, и уже изъ нея на длинный наклонный столъ. На Уралѣ и въ Сибири, гдѣ приходится добывать золото изъ сравнительно бѣдныхъ розсыпей для промывки, употребляются особыя золотопромывательныя машины различнаго болѣе или менѣе сложнаго устройства. Одна изъ такихъ машинъ представлена здѣсь въ маленькомъ видѣ. Золотой песокъ поднимается въ таратайкахъ на верхнюю часть машины и вываливается въ желѣзную продырявленную бочку, въ которую насосомъ подается нужная для промывки вода. Бочка вращается, вода уноситъ черезъ дырочки частицы песку, глины и золота на ниже расположенные уклономъ столы (шлюзы, какъ ихъ зовутъ), на которыхъ и отсѣдаетъ золото. Чтобы лучше его задержать верхняя часть стола снабжена рѣшетками и перекладинами. Крупные камни выбрасываются изъ бочки на безконечное полотно и имъ отводятся вонъ съ машины; промытый песокъ (юфель) захватывается черпаками и также уносится ими. При машинѣ толпа рабочихъ: возчики, доставляющіе песокъ, галечники, юфельщики отводящіе камень и промытые пески, а для самой промывки особый промывальщикъ. Полученное на машинѣ золото снимается два раза въ день. Такъ какъ оно бываетъ нечисто, а съ примѣсью такъ называемаго шлиха (желѣзистый песокъ), то его потомъ вторично промываютъ и—отдѣляютъ желѣзистыя частицы магнитомъ, а золото высушиваютъ на огнѣ и ссыпаютъ въ жестянки.

Хотя само по себѣ добываніе золота представляется очень простымъ, но тѣмъ не менѣе работы на золотыхъ пріискахъ, благодаря особымъ условіямъ промысла, принадлежатъ къ самымъ тяжелымъ. Поиски золота дѣло трудное и очень рискованное, сопряженное со всевозможными лишеніями, и потому многіе золотопромышленники, напр. въ Сибири или совсѣмъ разоряются, или только едва сводятъ концы съ концами. Бываетъ, конечно, что нѣкоторые изъ нихъ быстро обогащаются, но это случается теперь рѣдко, такъ какъ пески замѣтно обѣднѣли. Тѣмъ не менѣе жажда быстраго обогащенія неудержимо влечетъ людей къ золотымъ пріискамъ, не смотря на крайне тяжелыя условія жизни на промыслахъ. Вотъ, напр., какъ описываютъ добываніе золота на самыхъ богатыхъ въ Сибири енисейскихъ пріискахъ. Енисейская золотоносная тайга лежитъ въ первобытной лѣсной пустынѣ, между притоками могучей сибирской рѣки Енисея—Ангарою и Подкаменной Тунгузскою верстахъ въ 200 отъ города Енисейска и въ 1000 верстахъ коннаго пути отъ города Томска. Золото добывается здѣсь среди дремучихъ лѣсовъ въ

совершенно безлюдной мѣстности, кой-гдѣ прорѣзанной немногочисленными и крайне плохими таежными дорогами. Вся мѣстность покрыта невысокими горными хребтами, дающими начало множеству быстро текущихъ рѣкъ и рѣчекъ, въ долинахъ которыхъ и лежатъ золотые пески. Климатъ въ тайгѣ крайне суровый и непостоянный, лѣто короткое, дождливое и холодное, весна поздняя иногда съ снѣгомъ въ маѣ и даже іюнѣ, снѣгъ выпадаетъ иногда уже въ концѣ августа. Морозы нерѣдко доходятъ до 40 и ниже. Жилья кругомъ никакого Только по направленію дорогъ верстахъ въ 30 другъ отъ друга расположены такъ называемыя зимовья, тоже, что наши почтовыя станціи и постоялые дворы, гдѣ торгуютъ разными припасами и спиртомъ, да кой гдѣ изрѣдка покажется казацкій кордонъ. Золото открыто въ енисейской тайгѣ кочевавшими здѣсь тунгузами въ концѣ 30-хъ годовъ. Они же и были первыми проводниками. Первые поиски были сопряжены съ большими опасностями, поисковыя партіи уходили за сотни верстъ отъ жилья, нерѣдко сбивались съ пути и блуждали въ дикой тайгѣ, ночуя подъ открытымъ небомъ, а зимою въ трескучіе морозы въ еловыхъ шалашахъ и питаясь сухарями, да солониной. Многіе и погибали безслѣдно въ тайгѣ. Еще недавно въ 1885 г. одинъ предпріимчивый человѣкъ, по фамиліи Катаевъ, отправившись на поиски пропалъ безъ вѣсти вмѣстѣ съ семьей и двумя рабочими. Съ 70 года золото разрѣшено здѣсь добывать всѣмъ безъ различія сословій, но такъ какъ самые богатые пріиски давно уже разработаны, то крупныя, прежде разбогатѣвшія компаніи не идутъ сами въ это дѣло, а сдаютъ свои пріиски по частямъ мелкимъ арендаторамъ которые и ведутъ промыслы на свой страхъ и рискъ. — Часто золотопромышленники предоставляютъ отдѣльнымъ рабочимъ, или цѣлымъ артелямъ искать и добывать золото гдѣ угодно съ тѣмъ, что они берутъ у него инструменты и провизію и доставляютъ добытое золото за опредѣленную плату съ каждаго золотника. Это такъ называемые золотничные рабочіе.

Прежде чѣмъ добывать золото, нужно найти песокъ и затѣмъ подвезти его къ мѣсту разработки. Развѣдки дѣлаются посредствомъ глубокихъ, квадратныхъ, въ сажень шириною ямъ, наз. шурфами. Сверху обыкновенно лежитъ пустая порода, наз. торфомъ, а подъ нимъ слой золотоноснаго песку именуемый пластомъ. Пласты разработываются такимъ образомъ, что ихъ или прямо вскрываютъ, какъ это дѣлается лѣтомъ и весной, или зимой въ нихъ проводятъ горизонтальные ходы —орты, какъ ихъ называютъ, а если пластъ лежитъ очень глубоко разработку ведутъ шахтами. Орты кой-какъ закрѣпляются бревнами, чтобы не осыпалась земля. Узкіе тѣсные, залитые водою корридоры ортъ потолокъ которыхъ виситъ надъ самой головою, тускло освѣщенъ сальными огарками и тамъ, въ этомъ полумракѣ съ 3 час. утра и до 8 и позднѣе вечера пріисковые рабочіе долбятъ койлою плотный золотоносный пластъ. Нѣкоторые корридоры сильно осѣли подъ напоромъ верхнихъ пластовъ и въ нихъ едва держатся стойки. Опаснѣе работа лѣтомъ, когда земля отойдетъ; рыхлый песокъ нерѣдко обваливается и засыпаетъ рабочихъ. Изъ ортъ песокъ вывозятъ тачками, изъ шахтъ вынимаютъ бадьями, затѣмъ ссыпаютъ въ таратайки, а изъ нихъ въ такъ называемые отвалы, гдѣ песокъ и лежитъ до самаго лѣта, до начала промывки. Промывка можетъ производиться лѣтомъ, а разработка песковъ круглый годъ. Лѣтомъ пріискъ оживаетъ. Среди песчаныхъ холмовъ виднѣются темныя отверстія ортъ, тамъ и сямъ виднѣются пріисковые станы, юфельные и галечные отвалы, среди нихъ копошится рабочій людъ и далеко разносится неугомонный гулъ машины. Самая тяжолая работа осенью, въ дождливое и холодное время, когда работу начинаютъ и кончаютъ съ огнемъ. На всемъ протяженіи работъ горятъ тогда смоляные костры и факелы изъ березовой коры. Рабочіе, большею частью поселенцы, народъ безшабашный, почти поголовно пьяницы. Обманъ, воровство, пьянство, даже убійства въ тайгѣ явленія заурядныя. Весной часто случаются побѣги. Величайшее зло тайги—тайная торговля спиртомъ, строго воспрещаемая закономъ. Золотопромышленникамъ дозволяется имѣть его только въ ограниченномъ количествѣ для своей команды, но они дѣлаютъ изъ этого самую важную для себя доходную статью, выдавая спиртомъ задатки, скупая за спиртъ краденое золото и расплачиваясь имъ за работу. Иной заявляетъ, что будетъ разрабатывать завѣдомо бездоходный участокъ, а вмѣсто того открыто торгуетъ спиртомъ. Кромѣ того его везутъ въ тайгу тайкомъ, такъ называемые спиртоносы, съ наступленіемъ весны пробирающіеся къ пріискамъ по звѣринымъ дорожкамъ. Это настоящіе таежные контрабандисты-разбойники и ихъ очень побаиваются золотопромышленники, такъ какъ они за все расплачиваются поджогами, конокрадствомъ, а иногда и убійствомъ. Казаки иногда дѣлаютъ на нихъ облавы и въ горахъ тайги слышится тогда легкая перестрѣлка.

На каждомъ пріискѣ есть старые, дурно промытые пески, а также заброшенные орты съ порядочнымъ содержаніемъ золота. Въ свободное время рабочіе занимаются промывкой этихъ песковъ и добытое золото сдаютъ въ контору за особое вознагражденіе подъ названіемъ старательскаго. Но чаще всего это просто краденое золото. На сибирскихъ пріискахъ кража золота дѣло самое обыкновен-

ное и ни одинъ хозяинъ не гнушается покупать такой товаръ. Рабочихъ весьма привлекаетъ также подъемное золото—самородки, такъ какъ за нихъ платятъ отъ 2—3 руб. съ золотника. Такова въ общихъ чертахъ некрасивая жизнь, на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ, въ отдаленной сибирской тайгѣ. Пріисковый рабочій смотритъ на свой трудъ, какъ на трудъ каторжный, онъ пьяница, забулдыга, для него жизнь копейка, у него нѣтъ ни какой собственности, ни какой осѣдлости, онъ всегда забралъ впередъ, онъ всегда въ кабалѣ. Тяжелымъ, почти нечеловѣческимъ трудомъ онъ пріобрѣтаетъ право напиваться до безчувствія и жить всегда въ проголодь и кругомъ въ долгу. Пріисковый рабочій потерялъ образъ и подобіе человѣческое. Въ тайгѣ нѣтъ даже церкви и умершихъ хоронятъ безъ погребенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что жизнь на фабрикѣ или на заводѣ истинный рай по сравненію съ тѣмъ горемычнымъ существованіемъ, какое влачитъ рабочій на енисейскихъ золотыхъ пріискахъ.

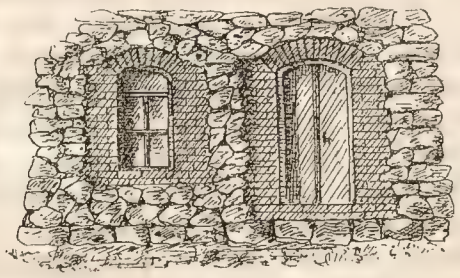
XIX.

О добываніи и обработкѣ подольскихъ строительныхъ матеріаловъ.

Е. Т. Покровскаго.

Выставлены были: карта подольскихъ ломовъ, планъ цементнаго завода, чертежи по добыванію и обработкѣ подольскаго мрамора и приготовленію романскаго цемента, образцы известняковъ подольскаго района и образцы цемента.

По сосѣдству съ г. Подольскомъ, Московской губерніи,—именно по берегамъ рѣкъ Пахры, Десны и Мочи,—давнымъ давно началось добываніе одного изъ подземныхъ русскихъ богатствъ—известковаго камня разныхъ сортовъ. Церкви въ с. Поливановѣ, Дубровицахъ, Еринѣ, Ознобишинѣ и друг. селахъ Подольскаго уѣзда и въ самомъ Подольскѣ выстроены, можно сказать, на половину изъ подольскаго мрамора. Старинные барскіе дома начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтій по р. Пахрѣ выстроены съ употребленіемъ мѣстнаго известняка и кирпича; известь для стройки была тоже подольская или изъ близкихъ къ тому мѣстностей. Въ крестьянскихъ постройкахъ во многихъ мѣстахъ также не обошлись безъ подольскаго бута;



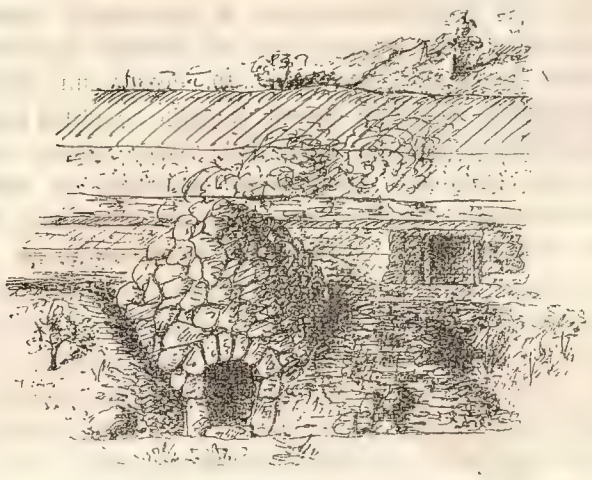
Фиг. 1.

изъ него очень часто дѣлаютъ фундаменты домовъ и невысокую каменную кладку съ добавкой кирпича въ перемычкахъ и съ боковъ оконныхъ и дверныхъ пролетовъ (фиг. 1); кладка идетъ гдѣ на глиняномъ, а гдѣ и на известковомъ и цементномъ растворѣ.

Слой известняка, служащаго для разработки строительныхъ матеріаловъ, тянется кругомъ Подольска подъ землей на огромное разстояніе, но онъ прикрытъ слоями земли и глины на большую толщину, а потому въ этихъ мѣстахъ до известняковъ дорыться трудно; только около Тулы (въ Ясенкахъ), Тарусы, Подольска, Мячкова и Коломны (Протопопово) известковые слои выступаютъ ближе къ поверхности земли. Здѣсь до нихъ добраться легче, да и рѣки (Пахра, Десна, Моча, Москва и Ока) давно обмыли и снесли верхніе прикрывающіе пласты, отчего камень и выступилъ наружу, или же прикрывается только небольшимъ слоемъ дерна. Даже въ сухихъ оврагахъ, гдѣ вода бѣжитъ только весною, да въ проливные дожди, известковый камень выходитъ съ боковъ оврага наружу. Вотъ такой то камень прежде и разработывался на известь; стоило снять съ камня небольшой слой земли и выламывать известковый бутъ. Только за крѣпкимъ строительнымъ камнемъ (цоколемъ и мраморомъ) нужно было рыться глубже въ берегъ оврага или рѣки.

Остатки прежнихъ, старинныхъ разработокъ и теперь замѣтны во многихъ мѣстахъ. По виду заброшенныхъ каменоломенъ и сейчасъ можно догадаться, какъ шла разработка матеріаловъ. Выбирали обыкновенно крутой берегъ оврага или рѣки, чтобы безъ большаго труда сбрасывать

внизъ мусоръ отъ раскопки; дорывшись до подходящаго матеріала, напр. известковаго бута (рыхлый бѣлый известнякъ), его выламывали и тутъ же, просушивъ камень немного, выкладывали изъ крупныхъ кусковъ въ разрытомъ берегу *подъ* и *очелокъ*, а по своду очелка загружали яму доверху (*напольная* или *горновая* печь, фиг. 2).



Фиг. 2.

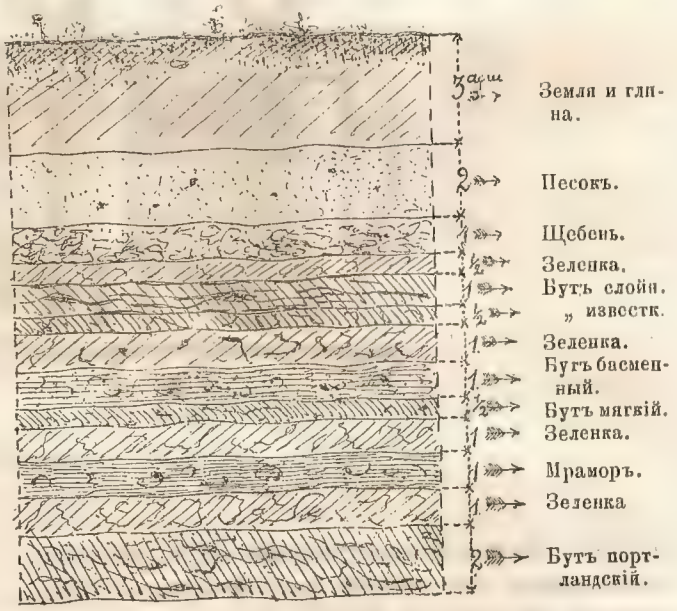
Болѣе мелкій камень шелъ на задѣлку пазухъ между крупными камнями. Внутри разводили костеръ, заслоняли его тоже камнемъ и продолжали обжигъ до тѣхъ поръ, покуда бутъ при пробѣ начнетъ сыпаться на мелкіе кусочки и порошокъ. Остудивши печь, разбирали ее опять по кускамъ и дѣлали сортировку извести: недожогъ оставляли до другого обжига, а пережогъ сбрасывали внизъ; туда же шелъ и вообще бракъ, т. е куски извести напр. съ глиною и пескомъ, которые отъ обжига дѣлались крѣпче и плохо разсыпались. Годный остатокъ извести (кипѣлки) спѣшили выбрать изъ горна, чтобы отъ дождя известь не погасилась и не обратилась въ мусоръ, негодный для строительнаго дѣла. Продолжая разрабатывать берегъ, выбирали и новое мѣсто для кладки горновой печи.

Известь обжигается и теперь, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ слой известковаго бута толще и разработка его выгоднѣе (близъ Коломны въ Протопоповѣ; въ Мячковѣ по р. Москвѣ; въ Ясенкахъ Тульской губерніи). Около Подольска осталось одно небольшое мѣсто, въ которомъ известь продолжаютъ разрабатывать,—это въ Троицкомъ по р. Мочѣ. Въ строительномъ дѣлѣ известь идетъ на приготовленіе тѣста, которое съ примѣсью до 3 частей песку по объему образуетъ *известковый растворъ* для кирпичной кладки.

Недавно, примѣрно съ 1883 г., вмѣсто извести во многихъ постройкахъ пошелъ въ ходъ русскій *портландскій цементъ*, а въ особенности—*романскій*. Въ сырыхъ и подземныхъ мѣстахъ каменной кладки, бутовой и кирпичной, романскій цементъ считается полезнымъ потому, что кладка на немъ не пропускаетъ сырости, а больше затвердѣваетъ отъ нея. Въ воздушной кладкѣ романскій цементъ еще болѣе употребителенъ, потому что онъ скоро схватываетъ; кладка выходитъ суше и обходится безъ вымораживанія. Растворъ романскаго цемента идетъ и въ штукатурку; разница въ растворѣ такая: для кладки идетъ $2^1/_2$ части песку (крупнаго и чистаго, безъ глины и земли) на 1 ч. цемента, а для штукатурки 3 ч. песку на 1 ч. цемента.

По случаю большаго спроса на цементъ, онъ приготовляется въ настоящее время въ большихъ количествахъ; кромѣ того для хорошаго приготовленія его нужны машины; поэтому понадобились *цементные заводы*; вырабатываютъ они преимущественно романскій цементъ

Этотъ полезный строительный матеріалъ приготовляется изъ особеннаго желтовато-зеленаго известняка, называемаго *зеленкой*; слой его довольно толстъ (до 1 арш.) и встрѣчается подъ землей 4 раза на глубинѣ 14 арш. (фиг. 3); онъ мягокъ и



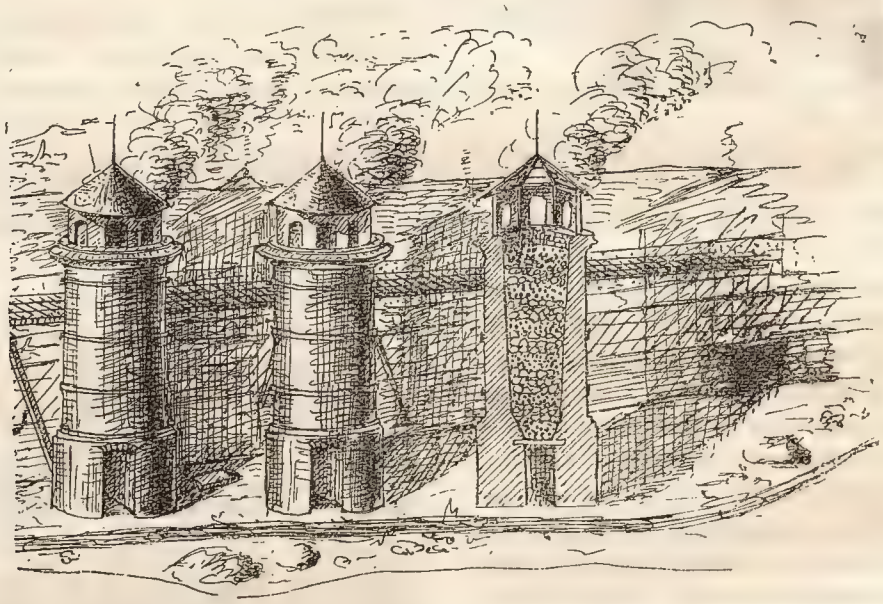
Фиг. 3. Примѣръ напластованія известняка въ Подольскомъ уѣздѣ (Моск. губ.)

потому легче другихъ выламывается съ своего мѣста. По большей части для устройства цементнаго завода известковую гору разрабатываютъ *сносомъ*, т. е. часть горы съ верхними землистыми пластами *сносятъ* внизъ, выбираютъ попадающійся камень и сортируютъ его; между прочимъ зеленка, разбивается на куски вершка въ $1^1/_2$ въ діаметрѣ, складывается въ низкіе (въ $1^1/_4$ арш.) штабеля и заблаговременно провѣтривается, потому что изъ подъ земли она выходитъ очень сырая. Часть берега разравнивается для укладки рельсовъ, для

установки обжигательныхъ печей и для вывоза матеріаловъ изъ-подъ горы наверхъ.

Обжигательная печь (фиг. 4) кладется изъ кирпича желѣзняка, круглой формы, арш. $4^1/_2$ въ поперечникѣ (внутри до 3 арш.) и аршинъ 12—15 высоты. Печь внизу имѣетъ пролетъ, надъ которымъ заложены рельсовые обрубки потребной длины почти сплошь, только бы кочерга проходила въ зазоры: это рѣшетка. На рѣшеткѣ раскладывается рядъ дровъ и по нимъ—каменный уголь слоемъ вершка въ $1^1/_2$ — $1^1/_4$. Заготовленная и сколько возможно просушенная зеленка накладывается на уголь тоже слоемъ вершка въ $1^1/_2$—2; такой чередъ идетъ до самаго верха печи. Внутренность печи сложена на глинѣ (книзу на огнеупорной, вверху на простой), а наружные ряды кирпича положены на известковомъ или цементномъ растворѣ. Снаружи печь круглая, цилиндрическая, внутри идетъ на конусъ, кверху шире; при такомъ устройствѣ печь закладывается плотнѣе, съ боковъ камень не отсѣдаетъ, жаръ снизу пронизываетъ нагрузку ровнѣе; кромѣ того нижніе слои лучше обжигаются, не сильно придавливаются. Чтобы печь не распирало давленіемъ нагрузки, ее обхватываютъ 3-мя, 4 мя желѣзными обручами (полосоваго желѣза въ $2^1/_2$ д. × $^1/_4$ д.). Если печь сложена и скрѣплена хорошо, то обжигъ зеленки можно вести безъ перерыва; на горящемъ углѣ первый слой обжигается, а верхніе постепенно подогрѣваются и подсушиваются. Обожженый нижній слой кочергою можно сбросить черезъ рѣшетку въ пролетъ и убрать, нагрузка осядетъ, а сверху можно подбавить новый слой угля и зеленки. Для того, чтобы заводъ дѣйствовалъ непрерывно, нужно нѣсколько печей,—и тѣмъ больше, чѣмъ заводъ больше (обыкновенно отъ 2-хъ до 6-ти) Каждая печь разгружается на $^1/_8$ примѣрно черезъ 2 часа.

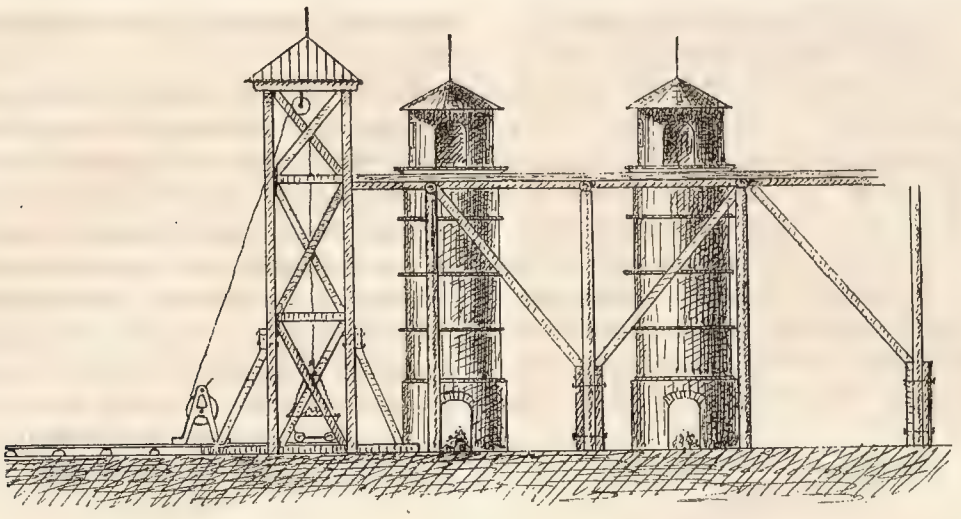
Верхушка печи прикрывается будочкой, тоже круглой или граненой, съ окнами для выпуска дыма и дверью для подвоза нагрузки. Обыкновенно подвозъ матеріала производится на тачкахъ, но устраиваютъ и подъемныя машины. Въ концѣ ряда печей устанавливаются 4 прочныхъ бруса, схваченныхъ раскосами (фиг. 5); между брусьями пролетъ до самаго верха, а на верху на балкѣ укрѣпляется большой блокъ, черезъ который перекидывается желѣзная цѣпь. Къ тому мѣсту, гдѣ устроенъ подъемъ, проложены рельсы; по нимъ рабочіе подкатываютъ вагончикъ съ зеленкой, вѣсомъ пудовъ 6—7; вагончикъ захватывается за



Фиг. 4

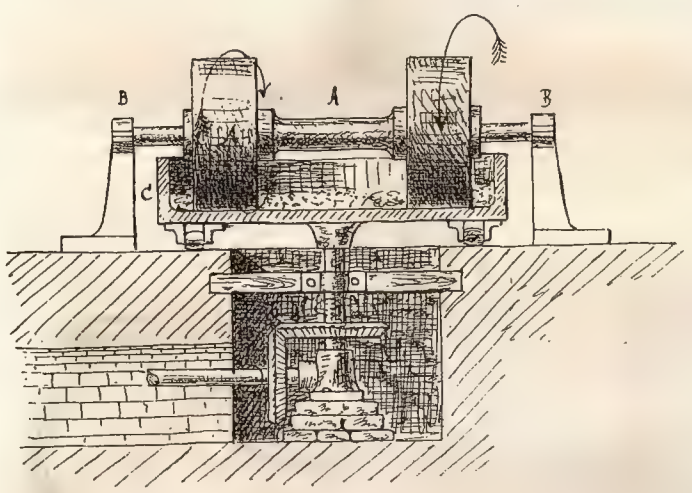
крючья однимъ концомъ цѣпи, а другой конецъ наматывается на валъ (барабанъ) лебедки, помощью которой грузъ медленно поднимается до верхушки крайней печи. Тамъ вагончикъ снимается съ цѣпи и по рельсамъ подводится къ той печи, которую нужно добавить; тѣмъ же путемъ пустой вагончикъ подается внизъ. Уголь для обжига подвозится чаще сверху, прямо на тачкахъ.

Для приготовленія романскаго цемента къ обожженной зеленкѣ передъ ея размоломъ прибавляютъ примѣрно $^1/_4$ по вѣсу кирпичнаго боя; если же его подъ руками нѣтъ (т. е. если заводъ не занимается приготовленіемъ кирпича), то приготовляются изъ глины и песку куски неправильной формы, которые подсушиваются на воздухѣ и закладываются потомъ въ печи вмѣстѣ съ зеленкой.



Фиг. 5.

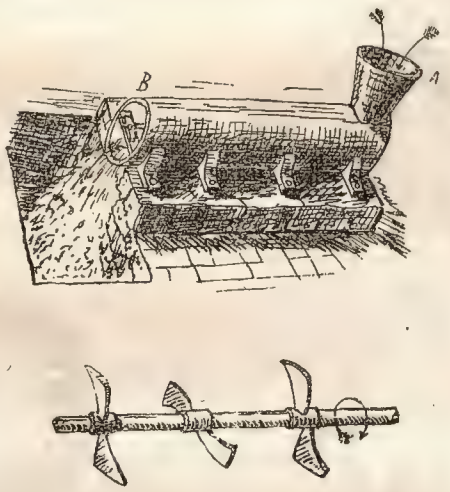
Обожженная зеленка съ сказанной прибавкой кирпича подвергается измельченію. Для этого служатъ прежде всего чугунные или каменные бѣгуны (вродѣ жернововъ, поставленныхъ бокомъ; называются иногда „медвѣдями“). Коническая шестерня *a* (фиг. 6), движущаяся отъ паровой машины, зацѣпляется съ другой шестерней *b*; отъ нея вращается тарелка *c*, на которую кладутъ зеленку и которая подводитъ ее подъ бѣгуны. Каждый бѣгунъ плотно насаженъ на ось *A* (а если бѣгунъ чугунный, то вмѣстѣ съ осью и отливается), уставленную въ подшипникахъ *B*; съ этой осью и вращаются бѣгуны, когда тарелка подводитъ къ нимъ зеленку. Для лучшаго размельченія зеленку помѣшиваютъ.



Фиг. 6.

Когда куски зеленки и кирпича раздавлены и немного растерты бѣгунами, въ тарелкѣ отодвигаютъ боковую задвижку, и порошокъ поступаетъ въ *дробилку* (фиг. 7).

Дробилка представляетъ чугунный лежачій барабанъ около 14 вершк. въ діаметрѣ и въ 2½ арш. длины; въ днахъ барабана устроены подшипники, а въ нихъ вращается валъ съ чугунными винтовыми лопатками или крыльями; при быстромъ вращеніи вала (оборотовъ до 200 въ минуту) крылья подхватываютъ куски зеленки и отбрасываютъ ихъ къ стѣнкамъ, объ которыя они съ силою ударяются и раздробляются. Въ воронку *A* поступаетъ зеленка съ тарелки, а черезъ конецъ *B* она высыпается въ ямку, устроенную ниже барабана, глубиною вершковъ до 8—10.



Фиг. 7.

Есть дробилки, дѣйствующія еще успѣшнѣе. На фиг. 8 представлена дробилка, гдѣ барабанъ короткій, вершка въ 3½, но за то діаметръ его до 1½ аршина; въ такомъ барабанѣ и крылья длиннѣе вершковъ на 8—10. Валъ съ крыльями вращается со скоростью до 1500 оборотовъ въ минуту, и потому ударъ отъ нихъ получается очень сильный. Засыпка зеленки происходитъ черезъ ящикъ *C*, а выходъ ея послѣ раздробленія—черезъ два рукава *D* и *D*. (Фиг. 8). Изъ рукавовъ дробилки цементъ падаетъ, какъ сказано, въ ямку; изъ нея онъ вы-

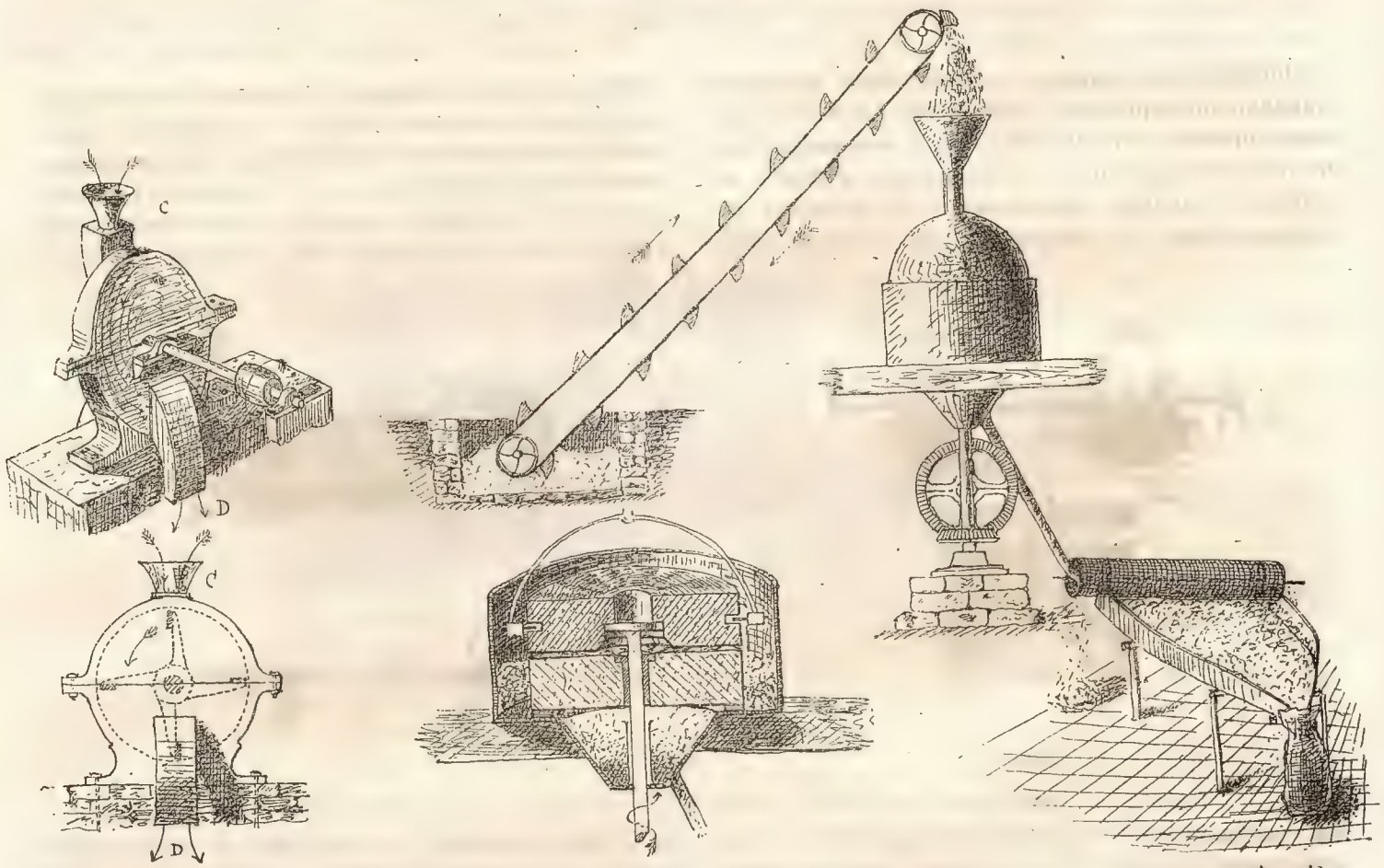
черпывается особыми желѣзными ковшами, посаженными на широкомъ ремнѣ, перекинутомъ черезъ два шкива *C* и *D* (фиг. 9). Ковши медленно опускаются, зачерпываютъ каждый фунта 3—4 и, дойдя до верха, опрокидываются, высыпая цементъ на наклонную доску съ закраинами, по которой онъ направляется въ трубу мельницы (фиг. 10).

Мельница располагается на высотѣ аршинъ до 4-хъ отъ пола, на прочныхъ балкахъ; сквозь верхній жерновъ входитъ цементъ, падающій изъ ковшей, и на нижнемъ намелко размалывается; остаются не размолотыми только мелкіе кусочки кирпича и кремня.

счетѣ на распылъ цемента при его перевозкѣ на склады.

Другіе весьма употребительные подольскіе матеріалы суть *ступени* и *лещадь*. Добываютъ для нихъ брусья изъ *мраморнаго* слоя, лежащаго на глубинѣ отъ 12 до 20 аршинъ. Если работа идетъ сносомъ, т. е. разрабатывается почти всякій слой, то послѣ нѣсколькихъ слоевъ бута и зеленки дѣло доходитъ и до мрамора. Мраморный слой достигаетъ $1^1/_2$ аршина толщины, но имѣетъ отъ природы трещины, а иногда получаетъ ихъ отъ разработки; смотря по формѣ кусковъ изъ нихъ и выдѣлываются или ступени, или лещадь.

Фиг. 9.



Фиг. 8.

Фиг. 10.

Фиг. 11.

Изъ-подъ жернововъ по воронкѣ цементъ идетъ въ барабанъ, обтянутый частой мѣдною сѣткой (фиг. 11). При медленномъ вращеніи барабана — сквозь сѣтку его просѣвается только цементъ, а осѣвки выпадаютъ черезъ дны барабана на полъ и по мѣрѣ накопленія выбрасываются. Черезъ сѣтку барабана цементъ падаетъ на наклонный деревянный щитъ, по которому бѣжитъ къ послѣдней воронкѣ; черезъ нее онъ наконецъ насыпается прямо въ мѣшки (вѣсомъ около 6 п. 6 ф.); привѣсъ въ 5—6 фунтовъ на мѣшокъ дѣлается въ раз-

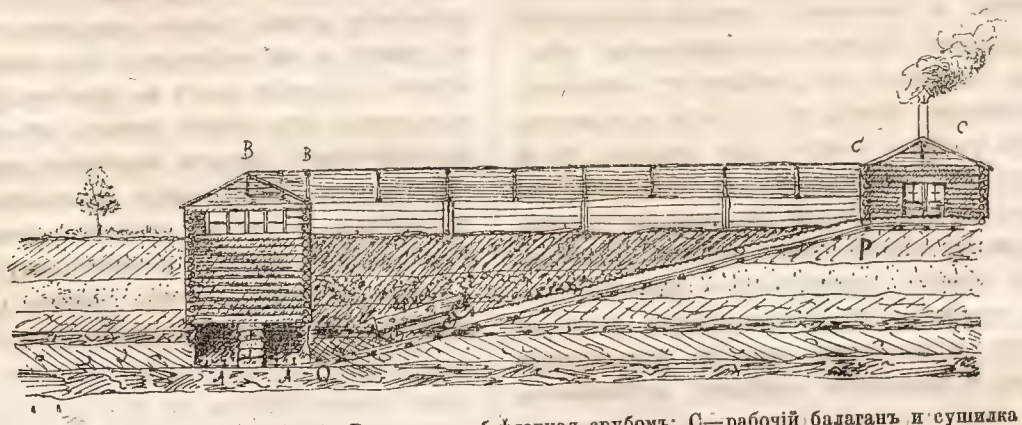
Въ нѣкоторыхъ каменоломняхъ добываютъ только мраморъ, а остальными слоями пренебрегаютъ; тогда сносятъ часть горы, чтобы опредѣлить положеніе слоя мрамора, и на этой глубинѣ начинаютъ работу *подходомъ* посредствомъ галлерей („рвовъ", какъ ихъ называютъ на мѣстѣ). Надъ слоемъ мрамора (басмой) вырубаютъ *балдой* (онъ же *клевецъ*) болѣе мягкій слой (дуревой); (фиг. 12) тѣмъ же инструментомъ проходятъ съ боковъ, такъ чтобы былъ свободный проходъ для человѣка. Когда это сдѣлано, тогда кусокъ размѣчаютъ на

брусья. По чертѣ дѣлаютъ нѣсколько углубленій (желной, пазникомъ), закладываютъ въ нихъ клинья, обыкновенно изъ бандажной стали, и бьютъ по нимъ кувалдой (до 20 ф. вѣсомъ), такъ что брусъ отсѣдаетъ отъ куска; тогда его поднимаютъ ломомъ и вывозятъ изъ галлереи. Когда намѣченный кусокъ весь раздѣланъ на брусья, до дна галлереи, идутъ дальше тѣмъ же порядкомъ. Обыкновенно вынутое мѣсто имѣетъ ширину аршинъ до 5—6, но для подпоры верха („потолка“) его закладываютъ съ боковъ кусками бута, такъ что галлерея послѣ заборки имѣетъ до $2^1/_4$ арш. ширины. Въ болѣе опасныхъ мѣстахъ (подъ трещинами потолка) дѣлаются еще деревянныя опоры изъ лежней на деревянныхъ стоякахъ.

Съ теченіемъ времени галлерея уходитъ въ гору все дальше и дальше и въ старыхъ каменоломняхъ идетъ по прямому направленію саж. на 100 и болѣе; отъ этой главной галлереи въ боковыя стороны идутъ вѣтви, которыя соединяются съ другими главными (прямыми) галлереями, а ихъ можетъ быть 4, 5, 6 и т. д. Подпора потолка и устройство нѣсколькихъ выходовъ обязательны. Работу внутри галлерей производятъ „*ровщики*“; для освѣщенія они употребляютъ небольшія керосиновыя лампочки. Внутри галлерей всегда сыро, такъ что съ „потолка“ падаютъ капли воды

Вывозъ брусьевъ дѣлается на простыхъ плоскихъ и низенькихъ телѣжкахъ, съ желѣзными осями и чугунными колесами; на осяхъ положена настилка изъ толстыхъ брусковъ или досокъ. Къ крючку телѣжки припрягается одна лошадь; больше припрягать нѣтъ нужды, потому что: 1) одна лошадь можетъ вывезти и очень большой брусъ, такъ какъ чугунныя колеса катятся по ровному каменному полу; 2) управляться въ тѣсной галлереѣ и съ одной лошадью нелегко, наконецъ 3) для пары напр лошадей понадобилась бы галлерея въ полтора раза шире, а это дѣлаетъ галлерею гораздо опаснѣе въ отношеніи обваловъ.

Фиг. 12. A—входъ въ галлерею; B,B,B—деревянныя подпоры потолка; C—рабочій балаганъ и сушилка для мрамора.



Фиг. 13. A, A—галлереи (рвы); B—шахта, обдѣланная срубомъ; C—рабочій балаганъ и сушилка для мрамора. B_1C_1—покрытіе спуска въ шахту; OP—рельсовый путь.

Существуютъ каменоломни (карьеры. приломы и на совершенно ровномъ мѣстѣ (фиг. 13). Тогда приходится углубляться въ землю сначала широкой шахтой (арш. 10 въ квадратѣ) глубиною въ 12—15 аршинъ, а потомъ идти рвами. Шахта обдѣлывается дубовымъ (вообще прочнымъ, долговѣчнымъ) срубомъ и покрывается крышей. Вывозка матеріала происходитъ по рельсамъ при помощи ворота; по рельсамъ же товаръ развозится по рабочимъ помѣщеніямъ и между прочимъ, по порядку работы, попадаетъ въ *пильную*.

Изъ бруса распилкой можно получить двѣ ступени или 2—3 подоконка; лещадей выходитъ тоже 2 или 3 штуки. Распилка бруса на ступени про-

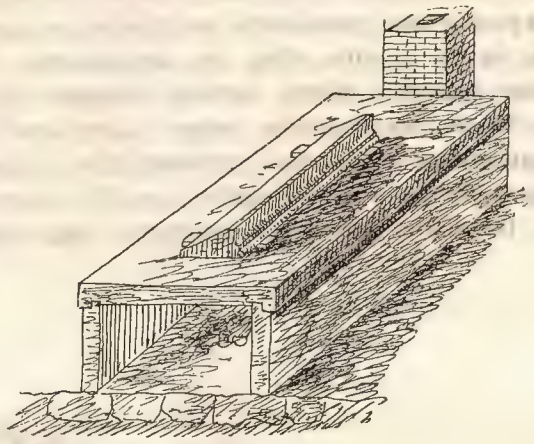
исходитъ вдоль наискосъ, т. е. съ угла на уголъ; пилою служитъ стальное полотно разной длины, смотря по длинѣ бруса, шириною вершка въ $1^1/_2$ и толщиною около $^1/_{32}$ вершка. Полотно заправляется въ тяжелый деревянный станокъ, который на веревкѣ подвѣшивается къ балкѣ рабочаго балагана; станокъ уравновѣшивается камнемъ, привѣшеннымъ къ свободному концу веревки; иногда этотъ конецъ находится подъ рукою пильщика и отпускается по мѣрѣ того, какъ пила углубляется въ распиливаемый брусъ. Для установки пилы по брусу—на немъ намѣчаютъ линію и прорубаютъ неглубокую прямую бороздку, а по обѣимъ ея сторонамъ насыпаютъ валики крупнаго рѣчнаго песку, немного смоченнаго водою. Начиная двигать пильный станокъ, рабочій смачиваетъ песокъ еще мокрой мочальной кисточкой; песокъ попадаетъ между полосой и боками и дномъ паза и постепенно растираетъ камень. Не доходя пилой до конца разрѣза на $^1/_2$ вершка, камень можно уже разломить помощью небольшаго клина. Распилка брусьевъ на подоконки и лещадь происходитъ точно также, только пильный станокъ приходится наклонять вправо, чтобы стрѣлка станка миновала брусъ.

Распиленные бруски и лещади нужно оформить и отдѣлать. Начнемъ со ступеней Большія неровности на площадкѣ ихъ скалываются балдой, потомъ круглыми и плоскими долотами („шпунтами“), потомъ *зубаткой* и наконецъ *киркой*; повѣряется эта работа планкою. Потомъ отдѣлывается залобокъ (передъ ступени) по желѣзному шаблону. Подоконки (длинныя плиты въ $1^1/_4$ вер. толщиною) и лещади (квадратныя плиты для половъ, по 1 арш. въ квадратѣ) вывѣряются и обтесываются тѣмъ же порядкомъ, но болѣе легкими инструментами и во всякомъ случаѣ болѣе легкими ударами.

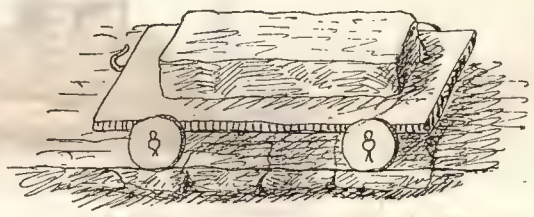
Обтесанный товаръ подвергается шлифовкѣ, т. е. отдѣлкѣ. Она производится посредствомъ того же рѣчнаго песку; шлифуемая сторона посыпается имъ и затѣмъ сглаживаніе рубцовъ достигается тѣмъ, что по этой сторонѣ водятъ взадъ и впередъ тяжелой чугунной гладилкой; повѣрка производится тоже планкой, какъ и при тескѣ, хотя опытный шлифовальщикъ обходится и безъ нея и только внимательно слѣдитъ за изчезновеніемъ рубцовъ, чтобы не стереть лишняго.

Шлифовка фигурныхъ выступовъ по краямъ ступеней и подоконковъ дѣлается посредствомъ чугунныхъ или желѣзныхъ терокъ, сдѣланныхъ приспособительно къ формѣ фигурныхъ выступовъ.

Отдѣланный товаръ требуется высушить отчасти для облегченія перевозки, отчасти для безопасности доставки его. Дѣло въ томъ, что 1) высушенный товаръ (въ особенности это важно для подоконковъ и лещади) крѣпче, не такъ ломокъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ и 2) сырой товаръ можетъ значительно пострадать отъ мороза. Сушка можетъ происходить и на воздухѣ, на солнцѣ, но только лѣтомъ; въ остальное же время товаръ необходимо сушить искусственно. Для этого устраиваютъ чугунныя плиты, фиг. 14, подъ которыми и



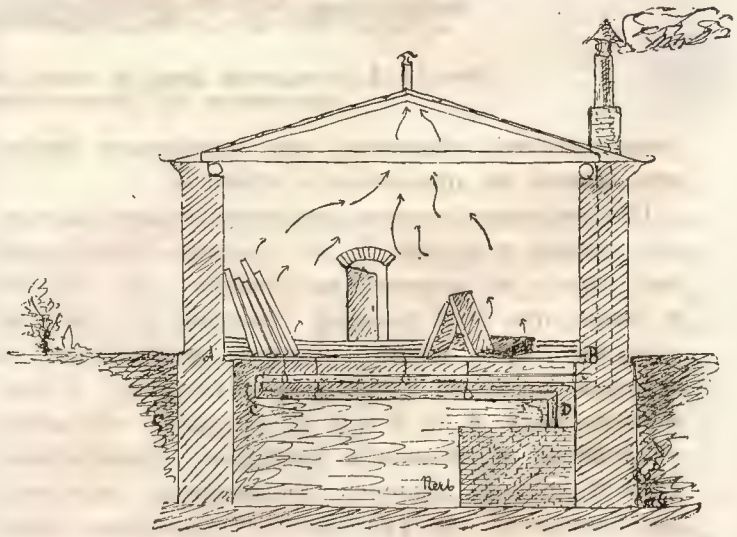
Фиг. 14.



См. выше.

разводятъ огонь; товаръ кладется однако не прямо на плиту, а на небольшія, уже высушенныя подкладки. Способъ этотъ не совсѣмъ удобенъ въ томъ отношеніи, что сырой товаръ отъ сильнаго нагрѣва разрываетъ иногда водянымъ паромъ; для предупрежденія этого товаръ приходится часто переворачивать, а это не особенно легко дѣлать, такъ какъ бываютъ ступени по нѣсколько пудовъ вѣсомъ.

Болѣе удобна и спора сушка по слѣдующему способу. Для сушки устраивается особое помѣще-



Фиг. 15. Сушилка для мрамора, съ рельсовымъ настиломъ и съ вытяжкой паровъ. AB—рельсъ; CD—желѣзныя трубы.

ніе и въ подвальномъ этажѣ его устанавливается простая печь, отъ которой идетъ широкая (вершковъ до 5-ти) желѣзная дымовая труба съ нѣсколькими поворотами; послѣдній конецъ трубы идетъ въ стѣнной дымоходъ, откуда дымъ окончательно и выходитъ наружу. Надъ трубами идетъ настилъ изъ рельсовъ, задѣланныхъ концами въ стѣны; на рельсахъ и устанавливается отдѣланный товаръ. Паръ изъ сушилки выходитъ посредствомъ деревянной трубы, вдѣланной въ потолкѣ и выходящей на крышу. Въ сушилкѣ съ одной печью, величиною съ хорошую русскую печь, высушивается въ двое сутокъ около 150 аршинъ ступеней; лещадь и подоконки сохнутъ скорѣе, такъ какъ они гораздо тоньше.

Изготовленный товаръ, при употребленіи въ дѣло, подвергается иногда и болѣе тщательной, щегольской отдѣлкѣ (полировкѣ и окраскѣ), но эти работы относятся уже къ строительному искусству, такъ что разсказъ о добываніи и обработкѣ можно считать на этомъ оконченнымъ.

XX.

Школьные столы.

Я. Я. Никитинскаго.

Были выставлены: столъ неправильнаго устройства, столъ проф. Эрисмана, столъ универсальный Московскаго Коммиссаровскаго Техническаго Училища, рисунки неправильной посадки за школьнымъ столомъ, коллекція по исторіи школьной мебели, образцы шрифта таблицы Снеллера № 6, скелетъ человѣка.

„Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ“, говоритъ древнее мудрое изрѣченіе, поэтому школа, воспитывающая духъ человѣка, должна обращать также большое вниманіе и на тѣло. Она должна стараться не только не мѣшать укрѣпляться дѣтскому тѣлу, но всѣми мѣрами способствовать правильному его развитію. Поэтому все въ ней должно быть приспособлено такъ, чтобы какъ нибудь не повредить здоровью учащагося. Извѣстно, напр., что спертый, нечистый воздухъ вредитъ здоровью, и потому тѣ комнаты, гдѣ дѣти учатся, т. е. классы, слѣдуетъ провѣтривать, но и это дѣлать такъ, чтобы дѣти не простудились. Извѣстно также, что сидячая жизнь, вредная для взрослыхъ, еще болѣе вредна для дѣтей, поэтому въ школѣ ученье должно прерываться промежутками, во время которыхъ дѣти могли бы размять уставшее тѣло, и т. д.

Если сидячая жизнь вредна вообще, то еще вреднѣе сидѣть неправильно, а потому школа должна озаботиться имѣть такую мебель, такія скамьи и столы, которые давали бы возможность или даже заставляли дѣтей сидѣть правильно.

Посмотримъ, какой вредъ можетъ принести неправильно устроенная скамья и какъ сдѣлать хорошую школьную мебель.

Въ школѣ болѣе всего затрудняются глаза учениковъ; читаютъ ли они, пишутъ ли, смотрятъ ли географическія карты, рисуютъ ли—всегда и прежде всего приходится „держать глазъ остро“, напрягать зрѣніе. Чѣмъ хуже освѣщенъ классъ, чѣмъ мельче шрифтъ въ книгахъ, чѣмъ мельче пишутъ ученики, чѣмъ неправильнѣе устроена скамья, тѣмъ болѣе устаютъ у нихъ глаза во время учебныхъ занятій, а это ведетъ за собою очень вредныя послѣдствія.

Кто не знаетъ близорукихъ, которые на самомъ недалекомъ разстояніи уже ничего не видятъ; они должны подойти къ предмету очень близко, чтобы его разобрать; напр., человѣка они могутъ узнать на разстояніи какихъ нибудь 2—3 аршинъ, между тѣмъ какъ при неиспорченномъ зрѣніи, человѣка можно отличить отъ другихъ на разстояніи многихъ сажень. Близорукій человѣкъ—что сильно глуховатый; онъ невидитъ съ одного конца комнаты то, что дѣлается на другомъ, къ нему вполнѣ примѣняется, что онъ „дальше своего носа ничего не видитъ“. Въ деревнѣ, гдѣ человѣку есть куда посмотрѣть, гдѣ кругомъ открывается видъ, люди обладаютъ значительной остротой зрѣнія; въ городѣ, гдѣ зрѣніе постоянно стѣснено громоздящимися другъ около друга домами, жители не пріучаются видѣть такъ далеко, какъ въ деревнѣ. Наконецъ продолжительныя занятія съ книгами и письмомъ, при плохомъ устройствѣ класса и мебели въ немъ, еще болѣе уменьшаютъ остроту зрѣнія, и потому среди учащихся мы найдемъ много близорукихъ.

Нѣмецкій ученый Конъ изслѣдовалъ 10,000 учениковъ разныхъ училищъ и нашелъ между ними 1000 близорукихъ, т. е. изъ каждыхъ 10 учениковъ одного близорукаго. Этотъ же ученый доказалъ, что въ деревенскихъ школахъ очень мало близо-

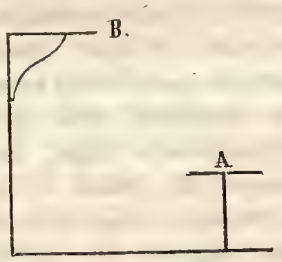
рукихъ, а въ городскихъ школахъ близорукихъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе они учатся. Такъ, въ народныхъ школахъ ихъ немного, въ гимназіяхъ ихъ много больше, а въ университетахъ еще больше. Кромѣ того даже въ одной и той же школѣ замѣтно, что по мѣрѣ обученія ученики дѣлаются болѣе и болѣе близорукими; такъ, въ гимназіяхъ найдено въ первомъ классѣ изъ 10 одинъ близорукій, а въ 6 классѣ изъ 10 пять, т, е. половина учениковъ 6 класса близоруки. Въ университетахъ число близорукихъ на 10 студентовъ доходитъ до 6. Отсюда ясно, какъ вредно вліяетъ школа на глаза, и понятно, что она должна позаботиться объ устраненіи этого вреда.

Близорукость находится безъ труда. Передъ вами крупныя печатныя буквы. Если кто буквы такой величины не можетъ свободно читать на разстояніи 8½ аршинъ, тотъ близорукъ.

Неправильное устройство школьной мебели не мало способствуетъ увеличенію близорукости среди учениковъ.

Кромѣ близорукости оно способствуетъ неправильному росту ребенка, именно искривленію позвоночника. Если обратите вниманіе на скелетъ человѣка, т. е. на его кости, то увидите, что сверху внизъ, ближе къ задней сторонѣ тѣла, тянется позвоночникъ, который весь состоитъ изъ отдѣльныхъ позвонковъ; онъ поддерживаетъ голову, грудь и брюшную часть тѣла. У правильно развитаго человѣка онъ идетъ прямо и изгибается лишь очень немного, но при неправильной школьной мебели онъ изгибается значительно, образуя сутуловатость и искривленіе въ бокъ.

Передъ нами неправильно устроенная классная мебель (фиг. 1) Скамья ея *A* отстоитъ далеко отъ



Фиг. 1.

стола, а столъ *B* слишкомъ высокъ по сравненію съ скамьей и не наклоненъ въ сторону сидящаго на скамьѣ. Такое устройство скамьи ведетъ къ близорукости и искривленію позвоночника. Пишущій за этимъ столомъ сначала наклоняетъ голову впередъ и налѣво, опуская и наклоняя влѣво шейную часть позвоночника, потомъ нагибаетъ впередъ и верхнюю часть груди, причемъ лопатки выпячиваются назадъ. Наконецъ, когда пишущій дойдетъ до нижнихъ строкъ на листѣ тетради, онъ опирается только на лѣвый локоть и искривляетъ весь позвоночникъ. При этомъ глаза очень приближены къ тетради и сильно скошены направо.

Какъ же надо устраивать классную мебель, чтобы она не вредила здоровью учащихся?

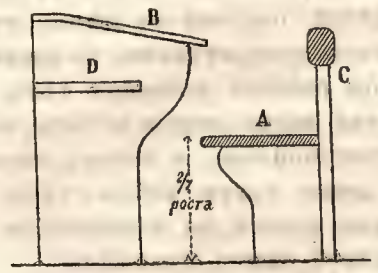
Прежде всего понятно, что нельзя взрослаго ученика посадить за столъ, сдѣланный для малорослаго; такой столъ крайне стѣснитъ его; нельзя также ребенка усадить за столъ, пригодный для взрослаго; а потому величина школьной мебели должна сообразоваться съ ростомъ учениковъ; по мѣрѣ того какъ они ростутъ, они должны занимать мебель все большихъ и большихъ размѣровъ.

Въ послѣднее время, для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, напр., въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и пр., т. е. для возраста отъ 10 до 19 лѣтъ или для роста отъ 1½ до 2½ ар. и нѣсколько выше, школьная мебель дѣлается семи величинъ, такъ что есть возможность для каждаго ученика подобрать подходящую къ его возрасту мебель. Это сразу уже значительно улучшаетъ дѣло: сидящему за скамьей не приходится ни тянуться, ни скорчиваться, ни стѣсняться.

Но еще мало подобрать мебель по росту,—надо, чтобы она была правильно устроена.

Передъ вами собраніе моделей классной мебели, изобрѣтенной разными лицами, въ количествѣ 20 штукъ; кромѣ того есть еще много другихъ школьныхъ скамей, которыя пока не сдѣланы Музеемъ въ видѣ моделей. Изъ многочисленности этихъ образцовъ вы можете видѣть, что правильнымъ устройствомъ школьныхъ скамей занимались много, но дѣйствительно хорошую мебель начали строить только въ послѣднее время.

Въ школьной мебели надо различать (фиг. 2)

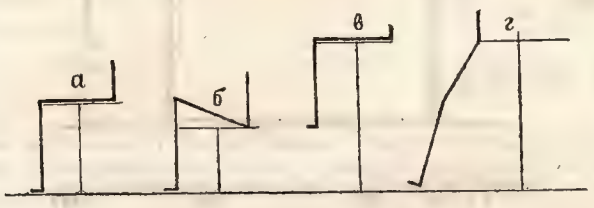


Фиг. 2.

скамью A, на которой ученикъ сидитъ, и столъ B, на которомъ онъ пишетъ и читаетъ.

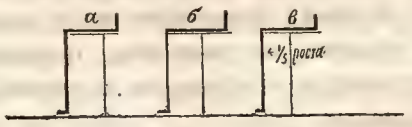
Скамья состоитъ изъ сидѣнья A и спинки C. Сидѣнье должно быть на такой высотѣ, чтобы подошвы стояли на полу или на особой подножкѣ, а бедренный и колѣнный суставы были согнуты

подъ прямымъ угломъ (фиг. 3 а). Поэтому сидѣнье скамьи должно находиться надъ поломъ или подножкою, если она есть на, $^2/_7$ роста ученика, напр. если ростъ ученика 2 ар или 32 вершка, то высота скамьи отъ пола должна быть нѣсколько болѣе 9 вершковъ. Если сдѣлать сидѣнье скамьи ниже (фиг. 3 б), то ноги въ колѣнномъ и бедренномъ суставѣ сильно согнутся и произведутъ застой крови въ ногахъ, если же сидѣнье сдѣлано слишкомъ высоко, то или ноги будутъ висѣть безъ опоры (фиг. 3 в), или приходится, уперевъ ноги въ полъ, слишкомъ прижимать къ сидѣнью бедра (фиг. 3 г).



Фиг. 3.

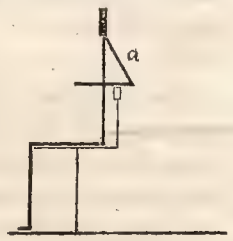
Глубина сидѣнья также должна быть правильна. Если оно слишкомъ мало, то бедра легко съѣзжаютъ со скамьи (фиг. 4 а); если она, наоборотъ, слишкомъ велика, то передній край сидѣнья плотно упирается въ подколѣнье (фиг. 4 б) и производитъ



Фиг. 4.

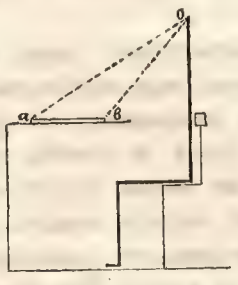
застой крови. Глубину сидѣнья поэтому слѣдуетъ дѣлать такъ (фиг. 4 в), чтобы между подколѣньемъ и переднимъ краемъ сидѣнья оставалось небольшое разстояніе. Вообще глубина сидѣнья дѣлается около $^1/_5$ роста ученика; слѣдовательно, если ученикъ 2-аршиннаго или 32-вершковаго роста, то глубина скамьи достигаетъ 6½ вершковъ.

Правильное устройство спинки имѣетъ также очень важное значеніе въ скамьѣ. Если сдѣлать спинку очень высокою, то она крайне стѣсняетъ ученика и какъ бы наклоняетъ его впередъ; поэтому теперь чаще устраиваются спинки поясничныя (фиг. 5), т. е. подпирающія поясницу и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы можно было на спинку эту положить локти (а) и при этомъ выдвинуть впередъ грудь; это движеніе очень полезно при сидячей работѣ.

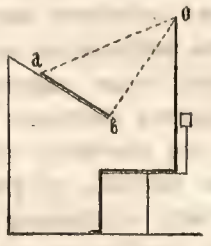


Фиг. 5.

Переходя къ устройству стола, прежде всего укажемъ на положеніе его доски. Если сидѣть за обыкновеннымъ ненаклоненнымъ столомъ и смотрѣть на буквы въ книгѣ или тетради (аб фиг. 6), то нижнія строки будутъ видны лучше, яснѣе, а верхнія хуже; поэтому приходится читающему или пишущему сгибаться надъ столомъ.



Фиг. 6.

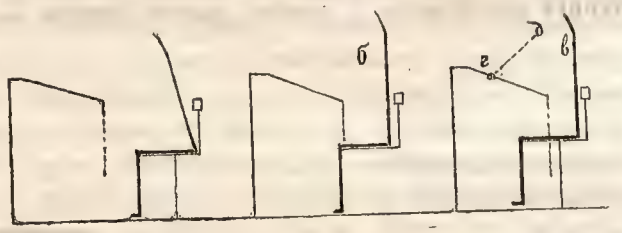


Фиг. 7.

Всего лучше для глаза было бы сильно наклонить доску стола, при этомъ верхъ и низъ тетради или книги были бы почти на одномъ разстояніи (ао и ов, фиг. 7) отъ глаза, но сильный наклонъ стола не удобенъ, потому что все, положенное на столѣ, скатывалось бы съ него, а при письмѣ чернила плохо стекали бы съ пера и рука принимала бы сильно согнутое положеніе. Поэтому наклонъ дѣлается небольшой и притомъ въ верхней части конторка оставляется не наклоненною (фиг. 2); здѣсь помѣщается чернильница и кладутся перья, карандаши и пр. Подъ доской стола устраивается полка для книгъ, тетрадей и пр. (фиг. 2, D).

Розобравъ отдѣльно скамью и столъ, посмотримъ, какъ близко надо ставить столъ къ скамьѣ и какъ высоко доска стола должна находиться надъ сидѣньемъ. Конторка должна быть столь близко къ туловищу, чтобы ученикамъ не нужно было приближать къ ней глаза, наклоняя туловище, шею и голову. Нужно по возможности стараться, чтобы туловище и шея оставались отвѣсными.

Этого нельзя достигнуть, если лавка отстоитъ отъ стола на большое разстояніе (*а*, фиг. 8),

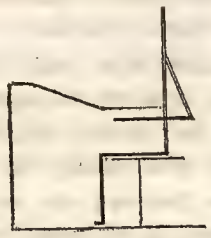


Фиг. 8.

трудно, если край скамьи лежитъ подъ краемъ стола (*б*), но легко достигнуть, если край стола свѣшивается надъ скамьею (*в*). Въ наилучшихъ скамьяхъ такъ и дѣлается: столъ перекрываетъ скамью, но не болѣе какъ 1 вершокъ. При этомъ ученику сидѣть и писать очень удобно, но ему нельзя вставать при устныхъ отвѣтахъ учителю. Для

вставанья передняя часть (*гд*) конторки придѣлывается на петляхъ и дѣлается подвижною, такъ что ученикъ при вставаньи поднимаетъ эту часть доски стола.

Намъ остается еще разсмотрѣть, какъ высоко должна находиться конторка надъ сидѣньемъ. Если сдѣлать столъ слишкомъ высокимъ, то ученику приходится тянуться къ столу и висѣть туловищемъ на плечахъ; если же столъ будетъ сравнительно низокъ, то ученикъ будетъ лежать грудью на столѣ, сгибаться и искривлять позвоночникъ, чтобы приблизить глаза къ столу. Для того чтобы опредѣлить разстояніе стола надъ скамью, на скамью садятъ ученика (фиг. 9) и заставляютъ

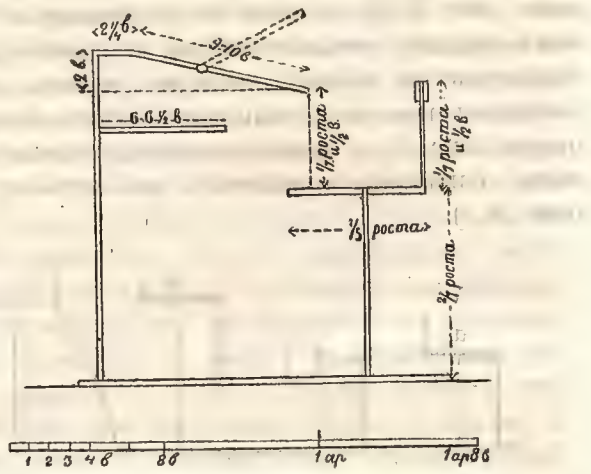


Фиг. 9.

его согнуть руки въ локтяхъ, мѣряютъ разстояніе локтя отъ сидѣнья и къ этой величинѣ прибавляется еще $^3/_4$—1 вершокъ. Считаютъ только, что высота стола надъ сидѣньемъ равна $^1/_7$ части роста ученика, сложенной съ $^1/_2$ вершкомъ; если напр. ростъ ученика $1^3/_4$ ар., т. 28 вершковъ, то высота стола надъ скамьею равна $\frac{28}{7}+{}^1/_2=4^1/_2$ вершка.

И такъ, теперь мы знаемъ всѣ главные размѣры правильно устроенной школьной мебели и можемъ быть вполнѣ увѣренными, что такая мебель не будетъ приносить вреда ученику (фиг. 10).

Мы видимъ, что всѣ главные размѣры школьной мебели зависятъ отъ роста ученика; такъ, высота сидѣнья надъ поломъ равна $^2/_7$ роста, глубина сидѣнья достигаетъ $^1/_5$ роста, высота спинки надъ скамьею и грудного края стола надъ тою же скамьею равны $^1/_7$ роста, увеличенной $^1/_2$ вершкомъ; поэтому, по мѣрѣ того, какъ ученикъ ростетъ, его надо сажать за болѣе и болѣе крупную мебель.



Фиг. 10.

Въ школѣ это удобно дѣлать, потому что тамъ учениковъ много; совсѣмъ другое дѣло, если желаютъ, чтобы ученикъ и дома, въ семьѣ, сидѣлъ правильно. Если ребенокъ одинъ, то ему почти что каждый годъ надо дѣлать новую мебель, все большихъ и большихъ размѣровъ, а это обходится дорого. Поэтому придумано много разныхъ раздвижныхъ столовъ со скамьями, такихъ, что ихъ можно раздвинуть и сдвинуть и установить для любого возраста.

Передъ вами очень удобная скамья, устроенная Московскимъ Коммисаровскимъ Техническимъ Училищемъ; она прочна и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ правильной посадки за столъ.

Изъ предыдущаго вы усмотрите, сколько вниманія требуетъ здоровье человѣка въ молодомъ возрастѣ и сколько заботъ должна нести школа, если она желаетъ воспитать не только умныхъ, но и здоровыхъ гражданъ.

XXI.

О дыханіи.

Д-ра Е. М. Дементьева.

Были выставлены: Гипсовыя модели легкихъ и сердца; рисунокъ, изображавшій дыхательное горло, легкія и сердце; туманныя картины: 1) разрѣзы черезъ голову и шею, 2) изображеніе гортани въ продольномъ разрѣзѣ, 3) продольнаго (фронтальнаго) разрѣза грудной полости, 4) поперечнаго разрѣза гр. полости; и наконецъ были наглядно показаны свойства кислорода и углекислоты.

Всякій изъ васъ знаетъ, что когда человѣку закрыть ротъ и носъ, то ему очень скоро дѣлается тяжело, а если долго не давать ему возможности вздохнуть, то онъ умретъ. Многіе изъ васъ, вѣроятно, испытали также, что въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, переполненныхъ людьми, по прошествіи короткаго времени, дышать дѣлается очень трудно и является потребность выйти на свѣжій воздухъ и свободно вздохнуть Всѣ знаютъ, что независимо отъ нашей воли мы принуждены постоянно, всю свою жизнь дышать и притомъ чистымъ воздухомъ. Но почему это такъ, для чего намъ нужно это дыханіе и какъ устроена та часть тѣла, на обязанности которой лежитъ дыханіе?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы посмотримъ сначала какъ устроено горло. Полости носа и рта непосредственно соединяются сзади другъ съ другомъ въ томъ мѣстѣ, которое называется *глоткой*. Впереди глотки виситъ маленькій *язычекъ*, его легко можно видѣть если посмотрѣть черезъ широко раскрытый ротъ. Затѣмъ дальше, въ томъ мѣстѣ, которое всякій легко можетъ прощупать на горлѣ снаружи въ видѣ возвышенія, называющагося *кадыкомъ*, начинаются и идутъ внизъ двѣ трубки: одна идущая сзади, возлѣ позвоночнаго столба, называется *пищеводомъ*, другая идущая впереди пищевода называется *дыхательнымъ горломъ*. Въ самомъ началѣ дыхательнаго горла находится плоскій, какъ лопаточка, отростокъ, который торчитъ по направленію кзади и кверху и можетъ плотно прикрывать отверстіе дыхательной трубки, какъ клапанъ. Онъ называется *надгортанникомъ*. Такъ какъ и дыхательное горло и пищеводъ непосредственно сообщаются со ртомъ и носомъ, то почему же пища, когда мы ее глотаемъ не попадаетъ въ дыхательное горло, а всегда по назначенію въ пищеводъ? Причина этого именно нѣбная занавѣска и надгортанникъ. Когда мы глотаемъ, то языкъ подхватываетъ комокъ пищи и какъ лопата перебрасываетъ его кзади въ пищеводъ; въ это время языкомъ и комкомъ пищи придавливаются и нѣбная занавѣска и надгортанникъ. Придавленная кверху нѣбная занавѣска закрываетъ ходъ въ носъ, а придавленный книзу надгортанникъ закрываетъ ходъ въ дыхательное горло и пища поэтому никуда не можетъ попасть иначе, какъ въ пищеводъ. Если надгортанникъ почему нибудь неисправенъ, если онъ, напримѣръ, не успѣлъ во время прикрыть отверстія дыхательнаго горла, то проглоченная вода или пища попадетъ въ дыхательное горло и мы говоримъ тогда, что человѣкъ поперхнулся.

Начало дыхательнаго горла состоитъ изъ нѣсколькихъ, довольно большихъ, связанныхъ между собой хрящевыхъ пластинокъ, которыя образуютъ нѣчто вродѣ коробки; ее, какъ я говорилъ, можно прощупать на горлѣ снаружи—это кадыкъ. Дальше же дыхательная трубка состоитъ изъ множества хрящевыхъ колечекъ, связанныхъ другъ съ другомъ перепонкой, такъ что образуется цѣльная трубка. Затѣмъ въ груди эта трубка дѣлится на двѣ трубки, немного меньшей толщины. Каждая изъ этихъ двухъ трубокъ входитъ въ свое легкое, одна въ правое, другая въ лѣвое. Здѣсь въ легкомъ каждая изъ нихъ развѣтвляется опять на двѣ или на три, и такъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше они развѣтвляются и дѣлаются все тоньше и тоньше. Послѣднія вѣточки такъ тонки, что простымъ глазомъ уже не видны, ихъ можно видѣть только подъ увеличительнымъ стекломъ и подъ микроскопомъ. Срубите дерево и переверните комлемъ вверхъ и вы получите такую же картину, какую представляетъ дыхательное горло со своими вѣтвями; гдѣ

стволъ дерева тамъ будетъ наше дыхательное горло, а затѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше пойдетъ вѣтвей, сначала толстыхъ, а потомъ все болѣе и болѣе тонкихъ.

Разсмотримъ теперь подробнѣе начало дыхательнаго горла. Оно очень важно для человѣка и имѣетъ очень интересное устройство. Если мы представимъ себѣ шею разрѣзанною поперекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается дыхательное горло, т. е., черезъ кадыкъ, и посмотримъ на этотъ разрѣзъ сверху, то увидимъ, что въ задней части шеи находится позвоночникъ, затѣмъ ближе кпереди пищеводъ, а совсѣмъ впереди начало дыхательнаго горла. Оно вовсе не представляетъ сплошное круглое отверстіе трубки, но напротивъ только щель, потому что со стѣнокъ дыхательной трубки тапленка или слизистая оболочка, какъ ее называютъ, которая покрываетъ трубку внутри, выпячивается и надвигается надъ отверстіемъ трубки въ видѣ двухъ складокъ, такъ что между ними остается только щель. Разсматривая дальше, мы увидимъ кромѣ того, что это не просто щель, но рядомъ со складками, о которыхъ только что было сказано, натянуты двѣ тонкія перепоночки, имѣющія видъ струнъ; онѣ называются *голосовыми связками*. И складки надъ дыхательнымъ горломъ и голосовыя связки могутъ и сдвигаться другъ съ другомъ, такъ что вовсе замкнуть тогда входъ въ дыхательное горло, и раздвигаться. Когда мы дышимъ обыкновенно, безъ усилія, онѣ раздвинуты мало, когда же дышимъ сильно, то чтобы дать больше прохода воздуху, онѣ раздвигаются сильнѣе. У дѣтей гортань очень мала и голосовая щель очень узка, а потому горловыя болѣзни для нихъ очень опасны Даже отъ простой простуды, если, что называется, захватитъ горло, складки въ горлѣ и голосовыя связки распухаютъ, голосовая щель дѣлается уже, и такъ какъ у дѣтей она и безъ того мала и узка, то, понятно, при сильномъ распуханіи ихъ, голосовая щель легко можетъ вовсе закрыться и дитя тогда задохнется Вотъ почему дѣти вообще, а маленькія въ особенности умираютъ отъ различныхъ горловыхъ болѣзней гораздо легче; и вотъ почему всѣ горловыя болѣзни у нихъ гораздо опаснѣе, чѣмъ у взрослыхъ.

Но спрашивается, для чего у насъ натянуты въ гортани голосовыя связки? Если тронуть, ударить или вообще какъ нибудь заставить дрожать струну напр., на скрипкѣ, то она издаетъ звукъ; вамъ можетъ быть приходилось наблюдать, что когда дрожитъ тонкая струна, то звукъ получается тонкій, или какъ говорятъ, высокій, а когда дрожитъ толстая струна, то звукъ бываетъ басистый, низкій Совершенно такъ и въ горлѣ. Когда воздухъ выходитъ съ силой изъ легкихъ, то голосовыя связки дрожать и издаютъ звукъ—это и есть нашъ голосъ. У женщинъ и дѣтей связки тоньше и голосъ ихъ поэтому тоньше, у взрослыхъ же мужчинъ они немного толще и голосъ у нихъ поэтому басистый. Отъ этой то разницы въ толщинѣ связокъ и зависитъ различіе въ голосѣ. Но не отъ одного этаго. Если одну и туже струну натянуть потуже получится звукъ тоньше, а если натянуть послабѣе, то звукъ получится басистѣе. Точно такъ же въ свисткахъ или дудкахъ, если щель, черезъ которую вдувается воздухъ будетъ очень узка, то свистъ будетъ пронзительнѣе и звукъ тоньше, а если щель будетъ пошире, то звукъ будетъ грубѣе, басистѣе. Совершенно то же и въ нашемъ горлѣ. Голосовыя связки, какъ струны, могутъ натягиваться то слабѣе, то сильнѣе, а голосовая щель можетъ съуживаться и расширяться. Когда мы говоримъ и поемъ, то все разнообразіе звуковъ выходящихъ изъ нашего горла происходитъ отъ этой нашей способности уменьшать или увеличивать голосовую щель и больше или меньше натягивать свои голосовыя связки.

Мы дышимъ посредствомъ легкихъ. Легкія лежатъ въ груди и занимаютъ всю ея полость. Ихъ два: правое, и лѣвое. Но кромѣ легкихъ въ груди находится еще сердце. Острый конецъ сердца лежитъ совсѣмъ въ лѣвой сторонѣ груди подъ пятымъ ребромъ, почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ снаружи на груди находится сосокъ. Большая же часть сердца занимаетъ середину груди и притомъ такъ, что легкія почти совсѣмъ закрываютъ его спереди. Кровь изъ всего тѣла собирается въ одну половину сердца, а отсюда она черезъ нѣсколько жилъ проталкивается въ оба легкія. Вамъ случалось, можетъ быть, видѣть бычачьи или бараньи легкія и вы можетъ быть замѣчали, что они очень похожи на губку, они очень легки, откуда произошло и ихъ названіе. Это потому, что, какъ мы уже видѣли, все легкое состоитъ сплошь изъ множества переплетенныхъ между собой крупныхъ и мелкихъ вѣточекъ дыхательной трубки, такъ что, благодаря этому, все легкое напитано воздухомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кровеносная жила, идущая отъ сердца, въ каждомъ легкомъ дѣлится на множество вѣточекъ, которыя повсюду переплетаются съ дыхательными трубочками. Разбиваясь все на болѣе и болѣе мелкія вѣточки, кровеносныя жилки, или кровеносные сосуды, какъ ихъ называютъ, превращаются наконецъ, въ такія тоненькія, что ихъ простымъ глазомъ уже не видно. Но если прослѣдить эти самые тоненькіе кровеносные сосуды (ихъ называютъ *волосными* сосудами, потому что они тоньше волоса), то окажется, что они затѣмъ вновь дѣлаются все болѣе и болѣ толстыми, окажется что нѣсколько тонкихъ кровеносныхъ жилокъ сливаются вмѣстѣ и образуютъ болѣе толстую, нѣсколько такихъ болѣе

толстыхъ опять сливаются вмѣстѣ, образуя еще болѣе толстую, эти опять сливаются вмѣстѣ и т. д., такъ что изъ легкаго кровь выходитъ уже черезъ одну толстую жилу, черезъ одинъ кровеносный сосудъ. Такимъ образомъ, кровь, войдя въ легкія проходитъ сначала по крупнымъ, потомъ по мелкимъ, затѣмъ по самымъ мелкимъ (волоснымъ) сосудамъ, переходитъ затѣмъ опять въ болѣе крупные сосуды и наконецъ изъ каждаго легкаго черезъ одну большую жилу вливается опять въ сердце. Значитъ изъ одной половины сердца кровь, собирающаяся со всего тѣла, проталкивается въ легкія, затѣмъ, пройдя черезъ нихъ, она вновь собирается, но уже въ другой половинѣ сердца, а изъ нея расходится уже по всему тѣлу.

Итакъ, легкія состоятъ изъ безчисленнаго множества крупныхъ и мелкихъ дыхательныхъ трубочекъ, содержащихъ воздухъ, и безчисленнаго множества крупныхъ и мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, черезъ которые проходитъ кровь. Наша грудь устроена такъ, что она постоянно то расширяется, то спадается и это постоянное движеніе ея очень мало зависитъ отъ нашей воли; мы можемъ на нѣкоторое время задержать дыханіе, но затѣмъ очень скоро наступитъ минута, когда помимо нашей воли грудь расширится. Вообще взрослый человѣкъ въ спокойномъ состояніи дѣлаетъ 16—20 дыханій въ минуту, дѣти дышатъ немного чаще, маленькіе же дѣти дѣлаютъ до 40 дыханій въ минуту.

Когда грудная клѣтка расширяется, то за ней расширяется и легкое, вслѣдствіи этого всѣ развѣтвленія дыхательныхъ трубочекъ до самыхъ мелкихъ наполняются воздухомъ. Когда же грудь спадается, то съ вмѣстѣ нею спадаются легкія, они сжимаются и воздухъ, наполнявшій ихъ воздухоносныя трубочки, черезъ дыхательное горло выталкивается вонъ. Одновременно съ этимъ безпрерывнымъ расширеніемъ и спаданіемъ легкихъ находится въ постоянномъ движеніи и сердце. Оно то сжимается, то расширяется. Когда оно сжимается, то кровь проталкивается въ легкія, когда же оно расширяется, то кровь изъ легкихъ вливается въ сердце. Такимъ образомъ, мы безпрерывно вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ и въ то же время черезъ легкія постоянно пробѣгаетъ кровь.

Спрашивается теперь, въ чемъ же тутъ дѣло? Зачѣмъ не только человѣкъ, но всѣ животныя обречены на постоянное дыханіе и для чего черезъ легкія постоянно пробѣгаетъ огромное количество крови. Мы дышимъ воздухомъ. Воздухъ не есть одинъ какой нибудь газъ, но *смѣсь* нѣсколькихъ газовъ. Не говоря о разныхъ газахъ, которые случайно попадаютъ въ воздухъ, чистый воздухъ состоитъ изъ трехъ газовъ, которые называются: *кислородъ*, *азотъ* и *углекислота*. Больше всего въ воздухѣ азота, кислорода втрое меньше, чѣмъ азота, углекислоты же очень мало Всѣ три газа имѣютъ совершенно разныя свойства и поэтому совершенно разныя значенія для дыханія. Кислородъ это тотъ именно газъ, который намъ дороже всего, безъ него не могъ бы горѣть огонь, безъ него мы не могли бы топить свои печи, чтобы добыть тепло, безъ него на землѣ не можетъ обходиться ни человѣкъ, ни какое бы то ни было животное. Если мы добудемъ въ банку или какой нибудь сосудъ чистаго кислорода, въ другую чистаго азота, а въ третью чистой углекислоты и поочередно будемъ вносить въ эти банки тлѣющую лучинку, то увидимъ, что въ банкѣ съ кислородомъ онъ вспыхнетъ и станетъ горѣть очень ярко, въ банкахъ же съ азотомъ и углекислотой она тотчасъ потухнетъ. Если мы вмѣсто лучинки станемъ вносить въ банки какое нибудь животное, напр , птичку, то опять увидимъ, что въ кислородѣ она повеселѣетъ и станетъ быстро летать, если же пустить ее въ банку съ азотомъ или углекислотой, то она въ ту же секунду задохнется. На землѣ есть мѣста, гдѣ изъ почвы выдѣляется углекислота. Такъ въ Италіи есть пещера, гдѣ изъ подъ земли постоянно просачивается углекислота; если на дно этой пещеры пустить какое нибудь животное, то оно тотчасъ задохнется. Путешественники часто дѣлаютъ такіе опыты съ собаками, отчего и пещера названа собачьей.

И такъ ни азотъ, ни углекислота не могутъ поддерживать горѣнія и сами по себѣ не годны для дыханія. Когда что нибудь горитъ, дрова ли, бумага, смола, сало, все равно, то вещество, которое горитъ, выбираетъ изъ воздуха кислородъ; но если мы соберемъ тѣ газы, которые образуются послѣ горѣнія, то окажется что въ нихъ кислорода уже нѣтъ, а вмѣсто него углекислота. Если мы соберемъ дымъ, который идетъ изъ печи, то найдемъ, что онъ состоитъ изъ мельчайшихъ частичекъ угля, который осаждается въ печахъ въ видѣ сажи, и изъ углекислоты, а между тѣтъ всѣ вы знаете, что для топки печей необходимъ притокъ воздуха Куда же дѣлся кислородъ, который былъ въ этомъ воздухѣ? Онъ потребился горѣвшими дровами, а вмѣсто него изъ трубы вылетѣла углекислота.

Совершенно то же самое происходитъ въ легкихъ. Мы вдыхаемъ въ себя воздухъ, содержащій кислородъ; но если собрать тотъ воздухъ, который выдыхается изъ легкихъ и изслѣдовать его, то окажется, что тотъ азотъ, который былъ въ воздухѣ такъ и выдыхается цѣликомъ изъ легкихъ,— онъ намъ значитъ ненуженъ; а вмѣсто кислорода, что мы вдохнули, теперь оказывается углекислота. Кислородъ почти весь исчезъ и если остался, то въ очень небольшомъ количествѣ; углекислоты въ воздухѣ, который мы вдыхали въ

себя, было чуть чуть замѣтно, а теперь въ выдохнутомъ изъ легкихъ воздухѣ ее оказывается очень много. Куда же дѣлся изъ воздуха кислородъ и откуда взялась углекислота? Когда кровь протекаетъ по легкому, то она черезъ тоненькія стѣнки кровеносныхъ жилокъ вбираетъ въ себя изъ воздуха, что находится въ дыхательныхъ трубочкахъ, почти весь его кислородъ, а изъ себя въ свою очередь выдѣляетъ въ дыхательныя трубочки углекислоту. Кровь обмѣниваетъ такимъ образомъ свою углекислоту на кислородъ и этимъ оживляется. Разница между тѣмъ, что происходитъ въ печкѣ, когда она топится и въ легкихъ, когда онѣ дышатъ, только въ томъ, что въ печкѣ бываетъ еще и пламя, а въ легкихъ его не бываетъ, но какъ въ печкѣ при горѣніи образуется тепло, такъ оно образуется и въ человѣческомъ тѣлѣ; это то самое тепло, благодаря которому кровь и вообще наше тѣло всегда теплы. Какъ только человѣкъ перестаетъ дышать, какъ только перестаетъ, слѣдовательно, потребляться въ легкихъ кислородъ, такъ тѣло стынетъ и человѣкъ умираетъ.

Всѣ мы знаемъ по опыту, что когда въ комнатѣ нѣсколько часовъ пробудетъ много народа, то очень скоро воздухъ въ ней портится, дышать становится очень трудно и если дѣло будетъ вечеромъ, когда горятъ свѣчи, то легко замѣтить, что чѣмъ сильнѣе портится воздухъ, тѣмъ хуже горитъ огонь, — и свѣчи и лампы начинаютъ горѣть тускло. Это вѣрный признакъ того, что кислорода въ такомъ воздухѣ мало. Своимъ дыханіемъ люди постепенно повыбрали кислородъ, а вмѣсто него комната наполнилась углекислотой изъ легкихъ. И если комната тѣсна, народа много и воздухъ не возобновляется, то не далеко и до несчастья. Какъ бы мы ни старались въ такомъ воздухѣ сильнѣе и чаще вдохнуть въ себя побольше, но наши легкія и наша кровь не получаютъ уже нужнаго количества кислорода, и чѣмъ сильнѣе портится воздухъ, чѣмъ больше онъ наполняется углекислотой, тѣмъ труднѣе становится дыханіе, сердце начинаетъ усиленно биться, и наконецъ дѣлаются обмороки. Не мало было примѣровъ, что люди даже и умирали, задыхаясь въ такомъ испорченномъ воздухѣ. Вотъ почему необходимо провѣриваніе нашихъ жилищъ, въ особенности же помѣщеній, гдѣ скопляется много народа.

XXII.

Отопленіе и вентиляція жилищъ.

Д-ра Е. М. Дементьева.

Были выставлены: 1) Петтенкоферовская модель кирпичной стѣны для демонстраціи проходимости ея воздухомъ; 2) модели печи Собольщикова, простой русской и духовой при центральномъ отопленіи; 3) Туманныя картины, изображавшія разрѣзъ камина, схему водянаго отопленія и водяную печь.

Вѣроятно, многимъ изъ васъ приходилось слышать, что человѣческое тѣло всегда одинаково тепло. Когда бы вы его не смѣрили термометромъ, лѣтомъ или зимою, тѣло всегда покажетъ около $37^1/_2{}^0$ тепла на стоградусномъ термометрѣ. Только имѣя такую температуру, человѣкъ и чувствуетъ себя здоровымъ. Она настолько постоянна, что врачи пользуются этимъ для опредѣленія здоровъ ли человѣкъ или боленъ. Если оказывается, что температура тѣла выше $37^1/_2{}^0$, то безошибочно можно сказать, что человѣка лихорадитъ, если она доходитъ до 40^0, то мы говоримъ тогда, что у человѣка горячка. Съ другой стороны, только у людей очень слабыхъ или истощенныхъ болѣзнью, можно найти температуру на одинъ, на два градуса ниже $37^1/_2$.

Но всѣ хорошо знаютъ также, что если какой-нибудь нагрѣтый предметъ поставить въ комнатѣ, то мало по малу онъ простынетъ. Это происходитъ оттого, что тепло отъ нагрѣтаго предмета передается окружающему воздуху. Если мы опустимъ нагрѣтый предметъ, напр., раскаленный кусокъ желѣза, въ воду, то уже очень скоро мы увидимъ, что желѣзо охладится, такъ что его можно будетъ даже взять въ руки, а вода въ то же время нагрѣется. Значитъ желѣзо отдало свое тепло водѣ. Итакъ бываетъ постоянно, всякій предметъ теряетъ свое тепло и отдаетъ его болѣе холоднымъ окружающимъ предметамъ. Возьмемъ такой примѣръ. Положимъ вы поселились въ холодной, давно нетопленной комнатѣ. Натопите вы пожарче печку, посмотрите на градусникъ и увидите на немъ, можетъ быть, даже 16^0, значитъ воздухъ въ комнатѣ будетъ теплый, а вамъ между тѣмъ все-таки будетъ холодно, вы все-таки будете зябнуть. Но если вы проживете въ этой комнатѣ два, три дня и будете при этомъ каждый день по прежрему топить печь,

то черезъ нѣсколько дней будете чувствовать себя вполнѣ хорошо; посмотрите же на градусникъ,— окажется, что на немъ, можетъ быть, всего 14 или 15°, меньше, чѣмъ тогда, когда вы зябли въ первый день Что же за причина этого явленія? Дѣло очень просто. Когда вы нагрѣете въ первый разъ давно нетопленную томнату, то хотя воздухъ въ ней сначала и прогрѣется, но затѣмъ очень скоро остынетъ, потому что тепло отъ воздуха будутъ отнимать и холодныя стѣны и мебель. Когда же вы постоянной топкой дадите нагрѣться и стѣнамъ и всему, что находится въ комнатѣ, то наше тѣло начинаетъ терять тепла меньше и намъ уже не кажется холодно. Мы говоримъ тогда, по опыту, что квартира прогрѣлась.

Возьмемъ другой примѣръ. Когда вы находитесь въ комнатѣ, гдѣ много народа, вамъ кажется очень жарко; посмотрите же на градусникъ и къ удивленію увидите, что въ комнатѣ вовсе не такъ жарко какъ кажется, можетъ быть всего только 16, 17°. А если вы изъ этой комнаты выйдите въ другую, пустую комнату, то не смотря на то, что градусникъ будетъ въ ней показывать, можетъ бытъ, всего только на одинъ градусъ меньше, вамъ будетъ казаться свѣжо и легко. Причина этого такъ же проста, какъ и въ первомъ разсказанномъ мною случаѣ. Когда вы входите въ пустую комнату, то и воздухъ и всѣ предметы, которые въ ней находятся, будутъ гораздо менѣе теплы, чѣмъ ваше тѣло, и потому ваше тѣло легко будетъ терять свое тепло, тогда какъ въ комнатѣ набитой народомъ, васъ окружаютъ люди, имѣющіе теплоту тѣла такую же, какъ у васъ, слѣдовательно вашему тѣлу трудно будетъ черезъ воздухъ передавать свое тепло, оно будетъ оставаться въ вашемъ тѣлѣ и вамъ будетъ казаться жарко.

Вслѣдствіе того, что и воздухъ и всѣ предметы, которые насъ окружаютъ, холоднѣе, чѣмъ наше тѣло, а тѣло наше теплѣе, оно постоянно теряетъ тепло. И теряетъ его не мало. Если бы можно было собрать все то тепло, которое каждый человѣкъ теряетъ въ теченіе сутокъ, то посредствомъ него можно было бы вскипятить $2^1/_2$ ведра воды. А между тѣмъ наше тѣло всегда одинаково тепло и показываетъ на градусникѣ $37^1/_2{}^0$. Очевидно, слѣдовательно, что въ тѣлѣ постоянно вырабатывается все новое и новое тепло, взамѣнъ того, что мы теряемъ. Наше тѣло все равно что печка, которая топится безъ остановки. Оно холодѣетъ только тогда, когда человѣкъ умираетъ.

Но этого мало. Наше тѣло обладаетъ еще способностью терять свое тепло то больше, то меньше, смотря по надобности. Когда окружающій насъ воздухъ и другіе предметы, которые могутъ отнимать тепло отъ нашего тѣла, теплы, напр., лѣтомъ или въ жарко натопленной комнатѣ, то жилки, по которымъ течетъ у насъ подъ кожей кровь, расширяются, кровь извнутри тѣла приливаетъ кнаружи, начинаетъ быстрѣе проходить по этимъ жилкамъ, кожа краснѣетъ, на ней выступаетъ потъ и вслѣдствіе этого кровь, а слѣдовательно и наше тѣло, охлаждается гораздо больше, чѣмъ въ обыкновенное время. Въ особенности мы очень много теряемъ тепла черезъ потъ. Наоборотъ, если мы попадаемъ въ холодный воздухъ, то кровь изъ кожи отливаетъ внутрь, жилки, по которымъ она пробѣгаетъ подъ кожей сжимаются и пустѣютъ, кожа блѣднѣетъ и наше тѣло начинаетъ терять тепла очень мало.

Но на землѣ очень не много такихъ мѣстъ, гдѣ человѣку бываетъ достаточно этой природной его способности постоянно сохранять свою температуру въ $37^1/_2{}^0$. Въ этихъ теплыхъ странахъ разница между лѣтомъ и зимой очень небольшая, среднимъ числомъ всего на 8 на 10°. Тамъ всегда тепло. Люди ходятъ тамъ нагишемъ, они только изъ приличія покрываютъ свое тѣло, да и то лишь кое гдѣ, какими нибудь самыми легкими матеріями. По большей же части климатъ на землѣ очень неравномѣрный. Такъ, напр., у насъ въ Московской губерніи лѣтомъ воздухъ нагрѣвается выше 30°, а зимою бываютъ морозы до 30°, такъ что разница доходитъ до 60°. Въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Архангельскѣ или въ Сибири морозы бываютъ еще сильнѣе. Здѣсь природной способности нашего тѣла уже не хватаетъ на то, чтобы поддержать теплоту своего тѣла въ одномъ и томъ же положеніи. Мы позамерзали бы не только зимой, но даже веспою и осенью. Мы вынуждены, поэтому, принимать уже искусственныя мѣры. Эти мѣры состоятъ въ одеждѣ и въ теплыхъ жилищахъ.

Мы съ ранняго дѣтства по опыту уже пріучаемся къ тѣмъ ощущеніямъ, которыя испытываетъ наше тѣло, и, смотря по тому, холодно ли намъ, или жарко, мы надѣваемъ или теплое, или легкое платье. Мы по опыту знаемъ, что тонкія матеріи прохладнѣе, толстыя теплѣе, что плотныя холоднѣе, а пушистыя теплѣе, но рѣдко кто задается вопросомъ, почему же это такъ? Надѣнете вы положимъ пальто изъ толстаго тяжелаго сукна и выйдете на морозъ—вамъ будетъ холодно, а надѣните вы пальто хоть изъ самаго тонкаго сукна, но подложенное тонкимъ слоемъ пуха—вамъ будетъ тепло, несмотря на то, что это пальто будетъ гораздо легче и на видъ гораздо холоднѣе, чѣмъ ваше прежнее. Значитъ дѣло вовсе не въ одной толщинѣ и тяжести вашего пальто, а въ чемъ-то другомъ. Возьмете вы соболью шубу, она очень легка, на плечахъ будто и нѣтъ ничего, а между тѣмъ вамъ будетъ въ ней тепло, какъ въ хорошо натопленной комнатѣ; а надѣньте вы тяжелую плохую овчинную шубу—вы будете въ ней

мерзнуть на сильномъ морозѣ и чтобы чувствовать себя также тепло, какъ въ собольей, вамъ понадобится, можетъ быть, надѣть на себя вторую овчинную шубу. Очевидно, все дѣло въ томъ, что шуба, пальто или всякая другая одежда тѣмъ теплѣе, чѣмъ она болѣе пушиста. Возьмете вы положимъ, два фунта гагачьяго пуха и подобьете имъ себѣ пальто, положивъ его тонкимъ слоемъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно; ваше пальто будетъ довольно тепло. Но попробуйте тѣ же два фунта пуха какъ нибудь сжать и сплюснуть, напр., намочить его, разложить такимъ же слоемъ какъ прежде, положить подъ прессъ и высушить, вы получите тогда тоненькій и плотный слой; подложите этимъ слоемъ такое же пальто, какъ прежде, и вы въ немъ будете мерзнуть. А между тѣмъ вѣсъ обоихъ пальто будетъ одинаковъ. Все дѣло, значитъ, въ пушистости. Прежде въ вашемъ пухѣ было множество промежутковъ, наполненныхъ воздухомъ и благодаря этому ваше тѣло отлично сохраняло свое тепло. А какъ только вы этотъ пухъ сплющите, пушистость пропадетъ, и онъ сдѣлается плотнымъ, такъ и пальто ваше сдѣлается холоднѣе. Слѣдовательно способность матеріала, изъ котораго сшита одежда, сохранять тепло нашего тѣла непосредственно зависитъ отъ пушистости этого матеріала, т. е., отъ большаго или меньшаго количества въ немъ пустыхъ промежутковъ, наполненныхъ воздухомъ. Чѣмъ плотнѣе ткань, чѣмъ меньше въ ней пушистости, тѣмъ она легче проводитъ черезъ себя тепло, тѣмъ холоднѣе мы чувствуемъ себя въ одеждѣ изъ такого матеріала.

Совершенно тоже самое и съ нашими жилищами. Казалось бы чего проще строить дома желѣзные. Прочнѣе ихъ ничего быть не можетъ; воздухъ черезъ желѣзныя стѣны проходить не можетъ и слѣдовательно на первый взглядъ легко предположить, что такіе дома будутъ очень теплы. А между тѣмъ какъ разъ наоборотъ. Въ такомъ домѣ жить было бы невозможно; мы не могли бы его нагрѣть никакими печами и замерзли бы въ немъ. И вовсе не потому, чтобы желѣзныя стѣны были тонки. Сдѣлайте ихъ хоть вдвое, втрое толще каменныхъ, все равно вы ничѣмъ не натопите такого желѣзнаго дома, онъ будетъ стынуть очень быстро. Путемъ такого же опыта, какъ и для одежды, мы выучились строить свои дома изъ такого матеріала, который не смотря на то, что на глазъ кажется очень плотнымъ, на самомъ дѣлѣ, все равно, что наши шубы, наполненъ воздухомъ.

Представьте себѣ стѣнку въ два кирпича, сложенную на извести совершенно такъ, какъ кладутся стѣны при постройкѣ домовъ. Представьте что снизу, сверху и съ боковъ эта стѣна залита воскомъ, такъ что воздухъ съ этихъ сторонъ проникать не можетъ. Открытыми оставлены только передняя и задняя сторона, покрытыя стеклами. Въ обоихъ стеклахъ просверлены дырочки и въ нихъ укрѣплены мѣдные наконечники съ гуттаперчевыми трубками. Если бы кирпичная стѣнка не пропускала воздухъ, то сколько бы мы ни старались вдувать его черезъ одну изъ этихъ трубокъ ничего бы не вышло. На самомъ же дѣлѣ если мы будемъ дуть даже не особенно сильно въ одну изъ трубокъ, другую же гуттаперчевую трубку, укрѣпленную на противуположной сторонѣ стѣнки, направимъ на пламя свѣчи, то увидимъ, что оно начинаетъ сильно колебаться и отклоняется въ сторону отъ сильнаго тока воздуха изъ трубки. Очевидно, когда мы дуемъ въ одну изъ трубокъ, то толкаемъ воздухъ заключающійся въ мелкихъ промежуткахъ или, какъ ихъ называютъ, въ порахъ кирпичей; этотъ воздухъ проталкивается на другую сторону стѣнки, и такъ какъ кругомъ все закупорено воскомъ и стекломъ, то онъ стремится черезъ дырочку въ стеклѣ и черезъ вторую гуттаперчевую трубку наружу. Если подуть въ трубку сильнѣе, то можно даже затушить свѣчу. Теперь вамъ станетъ понятнымъ, что когда мы говоримъ, что сильный вѣтеръ выдуваетъ тепло изъ квартиръ, то это дѣйствительно такъ. Холодный воздухъ при вѣтрѣ проталкивается черезъ поры, эти мелкіе промежутки въ стѣнѣ, и входитъ въ комнату, а теплый комнатный воздухъ въ тоже время проталкивается черезъ противоположную стѣну вонъ, и комната холодѣетъ.

И такъ, слѣдовательно, изъ какого бы матеріала не строился домъ, но матеріалъ этотъ непремѣнно долженъ быть пористый, онъ непремѣнно долженъ имѣть въ себѣ мелкіе промежутки, наполненные воздухомъ, все равно какъ пухъ; этотъ матеріалъ непремѣнно долженъ пропускать черезъ себя воздухъ. Понятно, что чѣмъ толще стѣны, тѣмъ воздухъ проходитъ черезъ нихъ труднѣе, но онъ все-таки проходитъ. Различные матеріалы, изъ которыхъ мы строимъ свои дома, имѣютъ не одинаковыя качества. Одни болѣе пористы, больше пропускаютъ черезъ себя воздухъ, другіе менѣе пористы и пропускаютъ воздухъ меньше. Болѣе всего пористо дерево, черезъ него воздухъ проходитъ легче всего, кирпичъ пропускаетъ воздухъ труднѣе, въ немъ меньше промежутковъ наполненныхъ воздухомъ; поэтому чтобы кирпичный домъ былъ тепелъ, мы уже не можемъ дѣлать такихъ тонкихъ стѣнъ, какъ въ деревянныхъ домахъ, а должны дѣлать ихъ гораздо толще. Гранитъ еще плотнѣе, еще меньше пропускаетъ черезъ себя воздухъ и потому стѣны изъ него приходится дѣлать еще толще, иначе домъ будетъ холодный.

Огромное значеніе на способность стѣнъ сохранять комнатное тепло имѣетъ также и то обстоя-

тельство, сухи ли онѣ или сыры. Если вы раздѣпетесь до гола въ комнатѣ, гдѣ градусникъ вамъ будетъ показывать 16—17°, то вы будете ощущать только прохладу, если же влѣзете въ воду, которая будетъ имѣть столько же градусовъ, то она покажется вамъ очень холодной, вамъ будетъ гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ и вы не повѣрите своимъ глазамъ, когда увидите на градусникѣ, что она на самомъ дѣлѣ нисколько не холоднѣе воздуха. Это потому, что вода гораздо сильнѣе отнимаетъ тепло и гораздо сильнѣе пропускаетъ его черезъ себя, чѣмъ воздухъ. Если стѣны въ домѣ сыры, потому ли, что онѣ еще не просохли послѣ стройки, или потому, что домъ стоитъ на сыромъ мѣстѣ и онѣ черезъ фундаментъ впитываютъ въ себя воду изъ почвы, въ такомъ домѣ всегда будетъ холодно не только при обыкновенной, но даже при усиленной топкѣ, и комнаты въ немъ будетъ остывать чрезвычайно быстро. Это происходитъ ни отъ чего другого, какъ именно отъ того, что вода наполняетъ въ стѣнахъ тѣ самые промежутки, которые были заняты воздухомъ, а такъ какъ вода гораздо сильнѣе воздуха отнимаетъ тепло отъ воздуха комнатъ и отъ нашего тѣла и быстрѣе передастъ это тепло наружному воздуху внѣ комнатъ дома, то въ сыромъ домѣ мы всегда будемъ зябнуть.

Это качество матеріала, изъ котораго мы должны строить свои дома, именно пористость и проходимость его для воздуха, качество необходимое для того, чтобы домъ былъ тепелъ, имѣетъ еще другое очень важное значеніе. Вѣроятно многимъ изъ васъ приходилось наблюдать, что если въ комнату набирается много народа, то по прошествіи нѣсколькихъ часовъ становится не только жарко, но и тяжко дышать, а затѣмъ воздухъ испортится настолько, что съ людьми начинаютъ дѣлаться обмороки и является непобѣдимое желаніе растворить окна и двери, чтобы воздухъ освѣжился, или просто выйти на воздухъ и отдышаться. Значитъ, мы не можемъ дышать все однимъ и тѣмъ же воздухомъ, но онъ непремѣнно долженъ освѣжаться, испорченный долженъ быть удаленъ и замѣненъ чистымъ. Если этого не дѣлается, если напримѣръ посадить человѣка въ плотную желѣзную, хотя бы и большую комнату и запереть ее, то человѣкъ въ ней, по прошествіи нѣкотораго времени, задохнется. Если же запереть его въ комнату въ деревянномъ или въ каменномъ домѣ, то воздухъ въ ней хоть и будетъ спертый, но далеко не на столько испорченный, чтобы человѣкъ не могъ въ ней дышать. Всѣ вы знаете, что зимою, несмотря на замазанныя и заклѣенныя окна, несмотря на плотно закрытыя двери, воздухъ даже въ очень маленькихъ тѣсныхъ комнатахъ все-таки еще годенъ для дыханія. Слѣдовательно въ нашихъ обыкновенныхъ домахъ воздухъ какимъ то путемъ возобновляется. Прежде всего, конечно, вамъ придетъ на мысль, что онъ возобновляется черезъ щели въ окнахъ, въ полахъ и дверяхъ. Да, конечно, это такъ; но и въ самыхъ лучшихъ домахъ, выстроенныхъ со всевозможной тщательностью, чтобы нигдѣ не было щелей и не дуло ни изъ подъ пола, ни изъ оконъ, онъ все-таки освѣжается и именно черезъ стѣны. Чѣмъ стѣны легче пропускаютъ черезъ себя воздухъ, тѣмъ лучше провѣтривается комната. Въ деревянныхъ домахъ, гдѣ и стѣны тоньше, и дерево само по себѣ легче пропускаетъ воздухъ, это провѣтриваніе совершается лучше и быстрѣе, въ каменныхъ гораздо медленнѣе и слабѣе, но во всякомъ случаѣ оно постоянно происходитъ черезъ стѣны.

Изъ всего, что было нами сказано, ясно, что для того, чтобы домъ былъ тепелъ и для того, чтобы черезъ его стѣны могъ возобновляться комнатный воздухъ, онъ непремѣнно долженъ быть выстроенъ изъ матеріала пористаго, т. е. такого, въ которомъ есть много мелкихъ промежутковъ, пропускающихъ воздухъ. Такими матеріалами и служатъ намъ обыкновенно дерево, кирпичъ и камень. Кромѣ того, стѣны дома должны быть непремѣнно сухи. Если онѣ сыры, т. е. если въ ихъ порахъ вмѣсто воздуха будетъ заключаться вода, то такіе дома и невыгодны и вредны. Невыгодны они потому, что они очень плохо держатъ тепло—всѣмъ извѣстно по опыту, что сырые дома всегда холодны, ихъ очень трудно натопить. Вредны же они по двумъ причинамъ. Первая та, что сырыя стѣны, легко пропуская черезъ себя тепло, сильно отнимаютъ его не только отъ комнатнаго воздуха, но отъ всѣхъ предметовъ, находящихся въ комнатахъ, слѣдовательно и отъ нашего тѣла; отъ такихъ стѣнъ всегда какъ будто вѣетъ холодомъ и въ сырыхъ домахъ у насъ очень легко дѣлаются всякія простудныя болѣзни. Вторая же причина вреда сырыхъ помѣщеній та, что сырыя стѣны вовсе не пропускаютъ черезъ себя воздухъ, комнатный воздухъ уже не можетъ возобновляться черезъ стѣны и бываетъ, поэтому, всегда гораздо болѣе испорченъ и тяжелъ, чѣмъ въ сухихъ домахъ.

Однако обновленія воздуха нашихъ жилищъ черезъ стѣны или естественной вентиляціи, какъ ее называютъ, далеко не всегда бываетъ достаточно; чѣмъ меньше комнаты, чѣмъ тѣснѣе расположены въ нихъ жильцы, тѣмъ болѣе является надобность на помощь естественной вентиляціи прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ освѣженія воздуха, удаляя испорченный и впуская чистый наружный. Средствами для этого служатъ открываніе оконъ, фортки и вентиляторы различнаго устройства въ стѣнахъ и печахъ. Очень часто вентиляція ком-

нать соединяется съ ихъ отопленіемъ. Но и самая топка печей служитъ уже средствомъ для провѣтриванія комнатъ, ибо во время топки образуется сильная тяга комнатнаго воздуха въ печь и изъ нея въ трубу, взамѣнъ же вытягиваемаго печью, свѣжій наружный воздухъ также усиленно проникаетъ въ комнату черезъ стѣны и щели въ окнахъ и дверяхъ.

Задача отопленія состоитъ въ томъ, чтобы, сжигая какъ можно менѣе, стоящаго иногда очень дорого, топлива, получить какъ можно больше тепла. Наиболѣе просты по устройству и наименѣе выгодны для отопленія камины. Они состоятъ только изъ очага, гдѣ сжигается топливо и трубы для удаленія дыма, большая часть тепла при топкѣ такихъ каминовъ вмѣстѣ съ дымомъ улетаетъ въ трубу безъ всякой пользы. Также проста и несовершенна обыкновенная русская печь. Для того, чтобы воспользоваться тепломъ, улетающимъ съ дымомъ въ трубу, прибѣгаютъ къ очень простому средству. Съ этою цѣлью дымъ изъ печи направляется не по прямому направленію на вылетъ, но по извилистому каналу, который прокладывается въ толщѣ печи; вслѣдствіе этого дымъ, прежде чѣмъ вылетѣть наружу, нагрѣваетъ стѣнки этого канала, а слѣдовательно и стѣнки печи. Кромѣ того и самыя стѣнки кладутся изъ кирпича не плотными, но такъ, что въ нихъ вездѣ образуются пустоты, сообщающіяся другъ съ другомъ и съ комнатнымъ воздухомъ черезъ отдушины. Такъ устраиваются обыкновенныя комнатныя печи, извѣстныя у насъ подъ именемъ голландскихъ.

Еще лучше устроены печи Собольщикова Они отличаются отъ обыкновенныхъ голландскихъ тѣмъ, что въ нихъ рядомъ съ извилистымъ дымовымъ ходомъ прокладывается воздушный каналъ, сообщающійся черезъ одно отверстіе (отдушникъ) съ комнатнымъ воздухомъ, черезъ другое же съ особымъ каналомъ, черезъ который притекаетъ свѣжій наружный воздухъ съ улицы или со двора. Такимъ образомъ, послѣ топки, открывъ отдушникъ, мы заставляемъ свѣжій наружный воздухъ входить въ воздухоносный каналъ печи здѣсь нагрѣваться и входить въ комнату теплымъ. Въ послѣднее время эти печи усовершенствованы еще болѣе и очень выгодны и удобны, какъ въ отношеніи отопленія, такъ и въ отношеніи вентиляціи комнатъ. Въ такихъ печахъ, открывая одну отдушину и закрывая всѣ другія, мы получимъ сильную тягу испорченнаго комнатнаго воздуха наружу, т. е. пользуемся печью для вентиляціи комнаты. Если намъ нужно только нагрѣть комнатный воздухъ, то открывается двѣ отдушины (внизу и вверху печи), и тогда комнатный воздухъ входитъ въ печь, нагрѣвается о стѣнки воздушнаго канала и входитъ въ комнату черезъ верхнюю отдушину теплымъ

Въ большихъ зданіяхъ во избѣжанія топки множества отдѣльныхъ печей, что не всегда бываетъ удобно и выгодно, очень часто устраивается, такъ называемое, центральное отопленіе, т. е., устраивается гдѣ нибудь, обыкновенно въ подвалѣ, одна большая печь, посредствомъ которой нагрѣвается все зданіе. Центральное отопленіе бываетъ трехъ родовъ: духовое, паровое и водяное. При духовомъ отопленіи топка большой печи устраивается такъ, что нагрѣвается воздухъ въ особой большой камерѣ, въ которую онъ проводится снаружи. Изъ этой камеры теплый воздухъ по особымъ каналамъ проводится въ каждую комнату зданія, гдѣ и входитъ черезъ отдушники. Для вентиляціи при духовомъ отопленіи въ комнатахъ устраиваются вытяжныя отверстія въ особые каналы, соединяющіеся въ одинъ общій каналъ, который проводится въ стѣнкѣ дымовой трубы, благодаря чему этотъ каналъ нагрѣвается дымомъ печи. Удаленіе изъ комнаты испорченнаго воздуха въ этомъ случаѣ, какъ и вообще черезъ вытяжки въ печахъ, происходитъ оттого, что болѣе теплый воздухъ всегда стремится вверхъ. Поэтому, когда воздухъ въ каналѣ дымовой трубы нагрѣвается, то поднимается вверхъ и выходитъ наружу, на его мѣсто черезъ комнатныя вытяжки въ каналъ входитъ новый воздухъ, который, нагрѣвшись, также поднимается вверхъ и вылетаетъ наружу и т. д., идетъ такимъ образомъ постоянная тяга, пока открыто отверстіе комнатной вытяжки.

Водяное отопленіе производится черезъ одинъ большой паровой котелъ, нагрѣвающійся въ подвалѣ Нагрѣтая вода, какъ и нагрѣтый воздухъ, всегда поднимается вверхъ, мѣсто же ея внизу заступаетъ притекающая менѣе теплая вода. Когда вода въ котлѣ нагрѣвается, то она по трубамъ сама собой поднимается вверхъ черезъ всѣ этажи дома въ другой котелъ, который ставится на чердакѣ или гдѣ нибудь въ самомъ верхнемъ этажѣ, а отсюда уже по особымъ трубамъ растекается въ различныя комнаты зданія. Въ комнатахъ она проходитъ черезъ, такъ называемыя, батареи или водяныя печи, а затѣмъ, охладившись, обратно стекаетъ внизъ и вливается въ котелъ, стоящій въ подвалѣ. Устройство пароваго отопленія почти такое же, какъ и водяного. Здѣсь паръ изъ котла, нагрѣваемаго въ подвалѣ, проходитъ по трубамъ черезъ батареи въ комнатахъ и, охладившись, обращается въ воду, которая и стекаетъ опять въ котелъ. Батареи или водяныя печи въ комнатахъ служатъ совершенно такую же службу, какъ обыкновенныя печи. Онѣ состоятъ или просто изъ очень извилистыхъ желѣзныхъ трубъ, или изъ такихъ чугунныхъ трубъ, стѣнки которыхъ усажены

множествомъ чугунныхъ пластинокъ. Все это дѣлается для того, чтобы комнатный воздухъ какъ можно больше прикасался съ теплыми, нагрѣтыми горячей водой или паромъ стѣнками этихъ трубъ. Воздухъ нагрѣвается отъ этихъ батарей совершенно такъ же, какъ отъ стѣнокъ горячей печи.

XXIII.

Объясненіе коллекцій по гигіенѣ.

С. Я. Тимоховича.

Были выставлены образцы гніющихъ веществъ.

Чѣмъ большими и сгруппированными обществами живетъ человѣкъ, тѣмъ больше удобствъ можетъ имѣть для себя каждый изъ его членовъ,—но при этомъ обыкновенно вокругъ его жилища и больше скопляется различныхъ гніющихъ отбросовъ, близкое сосѣдство которыхъ наноситъ обывателямъ страшный вредъ, дѣлая ихъ больными и сильно сокращая имъ жизнь. Только въ послѣднее время ученые люди обратили свое вниманіе на такое вредное вліяніе разлагающихся отбросовъ на здоровье и продолжительность жизни человѣка, результатомъ чего и явились пробы очистки городовъ и населенныхъ мѣстъ отъ той грязи и нечистотъ, особенно человѣческихъ, которыя въ изобиліи окружали какъ дома въ городахъ, такъ и самые города. Пробы эти показали, что не только въ этихъ мѣстностяхъ уменьшались заразныя болѣзни, но вообще человѣкъ дѣлался здоровѣе, жизнь его становилась продолжительнѣе, а вмѣстѣ съ этими явленіями увеличивалось и благосостояніе всего населенія такихъ оздоровленныхъ мѣстъ.

Изъ всѣхъ гніющихъ веществъ, окружающихъ жилье человѣка, безъ сомнѣнія, самое вредное — это его-же изверженія, или какъ ихъ называютъ „золото“, а потому мы сейчасъ и разсмотримъ, при какихъ условіяхъ это золото приноситъ вредъ человѣку.

1. Оно вредно въ то время, когда начинаетъ бродить;—при этомъ процессѣ являются нездоровые для человѣка газы, которые раздражаютъ его дыхательные органы и нервную систему, и если эти газы или вонь очень сильны, какъ напримѣръ въ отхожихъ ямахъ, то они могутъ совершенно задушить человѣка, чему и существуетъ много примѣровъ.

2. Прокислое золото съ заразными животными, пропитываясь въ землю, портитъ воду колодцевъ, которая будучи употребляема людьми и животными, отравляетъ ихъ и причиняетъ различныя болѣзни.

3. Зараженныя земля и вода заражаютъ и воздухъ, которымъ дышатъ люди и животныя, и которые въ свою очередь также заражаются, болѣютъ и умираютъ. Вотъ такимъ то образомъ и распространяются холера, тифъ, дезинтерія, оспа и многія другія заразныя болѣзни.

Итакъ, мы видимъ, что отъ нечистоты городовъ и заселенныхъ мѣстъ населеніе часто болѣетъ, преждевременно умираетъ, хотя, привыкнувъ къ окружающимъ его ежедневно явленіямъ, и не замѣчаетъ ихъ непормальности.

Видѣть разницу тѣхъ или другихъ измѣненій общественной жизни можно при помощи статистическихъ данныхъ, которыя намъ и показываютъ, что тамъ, гдѣ введена правильная очистка городовъ, смертность населенія уменьшились на $^1/_3$ и болѣе.

Но эта правильная очистка вездѣ встрѣчала большія затрудненія и препятствія, какъ со стороны самаго населенія, такъ и по своей дороговизнѣ. Домовладѣльцы, не желая платить за вывозъ нечистотъ, спускали ихъ въ артезіанскіе колодцы или въ рѣки, пруды и городскія трубы, какъ это дѣлаютъ и въ настоящее время не только бѣдные, но и богатые домовладѣльцы и фабриканты г. Москвы. Но не только этотъ,—но и другіе виды вывоза и свалки нечистотъ, какіе практикуются у насъ въ Россіи, а въ особенности въ Москвѣ, тоже приносятъ жителямъ очень большой вредъ. Обыкновенно, какъ это дѣлается во всей Россіи, человѣческія нечистоты вывозятся въ естественномъ видѣ за городъ, на отведенныя для этого мѣста, гдѣ онѣ и разлагаются; при разложеніи, какъ уже извѣстно, появляется масса очень маленькихъ животныхъ и грибковъ, которыя наполняя собою землю, воду и воздухъ, попадаютъ въ человѣка и часто заражаютъ его разными болѣзнями. Названіе и видъ этихъ животныхъ и грибковъ весьма разнообразны, что мы и увидимъ сейчасъ въ сильно увеличенномъ видѣ при помощи

волшебнаго фонаря. Эти животныя размножаются очень сильно, и если-бы только имъ было достаточно нужнаго для нихъ корма, то они бы заполнили собой весь земной шаръ. причинивъ всему живому смерть въ нѣсколько дней; но такъ какъ такихъ благопріятныхъ условій для нихъ пока еще нѣтъ, то ихъ развитіе ограничивается. При содержаніи же своихъ жилищъ и окружающихъ ихъ мѣстъ въ чистотѣ и опрятности мы могли бы и совсѣмъ не имѣть такого близкаго и опаснаго сосѣда.

Польза отъ скопленія нечистотъ. Въ противоположность вреду гніющихъ нечистотъ, человѣкъ можетъ извлечь изъ нихъ даже большую пользу, употребляя ихъ какъ удобреніе для своихъ полей, не давая имъ гнить и бродить близъ своего жилья. Стоящіе передъ нами 12-ть пузырьковъ и баночекъ показываютъ намъ части, изъ которыхъ состоитъ человѣческое золото, и мы видимъ, что оно имѣетъ почти одинаковый составъ съ навозомъ животныхъ, которымъ удобряютъ поля, покупая его въ городахъ по сравнительно дорогой цѣнѣ. Человѣческое же удобреніе имѣетъ еще большую силу чѣмъ навозъ, а его почти повсюду выбрасываютъ въ ямы вокругъ города и оставляютъ безъ употребленія, заражая землю, воду и воздухъ. Но это происходитъ вовсе не отъ незнанія, что золото вообще полезно для земледѣлія, но только отъ того, что человѣку противно возится съ той отвратительной массой нечистотъ, которая вывозится изъ отхожихъ ямъ, а между тѣмъ, сколько мы теряемъ чрезъ это добра—даже трудно и выговорить, но легко вычислить, и мы этимъ займемся.

Уже опытами доказано, что остатками отъ 15 чел. въ годъ можно унавозить 1 десятину земли, если мы употребимъ жидкія и твердыя части изверженія. Считая въ Россіи 100.000.000 жителей—мы имѣемъ отъ нихъ удобренія болѣе чѣмъ на 7.000.000 десятинъ земли, но между тѣмъ мы почти совершенно не пользуемся этимъ добромъ, по истинѣ можно сказать—дорогимъ золотомъ. Что мы теряемъ черезъ это, мы легко можемъ видѣть изъ слѣдующаго разсчета—навозъ, положенный на десятину въ достаточномъ количествѣ, увеличиваетъ ея цѣнность отъ 40 до 60 р. и если мы возьмемъ среднюю цифру въ 50 р., то мы, не употребляя этого навоза, теряемъ 350.000.000 р. только отъ того, что пренебрегли такимъ дешевымъ удобреніемъ для цѣлей сельскаго хозяйства. По разчетамъ же Гомилевскаго каждый человѣкъ въ Россіи производитъ удобренія на 4 р. въ годъ, что составитъ на всю Россію 400.000.000 р. Если же эту сумму перевести на дѣла благотворительности, то считая на содержаніе престарѣлаго работника или солдата, старухи или ребенка урода по 200 р. въ годъ, мы могли бы на эти деньги содержать болѣе 1.750.000 человѣкъ; но это еще не все, что мы теряемъ отъ пренебреженія хлѣбопашца золотомъ. Золото, употребленное для удобренія, кромѣ того что увеличиваетъ плодородіе земли, но и будучи запахано, не заражаетъ мѣстности и тѣмъ самымъ въ городахъ, съ правильно устроенной очисткою нечистотъ, понижаетъ смертность населенія среднимъ числомъ на 10%, что при нашемъ населеніи въ Россіи въ 100.000.000 жителей, составитъ сбереженіе жизней около 35,000 въ годъ, считая общую смертность въ годъ 350.000. Такимъ образомъ мы ясно увидали, какой вредъ происходитъ отъ того, что мы не умѣемъ пользоваться золотомъ, за которымъ не надо ходить въ страшныя степи и горы далекой Сибири и не надо для полученія его бросать семью, свой домъ, а только взять изъ подъ ногъ то, что такъ пагубно отражается и на хлѣбопашествѣ, и на здоровьѣ человѣка, не будучи во-время употреблено для земледѣлія.

Теперь мы разсмотримъ, какимъ-же образомъ можно было бы безъ отвращенія пользоваться человѣческими остатками для цѣлей земледѣлія и оздоровленія городовъ и населенныхъ мѣстъ. Такой способъ весьма простъ и дешевъ и состоитъ въ переводѣ твердыхъ и жидкихъ человѣческихъ изверженій въ моментъ ихъ выдѣленія въ такой видъ, который для каждаго земледѣльца не только не противенъ, но даже пріятенъ, напоминая собою видъ хорошаго чернозема, что и происходитъ при помощи засыпки изверженій обыкновенной сухой землей. Это дѣлается весьма просто, но между тѣмъ засыпанныя землею изверженія не издаютъ запаха и легко перевозимы по городу въ открытыхъ телѣгахъ. По высушкѣ на воздухѣ нечистотъ, засыпанныхъ землею, получается черноземъ безъ всякаго запаха и очень пріятнаго вида, въ чемъ и можно убѣдиться, разсмотрѣвъ прилагаемыя коробки съ веществомъ, которое называется компостомъ. Это вещество есть самое лучшее удобреніе для земли, ибо оно содержитъ въ себѣ какъ твердыя изверженія, такъ и жидкія, которыя еще больше важны для удобренія, чѣмъ твердыя; за-границею: въ Америкѣ, Индіи, Англіи и Германіи многіе города давно уже обратили вниманіе на этотъ земляной способъ переводить нечистоты въ тотъ видъ, который удобенъ для хлѣбопашца, огородника и садовода, здоровъ и дешевъ для городскаго и сельскаго населенія, почему имъ и начали пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Прежде чѣмъ закончить мой разсказъ, я вкратцѣ замѣчу, что прекрасное свойство земли уничтожать запахъ отъ всякаго рода гніенія и дѣлать процессъ разложенія гніющихъ веществъ безвреднымъ для человѣка, было извѣстно еще очень давно: такъ Моисей предписывалъ въ Библіи употребле-

ніе земли для засыпки изверженій (кн. Второзаконія, глава XXIII, ст. 12 и 13). Въ ней Моисей приказалъ каждому еврею носить на поясѣ лопатку, которой бы онъ могъ внѣ своего жилища вырыть ямку и, по совершеніи въ нее своей нужды, вырытой же землей засыпать изверженія. Какъ видите – все это просто и удобопримѣнимо и къ нашему времени, но только въ немного измѣненной формѣ, а именно, намъ не придется рыть ямки каждый разъ, да зимою и не докапаешься до земли, а нужно съ осени нарыть земли, просѣять её и ею уже засыпать свои изверженія въ продолженіи холоднаго времени года, поставивъ близъ своего жилья небольшой деревянный ящикъ. Весною или лѣтомъ компостъ надо просушить и свозить въ поля и огороды для запашки его въ землю.

Для лицъ, кои не пожелали-бы каждый разъ засыпать свои изверженія лопатою, существуютъ приборы, простаго устройства, подъ названіемъ земляные клозеты, которые сами засыпаютъ человѣческія изверженія, только надо каждому потребителю его, уходя, опустить крышку на сидѣніе клозета.

Есть клозеты, гдѣ моча отдѣляется отъ твердыхъ частей, но тогда компостъ теряетъ болѣе $^3/_4$ своего хорошаго качества какъ удобренія. Замѣчательное при земляной засыпкѣ явленіе то, что если землю съ изверженіемъ мы высушимъ, то получается снова хорошая земля, которая еще лучше уничтожаетъ запахъ изверженій и скорѣе ихъ перерабатываетъ, чѣмъ свѣжая земля. Это свойство впервые было замѣчено американскимъ пасторомъ Мулемъ, который первый занялся этимъ явленіемъ, развилъ употребленіе земляной засыпки, а также и первый придумалъ механическое земляное судно. У насъ-же въ Россіи первымъ, обратившимъ вниманіе общества на это важное дѣло пастора Муля, былъ бывшій профессоръ Императорскаго Техническаго Училища инженеръ Панаевъ, который въ 1872 году читалъ лекціи про земляную систему засыпки нечистотъ въ городахъ и селахъ, а также издалъ по этому предмету нѣсколько книгъ. Земля для засыпки изверженій можетъ быть всякая, отъ уличной пыли до суглинка и супеска, лишь бы она были сухая; количество ея потребленія весьма ничтожно, а именно не болѣе 3 ф. на человѣка въ сутки.

Теперь у насъ въ Россіи уже во многихъ мѣстахъ примѣняется эта система въ довольно большихъ размѣрахъ, даже въ центрѣ Москвы болѣе 12 лѣтъ при домѣ 1-й Женской Гимназіи (на Страстномъ бульварѣ) на 800 ч. устроены земляные клозеты, которые, засыпая всѣ изверженія, не даютъ запаха и по содержанію своему обходятся въ 5 разъ дешевле, чѣмъ употребленіе для этой же цѣли воды.

Когда у насъ города, села и деревни перейдутъ на земляную засыпку всѣхъ своихъ нечистотъ и станутъ употреблять ихъ на нужды земледѣлія, тогда картины городовъ съ ихъ предмѣстьями сильно измѣнятся къ лучшему. Теперь же при въѣздѣ въ города, особенно большіе, мы видимъ громадныя незасѣянныя поля съ нечистотами, издающими зловоніе и заражающими воду, воздухъ и землю на большое разстояніе кругомъ города, плохенькія предмѣстья съ тощею растительностью и бѣдныя луговыя полянки для корма городскаго скота, но съ введеніемъ земляной системы очистки нечистотъ — поля вокругъ городовъ представятъ тучныя пастбища для скота, нивы съ обильною растительностью и чистый воздухъ для прогулокъ и отдыха трудящагося городскаго населенія.

XXIV.

Южный Берегъ Крыма.

Историческо-географическій очеркъ.

И. В. Юркевича.

Были показаны картины юж. бер. Крыма.

Въ сѣверной части Чернаго моря расположился небольшой Таврическій полуостровъ, или Крымъ. Кому неизвѣстна его скромная четырехъугольная фигурка, но какая жизнь скрывается подъ этими сухими формами карты, какъ богато его прошлое, —освѣтить именно эту сторону и составляетъ главную задачу нашей бесѣды.

Крымъ является позднѣйшимъ отпрыскомъ, молодымъ придаткомъ Русской Земли. Было время, когда наши южныя моря составляли одно обшир-

ное море, которое соединялось не со Средиземнымъ, какъ теперь, а съ Ледовитымъ океаномъ широкою полосою, тамъ гдѣ протекаютъ Волга, Кама, Печора и др. рѣки. Закончилось уже образованіе Уральскихъ горъ, существовала значительная часть сѣверной и средней Россіи, Кавказъ выступалъ изъ воды небольшимъ островомъ, а Крымъ покоился еще въ зародышѣ на днѣ морскомъ, въ видѣ складки известняка. Впослѣдствіи, когда это море стало измѣнять свое очертаніе, обнаружившееся дно его оказалось покрытымъ слоемъ известняка, называемаго Юрскимъ; въ немъ заключаются ископаемыя растенія: хвощи, папоротники, равно какъ и животныя: кораллы, лучистыя и аммониты. Въ это время появился и Крымъ на дневную поверхность продолговатымъ островкомъ съ пологими берегами и плоскою поверхностью. Эта часть соотвѣтствуетъ гребню Таврическихъ горъ. Море между тѣмъ складывало новыя—мѣловыя образованія По мѣрѣ пониженія его уровня всюду обнаружились залежи мѣлу, которыя и теперь представляютъ живописныя берега по Волгѣ, Донцу и др. рѣкамъ. Тогда же возникли мѣловыя части и Таврическихъ горъ. Такъ мало-по-мало формировался Крымъ; появились потомъ слои песку, глины, мергеля и позднѣйшихъ известняковъ. Мѣстами эти пласты покоятся на мѣловыхъ, слѣдовательно поднятіе Крыма смѣнялось на нѣкоторое время пониженіями его въ морскія пучины.

Одновременно съ моремъ въ образованіи Таврическихъ горъ принимаютъ участіе и вулканическія силы: мѣстами вылились изъ нѣдръ земли огненныя породы и застыли отдѣльными горами, какъ Аюдагъ, Кастель, мысъ св. Георгія и проч. Всѣ онѣ состоятъ изъ твердаго базальта или порфира. Вулканическая дѣятельность въ Крыму проявляется и въ настоящее время тамъ, гдѣ находятся горячіе ключи, нефтяные источники, грязные вулканы близъ Керчи и т. п.

Наконецъ моря Черное съ Азовскимъ и Каспійское отдѣляются другъ отъ друга, Черное находитъ себѣ стокъ въ Средиземное рядомъ проливовъ. Вслѣдствіе такого рѣшительнаго спада водъ возникаютъ обширныя пространства южно-русскихъ степей, связывается съ ними перешейкомъ и степная часть Крыма.

Надъ нынѣшнимъ угловатымъ берегомъ Крыма съ южной стороны всюду замѣтно подымается на нѣсколько саженей старый берегъ, заключающій въ себѣ остатки такихъ растеній и животныхъ, которыя и въ настоящее время живутъ въ черноморскихъ водахъ.

Одновременно съ образованіемъ шло и разрушеніе Таврическихъ горъ. Рельефъ ихъ крайне разнообразенъ. Гребень горъ въ западной части представляетъ волнообразную площадь версты три шириною, покрытую пастбищами, это, такъ наз., Яйла. Восточная часть гребня изрыта проломами и ущельями. Проломъ по верховью Салгира Ангаръ Богазъ издавна служитъ переваломъ изъ сѣверныхъ степей въ южное побережье; въ настоящее время здѣсь проложена прекрасная колесная дорога отъ Симферополя до Алушты. Сѣверный склонъ хребта еще нѣсколько удерживаетъ чередованіе основныхъ пластовъ и въ общемъ довольно правильными покатостями почти незамѣтно сливается съ степными равнинами полуострова, хотя и здѣсь не мало пустотъ, пропастей и хаотическихъ заваловъ.

Съ южной же стороны горы спускаются къ морю чуть не отвѣсною стѣною.

Отъ линіи гребня горъ до моря не болѣе 6—11 верстъ. Горные ливни и морскія волны смыли отсюда все что не представляло основной каменной массы.

Разрушительная сила проникаетъ въ самыя нѣдра горъ, расщепляя ихъ такъ, что цѣлыя скалы обрушиваются въ море, нагромождая у береговъ новые массы.

Небольшая полоска отъ подошвы горъ и до моря мѣстами въ нѣсколько саженей шириною и есть собственно Южный Берегъ Крыма.

Таврическія горы тянутся на 170 верстъ, Южнымъ же Берегомъ считаются только западная часть взморья верстъ на 80, прилегающая къ болѣе высокой массѣ горъ, отъ Георгіевскаго мыса до Алушты. Самая высокая вершина Таврическихъ горъ—Чатыръ-Дагъ, лежащая почти по срединѣ ихъ подымается всего только до 5000 футовъ, однако вліяніе ихъ на климатъ и природу Южнаго Берега изумительны: въ очень немногихъ мѣстахъ земнаго шара можно встрѣтить нѣчто подобное.

Защищенный съ сѣвера, какъ ширмою, горами, и согрѣваемый теплымъ моремъ, Южный Берегъ является природной теплицей Нашего Отечества.

До самыхъ горъ Крымъ не представляетъ ничего особеннаго. Та же однообразная степь, что и до Перекопа съ тощею травою или кустарникомъ. Необходимы особенныя усилія со стороны человѣка, чтобы оживить ее нивами и небольшими садами, главное препятствіе это безводіе. Всюду глинистые пустыри, да солончаки. Тогда какъ „уже на первыхъ косогорахъ сѣвернаго склона, обращеннаго къ голой степи,— зеленѣющіе луга, кучки тополей, фруктовые сады, рощицы различныхъ древесныхъ породъ укрѣпляютъ скаты и въ каждой долинѣ журчатъ свѣжія воды; выше,— большіе лѣса: дуба, бука, вяза, липы, ясеня и дикой яблони. На Южномъ же Берегу—лавры, кипарисы, фиговое дерево, гранаты, маслина и

дикій виноградъ“ *). Въ Симферополѣ—наши морозы и снѣжныя мятели, а за нѣсколько верстъ черезъ горы круглый годъ можно собирать полевые цвѣты, круглый годъ можно обходиться безъ теплаго платья.

Бываютъ, впрочемъ, и здѣсь неожиданно рѣзкія измѣненія въ температурѣ, какъ неизбѣжная дань континентальному климату. Въ концѣ декабря или въ январѣ послѣ чисто лѣтнихъ дней вдругъ въ одну ночь снѣгъ заваливаетъ горы и долины, покрываетъ зеленые лавры и кипарисы несвойственнымъ имъ бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ, морозъ доходитъ до 10°, но подобные холода рѣдки и непродолжительны. Снѣгъ и морозъ являются здѣсь какъ бы развлеченіемъ для жителей, напоминая имъ только о настоящей русской зимѣ, которая всевластно въ это время царитъ на необъятномъ пространствѣ, начинаясь тутъ же за Таврическими горами. Счастливое положеніе на торговомъ морѣ между Европой и Азіей издавна привлекали въ Крымъ человѣка Контрасты въ природѣ частей его, равно какъ доступность со стороны моря и со стороны материка объясняютъ, почему здѣсь постоянно уживались самые разнообразные народы.

Древнѣйшими памятниками пребыванія въ Крыму человѣка служатъ пещерныя постройки, уцѣлѣвшія до нашихъ дней въ такомъ количествѣ, какъ нигдѣ болѣе. Онѣ распространяются по сѣверному склону горъ почти непрерывно отъ Инкермана до Чатыръ-Дага. Устроены обыкновенно въ мѣловыхъ горахъ на сторонѣ, обращенной къ югу. Снаружи чернѣютъ только входы въ пещеры, какъ стрижиныя гнѣзда, а тамъ, внутри горы тысячи и десятки тысячъ комнатъ съ хитрыми ходами и коридорами. Въ иныхъ пещерахъ видны слѣды очаговъ, скамьи, полочки, помѣщенія для большихъ собраній и отдѣльные тайники, въ другихъ—глубокіе колодцы, давильни винограда и мѣста гдѣ складывалось хлѣбное зерно. Здѣсь носится преданіе, что было время, когда пещерныя горы являлись островами и море омывало входы въ пещеры. Невольно вспоминаются странствованія Одиссея, острова циклоповъ и простодушная фигура Полиѳема, —нѣкоторые склонны признать именно Крымъ за ту страну, гдѣ Одиссей столкнулся съ пещерными жителями.

Кто и когда основалъ эти пещеры такъ и остается скрытымъ подъ непроницаемой завѣсой. На самой зарѣ Исторіи человѣчества обитали въ Тавридѣ какіе то Киммерійцы (Киммерійскій—Керченскій проливъ). Ихъ вытѣсняютъ Тавры—скифскаго племени, оставившіе по себѣ память въ названіи самой страны. Но нѣтъ однако достаточныхъ основаній предполагать, что ими построены пещерные города. Достовѣрно одно, что въ историческія времена, пещерными горами пользовались какъ временнымъ жилищемъ и оплотомъ отъ степныхъ набѣговъ, между прочимъ Готы и Греки, здѣсь же находили себѣ надежное убѣжище и первые христіане. Христіанство проникло сюда вмѣстѣ съ Римскимъ владычествомъ.

Въ 6—7 верстахъ отъ Севастополя при вершинѣ знаменитой бухты, на правомъ берегу Черной рѣчки, вздымаются бѣлыя скалы съ остатками на одной изъ нихъ древней греческой крѣпости. Отвѣсные обрывы ихъ усѣяны гротами и пещерами—это Иккерманъ, или городъ пещеръ. Къ одной изъ этихъ скалъ ютится небольшой монастырь св. Климента, основанный въ I в. римскимъ епископомъ Климентомъ, который былъ сосланъ сюда на каменоломни по повелѣнію Римскаго Императора Траяна. Мужественный ревнитель христіанства и сюда внесъ великое ученіе; имъ самимъ была высѣчена въ камнѣ церковь, а его подвижническая жизнь нашла многихъ послѣдователей. Св. Климентъ былъ утопленъ въ морѣ, но дѣло начатое имъ принесло обильные плоды.

Изъ пещерной церкви идутъ ходы въ многочисленыя пещеры, которыя устроены здѣсь въ нѣсколько этажей и всѣ сообщаются между собою Существуетъ ходъ и на самую вершину скалы. Ходы и цѣлыя стѣны отъ времени обрушились во многихъ мѣстахъ, давая возможность судить объ устройствѣ и расположеніи пещеръ снизу. Чудные балкончики и бесѣдки—просто висятъ въ воздухѣ, внушая опасеніе, что обрушатся на вашихъ глазахъ.

Въ окрестностяхъ Бахчисарая почти въ неприступныхъ скалахъ существуетъ, такъ называемый, Успенскій скитъ, устроенный первоначально греками въ XV столѣтіи, когда въ Крыму усилились преслѣдованія Христіанъ со стороны Турокъ.

Греческое населеніе принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ обитателей Крыма. За XIII вѣковъ до Р. Хр. здѣсь уже встрѣчаются греческіе храмы, какъ храмъ Діаны Таврической, гдѣ была поставлена жрицей по волѣ самой богини Ифигенія; народы Тавриды принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ для всѣхъ грековъ въ походѣ Аргонавтовъ и въ Троянской войнѣ.

Малоазійскіе греки издавна основали по берегамъ Чернаго моря многочисленныя колоніи, какъ Одиссосъ (Одесса), Херсонесъ (у Севастополя), Алустонъ (Алушта), Кафа (Ѳеодосія), Пантикапея (Керчь) и мног. друг. Благодаря оживленной торговлѣ. Эти колоніи процвѣтали и являлись настолько сильными государствами, что въ теченіе многихъ вѣковъ отстаивали свое существованіе

*) Э. Реклю. Всеобщая Географія. Томъ 5. Стр. 445.

отъ безконечныхъ вторженій варваровъ. Тяжелыя времена наступили для Тавриды съ IV в. Страшныя полчища гунновъ въ 376 году, уничтоживши въ Европѣ обширную Готскую державу, вторгаются опустошительнымъ потокомъ въ Крымъ, разворяютъ совершенно Босфорское царство, разрушаютъ нѣкоторыя и греческія колоніи. Часть готовъ въ это время оттѣснена была въ самыя горы, гдѣ они и держались послѣ того до XVII вѣка.

Далѣе степная часть Крыма, какъ игрушка переходитъ изъ рукъ въ руки отъ одного народа къ другому. Въ VII и VIII вѣкахъ ею владѣютъ хазары; въ IX и X—печенѣги; въ половинѣ XI в. печенѣги были порабощены половцами или команами. Царство командовъ, въ свою очередь, рушится со вступленіемъ въ Крымъ монголовъ-татаръ.

Въ то же время въ горной части—Римское вліяніе съ паденіемъ З. Римской имперіи смѣняется Византійскимъ. Христіанство получаетъ прочную основу и проливаетъ благодать своего ученія на варварскіе народы, приходившіе въ столкновеніе съ Византіей. Въ это время особенное значеніе пріобрѣтаетъ херсонесская республика, занимавшая, такъ наз. Трахейскій полуостровъ (между Севастопольской и Балаклавской бухтами).

Здѣсь положено было начало неизмѣримо важному событію въ исторіи русскаго народа — Крещенію Руси; въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 988 году принялъ крещеніе Владиміръ св.

Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ величественный храмъ во имя св. Владиміра. Внутри этого храма находятся остатки церкви, въ которой, какъ думаютъ крестился нашъ князь. Теперь это пустынная, печальная мѣстность въ двухъ верстахъ къ западу отъ Севастополя. Раскопки въ послѣднее время обнаружили остатки обширнаго города христіанской эпохи, а еще глубже подъ ними возникаетъ изъ могильнаго мрака древнѣйшій Херсонесъ—языческихъ временъ. Много изъ остатковъ Херсонеса пропало безслѣдно, частью увезено турками въ Константинополь, частью употреблено на постройки въ Севастополѣ.

Древнѣйшимъ изъ христіанскихъ памятниковъ грековъ служитъ Георгіевскій монастырь (въ 12 верстахъ отъ Севастополя). Онъ расположенъ на суровыхъ базальтовыхъ скалахъ, отвѣсно и на большую высоту, вздымающихся надъ моремъ.

Здѣсь именно и находился знаменитый языческій храмъ Діаны, гдѣ сиужила Ифигенія жрицей, гдѣ такъ жестоко поступали со всякимъ чужеземцемъ, принося ихъ въ жертву дѣвственной богинѣ.

Сломлено окончательно могущество греческихъ колоній въ Крыму было въ XIII вѣкѣ. Это совпало съ появленіемъ монголовъ-татаръ. Въ половинѣ XIII вѣка торговлю на черномъ морѣ захватили въ свои руки генуэзцы. За содѣйствіе Палеологамъ, при возстановленіи Византійской имперіи, они добились исключительнаго права торговли въ Крыму, византійскія суда не должны были входить въ гавани греческихъ колоній. Генуэзцы становятся затѣмъ единственными посредниками въ сношеніяхъ татаръ съ Европой. Греческія колоніи — замерли, а вскорѣ и вовсе запустѣли.

Одновременно съ покореніемъ Россіи, монголы-татары овладѣли и Крымомъ. Крымъ является нѣкоторое время улусомъ Золотой Орды; но въ концѣ XIII в. ногайцы, отдѣлившіеся отъ Орды, устраиваютъ здѣсь самостоятельное Крымское царство. При династіи Гиреевъ съ XV по XVIII в. Крымское царство становится могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ турокъ, водворившихся съ XV вѣка въ Европѣ — на мѣстѣ одряхлѣвшей Византійской Имперіи. Первою столицею Крымскихъ хановъ былъ городъ Солкатъ теперь мѣстечко Старый Крымъ близъ Ѳеодосіи. Городъ этотъ татары сдѣлали сильною крѣпостью, что по татарски значитъ Керемъ, или Крымъ; отсюда названіе перешло и на весь полуостровъ, тѣмъ болѣе что и со стороны материка на перешейкѣ татары устроили сильную преграду отъ непріятеля, — перекопавъ его широкимъ рвомъ, и поставили укрѣпленіе — Перекопъ. Огражденный съ другихъ сторонъ моремъ полуостровъ является въ глазахъ татаръ дѣйствительно крѣпостью—Крымомъ.

Съ XV же вѣка, со времени вторженія на полуостровъ турокъ, столица Крымскихъ хановъ переносится въ Бахчисарай (дворецъ садовъ) удерживавшій за собой названіе резиденціи хановъ до окончательнаго присоединенія Крыма къ Россіи. Онъ и теперь еще сохранилъ свой татарскій чисто восточный характеръ. Глубокое ущелье, въ которомъ лежитъ Бахчисарай имѣетъ 5 в. въ длину и версту въ ширину. Высокія крутыя горы и скалы свѣтложелтаго цвѣта нависли надъ нимъ съ обѣихъ сторонъ. Незатѣйливые татарскіе дома окружены зеленью садовъ; между жилищъ возвышаются тонкіе минареты многихъ татарскихъ мечетей, въ видѣ бѣлыхъ башенъ съ остроконечной крышей, и высокіе тополи, окаймляющіе обѣ стороны мутнаго ручья Чурюкъ-су, протекающаго по самой лощинѣ. Въ концѣ города находится предметъ гордости Крымскихъ хановъ въ былое время—ханскій дворецъ. Впрочемъ, вслѣдствіе неоднократныхъ передѣлокъ и подновленій въ немъ многое утратило свою оригинальность и непосредственную прелесть. Вполнѣ хороши и теперь еще его многочисленные замкнутые дворики-сады съ ихъ вѣчно журчащими фонтанами; невольно подъ ихъ вліяніемъ испытываешь какое то успокоительное и пріятное чувство нѣги.

Съ усиленіемъ могущества Россіи пали Золотая Орда и Казанское Царство, а Крымцы долго еще были грозою всей восточной Европы. Польша и Литва, Малороссія и Московское государство то и дѣло подвергаются грознымъ набѣгамъ Крымскихъ татаръ *) Только при Екатеринѣ II, послѣ блестящей войны съ турками послѣдовало присоединеніе Крыма къ Русскимъ владѣніямъ. Какъ извѣстно послѣдній ханъ—Шагинъ-Гирей въ 1783 году отказался отъ престола, былъ отправленъ на житье въ Калугу, а въ Крыму водворяются Русскіе и такимъ образомъ наступила для него новая эпоха - господства Россіи.

Съ трудомъ можно указать еще какую нибудь страну на землѣ, которой бы пришлось такъ много пережить и вынести на своихъ плечахъ, что пережилъ этотъ незначительный уголокъ. Однако ему суждено было еще разъ быть театромъ ужасной международной драмы; я говорю о Крымской кампаніи 1853 — 1855 года. Памятниковъ этого печальнаго событія много въ Крыму, но самымъ выразительнымъ — является Севастополь и его окрестности.

По какой вы не пройдете дорогѣ—по направленію ли къ Балаклавѣ, или къ Аккерману, вы вездѣ наткнетесь на обширныя могилы, гдѣ покоются жертвы этой войны. Обширнѣе всѣхъ кладбище французовъ, оно въ шести верстахъ отъ города. Стоя въ самомъ центрѣ города, на возвышенности у собора св. Владиміра вы видите самое дорогое для каждаго русскаго сердца—„братское кладбище“, за графскою пристанью и за бухтою на сѣверной сторонѣ, среди пустынной мѣстности, рѣзко выдѣляется темная зелень молодой рощи, тщательно одѣвающей обширный холмъ. Подъ сенью этихъ деревьевъ лежатъ всѣ наши защитники Севастополя. Посреди множества простыхъ братскихъ могилъ, куда складывались сотнями убитые, возвышаются и отдѣльные надгробные памятники, какъ напр. памятникъ кн. М. Д. Горчакову, генералу Хрулеву и другимъ. Надъ всѣмъ же кладбищемъ почти въ срединѣ его сооруженъ храмъ въ видѣ пирамиды, изъ краснваго порфира щедро украшенный внутри и снаружи. Но лучшимъ украшеніемъ его являются имена героевъ, начертанныхъ, на его мраморныхъ плитахъ. Да и весь Севастополь, такъ хорошо видимый съ этого пункта,—является какъ бы одной неоглядной могилой. Куда ни посмотришь — кругомъ развалины, какъ свѣжія раны и чудится кровь и стоны повсюду. Да, какъ быстро возросъ Севастополь на мѣстѣ пичтожной турецкой деревушки Ахтіара силою генія Потемкина и Екатерины; такъ медленно въ настоящее время онъ возстановляется.

Съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи населеніе въ немъ значительно умепьшилось. (На пространствѣ 540 к. м. теперь считается не болѣе 300 т. жителей), татаръ всего 80 т. человѣкъ, вмѣсто полумилліона, бывшихъ здѣсь лѣтъ сто назадъ. Русскихъ 130 т. ч. по племенамъ встрѣчаются Греки, Армяне Цыгане, Евреи Караимы и др. Татары въ большинствѣ переселились въ Турцію. Деревни и поселенія татаръ теперь незамѣтно ютятся въ горахъ среди небольшихъ садовъ, виноградниковъ и табачныхъ плантацій. Татарскія сакли устраиваются иногда по скату горы такъ, что плоская крыша верхнихъ—является непосредственнымъ продолженіемъ природной скалы, а передняя стѣна съ входною дверью, кончается тамъ, гдѣ начинается крыша слѣдующей сакли и т. д. Проходя по такой деревнѣ большаго стоитъ труда съ дороги не попасть на кровлю какого нибудь дома. Крыша тщательно усыпана землею и укатана валькомъ. Для входа на кровлю служитъ дыра около дымовой трубы изъ внутри. Небольшія улички, какъ горныя тропинки, естественно обозначенныя небольшими потоками, по нимъ съ трудомъ можно взобраться свѣжему человѣку пѣшкомъ или верхомъ.

Днемъ на деревнѣ обыкновенно невозмутимая тишина, надо приглядѣться и прислушаться, чтобы замѣтить здѣсь присутствіе жизни. Всѣ взрослые мужчины на полевыхъ работахъ. Татаринъ крымскій хорошій земледѣлецъ. Тяжела здѣсь его работа. Не плугомъ или сохою, а лопатой да киркою взбиваетъ онъ свою землицу, лежащую на камнѣ и иногда перемѣшанную съ нимъ. Посѣявши хлѣбъ, а больше табакъ, или, посадивши виноградную лозу, онъ не полагается на дождикъ, котораго тутъ иногда лѣтомъ и не дождешься; а проводитъ воду изъ горныхъ ручьевъ, бережно расходуя ее по мѣрѣ надобности; дѣлаетъ это тихо, не спѣша, какъ будто съ лѣнцой: съ одной канавки отвалитъ камушекъ—потекла вода; въ другомъ мѣстѣ камушекъ приставитъ или землицы подсыпетъ и остановился токъ воды и обойдя одну гряду—направляется въ другую и т. д. съ верху до низу обойдетъ онъ и весь свой небольшой участокъ. За то и награждается здѣсь трудъ сторицею и почти безъ риска на неурожай.

Но лишь заходитъ солнце деревня оживаетъ. По тропинкамъ улицамъ безшумно потянулись татарки къ ручью за водой, у каждой въ рукахъ одинъ или два мѣдныхъ, жестяныхъ или стеклянныхъ кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Какая живописная группа! Тутъ и старухи и молодыя, дѣвушки и

*) Генуэзскіе рынки какъ напр. Каффа-Ѳеодосія переполнялись временами плѣнными русскими; иногда количество ихъ доходило до 30 т. чел. Въ малорос. пѣсняхъ и въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей очень часто оплакивается несчастная доля казаковъ невольниковъ.

подростки. Вымыть кувшины и набрать воды не долго; но никто изъ нихъ не спѣшитъ. Собрались онѣ сюда для обмѣна новостями или чтобы щегольнуть своимъ нарядомъ и новымъ украшеніемъ. Костюмъ по существу у всѣхъ одинаковъ. Туфли безъ каблуковъ и запятокъ часто на босу ногу. Широкія цвѣтныя шаровары; бешметъ, (халатъ — платье) стянутый у таліи часто дорогимъ серебрянымъ поясомъ. Маленькая круглая шапочка изъ краснаго сукна съ такими же кистями на боку и съ серебрянымъ или золотымъ наборомъ; наконецъ длинная и широкая накидка на яркой подкладкѣ; шитые серебромъ рукава ея скрѣпляются позади у таліи. Одними она набрасывается на плечи, другими на голову такъ что при случаѣ и лицо можно закрыть. Костюмы крайне разнообразны по своимъ цвѣтамъ и матеріи и украшеніямъ, что обусловливается уже состояніемъ ихъ владѣлицъ. Молодыя татарки часто довольно красивы. Стройный станъ, роскошныя черныя волосы, большіе темныя глаза и правильный овалъ лица, придаютъ имъ большое сходство съ гречанками. Со времени прибытія на полуостровъ, татары смѣшивались все болѣе и болѣе съ одной стороны съ туземнымъ греческимъ населеніемъ, съ другой съ плѣнниками, которые тысячами приводились изъ Россіи. Поэтому крымцы утратили чистоту Монгольскаго типа. Не рѣдко встрѣтишь здѣсь татаръ или съ чистѣйшимъ типомъ нашихъ запорожцевъ или же грековъ.

Подъ вліяніемъ же европейскихъ народовъ обычай многоженства почти вышелъ изъ употребленія. Нравственный складъ смягчился. Сосѣди хвалятъ ихъ честность, прямодушіе, трезвость, любовь къ порядку и уваженіе къ человѣческому достоинству.

Проходя позднимъ вечеромъ не узнаешь той же татарской деревни. Всюду движеніе, гомонъ, борьба юношей, игры дѣтей. Старики сидятъ группами подпирая свои грустныя лица, костлявыми руками. Когда я покидалъ деревню въ ночной тиши раздался призывный голосъ Муэдзина. На свѣтломъ небѣ рѣзко вырисовывался высокій, тонкій минаретъ и наклоненная внизъ фигура съ прижатой къ правому уху рукой. Долго мнѣ еще слышался этотъ жалобный призывъ на молитву. И думалось мнѣ: какъ мало общаго между этимъ добрымъ, честнымъ и смирнымъ земледѣльцемъ татариномъ съ тѣми монголами татарами, которые такъ долго и такъ тяжело властвовали въ Россіи.

„Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ басурманъ и вѣры басурманской.
Противъ бесѣдки той построена мечеть
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ,
О Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
Спокойно ночевалъ отъ ордъ и хановъ ихъ“ *).

*) Экскурсія въ Бакчисарай Симфероп. гимназіи.

Такъ начинается стихотвореніе Великой Императрицы, которое она писала 19 мая 1787 года подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пріема, оказаннаго ей жителями Бахчисарая при первомъ ея въѣздѣ въ городъ наканунѣ и спокойно проведенной ночи.

Впрочемъ и нынѣшній Крымъ мало походитъ на прежній. Нѣтъ здѣсь обширныхъ городовъ, нѣтъ бывалаго торговаго движенія — оно перешло въ другіе пункты—Одесса, Таганрогъ, Ростовъ и др. Южный берегъ въ настоящее время не больше, какъ всероссійская дача, паркъ и садъ украшенный многочисленными виллами и дворцами. Это наша Италія въ миніатюрѣ. Сюда со всей Россіи стремятся люди разнаго дѣла и положеній, чтобы хотя на время отвести душу, забыться отдохнуть.

Теперь Крымъ связанъ съ внутренней Россіей желѣзной дорогой; которая приводитъ васъ въ Севастополь. Отъ сюда черезъ горы и по всему Южному берету проложено прекрасное шоссе, устроенное княземъ Воронцовымъ. Когда, вскорѣ по открытіи этого пути, лѣтъ 60 тому назадъ, провезли здѣсь Императора Николая Павловича, онъ въ восторгѣ замѣтилъ: „Теперь у меня есть свой Симплонъ“. (Симплонъ удобный проходъ въ Альпахъ устроенный по повелѣнію Наполеона I).

Высшая точка перевала черезъ Таврическія горы приходится на 55-й верстѣ отъ Севастополя у деревни Байдары; перевалъ назыв. Байдарскія ворота. Отсюда-то впервые открывается чудный видъ на море и на южный берегъ.

„Италія не поразитъ васъ такъ, какъ нашъ Крымскій южный берегъ. Южный берегъ встаетъ передъ вами во всей своей изумительной нечаянности. Послѣ безпредѣльнаго однообразія и новороссійскихъ степей, послѣ унылыхъ и безводныхъ солончаковъ Перекопа, предъ вами открывается вдругъ безконечное изобиліе воды, зелени, утесовъ; глубокая синева итальянскаго неба яркія краски, рѣзкія тѣни ложаться тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ видимъ безцвѣтность и плоскость“ *),

Видъ съ Байдарскихъ воротъ много выигрываетъ, если является возможность любоваться имъ при восходѣ солнца. Для этого въ Байдарахъ, на станціи почтовой, приходится ночевать, а на зарѣ взобраться по выше на скалы. На лѣво отъ васъ отвѣсная стѣна Яйлы богато одѣтая сосновымъ лѣсомъ и уходящая въ облака. Вправо - дикая скала Форосъ, прорывая горизонтъ и упирающаяся въ самое море, а спереди безконечная морская даль и лента южнаго берега, очертанія котораго пока скрадываются и смягчаются дымкою утренняго тумана. Но вотъ, позлатилось взлобье Фороса, заигралъ свѣтъ на вершинахъ Яйлы; брызги лучей захватили и васъ, и наконецъ изъ пучины

*) Е. Марков. Очер. кр. 37 стр.

морской блеснулъ узкій серпъ солнца не спѣша выплываетъ и весь солнечный дискъ и все просіяло, какъ волшебною силой все выше подбираются облака все тоньше и прозрачнѣе становится туманный покровъ, еще нѣсколько минутъ и исчезаетъ куда то, распускается, послѣдняя пелена его и все залито чуднымъ живительнымъ утреннимъ свѣтомъ, ясно вырѣзывается извилистая полоска дороги, и дальше среди зелени глубокой виднѣются поселенія и замки,— блестящіе на солнцѣ своею бѣлизной. Отсюда князь Потемкинъ показывалъ императрицѣ Екатеринѣ II, вновь присоединенный ею уголокъ къ Русской Землѣ; это послѣдній пунктъ ея путешествія въ Крымъ, такъ какъ далѣе еще о возможныхъ путяхъ не было и помину. Понятнымъ становится ея замѣчаніе: „Крымъ лучшая жемчужина моей короны“.

Отъ Байдарскихъ воротъ дорога сбѣгаетъ внизъ чуть не по отвѣсной крутизнѣ. Однако, такъ искусно устроена, что не приходится тормозить колесъ и ямщики татары съ увѣренностью мчатъ васъ во весь духъ. На третьей верстѣ скалу не поддававшуюся объѣзду пробили тоннелемъ на протяженіи 20 саж. Дорога вьется такими зигзагами, что нерѣдко приходится возвращаться къ тому мѣсту откуда только что отправились. Мѣста оставленныя вами при этомъ уходятъ почти незамѣтно не назадъ, а вверхъ отъ васъ подымаются.

Спускъ главный конченъ. Дорога тѣмъ не менѣе и далѣе вырѣзана по скату горъ, такъ что слѣва все время—нависшія скалы, въ трещинахъ и выбоинахъ которыхъ пріютились Богъ знаетъ какъ въ одиночку или группами деревья, а справа за полуаршиннымъ барьеромъ крутой обрывъ—пропасть и тамъ внизу лѣса, сады и виноградники прикрывающіе собою хаосъ обваловъ. Здѣсь то по взморью, какъ въ понорамѣ проносятся мимо васъ живописные мѣстечки – дачи Кикенеизъ, Лимены, Симеисъ, Алупка, Мисхоръ и др.

Алупка самое роскошное имѣніе на Южномъ Берегу; устроено стараніемъ кн. М. С. Воронцова. Парки, сады и лѣса, сливаясь вмѣстѣ, тянутся отъ самаго моря и до подножія горъ, прикрывая собою хаосъ сѣрыхъ камней. Какое удивительное разнообразіе въ частяхъ и какая чудная гармонія въ цѣломъ.

Изъ темнаго лѣса вѣковыхъ каштановъ выходишь на безмолвную поляну съ бархатистою травкою, которую нога не рѣшается топтать. Обожженные солнцемъ утесы съ таинственными гротами, смѣняются—прудами или озерами съ бѣлыми лебедями и плачущими до земли ивами по берегамъ. Рощи лавровъ кипарисовъ, платановъ и тополей чередуются съ группами олеандровъ, розовыхъ аллей и великолѣпныхъ магнолій особенно поразительны магноліи съ своими гигантскими цвѣтками до $^1/_4$ аршина въ поперечникѣ. Все это оживляется многочисленными и своеобразными постройками замѣчательными иногда въ художественномъ отношеніи, какъ напр. Алупкинскій дворецъ Воронцова.

Лучшій видъ на Алупкинскій дворецъ — замокъ съ юга. Когда подымаешься отъ берега моря по волшебному парку, онъ какъ то вдругъ, неожиданно открывается во всей своей восточной прелести, и широкая бѣлая лѣстница, обставленная чудными изваяньями бѣломраморныхъ львовъ, во всѣхъ моментахъ ихъ пробужденія, отъ глубокаго зловѣщаго сна у подножія, до грознаго рыканія въ преддверіи дворца,—идетъ черезъ террасы ко входу замка... Прямо съ верхней площадки вы входите въ громадную полукруглую нишу, всю изрѣзанную внутри скульптурными украшеніями.

Въ глубинѣ ниши огромная входная дверь. Замокъ построенъ изъ діорита очень оригинальнаго сѣро зеленаго цвѣта. Это дѣлаетъ его несокрушимо прочнымъ и какъ то сурово прекраснымъ... Эти тѣнистыя террасы съ тропическими растеніями, эта роскошь фонтановъ и висящихъ балкончиковъ, эти стройныя какъ минареты, изящно выточенныя изъ камня, трубы и башенки дворца, плоскія кровли, балконы наверху, неправильные уступы крышъ, капризные повороты стѣнъ, обиліе закоулочковъ и галлерей, тѣсныхъ проходовъ и потаенныхъ двориковъ, дверочки и окошечки тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь, чисто—арабскіе купола башенъ,—все это востокъ самый характерный, самый несомнѣнный. Тѣнь, прохлада и тишина—вотъ господствующая идея постройки. Она вполнѣ восточная и притомъ крымская“ *).

Обратите вниманіе какъ этотъ чудный видъ замка заканчивается величественнымъ Ай-Петри: тотъ же сѣро-лиловый оттѣнокъ, тѣ же прихотливые зубцы и башни, что и на замкѣ, только созданы самою природою. Нельзя не замѣтить, что если знаменитая Альгамбра мавританская послужила образцомъ для отдѣльныхъ частей дворца Алупки, то общая картина его созрѣла у художника строителя подъ впечатлѣніемъ вида замѣчательно красиваго и оригинальнаго Ай-Петри.

Хотя Ай-Петри и не самая высокая вершина Таврическихъ горъ (4052′), но она возносится всею своей массою надъ Южнымъ Берегомъ, чуть не отвѣсною стѣною, одиноко безъ соперниковъ и потому кажется гигантской. Она рѣшительно господствуетъ надъ Южнымъ Берегомъ и видна отовсюду. Названіе этой горы, вѣроятно, удержалось со временъ византійской эпохи, когда на ней находился монастырь или церковь во имя св. Петра. Ай Петри—по татарски—гора св. Петра. Въ то

*) Е. Марковъ. Очерки Крыма стр. 415.

отдаленное время на мѣстѣ Алупки существовало греческое населеніе, тогда еще началась обработка каменистыхъ осыпей Ай-Петри. Свидѣтелями этого являются остатки греческихъ укрѣпленій и вѣковые деревья гранаты и кипарисы и пр.

Какъ образецъ колосальныхъ деревьевъ, могу указать на дубъ Верхней Масандры. Ему считается около 600 лѣтъ. Стволъ его мощный и плотный — три сажени въ обхватѣ; главныя вѣтви, что цѣлыя деревья, тянутся на десятки саженей въ стороны. На одной изъ нихъ привѣшены колокола. Рядомъ съ нимъ стоитъ немного помоложе орѣховое дерево. Оба эти гиганта образуютъ тѣнистый сводъ надъ церковью во имя Іоанна Крестителя которая, кажется отъ нихъ миніатюрной. Эта церковь устроена Воронцовымъ на мѣстѣ греческой пришедшей въ ветхость размѣръ и дорическій стиль вполнѣ удержаны при возобновленіи.

Масандра—самое обширное бывшее имѣніе Воронцова—до 800 десятинъ. Она своею запущенностью и дикостью служитъ дополненіемъ Алупки. Въ верхнихъ ея частяхъ среди непроницаемой заросли встрѣчаются глубокія пропасти и ущелья; а въ одномъ мѣстѣ образуется чудный водопадъ. Онъ не великъ, но масса воды ниспадаетъ съ большимъ шумомъ по каменнымъ глыбамъ и раздробляется потомъ на нѣсколько ручьевъ и потоковъ, исчезающихъ среди деревьевъ парка такъ же незамѣтно, какъ и появляется незамѣтно и неожиданно самый водопадъ.

Обиліе воды въ Масандрѣ дало возможность развести здѣсь богатѣйшіе виноградники. Здѣсь же устроены и Воронцовскіе погреба, гдѣ приготовляются и выдерживаются извѣстныя повсюду Воронцовскія вина.

За Алупкой, дачи и дворцы почти сплошь тянутся по Южному Берегу вплоть до самой Алушты: Мисхоръ, Оріанда, Ливадія, Масандра, Магарачъ, Никитскій садъ, Гурзуфъ и т. д. Каждый изъ этихъ уголковъ представляетъ своеобразную прелесть и привлекаетъ массу туристовъ, но наиболѣе характерной является Оріанда, имѣніе В. К. Константина Николаевича. Нигдѣ такъ какъ въ Оріандѣ не выраженъ Южный Берегъ и его богатства. Сочетаніе голыхъ скалъ и самой чудной растительности. Особенно поражаетъ здѣсь производительная сила природы. Такой мощной растительности, такого обилія зелени и тѣни не представляетъ даже и Алупка. Нѣкоторое понятіе объ этомъ обиліи даетъ уголокъ близъ домика, гдѣ теперь пребываетъ В. Кн. послѣ пожара, жертвою котораго сдѣлался прекрасный дворецъ его.

Въ самой срединѣ Южнаго Берега, между Императорской резиденціей Ливадіей и Масандрой, полукруглаго залива расположилась Ялта, это столица, такъ сказать и самый населенный и обширный городъ Южнаго берега. Горы здѣсь довольно далеко отступаютъ отъ моря образуя живописную долину по р. Ялта и Учанъ Су.

Ялта весьма быстро разростается, кто не видѣлъ Ялты за послѣдніе десять лѣтъ, тотъ не узнаетъ ее теперь. Старая Ялта занимала небольшую восточную часть долины, вокругъ холма на которомъ красуется небольшая церковь. Окрестныя деревни—Аутка, Дереаой и Ай-Василь мало по малу сливаются съ городомъ, первая уже въ городской чертѣ. Далѣе по горнымъ скатамъ разбросано множество дачныхъ построекъ, буквально утопающихъ въ зелени богатыхъ садовъ. Еще выше потянулись лѣса и что особенно важно—лѣса хвойные, состоящіе главнымъ образомъ изъ красивой Таврической сосны. Вѣтры проносящіеся надъ этими лѣсами, насыщаются смолистыми частицами и несутъ съ собою живительную силу поселившемуся здѣсь человѣку. Окрестности Ялты считаются лучшею въ Крыму климато-лѣчебною станціей, къ осеннему времени сюда стекается болѣе 15 тысячъ пріѣзжихъ.

Въ Ялтинской долинѣ издавна существовали греческія поселенія; городъ носилъ имя Ялиты или Галлины. Остатки небольшой греческой церкви въ Ай-Василѣ сохраняются и по настоящее время. Изъ Ялтинской долины пролегалъ путь черезъ горы на сѣверъ. Поэтому при самомъ верховье этой долины находилась сильная крѣпость для защиты отъ вторженія непріятеля со стороны горъ. Въ данное время отъ крѣпостной башни или замка замѣтны довольно живые слѣды. Развалины сохраняются на отдѣльномъ утесѣ. Стѣны складывались изъ большихъ тесанныхъ камней на извести.

Развалины земка Исаръ лежатъ въ дикой и живописной мѣстности. Кругомъ высокій хвойный лѣсъ или грозно нависшія горныя скалы.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отсюда находится самый большой изъ Крымскихъ водопадовъ—Учанъ-Су, что значитъ съ татарскаго „летучая вода“.

Я видѣлъ Учанъ-Су въ лѣтное время, когда въ немъ относительно мало воды, однако и въ ту пору онъ производитъ очень сильное впечатлѣніе, лишь станешъ передъ нимъ лицомъ къ лицу. Высоко изъподъ облачныхъ скалъ несется шумный потокъ, неизвѣстно какъ зародившійся и стремительно падаетъ всею своею массою по отвѣсной крутизнѣ на высоту болѣе 50 саженей—въ полѣ вашего зрѣнія, на пути онъ два или три раза переламывается отъ неровности своего жесткаго ложа, разлетаясь при паденіи съ уступа на уступъ въ брызги и пѣну, что придаетъ ему особенную прелесть и невольно заставляетъ почувствовать въ немъ какъ бы живую силу; онъ реветъ и стонетъ, и злится на эти лѣсныя безстрашныя скалы, что нарушили его мѣрный бѣгъ. Изъ подъ ногъ вашихъ онъ ска-

тывается въ пропасть, которая отдѣляетъ васъ отъ стѣны горъ, и только тамъ глубоко внизу воды его снова, собираясь нѣсколькими ручьями, образуютъ рѣчку подъ тѣмъ же именемъ, вливающуюся въ море.

По словамъ знатока Крыма Е. Маркова размѣры Учанъ-Су въ полую воду, на горахъ, въ апрѣлѣ—такъ велики, что онъ превосходитъ силою и высотою паденія извѣстный водопадъ Швейцаріи — Штаубахъ, считающійся въ 130 саженей. Съ этимъ вполнѣ согласуется замѣтка объ Учанъ-Су въ описаніи путешествія Екатерины II „въ полуденный край Россіи:“ Знаменитѣйшіе изъ каскадовъ составляютъ источники рѣчки Акаръ-Су, находящейся въ 8 верстахъ отъ Ялты, кои, падая съ высоты крутаго каменнаго утеса, болѣе 150 саженъ отъ поверхности земли, зрѣлище достойное удивленія представляютъ“ *).

Къ водопаду Учанъ-Су, кромѣ проселочной дороги изъ Ялты черезъ Аутку, Ай-Василь и Исаръ, ведетъ прекрасное шоссе, построенное въ 1872 году инженеромъ Шишко, который съумѣлъ провести ее не только съ искусствомъ хорошаго инженера, но и съ талантомъ художника. Отъ водопада эта замѣчательная горная дорога проложена по склону хребта Таврическихъ горъ до верхней плоскости Яйлы. Поэтому въ настоящее время поѣздка на Ай Петри представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ прогулокъ изъ Ялты. Она требуетъ цѣлаго дня.

Въ началѣ іюня, около семи часовъ утра небольшой компаніей частью въ экипажахъ, частью верхомъ мы отправились изъ Ялты. День обѣщаетъ быть хорошимъ, на небѣ ни облачка. Крымское солнце, не смотря на раннюю пору дня, даетъ себя чувствовать. Съ Ливадійскаго шоссе свернули вправо, мимо водопада Учанъ-Су, прямо на перевалъ по новой дорогѣ. Все время ѣдемъ среди роскошныхъ лѣсовъ. Здѣсь только они и сохранились во всей своей первоначальной прелести, бладаря усиленнымъ заботамъ правительства. До тысячи футовъ высоты сплошь—великолѣпная Таврическая сосна, достигающая гигантскихъ размѣровъ, далѣе, футовъ на 700 выше, начинаютъ преобладать букъ и грабъ. Дорога по одной и той же горѣ часто дѣлаетъ пять и больше поворотовъ, которые сверху кажутся лежащими въ одной плоскости. Горные ключи служатъ какъ бы станціями, гдѣ останавливаются поить лошадей. Чудная дорога смѣло врѣзывается въ гору, подымаясь болѣе чѣмъ на 4000 ф. надъ уровнемъ моря а между тѣмъ экипажъ вашъ катился по ней ровно и спокойно, вовсе того не замѣчая. Можно съ увѣренностью сказать, что колесная дорога на Ай-Петри, представляя истинный образецъ инженернаго искусства, принадлежитъ въ то же время къ числу самыхъ живописныхъ горныхъ дорогъ, какія только существуютъ гдѣ либо. по тѣмъ величественнымъ картинамъ природы, которыя поражаютъ васъ здѣсь на каждомъ шагу, при каждомъ поворотѣ. Ровно въ 12 часовъ мы взъѣхали на гребень Яйлы. Передъ нами обширная равнина, покрытыя пастбищами; кое гдѣ виднѣются отары овецъ.

Остановились мы у невзрачной татарской сакли, гдѣ можно добыть проводника и кое что закусить. Съ нами былъ захваченъ значительный запасъ провизіи и вина. Мы предполагали съ нею расправиться на самомъ Ай-Петри, но тамъ—никакихъ приспособленій, а главное не достанешь воды; по этому рѣшили отдохнуть на выдающейся здѣсь скалѣ, извѣстной подъ именемъ скалы Шишко, въ память строителя дороги. Хорошо приготовленный по мѣстному шешлыкъ—жаренная на кострѣ баранина съ лукомъ, вино, чай и проч., были довольно скоро нами уничтожены и затѣмъ мы отправились пѣшкомъ. Отъ скалы Шишко до вершины Ай-Петри всего версты три, колесной дороги нѣтъ, а верховыхъ лошадей у насъ было мало.

Пастбища довольно скоро смѣняются обнаженнымъ известнякомъ, подъемъ дѣлается чувствительнымъ, проходимъ около часу и мы, наконецъ, на самой вершинѣ Ай-Петри. Мы на высотѣ 4052 футовъ.

Что за дивная картина представилась нашему взору! Самое пылкое воображеніе не можетъ создать ничего подобнаго.

Предъ нами или, лучше, подъ нами—карта всего Южнаго берега, чуть не всей нагорной части Крыма, но какая карта? Карта въ натуральной окраскѣ, карта залитая солнечнымъ свѣтомъ и теплотою, карта одухотворенная движеніемъ, настоящею жизнью. Горизонтъ со стороны моря просто необъятный. Влѣво отъ насъ виднѣется Ѳеодосійская гора, до нее около 100 верстъ. За нею вправо—Аю-дагъ, Ялта, мысъ Айтодоръ, Мисхоръ, Алупка, Симензъ, Лимены; словомъ весь Южный берегъ, вся Яйла какъ на ладони. Замѣчательно, все это кажется на плоскости; лѣса и сады не больше травы луговой, а дворцы и замки, буквально, какъ карточные домики. Хорошо что мы раньше все видѣли въ отдѣльности, теперь и въ миніатюрѣ все можно узнать. Съ нами была отличная труба, такъ что являлась возможность разрѣшать и туманныя пятна. Долго, долго мы наслаждались необычайнымъ зрѣлищемъ и, нехотя, около шести часовъ вечера двинулись къ экипажамъ. Вѣтеръ, хотя и небольшой, сталъ свѣжѣть и пронизывать насъ на сквозь. На обратномъ пути пришлось проходить мимо пропастей, при ближайшемъ

*) Путеш. Екатер. II, Спб. 1786 г. стр. 68.

знакомствѣ съ ними—на днѣ ихъ можно замѣтить массы льду; этими ледниками пользуются въ Ялтѣ; изъ нихъ извлекается ледъ и къ Высочайшему двору, во время пребыванія его въ Ливадіи. На мѣстѣ прежняго привала ждалъ насъ кипящій самоваръ и запасъ теплаго платья, чѣмъ мы и воспользовались съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Только послѣ захода солнца стали спускаться съ Яйлы. Прибыли въ Ялту около 10 часовъ вечера. При вечернемъ освѣщеніи. Ялта много выигрываетъ и становится положительно не узнаваема. Темныя сосѣднія горы, въ нѣсколько ярусовъ безчисленные огоньки въ домахъ, разноцвѣтные фонари на морскихъ судахъ, темно-синее небо съ блестящими большими звѣздами и ярко вырисовывающійся обликъ луны переносятъ васъ въ Италію, въ Неаполь.

Да, неизгладимы впечатлѣнія отъ природы Южнаго берега, глубоко ихъ вліяніе на душу.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ напомнить замѣчаніе о Крымѣ извѣстнаго ученаго естествоиспытателя прошлаго вѣка Палласа,—близко знавшаго Южный берегъ.

„Соединеніе ужасающаго великолѣпія горъ, поднятыхъ въ облака и громадныхъ обрушившихся скалъ съ роскошнѣйшею зеленью садовъ и лѣсовъ, съ ручьями и водопадами, отовсюду сбѣгающими; наконецъ, сосѣдство моря, растилающаго свои безбрежныя дали,—все это дѣлаетъ эти долины самыми живописными и самыми очаровательными, какія только можетъ вообразить или нарисовать самый восторженный, поэтическій геній. Простая жизнь добрыхъ татарскихъ горцевъ, которые населяютъ эти райскія долины, ихъ хижины, покрытыя землею, на половину высѣченныя въ каменистыхъ скалахъ горъ и почти спрятанныя въ густой листвѣ окружающихъ садовъ; стада козъ и маленькихъ овецъ, разсыпавшіяся по обрывамъ уединенныхъ скалъ, стоящихъ вблизи; звукъ пастушьей свирѣли, раздающійся среди этихъ скалъ,—все это рисуетъ въ воображеніи золотой вѣкъ природы. Все заставляетъ любить простую, уединенную сельскую жизнь и снова начинать обожать это жилище смертныхъ (нашу землю), которое сдѣлалось почти невыносимымъ черезъ ужасы войны, черезъ ненавистный духъ торговаго плутовства, распространенный въ городахъ и черезъ порождающую пороки роскошь большаго общества“.

Элизэ Реклю въ своей географіи замѣчаетъ, что Крымъ—одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ уголковъ, которые наиболѣе способствовали развитію у современныхъ русскихъ любви къ природѣ“ *). Если многіе и не имѣли возможности непосредственно любоваться прелестями Южнаго берега, то для нихъ во всякомъ случаѣ не прошли безслѣдно созданія нашихъ поэтовъ и художниковъ, навѣянныя крымскою природою и жизнью. Заключ. въ прилож.

*) Э. Реклю. Томъ V. Всеобщ географ., 441 стр.

Извѣстія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Томъ LXII выпускъ II.

МОСКОВСКІЙ МУЗЕЙ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ Е. Шкафъ 4.
Полка 3. № 3.

ВОСКРЕСНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ

КОЛЛЕКЦІЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО МУЗЕЯ.

(годъ одиннадцатый).

(1887—88 ГОДЪ).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Секретаря Комитета Музея

В. Д. Левинскаго.

Библіотека Императорскаго Археологическаго Общества
2 апрѣль 1890
676

МОСКВА.
„Русская" типо-литографія, Тверская, домъ Гинцбургъ.
1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Президентъ Общества ординарный профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

I.

О жемчугѣ, особливо ручьевомъ.

Н. Ю. Зографа.

Были выставлены: образцы раковинъ и жемчуга; показывались картины волшебнаго фонаря по добыванію и строенію жемчуга.

Обыкновенно мы представляемъ себѣ жемчугъ такимъ же недоступнымъ, такимъ же скрытымъ отъ людей веществомъ, какъ алмазы, какъ золото, для поисковъ которыхъ надо много потрудиться, много разрыть почвы и промыть песковъ, много раздробить каменныхъ породъ; на самомъ же дѣлѣ, жемчугъ оказывается веществомъ совсѣмъ не столь недоступнымъ и скрытымъ въ нѣдрахъ земли; онъ есть ничто иное, какъ выдѣленіе, говоря проще, выпотѣніе мягкихъ частей нѣкоторыхъ изъ двустворчатыхъ слизняковъ, живущихъ какъ въ моряхъ, такъ и въ прѣсной водѣ.

Лучшіе сорта жемчуга достаются изъ раковинъ, живущихъ въ отдаленныхъ, теплыхъ моряхъ, напримѣръ, въ Палкскомъ проливѣ, который отдѣляетъ островъ Цейлонъ отъ полуострова Индостана, въ Ормузскомъ проливѣ, соединяющемъ Индѣйскій океанъ съ Персидскимъ заливомъ; ловля этого жемчуга очень трудна и опасна, такъ какъ теплыя моря кишатъ тысячами громадныхъ, хищныхъ рыбъ—акулъ, для которыхъ проглотить человѣка совсѣмъ не трудно; поэтому то лучшіе сорта жемчуга, которые назывались въ старину бурмицкими зернами, очень рѣдки и очень дороги. Средніе и низкіе сорта жемчуга доставляются многими раковинами; всего чаще ихъ добываютъ изъ Китайской жемчужницы, изъ благородной шенны, и изъ рѣчной, вѣрнѣе говоря, ручьевой жемчужницы. Эти сорта въ прежнее время были совсѣмъ дешевы, особенно сорта ручьеваго жемчуга, но теперь и они значительно подорожали, вслѣдствіе того, что жемчужницы стали попадаться въ значительно меньшемъ количествѣ, такъ какъ ихъ слишкомъ небрежно и хищнически вылавливали и уничтожали. Ручьевой жемчугъ въ старые годы назывался Вятскимъ, такъ какъ его всего чаще привозили изъ Вятской и Вологодской губерніи, и въ прежнее время былъ такъ обыкновененъ, что жены богатыхъ бояръ и торговыхъ гостей вышивали и вынизывали имъ свои кокошники, повязки и сарафаны, а въ монастыри сплошь и рядомъ приносили этотъ жемчугъ въ даръ цѣлыми горстями.

Но откуда же берется жемчугъ въ раковинѣ слизняка, и каково его строеніе? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо сперва въ краткихъ чертахъ познакомиться съ наружнымъ устройствомъ мягкихъ частей слизняка, находящагося внутри его двустворчатой раковины. Для примѣра возьмемъ того слизняка, котораго часто вытаскиваютъ изъ нашихъ рѣкъ или проточныхъ прудовъ неводами, и который въ просторѣчьи называется перловицей.

Мягкое тѣло перловицы завернуто справа и слѣва въ двѣ тонкія мягкія пластинки, которыя сходятся и срастаются между собою на спинѣ слизняка. Въ этихъ пластинкахъ слизнякъ лежитъ завернутымъ, какъ въ мантію или одѣяло, и сами эти пластинки поэтому называются ученными мантіей, или епанчей. У новорожденнаго, только что вылупляющагося изъ яйца слизняка эта мантія уже покрыта сверху двустворчатою раковиной, которая съ возрастомъ дѣлается все толще и толще, вслѣдствіе того, что съ поверхности мантіи выпотѣваетъ вещество, твердѣющее и все болѣе и болѣе утолщающее раковину. Такимъ образомъ, слѣдовательно, вещество, составляющее раковину, образуется мягкой слизистой мантіей слизняка.

Раковина перловицы снаружи, какъ извѣстно, зеленовато-бурая, а у старыхъ перловицъ почти совсѣмъ черная. Съ внутренней же стороны рако-

вина перловицы очень красива; она состоитъ здѣсь изъ краснваго перламутра, того самаго перламутра, который употребляется для запонокъ, вѣеровъ, альбомовъ и другихъ подѣлокъ. Между верхнимъ, бурымъ, роговымъ слоемъ и внутреннимъ—перламутровымъ, находится еще слой, такой же твердый и красивый какъ и перламутровый, но не имѣющій краснваго перламутроваго отблеска, а бѣлый, какъ фарфоръ, почему его и зовутъ фарфоровымъ слоемъ. Разобрать эти слои у перловицы совсѣмъ не трудно; роговой слой легко отходитъ отъ раковины, если ее покипятить въ растворѣ соды, или нагрѣть въ растворѣ ѣдкаго кали, и тогда подъ нимъ обнаруживается фарфоровый слой. Если поскоблить фарфоровый слой лезвеемъ стальнаго ножа, то подъ нимъ обнаруживается наружная сторона слоя перламутроваго; этимъ пользуются мастера; они соскабливаютъ роговой и фарфоровый слои и полируютъ слой перламутровый, который отъ полировки дѣлается очень красивымъ и идетъ тогда на разныя бездѣлушки и красивыя вещицы.

Если посмотрѣть на разные слои раковины въ микроскопъ, то окажется, что бурый, роговой слой не имѣетъ сложнаго строенія, а фарфоровый слой состоитъ изъ цѣлыхъ тысячь шестигранныхъ столбиковъ, поставленныхъ рядами, какъ пчелиные соты; перламутровый же слой состоитъ изъ мельчайшихъ твердыхъ частицъ, которыя располагаются многочисленными, очень тонкими слоями. Какъ перламутровый, такъ и фарфоровый слой состоятъ изъ вещества почти прозрачнаго, и ихъ бѣлый или молочный съ пестрымъ отблескомъ цвѣтъ зависитъ только отъ того, что свѣту нужно проходить черезъ цѣлыя тысячи слоевъ, разбиваться объ уголки шестигранныхъ столбиковъ, или неправильно изгибающихся слоевъ подъ самыми разнообразными углами. Что лучъ свѣта, разбиваясь объ острое ребро прозрачнаго граненаго предмета разлагается на разные цвѣта радуги, извѣстно каждому; каждый знаетъ, что лучъ солнечнаго или ламповаго свѣта, падая на грань подвѣшенной къ лампѣ стекляшки, граненой графинной пробки, или граненаго драгоцѣннаго камня, начинаетъ блестѣть и сіять самыми красивыми, самыми яркими цвѣтами радуги. Въ перламутрѣ происходитъ то-же; лучъ свѣта, разбиваясь объ острый уголъ того или другаго слоя перламутра, разлагается на различные оттѣнки радуги, почему имѣетъ свой характерный отблескъ. Французы пробовали придавать такой отблескъ стеклу и горному хрусталю, изчерчивая ихъ поверхность алмазомъ въ разныхъ направленіяхъ и подъ разными углами, и производили этотъ опытъ вполнѣ успѣшно.

И такъ, значитъ, красивый перламутръ обязанъ своей красотой своей своеобразной слоистости.

Если мы вырѣжемъ изъ раковины точеную поперечную пластинку и отшлифуемъ ее на оселкѣ или наждакомъ такъ, чтобы она была толщиной съ почтовую бумагу, то, разсматривая эту пластинку въ микроскопъ, мы увидимъ на ней всѣ слои раковины въ точной послѣдовательности, а также замѣтимъ и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ на внутренней поверхности раковины небольшая напухлость или утолщеніе, особенно хорошо развился слой перламутра.

Нѣкоторыя утолщенія на внутренней поверхности раковины особенно высоки: такія утолщенія обыкновенно имѣютъ округлую форму и на шлифахъ и на распилахъ сказываются состоящими изъ многочисленныхъ, покрывающихъ другъ друга слоевъ перламутра. Изъ совершенно такихъ же слоевъ перламутра состоятъ и тѣ жемчужины, которыя находятся внутри слизняковъ, почему ученые и пришли къ заключенію, что жемчугъ того же происхожденія, какъ и перламутръ. Что это вѣрно, въ томъ имѣются многочисленныя доказательства и указанія. Если, напримѣръ, между мантіей и раковиной слизняка положить посторонній предметъ, напримѣръ камешекъ, катышекъ воска, кусочекъ картона, то эти предметы обольются жемчужнымъ слоемъ, и станутъ жемчужными: китайцы давно знаютъ это, и приготовляютъ такимъ образомъ изъ облитаго жемчугомъ воска идольчиковъ Будды и разные другіе предметы. Также жемчужины образуются на томъ мѣстѣ, гдѣ въ мантіи была сдѣлана рана или уколъ. Въ срединѣ жемчужины или нароста всегда находятъ или какое-нибудь посторонее тѣло, напримѣръ песчинку, щепочку, или пустое пространство, происшедшее вѣроятно оттого, что вещество, послужившее для образованія жемчужины, успѣло сгнить и разложиться. И такъ, слѣдовательно, жемчужины ничто иное, какъ результатъ болѣзненнаго, ненормальнаго раздраженія мантіи слизняка, изливающей въ раздраженномъ мѣстѣ избытокъ вещества, образующаго жемчужину.

Но какъ же жемчужина можетъ образоваться естественнымъ путемъ, при обыденной жизни, когда слизнякъ такъ хорошо и плотно защищенъ отъ всѣхъ невзгодъ своей раковиной? На это отвѣчаютъ намъ наблюденія надъ жизнью перловицы. Перловица иногда, встревоженная какимъ-нибудь обстоятельствомъ, напримѣръ неосторожной рыбой, упавшимъ камнемъ, быстро захлопываетъ раковину, вслѣдствіе чего въ ея отворки легко можетъ попасть окружающій перловицу песокъ; такъ какъ сплошь и рядомъ въ томъ или другомъ мѣстѣ мантія немного отстаетъ отъ раковины, то подъ раковину можетъ попасть песчинка и произвести жемчужину. Кромѣ этого и подобныхъ ему случаевъ образованія жемчуга, многіе ученые предпочитаютъ, что образованію рѣчнаго жемчуга отчасти помо-

гаетъ небольшой паучокъ, называемый по латыни Atax ypsilophorus. Этотъ паучокъ-клещъ живетъ въ створкахъ слизняковъ и тамъ же откладываетъ свои яички; если яички по нечаянности будутъ отложены подъ раковину, то онѣ легко могутъ быть облиты перламутромъ и дадутъ начало жемчужинѣ.

Ознакомившись съ тѣмъ, что такое жемчужина, зададимъ себѣ вопросъ, на что же похожа она по своему химическому составу? Химическій составъ жемчуга очень простъ; онъ состоитъ главнѣйшимъ образомъ изъ углекислой извести, т. е. того самаго вещества, которое составляетъ и известнякъ, и мѣлъ, и мраморъ. И угольной кислоты и извести въ водѣ, гдѣ живетъ перловица или жемчужница, много, и ея организму остается только вырабатывать изъ этого матеріала перламутръ и жемчугъ. Въ тѣхъ водахъ гдѣ извести нѣтъ или очень мало слизняки и живутъ съ большимъ трудомъ.

Сортовъ жемчуга очень много, и они зависятъ отъ многихъ причинъ, отъ того, отъ какого слизняка жемчугъ, отъ того, пойманъ ли онъ въ одномъ или другомъ мѣстѣ, наконецъ отъ возраста слизняка. Рѣчной жемчугъ въ настоящее время добывается только въ ручьяхъ лѣсистыхъ частей Баваріи, да и тамъ онъ становится все рѣже, объ нашемъ же Вятскомъ жемчугѣ стали позабывать окончательно. Рѣчнаго жемчуга много сортовъ. Благородный рѣчной жемчугъ добывается изъ раковинъ настоящей ручьевой жемчужницы, которая по своему виду во многомъ напоминаетъ простую перловицу, но значительно ея больше, темнѣе и снаружи грубѣе. Если въ водѣ, гдѣ жила жемчужница, много желѣза, то жемчугъ становится не благороднымъ; онъ получаетъ желтоватый или буроватый оттѣнокъ, и теряетъ свой отблескъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются удобныя условія для образованія жемчуга, но гдѣ въ водѣ мало извести, изъ раковины вынимаютъ много жемчужинъ, но онѣ очень мелки и неправильны по своей формѣ; такой жемчугъ зовутъ зернистымъ или сѣменодобнымъ жемчугомъ. Многіе предполагаютъ, что въ рѣкахъ могутъ попадаться также и черныя жемчужины, какъ изрѣдка въ морскихъ жемчужницахъ, но это мнѣніе не заслуживаетъ вниманія. Черныя жемчужины морскихъ слизняковъ— прекрасныя жемчужины, почернѣвшія отъ какой-либо сторонней причины, напримѣръ, бывшаго по сосѣдству разлагавшагося вещества и т. п., тогда какъ рѣчныя черныя жемчужины ничто иное, какъ небольшіе наросты или бородавочки на наружномъ, роговомъ слоѣ раковины.

Я уже сказалъ выше, что рѣчныя жемчужницы стали большой рѣдкостью. Въ Баваріи еще уцѣлѣли ручьи, гдѣ ихъ разводятъ и гдѣ о нихъ пекутся. Въ этихъ, заповѣдныхъ мѣстахъ не позволяютъ ловить рыбу, ходить по водѣ, очищаютъ воду отъ падающей листвы и падали, слѣдятъ за каждой раковиной и время отъ времени ранятъ мантію или подпускаютъ подъ нее твердыя вещества. Такой уходъ и попеченье о жемчужницѣ не остается безъ выгодъ, принося хозяину хотя небольшой, но обезпеченный и постоянный доходъ. У насъ, въ Россіи, въ нашихъ холодныхъ ручьяхъ Сѣвера есть еще много жемчужницъ, но о нихъ не только не заботятся о нихъ совершенно позабыли и теперь врядъ-ли осталось много стариковъ, которые могли бы указать, гдѣ и въ какихъ ручьяхъ производили ловъ жемчуга. А между тѣмъ и у насъ эта отрасль промысла могла бы пропитать не одну семью жителей непривѣтливаго, сурового Сѣвера.

II.

Полезные гады.

А. А. Тихомирова.

Были показаны соотвѣтствующія картины при помощи волшебнаго фонаря.

Очень часто мы относимся совершенно несправедливо къ тѣмъ животнымъ, которыя насъ окружаютъ: съ удовольствіемъ смотримъ, часто того не подозрѣвая, на нашихъ злѣйшихъ враговъ и съ ужасомъ смотримъ на животныхъ, не только совершенно невинныхъ, но даже и весьма полезныхъ; такъ, напримѣръ, лягушки, жабы, саламандры, ящерицы, змѣи русскими людьми такъ и зовутся прямо гадами. Уже самое названіе показываетъ, какими представляются эти животныя русскому человѣку. Изъ сейчасъ названныхъ животныхъ еще пожалуй лягушка и ящерица покажутся лучше дру-

гихъ; но все-таки почти всякій, кому приходится взять въ первый разъ лягушку или ящерицу въ руки, дѣлаетъ это съ отвращеніемъ, другіе даже съ какимъ то страхомъ; а съѣсть, напримѣръ, лягушку, подъ какимъ бы вкуснымъ соусомъ она ни была приготовлена, даже и образованный человѣкъ не всякій рѣшится. Но мало того, что гадовъ почти всѣ считаютъ какими то нечистыми животными, имъ готовы еще приписать и различныя ядовитыя свойства; о нихъ готовы разсказывать и слушать самыя вздорныя сказки, какъ, напримѣръ, то, что саламандры не только не сгораютъ, когда попадутъ въ огонь, но что онѣ даже могутъ жить въ немъ. А между тѣмъ большинство такъ наз. гадовъ, если мы ближе познакомимся съ ихъ жизнью, окажутся не только ничуть не отвратительными и вредными животными, а напротивъ — и очень милыми, и очень полезными. Посмотримъ же на нихъ поближе.

Изъ всѣхъ гадовъ намъ всего чаще попадаются на глаза лягушки. Несмотря на то, что сравнительно со многими другими гадами, лягушки сами по себѣ красивыя животныя, тѣмъ не менѣе большинство людей и ихъ считаетъ обыкновенно отвратительными созданіями природы, и каждый помнитъ то непріятное чувство, которое ощутилъ, взявъ въ первый разъ въ жизни лягушку въ руки. Это непріятное чувство является, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: 1) тѣло лягушки представляется холоднымъ и во 2) оно всегда бываетъ покрыто слизью. И о томъ, и о другомъ мы должны здѣсь сказать нѣсколько словъ. Мы знаемъ, что наше собственное тѣло всегда тепло, при чемъ теплота эта бываетъ одинаковой какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Конечно, снаружи наше тѣло можетъ значительно остыть, но внутри оно остается всегда одинаково теплымъ (пока мы здоровы); такъ что, напримѣръ, если мы зажмемъ подъ мышками градусникъ и подержимъ его тамъ столько времени, сколько нужно, чтобы онъ согрѣлся, то замѣтимъ, что градусникъ всегда покажетъ одинаковую теплоту (одинаковую температуру, какъ говорятъ); все равно при этомъ, тепло ли будетъ въ комнатѣ, въ которой мы находимся, или холодно. Что мы замѣтили здѣсь о нашемъ собственномъ тѣлѣ, то должны мы сказать и о тѣлѣ звѣрей и птицъ: всякій звѣрь, всякая птица имѣетъ теплое тѣло, и кровь, выпущенная изъ тѣла звѣря или птицы, есть теплая, а потому ученые и называютъ ихъ теплокровными. Напротивъ, у лягушекъ и у другихъ гадовъ тѣло не имѣетъ своей теплоты, и кровь ихъ бываетъ то теплой, то холодной, смотря потому, тепло или холодно будетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится лягушка. Такъ какъ у нея, какъ сейчасъ сказано, тѣло своей теплоты не имѣетъ, то она и не можетъ быть теплѣй, чѣмъ въ воздухѣ, и такъ какъ въ то же время въ воздухѣ бываетъ почти всегда гораздо холоднѣй, чѣмъ наша рука, то потому на ощупь тѣло лягушки и будетъ для насъ всегда холоднымъ. Вотъ первое что намъ кажется непріятнымъ, когда мы, особенно съ непривычки, схватываемъ лягушку. Непріятнымъ намъ оно кажется только потому, что мы привыкли къ другому; мы привыкли, что тѣло всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ мы видимъ постоянно вокругъ себя, тепло, и холодное тѣло лягушки насъ съ непривычки непріятно удивляетъ. Другое обстоятельство, о которомъ, упомянуто и которое тоже дѣлаетъ тѣло лягушки на ощупь непріятнымъ, есть то, что оно всегда покрыто липкой слизью; эта послѣдняя постоянно выдѣляется кожей лягушки, изъ особыхъ мѣшечковъ такъ называемыхъ желѣзокъ. Подобныя же железки есть и въ нашей собственной кожѣ, но онѣ устроены иначе и выдѣляютъ не липкую слизь, а потъ и сало; первый изъ нихъ выводитъ изъ нашего тѣла лишнюю воду и также различныя ненужныя вещества, и способствуетъ охлажденію тѣлъ; второе смазываетъ волосы. Такъ что, какъ видимъ, выдѣленіе нашей собственной кожи служитъ совершенно опредѣленную службу. Къ чему же служитъ липкая слизь, выдѣляемая кожей лягушки. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что слизь эта служитъ для того, чтобы дѣлать кожу всегда влажной. Это же обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе въ жизни лягушки. Въ самомъ дѣлѣ, лягушки, если ихъ держать въ сухомъ мѣстѣ и не давать имъ возможности уходить хоть на короткое время въ воду, для того, чтобы онѣ не могли смочить кожу, очень скоро начинаютъ дохнуть (происходитъ это отъ того, что лягушки дышатъ не только легкими, находящимися у нихъ, какъ и насъ, внутри тѣла, но еще и кожей; отсюда понятно, что кожа ихъ должна находиться въ такомъ же состояніи, какъ и легкое, т. е. прежде всего должно быть постоянно влажною; вотъ почему лягушка, у которой кожа высыхаетъ, сначала слабѣетъ а потомъ и вовсе умираетъ, какъ умеръ бы и человѣкъ, еслибы понемногу сдавливали ему горло и тѣмъ не давали бы свободно дышать).

Холодное и слизистое тѣло лягушекъ, повторяю, быть можетъ, и составляетъ главную причину того, что животныя эти кажутся большинству людей не только непріятными, но даже противными, и почему онѣ, безъ всякой нужды и безъ всякаго сожалѣнія, очень часто истребляются, а между тѣмъ несомнѣнно, что лягушки для насъ животныя полезныя. Ввиду сказаннаго, нелишнее будетъ намъ сегодня познакомиться съ ихъ жизнью. Въ лѣтнюю пору намъ повсюду встрѣчаются два сорта лягушекъ: 1) такъ наз. зеленая или водяная лягушка и 2) травяная лягушка. По формѣ своего тѣла, обѣ онѣ похожи другъ на друга;

широкая треугольная голова, легкое тѣло, короткія 4 палыя переднія ноги и чрезвычайно длинныя 5 палыя заднія ноги сейчасъ же бросаются въ глаза Между собою два вида нашихъ обыкновенныхъ лягушекъ, водяная и травяная, и не учеными легко различаются по своему цвѣту; ученые же находятъ между ними и другія отличія. Всматриваясь ближе въ первую изъ нихъ, мы замѣтимъ прежде всего, что ея большіе глаза на лбу очень близко сходятся между собой; цвѣтомъ она по большей части зеленаго цвѣта, и три продольныхъ полосы желто-зеленаго цвѣта проходятъ вдоль ея тѣла; темно-бурыя пятна разсѣяны по зеленому фону тѣла; на тѣлѣ они разбросаны неправильно, на ногахъ образуютъ поперечныя полоски, на рылѣ каемку, идущую по краю верхней челюсти, и полоску, идущую отъ ноздрей къ глазамъ, съ каждой стороны. Помимо сейчасъ перечисленныхъ отличій зеленой лягушки, укажемъ здѣсь еще одно, которое мы, впрочемъ, находимъ только у лягушекъ этого вида мужскаго пола; а именно, когда онѣ кричатъ, то у нихъ по бокамъ рта выходятъ наружу два мѣшка. Когда лягушка молчитъ, мѣшки эти представляются ни больше, ни меньше, какъ складками на щекахъ; когда же она кричитъ, мѣшки эти надуваются изнутри изо-рта и торчатъ тогда, какъ два гуттаперчевыхъ шара. Такъ какъ зеленая лягушка есть первая, о которой мы сегодня говоримъ, то скажемъ здѣсь нѣсколько поподробнѣй объ образѣ ея жизни. Живетъ наша лягушка столько же въ водѣ, сколько и на сушѣ. Съ весны и до осени днемъ встрѣчаемъ мы ее обыкновенно на берегу, откуда она, въ случаѣ опасности, сейчасъ спѣшитъ броситься въ воду, гдѣ она проводитъ обыкновенно вечеръ и ночь. По образу жизни лягушка наша настоящій разбойникъ, и она пожираетъ всякое живое существо, которое только можетъ одолѣть; такъ что, между прочимъ, она иногда лакомится и мелкой рыбой. Всего больше, конечно, насѣкомыя служатъ ей добычей, и вотъ истребленіемъ ихъ-то лягушка и приноситъ намъ пользу. На зиму, какъ извѣстно, лягушки пропадаютъ. Въ прежнее время, когда жизнью животныхъ интересовались мало, полагали, что лягушки съ наступленіемъ осени умираютъ, а весною новое поколѣніе лягушки рождается изъ земли. Въ настоящее время конечно, даже и необразованный человѣкъ не повѣрилъ бы подобной сказкѣ. Теперь отлично знаютъ, что лягушки остаются всю зиму живыми, а весной онѣ же, оставивъ свои зимнія квартиры, откладываютъ икру, изъ которой и родится новое поколѣніе лягушекъ. Что касается зимовки зеленой лягушки, то, какъ теперь хорошо извѣстно, она проводитъ зиму гдѣ случится подъ водой; при этомъ старыя лягушки зарываются очень глубоко въ илъ; молодыя не въ силахъ зарыться очень глубоко и зимуютъ, зарывшись въ мягкомъ илѣ. Здѣсь лягушки остаются безъ движенія всю зиму; при чемъ ничего не ѣдятъ. (Любопытно, что, если ихъ держать зиму въ домѣ, то и здѣсь онѣ доживаютъ до весны, вовсе не принимая пищи). Очнувшись отъ зимней спячки весною, лягушки откладываютъ свою икру. Эта послѣдняя у зеленой лягушки сравнительно очень мелкая. Изъ каждой икринки черезъ 5—6 дней выходитъ дѣтенышъ, который на видъ скорѣе всего напоминаетъ маисоваго червячка. Только нѣсколько дней спустя онъ принимаетъ всѣмъ извѣстную форму головастика. Это названіе—головастикъ, очень справедливо если мы будемъ говорить только о формѣ и внѣшнемъ видѣ дѣтеныша лягушки, такъ въ это время, онъ, дѣйствительно, состоитъ какъ бы изъ одной головки да хвостика; но мы очень ошиблись бы, если бы сочли переднiй широкій отдѣлъ тѣла головастика за голову. На самомъ дѣлѣ это все тѣло будущей лягушки; на немъ потомъ выростаютъ сначала заднія, а затѣмъ и переднія ноги. По мѣрѣ того какъ выростаетъ и та, и другая пара, измѣняется и видъ головастика: онъ становится все болѣе и болѣе похожъ на лягушенка и, наконецъ, хвостъ его, который уже давно начинаетъ уменьшаться, вовсе исчезаетъ, что у зеленой лягушки случается обыкновенно къ концу 4-го мѣсяца. Вполнѣ взрослой лягушку нашу можно считать только на 5-й годъ. Повидимому, однако она продолжаетъ расти и послѣ этого, т. е. растетъ всю жизнь. Вотъ чѣмъ, вѣроятно, можно себѣ объяснить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этихъ лягушекъ не преслѣдуютъ, онѣ достигаютъ весьма большихъ размѣровъ.

Другая лягушка, часто встрѣчающаяся у насъ—такъ наз. *травяная*. По величинѣ своей она ни больше, ни меньше предъидущей. По цвѣту она отличается рѣзко отъ первой. Но помимо цвѣта ученые еще указываютъ такія отличія: лобъ этой лягушки шире, чѣмъ у зеленой, а потому и глаза дальше стоятъ одинъ отъ другого; дальше, на вискахъ этой лягушки (за глазами) сейчасъ же замѣтно рѣзкое темно-бурое пятно; наконецъ, у самцовъ травяной лягушки, когда они кричатъ, не выступаютъ и по угламъ рта тѣ два мѣшка, о которыхъ была рѣчь и которыхъ называютъ звуковыми (потому что они усиливаютъ звукъ голоса). Не только по своему внѣшнему виду, но и по образу жизни травяная лягушка отличается отъ зеленой или водяной. Послѣдняя получаетъ названіе водяной, потому что держится постоянно около воды; напротивъ, травяная уходитъ далеко въ поля, лѣса и т. д. Питается однако и травяная лягушка такъ-же какъ и водяная, по преимуществу, насѣкомыми (и тѣмъ приноситъ намъ, конечно, большую пользу). Насѣкомыхъ этихъ она залавливаетъ своимъ языкомъ, который она, можно сказать, не высовываетъ, а вы-

кидываетъ изо рта. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что нашъ собственный языкъ устроенъ такъ, что заднимъ своимъ концомъ онъ прикрѣпленъ въ глубинѣ рта, а передній его конецъ свободенъ, и мы можемъ этотъ передній конецъ языка выдвинуть изо рта, или, какъ говорятъ, высунуть. Какъ разъ наоборотъ, у лягушки передній конецъ языка прикрѣпленъ, а задній, глубоко расщепленный, совершенно свободенъ и потому лягушка можетъ его далеко выкинуть впередъ; причемъ онъ, конечно, переворачивается своей нижней поверхностью вверхъ. Уже потому, что у травяной лягушки звуковые мѣшки не показываются наружу можно было бы впередъ угадать, что она не обладаетъ такимъ громкимъ голосомъ, какъ зеленая. Это дѣйствительно такъ и есть; помимо того еще травяная лягушка и неохотница кричать; такъ что лѣтомъ ея голоса вовсе не слышно и ее можно въ эту пору прямо назвать нѣмой.

Познакомившись съ настоящими лягушками, посмотримъ теперь на другихъ гадовъ, къ нимъ близкихъ. Здѣсь прежде всего мы должны сказать о квакшахъ или древесницахъ, которыя водятся въ нашихъ среднихъ и южныхъ губерніяхъ. Древесницы уже во многомъ разнятся отъ настоящихъ лягушекъ. Прежде всего онѣ болѣе, чѣмъ въ половину меньше. Затѣмъ, въ то время, какъ у настоящихъ лягушекъ концы пальцевъ острые, здѣсь пальцы кончаются круглыми подушечками, съ помощью которыхъ древесницы очень крѣпко прикрѣпляются къ тѣмъ предметамъ, по которымъ онѣ лазаютъ. Какъ показываетъ само названіе, лягушки, о которыхъ мы теперь говоримъ, живутъ все время на деревьяхъ, т. е. все лѣто, такъ какъ зиму, подобно настоящимъ лягушкамъ, онѣ проводятъ въ спячкѣ (въ болотѣ). Здѣсь онѣ чувствуютъ себя совершенно какъ дома, прыгая съ вѣтки на вѣтку въ погонѣ за своей добычей; прыгаетъ древесница очень быстро и далеко, и промаха не дѣлаетъ, такъ какъ куда бы она ни прыгнула, она словно приклеивается концами своихъ пальцевъ къ тому мѣсту, на которое попадаетъ. Долгое время не умѣли объяснить, почему пристаютъ такъ крѣпко концы пальцевъ? Думали, что они выдѣляютъ клейкую жидкость и что такимъ образомъ они приклеиваются къ тому мѣсту, котораго касаются. Однако же, еслибы это было такъ, то трудно было бы объяснить, почему же тогда древесница такъ легко отрываетъ свои пальцы. Съ другой стороны, никто никогда не видалъ на самомъ дѣлѣ этой клейкой жидкости на концахъ пальцевъ древесницы. Дѣйствительно, изслѣдованіе показало, что приставаніе пальцевъ древесницы объясняется совсѣмъ инымъ обстоятельствомъ, а именно тѣмъ, что вслѣдствіе особаго устройства концовъ пальцевъ древесницы, когда она ихъ къ чему нибудь прижимаетъ, по ъ ними образуется пустота; а, какъ извѣстно, всякій предметъ, когда подъ нимъ образуется пустота, прижимается къ тому мѣсту, на чемъ онъ лежитъ, тяжестью воздуха (атмосфернымъ давленіемъ, какъ говорятъ). Почему это происходитъ, на этомъ мы останавливаться здѣсь не можемъ; но что это такъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что если мы посадимъ древесницу подъ колоколъ, изъ котораго начнемъ выкачивать воздухъ, то увидимъ, что пальцы ея уже перестанутъ приставать, такъ какъ это имѣетъ мѣсто на открытомъ воздухѣ. Древесницы, и именно самцы ихъ, имѣютъ очень громкій, или лучше сказать, очень звонкій голосъ, такъ какъ у нихъ есть тоже звуковой мѣшокъ. Мы видѣли, что у зеленой лягушки два такихъ мѣшка выходятъ справа и слѣва головы; здѣсь же всего одинъ мѣшокъ и выходитъ онъ наружу подъ подбородкомъ. Въ нашихъ мѣстахъ водится всего лишь одна древесница или квакша древесная. Вообще же древесницъ на свѣтѣ очень много и нѣкоторыя ихъ породы (виды) чрезвычайно любопытны. Мы здѣсь укажемъ только на одну, которую называютъ летающей древесницей. Живетъ она на Зондскихъ островахъ и тѣмъ замѣчательна, что ноги ея напоминаютъ намъ по своему устройству крылья летучихъ мышей. Но только крылья летучихъ мышей представляютъ собою перепонку, натянутую между пальцами переднихъ ногъ, между передними и задними ногами, между задними ногами и хвостомъ; здѣсь же просто только пальцы на переднихъ и заднихъ ногахъ значительно вытянуты, особенно пальцы заднихъ ногъ и между ними до самыхъ ихъ концовъ натянута перепонка. Концы пальцевъ у летучей древесницы представляютъ собою ужь не маленькіе кружочки, какъ у обыкновенной древесницы, а цѣлыя пятерни. Разсказываютъ, что эти древесницы могутъ дѣлать прыжки съ самаго высокаго дерева внизъ, что легко можно себѣ представить, если принять во вниманіе ихъ легкое тѣло и та большихъ 4 зонтика (правильнѣй говоря—парашюта), которые представляютъ собою ихъ конечности.

Мы не можемъ здѣсь не сказать нѣсколько словъ о жабахъ. Если ужь лягушки кажутся многимъ непріятными животными, то къ жабамъ едва ли не большая половина людей питаетъ глубочайшее отвращеніе; мало того, многіе люди убѣждены, что жабы опасныя животныя, что онѣ ядовиты, что если взять ихъ въ руки, то онѣ выпрыскиваютъ изъ себя ядовитую жидкость, отъ которой, если люди не умираютъ, то легко слѣпнутъ. Но мало этого, многимъ изъ насъ приходилось слышать о жабахъ еще и другіе удивительные разсказы. Такъ, между прочимъ, есть повѣрье, что жабы забираются въ хлѣва и высасываютъ у коровъ молоко.

И все это однако сказски, придуманные досужими

людьми. Этимъ сказскамъ охотно вѣрятъ, потому что обыкновенно вѣрятъ всякому дурному слуху о томъ, что намъ не нравится. А что по своей наружности жабы намъ очень не нравятся—это скажетъ почти всякій, и если ужь лягушку не всякій охотно возьметъ въ руку, то о жабахъ и говорить нечего. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что можетъ быть непріятнѣй на видъ нашей обыкновенной сѣрой или земляной жабы. Едва къ вечеру выползаетъ она изъ подъ камней и т. п. или прямо изъ подъ земли;—ея красно-сѣрая, грязная, бородавчатая кожа кажется намъ подозрительной; тяжелое, широкое брюхо, волочащееся по землѣ, не прибавляетъ красоты. Кому же можетъ прійти въ голову, что мы имѣемъ предъ собой не отвратительное существо, отъ котораго лучше было бы поскорѣй избавиться, а добронравное и полезное животное, которое не только не слѣдуетъ убивать, а полезно бываетъ еще развести тамъ, гдѣ его нѣтъ. Польза отъ жабъ на самомъ дѣлѣ та же, что и отъ лягушекъ; особенно полезны жабы въ садахъ и цвѣтникахъ, гдѣ онѣ въ большомъ количествѣ истребляютъ вредныхъ для садоводства насѣкомыхъ (въ Англіи нарочно держатъ для этой цѣли жабъ въ садахъ). Помимо насѣкомыхъ, жабы питаются также и другими мелкими животными; но только непремѣнно живыми; ничего, что не движется онѣ, повидимому, никогда не трогаютъ. Отсюда понятно, что разсказы о томъ, будто жабы сосутъ вымя у коровъ и т. п. просто, какъ сказано, есть вымыслъ, не болѣе. Что касается разсказовъ о томъ, будто жабы ядовиты и что онѣ прыскаютъ изъ себя ядовитую жидкость, то и это совершенно несправедливо: ихъ кожа дѣйствительно богата железами и особенно большія желѣзы находятся у нихъ позади головы (это такъ наз. заушныя железы). Эти железы выдѣляютъ изъ себя слизь, которая если бы она попала намъ въ глазъ или на губы, то показалась бы ѣдкой, вызвала бы зудъ и легкое воспаленіе, но не болѣе. (Замѣтимъ между прочимъ, что эта ѣдкая слизь, выдѣляемая кожей жабы, служитъ ей хорошей защитой отъ враговъ и потому никто, кромѣ змѣй, не нападаетъ на жабъ).

Что касается размноженія жабъ, то оно идетъ точно такъ же, какъ и у лягушекъ, т. е. весною жабы уходятъ для этого въ воду и тамъ откладываютъ свою икру, изъ которой впослѣдствіи выходятъ головастики, которыхъ дальнѣйшее развитіе идетъ совершенно также какъ и у лягушекъ. Однако же зимуютъ жабы не въ водѣ, а подъ землею. Сѣрая жаба, которую у насъ иногда называютъ коровницей, самая большая. Помимо нея, встрѣчаются еще двѣ меньшихъ: измѣнчивая жаба и жаба камышница. Первая изъ нихъ между всѣми остальными жабами отличается чрезвычайно длинными ногами и потому прыгаетъ сравнительно хорошо. По окраскѣ она мало похожа на сѣрую жабу и прежде всего бросается въ глаза своими темнозелеными, крупными пятнами. Жаба камышница самая маленькая между всѣми живущими у насъ жабами. Отличается отъ другихъ очень короткими ногами, а потому совсѣмъ уже не можетъ прыгать. По своему цвѣту она отличается тѣмъ, что разница между свѣтлымъ фономъ и темными пятнами здѣсь не такая рѣзкая, какъ у предъидущаго вида. По образу жизни жаба эта отличается отъ другихъ тѣмъ, что ночь проводитъ въ водѣ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ живутъ еще очень любопытные гады, которые по своему внѣшнему виду напоминаютъ жабъ; но по строенію своему современными учеными относятся еще къ лягушкамъ и называются лягушками рогачами (Ceratophrge). Это самые большіе изъ современныхъ лягушкообразныхъ гадовъ. Они бываютъ уже въ длину до 6 вершковъ и имѣютъ такую большую пасть, что могутъ проглотить большого цыпленка. Рогачами они зовутся потому, что у нихъ надъ глазами кожа образуетъ двѣ большія складки, которыя какъ два рога, украшаютъ голову этихъ лягушекъ. Эти рогачи для насъ интересны еще тѣмъ, что въ кожѣ ихъ находятъ кости. Интересно это потому, что и въ настоящее время находятъ въ землѣ остатки допотопныхъ гадовъ, которыхъ ученые считаютъ родственниками тѣмъ гадамъ, о которыхъ мы сегодня говоримъ и которые достигали такихъ огромныхъ размѣровъ, что одинъ черепъ былъ у нихъ длиннѣй аршина. Этихъ гадовъ называли лабиринтовыми. И вотъ у нихъ въ кожѣ кости образовали цѣлые щиты. Вотъ это составляетъ интересъ, что у нынѣшнихъ, сравнительно маленькихъ, гадовъ мы находимъ черты сходства съ исполинскими гадами, когда-то жившими на землѣ.

Всѣ разсмотрѣнные нами выше гады носятъ названіе безхвостыхъ, такъ какъ они только въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ, пока они бываютъ головастиками, имѣютъ хвостъ; впослѣдствіи же, какъ было сказано, хвостъ этотъ у нихъ пропадаетъ. Есть однако и такіе, которые имѣютъ хвостъ не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но остаются съ нимъ всю жизнь. Изъ такихъ хвостатыхъ, какъ ихъ называютъ, гадовъ упомянемъ объ одномъ, о которомъ, также сложено не мало сказокъ. Это именно пестрая или огненная саламандра. Въ доброе старое время, даже ученые, конечно, съ чужихъ словъ, а не на основаніи того, что они сами видѣли, любили разсказывать о саламандрѣ чудеса: такъ, говорили, что тѣло саламандры такъ холодно, что только отъ ея прикосновенія гаснетъ огонь. Этой сказкѣ такъ вѣрили, что во многихъ мѣстахъ былъ обычай бросать въ огонь во время пожара саламандръ цѣлыкомъ или по кусочкамъ. Затѣмъ разсказывали также, что это—страшно ядовитое животное, что будто человѣку достаточно съѣсть хоть одинъ плодъ съ

того дерева, по которому только прошла саламандра, чтобы умереть. Теперь, конечно, этимъ сказкамъ не всякій вѣритъ, ученые же отлично знаютъ, что саламандра такое же невинное животное, какъ и лягушка. Тѣмъ не менѣе слизь которую выдѣляетъ саламаидра изъ своей кожи,—она выдѣляетъ особенно много этой слизи, когда теряется,—дѣйствуетъ на многихъ животныхъ ядовита. Человѣку она не причиняетъ большого вреда, и только жжется не болѣе. Опыты же, произведенные надъ различными животными, показали, что слизь эта дѣйствуетъ уже какъ сильный ядъ, если ее впрыснуть въ кровь или заставить проглотить. Такъ, замѣчено на птицахъ, что если имъ влить этой жидкости большое количество въ ротъ, то онѣ очень скоро умираютъ, иногда не болѣе какъ спустя всего одну минуту; причемъ съ ними дѣлаются сильнѣйшія судороги, какъ будто бы ихъ отравили стрихниномъ. Легко теперь видѣть, что ядовитость саламандры, нисколько но опасная для человѣка, служитъ ей хорошей защитой отъ враговъ. Саламандра, какъ и остальные голые гады, чувствуетъ себя хорошо особенно тогда, когда солнце несушитъ ея кожи; вотъ почему она обыкновенно весь день сидитъ гдѣ нибудь забившись подъ камнями, подъ корнями деревьевъ и т. п. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ саламандръ много, ихъ особенно легко ловить подъ вечеръ послѣ хорошаго дождя. Тогда они выходятъ рано, еще далеко за свѣтло.

Закончимъ нашу бесѣду описаньемъ еще одного гада. Тѣ гады, которыхъ мы разсмотрѣли выше, называются голыми гадами, такъ какъ у нихъ кожа дѣйствительно голая. Но есть еще другіе гады, которыхъ называютъ чешуйчатыми, такъ какъ тѣло ихъ покрыто роговыми чешуйками. (Сюда напр. принадлежатъ всѣ змѣи и ящерицы). Вотъ къ такимъ-то чешуйчатымъ гадамъ принадлежитъ и хамелеонъ, о которомъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Хамелеонъ давно уже обращалъ на себя вниманіе людей своими двумя свойствами: во 1) способностью мѣнять свой цвѣтъ (вотъ почему о нѣкоторыхъ людяхъ говорятъ: измѣнчивъ какъ хамелеонъ), и во 2) своимъ особымъ способомъ ловить насѣкомыхъ, которыя ему служатъ пищей. Но и помимо этихъ свойствъ хамелеонъ кажется удивительнымъ существомъ: его голова сзади образуетъ высокій гребень, который придаетъ головѣ чудовищную форму, огромные глаза покрыты вѣками такъ, что только два маленькихъ отверстія противъ зрачковъ замѣтны и глаза ворочаются вмѣстѣ съ вѣками. Что придаетъ хамелену особенно страшный видъ, такъ это, что глаза двигаются совсѣмъ независимо одинъ отъ другаго; такъ, чтобы въ то время, какъ одинъ глазъ иногда смотритъ впередъ, другой обращенъ назадъ, одинъ вверхъ, другой внизъ и т. п. Какъ сказано, хамелеонъ легко мѣняетъ свой цвѣтъ, а потому и трудно сказать какого онъ цвѣта: мертвый хамелеонъ обыкновенно сѣраго или сѣрозеленаго цвѣта. Въ живомъ же состояніи онъ бываетъ то бѣлый, то черный, то оранжевый, то желтозеленый, то синезеленый и т. д.; причемъ еще онъ бываетъ покрытъ то пятнами, то полосами. Ученыхъ давно уже занималъ вопросъ, отчего зависитъ эта перемѣна. Оказалось, что въ кожѣ хамелеонѣ находятся въ разный цвѣтъ окрашенные пузырьки или клѣточки, которые могутъ мѣнять свое положеніе другъ около друга; могутъ то лежать рядомъ другъ около друга, то одна подъ одной и т. д., и вотъ смотря потому, какъ эти клѣточки просвѣчиваютъ одна чрезъ другую, измѣняется и цвѣтъ хамелеона. Отчего именно здѣсь зависитъ перемѣна цвѣта, на этомъ мы останавливаться не можемъ, но что цвѣтъ при этомъ долженъ мѣняться—въ этомъ убѣдится всякій, кто возьметъ нѣсколько цвѣтныхъ стеклянныхъ пластинокъ и будетъ ихъ накладывать другъ на друга.—Другое замѣчательное явленіе въ жизни хамелеона есть то, какъ онъ ловитъ насѣкомыхъ, которыя служатъ ему пищей и истребленіемъ которыхъ и этотъ гадъ намъ полезенъ. По отношенію ловли насѣкомыхъ въ хамелеонѣ все разсчитано на то, чтобы не гоняться за ними а, ждать ихъ и безъ промаха ловить. Если мы будемъ наблюдать хамелеона, стерегущаго свою добычу, то онъ намъ можетъ показаться, какъ бы приросшимъ на мѣстѣ: такъ крѣпко и неподвижно стоитъ онъ, охвативъ сучекъ дерева или кустарника (гдѣ обыкновенно и живутъ хамелеоны) своими сросшимися въ два пучками пальцами (у хамелеона на каждой ногѣ 5 пальцевъ, которые срастаются по два и по 3 пальца). Только двѣ части тѣла хамелеона подвижны въ это время: его глаза, изъ которыхъ каждый отдѣльно высматриваетъ добычу и языкъ, который какъ пуля вылетаетъ изо рта хамелеона, когда глазамъ его покажется, что пора ловить добычу. Всякій, кто видѣлъ, какъ хамелеонъ ловитъ свою добычу согласится съ тѣмъ, что языкъ вылетаетъ у него изо рта дѣйствительно, какъ пуля. Нужно замѣтить, что языкъ этотъ устроенъ очень своеобразно. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ довольно тонкостѣнной трубки, составляющей его основаніе и мясистой шапочки составляющей его вершину. Когда языкъ въ покоѣ, то плотно бываетъ нажатъ на косточку (такъ наз. подъязычную кость, которая у основанія широка, а къ вершинѣ съужена. Вотъ на этой-то съуженой вершинѣ и сидитъ мясистая часть языка. Въ тотъ моментъ когда хамелеонъ хочетъ поймать муху, кровь приливаетъ къ его языку и жилы, пробѣгающія по трубчатому основанію языка превращаются въ тугія пружины, которыя и толкаютъ мясистую часть языка впередъ съ большою силой и она соскальзываетъ съ кости на которой сидѣлъ. Такимъ образомъ хамелеонъ какъ

бы выплевываетъ свой собственный языкъ. Слизистая часть языка покрыта липкой слизью и хамелеону достаточно только хоть краемъ ея коснуться, чтобы завладѣть своей добычей, которую онъ втягиваетъ затѣмъ въ ротъ вмѣстѣ съ языкомъ.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ нѣсколько животныхъ, которыя на видъ всѣ кажутся намъ очень неприглядными и къ которымъ вполнѣ прилагается поговорка: наружность обманчива. Многіе на всѣхъ этихъ животныхъ готовы смотрѣть какъ на враговъ и убиваютъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, думая, что тѣмъ приносятъ пользу, а между тѣмъ мы видѣли, что всѣ эти животныя не враги, а друзья наши. Мы видимъ, слѣдовательно, что не все то нехорошо, что намъ не нравится.

III.

Коллекція плавающихъ птицъ.

В. А. Вагнера.

Были выставлены чучела плавающихъ птицъ и показаны соотвѣтствующія картины.

Птицъ, какъ и другихъ животныхъ, для удобства ихъ изученія, дѣлятъ на нѣсколько группъ, соединяя въ каждую такую группу сходныхъ другъ съ другомъ по тѣмъ или другимъ признакамъ. Такъ, напримѣръ, птицъ—большею частію—очень хорошо летающихъ, имѣющихъ крѣпкій загнутый клювъ и сильныя ноги съ большими и острыми когтями, относятъ къ группѣ *хищныхъ*, питающихся животною пищею, птицъ; представителями такой группы могутъ служить орлы, соколы и др. Птицъ, летающихъ не очень хорошо, а иногда и рѣшительно плохо, имѣющихъ не загнутый, а прямой клювъ, толстые пальцы съ лопатообразными когтями—относятъ къ группѣ куриныхъ птицъ, питающихся растительною пищею; представителями группы могутъ служить тетерева, фазаны, куры и др. Птицъ, имѣющихъ пальцы ногъ соединенными перепонкой, питающихся большею частью животною нищею, и главнымъ условіемъ существованія которыхъ служитъ вода—соединяютъ въ группу плавающихъ птицъ; таковы: лебеди, гуси, утки и т. д. Не слѣдуетъ думать однако, чтобы птицы, соединяемыя въ такія группы, были непремѣнно сходны между собою и по формѣ тѣла, и по способу движенія, и по образу жизни; напротивъ, иногда птицы одной и той-же группы представляютъ поразительное разнообразіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Не слѣдуетъ думать поэтому, чтобы только въ одной группѣ находились отличные летуны, или очень умныя, или очень красивыя птицы, какъ это часто предполагаютъ; не однѣ только такъ называемыя хищныя птицы—питаются живою добычей и не однѣ онѣ хорошо летаютъ; не одни фазаны имѣютъ поразительно красивое и блестящее опереніе; не одни голуби являютъ примѣръ нѣжной родительской любви къ дѣтямъ, не одни попугаи умны, и т. д. Во многихъ группахъ мы можемъ встрѣтить подобные же примѣры, и группа плавающихъ птицъ въ этомъ отношеніи представляется самою интересною. Въ ней мы встрѣчаемъ и удивительныхъ летуновъ, которымъ немного равныхъ въ птичьемъ царствѣ, какъ альботросъ и фрегатъ; и такихъ, которыя вовсе летать не могутъ, и даже крылья имѣютъ едва похожія на крыло птицы, какъ пингвины; есть такія, которыя прекрасно ходятъ и бѣгаютъ по землѣ, какъ напримѣръ, гуси; а есть другія, которыя совсѣмъ ходить не могутъ и едва ползаютъ съ помощью крыльевъ, клюва и шеи, какъ нѣкоторыя гагары; есть положительно некрасивыя по формѣ и очень скромныя по оперенію птицы; есть другія, которыя по красотѣ формъ и блестящему оперенію не уступятъ фазанамъ, какъ мандаринскія и каролинскія утки, напримѣръ; есть такія, которыя относятся по строенію ногъ къ плавающимъ птицамъ, но и плохо, и рѣдко плаваютъ, а иногда—какъ фрегаты,—и вовсе не плаваютъ; а есть другія, которыя плаваютъ и на водѣ, и подъ водою изумительно легко и на глубинѣ нѣсколькихъ сажень догоняютъ самыхъ быстро-плавающихъ рыбъ, какъ нѣкоторые нырцы, и т. д.

Ознакомить васъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ нѣкоторыми представителями группы плавающихъ птицъ, которыя во многихъ отношеніяхъ оказываются въ высшей степени интересны-

ми, и будетъ составлять предметъ моей рѣчи сегодня.

Начну съ тѣхъ, которыя стоятъ на рубежѣ нашей группы и такъ называемыхъ голенастыхъ съ *фламинго, или краснокрыловъ*. На первомъ же шагу вы встрѣчаете форму, мало похожую на ту, которая сложилась въ вашемъ воображеніи съ представленіемъ о плавающей птицѣ,—представленіемъ, выработаннымъ, разумѣется, по тѣмъ образцамъ, которые у насъ всегда передъ глазами—какъ гуси и утки, напримѣръ. Рѣзкія особенности этихъ птицъ заключаются, во первыхъ, въ строеніи клюва, который справедливо сравниваютъ съ табакеркой изъ раковины: нижняя половина клюва дѣйствительно похожа на табакерку, а верхняя на крышку; затѣмъ длинныя ноги, которыхъ мы не встрѣчаемъ ни у одной плавающей птицы. Во всемъ остальномъ фламинги похожи на лебедей и по формѣ тѣла, и по длинной шеѣ, и по другимъ признакамъ, о которыхъ я говорить не стану. Краснокрылъ живетъ, главнымъ образомъ, по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей. Держится большими, иногда достигающими сотенъ тысячъ особей, стадами. Во время полета стадо выстраивается въ огромный клинъ и летитъ угломъ, представляя и въ это время такое же красивое зрѣлище, какъ и въ то время, когда она рядами—какъ строй солдатъ—помѣщается на берегу. Питаются фламинги рыбою и мелкими водяными животными, которыхъ ловятъ, опустивъ голову на дно, закрывая и открывая клювъ; все, въ него попадающееся, тщательно изслѣдуется очень чувствительнымъ языкомъ птицы: съѣдобное отцѣживается отъ несъѣдобнаго и заглатывается. Въ глубокой водѣ краснокрылъ легко плаваетъ; летаетъ очень хорошо. Въ неволѣ легко ручнѣетъ и привязывается къ людямъ, которые за нимъ ходятъ; привыкаетъ къ растительной пищѣ, которую въ свободной жизни употребляетъ рѣдко; хотя для здоровья его необходимо и въ неволѣ давать ему, кромѣ варенаго риса, пшеницы, ячменя и хлѣба, еще и небольшое количество животной пищи. При такихъ условіяхъ фламинги живутъ и въ неволѣ многіе годы, какъ они жили, напримѣръ, и въ Московскомъ Зоологическомъ Саду. Гнѣздо Фламинго представляетъ собою конусовидную кучу ила, лотокъ гнѣзда возвышается фута на $1^1/_2$ надъ водою; въ небольшое углубленіе его кладутся яйца и высиживаются самцемъ и самкою. Охота за ними требуетъ большихъ предосторожностей, такъ какъ въ стадѣ всегда нѣсколько птицъ стоятъ на-сторожѣ и предупреждаютъ общество объ опасности. Поэтому охоты на нихъ предпринимаются ночью. Арабы иногда ловятъ ихъ въ это врсмя, подъѣзжая къ стаду на лодкахъ, между которыми натянуты рыбачьи сѣти; въ эти сѣти и попадаютъ взлетающія птицы иногда штукъ по 50. Мясо фламинго считается вкуснымъ и охотно употребляется въ пищу во многихъ мѣстахъ Египта, его красивыя розово-красныя перья крыльевъ употребляются на разныя подѣлки.

Лебедь. Птица эта водится вездѣ, кромѣ странъ тропическихъ. Въ Европѣ живетъ три вида лебедя: *шипунъ* — съ краснымъ клювомъ; *кликунъ* – съ желтымъ клювомъ и *малый* лебедь, который отъ кликуна отличается, главнымъ образомъ, своимъ небольшимъ ростомъ. Кромѣ этихъ лебедей многіе любители держатъ у себя на прудахъ, сравнительно недавно привезеннаго въ Европу изъ Австраліи, чернаго лебедя. По своей красотѣ, по способности размножаться въ неволѣ и осваиваться съ новыми условіями жизни, онъ не только не уступаетъ своимъ бѣлымъ собратіямъ, но даже превосходитъ ихъ. Всѣ названныя породы лебедей содержались въ Московскомъ Зоологическомъ Саду, подолгу въ немъ жили и болѣе или менѣе хорошо плодились. О красотѣ формъ этихъ птицъ, о граціозности и миловидности ихъ движеній я говорить не стану; — это всѣмъ извѣстно; скажу только, что въ этомъ отношеніи лебеди имѣютъ не многихъ соперниковъ въ птичьемъ царствѣ, и не даромъ поэтому о нихъ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ.

Главное мѣстожительство лебедей составляютъ большія прѣсноводныя озера и богатыя водою болота. Вода—ихъ стихія, на сушу выходятъ рѣдко и неохотно. На водѣ лебеди одного вида держатся стадами и не терпятъ въ своей средѣ другихъ птицъ. Питаются разнаго рода растительными веществами: корнями, листьями и сѣмянами водяныхъ растеній; ловятъ также гусеницъ, червей, раковинъ и рыбъ. Пищу добываютъ, роясь въ водѣ, для чего глубоко опускаютъ свою голову. Въ неволѣ привыкаютъ ко всякаго рода пищѣ; предпочитаютъ растительную животной. Гнѣздо лебедей представляетъ большую кучу, въ основаніи которой кладутся всякія водяныя растенія, а сверху большею частью камышъ и подобныя вещества; родители нѣжно любятъ своихъ дѣтей и въ случаѣ опасности храбро ихъ защищаютъ. Охота за ними требуетъ большихъ предосторожностей. Арабы на нихъ охотятся, какъ и на краснокрыловъ. На сѣверѣ къ нимъ стараются подъѣзжать на лодкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ ловятъ на нити верблюжей шерсти съ крючкомъ на концѣ, который наживляется хлѣбомъ или рыбою. Проглотивши такой крючекъ, лебедь сидитъ смирно до прихода охотника. Охотятся за лебедями изъ-за ихъ мяса, которое у молодыхъ очень вкусно, а главное, изъ-за пуха, который имѣетъ высокую цѣнность.

Гуси отличаются отъ лебедей короткою шеей, большой головой съ короткимъ клювомъ и высокими ногами.

Распространены по всей землѣ, причемъ каждая страна имѣетъ свои виды гусей; въ Европѣ и Азіи встрѣчаются нѣсколько видовъ. Одни живутъ болѣе на водѣ, другіе—болѣе на сушѣ, а нѣкоторые принадлежатъ къ числу настоящихъ древесныхъ птицъ: они отдыхаютъ и спятъ на деревьяхъ; на деревьяхъ же устраиваютъ и свои гнѣзда. Птицы эти хорошо ходятъ, плаваютъ и ныряютъ. Питаются травой, которую щиплютъ помощью своего твердаго клюва, сдираютъ имъ кору съ молодыхъ деревьевъ, обрываютъ листья, ягоды, колосья, и т. д. Дикіе гуси преслѣдуются человѣкомъ всячески изъ-за своего превосходнаго мяса и пера. Особенно истребляются они въ періодъ линьки, когда не могутъ подниматься на воздухъ, иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Къ неволѣ привыкаютъ даже въ томъ случаѣ, если пойманы взрослыми, и отлично въ ней уживаются. Содержаніе ихъ очень дешево, и трудно понять почему до сихъ поръ акклиматизировано только два вида этой птицы. Я уже сказалъ, что каждая страна имѣетъ своихъ гусей, изъ чего не трудно заключить, что видовъ этой птицы очень много, и что уже по одному этому—говорить обо всѣхъ ихъ—нѣтъ никакой возможности. Упомяну о нѣкоторыхъ, интересныхъ или по особенностямъ ихъ организаціи, или по образу жизни.

Прежде всего укажу на нашего дикаго гуся, котораго называютъ еще гуменникомъ, сѣрымъ, или кореннымъ гусемъ, и который считается родоначальникомъ нашихъ домашнихъ гусей. Нарядъ его почти весь равномѣрно сѣраго цвѣта, клювъ желто-восковой; ноги блѣдно-красныя. Всѣ, имѣвшіе случай наблюдать за нимъ на свободѣ, удостовѣряютъ хорошія умственныя способности этой птицы: она всегда осторожна и недовѣрчива. Пойманная въ молодости скоро ручнѣетъ; привыкаетъ къ человѣку даже пойманная въ зрѣломъ возрастѣ. Мясо молодыхъ гусей очень вкусно, а перья ихъ лучше, чѣмъ таковыя домашнихъ гусей.

Въ Африкѣ укажу на *шпарцеваго* гуся, который интересенъ въ томъ отношеніи, что на сгибѣ его крыльевъ существуютъ образованія, по формѣ очень похожія на большія шпоры. *Канадскій, или лебединый гусь*, родина котораго въ Сѣверной Америкѣ, принадлежитъ къ числу очень полезныхъ птицъ; мясо его вкуснѣе, чѣмъ у домашняго гуся, его пухъ едва-ли уступаетъ лебединому, а перья по добротѣ превосходятъ таковыя домашняго гуся. Это послѣднее обстоятельство: — что перо дикой птицы оказывается болѣе добротнымъ и крѣпкимъ, чѣмъ перо соотвѣтствующаго рода домашней птицы—можно, впрочемъ, считать для большинства общимъ правиломъ.

Птица домашняя охраняется человѣкомъ отъ ея враговъ и, благодаря его поддержкѣ, менѣе нуждается въ самостоятельномъ добываніи корма, чѣмъ дикая. Отсюда перья перестаютъ играть въ ея жизни ту роль, которую играютъ у ея родичей; ихъ свойства менѣе совершенны, какъ и самый полетъ, къ которому многія изъ домашнихъ птицъ потеряли почти всякую способность.

Фактъ, что накожные покровы съ переходомъ даннаго рода животнаго изъ дикаго въ домашнее состояніе, становятся вообще бѣдными, не ограничивается однимъ классомъ птицъ; мы встрѣчаемся съ нимъ иногда и въ средѣ млекопитающихъ животныхъ: щетина кабана и длиннѣе, и богаче, чѣмъ у свиней въ Россіи; а щетина послѣднихъ считается лучшею въ Европѣ потому, что за-границей свиньи содержатся гораздо лучше и превосходятъ нашихъ по свойству мяса и качеству сала. Измѣняются и становятся менѣе добротными не только накожные покровы, но и самая кожа; русскій скотъ доставляетъ лучшаго качества кожу — именно потому, что онъ хуже содержится, чѣмъ заграничный, что за нимъ меньше уходу; быки, живущіе въ дикомъ состояніи: наши зубры и американскіе бизоны имѣютъ еще болѣе совершенную кожу.

Всѣ эти факты будутъ совершенно понятны, если принять въ разсчетъ, что животное въ неволѣ пользуется болѣе или менѣе совершеннымъ уходомъ, котораго не имѣетъ при жизни на свободѣ, и что если птица въ неволѣ потеряла способность даже летать, то тѣмъ легче потерять ея перьямъ то свойство, которое было имъ полезно, и даже необходимо при свободной жизни, и которое, съ переходомъ въ домашнее состояніе, сдѣлалось имъ болѣе не нужнымъ. Вотъ почему, хотя добротность пера канадскаго гуся и болѣе совершенна, чѣмъ у домашняго,—тѣмъ не менѣе, однако, нельзя разсчитывать, что, съ переходомъ въ домашнее состояніе, это свойство перьевъ сохранится неизмѣннымъ; можетъ случиться, что оно отъ поколѣнія къ поколѣнію будетъ измѣняться, становиться менѣе совершеннымъ, и, въ концѣ концевъ, перья могутъ сдѣлаться почти такими же, какъ и перья теперешнихъ домашнихъ гусей. Во многихъ мѣстахъ этотъ гусь уже прирученъ любителями птицеводства.

Морской гусь—Немокъ—водится на дальнемъ сѣверѣ Стараго и Новаго свѣта; тамъ—на берегу моря въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ живетъ стадами въ сотни тысячъ, въ милліоны штукъ. Крикъ стада пересиливаетъ шумъ разбивающихся волнъ, а взлетающія массы птицъ напоминаютъ широкія и густыя облака. Они гораздо красивѣе многихъ своихъ сородичей; такъ-же, какъ эти послѣдніе—они скоро ручнѣютъ; питаются не только травою, но и насѣкомыми, и мягкотѣлыми животными. Мясо ихъ имѣетъ нѣсколько горькій вкусъ, отъ котораго оно освобождается, если пойманныхъ, нѣкоторое время, кормить зерновымъ хлѣбомъ.

Нильскій гусь—водится въ Африкѣ, но залетаетъ въ Южную Европу; заслуживаетъ вниманія по очень красивому его оперенію· бока головы и передняя часть шеи—желтовато—бѣлаго цвѣта; задняя часть шеи красно-бураго цвѣта; опереніе верхней части—сѣрое и черное; нижней—чало-желтое съ бѣлыми и черными поперечными волнами; гузка красновато-ржаво-желтая; клювъ красновато-синій и т. д. Еще красивѣе *Гирья индустанцевъ*—небольшой гусь, водящійся въ Индіи. У него голова чернаго цвѣта, плечи великолѣпнаго зеленаго и пурпурнаго цвѣта, а задняя часть головы, шея и вся нижняя часть—бѣлыя и т. д.

Куриный гусь—водится въ Австраліи и живетъ болѣе на сушѣ, чѣмъ на водѣ; плаваетъ плохо и неохотно. Эти гуси, какъ и многія другія птицы, при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ совершенно его не боятся и даютъ себя поймать руками, но скоро становятся робкими. Мясо ихъ вкуснѣе, чѣмъ у Европейскаго гуся. Приручаются легко, и въ Европѣ легко уживаются и плодятся; но водворенію ихъ въ нашихъ птичникахъ мѣшаетъ ихъ чрезвычайная драчливость.

Такъ разнообразна и по своему строенію, и по своему образу жизни даже такая небольшая часть плавающихъ птицъ, какую составляютъ гуси: мы встрѣчаемъ и такихъ, которые больше плаваютъ, чѣмъ ходятъ; даже такихъ, которые ходятъ съ большимъ трудомъ, какъ Гирьи, и другихъ, которые, наоборотъ, больше ходятъ, чѣмъ плаваютъ; встрѣчаемъ и некрасивыхъ, и блестяще оперенныхъ. Слѣдующее семейство—утки, представляютъ, какъ мы увидимъ, еще большее разнообразіе.

Утки—распространены по всей землѣ; живутъ и въ морѣ, и въ прѣсныхъ водахъ. Всѣ онѣ чрезвычайно осторожны и робки, хитры и разсчетливы. Плѣнныя—скоро сживаются съ новыми обстоятельствами, и большая часть скоро ручнѣетъ и становится домашнею птицею. У насъ въ Россіи многіе любители дѣлали опыты приручить дикихъ утокъ разныхъ породъ, и въ большинствѣ случаевъ опыты удавались отлично, особенно если для приученія брали не взрослыхъ особей, а выводили молодыхъ въ неволѣ, подкладывая яйца подъ домашнихъ, или прирученныхъ утокъ.—Питаются однѣ растительной, другія—животной, третьи—той и другой пищей. Человѣкъ вездѣ преслѣдуетъ ихъ, главнымъ образомъ, за ихъ вкусное мясо. Видовъ утокъ многое множество; укажу на менѣе извѣстные и наиболѣе интересные

Карагатка или казарка—во многихъ мѣстахъ считается священною птицей. Ея опереніе, въ которомъ преобладаетъ ржаво-красный и желтый цвѣтъ, и ея формы—очень красивы. Водится во многихъ мѣстахъ средней Азіи, южной Европы и Сѣверной Африки. Питается растительной пищей. Интересно ея гнѣздовье, которое устраивается въ норахъ и разщелинахъ скалъ, иногда въ сосѣдствѣ съ коршунами и грифами. Находили также ея гнѣзда въ норахъ байбаковъ, и въ дуплахъ деревьевъ, часто въ нѣсколькихъ верстахъ отъ воды. Выведенные птенцы, обсохнувъ, выпрыгиваютъ изъ гнѣзда и отправляются пѣшкомъ къ водѣ. Въ неволѣ живутъ хорошо и правильно плодятся.

Пѣчанка—живетъ въ умѣренномъ и сѣверномъ поясахъ Европы и Азіи. Опереніе пестрое и красивое. Гнѣздится также въ норахъ; но что особенно интересно, такъ это то, что эти гнѣзда она иногда устраиваетъ въ однѣхъ и тѣхъ же норахъ, въ которыхъ живутъ лисицы, причемъ послѣднія, не щадящія никакихъ птицъ, пѣчанокъ не трогаютъ. На сѣверѣ эта утка имѣетъ большое значеніе: яйца ея высоко цѣнятся тамошними жителями, а пухъ, вынутый изъ гнѣзда, мало чѣмъ уступаетъ гагачьему и даже превосходитъ его чрезвычайною чистотою. Мясо не вкусно, и потому на старыхъ птицъ не охотятся. Приручаются легко и въ неволѣ живутъ прекрасно.

Кряковая утка—всѣмъ извѣстна, и я не стану останавливаться на ея описаніи. Отмѣчу только, что отъ нея произошли разныя породы нашихъ домашнихъ утокъ.

Каролинская утка—распространена въ Сѣверной Америкѣ; она считается одной изъ красивѣйшихъ птицъ въ свѣтѣ и по своимъ изящнымъ формамъ, и по своему блестящему оперенію. Нарядъ селезня трудно описать въ немногихъ словахъ, такъ онъ пестръ! тутъ встрѣчаются и темно-зеленыя, и пурпурно-зеленыя, и золотисто-зеленыя, и ярко каштановыя, и бурыя, и пурпурно голубыя, и черныя, и сѣрыя перья. Глаза ярко красные; ноги—красно-желтыя. Въ Европѣ она прижилась во многихъ Зоологическихъ Садахъ и у любителей. Нечего и говорить, что разведеніе ее у насъ и возможно, какъ это доказали опыты любителей, и желательно. Питаются каролинскія утки растительною пищей; гнѣздятся въ дуплахъ. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно.

Мандаринскія утки—живущія въ Китаѣ и Японіи, обладаютъ еще болѣе блестящимъ нарядомъ. У самца мы находимъ перья зеленаго, пурпурно-синяго, бураго, желтаго, вишнево-краснаго, красно-бураго, стальнаго голубаго, золотисто-желтаго и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Вообще, по блеску, разнообразію и яркости цвѣтовъ оперенія, эти утки не уступаютъ самымъ красиво и пестро оперенным фазанамъ. Попытки приручить этихъ утокъ Въ Европѣ увѣнчались успѣхомъ.

Гага—самый крупный и полезный представитель нырцевыхъ утокъ. Живетъ на сѣверѣ Европы, Азіи и Америки—стадами въ нѣсколько тысячъ особей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охраняется основ-

ными законами, которые однако не всегда соблюдаются. Плаваетъ гага прекрасно и отлично ныряетъ, добывая пищу иногда съ глубины 25 сажень; причемъ подъ водою можетъ пробыть до 6 минутъ. Гнѣздится на сушѣ. Интересно, что тамъ, гдѣ человѣкъ заботится о размноженіи этихъ птицъ и дѣлаетъ нѣкоторыя для этого приготовленія, выставляя на берегъ старые ящики и другія убѣжища,—тамъ робкая обыкновенно гага, становится во время гнѣздовья очень довѣрчивой: она какъ будто увѣрена въ защитѣ человѣка. Гага входитъ иногда во дворъ прибрежнаго жителя, заходитъ даже во внутренность его хижины, чтобы отыскать удобное мѣсто для гнѣзда, и не рѣдко случается, что нѣкоторыя стмки гаги устраиваютъ себѣ гнѣзда въ сараяхъ, въ печахъ и становятся несносными для хозяйки дома. Гнѣздо устраивается изъ разнаго, находящагося по близости, матеріала, а внутри выстилается тѣмъ гагачьимъ пухомъ, который такъ высоко цѣнится, и который птица оставляетъ въ гнѣздѣ, заботящемуся о ней человѣку. Материнскія стремленія чрезвычайно развиты у гагъ; высиживающія по сосѣдству самки, безпрестанно воруютъ другъ у друга яйца, которыя переносятъ, какъ говорятъ, подъ крыльями въ свое гнѣздо. Не вездѣ за гагами ухаживаютъ и раціонально пользуются тѣми выгодами, которыя извлекаются изъ оставляемаго ими въ гнѣздѣ пуха. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у гагъ не только отбираютъ яйца и молодыхъ птенцевъ, но убиваютъ тысячами и старыхъ гагъ, не смотря на то, что мясо ихъ вовсе не вкусно; результаты такого порядка вещей, разумѣется, не замедлили сказаться; и тамъ, гдѣ прежде собирались 1000 фунтовъ пуха, теперь собираются только сотни; не лишнее здѣсь сказать, что для составленія 1 фунта пуха надо обобрать его изъ 12 гнѣздъ. Въ неволѣ гаги не живутъ.

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще множество другихъ видовъ дикихъ утокъ, изъ которыхъ однѣ полезны человѣку, другія вредны, какъ, напримѣръ нѣкоторыя крохали, наносящія значительный ущербъ рыболовству; но о нихъ мы говорить не будемъ и перейдемъ къ другимъ плавающимъ птицамъ.

Чайки. Крачки, или морскія ласточки считаются изъ нихъ самыми искусными летунами. Крылья у нихъ очень длинныя, узкія и острыя. Преобладающая окраска свѣсто-свинцево-сѣрая съ чернымъ и бѣлымъ оттѣнкомъ. Питаются рыбами и насѣкомыми. Болѣе крупные виды хватаютъ мелкихъ млекопитающихъ птицъ и пресмыкающихся, ловятъ съ налета и хватаютъ добычу клювомъ. Нѣкоторыя морскія ласточки гнѣздятся по берегамъ, причемъ гнѣзда расположены такъ густо, что высиживающія птицы, буквально, покрываютъ весь берегъ, и пройти по такому берегу, не наступая на яйца, почти невозможно; другія—устраиваютъ свои гнѣзда на деревьяхъ, причемъ кладутъ яйца безъ всякой подстилки—просто на неровности коры, или въ развилины вѣтвей. Яйца ихъ считаются очень вкусною пищею, и потому во многихъ мѣстахъ собираются въ большомъ количествѣ. Самыя птицы не преслѣдуются человѣкомъ, такъ какъ ни мясо ихъ ни перья не идутъ въ дѣло. Въ неволѣ эти птицы не живутъ. Живущія по рѣкамъ морскія ласточки, причиняютъ нѣкоторый вредъ уничтоженіемъ рыбы; но живущія въ морѣ, могутъ считаться безвредными.

Ножеклювъ. Птица—интересная въ томъ отношеніи во-первыхъ, что является ночною; днемъ птица эта лежитъ неподвижно на песчанныхъ отмеляхъ. Съ закатомъ солнца ножеклювъ оживляется, начинаетъ бѣгать, кричать, а съ наступленіемъ ночи улетаетъ за добычею. Свое названіе онъ получилъ отъ оригинально устроеннаго клюва, котораго нижняя половина, у огромнаго большинства птицъ—менѣе длинная,—у него оказывается длиннѣе верхней; кромѣ того, клювъ отъ самаго основанія такъ поразительно съуживается, что его можно сравнить только съ двумя половинами ножницъ. Наблюдая ночью за этими птицами, можно видѣть назначеніе такъ оригинально устроеннаго клюва. Дѣло въ томъ, что нижнюю его половину птица погружаетъ при полетѣ надъ рѣкою въ воду и этимъ способомъ собираетъ плавающихъ насѣкомыхъ, составляющихъ его главную пищу. Кромѣ насѣкомыхъ, ножеклювъ питается еще и мягкотѣлыми животными. Интересенъ пріемъ, который употребляютъ эти птицы для вскрытія раковины. Отыскавъ двустворчатую раковину, ножеклювъ спокойно около нея усаживается, и терпѣливо выждавъ пока та немного растворитъ свои створки—вдругъ всовываетъ между ними нижнюю половину клюва; молюскъ, разумѣется, тотчасъ же стянетъ створки, а ножеклювъ летитъ съ добычею, которая сама себя держитъ во власти врага, къ ближайшему камню и колотитъ объ него раковину до тѣхъ поръ, пока та не разлетится въ дребезги. Водятся ножеклювы въ Африкѣ, Индіи и другихъ мѣстахъ Азіи.

Морскіе вороны—интересны между прочимъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ питаются и живой рыбой, и мелкими животными, которыя водятся въ морѣ, и падалью нетолько свѣжей, но и гнилой, и наконецъ, сбираютъ на берегу пищевой матеріалъ, подобно курамъ и голубямъ; однимъ словомъ, эти чайки занимаются промысломъ разныхъ птицъ. Яйца этихъ птицъ составляютъ для нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Норвегіи доходную статью имѣнія, такъ какъ онѣ охотно употребляются въ пищу не только мѣстнымъ народонаселеніемъ, но пересылаются на цѣлыя мили и цѣнятся, сравнительно, очень дорого. Перья ихъ для бѣдныхъ жителей

сѣвера замѣняютъ гагачій, или гусиный пухъ. Мясо старыхъ птицъ не вкусно; но мясо птенцевъ сносно, и охотно употребляется въ пищу въ Гренландіи и Исландіи. Ростъ морскихъ вороновъ различенъ: у однихъ видовъ онъ не превышаетъ ростъ галки, у другихъ равняется орлиному. Опереніе мелко и густо; преобладающіе цвѣта: сѣрый съ различными оттѣнками, который переходитъ въ бѣлый и аспидно-черный. Распространены по всѣмъ странамъ земли, хотя водятся преимущественно на Сѣверѣ. Содержать ихъ въ неволѣ не трудно, хотя и разорительно: они скоро привыкаютъ къ хозяину, отзываются на его зовъ, и если помѣщеніе велико, то размножаются въ неволѣ. Птицы эти должны быть отнесены къ полезнымъ человѣку, потому что истребляютъ множество насѣкомыхъ.

Поморникъ—живетъ въ сѣверномъ и холодномъ поясахъ земли, обыкновенно въ открытыхъ моряхъ. Это птица съ плотнымъ тѣломъ, съ крѣпкимъ и толстымъ клювомъ, одѣтымъ восковицей, и на концѣ загнутымъ крючкомъ, какъ у хищныхъ птицъ. Пальцы ногъ, хоть и соединены плавательными перепонками, какъ у всѣхъ плавающихъ птицъ, но заканчиваются сильными и загнутыми когтями. Крылья велики, длинны и узки. Преобладающій цвѣтъ оперенія—бурый. Питаются животной пищей; ловятъ рыбу, если она плаваетъ близко къ поверхности воды; охотятся за птицами; нападаютъ на мелкихъ млекопитающихъ, иногда даже на молодыхъ ягнятъ; но всего чаще заставляютъ на себя работать другихъ. Онѣ слѣдятъ за чайками, морскими ласточками и другими морскими птицами при ихъ охотѣ, и какъ только замѣтятъ, что рыба поймана одной изъ нихъ, такъ немедленно подлетаютъ къ счастливицѣ, начинаютъ ее мучить и теребить до тѣхъ поръ, пока она не отрыгнетъ уже проглоченную рыбу, которую поморникъ и схватываетъ раньше, чѣмъ она успѣетъ долетѣть до воды. Поморники справедливо считаются вредными птицами, и потому истребляются всевозможными способами. Мясо ихъ въ пищу не употребляется.

Альбатросъ. Преобладающій цвѣтъ этихъ птицъ—бѣлый. Отечество ихъ—океанъ южнаго полушарія. Несомнѣнно, что онѣ облетаютъ всю землю, хотя привязаны болѣе или менѣе къ извѣстному поясу. Альбатроса справедливо называютъ грифомъ морей, которыхъ онъ напоминаетъ и своимъ могучимъ полетомъ, и тѣмъ, что онъ питается падалью крупныхъ животныхъ. Его полетъ поразительно легокъ, красивъ и неутомимъ; кромѣ того, онъ такъ быстръ, что въ нѣсколько минутъ птица, пролетѣвъ мимо корабля, оказывается уже далеко, далеко—опускаясь и поднимаясь вмѣстѣ съ волнами, надъ которыми скользитъ. Даже во время бури, когда бушующій вѣтеръ вздымаетъ огромныя волны, альбатросъ летаетъ такъ же весело, какъ всегда, и такъ же, какъ всегда, едва возможно замѣтить движеніе его крыльевъ: онъ опускается и поднимается безъ усилій, безъ хлопотъ, и точно движимый какою-то особой силой—съ быстротою молніи носится между пѣнящимися волнами. Недаромъ многіе считаютъ летательныя способности альбатроса большими, чѣмъ у всѣхъ другихъ птицъ. Плаваетъ альбатросъ, какъ пробка, но не можетъ нырять. Питается рыбою и разными мягкотѣлыми животными. Мясо его жестко и отзывается ворванью, почему употребляется въ пищу только въ крайнемъ случаѣ, да и то его предварительно подвергаютъ вымачиванію въ морской водѣ. Ловить этихъ птицъ не составляетъ никакого труда: для этого стоитъ только выкинуть хорошо наживленную удочку.

Буревѣстники — принадлежатъ къ океаническимъ птицамъ; въ жаркомъ поясѣ они менѣе многочисленны, чѣмъ въ холодномъ и умѣренномъ. Вся жизнь этихъ птицъ проходитъ въ открытомъ морѣ. По землѣ могутъ ходить только съ большимъ трудомъ; плаваютъ хорошо, но рѣдко, и большую часть жизни проводятъ на лету. Питаются живыми и мертвыми рыбами, мягкотѣлыми и другими морскими животными; ѣдятъ и падаль крупныхъ животныхъ. Вообще, они чрезвычайно прожорливы, жадны и ненасытны. Подъ вліяніемъ голода не боятся никакихъ удочекъ, даже если видятъ, что товарищъ ихъ попадается на эту приманку.

Буревѣстниками называются потому, что во время бури появляются около кораблей. Причина этого заключается въ томъ, что разбушевавшееся море мѣшаетъ птицамъ добывать ихъ обыкновенную пищу, что и заставляетъ ихъ приближаться къ кораблямъ, въ надеждѣ утолить чѣмъ-нибудь свой голодъ. Мясо старыхъ, и особенно птенцевъ нѣкоторыхъ буревѣстниковъ, употребляется въ пищу; птенцевъ убиваютъ тысячами и солятъ на зиму; но большая часть этихъ птицъ совершенно безполезна человѣку.

Фрегатъ. Эту птицу называютъ морскимъ орломъ, что она вполнѣ заслуживаетъ по своему полету, а отчасти и по своему строенію, съ короткими сильными, до самыхъ пятъ оперенными, ногами, каждый палецъ которыхъ вооруженъ сильнымъ согнутымъ и острымъ когтемъ, и по своему образу жизни. Фрегаты живутъ въ моряхъ, лежащихъ между тропиками. Летаютъ, описывая круги, какъ многія хищныя птицы,—съ изумительною быстротою.

Если Альбатросъ считается самымъ неутомимымъ летуномъ, то Фрегатъ признается самымъ быстрымъ изъ птицъ. Какъ ни быстры морскія чайки и ласточки,—Фрегату не составляетъ никакого труда догнать ихъ. Сокола и Кречеты—иногда бываютъ принуждены преслѣдовать свою добычу на цѣлыя полмили прежде, чѣмъ получаютъ

возможность ее схватить; Фрегатъ, напротивъ—съ быстротою молніи бросается сверху внизъ на предметъ своего преслѣдованія. Онъ наблюдаетъ за дельфинами, когда тѣ преслѣдуютъ летучихъ рыбъ, и едва эти послѣднія отдѣляются отъ воды, какъ Фрегатъ ихъ схватываетъ. Пойманную рыбу онъ раза два или три кидаетъ внизъ, бросается за ней и схватываетъ всякій разъ прежде, чѣмъ она коснется воды, стараясь, такимъ образомъ, положить ее въ клювъ, чтобы удобно было ее проглотить. На сушѣ фрегаты чувствуютъ себя очень плохо, такъ какъ ходить не умѣютъ, плавать также,—по крайней мѣрѣ ихъ никогда не видали плавающими. Длинныя крылья не даютъ имъ возможности подняться съ палубы, или плоскаго песчанаго берега: поэтому они отдыхаютъ на деревьяхъ. Главную пищу ихъ составляютъ летучія рыбы, но они не пренебрегаютъ никакими мелкими позвоночными животными. Свою добычу часто ловятъ ногами и затѣмъ, какъ хищныя птицы, подносятъ ее ко рту.

Бакланъ—большой или корморанъ — распространенъ во всей Европѣ и во многихъ мѣстахъ Азіи; зимою встрѣчается въ огромномъ количествѣ въ Африкѣ и южной Азіи. Живетъ и на морѣ, и на большихъ рѣкахъ. Иногда поселяется по близости къ деревнямъ; былъ даже случай, что бакланы поселились среди города, избравъ для жительства колокольню. Держатся обыкновенно стадами. Опереніе этихъ птицъ имѣетъ преобладающую черную окраску разныхъ оттѣнковъ. Хожденіе для нихъ очень затруднительно. Ихъ ловкость и подвижность проявляются только въ плаваніи и ныряніи, они плывутъ подъ водою такъ быстро, что отличная лодка съ сильными гребцами едва можетъ догнать ихъ; ныряютъ долго и на значительную глубину. Китайцы употребляютъ этихъ птицъ для рыбной ловли. Дрессируемыхъ для этой цѣли бакланъ обыкновенно выращиваютъ дома, подкладывая яйца подъ домашнихъ птицъ. Охотятся съ выдрессированными птицами весьма просто: по приказанію хозяина бакланъ прыгаетъ съ плота въ воду, ныряетъ и выноситъ пойманную рыбу на верхъ; выноситъ собственно для того, чтобы ее проглотить, чему однако мѣшаетъ завязанная на шеѣ нитка, или металлическое кольцо, такъ что волей-неволей, птица плыветъ къ плоту хозяина. Рыбакъ и самъ спѣшитъ на встрѣчу къ птицѣ, чтобы рыба не ушла отъ нея, особенно если она крупна; подплывъ къ птицѣ, онъ набрасываетъ на нее сѣтку, подтягиваетъ ее къ плоту, отнимаетъ рыбу и даетъ баклану въ награду нѣсколько пищи, ослабивъ предварительно кольцо, мѣшающее проглатыванію; затѣмъ птицѣ даютъ немного отдохнуть и снова сталкиваютъ въ воду. Въ неволѣ бакланы выживаютъ по нѣскольку лѣтъ, особенно если для нихъ имѣется достаточный бассейнъ воды, но размножаются въ неволѣ очень рѣдко. Мясо баклановъ въ Европѣ не употребляется въ пищу, но арабы и лапландцы считаютъ его лакомымъ блюдомъ.

Близко родственные бакланамъ извѣстные пеликаны замѣчательны устройствомъ своего клюва, у котораго нижняя половина представляетъ собою очень растянутый кожистый мѣшокъ, натянутый на костяхъ нижней челюсти, а верхняя—крышку. Распространены эти птицы во многихъ мѣстахъ жаркаго и умѣреннаго поясовъ безъ различія между прѣсною и соленою водой.

Интересны охоты нѣкоторыхъ пеликановъ за рыбою. Съ этою цѣлью на мелкихъ мѣстахъ они разстанавливаются въ извѣстномъ порядкѣ и затѣмъ начинаютъ сходиться все болѣе и болѣе, вылавливая рыбу; на заливахъ они выстраиваются въ полумѣсяцъ, гребутъ къ берегу и загоняютъ въ него рыбу, которую тамъ уже очень легко ловить; или же дѣлаютъ кругъ и постепенно его съуживаютъ; въ узкихъ рѣкахъ они раздѣляются на двѣ партіи, выстраиваются въ плотный рядъ съ каждой стороны рѣки и плывутъ другъ къ другу съ разныхъ береговъ и вылавливаютъ рыбу. Мѣшковидный клювъ при этомъ оказываетъ имъ большую услугу; онъ помогаетъ удерживать пойманную рыбу. Плѣнные пеликаны чрезвычайно ручны. Преслѣдуютъ ихъ, главнымъ образомъ, за вредъ, который они причиняютъ рыболовству; арабы впрочемъ употребляютъ ихъ въ пищу.

Гагары—однѣ живутъ въ умѣренномъ, другія въ сѣверномъ поясѣ; держатся на морѣ, и прѣсныя воды посѣщаютъ только во время размноженія, ѣдятъ только *живую* рыбу и съ трудомъ въ неволѣ пріучаются къ ѣдѣ мертвой рыбы. Летаютъ хорошо. Плаваютъ и на водѣ, и подъ самою поверхностью, и на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ поразительно ловко Онѣ догоняютъ самыхъ быстрыхъ рыбъ, которыми питаются. За то ни ходить, ни стоять на сушѣ—онѣ не способны, и очутившись на ней, ползаютъ помощью ногъ, крыльевъ, клюва и шеи. *Гагары* не приносятъ никакой пользы: мясо ихъ большинствомъ людей считается не съѣдобнымъ, а перо никуда не годится. Систематически за ними, поэтому, не охотятся.

Кайра—птица довольно обыкновенная въ сѣверныхъ моряхъ; интересна между прочимъ потому, что совсѣмъ не строитъ себѣ гнѣзда, и кладетъ яйца на голый камень безъ всякой постилки, съ которою не счищаетъ даже крупные гольши. Сотни тысячъ яицъ падаютъ съ крутыхъ склоновъ, на которыхъ кладутся яйца и разбиваются въ дребезги.

Насиживаютъ и самецъ, и самка; а если яица остаются свободными, то среди этихъ втицъ сейчасъ-же находятся желающія хоть немного посидѣть на нихъ. Охотятся за кайрами въ извѣстное время

такимъ образомъ: когда птицы прилетаютъ въ Гренляндію передъ взломомъ льда, то жители отправляются ночью, какъ можно тише, на горы, и, добравшись туда, пугаютъ помѣстившихся тамъ птицъ внезапными криками и выстрѣлами; кайры не сообразивъ, что море подъ ними еще покрыто льдомъ бросаются въ ужасѣ головою внизъ на воду, и разбиваются объ ледъ. На нихъ охотятся и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а яйца ихъ добываютъ, спускаясь на веревкахъ къ тѣмъ уступамъ скалъ, на которыхъ онѣ гнѣздятся, подвергаясь при этомъ громаднымъ опасностямъ. Яйца ихъ употребляются въ пищу и разсылаются довольно далеко по всѣму сѣверу; птенцовъ варятъ и солятъ на зиму.

Нелеты, или Пингвины—водятся только въ южномъ полушаріи; въ сѣверномъ изъ не летающихъ птицъ, жилъ прежде только *исполинскій чистякъ*, который теперь окончательно истребленъ, и шкурка его продается на вѣсъ золота. Эта птица можетъ служить хорошимъ примѣромъ того, къ чему иногда приводитъ неразсчетливая охота человѣка. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія этотъ чистякъ нигдѣ не встрѣчался въ большомъ количествѣ, въ нашемъ столѣтіи извѣстны рѣдкіе случаи поимки этой, нынѣ окончательно истребленной, птицы. Лѣтъ 300—400 назадъ Исполинскій чистякъ встрѣчался въ огромномъ числѣ въ моряхъ сѣвернаго полушарія; на него охотились, устраивая грубыя каменныя загороди, въ которыя птицы загонялись и убивались массами.

Пингвины живутъ въ морѣ, и на сушу выходятъ только во время размноженія, хотя двигаются здѣсь очень ловко. Держатся поселеніями иногда до 200000 особей вмѣстѣ, а иногда и болѣе. Любопытно, что находящіяся на землѣ птицы располагаются въ извѣстномъ порядкѣ не только рядами, но и по возрастамъ; молодыя находятся въ одномъ мѣстѣ, линяющія въ другомъ, высаживающія самки въ третьемъ, холостые въ четвертомъ. Распредѣленіе это поддерживается такъ строго, что всякая птица, не принадлежащая къ извѣстному отряду, не будетъ принята туда. Изъ особенностей въ организаціи укажемъ на то, что ихъ крылья совершенно не развиты и скорѣе напоминаютъ плавники рыбъ, чѣмъ крылья, тѣмъ болѣе, что перья превращены у нихъ какъ бы въ чешуйки; точно также и опереніе тѣла напоминаетъ рыбью чешую, и потому птицъ этихъ справедливо называютъ птицей-рыбою. Ихъ сравниваютъ также съ дельфинами, которыхъ онѣ во многомъ напоминаютъ. Летать пингвины вовсе не могутъ, но за то плаваютъ изумительно: съ чрезвычайною легкостью преодолѣваютъ они морскія волны во время сильнѣйшей бури; ныряютъ въ это время и совершенно свободно выходятъ на берегъ. Нечего говорить о томъ, что они, двигаясь въ одномъ направленіи, легко обгоняютъ самое быстрое судно. Питаются—главнымъ образомъ—рыбой. Гнѣздятся на скалахъ; причемъ нѣкоторые пингвины выкапываютъ для кладки яицъ глубокія норы; гнѣздо представляетъ собою глубокое фута въ 2 — 3, отверстіе, съ широкимъ и низкимъ входомъ. Внутри норы сосѣдей соединены между собою подземными ходами. Все населеніе окружено особыми дорогами, которыя также ровны и гладки, какъ тротуары и улицы нашихъ городовъ. Насиживаніе производится очень усердно, и яйца ни минуты не остаются открытыми; птицы эти вообще имѣютъ страсть къ насиживанію и при возможности воруютъ для этого другъ у друга яйца. Охотятся на пингвиновъ иногда изъ за мяса, которое, однако, очень не вкусно и употребляется въ пищу только въ случаѣ крайности. Охоты эти очень просты: пингвиновъ просто бьютъ короткими палками на тѣхъ тропинкахъ, которыя эти птицы себѣ дѣлаютъ около своихъ поселеній, и по которымъ онѣ начинаютъ бѣжать къ морю при приближеніи человѣка; 5—6 человѣкъ въ короткое время убиваютъ такимъ образомъ 60—80 штукъ.

Я перечислилъ, разумѣется, самую незначительную часть той группы птицъ, которыя называются *плавающими*, и указалъ только въ самыхъ общихъ чертахъ кое что изъ образа жизни и особенностей нѣкоторыхъ изъ нихъ Но и того немногаго, что короткое время нашей бесѣды позволило передать вамъ, довольно, чтобы видѣть, какъ безконечно разнообразны формы и образъ жизни птицъ, несомнѣнно родственныхъ между собою и соединяемыхъ въ одну группу, на основаніи важнѣйшихъ признаковъ ихъ организаціи. Ночныя и дневныя; хищныя и травоядныя—онѣ являютъ хорошій примѣръ съ одной стороны изумительной приспособленности къ мѣсту, въ которомъ обитаютъ, и къ способамъ добыванія пищи, съ другой—сходство съ птицами другихъ, далеко отъ нихъ стоящихъ и въ сущности вовсе не похожихъ на нихъ, группъ, какъ на это указываютъ самыя названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковы: морскіе вороны, морскіе грифы, морскіе орлы, морскія ласточки, морскіе фазаны, и др.

IV.

Животныя морской глубины.

В. Н. Зыкова.

(Были показаны соотвѣтствующія тѣневыя картины).

Океаны и моря, покрывающія собой двѣ трети земной поверхности, съ ихъ страшными бурями, съ ихъ значительной глубиной уже издавна вызывали удивленіе и интересъ наблюдателей. Въ древности считали океанъ бездоннымъ и знали только береговыхъ, поверхностныхъ животныхъ. Но уже съ прошлаго столѣтія начались первыя попытки „измѣрить океанъ глубокій". Эти первоначальныя попытки были не прямыми измѣреніями, а вычисленіями, гадательными цифрами, основанными, главнымъ образомъ, на изученіи скорости, быстроты распространенія волнъ; только въ нынѣшнемъ столѣтіи занялись прямыми измѣреніями, которыя показали, что глубина океана нигдѣ не превосходитъ 8 верстъ, т. е. приблизительно равна наивысшей точки земной поверхности, горѣ Эверестъ въ Гималайской цѣпи. При изученіи морской глубины были открыты животныя, населяющія морское дно. Одно изъ первыхъ нахожденій глубинныхъ животныхъ относится къ 1818 году, когда Джонъ Россъ въ Баффиновомъ заливѣ нашелъ на глубинѣ $1^1/_2$ версты нѣсколькихъ червей и великолѣпной экземпляръ морской звѣзды (Asterias Caput-Medusae). Вслѣдъ за этимъ открытіемъ снаряжались въ различное время и въ разныхъ моряхъ ученые экспедиціи, поставившія себѣ задачей изучить животныхъ морской глубины. Изъ этихъ экспедицій наибольшей извѣстностью, по количеству достигнутыхъ научныхъ результатовъ, пользуются: англійская на кораблѣ Challenger, совершенная въ теченіи 1873, 1874, 1875 и 1876 годовъ, двѣ послѣднихъ французскихъ экспедиціи 1880 года на кораблѣ Travailleur и 1883 года на кораблѣ Talisman. Мы познакомимся съ наиболѣе выдающимися результатами этихъ экспедицій. Но прежде чѣмъ перейти къ бѣглому обзору интересныхъ животныхъ формъ, населяющихъ морскую бездну, мы должны остановить наше вниманіе на условіяхъ ихъ существованія въ глубинѣ; эти условія совершенно отличны отъ тѣхъ, при которыхъ проходитъ жизнь береговыхъ, поверхностныхъ животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся на бо́льшую и бо́льшую глубину, давленіе увеличивается, свѣтъ меркнетъ, замѣняясь полной темнотой, движеніе волнъ прекращается, наступаетъ полное спокойствіе, полная неподвижность водяныхъ массъ.

Величина давленія громадна: по вычисленіямъ Томсона, на глубинѣ четырехъ верстъ человѣкъ испытывалъ бы на себѣ давленіе вѣса 20 локомотивовъ, каждый съ длиннымъ поѣздомъ вагоновъ, нагруженныхъ желѣзными брусками. Это давленіе иногда наглядно выражается на рыбахъ, снабженныхъ плавательнымъ пузыремъ и быстро поднятыхъ съ глубины на поверхность; по мѣрѣ поднятія воздухъ, заключенный въ пузырѣ, расширяется и давитъ на лежащій подъ нимъ, т. е. подъ плавательнымъ пузыремъ, желудокъ, такъ что послѣдній выворачивается на изнанку и торчитъ изъ широко открытаго рта, глаза рыбы далеко выступаютъ изъ глазницъ, такъ что все животное принимаетъ странный видъ.

Что касается свѣта, то точныя изслѣдованія показали, что на глубинѣ приблизительно *полверсты* всякое дѣйствіе свѣтовыхъ лучей прекращается, слѣдовательно, эта глубина служитъ предѣломъ, за которымъ наступаетъ абсолютная, полная темнота, Это отсутствіе свѣта вызываетъ собой характерную черту жизни на глубинѣ,—полное исчезновеніе растеній, морскихъ водорослей, такъ что одни животныя являются представителями органическихъ формъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію наиболѣе характерныхъ представителей глубинной жизни и начнемъ съ рыбъ, единственныхъ позвоночныхъ, населяющихъ морскую бездну. Для всѣхъ рыбъ, поднятыхъ съ морскаго дна, является характернымъ, бросается въ глаза,—это, сильное развитіе рта, ширина пасти, вооруженной длинными и острыми зубами, указывающими на хищническій образъ жизни;

присутствіе на головѣ или подбородкѣ особыхъ длинныхъ нитевидныхъ придатковъ, такъ называемыхъ ловильныхъ нитей, которыми подманивается добыча; кромѣ этого, многія рыбы снабжены свѣтъразвивающими пластинками, своего рода фонарями, издающими достаточно яркій фосфорическій свѣтъ. Напримѣръ, рыба *Melanocetus Iohnstoni* представляетъ короткое туловище съ сильно развитымъ уродливымъ, почти шарообразнымъ брюхомъ, которому соотвѣтствуетъ широкій ротъ съ крупными зубами, на лбу ловильная нить; *Malacosteus niger* имѣетъ удлинное туловище, громадную пасть, сильно вооруженную зубами, ловильную нить на подбородкѣ и внизу каждаго глаза фосфорическую пластинку; эти пластинки, эти фонари, достигаютъ наибольшаго развитія у *Stomias boa*, гдѣ, начиная отъ нижней челюсти, онѣ располагаются внизу боковъ туловища въ два ряда съ каждой стороны, по длинѣ всего тѣла; *Eurypharynx pelicanoides* является примѣромъ крайняго, до невозможности уродливаго развитія челюстей: на длинномъ и тонкомъ туловищѣ находится сравнительно громадная голова, съ широкой пастью, которая еще болѣе увеличивается мѣшкомъ, находящимся внизу нижней челюсти; эта рыба живетъ, зарывшись въ илъ, выставляя на поверхность свою гигантскую для величины тѣла пасть и ждетъ добычу. Про эту рыбу, при бѣгломъ на нее взглядѣ, можно выразиться, что она представляетъ ротъ, снабженный хвостомъ. Вотъ наиболѣе типическія образчики рыбъ. Перейдемъ къ ракообразнымъ.

Среди этой группы животныхъ попадаются въ большомъ количествѣ на глубинѣ до 1 съ небольшимъ версты, но не далѣе, такъ называемыя короткохвостыя раки (Brachyura) или крабы; изъ нихъ своимъ яркокраснымъ цвѣтомъ и сплошь покрытымъ шипами панцыремъ и ногами бросается въ глаза такъ называемый *Lithodes ferox*; на глубинѣ 8 верстъ найденъ ракъ - отшельникъ, прячущій свое брюшко въ пустую раковину, *Pagurus abyssorum*; далѣе на глубинѣ около версты открытъ *новый ракъ*, близкій къ омару, лангусту—*Ptychogaster formosus*, не величиной, а строеніемъ. Этотъ ракъ, съ вершокъ по длинѣ туловища, имѣетъ очень длинныя ноги, изъ которыхъ передняя пара, оканчивающаяся небольшими клешнями, разъ къ пять превосходитъ длину тѣла; весь панцырь и ноги усажены тонкими и острыми шипами; еще большаго развитія достигаютъ ноги и усики и яркокраснаго *Nematocarcinus gracilipes*, который производитъ впечатлѣніе рака, постановленнаго на ходули; изъ низшихъ ракообразныхъ, встрѣчающихъ до глубины четырехъ верстъ, замѣчательны ракопауки (Pycnogonida), одинъ изъ которыхъ *Collossendeis arcuatus*, имѣетъ столь длинныя ноги при незначительномъ туловищѣ, что еще болѣе является, если такъ можно выразиться, ходульнымъ чѣмъ предъидущій. Эти раки-пауки замѣчательны той особенностью, что ихъ желудокъ, при ничтожной величинѣ, даетъ боковые, слѣпые отростки, помѣщающіе въ ногахъ. Изученіе глубиныхъ ракообразныхъ познакомило зоологовъ съ большимъ количествомъ новыхъ формъ, изъ которыхъ нѣкоторыя до сихъ поръ были извѣстны только въ ископаемомъ состояніи, такъ что подобные живые образчики первобытныхъ исчезнувшихъ формъ являются своего рода послѣдними изъ Могиканъ.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣлѣ слизняковъ (Mollusca), ибо при бѣгломъ обзорѣ жителей морскаго дна, члены этого типа не представляютъ намъ особенно выдающихся отличающихся курьезныхъ формъ. Изъ отдѣла червей (Vermes) останавливаетъ на себѣ вниманіе одинъ кольчатый червь *Hyalinaecia Maxieuxi*, найденный на глубинѣ до 2-хъ верстъ, оригинальностью своего жилища; въ то время какъ нѣкоторые кольчатые черви строятъ себѣ известковыя трубки или устраиваютъ трубчатое жилье изъ разнообразныхъ, твердыхъ частицъ, этотъ червь живетъ въ роговой трубкѣ, своимъ внѣшнимъ видомъ совершенно сходной съ очиномъ гусинаго пера.

Переходя къ большому отдѣлу животныхъ иглокожихъ (Echinodermata), мы должны замѣтить, что по числу особей этотъ отдѣлъ является наиболѣе важнымъ для глубинной фауны, причемъ многія изъ его формъ встрѣчаются на глубинѣ болѣе пяти верстъ. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить такъ называемыхъ морскихъ лилій (Crinoidea), характеризующихся присутствіемъ членистаго стебля, на которомъ укрѣплено тѣло животнаго; на глубинѣ $1^1/_2$ верстъ найдены были громадныя, живыя заросли нѣсколькихъ тысячъ особей одного вида лилій, именно *Pentacrinus Wyville Thomsoni*, вида замѣчательнаго и любопытнаго еще въ томъ отношеніи, что онъ имѣетъ прекрасный травяно-зеленый цвѣтъ, такъ что выраженіе „живая заросль“ можетъ быть употреблено не въ фигуральномъ, а въ точномъ смыслѣ. Изъ морскихъ звѣздъ (Asteroidea) замѣчательна. *Brisinga elegans*, тѣло которой представляетъ дискъ, съ отходящими отъ него, числомъ до 19, длинными, гибкими подвижными лучами; какъ само тѣло, такъ и лучи свѣтятся прекраснымъ фосфорическимъ свѣтомъ.

Какой, въ самомъ дѣлѣ, восхитительный видъ должно представлять океаническое дно, гдѣ въ полной темнотѣ, тамъ и сямъ сверкаютъ яркія звѣзды, какъ будто сорвавшіяся съ небосклона и затонувшія въ морѣ! Минуя группу каралловъ (Actinozoa), остановимся нѣсколько на губкахъ (Poriferi); изъ нихъ самыми характерными, достигающими наибольшей глубины, до пяти верстъ и болѣе, являются кремневыя губки. Студенисто-слизистое тѣло ихъ облекаетъ кремневой скелетъ, состоящій изъ спле-

тенія тончайшихъ волоконъ, разсѣянныхъ между ними микроскопическихъ якорей, лучистыхъ иголъ и т. п., такъ что весь скелетъ по его прозрачности и составу, можетъ быть названъ стекляннымъ. Изъ этихъ губокъ замѣчательны: *Pheronema Parfaiti*, имѣющая видъ, какъ бы птичьяго гнѣзда, прикрѣпленнаго ко дну пучкомъ тонкихъ и гибкихъ волоконъ; *Trichaptella elegans* имѣетъ форму овальнаго кубка, отверстіе котораго одѣто по краямъ вѣнцомъ тонкихъ, прозрачныхъ иголъ и закрыто рѣшетчатой пластинкой, дабы какой либо врагъ не забрался во внутренность этого нѣжнаго, сотканнаго изъ тончайшихъ волоконъ, животнаго и не попортилъ бы его кружевныхъ стѣнокъ.

Этими формами закончимъ нашъ крайне бѣглый, поверхностный осмотръ любопытныхъ, порою курьезныхъ, обитателей далекаго морскаго дна. Но и при такомъ летучемъ взглядѣ, при знакомствѣ хотя бы и съ нѣсколькими только представителями этой темной, вѣчно спокойной и беззвучной среды, намъ невольно приходитъ на умъ великій законъ измѣнчивости органическихъ формъ, законъ приспособляемости организма къ средѣ.*)

V.

О нѣкоторыхъ животныхъ, которыя существовали въ Европейской Россіи, а теперь исчезли, или сдѣлались очень рѣдкими.

В. А. Вагнера.

Были показаны чучела и рисунки животныхъ.

Страна, въ которой мы живемъ и которая называется Европейской Россіей, во времена сравнительно еще недавнія представляла собою не совсѣмъ то же, что представляетъ въ настоящее время. Тучныя пастбища, огромныя болота, многоводныя рѣки и, главное, дѣвственныя лѣса покрывали огромную часть ея площади, питали и давали пріютъ безчисленному множеству дикихъ животныхъ. Столѣтія прошли надъ этимъ безбрежнымъ моремъ лѣсовъ и степей, ничего не измѣняя ни въ нихъ самихъ, ни въ ихъ обитателяхъ; однажды установившійся порядокъ жизни продолжался бы, быть можетъ, и до нашихъ дней, еслибы въ одно утро на одномъ изъ концевъ этого моря не раздался голосъ человѣка... Человѣкъ внесъ культуру въ дѣвственную природу, поработилъ животныхъ, расчистилъ лѣса, осушилъ болота, проложилъ пути сообщенія, и въ короткое время вся физіономія страны приняла иной, новый видъ. Уцѣлѣвшіе лѣса и степи, съ ихъ живымъ населеніемъ, были свидѣтелями явленій, прежде не виданныхъ. Скоро, однако, прежніе хозяева лѣсовъ и степей увидали, что загоравшаяся заря новой жизни въ ихъ родинѣ была въ то же время зарею заката ихъ собственной жизни, что имъ не оставалось инаго выхода, какъ выселиться въ другое мѣсто, искать новаго отечества, или умереть. И они не ошиблись: тѣмъ, кого не поработилъ человѣкъ, кому не удалось переселиться,— не удалось перейти въ мѣста, куда человѣкъ не внесъ еще дѣло культуры и тѣмъ отсрочить часъ своей гибели,—тѣ исчезли съ лица земли и отъ нихъ остались только воспоминанія. Но не всегда человѣкъ и его культура служили причиною вымиранія животныхъ. Многія тысячи лѣтъ назадъ, во времена, о которыхъ не сохранилось никакихъ преданій у самыхъ древнихъ народовъ, въ Россіи обитали животныя, которыхъ представителей мы иногда вовсе не встрѣчаемъ среди теперешнихъ обитателей земнаго шара, и которыя вымерли гораздо раньше, чѣмъ на нихъ могла оказать вліяніе культура человѣка. Причиною ихъ гибели, несомнѣнно, служили измѣненія внѣшнихъ условій въ зависимости отъ разныхъ явленій, которыя тогда имѣли мѣсто. Но

* Читателей, интересующихся взглянуть на изображенія названныхъ въ этомъ очеркѣ животныхъ, мы отсылаемъ къ книгѣ H. *Filhol. La vie au fond des mers. Paris. 1885.*

сегодня я не буду говорить ни объ этихъ явленіяхъ, ни объ этихъ, когда-то обитавшихъ у насъ животныхъ и ознакомлю васъ лишь съ нѣкоторыми млекопитающими, которыя водились въ Европейской Россіи на *памяти людей* и на ихъ же памяти либо вовсе вымерли, либо сдѣлались весьма рѣдкими, причемъ если не единственною, то главною причиною такого исчезновенія животныхъ служилъ человѣкъ и его культура.

Вотъ эти животныя.

Тарпанъ. Не очень давно еще эти дикія лошади водились во множествѣ во всей степной Россіи. Признаками, отличающими ихъ отъ нашихъ домашнихъ лошадей, являются: маленькій ростъ (самый большой тарпанъ едва могъ равняться съ самыми малыми домашними лошадьми); чрезвычайно толстая, сравнительно, голова съ весьма острыми ушами; короткая и курчавая грива; длинная густая курчавая шерсть; короткій хвостъ и, наконецъ, мышиный цвѣтъ шерсти съ темнымъ ремнемъ на спинѣ.

Тарпановъ всегда встрѣчали небольшими косяками, вожакомъ которыхъ былъ жеребецъ. Стада держались въ открытыхъ, высоко лежащихъ степяхъ. Животныя эти были чрезвычайно дикими и прирученіе ихъ представлялось дѣломъ весьма труднымъ. Лѣтъ сто назадъ тарпаны встрѣчались еще въ Воронежской губ., но, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, начали отступать въ глубь степей. Въ 40-хъ годахъ тарпаны водились въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губ., гдѣ за ними охотились съ цѣлью истребленія, такъ какъ, кромѣ потравъ, они причиняли вредъ тѣмъ, что отбивали кобылъ. Очевидцы нынѣ уже изчезнувшихъ тарпановъ разсказываютъ, что пойманные тарпаны ни къ какой работѣ не могли быть приспособленны и спустя годъ послѣ потери свободы, большею частью, умирали.

Скоро число этихъ животныхъ стало быстро уменьшаться; въ 50-хъ годахъ они составляли уже совершенную рѣдкость и были извѣстны на-перечетъ. Въ 70 годахъ, наконецъ, въ Херсонской губ. упоминается о тарпанахъ въ послѣдній разъ. Въ заградовскихъ степяхъ сказанной губ. видѣли косякъ тарпановъ въ 1866 году; они исчезли послѣ поселенія тамъ нѣмецкихъ колоній, а съ ними исчезли, сколько извѣстно, послѣдніе представители дикихъ лошадей въ Россіи. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время тарпановъ у насъ нѣтъ: они истреблены поголовно. Сожалѣть ли объ этомъ?—другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, землевладѣльцамъ исчезновеніе дикихъ лошадей только выгодно, такъ какъ имъ не предстоитъ болѣе нести потерь иногда очень крупныхъ, которыя причинялись имъ этими животными.

Зубръ (Bison europeus) по своимъ формамъ похожъ на быка, но отличается отъ послѣдняго многими признаками: голова сравнительно короче бычачей; шея очень толста; туловище непропорціонально; передняя часть развита гораздо болѣе задней, особенно у самцевъ; голова всегда наклонена къ низу и ниже спины, которая выдается высокимъ горбомъ. Къ особенностямъ зубра должно быть отнесено свойство волосъ лба издавать запахъ мускуса, особенно сильный зимою и въ сырую погоду. Шерсть по временамъ года, какъ и по возрастамъ, мѣняется; основной цвѣтъ изкрасна-бурый; конечности, особенно зимой, почти чернаго цвѣта, лѣтомъ онѣ свѣтлѣе; борода и хвостовая кисть остаются всегда почти черными. Подпушь мягка, длинные волоса жестки и курчавы.

Въ настоящее время зубры встрѣчаются только въ Бѣловѣжской пущѣ Гродненской губ. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа. Лѣтъ 50 тому назадъ зубры на Кавказѣ встрѣчались въ большемъ количествѣ, между прочимъ на Кубани въ болотистыхъ мѣстахъ. Теперь они встрѣчаются въ очень ограниченномъ числѣ въ немногихъ мѣстахъ Кавказа: лѣтомъ въ горахъ, зимою въ долинахъ. Въ Бѣловѣжской пущѣ, представляющей собою принадлежащую казнѣ, площадь земли въ 112,080 десятинъ, изъ которыхъ 87,999 десятинъ покрыты лѣсомъ (главнымъ образомъ, хвойнымъ), зубры живутъ подъ охраною человѣка. Около 300 такъ называемыхъ осочниковъ обязаны смотрѣть за лѣсомъ и заготовлять зубрамъ сѣно на зиму. Въ огромномъ лѣсу Бѣловѣжской пущи зубры держатся небольшими стадами отъ 5—15 особей и болѣе. Особнякомъ держатся только старые самцы—*одинцы*. Каждое стадо ходитъ подъ предводительствомъ наиболѣе сильнаго зубра—самца или самки. Между собою живутъ очень мирно. Питаются листьями, почками, молодыми побѣгами и вѣтвями, а также корою многихъ деревьевъ и кустарниковъ. Зимою ѣдятъ приготовленное для нихъ сѣно; но главною для нихъ пищею остается все же кора и побѣги лиственныхъ деревьевъ. Обыкновенная походка зубра—медленный и довольно неуклюжій шагъ, но когда нужно, онъ проявляетъ замѣчательную быстроту бѣга и силу прыжковъ. Зубры легко переплываютъ рѣки и переходятъ болота. Физическая сила этихъ животныхъ огромна, и когда онѣ подъ старость становятся въ ней увѣрены, то дѣлаются смѣлыми до дерзости. Разсказываютъ про одного *одинца*, что онъ, зимою, почуявъ издали проѣзжавшіе воза съ сѣномъ, поджидалъ проѣзжающихъ и не пропускалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока ему не сбрасывали сѣна; если же ему въ этомъ отказывали, или грозили, то онъ мгновенно приходилъ въ ярость и изъ выжидательнаго положенія переходилъ къ нападенію. Живутъ зубры 30—50 лѣтъ. Общее число ихъ въ настоящее время въ Бѣловѣжской пущѣ не превышаетъ 2000 головъ

Такою ничтожною цифрою выражается въ наши дни общее число животныхъ, когда-то на памяти людей, заселявшихъ въ Европѣ огромныя пространства. Мы знаемъ теперь съ полною достовѣрностью, что прежде зубры жили въ болотистыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, Франціи, въ лѣсахъ Германіи, въ Баваріи, почти во всей Польшѣ, Литвѣ и Молдавіи. Но мало-по-малу число ихъ стало рѣдѣть; уменьшаться стало и число мѣстъ, въ которыхъ оставались зубры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, зубры держались очень долго. Такъ, въ Трансильваніи они водились еще около 200 лѣтъ назадъ. Въ Восточной Пруссіи послѣдній зубръ былъ убитъ только въ 1755 году. Послѣ этого зубры оставались лишь въ Польшѣ и Литвѣ. Наконецъ, лѣтъ сто назадъ исчезли они и въ этихъ мѣстахъ, уцѣлѣвши только въ одной Бѣловѣжской пущѣ. Есть ли надежда сохранить его тамъ на долгое время?—едва-ли! Многочисленныя данныя указываютъ на несомнѣнное вымираніе этихъ животныхъ. Признаками такого вымиранія являются, во 1-хъ, значительное уменьшеніе роста большихъ зубровъ (вѣсъ ихъ записывался)—какіе убивались польскими королями, теперь уже не встрѣчаются; во 2-хъ, плодовитость ихъ сокращается; въ 3-хъ, самцевъ родится гораздо болѣе, чѣмъ самокъ. О причинахъ вымиранія зубра, какъ и другихъ животныхъ исчезнувшихъ, или исчезающихъ въ наши дни, я буду имѣть случай говорить еще разъ въ концѣ настоящей бесѣды, когда мы ознакомимся съ нѣсколькими представителями животнаго царства, пережившими или переживающими эту печальную участь.

Дикій быкъ, или **туръ** (Bos primigenius) въ настоящее время исчезъ вовсе и живымъ нигдѣ не встрѣчается болѣе на земномъ шарѣ; ископаемые-же остатки его костей находятся во многихъ мѣстахъ Европы. Намъ извѣстно теперь, что прежде, много лѣтъ тому назадъ, туръ водился тамъ же, гдѣ проживалъ и зубръ. Въ Скиѳіи и Германіи, значится у одного изъ древнихъ писателей (Плинія) замѣчательные два вида дикихъ быковъ: украшенный гривою – бизонъ (зубръ) и отличающійся силою и быстротою—уръ (туръ). Главныя отличія тура отъ зубра состоятъ въ томъ, во-1-хъ, что туръ не имѣетъ на спинѣ горба, который у зубровъ весьма значителенъ и дастъ ихъ фигурѣ особенную характерность; во-2-хъ, въ томъ, что шерсть тура была не бурая, какъ у зубра, а черная съ бѣлою полосою вдоль спины и, въ-3-хъ, въ томъ, что рога тура были огромны, тогда какъ у зубра они сравнительно коротки. Въ Польшѣ туръ водился еще триста лѣтъ назадъ, но уже въ съ IX-го столѣтія писатели стали смѣшивать имя тура съ именемъ зубра, приписывая оба эти названія одному уцѣлѣвшему въ живыхъ и пережившему тура—зубру. Къ этому времени приблизительно должно быть отнесено начало исчезновенія дикихъ быковъ—туровъ,—въ Европѣ. Ихъ распространеніе становится все меньшимъ и меньшимъ. Однако, въ XVI вѣкѣ упоминается еще о существованіи туровъ въ Мазовіи. У насъ, въ Россіи, туръ жилъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, въ Литвѣ, и въ южныхъ степяхъ Донскаго бассейна. Въ XII столѣтіи князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, въ завѣщаніи своимъ дѣтямъ упоминая о своихъ охотничьихъ гонкахъ на разныхъ звѣрей въ Приднѣпровьѣ, говоритъ между прочимъ, что: „два тура метали меня и съ конемъ на рогахъ!“ Въ XVI столѣтіи посолъ императора германскаго у короля Польскаго видѣлъ туровъ въ Мазовіи, описалъ ихъ формы и даже сдѣлалъ два рисунка, изъ которыхъ на одномъ изобразилъ тура, а на другомъ водившагося въ тѣхъ же мѣстахъ зубра. Но туровъ въ это время было уже такъ мало, что тѣмъ селамъ, около которыхъ они еще водились было поручено смотрѣть и ходить за ними, причемъ животныя эти содержались не иначе какъ въ загонахъ, или въ „лѣсныхъ звѣринцахъ“. Въ это время, то-есть въ XVI вѣкѣ, туры уже нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Мазовіи, не встрѣчались; тутъ на границѣ съ Литвою, они доживали свой вѣкъ, находясь въ то время въ томъ же положеніи, въ какомъ въ настоящее время находятся когда-то товарищи ихъ по лѣсамъ—зубры: они оберегались въ загонахъ, и состояли подъ охраною опредѣленныхъ къ тому селъ и волостей. Не смотря, однако—на уходъ за животнымъ, на заботы о немъ,—туръ—этотъ царь европейскихъ лѣсовъ—вымеръ окончательно. Теперь остались отъ него только ископаемыя кости, по которымъ зоологъ легко угадаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло,—преданія, да древнія народныя пѣсни—былины.

Лось—животное многимъ изъ васъ знакомое, конечно, и хотя значительно уменьшившееся въ числѣ, но все еще встрѣчающееся даже въ Московской губ. Описывать поэтому строенія этого животнаго я не буду; укажу только, что особенно характернымъ для лосей самцевъ являются ихъ широкіе плоскіе лопатообразные рога. Живутъ лоси въ уединенныхъ большихъ лѣсахъ, гдѣ много топей и неприступныхъ болотъ. При недостаткѣ спокойствія лось мѣняетъ свое мѣстопребываніе, а съ истребленіемъ лѣсовъ—вовсе покидаетъ страну. Этимъ объясняется фактъ, что во многихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ прежде онъ водился въ значительномъ числѣ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія число его быстро уменьшалось, а кое-гдѣ эти животныя уже вовсе исчезли. Много лѣтъ назадъ—въ III, IV вѣкахъ—область распространенія лося была сравнительно съ настоящимъ несравненно большею. Онъ водился во Франціи, во всей Германіи до крайнихъ западныхъ ея предѣловъ, въ Альпахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ западной Европы. Охоты за нимъ

мало по-малу сокращали его число и уже въ X-мъ вѣкѣ мы, тамъ и сямъ, начинаемъ встрѣчаться съ запрещеніями охотиться на лосей въ интересахъ сбереженія животныхъ. Не смотря на такія запрещенія, однако лоси быстро уменьшились въ числѣ. Исчезновеніе ихъ шло съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. Въ то время, какъ во многихъ мѣстахъ западной Европы они уже исчезли, на востокѣ ихъ было еще очень много. Такъ, въ Помераніи, напримѣръ, лосей было много еще въ XVI вѣкѣ. Въ Восточной Пруссіи мы впервые встрѣчаемся съ запрещеніемъ охотиться на этихъ животныхъ лишь послѣ семилѣтней войны.

Въ Саксоніи и Галиціи послѣдніе лоси были убиты уже въ XVIII вѣкѣ. Въ настоящее время для западной Европы — лось можетъ считаться окончательно исчезнувшимъ животнымъ; что касается до Россіи, то число мѣстъ, гдѣ водится лось значительно сократилось и тутъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ сравнительно недавно еще лоси водились во множествѣ, теперь, если они еще не исчезли вовсе, то стали составлять рѣдкость.

Выгода, доставляемая человѣку убитымъ лосемъ, очень значительна, такъ какъ въ дѣлоидетъ и мясо, и шкура (болѣе прочная, чѣмъ у оленя), и рога, и кости, употребляемые на разныя подѣлки. Но о пользѣ лосей рѣчь можетъ идти только тамъ, гдѣ количество лѣсовъ такъ велико, что вредъ, причиняемый имъ лосями не замѣтенъ; тамъ же, гдѣ лѣсовъ мало, гдѣ ими занимаются, какъ правильною отраслью хозяйства, тамъ пребываніе лосей—этихъ истребителей лѣсовъ — безусловно вредно, такъ какъ главную пищу ихъ составляютъ молодые побѣги и кора деревьевъ. Попытки сдѣлать лося домашнимъ животнымъ—пока оказывались неудачными, хотя пойманные молодыми они скоро ручнѣютъ.

Сѣверный олень. Изъ признаковъ, которые характеризуютъ этихъ животныхъ, отмѣчу только слѣдующіе: и самка, и самецъ сѣвернаго оленя имѣютъ рога круглые только при основаніи, а на всемъ остальномъ протяженіи плоскіе; видъ ихъ неуклюжъ; ноги сравнительно короче, чѣмъ у другихъ видовъ оленей; ростъ меньше, чѣмъ у лося. Область распространенія этихъ животныхъ въ настоящее время — весь сѣверъ Стараго и Новаго Свѣта настолько, насколько къ сѣверу простирается суша. Нѣтъ такого сѣвернаго пункта, до котораго достигалъ человѣкъ, и гдѣ онъ не встрѣчалъ бы сѣвернаго оленя. Что касается до южной границы распространенія сѣвернаго оленя, то въ наши дни эта граница далеко не та, какою она была на памяти людей—и даже еще недавно. Такъ, недавно еще небольшіе стада этихъ оленей въ 20—30 головъ зимою встрѣчались въ окрестностяхъ г. Тихвина Новгородской губ. Лѣтъ 40—50 назадъ стада оленей встрѣчались около Ладожскаго озера, по болотамъ рѣкъ Волхова и Сяси. Ихъ встрѣчали около Онежскаго озера до сѣверной оконечности озера Ильменя. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, дикіе сѣверные олени недавно еще попадались въ Тверской губ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской губ. Далѣе на востокъ они встрѣчались въ лѣсахъ бассейна рѣки Уфы. Постепенно, однако, съ ростомъ народонаселенія, область распространенія оленя все болѣе и болѣе отодвигается на сѣверъ; все рѣже и рѣже попадаются они тамъ, гдѣ попадались прежде сравнительно въ большихъ количествахъ; сокращается, рядомъ съ этимъ, и самое число мѣстъ, въ которыхъ встрѣчаются эти животныя. А если мы сравнимъ теперешнюю область распространенія этихъ животныхъ съ тѣмъ, что она представляла собою во времена, хоть и давно прошедшія, однако свѣжія въ памяти людей, то увидимъ, что эта область съузилась несравненно значительнѣе. Есть данныя, которыя даютъ нѣкоторое основаніе полагать, что (не далѣе еще, какъ въ XIV вѣкѣ) сѣверные олени водились во Франціи, (въ XII вѣкѣ) въ Шотландіи, въ Германіи и, по нѣкоторымъ указаніямъ, на большемъ протяженіи Россіи—въ мѣстахъ, гдѣ теперь, какъ и во всей западной Европѣ (кромѣ сѣверной Норвегіи) сѣверный олень болѣе не встрѣчается, и долженъ быть поэтому причисленъ къ числу исчезнувшихъ животныхъ.

Дикій сѣверный олень приноситъ жителямъ сѣвера огромную пользу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все существованіе бѣдныхъ жителей зависитъ единственно отъ охоты на этихъ животныхъ, доставляющихъ имъ пищу, одежду и частью даже жилище. Къ сожалѣнію, и на сѣверѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся истребительныя охоты на оленей, количество ихъ годъ отъ году становится все меньшимъ и меньшимъ Достаточно указать для этого на островъ Шпицбергенъ, гдѣ какихъ нибудь 20 лѣтъ назадъ убивалось оленей до 3000 штукъ, и гдѣ теперь добываніе ихъ сократилось среднимъ числомъ на-половину. Домашніе олени приносятъ туземцамъ еще большую пользу; доставляя пищу и одежду, они, сверхъ того, служатъ еще и для перевозки своихъ владѣльцевъ и ихъ имущества; ничего не требуя за услугу отъ своихъ хозяевъ, такъ какъ и лѣтомъ, и зимою сами добываютъ свою пищу; сѣверные олени чрезвычайно ручны и послушны, легко сгоняются въ одно мѣсто, даютъ себя доить, запрягать, сѣдлать, бѣгутъ до совершеннаго изнеможенія и смирно стоятъ, когда ихъ останавливаютъ. Тѣмъ печальнѣе, разумѣется, необходимость отмѣтить фактъ, что туземецъ обращается со своими оленями такъ же жестоко, какъ наши ломовые извощики со своими лошадьми, которые меня не одинъ разъ заставляли думать, что справедливѣе называть животнымъ не то су-

щество, которое запряжено въ оглобли и везетъ, а то, которое держитъ возжи и правитъ.

Сайга или **сайгакъ**—по росту (съ большаго барана), изгибу рогъ, тонкимъ и сухимъ ногамъ, большимъ чернымъ глазамъ и блѣдно рыжеватому цвѣту шерсти—походитъ на антилопу. Но сайга менѣе граціозна, менѣе стройна; ея шея длиннѣе, а особенно отличаетъ ее отъ антилопъ оригинальное строеніе головы съ сильно развитыми хрящами носа который образуетъ родъ хобота, оканчивающагося 2-мя очень большими и широкими ноздрями. Область распространенія сайги въ настоящее время ограничивается исключительно слѣдующими мѣстами: во 1-хъ,въ Европейской Россіи—въ такъ называемой Калмыцкой степи и, во 2-хъ, въ Азіятской Россіи, по ту сторону Урала въ Киргизской степи и далѣе на востокъ до Семирѣчья. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ земнаго шара животное это не встрѣчается. Не то было въ давно и недавно прошедшемъ. Недавно еще сайга попадалась какъ по эту, такъ и по другую сторону Волги; еще раньше, водилась она по всему югу Россіи отъ Днѣпра до рѣки Урала. Въ XVI и XVII вѣкахъ сайга составляла обычное явленіе въ Днѣпровскихъ степяхъ и во всей Украйнѣ. Но уже въ XVIII вѣкѣ по сю сторону Волги она стала появляться все рѣже и рѣже, а теперь здѣсь не встрѣчается вовсе, или если встрѣчается, то какъ случайное и рѣдкое исключеніе. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что лѣтъ 50 назадъ стадо сайгъ забѣжало на правую сторону Волги въ Саратовскую губ., гдѣ и было истреблено. На лѣвой сторонѣ Волги въ началѣ нашего столѣтія сайгаковъ было много въ степяхъ между Уразомъ и Волгой. Но постоянныя преслѣдованія привели къ тому, что теперь они не встрѣчаются болѣе и въ Волжско-Уральскихъ степяхъ; ихъ оттѣснили къ югу—въ предѣлы Калмыцкой степи. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ своего прежняго мѣстопребыванія животныя эти уже болѣе не встрѣчаются: онѣ исчезли, какъ нѣкоторыя другія ихъ собратія исчезли изъ другихъ мѣстъ своего обитанія.

Польза отъ убитыхъ сайгаковъ—ничтожна: шкура по непрочности и ломкости волоса имѣетъ незначительный мѣстный сбытъ, рога теперь никуда не употребляются, мясо, особенно у взрослыхъ,—не вкусно. Прирученіе сайги не удалось—и потому съ практической точки зрѣнія объ исчезновеніи этихъ животныхъ въ тѣхъ, или другихъ мѣстахъ очень сожалѣть нѣтъ основанія,

Бобръ—животное въ высшей степени интересное во многихъ отношеніяхъ. По своей внѣшности бобры походятъ на выхухоль; голова ихъ напоминаетъ голову зайцевъ, бѣлокъ или, вѣрнѣе сказать, грызуновъ вообще, такъ какъ по устройству головы всѣ эти животныя очень похожи другъ на друга. Дѣло въ томъ, что пища и способъ употребленія ея грызунами, обусловливаютъ особое устройство и положеніе ихъ зубовъ, которое и придаетъ ихъ головѣ одинъ общій характеръ. Европейскіе бобры питаются почти исключительно корою и сучьями ивъ, тополей и березъ. Среди особенностей внутренной организаціи отмѣчу существованіе у нихъ въ паховой области двухъ паръ железъ, изъ которыхъ верхнія выдѣляютъ вещество, называемое «бобровою струею». Вещество это въ свѣжемъ состояніи—желтаго цвѣта, похоже на жидкую смолу, а своимъ запахомъ напоминаетъ запахъ молодыхъ побѣговъ тополей, ивъ и березъ. Въ торговлѣ бобровая струя имѣетъ очень высокую цѣну и употребляется въ медицинѣ. Туловище бобра снабжено короткими ногами, изъ которыхъ заднія имѣютъ между пальцами перепонку. Хвостъ большой и покрытъ чешуями. Въ настоящее время бобры уцѣлѣли въ очень немногихъ мѣстахъ Европы. Они встрѣчаются въ ничтожномъ числѣ во Франціи (по Ронѣ), въ Австріи (по Дунаю и по нѣкоторымъ притокамъ его) и кое-гдѣ въ Германіи. Всего болѣе ихъ уцѣлѣло въ Литвѣ, сѣверо-восточной Польшѣ при устьѣ Березины и по болотистымъ озерамъ Минской губ. Сѣвернѣе бобры попадаются по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива, по нѣкоторымъ рѣкамъ и озерамъ Финляндіи, Швеціи и Норвегіи. Далѣе, между сѣверною Двиною и Обью, по Печерѣ, наконецъ, по рѣкѣ Уралу и кое гдѣ на Кавказѣ. Прежде, однако, область распространенія этихъ животныхъ была гораздо значительнѣе. Бобры водились, какъ это свидѣтельствуется многими писателями,—въ Испаніи, Италіи, во многихъ мѣстахъ Франціи, въ Лотарингіи при истокахъ Сены, въ Лангедокѣ, на Марнѣ, Изерѣ. Въ Англіи бобры водились еще въ 1188 году. Въ Швейцаріи они жили на сѣверо-западъ отъ Цюриха и во многихъ другихъ мѣстахъ; наконецъ, въ Россіи они были распространены на огромномъ пространствѣ, начиная съ береговъ Чернаго моря. Теперь, какъ въ названныхъ мѣстахъ западной Европы, такъ и въ большей части Россіи, бобры окончательно исчезли, а тамъ, гдѣ они еще уцѣлѣли, число ихъ рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ.

Ближайшими причинами исчезновенія бобровъ являются, во 1-хъ, преслѣдованіе этихъ животныхъ человѣкомъ за его драгоцѣнный мѣхъ и бобровую струю; польза, которая извлекается изъ названныхъ предметовъ, весьма значительна и потому понятно, что исчезновеніе ихъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ составляетъ для мѣстныхъ жителей серьезную потерю. Другою причиною исчезновенія бобровъ является истребленіе лѣсовъ въ мѣстахъ, гдѣ водились эти животныя. Разведеніе и содержаніе бобровъ въ неволѣ оказывнется дѣломъ вовсе нетруднымъ: молодыя животныя скоро становятся совершенно ручными и бѣгаютъ за хозяиномъ, какъ собаки;

держатъ себя въ комнатѣ очень чистоплотно; въ пищу употребляютъ въ неволѣ все, что ѣстъ человѣкъ. Попытки разводить бобровъ въ извѣстныхъ прудахъ и рѣкахъ тоже удавались, какъ нельзя лучше.

Объ архитектурныхъ способностяхъ бобровъ, объ его необыкновенной смышленности, общежительности, о томъ, какъ онъ вколачиваетъ сваи, запруживаетъ рѣки; какъ строитъ свои многоэтажныя жилища, выводитъ своды; какъ старыя животныя во время производства работъ наблюдаютъ за остальными, поощряя прилежныхъ, наказывая лѣнивыхъ —и обо всемъ, что касается образа жизни этихъ интересныхъ животныхъ, я говорить не стану, такъ какъ это не входитъ въ ближайшую задачу настоящей бесѣды,

Соболь — животное всѣмъ извѣстное если не живымъ, то по своему красивому, темному, пушистому мѣху, котораго стоимость возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Триста лѣтъ назадъ нѣкоторыя кочевыя племена Сибири не только носили собольи шубы, но употребляли ихъ на подошву лыжъ; камчадалы давали за желѣзный котелъ столько собольихъ шкурокъ, сколько ихъ влѣзало въ котелъ, и собачью шкуру цѣнили вдвое дороже собольей, а теперь мѣхъ этихъ животныхъ цѣнится почти на вѣсъ золота. Западною границею распространенія соболя въ настоящее время можно принять хребетъ Урала. По сю сторону Урала онъ встрѣчается въ очень небольшомъ количествѣ и въ очень немногихъ мѣстахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что прежде область его распространенія была гораздо большею и западная граница его лежала далеко по сю сторону Урала вглубь Европейской Россіи. Не такъ давно соболь водился почти на всемъ сѣверо-востокѣ Россіи; по нѣкоторымъ, хоть и не вполнѣ достовѣрнымъ указаніямъ, онъ попадался даже въ Литвѣ. Гораздо вѣроятнѣе, что соболь водился въ Финляндіи, и Кола считалась поэтому западною границею распространенія соболя. Въ XVII вѣкѣ соболь водился по притокамъ Печоры и въ Двинскомъ краѣ. Не далѣе какъ 200 лѣтъ тому назадъ соболь, несомнѣнно, встрѣчался въ восточной половинѣ Вологодской, Архангельской и, быть можетъ, Вятской губ. Въ Архангельской губ. соболи въ послѣдній разъ попадались лишь 50 лѣтъ назадъ. Теперь во многихъ изъ названныхъ мѣстъ соболь уже болѣе не встрѣчается вовсе, и вообще, если встрѣчается въ Европейской Россіи, то только въ верховьяхъ Печоры—и то въ видѣ рѣдкаго исключенія, такъ что не служитъ уже болѣе предметомъ промысла. Не только въ Европейской Россіи, но и въ Сибири, гдѣ его еще много, есть мѣста, особенно на сѣверо-западѣ и юго-западѣ, гдѣ соболь истребленъ *окончательно*, и есть много другихъ мѣстъ, гдѣ онъ появляется совершенно случайно, или составляетъ рѣдкое явленіе.

Соболь держится исключительно на землѣ и рѣдко укрывается въ дуплахъ деревьевъ; главная пища его состоитъ лѣтомъ изъ мелкихъ звѣрьковъ: бурундуковъ, мышей, и т. п.; птичьихъ яицъ и самихъ птицъ; осенью—изъ ягодъ, кедровыхъ орѣховъ, а зимой исключительно изъ птицъ: бѣлыхъ куропатокъ, рябчиковъ, тетеревовъ. Старые соболя никогда ручными не дѣлаются, но въ неволѣ живутъ подолгу; молодые могутъ вполнѣ привыкнуть къ своему хозяину при хорошемъ и внимательномъ уходѣ. Полагаютъ, что соболя могутъ даже плодиться въ неволѣ; но разведеніе соболей этимъ путемъ съ практическими цѣлями едва ли возможно, да къ тому же и шкурки выхоженныхъ въ неволѣ не имѣютъ настоящей стоимости и продаются значительно дешевле битыхъ. Иное дѣло разведеніе соболя въ заповѣдныхъ лѣсахъ и паркахъ—гдѣ это дѣло не только возможное, но въ виду цѣнности мѣха животнаго,—должно быть выгоднымъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть о печальныхъ результатахъ, къ которымъ по отношенію къ этимъ и къ нѣкоторымъ другимъ животнымъ, во многихъ отношеніяхъ полезнымъ человѣку, привели хищническая на нихъ охота и неразумное преслѣдованіе. Таковы, въ краткомъ очеркѣ, описанія нѣкоторыхъ изъ животныхъ, на памяти людей заселявшихъ огромныя площади въ Россіи, а теперь или вовсе исчезнувшихъ, или сдѣлавшихся очень рѣдкими. Часть изъ нихъ вымерла болѣе или менѣе давно, другая вымираетъ на нашихъ глазахъ.

Гдѣ искать объясненія этому явленію? Въ чемъ заключается причина исчезновенія ихъ?

Такихъ причинъ нѣсколько. Одна изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, главнѣйшая, а иногда и исключительная, заключается въ постепенномъ развитіи человѣческихъ обществъ, которыя все болѣе и болѣе стѣсняли правильную жизнь заселявшихъ прежде тѣ же площади дикихъ животныхъ. Ихъ преслѣдовали, то за причиняемый ими вредъ, то какъ вкусную и выгодную дичь. Но не одинъ человѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, не всегда онъ одинъ, какъ было сказано, бываетъ причиною вымиранія животныхъ. Внѣшнія условія, которыя для животныхъ имѣютъ такое огромное значеніе, измѣняются иногда разомъ, иногда медленно, незамѣтно и въ наши дни. Въ первомъ случаѣ животному приходится или переселиться, причемъ иногда гибнутъ тысячи особей, но уцѣлѣвшія, достигнувъ подходящихъ условій, размножаются, и видъ оказывается, такимъ образомъ, сохраненнымъ; или, если переселеніе невозможно, то приходится умереть. Во второмъ случаѣ, при медленно наступающихъ измѣненіяхъ условій животныя, либо постепенно же измѣняются, либо если это оказывается невозможнымъ,—постепенно же вымираютъ: ростъ ихъ постепенно уменьшается, уменьшается производительность, самцевъ родится

болѣе, чѣмъ самокъ; словомъ, происходитъ именно то, что на нашихъ глазахъ съ зубрами, которыхъ дни сочтены, и отъ которыхъ скоро останутся одни только описанія въ книжкахъ, да препараты въ музеяхъ, какъ бы ни былъ тщателенъ уходъ за ними человѣка и заботы о нихъ.

VI.

Мѣлъ и каменный уголь.

В. А. Вагнера.

Были выставлены образцы каменнаго угля и показаны соотвѣтствующія картины.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что на вопросъ о томъ, извѣстно ли вамъ, что такое мѣлъ и каменный уголь, большинство отвѣтитъ утвердительно. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что каменнымъ углемъ называется добываемый изъ земли каменистый горючій матерьялъ, который употребляется на топливо, а мѣломъ—изъ земли же добываемое бѣлаго цвѣта вещество, которое не называется камнемъ только потому, что слишкомъ для этого мягко, и которое маляромъ употребляется для окраски, плотниками для разныхъ отмѣтокъ, а въ школахъ для писанія на доскахъ. Все это совершенно справедливо, но все это въ то же время вовсе не отвѣчаетъ на вопросъ о томъ, что такое мѣлъ и каменный уголь.

Узнать, что такая-то вещь употребляется на такое-то дѣло, еще не значитъ узнать самую вещь. Узнать, напримѣръ, что и какъ приготовляется изъ ржаной муки, еще не значитъ узнать, *что такое мука*; для этого надо знать изъ чего и какъ она сама приготовляется. Всѣ вы знаете, что и какъ приготовляется изъ мѣла и каменнаго угля, но, какъ это вы сейчасъ убѣдитесь, очень немногіе изъ васъ знаютъ, что такое мѣлъ и каменный уголь, потому что очень немногіе изъ васъ знаютъ *изъ чего и какъ образовались* самыя эти вещества.

Я постараюсь объяснить вамъ то и другое. Но сначала скажу нѣсколько словъ о томъ, почему я взялъ предметомъ моей сегодняшней бесѣды съ вами такія совершенно не похожія другъ на друга вещи, какъ мѣлъ и каменный уголь, почему я за одинъ разъ собираюсь говорить о томъ и о другомъ вмѣстѣ, не смотря на то, что каждый изъ этихъ предметовъ порознь представляетъ длинную, полную интереса и совершенно независимую другъ отъ друга исторію.

Мѣлъ и каменный уголь, дѣйствительно, не похожи другъ на друга ни по свойствамъ, ни по составу, ни по происхожденію; каждый изъ нихъ, дѣйствительно, имѣетъ свою совершенно независимую исторію. Но если на дѣло взглянуть съ иной точки зрѣнія, а именно, если разсматривая мѣлъ и каменный уголь, имѣть въ виду *участіе животныхъ и растеній въ образованіи земной коры*, то мы ничего лучшаго, болѣе подходящаго къ дѣлу, какъ эти предметы, выбрать не сможемъ. Мы найдемъ не много слоевъ земли, въ которыхъ участіе растеній и животныхъ выразилось бы съ такою чистотою и полнотою, въ какой оно выразилось именно въ мѣловой и каменно-угольной формаціяхъ. Разсматривая дѣло съ этой стороны, изучая мѣлъ какъ вещество, могучія толщи котораго являются результатомъ работы, въ буквальномъ смыслѣ слова, неисчислимаго количества животныхъ, и залежи каменнаго угля, какъ продукты особаго рода разложенія растеній, вошедшихъ въ составъ земной коры на десятки тысячъ верстъ въ длину и ширину,—мы выяснимъ себѣ не только что такое представляютъ собою эти вещества, потому что отвѣтимъ на вопросъ о томъ, изъ чего и какимъ путемъ они произошли, но и какую роль играли животныя и растенія въ образованіи земной коры. Это именно та роль, которая по своимъ результатамъ сближаетъ два разные міра организмовъ, потребовавъ отъ нихъ для достиженія сказанныхъ результатовъ тысячелѣтней работы. Выяснивъ себѣ, почему мѣлъ, получающій начало на днѣ глубокаго моря, теперь не только встрѣчается на поверхности земли, но представляетъ во многихъ мѣстахъ цѣлыя горы, мы поймемъ въ то же время почему и каменный уголь, получивши начало подъ землею, можетъ находиться какъ на самой поверхности земли, такъ и на днѣ моря: силы, дѣйствовавшія на залежи угля и мѣла, однѣ и тѣ же; выдвигая однѣ изъ нихъ, они затопляли другія. Вотъ почему совмѣстное разсмотрѣніе этихъ пластовъ въ образованіи земной коры не только облегчитъ пониманіе общей картины этого образованія, но облегчитъ пониманіе и роль каждаго изъ этихъ пластовъ въ отдѣльности.

И такъ, что же такое мѣлъ и каменный уголь?

Для рѣшенія вопроса, всего вѣрнѣе и проще изучать не одни только тѣ пласты мѣла и каменнаго угля, которые лежатъ глубоко подъ землею и которые образовались во времена, отдаленность которыхъ можно опредѣлить только приблизительно тысячелѣтіями, а тѣ, которыя образуются на нашихъ глазахъ, и которые можно прослѣдить почти шагъ за шагомъ. Когда мы узнаемъ, какія вещества даютъ *начало* мѣлу и каменному углю, когда прослѣдимъ всю *исторію образованія* этихъ явленій природы, тогда мы узнаемъ и что такое они собою представляютъ.

Начнемъ съ мѣла. Открытіе его природы до извѣстной степени совершилось случайно, какъ и многаго другаго, что извѣстно человѣку нашего времени, и что не было извѣстно нашимъ предкамъ. Преслѣдуя совершенно иныя цѣли, мореплаватели давно уже обратили вниманіе на необходимость изученія дна морскаго: къ этому ихъ вынуждали опасности со стороны подводныхъ скалъ и мелей. Для рѣшенія задачи, ими былъ изобрѣтенъ инструментъ, при посредствѣ котораго можно было измѣрять дно моря, и который называется *лотомъ*. Въ простѣйшемъ случаѣ такимъ лотомъ можетъ быть обыкновенный якорь на длинной веревкѣ. Затѣмъ, когда оказалось недостаточнымъ знаніе одной глубины моря, когда потребовалось еще, сверхъ того, знаніе свойствъ морскаго дна,—было предложено смазывать нижнюю часть лота саломъ, къ которому, разумѣется, приставали при этомъ: песокъ, раковины и животныя съ того дна, на которое онъ опускался. Позднѣе, снарядъ съ этою цѣлью былъ усовершенствованъ настолько, что была получена возможность захватить и вытащить на поверхность болѣе или менѣе значительную часть верхняго слоя морскаго дна.

Этимъ способомъ въ 1853 году былъ добытъ илъ почти съ *трехъ-верстной* глубины Атлантическаго океана. Изслѣдованіе ила помощью инструмента, называемаго микроскопомъ, при посредствѣ котораго человѣку удалось обнаружить цѣлый міръ новыхъ недоступныхъ для невооруженнаго глаза явленій, привели къ открытію, что сказанный илъ состоитъ почти, исключительно, изъ остововъ животныхъ, главнымъ же образомъ, изъ остововъ или раковинокъ *глобигеринъ*. Илъ такого строенія составляетъ почти всю поверхность глубокой равнины дна океана, которая тянется на сотни миль отъ сѣвера къ югу. Высушивъ его, мы получимъ вещество сѣровато-бѣлаго цвѣта, довольно хрупкаго, которымъ, однако, можно писать на черной доскѣ, и которое на первый же взглядъ совершенно похоже на сѣроватый мѣлъ. Химическое изслѣдованіе высушеннаго ила показываетъ, что его строеніе совершенно такое же, какъ и мѣла. Этихъ данныхъ было бы достаточно для того, чтобы утверждать, что илъ большихъ глубинъ Атлантическаго океана, то-есть вещество, которое образуется на нашихъ глазахъ,—существенно есть мѣлъ. Но у насъ, кромѣ приведенныхъ фактовъ, это доказывающихъ, есть другіе, еще болѣе убѣдительные, еще болѣе несомнѣнные. Я сказалъ, что илъ со дна океана главнымъ образомъ состоитъ изъ раковинъ *глобигеринъ*. Этимъ именемъ называются животныя самаго простаго строенія. Онѣ не имѣютъ частей тѣла, то-есть не имѣютъ ни головы, ни конечностей, а стало быть не имѣютъ ни рта, ни мозга, ни нервовъ, ни мускуловъ, ни какихъ либо другихъ внутреннихъ органовъ: желудка, легкихъ, сердца. Это безформенные кусочки слизи, которые проявляютъ свою жизнедѣятельность лишь въ томъ, что выпускаютъ изъ себя длинные нитевидные отростки, которые имъ служатъ вмѣсто рукъ и ногъ, такъ какъ ими они передвигаются съ мѣста на мѣсто и ими же задерживаютъ свою добычу, которую и вводятъ внутрь тѣла въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ выпущенъ отростокъ. Глобигерина на поверхности своей выдѣляетъ раковину; какъ велика эта раковина, можно судить изъ того, что въ одномъ золотникѣ такихъ животныхъ помѣщается до 200,000 особей. Не смотря, однако, на такую ничтожную величину, микроскопъ позволяетъ видѣть не только строеніе раковины, но даетъ возможность прослѣдить за образомъ жизни животнаго, затѣмъ какъ оно питается, какъ ростетъ и размножается. Наблюденія надъ этимъ животнымъ привели, между прочимъ, къ слѣдующему. Глобигерины живутъ на днѣ Атлантическаго океана массами, о численности которыхъ трудно себѣ составить даже приблизительное понятіе, какъ трудно себѣ составить понятіе о численности песчинокъ на берегахъ океановъ. Размножаясь и умирая, эти животныя оставляютъ послѣ себя все увеличивающееся число своихъ мелкихъ раковинъ. Раковинки эти послѣ смерти животныхъ слипаются между собою и образуютъ пластъ океанскаго ила. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что этотъ илъ своимъ происхожденіемъ обязанъ, главнымъ образомъ, раковинамъ глобигеринъ.

Таковъ современный илъ и его происхожденіе. Обратимся теперь къ мѣловымъ пластамъ на землѣ и подвергнемъ ихъ тому же способу изслѣдованія при помощи микроскопа, какому только что подвергали илъ со дна океановъ. Для этой цѣли приготовляютъ такую тонкую пластинку мѣла, чтобы сквозь нея могъ проходить свѣтъ, и подвергаютъ ее микроскопическому изслѣдованію. Эти изслѣдованія доказываютъ, что главная масса мѣловыхъ пластовъ состоитъ изъ раковинъ тѣхъ же глобигеринъ, которые и понынѣ живутъ на днѣ Атлантическаго океана и въ наши дни продолжаютъ свою изумительную работу.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что Фи-

зическія и химическія свойства морскаго ила таковы-же, какъ и свойства ископаемаго мѣла; далѣе, что въ составѣ того и другаго, главнымъ образомъ, входятъ раковины глобигеринъ, какъ это доказывается микроскопическими изслѣдованіями, мы получаемъ право утверждать: во 1-хъ, что ископаемый мѣлъ есть высохшій илъ древняго глубокаго моря, и во 2-хъ, что надъ происхожденіемъ его работали, главнымъ образомъ, глобигерины, которыя составляютъ самую существенную его часть.

А эти выводы являются прямыми отвѣтами на поставленные выше вопросы о томъ, что такое мѣлъ и какимъ образомъ образовались его пласты на землѣ. Въ заключеніе о мѣлѣ мнѣ остается добавить очень немного.

Указывая на роль глобигеринъ въ образованіи мѣла, я всякій разъ говорилъ, что ихъ роль—самая важная, что масса входящихъ въ составъ мѣла роковинъ ихъ, составляетъ *главную* часть послѣдняго. Это дѣйствительно такъ: масса ихъ роковинъ *главная* составная часть мѣловыхъ пластовъ, *но не единственная*. Рядомъ съ глобигеринами находятся другія животныя; однѣ изъ нихъ болѣе или менѣе похожи на глобигеринъ и обладаютъ подобною-же извѣстковой раковиной, другія—незначительное меньшинство—съ болѣе высокой организаціей—не похожи. Изъ этихъ послѣднихъ однѣ, какъ напр. морскіе ежи, звѣзды и нѣкоторыя другія до сихъ поръ имѣютъ представителей въ морской фаунѣ; другія, какъ ихтіозавры напр.,—вымерли. Останавливаться на описаніи этихъ животныхъ я не стану, такъ какъ прямаго отношенія къ занимающему насъ предмету онѣ не имѣютъ. Сравнительно ничтожная численность ихъ не измѣняетъ сущности дѣла, какъ его не измѣняетъ фактъ существованія рядомъ съ глобигеринами другихъ, близкихъ къ нимъ животныхъ, обладавшихъ, какъ и они, микроскопически-маленькой известковой раковинкой, существенно мало отличной отъ раковины глобигеринъ: фактъ происхожденія мѣла изъ этихъ раковинъ отъ этого нисколько, разумѣется, не измѣняется; не измѣнится и наше представленіе о его природѣ и способѣ происхожденія. Гораздо важнѣе для насъ другой вопросъ, какимъ образомъ мѣлъ, получившій свое начало отъ морскихъ животныхъ на днѣ глубокаго моря, не только встрѣчается на землѣ въ ея толщѣ, но иногда высится надъ моремъ высокими скалами, сверкая на солнцѣ бѣлизною своихъ отвѣсныхъ стѣнъ. Наблюденія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ слѣдующими фактами:

1) Что отложившійся на днѣ древняго океана илъ, или что одно и то-же, отложившіеся на его днѣ пласты мѣла въ теченіи долгаго времени, котораго опредѣлить съ точностью не возможно,—оставались покойно лежащими на мѣстѣ своего возникновенія, какъ покойно лежатъ на днѣ Атлантическаго океана тѣ пласты ила, которые образуются въ наши дни.

2) Что на нашихъ глазахъ нѣкоторыя мѣста земли, на сѣверномъ полушаріи напримѣръ, медленно, почти не замѣтно, подымаются, а другія такъ-же медленно понижаются. Обстоятельства эти доказываются съ одной стороны тѣмъ, что нѣкоторые города, прежде стоявшіе на самомъ берегу моря,—теперь оказываются стоящими въ нѣкоторомъ отъ берега отдаленіи; съ другой тѣмъ, что есть мѣста на памяти людей, составлявшія сушу, а теперь залитыя моремъ.

3) Что такія пониженія и повышенія могутъ продолжаться въ теченіи долгаго періода лѣтъ въ одномъ направленіи; такъ, дно Тихаго Океана, напримѣръ за періодъ времени, который надо опредѣлять многими тысячелѣтіями, понизилось на нѣсколько тысячъ футовъ.

4) Что пониженія и повышенія почвы совершаются не всегда покойно и медленно, какъ въ этомъ удостовѣряютъ на памяти людей совершившіеся появленіе и исчезновеніе острововъ, рѣзкія измѣненія земной поверхности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ сильныхъ землетрясеній, и т. д.

5) Что земля, на которой мы ходимъ, которую воздѣлываемъ и на которой строимъ свои постройки, въ эпохи, очень отъ насъ отдаленныя, нѣсколько разъ бывала дномъ моря, нѣсколько разъ медленно подымалась и снова медленно опускалась;

6) Что и въ тѣ эпохи повышеніе и пониженіе земли совершалось не всегда покойно и медленно; что бывали перевороты, которыми фигура земной поверхности рѣзко измѣнялась выдвинувшимися изъ нѣдръ земли горными кряжами и внезапнымъ пониженіемъ почвы на такую глубину, что тамъ, гдѣ вчера еще разстилалась равнина сегодня бѣгутъ волны новаго моря;

7) Что въ тѣ отдаленныя отъ насъ эпохи рѣзкіе перевороты совершались гораздо чаще и захватывали гораздо большія пространства, чѣмъ въ наши дни, и наконецъ;

8) Что подземныя силы, дѣятельностью которыхъ могутъ быть объяснены колебанія почвы, вѣроятно, родственны тѣмъ, коими въ наши дни производятся изверженія вулкановъ и землетрясенія.

Этихъ данныхъ, подтверждающихся многочисленными наблюденіями, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы отвѣтить на вопросъ о причинѣ появленія пластовъ мѣла на поверхности земли, на вопросъ о томъ, откуда и какъ явились мѣловыя горы въ наши дни, гордо высящія надъ моремъ свои бѣлыя головы, а прежде мирно лежавшія подъ водою того же моря.

Обращаясь теперь къ каменному углю, мы увидимъ прежде всего, что умершія животныя мѣла

замѣнятся также умершими, но не животными, а растеніями каменно-угольной формаціи, которыя, подвергаясь особаго рода разложенію, дали начало другимъ толщамъ земли; увидимъ, что эти толщи долго лежали на мѣстѣ своего возникновенія, какъ и пласты морскаго ила, а потомъ, какъ и эти послѣдніе, подверглись дѣйствію тѣхъ же силъ, какъ и толщи мѣла.

Та-же нужда, которая побудила человѣка взяться за изслѣдованіе морскаго дна, а потомъ натолкнула его на цѣлый рядъ открытій, побудила его обратиться къ изученію и нѣдръ земли.

Не вездѣ такъ много лѣсу, какъ у насъ въ Россіи, да и здѣсь съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, онъ сталъ быстро подбираться; но неволѣ уже давно начали искать горючаго матерьяла не на землѣ, а подъ землею. Раньше всѣхъ обратился къ этому голландецъ и бельгіецъ, у которыхъ большихъ лѣсовъ никогда не было и которымъ поэтому давно уже пришлось *копать* топливо. Понятное дѣло: прежде они добывали то, что лежало выше, что копать было легче—это былъ торфъ, потомъ стали опускаться глубже въ землю и докопались до каменнаго угля.

Что же такое торфъ? случайно, или нѣтъ, пласты его во многихъ мѣстахъ находятся надъ пластами каменнаго угля? Если не случайно, то какая связь между ними и нельзя ли, изучивъ исторію происхожденія торфянника, который образуется въ наши дни, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, выяснить исторію происхожденія каменнаго угля? Если намъ удастся это сдѣлать, то-есть если удастся доказать, что нахожденіе торфяниковъ надъ пластами каменнаго угля не случайно, что сходство торфа съ каменнымъ углемъ гораздо больше, чѣмъ на первый взглядъ кажется, если удастся себѣ ясно представить, какъ образуется торфянникъ и доказать, что каменный уголь образуется такимъ же путемъ, а въ общемъ представляетъ собою тотъ же процессъ, то мы, очевидно, тѣмъ же путемъ наблюденія надъ современными намъ явленіями выяснимъ себѣ происхожденіе и природу каменнаго угля, какимъ выяснили происхожденіе мѣловыхъ горъ—наблюденіемъ надъ современными намъ работами глобигеринъ.

Начнемъ со сходства торфяника съ каменнымъ углемъ.

При ближайшемъ изученіи того и другаго, оказывается: во 1-хъ, что физическія (горючесть, цвѣтъ и пр.) и химическія ихъ свойства весьма близки другъ къ другу. Эти изслѣдованія, между прочимъ, доказали, что каменный уголь не могъ образоваться подъ вліяніемъ огня, какъ образуется обыкновенный уголь, потому что въ немъ находятся такія вещества, которыя не могли бы сохраниться, еслибы онъ подвергался когда-нибудь дѣйствію огня. О томъ, что торфъ образуется безъ участія огня,—это всякому, разумѣется, извѣстно.

Во 2-хъ, и торфъ, и каменный уголь своимъ происхожденіемъ обязаны растеніямъ. По отношенію къ торфу, объ этомъ нечего и распространяться, такъ какъ въ немъ, особенно въ верхнихъ пластахъ, давшія ему начало растенія, сохраняются часто въ совершенной ясности. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, разумѣется, мху торфянику, о роли котораго вообще упомяну въ своемъ мѣстѣ. Что касается до каменнаго угля, то растительное происхожденіе его доказывается и химіей, которая удостовѣряетъ, что, при разложеніи каменнаго угля, получаются вещества, которыя получаются и изъ современныхъ намъ растеній; доказывается и микроскопическими изслѣдованіями. Для этого пластинку чернаго непрозрачнаго угля шлифуютъ до тѣхъ поръ, пока она сдѣлается очень тонкою, затѣмъ ее пропитываютъ канадскимъ бальзамомъ; приготовленныя такимъ образомъ пластинки становятся прозрачными, и въ нихъ легко обнаружить тогда не только остатки растительной ткани, но часто даже опредѣлить родъ деревьевъ, изъ которыхъ образовался данный кусокъ угля. Такимъ образомъ, и здѣсь, кстати сказать, микроскопъ съигралъ для науки ту же роль, которую съигралъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи мѣловыхъ горъ. Наконецъ, въ самихъ залежахъ каменнаго угля всегда можно найти въ породахъ, непосредственно къ нему прилегающихъ, слѣды хорошо сохранившихся растеній—преимущественно отпечатковъ листьевъ, стеблей, корней, а иногда и цѣлыхъ древесныхъ стволовъ.

Въ настоящее время многостороннее изученіе растительности каменно-угольнаго періода привело къ познанію 800 видовъ тогда существовавшихъ растеній. Такимъ образомъ, общее число формъ оказывается гораздо болѣе бѣднымъ, чѣмъ намъ современное; но, какъ это удостовѣряется раскопками, существовавшія формы были распространены на огромномъ пространствѣ и встрѣчались безчисленными массами. Наиболѣе характерными растеніями этого періода являются *папоротники*, требующіе сыраго климата и сырой почвы—фактъ, между прочимъ, указывающій на то, что климатъ въ то время былъ влаженъ. Говоря о животныхъ мѣловой формаціи, мы видѣли, что среди нихъ попадаются такія, которыя и до нашихъ дней живутъ, какъ жили прежде, и такія, представители которыхъ теперь не встрѣчаются болѣе. То же можно сказать и о растеніяхъ каменно-угольной формаціи: нѣкоторыя группы изъ тогда существовавшихъ папоротниковъ, хвощей и плауновъ—продолжаютъ существовать и до настоящаго времени; другія—какъ лепидодендроны, коломиты, сигилляріи болѣе не встрѣчаются. Что касается до характера рас-

тительности каменно-угольнаго періода, то въ общихъ чертахъ она схожа съ тѣмъ, что представляютъ собою торфяники: и тамъ, и здѣсь преобладаютъ, такъ называемыя, безцвѣтковыя, или тайнобрачныя растенія. Разница между ними, приблизительно, такая же, какая существуетъ, напримѣръ, между папоротникомъ съ Воробьевыхъ горъ и папоротникомъ тропиковъ, который достигаетъ величины и толщины нашихъ деревьевъ, да еще та, что число видовъ этого типа растеній тогда было богаче, чѣмъ теперь.

Въ 3-хъ, чертою сходства торфяниковъ и каменно-угольниковъ является исторія происхожденія ихъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія; въ общихъ чертахъ, если не для всѣхъ, то для нѣкоторыхъ случаевъ, исторіею происхожденія первыхъ можетъ быть объяснена исторія происхожденія послѣднихъ, т. е. происхожденія пластовъ каменнаго угля. Эта исторія не сложна.

Водяныя растенія бо́льшаго или меньшаго бассейна стоячей воды, ежегодно сгнивая, образуютъ на видъ родъ чернаго киселя—начало черноземнаго торфа; шагъ за шагомъ пласты этого образованія увеличиваются, близъ береговъ на немъ появляется трава, которая скрѣпляетъ киселеобразную массу своими корнями; она уже не вся опускается въ этихъ мѣстахъ на дно, а, сдерживаемая корнями, ростетъ на водѣ. Еще дальше на этомъ новообразованіи появляется тальникъ, ива; почва становится еще плотнѣе и по наружности совершенно походитъ на берегъ, отличаясь только тѣмъ, что при хожденіи по такимъ образованіямъ, земля то опускается, то поднимается подъ ногами со всѣми растущими на ней травами и кустами. По мѣрѣ роста такого плавучаго берега, поверхность воды будущаго торфяника становится, разумѣется, меньше и меньше, пока, наконецъ, она не останется въ однихъ только, такъ называемыхъ, окошкахъ, то есть въ небольшихъ мѣстахъ, не заросшихъ растеніями. Трясина все болѣе и болѣе плотнѣетъ, на ней появляются мхи, которые, какъ губки, впитываютъ въ себя воду, испаряютъ ее, осушаютъ болото и даютъ, въ концѣ концовъ, начало торфянику. Нѣтъ надобности говорить, разумѣется, что скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, и что торфяники ростутъ многія сотни лѣтъ. Но вотъ образованія торфяниковъ почвы кончилось: мхи, клюква, брусника, осока, вересъ сдѣлали свое дѣло; они образовали новое мѣсто съ особымъ характеромъ и особыми свойствами. На торфяниковой почвѣ является *торфяное полѣсье*, какія и теперь тянутся на тысячи верстъ къ юго-западной Россіи.

Года идутъ, торфяникъ—кверху—живетъ и ростетъ, а книзу—умираетъ и гніетъ, но не такъ, какъ гніютъ растенія на поверхности земли, гдѣ къ нимъ свободенъ доступъ воздуха, а такъ, какъ онѣ могутъ гнить *подъ водою*, которая дѣлаетъ соприкосновеніе съ воздухомъ почти недоступнымъ. Чѣмъ дальше идетъ этотъ процессъ гніенія, тѣмъ совершеннѣе идутъ измѣненія торфяника, тѣмъ ближе по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ подходитъ онъ къ тому, что называется бурымъ углемъ, или лигнитомъ. Отсюда понятно, почему разрѣзъ пласта торфяника не вездѣ одинаковъ: чѣмъ глубже пластъ, другими словами, чѣмъ дальше шелъ процессъ разложенія, тѣмъ меньше въ немъ слѣдовъ растительной ткани, а въ самыхъ глубокихъ—нѣтъ и слѣда ихъ. Такъ же ли точно шло образованіе каменнаго угля, этого мы, разумѣется, утверждать не можемъ, но, принимая во вниманіе, во 1-хъ, что происхожденіе его изъ растеній не подлежитъ сомнѣнію; во 2-хъ, что сгораніе части углерода и водорода растеній за счетъ ихъ собственнаго кислорода является источникомъ всѣхъ горючихъ матеріаловъ—и торфовыхъ, и разнаго рода каменныхъ углей (*примѣч.* *) и, наконецъ, въ 3-хъ, что мы имѣемъ рядъ незамѣтныхъ переходовъ отъ каменнаго угля, чрезъ бурый (*примѣч.* **)—къ торфу; принимая все это во вниманіе, мы получаемъ право предположить, что процессъ образованія каменнаго угля, если не тождественно, то въ общихъ чертахъ, близокъ къ тому, который мы видимъ въ исторіи происхожденія торфяниковъ (*примѣч.* ***). Физическое и химическое сходство каменнаго угля и торфа, происхожденіе того и другаго изъ растительнаго матеріала и общее сходство въ исторіи

Примѣч. *) Изъ которыхъ наиболѣе совершенно измѣненными являются, какъ и въ торфяникахъ—наиболѣе глубокіе.

Примѣч. **). Въ которомъ, какъ въ болѣе высокихъ пластахъ торфяника, слѣды растительной ткани—совершенно явны, и который лежитъ выше каменнаго угля болѣе тяжелаго, болѣе измѣненнаго, почти безъ слѣда въ растительной ткани.

Примѣч. ***). Ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ останавливаться на частностяхъ вопроса. Да для нашей цѣли и нѣтъ надобности говорить, напримѣръ, о случаяхъ накопленія растительнаго матерьяла наплывомъ массъ растеній, сносимыхъ большими рѣками, какъ это въ наши дни происходитъ, напримѣръ, у устьевъ Мекензи и Миссисипи въ Америкѣ; нѣтъ надобности, потому что если этимъ способомъ и возможно образованіе каменнаго угля, то дѣло въ общихъ чертахъ, очевидно, происходитъ уже описаннымъ нами путемъ: снесенныя деревья, какъ это можно видѣть въ устьяхъ одного изъ рукавовъ Миссисипи, образуютъ огромный наносъ, длиною въ нѣсколько миль и слишкомъ въ сажень толщиною: этотъ наносъ деревьевъ спутывается другъ съ другомъ, скрѣпляется, мало-по-малу покрывается растительностью, и по мѣрѣ того, какъ сверху его идетъ и развивается новая жизнь, снизу онъ гніетъ и подвергается тому-же процессу разложенія, о которомъ уже было говорено выше. Точно также для насъ не важно знать, какая именно часть растеній, главнымъ образомъ, дала начало пластамъ каменнаго угля: листья, сучья и цѣлые стволы деревьевъ, которые въ наши дни даютъ начало перегнойной почвѣ лѣса,—послужили для этого главнымъ матерьяломъ, или они являются второстепеннымъ, а главнымъ послужило скопленіе громадной массы споръ и спорангіевъ растеній (аналогичное превращеніе которыхъ въ каменный уголь представляетъ намъ такъ называемый бѣлый каменный уголь Австраліи.)

образованія ихъ, однако, не даетъ еще права полагать, что торфъ и каменный уголь одно и то же. Различія между ними, какъ это не трудно видѣть при самомъ поверхностномъ наблюденіи, несомнѣнно есть; ихъ много, но большая часть, если не всѣ онѣ, касаются частностей, изъ которыхъ самою видною, быть можетъ, является разница и въ наши дни существующая между роскошною растительностью тропическихъ папоротниковъ и пальмъ и нашимъ тальникомъ, лозою и мхомъ торфяниковъ. Но такое различіе уже не касается сущности дѣла: вѣдь и каменный уголь не вездѣ состоитъ изъ одного и того же матеріала; въ одномъ мѣстѣ главною составною его частью является сдавленная кора сигилляроидныхъ и другихъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ листьями и стволами папоротниковъ,—въ другомъ—почти сплошь однѣ —такъ называемыя—споры и спорангіи, которыя можно, хоть это и не будетъ точно, назвать сѣменами тогдашнихъ растеній. Такая разница, однако, отнюдь не мѣшаетъ и тому, и другому матеріалу въ результатѣ давать вещество, одинаково называемое—ископаемымъ углемъ.

Такимъ образомъ, торфъ и каменный уголь суть образованія, являющіяся результатомъ одного и того же процесса, который начался въ отдаленнѣйшія времена и не кончился еще до нашихъ дней, какъ въ отдаленнѣйшія времена началось образованіе мѣла и теперь непрерывно продолжается на нашихъ глазахъ. Вся разница лишь въ томъ, что надъ образованіемъ одного работаютъ животныя, надъ образованіемъ другаго—растенія; что одно совершается на днѣ океановъ, другое подъ землею. Узнавши, какъ и кѣмъ образуется мѣлъ въ наши дни,—не трудно себѣ представить, какъ образовались въ давно минувшіе годы тѣ пласты мѣла, надъ которыми теперь работаетъ каменьщикъ, однимъ ударомъ разрушающій много-вѣковую работу десятковъ сотенъ тысячъ глобигеринъ; узнавши какъ и кѣмъ образуется торфяникъ въ наши дни и способъ его образованія, сходный съ образованіемъ каменнаго угля,—такъ же легко себѣ представить, какъ образовались въ давно минувшіе годы тѣ залежи каменнаго угля, надъ которыми теперь работаетъ углекопъ, однимъ ударомъ разрушающій многовѣковую работу природы, хранившую свои залежи до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, человѣкъ не затопилъ ими своего камина....

Отложившіеся пласты каменнаго угля долго лежали въ томъ видѣ, въ какомъ впервые образовались.

Но дни слѣдовали за днями, не походя другъ на друга; то, что недавно было дномъ морскимъ, то превращается въ высокія скалы; что высилось надъ моремъ, то стало его дномъ. Происхожденіе мѣловыхъ горъ, какъ мы знаемъ, служитъ для этого отличной иллюстраціей. Само собою разумѣется, что и подземные пласты каменнаго угля не избѣжали той же участи. Способъ образованія залежей каменнаго угля заставляетъ насъ заранѣе ожидать во 1-хъ, что воды, которыя стояли надъ почвой въ мѣстѣ возникновенія залежей, не уходили въ стороны, и, во 2-хъ, что эти залежи, какъ и залежи торфянника, должны находиться въ котловинахъ. Такъ оно въ большинствѣ случаевъ и есть. Если представить себѣ разрѣзъ каменно-угольныхъ бассейновъ Сѣверной Америки, которые для этого могутъ служить отличнымъ примѣромъ, то мы увидимъ на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ верстъ почти правильные горизонтальные слои въ котловинѣ Иллинойскаго и Анахахскаго бассейновъ; слои безъ перерывовъ и изломовъ

Но не вездѣ силы, которыя выдвинули со дна моря мѣловыя горы, оставались такъ покойными. Во многихъ мѣстахъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ многочисленные факты, почва подвергалась дѣйствію болѣе или менѣе рѣзкихъ толчковъ. Если дѣло ограничивалось незначительными пониженіями почвы, воды какой нибудь рѣки, или сосѣдняго моря устремлялись къ пониженному мѣсту, заливали лѣсъ и покрывали скопившійся въ немъ матеріалъ будущаго каменнаго угля, слоями своихъ осадковъ, превратившихся въ песчаники и сланцы. Прекращалось пониженія почвы, осадки водъ шли своимъ чередомъ до тѣхъ поръ, пока почва опять не поднималась. Тогда на сказанныхъ осадкахъ песчаника возникала новая растительность и накоплялся новый матерьялъ для новыхъ пластовъ каменнаго угля. Во многихъ мѣстахъ чередованіе пластовъ каменнаго угля съ осадками песчаника повторяется нѣсколько разъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что въ давно минувшую эпоху въ этомъ мѣстѣ нѣсколько разъ приподнималась и опускалась почва; нѣсколько разъ зеленыя долины лѣса затоплялись и заволакивались пескомъ, на которыхъ со временемъ возникали новые лѣса для того, чтобы въ свою очередь быть затопленными. Иногда цѣлые лѣса оказывались при этомъ затопленными и заносились осадками, стоя на корню. Наглядным подтвержденіемъ сказаннаго служатъ остатки такъ называемыхъ — допотопныхъ лѣсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара, гдѣ сохранились слѣды цѣлыхъ стволовъ деревьевъ, упирающихся корнями въ слои каменнаго угля,—фактъ, дающій право утверждать, что катастрофа застигла эти деревья на самомъ мѣстѣ ихъ произростанія: лежащій подъ ними пластъ каменнаго угля, очевидно, образовался изъ лѣснаго перегноя, накоплявшагося долгіе годы, и засыпаннаго при пониженіи почвы осадками нахлынувшихъ водъ. Эти осадки и заволокли стоявшій на корню лѣсъ, который, пройдя описанный процессъ разложенія, превратился въ

каменный уголь. Явленія подобнаго рода происходятъ на нашихъ глазахъ и въ настоящее время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англійскаго прибрежья во время отлива бываютъ видны—такъ называемые—подводные лѣса, которые состоятъ большею частью изъ дубовыхъ и сосновыхъ пней; еслибы почва подъ ними опустилась, то они были бы занесены глинистыми осадками, и мы получили бы всѣ условія для возникновенія залежи каменнаго угля.

Въ другихъ случаяхъ, когда перевороты оказывались болѣе энергичными и рѣзкими,—толщи каменнаго угля оказываются изломанными, передвинутыми, сброшенными, иногда нагроможденными другъ на друга такимъ образомъ, что одни пласты становятся почти въ вертикальное положеніе и оказываются обнаженными.

Какъ много нужно времени на образованіе залежей каменнаго угля?

Скажу только, что время для этого нужно считать не годами, и даже не сотнями лѣтъ, а такими же огромными періодами, которыми нужно его считать для опредѣленія времени образованія мѣловыхъ горъ, надъ созиданіемъ которыхъ работаютъ животныя, не видимыя простымъ глазомъ, и помѣщающіяся въ одной столовой ложкѣ десятками, сотнями тысячъ...

Впрочемъ, точный отвѣтъ на вопросъ о времени, потребномъ для образованія пластовъ каменнаго угля и мѣловыхъ горъ, ничего не прибавитъ къ понятію о томъ, *что такое каменный уголь и мѣлъ*, то есть къ тому, о чемъ у насъ собственно шла рѣчь. Въ этомъ направленіи мы, воспользовавшись небольшимъ числомъ фактовъ изъ того хранилища знаній, который называется наукою, узнали все, что нужно для общаго представленія о предметѣ. Само собою разумѣется, что это „все нужное“ для общаго представленія о предметѣ не только все, что о немъ извѣстно въ наукѣ, а едва лишь замѣтная его крупица. Для нашей цѣли на первый разъ довольно и этой крупицы.

Довольно и того, что мы узнали о томъ, какъ человѣку съ помощью средствъ, предоставляемыхъ ему наукою и техникой, удалось заглянуть въ самые сокровенные уголки природы; какъ удалось ему съ помощью инструмента, изобрѣтеннаго для того, чтобы видѣть мельчайшіе предметы, разсмотрѣть и скалы въ 1000 футовъ высоты, и пласты на 1000 верстъ протяженія; какимъ образомъ заставилъ онъ говорить нѣмые камни и скалы, тысячелѣтія хранившіе молчаніе и разсказать исторію, которую сегодня я передалъ вамъ.

Исторія эта, какъ вы слышали, изумительна. Не подумайте, однако, что только одни эти камни, которые лежатъ передъ вашими глазами, имѣютъ свою, полную чудесъ, исторію, которую человѣку удалось подслушать съ ихъ собственнаго разсказа, съ ихъ собственнаго голоса. Далеко нѣтъ! такихъ исторій много, такія чудеса на каждомъ шагу, но не всякій умѣетъ ихъ видѣть, не всякому увидавшему удается заставить говорить эти, на первый взглядъ, нѣмыя явленія природы, не всякому доступны ихъ рѣчи, мудрыя и удивительныя, какъ мудра и удивительна сама природа!

VII

Объ уродахъ.

В. А. Вагнера.

Были показаны соотвѣтствующія картины.

Кому изъ васъ не доводилось читать, или слыхать, что вотъ въ такой то волости родился уродецъ, котораго бабка-повитуха такъ испугалась, что въ огонь бросила, и его обгорѣлаго схоронили; что въ такой то деревнѣ рожденнаго уродца сама мать придушила, и т. д., и т. д. А какъ начнутъ разсказывать, особенно бабы, про самихъ уродцевъ, такъ чего только отъ нихъ не наслушаешься!

Каждая изъ нихъ сама своими глазами видѣла (лопни они, коли это не правда!), что у кумы Аксиньи родилась на половину дѣвочка, а на половину—не то телушка, не то мышенокъ съ хвостомъ и копытцами... очевидно, не къ добру! На повѣрку же выходитъ, что такого урода не только не было, а и быть-то не могло вовсе, потому что уроды въ своемъ развитіи слѣдуютъ тѣмъ же основнымъ законамъ, какъ и нормально развивающіяся дѣти, уклоняясь отъ этого развитія лишь согласно извѣстнымъ въ наукѣ законамъ, а не зря и какъ придется, изъ чего, прежде всего, слѣдуетъ, что ни на мышь, ни на телушку рожденное отъ человѣка

дитя никогда ни въ какой своей части походить не можетъ.

Давно, очень давно, когда еще люди знали такъ мало, что все на свѣтѣ приписывали то злымъ, то добрымъ духамъ—выдумали они, между прочимъ, что и уроды родятся дѣйствіемъ нечистой силы и потому являются предвѣстниками несчастія. Съ тѣхъ поръ басни эти и повторяются изъ роду въ родъ, хотя наука съ добрую сотню лѣтъ назадъ, доказала, что въ рожденіи уродовъ нечистая сила ни причемъ; что уроды ничего не предвѣщаютъ; что въ уродствѣ ничего таинственнаго нѣтъ; что законы ихъ возникновенія и роста такіе же, какъ и для нормально развивающихся людей. Все это доказано, все это извѣстно въ наукѣ, какъ я сказалъ, давнымъ давно, а тысячи людей продолжаютъ дѣлать свое, и какъ прежде думали люди, когда ничего еще не знали, такъ и теперь многіе продолжаютъ думать. Что же такое на самомъ дѣлѣ уродъ? Всякій ли изъ нихъ, какъ и молодецъ,—на свой образецъ, или между ними есть извѣстнаго рода сходство, указывающее на общіе законы ихъ развитія и связь съ нормально развивающимися особями? Ближайшее изученіе многочисленныхъ случаевъ уродства привело ученыхъ къ заключенію, что развитіе уродовъ, какъ я уже сказалъ, совершается по тѣмъ же законамъ, по которымъ развиваются и нормально сложенныя животныя; что уклоненія отъ этого нормальнаго развитія совершаются не зря, не кое какъ, а по извѣстнымъ правиламъ. Правила эти, или законы, составляютъ собою цѣлую науку *тератологію*, которой удалось достигнуть блестящихъ результатовъ въ дѣлѣ объясненія явленій, о которыхъ идетъ рѣчь. И нѣтъ сомнѣнія, разумѣется, что человѣку, познакомившемуся съ этой наукой, случай уродства будетъ представлять собою не болѣе загадочнаго, какъ и нормально развитое животное; для объясненія уродства ему не потребуется прибѣгать къ содѣйствію нечистой силы, или искать причину явленія урода въ предзнаменованіи несчастія... Дѣло это окажется очень простымъ, какъ и все то, что узнаешь и что раньше казалось такимъ же непостижимо хитрымъ и мудренымъ, какъ извѣстный „ларчикъ“ нашего баснописца. Познакомить васъ съ нѣкоторыми изъ законовъ, установленныхъ теротологіей—и будетъ составлять предметъ настоящей бесѣды.

1. Первымъ изъ такихъ законовъ является „*законъ остановки развитія*“. Я сейчасъ скажу, что это значитъ и приведу объясняющіе этотъ законъ примѣры, но сначала перечислю другіе законы, о которыхъ будетъ идти рѣчь сегодня.

2. Вторымъ закономъ является—„*законъ притяженія подобныхъ* (гомологичныхъ) *или двойныхъ органовъ*“.

3. Третій законъ «*расщепленія одиночныхъ органовъ*».

Въ случаяхъ, такъ называемаго, двойнаго уродства—двѣ особи, сростающіяся между собою

а) бываютъ всегда одного и того-же пола и

в) срастаются между собою гомологичными частями: спина со спиною, животъ съ животомъ, бокъ съ бокомъ, и т. д. Но никогда не случается, чтобы спина одного, напримѣръ, срослась съ лицомъ другаго.

Разсмотримъ всѣ эти законы въ той послѣдовательности, въ которой они мною перечислены.

Я началъ съ закона объ остановкѣ развитія. Что это значитъ? Это значитъ, что нѣкоторые органы зародыша могутъ иногда остановиться въ своемъ ростѣ; причемъ оказывается, что въ этомъ отношеніи существуетъ хорошо извѣстный порядокъ въ наукѣ, по которому недоразвитіе однихъ органовъ влечетъ за собою недоразвитіе другихъ, стоящихъ при своемъ образованіи въ зависимости отъ первыхъ. Такъ, у зародыша, напримѣръ, можетъ остановиться развитіе сердца, что не мѣшаетъ ему имѣть вполнѣ сформированные сосуды, или, какъ ихъ называютъ въ просторѣчіи, жилы; но никогда не можетъ быть наоборотъ,—т. е. зародышъ, у котораго уродство выразилось въ остановкѣ развитія сосудовъ—не можетъ имѣть нормально развитаго сердца. Или другой случай: зародышъ можетъ имѣть вполнѣ развитой спинной мозгъ и нервную систему и можетъ вовсе не имѣть головнаго мозга; но не можетъ случиться наоборотъ: не можетъ зародышъ имѣть нормально развитой головной мозгъ, если спинной мозгъ и нервная система остановились въ развитіи и представляются уродливыми. Или, наконецъ, такъ какъ раньше всѣхъ у зародыша развиваются кишки, то онѣ потому рѣже всего бываютъ поражены аномальнымъ развитіемъ. Приведенные примѣры указываютъ вамъ, что собственно разумѣется подъ зависимостью въ образованіи однихъ органовъ отъ другихъ, въ чемъ заключается тотъ порядокъ въ развитіи ихъ, о которомъ я упомянулъ выше. Выходитъ, что органы, развивающіеся *позже*, стоятъ въ нѣкоторой зависимости по своему развитію отъ органовъ развивающихся *раньше*. Этотъ законъ, или вѣрнѣе, это правило, которому въ своемъ развитіи слѣдуютъ органы животныхъ, для насъ необходимо знать для того, чтобы понять, какъ и другіе законы уродства, стоящіе въ связи съ приведеннымъ закономъ, такъ и случаи уродства, которые могутъ быть объяснены однимъ только закономъ остановки развитія. Укажу примѣры.

У людей случаи аномаліи отъ остановки развитія того или другаго органа наблюдаются, какъ и у животныхъ, причемъ послѣдствія такого недоразвитія тѣмъ значительнѣе и глубже, чѣмъ важнѣе органъ, остановившійся въ своемъ развитіи, и чѣмъ раньше онъ возникаетъ.

Примѣромъ незначительной аномаліи можетъ служить аномалія цвѣта. Бываютъ люди не съ сѣдыми волосами, а просто съ бѣлыми волосами, съ безцвѣтными, или свѣтло-розовыми глазами. Такое явленіе называется *альбинизмомъ*. Люди съ подобнаго рода аномаліей могутъ не имѣть никакихъ другихъ. Негры альбиносы представляются бѣлокожими. Причина явленія, если оно врожденное, заключается въ томъ, что пигментъ (красящее вещество, присутствіемъ котораго объясняется тотъ или другой цвѣтъ волосъ, цвѣтъ кожи, глазъ и пр.) остановился въ своемъ развитіи, обыковенно наступающемъ въ концѣ утробной жизни; а иногда, какъ у негровъ, онъ является лишь по рожденіи на свѣтъ.

У животныхъ случаи альбинизма наблюдаются довольно часто; каждому изъ васъ, вѣроятно, приходилось видѣть, или, по крайней мѣрѣ, слышать про бѣлыхъ мышей, бѣлыхъ воробьевъ, и т. д. Уродство гораздо болѣе значительное происходитъ въ случаѣ остановки въ развитіи внутреннихъ или наружныхъ органовъ. Такіе случаи мы наблюдаемъ какъ у низшихъ, такъ и у высшихъ животныхъ. Изъ низшихъ животныхъ хорошій образчикъ такого недоразвитія представляютъ собою попадающіеся иногда жуки, у которыхъ, такъ называемыя, надкрылья, т. е. тѣ твердыя пластинки, которыми прикрывается брюшная часть насѣкомаго и подъ которыми находятся тонкія перепончатыя крылья, оказываются остановившимися въ своемъ развитіи. Удается иногда встрѣчать уродливыхъ особей, у которыхъ эти обыкновенно твердыя надкрылья тутъ оказываются мягкими; далѣе, у родичей жука эти надкрылья доходятъ до конца тѣла, а у урода онѣ едва достигаютъ и половины туловища. Такіе случаи уродства объясняются очень просто. У личинки, передъ ея превращеніемъ въ жука, развиваются складки кожи, изъ которыхъ потомъ произойдутъ крылья. Эти складки у ней являются позднѣе всѣхъ другихъ органовъ и потому недоразвитіе ихъ ни на какіе другіе органы вліять не можетъ—и вотъ появляется особь жука съ недоразвитыми крыльями—во всемъ остальномъ нормально развитая.

Еще лучшіе примѣры уродства подобнаго же рода представляютъ нѣкоторыя бабочки. Извѣстно, что изъ яичка, положеннаго бабочкой, выходитъ червякъ, или—какъ его называютъ въ наукѣ—гусеница. Достигнувъ извѣстнаго роста, иногда очень значительнаго, гусеница эта превращается въ куколку, то есть теряетъ свои ножки и изъ существа, свободно двигающагося, принимаетъ форму неподвижнаго тѣла, о жизни котораго можно судить только по слабому движенію утонченнаго конца ея тѣла при раздраженіи. По прошествіи нѣкотораго времени кожица куколки лопается и изъ нея, какъ изъ чехла, выходитъ бабочка. Такъ совершается нормальное развитіе этихъ животныхъ, отъ котораго иногда наблюдаются уклоненія, между прочимъ объясняемыя „*остановкою развитія*“ ихъ внутреннихъ или наружныхъ органовъ. Такъ, извѣстны случаи, когда изъ куколки шелковичнаго червя (bombyx mori) выходила бабочка, у которой грудь и брюшко были развиты какъ слѣдуетъ, а головка остановилась въ своемъ развитіи и походила не на голову бабочки съ хоботкомъ для сосанія пищи и характерно устроенными усиками, а на голову гусеницы, безъ усиковъ и съ челюстями вмѣсто хоботка.

У людей, какъ и у животныхъ, случаи уродства отъ остановки развитія внутреннихъ или наружныхъ органовъ бываютъ, къ счастію, довольно рѣдко. Наблюдаются иногда особи, у которыхъ не развились вовсе руки—и кисти рукъ поэтому прямо прикрѣпляются къ лопаткѣ; случается, наоборотъ,—руки оказываются нормально развитыми, за то ноги остановились въ своемъ развитіи настолько, что ступни ногъ прикрѣпляются прямо къ тазу. Во всякомъ случаѣ—и это необходимо имѣть въ виду—до сихъ поръ не наблюдали уродовъ, которые имѣли бы только одну конечность остановившуюся въ своемъ развитіи; не наблюдали такихъ случаевъ, напримѣръ, чтобы правая рука или нога были уродливыми, а лѣвая нормально развитою. Если поражена одна, такъ непремѣнно поражена и другая. Если поражена правая рука и нога, то пораженными оказываются и лѣвая рука съ ногою, такъ что несчастный оказывается безрукимъ и безногимъ. Эти факты доказываютъ вамъ, что уродство не представляетъ собою ничего случайнаго, что оно даже въ частностяхъ слѣдуетъ извѣстнымъ правиламъ, или законамъ. Уроды, у которыхъ оказывались неразвитыми ни ноги, ни руки, не лишены были способности жить. Извѣстенъ случай, что одинъ венеціанецъ, у котораго были недоразвиты ноги и руки, прожилъ до 62 лѣтъ, разъѣзжая по разнымъ городамъ и показывая себя за деньги. Онъ не только умѣлъ говорить на разныхъ языкахъ, но умѣлъ и писать на нихъ помощью имъ самимъ придуманнаго снаряда, такъ какъ руки его были не развиты.

Другой законъ, объясняющій намъ явленія уродства, какъ я сказалъ уже, заключается *въ стремленіи къ слитію другъ съ другомъ двойныхъ*, или, какъ ихъ называютъ въ наукѣ, *гомологичныхъ органовъ*. Примѣромъ такого рода служатъ многочисленные случаи уродства у людей и многихъ животныхъ, записанные въ наукѣ. Извѣстны случаи когда, напримѣръ, рождались совершенно хорошо сформированные младенцы, но у которыхъ ноги срослись въ одну; или рожденный на свѣтъ ребенокъ оказывается одноглазымъ, причемъ этотъ глазъ можетъ имѣть двѣ роговыхъ оболочки и 2 зрачка,

или же 1 роговую оболочку и 1 зрачекъ, болѣе или менѣе овальной формы, указывающей на то, что этотъ зрачекъ слился изъ 2-хъ. Уродства эти, и имъ подобныя, объясняются, какъ я сказалъ, стремленіемъ подобныхъ органовъ къ слитію между собою. Разсмотримъ поподробнѣе что это значитъ, и что представляетъ собою такого рода явленіе.

Дѣло въ томъ, что въ теченіи утробной жизни однородные органы постоянно стремятся одинъ къ другому, и если къ сращенію ихъ не встрѣчается препятствій, то таковое сращеніе и получаетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ. Двѣ руки, напримѣръ, раздѣляются другъ отъ друга грудною клѣткой, которая мѣшаетъ имъ срастись между собою; двѣ ноги раздѣляются другъ отъ друга тазомъ; два глаза—носомъ, и т. д. Если одна изъ преградъ, отдѣляющая сказанные органы другъ отъ друга, остановится въ своемъ развитіи — два подобные или гомологичные органы сходятся между собою и болѣе или менѣе совершенно сливаются. Остановился, напримѣръ, въ своемъ развитіи тазъ — сливаются между собою ноги; такіе уроды, большею частью, не способны къ самостоятельной жизни, такъ какъ органы, заключенные въ полости таза, оказываются большею частью атрофированными.

Остановился въ своемъ развитіи, напримѣръ, носъ,—два глаза, не встрѣчая болѣе препятствія на пути взаимнаго сближенія, подчиняются закону о сліяніи подобныхъ органовъ между собою. Они сначала только касаются другъ друга, потомъ соединяются вмѣстѣ и, наконецъ, сливаются болѣе или менѣе совершенно въ одинъ органъ, и получается уродство: одноглазіе, или—какъ его называютъ—циклопія. Изъ сказаннаго, само собою, слѣдуетъ, что у одноглазыхъ уродовъ носа быть не должно, или онъ долженъ быть уродливо развитымъ. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть: циклопы или вовсе лишены носа, или этотъ органъ замѣняется чѣмъ-то, очень мало похожимъ на носъ, что и лежитъ сверху глаза.

Слитіе двухъ глазъ въ одинъ наблюдалось у многихъ животныхъ. Такъ, между прочимъ, мы имѣемъ описаніе одной уродливой пчелы, у которой сложные глаза слились въ одну массу на средней линіи, доходя до верхушки ея головы. Личинка этой пчелы была правильно организована; моментъ, когда правильная работа организма была нарушена, имѣлъ мѣсто около времени послѣдняго линянія личинки.

Третій законъ тератологіи изъ выше мною упомянутыхъ состоитъ въ стремленіи къ разщепленію органовъ одиночныхъ. Примѣромъ могутъ служить случаи болѣе или менѣе полнаго разщепленія или раздвоенія грудины—кости, лежащей посреди груди между ребрами. Кость эта разщепляется или только снизу, или только сверху, или вся цѣликомъ. Уродство это не влечетъ за собою смерти, и бывали случаи, когда цѣлыя семьи оказывались пораженными этимъ видомъ уродства. Разщепленіе грудины наблюдалось и у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ. Особенно интересны случаи разщепленія грудины у птицъ, у которыхъ обыкновенно этотъ органъ представляется чрезвычайно сильно развитымъ, такъ какъ къ нему прикрѣпляются мышцы главнаго органа перемѣщенія этихъ животныхъ—крыльевъ. Бывали случаи, когда у голубя, напримѣръ, хлупь вовсе не развивалась. Пространство, которое у другихъ птицъ покрывается этою костью, тутъ было затянуто перепонкой настолько тонкой, что сквозь нее можно было отличить массу сердца, отъ біенія котораго эта перепонка чувствительно поднималась. Замѣчательно, что такое уродство не только не мѣшало жить голубю, но не мѣшало ему даже летать.

Что касается, наконецъ, до такъ называемаго двойнаго уродства, то есть уродства захватывающаго разомъ двѣ особи—то и здѣсь, какъ мы это сейчасъ увидимъ, процессы, порождающіе ихъ, совершаются не зря, не случайно, не кое-какъ, а согласно извѣстнымъ законамъ, какъ и вышеизложенные.

Мы знаемъ, напримѣръ, о чемъ я уже упомянулъ выше, что особи, образующія двойнаго урода, всегда бываютъ одного и того же пола. Таковы, напримѣръ, Ритта и Христина — 2 дѣвочки, Филомена и Елена—тоже 2 дѣвочки; таковы извѣстные Сіамскіе близнецы—двое мужчинъ, и многое множество другихъ случаевъ двойнаго уродства, среди которыхъ мы, однако, не знаемъ ни одного, гдѣ бы двойнымъ уродомъ оказались особи разнаго пола. Другимъ закономъ двойнаго уродства является: сращеніе уродовъ между собою *подобными, или гомологичными частями.* Мы имѣемъ длинный рядъ примѣровъ, подтверждающихъ это послѣднее правило. Двѣ дѣвочки въ Майнцѣ родились, сросшись лбами; онѣ прожили 10 лѣтъ, будучи обращены всегда лицомъ къ лицу и не имѣя возможности видѣть предметы передъ собою.

Извѣстны случаи сращенія теменемъ головы, сращеніе грудью, и т. д Изъ такихъ примѣровъ сращенія одноименными частями особенно интересны сросшіеся бокомъ другъ съ другомъ Сіамскіе близнецы. Они прожили 63 года; оба были женаты; одинъ изъ нихъ имѣлъ 6 мальчиковъ и 3 дѣвочки, у другаго было также 9 человѣкъ дѣтей, но изъ нихъ 6 были дѣвочки и 3 мальчики. Характеры братьевъ были однородны и они были очень привязаны другъ къ другу.

Многимъ болѣзнямъ оба брата подвергались одновременно: корь, оспа, лихорадка начинались разомъ у обоихъ. Чувствовали и мыслили оба брата въ одно время и одно и то же; вотъ почему они

почти никогда между собою не разговаривали: они мысленно понимали другъ друга (отмѣчу, кстати, что одинаковость нрава и привычекъ замѣчается у всѣхъ близнецовъ). Не смотря на это, каждый изъ братьевъ представлялъ совершенно самостоятельное существо; пульсъ одного бился медленнѣе, чѣмъ у другаго; они могли говорить независимо другъ отъ друга и объ разныхъ предметахъ. Этимъ примѣромъ двойнаго уродства я закончу свое изложеніе о томъ, что извѣстно въ наукѣ тератологіи. Присовокупивъ только, что случаи двойнаго уродства извѣстны и среди животныхъ, причемъ эти явленія, какъ оказывается, слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ и законамъ, которые нами были выше указаны. Само собою разумѣется, что изложенное составляетъ только самое поверхностное общее знакомство съ тѣми данными, которыя лежатъ въ основаніи сказанной науки. Этихъ немногихъ данныхъ, однако, достаточно для того, по крайней мѣрѣ, чтобы убѣдиться, во 1 хъ, въ томъ, что въ появленіи уродовъ на свѣтъ не виноваты ни черти, ни другія нечисти, которымъ ихъ происхожденіе приписывается темными людьми; во 2-хъ, что появленіе на свѣтъ уродовъ такъ же мало предвѣщаетъ дурнаго, какъ и хорошаго; другими словами—ничего не предвѣщаетъ, какъ и появленіе нормально рождающихся дѣтей; въ 3-хъ, что уклоненія въ развитіи уродовъ совершаются не зря, не кое-какъ, а слѣдуютъ хорошо извѣстнымъ въ наукѣ законамъ, и, наконецъ, въ 4-хъ, что многіе уроды не лишены способности къ жизни, и поэтому всѣхъ ихъ слѣдуетъ беречь со дня рожденія такъ же тщательно, какъ нормально развитыхъ дѣтей, и даже болѣе того, ибо эти несчастныя съ самыхъ первыхъ дней своего существованія ставятся въ условія, иногда гораздо болѣе тяжелыя, чѣмъ ихъ нормально развитые сородичи. Не гнушаться поэтому и не впадать въ суевѣрный и ни на чемъ не основанный страхъ слѣдуетъ при рожденіи урода, а сожалѣть и заботиться о немъ.

VIII.

Враги лѣса.

Я. Ѳ. Хрущова.

Были выставлены: чучела животныхъ, приносящихъ вредъ лѣсу; образцы поврежденій, сдѣланныхъ ими, и показаны туманныя картины, изображающія вредныхъ для лѣса насѣкомыхъ и паразитныхъ грибковъ.

Всѣхъ враговъ лѣса можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы:

I. **Человѣкъ.**

Безспорно самымъ опаснымъ врагомъ для лѣса является человѣкъ. Онъ, какъ бы нарочно, задался цѣлью истреблять лѣса, хищнически вырубая ихъ вездѣ, гдѣ только можетъ, не заботясь о томъ, во время ли онъ его рубитъ и выростетъ ли на мѣстѣ стараго новый, совершенно не сознавая той пользы, которую ему приноситъ лѣсъ, защищая его посѣвы отъ холодныхъ вѣтровъ и засухъ, оздоровляя воздухъ, которымъ онъ дышетъ, и, наконецъ, служа лучшимъ украшеніемъ природы. Часто человѣкъ приноситъ вредъ лѣсу, самъ того не подозрѣвая: идетъ онъ по лѣсу съ топоромъ, ударитъ по деревцу,—такъ, потому что руки чешутся,—и побредетъ себѣ, дальше; а бѣдное деревцо начинаетъ болѣть, часто погибаетъ; а если и выживаетъ, то дѣлается гнилымъ, трухлявымъ, ни на что негоднымъ. Но больше всего приноситъ человѣкъ вреда лѣсу своимъ неосторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ. Лѣсные пожары почти никогда не происходятъ отъ естественныхъ причинъ; если молнія и ударитъ въ дерево, то она рѣдко его зажигаетъ, чаще расщепляетъ; если и зажжетъ, то такъ дѣло однимъ деревомъ и кончится, потому что молнія ударяетъ преимущественно въ одиноко стоящія деревья. Лѣсные пожары есть, безспорно, одно изъ величайшихъ бѣдствій, постигающихъ нашу родину: ежегодно, лѣтомъ, горятъ тысячи десятинъ по всему необъятному пространству матушки-Руси. Примѣромъ того, какихъ страшныхъ размѣровъ достигаетъ иногда лѣсной пожаръ, можетъ служить то, что, когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ горѣли лѣса Новгородскіе и Петербургскіе, въ Москвѣ трудно было дышать отъ дыма и пепла, тучи котораго застилали по временамъ свѣтъ солнечный.

Какъ я уже сказалъ, человѣкъ почти всегда является единственной причиной лѣснаго пожара.

Надо отдать однако справедливость русскому народу: онъ въ рѣдкихъ случаяхъ поджигаетъ лѣсъ умышленно; гораздо чаще лѣсъ загорается отъ нашего роднаго „авось“: не затушатъ огня скотопрогонщики, не зальютъ хорошенько угольный костеръ угольщики; даже, просто, бросить кто-нибудь въ сухое лѣтнее время папиросу или спичку,—и небольшая искра разростается въ громадное пламя; производятъ лѣсной пожаръ тоже искры отъ локомотива, если онъ не снабженъ сѣткой. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ причиною пожара часто является особый родъ полеваго хозяйства, такъ называемый „подсѣчное“. Дѣло въ томъ, что на нашемъ сѣверѣ земли, годной для хлѣбопашества, мало, а лѣсу много; поэтому ежегодно срубается часть лѣса, „подсѣкается“; полученные матеріалы сжигаются на мѣстѣ; потомъ, не пахавъ, сѣютъ ленъ; на другой годъ пашутъ и сѣютъ овесъ; на третій—рожь, а потомъ вновь запускаютъ подъ лѣсъ. Урожаи на подобныхъ мѣстахъ бываютъ прекрасные, да и заброшенные участки скоро заростаютъ лѣсомъ. Ничего бы, кромѣ пользы, это не приносило, еслибы это дѣлалось осторожно; а теперь—нужно-то всего десятину подъ ленъ—а выжгутъ вокругъ десятинъ тридцать, а то и болѣе, если не успѣютъ замѣтить во время, что огонь прорвался сквозь плетень, которымъ огораживаютъ подсѣку.

Лѣсные пожары болѣе опасны въ лѣсахъ хвойныхъ, чѣмъ лиственныхъ, благодаря тому, что въ хвойныхъ деревьяхъ находится смола и меньшее количество соковъ, чѣмъ въ лиственныхъ. Они также болѣе опасны въ молодомъ лѣсу, у котораго сучья находятся низко: въ такомъ лѣсу если загорится опавшая хвоя, сухая трава,—однимъ словомъ, такъ называемый, мертвый почвенный покровъ,—то огонь легко можетъ перейти на самыя деревья.

Самое важное—замѣтить пожаръ въ началѣ, когда его легко бываетъ потушить, забросавъ огонь землею, или, просто, даже затоптавъ ногами; конечно, для этого нуженъ хорошій присмотръ за лѣсомъ, и поэтому первымъ предохранительнымъ средствомъ отъ лѣснаго пожара является надежная стража; гдѣ ея мало, хорошо также устраивать въ разныхъ мѣстахъ лѣса каланчи и ставить на нихъ въ жаркое время особыхъ караульщиковъ. Каланчи эти обыкновенно состоятъ изъ одного помоста, укрѣпляемаго на сучьяхъ дерева, и лѣстницы, по которой влѣзаютъ на него. Иногда дѣлаютъ болѣе затѣйливыя каланчи, въ нѣсколько этажей, на столбахъ; но онѣ стоятъ дорого, а пользы приносятъ ничуть не болѣе, чѣмъ самыя простыя. Караульщики эти должны быть хорошо знакомы съ лѣсомъ и немедленно доносить, кому вѣдать надлежитъ, гдѣ начался пожаръ. Уборка сухостоя и валежника является также прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ.

Лѣсные пожары бываютъ трехъ родовъ.

1. Подземный, когда горитъ торфяное болото. Торфъ есть остатки растеній, частью перегнившіе. Въ сухое время онъ сильно пересыхаетъ и легко загорается. Тушить подземный пожаръ очень трудно, потому что почти невозможно опредѣлить направленіе огня. Обыкновенно тушатъ его, окапывая пожарище канавкой шириною не болѣе одного аршина; но при этомъ необходимо прокопать торфяной слой во всю его толщу:—иначе пробьется гдѣ нибудь огненная струйка, и всѣ труды пропадутъ даромъ.

2. Другой родъ лѣснаго пожара есть пожаръ наземный или бѣглый, какъ его называютъ,—когда горитъ мертвый почвенный покровъ. Прямаго вреда пожаръ этотъ въ старомъ лѣсу не производитъ; приноситъ онъ вредъ только косвенный, опаляя стволы и корни деревьевъ и тѣмъ вредя ихъ правильному росту. Огонь при бѣгломъ пожарѣ въ тихую погоду направляется всегда въ ту сторону, гдѣ находитъ себѣ больше пищи; въ вѣтренную же погоду—въ подвѣтренную сторону, при чемъ пожарище имѣетъ видъ треугольника (рис. 1). Тушатъ подобный пожаръ, закладывая на извѣстномъ разстояніи отъ пожара, тамъ, куда идетъ огонь, охранную полосу шириною въ 5—6 аршинъ, для чего снимаютъ дернъ, не срубая при этомъ деревьевъ, и относятъ его по дальше, препятствуя при этомъ боковому распространенію огня, захлестывая его смоченными въ водѣ вѣтвями.

Рис. 1.
Стрѣлками обозначено направленіе вѣтра, А—мѣсто начала пожара.

3. Если наземный пожаръ происходитъ въ молодомъ лѣсу, то загораются самые стволы, и начинается самый страшный изъ лѣсныхъ пожаровъ—пожаръ вершинный или повальный, который переходитъ и на старый лѣсъ и разливается цѣлымъ моремъ огня. Распространеніе повальнаго пожара такое же, какъ и бѣглаго. Тушатъ его, прорубая по бокамъ и впереди пожарища охранныя просѣки, шириною отъ 3 до 5 саженей. Деревья на такихъ просѣкахъ слѣдуетъ валить вершинами въ сторону пожара и закладывать за охранными просѣками еще охранныя полосы, чтобы не перешелъ огонь, идущій по-низу. Другой способъ тушенія пожара есть пусканіе встрѣчныхъ огней, иначе „отжиганіе пожара“. Основанъ этотъ способъ на слѣдующемъ: на всякомъ пожарѣ нагрѣтый воздухъ подымается наверхъ, и мѣсто его заступаетъ воздухъ, притекающій извнѣ, отчего происходитъ тяга въ сторону пожара. Отступивъ на нѣкоторое разстояніе отъ пожара, собираютъ граблями мохъ, сухіе

листья, хвою, хворостъ и другія легко воспламеняющіяся вещества, и складываютъ ихъ непрерывными широкими валами. По мѣрѣ приближенія огня тяга въ сторону пожара усиливается, и когда бумажка, пущенная на воздухъ, несется по направленію къ нему, заготовленные валы зажигаютъ. Встрѣчный огонь, истребляя на своемъ пути все, идетъ по направленію къ первому; огненный столбъ высоко взвивается къ небу, и огонь, за неимѣніемъ пищи, тухнетъ.

Какой бы ни былъ пожаръ—подземный, бѣглый или повальный, пожарище еще нѣкоторое время дымится; поэтому, во избѣжаніе возникновенія новаго пожара, необходимо ставить караульныхъ. По дѣйствующимъ законамъ на каждый лѣсной пожаръ всѣ крестьяне, живущіе ближе 15 верстъ, обязаны немедленно являться безплатно; живущіе же дальше этого разстоянія получаютъ поденную плату по таксѣ, установленной земствомъ.

Повальный лѣсной пожаръ представляетъ одну изъ самыхъ величественныхъ картинъ въ природѣ; онъ прекрасно описанъ Андреемъ Печерскимъ въ его сочиненіи „Въ лѣсахъ“ (т. 3, стр. 365—367): нѣсколько лицъ отправилось на богомолье, и вотъ что А. Печерскій разсказываетъ дальше: „Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленьи необычный, несмолкаемый трескъ... Съ каждой минутой онъ возрасталъ, обдавая странниковъ ужасомъ... Свистъ и визгъ разносились по лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ: то стада бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево. Почуявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались, сломя голову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди либо ось пополамъ, либо все на боку.

— Огонь идетъ! вскрикнулъ Дементій *). И отчаянный крикъ его едва слышенъ былъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, творили молитвы...

Вдругъ смолистымъ дымомъ пахнуло, и по узкой свѣтовой полосѣ, что высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, стаями понеслись горящія лапы, **) осыпая дождемъ искръ путниковъ. Вой урагана превратился въ одинъ оглушающій, нескончаемый раскатъ грома. Ему вторили, какъ бы пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ дерезьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику ***) стадо запыхавшихся лосей... Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣй вихря пронеслись лѣсныя птицы... Багрово-синими, какъ бы кровавыми волнами заклубился надъ лѣсомъ дымъ... Палящій, огнедышущій вѣтеръ понесся низомъ, межъ деревьями, разстилая надъ землей удушающій смрадъ... Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ... Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто повернула направо и во весь опоръ помчалась по прогалинѣ, извивавшейся середь чапыжника. За передней парой кинулись остальныя ..

Не прошло трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылавшаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото...“

*) Дементій—конюхъ.

**) Вѣтви хвойныхъ деревьевъ.

***) Частый кустарникъ.

II. Животныя.

а. *Млекопитающія.*

Изъ млекопитающихся животныхъ вредъ лѣсу приносятъ какъ дикія, такъ и домашнія. Изъ этого ясно, что одно изъ наиболѣе распространенныхъ побочныхъ *) пользованій лѣсомъ, а именно пастьба скота, вредно отражается на здоровьѣ лѣса. Наиболѣе вредна пастьба скота въ молодняхъ, въ которыхъ скотъ, благодаря обильному корму, всего охотнѣе пасется: тамъ онъ вмѣстѣ съ травой поѣдаетъ или вырываетъ древесные всходы, обгрызаетъ молодые сладкіе побѣги, пожираетъ листву и почку и обгладываетъ кору. Наиболѣе вредны козы и лошади, менѣе—рогатый скотъ и овцы. Скотъ повреждаетъ почти всѣ древесныя породы, при чемъ лиственныя предпочитаетъ хвойнымъ. Рано весною, когда корма въ поляхъ еще мало, а также утромъ и послѣ дождя, когда листва и побѣги, смоченные росою или дождемъ, наиболѣе вкусны,—вредъ, приносимой домашними животными, бываетъ всего ощутительнѣе. Нельзя сказать, чтобы скотъ не приносилъ никакого вреда въ старомъ лѣсу: онъ копытами повреждаетъ корни, которые послѣ этого легко загниваютъ; оставляетъ много мочи, вредно отзывающейся на здоровьи деревьевъ; уплотняетъ плотную и разрыхляетъ и безъ того рыхлую почву; но со всѣмъ этимъ необходимо мириться у насъ, гдѣ лѣсъ является иногда единственнымъ мѣстомъ для выгона; одного только безусловно нужно избѣгать, именно пастьбы скота въ лѣсу, который не выросъ еще изъ-подъ его морды.

Всѣхъ дикихъ млекопитающихъ животныхъ по степени вреда, приносимаго ими лѣсу, можно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Лось или сохатый. Вышиною съ лошадь, но длиннѣе ея; лѣтомъ темно-бурый, а зимою свѣтло-бурый. У самца громадные вѣтвистые рога, вѣсомъ

*) Пользованіе лѣсомъ, какъ топливомъ или какъ строительнымъ матеріаломъ—называется главнымъ; сѣнокошеніе же, пастьба скота, сборъ грибовъ или ягодъ и т. п. называются побочными.

иногда до пуда, самка безрогая. Шея у лося короткая, а ноги очень длинныя, что мѣшаетъ ему питаться подножнымъ кормомъ; поэтому онъ и предпочитаетъ древесныя породы, причемъ ѣстъ не только молодые побѣги, но перегрызаетъ вѣтви, толщиною въ палецъ. По вкусу ему приходится и кора, которую онъ весною, когда дерево въ соку, обдираетъ кругомъ всего ствола, а осенью сдираетъ длинными полосами, расположенными одна около другой, сверху внизъ. Лось не брезгуетъ никакимъ деревомъ; кажется, ольху только не трогаетъ. Всего лучше было бы выстрѣливать лосей до безвреднаго количества, но ихъ въ Россіи вообще очень мало; поэтому ихъ берегутъ, запрещая вовсе охоту за ними, а для того, чтобы спасти лѣсъ, заготовляютъ имъ на зиму кормъ, накашивая сѣно въ достаточномъ количествѣ. Когда лось мѣняетъ рога, то для того, чтобы освободить новые отъ покрывающей ихъ кожистой оболочки, онъ трется о гладкіе стволики деревьевъ, которые отъ этого сильно страдаютъ. Чтобъ помѣшать ему портить такимъ образомъ деревья, наиболѣе цѣнныя изъ нихъ, напр. аллейныя, слѣдуетъ обвязывать колючими вѣтвями боярышника или другими.

2. Заяцъ—губитъ молодой подростъ, обгрызая вѣтки и обгладывая кору на стволикахъ молодыхъ деревцовъ, преимущественно у осины и липъ, поперечными полосками. Интересно при этомъ, что заяцъ охотнѣе нападаетъ на тѣ деревья, которыя были раньше повреждены лосемъ. Поврежденія сдѣланныя зайцемъ, легко отличить: на попорченномъ имъ деревѣ всегда ясно видѣнъ слѣдъ его широкихъ переднихъ зубовъ (рѣзцовъ). Большія опустошенія производитъ заяцъ въ питомникахъ, т. е. такихъ огородахъ, гдѣ разводятся древесныя породы. Чтобы избавить ихъ отъ зайцевъ, хорошо сѣять вокругъ нихъ дерезу, которую заяцъ считаетъ за лакомство; и гдѣ она есть, тамъ онъ деревцовъ не трогаетъ. А еще лучше побольше за ними охотиться—что полезнѣе всякой дерезы.

3. Бѣлка повреждаетъ преимущественно лиственницу, рѣже ель, пихту и букъ; сдираетъ она кору дерева спиралью, какъ въ верхней, такъ и въ нижней его части. Истребляетъ она также много желудей и сосновыхъ и еловыхъ сѣмянъ, откусывая своими острыми зубками чешуйки шишекъ одну за другою и добывая оттуда сѣмена, пока не останется одинъ стержень.

4. Мыши. Много вреда приносятъ лѣсу мыши. Наступитъ холодная сѣверная зима; поѣдятъ мыши всѣ запасы, которые заботливо собирали лѣтомъ; снѣгу много; ничего съѣстнаго нигдѣ не раздобудешь, и нападаютъ мыши на лѣсъ, да не только лѣсныя, но и полевыя, и накинувшись на молодыя деревца, обгладываютъ съ нихъ всю кору. По вкусу имъ и терпкая кора дуба, и сладкая кора сосны; одну еловую не трогаютъ,—не нравится, должно быть. А попадутъ въ питомники на посѣвъ, тогда прощай всѣ надежды на всходы: ни зернышка не оставятъ. Не мало вреда приносятъ онѣ и на посадкахъ: всю землю избороздятъ своими ходами, часть растеньицъ вырвутъ, другимъ корни перегложутъ. Много мѣръ предлагалось, чтобы избавиться отъ нихъ; но всѣ онѣ не достигаютъ своей цѣли; полезно, однако, на посадкахъ скашивать сорныя травы, куда мыши любятъ прятаться, а въ питомникахъ покрывать грядки еловыми вѣтвями или льняной половой, запаха которыхъ мыши терпѣть не могутъ. Отъ зимнихъ нападеній мышей спасенія пока совсѣмъ нѣтъ. Очень бы много вреда лѣсу приносили онѣ, еслибы, по счастію, у нихъ не было столько враговъ: ежи, барсуки, лисицы, совы, филины, всегда не прочь полакомиться мышью.

б. *Птицы.*

Изъ птицъ вредъ лѣсу приносятъ:

1. Чижи, зяблики, снигири и дикіе голуби. Они выклевываютъ сѣмена на посѣвахъ, въ питомникахъ, и портятъ тысячами только что взошедшіе всходы хвойныхъ. Когда хвойное сѣмячко всходитъ, то кожура сѣмени выносится наружу, и на такія-то мѣста налетаютъ маленькіе пернатые хищники и оставляютъ одинъ пенекъ. Противъ нихъ нужно или держать всегда въ питомникахъ людей, или покрывать гряды сѣткой. Хорошо также отъ дикихъ голубей дѣлать посѣвы послѣ ихъ перелета.

2. Дятелъ. Долго думали, что дятелъ не только не вредитъ деревьямъ, но даже приноситъ пользу, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ. Но дѣло въ томъ, что насѣкомыхъ-то онъ ѣстъ большихъ, да еще живущихъ на мертвыхъ деревьяхъ; а если станетъ ихъ искать на живыхъ, то тутъ добра не жди: насѣкомое немного попортитъ дерево, а дятелъ такую дыру сдѣлаетъ, что совсѣмъ его доканаетъ. Вредитъ онъ деревьямъ еще, дѣлая гнѣздо, для чего онъ выдалбливаетъ въ деревѣ углубленіе. Много поѣдаетъ дятелъ сѣмянъ ели и сосны: возьметъ шишку, выдолбитъ своимъ острымъ клювомъ отверстіе въ деревѣ, вставитъ ее туда и ну ее разбивать, и сѣмена-то съѣстъ да и, устраивая станокъ *), дерево испортитъ. Потомъ уже, неизвѣстно для чего, дятелъ дѣлаетъ вокругъ ствола рядъ отверстій,—„кольцуетъ“, какъ говорятъ. Трудно объяснить кольцеваніе тѣмъ, что дятелъ ищетъ насѣкомыхъ: часто стоятъ рядомъ два совершенно здоровыя дерева, а на одномъ дятелъ произвелъ кольцеваніе, на другомъ же нѣтъ.

в. *Насѣкомыя.* Насѣкомыя размножаются яйцами, которыя они кладутъ въ огромномъ количествѣ. По выходѣ изъ яйца, молодое насѣкомое не похоже на старое: оно имѣетъ видъ червя голаго, или по-

*) Подобное отверстіе, куда дятелъ вставляетъ шишку, называется станкомъ дятла.

крытаго волосами, съ ногами или безъ ногъ, носящаго названіе личинки или гусеницы. Личинка растетъ, нѣсколько разъ линяетъ и, наконецъ, превращается въ неподвижную куколку, часто обмотанную шелковистымъ клубкомъ—кокономъ; пробывъ въ такомъ видѣ нѣсколько времени, она превращается во взрослое насѣкомое. Такое развитіе называется полнымъ превращеніемъ. Бываетъ еще другой родъ превращенія—неполное, когда вылупившаяся изъ яйца личинка не превращается въ куколку, но растетъ, нѣсколько разъ линяетъ, съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ крылья и становится совсѣмъ похожей на своихъ родителей.

Много у лѣса враговъ изъ міра насѣкомыхъ; вредъ, приносимый ими, очень часто громаденъ: они губятъ совершенно сотни, даже тысячи десятинъ, ибо появляются почти всегда въ большомъ количествѣ и чрезвычайно быстро размножаются. Борьба съ ними очень затруднительна: ни наука, ни опытъ не дали до сихъ поръ никакихъ мѣръ. Всѣ мѣры, о какихъ я буду упоминать при дальнѣйшемъ изложеніи, были испробованы въ различныхъ мѣстахъ, и въ иныхъ удавались, въ другихъ нѣтъ. До сихъ поръ вполнѣ успѣшными были только мѣры предохранительныя, т. е. такія, цѣль которыхъ—уничтоженіе всѣхъ условій, благопріятствующихъ появленію и размноженію въ лѣсу вредныхъ насѣкомыхъ.

Теперь перейду къ описанію наиболѣе опасныхъ изъ нихъ.

1. Майскій жукъ, хрущъ, майка—очень распространенный у насъ жукъ буро-краснаго цвѣта, летаетъ обыкновенно въ маѣ; самка откладываетъ свои яички въ небольшое отверстіе, сдѣланное въ рыхлой навозной землѣ, часто въ огородахъ и питомникахъ. Изъ яичекъ черезъ нѣкоторое время вылупляются личинки бѣловато-желтаго цвѣта съ бурою головкою. Эти личинки только черезъ четыре года окукливаются тутъ же въ землѣ. Изъ куколки вскорѣ вылетаетъ жукъ. Такимъ образомъ, полное превращеніе хруща совершается впродолженіе четырехъ лѣтъ, и если, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году ихъ было очень много, то можно навѣрное сказать, что ранѣе, какъ черезъ четыре года, они уже не появятся въ значительномъ количествѣ. Въ первые два года своей жизни личинка питается различными остатками сгнившихъ растеній и животныхъ; съ третьяго же года она начинаетъ жадно обгладывать корешки молодыхъ растеній, которыя послѣ этого желтѣютъ и гибнутъ. Нападаетъ она на всѣ лѣсныя и плодовыя деревья, какъ въ питомникахъ, такъ и на посадкахъ. Какъ на средство противъ нихъ можно указать: въ питомникахъ—на глубокое перекапываніе и просѣваніе земли передъ приготовленіемъ грядъ, причемъ личинки собираются руками; на посадкахъ же можно избѣжать вреда отъ личинки майскаго жука, сажая глубоко на самое дно ямки, такъ какъ извѣстно, что онѣ живутъ въ верхнемъ навозномъ слоѣ земли и не тронутъ корней растеньица, которое будетъ посажено ниже этого слоя. Въ послѣднее время совѣтуютъ взбрызгивать гряды и обмакивать корни передъ посадкой въ керосинъ, говоря, что это очень хорошо помогаетъ. Жукъ, въ свою очередь, наноситъ довольно значительный вредъ деревьямъ, питаясь листьями, преимущественно, лиственныхъ породъ; изъ хвойныхъ же онъ любитъ иглы ели и лиственницы и цвѣты сосны. Жуковъ можно уничтожать, собирая ихъ въ корзину по утрамъ съ деревьевъ, когда они сидятъ въ оцѣпененіи, и потомъ сжигая ихъ. Иногда ихъ собираютъ такое большое количество, что удобряютъ ими поля, какъ навозомъ. Вредъ, приносимый вообще этимъ насѣкомымъ, очень значителенъ.

2. Большой сосновый долгоносикъ—небольшой жучекъ грязно-сѣраго цвѣта съ желтыми пятнышками на спинѣ; передняя часть головки вытянута въ хоботокъ, за который даютъ ему еще названіе слоника. Личинка безвредна, жукъ же сильно повреждаетъ молодыя деревца, въ особенности сосну и ель, обгладывая кору съ молодыхъ побѣговъ и выѣдая почки. Жукъ выгрызаетъ еще на побѣгахъ небольшія площадки и, запустивъ въ древесину свой хоботокъ по самые глаза, сосетъ сладкій сокъ; такое поврежденіе легко отличить по капелькѣ смолы, вытекшей изъ ранки, сдѣланной имъ. Жукъ летаетъ въ маѣ. Самка складываетъ яички подъ корою пней по одному. Вылупившаяся личинка живетъ въ пнѣ въ теченіи цѣлаго года; въ началѣ слѣдующей весны она углубляется въ древесину пня и тамъ окукляется; вскорѣ затѣмъ вылетаютъ жуки. Уничтожать ихъ можно, собирая руками личинокъ, содравъ предварительно кору съ пней; или собирая жуковъ, пользуясь ихъ привычкой забираться подъ вечеръ подъ лежащія бревна или куски коры. Для этого раскладываютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появился долгоносикъ, куски коры, такъ называемую „ловчую кору“, длиною въ 1 аршинъ, шириною въ $^1/_2$, внутреннею стороною къ землѣ, а сверху придавливаютъ камнемъ. Такую ловчую кору необходимо осматривать каждый вечеръ и уничтожать забравшихся туда жучковъ. Если же на лѣсосѣкѣ *) предполагается сдѣлать посадку, то лучше всего, рано весною, выкорчевать пни; если же это не окупается, то садить не раньше, какъ черезъ годъ послѣ срубки, когда опасность отъ долгоносика уже гораздо меньше.

3. Сосновый лубоѣдъ-небольшой жучекъ чернаго цвѣта; летаетъ раннею весной. Послѣ оплодотворенія на воздухѣ, самка кладетъ яички на свѣже-

*) Лѣсосѣкою называется сплошь вырубленная полоса лѣса.

заготовленномъ матеріалѣ или на нижней части стоящихъ на корню сосенъ, преимущественно плохаго роста. Выбравъ подходящее дерево или бревно, она дѣлаетъ подъ корою маточный ходъ въ вертикальномъ направленіи, оканчивающійся крючковатымъ изгибомъ. На всемъ протяженіи этого хода самка по бокамъ его дѣлаетъ углубленія, въ которыя и складываетъ яички, затыкая ихъ червоточиной. Вылупившись, личинки пробуравливаютъ свои ходы, окукляются у поверхности коры, и вскорѣ жуки прогрызаютъ тонкую стѣнку, отдѣляющую ихъ отъ внѣшняго міра, и вылетаютъ наружу. Вылетѣвъ, они въѣдаются въ основаніе вершинныхъ побѣговъ сосны и выѣдаютъ всю сердцевину побѣга и почку. Вѣтеръ легко ломаетъ подобную вѣтку, и жукъ вмѣстѣ съ ней падаетъ на землю. Если дѣло происходитъ еще лѣтомъ, то онъ переселяется на другую вѣтку; если уже при наступленіи заморозковъ, то онъ глубоко вгрызается въ корни дерева и зимуетъ тамъ. Сосны, поврежденныя этимъ жукомъ, имѣютъ очень причудливый видъ: вершины ихъ кажутся какъ бы нарочно обстриженными, за что сосновому лубоѣду и дали въ западной Европѣ прозваніе лѣснаго садовника. Во избѣжаніе сильнаго распространенія этого насѣкомаго необходимо вывозить матеріалъ изъ лѣсу до вылета жуковъ и не устраивать лѣсныхъ складовъ вблизи сосноваго лѣса.

4. Ближайшими родственниками только что описанному жуку являются короѣды,—страшный бичъ русскихъ лѣсовъ. Они являются иногда цѣлыми милліонами, и сотни,—даже тысячи десятинъ лѣса начинаютъ сохнуть, какъ бы по мановенію жезла волшебника. Наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе опасныхъ для нашихъ лѣсовъ видовъ короѣда—три: короѣдъ-типографъ—еловый короѣдъ, короѣдъ-халькографъ, живущій тоже на ели, и короѣдъ-стенографъ, живущій на соснѣ. Всѣ они очень маленькіе, не больше булавочной головки, жучки буровато-чернаго, а иногда и совсѣмъ чернаго цвѣта; халькографъ—свѣтлѣе. Образъ жизни ихъ почти одинаковъ. Летаютъ они раннею весной; самецъ, выбравъ непремѣнно больное дерево, дѣлаетъ на стволѣ его углубленіе, называемое случною камерой; самка, руководимая обоняніемъ, прилетаетъ туда; тамъ происходитъ оплодотвореніе, послѣ чего оба вмѣстѣ дѣлаютъ въ лубяномъ слоѣ маточный ходъ; у короѣда-типографа онъ одинъ въ вертикальномъ направленіи, у короѣда-стенографа—тоже только большей величины, а у короѣда халькографа ихъ нѣсколько, расположенныхъ звѣздою вокругъ случной камеры. По бокамъ этихъ ходовъ самка складываетъ въ отверстія свои яички и затыкаетъ ихъ червоточиной. Личинки — безногія, грязновато бѣлыя, съ бурою головкой; послѣ вылупленія изъ яичекъ онѣ дѣлаютъ свои ходы подъ прямымъ или подъ острымъ угломъ къ маточному и въ концѣ ихъ окукляются; черезъ нѣкоторое время вылетаютъ жуки. Дерево, изъ котораго вылетѣли короѣды, бросается прямо въ глаза: оно кажется какъ бы прострѣленнымъ дробью. Иногда, впрочемъ у насъ въ Россіи рѣдко—развѣ на югѣ, къ концу лѣта появляется новое поколѣніе. Если жукъ до заморозковъ не успѣлъ еще вылетѣть, то онъ остается въ деревѣ до слѣдующей весны и впадаетъ въ оцѣпенѣніе; вылетѣвшіе же жуки на зиму прячутся за трещинами коры и въ корняхъ. Противъ короѣдовъ предлагаютъ раскладывать свѣже-срубленные отрубки, такъ называемыя ловчія деревья, подъ кору которыхъ они охотно складываютъ свои яички, и до вылета жуковъ вывозить и сжигать ихъ; а всего лучше,—такъ какъ замѣчено, что короѣды нападаютъ только на больныя деревья,—заботливо смотрѣть и удалять каждое мало-мальски нездоровое дерево.

5. Сосновый шелкопрядъ—довольно большая бабочка темно-сѣраго цвѣта съ бѣлыми полулунными пятнами на передней парѣ крыльевъ и бурыми поперечными полосками по краямъ ихъ. Летаетъ во второй половинѣ лѣта и откладываетъ яички за чешуйки коры сосны. Вышедшія изъ нихъ гусеницы сѣровато-или темно-бураго цвѣта съ свѣтлыми пятнами по бокамъ и двумя синими полосками около головы; онѣ всползаютъ вверхъ по стволу и объѣдаютъ хвою, начиная съ кончика и оставляя одинъ черешокъ. Съ наступленіемъ заморозковъ сползаютъ внизъ и забираются въ мохъ на зимовку. Слѣдующей весной онѣ опять подымаются наверхъ и пожираютъ хвою; а въ серединѣ лѣта окукляются на нижнихъ вѣтвяхъ между хвоею. Повреждаютъ исключительно сосну. Истребляютъ ихъ—собирая гусеницъ и коконы, или обмазываютъ деревья на высотѣ груди каменноугольною смолой вокругъ, къ которой и пристаютъ гусеницы, переселяющіяся послѣ зимовки на вершину дерева. Окапываютъ иногда также поврежденный участокъ канавкою, куда попадаютъ гусеницы, когда онѣ, съѣвши все на данномъ мѣстѣ, переправляются въ другое, ища себѣ пропитанія. Много помогаютъ въ борьбѣ съ сосновымъ шелкопрядомъ многочисленные враги его: кукушки, козодои, жужелицы и наѣздники.

6. Сосновая совиноголовка повреждаетъ сосновые участки 40—60 лѣтняго возраста. Это—небольшая бабочка, переднія крылья которой буровато-краснаго цвѣта съ желтыми пятнами. Летаетъ она весной и откладываетъ свои яички въ числѣ 20—50 штукъ на хвою. Гусеницы—голыя, желтовато-зеленаго цвѣта, съ тремя бѣлыми полосками вдоль спины, и оранжевыми по бокамъ. Онѣ въѣдаются сначала въ почки молодыхъ побѣговъ, потомъ начинаютъ пожирать и старую хвою, часто

вмѣстѣ съ черешкомъ. Осенью гусеницы сползаютъ внизъ въ мохъ для окукливанія. Гусеница сосновой совки, будучи голою, очень боится холода, чѣмъ и пользуются для ея истребленія. Съ этой цѣлью осенью граблями переворачиваютъ мохъ и предоставляютъ ихъ дѣйствію мороза. Хорошо также пасти въ поврежденныхъ участкахъ свиней, которыя охотно поѣдаютъ гусеницъ.

III. Растительные паразиты.

Изъ растительныхъ паразитовъ, живущихъ на деревьяхъ, почти исключительнаго вниманія заслуживаютъ грибы. Съ ранняго дѣтства грибъ, напримѣръ бѣлый, мы привыкли представлять себѣ состоящимъ изъ корешка и шляпки; но это еще не весь грибъ, а только часть его—цвѣтокъ или плодоносецъ. Если мы внимательно посмотримъ на нижнюю часть корешка хоть того же бѣлаго гриба, то увидимъ обрывки бѣлыхъ нитей. Эти нитки, тянущіяся на значительное пространство, и есть остальная часть гриба. Онѣ называются въ наукѣ гифами. Гифы эти часто сплетаются, образуя плотную ткань. Въ такомъ видѣ онѣ носятъ названіе грибницы. Въ плодоносцѣ заключаются мельчайшія сѣмячки-поры. Каждый изъ насъ, по всей вѣроятности, видалъ ихъ, но, можетъ быть, не обращалъ должнаго вниманія:—стоятъ только раздавить созрѣвшій дождевикъ, и тотчасъ подымается небольшое облачко, состоящее изъ споръ. Грибъ, состоящій изъ грибницы и плодоносца, уже болѣе совершенный. Существуетъ еще цѣлый рядъ грибовъ, состоящихъ изъ одного пузырька или палочки, которыхъ можно разглядѣть только при помощи сильнаго увеличительнаго стекла—микроскопа, отчего и сами грибки эти названы микроскопическими. Микроскопическіе грибки носятся тысячами тысячъ въ воздухѣ, встрѣчаются въ водѣ и вообще вездѣ, гдѣ находятъ себѣ достаточно пищи. Наши обыкновенныя дрожжи есть тоже родъ микроскопическаго грибка. Нѣкоторые изъ этихъ грибковъ, попавъ въ человѣка и животныхъ, служатъ причиною ихъ заболѣванія Такъ,—холера, возвратная горячка, водобоязнь, чахотка, сибирская язва и другія болѣзни происходятъ отъ зараженія ими. Зараженіе растеній и въ частности деревьевъ приводится болѣе совершенными грибами, часто видимыми безъ помощи увеличительнаго стекла. Они, пронизывая все растеніе своею грибницею, вызываютъ въ немъ гниль и другія поврежденія. Такъ, гниль всѣхъ хвойныхъ породъ, а изъ лиственныхъ сливы, происходитъ отъ всѣмъ извѣстнаго съѣдобнаго гриба-опенка. Красная гниль лиственницы, ели, пихты и преимущественно сосны является также слѣдствіемъ зараженія грибкомъ. Гниль эта начинается всегда отъ сука. Если живой сукъ срѣзанъ не гладко, а еще хуже—отрубленъ топоромъ, да часть коры при этомъ содрана или ошмыгнута, то въ такомъ мѣстѣ легко застаивается дождевая вода, и охотно заселяются споры этого грибка.

На дубѣ встрѣчается нѣсколько гнилей; всѣ онѣ имѣютъ своею причиною также грибки: таковы гнили красная, бѣлая и пестрая. Зараженіе и въ данномъ случаѣ начинается отъ сука.

Другой грибокъ заселяется на молодыхъ вѣтвяхъ или на вершинѣ сосны, причемъ болѣзнь выражается въ томъ, что дерево дѣлается однобокимъ или какъ бы сдавленнымъ *) съ двухъ сторонъ, и вся древесика пропитывается смолою,за что очень высоко цѣнится смолокурами. Болѣзнь эта носитъ названіе сѣрянки или яринника.

Синяя гниль на заготовленномъ сосновомъ или еловомъ матеріалѣ, столь несносная на доскахъ, портящая цвѣтъ и способствующая ихъ скорому загниванію въ мало-мальски сыромъ мѣстѣ, также обязана своимъ происхожденіемъ грибку. Чтобы избавиться отъ синей гнили, необходимо рубить лѣсъ зимою, когда споръ нѣтъ; а къ лѣту, когда онѣ появляются, матеріалъ уже просохнетъ, и имъ уже будетъ не легко заселиться на немъ. Мѣръ, предохраняющихъ отъ зараженія грибами и отъ дальнѣйшаго ихъ распространенія, еще не придумано, развѣ только—удалять зараженныя деревья.

Изъ дѣйствій внѣшней природы укажу на морозъ, навалъ снѣга и ожеледь.

Наши лѣсныя деревья не замерзаютъ совсѣмъ; отмерзаютъ только молодые побѣги, не успѣвшіе одеревенѣть до осени, да утренниками побиваются листья и хвоя, но дерево скоро оправляется отъ подобнаго поврежденія. Гораздо опаснѣе выжиманіе морозомъ маленькихъ растеньицъ, посаженныхъ въ грядкахъ или посадкахъ на рыхлой и влажной землѣ, и появленіе, преимущественно на дубѣ, длинныхъ--часто въ длину всего ствола—трещинъ, называемыхъ морозбоинами. Если—на такую морозбоину попадетъ спора грибка, то дерево уже навѣрно испорчено.

Навалъ снѣга и ожеледь ломаетъ часто много молодаго лѣса и сучьевъ даже вершковъ до трехъ толщиною.

Вотъ сколько враговъ у лѣса. Это еще не всѣ, а только важнѣйшіе. Теперь легко понять, сколько нужно знанія, опыта и наблюдательности, отстаивая лѣсъ отъ его враговъ для того, чтобы онъ росъ, могучій и красивый,для пользы и удовольствія нашего да и будущихъ поколѣній.

---

*) Если грибокъ этотъ заселяется еще на очень молодомъ деревѣ, то онъ обходитъ весь стволъ кольцомъ, и дерево засыхаетъ; на старомъ же поврежденіе ограничивается только одной или двумя сторонами.

IX.

Тресковый промыселъ на Мурманскомъ берегу Архангельской губерніи.

Е. М. Дементьева.

Были выставлены: модель промысловаго судна (шняки), модель рыболовной снасти (яруса) и картины, виды Семіостровскаго становища, Гавриловскаго становища, рыбъ трески, палтуса и зубатки.

Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ выходцы изъ Великаго Новгорода поселились по берегамъ Бѣлаго моря въ Архангельской губерніи. Мѣста эти не были пустыми и здѣсь жили финскія племена чудь и югра. Югра сильно защищалась отъ нашествія и почти вся погибла въ борьбѣ; югры никогда не сдавались побѣдителямъ и когда бывали побѣждены, то поджигали свои дома и погибали въ огнѣ. Память объ этомъ сохранилась въ народѣ до сихъ поръ въ поговоркѣ, что «югра сама себя жгла». Вотъ о жизни потомковъ этихъ-то новгородскихъ переселенцевъ на Бѣлое море, гдѣ стоитъ Соловецкая обитель, о поморахъ, какъ ихъ называютъ, мы и будемъ вести рѣчь.

Въ этой мѣстности лѣто такое короткое и холодное, а земля настолько камениста и неплодородна, что хлѣбъ родится плохо, поэтому его сѣютъ очень мало, а побережные жители и совсѣмъ не сѣютъ. Такимъ образомъ, народу пришлось обратиться къ другимъ занятіямъ, которыя бы давали возможность существовать. Это занятіе у поморовъ есть рыбная ловля. Осенью и зимой они ловятъ по берегамъ Бѣлаго моря семгу, сельдь, навагу и камбалу, весною же и лѣтомъ переѣзжаютъ на Мурманскій берегъ Ледовитаго океана, для ловли трески. Этотъ промыселъ и составляетъ главный заработокъ поморовъ, они имъ живутъ и называютъ его своимъ «хлѣбопашествомъ».

Мурманскій берегъ—совсѣмъ пустыня и на немъ есть только одинъ маленькій городокъ Кола, гдѣ жители живутъ постоянно, весь годъ; въ другихъ же мѣстахъ поморы живутъ только весной и лѣтомъ, пока идетъ ловъ трески, а затѣмъ на осень и зиму переѣзжаютъ къ себѣ домой на берега Бѣлаго моря: въ Кемь, Онегу и другія мѣста. Въ послѣднія 15 лѣтъ правительство старалось заселить Мурманскій берегъ и объявило различныя льготы тѣмъ, кто поселится здѣсь на постоянное жительство, и теперь кое-гдѣ на берегу образовались маленькіе поселки, но жителей все еще очень мало.

Климатъ на Мурманскомъ берегу вообще очень суровъ. Въ самую жаркую пору лѣта тамъ не теплѣе, чѣмъ въ апрѣлѣ въ Москвѣ. Мнѣ очень рѣдко приходилось наблюдать на солнцѣ 15—20°, въ пасмурные же дни, обыкновенно, бываетъ всего 5—10°. Весь берегъ состоитъ изъ высокихъ, крутыхъ гранитыхъ скалъ. Кое-гдѣ между камнями есть мягкая земля, съ растущими на ней различными травами, пригодными для корма коровъ, которыхъ держатъ колонисты. Лѣса по берегу совсѣмъ нѣтъ, для построекъ его возятъ изъ Архангельска; есть только кустарникъ, чаще всего стелящійся березнякъ въ видѣ низкихъ кустиковъ, отъ которыхъ идутъ длинныя тонкія вѣтви по самой землѣ. Если я еще скажу, что у береговъ, но уже въ самой водѣ, растетъ особая морская трава *тура*, то вотъ и вся растительность на Мурманскомъ берегу.

Зима здѣсь очень продолжительная и суровая, снѣгъ сходитъ только въ концѣ мая и ледъ на рѣкахъ вскрывается иногда даже 10 іюня, а съ первыхъ чиселъ сентября снѣгъ уже опять ложится до будущей весны. Скажу еще объ одной особенности этого края. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ половины мая до половины іюля, ночей здѣсь совсѣмъ не бываетъ, солнце совсѣмъ не заходитъ и всѣ 24 часа сутокъ свѣтитъ надъ землею; но за то зимою столько же мѣсяцевъ съ ½ ноября до ½ января оно вовсе не показывается надъ землею и всѣ 24 часа стоитъ ночь, но въ продолженіи двухъ—трехъ часовъ, когда слѣдовало бы быть дню, быва-

етъ не совсѣмъ темно, а какъ въ зимнія сумерки, такъ что можно даже огня не зажигать.

Перейдемъ теперь къ описанію промысла. Рыба, которая преимущественно ловится на Мурманскомъ берегу, есть *треска*. Она бываетъ величиной, обыкновенно, въ $^3/_4$ аршина и на пудъ свѣжей трески идетъ 4—5 штукъ. Живетъ она въ морѣ на большой глубинѣ, обыкновенно у самаго дна, и чѣмъ она крупнѣе, тѣмъ глубже живетъ. Въ январѣ и февралѣ ей подходитъ время метать икру и она приваливаетъ къ берегамъ, но, все-таки, не поднимается высоко и держится подъ водой на глубинѣ не менѣе 40 саженъ.

Другая рыба ловящаяся на ярусъ, *пикшуй*, принадлежитъ къ породѣ трески и отличается отъ нея только нѣсколько меньшей величиной, почему и цѣнится дешевле. Третья рыба есть *палтусъ*. Это большая, широкая и плоская рыба изъ породы камбалъ, вѣсомъ до двухъ пудовъ. Она очень жирна и вкусна и потому цѣнится вдвое дороже трески, но ее вылавливается сравнительно очень мало. Наконецъ, четвертая рыба, которая попадается на ярусъ, называется *зубаткой*. Она отличается замѣчательной злобой. Снятая съ крючка и брошенная въ лодку, она старается ухватить зубами что ни попало. Нерѣдко случается, что она прокусываетъ своими крѣпкими зубами ноги, обутые въ сапоги, и я самъ видѣлъ, какъ одна пойманная зубатка стиснула въ своей пасти голову лежавшей возлѣ нея трески, да такъ и замерла. Ее нельзя есть свѣжею, такъ какъ отъ нея дѣлается тошнота и рвота, но соленая она безвредна.

Всѣ эти рыбы питаются мелкой рыбкой и въ особенности гоняются за рыбкой *мойвой*. Мойва по виду и по вкусу почти не отличается отъ корюшки, она только нѣсколько мельче и имѣетъ гораздо болѣе сильный запахъ, похожій на огуречный. Благодаря этому-то запаху, ловъ трески на мойву идетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ на всякую другую рыбу.

Тресковый промыселъ на Мурманскомъ берегу производится особеннымъ образомъ, не каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности, но артелями. Рыба ловится на особыхъ судахъ, которыя называются *шняками*. Это судно длиною отъ 4 до 6 саженъ и шириною въ 1 саж., поднимающее отъ 150 до 250 пудовъ груза. Оно можетъ ходить подъ парусомъ или на трехъ парахъ веселъ. Оно требуетъ, значитъ, 3-хъ гребцовъ и четвертаго человѣка для управленія рулемъ, слѣдовательно, всего 4 человѣка на каждое судно. Шняки строятся въ Колѣ и на Бѣломъ морѣ и вполнѣ снаряженное судно съ парусомъ и якоремъ стоитъ на мѣстѣ 120 руб.

Рыба ловится на особую снасть, называющуюся ярусомъ. *Ярусъ* состоитъ изъ многихъ связанныхъ между собою длинныхъ веревокъ; каждыя три веревки, связанныя вмѣстѣ, называются *тюкомъ*, такъ что тюкъ представляетъ длинную веревку отъ 90 до 120 сажень. На эту веревку, на разстояніи сажени другъ отъ друга, привязываются плетеныя веревочки, называющіяся оростями, на которыя укрѣпляются уды. Такимъ образомъ, въ каждомъ тюкѣ по 100 съ лишнимъ удъ. Если наживки много, то связываются и опускаются въ море 20—30 тюковъ; если же ее мало, то меньше, иногда всего 10 тюковъ. Самый большой ярусъ бываетъ въ 35 тюковъ и въ немъ тогда, значитъ, больше $3^1/_2$ тысячъ удъ.

Уды наживляются мелкой рыбой и ярусъ опускается на дно моря; чтобы онъ не всплывалъ, къ нему привязываются якоря, состоящіе просто изъ тяжелыхъ камней, вдѣланныхъ въ кусокъ дерева. Чтобы знать мѣсто, гдѣ ярусъ лежитъ подъ водой, къ нему привязываются въ трехъ—четырехъ мѣстахъ длинныя веревки, называющіяся ногами, къ которымъ укрѣплены деревянные чурбаны—*кубасы*. Когда ярусъ лежитъ подъ водой, то кубасы плаваютъ сверху, какъ поплавки на обыкновенной удочкѣ, а чтобы они были замѣтны издалека, въ нихъ вставляются палки, на которыя надѣваются иногда вѣники. Вполнѣ снаряженный ярусъ въ 35 тюковъ стоитъ до 180 руб.

Такимъ образомъ, для того, чтобы ловить рыбу на Мурманѣ, надо единовременно затратить на шняку и на ярусъ до 300 рублей. Если теперь сосчитать остальные расходы, именно на невода для ловли наживки, на запасъ соли для посолки рыбы, на припасы для продовольствія въ теченіе *шести* мѣсяцевъ, на дрова, которыя на Мурманѣ вовсе не дешевы, и проч. расходы, то, не считая крупнаго расхода на постройку избы, гдѣ бы можно было жить во время лова, на каждую шняку надо въ первый годъ израсходовать около 700 руб. Понятно, что затратить такія деньги въ состояніи не всякій, а только немногіе, болѣе зажиточные изъ поморовъ, и потому Мурманскій промыселъ издавна сложился такъ. Имѣющіе деньги поморы заводятъ шняки со снастями для ловли рыбы и со всѣми другими приспособленіями, и нанимаютъ народъ на слѣдующихъ условіяхъ. На каждой шнякѣ, какъ я говорилъ, полагается 4 человѣка, которые и образуютъ артель. Хозяинъ несетъ всѣ расходы по лову, по содержанію и по продовольствію артели, а затѣмъ, по окончаніи лова, вся валовая выручка дѣлится на 12 паевъ: 8 паевъ получаетъ хозяинъ, а 4 идутъ каждому изъ артельщиковъ по паю. Изъ своихъ восьми паевъ хозяинъ и дѣлаетъ всѣ расходы. Глава всей артели называется *кормщикъ*, онъ управляетъ шнякой, онъ распоряжается ловомъ рыбы и отъ него зависитъ весь успѣхъ лова. Хозяева, разумѣется, стараются нанять кормщиковъ получше и поопытнѣе и, по обычаю, сверхъ пая всегда платятъ ему изъ своей доли еще полъ-пая—

это называется *половой*, но, кромѣ того, ему еще платится *свершонокъ*, т. е. отъ 10 до 50 руб., смотря по искусству и старательности, по славѣ, которой пользуется кормщикъ. Такой способъ найма у поморовъ называется *покрутомъ*, а нанимающіеся *покрученниками* Хозяевамъ нѣтъ никакого расчета содержать одну шняку, обыкновенно же они держатъ ихъ, смотря по достатку, отъ четырехъ до 10-ти, слѣдовательно нанимаютъ отъ 12 до 40 покрученниковъ.

Покрученники начинаютъ рядиться съ хозяевами еще въ началѣ зимы и, по большей части, порядившись, забираютъ у нихъ впередъ сначала задатокъ, а затѣмъ и такъ, на свои надобности, и нерѣдко случается, что, въ концѣ концовъ, послѣ лова многіе изъ нихъ, послѣ расчета, своими паями только что покрываютъ то, что забрали впередъ. Въ началѣ марта они начинаютъ собираться въ путь. Передъ выходомъ хозяинъ дѣлаетъ имъ угощенье и затѣмъ они отправляются. Но они не ѣдутъ, а идутъ пѣшкомъ, таща за собою маленькія санки со съѣстными припасами на дорогу. Такъ они идутъ отъ 400 до 600 верстъ. И этотъ переходъ по пустымъ не населеннымъ мѣстамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, такъ что и обогрѣться-то имъ удается только у огня, когда его разводятъ на снѣгу для варки пищи, съ ночевками подъ открытымъ небомъ,—въ высшей степени тяжелъ, и нерѣдко нѣкоторые изъ нихъ приходятъ на мѣсто съ отмороженными пальцами. Всѣ покрученники собираются въ Росъ-Наволокѣ возлѣ Колы. Отсюда они разъѣзжаются по становищамъ на оленяхъ, уже на хозяйскій счетъ, и съ этого времени поступаютъ на полное хозяйское содержаніе.

Становищами называются береговыя селенія, гдѣ поморы живутъ во время лова. Они не похожи на наши деревни и представляютъ разбросанныя въ безпорядкѣ бревенчатыя строенія безъ дворовъ. Строенія эти состоятъ изъ жилыхъ теплыхъ избъ, которыя здѣсь называются станами, амбаровъ и кое у кого—бань. Станы по устройству не отличаются отъ нашихъ избъ, въ нихъ всегда настланы нары, на которыхъ спятъ покрученники, и имѣется обыкновенная русская печь, въ которой пекутъ хлѣбы и варятъ пищу. Своихъ семействъ покрученники съ собой, конечно, не берутъ, и потому, за отсутствіемъ женщинъ, и печь хлѣбы, и варить пищу—имъ приходится самимъ. Отдохнувъ, починивъ снасти и спустивъ на воду шняки, въ началѣ апрѣля они начинаютъ ловъ.

Самый ловъ производится такъ. Весною и въ первую половину лѣта ярусы наживляютъ мойвой. Она въ это время стадами ходитъ у береговъ и мечетъ икру, за нею, обыкновенно, стадами же ходитъ и треска. Мойву ловятъ неводами, и такъ какъ она ловится не постоянно и иногда ея не бываетъ у береговъ по недѣлѣ и по двѣ, то покрученники стараются не упустить случая, и какъ только наловятъ ее, начинаютъ каждый день выѣзжать въ море за треской, пока опять наступитъ для нихъ отдыхъ за недостаткомъ мойвы. Съ половины лѣта мойва уходитъ отъ береговъ и въ сѣти уже не попадается, тогда для наживки употребляютъ другую мелкую рыбку—*песчанку*. Она называется такъ потому, что водится въ устьяхъ рѣкъ на пескѣ и при всякой опасности старается своимъ длиннымъ острымъ носикомъ пробуравить песокъ и зарыться въ немъ. Я говорилъ уже, что треска ходитъ глубоко по морскому дну, поэтому поморамъ приходится выѣзжать на нѣсколько верстъ отъ берега, гдѣ поглубже. Работа между четырьмя человѣками на шнякѣ распредѣляется такъ. Передъ выѣздомъ въ море, одинъ изъ нихъ, называемый *тяглецомъ* разматываетъ ярусъ и подаетъ уды другому, который называется *наживодчикомъ*. Наживодчикъ насаживаетъ мойву на уды и осторожно складываетъ ярусъ на дно шняки. Когда все готово, шняка выѣзжаетъ въ море на парусѣ или на веслахъ. Прибывъ на мѣсто, которое кормщикъ выберетъ для выбрасыванія яруса, сначала бросаютъ кубасъ съ якоремъ, а затѣмъ и привязанный къ нему ярусъ. Пока кормщикъ выметываетъ ярусъ, тяглецъ и четвертый человѣкъ на шнякѣ—*весельщикъ* гребутъ и направляютъ шняку въ ту или другую сторону по приказанію кормщика. Когда весь ярусъ погруженъ, то выбрасываютъ послѣдній кубасъ и привязываютъ къ нему шняку.

Вы, можетъ быть, слышали, что въ большихъ моряхъ и въ океанахъ вода не держится постоянно на одномъ и томъ же уровнѣ, но два раза въ сутки то прибываетъ, то убываетъ. Это называется приливомъ и отливомъ. На Мурманѣ приливъ и отливъ довольно значительны, и по берегамъ легко замѣтить, что они то обсыхаютъ, то покрываются водой на $1^1/_2$ сажени вышиной. Покрученники выѣзжаютъ въ море и выметываютъ ярусъ въ то время, когда вода стоитъ самая низкая, и ждутъ 6 часовъ, пока вода пребываетъ,—она течетъ въ это время къ берегу, какъ самая быстрая рѣка. Какъ только приливъ кончится и вода затихнетъ, ярусъ начинаютъ тянуть изъ воды. Это дѣлаетъ тяглецъ. Работа эта страшно тяжела, такъ какъ большой ярусъ бываетъ до 6 верстъ длиною, да кромѣ того морская вода на Мурманѣ всегда льдяная *), такъ что руки отъ мокраго яруса просто коченѣютъ. Тяглецъ тянетъ ярусъ въ шняку, кормщикъ снимаетъ рыбу съ удъ, глушитъ ее ударомъ по головѣ и бросаетъ на дно шняки, наживчикъ складываетъ ярусъ, такъ чтобы онъ не путался, а весельщикъ въ это время гребетъ.

*) Сколько разъ я ни измѣрялъ температуру воды, я всегда находилъ у Семи-островскаго становища только отъ $+4^0$ до 7^0.

Окончивъ ловъ, шняка возвращается на берегъ и рыбу раздѣлываютъ. Тяглецъ отрубаетъ головы, кормщикъ распластываетъ ее, разрѣзая вдоль спины, и вынимаетъ внутренности, наживодчикъ отбираетъ печенку, которая называется здѣсь *максой* или *воюксой*, а весельщикъ разрубаетъ головы и распластываетъ ихъ на камняхъ, для сушки. Распластанная рыба въ концѣ весны и до половины іюня частью сушится, а частью солится. Сушатъ ее нанизывая на длинныя жерди, называющіяся здѣсь палтухами. Съ половины іюня она уже не провяливается какъ слѣдуетъ и загниваетъ, поэтому ее съ этого времени только солятъ. Въ концѣ мая, когда Бѣлое море очистится отъ льда, на Мурманъ пріѣзжаютъ сами хозяева на большихъ парусныхъ судахъ, называющихся различно: шкунами, лодьями и проч. Вотъ въ эти-то суда непосредственно въ трюмъ, начиная со дня и складываютъ рыбу рядами, пересыпая ее солью.—Высушенныхъ тресковыхъ головъ хозяинъ не касается, они идутъ въ пользу тяглеца, весельщика и наживодчика. Тресковая печенка оставляется въ чанахъ на солнцѣ. Жиръ, который изъ нея самъ собою вытапливается въ первые дни, называется *сыротокомъ*. Это лучшій сортъ того тресковаго жира, который продается въ аптекахъ, какъ лѣкарство. Оставшійся еще затѣмъ въ печенкѣ жиръ вытапливаютъ на огнѣ и это уже будетъ сортъ похуже и подешевле, а самый плохой, пригорѣвшій жиръ называется „саломъ“ и употребляется только для смазки кожъ.

Пока рыба раздѣлывается, ярусъ развѣшивается на палтухи для просушки, причемъ его распутываютъ, глушатъ уды, чтобы онѣ не путались и вообще приводятъ въ порядокъ особые мальчики, которые называются *зуями*. Обыкновенно каждый хозяинъ беретъ въ свой станъ двухъ, трехъ мальчиковъ отъ семи лѣтъ, кого-либо изъ сыновей своихъ покрученниковъ. Имъ не полагается жалованья деньгами, но, пріучась къ дѣлу, за свой трудъ они получаютъ отъ хозяина харчи, а отъ артели по одной трескѣ съ каждыхъ двухъ тюковъ яруса. Эту треску они солятъ хозяйской солью и продаютъ отъ себя, выручая такимъ образомъ 10 и больше руб.

Съ Успенья, 15 августа, ловъ трески заканчивается, уже приближается зима и покрученники собираются назадъ домой. Шняки вытаскиваются на берегъ, станы заколачиваются, снасти и небольшой запасъ муки и крупы на первый мѣсяцъ лова будущаго года запираются въ амбары, и все сдается на храненіе лопарямъ—бѣдному дикому народцу, который кочуетъ по Кольскому полуострову. Въ концѣ августа весь Мурманскій берегъ совсѣмъ пустѣетъ. Всѣ покрученники садятся на суда, въ которыхъ солили треску, и ѣдутъ моремъ въ Архангельскъ. Здѣсь въ первой половинѣ сентября бываетъ ярмарка, гдѣ поморы и сбываютъ сушеную и соленую треску, тресковыя головы и жиръ. Отсюда купцы развозятъ рыбу по всей Архангельской, Олонецкой, Вятской и Вологодской губерніямъ, и частью, въ Петербургъ. Этой рыбой питается весь сѣверъ Россіи. Тресковыя головы идутъ также въ пищу, ихъ покупаютъ кто побѣднѣе и кладутъ ихъ въ щи.

Теперь подведемъ итоги. Я говорилъ вамъ, что валовая выручка дѣлится на 12 паевъ, изъ которыхъ 8 идутъ хозяину, а 4 покрученникамъ. Казалось бы, что хозяинъ беретъ себѣ очень много, но это не такъ. Обыкновенная средняя выручка бываетъ такова, что на пай приходится 65 рублей; поморы говорятъ тогда, что *покрутъ палъ* по 65 р. Это значитъ, что каждый изъ четырехъ членовъ артели на шнякѣ получилъ по 65 руб. чистаго заработка. Хозяину придется 8 паевъ, т. е. 520 руб., но если отсюда вычесть то, что онъ истратилъ на харчи артели, затѣмъ затраты на обзаведеніе и починку судовъ, снастей и становъ, но покупку соли, наконецъ на полову и свершонокъ кормщику, то ему остается со шняки чистой выручки меньше, чѣмъ кормщику, только около 105 руб. И такъ, значитъ, покрученники, проработавъ полъ-года на хозяйскихъ харчахъ, выручаютъ чистыми деньгами: 1) *кормщикъ* свой пай да полову и свершонокъ, всего около 120 руб.; 2) *тяглецъ*, *весельщикъ* и *наживодчикъ* по паю, по 65 р., да по нѣскольку руб., что выручаютъ за тресковыя головы, и 3) мальчики—*зуи* отъ 10, а иногда и до 30 рублей.

Вотъ какъ добываютъ себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ наши сѣверные поморы.

X.

Объ электричествѣ.

Д. А. Гольдгаммера.

Были выставлены соотвѣтствующія коллекціи и произведены опыты.

За послѣднее время выдумали ученые люди много такого, о чемъ прежде никому и не снилось. Всякій изъ васъ знаетъ, напр., что благодаря *телеграфу* можно послать вѣсточку кому угодно, за сколько угодно верстъ, хоть за море,—и эта вѣсточка долетитъ скорѣе, чѣмъ по желѣзной дорогѣ, долетитъ всего черезъ нѣсколько часовъ. Спросите вы: что же бѣжитъ по тѣмъ телеграфнымъ проволокамъ, что протянулись по всѣмъ дорогамъ шоссейнымъ и желѣзнымъ?—Отвѣтятъ вамъ, что бѣжитъ это по проволокамъ *электричество*, и съ помощью его люди передаютъ мгновенно слова и цѣлыя рѣчи на тысячи верстъ.

Появились недавно также въ Москвѣ, да и въ другихъ большихъ городахъ Россіи, новые фонари на улицахъ и въ магазинахъ; горятъ они бѣлымъ, ровнымъ свѣтомъ, очень ярко; на улицѣ отъ одного фонаря, словно днемъ, свѣтло,—и не видать, чтобы кто нибудь подходилъ зажигать или тушить фонарь. Точно сами собою зажигаются они, когда нужно, а когда не нужно свѣту, такъ и погаснутъ. Спросите вы, что, молъ, это за фонари новые такіе? Опять получите отвѣтъ: *электрическіе* эти фонари, и горятъ при помощи электричества.

Что же это за электричество такое, что чуть не чудеса творитъ въ рукахъ человѣка, и откуда его люди добываютъ?

Вы видите здѣсь у меня два кружка: одинъ стекляный, другой—смоляной, изъ смолы одного американскаго дерева сдѣланный; смола эта каучукомъ называется.

Эти два кружка приклеены къ стеклянной палочкѣ съ двухъ ея концовъ, а срединой палочка насажена на шпильку, такъ что на этой шпилькѣ палочка съ кружками можетъ вертѣться. Есть у меня здѣсь еще два кружка на стеклянныхъ палочкахъ совсѣмъ такіе же: одинъ стекляный, другой—смоляной.

Если теперь я поднесу напр. стекляный кружокъ къ моей вертушкѣ, то, какъ видите, онъ стоитъ себѣ покойно.

Возьму я теперь кусокъ войлока, шерстяной или шелковой матеріи потру имъ стеклянный кружокъ вертушки и мой отдѣльный стекляный кружокъ, а затѣмъ поднесу послѣдній къ первому Вы видите оба кружка отталкиваются, отъ чего и вся вертушка вертится.

Значитъ, послѣ того какъ я потеръ кружки о шерсть, съ ними что-то слѣлалось, чего въ нихъ прежде не было. Сдѣлалось что-то и съ моимъ кускомъ войлока, потому что я его подношу къ стекляному кружку вертушки—и вы видите стекляный кружокъ тянется къ войлоку, а вертушка опять вертится, хотя и въ обратную сторону.

Возьму я теперь стеклянную трубку, положу на нее кусочекъ тонкаго листоваго золота (какое обыкновенно употребляютъ для золоченія рамъ для картинъ и багетовъ) и буду трубку тереть кускомъ шелковой (или шерстяной) матеріи, не касаясь золотаго листочка.

Какъ видите, листочекъ соскочилъ съ трубки, лишь только я началъ ее тереть, и теперь постоянно отъ нея отлетаетъ прочь; трубка его отъ себя отталкиваетъ. Что же это значитъ? Ясно, что и на листочкѣ теперь появилось что-то новое, чего прежде не было, иначе съ чего бы листочекъ отталкивался.

Ясно также, что теперь на листочкѣ есть что-то похожее на то, что появляется на стекляномъ

кружкѣ при натираніи. Два стекляныхъ натертыхъ кружка у насъ отталкивались; теперь листочекъ и трубка отталкиваются. Я заключаю отсюда, что на трубкѣ при натираніи что-то появилось, а затѣмъ перешло на мой листочекъ золота. То *невидимое*, что является на стеклѣ при натираніи и называется *электричествомъ*. Моя трубка, мон кружки, мой листочекъ покрыты, или, какъ говорятъ, *заряжены* электричествомъ, *наэлектризованы*.

Возьму я теперь два смоляныхъ кружка и потру ихъ оба объ мѣхъ; вы видите: они отталкиваются. Значитъ, и на нихъ теперь есть электричество. Но если къ смоляному кружку поднести мѣхъ, которымъ я его натиралъ,—кружокъ будетъ притягиваться. Точно также если къ потертому о шерсть стекляному кружку я поднесу смоляной, потертый о мѣхъ—получу опять притяженіе. Мы бы могли брать какіе угодно матеріалы, тереть ихъ другъ о друга и изслѣдовать; всегда получили бы мы одно и то же: наэлектризованныя два тѣла или притягиваются между собой, какъ стекляный и смоляной кружокъ, или отталкиваются, какъ два стекляныхъ, или два смоляныхъ. Выходитъ, значитъ, что хоть и на смоль при треніи о мѣхъ является электричество, но это электричество не одинаково съ тѣмъ, какое я получаю на стеклѣ при треніи о шерсть, а напр одинаково съ тѣмъ, которое появляется на шерсти; точно также, то электричество, какое является на мѣху одинаково со стекляннымъ и т. д.

И такъ есть *два*, и только два сорта электричества: одно такое , какое мы получили на стеклѣ; назовемъ его *стекляннымъ*; другое такое, какое мы получили на смолѣ, и назовемъ мы его *смоляннымъ*. Мы знаемъ теперь, что стекляныя электричества между собою отталкиваютъ, смоляныя—тоже отталкиваютъ, а стекляное притягиваетъ смоляное и наоборотъ. И такъ одинаковые сорта электричествъ отталкиваютъ, разные сорта—притягиваютъ.

Что же будетъ теперь, если въ какое-нибудь тѣло дать поровну и того, и другаго сорта электричества? Оказывается, что въ этомъ случаѣ мы не найдемъ въ тѣлѣ никакого элетричества: значитъ смоляное электричество уничтожаетъ стекляное, и наоборотъ—стекляное уничтожаетъ смоляное. Мы можемъ, значитъ, сказать, что во всякомъ тѣлѣ всегда есть электричество обоихъ сортовъ, только ихъ поровну, оттого ихъ и не видать. Когда же мы тремъ два разныхъ тѣла другъ о друга, то оба сорта раздѣляютъ: на одномъ тѣлѣ собирается одинъ сортъ, на другомъ—другой; понятно, что обоихъ сортовъ должно получаться поровну, что и можно замѣтить на самомъ дѣлѣ.

Я сказалъ, что во всякомъ тѣлѣ есть всегда сколько угодно электричества обоихъ сортовъ. Посмотримъ, правда ли это?

Вотъ, напр., простая деревянная линейка лежитъ своей срединой на куриномъ яйцѣ, такъ что можетъ на немъ вертѣться. Здѣсь же на столѣ вы видите нашу прежнюю вертушку съ кружками, и еще мѣдную палочку, тоже могущую вертѣться на шпилькѣ, на стеклянной ножкѣ. Если я поднесу стеклянную трубку къ всѣмъ этимъ тремъ вещамъ, вы не видите никакого движенія; но стоитъ мнѣ потереть трубку о шелковую матерію—и вотъ трубка теперь заряженная стекляннымъ электричествомъ притягиваетъ къ себѣ концы и линейки, и мѣдной палочки, и вертушки съ кружками. Что же это значитъ? Вѣдь если есть притяженіе, это значитъ, что на всѣхъ вертушкахъ есть смоляное электричество. Но вѣдь я вертушки не натиралъ. Съ трубки электричество перейти тоже не могло, потому что на трубкѣ электричество совсѣмъ другаго сорта. Выходитъ, что въ вертушкахъ уже и раньше было смоляное электричество, только мы его не замѣтили. Хорошо. Возьму теперь смоляную палочку и потру ее мѣхомъ; на палочкѣ будетъ смоляное электричество. Подношу палочку къ моимъ вертушкамъ. Что вы видите? Опять притяженіе, т. е. теперь въ моихъ вертушкахъ уже оказывается стекляное электричество. Опять заключаемъ, что оно было въ вертушкахъ и раньше. Значитъ въ послѣднихъ и до нашего опыта было и стекляное, и смоляное электричество; а не замѣчали мы ихъ потому, что ихъ было поровну, и они покрывали, уничтожали одно другое. Вы спросите теперь меня, куда же дѣвается напр. смоляное электричество, когда стекляное является на томъ концѣ линейки, который притянулся къ смоляной наэлектризованной палочкѣ? А оно вѣдь отталкивается смоляннымъ элетричествомъ палочки, потому и должно уйти въ самый дальній конецъ линейки. И дѣйствительно, если взять маленькій кусочекъ стекла, зарядить его стекляннымъ электричествомъ и поднести на ниточкѣ къ этому дальнему концу линейки—вы видите, кусочекъ оттолкнулся.

И такъ, когда мы подносимъ наэлектризованное тѣло къ ненаэлектризованному, въ послѣднемъ оба сорта электричества раздѣляются, и одно собирается на одномъ концѣ, другое—на другомъ Когда я натираю стеклянную трубку шелковой матеріей, на трубкѣ является электричество; оно можетъ перейти, какъ мы видѣли и на золотой листочекъ и остаться на немъ. Натру теперь я трубку и проведу по ней рукой—никакого электричества не осталось на трубкѣ, ни на моей рукѣ: куда же оно дѣлось? Понятно, ушло въ мое тѣло, и, можетъ быть, и въ землю, на которой я стою. Между тѣмъ, съ трубки въ воздухъ электричество не уходитъ; не уходитъ оно, когда я держу и натираю трубку шелковой матеріей. Значитъ, черезъ одни матеріалы, напр. желѣзо, мѣдь, золото (во-

обще металлы), человѣческое тѣло, земли— электричество можетъ течь, разбѣгаться—и такіе матеріалы называютъ *проводниками*; черезъ другіе же, каковы: стекло, шерсть, мѣхъ, смола, шелкъ— электричество течь не можетъ, не разбѣгается, а остается тамъ, гдѣ оно получилось. Эти матеріалы называются *не проводники*.

До сихъ поръ мы получали электричество, натирая стекло о шерсть, да смолу о мѣхъ, т. е. употребляли все не проводники.

Возьмемъ теперь въ руки мѣдную палочку и потремъ ее о шерсть; на палочкѣ электричества не появляется. Это и понятно: мѣдь—проводникъ; значитъ все электричество, которое на ней явится отъ тренія, утечетъ въ мою руку и въ землю. Нужно, значитъ, помѣшать электричеству утечь съ мѣди; сдѣлать это легко, стоитъ только держать палочку не въ голой рукѣ, а за стеклянную ручку. Тогда электричество черезъ стекло утечь уже не можетъ и останется на мѣди.

И такъ, *всякія* два разныя тѣла, при треніи одно о другое электризуются; такимъ треніемъ можно добывать электричество; стоитъ только для этого построить машины, потому что, натирая стеклянную трубку руками, много электричества не получишь.

Машины такія для добыванія электричества давно уже построены и называются *электрическими*. Вы видите здѣсь на столѣ нѣсколько такихъ машинъ.

Устройство ихъ нехитрое.

Стеклянный кругъ можетъ быстро вращаться около своей оси съ помощью рукоятки; при вращеніи онъ трется о кожаныя подушки, покрытыя свинцовымъ порошкомъ, которыя, какъ вы видите, плотно къ нему прижимаются. Отъ тренія, какъ вамъ уже извѣстно, на кругѣ явится стеклянное электричество, на подушкахъ значитъ смоляное. Къ подушкамъ прицѣплена мѣдная цѣпочка, лежащая на полу другимъ своимъ концомъ; значитъ, на подушкахъ электричество скопляться не будетъ, а будетъ по цѣпочкѣ утекать въ землю.

И такъ, на кругѣ будетъ получаться стеклянное электричество. Надо только собрать его въ одно мѣсто. Для этого надо устроить маленькое приспособленіе. Именно для этого пользуются особыми свойствами *остріевъ*.

Если взять металлическое остріе на стеклянной ножкѣ (иначе его нельзя электризовать, ибо электричество утекало бы въ землю) и заряжать его электричествомъ, то оказывается, что на остріѣ электричество не держится; оно съ него постоянно стекаетъ, увлекая за собою воздухъ, такъ что около острія образуется *вѣтеръ*, настолько сильный, что не только можетъ быть ощущаемъ рукой, но и способный задуть пламя свѣчи. Вотъ этими остріями и пользуются при устройствѣ электрической машины. Вы видите, что нашъ стеклянный кругъ охватывается мѣдными вилками, на концахъ которыхъ насажены острія.

Эти вилки, какъ видите, оканчиваются большими мѣдными столбами, лежащими на стеклянныхъ ножкахъ, затѣмъ чтобы съ нихъ не утекало электричество въ землю. На этихъ-то столбахъ и собирается стеклянное электричество. Именно, когда на стекляномъ кругѣ отъ тренія появится стеклянное электричество, оно притянетъ на концы остріевъ смоляное электричество вилокъ, а стеклянное оттолкнетъ въ мѣдные столбы. Но на остріяхъ электричество не держится; оно будетъ поэтому стекать на кругъ и уничтожать на немъ стеклянное электричество. Послѣ всякаго оборота круга на немъ электричества не будетъ, на остріяхъ тоже не будетъ, а будетъ только стеклянное электричество въ мѣдныхъ столбахъ, гдѣ и будетъ накопляться. Въ этой машинѣ получается только одно элетричество, стеклянное; смоляное утекаетъ въ землю; есть и такія машины, въ которыхъ сразу получаются оба сорта электричества.

Если теперь я поднесу къ столбамъ мѣднымъ, гдѣ собирается стеклянное электричество руку, то будетъ происходить вотъ что: въ руку притянетъ изъ моего тѣла смоляное электричество, а стеклянное оттолкнетъ подальше, т. е. въ ноги, а затѣмъ въ землю, если я стою на землѣ. Чѣмъ ближе моя рука съ столбомъ, тѣмъ сильнѣе тянутъ другъ друга оба электричества—и вотъ вы видите *искру*. Послѣ нея въ столбахъ машины электричества осталось очень мало; значитъ, искра появляется, когда соединяются между собой различныя электричества двухъ тѣлъ; надо только, чтобы эти тѣла не касались одно другаго.

Если я теперь положу одну руку на столбы машины, а другой попробую получать искру, то какъ вы видите, искры нѣтъ: это отъ того, что все электричество столбовъ утекаетъ черезъ мое тѣло теперь въ землю.

Съ этой машиной, или съ другими, посильнѣе, которыя вы здѣсь видите, сдѣлаю сейчасъ нѣсколько опытовъ.

Вотъ бумажный султанъ. Заряжу его электричествомъ; для этого надо, во-первыхъ, соединить его съ машиной чѣмъ-нибудь такимъ, по чему электричество можетъ течь, напр. проволокой; во-вторыхъ, надо уединить его отъ земли; но онъ уже уединенъ, такъ какъ онъ на стеклянной ножкѣ. Начинаю вертѣть машину; вы видите, всѣ бумажки султана встали дыбомъ: это оттого, что всѣ они наэлектризованы одинаково, и всѣ отталкиваются между собою.

Тотъ же опытъ можно сдѣлать съ волосами человѣка (если они сухи), если человѣка поставить на скамейку со стеклянными ножками и положить

его руку на мѣдный столбъ машины. Тогда человѣкъ будетъ наэлектризованъ, волоса его станутъ дыбомъ, и изъ тѣла можно получать электрическія искры.

Такая искра можетъ, напр., зажечь легко воспламеняемую жидкость (эѳиръ) на жестяномъ блюдечкѣ, соединенномъ съ землей.

Искра можетъ также произвести взрывъ пороха и т. п. Внутри этого сосудика находится вещество вродѣ воздуха (газъ), которое взрываетъ подобно пороху и выбрасываетъ пробку, которою сосудикъ заткнутъ, если внутри появится огонь. Вмѣсто огня, можно употребить нашу искру: надо только двѣ проволочки, концы которыхъ находятся внутри этого сосудика, соединить одну съ электрической машиной, другую съ землею.

Искрой легко также пробить дерево, картонъ, стекло; при этомъ получается дырочка, и въ картонѣ дырочка эта такова, какъ если бы ее проткнули изнутри въ обѣ стороны картона сразу.

Если электрическая искра ударяетъ въ человѣка, то въ маленькомъ видѣ она вызываетъ ощущеніе укола; болѣе сильная искра вызываетъ непріятное сотрясеніе, а искра большихъ размѣровъ можетъ оглушить и даже убить какое-нибудь животное, и даже человѣка.

Смотря на электрическую искру, на ея форму, свѣтъ, видя ея различныя дѣйствія и слыша трескъ, ею издаваемый, я думаю, вамъ невольно вспоминается иная искра, неизмѣримо большихъ размѣровъ, часто наблюдаемая лѣтомъ въ природѣ. Видя эту электрическую искру моей машины, я думаю не одинъ изъ васъ назвалъ ее про-себя маленькою *молніею* и сравнилъ трескъ, ее сопровождающій, съ *громомъ*.

И вы не ошиблись.

Гроза есть дѣйствительно электрическое явленіе; молнія это—въ милліоны разъ сильнѣйшая искра моей машины; понятно, и громъ въ милліоны разъ сильнѣе треска нашей маленькой искры; послѣдняя пробиваетъ кусокъ стекла—молнія разрушаетъ деревья и зданія; наша искра зажигаетъ блюдечко эѳира, искра природы производитъ цѣлые пожары...

Но о грозѣ можно много разсказать интереснаго. Объ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ.

XI.

О силѣ и другихъ явленіяхъ.

А. Х. Репманъ.

Были выставлены: электрическая машина Фосса. Динамо-машина. Электро-моторъ. Зубчатыя колеса. Домкратъ. Воротъ и проч.

— Знаете-ли вы, что такое сила?—Какъ не знать! отвѣтитъ большинство изъ васъ: вотъ у меня въ рукахъ сила, я могу поднять 4 пуда; а вотъ у насъ былъ парень сильнѣе меня: поднималъ 6 пудовъ. Это все такъ; но вѣдь вы мнѣ разсказываете только о дѣйствіяхъ вашихъ, о томъ, что одинъ изъ васъ можетъ приподнять 4, а другой 6 пудовъ; но въ чемъ собственно состоитъ сила—этого ни вы, ни мы не знаемъ; называемъ же мы силою всякую причину, производящую какое либо движеніе. Такъ, напримѣръ, держу я въ рукахъ-какую нибудь вещь; стоитъ только мнѣ выпустить ее изъ рукъ, и она падаетъ. Дѣло очень обыкновенное; всякій изъ васъ скажетъ: какъ же ей не падать, не можетъ же она держаться въ воздухѣ! На это я вамъ скажу: нѣтъ! этому паденію есть причина, которую мы называемъ притягательною силою земли. А въ доказательство, что не всякая вещь падаетъ, я напомню вамъ тѣ красные шары, которые весною носятъ на базарахъ; если вы ихъ выпустите изъ рукъ, они поднимутся кверху, а не упадутъ на землю. Значитъ, и этому есть какая-нибудь причина. Изучая причины самыхъ разнообразныхъ явленій, каковы: свѣтъ, теплота, звукъ, электричество и т. п., ученые пришли къ заключенію, что всѣ эти явленія—ничто иное, какъ движеніе вещества; и слѣдовательно одна и та же сила можетъ произвести самыя разнообразныя явленія. Такъ, напримѣръ, силою своихъ рукъ я могу произвести звукъ (опытъ съ камертономъ), могу произвести электричество (опытъ съ машиною Фосса), могу произвести свѣтъ (опытъ съ динамо машиной), могу произвести теплоту, какъ каждый изъ васъ знаетъ, натираніемъ двухъ тѣлъ. При этомъ надо замѣтить, что сила моихъ рукъ можетъ производить всѣ вышеописанныя явленія только въ

ограниченномъ количествѣ; такъ, напримѣръ, вращая колесо этой машины, я засвѣтилъ одну лампочку; но я не въ состояніи былъ бы вращать машину, которая можетъ засвѣтить 20 такихъ лампочекъ, потому что у меня не хватило бы на это силы. Отсюда ясно, что сила моя имѣетъ извѣстную величину. Вотъ, чтобы опредѣлять величины разныхъ силъ, мы и измѣряемъ ихъ количествомъ производимаго ими дѣйствія, что мы и называемъ работою силъ. Вы называете сильною лошадью ту, которая производитъ больше работы. Въ чемъ же состоитъ большая или меньшая работа? Для ясности возьмемъ простѣйшій случай: положимъ, двѣ лошади везутъ два воза, первый возъ въ 20 пудовъ, а второй въ 30 пудовъ. Которая изъ лошадей больше работаетъ? Вы на это скажете: это будетъ зависѣть отъ того, на какое разстояніе и въ какое время лошади везутъ воза. Другими словами: количество работы зависитъ не только отъ вѣса двигаемаго вещества, но и отъ разстоянія и времени, то-есть отъ скорости его движенія. Всякій знаетъ, что одна и та же лошадь скорѣе доставитъ легкую кладь на опредѣленное разстояніе, чѣмъ тяжелую. Если мы производимъ работу съ какою нибудь цѣлью, то такая работа называется полезной работой; если же сила тратится на такую работу, которая намъ не нужна, то такая работа называется безполезной или вредной. Въ большинствѣ случаевъ нельзя обойтись безъ этой безполезной работы; такъ, напримѣръ, для перевозки большой тяжести необходимы колеса; при этомъ происходитъ треніе колесъ объ оси, на это треніе тратится сила; и чѣмъ треніе это больше, тѣмъ и силы потратится больше; ось, какъ вамъ извѣстно, можетъ нагрѣться и даже загорѣться, а мы уже видѣли, что на производство теплоты тоже нужна сила; но намъ не нужна эта теплота, напротивъ—даже вредна; и вотъ мы уменьшаемъ треніе смазкою оси, вслѣдствіе чего получаемъ больше полезной работы и меньше вредной: и ось не будетъ нагрѣваться, и лошадь пойдетъ ходчѣе. Чтобы нагляднѣе вамъ показать, что сила дѣйствительно должна измѣряться вѣсомъ, пространствомъ и временемъ, я предложу такой вопросъ: могу ли я перенести тысячу пудовъ съ этого мѣста на конецъ залы? Вы скажете: нѣтъ! а я скажу: да, могу! Я буду брать и переносить по одному пуду; мнѣ придется пройти эту залу 1000 разъ и, слѣдовательно, употребить въ тысячу разъ больше времени, чѣмъ сколько его нужно для перенесенія одного пуда; а что для разстоянія вдвое большаго мнѣ понадобится и вдвое больше времени, это понятно само собою. Вы скажете: это понятно, но какъ тѣ же 1000 пудовъ перенести въ одномъ кускѣ?—И это возможно! Для этого существуютъ разныя машины: рычаги, блоки, полиспасты, зубчатыя колеса, винты, домкраты и проч. Всякій изъ васъ знаетъ, что съ помощью домкрата,—машины, которую вы называете панкрашкой,—одинъ человѣкъ можетъ поднять вагонъ въ 600 пудовъ, крышу дома и т. п.; но за то каждый изъ васъ знаетъ, что надо долго вертѣть домкратъ или много сматывать веревки съ полиспаста, пока ваша тяжесть сдвинется едва замѣтно! (Демонстрація различныхъ подъемныхъ машинъ).

Но при всѣхъ этихъ машинахъ, употребленная вами сила непремѣнно произведетъ, кромѣ полезной работы, отчасти и безполезную: треніе зубцовъ, треніе осей о подшипники и т. п.; стало быть, и тутъ надо стараться избѣгнуть этой безполезной работы смазываньемъ осей, правильностью устройства зубцовъ и т. п.

Мы взяли простѣйшій случай примѣненія силы къ передвиженію тяжестей; но, какъ вамъ извѣстно, наша работа состоитъ не въ одной переноскѣ тяжестей, хотя, какъ мы уже сказали, всякая работа объясняется передвиженіемъ вещества. Возьмемъ другой примѣръ. Положимъ, вы хотите изъ шерсти сдѣлать сукно. Что вамъ для этого нужно? Прежде всего—остричь овцу. Вы употребляете нѣкоторую силу для отдѣленія руна отъ овцы. Потомъ шерсть надо доставить на фабрику, гдѣ будутъ работать сукно, и для этого вы употребляете нѣкоторую силу. Но въ шерсти волосы перепутаны по всѣмъ направленіямъ; вамъ надо, такъ сказать, расчесать ее; потомъ скрутить шерсть въ нить, то-есть прясть ее; изъ нитей приготовить основу и утокъ; соткать сукно, свалять, окрасить, ворсовать, остричь и, наконецъ, прессовать сукно. Для всѣхъ этихъ дѣйствій нужна сила. И вотъ придуманы особыя машины; цѣлый рядъ ихъ ставится въ извѣстномъ порядкѣ; образовалась цѣлая фабрика; остается только всѣ эти машины привести въ дѣйствіе какою-нибудь силою. Въ прежнее время, когда не было приводовъ и паровыхъ машинъ, все это производилось руками людей; но въ настоящее время всѣ эти машины могутъ быть приведены въ дѣйствіе одною паровою машиной. Но для того, чтобы привести въ движеніе машины, находящіяся въ разныхъ разстояніяхъ и разныхъ положеніяхъ, необходимо умѣть передавать силу отъ одного мѣста къ другому; необходимо также умѣть измѣнять напрявленіе силы. Для этого существуетъ цѣлый рядъ передаточныхъ машинъ или, такъ называемыхъ, трансмиссій, приводовъ. Черезъ всю фабрику проводится, напримѣръ, одинъ длинный валъ, который непосредственно вращается паровою машиной. На этотъ валъ надѣваются, по мѣрѣ надобности, шкивы или зубчатыя колеса, на шкивы надѣваются (какъ вамъ извѣстно) ремни, которые, въ свою очередь, приводятъ въ движеніе шкивы работающихъ машинъ. Вы спросите: до-

стается ли намъ даромъ эти переноска силы и распредѣленіе ея по разнымъ частямъ фабричнаго зданія?—Нѣтъ, и на это тратится извѣстная сила. Валъ трется о подшипники; и если валъ неправильно выточенъ, если онъ мало-мальски искривленъ, если подшипники поставлены не точь въ точь такъ, какъ имъ надлежитъ быть, если, наконецъ, подшипники недостаточно смазываются, то произойдетъ страшная потеря силы и можетъ остановиться работа всей фабрики. При передачѣ силы съ одного мѣста въ другое, какимъ бы путемъ это ни совершалось, непремѣнно будетъ потеря. Я покажу вамъ примѣръ перенесенія силы посредствомъ электричества. Вотъ та самая машина, которою я производилъ электрическій свѣтъ. Я проведу отъ нея проволоки къ другой машинѣ, находящейся въ концѣ стола. Не смотря на то, что проволоки эти останутся неподвижными, при вращеніи первой машины начнетъ вращаться и вторая. (Опытъ съ динамомашиной и электромоторомъ). Но легко замѣтить, что при этомъ происходитъ страшная потеря силы, потому что вторая машина подниметъ не болѣе фунта съ такою же скоростью, съ какою я здѣсь поднялъ бы пудъ. Вы, вѣроятно, слыхали, что были предположенія устроить въ лѣсистыхъ мѣстахъ, гдѣ дрова ни по чемъ, огромныя паровыя машины, которыя должны были производить электричество, которое переносилось бы по металлическимъ канатамъ и такимъ путемъ передавалась бы дешевая сила въ мѣста, гдѣ дорого топливо. Но всѣ эти предположенія не могли быть исполнены, во-первыхъ—по чрезвычайной дороговизнѣ металлическихъ канатовъ, а главнымъ образомъ потому, что трата электричества на далекомъ разстояніи была бы такъ значительна, что дешевле доставлять прямо горючій матеріалъ для производства работы на мѣстѣ.

Мы сказали, что, кромѣ переноса силы, намъ нерѣдко приходится измѣнять и ея направленіе. Вы, конечно, видали, какъ въ паровыхъ машинахъ и локомотивахъ поршень, движимый паромъ, ходитъ прямолинейно взадъ и впередъ, а между тѣмъ вращаетъ колесо или маховикъ вокругъ оси, и эта перемѣна направленія производится такъ называемымъ кривошипомъ. Мы можемъ и, наоборотъ, вращательное движеніе перемѣнить въ прямолинейное. Механика дошла до совершенства въ вопросѣ объ измѣненіи направленія силы. Изъ безчисленнаго ряда подобныхъ машинъ я покажу вамъ двѣ, достигающія той же цѣли двумя различными способами. (Демонстрація этихъ машинъ).

Упомянемъ, въ заключеніе, еще объ одномъ свойствѣ силы. Это—ея свойство сохраняться или не тратиться до произведенія какой либо работы. Въ наукѣ это свойство называется энергіей. Мы объяснимъ это свойство самымъ наглядным образомъ. Положимъ, вы натянули какую-нибудь пружину. Вы произвели работу, которая перешла въ энергію пружины. Пружина можетъ оставаться натянутой сколько угодно времени; но коль скоро она будетъ освобождена, энергія ея перейдетъ снова въ работу, то-есть сила ваша какъ бы сохранилась въ пружинѣ на болѣе или менѣе времени. Возьмемъ другой примѣръ. Вы нагрѣваете воду въ паровикѣ, причемъ тратите топливо и, такъ сказать, переводите силу теплоты въ силу упругости пара; но котелъ вашъ не будетъ работать, пока вы не направите пара въ паровую машину; стало-быть, въ котлѣ можетъ скопляться и сохраняться сила.

Вы, вѣроятно, слыхали выраженіе: энергическій человѣкъ. Это значитъ: такой человѣкъ, который въ состояніи во всякое время произвести значительную работу, физическую или умственную; въ немъ есть запасъ силы, которую онъ умѣлъ скопить и сохранить въ себѣ тѣмъ, что не растрачивалъ ее на пустяки, на безполезную или вредную работу. Будемъ же и мы энергичны, и сохранимъ на полезные труды данныя намъ Богомъ физическія и умственныя силы!

XII.

О магнитахъ и электромагнитахъ.

Д. А. Гольдгаммера.

Были выставлены соотвѣтствующіе физическіе приборы.

Давно, очень давно, еще задолго до Рождества Христова, замѣтили люди, что есть одинъ сортъ желѣзной руды, магнитнымъ желѣзнякомъ его называютъ, къ которому пристаютъ желѣзныя опилки, если ихъ насыпать на кусокъ такой руды. Вотъ здѣсь вы видите у меня кусокъ этого желѣзняка; я посыпаю его желѣзными опилками — и опилки пристали такъ, что ихъ не скоро счистишь.

Стали люди думать, что бы это такое значило; что такое дѣлается съ опилками, что они прилипаютъ къ рудѣ; и вотъ скоро замѣтили: если нашимъ желѣзнякомъ потереть хорошенько желѣзную полосу, то и она послѣ этого начинаетъ притягивать опилки. Такія натертыя полосы желѣза или стали называютъ *магнитами*; онѣ даже обыкновенно сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ самый желѣзнякъ; поэтому съ ними гораздо интереснѣе дѣлать опыты.

Давайте посмотримъ, не покажетъ ли намъ такой магнитъ чего нибудь интереснаго.

Вотъ беру я магнитъ однимъ концомъ въ руку и опускаю его въ чашку съ опилками и гвоздями. Вы видите, что не только опилки, но и желѣзные гвозди пристали къ концу магнита и висятъ, точно прикленные къ магниту. Я перевертываю магнитъ въ рукѣ, опускаю теперь другой конецъ магнита въ опилки: вы видите, что и на этомъ концѣ опилки и гвозди повисли. Значитъ, оба конца магнита притягиваютъ къ себѣ опилки. Вы видите также, что больше всего опилокъ на самыхъ концахъ магнита.

Вы подумаете, можетъ быть, что эти концы чѣмъ нибудь лишкимъ смазаны; я сдѣлаю поэтому вотъ какой опытъ: кладу магнитъ мой на столъ, а на магнитъ—чистый листъ бѣлой бумаги. На бумагу сыплю теперь опилки и встряхивая бумагу слегка, чтобы опилки ровнѣе ложились. Что вы теперь видите?—Изъ опилокъ на бумагѣ вышелъ узоръ.

Нарисовался мой магнитъ; въ тѣхъ мѣстахъ бумаги, которыя приходятся подъ его концами, собралось очень много опилокъ; чѣмъ дальше отъ концовъ, тѣмъ ихъ меньше, а на серединѣ магнита и совсѣмъ почти нѣтъ.

Значитъ: мой магнитъ можетъ тянуть къ себѣ опилки даже черезъ бумагу (вмѣсто бумаги мы могли бы взять деревяную доску; вышло бы то же самое); притомъ, притягиваетъ онъ опилки только концами, а середина его совсѣмъ не дѣйствуетъ. Эти концы магнита, гдѣ притяженіе самое сильное, называются *полюсами*. Нашъ магнитъ, значитъ, имѣетъ *два полюса*.

Возьму я теперь два одинаковыхъ магнита и посмотрю, не будетъ ли какого дѣйствія между ихъ концами, т. е. между ихъ полюсами. Чтобы различать концы, я наклеилъ на одинъ *красную*, на другой *зеленую* бумажку. Подношу красные концы магнитовъ одинъ къ другому: не пристаютъ, какъ будто притяженія нѣтъ; подношу зеленые концы одинъ къ другому: тоже ничего нѣтъ. Сближаю красный конецъ одного съ зеленымъ другого: вы видите—концы притянулись и пристали другъ къ другу; беру другіе концы—опять тоже самое.

И такъ, выходитъ, что у всякой *намагниченной* желѣзной полосы концы, т. е. *полюсы*, *не одинаковы*. Этотъ опытъ сдѣлаемъ лучше, если подвѣсимъ на ниткѣ одинъ изъ магнитовъ, а другой будемъ подносить къ нему. Вы видите теперь ясно, что красный конецъ каждаго магнита тянетъ къ себѣ зеленый конецъ другаго, а красный—отталкиваетъ; точно также зеленый конецъ одного отталкиваетъ зеленый же другаго. Значитъ, *одинаковые концы магнитовъ*, т. е. полюсы, *отталкиваются*, а *разные притягиваются*.

Обратимъ теперь вниманіе на нашъ подвѣшенный на ниткѣ за середину магнитъ.

Какъ я его не поворачиваю, всегда его красный конецъ смотритъ въ одну сторону.

Вотъ здѣсь у меня еще нѣсколько магнитовъ, одни висятъ на ниткахъ, другіе посажены на шпильки, такъ что могутъ на нихъ вертѣться, и вы видите, что всѣ они непремѣнно однимъ концомъ смотрятъ въ одну и ту же сторону.

Вотъ этотъ магнитъ безъ бумажекъ. Какой же его конецъ смотритъ туда, куда смотритъ красный конецъ моего магнита? Вы догадываетесь, какъ это узнать: надо поднести только этотъ конецъ этого магнита къ красному концу того: если будетъ притяженіе, значитъ неизвѣстный мнѣ конецъ магнита *зеленый*; будетъ отталкиваніе, значитъ — конецъ красный. Вы видите: концы отталкиваются, стало быть неизвѣстный мнѣ конецъ—красный.

И такъ, у всякаго магнита, подвѣшеннаго за середину, красный конецъ смотритъ всегда въ одну сторону. Еслибы мы по солнцу сообразили, какая эта сторона, то узнали бы, что на ней солнце бываетъ въ полночь.

Эта сторона называется полночной, или, по ученому, *сѣверной*. Оттого и тотъ конецъ магнита, который смотритъ на сѣверъ, наз. *сѣвернымъ* концомъ. Другой конецъ, у насъ зеленый, будетъ смотрѣть туда, гдѣ солнце бываетъ въ полдень. Эта сторона зовется *югомъ*, потому и зеленый конецъ нашъ надо назвать *южнымъ* концомъ.

Попробуемъ теперь сложить вмѣстѣ концы двухъ магнитовъ; вотъ у меня здѣсь лежатъ рядомъ два сѣверныхъ конца, и здѣсь два южныхъ. Вы видите, что гвозди сильно пристаютъ къ обоимъ. Беру теперь два разныхъ конца вмѣстѣ: къ нимъ гвозди не пристаютъ. Къ одному сѣверному пристаютъ отлично; прикладываю къ сѣверному—южный, сейчасъ отпадаютъ; притяженіе пропало. Значитъ, противоположные полюсы магнитовъ вмѣстѣ уничтожаютъ другъ друга. Два одинаковыхъ магнита лежащихъ рядомъ, разными концами вмѣстѣ — перестаютъ быть магнитами и уже не притягиваютъ ни опилокъ, ни гвоздей.

Посмотримъ теперь, что дѣлается внутри желѣзной или стальной полосы, когда ее *намагничиваютъ*, т. е. натираютъ магнитомъ. Вотъ у меня такая тонкая стальная полоска. Натираю одинъ ея конецъ сѣвернымъ концомъ магнита, другой — южнымъ. Подвѣшу теперь полоску на нитку: вы ви-

дите, что тамъ, гдѣ я натиралъ краснымъ концомъ магнита, вышелъ *южный*, т. е. зеленый, потому что онъ притягивается къ сѣверному.

Теперь вамъ легко догадаться, отчего гвозди пристаютъ къ полюсамъ магнита: въ каждомъ изъ нихъ отъ приближенія магнитнаго конца тоже появляются полюсы, совершенно какъ въ моей полоскѣ отъ натиранія; какъ эта полоска стала магнитомъ, такъ и каждый гвоздь дѣлается магнитомъ; разница только въ томъ, что стальную полоску надо было *натирать* магнитомъ, а къ гвоздю достаточно поднести магнитъ. Если бы полоска моя была *желѣзная*, а не стальная, то и ее не надо было бы натирать. Значитъ, вся разница отъ того, что въ гвоздяхъ и полоскѣ матеріалъ не одинаковый. Желѣзо намагничивается само собою вблизи магнита, получаетъ два разныхъ полюса и начинаетъ само притягивать другіе куски желѣза; эти опять становятся магнитами и притягиваютъ къ себѣ новые куски и т. д. Оттого и опилки липнутъ около магнита одна къ другой и располагаются какъ бы въ цѣпочки: каждая изъ нихъ есть маленькій магнитъ съ двумя полюсами. Разница между желѣзомъ и сталью еще и въ томъ, что сталь, какъ только намъ удалось сдѣлать изъ нея натираніемъ магнитъ, и остается магнитомъ надолго; желѣзо же, хотя вблизи магнита и дѣлается магнитомъ и получаетъ два полюса, но какъ только мы удалимъ магнитъ, оно опять теряетъ всѣ свои свойства магнита и перестаетъ притягивать гвозди и опилки.

Вы знаете, что моя полоска въ серединѣ между полюсами не притягиваетъ опилокъ; попробую теперь разломать полоску пополамъ въ серединѣ. Казалось бы, что на каждой половинѣ опять должно остаться по одному полюсу. На самомъ дѣлѣ это не такъ. По притяженію опилокъ вы видите, что у каждой половинки опять два полюса, а въ серединѣ каждой половинки опять нѣтъ притяженія. Что же это значитъ, откуда взялись эти лишніе полюсы? Чтобы понять это, припомните, что два разныхъ полюса рядомъ уничтожаютъ другъ друга, такъ, какъ еслибы ихъ вовсе не было. Представьте себѣ теперь, что вы складываете эти двѣ половинки такъ, чтобы сѣверный полюсъ одной сошелся съ южнымъ другой, а остальные два полюса обѣихъ половинокъ были бы свободны. Понятно, у васъ останется магнитъ только съ двумя полюсами на концахъ, а въ серединѣ два разныхъ полюса другъ друга уничтожаютъ. Такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Если теперь каждую изъ половинокъ моей полоски я разломаю еще пополамъ, потомъ каждый кусокъ еще пополамъ и т. д., то всегда буду получать, какъ вы это видите изъ дѣйствія опилокъ, кусочки съ двумя полюсами. И какой бы маленькій кусочекъ полоски я ни отломилъ, всегда въ немъ найдутся и сѣверный, и южный полюсы. Магнитовъ съ однимъ полюсомъ не можетъ быть; если есть одинъ, есть непремѣнно и другой полюсъ.

Теперь вамъ понятно, что, чтобы составить изъ моихъ кусочковъ опять цѣлую полоску, мнѣ надо всѣ кусочки сложить одинъ около другаго: только какъ? а такъ, чтобы разные полюсы двухъ сосѣднихъ кусочковъ были вмѣстѣ. Тогда всѣ эти полюсы взаимно уничтожаются; останутся полюсы только крайнихъ кусочковъ и будутъ давать съ одной стороны полоски сѣверный полюсъ, а съ другой —южный.

До сихъ поръ мы дѣлали магниты изъ желѣза, приближеніемъ къ нему магнитовъ, и изъ стали—натираніемъ магнитами. Есть еще два—три матеріала, напр. красивый металлъ *никкель*, которымъ теперь покрываютъ самовары, кострюли и т. п., который тоже можно сдѣлать магнитомъ. Остальные матеріалы, напр., дерево, стекло, мѣдь и т. п. никакими магнитами нельзя натереть такъ, чтобы они притягивали опилки желѣза.

Но можно получать магниты и изъ желѣза, и безъ него, и инымъ путемъ, безъ помощи всякихъ магнитовъ.

Вотъ здѣсь у меня вы видите рамку, согнутую изъ мѣдной проволоки; рамка эта виситъ по отвѣсу и на шпилькѣ можетъ около него вертѣться. Понятно, я могу поставить ее, какъ угодно; вотъ эта сторона обращена теперь ко мнѣ, а вотъ теперь къ вамъ, какъ угодно. Но могу я нѣкоторыми средствами кое-что съ этой проволокой сдѣлать, такъ что моя мѣдная рамка станетъ магнитомъ.

Вотъ я сдѣлалъ кое-что, прижалъ эту пуговку: вы видите, рамка начинаетъ вертѣться и, наконецъ, устанавливается одной своей стороной туда же, куда смотрятъ сѣверные концы нашихъ магнитовъ. Толкну я рамку,—видите, опять станавится по прежнему. Подношу къ ней сѣверный полюсъ магнита: вы видите, рамка вертится на шпилькѣ: одна ея сторона притягивается къ магниту, другая—отталкивается; подношу другой полюсъ,—теперь наоборотъ. Выходитъ, какъ будто, что у рамки съ одной стороны сѣверный полюсъ, съ другой—южный. Сдѣлаемъ этотъ опытъ въ другомъ видѣ. Вотъ здѣсь мѣдная проволока свернута, подобно пружинѣ въ станкахъ для выпиливанія изъ дерева, въ цѣлый рядъ колечекъ, одно возлѣ другаго. Каждое такое колечко, это—наша прежняя рамка въ маленькомъ видѣ. Сдѣлаю теперь съ каждымъ колечкомъ то, что дѣлалъ съ рамкой; что будетъ?

Съ одной стороны каждаго колечка появится сѣверный полюсъ, съ другой—южный; но колечки лежатъ одно возлѣ другаго; значитъ, сѣверный полюсъ одного колечка лежитъ рядомъ съ южнымъ другаго, и такъ у всѣхъ. У всей моей пружины, значитъ, можно замѣтить полюсы на концахъ,

только на крайнихъ колечкахъ; всѣ полюсы остальные другъ друга уничтожатъ.

Значитъ, наша пружина должна дѣйствовать какъ магнитъ съ двумя полюсами. И въ самомъ дѣлѣ, вы видите, она вертится на своей шпилькѣ и становится, какъ магнитъ, однимъ концемъ на сѣверъ, другимъ на югъ. Только теперь полюсы зависятъ отъ меня: вотъ я здѣсь что-то сдѣлаю, и вы видите, пружина моя опять вертится и устанавливается на сѣверъ уже не тѣмъ концомъ, что прежде. Вотъ теперь опять по прежнему и т. д. И такъ, можно всякую проволоку свернуть въ пружину; если, затѣмъ, съ ней что-то сдѣлать, то такая пружина будетъ совсѣмъ настоящимъ магнитомъ. Если положить въ нее кусокъ желѣза, то онъ тоже сейчасъ сдѣлается магнитомъ.

То, что происходитъ въ проволокѣ, когда она дѣлается магнитомъ, называютъ *электрическимъ токомъ*. Говорятъ, что въ это время по проволокѣ течетъ электрическій токъ.

Какъ нибудь въ другой разъ я побесѣдую съ вами о томъ, что такое электрическій токъ, какъ его добывать, и какъ его заставить течь по проволокѣ. Теперь же скажу только, что какъ вода можетъ течь по трубкѣ и справа налѣво, и слѣва направо, такъ и электрическій токъ въ проволокѣ можетъ течь то въ одну, то въ другую сторону. Смотря потому, въ какую онъ сторону течетъ, моя проволока и показываетъ на одномъ и томъ же концѣ своемъ—то сѣверный магнитный полюсъ, то южный. Какъ только токъ потечетъ, проволока становится магнитомъ; какъ только токъ перестанетъ течь, проволока перестанетъ быть магнитомъ.

И такъ, желѣзо можно сдѣлать магнитомъ и безъ помощи всякаго магнита, если заставить кругомъ него течь по проволокѣ электрическій токъ. Такіе магниты называются *электрическими* или *электромагнитами*. Обыкновенно они куда сильнѣе простыхъ магнитовъ, и удобны тѣмъ, что сила ихъ появляется и пропадаетъ по волѣ человѣка. Если я заставлю токъ течь кругомъ желѣза — онъ будетъ магнитомъ, прекращу токъ —и магнита нѣтъ.

Вотъ здѣсь вы видите два электромагнита: одинъ маленькій, другой—большой.

Устройство обоихъ ихъ не особенно различно. Въ маленькомъ электромагнитѣ вы видите кусокъ желѣза, согнутый въ видѣ подковы; кругомъ него намотана мѣдная проволока, вродѣ катушки; только намотана она очень часто и во много слоевъ одинъ надъ другимъ. Такую катушку какъ разъ вы получите, если вообразите себѣ нашу пружину, съ которой мы дѣлали опыты, согнутою по серединѣ пополамъ. Когда въ такой согнутой пружинѣ потечетъ токъ, пружина снова станетъ магнитомъ, только теперь оба полюса будутъ съ одной стороны, а это очень удобно для опытовъ. Такой согнутый магнитъ дѣйствуетъ и притягиваетъ желѣзо сильнѣе, чѣмъ каждый полюсъ отдѣльно.

Вотъ здѣсь у меня деревяная доска на трехъ шнурахъ, привязанныхъ къ куску желѣза; если я приложу этотъ кусокъ желѣза къ электромагниту, пока въ немъ тока нѣтъ, вы видите, желѣзо не пристаетъ. Но вотъ я пускаю токъ: желѣзо пристало и доска на шнуркахъ повисла. Сила, съ которою электромагнитъ тянетъ къ себѣ желѣзо, здѣсь такъ велика, что вотъ я кладу пудовую гирю на доску, и доска не отрывается. Но стоитъ мнѣ прекратить электрическій токъ въ катушкѣ, сейчасъ же желѣзо перестанетъ быть магнитомъ, перестанетъ притягивать дощечку, къ которой привязанъ мой грузъ, и онъ упадетъ на полъ.

Другой большой электромагнитъ устроенъ почти одинаково съ маленькимъ. Только здѣсь, какъ видите, и катушки проволоки гораздо больше, и желѣзо куда больше. Катушки поэтому здѣсь не висятъ, а стоятъ на желѣзной доскѣ, и внутри каждой стоитъ по толстой полосѣ желѣза. На концы катушекъ, для увеличенія силы магнита, наложены еще большіе куски желѣза, которые и являются полюсами магнита, когда по катушкамъ потечетъ электрическій токъ.

Вы видите, что когда токъ идетъ въ электромагнитѣ, то нельзя отъ полюсовъ его оторвать эту тяжелую желѣзную доску, одинъ край которой лежитъ на полюсахъ. Доска въ это время, конечно, сама—магнитъ; вы видите—сила отъ нея такъ велика, что ножи, ножницы сами такъ и вырываются у меня изъ рукъ и прыгаютъ на доску. Но вотъ я прекратилъ электрическій токъ, и доска легко отстаетъ отъ электромагнита. Теперь она уже не магнитъ, или магнитъ очень слабый: опилки на ней еще держатся, пристаютъ , но большіе гвозди уже не прилипаютъ. Вся сила появляется въ одно время съ электрическимъ токомъ, въ одно время съ нимъ и пропадаетъ.

XIII.

Объясненіе коллекцій акустическихъ и оптическихъ снарядовъ.

А. Х. Репмана.

Выставлены были: слуховая труба, рупоръ, очки, глазъ, микроскопъ, телескопъ, подзорная труба, бинокль, призма, фонари.

Едва родится человѣкъ, какъ является необходимость знакомиться ему съ внѣшнимъ міромъ, чтобъ поддержать свое существованіе. Для этого знакомства природа дала ему пять внѣшнихъ чувствъ: осязаніе, вкусъ, обоняніе, слухъ и зрѣніе. Первыя два чувства нужны ему для знакомства съ предметами самыми близкими и необходимыми для него при первомъ питаніи грудью матери; затѣмъ обоняніе знакомитъ его съ природой уже на болѣе далекомъ разстояніи; слухъ хватаетъ еще дальше; наконецъ, зрѣніе достигаетъ такого разстоянія, что съ перваго взгляда кажется, что оно безпредѣльно. Но всѣ эти чувства, даже и зрѣніе, имѣютъ предѣлы; и вамъ это, конечно, извѣстно. Во время войны съ Турціей мы въ Москвѣ не слыхали пушечныхъ выстрѣловъ, которые, однако, были слышны на разстояніи 5—6 верстъ. Что касается до зрѣнія, то, удаляясь, напримѣръ, отъ человѣка, мы сначала перестаемъ распознавать черты его лица, на болѣе далекомъ разстояніи не можемъ различать человѣка отъ другихъ предметовъ, наконецъ и совершенно перестаемъ его видѣть. Какъ далеко, однако, хватаетъ зрѣніе, мы можемъ заключить изъ того, что видимъ такія звѣзды, которыя удалены отъ насъ на непостижимыя пространства, на такое страшное пространство, что не только наши единицы мѣры, версты, мили, но и такія единицы мѣры, какъ разстояніе земли отъ солнца, слишкомъ малы, чтобы, измѣряя эти разстоянія, получить понятныя намъ числа. И такъ, всѣ чувства имѣютъ границы. Но надо замѣтить, что у разныхъ лицъ и предѣлы, и качества этихъ чувствъ различны даже и въ здоровомъ состояніи, не говоря уже о томъ, что у многихъ болѣзнь и старость ослабляютъ ихъ. Можетъ потеряться осязаніе: мы говоримъ, напримѣръ: „рука нѣмѣетъ“; можетъ быть потерянъ или измѣниться вкусъ: больные часто говорятъ: „у меня кисло во рту; или: горько во рту“; иные теряютъ обоняніе и говорятъ: „носъ залегъ“; иные глохнутъ; а зрѣніе у насъ очень часто слабѣетъ, портится, а иногда и вовсе теряется.

Выяснимъ же себѣ: почему иныя чувства получаютъ впечатлѣніе только на близкомъ разстояніи, другія какъ бы хватаютъ далеко? Собственно говоря, всѣ чувства лежатъ въ насъ; а природа позаботилась о томъ, чтобы отъ предметовъ посылать различныя вещества для непосредственнаго воздѣйствія на насъ. Объ осязаніи и вкусѣ говорить нечего. Въ обоняніи дѣло еще для насъ понятно. Не всѣ предметы пахнутъ, а только тѣ, которые отдѣляютъ отъ себя мельчайшія частицы, носящіяся по воздуху во всѣ стороны; и вотъ, когда эти частицы прикоснутся къ слизистой оболочкѣ носа, тонкіе нервы наши ощущаютъ ихъ. Вотъ почему пахучими веществами являются, главнымъ образомъ, газообразныя и жидкія тѣла. Растенія и животныя, какъ издающія изъ себя испаренія, всѣ болѣе или менѣе пахучи. До какой степени могутъ дѣлиться и раздробляться пахучія вещества, видно изъ такого примѣра: хозяинъ одной лягавой собаки ушелъ изъ дому пѣшкомъ за 30 верстъ; выпущенная на другой день собака, чутьемъ, по слѣду отыскала своего хозяина. Такихъ и еще менѣе постижимыхъ примѣровъ мы имѣемъ безчисленное множество.

Что касается до слуха, то онъ, какъ показали изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что звучащее тѣло должно непремѣнно находиться въ колебаніи извѣстнаго рода; это колебаніе передается воздуху, и вотъ волны воздуха доходятъ до уха и бьютъ непосредственно въ барабанную перепонку. Что это такъ—доказать не трудно: зажмите плотно уши,

чтобъ волны воздуха не достигали барабанной перепонки, и вы меня не услышите. Точно также, если вы помѣстите колокольчикъ въ безвоздушное пространство, то звука не будетъ, хотя надо замѣтить, что колебанія колокольчика въ очень небольшемъ количествѣ будутъ передаваться чрезъ то твердое тѣло, которымъ онъ держится въ безвоздушномъ пространствѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что колебанія передаются не однимъ воздухомъ, но и жидкими и твердыми тѣлами; вотъ почему рыба слышитъ въ водѣ. Твердыя тѣла передаютъ колебанія даже лучше воздуха, и на этомъ основаны телефоны. Что касается до свѣта, то и тутъ наука съумѣла доказать, что свѣтящееся тѣло приводитъ въ особаго рода движеніе вещество, называемое эѳиромъ. Этотъ эѳиръ наполняетъ не только все пространство между планетами, но и проникаетъ, болѣе или менѣе, во всѣ тѣла. Какъ въ звукѣ, такъ и здѣсь, волны, достигая нашего глаза, производятъ извѣстные толчки на глазные нервы, и вотъ глазъ видитъ, какъ бы ощущаетъ предметъ. Если это такъ, то, казалось бы, однѣ и тѣ же волны звука или свѣта должны произвести на каждаго изъ насъ одинаковое дѣйствіе. Но дѣло въ томъ, что нервы, воспринимающіе впечатлѣнія, у разныхъ лицъ различны и могутъ притупляться или обостряться отъ разныхъ причинъ. Замѣтя это, человѣкъ прежде всего занялся исправленіемъ этихъ недостатковъ, отчасти лѣченіемъ самыхъ нервовъ; но, съ другой стороны, замѣтя притупленіе чувствительности нерва, придумалъ усиливать самыя волны, производящія впечатлѣнія. Такъ, для звука онъ придумалъ собирать волны съ большей поверхности и вводить ихъ въ ухо, замѣтя, что человѣкъ начинаетъ лучше слышать, когда рукою увеличитъ поверхность наружнаго уха. Вотъ слуховая труба, которая служитъ для усиленія звука плохо-слышащимъ (демонстрація). Такъ и въ зрѣніи: человѣкъ замѣтилъ, что нѣкоторые люди близоруки, то-есть видятъ хорошо только вблизи, поднося предметъ чуть ли не подъ самый носъ; другіе же дальнозорки и должны, читая, держать книгу на далекомъ разстояніи отъ себя. Дальнозоркость является почти всегда подъ старость. Изслѣдуя причину такой разницы, нашли, что это зависитъ отъ внутренняго устройства нашего глаза. Дѣло въ томъ, что внутри глаза у насъ есть прозрачное тѣльце, называемое хрусталикомъ (демонстрація). Хрусталикъ этотъ имѣетъ видъ двояковыпуклаго стекла, какъ извѣстное всѣмъ вамъ зажигательное стекло. Оказалось, что у близорукихъ этотъ хрусталикъ слишкомъ выпуклый, а у дальнозоркихъ, напротивъ, не достаточно выпуклый. И вотъ человѣкъ придумалъ посредствомъ очковъ исправить эти недостатки, убавляя излишнюю выпуклость стеклами вогнутыми, и добавляя недостаточность выпуклости стеклами выпуклыми. Поэтому близорукіе должны носить очки съ вогнутыми стеклами; напротивъ того дальнозоркіе надѣваютъ очки съ выпуклыми стеклами. (Демонстрація очковъ).

Видя, что мы можемъ исправлять недостатки нашихъ чувствъ, мы не удовлетворяемся однимъ ихъ исправленіемъ, но стремимся идти далѣе. Такъ, намъ понадобилось воспринимать и передавать звуки на такомъ разстояніи, гдѣ и самое чуткое ухо не можетъ ихъ разслышать. Напримѣръ, два корабля ѣдутъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; капитанъ одного хочетъ передать нѣсколько словъ другому капитану, и вотъ употребляется придуманный для подобныхъ случаевъ снарядъ, называемый рупоромъ (демонстрація). А въ послѣднее время, какъ вамъ извѣстно, придуманы телефоны, о которыхъ ужь было говорено вамъ въ этихъ стѣнахъ, и которые передаютъ разговоръ на разстояніе многихъ верстъ до такой степени ясно, что вы даже можете распознавать, въ хорошихъ телефонахъ, знакомые голоса. Любознательность человѣка постоянно возрастаетъ съ развитіемъ его. Онъ придумываетъ снаряды, посредствомъ которыхъ можетъ видѣть такія ничтожно-мелкія частицы, какихъ не распознаетъ и самый острый глазъ. Снаряды эти называются микроскопами (демонстрація). Точно также, желая болѣе подробно разглядѣть такія тѣла, которыя удалены отъ него на далекое разстояніе и приблизиться къ которымъ самъ онъ не можетъ, человѣкъ придумалъ снаряды, которые какъ бы приближаютъ изображенія предметовъ къ нему и позволяютъ разсматривать ихъ болѣе подробно. Эти снаряды извѣстны подъ именемъ телескопа (демонстрація). Въ этихъ телескопахъ изображенія бываютъ обратныя,—какъ мы выражаемся, вверхъ ногами; слѣдовательно, разсматривать чрезъ такіе снаряды земные предметы не совсѣмъ удобно; вотъ почему къ телескопамъ прибавляется еще стекло, для полученія обратнаго изображенія; такой снарядъ называется подзорною трубою (демонстрація). Но бываютъ случаи, когда человѣку нужно приблизить къ себѣ изображеніе предметовъ, находящихся въ зданіяхъ, напримѣръ въ театрѣ, для лучшаго разсмотрѣнія мимики актера. Само собою разумѣется, что такія длинныя трубы, какъ подзорная, неудобны. И вотъ придумали короткіе снаряды, называемые биноклями; устройство ихъ нѣсколько иное (демонстрація).

Люди, изучивъ свойство свѣта, до такой степени имѣютъ его въ своей власти, что могутъ измѣнять направленіе свѣта, для чего имъ служатъ плоскія зеркала; могутъ усиливать и ослаблять свѣтъ, собирая и разсѣевая его, для чего имъ служатъ вогнутыя и выпуклыя зеркала. Пропуская свѣтъ чрезъ прозрачныя тѣла, человѣкъ замѣтилъ

еще одно свойство его: это—разложеніе свѣта при извѣстныхъ условіяхъ на цвѣта, какъ это мы видимъ въ радугѣ. Это изображеніе называется спектромъ. И тутъ человѣкъ добивался и добился: какое отношеніе эти цвѣта имѣютъ къ источнику свѣта? Онъ открылъ, что при горѣніи разныхъ веществъ измѣняется видъ цвѣтовъ въ спектрѣ (опытъ). Это открытіе дало намъ возможность опредѣлять вещества, горящія на солнцѣ. Я укажу вамъ еще снарядъ, съ которымъ вы почти всегда имѣете дѣло во время нашихъ бесѣдъ. Это—такъ называемый—волшебный фонарь (демонстрація).

Вы видите отсюда, къ какимъ въ высшей степени полезнымъ открытіямъ пришелъ человѣкъ вслѣдствіе того, что природа одарила его не только тѣми качествами, которыми обладаетъ всякое животное, но и гораздо высшимъ свойствомъ, а именно: любознательностью. Это свойство человѣка и васъ приводитъ сюда; и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти ваши посѣщенія не останутся безплодными. Если вы и не всегда видите тотчасъ же, такъ сказать—непосредственно пользу отъ всего, что вы тутъ слышите и замѣчаете, то польза уже въ томъ, что мозгъ вашъ, работая, развивается; вы совершенствуетесь; а природа позаботилась и о томъ, чтобы добрыя качества и усовершенствованіе человѣка переходили въ его потомство. Не даромъ же и пословица говоритъ: яблоко отъ яблони не далеко катится.

XIV.

Объясненіе коллекцій машинъ статическаго электричества.

А. Х. Репманъ.

Выставлены были: электрическія машины различныхъ системъ, разрядникъ, уединяющая скамья, электрофоръ, лейденскія банки и батарея, электроскопъ, электрическая пляска, электрическій звонъ, электрическій султанъ, Вольтовъ пистолетъ, снарядъ для изображенія молніи и т. п.

Что привлекло васъ сюда въ праздничный день? Проработавши цѣлую недѣлю, вы добровольно собрались здѣсь, надѣясь узнать что-нибудь новое, вамъ неизвѣстное. Вотъ это-то желаніе знанія и отличаетъ человѣка отъ животнаго. Благодаря этой любознательности, человѣкъ, не имѣющій отъ природы ни такой силы, какъ у многихъ животныхъ, ни такихъ оборонительныхъ средствъ, ни ловкости и быстроты, спасающей нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ преслѣдованія другими, съумѣлъ, однако, не только поработить себѣ всѣхъ другихъ животныхъ, но и воспользоваться многими силами природы, и постоянно продолжаетъ отыскивать новыя силы на свою пользу.

Мы сегодня поговоримъ о той силѣ, которая называется элекричествомъ. Много вѣковъ существуетъ человѣкъ, но только въ нашемъ столѣтіи электрическая сила настолько изучена, что получила примѣненіе къ нуждамъ нашей обыденной жизни, хотя несомнѣнно, что мы еще и теперь пользуемся далеко не всѣмъ тѣмъ, что сила эта въ состояніи дать намъ. Не смотря на то, что электрическая сила проявляла себя съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ, въ величественномъ явленіи молніи, и уже много вѣковъ тому назадъ было извѣстно, что натираніе янтаря, смолы, сѣры, стекла и многихъ другихъ веществъ проявляетъ какую-то силу, притягивающую легкія тѣла,—но связь между этими явленіями и истинное объясненіе молніи получили мы какихъ-нибудь полтораста, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ трудно достигается изученіе природы, не смотря на то, что, разъ подмѣтивши какое-нибудь явленіе, человѣкъ не отстаетъ отъ его изслѣдованія, пока не добьется своей цѣли. Повторимъ этотъ давнымъ-давно извѣстный опытъ съ натираніемъ сургуча (опытъ).

Одинъ ученый, Отто фонъ Герике, придумалъ сдѣлать этотъ опытъ въ большихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлью онъ сдѣлалъ большой шаръ изъ сѣры, который вращался, посредствомъ рукоятки, на стеклянной оси. Прикладывая мѣхъ къ этому шару и вращая его, онъ, такимъ образомъ, получалъ какъ бы безпрерывное образованіе электричества, которое и собиралъ особымъ способомъ. Это была первая электрическая машина. Въ послѣдствіи она была много видоизмѣнена, и уже въ наше время, можно сказать, достигла совершенства. Къ описанію этихъ машинъ мы еще перейдемъ; но для того, чтобы вамъ было понятно значеніе главныхъ ча-

стей этихъ машинъ, намъ необходимо познакомиться съ нѣкоторыми свойствами электричества.

Прежде всего надо замѣтить, что по отношенію къ электричеству тѣла дѣлятся на два рода; одни проводятъ его хорошо, какъ металлы; другія же проводятъ его очень дурно, или почти совсѣмъ не проводятъ, какъ смола, стекло, шелкъ, гуттаперча и др. Тѣла перваго рода называются проводниками; а тѣла второго рода—непроводниками или изоляторами. Если мы отдѣлимъ какое-нибудь хорошо проводящее тѣло отъ другихъ проводниковъ стекломъ, шелкомъ или другимъ непроводникомъ, то мы говоримъ, что тѣло это изолировано; и если мы сообщимъ ему часть электричества, то оно уже не можетъ изъ него уходить и тѣло остается наэлектризованнымъ болѣе или менѣе долгое время, однако же не навсегда, потому что наэлектризованное тѣло окружено воздухомъ, проводящимъ, хотя и дурно, электричество.

Вотъ бузинный шарикъ, висящій на шелковинкѣ. Бузинная сердцевина берется потому, что она очень легкое тѣло, притомъ проводитъ электричество; слѣдовательно, наэлектризованный шарикъ сохранитъ электричество на нѣкоторое время. Теперь произведемъ съ нимъ нѣсколько опытовъ. (Опыты). Натремъ сургучъ и приблизимъ его къ шарику. Вы видите, что шарикъ сначала притягивается сургучемъ, вѣрнѣе сказать, электричествомъ, находящимся на сургучѣ, но затѣмъ, наэлектризовавшись, онъ начинаетъ отталкиваться. Натремъ теперь стекло и поднесемъ его къ тому же шарику; теперь, какъ видите, онъ не отталкивается, а, напротивъ, притягивается къ стеклу. Возьмемъ теперь два бузинныхъ шарика и наэлектризуемъ ихъ оба сначала сургучемъ. Приближая ихъ одинъ къ другому, мы замѣчаемъ, что они взаимно отталкиваются. Теперь наэлектризуемъ оба шарика электричествомъ отъ стекла и сблизимъ ихъ; какъ видите, они и теперь тоже взаимно отталкиваются. Если же мы одинъ шарикъ наэлектризуемъ сургучемъ, а другой стекломъ, то шарики будутъ взаимно притягиваться. Отсюда мы выводимъ заключеніе, что электричество бываетъ двухъ родовъ. Электричество, получаемое при натираніи стекла, названо положительнымъ электричествомъ; а электричество, которое получается отъ натиранія смолы, называется отрицательнымъ электричествомъ. Изъ только что произведенныхъ опытовъ вы могли убѣдиться, что два электричества одного рода, то-есть два положительныхъ, или два отрицательныхъ, взаимно отталкиваются; а два электричества разнаго рода, то-есть одно положительное, а другое отрицательное, взаимно притягиваются. Поэтому, если подвѣсить бузинный шарикъ между двумя различно наэлектризованными тѣлами, то онъ притянется сперва однимъ электричествомъ, затѣмъ, наэлектризовавшись этимъ электричествомъ, оттолкнется и притянется противоположнымъ, и такимъ образомъ будетъ продолжать перепрыгивать отъ одного тѣла къ другому. На этомъ основанъ опытъ, извѣстный подъ именемъ электрической пляски. Вотъ снарядъ, состоящій изъ двухъ металлическихъ кружковъ, раздѣленныхъ между собою стекляннымъ цилиндромъ, то есть бездоннымъ круглымъ сосудомъ; положимъ въ него нѣсколько бузинныхъ фигурокъ, соединимъ одинъ металлическій кружекъ съ положительнымъ электричествомъ, а другой съ отрицательнымъ, и шарики начнутъ прыгать, обмѣниваясь электричествомъ (опытъ). Другой опытъ, основанный на томъ же явленіи, состоитъ въ томъ, что между колокольчиками подвѣшивается на шелковинкѣ металлическій шарикъ, который, переходя отъ одного наэлектризованнаго колокольчика къ другому, производитъ звонъ; поэтому и самый опытъ называется электрическимъ звономъ (опытъ). Но не подумайте, что наши электрическіе звонки основаны на этомъ опытѣ. Объ этихъ звонкахъ мы поговоримъ въ другой разъ. Вотъ еще одинъ опытъ, извѣстный подъ именемъ электрическаго султана. На палкѣ навѣшены полоски изъ тонкой бумаги; какъ палка, такъ и бумага проводятъ электричество; если помѣстить этотъ султанъ на электрическую машину, то всѣ полоски наэлектризуются однимъ и тѣмъ же электричествомъ; а такъ какъ одноименныя электричества отталкиваются, то всѣ полоски разойдутся врозь. (Опытъ).

Пользуясь этимъ свойствомъ электричества, придумали снарядъ, называемый электроскопомъ, который показываетъ присутствіе даже очень малаго количества электричества. Вотъ на этомъ металлическомъ колпакѣ подвѣшены рядомъ двѣ полоски изъ сусальнаго золота; онѣ помѣщены въ стеклянномъ сосудѣ, для того чтобъ изолировать ихъ. Стоитъ только наэлектризовать металлическій колпакъ какимъ либо электричествомъ, какъ полоски, взаимно отталкиваясь, разойдутся (опытъ).

Но перейдемъ теперь къ описанію электрическихъ машинъ. Мы уже сказали, что Отто фонъ Герике пришла счастливая мысль увеличить поверхность натираемаго тѣла, и что онъ сдѣлалъ свою первую электрическую машину изъ сѣры. Въ послѣдствіи, вмѣсто сѣры, стали брать стекло. Какъ вы видите, эта машина состоитъ изъ стекляннаго круга; на задней части ея находятся двѣ подушки, трущіяся о стекло. Верхняя часть стекла покрыта шелкомъ, чтобъ скопившееся на стеклѣ электричество не разлеталось по воздуху; на передней части находится металлическій проводникъ, называемый кондукторомъ; этотъ проводникъ по-

мѣщенъ на стеклянной ножкѣ, или, какъ мы говоримъ, изолированъ. Чѣмъ больше кондукторъ, тѣмъ большее количество электричества можно на немъ скопить. А такъ какъ земля представляетъ собою огромнѣйшій проводникъ, то электричество, соединенное съ землей, какъ бы пропадаетъ безслѣдно. Теперь, если мы повернемъ кругъ этого стекла, то замѣтимъ тотчасъ же на кондукторѣ присутствіе электричества, которое окажется положительнымъ, потому что получается отъ тренія стекла; но въ то же время мы замѣтимъ, что электричество получается и на трущихся подушкахъ, которое скопляется вотъ на этомъ шарѣ. Изслѣдуемъ его, оно окажется отрицательнымъ. Поэтому мы приходимъ къ заключенію, что при натираніи одного тѣла другимъ, электричество, и при томъ разнородное, получается на обоихъ. Вы спросите: почему же при первомъ опытѣ натиранія сургуча или стекла не получалось электричества на томъ тѣлѣ, которымъ производилось натираніе?— Нѣтъ, оно получалось; но такъ какъ мы держали это тѣло въ рукахъ, сами же стояли на полу, который насъ сообщаетъ съ землею, то оно и ушло въ землю; но еслибъ мы стояли на стеклянной скамейкѣ, то несомнѣнно наэлектризовались бы. Вернемся теперь къ нашей машинѣ. Такъ какъ отрицательное электричество, находящееся сзади, не только не нужно намъ, но, скопляясь, мѣшаетъ развитію положительнаго электричества, то мы и отводимъ его въ землю. Получивъ такимъ образомъ электричество въ большемъ количествѣ, мы открываемъ въ немъ новыя свойства. Приближая къ кондуктору проводникъ съ тупымъ концомъ, съ металлическимъ шаромъ, мы получаемъ искру; а если къ кондуктору приблизить проводникъ съ остроконечіемъ, то искры не получается. Мы говоримъ: электричество изъ остроконечія вытекаетъ. Это, повидимому ничтожное, свойство электричества, подмѣченное человѣкомъ, привело однако къ очень важнымъ послѣдствіямъ: мы выучились защищать свои жилища отъ разрушительныхъ дѣйствій молніи, мы устроили громоотводы. Громоотводъ дѣлается такъ: берутъ металлическій стержень около сажени длиною; конецъ стержня долженъ быть острый, или, еще лучше, долженъ состоять изъ нѣсколькихъ остроконечій. Чтобы острые концы не портились отъ дождя и воздуха, ихъ покрываютъ такимъ металломъ, который не ржавѣетъ. Этотъ стержень помѣщаютъ на самое высокое мѣсто зданія; а непосредственно къ нему прикрѣпляютъ желѣзную проволоку толщиною въ палецъ или болѣе, которую проводятъ до низу зданія и въ землю на глубину 3 аршинъ или болѣе; лучше всего довести до воды, потому что сухая земля проводитъ хуже, и тогда искры могутъ перескакивать на довольно значительное разстояніе. Но даже и въ томъ случаѣ, если желѣзный проводникъ доведенъ до воды, необходимо оградить его тесомъ на высоту не менѣе 3 аршинъ отъ земли, чтобы во время грозы никто на могъ коснуться къ нему. Бывали случаи, что люди, коснувшись громоотвода во время грозы, падали мертвыми.

Электричество дѣйствуетъ не только при прикосновеніи, но и на разстояніи. Лучше всего мы можемъ это замѣтить на электроскопѣ. Стоитъ только намъ поднести его на нѣкоторое разстояніе къ электрической машинѣ, какъ уже пластинки его расходятся; относимъ электроскопъ, — онѣ снова спадаются. Казалось бы, что это послѣднее явленіе не должно происходить. Еслибъ электроскопъ былъ заряженъ, то онъ, конечно, не могъ бы такъ скоро разрядиться. Видоизмѣняя этотъ опытъ, мы замѣчаемъ еще слѣдующее. Вотъ я подвелъ къ машинѣ электроскопъ,—пластинки разошлись; дотрогиваюсь пальцемъ до металлическаго колпака,—пластинки сошлись, какъ и слѣдовало ожидать, потому что я отвелъ электричество въ землю. Но вотъ я отнимаю руку, и, казалось бы, пластинки снова разойдутся; однако нѣтъ, онѣ не расходятся; а вотъ, когда я удалю электроскопъ отъ машины, то пластинки снова разойдутся. (Опыты). Откуда же взялъ электроскопъ это новое электричество при удаленіи его отъ машины? Это объясняется такъ. Мы полагаемъ, что во всякомъ проводникѣ имѣется положительное и отрицательное электричества, какъ бы соединенныя вмѣстѣ. Когда я подвожу такой проводникъ къ кондуктору, то положительное электричество кондуктора притягиваетъ къ себѣ отрицательное электричество металлической части электроскопа; а положительное электричество этой металлической части дѣлается свободнымъ и раздвигаетъ пластинки электроскопа. Дотронувшись пальцемъ, я отвелъ это свободное положительное электричество въ землю; а отрицательное электричество остается притянутымъ къ сторонѣ, обращенной къ кондуктору. Я отнимаю палецъ и не замѣчаю присутствія электричества въ электроскопѣ потому, что оно, какъ мы выражаемся, связано притяженіемъ электричества кондуктора; но когда я отвожу электроскопъ отъ машины, то вліяніе кондуктора на него уменьшается и его отрицательное электричество дѣлается свободнымъ.

Вотъ на этомъ свойствѣ электричества—вліять на разстояніи—основанъ, такъ называемый, электрофоръ (демонстраціи и опыты). Это такой снарядъ, что каждый изъ васъ можетъ себѣ устроить подобный и дома. Возьмите желѣзную сковороду, положите въ нее смолы и разогрѣйте ее настолько, чтобъ она образовала на сковородѣ довольно ровную и гладкую поверхность, и дайте ей остыть.

Затѣмъ, вырѣжьте изъ картона кружокъ величиною нѣсколько поменьше вашей сковороды и оклеите его свинцовою бумагой (въ которую завертываютъ чай. Кружокъ можно взять и деревянный). Чтобъ изолировать кружокъ, можно прилѣпить воскомъ или сургучемъ къ срединѣ его стеклянную трубочку или палочку, а что еще проще, подвѣсить кружокъ на трехъ шелковинкахъ, и электроферъ у васъ готовъ. Теперь натрите смолу суконъмъ или мѣхомъ; электроферъ вашъ заряженъ на множество искръ, которыя получаются такимъ образомъ: накладываютъ кружокъ на смолу, чтобъ онъ не касался металлическихъ краевъ. Въ кружкѣ (какъ при опытѣ съ электроскопомъ) электричество разложится; положительное электричество притянется къ нижней поверхности кружка, обращенной къ электрофору; отрицательное электричество освободится; его надо отвести въ землю, коснувшись пальцемъ сверху къ кружку. Поднимите теперь кружокъ за шелковинки, и онъ окажется заряженнымъ положительнымъ электричествомъ.

На томъ же свойствѣ основаны и Лейденскія банки, которыя состоятъ изъ стекляннаго сосуда, оклееннаго снизу, снаружи и внутри свинцовою бумагой приблизительно на двѣ трети его высоты. Въ пробку сосуда продѣтъ металлическій стержень, который долженъ прикасаться къ внутренней оклейкѣ, а наружный конецъ стержня оканчивается шарикомъ. (Демонстрація и опыты). Нѣсколько Лейденскихъ банокъ, соединенныхъ вмѣстѣ, какъ вы видите здѣсь, называются батареей. Лейденскую банку также легко можно сдѣлать дома. Возьмите любую стклянку и оклеите ее снизу свинцовой бумагой не совсѣмъ до верху; вмѣсто внутренней оклейки, налейте въ нее воды до той же высоты, какъ и оклейка; черезъ пробку продѣньте длинный гвоздь до воды, и банка ваша готова. Заряжается банка такимъ образомъ: беруть ее за внѣшнюю оклейку и шарикомъ подводятъ къ электрической машинѣ, которую вертятъ до тѣхъ поръ, пока искра не перестанетъ перескакивать на шарикъ. Но ее можно зарядить и электрофоромъ, переводя искры съ кружка на шарикъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не перестанутъ отдѣляться; вотъ такъ (опытъ). Если заряженную банку взять одной рукой за внѣшнюю оклейку, а другой рукою коснуться шарика, то получится ударъ, который будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше банка и чѣмъ лучше она заряжена. Но, заряжая банку электрофоромъ, лучше брать маленькую банку съ нетолстымъ стекломъ: она зарядится сильнѣе, чѣмъ большая. Я вамъ разскажу, какимъ еще способомъ можно домашнимъ образомъ зарядить банку: я уже говорилъ, что если мы будемъ натирать мѣхомъ какой-нибудь предметъ, и при этомъ будемъ изолированы, то наше тѣло наэлектризуется. Чтобы получить, домашнимъ способомъ, изолирующую скамью, вставьте 4 ножки любой скамейки въ 4 стакана, станьте на эту скамью, и вы будете изолированы. Возьмите теперь въ руки любой мѣхъ (лисій хвостъ, барашковую шапку и т. п.) и бейте имъ по столу, держась другой рукою за пуговку Лейденской банки, которая, надо замѣтить, внѣшней оклейкой должна касаться стола. Ударовъ двѣсти будетъ достаточно, чтобы зарядить банку.

На томъ же свойствѣ вліянія электричества на разстояніи основаны электрическія машины, которыя въ употребленіи въ настоящее время. Описаніе ихъ слишкомъ сложно и мы его не станемъ дѣлать сегодня; скажемъ только, что такъ какъ онѣ имѣютъ два кондуктора, то мы пользуемся отъ нихъ одновременно и положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, причемъ искра получается, какъ вы видите, гораздо большая, и по своему виду искра эта уже напоминаетъ собою молнію; а чтобъ показать вамъ это сходство еще болѣе, мы изобразимъ ее въ увеличенномъ видѣ (опытъ). Теперь я докажу вамъ, что эта искра можетъ воспламенять, подобно молніи; для этого сдѣлаемъ нѣсколько опытовъ съ воспламененіемъ газовъ, жидкихъ тѣлъ и даже твердыхъ.

(Опыты съ Вольтовымъ пистолетомъ, съ зажиганіемъ эѳира и ваты).

XV.

О солнечномъ затменіи.

А. Х. Репмана.

Были показываемы соотвѣтствующія картины при помощи волшебнаго фонаря.

7 августа настоящаго года, какъ вамъ извѣстно, было у насъ полное солнечное затменіе, явленіе настолько рѣдкое, что задолго до него начались приготовленія къ этому зрѣлищу. Люди ученые приготовлялись дѣлать наблюденія и вычисленія для научныхъ цѣлей, публика же просто интере-

совалась видѣть это рѣдкое явленіе. Астрономы съ чрезвычайною точностью опредѣлили всѣ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ будетъ видно это явленіе, и съ такою же точностію опредѣлили не только день и часъ, но и минуты и секунды какъ начала, такъ и конца затменія для каждаго мѣста, гдѣ оно будетъ видно. Въ народѣ были слышны разнообразнѣйшіе толки: одни ожидали чего-то страшнаго, вродѣ землетрясенія, другіе боялись выгонять въ этотъ день стада на пастбища; многіе говорили, что это все вздоръ, ничего не будетъ и можетъ ли человѣкъ узнать заранѣе—что будетъ съ солнцемъ? Теперь вамъ всѣмъ извѣстно, что полное солнечное затменіе дѣйствительно было и именно въ тѣхъ мѣстахъ и въ тотъ часъ и минуты, какъ было заранѣе предсказано астрономами. Хотя во многихъ мѣстахъ явленіе это не было видно во всемъ своемъ блескѣ по причинѣ сильнаго тумана и облаковъ, тѣмъ не менѣе наступившая въ извѣстное время чрезмѣрная темнота не оставляла сомнѣнія, что солнце закрылось болѣе густымъ тѣломъ, чѣмъ облаками. Думаю, что не всѣмъ вамъ извѣстно, отчего происходятъ солнечныя и лунныя затменія; поэтому и хочу въ сегодняшней бесѣдѣ разъяснить вамъ эти явленія. Но чтобы вы могли лучше понять это явленіе, надо вамъ дать хотя весьма поверхностныя понятія о томъ, что такое наша земля, луна, солнце и звѣзды? Все безконечное пространство вселенной наполнено огромными шарообразными тѣлами, которыя и называются небесными тѣлами. Всѣ эти шары находятся въ постоянномъ вращательномъ движеніи, которое происходитъ однако въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Тѣла эти не всѣ одинаковы. Одни изъ нихъ сами свѣтятъ и грѣютъ, какъ наше солнце; другія же пользуются свѣтомъ и теплотою отъ нихъ и называются темными тѣлами; такова наша земля и луна. Огромное число звѣздъ, которое мы видимъ, суть свѣтящіяся тѣла, какъ и наше солнце; вокругъ каждаго такого солнца вращаются темныя тѣла. Каждое такое солнце вмѣстѣ съ вращающимися вокругъ него темными тѣлами называется солнечной системой. Мы покажемъ вамъ сейчасъ общій видъ нашей солнечной системы (картина). Какъ вы видите, темныя тѣла (которыя называются планетами) нашей солнечной системы не всѣ одинаковой величины и притомъ находятся въ различномъ разстояніи отъ солнца. Наша земля, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, по разстоянію своему отъ солнца есть третья планета, хотя астрономы имѣютъ вѣское основаніе думать, что въ весьма близкомъ разстояніи отъ солнца находится и еще одна планета, которая не видна единственно потому, что ослѣпительный блескъ солнца не даетъ ее разглядѣть. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ единственно для того, чтобы указать вамъ на одинъ изъ многочисленныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ предполагалось получить астрономами при полномъ солнечномъ затменіи. И дѣйствительно, всѣ вы знаете, что нерѣдко приходится заслонять глаза отъ свѣта, чтобы разглядѣть предметъ; а въ данномъ случаѣ, вы сами понимаете, что заслоненія глазъ одной рукой было бы недостаточно. Вы можетъ быть спросите: „Ну, что же? увидали ли эту планету теперь, или раньше?“ и можетъ быть заключите, что такъ какъ ее не видали, то значитъ ея и нѣтъ! Дѣло въ томъ, что нужны особенно благопріятныя условія, чтобъ увидать эту планету; а именно: необходимо, чтобъ въ моментъ затменія планета эта, которая вращается, какъ и другія, около солнца, находилась бы какъ разъ сбоку солнца, а не сзади и не впереди него, иначе она будетъ заслонена тою же луною.

Но перейдемъ къ разъясненію солнечнаго затменія. Мы должны еще къ сказанному нами прибавить, что вокругъ нѣкоторыхъ изъ планетъ вращаются меньшія планетки, которыя называются спутниками этихъ планетъ. Наша земля имѣетъ одного спутника, называемаго луною или мѣсяцемъ; но вокругъ нѣкоторыхъ планетъ вращается по нѣскольку такихъ спутниковъ или лунъ, какъ вы видите на этой картинѣ (картина). И такъ мы видимъ, что луна вертится вокругъ земли, а земля (кромѣ вращенія около своей оси) вмѣстѣ съ нею—вокругъ солнца. Но намъ необходимо еще объяснить направленіе, по которому вращается луна. Лучше всего мы покажемъ вамъ это на рисункѣ (демонстрація). Отсюда вы видите, что луна становится то ближе къ солнцу, чѣмъ земля, и стало быть находится между солнцемъ и землею; то дальше, чѣмъ земля, и тогда уже, какъ видите, земля будетъ находиться между солнцемъ и луною. Какъ мы уже сказали, и земля, и луна суть тѣла темныя; и свѣтъ, который даетъ намъ луна ночью не ея собственный, а свѣтъ, отраженный отъ солнца. Отъ этого происходятъ и такъ называемыя фазы луны, то есть видимыя формы ея, или, какъ въ общежитіи ихъ называютъ, четверти луны. Мы вамъ покажемъ это наглядно на картинѣ (картина). Вы, можетъ быть, спросите: если луна такое же темное тѣло, какъ земля, то почему же она такъ ярко отражаетъ свой свѣтъ? и почему же земля не кажется намъ такъ ярко освѣщенной? Это потому, что освѣщенную землю мы видимъ днемъ, освѣщенную же луну мы видимъ ночью, и чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче она намъ кажется. Но если случится, какъ это иногда бываетъ, увидѣть луну днемъ, то она весьма слабо свѣтитъ. Помимо этой причины, есть и другія, объясненіе которыхъ было бы и не совсѣмъ для васъ понятно, и отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета нашей бесѣды.

Если луна и земля—тѣла темныя, на которыя падаетъ свѣтъ отъ солнца, то очевидно, что они должны бросать отъ себя тѣнь. Тѣнь эта обыкновенно для насъ невидима, такъ какъ она падаетъ въ пространство, а не на какой либо освѣщенный предметъ; вѣдь и отъ земныхъ предметовъ мы видимъ тѣнь только тогда, когда она падаетъ на освѣщенные предметы. Каждый изъ васъ знаетъ, что величина тѣни зависитъ не только отъ величины тѣла, брасающаго тѣнь, и не только отъ величины тѣла, дающаго свѣтъ, но и отъ взаимнаго разстоянія между свѣтящимъ тѣломъ и тѣломъ, дающимъ тѣнь, равно и тѣломъ, на которое тѣнь падаетъ. Пояснимъ это примѣромъ. Возьмемъ зажженную свѣчу и ладонь. Тутъ свѣтящее тѣло меньше темнаго, и тѣнь отъ ладони всегда будетъ больше самой ладони; но тѣмъ не менѣе она будетъ увеличиваться, если мы будемъ удалять ладонь отъ стѣны и приближать ее къ свѣчкѣ. Это просто объясняется рисункомъ (рисунокъ) Дѣло будетъ наоборотъ, если свѣтящее тѣло больше ладони. Тогда тѣнь всегда будетъ меньше темнаго тѣла и тѣмъ короче, чѣмъ дальше отъ тѣла, на которое тѣнь падаетъ, напримѣръ отъ стѣны, и чѣмъ ближе мы подведемъ ладонь къ свѣту, какъ это видно изъ рисунка (рисунокъ).

И такъ, чтобъ изучить величину тѣней, бросаемыхъ землею и луною, необходимо знать величину земли, луны, солнца, а также и взаимное разстояніе между этими тѣлами. Величину земли мы получаемъ простымъ измѣреніемъ и знаемъ, что она имѣетъ въ окружности около $37^1/_2$ тысячъ верстъ; а слѣдовательно ея поперечникъ имѣетъ около 12 тысячъ верстъ. Выходитъ, еслибъ мы отправились съ поверхности земли какъ разъ въ ея середину (центръ), съ пассажирскимъ поѣздомъ, то намъ бы пришлось ѣхать 10 сутокъ, то-есть въ 10 разъ дальше, чѣмъ отсюда до Петербурга. Луна меньше земли. Поперечникъ ея составляетъ около $^1/_4$ земнаго поперечника; а еслибы представить себѣ землю рядомъ съ луною, то площадь земли представилась бы намъ въ 13 разъ больше лунной. Чтобы сдѣлать шаръ, равный земному шару, надо взять 50 лунъ. Солнце несравненно больше земли. Поперечникъ его въ 112 разъ больше земнаго, а чтобы образовать такой шаръ, какъ солнце, надо взять почти $1^1/_2$ милліона земныхъ шаровъ. Хотя намъ и кажется, что солнце такой же величины, какъ луна на небѣ; но это оттого, что солнце несравненно дальше отъ насъ, чѣмъ луна; и еслибъ представить себѣ солнце рядомъ съ луною, то оно оказалось бы слишкомъ въ 150 тысячъ разъ больше. Среднее разстояніе луны отъ земли 360 тысячъ верстъ; то-есть, еслибъ мы отправились на луну по желѣзной дорогѣ со скорымъ поѣздомъ, то доѣхали бы туда въ $1^1/_2$ года. Ядро, выпущенное изъ пушки, еслибы продолжало летѣть съ одинаковой скоростью, долетѣло бы туда въ 50 дней. Разстояніе земли отъ солнца несравненно больше, оно около 140 милліоновъ верстъ, то-есть почти въ 400 разъ дальше, чѣмъ до луны; такъ что пришлось бы ѣхать безпрерывно на экстренномъ поѣздѣ 600 лѣтъ, чтобы достичь отъ земли до солнца. Мы упомянули о среднемъ разстояніи какъ луны отъ земли, такъ и земли отъ солнца. Значитъ—это разстояніе измѣняется? Дѣйствительно, эти разстоянія подвергаются нѣкоторымъ колебаніямъ, которыя имѣютъ громадное вліяніе на затменія какъ лунныя, такъ и солнечныя, о чемъ мы и упомянемъ при описаніи затменія. Теперь перейдемъ къ самымъ затменіямъ. Лунныя затменія могутъ случаться только во время полнолунія, когда земля находится между луною и солнцемъ и тѣнь земли попадаетъ на часть луны, или на всю луну. Солнечныя затменія могутъ случаться только во время новолунія, когда луна находится между землею и солнцемъ и тѣнью своей затемняетъ нѣкоторыя части земной поверхности; всю же землю эта тѣнь покрыть не можетъ. Мы объяснимъ это на рисункѣ (демонстрація). Какъ мы уже сказали, если свѣтящееся тѣло больше темнаго тѣла, то падающая тѣнь будетъ постоянно уменьшаться и, въ концѣ концовъ, сойдетъ на нѣтъ; стало быть, отъ шарообразнаго тѣла тѣнь будетъ сходиться клиномъ (конусомъ), а потому тѣнь въ этихъ случаяхъ всегда будетъ меньше предмета, отъ котораго она падаетъ, и что дальше, то меньше; а такъ какъ луна меньше земли, то очевидно, что тѣнь ея не покроетъ землю, даже еслибъ луну приблизить къ землѣ. Но надо замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣтящееся тѣло больше предмета, кромѣ полной тѣни, по бокамъ ея еще будутъ полутѣни; это очень понятно; если мы представимъ себѣ, что только часть солнца закрыта отъ насъ, то свѣтъ все-таки будетъ, хотя и слабѣе, чѣмъ еслибъ свѣтило полное солнце. Бываетъ три рода солнечныхъ затменій: такъ называемыя частныя затменія, когда нашимъ глазамъ представляется закрытою какая нибудь часть солнца; полныя затменія, когда все солнце закроется для нашихъ глазъ луною; и, наконецъ, кольцеобразныя затменія, которыя бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда луна, закрывая солнце, оставляетъ не покрытымъ ободокъ солнца. Вы можете спросить: да какъ же это? Почему разъ случится, что луна совсѣмъ закроетъ солнце, а въ другой разъ случится, что ободокъ остается незакрытымъ? Говоря о разстояніи луны отъ земли и земли отъ солнца, мы упомянули о среднемъ разстояніи; стало быть, разстояніе измѣняется, бываетъ то нѣсколько меньше, то нѣсколько больше? Дѣйствительно, такъ оно и есть. И вотъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда луна, становясь между солнцемъ и землею, бываетъ болѣе

удалена отъ земли, тѣнь ея не достигаетъ до земли, она короче разстоянія луны отъ земли, и вотъ тогда-то и бываетъ кольцеобразное затменіе. Но такъ какъ колебаніе разстояній луны отъ земли незначительны (отъ 340 тысячъ до 380 тысячъ верстъ; 7 Августа этого года оно было 349 тыс. верстъ), то понятно, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣнь достигаетъ земли, ширина этой полной тѣни весьма незначительна (этотъ разъ она была въ 180 верстъ), и стало быть полоса полной тѣни занимаетъ весьма малое пространство относительно всей поверхности земли; вотъ почему для каждой мѣстности полное солнечное затменіе составляетъ весьма рѣдкое явленіе.

Бывшее 7 августа этого года полное затменіе можетъ считаться чисто русскимъ затменіемъ, потому что, за исключеніемъ весьма малаго кончика Германіи, вся тѣнь прошла по средней полосѣ Европейской Россіи, чрезъ всю Сибирь, сѣверную Японію и окончилась въ Тихомъ Океанѣ. Москва была раздѣлена тѣнью на двѣ половины: на Южной сторонѣ, въ Серпуховской части, не было полнаго затменія въ то время, какъ въ Сущевской части затменіе было полное. Совсѣмъ другое дѣло бываетъ съ лунным затменіемъ.

Когда бываетъ лунное затмѣніе, частное или полное, оно видно въ цѣломъ полушаріи, то-есть вездѣ, гдѣ ночь. Это вамъ понятно изъ самого рисунка. Поэтому лунныя затменія видны гораздо чаще въ каждой мѣстности; а такъ какъ земля значительно больше луны, то и тѣнь ея длиннѣе и она чаще покрываетъ всю луну. Такъ какъ вокругъ земной тѣни тоже есть полутѣнь, то на лунѣ передъ наступленіемъ полной тѣни замѣтно надвиганіе этой полутѣни. Лунныя затменія не оказываютъ почти никакого вліянія на животныхъ, во-первыхъ потому, что бываютъ ночью, когда почти всѣ спятъ, а во вторыхъ потому, что луна для земли далеко не играетъ той роли, какъ солнце. Впрочемъ и частное затменіе солнца мало вліяетъ на животныхъ, ибо самый незначительный край солнца все еще достаточно освѣщаетъ ее. Совсѣмъ другое дѣло при полномъ затменіи, особенно если оно происходитъ въ полдень, при безоблачномъ небѣ. Тогда это явленіе поистинѣ величественное. Тѣнь наступаетъ съ неимовѣрной быстротою; темнота не похожа на ночную и имѣетъ какой-то таинственный оттѣнокъ; на небѣ становятся видимы звѣзды; на мѣстѣ, гдѣ было солнце, видно темное пятно, издающее вокругъ себя свѣтъ; птицы летятъ въ свои гнѣзда; стада бѣгутъ по домамъ; домашнія животныя прячутся; даже люди образованныхъ странъ, отлично знающіе естественныя причины затменій, ощущаютъ какой-то безотчетный страхъ, или вообще сильное ощущеніе, которое трудно описать словами; а народы дикіе часто приходятъ въ отчаяніе, бросаются на колѣни и молятъ Бога о пощадѣ. Явленіе длится всегда очень короткое время; въ нѣсколько минутъ явленіе прошло, и первые же лучи солнца быстро освѣщаютъ мѣстность, и все снова успокоивается. Къ сожалѣнію, въ этотъ разъ немногимъ удалось увидѣть это рѣдкое зрѣлище по причинѣ почти повсемѣстной дурной погоды, бывшей 7 августа. Однако, благодаря тому, что ученые и астрономы разсыпались почти по всему протяженію бывшей тѣни, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюденія увѣнчались успѣхомъ; и въ теченіе этой зимы результаты этихъ интересныхъ наблюденій, навѣрно, будутъ сообщаться въ различныхъ ученыхъ обществахъ.

XVI.

О механическомъ анализѣ почвы и приборахъ, употребляемыхъ при этомъ.

А. П. Адріановскаго.

Были выставлены: сита, приборы для отмучиванія и продукты, получаемые послѣ механическаго анализа.

Ученые утверждаютъ, что въ прежнія отдаленныя времена, когда на землѣ не было еще ни человѣка, ни растеній, земная поверхность представляла изъ себя сплошную каменистую массу. Почвы въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается теперь, не было. Всякій знаетъ, что на голомъ камнѣ растенія развиваться не могутъ. А если не было въ то время растеній, то не могло быть и животныхъ, не могло быть и человѣка, которому въ то время нечемъ было бы питаться. Но камни, оставаясь на воздухѣ, начинаютъ измѣняться: черезъ болѣе или менѣе продолжительное

время на камнѣ, остававшемся на воздухѣ, можно замѣтить тонкій слой мелкихъ пылеватыхъ частицъ. Значитъ камень, оставаясь на воздухѣ можетъ измельчаться. Если такой камень выставить подъ дождь, то послѣдній смоетъ мелкія частицы и унесетъ ихъ въ болѣе низкія мѣста. На очищеномъ дождемъ камнѣ черезъ нѣкоторое время снова появляется пылеобразный налетъ, который опять можетъ быть унесенъ дождевыми водами въ низкія мѣста. Такимъ образомъ въ низкихъ мѣстахъ образуется болѣе или менѣе толстый слой мелкихъ частицъ различной величины, образуется то, что мы называемъ *почвой*.

Отчего же плотный камень съ теченіемъ времени превращается въ мелкій порошокъ? Тепло и холодъ, вода и воздухъ—вотъ тѣ первоначальныя причины, которыя размельчаютъ камень. Примѣры изъ обыденной жизни могутъ пояснить это. Такъ, напримѣръ, если въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ крыши падаетъ вода, лежитъ камень, то черезъ нѣсколько лѣтъ на камнѣ можно замѣтить углубленіе: это вода продолбила камень; а образовавшуюся при этомъ пыль отнесла въ низкія мѣста. Въ природѣ мы видимъ тоже самое: дождь, въ теченіе тысячелѣтій падающій на скалы, точно также разрушаетъ ихъ. Другой примѣръ: если въ бутылку налить воды и выставить на морозъ, то при замерзаніи воды бутылка лопается; если въ сильно нагрѣтый стаканъ налить очень холодной воды, то стаканъ треснетъ. Тоже самое въ природѣ происходитъ и съ камнями: въ камняхъ есть обыкновенно трещины, которыя въ дождливое время заполняются водою. Вода зимой замерзаетъ и камни трескаются. Чтобы разбить на мелкіе куски большой камень, стоитъ только на этомъ камнѣ развести костеръ и, когда камень нагрѣется, облить его холодной водой,—камень разламывается на мелкіе куски. Весной дни часто бываютъ очень жаркіе, а ночью нерѣдко является иней: за день камни разогрѣваются, а ночью отъ холода даютъ трещины. Кто живалъ зимой въ деревнѣ, въ деревянныхъ не штукатуренныхъ избахъ, то не разъ, вѣроятно, слыхалъ во время большихъ морозовъ сильный трескъ въ стѣнахъ, на подобіе ружейнаго выстрѣла. Это трескаются стѣны, вслѣдствіе замерзанія той воды, которую впитало въ себя дерево во время оттепели.

Что касается дѣйствія воздуха на разрушеніе камней, то и это явленіе всякому приходилось наблюдать въ обыденной жизни. Каждый знаетъ, что желѣзо, оставаясь долгое время на воздухѣ, ржавѣетъ. Это происходитъ отъ того, что желѣзо соединяется съ воздухомъ, а именно съ одной составной его частью—съ кислородомъ. Ржавчина, образовавшаяся изъ плотнаго желѣза, состоитъ изъ очень мелкихъ частицъ, легко отмываемыхъ водою. То же самое происходитъ и съ камнями, только ржавчина, которая образуется на камняхъ имѣетъ не красный, а другой какой-нибудь цвѣтъ, Образующіяся при этомъ мелкія частицы тоже смываются водою.

Когда камень нѣсколько вывѣтрится, т. е. подвергнется дѣйствію холода и тепла, воды и воздуха, когда на камнѣ образуется хотя бы и тонкій слой мелкихъ, пылеватыхъ частицъ, то на такомъ камнѣ уже могутъ произрастать нѣкоторыя растенія, какъ-то: мохъ, лишаи и т. п. На старыхъ каменныхъ стѣнахъ нерѣдко можно встрѣтить довольно-крупныя растенія—травы и даже деревца. Въ болѣе низкихъ мѣстахъ, куда мелкія частицы постоянно сносятся водою и гдѣ онѣ образуютъ довольно значительный слой, могутъ произростать уже всякія растенія, между прочимъ, и хлѣбныя—пшеница, рожь, ячмень, овесъ, просо и другія. Отчего же на голыхъ камняхъ растенія не могутъ произрастать, на камняхъ же покрытыхъ вывѣтрившимся слоемъ, а тѣмъ болѣе, на толстомъ слоѣ пылеватыхъ частицъ, произрастаютъ? Причинъ этому нѣсколько. Растенія, какъ извѣстно, берутъ необходимую для себя пищу изъ почвы посредствомъ корней. Нѣжныя корневыя мочки растенія не въ состояніи пробуравить камень, не въ состояніи извлечь изъ него необходимыя питательныя вещества. Другое дѣло, если корни растенія окружены очень мелкими частицами, настолько мелкими, что каждую въ отдѣльности и разсмотрѣть нельзя. Здѣсь корень легко проникаетъ въ глубь, раздвигая отдѣльныя частички. Кромѣ того очень мелкія частички легко распускаются въ водѣ (растворяются) и въ такомъ видѣ поступаютъ въ самое растеніе и служатъ для него пищей. Далѣе намъ извѣстно, что растенія безъ воды существовать не могутъ; необходимую же для развитія воду растенія черпаютъ изъ почвы. Но камень въ себѣ воды не содержитъ, крупные обломки горныхъ породъ тоже не могутъ впитывать въ себя воду. Только очень мелкія частицы въ состояніи удерживать въ себѣ влагу и передавать ее растеніямъ. Мало того, мелкія частицы могутъ поднимать воду изъ нижнихъ слоевъ въ верхнія и чѣмъ мельче будутъ частицы, тѣмъ выше онѣ могутъ поднять воду. (Демонстрировано на опытѣ). Это свойство мелкихъ частицъ имѣетъ весьма важное практическое значеніе: дождя иногда не бываетъ по цѣлымъ недѣлямъ, даже мѣсяцамъ. Почва дѣлается твердою, какъ камень. А между тѣмъ мы замѣчаемъ, что растенія, хоть кое-какъ, но все-таки развиваются. Откуда же они въ это время берутъ необходимую для себя влагу? Изъ только что произведеннаго опыта вполнѣ очевидно, что растенія черпаютъ нужную для себя влагу изъ нижнихъ слоевъ почвы. Нижніе слои

почвы всегда бываютъ насыщены водою. Это доказывается уже тѣмъ, что въ колодцахъ на большей, или меньшей глубинѣ всегда находится вода. Мелкія частицы почвы способствуютъ поднятію грунтовой воды въ верхніе слои почвы, гдѣ развиваются корни растеній. Кромѣ доставленія растеніямъ необходимыхъ питательныхъ веществъ, мелкія частицы почвы имѣютъ важное значеніе для жизни растеній и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Если мелкихъ частицъ въ почвѣ слишкомъ много, то это оказывается даже вреднымъ для растеній. Черезчуръ иловатыя, подзолистыя, какъ говорятъ почвы, весьма легко заплываютъ, на нихъ послѣ дождя образуется болѣе или менѣе толстая корка, препятствующая молодымъ, нѣжнымъ всходамъ пробиваться на поверхность.

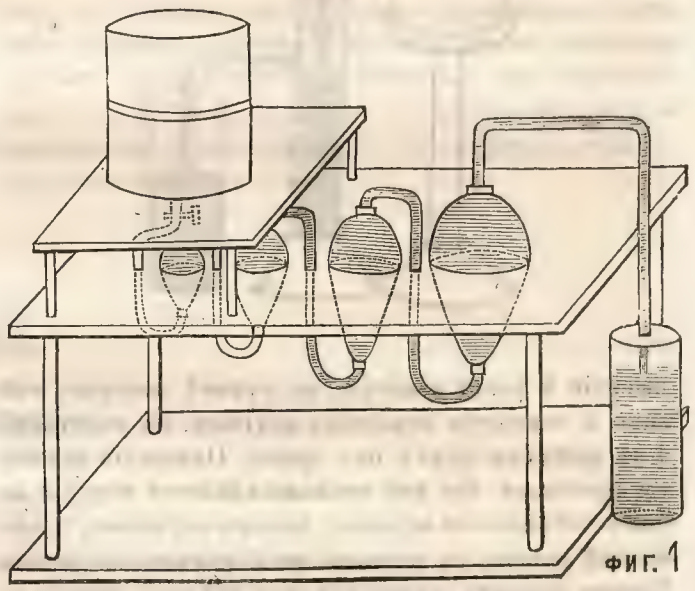
Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго ясно, что для хозяина земледѣльца весьма важно знать, сколько въ почвѣ его поля находится крупныхъ и сколько мелкихъ частицъ. Зная это, земледѣлецъ можетъ судить и о степени плодородія своихъ полей.

Къ разсмотрѣнію способовъ и приборовъ, при помощи которыхъ можно отдѣлять крупныя частицы почвы отъ мелкихъ, мы теперь и перейдемъ.

Крупныя частицы почвы отъ мелкихъ отдѣляются, прежде всего, при помощи металлическихъ ситъ, на днѣ которыхъ пробиты круглыя отверстія различной величины. Дно ситъ съ очень мелкими отверстіями дѣлается обыкновенно изъ проволоки и отверстія имѣютъ четырехъугольную форму (квадратную). (При этомъ были демонстрированы коллекціи ситъ, произведено просѣиваніе почвы и были показаны продукты, получающіеся при этомъ). Но при помощи однихъ только ситъ нельзя въ точности опредѣлить количество самыхъ мелкихъ, иловатыхъ частицъ, которыя, какъ мы видѣли, имѣютъ для земледѣльца весьма важное значеніе. Нельзя опредѣлить потому, что не возможно приготовить сита съ очень мелкими и совершенно одинаковыми отверстіями.

Для отдѣленія самыхъ мелкихъ частицъ другъ отъ друга пользуются водою. Если мы бросимъ въ воду крупныя частицы (гальки, хрящъ), то мы замѣтимъ, что онѣ тотчасъ же упадутъ на дно. Если же мы бросимъ въ воду мелкія, иловатыя частицы, то замѣтимъ, что онѣ не сразу упадутъ на дно, а будутъ болѣе или менѣе долгое время висѣть въ водѣ, будутъ находиться, какъ говорятъ, въ взмученномъ состояніи. Пройдетъ нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ эти мелкія частицы осядутъ на дно (демонстрировано). Самыя мелкія частицы — *муть*, какъ ихъ въ обыденной жизни называютъ, осѣдаютъ только черезъ нѣсколько дней. Если вода будетъ стекать, то понятно, что она будетъ уносить съ собою всѣ взмученныя мелкія частицы. Идя по теченію рѣки, легко замѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода течетъ въ рѣкѣ очень быстро, тамъ дно каменисто и, наоборотъ, тамъ, гдѣ вода течетъ медленно, дно песчаное и, наконецъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода застаивается, дно иловатое. Это объясняется тѣмъ, что быстрый токъ воды уноситъ съ собой всѣ мелкія взмученныя частицы и несетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока вода не будетъ течь болѣе медленно. Когда теченіе воды будетъ тише, тогда тѣ частицы, которыя покрупнѣе, осѣдаютъ, а болѣе мелкія несутся водою дальше. Если теченіе сдѣлается еще медленнѣе, то еще часть взмученныхъ частицъ осѣдаетъ, а самыя мелкія уносятся еще дальше и несутся дотолѣ, покуда вода не будетъ совсѣмъ въ покоѣ, какъ, напр., въ заливахъ, заводяхъ, моряхъ, въ прудахъ. Здѣсь черезъ нѣкоторое время осѣдаетъ на дно самый тонкій илъ и вода освѣтляется. На способности частицъ болѣе или менѣе долгое время висѣть въ водѣ основаны и всѣ приборы для отмучиванія, которые вы видите передъ собой.

Приборъ Нобеля (фиг. 1) состоитъ изъ 4-хъ кону-



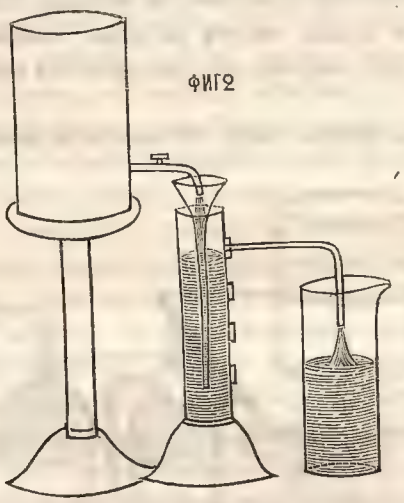
ФИГ. 1

сообразныхъ стеклянныхъ сосудовъ, соединенныхъ между собою трубками. Сосуды эти различной величины. Во 2-мъ сосудѣ воды помѣщается въ 8 разъ больше, чѣмъ въ первомъ, въ 3-мъ—въ 27 и въ 4-мъ въ 64 раза больше. Почва кладется во 2-й сосудъ, вода при помощи трубки съ краномъ пускается изъ особаго выше стоящаго сосуда сначала въ самый маленькій сосудъ. Двигающаяся вода увлекаетъ за собою частицы почвы, помѣщенной во 2-мъ сосудѣ. Вода, переходя изъ самаго маленькаго сосуда въ болѣе крупные, вслѣдствіе этого начинаетъ двигаться все съ меньшею и меньшею быстротою, отчего болѣе крупныя частички начинаютъ осѣдать. Чѣмъ объемистѣе сосудъ, тѣмъ тише течетъ въ немъ вода, тѣмъ болѣе мелкія частицы въ немъ осѣдаютъ. Самыя мелкія частицы уносятся наружу

и вмѣстѣ съ водою собираются въ стеклянныхъ банкахъ. Стаканы эти съ взмученными частицами оставляютъ стоять, частицы осѣдаютъ на дно,—это и будетъ самый тонкій илъ. Сливши воду, илъ собираютъ, высушиваютъ и взвѣшиваютъ.

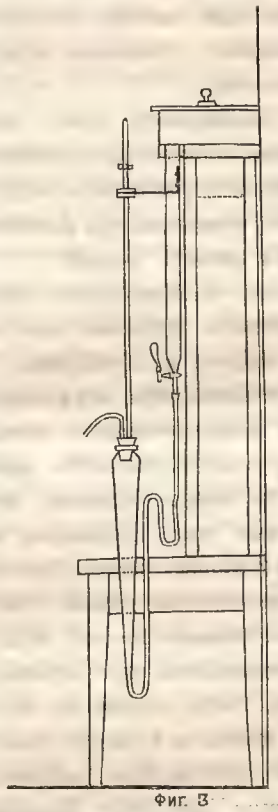
Мелкія частицы почвы обыкновенно очень плотно пристаютъ къ крупнымъ, а также крѣпко слипаются другъ съ другомъ, образуя комки, иногда значительной величины. Передъ отмучиваніемъ эти комки должны быть разбиты. Съ этою цѣлію почву предварительно растираютъ деревянными пестами. Но этого недостаточно. Для полнаго раздробленія мелкихъ комочковъ, необходимо почву кипятить въ водѣ сутокъ двое или трое, и только тогда уже можно приступить къ отмучиванію.

Приборъ Бенигсена (фиг. 2) представляетъ изъ себя


ФИГ2

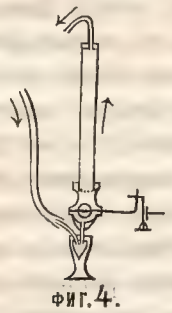
высокій и узкій стаканъ, въ стѣнкѣ котораго сдѣлано 4 отверстія одно надъ другимъ, на разстояніи 4-хъ дюймовъ другъ отъ друга. Отверстія заткнуты пробками. На дно стакана кладется почва и затѣмъ вставляется воронка, такимъ образомъ, чтобы нижній конецъ ея немного не доходилъ до почвы. Черезъ воронку пускается изъ другаго, выше стоящаго сосуда, струя воды и взмучиваетъ прокипяченную предварительно почву, при чемъ мелкія частицы поднимаются въ сосудѣ выше, чѣмъ крупныя. Верхнее отверстіе въ это время открывается и въ него вставляется стеклянная трубка для отвода воды съ взмученными частицами. Эта операція продолжается до тѣхъ поръ, покуда чрезъ верхнее отверстіе не будетъ течь совершенно чистая вода. Тогда пускаютъ воду черезъ второе отверстіе и собираютъ ее отдѣльно отъ первой. Подобнымъ же образомъ пускаютъ воду черезъ 3 и 4 отверстія. Почва раздѣляется такимъ образомъ на 5 продуктовъ, при чемъ самыя крупныя частицы останутся на днѣ сосуда, а самыя мелкія получатся при отстаиваніи воды, прошедшей черезъ верхнее отверстіе.

Приборъ Шене, измѣненный нѣсколько Майеромъ (ф. 3), также состоитъ изъ стекляннаго продолговатаго сосуда, верхняя часть котораго цилиндрическая, а нижняя часть съужена и соединена посредствомъ стеклянной трубки, запирающейся краномъ, съ металлическимъ четырехъугольнымъ тазомъ, помѣщающимся вверху и наполненнымъ водою. На дно стекляннаго сосуда кладется отвѣшенная, просѣянная и прокипяченная почва. Черезъ пробку, закрывающую верхнее отверстіе сосуда, проходятъ двѣ трубки: одна короткая, изогнутая, служащая для отвода воды, и другая прямая, длинная (въ $1^1/_2$ аршина), служащая для того, чтобы показать съ какою скоростью вытекаетъ вода изъ сосуда. Если мы откроемъ водопроводный кранъ, то вода съ взмученными частицами будетъ стекать по короткой трубкѣ, и эту воду можно собрать. Въ то же время вода въ прямой трубкѣ поднимается на нѣкоторую высоту. Если уровень воды въ трубкѣ будетъ стоять низко, то это указываетъ на то, что въ сосудѣ вода движется очень медленно и вслѣдствіе этого уноситъ съ собой только самыя мелкія частицы. Если уровень воды въ трубкѣ стоитъ высоко, то отсюда слѣдуетъ, что въ сосудѣ вода движется болѣе быстро и уноситъ съ собою болѣе крупныя частицы. Открывая болѣе или менѣе водоприводный кранъ, можно въ значительной мѣрѣ измѣнять скорость движенія воды въ сосудѣ и получать весьма разнообразные продукты отмучиванія.


Фиг. 3

Коническіе (съуживающіеся къ низу) сосуды для отмучиванія имѣютъ одно важное неудобство: въ узкой части вода движется быстрѣе, а въ широкой медленнѣе, вслѣдствіе чего на стѣнкахъ верхней части сосуда часть почвы осѣдаетъ,—получается такимъ образомъ неточность въ опредѣленіи. Кромѣ того, если возмутить въ водѣ почву и оставить мутную воду на короткое время въ покоѣ, то весьма легко замѣтить, что мельчайшія иловатыя частицы мало-по-малу начинаютъ слипаться другъ съ другомъ и образовать хлопья. То же самое происходитъ и въ описанныхъ приборахъ. И если вода течетъ медленно, то такія хлопья, хотя и состоятъ изъ очень мелкихъ иловатыхъ частицъ, но водой не уносятся, а примѣшиваются къ крупнымъ частицамъ. Такимъ образомъ, полнаго отдѣленія круп-

ныхъ частицъ отъ мелкихъ не происходитъ. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, американскій ученый **Гильгардтъ** устроилъ свой приборъ (фиг. 4) для отмучиванія. Его приборъ нѣсколько сходенъ съ приборомъ Шене и отличается, главнымъ образомъ, во-1-хъ, тѣмъ, что сосудъ, въ которомъ отмучивается почва, вполнѣ цилиндрическій вслѣдствіе



фиг. 4.

чего частицы почвы на стѣнкахъ почвы не осѣдаютъ; во 2-хъ, въ нижней части сосуда находится лопатчатое колесо, которое, при помощи какой-нибудь машинки, находящейся снаружи, приводится въ движеніе. Колесо это дѣлаетъ въ минуту не менѣе 600 оборотовъ въ минуту, разбиваетъ своими лопатками образующіяся хлопья и позволяетъ, такимъ образомъ, полнѣе отдѣлить мелкія частицы отъ крупныхъ.

Всѣ вышеописанные приборы довольно хорошо раздѣляютъ частички почвы другъ отъ друга, но неудобны тѣмъ, что слишкомъ сложны, а поэтому и дороги; кромѣ того, для изслѣдованія почвы на этихъ приборахъ, приходится тратить довольно много времени. Между тѣмъ, въ практикѣ, иногда весьма важно изслѣдовать почву, по возможности, скорѣе, хотя бы и не особенно точно. Для этого существуютъ болѣе простые приборы. Устройство одного изъ самыхъ простѣйшихъ заключается въ слѣдующемъ: стеклянная трубка съ обоихъ концовъ закрывается пробками. На трубкѣ, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, проведены черты (дѣленія). Въ трубку кладутъ отвѣшенное количество прокипяченной въ теченіе двухъ часовъ почвы, обливаютъ водой и сильно взбалтываютъ въ теченіе 10-ти минутъ. Затѣмъ трубку ставятъ вертикально и оставляютъ въ покоѣ на нѣсколько часовъ. Въ это время частицы почвы осѣдаютъ. Самыя крупныя частицы будутъ находиться на низу, а мелкія выше. Снаружи можно отсчитать, сколько дѣленій занято крупными частицами, сколько мелкими. А по числу дѣленій можно опредѣлить и вѣсъ этихъ частицъ. Понятно, что на такомъ приборѣ отдѣлить вполнѣ крупныя частицы отъ мелкихъ, песокъ отъ ила—невозможно. Выгода этого прибора заключается только въ томъ, что работа производится быстро.

XVII.

Объясненіе коллекціи металловъ.

П. П. Петрова.

Были выставлены соотвѣтствующія коллекціи и произведены химическіе опыты.

Каждый изъ насъ знаетъ, что называется металломъ, такъ какъ каждому приходится имѣть ежедневно въ рукахъ или, по крайней мѣрѣ, видѣть различные металлическіе предметы. Въ нашей обыденной жизни особенно часто встрѣчаются намъ, въ видѣ различныхъ издѣлій, желѣзо и мѣдь, рѣже цинкъ, олово, серебро, золото. Если мы сравнимъ между собою эти, извѣстные намъ, металлы, то легко замѣтить, что они значительно разнятся между собою даже и по наружному виду; желѣзо, напримѣръ, имѣетъ сѣрый цвѣтъ, мѣдь красный, серебро бѣлый, золото желтый. Если мы ознакомимся съ коллекціями, имѣющимися въ Музеѣ, то найдемъ въ нихъ еще многіе металлы, намъ или мало извѣстные, или совсѣмъ неизвѣстные, такъ какъ они не встрѣчаются въ употребленіи въ обыденной жизни и изъ нихъ не изготовляютъ какихъ-либо полезныхъ издѣлій. Такихъ мало извѣстныхъ металловъ даже въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ извѣстныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ такъ рѣдки, что ихъ можно найти только въ очень богатыхъ музеяхъ или учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ возможность пріобрѣтать всякіе дорогіе, интересные и полезные для ученія предметы. Въ настоящей бесѣдѣ мы познакомимся съ нѣкоторыми металлами, образцы которыхъ имѣются въ нашемъ Музеѣ, и постараемся посредствомъ опытовъ увидѣть, чѣмъ они отличаются другъ отъ друга и изъ этого понять, почему одни изъ нихъ не употребляются ни на какое дѣло, а другіе, напротивъ, представляютъ собою очень полезные для насъ матеріалы.

Всѣхъ металловъ извѣстно въ настоящее время

50-ть и далеко не всѣ изъ нихъ имѣются въ нашемъ собраніи. Металлы эти носятъ разныя, не русскія названія, которыя перешли къ намъ изъ иностранныхъ языковъ, и русскихъ названій для нихъ нѣтъ именно потому, что они въ употребленіи не встрѣчаются. У насъ есть изъ этихъ 50-ти металловъ только слѣдующіе: калій, натрій, магній, аллюминій, хромъ, желѣзо, марганецъ, кобальтъ, никкель, цинкъ, мѣдь, свинецъ, серебро, кадмій, ртуть, золото, платина, палладій, мышьякъ, сурьма, олово,—всего 20 металловъ; остальные 30 металловъ представляютъ такія рѣдкости, что въ нашихъ собраніяхъ не имѣются.

Но и изъ имѣющихся у насъ 20 металловъ мы можемъ насчитать только 13 такихъ, которые встрѣчаются въ употребленіи, а именно: магній, аллюминій, желѣзо, никкель, цинкъ, мѣдь, свинецъ, серебро, ртуть, золото, платина, сурьма, олово; изъ этихъ 13, нѣкоторые тоже встрѣчаются въ употребленіи рѣдко и остается только всего 7-мь употребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ металловъ, каковы: желѣзо, мѣдь, свинецъ, цинкъ, олово, серебро и золото.

И такъ, всѣхъ металловъ существуетъ 50-ть, а общее употребленіе изъ нихъ имѣютъ только 7-мь, остальные же или не употребляются совсѣмъ, или употребляются очень рѣдко. Спрашивается, отчего же это такъ, отчего люди отдали предпочтеніе однимъ очень немногимъ металламъ, а о всѣхъ другихъ, и при томъ объ очень многихъ, и знать совсѣмъ не хотятъ? Вотъ на этотъ вопросъ я и желалъ бы отвѣтить, и при томъ не просто словами, а, по возможности, опытами, изъ которыхъ понятно было бы, что мы предпочитаемъ одни металлы другимъ не просто такъ себѣ, а по неволѣ, потому что одни изъ нихъ пригодны для разнаго рода употребленій, а другіе непригодны, или мало пригодны; потому что одни изъ нихъ намъ легко и найти, и получить, а другіе встрѣчаются рѣдко, добываются трудно и обходятся дорого.

Сначала мы познакомимся съ нѣкоторыми качествами металловъ, благодаря которымъ многіе изъ нихъ не пригодны для употребленія, и прежде всего посмотримъ, какимъ образомъ дѣйствуютъ на металлы воздухъ и вода.

Уже давно со всѣми извѣстными металлами были сдѣланы различные опыты, для того, чтобы точно узнать, какимъ образомъ дѣйствуютъ на нихъ вода и воздухъ. Эти опыты показали, что металлы можно размѣстить въ извѣстномъ порядкѣ другъ за другомъ, начиная, положимъ, съ такихъ изъ нихъ, на которые вода и воздухъ дѣйствуютъ очень сильно, измѣняя ихъ совсѣмъ, и кончая такими, на которые вода и воздухъ не оказываютъ никакого дѣйствія при обыкновенныхъ условіяхъ нашей жизни.

Изъ имѣющихся у насъ металловъ, первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ металлъ *калій*; онъ серебристо-бѣлаго цвѣта съ очень красивымъ блескомъ, и, между прочимъ, замѣчателенъ своею мягкостью, такъ что, напримѣръ, легко, какъ воскъ, рѣжется ножемъ; этотъ металлъ чрезвычайно быстро измѣняется отъ дѣйствія воздуха: достаточно блестящій кусочекъ его выставить на воздухъ на нѣсколько секундъ, чтобы блескъ пропалъ и металлъ потускнѣлъ, а затѣмъ покрылся бы пленкой бѣлаго цвѣта; очень скоро весь кусочекъ насквозь превращается въ бѣлую разсыпчатую массу, а если воздухъ влаженъ, то эта бѣлая масса расплывается въ густую ѣдкую жижу. Металлъ этотъ, слѣдовательно, не можетъ существовать на воздухѣ и его сохраняютъ обыкновенно въ нефти или бензинѣ, въ хорошо закупоренной стеклянной посудѣ. Еще замѣчательнѣе дѣйствуетъ на этотъ металлъ вода; если небольшой кусочекъ этого металла бросить въ воду, то мы увидимъ, что металлъ этотъ не тонетъ, а приходитъ въ быстрое движеніе на поверхности воды, и при этомъ надъ нимъ показывается красивое фіолетовое пламя, металлъ какъ бы горитъ на водѣ; очень скоро кусочекъ металла совсѣмъ исчезаетъ, и если мы испробуемъ воду, то замѣтимъ, что она пріобрѣла послѣ этого особый, такъ называемый щелочной вкусъ; мы не будемъ разбирать подробно, что происходитъ при этомъ съ металломъ, скажемъ только, что онъ превращается въ такую же бѣлую расплывчатую массу, въ которую онъ превращается, находясь во влажномъ воздухѣ, и что эта бѣлая масса растворяется въ водѣ, придавая ей щелочной вкусъ. Эти опыты ясно показываютъ намъ, что металлъ калій не пригоденъ для изготовленія какихъ либо полезныхъ для насъ въ обыденной жизни издѣлій, такъ какъ отъ дѣйствія воздуха и воды онъ измѣняется чрезвычайно быстро.

Такихъ металловъ, какъ калій, извѣстно нѣсколько и у насъ въ наличности есть еще одинъ такой металлъ—*натрій*, сохраняемый тоже въ нефти; онъ также мягокъ и блестящъ, также быстро измѣняется отъ воды и воздуха и вообще очень похожъ на калій, но замѣтимъ, что измѣненія эти происходятъ какъ бы нѣсколько слабѣе; такъ, если мы кусокъ натрія бросимъ въ воду, то онъ тоже будетъ бѣгать по водѣ, но пламени при этомъ не замѣчается; но если мы его задержимъ на водѣ въ одномъ мѣстѣ, замѣчается также появленіе надъ кусочкомъ пламени; пламя это будетъ не фіолетовое, какъ отъ калія, а ярко-желтое.—Далѣе слѣдуютъ еще три такихъ металла, но все медленнѣе и медленнѣе измѣняющихся отъ воды и воздуха, и наконецъ, мы встрѣчаемъ металлы, которые въ сухомъ воздухѣ и безъ нагрѣванія не измѣняются; но если кусочки этихъ металловъ положить въ во-

ду, то они тускнѣютъ и покрываются со поверхности пленкой бѣлаго цвѣта; при этомъ мы замѣтимъ, что изъ воды выдѣляются пузырьки газа. Изъ числа этихъ металловъ, одинъ—*магній* встрѣчается въ употребленіи; если кусочки этого металла положить въ холодную воду, то они измѣняются весьма медленно, но если воду эту мы будемъ нагрѣвать, то металлъ быстро бѣлѣетъ съ поверхности; изъ этого видно, что на холоду вода на него дѣйствуетъ слабо, при нагрѣваніи же сильнѣе. Тоже самое мы замѣтимъ и относительно дѣйствія воздуха; безъ нагрѣванія магній хорошо сохраняетъ на воздухѣ свой металлическій видъ, но если мы его достаточно подогрѣемъ, напримѣръ подержимъ тоненькую пластинку изъ этого металла въ пламени, то металлъ загорается и продолжаетъ затѣмъ горѣть чрезвычайно яркимъ бѣлымъ пламенемъ. Этимъ послѣднимъ свойствомъ магнія пользуются теперь часто фотографы, чтобы снимать фотографическія изображенія вечеромъ или ночью; свѣтъ горящаго магнія замѣняетъ фотографамъ солнечный свѣтъ. Для употребленія въ фотографіяхъ магній берутъ обыкновенно въ видѣ мелкаго порошка, употребляютъ его также въ видѣ тоненькой узкой ленты, которую сжигаютъ въ особо устраиваемыхъ для этого лампочкахъ, въ которыхъ эта лента выдвигается изъ узкой щели сама собою по мѣрѣ сгоранія.

За магніемъ слѣдуетъ металлъ *цинкъ*, который часто называется шпіаутеромъ и имѣетъ разнообразныя употребленія.—Цинкъ, какъ и магній, серебристо-бѣлаго цвѣта, что особенно хорошо видно въ свѣжемъ изломѣ; онъ можетъ быть расплющенъ въ тонкіе листы, можетъ быть превращенъ въ тонкую проволоку и имѣетъ въ настоящее время весьма обширныя и разнообразныя примѣненія. Цинкъ еще труднѣе магнія измѣняется отъ воды, такъ что если мы будемъ держать его въ кипящей водѣ, то онъ сохраняетъ долго свой блескъ; но если мы прибавимъ къ водѣ кислоты, напримѣръ, купороснаго масла, то металлъ этотъ начинаетъ быстро растворяться, а изъ воды при этомъ выдѣляются въ большомъ количествѣ пузырьки газа, что придаетъ ей видъ, какъ будто она сильно кипитъ.—Если мы сильно раскалимъ цинкъ на воздухѣ, то онъ сначала расплавится, а потомъ начинаетъ горѣть, отдѣляя при этомъ густые пары бѣлаго цвѣта, садящіеся кругомъ въ видѣ порошка, также бѣлаго цвѣта. Изъ сказаннаго видно, что цинкъ похожъ на магній, но труднѣе его измѣняется отъ воды, воздуха и нагрѣванія.

Рядомъ съ цинкомъ помѣщается металлъ *кадмій*; онъ очень похожъ на цинкъ во всѣхъ отношеніяхъ и встрѣчается въ природѣ всегда вмѣстѣ съ цинкомъ; онъ также, какъ цинкъ, весьма мало и медленно измѣняется отъ воды, но очень легко растворяется, если къ водѣ прибавить кислоты; при нагрѣваніи онъ плавится и затѣмъ загорается, также какъ цинкъ, но отдѣляетъ при этомъ пары, не бѣлаго, а бураго цвѣта. Кадмій такъ сходенъ съ цинкомъ, что ихъ даже одно время не различали другъ отъ друга,—но есть возможность легко отличить кадмій отъ цинка; для этого возьмемъ растворы, получающіеся при растореніи этихъ металловъ въ водѣ, подкисленной сѣрной кислотой, и возьмемъ еще имѣющуюся у насъ жидкость желтаго цвѣта, обладающую особеннымъ непріятнымъ запахомъ, которую можно найти во всякой химической лабораторіи и которую называютъ тамъ растворомъ сѣрнистаго аммонія; если мы къ цинковому раствору прильемъ сѣрнистаго аммонія, то въ жидкости образуется осадокъ бѣлаго цвѣта; въ растворѣ же кадмія сѣрнистый аммоній произведетъ осадокъ красиваго желтаго цвѣта. Кадмій употребляется рѣдко, потому что дорогъ; хотя онъ встрѣчается въ природѣ вмѣстѣ съ цинкомъ, но всегда въ очень небольшомъ количествѣ; онъ употребляется въ видѣ сплавовъ съ нѣкоторыми другими металлами, которые замѣчательны своею легкоплавкостью; одинъ изъ нихъ, имѣющійся въ нашихъ коллекціяхъ, плавится, напримѣръ, если его опустить въ горячую воду.

Далѣе идутъ металлы еще труднѣе измѣняющіеся отъ дѣйствія воды и воздуха, которые уже не загораются на воздухѣ, при очень усиленномъ нагрѣваніи. Изъ ближайшихъ къ цинку и кадмію, между ними заслуживаетъ нашего вниманія *аллюминій*, замѣчательный по своей легкости; кромѣ того, этотъ металлъ имѣетъ очень красивый блестящій серебристо-бѣлый цвѣтъ, очень мягокъ и тягучъ.—Аллюминій не измѣняется на воздухѣ, сохраняя долго свой красивый блескъ, и такъ легокъ, что, напримѣръ, въ три раза легче желѣза. Къ сожалѣнію, металлъ этотъ до сихъ поръ дорогъ, вслѣдствіе трудности полученія, и употребляется только для легкихъ издѣлій.

Пропустивъ слѣдующіе за аллюминіемъ мало интересные и не имѣющіе употребленія металлы, мы подходимъ, наконецъ, къ важнѣйшему въ настоящее время металлу; это извѣстное всѣмъ—*желѣзо*. По нѣкоторымъ своимъ свойствамъ желѣзо похоже на предъидущіе металлы; въ водѣ оно не растворяется, а только медленно ржавѣетъ, но если мы прибавимъ къ водѣ кислоты, то оно быстро растворяется съ выдѣленіемъ газа. Если мы будемъ нагрѣвать желѣзо на воздухѣ, то оно измѣняется медленно, покрываясь съ поверхности слоемъ окалины, но при этомъ не загорается и не плавится; расплавить желѣзо можно только при очень сильномъ жарѣ, который мы не можемъ получить при обыкновенномъ устройствѣ нашихъ печей и горѣлокъ; при этомъ замѣчательно то, что

желѣзо, раскаленное до-красна, дѣлается мягкимъ и гибкимъ, чѣмъ и пользуются, чтобы ковать изъ него разныя вещи.—Мы можемъ сжечь желѣзо, заставить его горѣть, но только при помощи особаго способа. Въ стекляной бутылѣ, въ которой мы будемъ дѣлать этотъ опытъ, мы имѣемъ особый газъ, который называется кислородомъ и который содержится въ воздухѣ, но только разбавленный другими газами, а не цѣльный; если мы желѣзную проволоку, предварительно раскаливъ хотя кончикъ ея, опустимъ въ этотъ газъ, то она будетъ горѣть; опытъ производятъ такъ, что къ концу желѣзной проволоки прикрѣпляютъ кусочекъ трута, который и зажигаютъ, а затѣмъ опускаютъ въ кислородъ; трутъ начинаетъ сильно горѣть, раскаливаетъ при этомъ конецъ проволоки, которая затѣмъ начинаетъ горѣть сама. Такимъ образомъ, мы видимъ, что желѣзо еще труднѣе цинка измѣняется отъ дѣйствія воздуха и жара, почему еще удобнѣе для употребленія; кромѣ того, желѣзо крѣпче, мягче и тягучѣе цинка и, что не менѣе важно, распространено въ природѣ, легко добывается и потому стоитъ дешевле всехъ другихъ металловъ.

За желѣзомъ слѣдуетъ опять нѣсколько мало извѣстныхъ и употребительныхъ металловъ, каковы: кобальтъ, никкель, марганецъ, и затѣмъ мы встрѣчаемъ всѣмъ извѣстное—*серебро*. Какъ всѣ мы знаемъ, этотъ металлъ бѣлаго цвѣта, съ очень красивымъ блескомъ, мягокъ и тягучъ на столько, что его можно вытянуть въ самую тончайшую проволоку и расплющить въ самые тончайшіе листики. Лежа въ водѣ, онъ не измѣняется, но при прибавленіи къ водѣ сѣрной кислоты, начинаетъ растворяться, хотя гораздо труднѣе предъидущихъ; на воздухѣ серебро не измѣняется, даже при нагрѣваніи, и плавится только при очень сильномъ жарѣ. Серебро по своимъ качествамъ очень пригодно для выдѣлки разнаго рода издѣлій, но дорого, почему употребляется только для изготовленія разныхъ предметовъ роскоши и для монеты. У серебра мы встрѣчаемъ одно особенное свойство, котораго мы не встрѣчали до сихъ поръ; если растворимъ его въ кислотѣ, напримѣръ хотя-бы въ сѣрной, то его можно легко выдѣлить изъ раствора опять въ металлическомъ видѣ. Пользуясь этимъ, мы можемъ произвести интересный опытъ; къ приготовленному заранѣе раствору серебра, помѣщенному въ стеклянной трубкѣ, прибавляемъ нѣкоторыхъ веществъ, имѣющихъ свойство осаждать серебро изъ растворовъ; мы очень скоро увидимъ, что на стѣнкахъ нашей стеклянной трубки появится блестящій серебряный слой; этимъ пользуются на зеркальныхъ фабрикахъ для серебренія зеркалъ.

За серебромъ слѣдуетъ всѣмъ извѣстная *мѣдь*, металлъ, отличающійся отъ предъидущихъ своимъ краснымъ цвѣтомъ. По своимъ свойствамъ мѣдь—одинъ изъ пригоднѣйшихъ для употребленія металловъ; мѣдь можно плавить, плющить въ листы, сгибать, ковать, вытягивать въ проволоку и, такимъ образомъ, выдѣлывать изъ нея всевозможныя издѣлія;—она не измѣняется отъ воздуха и воды и можетъ пробыть подъ водой очень долгое время, безъ всякаго для себя вреда. Если мы мѣдь будемъ накаливать на воздухѣ, то она съ поверхности чернѣетъ, покрываясь слоемъ такъ называемой мѣдной окалины, но она не будетъ при этомъ горѣть. Въ кислотахъ мѣдь растворяется, какъ и серебро, и такіе растворы замѣчательны тѣмъ, что имѣютъ синій цвѣтъ; изъ этихъ растворовъ легко выдѣлить опять металлическую мѣдь; для этого стоитъ только опустить въ растворъ какую-нибудь чистую желѣзную полосу или проволоку; мы увидимъ, что желѣзо съ поверхности быстро покроется слоемъ мѣди.

За мѣдью слѣдуетъ также извѣстный всѣмъ металлъ—*свинецъ*; онъ сѣраго цвѣта и отличается своею мягкостью; онъ легко плющится и гнется, почему не можетъ употребляться на издѣлія, отъ которыхъ требуется прочность. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда прочности не требуется, свинецъ очень удобенъ, такъ какъ легко принимаетъ самыя разнообразныя формы; такъ изъ него тянутъ свинцовыя трубы, охотно употребляемыя въ разныхъ случаяхъ. Свинецъ, сравнительно съ другими металлами легко плавится, и изъ него удобно отливать разные предметы; между прочимъ, онъ въ большомъ количествѣ употребляется для литья пуль. Свинецъ хорошъ также тѣмъ, что не измѣняется не только отъ воды, но даже и отъ сѣрной кислоты, въ которой всѣ, встрѣчавшіеся до сихъ поръ металлы растворяются; поэтому свинецъ употребляютъ на химическихъ фабрикахъ для обкладки внутри разныхъ чановъ, въ которыхъ приходится работать съ сѣрной кислотой. Послѣ свинца стоятъ еще нѣкоторые извѣстные намъ металлы, каково, напримѣръ, *олово*; немного оно похоже на свинецъ цвѣтомъ и мягкостью; особенно отличается тѣмъ, что не разъѣдается кислотами, такъ что употребляется для посуды; олово легко плавится и употребляется главнымъ образомъ для покрытія поверхностей другихъ металловъ, какъ, напримѣръ, мѣди, въ мѣдной посудѣ, употребляемой для приготовленія кушанья, или въ видѣ сплавовъ съ другими металлами, какъ, напримѣръ, въ видѣ бронзы въ сплавѣ съ мѣдью.

Далѣе упомянемъ металлъ—*ртуть*, отличающійся отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что представляетъ жидкость, которая замерзаетъ только при 40° мороза. Ртуть представляетъ дорогой металлъ, такъ какъ встрѣчается въ природѣ сравнительно рѣдко; она имѣетъ совсѣмъ особыя употребленія: для приго-

товленія нѣкоторыхъ лѣкарствъ, для приготовленія нѣкоторыхъ красокъ, для нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, въ зеркальномъ производствѣ; одна изъ особенностей ея состоитъ въ томъ, что она имѣетъ способность растворять въ себѣ другіе металлы и этимъ въ металлургическомъ дѣлѣ пользуются, напримѣръ, для отдѣленія золота при добываніи его изъ руды.

Послѣ ртути мы останавливаемся на металлѣ, который считается самымъ драгоцѣннымъ и называется даже иногда царемъ металловъ; металлъ этотъ—*золото*. Въ ряду всѣхъ металловъ золото замѣчательно тѣмъ, что оно менѣе всѣхъ другихъ металловъ измѣняется отъ дѣйствія воздуха, воды, кислотъ и нагрѣванія. Кромѣ того, оно очень красиваго цвѣта, блестяще и удобно для выдѣлки издѣлій; оно мягко, тягуче, ковко, можетъ быть расплавлено, можетъ сплавляться съ другими металлами. Къ сожалѣнію, золото рѣдко встрѣчается въ природѣ, почему дорого и служитъ только для изготовленія денегъ и предметовъ роскоши.

Нашъ обзоръ металловъ мы закончимъ металломъ, причисляемымъ тоже къ числу драгоцѣнныхъ; *платина*, такъ же какъ золото, не измѣняется отъ дѣйствія воды, воздуха, кислотъ и нагрѣванія, также обладаетъ всѣми необходимыми для механической обработки качествами, но она не такъ красива, какъ золото и серебро; она сѣраго цвѣта, и хотя блестяща, но блескъ этотъ не такъ красивъ, какъ у предъидущихъ драгоцѣнныхъ металловъ. Платина замѣчательна тѣмъ, что плавится труднѣе всѣхъ упоминавшихся ранѣе металловъ и сравнительно недавно удалось получать такой жаръ, что явилась возможность ее плавить. Вслѣдствіе своей трудноплавкости, неразъѣдаемости кислотами и неизмѣняемости на воздухѣ, она представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для химическихъ лабораторій, въ которыхъ платиновая посуда употребляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо производить какую-нибудь обработку при очень сильномъ жарѣ. Къ сожалѣнію, и платина встрѣчается въ природѣ рѣдко, почему дорога и употребляется мало.

Этимъ мы окончимъ нашъ перечень металловъ. Изъ него видно, что они очень разнообразны по своимъ качествамъ, начиная отъ калія, который нельзя даже выставить на воздухъ, и кончая платиной, которую можно раскаливать на воздухѣ до бѣлаго каленія, безъ всякаго для нея вреда. Мы видимъ, что изъ многочисленной группы металловъ промышленность выбрала для себя нѣкоторое небольшое число наиболѣе удобныхъ для употребленія, научилась ихъ добывать, обработывать и пользоваться ими для разныхъ нуждъ человѣка. Все это удалось не съ разу, а совершалось въ теченіи многихъ столѣтій, и было время, когда люди не знали ни одного металла, а изготовляли разные нужные предметы изъ кости и рога животныхъ. Въ настоящее время мы знаемъ пятьдесятъ металловъ и выбираемъ изъ нихъ тѣ, которые болѣе намъ пригодны. Этимъ мы обязаны тому, что люди учились и учатся,—и этимъ мы, живущіе теперь, отличаемся отъ праотцевъ нашихъ, жившихъ на землѣ въ отдаленныя времена.

XVIII.

О бѣленіи.

И. А. Каблукова.

Были показаны опыты обезцвѣчиванія окрашенныхъ тканей сѣрнистымъ газомъ, хлоромъ, бѣлильной известью и др.

Многіе изъ васъ видали, какъ въ деревняхъ бабы холсты бѣлятъ. Соткетъ баба холстъ, затѣмъ разстелетъ его на лугу, и холстъ лежитъ-себѣ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль; его и дождемъ мочитъ, и вѣтромъ обдуваетъ, и солнышкомъ пригрѣваетъ, и черезъ нѣсколько недѣль холстъ изъ сѣраго сдѣлается бѣлымъ. Его выбѣлило солнышкомъ, дождикомъ, да вѣтромъ.

Точно также съ помощью солнца можно выбѣлить и воскъ. Вотъ передъ вами два куска воска. Одинъ желтоватый на видъ, другой—совершенно бѣлый. Первый—небѣленый, второй—выбѣленный.

Вы, конечно, знаете, что воскъ дѣлается пчелами; онѣ строятъ изъ него соты, въ которыхъ складываютъ медъ и выводятъ молодыхъ пчелъ. Медъ человѣкъ употребляетъ въ пищу, а воскъ—на свѣчи. Сперва соты сплавляютъ, и сначала получаютъ вотъ такой желтый воскъ, затѣмъ его бѣлятъ. Бѣлить воскъ можно разными способами, но я разскажу только про одинъ—самый употребитель-

ный. Воскъ сперва растапливаютъ, затѣмъ выливаютъ въ холодную воду, которую при этомъ взбалтываютъ, и воскъ отъ этого получается въ видѣ тонкихъ стружекъ. Эти стружки выставляютъ на солнцѣ; солнце ихъ пригрѣваетъ; онѣ растапливаются съ поверхности и при этомъ бѣлѣютъ. Затѣмъ воскъ опять стапливаютъ вмѣстѣ, опять выливаютъ въ воду, опять получаютъ стружки, выставляютъ на солнце и т. далѣе; такъ поступаютъ нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока воскъ не сдѣлается совсѣмъ бѣлымъ.

И такъ, вы видите, что бѣлить воскъ и холсты довольно легко, и при этомъ не требуется ничего, кромѣ солнца да воздуха; но такое бѣленіе оказывается во многихъ случаяхъ неудобно по своей дороговизнѣ. Какъ, спросите вы, по дороговизнѣ? Что жъ тутъ дорогаго? Солнце не купленное, да и вѣтеръ тоже! Это все такъ, да только, если вы подумаете, сколько понадобится мѣста для разстилки холста, котораго вырабатывается на иныхъ фабрикахъ по нѣскольку сотъ кусковъ въ день, да припомните, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фабрики, земля дорога, то вамъ будетъ ясно, что дешевый способъ станетъ дорогимъ, да притомъ этимъ способомъ холстъ бѣлится очень долго, а фабриканту не выгодно долго дожидаться; ему лучше поскорѣе продать товаръ, да пустить деньги въ оборотъ. Поэтому-то для того, чтобы бѣлить холсты, полотна и бумажныя ткани, придумали разные способы, и съ нѣкоторыми изъ тѣхъ веществъ, которыми бѣлятъ ткани, я васъ и познакомлю.

Начнемъ съ вещества наиболѣе знакомаго. Всѣ вы знаете сѣрныя спички. Для приготовленія ихъ употребляютъ сѣру. Сѣра, какъ вы видите, представляетъ вещество желтаго цвѣта, твердое. Если мы станемъ ее нагрѣвать, то она расплавится, подобно воску. Если мы зажжемъ ее, она загорится, какъ вы видите, голубоватымъ пламенемъ, причемъ выдѣляется очень удушливый газъ. Если его хотя немного попадетъ въ горло, то сильно закашляешься.

Навѣрное всякій изъ васъ знакомъ съ этимъ газомъ, такъ какъ онъ выдѣляется и при зажиганіи сѣрныхъ спичекъ. Сѣра на воздухѣ хотя и горитъ, но медленно. Если же мы зажжемъ ее не въ воздухѣ, а въ особомъ газѣ, который находится въ воздухѣ и называется кислородомъ, то сѣра загорится болѣе ярко.

Вотъ въ этой бутылѣ находится этотъ газъ, кислородъ; я опускаю туда зажженый кусокъ сѣры, и вы видите, какимъ яркимъ пламенемъ онъ загорѣлся (опытъ).

Когда кусокъ сѣры перестанетъ горѣть, то въ бутылѣ вмѣсто кислорода, который, подобно воздуху, не обладаетъ ни цвѣтомъ, ни запахомъ, будетъ другой газъ, который хотя и не обладаетъ цвѣтомъ, но отличается, какъ я уже сказалъ, очень рѣзкимъ и удушливымъ запахомъ. Газъ этотъ, получившій названіе сѣрнистаго газа, имѣетъ свойство обезцвѣчивать различныя краски. Для того, чтобы показать это, опускаю туда вотъ этотъ красный цвѣтокъ, который я, на вашихъ глазахъ, только что срѣзалъ. Черезъ нѣсколько минутъ, вы увидите, цвѣтокъ этотъ сдѣлается бѣлымъ.

Основываясь на свойствѣ сѣрнистаго газа обезцвѣчивать различныя красящія вещества, его употребляютъ для бѣленія тканей. Но бѣленіе сѣрнистымъ газомъ, производимое на заводахъ, рѣдко бываетъ прочнымъ. Большей частью сѣрнистый газъ бѣлитъ не всю ткань, а только поверхность ткани, и поэтому, при лежаніи такихъ предметовъ на воздухѣ, они принимаютъ свой первоначальный цвѣтъ. Точно также, если предметъ, обезцвѣченный сѣрнистымъ газомъ, опустить въ слабую кислоту, то окраска опять появляется. Вы видите, цвѣтокъ, который мы опустили въ сѣрнистый газъ, обезцвѣтился. Я опускаю его въ разведенную сѣрную кислоту (купоросное масло) и на вашихъ глазахъ онъ мало-по-малу пріобрѣтаетъ прежнюю окраску. Перейдемъ теперь къ другому веществу, могущему служить для бѣленія тканей.

Всѣ вы знаете поваренную соль. Оказывается, что изъ нея можно добыть особый воздухъ, или газъ, который можетъ служить для бѣленія тканей. Какъ добыть этотъ газъ изъ поваренной соли—я не буду разсказывать. Я покажу вамъ только этотъ газъ, который называется хлоромъ. Показать его можно, потому что онъ не безцвѣтенъ, а желтовато-зеленаго цвѣта. Вотъ въ этой бутылѣ онъ собранъ, и вамъ видно, что она желтовато-зеленаго цвѣта. Онъ очень удушливъ, и вдыхать его очень вредно. Подобно сѣрнистому газу, онъ обладаетъ способностью бѣлить ткани и др. предметы. Для того, чтобы показать вамъ его бѣлящее дѣйствіе, я опускаю въ него вотъ этотъ кусокъ полотна, окрашенный въ красный цвѣтъ, и вы видите, что кусокъ сейчасъ же побѣлѣлъ. Бѣлящее свойство хлора очень сильно, и его можно употреблять для бѣленія тканей, писчей бумаги и т. п. Но если бы пришлось пользоваться хлоромъ газообразнымъ, то это представило бы очень много неудобствъ. Во-первыхъ, газообразный, онъ занимаетъ много мѣста, во-вторыхъ сохранять его въ газообразномъ состояніи очень неудобно, и въ-третьихъ онъ дѣйствуетъ на ткань такъ сильно, что разрушаетъ ее. Поэтому то для бѣленія хлоръ замѣняютъ другимъ веществомъ, который приготовляютъ изъ извести и хлора. Вещество это называется бѣлильной известью или отбѣломъ. Для приготовленія бѣлильной извести берутъ гашеную известь, причемъ выбираютъ самые лучшіе ея сорта, и такую известь накладываютъ не толстымъ

слоемъ въ плоскіе большіе ящики, иногда расположенные другъ надъ другомъ этажами. Ящики эти дѣлаютъ или изъ известняка, или изъ осмоленнаго дерева. Въ эти ящики проводятъ хлоръ по свинцовымъ трубамъ. Хлоръ поглощается известью, и хотя по виду известь остается почти такимъ же бѣлымъ порошкомъ, но она принимаетъ удушливый запахъ хлора, и дѣлается способной бѣлить ткани, поэтому то она и называется бѣлильной известью или отбѣломъ. Передъ хлоромъ она имѣетъ то преимущество, что съ ней, какъ съ твердымъ веществомъ, гораздо легче обращаться, чѣмъ съ газообразнымъ хлоромъ; кромѣ того, она не такъ разрушительно дѣйствуетъ на ткани. Для того чтобы показать вамъ ея бѣлящее дѣйствіе. я произведу слѣдующій опытъ. Здѣсь вы видите кусокъ ткани. Я разболтываю въ водѣ нѣсколько бѣлильной извести и опускаю туда кусокъ кумача. Онъ остается безъ измѣненія. Я приливаю немного кислоты; вы видите кусокъ сейчасъ же обезцвѣтился. Это произошло оттого, что когда я прибавилъ къ бѣлильной извести кислоты, то изъ нея выдѣлился хлоръ, который и обезцвѣтилъ ткань. Основываясь на этомъ свойствѣ бѣлильной извести, ее употребляютъ въ громадномъ количествѣ для бѣленія льняныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей. При этомъ сперва хлопчатобумажныя ткани мочатъ въ горячей водѣ, отмывающей отъ нихъ грязь; затѣмъ, для того чтобы удалить жиръ, находящійся на нихъ, варятъ въ известковомъ молокѣ или растворѣ соды. Промытыя ткани оставляютъ на 20 или 30 часовъ въ растворѣ бѣлильной извести, ополаскиваютъ и варятъ въ щелокѣ. Вслѣдъ за этимъ ихъ опять отправляютъ во вторую ванну изъ бѣлильной извести, оставляя ихъ въ этой жидкости въ продолженіи 12—20 часовъ. Немедленно послѣ выхода изъ бѣлильной ванны, ткани прессуются между двумя цилиндрами и погружаются въ чанъ, содержащій слабый растворъ соляной или сѣрной кислоты. Отъ этого хлоръ дѣлается свободнымъ и производитъ бѣленіе тканей.

Я разсказалъ вамъ о самыхъ употребительныхъ способахъ бѣленія. Кромѣ этихъ веществъ. употребляются еще другія, для бѣленія тканей. Между ними нужно указать марганцовокислый патрій и перекись водорода. Особенно хорошо послѣднее вещество, въ виду того, что она не можетъ дѣйствовать разрушительнымъ образомъ на ткань, но въ виду дороговизны этого вещества, оно мало до сихъ поръ примѣнимо.

XIX.

О растительныхъ маслахъ.

Я. Я. Никитинскаго.

Были выставлены: модели растеній—льна, мака, горчицы, конопли, клещевины, хлопчатника и лалеманціи; образцы сѣмени льнянаго, рапсоваго, маковаго, горчичнаго, подсолнечнаго, коноплянаго, клещевиннаго, кунжутнаго, хлопковаго. оливки, жмыхи; образцы маселъ: льнянаго, сурѣпнаго, подсолнечнаго, горчичнаго, маковаго, клещевиннаго, коноплянаго, деревяннаго, прованскаго; образцы нефтянаго масла, служащаго для производства вазелиноваго масла; образцы: вазелиноваго, неочищеннаго и очищеннаго рапсоваго масла, кокосоваго орѣха и кокосоваго масла, фальшиваго деревяннаго масла, зеленина, пальмоваго масла. Опыты: извлеченіе масла эфиромъ, плаваніе масла на водѣ, опусканіе желѣза въ водѣ, нерастворимость масла и растворимость спирта въ водѣ, горѣніе подогрѣтаго масла, варка мыла ускореннымъ способомъ со спиртомъ, воспламененіе фальшиваго деревяннаго масла, горѣніе иностраннаго и фальшиваго деревяннаго масла въ лампадкахъ; образованіе пѣны при взбалтываніи.

Между различными растеніями есть много такихъ, плоды и сѣмена которыхъ содержатъ масло. Всѣмъ извѣстны, напр., ленъ, конопля, подсолнечникъ, сурѣпица, макъ, горчица, изъ сѣмянъ которыхъ получаются общеупотребительныя масла, въ количествѣ 8—12 фунтовъ на пудъ сѣмени; но кромѣ этихъ, есть еще множество другихъ растеній, сѣмена и плоды которыхъ извѣстны своею маслоносностью; таково оливковое дерево, дающее оливки, изъ которыхъ добывается прованское и деревянное масла; клещевина, изъ сѣмянъ которой получается извѣстное въ медицинѣ и примѣняемое при выдѣлкѣ кумача касторовое масло; сезамъ или кунжутъ, дающій прекрасное масло, пригодное для пищи; въ послѣднее время много говорятъ о лалеманціи, сѣмена которой содержатъ хорошее масло, могущее замѣнить собою льняное и т. д.

Для добыванія масла изъ масличныхъ плодовъ и сѣмянъ примѣняются два способа; одинъ способъ состоитъ въ отжиманіи масла, а другой въ извлеченіи его растворителями. Не касаясь подробностей этихъ способовъ, познакомимся съ ними только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Для того, чтобы *отжать масло* изъ содержащихъ его сѣмянъ или плодовъ, ихъ слѣдуетъ прежде всего измельчать, чтобы масло удобнѣе изъ нихъ

выходило, затѣмъ полезно подогрѣть, чтобы масло сдѣлалось жиже, и, наконецъ, измельченное и нагрѣтое сѣмя отжать подъ сильнымъ жомомъ или прессомъ. При этомъ масло вытекаетъ и собирается въ посуду, а въ прессѣ остаются жмыхи или избоина, представляющая собою очень питательный кормъ для скота. Отжиманіемъ можно получать почти всѣ извѣстныя масла и способъ этотъ введенъ повсюду. Другой способъ—*извлеченія масла растворителями*—менѣе извѣстенъ; способъ этотъ можно объяснить слѣдующимъ сравненіемъ. Если взять нечистой, обыкновенной поваренной соли, налить на нее воды и оставить постоять, то, какъ извѣстно, соль растворится вся, если было взято достаточно воды, а нерастворимою останется разная пыль и грязь, примѣшанныя къ соли. Если разсолъ слить съ осадка сора и грязи и поставить въ печь, то вода изъ разсола вся выпарится и останется чистая соль безъ примѣсей. Очищеніе соли основано на растворенiи ея въ водѣ и удаленiи растворителя (воды) нагрѣваніемъ и выпариваніемъ. Подобное этому дѣлается и при извлеченiи масла изъ сѣмянъ растворителями, только здѣсь вмѣсто воды употребляется нефтяной эфиръ или всѣмъ извѣстный бензинъ; въ бензинѣ масло легко растворяется (какъ въ водѣ соль), между тѣмъ, какъ другія составныя части сѣмени—избоина—въ немъ не распускаются. Если, поэтому, измельчать сѣмя и налить на него бензина, то въ бензинъ перейдетъ изъ сѣмени все масло; если затѣмъ бензинный растворъ масла слить съ оставшейся нерастворенною избоины и нагрѣвать, то бензинъ испарится и оставитъ чистое масло. Способъ извлеченія маслъ растворителями кое-гдѣ примѣняется для полученія деревяннаго масла, рапсоваго, льнянаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Масла, добытыя тѣмъ или другимъ путемъ, нѣсколько схожи другъ съ другомъ; они, какъ говорятъ, имѣютъ нѣсколько *общихъ свойствъ*. Я лью первое попавшееся подъ руку масло въ воду, и вы видите, что оно не тонетъ на водѣ; беру другой образецъ, и вы замѣчаете также, что масло всплываетъ на поверхность воды. Наоборотъ,—кусокъ желѣза, ртуть въ водѣ тонутъ. Это указываетъ, что масло легче воды, а желѣзо, ртуть тяжелѣе его. Нѣтъ ни одного масла, которое было бы тяжелѣе воды, всѣ они легче ея, т. е. плаваютъ на ней. Это первое ихъ общее свойство.

Возьму спиртъ, подкрашенный краскою, вливаю его въ воду, и перемѣшиваю; вы видите, что спиртъ равномѣрно распредѣлился въ водѣ, распустился, растворился въ ней; такой растворъ спирта въ водѣ извѣстенъ подъ именемъ водки: въ ней нельзя отличить по отдѣльности ни воды, ни спирта. Говорятъ, что спиртъ *растворяется* въ водѣ. Если влить масло въ воду, и взболтать ихъ, то они не смѣшиваются, масло всплываетъ на поверхность воды и совершенно отдѣлится отъ нея. Говорятъ, что масло *нерастворимо* въ водѣ, и не только взятое нами масло, но всѣ рѣшительно масла въ водѣ не растворимы. Это второе ихъ общее свойство. Но за то всѣ они растворимы, какъ уже мы знаемъ, въ бензинѣ, а также въ скипидарѣ. Всѣ масла горючи. Если масло подогрѣть и поднести къ нему огонь, то оно воспламенится и будетъ продолжать горѣть, пока совсѣмъ не выгоритъ. На этомъ основано примѣненіе масла для освѣщенія, причемъ въ лампадку опускается свѣтильня, всасывающая масло, которое и горитъ на концѣ ея.

Всѣ масла, если ихъ сварить со щелокомъ, даютъ мыло; напр., знаменитое марсельское мыло готовится именно изъ деревяннаго масла и ѣдкой соды; фабричное зеленое мыло варится изъ конопляного, льнянаго масла и поташнаго щелока и т. д. Это свойство—давать масла—общее всѣмъ безъ исключенія масламъ и для этой цѣли они часто примѣняются. Извѣстно также, что масло уменьшаетъ треніе, поэтому имъ смазываютъ разныя машины и механизмы.

Вотъ свойства, общія всѣмъ масламъ; но есть еще свойства, принадлежащія однимъ изъ нихъ и не имѣющіяся у другихъ. Напр., одни масла высыхаютъ, а другія не высыхаютъ; поэтому одни называются высыхающими, другія—не высыхающими; къ первымъ принадлежитъ, напр., льняное масло; если его намазать на доску и доску оставить на воздухѣ, то масло черезъ нѣкоторое время высохнетъ и превратится въ кожистый слой. На этомъ свойствѣ высыхающихъ маслъ основано окрашиваніе масляными красками; при этомъ масло, свѣжее, или вареное, стирается съ краской и намазывается на окрашиваемый предметъ. Масло черезъ нѣсколько времени высыхаетъ и удерживаетъ краску. Другія масла, какъ напр. сурѣпное, подсолнечное и др., не высыхаютъ, а только горькнутъ и превращаются въ клейкую массу; они для окраски не годятся. Другое свойство, присущее не всѣмъ масламъ, есть удобоваримость ихъ. Одни масла, напр. оливковое, конопляное, подсолнечное, маковое, вполнѣ пригодны въ пищу; наоборотъ—сурѣпное, касторовое и нѣкоторыя другія въ пищу не годятся, потому что плохо перевариваются, а касторовое масло имѣетъ еще всѣмъ извѣстное свойство, изъ-за котораго оно употребляется въ медицинѣ. Наконецъ, каждое масло имѣетъ и такія свойства, которыя отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ маслъ—особый вкусъ, запахъ и нѣкоторыя другія свойства; никто, напр., не смѣшаетъ деревяннаго масла съ коноплянымъ, или подсолнечнаго съ льнянымъ. Но вслѣдствіе присущихъ масламъ общихъ свойствъ

примѣсь ихъ одного къ другому не всегда легко различается, и потому въ торговлѣ часто примѣшиваютъ болѣе дешевыя масла къ дорогимъ и продаютъ за дорогія. Есть, напр., растеніе хлопчатникъ, на которомъ выростаютъ коробочки, и въ этихъ коробочкахъ находятся сѣмена, а на сѣменахъ сидятъ волоски, называемые хлопкомъ. Нынѣ добывается много милліоновъ пудовъ хлопка, идущаго для производства бумажныхъ тканей, и при добываніи его остается также много милліоновъ пудовъ сѣмянъ, содержащихъ масло; это хлопчатниковое масло нынѣ добывается въ очень большихъ количествахъ вездѣ, гдѣ растетъ хлопокъ, — въ Америкѣ, Египтѣ, въ Индіи и у насъ на Кавказѣ, и масло это, совсѣмъ прозрачное и безцвѣтное, какъ вода, идетъ, между прочимъ, въ подмѣсь къ оливковому—прованскому и деревянному маслу за границей. Примѣсь хлопчатниковаго масла къ прованскому отличить не легко и потому подмѣшанное имъ прованское масло въ торговлѣ легко сходитъ за чистое прованское. Въ нашей, напр., московской торговлѣ, трудно достать чистое прованское масло; во всякомъ случаѣ за него надо заплатить дорого.

Другой, особенно разительный примѣръ подмѣшиванія однихъ маселъ къ другимъ представляетъ деревянное масло. Деревянное масло добывается прессованіемъ оливокъ, плодовъ оливковаго дерева. Изъ этихъ плодовъ прессованіемъ безъ нагрѣванія получается вышеупомянутое прованское масло, а съ нагрѣваніемъ — худшій сортъ — деревянное. Масло это привозится къ намъ изъ за-границы, главнымъ образомъ изъ Испаніи, Франціи, Италіи и изъ Греціи, гдѣ оливковое дерево растетъ очень хорошо. Мы могли бы имѣть и свое деревянное масло, еслибы обратили надлежащее вниманіе на разведеніе оливковаго дерева, именно на Кавказѣ. Здѣсь, напр. въ Сухумѣ, есть роща оливковыхъ деревьевъ, дающихъ вполнѣ годные въ пищу плоды; тѣ же деревья встрѣчаются въ дикомъ состояніи въ рощахъ Закавказья. Но пока Россія получаетъ деревянное масло для возжиганія въ лампадахъ передъ образами изъ за-границы. Это заграничное масло приходитъ къ намъ не вполнѣ чистое, оно подмѣшивается преимущественно масломъ, получаемымъ изъ сѣмянъ хлопчатника, но все-таки подмѣсь эта незначительна и привозное деревянное масло можетъ считаться вполнѣ пригоднымъ для лампаднаго освѣщенія.

По вступленіи въ Россію иностранное масло подвергается ряду операцій, которыми изъ пуда этого масла дѣлается 40—10 пудовъ, посредствомъ примѣшиванія къ нему разныхъ другихъ маслъ, и получается такое деревянное масло, въ пудѣ котораго имѣется настоящаго деревяннаго всего 4—5 ф., а то и совсѣмъ его нѣтъ. Для подмѣси къ деревянному маслу употребляются: нефтяное масло, называемое вазилиновымъ, рапсовое или сурѣпное, кокосовое и нѣкоторыя другія.

Вазилиновое масло получается изъ нефти отгонкою и очисткою посредствомъ купороснаго масла и отмывки водою. Этимъ путемъ получается масло безцвѣтное, безвкусное и безъ запаха, такое масло, которому можно придать любой цвѣтъ, вкусъ и запахъ. И вотъ это-то нефтяное масло служитъ главнѣйшимъ матеріаломъ для производства фальшиваго деревяннаго масла, потому что въ пудѣ этого послѣдняго содержится отъ 8 до 30 фунтовъ вазилиноваго масла.

Другимъ матеріаломъ для производства фальшиваго деревяннаго масла служитъ рапсовое масло, очищенное купороснымъ масломъ и промытое въ водѣ. Кромѣ того, для густоты къ смѣси прибавляется еще кокосовое масло, которое сообщаетъ также маслу запахъ, немного напоминающій запахъ деревяннаго масла.

Если принять во вниманіе, что пудъ вазилиноваго масла стоитъ въ Москвѣ 5—6 р., пудъ очищеннаго рапсоваго масла—до 5 р. и пудъ кокосоваго масла 5 р. 50 к.—6 р., а иностранное деревянное масло продается не дешевле 11 р. за пудъ, то понятна выгода подмѣшиванія всѣхъ этихъ маслъ къ деревянному. Если себѣ фальшивое масло обходится въ 7 р., то, при продажѣ его за деревянное, въ пользу заводчиковъ и продавцовъ остается не менѣе 4 р. съ пуда; по фунтамъ фальшивое масло продается 27—29 и 30 к., между тѣмъ какъ себѣ оно обходится не болѣе 18 коп.

Если указанныя выше масла: вазилиновое, рапсовое и кокосовое перемѣшать между собою и прибавить къ смѣси немного деревяннаго масла, то получается продуктъ, который мы назвали фальшивымъ деревяннымъ масломъ. Для большаго сходства съ настоящимъ масломъ, къ фальшивому прибавляется еще зеленая выварка, называемая зелениномъ, или оно варится съ свѣжей крапивой и лавровымъ листомъ; отъ этихъ примѣсей фальшивое масло дѣлается зеленымъ; если же надо сдѣлать рыжеватое деревянное масло, то прибавляется пальмовое масло.

Сколько производится фальшиваго деревяннаго масла въ Россіи—этого мы не знаемъ, но о величинѣ этого производства можно судить по Москвѣ, въ которой выдѣлывается въ годъ не менѣе милліона пудовъ фальшиваго товара, которымъ завалены всѣ магазины и лавки Москвы и которое отсюда развозится во всѣ концы Россіи. Въ Москвѣ есть, напр., заводы, выдѣлывающіе въ годъ до 250,000 пуд., есть работающіе по 100,000 пуд., по 25,000 пуд. и пр.; наконецъ, есть много мелкихъ мастерскихъ, въ которыхъ за день готовится всего 2—3 пуда этого масла. Кромѣ Москвы, по-

добные же заводы извѣстны въ С.-Петербургѣ, въ Ригѣ, Ростовѣ, Одессѣ и другихъ русскихъ городахъ. Поэтому, врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что вся Россія выдѣлываетъ не менѣе 2 милл. пуд. фальшиваго деревяннаго масла.

Посмотримъ, каково это масло? Вы, вѣроятно, слыхивали о случаяхъ, какихъ прежде никогда не бывало, именно о взрывахъ и воспламененіи масла въ лампадахъ и о пожарахъ, отъ того происходящихъ. Происходитъ это оттого, что настоящее деревянное масло надо очень сильно нагрѣть, чтобы оно воспламенилось отъ пламени свѣтильни; во всякомъ случаѣ огня свѣтильни очень для этого недостаточно; между тѣмъ, фальшивое деревянное масло уже при меньшемъ нагрѣваніи, чѣмъ настоящее, воспламеняется, и потому, понятно, можетъ загорѣться отъ пламени свѣтильни, особенно, если лампада горитъ въ жарко натопленной комнатѣ. Еще болѣе опасно то масло, которое выдѣлывается въ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ вмѣсто хорошаго вазилиноваго масла употребляютъ плохіе сорта его и даже керосинъ.

И такъ, фальшивое деревянное масло огнеопасно. Другой очень важный недостатокъ его легко замѣтенъ при горѣніи въ лампадахъ. Отъ настоящаго деревяннаго масла пламя свѣтильни ясное, свѣтлое, короткое и не коптящее, между тѣмъ какъ при горѣніи фальшиваго масла пламя тянется, оно очень длинное и коптящее. Копоть, выдѣляющаяся при горѣніи фальшиваго масла, очень велика Она чернитъ все, на что садится, и особенно вредна для живописи и церковныхъ украшеній, а также для дыханія людей.

Въ виду таковыхъ свойствъ фальшиваго масла, важно умѣть отличать его отъ настоящаго. Укажемъ только самые простые пріемы, къ которымъ относится наблюденіе пламени лампадъ; если пламя длинное и коптящее, то это можетъ служить признакомъ фальшиваго масла Еще проще наблюдать, что произойдетъ при взбалтываніи масла. Фальшивое масло при этомъ пѣнится и пузырится и пузыри отсвѣчиваютъ радужными цвѣтами, тогда какъ настоящее даетъ лишь мелкіе пузырьки и не пѣнится. Пузырьки въ фальшивомъ маслѣ поднимаются очень быстро, а въ настоящемъ—очень медленно. При взбалтываніи настоящаго масла, ясно замѣчается, что оно густо, а фальшивое—жидко.

XX.

Нефть и керосинъ.

К. И. Тумскаго.

Были выставлены образцы сырой нефти, нефтяныхъ остатковъ, керосина, бензина, вазелина и сиазочныхъ маслъ, перегонный кубъ съ холодильникомъ, купоросное масло, ѣдкая сода. Туманныя картины. Видъ буровой вышки, видъ Брадфорда, видъ Баку, часть керосиноваго завода, видъ нефтяной станціи, видъ наливной баржи и наливныхъ вагоновъ.

Многіе еще живо помнятъ то время, когда улицы тускло освѣщались конопляннымъ масломъ, въ домахъ горѣла вѣчно оплывающая сальная свѣча съ неизбѣжными, огромной величины, щипцами для сниманія нагара, а деревня пользовалась въ длинные зимніе вечера простою лучиной, съ трескомъ и дымомъ слабо освѣщавшей крестьянское жилье. Все это было, и было недавно, но обо всемъ этомъ теперь и помину нѣтъ. Въ наше время вездѣ горятъ керосиновыя лампы, доставляя и богатымъ, и бѣднымъ дешевый и яркій свѣтъ. Что же такое керосинъ, изъ чего и какъ онъ добывается?

Добывается онъ изъ такъ называемой *нефти*. Это темнобурая жидкость, съ сильнымъ и непріятнымъ запахомъ, образующая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительныя скопленія подъ землею. Нефтяные источники найдены во многихъ мѣстахъ, но самые богатые изъ нихъ находятся въ Сѣверной Америкѣ и у насъ на Кавказѣ.

Въ 2300 верстахъ отъ Москвы, на берегу Каспійскаго моря, лежитъ губернскій городокъ Баку, съ 64 тысячами жителей. Окрестности этого города изобилуютъ нефтяными источниками, въ особенности Балахано-сабунчинская площадь, лежащая близъ деревень Балаханы и Сабунчи, и занимающая около 7 кв. верстъ. Здѣсь добывается въ настоящее время около 120.000.000 пуд. нефти, доставляющихъ около 50.000.000 пуд. керосина. Заводы, на которыхъ нефть подвергается перегонкѣ и очищенію, расположены возлѣ самаго г. Баку, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ чорнаго города. Бакинская губ. только въ 1813 г. отошла отъ Персіи къ Россіи, а правильное добываніе нефти и керосина началось не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ.

Хотя нефть была здѣсь извѣстна уже съ древнѣйшихъ временъ и персы издавна занимались ее добываніемъ, но она не имѣла никакого промышленнаго значенія. Ею пользовались для освѣщенія, сожигали въ простыхъ глиняныхъ горшкахъ, наз. чираками, употребляли на смазку кожъ, колесъ, какъ лѣкарственное средство противъ ревматизма и накожныхъ сыпей.

Давно также было извѣстно, что около Баку есть мѣста, гдѣ изъ трещинъ земли выдѣляется въ изобиліи горючій газъ, которымъ мѣстные жители въ теченіи многихъ лѣтъ пользуются для выжиганія извести.

Въ особенности славится источниками горючаго газа деревня Сураханы, гдѣ нѣкогда былъ построенъ индѣйскій храмъ огнепоклонниковъ, въ которомъ горѣніемъ вытекающаго изъ земли газа поддерживается неугасаемый вѣчный священный для нихъ огонь. Объ этихъ странныхъ людяхъ одинъ изъ путешественниковъ пишетъ, что „ходятъ они наги и босы, питаются кореньями и плодами, и каждый изъ нихъ представляетъ собою скелетъ, на которомъ натянута черная кожа!“. Всѣ огнепоклонники вымерли и въ настоящее время храмъ этотъ стоитъ пустой.

Первый заводъ для очистки нефти и приготовленія изъ нея керосина былъ устроенъ въ городѣ Моздокѣ въ 1823 г. крестьянами Владимірской губ., братьями Дубиниными, крѣпостными графини Паниной. На своемъ маленькомъ заводѣ Дубинины очищали нефть и получали изъ черной вонючей жидкости, горящей съ копотью и запахомъ, освѣтительную жидкость слегка желтоватаго цвѣта и съ очень слабымъ запахомъ, которая горитъ безъ копоти. Первоначально нефть добывали очень простымъ способомъ, а именно: копали неглубокія ямы, въ которыя нефть просачивалась и ее вычерпывали горшками. Но такъ можно было добыть только самое незначительное количество жидкости. Чтобы получить больше, стали рыть болѣе или менѣе глубокіе колодцы саженъ до 20-ти, при чемъ нефть вычерпывали изъ нихъ бурдюками (мѣшокъ изъ цѣльной шкуры, напр. бараньей). Но и колодцы давали мало нефти, и нужно было еще глубже идти въ землю, пришлось бурить, проводить, такъ называемыя, *буровыя скважины*. Буровая скважина представляетъ собою тоже колодезь, но только весьма глубокій, въ Баку до 130 саж. (т. е. болѣе $^1/_4$ версты), а въ Америкѣ до 430 саж. (т. е. около версты) и узкій (отъ $^1/_2$—1 фута), въ который опускается цилиндрическая желѣзная труба, образующая, такимъ образомъ, стѣнки буровой скважины. Чтобы дойти такимъ образомъ до слоевъ земли, содержащихъ нефть, необходимо просверлить земную кору на довольно значительную глубину. Для этого употребляются обыкновенно стальныя сверла или буры, сдѣланные изъ металла по возможности твердаго, такъ какъ съ помощью этихъ инструментовъ, смотря по свойствамъ грунта, приходится проходить или мягкія породы, каковы: глины, пески и пр., или, наоборотъ, очень твердыя: песчаники, известняки и т. п. Буръ подвѣшивается на канатѣ, или прикрѣпляется къ желѣзной штангѣ. Въ 1-мъ случаѣ буреніе называется канатнымъ или ударнымъ (буръ, падая съ извѣстной высоты, пробиваетъ грунтъ), во 2-мъ штанговымъ или вращательнымъ, потому что здѣсь буреніе производится простымъ вращеніемъ бурава). Надъ каждой буровой скважиной строится довольно высокая деревянная вышка пирамидальной формы. (показывается рисунокъ). Въ ней на верху укрѣпляются шкивы для цѣпей и канатовъ, и помѣщаются всѣ бурильныя приспособленія.

Когда буръ дойдетъ до нефтеноснаго слоя, буреніе прекращаютъ, весь инструментъ вынимаютъ изъ скважины и начинаютъ вычерпывать нефть при помощи узкаго цилиндрическаго ведра, называемаго желонкой. Желонка бываетъ длиною сажени 2 и вмѣщаетъ до 30 пудовъ нефти.

Опусканіе и подыманіе бура и желонки производится большею частію при помощи паровой машины и только въ рѣдкихъ случаяхъ при неглубокихъ скважинахъ — лошадиной силой. Буровыя скважины закладываются обыкновенно по сосѣдству, близко одна около другой, вышки стоятъ почти совсѣмъ рядомъ, сообщая всей нефтеносной площади своеобразный видъ. Это изображаетъ центръ американской нефтяной промышленности— городъ Брадфордъ, окрестности котораго представляютъ собою сплошной лѣсъ буровыхъ вышекъ.

Заложеніе всякой новой буровой скважины сопряжено съ большими расходами и въ то же время съ большимъ рискомъ. Не рѣдко изъ буровой вмѣсто нефти извергаются горючіе газы или выходитъ простая соленая вода; нѣкоторыя буровыя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ даютъ приблизительно одинаковое количество нефти, другія—наоборотъ, быстро истощаются и ихъ приходится бросать. Въ текущемъ году въ Баку считается всего 500 буровыхъ скважинъ, но изъ нихъ только 200 служатъ для добыванія нефти, доставляя каждая около 3000 пуд. въ сутки. Наконецъ, довольно часто случается, что во время буренія, когда дойдутъ до нефтеноснаго слоя, нефть, подъ напоромъ всегда сопровождающихъ ее газовъ, съ огромной силою выбрасывается изъ буровой скважины, въ видѣ фонтана, на болѣе или менѣе значительную высоту, саженъ до 50. Струя нефти, извергаемая изъ буровой скважины, несетъ съ собою песокъ, камни, разрушаетъ вышку и нерѣдко выбрасываетъ буровые инструменты. Фонтанъ бушуетъ и укротить его очень трудно. Количество нефти, выки-

дываемое фонтаномъ, бываетъ различно и доходитъ до 400.000 пуд. въ сутки. Она пропитываетъ собою почву и образуетъ вокругъ буровой скважины цѣлыя озера, занимающія по нѣсколько десятинъ. Такая нефть уже не годится для добыванія керосина и употребляется только, какъ топливо. Бывали случаи, что нефть, выкидываемая фонтаномъ, воспламенялась, и тогда изъ буровой взвивался огромный огненный столпъ, наводя ужасъ на все окрестное населеніе. Нефтяные пожары вообще отличаются своей неукротимой силою. Погасить ихъ почти невозможно и они обыкновенно прекращаются только сами собою, когда все сгоритъ.

Такимъ образомъ изъ нѣдръ земныхъ извлекается драгоцѣнная по своимъ свойствамъ жидкость, именуемая нефтью. Прямо въ томъ видѣ какъ она добывается, она не имѣетъ почти никакихъ примѣненій. Ее можно употреблять какъ топливо, какъ матеріалъ для приготовленія свѣтильнаго газа—и только. Для того, чтобы получить изъ нея почти безцвѣтное освѣтительное масло, извѣстное у насъ подъ названіемъ керосина, ее нужно подвергнуть извѣстной обработкѣ. На керосиновыхъ заводахъ нефть перегоняютъ въ желѣзныхъ клепаныхъ котлахъ различной вмѣстимости. Котлы вмазаны въ печь и постепенно нагрѣваются градусовъ до 350, при чемъ изъ нефти выдѣляются пары, идущіе изъ котловъ въ такъ называемые холодильники (желѣзныя или чугунныя трубы, погруженныя въ воду) и здѣсь подвергаются сгущенію. Получается желтоватаго цвѣта жидкость съ довольно сильнымъ запахомъ; жидкость эта на воздухѣ скоро желтѣетъ, принимаетъ болѣе темный цвѣтъ и тогда плохо горитъ въ лампахъ. Ее поэтому очищаютъ купороснымъ масломъ, потомъ ѣдкой содой, промываютъ водой и, такимъ образомъ, получаютъ то, что называется *керосиномъ*. Изъ нѣкоторыхъ сортовъ нефти въ началѣ перегонки выдѣляется очень летучее и безцвѣтное масло, извѣстное подъ названіемъ *бензина*. Въ перегонныхъ котлахъ остается почти черная жидкость съ сильнымъ пригорѣлымъ запахомъ. Это—нефтяные остатки, которыми пользуются какъ топливомъ для нагрѣванія перегонныхъ котловъ. На нѣкоторыхъ заводахъ изъ нефтяныхъ остатковъ приготовляютъ еще разнаго рода густыя масла, идущія на смазку машинъ, и вазелинъ, замѣняющій въ аптекахъ свиное сало.

Прежде керосинъ, приготовленный на заводахъ, наливали въ прочныя дубовыя бочки и въ такомъ видѣ везли на пароходахъ по Волгѣ и Каспійскому морю и далѣе по желѣзной дорогѣ. Но бочки обходятся дорого и все-таки довольно плохо держатъ масло, часть его вытекаетъ, часть улетучивается и потому всегда происходитъ большая или меньшая потеря. Въ настоящее время керосинъ перевозятъ наливомъ, для чего строятся особыя наливныя баржи и наливные желѣзнодорожные вагоны. Для храненія нефти и керосина устраиваются большіе желѣзные резервуары. Нѣсколько такихъ резервуаровъ съ насосами для накачиванія и выкачиванія составляютъ нефтяную станцію. Въ Баку керосинъ изъ резервуаровъ накачивается въ баржи и везется водой до Царицына; здѣсь опять станція, опять перекачка въ резервуары, а изъ нихъ въ наливные вагоны. Далѣе путь по желѣзной дорогѣ, положимъ до Москвы. Здѣсь тоже близъ станцій, гдѣ происходитъ разгрузка, керосинъ изъ наливныхъ вагоновъ, перекачивается въ резервуары.

Для того, чтобы получить столь дешевый и полезный продуктъ, какимъ является керосинъ, требуется много труда и затратъ. Заложеніе буровыхъ скважинъ и добываніе нефти, затѣмъ перегонка и очищеніе на особыхъ заводахъ, храненіе въ дорого стоющихъ резервуарахъ, перевозка въ особыхъ баржахъ и вагонахъ. И все это крупное промышленное дѣло, оцѣниваемое теперь милліонами рублей, создалось въ очень короткое время и составляетъ уже важный источникъ народнаго богатства. Но нефть доставляетъ намъ не только свѣтъ, но и тепло. Она представляетъ собою превосходное, лучшее изъ всѣхъ видовъ топлива, употребляемыхъ въ практикѣ. Въ настоящее время нефтяные остатки примѣняются для отопленія на волжскихъ и каспійскихъ пароходахъ, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ и на многихъ фабрикахъ и заводахъ.

XXI.

Объясненіе коллекцій по сахароваренію.

Я. Я. Никитинскаго.

Были выставлены: модели свекловицы, сахарный тростникъ, сѣмена свекловицы, модель свеклосахарнаго завода, прессовый жомъ, салфетки, терочныя пилы, сахарный песокъ разныхъ качествъ, патока черная и рафинадная, дефекаціонная грязь, костяной уголь, сахаръ рафинадъ головчатый и плитчатый, сахаръ пиленый и колотый.

На одной сторонѣ выставленной передъ вами коллекціи вы видите свекловицу, а на другомъ—сахаръ рафинадъ. Цѣль моего объясненія состоитъ въ томъ, чтобы показать какъ получить продуктъ—сахаръ изъ матеріала—свекловицы.

Каждый изъ васъ знаетъ, что такое свекла; всякій знаетъ, что она сладка; въ 1747 году, т. е. 139 лѣтъ тому назадъ, одинъ нѣмецкій аптекарь, по фамиліи Маргграфъ первый разъ нашелъ въ свекловицѣ сахаръ и получилъ его изъ пуда красной свеклы около 2 фунтовъ, а изъ пуда бѣлой—больше, именно $2^1/_2$ фунта. Послѣ того какъ Маргграфъ сдѣлалъ это очень важное открытіе, оно долго оставалось безъ всякаго вниманія, потому что въ то время за-границей, да и у насъ въ Россіи, преимущественно употребляли американскій сахаръ, получаемый изъ сахарнаго тростника, сокъ котораго, также какъ и свекловица, содержитъ сахаръ. Но въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія цѣны на этотъ сахаръ поднялись чрезвычайно, а именно въ 1811 году цѣна фунта тростниковаго сахара доходила до $2^1/_2$ рублей. Тогда европейцы обратили вниманіе на открытіе Маргграфа и начали разводить особую свекловицу, богатую сахаромъ и названную сахарной свекловицей. Въ то же время начали открываться одинъ за другимъ свекловичные заводы. У насъ въ Россіи первый свеклосахарный заводъ былъ основанъ въ 1802, а второй въ 1809 году.

Свекловица принадлежитъ къ числу двулѣтнихъ растеній, т. е. на первый годъ она даетъ листья и корень, а на второй стебель съ цвѣтками и сѣменами. Такъ какъ для сахарнаго дѣла нуженъ корень, то свекловица выкапывается изъ земли на первый же годъ. Корень бываетъ или грушевидный, или веретенообразный; хорошая свекловица не должна быть очень мелка, или очень крупна, она должна вѣсить не больше $2^1/_2$ Ф.; если корни мелки, то съ десятины собирается мало свекловицы по вѣсу; если же, наоборотъ, корни слишкомъ крупны, то они водянисты—содержатъ мало сахара. При разведеніи свекловицы надо заботиться о томъ, чтобы корень по возможности былъ прикрытъ землею и мало высовывался изъ нея, потому что надземная часть корня—головка—зеленѣетъ и содержитъ мало сахара. Разводимую теперь свекловицу считаютъ хорошею, если въ пудѣ ея содержится $5^1/_2$—6 фунтовъ сахара, хотя содержаніе его доходитъ и до 7 слишкомъ фунтовъ. Чѣмъ долѣе остается въ землѣ корень свекловицы, тѣмъ больше въ немъ собирается сахару, поэтому выгодно было бы выдержать свекловицу осенью какъ можно долѣе въ землѣ, но слѣдуетъ опасаться морозовъ, потому что бываетъ иногда, что вслѣдствіе замерзанія почвы свекловица такъ и остается въ землѣ. Поэтому, выдержавъ свекловицу въ землѣ насколько можно, ее затѣмъ выкапываютъ и тотчасъ же начинаютъ переработку ея на сахаръ. Такъ какъ варка сахара, начинаясь въ сентябрѣ и октябрѣ, кончается къ Рождеству, то за это время необходимо свекловицу сохранять. Если ее свалить просто кучами, то она сопрѣетъ и загніетъ внутри кучи, а снаружи обмерзнетъ; мерзлая же свекловица даетъ меньшій выходъ сахара. Для храненія свекловицы роютъ канавы, устилаютъ дно ихъ хворостомъ, наваливаютъ свекловицу и сверху закрываютъ соломой, оставляя кое-гдѣ отдушины. Какъ только свекловица въ канавахъ начнетъ разогрѣваться, такъ отдушины отпираютъ; а какъ настанутъ сильные морозы, отдушины затыкаютъ, и сверхъ саломы насыпаютъ еще земли. Изъ канавы, по мѣрѣ надобности, свекловицу выгребаютъ

наваливаютъ на возы и отвозятъ на заводъ, гдѣ она прежде всего промывается, потому что она покрыта землей, кое-гдѣ къ ней пристали камешки и пр. Промывка эта дѣлается въ планчатыхъ барабанахъ, которые ворочаются погруженные на-половину въ корытѣ, куда постоянно протекаетъ вода. При этомъ свекловица слегка перетирается и такимъ образомъ очищается. Въ послѣднее время за-границей выдумали очень остроумный способъ перевозки свекловицы изъ канавъ на заводъ и въ то же время промывки ея. Для этого отъ канавы до завода устраиваютъ на столбахъ широкій желобъ, въ который около канавъ накачивается вода, такъ что по желобу течетъ цѣлый ручей. Если забрасывать изъ канавы въ такой ручей свекловицу, то она плыветъ внизъ по теченію и при этомъ корни трутся одинъ о другой и о стѣнки желоба, такъ что на заводъ она приплываетъ промытою. Въ желобъ накачивается не холодная, а тепловатая вода, которой много есть всегда на свеклосахарномъ заводѣ и потому ни вода, ни свекловица не мерзнутъ зимою въ желобахъ, даже наоборотъ, если въ желобъ поступаетъ мерзлая свекловица, то она оттаиваетъ.

Промытая свекловица затѣмъ измельчается. Производится это на теркѣ, состоящей изъ барабана, усаженнаго пилами и быстро вращающагося; въ особую воронку наваливается свекловица и придавливается къ барабану, который скоблитъ ее и такимъ образомъ измельчаетъ; получается мягкая кашица или мязга. Кашица эта накладывается на холщевыя салфетки, которыя потомъ завертываются въ видѣ конверта и укладываются въ прессъ, причемъ каждая салфетка съ мязгой перекладывается желѣзнымъ листомъ. Посредствомъ пресса изъ кашицы выжимается сокъ, содержащій сахаръ. Въ салфеткахъ остается жомъ, который представляетъ хорошій кормъ для скота. Есть и другіе способы извлеченія сока изъ свекловицы. Если, напр., нарѣзать свекловицу маленькими кусочками и полученную такъ рѣзку погрузить въ воду, то вода вытянетъ изъ свекловицы весь сокъ.

Какими бы способами ни получали мы сокъ, онъ всегда, кромѣ сахара и воды, содержитъ разныя примѣси, которыя надо сначала удалить. Для очистки сока, его нагрѣваютъ въ большихъ мѣдныхъ чанахъ съ погашенной и разболтанной въ водѣ известкой, съ такъ называемымъ известковымъ молокомъ, а потомъ впускаютъ въ смѣсь углекислый газъ, который получается или сожиганіемъ угля, или обжиганіемъ известняковъ. Тогда изъ сока вся известь садится на дно въ видѣ мѣла и при этомъ осажденіи захватываетъ съ собою разныя примѣси. Давъ отстояться соку, его сливаютъ съ осадка, а осадокъ промываютъ и затѣмъ употребляютъ какъ удобреніе на свекловичныя поля.

Очищенный сокъ затѣмъ пробѣливается; для этого его процѣживаютъ черезъ костяной уголь, получаемый прокаливаніемъ кости. Если черезъ такой уголь пропустить окрашенный сокъ, то онъ теряетъ свою окраску и дѣлается вполнѣ свѣтлымъ и безцвѣтнымъ.

Очищенный и пробѣленный сокъ содержитъ главнымъ образомъ воду, сахаръ и немного неудаленныхъ еще примѣсей. Чтобы получить изъ него сахаръ, надо прежде всего постараться удалить изъ сока воду; это достигается въ особыхъ аппаратахъ, называемыхъ вакуумъ аппаратами. Вакуумъ аппаратъ представляется въ видѣ шарообразнаго котла, на днѣ котораго находятся горячія трубы, нагрѣваемыя паромъ изъ пароваго котла. Если налить въ такой аппаратъ сокъ, то трубы скоро нагрѣваютъ его и онъ закипаетъ, причемъ изъ него вода удаляется въ видѣ пара. Но если продолжать такимъ образомъ упариваніе дальше, то сокъ начинаетъ какъ бы пригорать и окрашивается въ бурый цвѣтъ. Чтобы этого избѣжать, изъ шарообразнаго котла постоянно выкачиваютъ вновь образующіеся пары и упариваніе сока во-первыхъ этимъ сильно ускоряется, а во-вторыхъ уменьшается его окрашиваніе. Мало-по-малу жидкій сокъ превращается въ густой сиропъ. Тогда въ котелъ подкачиваютъ еще сока, опять упариваютъ и продолжаютъ такую подкачку до тѣхъ поръ, пока не наберется полкотла сиропа. Въ пудѣ сиропа содержится уже около 32 фунтовъ сахара. Стоитъ только охладить сиропъ при постоянномъ перемѣшиваніи и изъ него выдѣлится сахаръ въ видѣ мелкихъ кристалловъ—этотъ продуктъ называется сахарнымъ пескомъ, а жидкая часть, не превратившаяся въ кристаллы—носитъ названіе патоки. Прежде всего патока отцѣживается отъ сахарнаго песка и послѣдній промывается въ чистомъ сахарномъ растворѣ. Что же касается патоки, она снова поступаетъ въ переварку; изъ сиропа, вываренпаго изъ нея, опять получается сахарный песокъ, но уже хуже перваго. Изъ полученной при этомъ патоки вновь вываривается еще болѣе худшій песокъ. Въ концѣ концовъ изъ подъ сахарнаго песку остается темная, густая масса, называемая черной патокой; она еще содержитъ много сахара, но этотъ сахаръ выдѣляется изъ нея уже съ большимъ трудомъ; поэтому ее большею частью отправляютъ на винокуренные заводы и выкуриваютъ изъ нея водку. На нѣкоторыхъ же заводахъ и изъ этой черной патоки выдѣляютъ сахарный песокъ.

Этимъ кончается производство свеклосахарныхъ заводовъ; ихъ дѣло получать сахарный песокъ. Этотъ песокъ прямо поступаетъ въ продажу, или же идетъ на сахарорафинадные заводы, дѣло которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовить изъ

разсыпчатаго плотный сахаръ рафинадъ. На рафинадномъ заводѣ повторяется прежде всего все то, что продѣлывается на свеклосахарномъ съ сокомъ. Только здѣсь, вмѣсто сока, приходится имѣть дѣло съ болѣе чистой жидкостью, съ растворомъ сахарнаго песка. Послѣдній, по поступленіи на рафинадный заводъ, распускается въ водѣ, обрабатывается известью, а потомъ углекислотою, фильтруется черезъ костяной уголь и затѣмъ уваривается въ шаровидныхъ котлахъ до густаго сиропа. Сиропъ этотъ разливается потомъ въ жестяныя формы, имѣющія видъ головъ; внизу каждой формы имѣется отверстіе, затыкаемое гвоздемъ. Въ этихъ формахъ сиропъ черезъ нѣкоторое время послѣ разливки застываетъ въ плотную массу; затѣмъ открываютъ гвозди въ формахъ и та часть сиропа, которая не застыла отчасти вытекаетъ; чтобы его совсѣмъ удалить изъ головы, на нее наливаютъ густаго раствора чистаго сахара рафинада: этотъ растворъ постепенно вытѣснитъ сиропъ, находящійся въ головѣ. Послѣ этого сахарныя головы правильно обрѣзаютъ снизу, вынимаютъ изъ формъ, сушатъ и упаковываютъ въ бѣлую и синюю сахарную бумагу. При рафинадномъ производствѣ также какъ и при свеклосахарномъ производствѣ, получается патока, называемая рафинадной, идущая въ продажу для приготовленія вареньевъ и для другихъ цѣлей.

Наше свеклосахарное производство, развиваясь изъ году въ годъ, въ настоящее время представляетъ одну изъ наиболѣе разросшихся въ Россіи отраслей промышленности. Оно у насъ сосредоточено главнымъ образомъ на югѣ Россіи, въ Малороссіи, Новороссіи и Западномъ краѣ. Что наше свеклосахарное производство постоянно улучшается, на это указываютъ постепенно понижающіяся цѣны на сахаръ.

Во послѣднее время большое вниманіе обратило на себя въ Европѣ одно изобрѣтеніе, которому предсказываютъ будущность. Изъ каменноугольнаго дегтя приготовлено вещество, названное сахариномъ, которое разъ въ 50 или во 100 слаще сахара, такъ что на стаканъ чаю, чтобы сдѣлать его сладкимъ, нужно только небольшую крупинку этого вещества.

XXII.

Коллекціи по смолокуренію.

Я. Ф. Хрущова.

Было выставлено: разрѣзы древесины, инструменты для подсочки, стволовый осмолъ, скипидаръ, канифоль, смола.

Ребенкомъ въ сосновую люльку
Меня клала нѣжная мать.
Умру—похоронятъ. И снова я буду
Въ сосновой же люлькѣ лежать.

Такими словами хотѣлъ охарактеризовать поэтъ неразрывность всей человѣческой жизни съ деревомъ, и правда, на какой бы изъ предметовъ нашей повседневной жизни мы ни обратили вниманіе, большинство ихъ сдѣлано изъ дерева: дома, въ которыхъ мы живемъ, столы и стулья, за которыми мы работаемъ, лапти, въ которые обуваются милліоны русскаго народа, часто посуда, изъ которой мы ѣдимъ, наконецъ гробъ, наше послѣднее жилище,—все это сдѣлано изъ дерева. А какое безотчетное отрадное чувство является въ душѣ человѣка при взглядѣ на веселое, кудрявое деревцо или темный густолиственный лѣсъ. Всякому изъ насъ навѣрное знакомо то ощущеніе, которое испытываешь, когда послѣ долгой трудной работы зайдешь въ лѣсъ: чрезъ четверть часа усталости какъ и не бывало, грудь начинаетъ дышать свободно и съ души какъ бремя скатится. А войдете вы въ темный вѣковой лѣсъ, въ особенности въ еловый, высокіе, колонообразные стволы, окутанные сѣрымъ мохомъ, тѣснятся вокругъ васъ, какъ бы угрожая придавить васъ своею громадой; тишь, ни звука кругомъ, лишь изрѣдка гдѣ нибудь слышится журчаніе ручейка; жутко вамъ становится, хочется поскорѣе увидать себѣ подобнаго.

Не даромъ народная фантазія населила подобные дебри разными чудовищами: лѣшими, вѣдьмами, русалками, но не ихъ вы боитесь! вы знаете, что они не существуютъ, это душа ваша невольно преклоняется передъ величіемъ природы и ея Творца. А какія чудныя картины, ускользающія отъ взгляда поверхностнаго наблюдателя, рисуетъ вамъ лѣсъ

когда вы ближе съ нимъ ознакомитесь. Всю пользу и красоту лѣса начали мы сознавать давно, а между тѣмъ, все еще продолжаемъ губить наши лѣса безъ цѣли и толку, разсуждая, что авось на нашъ вѣкъ хватитъ. Безспорно, нужно пользоваться лѣсомъ, но пользоваться такъ, чтобы не истощать его, разработывать его такъ, чтобы ничего не пропадало, да и тѣ матеріалы, которые мы получимъ изъ него, были бы хорошаго качества. Вотъ объ одномъ изъ способовъ пользованія лѣсомъ, о смолокуреніи, этомъ промыслѣ-кормильцѣ нашего сѣвера, я и намѣренъ побесѣдовать съ вами.

Обширныя равнины нашего сѣвера, находящіяся въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ, почти сплошь покрыты лѣсомъ.

Ѣдешь день, ѣдешь два, и справа и слѣва ничего не видишь кромѣ необозримой лѣсной пустыни. Мало у нашего сѣвернаго мужичка землицы, годной для хлѣбопашества, такъ что хлѣба едва хватаетъ на прокормленіе себя и своей семьи, о торговлѣ имъ и думать нечего, на отхожіе промыслы ходить далеко, и вотъ онъ съ давнихъ поръ обратилъ свое вниманіе на лѣсъ, началъ выдѣлывать изъ него бревна, сплавлять къ Архангельску и продавать иностранцамъ, которые охотно покупаютъ нашъ сѣверный лѣсъ за его высокія качества. Но и это не вездѣ можно дѣлать; гдѣ рѣки далеко, тамъ доставка матеріаловъ къ нимъ не окупается, и пришлось найти такой способъ обработки лѣса, чтобы и везти было легко, да и получить можно было бы больше. Такимъ способомъ оказалась выкурка смолы изъ дерева.

Смолокуреніе на нашемъ сѣверѣ развилось очень давно. Одни относятъ его начало лѣтъ за триста до нашего времени, когда пріѣхавшіе въ Россію въ царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго англичане обучили ему крестьянъ. Другіе—къ царствованію Петра Великаго, ко времени открытія Архангельскаго порта. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

Разсмотримъ теперь изъ какихъ деревъ и изъ какихъ частей дерева добывается смола. Смола добывается преимущественно изъ тѣхъ деревьевъ, у которыхъ вмѣсто листьевъ иглы—хвои; къ нимъ принадлежатъ ель, сосна, можжевельникъ и другіе. На сѣверѣ смолу курятъ только изъ сосны. Чтоже касается того вопроса, въ какихъ частяхъ дерева находится смола, то на него можно отвѣтить—во всѣхъ, въ особенности же въ стволѣ и пняхъ.

Если мы возьмемъ сосновое бревно и вырѣжемъ изъ него кусокъ, то на поперечномъ разрѣзѣ увидимъ рядъ круговъ, лежащихъ другъ на другѣ. Круги эти наростаютъ ежегодно такъ, что по нимъ можно узнать, какихъ лѣтъ было срубленное дерево; называются они годичными слоями, наростаютъ они въ теченіи года не сразу, а часть ихъ болѣе свѣтлая наростаетъ весною, а болѣе темная осенью. Болѣе темный цвѣтъ осенняго слоя зависитъ отъ присутствія чрезвычайно маленькихъ канальцевъ, невидимыхъ простому глазу, наполненныхъ смолою. Канальцы эти мы легко можемъ увидать, отрѣзавъ острой бритвой небольшой кусочекъ древесины и посмотрѣвъ на него въ сильное увеличительное стекло, называемое микроскопомъ. Тогда нашъ кусочекъ дерева представится намъ въ видѣ кружева, состоящаго изъ многихъ круглыхъ или четырехъугольныхъ пузырьковъ, носящихъ названіе клѣточекъ, между ними увидимъ еще другіе неправильной формы съ блестящимъ на свѣту содержимымъ; вотъ эти-то послѣдніе и будутъ тѣ канальцы, наполненные смолой, о которыхъ я уже упоминалъ; кажутся же они намъ пузырьками, потому что мы, дѣлая разрѣзъ поперекъ ствола, перерѣзали и ихъ поперекъ, если же мы сдѣлаемъ разрѣзъ вдоль ствола, то они представятся намъ въ видѣ длинныхъ, очень тоненькихъ трубочекъ. Эти трубочки или канальцы носятъ названіе смоляныхъ ходовъ. Понятно теперь, что чѣмъ годичные слои уже, тѣмъ ближе осенніе слои съ большимъ количествомъ смолиныхъ ходовъ другъ къ другу и тѣмъ сосна будетъ смолистѣе. Узкіе же годичные слои являются обыкновенно въ холодномъ климатѣ, каковъ климатъ нашего сѣвера. Годичные слои нашей сѣверной сосны бываютъ иногда до того узки въ центрѣ дерева, что древесина кажется отъ смолы совсѣмъ красной. Эта красная внутренняя часть носитъ въ такомъ случаѣ названіе сердца, а болѣе свѣтлая, лежащая ближе къ корѣ, названіе оболони. Сосна, имѣющая сердце, называется рудовой, какова сосна: архангельская, вологодская, олонецкая; не имѣющая же сердца называется мяндовой, какова сосна московская и другихъ болѣе южныхъ губерній. Смола заключается въ смоляныхъ ходахъ въ жидкомъ видѣ, если же мы поранимъ дерево и дадимъ ей вытечь наружу, то отъ дѣйствія воздуха она начнетъ затвердѣвать, при чемъ часть заключающагося въ ней летучаго вещества, скипидара, испарится.

Въ пняхъ находятся точно такіе же смоляные ходы, какъ и въ стволѣ; никакой предварительной обработкѣ пни не подвергаются. Послѣ срубки лѣса пнямъ даютъ пробыть нѣсколько лѣтъ въ землѣ, до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ оболонь и не останется только одно богатое смолою сердце; потомъ раскалываютъ ихъ на части, и матеріалъ для смолокуренія готовъ. Матеріалъ этотъ носитъ названіе пневаго смолья, пневаго осмола. Иное дѣло заготовить годный осмолъ изъ ствола, нужно чтобы древесина пропиталась смолою, достигается это такъ: наносятъ дереву одну или нѣсколько ранъ, въ пораненныхъ мѣстахъ часть смолы вы-

текаетъ наружу, другая же впитывается въ дерево; если мы будемъ ежегодно наносить такія раны, то вся древесина въ этомъ мѣстѣ понемногу просмолится. Нанесеніе подобныхъ ранъ дереву носитъ названіе подсочки, и производится она на нашемъ сѣверѣ слѣдующимъ образомъ: весною въ концѣ мая или въ началѣ іюня крестьянинъ-смолокуръ, выбравъ на отведенномъ ему участкѣ деревья, годныя для подсочки, каковыми считаются въ той мѣстности 2—6 вершковыя,—топоромъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ обыкновенный, обдираетъ, начиная отъ самой земли, стволы сосенъ на $^1/_2$ аршина въ вышину, оставляя съ сѣверной стороны дерева небольшую полосу коры, вершка въ 2—3, для того чтобы дерево не засохло. Полоса эта носитъ названіе ремня. На подсоченномъ деревѣ дѣлается особая зарубка, „знаменка“, которая у каждой семьи разная. Замѣчательно при этомъ, какъ свято соблюдаетъ нашъ сѣверный крестьянинъ эти мѣтки: почти не бываетъ примѣровъ, чтобы срубали дерево съ чужой знаменкой. Подсоченныя деревья съ родовой знаменкой переходятъ въ наслѣдство, часто даже отдаются въ приданое за дочерьми и т. п. Въ продолженіи лѣта до Петрова дня, до начала полевыхъ работъ, смолокуръ возвращается къ подсоченнымъ имъ деревьямъ раза три—четыре, а если онъ человѣкъ старательный, то и больше, разъ до двѣнадцати, и увеличиваетъ небольшой косой рану вверхъ вершка на два, на три, обрѣзая при этомъ ремень осторожно съ краевъ; такъ что къ Петрову дню подсочка будетъ имѣть въ длину до $1^1/_2$ аршинъ. На слѣдующій годъ смолокуръ поступаетъ точно также. На третій годъ онъ увеличиваетъ подсочку, или, какъ по мѣстному говорятъ, вздымаетъ подсочку уже не постепенно, а сразу на одинъ аршинъ. Дерево подсачиваютъ лѣтъ пять—шесть до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ очищено отъ коры до того мѣста, гдѣ начинаются сучья; тогда осенью съ него снимаютъ ремень, дерево засыхаетъ и срубается зимою. Во все время подсачиванія дерева, часть впитывается самымъ деревомъ, другая вытекаетъ наружу и застываетъ на стволѣ. Эта застывшая на стволѣ смола называется сѣрою, сѣркой, живицей; собираютъ ее разъ въ годъ осенью особымъ скребкомъ въ попону, приставляемую къ дереву. Попона дѣлается изъ холста, нашитаго на обручъ, концы котораго связаны веревкою. Имѣетъ она видъ мѣшка. Такимъ образомъ при подсочкѣ получаются два рода продуктовъ: сѣра и просмоленная древесина—смолье подсочка или стволовый осмолъ. Наибольшее количество сѣры и лучшій осмолъ получается изъ деревьевъ, выросшихъ на песчаной сухой почвѣ.

Какъ стволовый, такъ и пневый осмолъ раскалываютъ на небольшія полѣнца и пережигаютъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Дерево превращается въ уголь, а смола растапливается и вытекаетъ наружу въ подставленныя бочки или вырытыя ямы. Такое-то пережиганіе и называется выкуркой смолы.

Прежде, да въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ и теперь, выкурка смолы производится въ ямахъ. Вырывается яма, на днѣ которой дѣлаютъ трубу для отвода вытекающей смолы. Яму наполняютъ смольемъ, зажигаютъ его, потомъ засыпаютъ или землей, или предварительно соломой, навозомъ, а потомъ уже землей. Но смолы такимъ образомъ получается мало, да и качество ея плохое.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ Вологодскій крестьянинъ, по ремеслу печникъ, изъ мѣстечка Кулое Егоръ Басовъ, работая въ западныхъ губерніяхъ, выучился класть смолокурныя печи, возвратился домой и научилъ своихъ односельчанъ; тѣ въ свою очередь научили другихъ, и теперь эта печь, носящая названіе вологодской, распространена по всему сѣверному краю. Она четырехъ-угольная и состоитъ изъ двухъ частей—внутренней, которая наполняется смольнякомъ и наглухо закрывается, и наружной вродѣ чехла, надѣтаго на первую и называемой кожухомъ или околицей, гдѣ разводятъ огонь. Внутренняя часть снабжена внизу трубой для стока смолы. При выкуркѣ смолы въ печахъ получается еще скипидаръ краснаго цвѣта, очень плохаго качества, который очищаютъ, или перегоняя его на огнѣ, или отстаивая на солнцѣ. Такая печь стоитъ рублей 25. Смолы получается въ ней уже гораздо больше, чѣмъ въ ямахъ, а именно отъ 25 до 40 пудовъ изъ 1 куб. саж. смольняка, смотря по его качеству. Смолу въ сыромъ видѣ рѣдко сплавляютъ въ Архангельскъ, чаще всего переработываютъ ее на пекъ, покупаемый для пивоваренія и для другихъ цѣлей. Для полученія пека нагрѣваютъ смолу въ закрытыхъ котлахъ до тѣхъ поръ, пока она перестаетъ шипѣть, „верещить“ по мѣстному, а начинаетъ кипѣть спокойно, тогда значитъ пекъ готовъ и его еще горячимъ сливаютъ въ бочки.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ обработкѣ сѣры. Сѣра состоитъ изъ двухъ частей: летучей—скипидара и твердой—канифоли. Отдѣлить ихъ другъ отъ друга можно, нагрѣвая сѣру съ водой въ закрытомъ котлѣ. Скипидаръ превращается въ паръ, который, проходя по мѣдной трубкѣ, вставленной въ ящикъ со льдомъ или снѣгомъ, охлаждается и стекаетъ въ подставленныя бутыли; канифоль же остается въ котлѣ и ее оттуда вычерпываютъ или сливаютъ черезъ желобъ, сдѣланный въ днѣ его. Скипидаръ, получаемый изъ сѣры, считается лучшимъ; идетъ онъ на приготовленіе лаковъ, а канифоль употребляется для натиранія скрипичныхъ смычковъ, въ мыловареніи, при проклейкѣ бумаги

и т. д. Канифоль и скипидаръ продаютъ въ Москву и Петербургъ, а смолу и пекъ сплавляютъ въ Архангельскъ на плотахъ, сдѣланныхъ изъ еловыхъ бревенъ, по мѣстному „слегахъ“, связанныхъ вицами.

Смолокуреніе на нашемъ сѣверѣ начинаетъ годъ отъ году падать, въ чемъ безспорно виноваты сами смолокуры; вмѣсто того чтобы улучшать свое производство, они почти повсемѣстно поддѣлываютъ свой товаръ, чѣмъ еще болѣе понижаютъ на него цѣну и подрываютъ къ себѣ довѣріе покупателей.

XXIII.

О желѣзныхъ дорогахъ.

П. Худякова.

(Дополненіе къ объясненію „о паровозахъ“).

Желѣзныя дороги въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ими пользуемся нынѣ, составляютъ изобрѣтеніе нынѣшняго столѣтія. Не далѣе, какъ 60 лѣтъ тому назадъ, желѣзнодорожное дѣло было еще въ самомъ зачаткѣ, и даже такая промышленная страна, какъ Англія, имѣла въ то время всего только нѣсколько десятковъ верстъ рельсоваго пути, по которымъ съ осторожностью и не спѣша двигались первые въ мірѣ паровозы. Въ настоящее же время желѣзныя дороги протянуты на земномъ шарѣ во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ пяти частяхъ свѣта: англичане и нѣмцы въ послѣдніе годы понастроили многія сотни верстъ рельсоваго пути и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Австраліи, руками русскаго солдата проложена только-что оконченная недавно Закаспійская желѣзная дорога, идущая между Михайловскимъ и Самаркандомъ на протяженіи 1360 в. почти все время по голой степи, нѣмецъ прокладываетъ 20-верстный желѣзнодорожный путь въ Палестинѣ, соединяя приморскій городъ Яффу со Святымъ градомъ Іерусалимомъ, и, наконецъ, французу удается склонить самого китайскаго императора на постройку первой желѣзной дороги въ Китаѣ, которая пройдетъ на длинѣ 5 верстъ, между зимнею и лѣтнею резиденціею императора, и предназначается исключительно для пользованія ею самимъ императоромъ и его дворомъ.

Въ современномъ намъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ различаютъ гладкій рельсовый путь и вагоны, которые по нему двигаются, приводимые въ движеніе силою пара. Сначала люди усвоили себѣ выгодность употребленія рельсовъ, т. е. гладкой, ровной колеи, безъ внезапныхъ повышеній и пониженій, и двигали по ней вагоны руками или лошадьми, а примѣненіе для этой цѣли силы пара относится къ сравнительно еще очень недавнему времени. Гладкія вымощенныя камнемъ колеи для движенія уличныхъ экипажей устраивались и въ глубокой древности, но первые опыты надъ употребленіемъ собственно рельсовъ, т. е. продольныхъ брусьевъ, по которымъ катятся колеса повозки, сдѣланы были только два съ половиною вѣка тому назадъ на сѣверѣ Англіи, при шахтахъ для добыванія каменнаго угля. Эти первые рельсы были просто гладкіе деревянные брусья, которые лежали, опираясь въ нѣсколькихъ мѣстахъ по длинѣ на прочные каменные столбы. Лѣтъ черезъ 50 послѣ этого такіе рельсы были заведены въ Англіи повсюду—и на фабрикахъ, и при заводахъ, и на пристаняхъ, и при угольныхъ копяхъ, какъ на земной поверхности, такъ и внутри шахтъ. Выгода отъ употребленія такихъ рельсовъ была очень велика и всякому понятна, тяжелыя повозки съ кладью передвигались по этимъ рельсамъ совершенно свободно однимъ человѣкомъ. Тою же самою мыслію пользуются теперь наши землекопы, съ легкостью передвигающіе по гладкимъ доскамъ тяжелыя тачки съ землею. Единственное неудобство такихъ рельсовъ оказывалось въ томъ, что при большой ѣздѣ они скоро изнашивались на верхней трущейся объ колеса поверхности. Понадобилось болѣе сотни лѣтъ, пока англичане догадались, какъ устранить это неудобство: съ 1738 г. на деревянные рельсы стали класть сверху чугунныя литыя полосы, по которымъ и должны были катиться колеса повозки. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ этого въ Англіи же, въ имѣніи одного герцога, употреблены были въ 1-й разъ чугунные квадратные рельсы, положенные на деревянныя поперечныя шпалы. Послѣ этого перешли къ чугуннымъ же рельсамъ въ видѣ угольника; такіе рельсы при той же прочности могли быть сдѣланы съ меньшимъ вѣсомъ. Не смотря однако на недостатки чугунныхъ рельсовъ — ихъ

большой вѣсъ, малую прочность и хрупкость, способность ломаться отъ ударовъ, — дальше этого долгое время нельзя было идти, такъ какъ приготовлять длинныя и прочныя полосы изъ желѣза въ то время еще не умѣли. Изобрѣтеніе способа полученія желѣзныхъ рельсовъ въ видѣ длинныхъ полосъ прокатываніемъ и плющеніемъ раскаленныхъ до бѣла кусковъ желѣза между валами, сдѣлано было также въ Англіи, въ 1828 г. Сначала выдѣлывали короткіе рельсы, не болѣе полуторы сажени длиною, но потомъ скоро перешли къ длинѣ до 3 саж. Лѣтъ 15 тому назадъ стали готовить вмѣсто желѣзныхъ стальные рельсы, которые обладаютъ и большею прочностью противъ желѣзныхъ, и выгоднѣе ихъ по цѣнѣ, если принять во вниманіе, что они дольше могутъ служить, чѣмъ желѣзные, не размочаливаясь сверху. Длину ихъ доводятъ теперь до 4 саж.

Вагонныя колеса, употребляющіяся нынѣ, имѣютъ съ внутренней стороны рельса закраину, препятствующую сходу колесъ съ рельсовъ, но въ прежнее время повозки и телѣжки, катающіяся по рельсамъ, спустя цѣлыхъ полтораста лѣтъ послѣ изобрѣтенія рельсовъ, все еще имѣли колеса съ ободомъ совершенно гладкимъ, и поэтому рельсовый путь можно было укладывать только по прямому направленію, иначе колеса сползали съ рельсовъ. Изобрѣтеніе закраины у колесъ было поэтому дѣломъ чрезвычайной важности, такъ какъ позволяло устраивать отнынѣ и кривой путь, который обходитъ всѣ встрѣчныя препятствія. Нынѣ употребляющіяся на желѣзныхъ дорогахъ вагонныя колеса имѣютъ не только закраину съ внутренней стороны, но и самъ ободъ колеса заточенъ конусомъ, т. е. колесо немного меньше въ поперечникѣ съ наружной стороны, чѣмъ со внутренней. Такъ нужно, чтобы колесо съ меньшими затрудненіями проходило между рельсами на закругленіяхъ пути. Послѣ изобрѣтенія закраины у колесъ въ Англіи, до изобрѣтенія конической формы обода колесъ въ Америкѣ, прошло еще 40 лѣтъ, такъ что колеса и рельсы научились готовить правильнымъ образомъ и изъ хорошаго матеріала только еще какихъ-нибудь 60 лѣтъ тому назадъ. Къ этому времени относится и появленіе первыхъ желѣзныхъ дорогъ за-границей.

Изобрѣтеніе паровой машины англичаниномъ Уаттомъ произошло въ началѣ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Эти машины устраивались сначала для выкачиванія грунтовой воды изъ угольныхъ шахтъ (1774 г.), а затѣмъ (1781 г.) были примѣнены и для заводскихъ цѣлей, для приведенія въ движеніе различныхъ машинъ и станковъ. Примѣненіе силы пара къ передвиженію тяжестей на сушѣ и на водѣ было сдѣлано только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Страннымъ образомъ усилія изобрѣтателей сначала были направлены къ тому, чтобы примѣнить силу пара на сушѣ къ передвиженію обыкновенныхъ уличныхъ экипажей по грунтовымъ дорогамъ, появились паровыя кареты и фаэтоны, которые ходили по улицамъ городовъ или въ одиночку, какъ наши *линейки*, или же возили за собой на буксирѣ по нѣскольку груженыхъ повозокъ. Самая лучшая изъ такихъ каретъ въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ могла проходить по ровному мѣсту до 25 верстъ въ часъ съ 20 пассажирами, а кареты съ 3 повозками на буксирѣ для 50 пассажировъ проходили свободно по 15 верстъ въ часъ. Изобрѣтенія и усовершенствованія въ устройствѣ паровыхъ каретъ, ходившихъ по шоссейнымъ дорогамъ, продолжалось въ Англіи еще лѣтъ 10 и послѣ того, какъ начали устраивать желѣзныя дороги, пока, наконецъ, опытомъ не убѣдились, что по рельсамъ вагоны двигаются легче, чѣмъ по шоссейной дорогѣ, и на передвиженіе ихъ нужно тратить меньше топлива.

Первый паровозъ, годный для желѣзнодорожной службы, былъ построенъ англичаниномъ Стефенсономъ, сыномъ шахтнаго рабочаго. Онъ научился грамотѣ на 19-мъ году своей жизни и первыя практическія свѣдѣнія получилъ на службѣ при угольной шахтѣ, гдѣ онъ былъ смотрителемъ. Однажды ему пришлось увидать въ работѣ паровую карету и удалось подробно ознакомиться съ ея дѣйствіемъ; вскорѣ послѣ этого онъ самъ построилъ такую же карету, которая, по обыкновеннымъ шоссейнымъ дорогамъ, могла везти за собою до 1500 пудовъ груза, могла подниматься въ гору и проходить въ часъ не менѣе 5 верстъ. Перевозка тяжестей на буксирѣ у такой кареты обходилась не дороже, чѣмъ при конной тягѣ, а между тѣмъ при этомъ устранялось значительное число лошадей и поденщиковъ при нихъ.

Первая желѣзная дорога въ Англіи, на которой работалъ локомотивъ, построенный Стефенсономъ, была открыта въ 1822 г. Она имѣла всего 13 верстъ длины, была проложена между одною угольной шахтой и морскою пристанью предназначалась главнымъ образомъ для перевозки тяжестей. Употреблять паровозъ для передвиженія пассажировъ сначала еще опасались и пассажирскіе вагоны по тѣмъ же рельсамъ передвигались еще лошадьми, какъ на нашихъ конныхъ желѣзныхъ дорогахъ. По примѣру *Стефенсона* стали строить паровозы и другіе. Въ 1829 г. въ Англіи происходило публичное состязаніе паровозовъ разныхъ заводовъ, и паровозъ *Стефенсона* вышелъ изъ состязанія побѣдителемъ: съ однимъ вагономъ, въ которомъ было 30 пассажировъ, онъ прошелъ 40 верстъ въ часъ.

Въ настоящее время въ тяжелыхъ курьерскихъ поѣздахъ, гдѣ вѣсъ вагоновъ и пассажировъ достигается до 6000 пуд., скорость движенія доходитъ

до 60 верстъ въ часъ, а въ болѣе легкихъ—даже до 80 верстъ и болѣе (колеса паровозовъ въ такихъ *скорыхъ* поѣздахъ дѣлаютъ до 5 оборотовъ въ секунду).

Первою желѣзною дорогою у насъ въ Россіи была Царскосельская—между С.-Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, на протяженіи 25 верстъ, а второю Николаевская (604 версты)—между С.-Петербургомъ и Москвою. Въ прошломъ (1887 г.) 4-го апрѣля исполнилось 50 лѣтъ со дня открытія движенія на 1-й изъ этихъ дорогъ. Прежде, чѣмъ приступить къ постройкѣ ихъ, не мало колебались, и самую постройку находили у насъ невозможною. Препятствія видѣли и въ снѣгахъ, и въ морозахъ, и въ горахъ, и въ болотахъ, и въ весенніхъ половодьяхъ рѣкъ, и въ незнакомствѣ нашемъ съ дѣломъ, а иные и просто ненужною считали такую новую затѣю, потому что и гужемъ не дорого было перевозить тяжести. Пробу рѣшили сдѣлать сначала на короткой линіи—Царскосельской, которая была построена въ 2 года. Проектъ Николаевской линіи разсматривался и обсуждался въ особой коммиссіи цѣлыхъ 8 лѣтъ, да постройка ея шла 8 лѣтъ, такъ что открытіе ея послѣдовало только въ 1851 г., т. е. 14 лѣтъ спустя послѣ Царскосельской. За это время одна иностранная компанія успѣла рельсовымъ путемъ соединить Варшаву съ Вѣной. Крымская война застала Россію въ расплохъ, о желѣзной дорогѣ изъ Москвы на югъ не было еще и помину; войска, изнуряясь въ пути, должны были дѣлать тысячеверстные переходы, тяжести и провіантъ медленно подвигались гужемъ и не поспѣвали во время. Вскорѣ послѣ Крымской войны открыты были желѣзнодорожныя линіи между С.-Петербургомъ и Варшавою (1862), между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ (1862), изъ Москвы чрезъ Кіевъ на Одессу (1864) и т. д.

Въ настоящее время общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи достигаетъ до 27 тысячъ верстъ и на нихъ работаютъ болѣе 7000 паровозовъ. Стоимость постройки каждой версты обходилась отъ 50 до 70 тысячъ рубл. въ послѣдніе годы, а на Николаевской ж. д. около 170 тыс. рубл. Николаевская желѣзная дорога строилась казною, а большая часть послѣдующихъ дорогъ—частными компаніями изъ евреевъ и нѣмцевъ и изъ иностраннаго матеріала. Благодаря этому, теперь желѣзныя дороги должны уплачивать этимъ компаніямъ ежегодно до 50 милліоновъ рублей долга и, не смотря на большія выручки, почти всѣ онѣ работаютъ въ убытокъ.

При несчастныхъ случаяхъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ ежегодно гибнетъ и уродуется около 1300 челов., изъ нихъ болѣе половины—изъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Чтобы сравняться съ другими сосѣдними странами протяженіемъ желѣзныхъ дорогъ при сравнительно большомъ пространствѣ нашего государства и большомъ числѣ жителей, намъ нужно было бы увеличить это общее протяженіе ни много ни мало, какъ въ 15 разъ. На столько отстали мы отъ своихъ сосѣдей!

Общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ на всемъ земномъ шарѣ считается теперь до 400.000 верстъ и на нихъ работаютъ болѣе 60.000 паровозовъ.

XXIV.

Мѣры предосторожности для безопасной ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ.

А. Ѳ. Шеглова.

Были показаны рисунки, чертежи и картины.

Во времена давнопрошедшія, когда не знали еще не только желѣзныхъ дорогъ и шоссе, но и обыкновенныя, грунтовыя дороги находились въ очень плохомъ состояніи, всякое, мало-мальски длинное путешествіе составляло цѣлое событіе въ жизни человѣка. Къ нему начинали готовиться задолго до дня отъѣзда; принуждены были брать съ собой въ большомъ количествѣ все необходимое, такъ какъ достать что либо на пути было невозможно. Родные и близкіе путешественника, разставаясь съ нимъ, оплакивали его, какъ бы провожая на тотъ свѣтъ. И, дѣйствительно, было чего опасаться: тысячи опасностей ждали путника дорогой; малопроѣзжіе глухіе пути были наполнены разбойниками, отъ которыхъ надо было отдѣлываться и силою, и хитростью; на остановкахъ нельзя было отдохнуть какъ слѣдуетъ, за неимѣніемъ къ тому никакихъ приспособленій; холодъ, голодъ, дождь, вѣтеръ и прочія невзгоды окружали его и постоянно грозили опасностью его здоровью и даже жизни, если онъ не былъ богатъ и не могъ хоть сколько нибудь противодѣйствовать ихъ разрушительному вліянію.

Потомъ времена перемѣнились, а съ временами перемѣнилась и обстановка путешествій: дороги стали болѣе удобными и безопасными и станціи могли дать усталому путнику теплый кровъ и хотя какую нибудь пищу; но до полнаго удобства и безопасности было еще далеко, и только богатые люди, путешествующіе въ собственныхъ удобныхъ экипажахъ, въ сопровожденіи своей прислуги, могли не жаловаться на продолжительность пути, которая была все еще очень велика.

Но вотъ появились желѣзныя дороги и сразу измѣнили все дѣло. Разстоянія какъ бы сократились въ нѣсколько разъ. Путь, который прежде нужно было совершать недѣли и мѣсяцы, теперь дѣлается въ нѣсколько дней. Объ удобствахъ и говорить нечего; они вамъ, конечно, извѣстны по собственному опыту каждаго изъ васъ. Наконецъ, желѣзныя дороги позволили значительно сократить путевые расходы.

Но всякое дѣло, какъ бы хорошо оно ни казалось по первому взгляду, имѣетъ непремѣнно и обратную, дурную сторону. Такъ и желѣзныя дороги. Хороши онѣ, спору нѣтъ! не страшны намъ ни разбойники, ни непогода, но мѣсто того и другаго заступила та опасность отъ крушенія поѣзда, о которой каждый изъ васъ, навѣрно, слыхалъ и читалъ въ газетахъ, если и не былъ самъ очевидцемъ несчастія. Прежде, бывало, понесутъ лошади, опрокинется экипажъ и рѣдко если при этомъ кого нибудь убьетъ; въ большинствѣ же случаевъ дѣло оканчивалось какими нибудь ушибами. Теперь не то: если случилось крушеніе поѣзда, то очень часто съ крупными несчастіями для пассажировъ. Каждый разъ приходится читать въ газетахъ, что столько-то убитыхъ, столько-то раненыхъ, и невольно беретъ страхъ, когда садишься въ вагонъ, да припомнишь о случившихся раньше несчастіяхъ. Я зналъ такихъ людей, которые такъ боялись ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, что предпочитали сидѣть дома и какъ нибудь обойти необходимость путешествія, или нанимали лошадей, чтобы только не подвергаться предполагаемымъ опасностямъ. Казалось бы, что лучше отказаться совсѣмъ отъ желѣзныхъ дорогъ и опять перейти къ ѣздѣ на лошадяхъ, чѣмъ рисковать своей жизнью. Но уже таковъ человѣкъ, что, если онъ разъ взялся за какое нибудь дѣло, которое находитъ очень хорошимъ и полезнымъ, то не остановится передъ препятствіями и направитъ всѣ свои силы и весь свой умъ, чтобы побѣдить ихъ и по возможности ослабить дурныя стороны дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: онъ принимаетъ всѣ мѣры и выдумываетъ разные приборы и машины, стремясь сдѣлать ѣзду по желѣзнымъ дорогамъ вполнѣ безопасною. Вамъ всѣмъ, конечно, приходится ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ и потому, думаю, что, разсказавъ вамъ какія мѣры принимаются для вашей безопасности, я принесу посильную пользу и разсѣю тотъ, часто преувеличенный страхъ, который многіе питаютъ передъ ѣздою по „чугункѣ“.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому, я скажу нѣсколько словъ о томъ, почему крушеніе поѣздовъ всегда опаснѣе, нежели крушеніе обыкновеннаго экипажа.

Есть особая наука, называемая механикой, которая учитъ насъ, между прочимъ, по какимъ законамъ совершается движеніе разныхъ предметовъ. Эта наука говоритъ, что, если скорость двигающагося предмета сразу быстро уменьшается или уничтожается, то происходитъ ударъ тѣмъ сильнѣйшій, чѣмъ больше вѣсъ предмета и чѣмъ скорѣе онъ раньше двигался. Значитъ, при крушеніи какъ экипажа, такъ и поѣзда происходитъ ударъ отъ того, что при этомъ и экипажъ, и поѣздъ очень быстро останавливаются. Но очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ ударъ долженъ быть несравненно сильнѣе, такъ какъ и вѣсъ поѣзда гораздо больше чѣмъ вѣсъ экипажа и двигается онъ скорѣй, поэтому и разрушенія, происходящія при крушеніи поѣзда, гораздо значительнѣе и сопровождаются большими несчастіями.

Теперь я познакомлю васъ съ тѣми мѣрами, которыя принимаются на желѣзныхъ дорогахъ, съ цѣлью сдѣлать ѣзду по нимъ безопасною.

Вообразите, что вы никогда раньше не ѣздили на „машинѣ“ и знаете о ней только по слухамъ, причемъ эти слухи не всегда были въ ея пользу. Не одинъ разъ вамъ приходилось читать въ газетахъ описаніе той или другой желѣзнодорожной катастрофы, и вотъ вы, напуганные всѣмъ слышаннымъ и читаннымъ, садитесь въ вагонъ и вашему воображенію на каждомъ шагу представляются опасности. Вамъ кажется, что путь, по которому вамъ предстоитъ ѣхать, не свободенъ, что вы можете догнать поѣздъ раньше вышедшій со станціи или наткнуться на встрѣчный поѣздъ. Но не бойтесь; прежде чѣмъ отправить васъ, начальникъ станціи уже запрашивалъ по телеграфу сосѣднюю станцію, ту, куда вы ѣдете, свободенъ ли путь, и не имѣетъ права отпустить поѣзда раньше, чѣмъ не получитъ отвѣтъ, что путь свободенъ и препятствій къ отправкѣ поѣзда нѣтъ. Сверхъ того, чтобы поѣздъ не отправился какъ нибудь по ошибкѣ оберъ-кондуктора или машиниста безъ формальнаго разрѣшенія, начальникомъ станціи это разрѣшеніе дается не только на словахъ, но и письменно, какъ оберъ-кондуктору, такъ и машинисту, и не имѣя въ рукахъ этого документа, ни тотъ, ни другой не смѣютъ тронуться съ мѣста. Когда время отправленія поѣзда настало, сосѣдняя станція уже увѣдомила, что путь свободенъ, начальникъ станціи велитъ дать третій звонокъ и

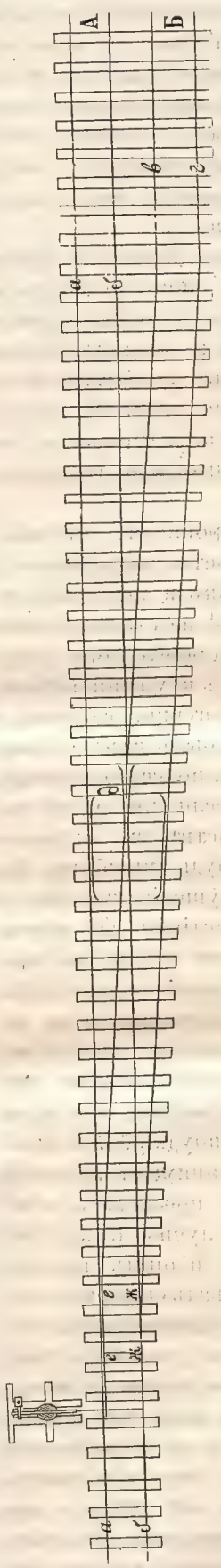
вручаетъ оберъ-кондуктору, а черезъ него и машинисту разрѣшеніе ѣхать, оберъ-кондукторъ даетъ коротkій свистокъ, которымъ какъ бы спрашиваетъ машиниста, готовъ ли къ отправленію паровозъ, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, тоже коротkимъ свисткомъ, даетъ второй, болѣе продолжительный свистокъ, выражающій распоряженіе трогаться въ путь. Оповѣстивъ длиннымъ свисткомъ, что поѣздъ сейчасъ отправляется, машинистъ даетъ паръ и ѣдетъ.

Кажется, всѣ предосторожности соблюдены и вы можете быть покойны; но вообразите, что сейчасъ же послѣ вашего отъѣзда начальникъ станціи получилъ увѣдомленіе, что гдѣ нибудь на пути случилось что нибудь такое, что можетъ произвести крушеніе поѣзда, напримѣръ, размыло полотно дороги, вынутъ рельсъ и т. п.

Наконецъ, онъ, провожая поѣздъ, замѣтилъ, что какой нибудь вагонъ сошелъ съ рельсъ, и машинистъ, не видя этого, продолжаетъ ѣхать; словомъ, по той или другой причинѣ явилась необходимость задержать поѣздъ. Чтобы дачь начальнику станціи возможность сдѣлать это, какъ машинисту, такъ и всѣмъ кондукторамъ вмѣнено въ обязанность при отходѣ поѣзда обращать вниманіе, не показываютъ ли со станціи какихъ-либо сигналовъ, требующихъ остановки поѣзда, до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не выѣдетъ за предѣлы станціи.

Вотъ прозвучалъ послѣдній свистокъ паровоза и мы съ вами приготовляемся тронуться въ путь. Но что это за звукъ раздался впереди поѣзда—звукъ рожка? Для чего онъ и что обозначаетъ? Это стрѣлочникъ даетъ знать, что стрѣлка имъ приготовлена и поѣздъ можетъ ѣхать, не боясь заѣхать не на тотъ путь, куда нужно. Объясню вамъ это подробнѣе: вы обратили, конечно, вниманіе на то, что поѣздъ, двигаясь по станціи, не идетъ прямо, а извивается, какъ змѣя, причемъ по временамъ, подъ колесами стучитъ такъ, какъ будто подъ нихъ попало что нибудь постороннее. Это и происходитъ отъ того, что колесо переходитъ стрѣлку, то есть такое приспособленіе на рельсахъ, при помощи котораго поѣздъ можно переводить съ одного пути на другой. На всякой станціи, какъ извѣстно, существуетъ много путей: одни изъ нихъ ведутъ къ станціонному дому, другіе къ товарному сараю, третьи въ мастерскія, если таковыя есть на станціи, и т. д. Такъ вотъ, чтобы направить паровозъ, куда слѣдуетъ, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ вывести его на главный путь, ведущій со станціи, и служатъ стрѣлки.

Постараюсь объяснить вамъ ихъ устройство: Вообразите себѣ, что вы поднялись вверхъ надъ станціей и оттуда смотрите на нее внизъ. Тогда станціонные пути покажутся вамъ каждый двумя рельсовыми полосками. Пусть А (фиг. 1) изображаетъ какой нибудь станціонный путь, какъ онъ намъ представляется сверху, а Б другой такой же

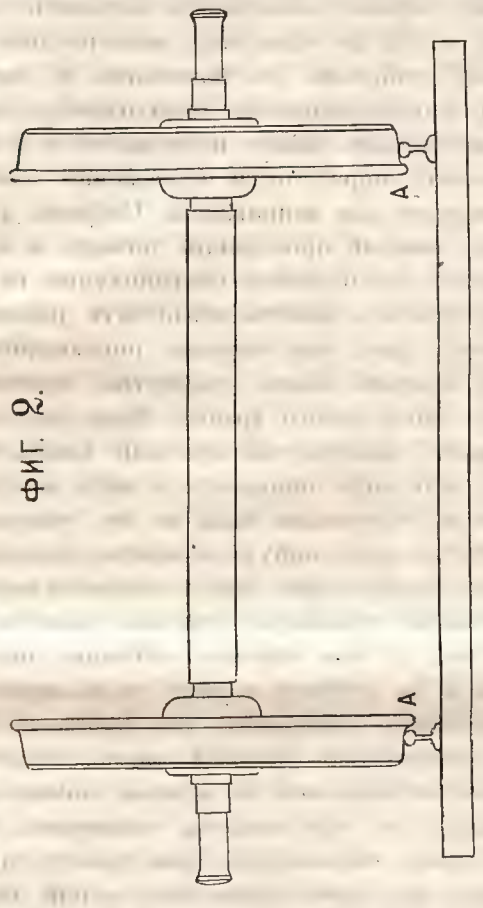


Фиг. 1.

путь. Спрашивается, какъ перевести вагонъ съ пути Б на путь А? Очевидно, что то колесо, которое катилось по рельсу *в*, должно перейти на рельсъ *а*, и другое съ рельса *г* на рельсъ *б*. Поэтому рельсовую линію *в* изгибаютъ такъ, чтобы она мало-по-малу слилась съ линіей *а* и такъ же поступаютъ и съ *г*, т. е. понемногу сливаютъ эту линію съ *б*. Но тутъ-то и встрѣчается затрудненіе: какъ провести вагонныя колеса черезъ тѣ мѣста, гдѣ рельсовыя линіи встрѣчаются и пересѣкаются. Не было бы въ этомъ никакой трудности, если бы колеса просто катились по головкамъ рельсъ, какъ по полу и не имѣли бы закраинъ А. (фиг. 2), которыя находятся съ внутренней стороны обода и должны препятствовать колесамъ сходить съ рельсовъ въ ту или другую сторону. Очевидно, эти закраины, находясь всегда между рельсами, непремѣнно наткнутся на рельсы сосѣдняго пути въ мѣстахъ пересѣченія съ ними. Чтобы избѣжать этого, въ мѣстѣ *д*, гдѣ рельсы пересѣкаются между собою, вставленъ особаго устройства кусокъ съ вырѣзами, въ которые свободно могутъ проходить закраины колесъ. Этотъ кусокъ называется крестовиною. Далѣе, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ рельсовыя линіи должны сливаться между собой, два внутренніе куска ихъ *е* и *ж* связываются между собой желѣзными поперечинами и могутъ поворачиваться около шарнировъ такъ, что когда одинъ изъ нихъ прижатъ къ своей рельсовой линіи, другой въ это время отстаетъ отъ своей и въ образовавшуюся въ этомъ мѣстѣ щель свободно проходитъ закраина колеса.

Передвиженіе этихъ рельсовыхъ кусковъ произ-

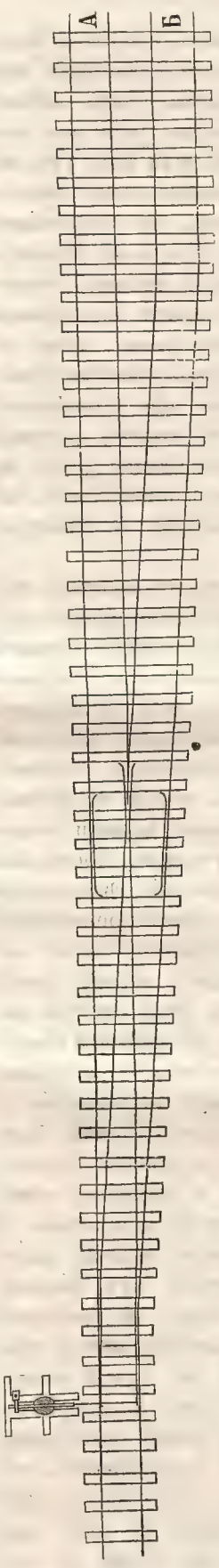
водится снаружи особымъ рычагомъ, связаннымъ съ ними желѣзной тягой. Это и называется стрѣлкой. *Фиг. 1* показываетъ такое положеніе стрѣлки, когда вагонъ или поѣздъ двигается по пути А, а *фиг. 3*, когда движеніе происходитъ по пути Б.



ФИГ. 2.

Изъ сказаннаго о стрѣлкѣ вы можете заключить, какое она имѣетъ значеніе для безопасности движенія. Если стрѣлка невѣрно поставлена, то поѣздъ попадетъ не на тотъ путь, куда слѣдуетъ, и при этомъ легко можетъ, наткнувшись на что нибудь, потерпѣть крушеніе. Поэтому казалось бы нелѣпостью, что управленіе стрѣлкою ввѣряютъ простому мужику, человѣку необразованному, и занимающему одно изъ низшихъ мѣстъ между желѣзно-дорожными служащими. Но, во-первыхъ, этотъ простой человѣкъ въ большинствѣ случаевъ очень хорошо понимаетъ какія страшныя послѣдствія повлечетъ за собою его небрежность и какой отвѣтственности подвергается онъ самъ за эту небрежность. Поэтому онъ, что называется, держитъ ухо востро. Во-вторыхъ, за стрѣлочникомъ существуетъ самый сильный надзоръ. Передъ приходомъ и отходомъ каждаго поѣзда начальникъ станціи обязанъ убѣдиться, что всѣ стрѣлки поставлены какъ слѣдуетъ, что стрѣлочники трезвы и находятся на своихъ мѣстахъ.

Наконецъ, на самыхъ стрѣлкахъ существуютъ особыя приспособленія, которыя еще издали показываютъ машинисту какъ поставлена стрѣлка, и въ случаѣ невѣрности ея постановки, онъ всегда успѣетъ остановить поѣздъ. Опишу одно изъ такихъ приспособленій: оно состоитъ изъ круга укрѣпленнаго на отвѣсномъ стержнѣ, соединенномъ съ тѣмъ рычагомъ, которымъ поворачивается стрѣлка. Въ прорѣзъ, сдѣланный въ кругѣ, вставленъ фонарь, имѣющій съ разныхъ сторонъ стекла разныхъ цвѣтовъ—бѣлаго, зеленаго и краснаго. При одномъ положеніи стрѣлки кругъ самъ собою поворачивается своей плоскостью къ подходящему поѣзду, при другомъ же становится къ поѣзду ребромъ. Ночью, когда круга за темнотою не видно, его замѣняетъ фонарь, поворачивающійся вмѣстѣ съ кругомъ, то тѣмъ цвѣтомъ, то другимъ къ машинисту, который конечно, долженъ знать какому положенію стрѣлки соотвѣтствуетъ, то или другое положеніе круга, тотъ или другой цвѣтъ огня въ фонарѣ.



Фиг. 3.

И такъ мы благополучно миновали всѣ стрѣлки, выѣхали на главный путь, и готовы покинуть станцію. Но прежде этого я возвращу васъ на минуту назадъ и обращу ваше вниманіе на нѣчто, что можетъ показаться человѣку непривычному довольно опаснымъ. Не замѣчали ли вы какъ близко проходятъ вагоны около разныхъ станціонныхъ построекъ: платформъ, столбиковъ, стрѣлокъ и проч. и никогда ни за что не зацѣпятъ. Паровозы, проходя подъ разными мостами и арками, чуть не касаются ихъ трубами, но тоже никогда не цѣпляются, а между тѣмъ вагоны и паровозы бываютъ разныхъ размѣровъ. Это происходитъ отъ того, что когда строятъ подвижной составъ, т. е. вагоны и паровозы, то самымъ тщательнымъ образомъ наблюдаютъ, чтобы ни одинъ

гвоздь или болтъ, не говоря уже о чемъ нибудь болѣе важномъ, не выступалъ больше извѣстнаго разстоянія отъ средины пути.

Чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что это условіе соблюдено, надъ путемъ вѣшаютъ сдѣланную изъ проволоки фигуру такой величины, чтобы вагонъ или паровозъ, имѣющій надлежащіе размѣры, свободно сквозь нея проходилъ; но если есть гдѣ нибудь часть, хотя бы самая незначительная, выступающая изъ положеннаго предѣла, она непремѣнно зацѣпится за проволоку и ее сейчасъ же удалятъ. Съ другой стороны, при постройкѣ всякихъ сооруженій близъ полотна желѣзной дороги, ихъ никогда не приближаютъ къ послѣднему ближе, чѣмъ то указывается вышеописанной проволочной фигурой. Этимъ достигается то, что вагонъ или паровозъ съ одной стороны, и сосѣднія съ полотномъ постройки съ другой—могутъ быть очень близки другъ къ другу, какъ то часто и бываетъ необходимо, однако никогда не должны цѣпляться и ломаться другъ объ друга.

Теперь, покончивъ со станціей, убѣдившись, что при добросовѣстномъ исполненіи станціонными служащими ихъ обязанностей, намъ не можетъ грозить въ предѣлахъ станціи никакая опасность, пустимся съ вами въ дальнѣйшій путь, на встрѣчу всякимъ невзгодамъ и случайностямъ, которыми полно воображеніе неопытнаго путешественника, и посмотримъ, что же дѣлается для того, чтобы мы пріѣхали столь же живыми и невредимыми, какими только что благополучно выѣхали со станціи. Постройка желѣзной дороги есть, какъ извѣстно, дѣло весьма сложное. Приходится побѣждать много препятствій, представляемыхъ природой: прорывать горы выемками или тонелями, переходить низкія мѣста насыпями, перекидывать черезъ рѣки мосты, засыпать болота и т. д. Понятно, что всѣ эти сооруженія съ теченіемъ времени портятся и разрушаются; ихъ размываетъ вѣшними половодьями и лѣтними ливнями. Вѣтеръ выдуваетъ изъ-подъ поперечинъ, на которыхъ лежатъ рельсы, песокъ; вода же, попавъ подъ рельсы и замерзая тамъ, выпучиваетъ ихъ и дѣлаетъ путь неровнымъ и опаснымъ; шпалы гніютъ и самые рельсы изнашиваются и могутъ даже лопаться отъ мороза. Наконецъ, находятся люди, которые по безумной злобѣ на одного какого-либо человѣка или по преступному желанію поживиться на чужой счетъ, разбираютъ скрѣпленія рельсъ и тѣмъ подвергаютъ страшной опасности поѣздъ со всѣми находящимися въ немъ людьми. Все это показываетъ, что для того, чтобы по желѣзной дорогѣ безопасно было ѣздить, недостаточно ее построить, но надо еще постоянно и неусыпно слѣдить за всѣми ея поврежденіями, во время ихъ исправлять и тщательно оберегать отъ всякихъ злостныхъ покушеній на ея исправность. Для этой цѣли на всякой желѣзной дорогѣ существуетъ такъ называемая линейная стража. На всемъ протяженіи желѣзной дороги, на разстояніи приблизительно одной версты другъ отъ друга, расположены домики, въ которыхъ живутъ линейные сторожа, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы по нѣскольку разъ въ день обходить свой участокъ съ молоткомъ и гаечнымъ ключемъ и осматривать все ли находится въ исправности, исправлять мелкое поврежденіе и о всякой значительной порчѣ пути немедленно сообщать кому слѣдуетъ для исправленія. Сторожъ долженъ встрѣчать каждый проходящій поѣздъ и если на его участкѣ все обстоитъ благополучно, то давать сигналъ, что онъ можетъ смѣло идти дальше. Это выражается тѣмъ, что сторожъ показываетъ машинисту зеленый флагъ, свернутый, притомъ, въ трубочку около своего древка. Если же сторожъ показываетъ развернутый зеленый флагъ, то это значитъ, что хотя опасности и нѣтъ, но требуется все-таки осторожная ѣзда на его участкѣ, гдѣ онъ замѣтилъ какія-нибудь не важныя поврежденія. Когда же сторожъ при обходѣ откроетъ порчу пути на столько серьезную, что она грозитъ поѣзду крушеніемъ, то онъ обязанъ, отбѣжавъ отъ опаснаго мѣста на встрѣчу поѣзду, на возможно большее разстояніе, остановить его, показавъ машинисту развернутый красный флагъ. Еслибы, по несчастью не оказалось въ нужный моментъ краснаго флага, то онъ можетъ остановить поѣздъ быстро махая чѣмъ-нибудь, даже просто руками; машинисту же строго приказано, всякій сигналъ, который дается ему съ пути или съ поѣзда, если онъ ему непонятенъ, принимать за сигналъ остановки и немедленно останавливать поѣздъ, такъ какъ лучше опоздать на нѣкоторое время, чѣмъ подвергать поѣздъ опасности крушенія. Ночью, или въ туманъ, когда флаговъ не видно, они замѣняются фонарями съ бѣлымъ, зеленымъ и краснымъ стеклами, причемъ бѣлый огонь замѣняетъ свернутый зеленый флагъ, зеленый огонь—тотъ же флагъ развернутый, а красный огонь—красный флагъ. Можетъ случиться, что на рельсы попадетъ или умышленно будетъ положено что-либо тяжелое, что, попавъ подъ колеса паровоза, можетъ произвести крушеніе поѣзда и линейный сторожъ не замѣтилъ во время грозящей опасности и не могъ поэтому ни устранить ее, ни остановить поѣзда. На этотъ случай, каждый паровозъ снабженъ спереди двумя прочными желѣзными полосами, спускающимися какъ разъ надъ рельсами, назначеніе которыхъ сталкивать съ нихъ все на нихъ лежащее. Во многихъ мѣстахъ, по протяженію желѣзной дороги, она пересѣкаетъ другія, грунтовыя дороги, большія почтовыя, шоссе и проселочныя. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ устроены особые переѣзды, а чтобы

проѣзжающія черезъ нихъ люди не могли попасть подъ поѣздъ и, погибнувъ сами, произвести также и его крушенія, съ той и другой стороны переѣзда ставится прочный барьеръ, отпирать и запирать который лежитъ на обязанности особаго сторожа. Ради той же безопасности запрещается проѣзжающимъ самимъ открывать барьеръ, ибо они не могутъ знать, когда это можно сдѣлать, когда—нельзя и большую ошибку дѣлаютъ тѣ, которые пренебрегаютъ этимъ правиломъ и своимъ легкомыслiемъ подвергаютъ страшной опасности свою и чужую жизнь.

Изъ сказаннаго видно, какая трудная служба лежитъ на линейныхъ и барьерныхъ сторожахъ, обязанныхъ встрѣчать каждый приходящій поѣздъ. Чтобы облегчить имъ это дѣло и въ то же время увеличить безопасность движенія поѣзда, на нѣкоторыхъ дорогахъ введены еще особые сигналы, помощью которыхъ со станціи при отправленіи поѣзда, объ этомъ дается знать звономъ колокола, не только на слѣдующую станцію, но и на всѣ переѣзды, лежащія между ними. Объяснять вамъ ихъ устройство, было бы долго, поэтому я только скажу, что они дѣйствуютъ электричествомъ и устроены такъ, что когда звонятъ въ этотъ колоколъ на станціи, то звонъ повторяется самъ собою на всѣхъ колоколахъ, поставленныхъ на переѣздахъ до слѣдующей станціи. По числу ударовъ колокола, сторожъ узнаетъ не только, что поѣздъ долженъ скоро пройти, но и съ какой стороны онъ пойдетъ. Этими же колоколами дается сторожамъ особый сигналъ тревоги, услыхавъ который, они должны останавливать краснымъ флагомъ или фонаремъ всякій поѣздъ, какой только увидятъ. Бываютъ случаи, что это необходимо сдѣлать, чтобы предупредить несчастіе, напримѣръ, когда со станціи угонитъ вѣтромъ вагоны на встрѣчу идущему поѣзду.

Какъ только съ поѣзда замѣтили сигналъ остановки, сейчасъ же машинистъ закрываетъ паръ и какъ онъ, такъ и кондуктора начинаютъ тормозить. Торможеніе заключается въ томъ, что къ ободамъ колесъ, при помощи особыхъ рычаговъ, сильно прижимаютъ деревянныя или чугунныя колодки, которыя, затрудняя движеніе колесъ, останавливаютъ поѣздъ. На нѣкоторыхъ дорогахъ введены тормаза, дѣйствующіе при помощи сжатаго или разрѣженнаго воздуха; при этихъ тормозахъ всякій пассажиръ можетъ остановить поѣздъ, повернувъ особый кранъ, помѣщенный въ каждомъ вагонѣ. Это бываетъ необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда пассажиръ раньше другихъ замѣтилъ какое-либо несчастіе, напримѣръ, упавшаго изъ вагона человѣка или пожаръ въ поѣздѣ. Самособою разумѣется, что пользоваться возможностью остановить поѣздъ, безъ уважительныхъ на то причинъ, строго запрещается и виновный въ томъ подвергается отвѣтственности по закону.

Когда воздушныхъ тормазовъ нѣтъ, то чтобы дать возможность какъ кондукторамъ, такъ и всякому пассажиру, замѣтившему опасность дать знать на паровозъ объ необходимости остановки, черезъ весь поѣздъ протянута веревка, привязанная къ паровозному свистку. Если потянуть веревку, раздается свистъ и машинистъ немедленно остановитъ поѣздъ.

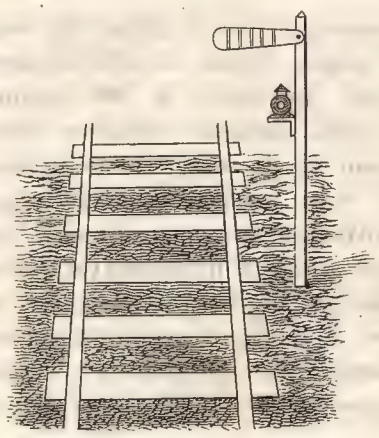
Когда поѣздъ остановится среди пути то сейчасъже принимаются мѣры, чтобы на него не могъ наѣхать другой поѣздъ. Для этого на 300 сажень отъ того и другаго конца поѣзда ставятся люди съ красными сигналами въ рукахъ, а еще дальше на рельсы кладутся такъ называемыя петарды. Эти петарды представляютъ изъ себя какъ бы лепешку сдѣланную изъ жести и начиненную взрывчатымъ составомъ. Когда паровозъ, наѣхавъ на петарду, раздавитъ ее, то раздается громкій трескъ, показывающій машинисту, что впереди есть какое-то препятствіе, которое требуетъ отъ него немедленной остановки.

И такъ, вы видите, что не мало мѣръ принимается къ тому, чтобы сдѣлать по возможности безопаснымъ движеніе поѣзда между станціями и благодаря которымъ мы съ вами цѣлыми и невредимыми прибыли къ мѣсту назначенія; но вашъ страхъ еще не совсѣмъ разсѣялся и не безъ основанія: поѣздъ еще не остановился у станціи и, входя въ ея предѣлы долженъ миновать много стрѣлокъ, обойти разныя сооруженія и вагоны, стоящія на другихъ путяхъ; что, если по ошибкѣ или недостатку времени для ихъ уборки, часть этихъ вагоновъ окажется на пути слѣдованія нашего поѣзда и мы, столкнувшись съ ними, попадамъ вмѣсто дома въ больницу. Вы помните, конечно, что отправленію поѣзда съ предъидущей станціи предшествовало разрѣшеніе начальника той станціи куда поѣздъ долженъ идти: но давая такое разрѣшеніе, начальникъ станціи имѣетъ въ виду что до прихода поѣзда у него еще есть время сдѣлать всѣ станціонные маневры и освободить тѣ станціонные пути по которымъ поѣздъ долженъ пройти. Если же онъ этого сдѣлать не успѣлъ, или же на станціи случилось что либо такое, что не позволяетъ ему принять поѣздъ уже идущій къ нему, то онъ всегда имѣетъ возможность остановить этотъ поѣздъ, не впуская его не станцію. Для этой цѣли ему служитъ такъ называемый семафоръ (ф. 4 и 5) или красный дискъ (ф. 6 и 7), поставленные на довольно большомъ разстояніи отъ станціи. Первый состоитъ изъ высокой мачты, къ которой прикрѣплена доска, могущая поворачиваться такъ что въ одномъ своемъ положеніи она виситъ свободно вдоль мачты (ф. 5) въ дру-

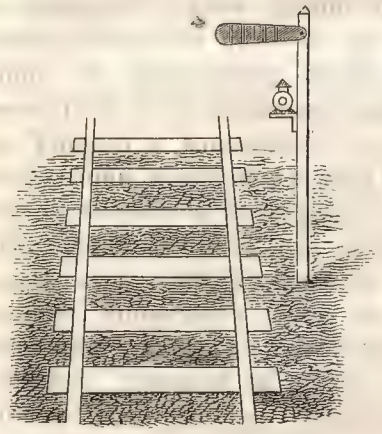
гомъ направлена въ сторону (ф. 4). Эти повороты доски производятся при помощи рычага находящагося на самой станціи, отъ котораго тянется къ семафору проволока. Когда машинистъ, подъѣзжая къ станціи, увидитъ, что доска на семафорѣ опущена, то смѣло въѣзжаетъ на станцію, если же она окажется направленной въ сторону, то сейчасъ же останавливаетъ поѣздъ, не проѣзжая семафора, и стоитъ до тѣхъ поръ, пока семафорная доска, опустившись, не покажетъ ему, что онъ можетъ въѣхать. Иногда семафоръ замѣняется краснымъ дискомъ состоящимъ изъ круга окрашеннаго въ красную краску, укрѣпленнаго на отвѣсномъ стержнѣ и поворачиваемаго со станціи помощію рычага и проволоки. Когда кругъ обращенъ плоскостію поперекъ пути, такъ что весь виденъ съ подходящаго поѣзда (фиг. 6), это значитъ что станція закрыта и машинистъ долженъ остановиться. Если же онъ обращенъ вдоль пути (ф. 7) и машинистъ видитъ только его ребро то значитъ входъ на станцію разрѣшается. Для ночнаго и туманнаго времени, когда нельзя разсмотрѣть что показываетъ семафоръ, какъ на немъ, ниже доски, такъ и на красномъ дискѣ имѣются фонари, которые показываютъ подходящему поѣзду зеленый огонь при свободномъ входѣ на станцію и красный—когда требуется остановка. Эта перемѣна цвѣта огня въ фонарѣ производится помощью цвѣтныхъ стеколъ, передвигаемыхъ передъ фонаремъ одновременно съ передвиженіемъ доски или круга тѣмъ же рычагомъ и проволокой. Еще дальше отъ станціи чѣмъ семафоръ, устанавливается на деревянномъ столбѣ зеленый кругъ съ зеленымъ же фонаремъ въ серединѣ. Назначеніе круга то, чтобы обратить вниманіе машиниста на близость станціи и дать ему возможность принять заблаговременно мѣры къ замедленію хода поѣзда и даже полной его остановкѣ передъ семафоромъ, если этотъ послѣдній покажетъ что станція закрыта.

И такъ, мы окончили нашъ путь и казалось-бы, что при всѣхъ тѣхъ мѣрахъ безопасности, которыя я описалъ, почти невозможны никакіе нечаянные случаи на желѣзныхъ дорогахъ, но, къ сожалѣнію, и эти мѣры не всегда оказываются дѣйствительными, какъ по несовершенству самыхъ аппаратовъ, такъ и по небрежности или нерадѣнію лицъ

Фиг. 4.

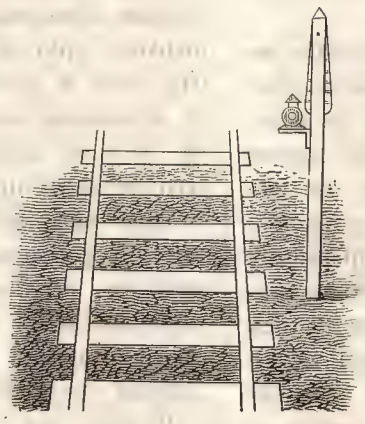


Днемъ. Входъ закрытъ.

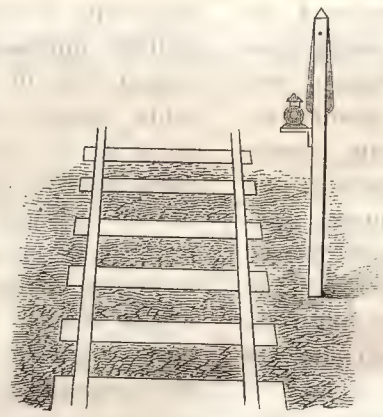


Ночью. Входъ закрытъ.

Фиг. 5.

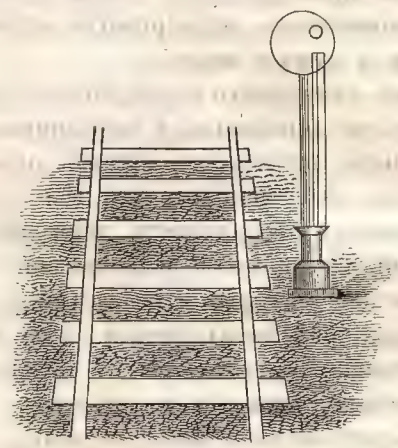


Днемъ. Входъ открытъ.

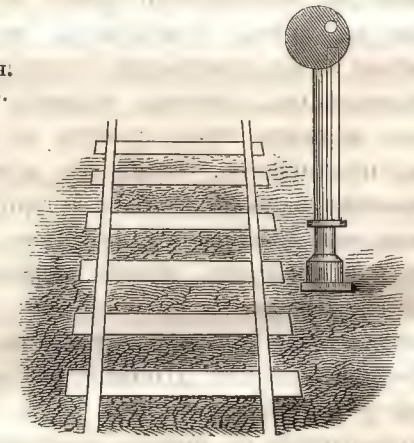


Ночью. Входъ открытъ.

Фиг. 6.



Днемъ. Входъ закрытъ.

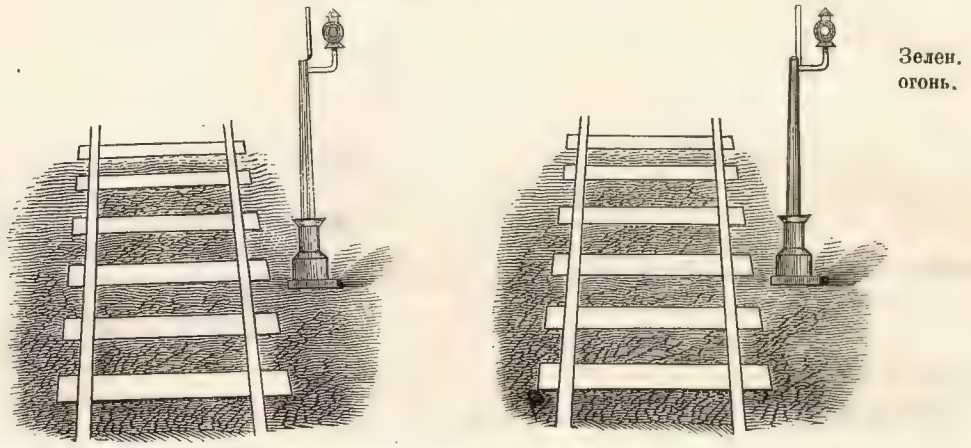


Ночью Входъ закрытъ.

обязанныхъ пещись объ этой безопасности. Но слѣдуетъ прибавить что дѣло это не стоитъ неподвижно и постоянно обогащается все новыми и новыми изобрѣтеніями направленными къ той же цѣли безопасности. Что касается до правильнаго пассажировъ отъ всякихъ опасныхъ случайностей при движеніи поѣздовъ.

Такимъ образомъ вы видите что, какъ говоритъ пословица: „не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ“ и, принимая во вниманіе, что въ насто-

Фиг. 7.



Днемъ. Входъ открытъ. Ночью. Входъ открытъ

и аккуратнаго примѣненія этихъ мѣръ, то на каждой дорогѣ сверхъ своего надзора есть еще и правительственный надзоръ черезъ особыхъ чиновниковъ называемыхъ инспекторами, которые обязаны наблюдать за тѣмъ чтобы неукоснительно исполнялось все что только клонится къ предохраненію

яще время число несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ гораздо меньше, чѣмъ въ первое время послѣ ихъ изобрѣтенія, можно надѣяться, что настанетъ такое время когда ко всѣмъ удобствамъ представляемымъ желѣзными дорогами присоединится и полная безопасность ѣзды по нимъ.

БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
1.	О жемчугѣ, особливо ручьевомъ **Н. Ю. Зографа**	1
2.	Полезные гады. **А. А. Тихомирова**	3
3.	Коллекція плавающихъ птицъ. **В. А. Вагнера**	9
4.	Животныя морской глубины. **В. П. Зыкова**	17
5.	О нѣкоторыхъ животныхъ, которыя существовали въ Европейской Россіи, а теперь исчезли, или сдѣлались очень рѣдкими. **В. А. Вагнера**	19
6.	Мѣлъ и каменный уголь. **В. А. Вагнера**	25
7.	Объ уродахъ. **В. А. Вагнера**	31
8.	Враги лѣса. **Я. Ѳ. Хрущова**	35
9.	Тресковый промыселъ на Мурманскомъ берегу Архангельской губерніи. **Е. М. Дементьева**	42
10.	Объ электричествѣ. **Д. А. Гольдгаммера**	46
11.	О силѣ и другихъ явленіяхъ. **А. Х. Репмана**	49
12.	О магнитахъ и электромагнитахъ. **Д. А. Гольдгаммера**	51
13.	Объясненіе коллекцій акустическихъ и оптическихъ снарядовъ. **А. Х. Репмана**	55
14.	Объясненіе коллекцій машинъ статическаго электричества. **А. Х. Репмана**	57
15.	О солнечномъ затменіи. **А. Х. Репмана**	60
16.	О механическомъ анализѣ почвы и приборахъ, употребляемыхъ при этомъ. **А. П. Адріановскаго**	63
17.	Объясненіе коллекціи металловъ. **П. П. Петрова**	67
18.	О бѣленіи. **И. А. Каблукова**	71
19.	О растительныхъ маслахъ. **Я. Я. Никитинскаго**	73
20.	Нефть и керосинъ. **К. И. Тумскаго**	76
21.	Объясненіе коллекцій по сахароваренію. **Я. Я. Никитинскаго**	79
22.	Коллекціи по смолокуренію: **Я. Ф. Хрущова**	81
23.	О желѣзныхъ дорогахъ. **П. Худякова**	84
24.	Мѣры предосторожности для безопасной ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ **А. Ѳ. Щеглова**	86

Географическое общество БИБЛИОТЕКА

Проверено
1953 г.